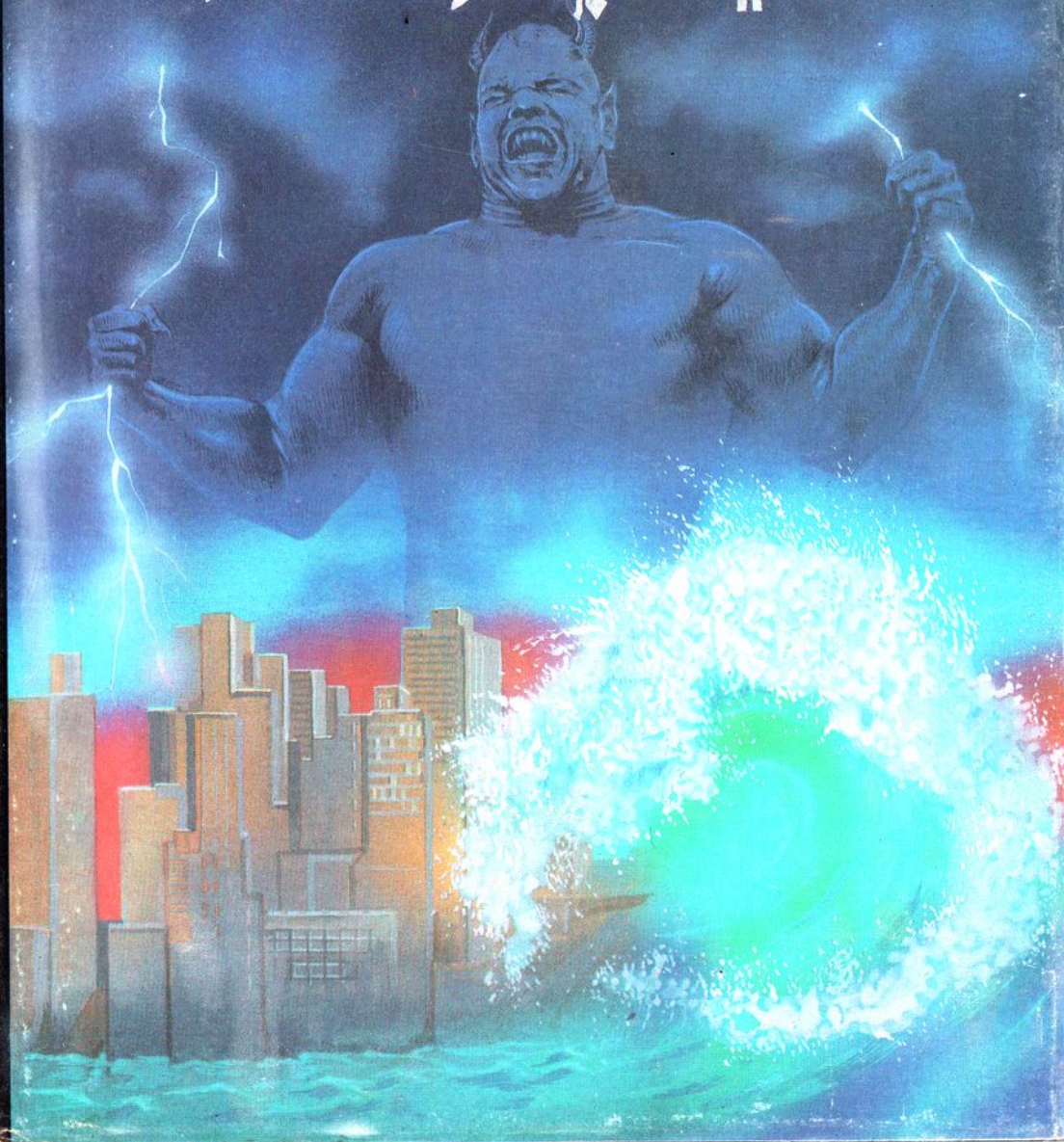
ПАРРИ НИВЕН,
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

ПАРРИ НИВЕН,
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

ЛАРРИ НИВЕН,
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

ЛАРРИ НИВЕН, ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

БЕСКОНЕЧНАЯ СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА 1993

LARRY NIVEN,
JERRY POURNELLE

LUCIFER'S HAMMER

ЛАРРИ НИВЕН,
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

ББК 84.7США
Н87

Ларри Нивен, Джерри Пурнелл
Н 87 Знаменитый роман американских авторов, ставший бестселлером № 1, рассказывает о силе человеческого духа, проявленной во время ужасающего всемирного катаклизма.

ISBN 5-86435-002-8

© Художественное оформление. Рудько С.В., Рудько Е.В. 1993

ПРОЛОГ

До того как вспыхнуло Солнце, до того как образовались планеты, был хаос. И были кометы. Заполняющий межзвездное пространство хаос начал где-то сгущаться. Масса хаоса была достаточно велика, чтобы он не рассеивался в пространстве, и сгущение продолжалось. Образовались бурлящие водоворотами клубы. Частицы пыли и замерзшего газа сближались, касались друг друга, слипались. Сформировались хлопья, а затем и состоящие из замерзших газов снежные комки. Шли века. Образовалось нечто вроде водоворота, имеющего пять световых лет в поперечнике. Центр водоворота становился все плотнее. Отдельные местные сгущения, с бешеной скоростью вращающиеся вокруг центра, начали разрушаться; формировались планеты.

Вдали от оси водоворота сформировалось *это*. Оно представляло собой снежное облако. Частицы льда и снега соединялись воедино. Соединялись медленно, очень медленно, каждый раз — по нескольку молекул метана, аммиака, двуокиси углерода. Время от времени облако сталкивалось с более плотными образованиями и включало их в себя. Таким образом, теперь в его состав входили и камни, и железо. Это было уже отдельно существующее, вполне устойчивое скопление. Формировались все новые льдинки, образовывались химические соединения, которые могли быть устойчивыми лишь в холоде межзвездного пространства.

Скопление достигало четырех миль в поперечнике, когда пришла беда.

Катастрофа наступила внезапно. Она продолжалась не более пятидесяти лет — ничтожное мгновение, если сопоставить со временем жизни скопления. Центр водоворота обрушился внутрь себя. Яростным пламенем вспыхнуло новое Солнце.

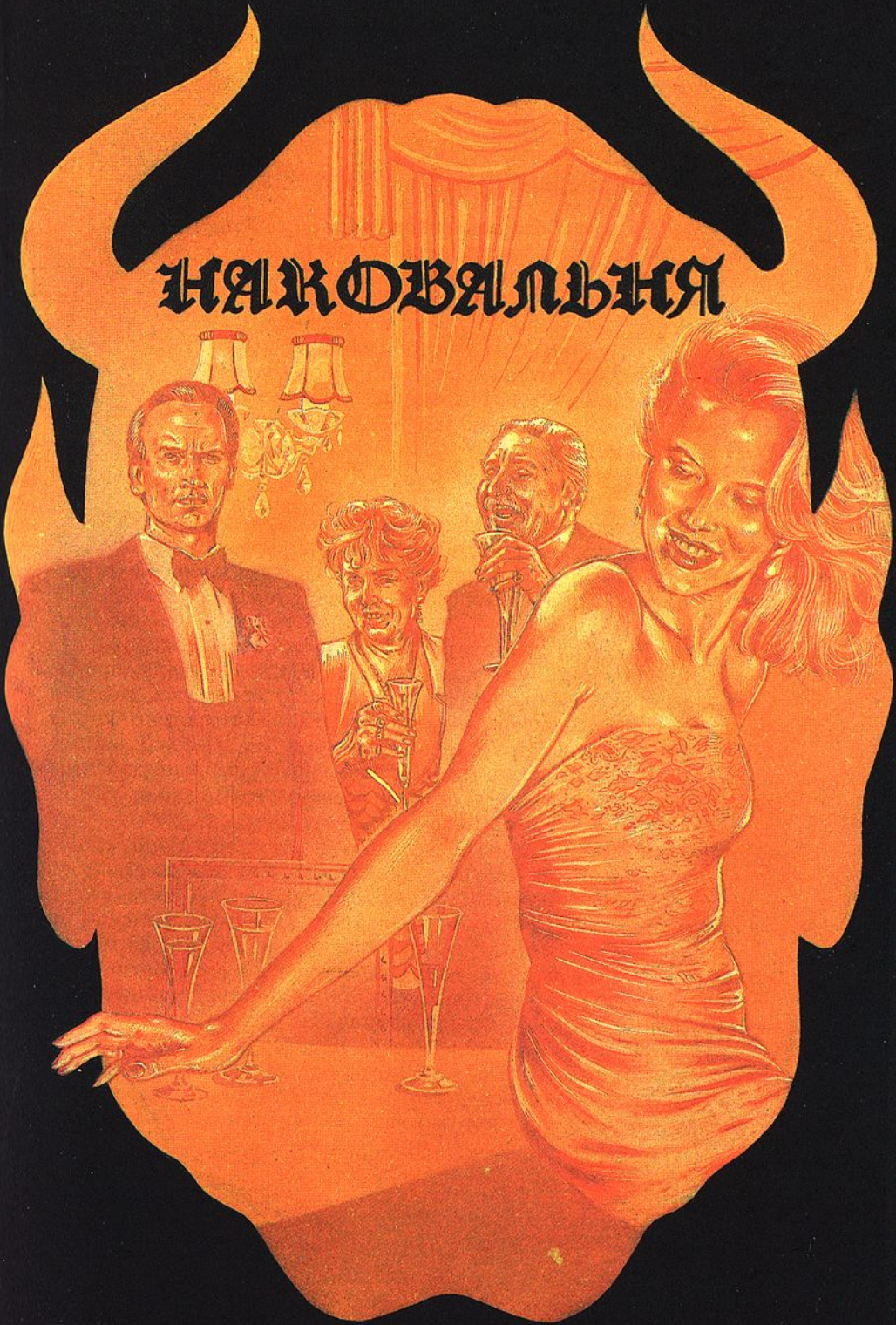
Мириады комет испарились в этом адском огне. Планеты лишились атмосферы. Сильнейший солнечный ветер вымел из центральных областей системы весь свободный газ и всю пыль и унес их к звездам.

Но для скопления изменение оказалось почти незаметным. Оно находилось в двести раз дальше от Солнца, чем недавно образовавшаяся планета Нептун. Новое Солнце было для скопления не более чем необычайно яркой, постепенно тускнеющей звездой.

Во внутренних областях гигантского водоворота царила яростная активность. Кипели выделяемые камнями газы. В морях третьей планеты образовались сложные химические соединения. Газовые гиганты вскипали от пересекающих их вдоль и поперек нескончаемых ураганов. Внутренним мирам неизвестно спокойствие.

Подлинное спокойствие существует лишь там, где начинается межзвездное пространство,— в той внешней оболочке, где плавают миллионы разделенных громадными расстояниями комет. И от каждой кометы до ближайшей ее сестры — как от Земли до Марса. Кометы плывут сквозь холодный черный вакуум. Здесь, в оболочке, их бесконечная дрема может длиться миллионы лет... но не вечно. Ничто не бывает вечным.

НАКОВАЛЬНЯ

Со скукой бессильны бороться даже боги.
Ницше

ЯНВАРЬ: предзнаменование

Все лавры повяли в нашей стране,
И звезды в небе, как страшные метеоры.
Жажда крови во взгляде глядящей на Землю
бледной Луны,
И в шепоте прозорливых пророков
Можно расслышать: грядут ужасные перемены.
Все эти знаки предзнаменуют падение
Или смерть королей.

Вильям Шекспир.
Ричард III

Голубой «мерседес» свернул с бокового шоссе Биверли-Хиллз и подъехал к особняку ровно в пять минут шестого. Джулия Суттер была чрезвычайно изумлена:

— Господи Боже, Джордж, это Тим! И точно к назначенному времени!

Джордж Суттер, встав рядом с ней, выглянул из окна. Да, это машина Тима. Хмыкнув, он вернулся к бару. Званые вечера, устраиваемые его женой, всегда считались важным событием. А этому вечеру предшествовали недели заботливой подготовки. Так почему она так боялась, что никто не явится? Этот психоз стал настолько распространенным, что ему бы уже следовало подобрать название.

Вот явился Тим Хамнер, причем явился вовремя. Это странно. Тим — представитель третьего поколения богатой семьи. По стандартам Лос-Анджелеса, это старые деньги, а денег у Тима много. Он посещает только те вечера, где ему хочется быть самому.

Архитектор Суттеров, должно быть, любил конкретность: прямоугольные углы дома, а в саду — мягко изогнутые, прихотливые формы бассейнов. Это не является необычным для Биверли-Хиллз, но те, что с востока, изумлены. По их мнению, справа должна стоять традиционная вилла в стиле «Монтре» — белые оштукатуренные стены и красная черепичная крыша. А слева — норманнский замок, магическим образом перенесенный в Калифорнию. Особняк Суттеров был расположен вдали от улицы, как и предписывалось отцами города для этой части Биверли-Хиллз. Так далеко, что, казалось, высокие пальмы не имеют к дому никакого отношения. К

самому дому, изгибаясь огромной петлей, вела подъездная аллея. Возле крыльца стояли восемь слуг, назначенных помогать в парковке автомобилей. Все восемь — проворные молодые люди в красных куртках.

Не заглушая мотора, Хамнер вылез из автомобиля. Взвизгнул автоматический напоминатель. В обычных условиях Тим не преминул бы огрызнуться, в сильнейших выражениях проехавшись по поводу геморроя Ральфа Надера, но сейчас он не обратил на визг никакого внимания. Взгляд Тима был задумчив, рукой он похлопал по карману, затем полез внутрь. Слуга-парковщик заколебался: на чай обычно дают лишь перед самым отъездом. Хамнер шествовал не спеша, и слуга испарился.

Хамнер взглянул вслед одетому в красное юнцу. Возможно, этот парень, а может еще кто-нибудь, интересуется астрономией. Эти ребята почти всегда из Лос-Анджелесского университета, либо из Университета Лойолы. А что, возможно... С неохотой он решил, что быть такого не может. Тим вошел в дом. Рука его, то и дело сбиваясь с пути, залезала в карман — ощутить, как шуршит под пальцами телеграмма.

Огромные двойные двери отворились, открывая обширное, тянущееся вдоль всего дома пространство. Высокие арки, облицованные красным кирпичом, отделяли прихожую от жилых помещений. Это был просто намек на стены, долженствующие разделять комнаты. Пол — вдоль всего дома — один и тот же: коричневый кафель, расписанный яркими мозаичными узорами. Здесь можно было бы принять две сотни и даже более гостей. А возле бара сгрудилось не менее дюжины. Они весело и оживленно разговаривали — несколько более громко, чем необходимо. Гости выглядели как-то потерянно среди этого пустого пространства, сплошь уставленного столами. На столах — расшитые скатерти и свечи. Слуги в форменной одежде — их почти столько же, сколько гостей. Хамнер всего этого не замечал: он сам вырос в подобной же обстановке.

Джулия Суттер покинула крошечную группу гостей и поспешила навстречу Тиму. Глаза ее были накрашены, лицо приподнято — и лицо это выглядело моложе рук Джулии. В дюйме от щеки Тима она сделала губами похожее на поцелуй движение.

— Тимми, я так рада видеть вас!— А затем она увидела его сияющую улыбку. Она чуть отшатнулась, глаза ее сузились. Она как бы поддразнивала его, но в ее голосе прозвучала подлинная тревога:

— Боже мой, Тимми, чего вы накурились?

Тим Хамнер был высоким и костлявым. И маленький намек на брюшко, как раз чтобы не создалось впечатления об излишней худобе его фигуры. Его длинное лицо было создано для меланхолии. Семья его матери владела приносящим весьма высокий доход кладбищем (с моргом); происхождение выказывало себя. Сегодняшним

вечером, однако, его лицо было прорезано ослепительной улыбкой, а в глазах сиял странный свет.

— Комета Хамнера—Брауна! — сказал он.

— О! — Джулия вытаращила глаза.— Что?

Услышанное ею не имело смысла, нельзя купить комету. Она попыталась справиться с изумлением, а глаза ее тем временем прыгали то к мужу: успел ли он уже выпить вторую рюмку?— то к двери: когда там придут остальные гости? Приглашения были сформулированы достаточно ясно. Самые, пожалуй, важные гости уже пришли. Они пришли рано, не так ли? И они не могут ждать допоздна...

Она услышала, что снаружи глухо урчит мотор большой машины. Сквозь узкие, обрамляющие дверь окна увидела, как из темного лимузина высыпало с полдюжины народу. Тим может сам позаботиться о себе. Она похлопала его по руке:

— Как это мило, Тимми. Извините меня, ладно?

Поспешная, выражающая нечто интимное улыбка, и Джулия исчезла.

Если все это и смутило Хамнера, то он ничем не показал этого. Он подошел к бару. Сзади Джулия шла приветствовать самого важного гостя — сенатора Джеллисона и его свиту. Он всегда прихватывал с собой как членов своей семьи, так и своих помощников. Когда Тим Хамнер добрался до бара, улыбка его сделалась просто ослепительной.

— Добрый вечер, мистер Хамнер.

— Добрый вечер. Сегодня у меня радужное настроение. Поздравьте меня, Родригес, они собираются присвоить комете мое имя!

Микаэль Родригес, расставлявший стаканы за стойкой бара, чуточку смешался:

— Комета?

— Ага. Комета Хамнера—Брауна. Она приближается, Родригес. В... мм... примерно в июне — несколько недель в ту или в другую сторону,— и ее уже будет видно.— Хамнер вытащил телеграмму и с треском развернул ее.

— Мы отсюда, из Лос-Анджелеса, ее не увидим.— Родригес рассмеялся.— Чем я могу быть вам полезен?

— Шотландского. Вы *сможете* увидеть ее. Она, возможно, величиной с комету Галлея.

Хамнер взял стакан и огляделся. Вокруг Джорджа Суттера собралась целая группа. Люди, словно магнит, притягивали сейчас Тима. В одной руке у него была зажата телеграмма, в другой — стакан с выпивкой.

Джулия, встречая новых гостей, вводила их в дом.

Сенатор Артур Клэй Джеллисон чем-то напоминал кирпич. Он был скорее мускулист, чем тучен. Это был грузный, общительный

человек, украшенный густой седой шевелюрой. Он был невероятно фотогеничен, и его могла узнать в лицо добрая половина страны. Его голос звучал точно так, как он звучал во время телевизионных передач: резонирующий, обходительный голос, так что все, что говорил сенатор, обретало некую таинственную значимость.

У Маурин Джеллисон, дочери сенатора, были длинные темно-рыжие волосы и бледная, чистая кожа. И красота, от которой в любое другое время Тима Хамнера охватил бы приступ застенчивости. Но когда Джулия Суттер обернулась и — наконец-то! — сказала: «Так что там насчет?..», он не смутился.

— Комета Хамнера—Брауна! — Тим взмахнул телеграммой.— Китт-Пикская обсерватория подтвердила мои наблюдения! Это действительно комета, *моя комета*, и ей присваивают мое имя!

Маурин Джеллисон чуть подняла брови. Джордж Суттер осушил свой стакан. Лишь после этого задал очевидный вопрос:

— Кто такой Браун?

Хамнер пожал плечами.

— Никогда не слышал о нем,— сказал Тим.— Но Международное астрономическое объединение утверждает, что он обнаружил комету одновременно со мной.

— Таким образом, вы владелец половины кометы,— сказал Джордж Суттер.

Тим совершенно искренне рассмеялся:

— Джордж, в тот самый день, когда вы станете владельцем половины кометы, я куплю все те акции, которые вы так упорно стараетесь мне продать, и я всю ночь буду поить вас за свои деньги.— Двумя глотками он прикончил свое виски.

Когда он поднял взгляд, то обнаружил, что слушатели смеялись. Джордж направлялся обратно к бару. Джулия завладела рукой сенатора Джеллисона и вела его знакомить с новоприбывшими. По пятам за ней следовали помощники сенатора.

— Половина кометы — это очень много,— сказала Маурин. Тим Хамнер обернулся и обнаружил, что она все еще остается на прежнем месте.— Скажите мне, как вы вообще можете что-либо разглядеть сквозь смог?

В ее голосе звучал интерес, и глядела она с интересом. А ведь она могла уйти вместе с отцом. Шотландское согрело его. Тим принялся рассказывать ей о своей горной обсерватории. Ее — обсерваторию — отделяет от горы Вильсона не так уж много миль, но тем не менее она расположена в глубине гор Анжелос, так что свет Пасадены не мешает наблюдениям. Там у него сеть запасы пищи, и есть помощник, и он месяцами проводит ночные наблюдения неба. Он следит за уже известными астероидами, за спутниками иных планет, он приучает глаза и мозг к тому, чтобы они наизусть запом-

нили небо. Он все время наблюдал, ожидая найти точку света там, где ее не должно быть, найти аномалию, которая...

В глазах Маурин Джеллисон появилось знакомое ему выражение.

— Я уже надоел вам?

Она тотчас принялась извиняться:

— Нет, мне очень жаль, просто... одна случайная мысль.

— Я знаю, что иногда меня заносит.

Она улыбнулась, покачала головой, роскошные темно-рыжие волосы всколыхнулись.

— Нет, правда. Папа — член подкомитета по финансированию науки и астронавтики. Ему по нраву отвлеченные научные исследования, и это от него перешло ко мне. Я была просто... Вы — человек, знающий, чего он хочет, вот вы и нашли то, что искали. Не о многих можно сказать то же самое.— Внезапно она стала очень серьезной.

Тим смущенно рассмеялся:

— Что мне исполнить на бис?

— Да, действительно. Что вы будете делать в следующем случае: вы высадились на Луне, и тут выясняется, что программа космического полета пропала?

— Ну... Не знаю. Я слышал, что у высадившихся на Луне временами бывали определенные трудности...

— Пусть это вас не волнует,— сказала Маурин.— Сейчас вы на Луне. Наслаждайтесь.

* * *

Очищая улицы от смога, вдоль холмов Лос-Анджелеса дул сухой, горячий ветер, известный под названием «Санта-Анна». Уличные фонари светились в рано наступившей тьме. Гарви Рэнделл и его жена Лоретта катили в зеленом «торнадо» с опущенными стеклами. Приятно: летняя погода в январе. Доехали до особняка Суттеров. Гарви развернул машину к одетому в красную куртку слуге-парковщику. Подождал, пока Лоретта отрегулирует на лице выверенную улыбку. Потом они вместе прошли через громадный парадный вход. Обычная сцена для вечеринок, устраиваемых в Беверли-Хиллз. Сотня людей, рассыпавшихся между столиков. И еще сотня, собравшаяся группами. В углу музыкальный ансамбль негромко наигрывал что-то веселое. И певец, прилипший к микрофону, достаточно хорошо демонстрировал всем и каждому, в каком он экстазе.

Они поздоровались с хозяйкой и разделились. Лоретта нашла себе собеседников, а Гарви, выискав самую многочисленную группу

гостей, выяснил, где расположен бар. Гарри нравился двойной джин с тоником.

Иногда до него рикошетом доносились обрывки разговоров. «Понимаете, мы не разрешаем ему залезать на белый ковер. И получилось так, что кот стоял в самой середине ковра, а пес, как часовой, карауля, ходил по периметру...

...и вот в самолете, на одно сиденье впереди меня — прекрасный юный цыпленочек. Действительно, потрясающий цыпленок, хотя все, что я мог видеть,— это ее затылок и волосы. Я размышляю, как бы склеить ее, и тут она оборачивается и говорит: «Дядя Пит! А вы что здесь делаете?»

...парень, это очень даже помогает! Когда я звоню и говорю, что это *комиссионер* Роббинс, я каждый раз просто сдаю экзамен. С тех пор как мэр назначил меня, у покупателя нет права выбора. И права на ошибку».

Все эти обрывки и отрывки различных историй откладывались в памяти Гарви. Это профессиональное: Гарви Рэнделл занимался телевизионной документалистикой. Он не мог не слушать. Ему не хотелось. Люди вокруг нравились ему. Ему бы хотелось иногда иметь тот же образ мышления, что и у них...

Он оглянулся в поисках Лоретты, но она была недостаточно высока ростом, чтобы выделяться в этой толпе. Вместо этого он наткнулся взглядом на высоко взбитую, неправдоподобного — оранжево-рыжего — цвета прическу. Бренда Тей, заговорившая с Лореттой перед тем, как Гарви направился к бару. Отбиваясь локтями от приглашающих выпить, он начал пробираться в сторону Бренды.

— Двадцать миллиардов капусты, и за все это мы получили... скалы! С этими проклятыми гигантскими ракетами доллары — миллиардами!— текут как вода меж пальцев. Зачем мы тратим столько, когда могли бы за такие деньги получить...

— Дерьма коровьего,— сказал Гарви.

Джордж Суттер обернулся с изумлением.

— О, Гарви... Привет!.. То же самое и с «Шаттлом». Именно то же самое. Деньги, просто утекающие сквозь пальцы...

— Эти деньги тратятся не просто так.— Голос был чистый, мелодичный, громкий. Голос прервал разглагольствования Джорджа, и игнорировать его было невозможно. Джордж остановился на полуслове.

Гарви увидел эффектную рыжеволосую женщину в зеленом, оставляющем открытым одно плечо, вечернем платье. Он смотрел на нее, и ее глаза встретились с его глазами. Гарви первым отвел взгляд. Он улыбнулся и сказал:

— Сказанное вами означает то же самое, что и «дерьмо коровье»?

— Да. Только более основывающееся на фактах,— она усмехнулась, и Гарви, вместо того чтобы убрать улыбку, продолжал улыбаться. И тут она бросилась в атаку:— Мистер Суттер, НАСА не тратит предназначенные для «Аполлона» деньги на скобяные товары. Мы платим за исследования, как улучшить производство скобяных товаров, и на это у нас есть свои деньги и есть скобяные товары. Деньги, потраченные на знания, не есть деньги, утекающие, как вода между пальцами. Что касается «Шаттла», то это цена за выход туда, где мы можем познать действительно важное, и цена не такая уж большая...

Женское плечо и грудь игриво коснулись руки Гарви. Должно быть, это Лоретта. Это и была Лоретта. Он протянул ей ее порцию спиртного. Его собственный стакан был уже наполовину пуст. Когда Лоретта начала что-то говорить, он жестом призвал ее к молчанию. Сделал он это чуть более грубо, чем обычно, а ее протестующий взгляд проигнорировал.

Рыжеволосая туго знала свое дело. Если заботливо подобранные доводы разума и логики могут считаться аргументами, она выиграла. Но она выиграла и нечто большее: на нее были обращены взгляды всех мужчин. И все слышали ее протяжный, медленный, южный выговор, когда подчеркивается каждое слово. И все слышали голос, такой чистый и музыкальный, что всякий другой прерывающий голос казался бормочущим или заикающимся.

Неравное состязание кончилось, когда Джордж, обнаружив, что его стакан пуст, с видимым облегчением изчез в направлении бара. Торжествующе улыбаясь, девушка обернулась к Гарви, и он кивнул в знак поздравления:

— Я Гарви Рэнделл. Моя жена, Лоретта.

— Маурин Джеллисон. Очень приятно.— Она нахмурилась на полсекунды.— Теперь я вспоминаю: вы были последним американским репортером в Камбодже.— Она церемонно обменялась рукопожатиями с Гарви и Лореттой.— И не ваш ли вертолет, когда вы охотились за новостями, был сбит?

— Дважды,— гордо сказала Лоретта.— Гарви на себе вынес пилота. Нес его пятьдесят миль по вражеской территории.

Маурин степенно кивнула. Она была лет на пятнадцать моложе Рэнделлов и, похоже, в высшей мере умела владеть собой.

— Итак, теперь вы здесь. Вы местные?

— Я — да,— сказал Гарви,— а Лоретта из Детройта...

— Большущий городище,— автоматически сказала Лоретта.

— Но я-то родился в Лос-Анджелесе.— Гарви никогда не мог заставить себя сказать Лоретте хоть половину правды о ней.— Мы — редкость, мы — местные, туземцы.

— А чем вы занимаетесь в настоящее время?— спросила Маурин.

— Документалистикой, в основном кинохроникой.

— Я знаю, кто вы,— в некоем благородном страхе сказала Лоретта.— Я только что видела вашего отца, сенатора Джеллисона.

— Это верно,— Маурин поглядела на супругов задумчиво, затем широко улыбнулась.— Вот что. Если вы занимаетесь новостями, есть кое-кто, с кем вам следовало бы встретиться. Тим Хамнер.

Гарви нахмурился. Имя казалось знакомым, но откуда, он не мог вспомнить.

— Почему?

— Хамнер?— сказала Лоретта.— Молодой человек с наводящей страх улыбкой?— хихикнула она.— Он несколько пьян. Никому не дает слова сказать, вообще ни слова. Он владеет половиной кометы.

— Это он,— сказала Маурин и заговорщически улыбнулась Лоретте.

— Он также владеет мылом,— сказал Гарви.

Маурин взглянула на него с недоумением.

— Просто вспомнил,— сказал Гарви.— Ему досталась по наследству «Мыльная компания Кальва».

— Может быть. Но он больше гордится кометой,— сказала Маурин.— И я не порицаю его. Мой добрый старый папа, возможно, когда-нибудь станет президентом, но он никогда и близко не подойдет к открытию кометы.— Она начала оглядывать помещение, пока не обнаружила искомое.— Высокий мужчина, цвета костюма — белый и темно-красный. Вы узнаете его по улыбке. Встаньте где-нибудь поблизости от него, и он все сам вам расскажет.

Гарви почувствовал, как Лоретта тащит его за руку, и неохотно отвел взгляд от Маурин. Когда он оглянулся, кто-то уже увлек ее. Гарви пошел за следующей парой порций выпивки.

* * *

Как всегда, Гарви Рэнделл выпил слишком много. И хотелось бы ему знать, зачем он вообще ходит на эти званые вечера? Но он знал: Лоретта видит в таких вечерах способ участия в его жизни. Его выходы в поле ей наслаждения не доставляют. Единственная попытка взять ее с сыном в поход закончилась неудачей. Когда они вышли к месту назначения, ей захотелось остановиться в одном из фешенебельных отелей. Чувство долга заставило ее посещать предпочитаемые Гарви маленькие бары и места общественных увеселений. Но было очевидно, что ей стоило огромного труда скрыть, как она несчастна. Но на вечерах, подобных этому, она чувствовала себя как дома. Она даже ухитрилась приватно поговорить с сенатором Джеллисоном. Гарви оставил ее беседовать с сенатором и отправился за новой порцией спиртного.

— Побольше джина, Родригес, пожалуйста.

Бармен улыбнулся и, не комментируя, смешал коктейль. Гарви взял напиток. За одним из маленьких столиков в одиночестве сидел Тим Хамнер. Он смотрел на Гарви, но глаза его были полны дремы: они ничего не видели... и эта улыбка... Гарви пересек помещение и опустился в другое, стоящее у стола кресло.

— Мистер Хамнер? Гарви Рэнделл. Маурин Джеллисон сказала, что я должен произнести слово «комета».

Лицо Хамнера засветилось. Улыбка стала еще шире, если такое вообще было возможно. Он вытащил из кармана телеграмму и взмахнул ею:

— Верно! Сегодня днем наблюдение было подтверждено. Комета Хамнера—Брауна.

— Вы рассказываете не сначала.

— Она вам *ничего* не сказала? Что ж! Я Тим Хамнер. Нет, не профессионал, но оборудование у меня как у профессионала. И я умею обращаться с ним... Я астроном-любитель. Неделю назад я обнаружил недалеко от Нептуна пятнышко света. Но оно не принадлежало к данной области неба. Я продолжал наблюдать за ним: оно двигалось. Я изучал его достаточно долго, чтобы удостовериться, а затем сообщил о нем. Это новая комета. Китт-Пик подтвердил мое наблюдение. Международное астрономическое объединение решило назвать комету мои именем... и именем Брауна.

— Кто такой Браун?

Лицо Хамнера не изменилось.

— Гэвин Браун — это мальчик, живущий в Кентервилле, штат Айова. Построил себе телескоп из обломков зеркала. Он сообщил о комете тогда же, когда и я. По правилам Международного астрономического объединения это считается одновременным наблюдением. Если бы я не ждал до полной уверенности...— Хамнер пожал плечами и продолжал:— Сегодня днем я позвонил Брауну по телефону и послал ему билет на самолет: хочу встретиться с ним. Он не хотел сюда ехать, пока я не пообещал, что покажу ему солнечную обсерваторию на горе Вильсона. Вот все, что его по-настоящему интересует,— солнечные телескопы! Он обнаружил комету случайно!

— Когда мы увидим эту комету? То есть,— поправился Гарви,— можно ли будет ее вообще увидеть?

— Сейчас еще слишком рано задавать этот вопрос. Подождите с месяц. Следите за передачами новостей.

— Я не намерен следить за передачами новостей. Я намерен сообщать новости,— сказал Гарви.— И ваша комета — это, возможно, новость. Расскажите мне на эту тему еще что-нибудь.

Хамнер горел желанием сделать это. Тут же затрещал о своей комете. Гарви кивал, и улыбка его делалась все шире. Прекрасно! Весь этот поток слов означает, что оборудование для космических

наблюдений стоит дорого (и в придачу, вероятно, фотоприспособления — тоже). Дорогостоящее и тщательно сделанное оборудование. Но ребенок с изогнутой булавкой вместо крючка и ивовой палкой вместо удилища может поймать такую же большую рыбу, что и миллионер.

Миллионер.

— Мистер Хамнер, если окажется, что эта комета представляет интерес для документального кино...

— Что ж, такое возможно. Таким и должно быть открытие. Точно так же и астрономы-любители могут иметь такое же значение, как...

Чокнутый, ей-Богу!

— Я вот о чем собирался спросить вас. Если мы будем делать документальный фильм об этой комете, заинтересована ли «Мыльная компания Кальва» стать заказчиком такого фильма?

Выражение лица Хамнера немного изменилось, и все же оно изменилось. Гарви мгновенно изменил свое мнение об этом человеке. У Хамнера большой опыт встреч с людьми, охотящимися за его деньгами. Он энтузиаст, но едва ли дурак.

— Скажите мне, мистер Рэнделл, не вы ли делали тот фильм об аляскинском леднике?

— Да.

— От этого фильма воняло.

— Наверняка воняло,— согласился Гарви.— Заказчик настаивал на праве контроля. И получил это право. Мне не досталась по наследству процветающая компания. И к дьяволу вас, мистер Тимоти Комета Хамнера.

— А мне досталась. И это, пожалуй, неплохо. Фильм о дамбе Адских Ворот тоже вы делали?

— Да.

— Мне понравился этот фильм.

— Мне тоже.

— Хорошо.— Хамнер кивнул подряд несколько раз.— Понимаете, возможно, это будет ценный заказ. Даже если комету никогда не увидят, но я думаю, что она станет видимой. Бог знает, на что только тратятся деньги, какая только ерундовая реклама заказывается,— и никто не желает ее смотреть! Возможно, рассказать о комете — дело не менее важное. Гарви, вам придется взяться за это дело.

Они направились к бару. Вечер быстро шел к концу. Джеллисоны уже уехали, но Лоретта нашла себе другого собеседника. Гарви его узнал: это был городской советник. Тот бывал на студии Гарви, каждый раз преследуя одну и ту же цель: сделать передачу о городском парке. Вероятно, он решил, что Лоретта может повлиять на Гарви, что соответствовало действительности. И что Гарви может

повлиять на телекомпанию и на ее Лос-Анджелесскую студию, что было абсолютно смехотворно.

Родригес в данный момент был занят, и они встали у бара.

— Существуют различные типы приборов для изучения комет. Превосходное оборудование,— сказал Хамнер,— включая большой орбитальный телескоп, использовалось учеными только однажды — для изучения Кагоутека. Ученые всего мира хотят знать, чем отличаются кометы. В чем отличие Кагоутека от кометы Хамнера—Брауна. Многие ученые работают в наших краях. В Калифорнийском технологическом. Или планетарные астрономы из ИРД. Всем им захочется узнать побольше о комете Хамнера—Брауна.

Слово «Хамнер—Браун» резонировало, когда Тим Хамнер произносил это название. Было очевидно, что эти слова имели для него определенный вкус, и вкус этот ему нравился.

— Видите ли, комет в небе не так уж много. Они представляют собой остаток того гигантского газового облака, из которого формировалась Солнечная система. Если мы сможем действительно узнать что-либо о кометах (может быть, посылая к ним космические зонды), тогда мы больше узнаем о том первоначальном газово-пылевом облаке. На что оно походило до того, как обрушилось внутрь себя, породив Солнце, планеты, спутники планет и так далее.

— Да вы трезвы...— с удивлением сказал Гарви.

Слова эти просто поразили Хамнера. Затем он рассмеялся:

— У меня было намерение выпить, чтобы отпраздновать событие, но, полагаю, я говорил вместо того, чтобы пить.

Освободившийся к тому времени Родригес поставил перед ними бокалы со спиртным. Хамнер поднял свой бокал в знак приветствия.

— Все дело в том, как блестели ваши глаза,— сказал Гарви.— Я подумал, что вы пьяны. Но в том, что вы сказали, много смысла. Сомневаюсь, что мы сможем запустить космический зонд, но — какого черта! — можно попытаться. Вы говорили о чем-то большем, чем просто съемки документального фильма. Послушайте, есть какой-нибудь шанс? Я имею в виду, сможем ли мы отправить зонд *внутрь* кометы? Дело в том, что я знаю некоторых людей в аэрокосмической промышленности и...

И, подумал Гарви, из этого можно было бы сделать книгу. Хотелось бы знать, какого мне удастся найти редактора? И еще нужен Чарли Баскомб со своей камерой...

— Джеллисон тоже,— сказал Хамнер.— Он этим займется. Но, понимаете, Гарви... Мне многое известно о кометах, но не *так* уж и много. Сейчас это все догадки. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем комета Хамнера—Брауна достигнет перигелия.— И быстро добавил:— Ближайшей к Солнцу точке. Это не то же самое, что ближайшая к Земле точка...

— Как близко она пройдет от Земли?— спросил Гарви.

Хамнер пожал плечами.

— Орбита еще не совсем проанализирована. Может быть, близко. Во всяком случае, обогнув Солнце, комета Хамнера—Брауна начнет двигаться быстрее. Вырвавшись из кометного гало (это за орбитой Плутона), она прошла долгий путь. *Очень долгий.* Понимаете, я не могу точно рассчитать ее орбиту. Мне придется ждать, пока это сделают профессионалы. Ждать точно так же, как и вам.

Гарви кивнул. Они подняли свои бокалы и выпили.

— Но мне нравится эта идея,— сказал Хамнер.— *Научный* интерес к комете Хамнера—Брауна будет огромный. Но будет не вредно протолкнуть сведения о ней широкой публике. Эта идея мне нравится.

— Разумеется,— осторожно сказал Гарви,— прежде, чем я всерьез примусь за работу над этим, мне необходимо иметь твердое обязательство заказчика. Вы уверены, что «Мыльная компания Кальва» будет заинтересована в таком заказе? Передача, возможно, привлечет внимание публики, а может, и нет.

Хамнер кивнул.

— Кагоутек,— сказал он.— Они уже обожглись на этом раньше. Никому не хочется обмануться на одном и том же снова.

— Да.

— Так что можете рассчитывать на компанию. Давайте договоримся, что изучать кометы важно даже в том случае, если их нельзя разглядеть. Ибо я могу обещать вам заказ, но не могу обещать, что комета будет доставлена точно по обусловленному адресу. Возможно, она вообще будет невидима. Не обещайте публике ничего более этого.

— Я имею репутацию человека, честно излагающего факты.

— Если только не вмешивается заказчик,— сказал Хамнер.

— Даже в этом случае. Я честно излагаю факты.

— Хорошо. Но как раз сейчас нет никаких фактов. Хамнер—Браун — весьма большая комета. Она должна быть большой, в противном случае я бы не смог ее увидеть с такого далекого расстояния. И похоже, она пройдет очень близко от Солнца. Есть вероятность, что она будет представлять собой весьма импозантное зрелище, но как будут обстоять дела на самом деле, сказать невозможно. Может быть, ее хвост расплывется по всему небу... у-у-у... а может, солнечный ветер его вообще сдует. Все зависит от самой кометы.

— М-да. Вот что,— сказал Гарви,— можете ли вы назвать хоть одного репортера, потерявшего свою репутацию в результате случая с Кагоутеком?— И кивнул в ответ на озадаченный взгляд.— Верно. Ни одного. Это было бы невероятно. Публика ругала за научное вранье астрономов. Никто не ругал репортеров.

— А за что их ругать? Они только цитировали астрономов.

— Пусть так,— согласился Гарви.— Но мы цитировали тех, кто говорил что-нибудь интересное. Два интервью. Один говорит, что Кагоутек будет Великой Рождественской Кометой. Другой говорит: да, будет комета, но разглядеть ее без полевого бинокля будет вообще невозможно. Как вы полагаете, запись какого интервью будет передана в шестичасовых новостях?

Хамнер засмеялся. Осушил свой бокал. В этот момент к ним подошла Джулия Суттер.

— Заняты, Тим?— спросила она и, не дожидаясь ответа, добавила:— Ваш кузен Барри валяет дурака. Он на кухне. Вы можете доставить его домой?— Она говорила тихо, но настойчиво.

Гарви почувствовал ненависть к ней. Был ли Хамнер трезв? Вспомнит ли он утром хоть что-нибудь из этого разговора? Проклятье.

— Конечно, Джулия,— сказал Хамнер.— Извините.— Высвободившись он шагнул к Гарви.— Обязательно помните: наша серия о Хамнер—Браун должна быть честной. Даже если от этого она вздорожает. «Мыльная компания Кальва» может себе это позволить. Когда вы хотите начать работу?

Может быть, есть, в конце концов, в мире какая-то справедливость.

— Немедленно, Тим. Мне нужны будут фотографии: вы и Гэвин Браун на горе Вильсона. И его комментарий, когда вы показываете ему вашу обсерваторию.

Хамнер усмехнулся. Все это ему понравилось.

— Хорошо. Завтра созвонимся.

* * *

На другой кровати тихо спала Лоретта.

Гарви пристально смотрел в потолок достаточно долго. Знакомое ощущение. Нужно вставать.

Он встал. В большой кружке приготовил какао, отнес его в свой кабинет. Там его радушно приветствовал Киплинг, и, открывая драпри, Гарви рассеянно потрепал ладонью уши немецкой овчарки. Внизу в полутьме лежал Лос-Анджелес. «Санта-Анна» сдула прочь смог. Даже сейчас, в эти поздние часы, шоссе походили на реки движущегося света. Силуэты фонарей отмечали большие улицы. Гарви заметил впервые, что фонари горят оранжево-желтым светом. Хамнер сказал, что все эти огни здорово мешают наблюдениям обсерватории на горе Вильсона.

Город простирался бесконечно. Квартиры карабкались одна на другую — в тени, во тьме. Голубые прямоугольники еще светящихся плавательных бассейнов. Автомобили. Ярко вспыхивающий через определенные интервалы, подмигивающий огонь — полицейский

вертолет патрулирует город. Гарви отошел от окна. Подошел к письменному столу, взял книгу. Положил ее. Снова потрепал уши собаки. И очень осторожно — не доверял себе, старался не делать быстрых движений — поставил какао на стол.

Во время путешествий по горам, на лагерных привалах, он никогда не ощущал бессонницы. Просто когда стемнеет, он залезал в спальный мешок и спал всю ночь. Бессонницей он страдал в городе. Когда-то (уже прошли годы) он пытался бороться: недвижно лежал на спине. Теперь он ночами вставал и бодрствовал до тех пор, пока не ощущал сонливости. Трудностей, связанных с бессонницей, обычно не бывало, только по средам.

По средам они с Лоретой занимались любовью.

Когда-то он попытался сломать эту привычку, но это было давно, годы назад. Да, Лоретта приходила к нему в постель ночью по понедельникам. Но не всегда, и ни разу не приходила днем, когда было светло. И ни разу не было так хорошо, как по средам или субботам. Потому что в среду они знали, что предстоит, они были *готовы*. И теперь обычай укоренился, словно его отлили из бетона.

Он прогнал эти мысли и сконцентрировался на своей удаче. Итак, Хамнер решил. Будет сделан документальный фильм. Он обдумал возникающие проблемы. Нужен специалист в области фотографии при слабом освещении. Вероятно, время появления кометы будет определено с ошибкой. Вот будет забавно. Надо будет поблагодарить Маурин Джеллисон за то, что натолкнула меня на Хамнера, подумал он. Милая девушка. Яркая. Гораздо более здравомыслящая по сравнению с большинством встречающихся мне женщин. Плохо, что там была Лоретта...

Он прогнал эту мысль так быстро, что едва ли осознал ее. Это привычка, выработанная много лет назад. Он знал слишком много мужчин, убедивших себя в том, что они ненавидят своих жен. А на самом деле они не испытывали к ним даже неприязни. Далеко не всегда по ту сторону забора трава зеленее. Этому научил Гарви отец. И он никогда не забывал полученного от отца урока. Отец был строителем и архитектором. Всегда был близок к Голливуду, но ни разу не смог заполучить большой контракт, который бы сделал его богатым. А вот на голливудских званых вечерах он бывал часто.

У отца находилось время, чтобы брать с собой Гарви в горы. И, путешествуя, на привалах он рассказывал Гарви о продюсерах, о звездах, о писателя — о тех, кто тратит больше, чем зарабатывает. О тех, кто создает себе образ, который, возможно, никогда не найдет подтверждения. «Нельзя быть счастливым,— говорил Берт Рэнделл,— постоянно думая, что чужая жена в постели лучше или что она лучше смотрится на вечеринках. Нельзя быть счастливым, постоянно думая об этом: думаешь и наконец сам начинаешь в это

верить. Проклятые города приучают людей верить прессе, но никто не может жить согласно придуманным писаками грезам».

И все это было правдой. Грезы могут быть опасными. Лучше сконцентрироваться на том, что имеешь. И, подумал Гарви, имею я немало. Хорошая работа, просторный дом, плавательный бассейн...

Все это еще не оплачено, сказал чей-то злобный голос в его голове. А на работе ты не можешь делать то, что тебе бы хотелось.

Гарви проигнорировал сказанное.

* * *

В кометном гало — не только кометы.

Отдельные клубы и сгущения вблизи центра гигантского водоворота — этого вращающегося газового океана, в конце концов уничтожившего самого себя, чтобы образовать Солнце,— сконцентрировались в планеты. Страшный жар недавно родившейся звезды сорвал газовые оболочки с ближайших планет — остались лишь слитки расплавившегося камня и металлов. Расположенные дальше планеты остались в прежнем виде — гигантские газовые шары. Через миллиард лет человек назовет их именами своих богов. А кроме того, существовали сгущения, расположенные очень далеко от оси водоворота.

Одно сгущение образовало планету размером с Сатурн, причем масса планеты, собирая окружающее вещество, продолжала увеличиваться. Свет звезд освещал ее великолепные, широкие кольца. Поверхность планеты сотрясалась от штормов: ядро ее было страшно раскалено энергией, выделившейся при коллапсе. Гигантская орбита планеты была расположена почти вертикально к плоскости внутренних планет системы. Полный путь сквозь кометное гало — один оборот — занимал у планеты сотни тысяч лет.

Иногда вблизи черного гиганта проплывала сбившаяся с пути комета. И тогда ее втягивало в кольцо или в протянувшуюся на тысячи миль атмосферу. Иногда чудовищная масса планеты выталкивала ее в межзвездное пространство, где комета и исчезала навсегда. А иногда черная планета выбрасывала комету в гигантский водоворот, в адский огонь внутренней системы.

Они двигались медленно, плыли по устойчивым орбитам — эти мириады комет, выживших при рождении Солнца. Но когда мимо проходил черный гигант, орбиты делались хаотическими. Кометы, выброшенные в водоворот системы, могут — частично уже испаренные — вернуться обратно. И снова их поворачивает внутрь Мальстрема, снова и снова, пока от них ничего не останется, кроме облака, состоящего из камней облака. Но многие кометы вообще не возвращаются — никогда.

ЯНВАРЬ: интерлюдия

В вашем квартале вы должны быть первым, кто поможет отключить электросеть северо-востока.
«Ист-Виллидж-Азер» с гордостью объявляет о первом ежегодном затемнении, устроенном волками-оборотнями. Затемнение состоялось в три часа пополудни в среду 19 августа 1970 года. Давайте еще раз испытаем систему на прочность. Включите все электроприборы, до каких только сможете дотянуться. Помогите компаниям, занимающимся производством и распределением электроэнергии, улучшить их финансовые отчеты: потребляйте столько энергии, сколько удастся. Как можно больше. И даже в этом случае изыщите возможность потребить еще чуточку больше. Также включайте электронагреватели, тостеры, воздушные кондиционеры и прочую аппаратуру, потребляющую значительное количество электроэнергии. Включайте холодильники на максимум; оставив двери холодильников открытыми, вы сможете охладить большую квартиру — это очень забавно. Вечером Дня кутежа потребления мы соберемся в Центральном парке, чтобы повыть на луну.

ВКЛЮЧАЙТЕ! ШТЕПСЕЛЯ — В РОЗЕТКИ!
ВЫРУБАЙТЕ ЭЛЕКТРОСЕТЬ!

Больницы и другие подобные им учреждения предупреждены о том, что им следует принять необходимые меры предосторожности.

«Ист-Виллидж-Азер» (подпольная листовка). Июль 1970 г.

В ясный день видно далеко. Отсюда, с верхней точки здания «Ядерный проект Иоаквин», главному инженеру Барри Прайсу было отлично видно огромное, похожее на ромбовидное блюдце пространство, которое когда-нибудь станет морем, а сейчас является центром развития сельскохозяйственного производства Калифорнии. Отсюда долина Сан-Иоаквин протянулась на двести миль к северу, на пятьдесят — к югу. На низком холме, поднимающемся на двадцать футов над совершенно плоской долиной, высился незаконченный ядерный комплекс. Этот холм — самая высокая точка в окружности.

Суматоха деловой активности была заметна даже в эти утренние часы. Строительные бригады работали в три смены, работали

по ночам, по субботам и воскресеньям, и, будь воля Барри Прайса, они бы работали также в Рождество и на Новый год. В последнем приступе деятельности бригады закончили с реактором №1 и сделали хороший зачин для реактора №2. Другие бригады начали рыть котлованы для №№ 3 и 4... И ничто не сделано так, как надо. Первый закончен, но законники не разрешают запустить его.

Его письменный стол завален бумагами. Волосы Прайса подстрижены очень кротко, тонкие, как лезвие бритвы, усы щеголевато подбриты. Одет он в то, что его бывшая жена называла инженерной униформой: брюки цвета хаки, рубаха с эполетами цвета хаки, туристская куртка опять же с эполетами — цвета хаки, болтающийся на поясе портативный калькулятор (когда волосы Прайса были еще сплошь темными, это условие соблюдалось не обязательно), карандаши в нагрудных карманах. И в специальном кармане куртки — неизменный блокнот. Когда приходилось (что бывало все чаще) присутствовать на судебных заседаниях, на начальственных спектаклях, устраиваемых мэром Лос-Анджелеса и его советниками по энергетике и охране окружающей среды, давать показания перед Конгрессом или Комиссией по ядерной промышленности или Комиссией по соблюдению государственного законодательства, Прайс с неохотой надевал серый фланелевый костюм и галстук. Но, вернувшись к родным пенатам, он вновь немедленно облачался в свое боевое одеяние — и будь он проклят, если станет переодеваться ради посетителя!

Кофейная чашка была пуста, абсолютно пуста, и посему отпадала последняя отговорка. Он включил интерком:

— Долорес, я готов принять наших пожарных.

— Их еще нет,— сказала Долорес.

Передышка. Хоть ненадолго. Ненавидя то, чем вынужден заниматься, он вернулся к бумагам. Работая, он бормотал про себя:

— Я инженер, черт побери. Если б мне хотелось все мое время проводить над официальными бумагами или тратить его на суды, я должен был стать юристом или профессиональным убийцей.

Он начал жалеть, что он взялся за эту работу. Он специалист по энергетическим системам, причем чертовски хороший специалист. Он доказал это, став самым молодым главным инженером завода Пенсильванского эдисонового предприятия. И доказал это, руководя Милфордовским ядерным комплексом, добившись наивысшей эффективности и обеспечив рекордный для всей страны уровень безопасности. И он хотел получить эту свою теперешнюю должность, хотел, чтобы ему поручили «Сан-Иоаквин». И заполучил его — великолепный комплекс, четыре тысячи мегаватт электроэнергии, когда проект будет закончен. Но его дело — строить и руководить, а не давать объяснения. С техникой он на короткой

ноге. Более того, и с конструкторами, строителями, операторами силовых линий, электриками и линейщиками. Его энтузиазм в области всего, относящегося к ядерной энергии, передавался тем, кто работает с ним... «И что из того?»— угрюмо подумал он. Сейчас все свое время он тратит на работу с бумагами.

Вошла Долорес. В руках — более чем важные, не терпящие отлагательства бумаги, на которые необходимо ответить. Все они касаются отчетности, и все они исходят от людей достаточно высокопоставленных, чтобы занимать время главного инженера. Он глянул на кипу документов и памятных записок, положенных Долорес в ящик для входящих документов.

— Полюбуйся-ка,— сказал он.— И ведь каждая бумажка здесь — дело рук политиканов.

Долорес подмигнула:

— Иллегимити нон кардорундум.

Барри ей ответил:

— Это не просто. Пообедаем?

— Конечно.

В быстрой ее улыбке мелькнуло недвусмысленное обещание. Его охватило предчувствие. Барри Прайс спит со своей секретаршей! Полагаю, подумал он, да, полагаю, что, узнай об этом наверху, весь департамент перевернулся бы вверх дном. Ну и черт с ними.

На него снизошло умиротворение. Здание загудело от слабой вибрации турбин. Это ощущение, этот звук, порождаемый мегаваттами, вливающимися в сеть электроснабжения. Мегаватты, насыщающие Лос-Анджелес и его индустрию. Но на деле ничего этого не было. Внизу, под ним, прямоугольное здание, заполненное турбинами, прекрасными машинами — вершиной человеческой изобретательности. Чудо инженерии, весящее сотни тонн и точно сбалансированное. Эти турбины могут вращаться с фантастическими скоростями и при этом вообще не вибрировать... Почему люди никак не могут понять этого? Почему не всем дано ощущать красоту прекрасных машин? *Великолепие* этих машин?

— Приободритесь,— сказала Долорес, прочитав его мысли.— Бригады работают. Возможно, как раз сейчас заканчивают.

— Разве об этом не стоило бы сообщить широкой публике?— спросил Барри.— И все же я, пожалуй, считаю, что нет, не стоило бы. Чем меньше о нас сообщают, тем лучше для нас. Чистой воды безумие.

Долорес, кивнув, подошла к окнам. Взгляд ее перенесся через долину Сан-Иоаквин по направлению к Темблор Рейндж, в тридцати милях отсюда.

— В один из ближайших дней...

— Да.— Мысль об этом радовала. Южная Калифорния *должна*

быть обеспечена электроэнергией. А с истощением запасов естественного газа остаются только две возможности — использование угля либо ядерной энергии. И нет способа сжигать уголь, не получая взамен дым, туман и смог.— У нас лишь один путь,— сказал Барри.— И каждый раз, когда мы получаем ассигнования, каждый раз, когда раздается голос в нашу поддержку,— выигрыш. Сообщения о нашей работе должны получать даже законники и политиканы.— Он знал, что проповедь его обращена к верующим в иных богов, но это помогало ему разговаривать с теми, кто мог бы испытывать добрые чувства к проекту. С понимающими.

На столе его зажглась лампочка, и Долорес, вспыхнув на прощание улыбкой, поспешила к двери — приветствовать делегацию Законодательного собрания. Барри приготовился: еще один долгий, трудный день.

* * *

Суматошные утренние часы Лос-Анджелеса. Потоки беспрерывно движущихся машин. Несмотря на дувшую прошедшей ночью «Санта-Анну» — легкий запах смога и выхлопных газов. Клочья тумана с побережья, рассеивающиеся под порывами теплого, дующего с материка ветра. Как обычно в эти суматошные утренние часы, дороги запружены — и не обязательно идиотами. Большинство ездит этим маршрутом в эти же самые часы каждое утро. Они на привязи. Можете полюбоваться: машины подъезжают, строго соблюдая очередь; машины уезжают, ни на йоту не уклоняясь в сторону.

Эйлин не однажды подмечала это. Несмотря на комиксы, благодаря которым калифорнийские водители сделались посмешищем в глазах всего мира, они соблюдали порядок на шоссе много лучше, чем водители, которых Эйлин видела в других местах. Это означало, что она может вести машину, не уделяя ей слишком много внимания. Она тоже была на привязи.

Сложившийся шаблон сейчас у нее менялся редко. Пять минут, чтобы допить чашку кофе. Последнюю чашку перед выездом на шоссе. Поставить чашку на маленькую подставку (доставшуюся ей от Дж.С.Уитни). Еще пять минут на возню с гребенкой. Теперь она уже достаточно проснулась, чтобы заняться настоящим делом. Еще полчаса, чтобы добраться до «Корригановской компании сантехнического оборудования» (город Бурбанк), а за это время, работая с диктофоном, можно успеть многое. Вообще, лучше вести машину, работая с диктофоном. Без диктофона Эйлин не удалось бы совладать с нервами. Ее колотило бы в приступах беспомощного бешенства при каждом малейшем заторе.

«Вторник. Продолжать дело с водяными фильтрами,— сказал ей

ее же голос.— У нас есть два клиента, установивших эти чертовы штуки. Они не знали, что там недоставало некоторых деталей». Эйлин кивнула. Она уже позаботилась об этом деле. Ей удалось утихомирить гнев деятеля, внешне напоминающего баржу и, по рассказам, превращающегося в одного из крупнейших предпринимателей долины. Это показательно: можно лишиться крупной сделки потому, что она выглядит как рядовая продажа. Она нажала кнопку перезаписи, продиктовала: «Вторник. Работникам складов проверить каждый из имеющихся фильтров. Пусть обратят внимание на наличие всех необходимых деталей. И послать письмо изготовителю». Потом она перемотала ленту.

Эйлин Сюзан Ханкок тридцать четыре года. Она довольно миленькая, но не очень. Причина заключается в руках, находящихся все время в движении, в улыбке — славной, но вспыхивающей слишком внезапно, будто Эйлин зажигала лампочку, и в походке. У нее была привычка обгонять других.

Однажды ей было сказано, что она оставляет других позади и в физическом и в эмоциональном отношении. Высказавший это не добавил: «...в интеллектуальном», а если бы и сказал, она бы не поверила. Но и такое определение было в основном правильно. Ей на роду было написано стать чем-то большим, чем секретаршей, причем задолго до того, как появилось что-либо схожее с движением за права женщин. Ей удалось добиться немало, и это несмотря на то, что ей пришлось поднимать младшего брата.

Если ей случалось говорить об этом, то только со смехом: уж очень банальной оказалась ситуация. С помощью старшей сестры брат заканчивает колледж, но сама она так и не вышла замуж. И все же это была не настоящая правда. Учеба в колледже была ей ненавистна. Может быть, иногда у Эйлин появлялась мысль (о которой она никогда никому не говорила)— поступить в *очень хороший* колледж. Поступить туда, где человека учат думать. Может быть, в таком колледже ей бы захотелось учиться. Но просиживать в аудитории, где почасовик читает лекцию, основываясь на уже прочитанной ею книге, где ее не смогут научить ничему, чего бы она уже не знала, — да к чертовой бабушке все это! И отвергала она учебу отнюдь не по финансовым соображениям.

Что касается замужества, то не нашлось никого, с кем бы она могла ужиться. Однажды она попыталась сделать это — с лейтенантом полиции (и наблюдала, как он нервничает, что живет с нею без разрешения городского управления). Их связь, начавшаяся так хорошо, прервалась, не прошло и месяца. Был и еще один мужчина, но у него была жена, от которой он не собирался уходить. И был третий, который уехал в командировку на восток на три месяца, — и не вернулся даже по прошествии четырех лет. И был еще...

И я все делала правильно, вспоминая обо всем этом, говорила

она себе. Разные мужчины называли ее женщиной нервного типа или утверждали, что у нее чрезмерно активно функционирует щитовидная железа, — в зависимости от полученного ими образования и словарного запаса. И не пытались сохранять с ней отношения. У нее был едкий ум, и использовала она его слишком часто. Нудная, пустая болтовня была ей ненавистна. Разговаривала она слишком быстро. Не будь этого, голос ее казался бы приятным. Голос, чуточку хриплый от употребления чрезмерно большого количества сигарет.

Этим маршрутом она ездила уже восемь лет. Машинально перестроилась, не замечая, в четвертый ряд. Сделала поворот. Однажды — уже годы прошли — она проехала мимо этого поворота, съехала на другую дорогу. И, припарковав машину, отправилась обратно пешком, с интересом рассматривая лабиринт зданий. Улицы походили на вылепленные из бетона спагетти. Ей было смешно: ну и картинка, она была совсем как растяпа-туристка. И все равно смотрела.

«Среда. Робин намерен попытаться уладить то дело. Если он это сделает, я — помощник генерального менеджера. Если не сделает, никаких шансов. Проблема...»

От предвкушения возможности служебного повышения уши и щеки Эйлин горели. И руки двигались слишком быстро. Но слышать она все слышала. Ее голос говорил: «Он хочет переспать со мной. Ясно, что тогда он не просто острил и притворялся. Если я дам ему отворот, не упущу ли тогда сделку? Должна ли я переспать ним, чтобы заключить ее? Или из-за моей вовлеченности в дело я уже перестала видеть что-либо доброе?»

— Дерьмо все это,— прошептала Эйлин.

Она перемотала ленту назад и еще раз прослушала эту часть ее. «Я все еще не решила, принять ли мне приглашение на обед Робина Джестона. Не забыть стереть эту запись с ленты. Если кто-либо сопрет диктофон, не хочу, чтобы он сгорел со стыда. Помню, как было у Никсона». Эйлин выключила диктофон.

Но сама проблема так и осталась, горела обида, что она вынуждена жить в мире, где должны решаться такого рода проблемы. Тогда Эйлин стала думать, какие слова она подыщет для письма этому окаянному изготовителю, пославшему фильтры без проверки, все ли детали наличествуют, — и ей стало чуточку легче.

* * *

Сибирь. Поздний вечер. Врач Леонилла Александровна Малик закончила свой трудовой день. Ее последним пациентом была четырехлетняя девочка — дочь одного из инженеров научно-исследова-

тельского космического центра, расположенного здесь, в пустынных областях севера Советского Союза.

Середина зимы, и с севера дул холодный ветер. За стенами больницы громоздились сугробы, и, даже находясь здесь, в помещении, Леонилла чувствовала, какая на улице холодина. Она ненавидела холод. Она родилась в Ленинграде, так что была несколько знакома с северными зимами. Но продолжала надеяться, что ей удастся перебраться на Байконур или даже в Капустин Шар — на Черное море. Ее обижало, что она вынуждена лечить тех, кто попал сюда не по своей воле, хотя, разумеется, сделать что-либо в этом отношении она могла очень мало. Работы для педиатра было немного: снежная пустыня. Помимо врачебной, она имела подготовку космонавта. И она все еще надеялась, что будет назначена в космический полет.

Вероятно, скоро. Говорят, американцы подготавливают женщин-астронавтов. Если будет похоже, что американцы готовы послать женщину в космос, Советский Союз сделает то же самое, и довольно быстро. Последний советский эксперимент с женщиной-космонавтом закончился неудачей (Леонилле хотелось бы знать, в чем же на самом деле ошиблась Валентина. Она была знакома как с Валентиной Терешковой, так и с космонавтом, за которого она вышла замуж. И ни он, ни она никогда не рассказывали, почему ее корабль пришел в беспорядочное движение, начал кувыркаться, лишив Советский Союз возможности совершить первое в истории приземление при возвращении из космического пространства). Разумеется, подумала Леонилла, Валентина была гораздо старше. Примитивные были тогда времена, теперь дела обстоят иначе. Работы у космонавта немного, все важные решения принимаются службой наземного контроля. Глупая метода, подумала Леонилла. Ее товарищи-космонавты (разумеется, все — мужчины) считали точно так же. Конечно, не высказывая своего мнения вслух.

Она вложила последний из использованных ею сегодня инструментов в автоклав. Упаковала сумку. Космонавт или нет, но она все равно врач, и куда бы ни шла, брала с собой свой профессиональный инструментарий. Просто на тот случай, что кому-либо может понадобиться ее помощь. Она надела меховую шапку и тяжелое кожаное пальто. Чуть поежилась, слушая, как воет за стенами ветер. В соседнем кабинете работало радио — передавали новости. Леонилла задержалась, слушая. А вот это важно.

Комета. Новая комета.

Хотелось бы знать, не появятся ли планы ее исследования. Леонилла вздохнула. Если будет послана космическая экспедиция для изучения кометы, то ее, Леониллу, в эту экспедицию не включат. Пилот, врач, инженер по системам жизнеобеспечения — этими профессиями она владеет. Но не профессией астронома. Эта работа для Петра, Василия, либо Сергея.

Действительно, дела обстоят плохо, но интересно — новая комета.

* * *

На земле разразилась беда. Через три миллиарда лет после того, как сформировалась планета, начал развиваться ядовитый мутант. Это была форма жизни, напрямую использующая солнечный свет. Использование более эффективного источника энергии дало зеленому мутанту громадное преимущество. Он был сверхактивен, силен, смертоносен. Распространяясь все дальше, завоевывая весь мир, он изливал потоки отравляющего воздух газа, он сжег ткани прежде доминировавшей на Земле формы жизни, теперь она стала лишь удобрением для мутанта.

В это же самое время беда постигла и комету. Ее путь впервые пересекся с дорогой черного гиганта.

Планета источала страшный жар. Через миллиард лет поток этого жара достигнет звезд. Входившие в состав кометы водород и гелий вскипели от инфракрасного излучения. Затем пути гиганта и кометы разошлись. Вновь вернулось спокойствие. Комета плыла сквозь холодную, беззвучную черноту, несколько уменьшившаяся. И орбита ее немного изменилась.

ФЕВРАЛЬ: один

С другой стороны, необходимо обрисовать
структуру рабочего производства таким
образом, чтобы у рабочего исчез страх,
что он является всего лишь одним из
колесиков бездушной и безличностной машины.
Истинное решение может появиться
только с выработкой концепции,
что работа — какой бы она ни была —
есть служение Богу и обществу.
И потому она — выражение человеческого
достоинства.

Эмиль Бруннер.
Гиффордовские
лекции. 1948 г.

Бульвар Вествуд проложен неподалеку от здания Национального радио- и телевещания НБС и дома Рэнделла (рядом с Биверли-Глен). Это было главным аргументом, почему Гарви

Рэнделл любил посещать расположенные здесь бары. В то же время маловероятно, что здесь он наткнется на кого-либо из чиновников-сослуживцев либо на приятелей Лоретты.

По улице шли студенты, весь набор: бородатые и одетые в поношенные джинсы; гладко выбритые в дорогостоящих джинсах; жутко выглядевшие студенты, намеренно придававшие себе такое обличье, и юнцы со старомодно-консервативной внешностью. А также все промежуточные типы. Гарви брел среди студентов. Миновал специализированный книжный магазин. Специализация — свободная любовь. Следующий книжный магазин назывался «Магазин для взрослых мужчин» — да, действительно, никто иной, кроме взрослых мужчин, сюда не заглянет. Еще один — обслуживающий любителей научной фантастики. Гарви отметил: надо бы зайти туда. Вероятно, там немало книг о кометах и астрономии, специально предназначенных для среднего читателя. Прочитав что-нибудь из этого, он сможет зайти в магазин студенческого городка Лос-Анджелесского университета и взять там действительно имеющие отношение к науке материалы.

Здание религиозной женской общины с зеркальными стеклами. А далее — готического шрифта буквы, гласящие: «Гарантированный первый федеральный бар». Внутри — табуретки, три маленьких столика, четыре кабинки, игральный автомат и проигрыватель. Стены отделаны так, чтобы нравилось посетителям. На стойке лежали запасы авторучек, в промежутках между записями стены отмыты добела. Краска местами очищена, чтобы открыть записи, сделанные раньше. Нечто вроде археологии эпохи поп-культуры.

Гарви зашел в полумрак бара. Двигался словно уставший старик. Когда глаза привыкли к сумраку, он увидел сидящего на табуретке Марка Ческу. Он протолкался поближе к Ческу, оперся локтями о стойку.

Ческу было тридцать с лишком — это, в сущности, не возраст. Вечно молодой человек в начале своей карьеры. Гарви знал, что Марк прослужил четыре года на военно-морском флоте, попробовал себя в нескольких колледжах, начал было учиться в Лос-Анджелесском университете и сейчас работал в общежитии для студентов младших курсов. Иногда он даже называл себя студентом, но никто не верил, что ему когда-либо удастся закончить колледж. Он носил старые джинсы и тенниску, кроссовки велосипедиста и измятую шляпу землекопа. У него были длинные черные волосы и запущенная черная борода. Под ногтями грязь, и на джинсах — свежие полосы грязи. Но вообще видно, что недавно он мыл руки, и одежда его недавно выстирана. Просто он не испытывает желания отскребать себя дочиста.

Когда Марк не улыбался, вид у него был угрожающий, и это несмотря на респектабельный пивной живот. Улыбался он часто. Но

к некоторым вещам он относился очень серьезно, а иногда примыкал к буянящей толпе. Это было частью выработанного им для себя образа: Марк Ческу может, если захочет, соревноваться с профессиональными мотогонщиками, но обычно ему не хочется. Он посмотрел на Гарви с интересом и сказал:

— Выглядите вы неважно.

— У меня ощущение, что я могу кое-кого убить,— сказал Гарви.

— Если у вас именно такое ощущение, то, возможно, я могу подыскать для этого подходящего человека,— сказал Марк. И замолчал, позволяя обдумать сказанное.

— Нет. Я имею в виду моих боссов. Кого я хочу убить, так это моих боссов, да будут прокляты их бессмертные души.

Проигнорировав предложение Марка, Гарви заказал банку пива и два стакана. Он знал, что на самом деле Марк не пойдет на убийство. Это была часть образа: он обо всем знает гораздо больше других. Обычно это забавляло Гарви, но сейчас у него настроение было отнюдь не игривое.

— Мне нужно получить от них кое-что,— сказал Гарви.— И они прекрасно знают, что им придется пойти мне навстречу. Как они — черт бы их взял! — могут не знать этого? Есть даже надежный заказчик! Но эти сукины дети должны забавляться своими играми!.. Если один из них завтра свалится с балкона, на нового мне придется угрохать больше месяца, а я не могу позволить себе попусту тратить время.— То, что он сказал, не нанесет ущерба юмору Ческу. Парень может оказаться полезным. И при общении с ним улучшается настроение... И возможно, он действительно может организовать убийство. Никогда нельзя знать наверняка.

— Так с чем им придется пойти вам навстречу?— спросил Марк.

— С кометой. Я собираюсь сделать серию документальных фильмов, посвященных новой комете. Открывший ее парень — так уж случилось — владеет семьюдесятью процентами акций компании, заказывающей фильмы.

Ческу хихикнул. Гарви кивнул в знак согласия.

— Это прекрасная возможность. Мне действительно хотелось сделать такого рода фильм. И это было бы очень познавательно. Не то, что это последнее дерьмо — интервьюирование предсказателей гибели Земли. Причем у каждого своя точка зрения на то, как произойдет конец света. Прежде чем первый из них закончил, мне уже хотелось перерезать себе глотку и разом покончить со всем этим.

— Так почему дела пошли вкривь и вкось?

Гарви вздохнул, отпил еще пива.

— Понимаете ли... Есть, скажем, четыре деятеля, которые могут сказать мне: «Сходи-ка туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но ведь на самом деле все может оказаться не так. Верно? Нью-йоркцы не желают мириться с производством заказ-

ных серий. Они собираются платить за фильмы сами. Но откуда кто знает, что у них достаточно силы, чтобы сказать «нет» только потому, что они, не колеблясь, требуют, чтобы я подписал соглашение и представил смету и так далее? Ни от кого из этого дерьма нет ни малейшей пользы, тем не менее право решающего голоса у них. Четыре траханные примадонны, располагающие подлинной властью. О'кей, я мог бы поладить с ними. Но тогда еще остается с пару дюжин тех, кто не может помешать передаче в эфир самых глупых программ, но хочет показать, что они тоже важные персоны. Чтобы доказать друг другу, они — если захотят — действительно могут остановить производство фильма. Они выдвигают столько возражений, сколько могут придумать. Но в первую очередь необходимо учитывать интересы заказчика, верно? Не нужно добиваться, чтобы компания «Мыло Кальва» взбеленилась, верно? Дерьмо коровье. Но мне придется примириться со всем этим...— Гарви внезапно осознал, что он мелет.— Вот что, сменим-ка тему разговора.

— Ладно. Заметили, как называется это место?

— «Гарантированный первый федеральный бар». Остроумно. Украдено у Джорджа Карлина.

— Верно! Люди иногда подхватывают чужие идеи. Вы знаете, что такое — страхование у сумасшедшего Эдди?

— Почему же нет? Машины куплены у Мунтца-помешанного. А как насчет Раковой клиники Жирного Джека?

— Раковая клиника и покойницкая Жирного Джека,— сказал Ческу.

Петля, давившая на горло и плечи Гарви, потихоньку ослабла. Он отпил еще пива. Потом прошел в кабинку: там можно откинуться, опершись на стенку. Марк последовал за ним, занял место напротив.

— Эй, Гарви, когда мы снова отправимся в путешествие? Ваш мотоцикл еще на ходу?

— Да.

Год назад... нет, черт возьми, два года с лишним... он послал все к дьяволу и позволил Марку Ческу утащить его в поездку по побережью. Они выпивали в маленьких барах, беседовали с другими путешественниками, останавливались на привалы, где хотелось. Ческу взял на себя заботу о мотоциклах, а Гарви оплачивал счета. Счета были невелики. Это было время без тревог.

— Мотоцикл на ходу, но у меня нет возможности воспользоваться им. Когда эта серия пойдет в работу, времени не останется совершенно.

— Я смогу принять в этой работе участие?— спросил Марк.

Гарви пожал плечами.

— Почему бы и нет?— Марк часто работал с Гарви. Он таскал

камеры или другое оборудование, а то и просто выступал в роли мальчика на побегушках.— Если вам удастся хоть ненадолго держать язык за зубами.

— Я меланхолик-всезнайка.

Бар заполнялся народом. Проигрыватель перестал играть, и Марк встал.

— Это для вас,— сказал он.

Из-за стойки он извлек двенадцатиструнную гитару и сел на стул в дальнем конце помещения. Это тоже входило в обычай: Ческу пел в барах за еду и выпивку. Во время поездки по побережью пение Марка гарантировало им в половине баров между Лос-Анджелесом и Кармалем по бесплатному бифштексу. Пел Марк хорошо, мог бы стать профессионалом, но для этого ему не хватало самодисциплины. Где бы он ни работал, ему не удавалось продержаться на одном месте более недели. Марку казалось, что те, кто имеет постоянный заработок, волшебники, обладающие неким непостижимым для него секретом.

Марк взял пробный аккорд, затем проиграл вступление. Мелодия старой ковбойской песни «Чистая прохладная вода».

Весь день подряд — в телевизор взгляд.
Телевизор вместо культуры.
Культуры...
Мыльных опер водоворот и фильмы целый день напролет —
Чтобы забыл о культуре,
О... сладостнейшей... культуре.

Гарви одобрительно рассмеялся. Толстяк бармен поставил перед Марком банку пива, и Марк выразил признательность, мотнув головой.

Солнце село, и города тело вопит —
Вопит о культуре.
Культуре...
Судью с лягашом разбирает смех:
Они растоптали культуры грех,
Сладостнейшей... культуры.

Марк на миг перестал петь — терзал гитару. Звенели аккорды, некоторые явно неверные, но некоторые — верные на удивление, будто Марк искал что-то и не мог найти — никогда.

Телевизор включи. Смотри и молчи.
Твой мозг уже не кричит.
В телевизор взгляд. Ты уже распят.
Рядом с культурой... культурой.
Ты забыл, забыл, кем ты прежде был.
Твой разум давно остыл,
И тебя и меня телевизор купил
И продал — вместе с культурой,
Сладостнейшей культурой.

Гитара смолкла, и Марк возвестил квакающим голосом:

— Она даст вам почти так же много, как фильмы старины Богарта:

СЛАДОСТНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА.

Леонард Бернстайн в сопровождении Лондонского симфонического оркестра и «Роллинг Стоунз»; поражающий воображение показ того, что такое

КУЛЬТУРА. СЛАДОСТНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА.

Граждане, сегодня состоятся дебаты между президентом союза сельскохозяйственных рабочих и двадцатью двумя обезумевшими от голода домохозяйками. Домохозяйки вооружены мясницкими ножами. Это и есть

КУЛЬТУРА. СЛА-ДО-СТНЕЙ-ШАЯ КУЛЬ-ТУ-РА.

Господи, подумал Гарви. Господи, проиграть бы запись всего этого у нас на производственном совещании. Он откинулся, ему было хорошо. А скоро он отправится домой. Там Лоретта, и Энди, и Киплинг. И дом, который он так любит, и который стоит так дьявольски дорого.

* * *

Горячий сухой ветер — «Санта-Анна» — дул вдоль бухты Лос-Анджелеса. Гарви ехал с открытыми окнами, пиджак брошен на сиденье рядом, сверху скомканный галстук. Фары высвечивали зеленые холмы, покрытые облетевшими деревьями. В промежутках между холмами — пальмы. Непроглядная летняя тьма калифорнийского февраля — Гарви в этом не видел ничего необычного.

Он ехал и мурлыкал про себя песенку Марка. Когда-нибудь я пущу в телесеть ленту с записью этой песни, и ее услышат три четверти делового люда Лос-Анджелеса и Биверли-Хиллз. Полурасслабившись, он мечтал. Грезы рассеивались, лишь когда идущая впереди машина замедляла ход и, словно на волнах, раскачивались вспышки тормозных огней.

На вершине холма он свернул направо, к Мулхолланду, потом снова направо, в Бенедикт-каньон, чуть съехал вниз по холму и снова свернул направо — к Лисе. Переулок Лисы был одной из многих коротких, изогнутых улиц, что образованы построенными за пятнадцать лет домами. Один из этих домов принадлежал Гарви, благодаря Заемно-сберегательному обществу Пасадены. Дальше по Бенедикт-каньону был поворот на Силео-драйв, где Чарли Мэнсон доказал всему миру, что цивилизация — вещь хрупкая и недолговечная. После ужасного воскресного утра 1969 года на Биверли-Хиллз не осталось дома, где не было бы ружья либо сторожевой собаки. Просроченные разрешения на владение огнестрельным оружием были возобновлены за считанные недели. И с того времени, несмотря на пистолет Гарви, на ружье и собаку, — Лоретта мечтала уехать отсюда. Она искала безопасное место.

Дом. Большой белый дом под зеленой крышей. Дом, украшенный с фасада газоном, высоким деревом и маленькой верандой. Его можно хорошо перепродать, этот самый дорогостоящий дом квартала. Но Гарви отлично знал, что «самое дорогое» — понятие относительное.

К дому вела обычная подъездная дорога — не огромная круглая площадка, как у дома напротив. На хорошей скорости Гарви взял поворот, замедлил ход на подъездной аллее и с помощью радиосигнализатора дал сигнал на открытие двери. Машина еще не подъехала к дому, как дверь, качнувшись вверх, открылась; Гарви мысленно поздравил себя — превосходно рассчитал время. Дверь гаража закрылась за ним, и он позволил себе мгновение отдохнуть, сидя в темноте. Гарви очень не нравилось ездить в часы, когда улицы запружены машинами, и тем не менее чуть не каждый день — причем дважды! — ему приходилось ездить именно в эти часы. Пора принять душ, подумал он. Вылез из машины и снова вышел на улицу, направляясь к черному ходу.

— Вы, Гарв?— похожий на мычание баритон.

— Я,— ответил Гарви.

Волоча за собой грабли, через газон своего дома шел Горди Ванс, сосед Рэнделлов слева. Он облокотился на забор, и Гарви сделал тоже самое. При этом он подумал, что все это карикатурно напоминает болтовню домохозяек. Только Мария Ванс не нравится Лоретте. И во всяком случае, трудно представить, чтобы она беседовала, облокотясь на забор.

— Итак, Горди, как идут дела в вашем банке?

Губы Горди дрогнули в улыбке:

— Нормально. Во всяком случае, у вас недостаточная подготовка, чтобы читать вам лекцию об инфляции. Вот что... вы можете освободиться на выходные чтобы мы могли сделать пешую вылазку? Со скаутами. По снегу.

— Мальчик, это звучит здорово.

Чистый снег. Трудно поверить, что не более, чем в часе пути, в лесах Лос-Анджелесских гор лежит глубокий снег, а среди елей и сосен свистит пронзительный ветер. Не более, чем в часе. А они стоят здесь, в темноте, в одних рубашках с закатанными рукавами.

— Вероятно, нет, Горди. У меня начинается работа. Господи, надеюсь, что она у меня начинается. Вы уж лучше не рассчитывайте на меня.

— А как насчет Энди? В размышлении, что я назначил бы его начальником передовой группы в этой вылазке?

— Он еще молод для этого...

— Не совсем так. И у него уже есть опыт. У меня сейчас будет несколько новых ребят, это будет их первая вылазка. Можно было бы назначить Энди.

— Да, тем более, что у него сейчас кончились занятия в школе. А куда вы собираетесь направиться?

— К Клаудберст Саммит.

Гарви рассмеялся. Хотя он никогда не видел лаборатории Хамнера, она была расположена как раз неподалеку от этого места. Должно быть, путешествуя, он проходил мимо нее с дюжину раз.

Они обсудили детали. Поскольку дует «Санта-Анна», снег, если не считать горных вершин, всюду растаял. Но на вершинах, конечно, он остался. Там сугробы, как на севере. Дюжина скаутов и Горди. Это звучит как забавная шутка. Это и была забава. Гарви уныло покачал головой.

— Знаете, Горди, когда я был ребенком, пеший поход к Клаудберст занимал добрую неделю. Не было никаких дорог. А теперь мы доезжаем туда за час. Прогресс.

— Да уж. Но ведь это и есть прогресс, не так ли? Я имею в виду, что теперь мы можем съездить туда, а потом успеть на работу.

— Верно. Черт возьми, мне так хочется пойти с вами.

Настанет время, и они отправятся на своих машинах в путь — час езды. А потом пойдут пешком. А потом, достав из рюкзаков, что потребуется, разобьют лагерь. И сырое дерево будет гореть в походной печи. И обезвоженно-замороженная пища для туристов, которая на вкус — точно амброзия. И кофе и ночь, когда нет убежища от ветра и ты слушаешь, как он свистит над тобой... Однако все это не имеет ни малейшего отношения к комете.

— Извините, очень жаль.

— Ладно. О'кей, я попробую с Энди. Проверьте его снаряжение для моего похода. Хорошо?

— Конечно.

Горди хотелось сказать еще кое-что: то, что у него на уме:

— Не позволяйте Лоретте снаряжать вашего сына. По горам и так тяжело идти — без того барахла, которое она ему навяжет. Грелки. Запасные одеяла. И даже, возможно, будильник.

Гарви вернулся обратно в гараж — за курткой и галстуком. Вновь выйдя из гаража, он пошел другой дорогой — на задний двор. Он подумал: а что, если бы он спросил у Горди: «Как вам нравится название Гордо-банк. И здесь друзья встречаются за чашкой кофе»? Судя по тому, как выглядело лицо Горди, это бы не прошло. Какие-то там трудности. Временные трудности.

На заднем дворе, по ту сторону бассейна, сам с собой играл в баскетбол Энди. Рэнделл остановился, молча наблюдая за ним. В мгновение ока (должно быть, на это ушел год, а кажется, будто неделя) Энди превратился из мальчика в... составленную из палок фигуру. Весь он — руки и ноги и длинные кости, предназначенные для баскетбола. Энди сорвался с места и с изысканной рассчетливостью бросил мяч. Пританцовывая, поймал отскочивший мяч, повел дриблингом и снова взорвался в великолепном броске. Энди не улыбнулся — лишь удовлетворенно кивнул.

Неплох мальчишка, подумал Гарви.

Штаны у Энди были новые, но не достигали лодыжек. В сентябре ему исполнится пятнадцать — возраст для поступления в высшую школу. Придется послать его в Гарвардскую мужскую школу — безусловно, лучшую в Лос-Анджелесе. Только на школу уйдет целое состояние — чтобы забить место. И на зубного врача уже сейчас уходят тысячи. А потом будет уходить еще больше... И накачивающая воду в бассейн помпа издает какие-то странные звуки. И клуб электронной музыки, куда вступил Энди (это было незадолго до того, как парню захотелось иметь свой собственный микрокомпьютер, — и кто может порицать его за это?)... И... Рэнделл тихо вошел в дом, довольный, что Энди не заметил его.

Подросток — потенциально ценное имущество. Он может работать на поле — управлять упряжкой или даже трактором. Груз можно разделить, переложив часть его на юные плечи. И мужчине станет легче.

На кухне, в мусорном ведре — оберточная бумага. Лоретта снова сделала покупки. Не бывает Рождества без расходов, значит, на письменный стол Гарви лягут новые счета. И он уже слышал передаваемый по радио отчет фондовой биржи. Акции падают.

Лоретты нигде не было. Гарви вошел в примыкающую к ванной раздевалку и, содрав с себя одежду, встал под душ. Горячая вода била сверху, смывая напряжение. Мозг Гарви отключился. Ему

представилось, что он — кусок мяса, обмываемый под водяной струей. Всего лишь. Если только его мозг *действительно* отключился.

У Энди есть совесть. Бог свидетель, я никогда не заставлял его чувствовать себя виноватым. Дисциплина — это обязательно. Наказывал, ставил в угол, даже шлепал... Но когда наказание закончено,— значит, закончено, вины больше не существует... И все равно он знает, что такое вина. Если бы Энди стало известно, чего он мне стоит — в долларах и центах... и в годах моей жизни... Если бы ему стало известно, что из-за этого я вынужден жить так, как я живу, сидеть в дерьме, держась за эту проклятую работу, гоняться за премиями, которые позволяют нам держаться на плаву... что бы сделал Энди, если бы ему стало известно? Сбежал бы? Стал бы подметальщиком улиц в Сан-Франциско, чтобы попытаться вернуть мне эти деньги? Ничего ему не известно — и это чертовски хорошо.

Сквозь шум воды прорезался чей-то голос. Рэнделл вынырнул из мира своих размышлений и увидел Лоретту, улыбающуюся сквозь стекло двери душа. Она сказала:

— Эй! Как дела?

Он махнул рукой. Лоретта восприняла это как приглашение. Рэнделл смотрел, как она медленно раздевается. Похотливыми движениями снимала с себя одежду. А потом она быстро, чтобы вода не брызнула наружу, скользнула в дверь... И это была среда. Гарви обнял ее. Вода била по их телам, и они поцеловались. И это не была среда.

— Как дела?— спросила она.

С самого начала их знакомства он научился читать по ее губам, во что она никак не могла поверить.

— Думаю, они согласятся,— ответил Гарви Лоретте.

— Не вижу, почему бы им не согласиться. В этом не было бы смысла. Если они станут выжидать, тему перехватит Си-би-эс.

— Верно.

— Разве нет какого-нибудь способа объяснить им, как глупо они поступают?

— Нет.— Гарви повернул вентиль. Вода потекла тонкой струйкой.

— Почему нет?

— Потому что они и так все знают. Потому что они не играют в ту же игру, что мы.

— Все зависит от тебя. Если бы ты настоял на своем хоть однажды...— Под душем намокшие волосы Лоретты потемнели. Обняв его, она смотрела в его лицо. Смотрела так, чтобы убедить его: он должен настоять на своих принципах и заставить начальство осознать последствия допущенных им — начальством — ошибок.

— Да. Все зависит от меня, и поэтому, если что-то пойдет не

так, именно на меня повалятся все шишки. Повернись, я потру тебе спину.

Она повернулась к нему спиной. Гарви потянулся за мылом. Заставил расслабиться мышцы своего лица. Его мыльные руки скользнули по коже спины Лоретты — медленно, осторожными движениями... И в то же время он думал: «Разве ты знаешь, что они могут сделать со мной? Они никогда не сожрут меня. Но в один прекрасный день меня переводят в другой кабинет, поменьше, на следующий день забирают ковер. Затем отключают телефон. Идет время — и обо мне уже никто не слышит, все забыли, что я вообще существую. А ведь мы сейчас тратим каждый заработанный мною цент».

Ему всегда нравилась спина Лоретты. Гарви переворошил свои мысли — не появляется ли в них вожделение? И ничего не обнаружил.

Она была такой с самого начала. Всю ее жизнь. Не боялась. Но она просто не понимает. Я могу переспорить Марка. Он будет пить мое пиво и говорить о чем-нибудь другом, если я достаточно ясно дам понять, что не желаю беседовать на эту тему. Но Лоретте я этого дать понять не могу... Что мне сейчас нужно, так это выпить.

Лоретта помыла ему спину. Затем купальными полотенцами они вытерли друг друга. Она еще раз попыталась объяснить ему, как ему следует справиться со сложившейся ситуацией. Она понимала, что что-то не так, как нужно. И как обычно, она пыталась понять, что именно, пыталась помочь.

* * *

Мириадами оборотов позже, когда по Земле, зажатой мертвой хваткой ледникового периода, начали распространяться люди, черная планета появилась снова.

Комета сейчас была больше, чем прежде. В течение тысячи миллионов лет она росла — один снежный ком за другим. Теперь она достигла четырех с половиной миль в диаметре. Жар инфракрасного излучения планеты начал разогревать ее поверхность. Водород и гелий вскипели в теле кометы, стали просачиваться наружу. Окруженный кольцами черный диск затмил крошечное Солнце. Диск занимал треть неба, он источал жар.

Затем планета прошла мимо, вновь воцарилось спокойствие.

Комета уже залечила раны, нанесенные предыдущей встречей. Столетия, миллионы лет, — что они значат в кометном гало? Но сейчас наконец пробил час и этой кометы. Черный гигант сбил ее с орбиты.

Медленно, влекомая слабым притяжением Солнца, комета начала свое падение внутрь гигантского водоворота.

ФЕВРАЛЬ: два

Представляется, что внутренние планеты с момента своего образования подвергаются непрекращающейся бомбардировке. Марс, Меркурий, Луна испытывают беспрерывные удары, наносимые объектами, варьирующими в своих размерах от микрометеоритов до тех, которые раскололи Луну и привели к образованию огромного моря лавы, получившего название Океанус Процелларум. Первоначально полагали, что Марс, поскольку его орбита граничит с метеоритной зоной, подвергается наиболее сильной бомбардировке. Но исследование Меркурия выявило, что Марс не является исключением и что вероятность бомбардировки всех внутренних планет примерно равна...

«Маринер». Предварительный отчет

Вездеход был битком набит оборудованием: камеры, магнитофоны, лампы, софиты, аккумуляторные батареи. Превеликое множество барахла, без которого не может обойтись телевизионное интервью. На заднем сиденье — телеоператор Чарли Баскомб и звукотехник Мануэль Аргуилец. Все, как обычно, если не считать того, что на переднем сиденье сидел Марк Ческу.

Из здания НБС вышел Гарви. Кивком подозвал Марка. Они прошли к стоящим в ряд «мерседесам» — здесь служащие студии оставляли свои машины.

— Вот что,— сказал Гарви,— ваша должность называется ассистент постановщика. Теоретически это означает, что вы должны руководить. Должность дана вам потому, что того требуют правила профсоюза.

— Так,— сказал Марк.

— Но вы не будете руководить. Вы — мальчик на побегушках.

— Я меланхолик-всезнайка,— серьезно сказал Марк.

— Не надо выворачивать мои слова наизнанку и обижаться тоже

не надо. Просто поймите. Моя команда работает со мной уже долгое время. Они знают, что надо делать. Вы не знаете.

— Я тоже знаю.

— Прекрасно. Вы можете быть нам очень полезны. Только запомните, что нам не нужно, чтобы...

— Чтобы я говорил всем и каждому, как им следует выполнять их работу.— На лице Марка вспыхнула широкая улыбка.— Мне нравится работать с вами. Я не стану мешать.

— Хорошо.— Гарви не уловил в голосе Марка ни крохи иронии. И почувствовал он себя поэтому лучше. Можно было бы сказать, что его беспокоит предстоящее интервью, но легче от этого не стало бы. Один его товарищ заметил однажды, что Марк подобен джунглям: все прекрасно, но нужно рубить и рубить — беспрерывно, иначе они закроют от тебя солнце.

Вездеход резко взял с места. Он побывал вместе с Гарви Рэнделлом во многих местах — от аляскинского трубопровода до низин Байи. Побывал даже в Центральной Америке. Они были старыми друзьями — вездеход и Гарви. Это был «Интернэшнл Харвестер», большой, четыре ведущих колеса, три сиденья, мощный двигатель. Уродливый, как смертный грех, и чрезвычайно надежный. Вездеход доехал до шоссе Вентура и свернул к Пасадене. Все молчали. Машины на дороге попадались редко.

— Знаете,— сказал Гарви,— мы вечно сетуем, что нигде ничего не делается. Но чтобы взять это интервью, мы проделали пятьдесят миль, и займет у нас это меньше часа. А когда я был ребенком, для пятидесятимильного путешествия упаковывали бутерброды и надеялись, что доберутся до наступления темноты.

— На чем тогда ездили, на лошадях?— спросил Чарли.

— Нет. Просто тогда Лос-Анджелес не имел шоссе.

— Ага.

Они проехали через Глендейл и по Линда Виста повернули на север, к Розе Боул. Чарли и Мануэль беседовали о ставках на скачках, проигранных ими несколько недель назад.

— Думаю, ИРД принадлежит Калифорнийскому технологическому,— сказал Чарли.

— Так и есть,— сказал ему Марк.

— Наверняка его не случайно разместили так чертовски далеко от Пасадены.

— Его используют для испытания реактивных двигателей,— сказал Марк.— ИРД. Институт реактивного движения, — правильно? Все думают, что там занимаются взрывами, так Калифорнийский технологический перевел институт подальше — в Арройо.— Он махнул рукой, показывая на здания.— А затем как раз в этом конце Лос-Анджелеса, как раз вокруг института, возникло самое богатое предместье города.

Охранник уже ждал их. Он провел их на огороженный участок, примыкающий к одному из самых больших зданий. В этих местах свил свое гнездо ИРД, и все здания принадлежали ему. Большая центральная, состоящая из стали и стекла, башня выглядела чужеродным телом на фоне старых стандартно «временных» зданий, возведенных ВВС двадцать лет назад.

Здесь их уже ждала сотрудница отдела по связи с печатью и общественностью. Обычная шаблонная процедура: подпишите, прикрепите значки. Внутри здание походило на обычное учреждение, хотя и не совсем: в коридорах громоздились перфокарты IBM, и почти ни на ком из сотрудников не было пиджака и галстука. В углу покрывался пылью десятифутовый глобус Марса. Никто не обращал внимания на Гарви и его команду. Для сотрудников стало привычным видеть работников телевидения. В ИРД были созданы космические зонды «Пионер» и «Маринер», ИРД запустил к Марсу «Викинг».

— Пришли,— сказала их провожатая.

Вид у кабинета был внушительный. Вдоль стен — книги. На досках написаны какие-то непонятные уравнения. Книги — всюду, где только можно их положить, и на дорогом письменном столе из тиса — карточки IBM.

— Доктор Шарпс, Гарви Рэнделл,— сказала провожатая. Она стояла наготове возле двери.

Чарльз Шарпс надел очки. Очки изогнуты так, чтобы стекла перекрывали все поле зрения. Очень модерновые очки, и длинное бледное лицо Шарпса чуть смахивало из-за них на головку насекомого. Волосы у него черные, прямые, коротко подстриженные. Пальцы его беспрерывно двигались — то играли с фломастером, то ныряли в карманы. На вид ему было около тридцати, но, возможно, на самом деле он был старше. На нем была спортивная куртка и галстук.

— Давайте будем откровенны,— сказал Шарпс.— Вы хотите, чтобы я рассказал о кометах. Это для вас лично или для публики?

— И то и другое. Просто рассказывайте так, чтобы вас мог понять я. Если это не слишком трудно.

— Слишком трудно?— Шарпс рассмеялся.— Как это может быть слишком трудно? Ваша фирма сообщила НАСА, что вы хотите сделать документальный фильм о космосе, и НАСА устроила по сему случаю барабанный бой. Правильно, Чарли?

Провожатая кивнула:

— Они попросили нас о сотрудничестве.

— О сотрудничестве.— Шарпс снова рассмеялся.— Да провалиться мне, если я считаю, что это поможет выбить добавочную монету. Когда начнем?

— Сейчас, пожалуйста,— сказал Гарви.— Пока мы болтаем,

мои люди установят аппаратуру. А вы просто не обращайте на них внимания. Насколько я понимаю, вы местный специалист по кометам.

— Я тоже так полагаю,— сказал Шарпс.— На самом деле мне больше по нраву астероиды, но кто-то ведь должен заниматься кометами. Я делаю вывод, что вас главным образом интересует комета Хамнера—Брауна.

— Правильно.

Гарви поймал взгляд Чарли. Команда готова. Гарви кивнул. Мануэль прислушался, глядя на индикатор, и сказал:

— Начали.

Марк, сделав шаг, встал перед камерой. «Интервью с Шарпсом». Хлопушка щелкнула с громким «клак!» Шарпс подпрыгнул. Интервьюируемые всегда, когда впервые слышали это «клак», подпрыгивали. Чарли занимался камерой, направляя ее на Шарпса. Задающего вопросы Гарви он снимет позднее, уже без Шарпса.

— Скажите, доктор Шарпс, будет ли комета Хамнера—Брауна видна невооруженным глазом?

— Не знаю,— сказал Шарпс. На лежащей перед ним перфокарте IBM он быстро нарисовал что-то непонятное. Возможно, рисунок означал двух спаривающихся лох-несских чудовищ.— Через месяц мы будем знать больше. Мы уже знаем, что она приблизится к Солнцу на расстояние, на каком находится Венера, но...— он замолчал и глянул на камеру.— Какого уровня объяснение вам желательно?

— Говорите все, что вам хочется,— сказал Гарви.— Сделайте так, чтобы понял я. А потом мы решим, как рассказывать все это публике.

Шарпс пожал плечами:

— Прекрасно. Итак, вот как выглядит извне Солнечная система,— он показал на стену. Рядом с доской висел большой чертеж с изображением планет и их орбит.— Планеты и их спутники всегда находятся там, где им следует находиться. Их танец заключается в том, что они обращаются вокруг друг друга по гигантским замкнутым орбитам. Каждая планета, каждый спутник, каждый ничтожный камешек в поясе астероидов танцует под ньютонову мелодию гравитации. Меркурий чуть выпадает из общего тона, поэтому нам пришлось пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной.

— Как это?— спросил Гарви.— Конечно, я предпочитаю разбираться во всем самостоятельно,— но что за дьявольщина?..

— Просто каждый год его орбита немного меняется. Не намного, но больше, чем следовало бы по Ньютону. Этому факту нашел хорошее объяснение человек, которого звали Эйнштейн. И между про-

чим, оказалось, что Вселенная устроена более странным образом, чем мы представляли раньше.

— А! Надеюсь, чтобы разобраться в кометах, нет нужды привлекать теорию относительности.

— Нет-нет. Но на орбиту комет воздействует еще что-то, кроме гравитации. Странно, не так ли?

— Да. И теперь нам снова придется пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной?

— Что? Нет, данный случай попроще предыдущего. Взгляните...— Шарпс вскочил на ноги и шагнул к доске. Бормоча себе под нос, принялся искать мел.

— Пожалуйста.— Марк вынул из кармана кусок мела и протянул Шарпсу.

— Благодарю.— Шарпс быстро нарисовал белый шарик и параболическую кривую.— Это комета. Теперь пусть она приближается к планетам.— Он нарисовал два круга.— Земля и Венера.

— Я думал, что планеты движутся по эллиптическим орбитам,— сказал Гарви.

— Так они и движутся, но в данном масштабе можно рисовать так, разница несущественна. Теперь взгляните на орбиту кометы. Обе ветви кривой выглядят одинаково — ведущая в систему и выводящая. Парабола прямо по учебнику, так?

— Так.

— Теперь, как на самом деле выглядит комета, когда она удаляется от Солнца. Плотное ядро, ком, образованный мелкой пылью и газом,— он снова рисовал,— и хвост, состоящий из смешанного с пылью газа. Хвост направлен в сторону от Солнца. Вперед от выходящей из системы кометы. Хвост. *Огромный* хвост, иногда достигающий в длину ста миллионов миль. Но он — почти полный вакуум. Таким он и должен быть, если бы он был плотным, комете не хватило бы вещества на заполнение такого обширного пространства.

— Понятно.

— О'кей. И снова — как по учебнику. Вещество, находящееся в голове кометы, вскипает и выбрасывается из нее. Это разреженный газ и крошечные частички пыли. Такие крошечные, что их рассеивает солнечный свет. Световое давление Солнца выжимает их наружу, таким образом, хвост всегда направлен от Солнца. Все понятно? Хвост следует за кометой, входящей в систему, и опережает комету, выходящую из системы. Но...

Вещество вскипает неравномерно. Когда комета в первый раз входит в систему, она представляет собой твердую массу. Так мы думаем. Как на самом деле, никто не знает. Мы создали несколько моделей, удовлетворяющих наблюдаемым фактам. Что касается меня, я больше склоняюсь в сторону модели: снежно-пылевой шар. Комета состоит из камней и пыли, грязи, облепленной и связанной

льдами и замерзшими газами. Некоторое количество водяного льда. Метан. Двуокись углерода — сухой лед. Цианиды и нитрогены. Различные виды вещества. Скопления этих газов тают и вырываются то в одну, то в другую сторону. Получается что-то вроде реактивного двигателя, и орбита кометы меняется.— Шарпс заработал мелом. Мел он держал как-то сбоку. Когда он закончил, входящая ветвь стала неровной и прыгающей, а выходящая расплылась, сделавшись немного похожей на кометный хвост.— Итак, мы не знаем, как близко она пройдет от Земли.

— Понимаю. И вы не знаете, насколько велик будет хвост.

— Правильно. Но представляется, что это новая комета. Может быть, до сих пор она никогда не приближалась к Солнцу. Она не похожа на комету Галлея, которая возвращается через каждые семьдесят лет и с каждым разом делается все меньше. Каждый раз, проходя вблизи Солнца, кометы отдают маленькую часть своей жизни. Часть составляющего их хвост вещества теряется — и навсегда. Таким образом, каждый раз хвост кометы уменьшается. И в конце концов, не остается ничего, кроме ядра, состоящего из груды камней. Метеоритные дожди. Некоторые из самых красивых падающих звезд — это осколки старых комет, попавшие в поле притяжения Земли.

— Но данная комета новая...

— Верно. И следовательно, у нее должен быть впечатляющий хвост.

— Мне вроде бы вспоминается, что то же самое говорили насчет Кагоутека.

— А мне вроде бы вспоминается, что утверждавшие это были неправы, хотя и поступили в продажу памятные значки, изображающие как Кагоутек должен точно выглядеть. Понимаете, нет возможности знать заранее. Но по моему мнению, комета Хамнера—Брауна будет хорошо видна. И она должна пройти довольно близко к Земле.— Внутри расплывшегося пятна выходящей из системы кометы Шарпс нарисовал точку.— Вот где мы будем. Разумеется, пока комета не пройдет мимо Земли, многого мы не увидим, потому что, чтобы разглядеть ее, нам придется смотреть прямо на Солнце. В таких условиях вести наблюдение трудно. Но когда она минует нас, видно ее будет хорошо. Бывали кометы, хвост которых расползался на полнеба. Их было видно даже днем. В этом столетии больших комет у нас еще не было — припозднились.

— Эй, док,— сказал Марк.— Вы нарисовали Землю прямиком на ее дороге. Мы не столкнемся?

Гарви бросил на Марка взгляд — взгляд, подобный кинжалу.

Шарпс рассмеялся:

— Шансов — миллион к одному. Вы сейчас видите Землю в виде точки, нарисованной на доске. А на деле, если б я нарисовал Землю

в нужном масштабе, вы бы ее вообще не смогли разглядеть. Как не смогли бы разглядеть ядра кометы. Таким образом, какова вероятность, что две исчезающе малые точки смогут столкнуться?— Он нахмурился, уставясь в доску.— Разумеется, хвост, скорее всего, пройдет там, где будет находиться Земля. Может быть, мы будем оставаться в хвосте несколько недель.

— И к чему это приведет?— спросил Гарви.

— Мы прошли сквозь хвост кометы Галлея,— сказал Марк.— Никакого вреда это не принесло. Только небо довольно ярко светилось и...

На сей раз взгляд Гарви возымел свое действие.

— Ваш приятель прав,— сказал Шарпс.

«Я знаю это». И Гарви спросил:

— Доктор Шарпс, почему Хамнер—Браун так заинтересовала астрономов?

— Дорогой мой, мы можем многое узнать, изучая кометы. Например, как возникла Солнечная система. Кометы старше Земли. Они состоят из изначального вещества. Эта комета, возможно, находилась за орбитой Плутона миллиарды лет. Существующая теория утверждает, что Солнечная система сконденсировалась из газово-пылевого облака, вращающегося в межзвездном пространстве. Бóльшая часть этого вещества была унесена взрывом, когда зажглось Солнце, но некоторое количество осталось, образовав кометы. Мы сможем проанализировать состав хвоста кометы. Именно таким образом мы изучали Кагоутек, и Кагоутек не разочаровал астрономов. Были пущены в ход инструменты и средства, каких мы ранее не имели... «Скайлэб»... Многое было пущено в ход.

— А принесло ли это пользу?— подсказал Гарви.

— Пользу? Результаты были великолепные! И мы снова сможем провести такие же наблюдения!— Шарпс драматически взмахнул руками. Гарви быстро глянул на свою команду. Камера работала, у Мануэля был удовлетворенный взгляд звукотехника, у которого с аппаратурой все в порядке.

— Будет ли послано, когда настанет время, к этой комете что-нибудь вроде «Скайлэба»?— спросил Гарви.

— «Скайлэб»? Нет. Но есть капсула «Аполлона», которую мы сможем использовать. И в нашем распоряжении имеющееся в институте оборудование. Еще есть военные ракеты-носители, пентагоновские игрушки, которые больше никому не нужны. Они бы нам пригодились. Если бы мы запустили их прямо сейчас, можно было бы ни о чем больше не беспокоиться.— Лицо Шарпса помрачнело.— Но нам их не дадут, а ведь с помощью ракет мы бы действительно могли как следует исследовать комету Хамнера—Брауна. Мы бы узнали многое.

Камера и звуковая аппаратура были упакованы, сложены. Телевизионщики в сопровождении все той же провожатой вышли. Гарви задержался, прощаясь с Шарпсом.

— Не хотите ли кофе, Гарви?— спросил Шарпс.— Если вы не очень торопитесь.

— Не откажусь.

Шарпс нажал кнопку на консоли телефона.

— Ларри, пожалуйста, принесите нам кофе.— Обернулся к Гарви и сказал:— Проклятущая ситуация. Вся страна зависит от технологии. Остановись ее колеса на два дня, и нас захлестнут бунты. Нет города, где не витал бы дух революции. Представьте: Лос-Анджелес или Нью-Йорк, лишенные электроэнергии. А то заглянем подальше: остановились заводы, производящие удобрения. Или глянем еще дальше: в течение ближайших десяти лет исчезнет вся современная технология. Что случится с нашим жизненным уровнем?

— Конечно, мы — это цивилизация, обладающая высокоразвитой техноло...

— Однако...— голос Шарпса был твердым. Он намеревался закончить свою мысль.— Однако проклятые дураки не желают уделить науке и технологии никакого внимания, хоть по десять минут в день. Сколько вообще народу знает, чем они, в конце концов, занимаются? Откуда берутся их ковры? Откуда берется одежда, которую они носят? Для чего нужен карбюратор? Где таятся корни всего нашего изобилия? *Вы* знаете? А из тех, кто имеет право голосовать, — хоть один из тридцати знает? Они не желают потратить десять минут в день на размышления о технологии, на которой зиждется вся их жизнь. Неудивительно, что ассигнования на научные цели так урезаются, что скоро сойдут на нет. Мы за это поплатимся. В один прекрасный день нам понадобится что-то, что могло быть разработано многими годами раньше — и не было разработано...— Он замолчал.— Скажите, Гарви, будет ли эта телевизионная штука, с которой вы работаете, чем-то значительным? Или это будет обычная мелкота для научной программы?

— Первостепенной,— сказал Гарви.— Это будет серия, посвященная тому, как важно исследовать комету Хамнера—Брауна. Между прочим, она будет посвящена и тому, насколько важна наука в целом. Разумеется, я не могу гарантировать, что люди не переключатся на программу «Я люблю Люси».

— Да. О... благодарю вас, Ларри. Ставьте кофе прямо сюда.

Гарви ожидал, что будут принесены чашки и кофеварка. Вместо этого помощник Шарпса внес на инкрустированном подносе поблескивающий термос и кофейный сервиз с серебряными ложечками.

— Не церемоньтесь, Гарви. Это хороший кофе. Мохаджава?

— Точно,— сказал помощник.

— Хорошо.— Шарпс махнул рукой, отпуская Ларри.— Гарв,

чем объясняется, что ваша телекомпания вдруг так заинтересовалась кометой?

Гарви пожал плечами.

— На этом настаивает заказчик. Случилось так, что заказчиком является компания «Мыло Кальва», а контролирует компанию Тимоти Хамнер. И случилось так...

Слова Гарви были прерваны взрывом смеха. Тонкое лицо Шарпса весело сморщилось.

— Прекрасно!— Затем он задумчиво поглядел на Гарви.— Серия. Скажите, Гарв, если политик поможет нам с руководством студии... *очень* поможет... можно ли его участие обыграть в этой серии? Создать вокруг него благоприятную атмосферу? Разрекламировать?

— Конечно. Хамнер бы настаивал на этом. Да и у меня вроде нет возражений...

— Великолепно.— Шарпс поднял свою кофейную чашку.— Ваше здоровье. И спасибо, Гарв. Громадное спасибо. Думаю, в дальнейшем нам придется встречаться достаточно часто.

* * *

Шарпс подождал, пока Гарви Рэнделл не покинет здание. Он сидел неподвижно и тихо, очень тихо, что для него было необычно. И где-то в области желудка у него горело. Это может сработать. Это просто может сработать. Наконец он резким движением включил интерком:

— Ларри, соедините меня с Вашингтоном, с сенатором Артуром Джеллисоном. Пожалуйста.

Потом — нетерпеливое ожидание, пока наконец не загудел телефон.

— Он на связи с вами,— сказал помощник.

Шарпс поднял трубку.

— Шарпс.— Снова ожидание, пока секретарша соединяет с сенатором.

— Чарли?

— Я,— сказал Шарпс.— Арт, у меня есть для вас предложение. Вы слышали о комете?

— О комете? А, о комете. Странно, что вы упоминаете об этом. Мне довелось встретиться с парнем, открывшим ее. Оказывается, он щедро вносил деньги в мой фонд. Но прежде я с ним никогда не встречался.

— Хорошо, это важно,— сказал Шарпс.— Случай, выпадающий раз в столетие...

— То же самое говорили насчет Кагоутека...

— Черт с ним, с Кагоутеком! Послушайте, Арт, есть шансы, что мы получим ассигнования на космический зонд?

— Сколько?

— Ну, тут две возможности. Вторая лучше, если нам вообще что-нибудь удастся... Институт может запустить автоматический зонд с записывающей аппаратурой — что-нибудь вроде того, что идет на «Тор-дельта»...

— Нет проблем. На это я вам смогу выделить,— сказал Джеллисон.

— Но вторая возможность лучше. Что нам *действительно нужно*, так это корабль с экипажем. Скажем, «Аполлон» с двумя людьми на борту. Плюс оборудование — вместо третьего члена экипажа. Арт, эта комета должна пройти *близко*. С помощью корабля мы сможем получить хорошие фотографии. Не просто фотографии хвоста или оболочки кометы. Есть отличные шансы, что мы сможем сфотографировать ее голову. Вы понимаете, что это значит?

— Не совсем, но раз вы говорите, что это важно...— Джеллисон помолчал мгновение.— Извините. На самом деле я понимаю, но на это шансов нет. Ни единого шанса. Во всяком случае, нельзя рассчитывать на «Аполлон», коль скоро наш бюджет...

— Нет, можно рассчитывать. Я как раз провентилировал этот вопрос с Роквеллом. Задача более рискованная, чем нравится НАСА, но попытаться можно. У нас есть...

— Все это не имеет значения. Я не смогу выделить для этого деньги.

Шарпс нахмурился, глядя на телефон. Тошнотворное жжение в области желудка усиливалось. Артур Джеллисон — его старый друг. И Чарли Шарпсу всегда не по душе шантаж. Но...

— ...даже если русские готовят к полету к комете «Союз»?

— Что?! Но они не...

— О, они — да,— сказал Шарпс, а про себя подумал: «Это и не то чтобы ложь, и не то чтобы правда. Просто предвидение...»

— И вы можете доказать это?

— Через несколько дней. Будьте уверены, они собираются взглянуть на Хамнер—Браун с близкого расстояния.

— Я окажусь по уши в дерьме.

— А...

— Вы играете со мной в кошки-мышки, не так ли, Чарли? — требовательно спросил Джеллисон.

— Не совсем так. Поймите, Арт, это важно. И все равно необходимо послать в космос корабль с экипажем, хотя бы для того, чтобы у людей не пропал интерес к космическим полетам. А вы, после того как состоится полет корабля, управляемого людьми...

— Да-а. Но у меня ни шанса добиться этого.— Снова продолжительное молчание. Затем Джеллисон сказал не столько Шарпсу, сколько себе: — Итак, русские готовятся. И несомненно, они многое на этом выиграют.

— Я убежден, что они готовятся.

Снова молчание. Чарли Шарпс почти не дышал.

— О'кей,— сказал Джеллисон.— Я разнюхаю тут, в верхах, и посмотрю, какого рода будет реакция. Но было бы лучше, если бы вы говорили со мной напрямую.

— Сенатор, через неделю у вас будут неопровержимые доказательства.

— Прекрасно. Я попытаюсь их использовать. Есть у вас ко мне еще что-нибудь?

— В данную минуту — нет.

— О'кей. Спасибо за совет, Чарли.— Сенатор положил трубку.

Неожиданный он человек, подумал Шарпс. Он слегка улыбнулся — сам себе. Затем резким движением вновь нажал кнопку интеркома:

— Ларри, соедините меня с Москвой, я хочу поговорить с доктором Сергеем Фадеевым. Да, я знаю, сколько там сейчас времени. Вы просто соедините меня с ним.

* * *

Легенда о Гильгамеше была одним из немногих не связанных друг с другом преданий, которые начали рассказывать люди, расселившиеся по дуге плодородных земель. Это было на Земле, в Азии...

Комета почти не изменилась. Она все еще находилась далеко за пределами гигантского водоворота. Бывший спутник, удравший от своей планеты (позднее его назовут Плутоном) выглядел сейчас, как выглядел бы четвертак, если, держа его за самый край, смотреть с расстояния вытянутой руки. Солнце походило на раздражающе яркую точку. Изливающийся от этой точки жар был все еще меньше, чем жар черного гиганта в момент наибольшего сближения с кометой. Поверхность кометы состояла сейчас в основном из льда. Лед отражал большую часть падающего на комету тепла. И тепло уносилось к звездам.

И шло время.

Климат на Марсе, завершая свой долгий путь, зашел в тупик: Марс потерял свою воду. По Земле все дальше распространялись люди; они смеялись и сражались. А комета продолжала свое падение. Дыхание солнечного ветра — разогнанные до колоссальных скоростей протоны — обдирало поверхность кометы. Значительная часть водорода и гелия, составляющих ее, улетучилась. Гигантский водоворот становился ближе.

МАРК: один

И повесил радугу Бог над нами
В знак того, что ждет нас теперь
не вода, а пламя.

Старинный
спиричуэлз

Марк Ческу посмотрел на дом и присвистнул. Стиль калифорнийско-позднеанглийской готики. Белые (хотя и небезупречно белые), оштукатуренные стены, по углам — массивные деревянные брусья. Точно, это настоящее дерево. Кое-где, например в Глендейле, построены дома в аналогичном стиле, но там не дерево, а фальшивые полосы из фанеры.

Большой дом, расположенный посредине большого земельного участка. Марк подошел к парадной двери, позвонил. Дверь тотчас распахнулась. Открыл ее юнец с длинными волосами и тоненькими, словно прорисованными карандашом, усиками. Он глянул на берейторские брюки и ботинки Марка, глянул на огромные коричневые чемоданы, поставленные Марком на крыльцо.

— Нам ничего не надо,— сказал он.

— А я ничего и не продаю. Я Марк Ческу из НБС.

— О! Извините. Вы удивились бы, узнав, как часто нас посещают торговцы вразнос. Меня зовут Джордж. Я домашний слуга.— Он поднял один из чемоданов.— Тяжелый.

— Да.— Марк огляделся по сторонам. Картины. Телескоп. Глобусы — Земли, Марса и лунный. Стеклянные статуэтки. Хрустальная посуда. Снаряжение для пеших путешествий. Сама комната будто предназначена для театральных представлений. Перед диваном стоял телевизор.

— Похоже, что какой-то черт нанес сюда этот хлам,— сказал Марк.

— Наверняка так и было. Сюда, ставьте ваш чемодан сюда. В них что-нибудь хитрое?

— Не сказал бы. Вы знаете, что такое видеозвукозаписывающая аппаратура?

— Вообще-то должен бы знать,— сказал Джордж.— Я студент театрального факультета. Лос-Анджелесский университет. Но мы этого еще не проходили. Было бы хорошо, если б вы показали мне, как она работает.

— Невтерпеж? Хотите как можно быстрее израсходовать пленку?

— Не-а. Я сейчас репетирую «Дикую утку». Хорошая роль. А пленку вам израсходует мистер Хамнер.

— Вот ему я и буду показывать.

— В таком случае вам придется подождать. Его еще нет дома. Хотите пива?

— Звучит мило.— Марк проследовал за Джорджем на кухню.

Кухня была большая, сверкала хромом и огнеупорной пластмассой. Две сдвоенные раковины для мытья посуды, две газовые плиты. Большая полка, уставленная подносами. Еще полки — книжные и стол, на котором лежали поваренные книги, последние романы Тревиса Макги и книга Станиславского «Актерское обучение». Лишь на романах и учебнике Станиславского виднелись следы того, что эти книги как-то использовались.

— А мне казалось, что Хамнер скорее подыскал бы себе студента-астронома...

— До меня был студентом-астрономом,— сказал Джордж, доставая пиво.— Они, он и Хамнер, много цапались.

— Ага, Хамнер изничтожил его.

— Нет, он послал его в свои горные владения. Хамнеру по нраву стычки, но только не в том случае, когда он находится у себя дома. Работать у него легко. И еще, в моей комнате стоит цветной телевизор, и я могу пользоваться бассейном и сауной.

— Трудно поверить.— Марк маленькими глотками попивал пиво.— Похоже, что в этом доме устраиваются веселые вечера.

Джордж рассмеялся:

— Чертовски похоже. Вероятно, эти вечера устраиваются, когда я занят на репетициях. Или эти вечера похожи на сегодняшний.

Марк пристально оглядел Джорджа. Тоненькие усики. Правильное лицо актера. Какого черта, подумал он. Может, Хамнер развратник? Что-нибудь в этом роде?

— О Господи, нет,— сказал Джордж.— Нет, просто он нечасто дает себе разгуляться. Я заприметил его на последнем нашем спектакле с подругой. Милая девушка, из Сиэтла. Хамнер встретился с ней пару раз, и все. Ирен сказала, что, когда они оказались наедине, он был вежлив и вел себя как настоящий джентльмен... а потом он запрыгнул на нее.

— А ей бы следовало от него отпрыгнуть.

— То же самое сказал ей и я, но ей не хотелось отпрыгивать.— Джордж по-петушиному склонил голову набок.— А вот и мистер Хамнер прибыл. Я узнаю его машину.

* * *

Тим Хамнер прошел в боковую дверь и оказался в маленькой, великолепно обставленной комнате. Он подумал, что он дома.

Лишь в этой комнате он чувствовал себя как дома, ему здесь было очень удобно, хотя, так или иначе, он использовал все здание. А вообще, Хамнеру не нравился его дом. Дом был куплен за хорошие деньги, и он стоил этих денег. В нем было достаточно места, чтобы Хамнер мог разместить свои коллекции, но на жилище он походил мало.

Хамнер налил себе немного шотландского виски и опустился в кресло. Ноги он поместил на скамейке для ног. Ему было хорошо, он выполнил свой долг. Он побывал на совещании директоров компании. Он выслушал все доклады. И поздравил президента компании с полученной за последний квартал прибылью. Естественно, Тиму бы хотелось предоставить делать деньги тем, кому это занятие нравится. Но двоюродный брат Тима, поддавшийся той же склонности, потерял все, что имел. Никогда не мешает показать тем, кто управляет твоими делами, что ты заглядываешь им через плечо.

Воспоминание о совещании натолкнуло его на мысль о секретаре компании. До начала совещания она прелюбезно болтала с Тимом, но, когда он предложил ей завтра пообедать вместе, заговорила о переносе свидания на будущее. А возможно, она бы и пришла на свидание. Для этого она достаточно вежлива. Но Тим не согласился. Возможно, подумал он, я мог бы договориться с ней на ближайшую пятницу или на какой-либо день следующей недели. А если бы она отказала, не осталось бы сомнений почему.

Он услышал, как Джордж разговаривает с кем-то и лениво удивился: кто бы это мог быть? До сих пор от Джорджа он не видел никаких беспокойств, никаких неприятностей. Это единственное, что примиряет Тима с его пребыванием в этом доме. Единственное, что устраивает его. А потом он вспомнил. Да это же кто-то из НБС! Принесли отснятые материалы, которые понравились Тиму, но в фильм не вошли. Тим почувствовал приступ энтузиазма и начал переодеваться.

* * *

Около шести явилась Пенелопа Вильсон. Она никогда в жизни не отзывалась на имя Пенни — как бы ни настаивала ее мать. Разглядывающий ее в дверной глазок Тим Хамнер вдруг вспомнил, что от имени Пенелопа она отказалась тоже. Она предпочитала свое второе имя, но как оно звучало, Тим не помнил.

Наберись смелости. Он широко распахнул дверь и, не скрывая, как это для него мучительно, завопил:

— Быстрее! Как ваше второе имя?

— Джойс. Привет, Тим. Я пришла первой?

— Да. Вы выглядите очень элегантно.— Он помог ей снять паль-

то. А знакомы они целую вечность; во всяком случае, со школьных лет. Пенелопа Джойс посещала ту же подготовительную школу, что и сестра Тима и с полдюжины его двоюродных сестер. Она была совсем своя. У нее был широкий рот и слишком крупная, квадратная челюсть. А фигура... Лучше всего было бы сказать, что у Пенелопы Джойс была крепкая фигура. Хорошеть она начала, когда поступила в колледж.

Сегодня она действительно выглядела элегантно. Длинные вьющиеся волосы были уложены в сложную прическу. Простого покроя неяркое платье, и сшито оно из ласкающей глаз материи. Тиму захотелось коснуться платья. Он достаточно долго жил вместе со своей сестрой, чтобы понять, сколько труда ушло на пошив такого платья, хотя и малейшего понятия не имел, как это делается.

Ему бы хотелось, чтобы ей здесь понравилось и чтобы одобрение было немедленным. Он ждал, пока она осматривалась в комнате, и удивлялся про себя, почему никогда прежде не приглашал ее сюда. Наконец она перевела взгляд на него. На ее лице — выражение, какого Тим не видел со школьных времен, когда Пенелопа полагала себя непогрешимым судьей во всех вопросах морали.

— Миленькая комната,— одобрительно сказала она. И, разрушая впечатление, хихикнула.

— Очень рад видеть вас. Действительно. Чрезвычайно рад.

— Правда? Мое мнение так важно для вас?— поддразнивая, она скорчила гримасу, памятную еще по годам детства.

— Да. Через несколько минут здесь соберется вся эта чертова семейка, и большинство из них никогда этого дома не видело. У вас тот же склад мышления, что и у них, так что, если вам нравится, им понравится тоже.

— Гм. Полагаю, вы правы. Так мне и надо.

— Эй! Я вовсе не подразумевал...

Она снова подсмеивалась над ним. Он протянул ей стакан со спиртным, они сели.

— Я удивлена,— промурлыкала Пенелопа.— Мы не виделись друг с другом по крайней мере два года. Почему вы пригласили меня на сегодняшний вечер?

Тим частично был готов к подобному вопросу. Пенелопа всегда была прямым человеком. Он решил сказать правду:

— Я размышлял, кого бы мне хотелось видеть здесь сегодня вечером. Это весьма эгоистично, правда? Вечер, посвященный моей комете... И я подумал о Джиле Уотерсе, лучшем ученике моего класса, о моих родных и о вас. А потом я понял, что вспомнил я о тех людях, на которых мне хотелось произвести впечатление. Громадное впечатление.

— На меня?

— На вас.

— Помните наши беседы? А ведь я никогда так и не смог сказать вам, что бы мне хотелось сделать, что я считал главным делом своей жизни. Все мои родичи, все, с кем я рос,— все они либо делают деньги, либо коллекционируют произведения искусства, либо увлечены гоночными автомобилями. Или что-нибудь в этом роде. А что касается меня, мне хотелось одного: наблюдать небо.

Она улыбнулась:

— Я действительно польщена, Тим.

— А вы действительно выглядите очень элегантно. Платье — ваше собственное творение?

— Да. Спасибо.

С ней было легко разговаривать. Тим решил, что это приятное открытие.

И тут зазвонил дверной звонок. Явились остальные приглашенные.

* * *

Вечер получился хороший. Поставщики провизии сделали свою работу как надо, так что с продуктами никаких трудностей не было. И это при том, что Джорджа, который мог бы помочь, не было. Тим обнаружил, что у него хорошее настроение, и расслабился.

Гости слушали.

Они никогда не слушали его так раньше. Они слушали, а Тим рассказывал им, как это происходило: холод, тьма, и так — часами, пока ведется наблюдение, пока изучаешь образованный звездами рисунок, пока ведешь записи. Бесконечные часы сосредоточенного сидения над фотографиями. И все это — без результатов, если не считать радости познания Вселенной. И гости слушали. Слушал даже Грег, который обычно не делал секрета из того, что он думает о богачах, не уделяющих должного внимания своим деньгам.

Здесь, в доме Тима, собрались в основном лишь члены его семьи, но он был радостно возбужден, напряжен, его трясла нервная дрожь. Он увидел, как Барри улыбнулся и покачал головой, и понял, о чем Барри подумал: «На что только люди тратят свою жизнь!» А на самом деле он просто завидует мне, подумал Тим, и эта мысль была восхитительно приятной. Тим глянул на свою сестру, смотрящую на него с неискренним интересом. Джилл всегда могла прочесть его мысли. Она всегда была ему ближе, чем брат Пэт.

Но именно Пэт вышел к бару, показывая, что хочет что-то сказать.

— Сам черт не знает,— сказал Пэт,— что делается в таком доме, как твой, Тим.— Он качнул головой в сторону матери, ко-

торая расхаживала по комнате, разглядывая приборы. Как раз в этот момент она зачарованно смотрела на непонятные ей чертежи и таблицы.

— На спор: я знаю, о чем она думает. А ты знаешь?

— Что я знаю?

— Что ты приводишь сюда девочек. Что устраиваешь здесь бардаки.

— Не твое, черт побери, дело.

Пэт пожал плечами.

— Очень плохо. Парень, бывало иногда, когда мне хотелось, чтобы я... но дьявол с этим. Но честное слово, тебе бы уже пора. Ты не бессмертен. Мама права.

— Конечно,— сказал Тим. Какого черта Пэту понадобилось затрагивать эту тему? Об этом будет говорить мать, и раньше, чем пройдет ночь. «Тимми, почему ты все еще не женился?»

Когда-нибудь я ей отвечу, подумал Тим. Когда-нибудь я ей все выскажу. «Потому что каждый раз, когда я встречаю девушку, с которой, как мне кажется, я мог бы прожить всю жизнь, ты заявляешь, что она и плевка не стоит, и девушка исчезает. Вот почему».

— Я хочу есть,— объявила Пенелопа.

— Господи Боже,— Джилл похлопала ее по животу.— Как в тебя столько вмещается? Мне хотелось бы узнать твой секрет. Только не говори, что все дело в покрое твоих платьев. Грег считает, что твои творения нам не по карману.

Пенелопа взяла Тима под руку.

— Пойдемте, вы покажете, где тут у вас воздушная кукуруза. И меня знобит. Дайте мне бокал чего-нибудь.

— Но...

— Для себя они найдут выпивку сами.— Она повела его к кухне.— Пусть они поговорят о вас в ваше отсутствие. От этого их восхищение вами только усилится. В конце концов, главная персона сегодня вы.

— Вы так думаете?— Он заглянул ей в глаза.— Никак не могу понять, когда вы надо мной просто подшучиваете.

— Вот и славно. Где тут у вас масло?

* * *

Фильм был великолепен. Тим понял это, когда увидел, как смотрела фильм его семья. Как они смотрели, увидев *его* на телевизионном экране.

Камера Рэнделла прошлась по всему миру, показывая наблюдающих за небом астрономов-любителей. «Большинство комет открыто любителями,— сказал Рэнделл.— Широкой публике мало изве-

стно, какую неоценимую помощь получают большие обсерватории от этих следящих за небом людей. Разумеется, некоторые любители, в сущности, вовсе и не любители». Кадр сменился. Теперь на экране были Тим Хамнер, показывающий свою горную обсерваторию, и его помощник, Марти, демонстрирующий оборудование. Тим подумал, что этот отрывок слишком короток, но, когда увидел, как смотрит на него вся семья, когда увидел, что они ошеломлены, он понял, что Гарви Рэнделл все сделал правильно. Его родным не хотелось, чтобы этот отрывок сменился так скоро следующим. Всегда нужно делать так, чтобы людям хотелось продолжения — хоть еще немного...

— А некоторые любители,— сказал голос Рэнделла,— в большей степени любители, чем остальные.— Камера быстро переключилась на улыбающегося десятилетнего мальчика, стоявшего рядом с телескопом. Телескоп выглядел внушительно, но вместе с тем было очевидно, что это самоделка.— Гэвин Браун, из Кентервилля, штат Айова. Гэвин, как случилось, что ты вел наблюдения за кометами как раз в нужный момент и искал в нужном месте?

— Я их не искал.— У Брауна был неприятный голос. И сам он был юн и застенчив, и говорил слишком громко.— Я так отрегулировал и поставил линзы потому, что хотел понаблюдать за Меркурием в дневное время; только, если хочешь найти Меркурий, все нужно сделать и отрегулировать правильно, потому что Меркурий находится очень близко от Солнца и...

— Итак, ты нашел комету Хамнера—Брауна случайно,— сказал Гарви Рэнделл.

Грег Мак Клив рассмеялся. Джилл бросила на своего мужа негодующий взгляд.

— Объясни мне, Гэвин,— сказал Рэнделл,— ты заметил комету много позже мистера Хамнера, но сообщили вы о ней одновременно. То есть твое сообщение последовало почти сразу... Как ты понял, что это была новая комета?

— Это было небесное тело, которого там не было раньше.

— Ты хочешь сказать, что знаешь все небесные тела, принадлежащие к данному участку неба?— спросил Рэнделл. На экране появилась фотография участка, где была обнаружена комета Хамнера—Брауна. Небо было сплошь заполнено звездами.

— Конечно. Разве эти тела известны не всем?

— Ему-то известны,— сказал Тим.— Он пробыл здесь неделю и — клянусь!— мог бы рисовать звездные карты по памяти.

— Он жил здесь?— спросила мать Тима.

— Конечно! В свободной комнате.

— Вот как! — Мать Тима неодобрительно уставилась в телевизор.

— А где сегодня Джордж?— спросила Джилл.— Придет в следу-

ющий раз? Мама, тебе известно, что домашний слуга Тима встречается с Линдой Гиллрей?

— Передайте мне воздушную кукурузу,— сказала Пенелопа.— Где сейчас Браун, Тим?

— Вернулся обратно в Айову.

— Из-за этого фильма мыло теперь продается лучше?— спросил Грег, показывая на экран.

— С «Кальвой» все в порядке,— сказал Тим.— По продаже за прошлый год — двадцать шесть и четыре десятых процента...

— Боже, оно расходится лучше, чем я думал,— сказал Грег.— Кто занимается у вас рекламой?

Затем программа возобновилась, хотя о Тиме Хамнере более не упоминалось. Однажды открытая, комета Хамнера—Брауна сделалась достоянием всего мира. Теперь на первом плане красовался Чарльз Шарпс. Он говорил о кометах и о том, как важно изучать Солнце, планеты и звезды. Тим не почувствовал себя разочарованным, но подумал, что остальные почувствовали. Если не считать Пэта, который неотрывно глядел на Шарпса и кивал. Затем Пэт отвел взгляд и сказал:

— Если бы я, как он, еще в молодые годы стал профессором, я, наверное, открыл бы комету сомостоятельно. Ты с ним хорошо знаком?

— С Шарпсом? Никогда с ним не встречался. Но знаю его по экрану телевизора,— ответил Тим.— Как и он меня.

Грег подчеркнуто поглядел на свои часы.

— Мне нужно быть у себя на работе в пять утра. Рынок сходит с ума. А после показа этого фильма свихнется окончательно.

— А?— Тим нахмурился.— Это еще почему?

— Кометы,— сказал Грег.— Знамения неба, предвещающие изменения к худшему. Можно только удивляться, как много вкладчиков верит в это, и верит вполне серьезно. Умалчиваю о том чертеже, что нарисовал профессор. Я говорю о чертеже, где комета сталкивается с Землей.

— Но на рисунке этого не было,— запротестовал Пэт.

— Разумеется нет!— сказал Тим.— Разве вы не слышали? Шарпс сказал, что вероятность столкновения — один к миллиарду.

— Я это понял,— сказал Грег.— А еще он сказал, что иногда кометы сталкиваются с Землей. А эта пройдет близко от нас.

— Но при этом он не подразумевал столкновения,— возразил Тим.

Грег пожал плечами.

— Я знаю, что такое рынок. Утром, как только начнут заключаться сделки, я должен быть у себя в кабинете.

Зазвонил телефон. Тим озадаченно глянул в сторону аппарата.

Прежде чем он успел подняться, Джилл взяла трубку. Она выслушала, что ей говорили, и вид у нее тоже сделался озадаченным.

— Это из информационного отдела твоей компании. Они спрашивают: могут ли они соединить тебя с абонентом, звонок из Нью-Йорка?

— А?— Тим встал, взял трубку. Послушал. На экране телевизора представитель НАСА объяснял, что его организация может послать космический зонд для изучения кометы. Тим положил трубку.

— У вас ошеломленный вид,— сказала Пенелопа.

— А я и вправду ошеломлен. Это звонил один из продюсеров. Они хотят пригласить меня на «Ежевечернее шоу». Вместе с доктором Шарпсом, так что, Пэт, в конце концов, мне суждено познакомиться с ним.

— Каждый вечер я смотрю выступления Джонни,— сказала мать, и в голосе ее звучало восхищение.— Люди, которые получают приглашение на «Ежевечернее шоу»,— это большие шишки.

* * *

Фильм Рэнделла заканчивался. Под конец показали сделанные со «Скайлэба» фотографии звезд и Солнца. Заодно твердо заверили, что для изучения кометы Хамнера—Брауна будет послан пилотируемый корабль с экипажем. Затем пошел коммерческий фильм, и гости Тима начали расходиться. Тим осознал, и не в первый раз, насколько все же они далеки от него. Ему действительно не о чем говорить с главой маклерской фирмы или с человеком, застраивающим город домами, даже если это — его зять или родной брат. Оказывается, они — он и Пенелопа (да, Джойс!) остались в одиночестве. Он смешал себе и ей по коктейлю.

— Ощущение такое, как после неудавшегося спектакля,— сказал Тим.

— «В Бостоне неприятности, и весь город в крестах»,— поддразнила Джойс.

Он рассмеялся.

— Ага. Не видел «Вспыхнувшее небо» с... ей-Богу, с тех пор, как вы играли в этой пьесе! И вы правы. Ощущение у меня точно такое.

— Фу.

— Фу?

— Фу. У вас всегда появляются такие мысли, причем без всяких оснований. Сейчас этих оснований нет тоже. Вы можете гордиться, Тим. А что дальше? Откроете еще одну комету?

— Нет, не думаю.— Он выжал в джин с тоником лимон, протянул стакан ей.— Не знаю. Я недостаточно подкован в теории, для того чтобы делать то, чем мне действительно хотелось бы заняться.

— Так займитесь изучением теории.

— Может, займусь.— Он походил кругами по комнате, присел с ней рядом.— Во всяком случае, начну писать исторические книги. Ваше здоровье!

Она подняла свой стакан, словно салютуя, но она на насмехалась над ним.

— Ваше здоровье!

Тим пил мелкими глотками, потягивая.

— Чем бы я ни занялся, все равно буду продолжать наблюдения за этой кометой. Рэнделл хочет сделать еще один фильм... И если дела мои пойдут не *слишком* плохо, мы этот фильм сделаем.

— Дела? Ваши дела вызывают у вас беспокойство?

— Вы снова издеваетесь надо мной.

— На этот раз — нет.

— Гм. Ну, прекрасно. Я сделаю еще один фильм. Потому что мне этого хочется. Мы постараемся послать к комете космический корабль. Если удастся эту затею как следует разрекламировать, мы запустим этот корабль. И на борту его будет кто-нибудь вроде Шарпса — кто-нибудь, кто действительно понимает в кометах. Благодарю.

Она положила руку на его руку.

— Не за что. Делайте, что задумали, Тим. Никто из тех, кто присутствовал на сегодняшнем вечере, не сделал и половины того, что им хотелось бы сделать. А вы — вы уже выполнили намеченное на три четверти и без задержек доделываете остальное.

Он глянул на нее и подумал: «Если я женюсь на ней, мама вздохнет с большим облегчением. Она закончила привилегированную женскую школу. Она из породы, знакомой ему по сестре Джилл. Девушки этой породы уезжают потом учиться в колледжи восточных штатов, а каникулы они проводят в Нью-Йорке. Они пренебрегают одними и теми же нормами и правилами. Они не боятся своих матерей. Они прекрасны, и с ними страшно. Тяга к сексу, такая сильная у ребят-подростков, у этих девушек без труда подавляется. И потому их красота становится ослепительной, и когда эта красота сочетается с безграничной самоуверенностью... Девушка, подобная подругам Джилл, это страшно, страшно для парня, который никогда не верил в себя».

Но Джойс не пугала его. Для этого она была недостаточно красива.

Она нахмурилась.

— О чем вы сейчас думаете?

О Господи, нет! Он не может честно ответить на этот вопрос!

— Так, многое вспомнилось.

Вот он остался один на один с Джойс. Нужно ли ему вести себя

осмотрительно? Конечно, она осталась после того, как остальные разошлись. Если он сейчас попробует...

Но Тиму не хватило смелости. Вернее, сказал он себе, мне не хватает тепла. Да, она элегантна, но какой смысл ложиться в постель с хрустальной вазой? Он встал, подошел к телевизору.

— Хотите посмотреть еще какую-нибудь передачу?

Какое-то мгновение она колебалась. Внимательно посмотрела на него. Потом с тем же неотрывным вниманием допила свой коктейль, поставила стакан на стол.

— Спасибо, Тим, но пойду-ка я лучше спать. Завтра ко мне придет покупатель.

Уходя, она сохраняла на лице улыбку. Тим подумал, что улыбка эта получилась несколько насильственной. А может, с интересом подумал он, я просто шлепнулся в грязь?

* * *

Гигантский водоворот делался невыносимо тесным. Космические тела всевозможных размеров вращались вокруг друг друга, искривляли пространство, и топология его бесконечно менялась. Планеты и их спутники были изборождены шрамами. Планеты, обладающие атмосферой, такие, как, например Земля и Венера,— усеяны кратерами. Поверхность Марса, Меркурия, Луны сплошь покрыта голыми кольцеобразными стенами и озерами замерзшей магмы...

У кометы был шанс спастись. Гравитационные поля Сатурна и Юпитера могли отправить ее обратно — вышвырнуть комету назад, в холод и тьму. Но для этого Сатурн и Юпитер должны были бы занимать несколько иное положение. И комета продолжала свое падение, ускоряла его, вскипала.

Вскипала! Скопления летучих химических соединений били струей из тела кометы, выбрасывали клубы ледяных кристаллов и пыли. Теперь комету окружало облако светящегося тумана. Это облако, казалось бы, смогло, как щитом, прикрыть комету от жара — но нет. Наоборот — туман, распространившийся на тысячи миль, перехватывал солнечный свет и отражал его на комету. Жар лился на нее уже со всех сторон.

Жар с поверхности просачивался внутрь головы кометы. И вырывались все новые скопления газа, действующие словно реактивные двигатели космического корабля. Голову кометы бросало то туда, то сюда. Планеты, их спутники, астероиды, воздействовали на нее своим притяжением, когда она проходила мимо,— и тоже сбивали с курса. Заблудившаяся, слепая комета. Умирающая, она пролетела мимо Марса. Ее уже нельзя было разглядеть внутри облака

пыли и ледяных кристаллов. И облако это было размерами примерно с Марс.

Телескоп с Земли нащупал ее. Она походила на мерцающую точку — поблизости от того места, где виден Нептун.

МАРС: интерлюдия

Ни одному из астронавтов не довелось прогуляться по твердой поверхности Луны, по ее камням. Так случилось потому, что всюду, куда бы они ни шли,— под их ногами была «грязь». Пылеобразный слой образовался вследствие того, что на протяжении геологических эпох Луна подвергалась бомбардировке метеоритами. Непрекращающаяся бомбардировка так измельчила поверхность, что образовался остаточный слой из мелких обломков камней толщиной в несколько метров.

Доктор Джон А. Вуд. Смитсонианский институт

Фред Лаурен чуть подрегулировал телескоп. Телескоп был большой: четырехдюймовый рефрактор, стоящий на массивной треноге. Квартира стоила Фреду немало, даже слишком много, но она необходима ему, чтобы наблюдать. Обстановку составляли дешевая кровать, несколько подушек, брошенных на пол, и большой телескоп. Всего лишь.

Фред наблюдал за темным окном в четверти мили отсюда. Скоро она должна вернуться домой. Она всегда возвращается в это время. Кто она, чем занимается? Она одинока. Никто не провожает ее. Внезапная мысль ужаснула Фреда, затем он почувствовал себя совсем худо. А что, если она встречается с мужчиной где-нибудь в другом месте? Они вместе обедают, а потом отправляются к нему на квартиру. Может, как раз сейчас этот мужчина кладет свои грязные лапы на ее грудь. У него, конечно, волосатые грубые руки, как руки слесаря, и вот эти руки скользят вниз, они ласкают, движутся вниз, следуя изгибу гладкого ее живота.

Нет! Она не из таких. Она никому не позволит делать такое с собой. Не позволит.

Но все женщины позволяли и позволяют. Даже его мать. Фред Лаурен содрогнулся. Против воли он вспомнил: ему только девять лет, и он зашел к матери, он хотел попросить ее о чем-то, а она лежала на кровати, и на ней лежал мужчина, которого Фред называл дядей Джеком. Мать стонала и извивалась, а дядя Джек тут же соскочил с кровати.

— Ты, маленький выродок, сейчас я отрежу тебе — черт тебя драл! — яйца! Хочется посмотреть? Уверен, что увидишь нечто очень интересное?! Стой здесь, и если ты скажешь хоть одно слово, я оторву тебе член!

И Фред смотрел. А его мать позволяла этому мужчине делать с ней все что угодно...

Окно зажглось. Она пришла домой! Фред затаил дыхание. Она одна? Одна?

С собой у нее была большая продуктовая сумка, сумку она отнесла на кухню. Сейчас она выпьет свою обычную порцию, подумал Фред. Мне бы хотелось, чтобы она не пила так много... Выглядела она усталой. Он смотрел, как девушка смешивает себе мартини. Кувшин она тоже отнесла на кухню. Фред не стал следить, что она там делает, хотя и мог бы — с помощью телескопа. Он раздразнивал себя ожиданием.

У нее было треугольное лицо с высокими скулами, маленький рот и большие темные глаза. Длинные вьющиеся волосы — крашеные, светлые. А волосы внизу живота очень темные. Фред простил ей этот маленький обман, хотя и был шокирован.

Она вернулась обратно, неся кувшин и чайную ложечку. В магазине подарков, расположенном дальше по улице, продавалась оправленная в серебро ложечка для мартини, и Фред часто останавливался и рассматривал эту игрушку. И пытался совладать с собой, чтобы не купить ложечку для нее. Может быть, тогда бы она пригласила его, пригласила к себе на квартиру. Она не пригласит его, пока он не накупит ей подарков, а он не может этого сделать: ведь он знает, что ей нравится, и она обязательно захочет узнать, откуда он знает об этом. Фред Лаурен подался вперед, чтобы коснуться ее, коснуться сквозь волшебное зеркало телескопа... коснуться лишь мысленно, лишь в своем безнадежном томлении.

Сейчас. Сейчас она сделает это. Чтобы не уставать на работе, она надевает на себя не слишком много. Она работает в банке, и, хотя банкиры разрешают служащим у них девушкам носить брюки и прочие безобразные вещи, которые вошли в моду в нынешние времена, она их не носит. Коллин их не носит. Он знает, как ее зовут. Он хотел положить свои деньги на счет в ее банке, но не посмел. Она одевается хорошо, одевается так, что заслуживает продвижения по службе, и ее повысили: теперь она работает в отделе новых вкладов, а там Фреду не удастся поговорить с ней.

Он гордится тем, что ее повысили, но одновременно ему хотелось бы, чтобы она оставалась работать на старом месте, в справочной, тогда... и он представляет: вот он входит и направляется к ее окошку и...

Она сняла голубое платье и бережно повесила в единственный в ее квартире шкаф. А квартира у нее очень маленькая: всего одна комната и ванна и крошечное помещение для кухни. Спит она на кушетке.

Белье у нее было потрепанное, старое. Фред не раз видел, как по ночам она штопает его. Под комбинацией она обычно носила черные кружевные трусики. Он мог разглядеть их цвет сквозь комбинацию. А иногда она надевала трусики розовые, с черными полосками.

Скоро она пойдет принимать ванну. Коллин подолгу моется в ванной. За это время Фред успел бы дойти до ее дома и постучать в дверь. И она бы открыла дверь, не одевшись, только закуталась бы в полотенце, а снаружи стоял монтер телефонной компании. А в другой раз так к ней постучал управляющий домом, и Фред знал, что он смог бы сымитировать его голос. Он не раз ходил вслед за управляющим в бар и там слушал, как тот говорит. Она бы открыла дверь...

Но ему не следует этого делать. Он знает, что произойдет, если она откроет ему дверь. Это будет в третий раз. Третье изнасилование. И тогда его запрут с этими мужчинами. С этими *нелюдьми.* Фред вспомнил, как эти посаженные под замок мужчины именовали его, что они вытворяли с ним. И он задушенно заскулил, как можно тише, будто она могла услышать его.

Она надела халат. Обед ее уже разогрелся в духовке. Она села, включила телевизор. Фред переключил его на тот же канал, затем быстро снова приник к телескопу. Теперь он, глядя поверх ее плеча, не только видел экран ее телевизора, но и слышал звук. Будто они смотрят телевизор вместе — она и Фред.

По этому каналу шла передача, посвященная комете.

* * *

Сильные руки мужчины были длинные, безволосые, тонкие. Они были сильнее, чем казалось на первый взгляд. Они скользили по телу Маурин — хитрые, опытные руки. «Мурр»,— сказала Маурин. Внезапно она притянула мужчину к себе, лежа на боку, изогнулась, обхватила его своими длинными ногами.

Он мягко оттолкнул ее. И продолжал гладить. Он играл ею, как... реактивными двигателями при высадке на Луну. Мысль эта пронзила его мозг. Странная мысль, неудобная. Его губы скольз-

нули по ее груди, язык коротко и быстро касался кожи. И настало — она растворилась в нем. Сейчас она уже забыла о технике любви. Но он не забыл; он никогда не терял над собой контроля. Он не кончит раньше нее, и она может на это рассчитывать, но сейчас — не время для мыслей, сейчас — лишь волны содрогания, ощущения...

Она очнулась, вернулась из далекого далека.

Они лежали, обнявшись, дышали единым дыханием. Наконец он шевельнулся. Ухватив его за курчавые волосы, она приподняла его лицо вверх. Стоя, он был одного с ней роста: астронавты обычно невысоки. А когда он лежал на ней, его голова оказывалась на уровне ее горла. Она приподнялась, чтобы поцеловать его, и удовлетворенно вздохнула. Но сейчас ее мозг снова работал четко. Мне хотелось бы, чтобы я полюбила его, сказала она себе. А почему бы и не полюбить? Потому что он такой неуязвимый?

— Джонни, ты хоть когда-нибудь отключаешься?

Прежде чем ответить, он поразмышлял.

— Видишь ли, о Джоне Гленне рассказывают такую историю...— Он перекатился, опершись на локоть.— Парни из космической медицины попытались выяснить, при каких нагрузках он продолжает оставаться работоспособным. Они опутали Джона Гленна проводами, идущими к различным приборам: фиксировалось биение сердца, потоотделение и так далее. А он в это время на имитаторе прогонял программу полета «Джемини». В середине программы прямо за спиной Гленна уронили железную чушку на железную плиту. От грохота зазвенела вся комната, где проводился эксперимент. А потом уронили еще раз и еще. Сердце Гленна продолжало тикать все так же,— палец Джонни нарисовал в воздухе индейский вигвам.— Он даже не вздрогнул, ни разу. Он выполнил всю программу и лишь потом сказал: «Сукины вы дети...»

Он смотрел, как она смеялась, а потом немного грустно сказал:

— Мы не имеем права на слабость или ошибку.— Он сел.— Если мы не хотим отклоняться от твоей программы, нам пора вставать.

— Да. Наверное, так. Ты вставай первый.

— Ладно.— Он, нагнувшись, поцеловал ее снова и спрыгнул с кровати.

Она услышала, как зашумел душ, и мелькнула было мысль: присоединиться к нему. Но сейчас его это не возбудит. Она сказала то, о чем упоминать не следовало, сейчас он захлестнут воспоминаниями о своей рухнувшей карьере. Рухнувшей не вследствие допущенной им ошибки, а из-за того, что Америка ушла из космоса.

Она обнаружила его халат там, где он оставил его для нее. Предвидение. «Мы не имеем права на слабость или ошибку». Если что-нибудь делаешь — делай вовремя и делай наилучшим образом. Не-

важно, какое это дело,— ползешь ли ты по потерпевшему катастрофу «Скайлэбу», восстанавливая его (а корабль по-прежнему остается на орбите), или ты занимаешься любовью,— все делается *так как надо*. И при этом делается без суеты.

Когда они познакомились, Бейкер работал в Комитете космонавтики в Хаустоне и был назначен сопровождающим к сенатору Джеллисону и его свите. У Джонни Бейкера была жена и двое детей подросткового возраста. Он был джентльменом в полном смысле этого слова и, когда сенатору неожиданно пришлось уехать, пригласил Маурин пообедать вместе. И всю неделю, пока сенатор пребывал в Вашингтоне, Джонни составлял ей компанию. Была еще Флорида, прогулки на катере...

Он оставался джентльменом в полном смысле этого слова вплоть до момента, когда они вернулись в мотель за забытым там кошельком, когда оказались там в одной комнате... и по сию пору она так и не знает,— кто же из них кого соблазнил? До сих пор она никогда не спала с женатыми мужчинами. И еще, точно так же она никогда не спала с мужчинами, если не любила их. Но что там любовь! В нем было что-то, против чего Маурин устоять не могла. У него была единственная цель в жизни, и он был способен добиваться ее осуществления, неважно, каким способом.

А она молода и уже побывала раз замужем, и не давала обета блюсти свое целомудрие,— и пошли они к черту, твои навязчивые думы, девочка! Маурин быстренько скатилась с кровати и включила телевизор. Включила так, что телевизор злобно щелкнул, чтобы прервалась цепочка горестных размышлений.

Но ведь я не дрянь.

Вопрос о его разводе решится на следующей неделе, и с этим я ничего не могу поделать. Энн ничего не знает. Пока что Энн ничего не знает. Но может быть, он не собирается разводиться с ней. Если тут виновата я — ладно, но Энн ничего не знает. Мы с ней по-прежнему добрые друзья.

«Он не всегда был таким,— как-то сказала Энн.— До полета он был занят лишь одним: он все время был занят тренировками, а я составляла лишь малую часть его жизни... и все же я была для него хоть чем-то. А потом он получил свой шанс, и все пошло прекрасно, и мой муж стал героем... а у меня вообще не стало мужа».

Энн не понятно случившееся, подумала Маурин. А мне понятно. Дело не в самом полете, дело в том, что это был *последний* полет, и если ты — Джонни Бейкер, и всю жизнь ты трудился и тренировался, готовясь лишь к одному, а теперь это «одно» уже никогда и никому не нужно...

Единственная цель жизни. Примерно то же у Тима Хамнера. Джонни ведом одной целью, единственной, и, может быть, можно как-то принять, проникнуться этой целью — хоть частично. Ну-ка,

разберемся: у Джонни отобрали единственную цель его жизни, а самое важное, что совершила в своей жизни Маурин Джеллисон, была стычка с глупой правительницей Вашингтона...

Эта стычка еще не забылась, далеко не забылась, подумала Маурин.

Аннабелл Коун — человек свободный, неограниченных возможностей и непредсказуемый. Шесть месяцев назад ее беспокоила угроза вымирания одного из видов улиток. Еще через полгода ее, возможно, встревожит угасание артистических традиций среди австралийских аборигенов. А сейчас ее ничто не тревожит: она лишь обвиняет мужчин — сколько их ни есть на белом свете — за все самое плохое, что когда либо случилось. И никто не смеет ей по-настоящему возразить. Никто не смеет. Не имеет значения, на какие мировые проблемы обращают свой взор Аннабелл и ее приспешники.

Однажды ночью Аннабелл связалась с Маурин: понадобилась поддержка ее отца. Тогда-то Маурин и разозлилась. Аннабелл хотела, чтобы Конгресс выделил деньги на исследования по созданию искусственной матки: необходимо освободить женщин от месяцев рабства, на которое их обрекает перестройка тела.

И я сказала ей, подумала Маурин, я сказала ей, что детоношение есть часть сексуального акта, и если она хочет избавиться от беременности, то ей придется отказаться от секса. Я ей так и сказала! А у меня самой ребенка так и не было!

Конечно, папочка может отметать некоторые важные контакты, завязанные его дочерью, но уж с этой проблемой Маурин справится. Через полгода, когда Аннабелл найдет новую причину для беспокойства, у Маурин уже будет достаточно сподвижников, и тогда она через кого-нибудь назначит Аннабелл встречу. Она уже все продумала. Трудность состоит вот в чем: ощущение, будто драка с Аннабелл Коун оказалась наиболее важным делом ее жизни!

— Я налью нам выпить,— воззвал Джонни.— Тебе лучше бы принять душ — передача начнется буквально через минуту.

— Ладно,— отозвалась она. И подумала: «Он? Женатый мужчина? Обеспечить ему другую карьеру? Дать ему возможность удрать из комитета? Дать ему другой выход, помимо писания мемуаров? Если он постарается, ему по плечу любое дело... Но почему для себя самой она не может отыскать цель жизни?»

* * *

Комната была типично мужской комнатой. Книги, модели боевых самолетов, на которых летал Джонни Бейкер, «Скайлэб» с по-

ломанными крыльями. Большая, вставленная в раму картина, изображающая одетого в раздутый неуклюжий костюм человека в открытом космосе. Человек полз к разрушенному крылу «Скайлэба» — безликая, непривычных форм фигура. Человек не был связан тросом с кораблем, он полз, рискуя погибнуть, если хоть на мгновение потеряет контакт со «Скайлэбом». И это была бы смерть в одиночестве. Под картиной висела медаль НАСА.

Напоминания о прошлом. Не было ни картин, ни фотографий с «Шаттла», запуск которого снова отложен. И не было ничего, напоминающего о Пентагоне, теперешнем месте службы Джонни. Две фотографии детей. (На одной фотографии, на заднем плане — Энн, невысокая, нахмуренная, умная Энн. И глядела она со снимка с грустью и недоумением.)

В поле зрения показалась рука Джонни. Рука взяла было стакан, но он тут же забыл и о стакане и о своей руке. Маурин глядела ему в лицо, а он даже не сознавал, что на него смотрят. Джонни Бейкер видел только экран.

Параболические орбиты, пересекающие стабильные круговые орбиты планет. Старые фотографии комет Галлея, Брукса, Каннигема и других, завершающиеся фотографией расплывшейся точки — кометы Хамнера—Брауна. У человека на экране были большие, похожие на глаза насекомого, очки. Человек говорил яростно и напористо:

— О, когда-нибудь столкновение неизбежно. Но вероятно, столкнемся мы не с астероидом. Орбиты астероидов слишком близки к стабильным. Наверняка существовали астероиды, орбиты которых пересекались с орбитой Земли. Но на столкновения с такими астероидами было отведено четыре миллиарда лет, и, очевидно, данные столкновения в основном уже произошли. Они в прошлом,— сказал человек на экране.— Они произошли так давно, что даже от кратеров следа не осталось, они выветрились, если не считать самых больших и недавних. Но взгляните, какие отметины астероиды оставили на Луне! Кометы — другое дело.— Указательный палец лектора провел вдоль нарисованной мелом параболы.— За орбитой Плутона находятся определенные скопления вещества. Может быть, там еще не обнаруженная нами планета... Мы даже придумали для нее имя. Персефона. В общем, какая-то масса возмущает орбиты вращающихся там громадных снеговых скоплений, и они, в шлейфе кипящих химических соединений, сваливаются прямо на наши головы. Ни одно из этих скоплений не может столкнуться с Землей, пока не пройдет насквозь почти всю нашу Солнечную систему. Но когда-нибудь столкновение случится. Мы будем знать об этом заранее — примерно за год. Возможно, в нашем распоряжении будет и больше времени, если нам удастся узнать достаточно много при изучении Хамнера—Брауна.

Затем аскетического вида девушка заявила, что никак не могла выйти замуж: женихи, стоило им посетить ее дом, тут же исчезали. А потом ей сказали, что изобретено новое дезинфицирующее средство для мойки унитазов «Мыло Кальва»... и Джонни Бейкер с улыбкой вернулся на грешную землю.

— Он четко гнет свою линию, не так ли?

— Работает он хорошо. Я тебе говорила, что знакома с человеком, с которого все началось? Я имею в виду Тима Хамнера. Познакомились с ним на том же вечере, где был и Гарви Рэнделл. Хамнер — это не просто. Маньяк. Он как раз перед этим открыл свою комету, и не мог выждать ни секунды, чтобы не поведать о ней кому угодно.

Джонни Бейкер маленькими глотками потягивал из стакана. Затем, после долгой паузы, сказал:

— По Пентагону ходят странные слухи.

— То есть?

— Звонил Гус. Из Дагуни. Похоже, с «Аполлона» снова счищают ржавчину. И при этом что-то вякают о том, что титановый стартовый двигатель «большой птицы» будет заменен чем-то другим. Тебе что-нибудь известно?

Она такими же маленькими глотками допила свое спиртное. И ощутила, что ее охватила волна печали. Теперь она знала, почему вчера звонили Джонни Бейкеру. Провести шесть недель в Пентагоне, шесть недель в Вашингтоне, не пытаясь повидаться с ней, а затем...

И я собиралась удивить его. Удивить его приятным подарком.

— Папа пытается заставить Конгресс ассигновать деньги на посылку экспедиции к комете,— сказала Маурин.

— Это правда?— спросил Джонни.

— Это правда.

— Но...— Его руки тряслись. А ведь его руки никогда не тряслись. Джонни Бейкер водил истребители над Ханоем, и совершаемые им маневры были всегда безупречны. Он не оставлял МИГ ни одного шанса. А однажды, когда не было времени вызвать врача, Джонни собственными руками выколупывал осколки из тела командира своего экипажа. Один осколок застрял в груди командира, и Бейкер вытащил его, ухитрившись не затронуть артерию, и твердыми как сталь пальцами зажимал рану. А командир пронзительно кричал, и все поле заполнил глухой гул пушек, и руки Джонни ни разу не дрогнули.

Но сейчас эти руки тряслись.

— Конгресс не даст денег.

— Может быть, даст. Русские планируют посылку такой экспедиции. Нельзя позволить им перегнать нас,— сказала Маурин.— Чтобы сохранить мир, мы обязаны показать, что у нас еще есть воля

к соревнованию, в какой бы области им ни захотелось обыграть нас. И если мы вступаем в соревнование, то выигрываем.

— Да. Меня бы меньше беспокоило, вступи мы в соревнование с марсианами. Мне скоро надо уходить. Пора.— Он отпил из стакана. Руки его вновь сделались твердыми.

Маурин зачарованным взглядом смотрела на него. Он приказал рукам перестать трястись, потому что у него появилась цель. И я знаю, какая это цель: я. С моей помощью попасть на этот корабль. Минуту назад, может быть, он действительно любил меня. Сейчас — нет.

— Извини,— сказал он внезапно.— Мы не много времени провели вместе, но... *это* я прошу сделать тебя. Наведи здесь порядок. Моя голова сейчас занята только одним.— Он сделал большой глоток размешанного со льдом виски.

Глаза его вновь вернулись к экрану. А Маурин осталось только удивляться: какое богатое у нее воображение. И куда, кстати, делось добродушие Джонни Бейкера?

Рекламная вставка закончилась. Камера переключилась на Институт реактивного движения.

* * *

Ведя почтовый автомобиль одной рукой, Гарри Ньюкомб торопливо дожевывал последний бутерброд. Начальство выделяло ему время на обеденный перерыв, но Гарри никогда не тратил его на еду. Это время он тратил на что-нибудь более полезное.

День уже клонился к вечеру, когда Гарри добрался до «Ранчо Серебряной долины». Как обычно, у ворот он затормозил. Здесь место, где открывается просвет между холмами и можно видеть все великолепие тянущейся к востоку Хай Сьерры. На вершинах гор блестел снег. К западу предгорья были выше, над ними светило солнце. Наконец Гарри вылез из машины, чтобы открыть ворота. На приколоченный к столбу за воротами почтовый ящик он не соизволил обратить внимания.

По дороге он остановился, чтобы насобирать себе гранатов. Гранатовая роща началась с одного дерева, и с тех пор, без всякого ухода, сама собой разрослась вдоль идущего к реке склона холма. Гарри увидел, насколько увеличилась роща за те полгода, что его здесь не было. Ему стало ясно, что гранатовые деревья будут захватывать все новые участки вниз по холму. Но там репейник. Кто кого сможет заглушить? Кто кого — Гарри и понятия не имел. Он был городским парнем.

Гарри был экс-городским парнем. Ха-ха-ха! И он будет счастлив, если больше никогда не увидит города.

Он ухмыльнулся, взвалил груз на плечо и, согнувшись, пошел к входной двери. Позвонил. Скинул сумку с плеча наземь.

Еле слышное завывание пылесоса стихло. Миссис Кокс открыла дверь и улыбнулась, увидев раздувшуюся сумку у ног Гарри.

— Снова к нам? Добрый день, Гарри!

— Ага. С праздником, миссис Кокс! С Праздником почтового хлама!

— И вас с этим праздником, Гарри. Кофе?

— Не, не задерживайте меня. Не соблазняйте меня.

— Свежезаваренный кофе. С только что испеченными булочками.

— Ну, ладно... Этому я противиться не могу.— Гарри полез в маленькую сумку, висевшую у него на боку.— Письмо от вашей сестры, из Идаго. И еще письмо от сенатора.— Он передал ей письма, затем снова взвалил большую сумку на плечо, пошатываясь, вошел в дом.— Куда?

— На обеденном столе все поместится.

Гарри вывалил содержимое сумки на полированный стол. Казалось, что стол сделан из одного куска дерева, и на вид ему было лет пятьдесят. Таких столов больше не делают. Если такова мебель в жилище домоправительницы, то какова же она в большом доме на вершине холма?

Почтовые отправления покрыли полированный стол: просьбы о пожертвованиях от благотворительных организаций, письма от различных политических партий, письма из колледжей. Призывы участвовать во всяческих лотереях. Для участия в лотереях нужно купить: граммофонные пластинки, ткани, книги. А можно и просто оформить подписку на журнал. *«Вы можете выиграть! Добавочные сто долларов в неделю!»* Религиозные трактаты. Политические лекции. Брошюры по налоговой политике. Образчики мыла, зубной пасты, моющих средств, дезодорантов.

Алис Кокс внесла кофе. Ей было только одиннадцать, но ее уже смело можно назвать прекрасной. Длинные светлые волосы. Голубые глаза. Доверчивая девочка, в этом Гарри убедился, когда в свободное от служебных обязанностей время присматривался к ней. Но она вправе быть доверчивой: никто здесь не обидит ее. В автомобилях большинства мужчин, живущих в Серебряной долине, покачиваются в ременных петлях винтовки. И эти мужчины преотлично знают, как следует поступать со всяким, кто вздумает обидеть одиннадцатилетнюю девочку.

И это, в частности, тоже нравилось Гарри (ему многое нравилось в Серебряной долине). Нравилась не угроза насилия, ибо Гарри ненавидел насилие. Нет, ему нравилось, что это была *лишь* угроза. Винтовки вытаскивались из своих петель только для охоты на кабанов (необязательно в охотничий сезон, закон нарушался, если жи-

телям ранчо хотелось свежего мяса или если кабаны вытаптывали посевы).

Миссис Кокс внесла булочки. Когда Гарри игнорировал правила и доставлял почту прямо на дом, его очень часто пытались угостить кофе или едой. Кофе у миссис Кокс не самый лучший, но уж чашки, безусловно, прекраснейшие во всей долине: тонкий китайский фарфор. Такая чашка, пожалуй, слишком хороша для почтальона-полухиппи. В первый раз, когда Гарри посетил этот дом, он, стоя в дверях, выпил воды из оловянной кружки. А теперь он сидит за превосходной работы столом и пьет кофе из китайского фарфора. Добавочная причина радоваться тому, что он уже не «городской парень».

Он торопливо допил кофе. На свете существует еще одна девочка-блондинка, но ей уже больше одиннадцати, и в ее доме тоже отмечаются праздники. Она дома. Для Гарри Донна Адамс всегда дома.

— Почта здесь в основном для сенатора,— сказал Гарри.

— Да. Но он сейчас в Вашингтоне,— ответила миссис Кокс.

— Но он скоро вернется,— медленно пропищала Алис.

— Хотелось бы, чтобы он там не задерживался,— сказала миссис Кокс.— Это очень мило, когда сенатор находится здесь. Тогда нас все время посещают люди: одни уходят, другие приходят. Очень важные люди. В «большом доме» оставался на ночь сам президент. В тот раз была большая суматоха: все ранчо было заполнено людьми из секретной службы.— Она засмеялась, и Алис тоже захихикала. Гарри посмотрел на них, не понимая.— Как будто кто-нибудь в этой долине мог покуситься на президента Соединенных Штатов,— пояснила миссис Кокс.

— А вот я думаю, что ваш сенатор Джеллисон — просто миф,— сказал Гарри.— Я развожу почту по этому маршруту уже восемь месяцев и еще ни разу не видел его.

Миссис Кокс внимательно оглядела Гарри с ног до головы. Внешне вполне милый паренек, но миссис Адамс утверждает, что ее дочь уделяет ему чрезмерно много внимания. Волосы у Гарри длинные, вьющиеся темными волнами, такие волосы хорошо бы подошли девушке. Еще у него очень красивая бородка. А усы — настоящее произведение искусства. Наверное, Гарри их завивает и чем-то умащивает: длинные усы его на концах закручивались маленькими колечками.

Он может отращивать свои волосы сколько угодно, подумала миссис Кокс, но он такой тощий и маленький. Он не такой крупный, как, например, я. И в который раз удивилась: что только нашла в нем Донна Адамс? Может быть, причина в машине. У Гарри спортивный автомобиль, а все местные парни, подобно их отцам, водят пикапы.

— Возможно, вы очень скоро повстречаетесь с сенатором,— сказала миссис Кокс.

Ее слова (хотя Гарри об этом даже не подозревал) служили знаком чрезвычайного благоволения: миссис Кокс весьма заботило, кто именно встречается с сенатором.

Алис принялась рыться в возвышающейся на столе груде разноцветных конвертов:

— Как их на этот раз много. Тут за сколько времени?

— За две недели,— сказал Гарри.

— Ну, спасибо вам, Гарри,— сказала миссис Кокс.

— И от меня спасибо,— добавила Алис.— Если б вы их не доставили непосредственно на дом, тащить все это, наверное, пришлось бы мне.

Гарри вернулся к автомобилю. Поехал дальше вдоль длинной улицы. Снова остановился, чтобы полюбоваться Хай Сьеррой. И поехал к другому ранчо — добираться туда еще добрых полмили. Сенатор — владелец обширного поместья, хотя немалая часть его земли представляет собой лишь пустоши, усеянные норками сусликов.

Возле ворот (ворота эти принадлежали Джорджу Кристоферу) росла апельсиновая роща, и творилось там что-то невообразимое. Вероятно, Кристофер окуривает деревья, решил Гарри. Гарри открыл ворота, и Кристофер тяжелой походкой направился ему навстречу. Кристофер был толст — ростом с Гарри, зато раза в три объемистее. И шея у него была толстая. Он был лыс (и лысина загорелая), хотя ему вряд ли было много за тридцать. На нем была клетчатая фланелевая рубаха, темного цвета брюки и заляпанные грязью ботинки.

Гарри вылез из автомобиля, вытащил сумку и поставил рядом с собой.

— Снова Праздник почтового хлама, Гарри?— Кристофер оглядел длинные волосы и экстравагантно оформленную бородку почтальона и нахмурился.

Гарри в ответ оскалил зубы в улыбке:

— Ага. Праздник почтового хлама. Через каждые две недели — как часы. Я занесу это в дом.

— Вы не обязаны этого делать.

— А мне нравится это делать.

Здесь не было миссис Кристофер, но у Джорджа была сестра, примерно того же возраста, что и Алис Кокс, и она любила поболтать с Гарри. Очень красивая маленькая девочка, с которой приятно беседовать. И всегда у нее полно новостей о том, что делается в долине.

— Отлично. Не забудьте о собаке.

— Будьте уверены.— Гарри не боялся собак.

— Весьма интересно, что вкладывает в вашу голову наша рекламная индустрия?— спросил Кристофер.

— А я устрою с ними обмен: тоже засыплю их. Вопросами,— сказал Гарри.— Почему правительство снижает им налоги, так что у них появляется все больше возможностей отнимать у нас попусту время? И почему не снижает ваши налоги?

Кристофер перестал хмуриться. Он уже почти улыбался.

— Задайте им эти вопросы, Гарри. На этом свете стоит сражаться только за безнадежные дела. А дело налогоплательщика, считай, теперь почти безнадежное. Я закрою за вами ворота.

* * *

Конец дня. Работа закончена. Гарри зашел в сортировочную — она расположена в заднем конце здания почты. К столу Гарри была приколота кнопкой записка.

«Гар... в смысле Волосатик! Волчище желает тебя видеть. Джина XXX».

Джина стояла у длинного стола, где сортировали письма. Она высокая, черноволосая, широкая в кости, держится очень прямо. Единственная брюнетка, насколько известно Гарри, на всю долину. Гарри подмигнул ей, затем постучал в дверь управляющего.

Когда он вошел, мистер Волк холодно уставился на него.

— Поздравляю вас с Праздником почтового хлама, Гарри,— сказал наконец мистер Волк.

Гарри улыбнулся:

— Спасибо. И вас с Праздником почтового хлама, сэр.

— Не смешно, Гарри. Зачем вы это делаете? Для чего вы отбираете коммерческую почту и храните ее, чтобы разом развезти ее в один день... через каждые две недели?

Гарри пожал плечами. Он мог бы дать объяснение: сортировка того, что он называл «почтовым хламом», занимала так много времени, что не оставалось никакой возможности поболтать с клиентами. Вот поэтому он и начал сваливать «хлам» в одну кучу. Все началось именно таким образом, но адресатам эта шутка понравилась.

— Всем это нравится,— извиняющимся тоном сказал Гарри.— Люди могут прочесть сразу все, или просто отправить одним махом всю кучу в камин.

— Это незаконно — препятствовать работе государственной почты,— сказал Волк.

— Если кто-либо возражает, я вычеркну его из списка празднующих День почтового хлама,— сказал Гарри.— Но мне кажется, что моим клиентам этот праздник очень по нраву.

— Но не миссис Адамс,— сказал Волк.

— А!..— Очень плохо. Не будет Праздника почтового хлама, и у Гарри не будет предлога заходить в дом Адамсов и беседовать с Донной.

— Вам придется доставлять коммерческую почту так, как это предписывают правила,— заявил Волк.— По мере ее поступления. Не надо накапливать ее. Праздник хлама должен быть отменен.

— Хорошо, сэр. Какие еще изволите дать указания?

— Сбрейте свою бороду. Постригите короче волосы.

Гарри помотал головой. Он знал, что на этот счет гласят правила.

Волк вздохнул.

— Гарри, вы просто не понимаете, что это такое — быть почтальоном.

* * *

Кабинет у Эйлин Сюзан Ханкок маленький, тесный, но все же — кабинет. Не один год она проработала, прежде чем получила свой собственный кабинет. Раньше у нее был только стол. Кабинет доказывал, что она — нечто большее, чем просто секретарша.

Она работала, нажимая на кнопки калькулятора, хмурилась. Потом от внезапно мелькнувшей мысли рассмеялась. А мгновением позже поняла, что в дверях стоит Джо Корриган.

Корриган шагнул в кабинет. Верхняя пуговица на брюках у него опять была не застегнута — и всем это видно. Его жена не разрешает ему покупать брюки большего размера. Она не оставляет надежды, что он еще похудеет. Корриган засунул большие пальцы за пояс и уставился на Эйлин насмешливым взглядом.

Эйлин оборвала смех. Снова принялась считать на калькуляторе, и теперь она даже не улыбалась.

— О'кей,— сказал Корриган.— Как идут дела со штамповочной линией?

Эйлин взглянула на него расширившимися глазами:

— Что? О, нет. Пока я ничего вам сказать не могу.

— Думаете, если заморочите мне голову, так захватите контроль над компанией? Так? Линия не работает. Я это проверил.— Корригану нравилось наблюдать за ней, нравились подобные сцены. Эйлин относилась к породе людей «все или ничего». Либо она была очень серьезной и полностью погружена в работу, либо веселилась от всей души.— О'кей,— вздохнул Корриган.— Выдам вам один секрет. Вам предстоит повышение. Дело в том, что Робин Джестон подписал контракт.

— Вот как? Это хорошо.

— Ага. И отсюда следует, что нам придется труднее. А облегчить нам может... в общем, в качестве первого шага вы назначаетесь помощником генерального директора. Если вам по душе эта работа.

— О, она мне по душе. Спасибо.— Улыбка осветила ее лицо: такая короткая вспышка, словно молния, гаснущая прежде, чем успеваешь заметить ее. И Эйлин снова нагнулась к калькулятору.

— Я знаю, что вам она по душе. Поэтому я и повысил вас. И уже вызвал рабочих оборудовать для вас новый кабинет. Я им сказал, что, когда они закончат подготовительные работы, пусть проконсультируются с вами.— Корриган уселся всей своей тушей на край стола.— Итак. У меня был для вас секрет. Сюрприз. А в чем заключается секрет вашего смеха.

— Я забыла,— сказала Эйлин.— Зато я закончила работу над теми сметами, так что можете захватить их и отнести Бакерсфильду.

— О'кей,— сказал Корриган.

И, разбитый наголову, отправился в свой кабинет.

Если б он знал, подумала Эйлин. Ей захотелось рассмеяться, но она сдержалась. Нет, правда, ей не хотелось бы дразнить Корригана. И она подумала: что ж, я сделала это. А Робин — прелесть. Он не лучший в мире любовник, да он на это и не претендует. Вот как он намекнул ей о повторном свидании: «Любовникам нужна практика,— вот что он сказал.— Во второй раз всегда получается лучше, чем в первый».

Данный вопрос остался открытым. Может быть, да, может быть, она переспит с ним еще раз, но скорее всего, нет. Он без обиняков сказал ей, что он женат. До сих пор она это только подозревала.

Никогда у нее не возникало и намека на мысль, что ее личная жизнь может как-то повлиять на жизнь деловую. Но он подписал контракт с Корригановской компанией сантехнического оборудования, а это очень большая сделка. И теперь она ощущала себя очень странно. И хотелось понять, отнеслась бы она с таким безразличием к выявленному семейному статусу Робина, не ожидай она, что он заключит контракт. А он подписал.

И вот она сидит здесь, складывает цифры, перекладывает бумаги, и внезапно она спросила себя: какое значение имеет ее работа для дела водоснабжения и канализации? Я не произвожу труб. Я их не прокладываю. Я вообще не имею дела с трубами, я даже не указываю другим, где следует прокладывать эти трубы. Все, что я делаю,— это перекладываю бумаги.

И это немаловажная работа. Она упорядочивает хаос. Эйлин может ошибиться. Это может быть оплошностью, а может быть пред-

намеренной ошибкой. От мельчайшего прикосновения ее пера тысячи тонн материалов и оборудования будут посланы с одного конца земли не другой. Но к творчеству ее работа не имеет никакого отношения. Работа у Эйлин ничуть не более творческая, чем у тех, кто двигает вперед цивилизацию или занимается взысканием налогов... или, скажем, у кочегара на дизельном поезде.

Мистер Корриган, вероятно, весь день будет ломать голову, чем был вызван внезапный взрыв ее смеха, и невозможно объяснить ему причину этого хохота. Просто смех овладел ею, неожиданный и непреодолимый: то, чем она занималась позапрошлой ночью с Робином Джестоном, было больше, чем что-либо иное в ее жизни, связано — непосредственно связано! — с делом водоснабжения и канализации.

* * *

О том, что автомобиль украден, узнают еще не скоро. Несколько часов, во всяком случае, есть — в этом Алим Нассор был совершенно уверен. Настолько уверен, что мог бы просидеть в этом автомобиле еще хоть десять добавочных минут. Раньше Алим Нассор был великим человеком, его звали Джордж Вашингтон Карвер Дэвис. Его мать очень гордилась этим именем. Она рассказывала, что остальные члены семьи хотели назвать его иначе: Джефферсоном Девисом, дурачье — это было бы неудачное имя, в нем не чувствовалось силы. Потом у Алима Нассора было множество иных имен — уличные клички. Матери эти имена не нравились. Когда она выгнала, наконец, его, он принял свое теперешнее имя.

В арабском и суахили Алим Нассор означает Мудрый завоеватель. Немногие знают смысл его имени,— так и что из того? Это имя пропитано силой. В «Алиме Нассоре» несравнимо больше силы, чем в «Джордже Вашингтоне Карвере». Об Алиме Нассоре писали газеты. Он запросто заходил в здание городского муниципалитета — заходил, чтобы посмотреть, что там делается. Он получил на это право после того, как прекратил бунты. В туфлях, украшенных бритвенными лезвиями, и с цепью, обмотанной вокруг талии. И были деньги; деньги, которые можно было грести лопатой. Деньги государства. Все что угодно, лишь бы в черном гетто вновь стало спокойно. Это была чертовски хорошая игра... а закончилась она весьма скверно.

Он тихо выругался. Мэр Бентли Аллен. Черный мэр Лос-Анджелеса — этот чертов дядя Том перекрыл все каналы, все возможности. И этот глупый черный конгрессмен, сукин сын, которому все было мало... Нет, он, эта задница, внес всех своих родственников в платежную ведомость города. Всех до единого, что и обнаружил тот траханный репортер телевидения. В наши дни честный человек, за-

нявшийся политикой, должен иметь незапятнанную, безупречно белую репутацию....

Ладно, та игра закончилась, и нужно было начинать снова. Он и начал. Одиннадцать дел, и каждое сработано превосходно. Они принесли... что? Добыча составила за четыре года четверть миллиона долларов. А скупщики краденого выдали за нее лишь менее ста тысяч. Значит, каждый из них заработал за четыре года только двадцать тысяч. Это даже нельзя назвать заработком! Подумать только: часть денег ушла на подкуп служителей закона. Но даже без этого,— пять тысяч за год?

Это дело будет тринадцатым. Оно не займет много времени. Сейчас в кассе магазина должны быть деньги. Много денег. Алим ждал, он всегда точно чувствовал время. Из дверей вышли двое покупателей. На улице больше никого не было. Ему не нравилось то, чем он вынужден сейчас заниматься. Ему не по душе проливать кровь. Он постарался вбить в головы своих сподвижников, что, хоть раньше игра и была хорошая, продолжи он ее, и ему пришлось бы оставить их, своих братьев в одиночестве. Неизвестно, что думают братья о нем сейчас. Но он загнан в угол, и действовать ему приходится быстро.

Все подготовлено, он берег этот вариант на крайний случай, и вот он — мать его так и этак! — крайний случай. Служители закона, вероятно, сразу припишут это дело ему, но юристам и сыщикам хочется кушать именно сейчас, а не когда-нибудь в будущем. Идиотизм — грабить магазин, чтобы иметь возможность заплатить лягавым за то, чтобы они не преследовали его за ограбление магазина. Ничего, когда-нибудь положение дел изменится. Он, Алим Нассор, сделает так, чтобы положение дел изменилось.

Почти время. Две минуты назад один из его братьев добровольно отдался в руки полиции, нарушив уличное движение в четырнадцати кварталах отсюда. Значит, один свинячий патрульный автомобиль не в счет. Двадцать минут назад другой брат чуть пострелял, и сестра сообщила об этом в полицию. Туда был послан второй автомобиль. А их — полицейских автомашин — всего две. Районы, где живут черные, патрулируются не так тщательно, как те, где живут богатеи. Черные меньше полагаются на полицию. А может, просто не знают, как нужно подлизаться к муниципалитету.

Иногда ему приходилось использовать до четырех способов отвлечения внимания полиции одновременно. Лучше всего организовывать уличные пробки. Для этого только нужно дать ребятне на молочишко, и они затевают игры посреди улиц. Алим Нассор был прирожденным лидером и попадал под арест только в юности, если не считать того случая, когда навстречу попался вышедший из прачечной самообслуживания лягавый... А ведь он был не на де-

журстве: он, этот негр-полицейский, просто зашел в прачечную... Кто бы мог подумать, что этот брат был лягавым? По сию пору непонятно, почему он, Алим, не выстрелил. Он просто заскочил в переулок и избавился там от пистолета, маски и сумки: пусть заботу о них примут те, кто служит закону. Конечно, доказательством его вины могли бы послужить показания ограбленного лавочника, но существовали способы объяснить ему, что показаний давать не следует...

Пора. Алим вылез из автомобиля. Маска походила на лицо. С расстояния десяти шагов никто вообще не понял бы, что это маска. Через пять минут после того, как дело окажется сделанным, плащ и маска будут выброшены. Мысли Алима сконцентрировались на одном, сейчас для него не существовало ни прошлого, ни будущего. Он перешел перекресток. На улице — никаких раззяв-пешеходов, ничего привлекающего внимание. Магазин пуст.

Все прошло отлично. Никаких затруднений. Деньги уже были в кармане, и Алим шел к выходу, когда в магазин вошел брат.

Этого человека Алим знал не один год. Что понадобилось ублюдку в этой части города? Никто из Бойле-Хайтс не должен находиться здесь — за Уоттсом! А, дерьмо... Брат узнал его. Может, по походке, может, еще как-нибудь, но *узнал.*

На то чтобы все осознать и взвесить, ушла одна секунда. Алим развернулся, прицелился и выстрелил. Второй выстрел — для верности. Глаза старика, владельца магазина, расширились от ужаса, и Алим выстрелил еще три раза подряд. Одним ограблением больше, одним меньше — это ничего не меняет, но, когда происходит убийство, лягаши начинают копать изо всех сил. Лучше не оставлять свидетелей. Но на этот раз вышло скверно.

Быстрыми шагами он вышел наружу, но не к украденной автомашине, стоящей на той стороне улицы. Торопливо прошел полквартала, свернул в переулок, прошел его и оказался на параллельной улице. Руки у него тряслись — отзвук единственной в своем роде, сохранившейся с древнейших времен дрожи. Человек стал человеком, когда начал использовать дубину. А огнестрельное оружие есть та же дубина, только усовершенствованная. Примерься, сожми кулак, и, если враг достаточно близко, — ударь! Ударь или выстрели. Так, чтобы враг лег трупом. Сила! Власть! Хотя Алим знал и таких, кого скрутило бы от подобной мудрости.

Брат Алима (сын его матери, а не просто брат по крови) ждал его в машине. Чистой машине, ничем не запятнанной в глазах закона. Поехали на нужной скорости, достаточно быстро, чтобы не привлекать внимания, и достаточно медленно, чтобы не влететь в аварию.

— Пришлось убрать двоих,— сказал Алим.

Гарольд вздрогнул, но голос его звучал ровно:

— Плохо. Кто они были?
— Никто. Так, мелочь.

MAPM: gba

Большинство астрономов полагает, что кометы в совокупности образуют громадное скопление, окружающее Солнечную систему. Это скопление, вероятно, простирается на половину расстояния, отделяющего Солнечную систему от ближайшей звезды. Голландский астроном Й.Х.Оорт, по имени которого названо скопление, считает, что оно, вероятно, состоит из ста миллиардов комет.

Брайан Мардсен.
Смитсониановский институт

Разместились в Зеленом зале. Двое прислужников и на удивление миленькая распорядительница наполняли стаканы, как только они пустели. Именно поэтому Тим Хамнер выпил больше, чем обычно. Кстати, подумал он, я богаче Арнольда. Во всех смыслах богаче. Арнольд — писатель, книги которого расходятся мгновенно, и Арнольд никогда не беседовал на темы, не имеющие отношения к его книгам. Когда Тим сказал ему, что Хамнер—Браун уже видна невооруженным глазом, Арнольд не понял, о чем идет речь. Когда Тим объяснил ему, Арнольд возжелал встретиться с Брауном.

Один из прислужников подал знак, и Тим встал на расползающихся ногах. Похоже, недавно лестница была не такая крутая. Но он все-таки добрался. Как раз вовремя, чтобы услышать окончание профессионально гладкого монолога Джонни и звуки аплодисментов слушателей.

Джонни был в отличной форме, сейчас он обменивался шутками с остальными гостями. Тим вспомнил, что Шарпс из ИРД выступал с лекцией, посвященной кометам (сам видел по телевизору). И что Джонни, похоже, обладает немалыми познаниями в области астрономии. Выделялась еще одна гостья: величественная престарелая дама. Ее огромная грудь была усыпана драгоценностями. Двадцать лет назад она обогатила английский язык новым выражением. Дама все время прерывала остальных, отпуская шуточки. И шутки ее были до невозможности плоскими: дама была совершенно пьяна. Тим вспомнил, что зовут ее Мэри Джейн и что никто больше не упоми-

нает ее сценический псевдоним. Учитывая ее возраст и вес, это было бы попросту неприлично.

Тима пронизал мгновенный ужас — ужас, знакомый каждому, кому приходилось выступать перед аудиторией. А потом Джонни обернулся к нему и спросил:

— Как вам удалось открыть комету? Жаль, что этого не сделал я,— произнес он с очень серьезным видом.

— Вам бы не хватило на это времени,— сказал Тим.— Для этого нужны годы, иногда десятилетия, и нет никакой гарантии, что удастся сделать открытие. Приобретаешь телескоп и начинаешь наблюдать с его помощью небо, запоминаешь расположение звезд и прочих небесных тел... а затем проводишь в наблюдениях каждую ночь и ничего нового не видишь, а зад у тебя обморожен. В горной обсерватории холодно.

Мэри Джейн что-то сказала. Джонни насторожился, но постарался не показать этого. Звукооператор (на голове — наушники телефонов) махнул ему рукой.

— Вам нравится быть владельцем кометы?— спросил Джонни.

— Половины кометы,— автоматически сказал Тим,— нравится.

— Ему недолго оставаться ее владельцем,— сказал доктор Шарпс.

— А? Как это?— повысил голос Тим.

— Владеть ею будут русские,— сказал Шарпс.— Они посылают «Союз», чтобы провести наблюдения за кометой с близкого расстояния. Когда они это сделают, комета будет принадлежать им.

Это было ужасно.

— Но разве мы ничего не можем сделать?— спросил Тим.

— Конечно, можем. Мы можем запустить «Аполлон» или какой-либо более современный корабль. Мы можем загрузить этот корабль оборудованием, которое пока что ржавеет без пользы. Мы даже уже провели подготовительные работы. Но деньги кончились.

— Но что вы предприняли,— спросил Джонни,— если бы у вас были деньги?

— Мы могли бы провести наблюдение прохождения Земли через хвост. Позор, что американцы больше не интересуются вопросами технологии. Самое большее, что нас заботит — сколько проработает без ремонта электронож из набора инструментов для вырезания. Вы когда-либо задумывались, в какой степени мы зависим от вещей, в которых никто из нас не разбирается? — Шарпс драматическим жестом обвел рукой всю студию телевидения.

Джонни начал было что-то говорить: о домохозяйке, для которой работа с домашним компьютером превратилась в хобби, но раздумал. Люди, приглашенные на студию, слушали. Царила не нарушаемая никем тишина, — с давних времен Джонни научился расценивать такую тишину как знак уважительного внимания. Люди хоте-

ли слушать Шарпса. Может быть, сегодня у телевизионщиков будет удача, будет снят один из тех фильмов, которые показывают снова и снова, приурочивая к воскресеньям и разным датам...

— Я не говорю, например, о телевидении,— сказал Шарпс.— Вот стол. Верх у него пластмассовый. Что такое пластмасса? Кто-нибудь из вас знает, как ее делают? Или как делают карандаши? Еще меньше, намного меньше, мы знаем о производстве пенициллина. Вся наша жизнь зависит от этих и многих других вещей. И никто из нас не знает, как их делают. Или знают очень мало. В том числе и я.

— Я никогда не понимала, как застегиваются застежки бюстгальтера,— сказал Мэри Джейн.

Джонни подпрыгнул. Постарался вернуть общее внимание к Шарпсу.

— Но скажите мне, Чарли, что полезного может дать изучение этой кометы? Как это изменит нашу жизнь?

Шарпс пожал плечами:

— Может, и никак. Вы спрашиваете, что полезного может дать новое исследование. Все, что я могу ответить: такие исследования *всегда* оправдывают себя, хотя, может быть, и не тем путем, как предполагалось заранее. Кто предполагал, что программа космических исследований приведет к созданию — ни много, ни мало!— новой медицинской технологии? Но именно так и случилось. Спасена жизнь тысячам людей, потому что была изобретена новая аппаратура. Специально для астронавтов. Джонни, вы когда-нибудь слышали о Римском клубе?

Джонни что-то слышал, но остальные нуждались в пояснении.

— Это люди, которые, в частности, проиграли на компьютере следующую ситуацию: как долго мы сможем двигаться по пути прогресса при выявленном уровне природных ресурсов? И даже если принять во внимание, что прирост населения равен нулю...

— Они утверждают, что мы приближаемся к концу,— перебил Шарпс.— И что это *глупо*. Мы идем к концу только потому, что нам не позволяют *по-настоящему использовать* технологию. Они утверждают, что запасы металлов истощаются. Между тем в одном маленьком астероиде содержится больше металла, чем было добыто во всем мире за последние пять лет! Кстати: насчитываются *сотни тысяч* астероидов! Все, что нам нужно сделать, это добраться до них.

— А мы можем это сделать?

— Еще бы! Мы способны на это даже с имеющейся уже технологией. Джонни, о космосе можно сказать так: вот вкусный суп, а мы даже не знаем, в какой кастрюле этот суп варится.

Публика, собравшаяся на студии телевидения, зааплодировала. Зааплодировала без всякой команды на то помощников режиссера.

Джонни одобрительно улыбнулся Шарпсу и быстро прикинул, как будет дальше развиваться программа. Но в это время раздался громкий звуковой сигнал: пора показывать фильм-рекламу, восхваляющий «Мыло Кальва».

После показа рекламы программа продолжалась. Когда Шарпс продолжил свое выступление, речь его стала еще более динамичной. Он размахивал тонкими, костлявыми руками, — руки крутились, словно крылья ветряной мельницы. И о том, какое громадное количество энергии изливается на нас с Солнца каждый день. И о том, какими виделись солнечные вспышки команде «Скайлэба».

— Джонни, самая маленькая вспышка обладала достаточной энергией, чтобы уничтожить вся нашу цивилизацию! Да так, что эта цивилизация не могла бы после этого возродиться на протяжении сотен лет! А идиоты еще что-то толкуют насчет рока!

Тим Хамнер оказался в стороне, Джонни нужно было вовлечь его в разговор. Хамнер сидел, кивал: очевидно, ему доставляла удовольствие речь Шарпса. Джонни осторожно навел ученого снова на разговор о комете, затем углядел возможность:

— Чарли, вы сказали, что русские намерены провести наблюдение кометы Хамнера—Брауна с близкого расстояния. Что значит «с близкого расстояния»?

— С весьма близкого. Земля определенно пройдет сквозь хвост кометы. Я уже объяснял, почему сейчас невозможно сказать, как близко от нас окажется ее голова... но она будет *очень близко*. Если повезет, она окажется не дальше Луны.

— Я бы не сказала, что это «повезет»,— вставила Мэри Джейн.

— Тим, это ваша комета,— сказал Джонни.— Может ли Молот-Браун действительно столкнуться с нами?[1]

— Она называется Хамнер—Браун,— поправил Тим.

— О,— Джонни рассмеялся.— Как я сказал? Молот? Ну, если она ударит в нас, то и будет молот. Не так ли?

— Вам виднее,— сказал Чарли Шарпс.

— Но если столкновение произойдет, то что тогда будет?— спросил Джонни.

— Что ж, найдено достаточно следов, оставленных метеоритами,— сказал Тим.— Метеоритный кратер в Аризоне достигает почти мили в диаметре. Водоворот в Южной Африке так велик, что увидеть его можно только с самолета.

— И это еще *маленькие* кратеры,— добавил Шарпс. Взоры всех присутствующих обратились к нему. Шарпс ухмыльнулся.— Вы никогда не обращали внимания на то, что Гудзонов залив имеет округлую форму? И Японское море тоже.

---

[1] Хамнер — фамилия. Хаммер (англ.)— молот.

— Это следы столкновения с метеоритами?— спросил Джонни. И сам ужаснулся своей догадке.

— Многие ученые полагают, что да. И еще, когда-то поверхность Луны была расколота вследствие столкновения с каким-то большим небесным телом... Четверть поверхности Луны покрыта так называемым океаном, который представляет собой лавовое море. Лава выделилась из раскола, появившегося вследствие столкновения с большим астероидом.

— Разумеется, мы не знаем, к чему может привести столкновение с кометой Хамнера—Брауна,— сказал Тим.

— Может быть, когда-то мы это выясним,— заявила Мэри Джейн.— И лучше до того, как с чем-нибудь столкнемся. Как, например, с этой кометой.

— А вот это лишь вопрос времени,— сказал Шарпс.— Дайте достаточно продолжительный период, и вероятность столкновения с кометой превратится в достоверность. Но не думаю, что именно Хамнер—Браун должна вызывать у нас беспокойство.

* * *

Генри Армитаж был телевизионным проповедником. Прежде он выступал по радио, но потом один из слушателей, обращенных им в истинную веру, завещал ему десять миллионов долларов. Теперь Армитаж владел собственным журналом. Кроме того, он был владельцем телевизионных программ, показывавшихся в доброй сотне городов, и редакции. Редакция размещалась в тщательно спланированном комплексе зданий, построенных в Пасадене. Комплекс также принадлежал Армитажу.

Если вернуться к проповеднической деятельности, то Генри Армитаж много писал для своего журнала. Помимо этого, он постоянно принимал участие в работе редакции. И ему казалось, что в сутках слишком мало часов. Он специализировался на трудностях, переживаемых этим миром. Он знал, что они означают — они предвещали наступление веселых времен.

«И ученики спросили Учителя: «Скажи нам, когда все это исполнится? И что будет предвещать пришествие твое и наступление конца света?»

«И Иисус ответил и сказал им: «Будьте осторожны и постарайтесь, чтобы никто не смог обмануть вас. Ибо многие будут приходить во имя мое и будут говорить: «Я — Христос», и многие будут обмануты ими».

Генри как-то видел полицейское извещение (Инье-Кантри, штат Калифорния). Заголовок гласил: «Чарльз Мэнсон, называющий себя также Иисусом Христом, Богом».

«И вы услышите разговоры о войне и услышите грохот войны. И

пусть это не пугает вас, ибо все это преходяще и не означает еще конца света. Но народ поднимется против народа, и царство против царства, и в разных местах земли будет голод, и будут болезни, и будут землетрясения».

Евангелие от Матфея было излюбленным евангелием Генри. И это было самое любимое его произведение во всей Библии. Разве не наступили времена, предсказанные Христом? Знаки их наступления видны по всему миру.

Он сидит за столом. Дорогостоящий стол. Телевизора не видно: его скрывает панель, отодвигающаяся, если нажать кнопку. Долгий путь отделяет Генри от маленькой, в одну комнату, церкви в городе Идаго — там он начинал. В тридцатых годах. Церковь была сооружена из дерева и всегда чисто вымыта. А теперь... Показная роскошь иногда вызывала беспокойство Генри. Но богатые жертвователи настаивали на роскоши. Их не интересовало, что Генри и его жена предпочли бы более простую обстановку.

Генри писал передовицу, но вдохновения он не чувствовал. Давая себе урок смирения, он включил телевизор. Показывали какое-то интервью. Урок заключается в том, чтобы, видя пустоту и легкомыслие тех, кто кривляется сейчас на экране, не начать ненавидеть их. А это тяжело. Очень тяжело.

Что-то привлекло его внимание. Камера показывала высокого тощего мужчину в спортивной, в «елочку», куртке — мужчина размахивал руками. Генри понравилась его техника выступления: из него получился бы хороший проповедник. Нужно сконцентрироваться на самом себе (человек в куртке так и делал), и тогда сказанное дойдет до слушателей.

Мужчина говорил о комете. Комета. Знак, подаваемый небесами? Генри знал, что такое кометы. Но то, что они принадлежат к миру естественного, еще не означает, что их появление не предвещает чуда. Генри приходилось видеть многих людей, исцеленных молитвами, а доктора после того, как все свершилось, попытались, так сказать, объяснить сверхъестественное.

Комета. Комета, которая пройдет очень близко от Земли. Может быть, это и есть последний, окончательный знак? Он подвинул к себе желтый разлинованный лист и начал писать — печатными буквами, крупно и неряшливо. Писал, попеременно хватая любой из дюжины карандашей, лежавших перед ним. Он уже исписал три листа, когда наконец понял, каким должен быть заголовок, и тогда вернулся к первой странице.

Через две недели его журнал будут читать в полумиллионе домов, разбросанных по всему свету. А поперек обложки журнала огненно-красными огромными буквами будет выведен заголовок статьи:

МОЛОТ БОЖИЙ

И для телевизионной программы этот текст тоже будет очень хорош. Генри писал неистово, чувствуя почти то же самое, что он ощущал сорок лет назад, когда впервые начал по-настоящему понимать Матфея, главу 24. Когда понес свое знание в мир, не желающий ни о чем заботиться мир.

Молот Божий призван покарать этот своенравный, катящийся к упадку мир. Генри писал — безостановочно, яростно.

АПРЕЛЬ: один

От ярости норвежцев
Спаси нас, Господи.
От великой кометы
Охрани нас, Господи.

Средневековая молитва

Такси с Тимом Хамнером подъехало к ИРД одновременно с вездеходом Гарви. Гарви выругался, глядя, как Тим дал водителю двадцатку и взмахом руки отослал его прочь. Но когда увидел, что Тим направился к нему, тут же заулыбался самым умильным образом.

Вид у Хамнера был глуповато-покорный.

— Понимаете, Гарви, я обещал, что не буду вмешиваться... и не вмешивался. Но на том интервью я встретился с Шарпсом.

— Да, я видел,— сказал Гарви.— Шарпс был великолепен.

— Конечно, он был великолепен,— подтвердил Тим.— И мне захотелось снова встретиться с ним. Я позвонил в ИРД, и мне сказали, что вы подъедете сюда, чтобы взять интервью. Гарви, давайте пойдем вместе.

Гарви охватил гнев, но к заказчику следует относиться уважительно.

— Конечно.

Чарлин, сопровождающая, уже ждала Гарви, и не выразила никаких чувств, обнаружив в составе команды телевизионщиков неприглашенного Тима Хамнера. Кабинет Шарпса выглядел так же, как раньше. На столе громоздились книги. Вместо перфокарт IBM была расстелена большая диаграмма. Состав исполнителей изменился, подумал Гарви, но пьеса идет та же самая.

— Вона как,— Шарпс задрал бровь, увидев входящего Хамнера.— Чтобы все держать под контролем, заказчик решил сопровождать вас? Гарви, надеюсь, вы не отнимете у меня много времени? Мне скоро нужно будет отправиться по лабораториям.

VIP. NYJ. PS.921
SL
PS: 100
35
VISTAR

Гарви расставил свою команду. Чарли уселся за стол. Марк сновал туда-сюда, работая со светоэкспонометром. Оказалось, что он весьма хорошо исполняет свою работу, и продержался он на ней дольше, чем ожидал Гарви. Если он еще на ней продержится, значит, Гарви ошибался в Марке.

— Нас интересует космический корабль,— сказал Гарви.— Будет ли он действительно запущен?

Шарпс широко улыбнулся:

— Похоже, дела обстоят хорошо. Благодаря сенатору Артуру Джеллисону. Помните наш разговор на эту тему?

— Помню.

— Да, он — молодец. Я был бы рад, если б вы создали ему хорошую рекламу.

Гарви кивнул. Подал знак своей команде.

— Давайте начнем.

— Начали,— сказал Мануэль. Чарли встал за камерой. Марк с рамкой в руках выступил вперед:

— Интервью с Шарпсом, проба первая!

Клак!

— Доктор Шарпс,— сказал Гарви,— некоторые критикуют предложение послать «Аполлон» для изучения кометы. Утверждают, что это будет слишком опасно.

Шарпс замахал рукой отрицательно.

— Опасно? Все, что придется делать, уже делалось в предшествующих полетах. У нас есть зарекомендовавший себя стартовый двигатель и надежная капсула. У нас не столько месяцев на подготовку, как хотелось бы НАСА, но — поспрошайте-ка людей, которым придется лететь к комете. Спросите астронавтов: считают ли они, что полет окажется слишком опасным?

— Надо ли так понимать, что состав экипажа уже определен?

— Нет... но у нас сорок добровольцев! — Шарпс послал улыбку прямо в камеру.

Гарви продолжал задавать вопросы. Поговорили о приборах, которыми будет оснащен «Аполлон». Многие из этих приборов были созданы сотрудниками ИРД и Калифорнийского технологического института.

— Студенты и инженеры работали сверхурочно, причем без платы,— сказал Шарпс.— Работали, просто чтобы помочь нам.

— Бесплатно работали?— переспросил Гарви.

— Бесплатно. Они выполняли ту работу, которую должны были делать для нас согласно контрактам, но, кроме того, решили, что для исследования кометы можно поработать и сверхурочно. Сверхурочно и бесплатно.

Такое вызовет у зрителей интерес, подумал Гарви. И сделал отметку в памяти: надо будет проинтервьюировать кого-нибудь из ин-

женеров. Может быть, разыщется и дворник, согласившийся сверхурочно поработать для кометы.

— Похоже, что вам не удастся разместить в ракете достаточное количество оборудования,— сказал Гарви.

— Что же, действительно не удастся,— согласился Шарпс.— Нам не удастся впихнуть в нее все, что хотелось. Но что значит «достаточное количество»? Мы сможем разместить в ней столько аппаратуры, чтобы узнать *много.*

— Хорошо. Доктор Шарпс, насколько я понимаю, вы уточнили орбиту, по которой движется Хамнер—Браун. И получили новые фотографии этой кометы.

— Фотографии сделаны Хэйльской обсерваторией. Мы рассчитали орбиту. Мы можем с уверенностью сказать, что Хамнер—Браун — большая комета. У нее самое большое ядро, когда-либо зарегистрированное для комет, находящихся на таком расстоянии от Солнца. Это означает, что в снежном коме остались большие вкрапления льда. Эта комета окажется очень близко от нас. Сперва она пройдет на средней дистанции, и мы сможем увидеть ее великолепный хвост. Затем она очутится внутри орбиты Венеры, и большая часть ее испарится. Хвост ее еще будет виден какое-то время. Хотел бы пояснить: будет виден невооруженным глазом. После этого она окажется слишком близко к Солнцу, и с Земли ее не будет видно, но, разумеется, команда «Аполлона», вышедшего в космос, сможет провести полезные наблюдения. Мы же не увидим комету снова вплоть до того момента, когда она на обратном пути пройдет совсем рядом с Землей. Хвост ее раскинется на все небо. Готов биться об заклад, что он будет виден даже в дневное время.

Марк Ческу присвистнул. Мануэль не прореагировал, и Гарви понял, что свист не попал в запись. А вообще у Гарви было ощущение, что это он сам свистнул.

Дверь кабинета открылась. Вошел невысокий, полноватый, незапоминающейся внешности человек. Лет ему было около тридцати. У него была аккуратно подстриженная черная борода, а на носу — очки с толстыми стеклами. На нем была пендлетоновская зеленая шерстяная рубаха, оба кармана которой ощетинились ручками и карандашами всевозможных цветов и оттенков. К поясу был прицеплен карманный компьютер.

— Ох... извините, я не думал, что у вас гости,— извиняющимся голосом сказал он и попятился.

— Нет, нет. Останьтесь и послушайте, о чем здесь идет речь,— сказал Шарпс.— Позвольте мне представить вам доктора Дана Форрестера. То, чем он занимается, называется программированием. Его ученая степень звучит следующим образом: доктор философских наук, отрасль — астрономия. Но мы обычно именуем его нашим гением и ангелом-хранителем.

— Так одет, и, изволите ли видеть, гений,— за спиной Гарви пробормотал Марк.

Гарви кивнул. У него мелькнула та же самая мысль.

— Работа Дана в значительной мере способствовала уточнению орбиты Хамнера—Брауна. Сейчас он работает над поисками оптимального соотношения для «Аполлона»... имеется в виду соотношение между максимально возможным количеством потребляемых запасов...

— Потребляемых запасов?— спросил Гарви.

— Это пища, вода, воздух. И запасы эти тоже обладают массой. Полезный груз корабля не может иметь бесконечную массу. Поэтому нам приходится жертвовать одним ради другого. Взять меньше потребляемых запасов, чтобы вывести в космос больше аппаратуры. Но от количества потребляемых запасов зависит время, которое «Аполлон» сможет провести в космосе. Таким образом, сейчас Дан работает над следующей проблемой: что лучше — стартовать раньше, смирившись с тем, что на борту будет меньше научной аппаратуры, то есть продлить срок пребывания в космосе, но получить меньше информации, или...

— Не информации,— извиняющимся тоном сказал Форрестер.— Извините за то, что вмешиваюсь.

— Нет, поясните нам, что вы имеете в виду,— попросил Гарви.

— Мы стараемся максимизировать *информацию,*— сказал Форрестер.— Таким образом, проблема состоит в следующем: как будет получено больше информации — больше данных за более короткий период или меньше данных за более долгий период?

— Ага.— Гарви кивнул.— Так что вы выяснили насчет Хамнера—Брауна? Чему будет равняться самое короткое расстояние, отделяющее комету от Земли?

— Нулю,— без малейшего признака улыбки сказал Форрестер.

— Э-э... вы имеете в виду, что она свалится прямо нам на голову?

— Сомневаюсь в этом,— теперь Форрестер улыбнулся.— Ноль в пределах достоверности предсказания. Что означает ошибку измерения в добрых полмиллиона миль.

Гарви почувствовал облегчение. То же ощутили, как он заметил, все находящиеся в кабинете, включая Чарлин. Предыдущая фраза Форрестера была воспринята вполне всерьез. Гарви повернулся к Шарпсу:

— Скажите, что случится, если комета столкнется с Землей? Предположим, что нам не повезет.

— Вы имеете в виду ее голову? Или ядро? Потому что похоже, что мы действительно можем пройти сквозь ее внешний слой. Который никак не плотнее обычного газа.

— Нет, я имею в виду голову. Что произойдет в этом случае? Конец света?

— О, нет. Ничего подобного. Вероятно, это будет означать конец цивилизации.

На мгновение в кабинете воцарилась жуткая тишина. Нет, не на мгновение — она длилась.

— Но,— наконец сказал Гарви, и в голосе его звучало удивление,— доктор Шарпс, вы сказали мне, что комета — и даже ее голова — представляет собой нечто вроде кома снежной пены с вкраплениями каменных образований. Да и эта пена, этот снег — всего лишь замерзшие газы. В таком случае комета не кажется мне опасной.— И подумал: на самом деле я задал этот вопрос, чтобы ответ был записан на ленту.

— Несколько голов,— сказал Дан Форрестер.— Похоже, что должно быть именно так. Думаю, что комета уже начала распадаться. И если этот процесс начался, он будет продолжаться и дальше. Вероятно. Скорее всего.

— Так тогда опасность тем более уменьшается,— сказал Гарви.

Шарпс не слушал его. Он поднял глаза к потолку.

— Уже распадается?

Улыбка Форрестера стала шире.

— Весьма вероятно.

Затем он снова обратил внимание на Гарви.

— Вы спрашиваете, опасно ли столкновение,— сказал он.— Давайте рассмотрим этот вопрос. Итак, имеется несколько тел, состоящих в основном из одних и тех же веществ, которые, вскипая, образуют внешнюю оболочку и хвост, то есть из мелкой пыли, из образовавших подобие пены замерзших газов (пустоты образовались там, где прежде были по-настоящему летучие или непостоянные химические соединения, от которых уже и следа не осталось). Может быть, имеются там и сравнительно небольшие каменные вкрапления. Ага!..

Рэнделл недоумевающе взглянул на Форрестера.

Форрестер ангельски улыбнулся:

— Вот, вероятно, почему комета уже сейчас так ярко светится. Некоторые из составляющих ее газов вступили в химическое взаимодействие. Подумайте, какое зрелище нам предстоит, когда эти газы *по-настоящему* вскипят при прохождении кометы вблизи Солнца! Еще бы!

Шарпс, которого осенила та же мысль, прикрыл глаза.

— Доктор Шарпс...— сказал быстро Гарви.

— О... Да, конечно, что произойдет, если столкновение состоится? Столкновение, которого на самом деле не будет... Что ж, если ядро большое и движется оно с большой скоростью,— это опасно. При столкновении выделится громадное количество энергии.

— Опасно из-за каменных включений?— спросил Гарви. Камни — это было доступно его пониманию.— Они большие, эти каменные включения?

— Не очень,— сказал Форрестер.— Но это лишь теория...

— Вот именно,— Шарпс снова осознал, что на него смотрит камера.— И вот почему нам необходимо послать исследовательский корабль. Мы *не знаем.* Но полагаю, что каменные вкрапления невелики — размером от бейсбольного мяча до маленького холма.

Гарви почувствовал облегчение. Не может быть, чтобы это оказалось опасным. Маленький холм?

— Но разумеется, это не имеет значения,— сказал Шарпс.— Камни вкраплены в замерзшие газы и водяной лед. То есть удар будет нанесен, как если бы с Землей столкнулось несколько твердых небесных тел, а не скопление небольших обломков.

Гарви помолчал, обдумывая услышанное. Будущий фильм придется тщательно редактировать.

— Мне, тем не менее, не кажется, что это опасно. Даже железно-никелевые метеориты обычно сгорают задолго до того, как успевают достигнуть земной поверхности. Это факт: за всю историю человечества документально зафиксирован всего лишь один случай, когда падение метеорита принесло кому-либо вред.

— Конечно. Вы имеете в виду ту женщину из Алабамы,— сказал Форрестер.— Благодаря этому случаю ее фотография была опубликована в «Лайфе». На фотографии был отчетливо виден синяк — самый большой синяк, какой я когда-либо видел. Кажется, все это вылилось в судебный процесс? Хозяйка квартиры, где жила эта женщина, утверждала, что метеорит принадлежит ей — поскольку свой путь он закончил в подвале принадлежащего ей дома.

— Послушайте,— сказал Гарви.— Хамнер—Браун влетит в атмосферу с большей скоростью, чем обычный метеорит, и состоит она из льда. Значит, и сгореть она должна быстрее, не так ли?

Оба ученых одновременно отрицательно замотали головами: одна голова с тонким лицом, украшенная похожими на глаза насекомого очками, вторая голова — снизу густая растрепанная борода, а сверху очки в массивной оправе. А от противоположной стены точно так же головой замотал Марк.

— Метеориты сгорают быстрее,— сказал Шарпс.— Когда падающее тело достигает определенного размера, уже не имеет значения, обладает Земля атмосферой или нет.

— Для нас — имеет значение,— похоронным голосом добавил Форрестер.

Шарпс осекся на секунду, потом рассмеялся. Очень вежливо рассмеялся. Гарви подумал, что этот смех звучит искусственно. Шарпс постарался рассмеяться так, чтобы не обидеть Форрестера.

— Вот что нам нужно: хорошая аналогия. Гм...— Лоб Шариса пошел морщинами.

— Ванильное мороженое с фруктами,— сказал Форрестер.

— А?

В бороде Форрестера прорезалась широкая улыбка.

— Кубическая миля мороженого с фруктами. Обладающая притом кометной скоростью.

Глаза Шарпса вспыхнули:

— Отлично! Итак, предположим, что Земля столкнется с порцией ванильного мороженого с фруктами. Объем мороженого — одна кубическая миля.

Господи Боже, они свихнулись, подумал Гарви. Оба ученых кинулись, обгоняя друг друга, к доске. Шарпс начал рисовать:

— О'кей. Ванильное мороженое с фруктами. Давайте рассмотрим: в середине замороженный ванильный крем, поверх которого кладется слой мороженого...

За его спиной раздался какой-то придушенный звук. Шарпс этот звук проигнорировал. Во время всего интервью Тим Хамнер не вымолвил ни слова. А теперь он корчился, пытаясь сдержаться и не разразиться хохотом. Он закатил глаза, задыхаясь, осилил себя, придав лицу серьезное выражение:

— Я не могу с этим согласиться...— И закричал — крик его напоминал рев осла:— Моя комета! Кубическая миля... ванильного... моро... женого!..

— Имеющего слой воздушного крема в качестве оболочки,— усилил его смятение Форрестер.— Этот слой крема испарится, когда Молот обогнет Солнце.

— Она называется Хамнер—Браун,— поправил Тим, страдальчески вытягивая лицо.— Это Хамнер—Браун.

— Нет, дитя мое, это кубическая миля ванильного мороженого с фруктами. И находящийся под внешней оболочкой слой мороженого по-прежнему находится в замороженном состоянии,— сказал Шарпс.

— Но вы забыли...— начал Гарви.

— На один полюс этой порции мороженого мы положим вишенку и примем, что в перигелии этот полюс окажется в тени.— Шарпс нарисовал вишенку. Рисунок демонстрировал, что, когда комета обогнет Солнце, вишенка, расположенная по оси сфероида, окажется в противоположной от него стороне.— Не надо, чтобы эта ягодка была подпалена Солнцем. И давайте сверху посыплем толчеными орехами. Это будут каменные вкрапления... Вишня у нас, предположим, диаметром в двести футов...

— Она доставлена самолетом канадских военно-воздушных сил,— сказал Марк.

— Стэн Фреберг! Верно! — Форрестер расхохотался.— Тсс...

Бух! Посмотрим, как эта сцена будет выглядеть на экранах телевизоров!

— Значит, так. Комета огибает Солнце, таща за собой светящийся хвост пены (этот слой мороженого оказался недоброкачественным и испарился). Затем она летит к Земле, намереваясь вцепиться нам в глотку... Дан, какова плотность ванильного мороженого?

Форрестер пожал плечами:

— Она непостоянна. Ну, скажем, две трети.

— Ладно. Ноль, запятая, шесть, шесть и так далее...— Шарпс выхватил из стола карманный калькулятор и принялся неистово нажимать кнопки.— Ох, и нравятся мне эти штуки. С использованием плавающей запятой. Никогда заранее не угадаешь, где эта запятая окажется.

— Итак, предположим, кубическая миля. Пять тысяч двести восемьдесят футов, чтобы перевести в дюймы, умножим на двенадцать и, переводя в сантиметры, умножим на два, запятая, пятьдесят четыре, получается куб... Таким образом имеем два, запятая, семьсот семьдесят шесть, умноженное на десять в пятнадцатой степени кубических сантиметров ванильного мороженого. Чтобы его съесть, понадобится немало времени. Далее — плотность... И — извольте — примерно два умножить на десять в пятнадцатой степени граммов. Два миллиарда тонн. Теперь — если учесть поверхностный слой крема...— Шарпс перестал жать на кнопки.

Доволен, как нажравшийся обжора, подумал Гарви. Весьма многоречивый обжора, в распоряжении которого имеется последней модели карманное чудо счетной техники.

— Как вы полагаете, чему равна плотность крема?— спросил Шарпс.

— Предположим, ноль, запятая, девять,— сказал Форрестер.

— Вам никогда не приходилось готовить крем?— спросила Чарлин.— В воде он тонет. Попробуйте для пробы опустить его в чашку с холодной водой. Готовя крем, моя мать всегда так делала.

— Тогда, предположим, один, запятая, два,— сказал Форрестер.

— Еще миллиард с половиной тонн на крем,— сказал Шарпс. За его спиной Хамнер издал еще более странный звук, чем раньше.

— Полагаю, что каменные включения мы можем не принимать во внимание,— сказал Шарпс.— Теперь вы понимаете почему?

— Господи Боже, да,— ответил Гарви. Глянул на работающую камеру.— Э... Да, доктор Шарпс, конечно, нет никакого смысла принимать во внимание каменные включения.

— Надеюсь, вы не собираетесь показывать все это на экране?— негодующе заорал Тим Хамнер.

— Вы запрещаете?— спросил Гарви.

— Нет... нет...— Хамнер скорчился в припадке смеха.

— Далее. Скорость у кометы, как и полагается, кометная. Огромная скорость. Глянем теперь, какова параболическая скорость Земли, Дан?

— Двадцать девять и семь десятых километра в секунду. Умноженное на корень квадратный из двух.

— Сорок два километра в секунду,— сообщил Шарпс.— И нужно еще учесть орбитальную скорость Земли. Все зависит от геометрии столкновения. Если мы, например, возьмем скорость в пятьдесят километров в секунду, это будет достаточно близко к истине?

— Вполне,— сказал Форрестер.— У метеоритов скорость от двадцати до, пожалуй, семидесяти. Вполне.

— Ладно. Принимаем пятьдесят. Квадрат, да пополам... Переводим массу в граммы... Получается где-то около два умножить на десять в двадцать восьмой степени эргов. Вот что такое наше ванильное мороженое. Далее, имеем право принять, что большая часть поверхностного слоя крема вскипела и испарилась, но, понимаете ли, Гарви, на таких скоростях действие атмосферы продлится не слишком долго. При лобовом столкновении оно продлится ровно две секунды! Во всяком случае, какая бы часть массы ни испарилась, выделится достаточно много энергии, чтобы тепловой баланс Земли изменился. Взрыв будет внушительный. Предположим, что Земле будет передано двадцать процентов энергии поверхностного слоя крема, и тогда,— нажато еще несколько кнопок, и Шарпс драматически возвысил голос,— общий результат таков: два, запятая, семь, умноженное на десять в двадцать восьмой степени эргов. О'кей, вот что такое ваше столкновение.

— Мне это говорит не слишком много,— сказал Гарви.— Но похоже, что это большое число...

— Единица в сопровождении двадцати восьми нулей,— пробормотал Марк.

— Шестьсот сорок тысяч мегатонн, примерно так,— сказал мягко Дан Форрестер.— Да, это большое число.

— Господи Боже, планета будет выжжена,— сказал Марк.

— Не совсем.— Из болтающегося на поясе футляра Форрестер вытащил калькулятор.— Взрыв будет примерно равен извержению — одновременному — трех тысяч Кракатау. Или — если насчет Феры не ошибаются, одновременному извержению ста Фер.

— Фера?— спросил Гарви.

— Вулкан в Средиземноморье,— подсказал Марк.— Бронзовый век. Отсюда и берет начало легенда об Атлантиде.

— Ваш приятель прав,— сказал Шарпс.— Хотя я не уверен насчет оценки количества выделившейся энергии. Рассмотрим пробле-

му под иным углом зрения. Человечество — все человечество — за год использует примерно десять в двадцать девятой степени эргов. Сюда входит все: электрическая энергия, уголь, ядерная энергия, кухонные плиты, автомобили... дальше перечисляйте сами. Итак, наше мороженое несет в себе запас энергии, равный приблизительно тридцати процентам ежегодного мирового энергетического бюджета.

— Хм. Тогда не так уж плохо,— сказал Гарви.

— Не так уж плохо. Не так уж плохо по сравнению с чем? Запас годовой энергии, выделившейся в течение одной минуты,— сказал Шарпс.— Вероятно, комета влетит в воды Мирового океана. Если она ударит в землю, в твердь, в месте столкновения все будет уничтожено, но большая часть выделившейся энергии тут же отразится в космическое пространство. Но если комета ударит в океан, вода испарится. Погодите-ка, эрги перевести в калории... Черт возьми! Мой калькулятор для такой операции не приспособлен.

— Сейчас переведу,— сказал Форрестер.— В случае столкновения испарится примерно шестьдесят миллионов кубических километров воды. Или — если вам это больше по нраву — пятьдесят миллиардов кубических футов. Вполне достаточно, чтобы все США оказались под слоем воды. Под слоем в двести двенадцать футов.

— Прекрасно,— сказал Шарпс.— Итак, в атмосферу вылетают шестьдесят миллионов кубических километров воды. И после этого, Гарви, выливаются обратно в виде дождя. Значительная часть этого дождя прольется над полярными областями. А поскольку вода замерзает, то это будет уже не дождь, а снег. Быстрое формирование ледников... которые движутся к экваториальным областям... да. Гарви, историки полагают, что вследствие извержения Феры изменился земной климат. Мы *точно* знаем, что извержение Тамбоуры — примерно той же силы, каким было извержение Кракатау,— привело к тому, что историки предыдущего столетия называли «годом без лета». Голод. Наше ванильное мороженое приведет, вероятно, к наступлению нового ледникового периода. Облака. Облака отражают свет. Меньше солнечного тепла достигнет земной поверхности. Снег также отражает свет. Еще меньше солнечного тепла. Становится все холоднее. Выпадает все больше снега. Ледники ползут к экватору, не успевая растаять. Положительная обратная связь.

Дела, похоже, оборачиваются чертовски серьезно.

— Но что служит причиной прекращения ледниковых периодов?— спросил Гарви.

Форрестер и Шарпс одновременно пожали плечами.

— Итак,— сказал Хамнер,— моя комета окажется причиной наступления ледникового периода?— Лицо у него было вытянувшееся, мрачное. Так выглядело бы лицо его бабушки, если бы она узнала, что ее похороны обошлись в 60 000 долларов.

— Нет,— сказал Форрестер.— Мы говорим лишь о ванильном мороженом. Гм... Молот больше.

— Хамнер—Браун. Насколько больше?

Форрестер неуверенно развел руками:

— Раз в десять?

— М-да,— сказал Гарви. Он отчетливо видел: через поля, через леса ледники ползут к югу, растительность убита снегом. Вниз, по Северной Америке — в Калифорнию, по Европе — к Альпам и Пиренеям. За зимой следует зима. Становится все холоднее, гораздо холоднее, чем было в «великие морозы» 76—77-го годов. И — черт возьми! — никто даже не упомянул хотя бы, что произойдет с приливами и отливами. Это будут не просто волны...

— Но комета не может иметь такую же плотность, как кубическая миля м-м-м...

Тут с ним это и произошло. Гарви откинулся — упал — на спинку своего кресла и утробно загоготал. Он просто не мог выговорить ни слова.

* * *

Позднее он сделал для себя — только для себя — еще одну запись. Сделал в том жалком подобии кабинета, который предоставила ему студия: муляжи книг на полках, потертый ковер на полу. Здесь он мог говорить свободно.

— Просим за это прощения (Эти слова надо будет вставить сразу после того, как зрители увидят, что Гарви потерял контроль над ситуацией. А во время интервью с Шарпсом он терял этот контроль несколько раз.). Особо нужно отметить следующие пункты. Первое: вероятность того, что твердая составляющая Хамнера—Брауна столкнется с Землей, ничтожно мизерная. На таком расстоянии сам дьявол не смог бы попасть в такую маленькую мишень, как наша планета. Второе: если столкновение состоится, эффект, вероятно, будет такой, как если бы с Землей столкнулось несколько больших и массивных тел. Некоторые из этих тел упадут в океан. Другие ударят в землю, где разрушения окажутся локальными. Все же если Хамнер—Браун столкнется с нашей планетой, это будет как если бы дьявол ударил по ней чудовищно громадным молотом.

АРЕЯ: интерлюдия

Пятьдесят тысяч лет назад в Аризоне. Когда при соприкосновении с кислородом, содержащимся в атмосфере, железо возгорелось, поверхность земли раскалилась. Вследствие этого масса грунта оказалась выброшена в воздух. Обломки, огромные, как дом, летели под острыми углами во все стороны над самой поверхностью. Образовался громадный клуб сверхперегретого воздуха, расширяющийся с гигантской скоростью. Всякая жизнь на сто миль в окружности оказалась немедленно и полностью выжженной.

Фрэнк В. Лэйн.
Ярость стихии.
(Чилтон, 1965 г.)

Леонилла Малик подписала рецепт и отдала его больному. Этот — последний за сегодняшнее утро, и когда пациент вышел из кабинета, Леонилла выдвинула ящик стола и достала бутылку «Гранд Маринер». Наполнила маленький, изящной формы стаканчик. Дорогостоящий ликер достался ей в подарок от одного из ее товарищей-космонавтов. Когда пьешь этот напиток, тобой овладевает восхитительное ощущение декаданса. Еще этот приятель подарил ей шелковые чулки и комбинацию из Парижа.

А я никогда не бывала за границей, подумала она. Она посмаковала языком сладкую жидкость. Какие бы усилия я ни прикладывала, за рубеж меня никогда не выпустят.

Хотелось бы ей понять, какое теперь у нее социальное положение. Ее отец был врачом и имел очень хорошую репутацию среди кремлевской элиты. А затем настало время «заговора врачей», безумная вера сталинистов в то, что врачи пытались отравить Первого революционера нашего времени, Народного героя, Учителя и вдохновенного Вождя мирового пролетариата, товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Отец Леониллы и еще сорок врачей сгинули в подвалах Лубянки.

В наследство от отца ей остался номер «Правды» за 1950 год. В

нем было старательно подчеркнуто каждое упоминание имени Сталина. Лишь на первой странице его имя называлось девяносто один раз, десять раз его именовали Великим вождем и шесть раз Великим Сталиным.

Его следовало бы отравить, этого выродка, подумала Леонилла. Мысль эта вызвала неприятное чувство: она противоречила имеющей давнюю историю традиции. В советских медицинских учебных заведениях клятва Гиппократа не изучалась, но Леонилла прочла ее.

Будущее Леониллы, как дочери врага народа, не казалось особенно лучезарным. Но времена изменились, и врач Малик был реабилитирован. В числе прочего — во искупление сделанного — Леониллу избавили от должности секретарши в захолустном украинском городке и послали учиться в университет. Любовная связь с полковником из военно-воздушных сил привела к тому, что Леониллу научили водить самолет. А затем, как ни странно, она была зачислена в отряд космонавтов, хотя ее положение там по сию пору оставалось весьма неопределенным. Полковник стал генералом, и хотя уже давным-давно был женат, продолжал помогать ей.

Ей так и не удалось побывать в космосе. Ее тренировали для этого, но в полет так ни разу и не назначили. Вместо этого она занималась лечением летчиков и их семей. И продолжала тренировки и надеялась на счастливый случай.

В дверь тихо постучали. Сержант Бреслов, паренек не более девятнадцати лет от роду. Бреслов очень гордился тем, что он сержант Красной Армии. Только, разумеется, армия больше не называлась Красной. Она перестала ею быть с тех пор, как Сталин настоял на ее переименовании — во время войны, которую он нарек Великой Отечественной. Бреслов предпочел бы название «Красная Армия». Он часто говорил о том, как хотел бы принести свободу всему миру — на острие своего штыка.

— Товарищ капитан, для вас получено сообщение. Вам приказано лететь на Байконур.— Он нахмурился, уставясь на бутылку, которую Леонилла забыла убрать.

— Значит, пора за работу,— сказала Леонилла.— Это настоящий праздник. Составите мне компанию?— и налила стакан для Бреслова.

Он выпил налитое — стоя и с выражением неослабной бдительности. Это была единственная для него возможность выказывать офицерам неодобрение, когда видел, что они пьют до обеда. Разумеется, до обеда пили многие, что служило Бреслову добавочным доказательством, что дела пошли хуже с тех пор, как Красная Армия перестала быть Красной. О том, какой была Красная Армия, ему много (и хвастливо) рассказывал отец.

* * *

Через три часа она уже летела по направлению к космопорту. Ей все еще едва верилось: недвусмысленный срочный приказ, согласно которому она сейчас летит на тренировочном реактивном самолете. Ее вещи будут высланы позднее. Что там случилось такое важное? Она выбросила вопрос из головы и отдалась радости полета. Одна, в чистом небе, никто не заглядывает тебе через плечо, никакой другой пилот не перехватывает управление — восторг. Лишь одно на всем белом свете может быть лучше.

Может ли случиться, что ее вызывают именно из-за этого? Она не слышала, что готовится какая-то новая экспедиция в космос. Но все может быть. Мне уже не раз везло. Почему бы не повезти и на этот раз? Она представила, что находится в кабине настоящего «Союза», ждет, когда взревут стартовые двигатели — взревут и вынесут корабль в пустоту космического пространства. И от этой мысли Леонилла выдала такую серию фигур высшего пилотажа, что если б кто из начальства увидел, ей бы немедленно приказали идти на посадку.

* * *

Внезапный порыв ветра, пронесшийся через долину Сан-Иоаквин, слегка качнул трейлер, отчего Барри Прайс тут же проснулся. Он тихо лежал, слушая успокаивающее рычание бульдозеров: бригады продолжали работу, возводя ядерный комплекс. За окном вспыхнул свет. Прайс осторожно привстал, стараясь не разбудить Долорес, но она заворочалась и открыла глаза.

— Сколько времени?— сонно спросила она.— О Господи, ложись спать.— Она потянулась к нему. Простыня соскользнула, открыв ее загорелые груди.

Он уклонился, затем зажал обе ее руки своей рукой и нагнулся, чтобы поцеловать ее.

— Женщина, ты ненасытна.

— У меня нет никаких оснований жаловаться. Ты действительно встаешь?

— Да, мне нужно заняться работой, а позже мы ожидаем визитеров, и я *обязан* прочесть доклад Мак-Клива, поданный еще позавчера. Мне передали его еще прошлой ночью.

Долорес, пересиливая себя, улыбнулась:

— Само собой, мы с тобой легли вместе, только чтобы чуть поразвлечься. Ты наверняка не ляжешь спать снова?

— Нет.— Он отошел к раковине, открыл кран и подождал, пока не пошла горячая вода.

— Ты встаешь быстрее, чем любой мужчина, с которым я когда-либо имела дело,— сказала Долорес.— А я ни свет ни заря вставать

не намерена.— Она натянула подушку на голову, но тело ее под простынями чуть заметно двигалось, чтобы показать Барри, что она не спит.

Можно бы еще, подумал Барри. Ио-хо! Но тогда зачем я надеваю штаны?

Одевшись, он решил, что лучше считать, что Долорес спит,— и быстренько выскочил из трейлера. Снаружи его встретил свет утреннего солнца. Он потянулся, глубоко вдыхая воздух. Его трейлер стоял на краю походного лагеря — в этом лагере жило большинство тех, кто возводил Сан-Иоаквинский ядерный комплекс. Долорес нашла ночлег далеко отсюда, но в последние дня ночевала именно здесь. Барри шел к стройке и улыбался, но потом вспомнил о Долорес, и улыбка его увяла.

Она восхитительна. И то, чем они так активно занимались этидни в свободное от работы время, никак не отражалось на их служебных отношениях. Она была, в сущности, не столько секретаршей, сколько помощником по административной части, и Барри чертовски хорошо знал, что без нее с работой ему не справиться. Она была по крайней мере столь же необходима, как и руководитель работ (то есть он сам). И, подумав об этом, Барри Прайс ужаснулся. Его томило предчувствие, что на него предъявят права. Предъявят права на его время, станут требовать, чтобы он уделял больше внимания... и со стороны Долорес это будет не так уж неразумно. В общем, случится все то, что сделало его жизнь с Грейс невыносимой. Барри не мог поверить, что Долорес удовольствуется ролью просто... кого? И он не мог найти ответа. Любовница — это будет неправильно. Он не помогает ей. В голову пришла странная мысль: Долорес не из тех, кто позволяет мужчине (любому мужчине) вторгаться в ее жизнь. Не из тех, кто позволяет мужчине одержать над собой верх. Это для нее мужчина — любовник, подумал он. И такая расстановка сил ее вполне удовлетворяет. Даже более чем удовлетворяет.

Возле палатки, где жил руководитель конструкторского бюро, стояла большая посудина, полная кофе. Барри остановился, налил себе чашку. У конструкторов всегда превосходный кофе. Чашку Барри отнес в свой кабинет, вытащил докладную Мак-Клива.

Минутой позже он взвыл от ярости.

Когда явилась Долорес (примерно в восемь тридцать), он все еще не успокоился. Она вошла (в руке — чашка кофе) и увидела, что он расхаживает по кабинету взад-вперед.

— Что случилось?— спросила она.

И вот это мне нравится в ней, подумал Барри. Она отметает все личное, когда находится на работе.

— Вот,— он потряс докладом.— Ты знаешь, чего желают эти идиоты?

— Конечно, нет.

— Они хотят, чтобы комплекс был упрятан под землю! Вокруг всего комплекса должна быть сооружена насыпь в пятьдесят футов!

— Можно ли считать, что этим будет увеличена безопасность?— спросила Долорес.

— Нет! Это будет лишь... косметика. Вот и все! Даже не косметика... на черта она?! Сан-Иоаквин великолепен. Этот комплекс прекрасен. Можно гордиться им и не упрятывая под кучей грязи.

Долорес поставила чашку на стол и неуверенно улыбнулась.

— Ты выполнишь это требование?

— Надеюсь, что нет. Но Мак-Клив утверждает, что членам комиссии эта идея понравилась. Так же, как и мэру. Вероятно, мне придется это сделать, и — будь оно проклято! — мы тогда выбиваемся к черту из графика! Придется отзывать людей, занятых рытьем котлована под номер четыре, и...

— Кстати, дамы из учительско-родительской ассоциации будут здесь минут через пятнадцать.

— Господи Боже!.. Спасибо, что напомнила. Надо как-то попытаться успокоиться.

— Да, тебе лучше заняться этим. Ты сейчас рычишь, как медведь. Постарайся быть милым, эти дамы на нашей стороне.

— Рад, что хоть кто-то на нашей стороне.— Барри отошел к письменному столу. Взял с него чашку кофе — и увидел, какую груду работы ему еще остается сделать сегодня. И понадеялся, что дамы задержатся у него ненадолго. Может быть, появится возможность переговорить с мэром, и, может быть, мэр окажется достаточно чувствителен к доводам разума, и тогда можно будет снова заняться работой...

* * *

Работа на строительной площадке кипела. На посторонний взгляд, беспорядочно, в различных направлениях двигались бульдозеры, подъемники, бетоновозы. Рабочие перетаскивали оборудование для формовки бетона. Барри Прайс вел гостей сквозь этот водоворот — и почти не видел его.

Гостьи видели рекламные ролики, и поэтому благоразумно надели — все как одна — брюки и обувь на низком каблуке. Когда Долорес раздала им каски, они восприняли это спокойно. И вопросов не задавали.

Барри подвел их к третьей очереди. Сейчас она представляла собой лабиринт стальных балок и фанерных листов, возведение ку-

пола было еще далеко не завершено. Здесь — подходящее место, чтобы продемонстрировать гостям особенности системы безопасности. Барри надеялся, что они умеют слушать. Долорес говорила, что во время общения с ней гостьи вели себя вполне благоразумно, и это вселяло надежду, но прошлый опыт заставлял Барри держаться настороженно. Вот и более спокойный участок, где рабочих в данную минуту нет. Но все равно шумно: рядом рычат бульдозеры, невдалеке плотники устанавливают свои конструкции, вовсю идет сварка труб...

— Я знаю, что мы отнимаем у вас время,— сказала миссис Гундерсон.— Но нам это кажется важным. Многие родители задают вопросы, относящиеся к вашему центру, школа расположена лишь в нескольких милях отсюда...

Барри улыбнулся — улыбка выражала согласие. Этим он постарался показать, что все правильно. И что он знает, что данный визит к нему — это очень важно. Но мыслями своими он был далеко. Он продолжал обмозговывать докладную Мак-Клива.

— Как много тут народа... Все эти люди действительно работают на вас?— спросила другая дама.

— Они — служащие корпорации «Бечтел»,— сказал Барри.— Строительство ведется «Бечтелом». Управление по делам водоснабжения и энергии не могло бы содержать так много людей на своей постоянной оплате.

Миссис Гундерсон не заинтересовали детали административной структуры. Она напоминала Барри о себе: ей хочется получить — и быстро — доскональную информацию. Миссис Гундерсон — полная, хорошо одетая женщина. Ее муж — владелец большой фермы, расположенной где-то неподалеку.

— Вы собирались показать нам, как обеспечивается безопасность,— заявила она.

— Хорошо.— Барри показал на возводящийся купол.— Во-первых: само это сооружение, в котором и будет все размещаться. Несколько футов бетона. Если что-нибудь там внутри и случится, то внутри и останется. Но вот что я хотел бы вам показать.— Он ткнул пальцем в сторону трубы, выходящей из-под недостроенного купола.— Это наша главная линия охлаждения. Нержавеющая сталь. Два фута в диаметре. Толщина стенки равна одному дюйму. Вон лежит отрезанный кусок трубы, и я готов спорить, что вы не сможете поднять его.

Миссис Гундерсон приняла вызов. Она ухватилась за край четырехфутового обрезка, но не смогла сдвинуть его с места.

— Теперь предположим, что хладагент не поступает, где-то полностью вытек, что совершенно исключено,— сказал Барри.— Понятия не имею, как это может случиться, но предположим, что такое произошло. Внутри этого сооружения как раз сейчас рабочие уста-

навливают баки — эти емкости предназначены для хранения холодильного агента. На случай возникновения аварийной ситуации. И это большие баки. Если давление воды в главной линии охлаждения понизится, вода из баков под высоким давлением пойдет прямо в сердцевину реактора.

Он провел их под купол, стараясь ознакомить буквально со всем. Показал им насосы, предназначенные для заполнения полостей реактора водой. Показал бак на тридцать тысяч галлонов, в котором будет храниться запас воды для турбин.

— Все это предназначено для обеспечения охлаждения в случае возникновения критического положения,— пояснил Барри.

— А какова производительность?— спросила миссис Гундерсон.

— Сто галлонов в минуту. Примерно как у шести садовых шлангов, вместе взятых.

— Мне не кажется, что это слишком много. И это все, что может оказаться необходимым?

— У нас есть все, что может оказаться необходимым. Поверьте мне, миссис Гундерсон, мы обеспечиваем безопасность ваших детей более, чем это смог бы сделать еще кто-либо. Мы готовы во всеоружии встретить любые так называемые несчастные случаи — даже те, которые никогда не могут произойти. У нас есть специальные люди, работа которых заключается в придумывании несчастных случаев. Они изобретают всякие глупости, которые — мы в этом уверены — просто не могут случиться. Это делается, чтобы мы были готовы ко всему — даже к невероятному.

Он провел посетительниц через все здание, понимая, что громадность окружающего произведет на них впечатление. Как и на него самого. Ему нравится — он любит! — этот силовой комплекс. Большую часть своей жизни он провел, готовя себя к этой работе.

Наконец гостьи увидели все, и Барри повел их обратно. Там, в центре приема посетителей, ими займутся люди из отдела общественной информации и рекламы. Надеюсь, я все сделал правильно, подумал он. Они могут здорово помочь нам, если захотят. Но могут также и здорово навредить...

— Меня очень интересует еще одно,— сказала миссис Гундерсон.— Диверсия. Я понимаю, вы сделали все, что могли, чтобы предотвратить несчастные случаи, но предположим, что кто-то специально попытается... взорвать все это. В конце концов, вы не можете держать здесь очень большую охрану, а сумасшедших в нашем мире хватает.

— Да. Что ж, мы предусмотрели способы, какими могла бы быть произведена диверсия,— Барри ухмыльнулся.— Извините меня, но рассказывать об этом я не буду.

Гостьи неуверенно заулыбались ему в ответ. Наконец миссис Гундерсон сказала:

— Значит, вы уверены, что никакая банда не сможет нанести ущерб вашему центру?

Барри покачал головой:

— Нет, сударыня. Мы уверены, что любая диверсия против нас не сможет причинить ущерб *нам*, что бы ни предпринималось. Но полностью обезопасить сам центр невозможно. Взгляните на турбины. Они делают три тысячи шестьсот оборотов в минуту. Лопасти вращаются так быстро, что если в паровую линию попадет всего лишь несколько капель воды, турбины будут повреждены. Аппаратный зал уязвим для любого идиота с динамитом. Нет, мы не сможем остановить диверсантов, пожелавших причинить вред комплексу, но точно так же никто не может предотвратить поджог баков на энергоцентрах, работающих на нефтяном топливе. Однако в наших силах проследить, чтобы никто за стенами нашего комплекса не потерпел никакого ущерба.

— А те, кто будет работать здесь?

Барри пожал плечами:

— Знаете, никому не кажется странным, что работа полицейских и пожарных окутана ореолом романтики. Но о тех, кто работает на силовых комплексах, известно гораздо меньше. Люди иначе расценивали бы их труд, если бы увидели, как наши парни, стоя по пояс в нефти, перекрывают клапан. Или если бы увидели монтера на вершине энергоопоры — в окружении электрических разрядов... Мы должны делать свою работу, миссис Гундерсон. И мы ее делаем — если нам не мешают ее делать.

* * *

Веет теплый ветер, небо ясное. Это — Хаустон, пригород Эль-Лаго. Период дождей закончился, и с сотню семейств загорало сейчас на задних дворах своих домов. В местных лавках запас пива почти полностью распродан.

Замотанный, голодный и счастливый (еще бы, все выходные ему предстоит провести дома!) Рик Деланти вытащил бифштексы из гриля и рассовал их по булочкам. Сад его дома заполнен теплом, дымом и шумом — там разместилась дюжина друзей Рика вместе со своими женами. Слышно, как вопят дети, затевающие какую-то новую игру. Родители слышат эти вопли и гордятся, подумал Рик, даже если гордиться в общем-то нечем. А сами дети на родителей не очень-то обращают внимание.

— ...никаких новых мыслей,— это голос его жены.— научные фантасты писали о космических колониях еще десятки лет назад.

Жена Рика высокого роста, кожа у нее очень черная. Ее волосы

заплетены в крохотные косички — эта прическа называется «завитая кукурузная булочка». Деланти мог вспомнить времена, когда она, наоборот, распрямляла свои волосы.

— Кстати, об этом писал и Хайнлайн,— сказала Глория Деланти. И, ожидая одобрения, взглянула на Рика. Но он был слишком занят грилем, а в памяти почему-то всплыл образ его жены, когда оба они еще жили в Чикаго и были студентами.

— Новое есть,— вошедший был членом весьма избранной и ограниченной группы. Эван едва не побывал на поверхности Луны. Он был тем, кому выпало счастье быть в кабине «Аполлона».— О'Нейл разработал *экономический аспект* строительства гигантских космических колоний. Он доказал, что можно не только писать рассказы на эту тему, но и реально заняться делом — то есть реально строить.

— Мне это нравится,— заявила Глория.— Совместный, семейный, так сказать, проект астронавтов. Каким образом можно подписать контракт?

—Вы уже это сделали,— сказала Джейн Ритчи.— Когда выходили замуж за летчика-испытателя.

— О, разве мы женаты?— удивилась Глория.— Недоумеваю. Эван, как вам удается добиться того, чтобы эти люди, стоит им прийти в тренировочный центр, четко и без промедления выполняли свои обязанности?

Из-за дома вышел Джон Бейкер.

— Эй, Рики! Я уже думал, что заблудился. С улицы кажется, что здесь все повымерло.

Раздался хор приветствий. Голоса мужчин, не видевших полковника Джона Бейкера с тех пор, как он перебрался в Вашингтон, звучали неподдельно сердечно. А в приветствиях женщин особой теплоты не чувствовалось. Ничего другого Бейкер и не мог ожидать: он развелся. Такое случалось со многими астронавтами, и именно поэтому он вернулся обратно в Хаустон (его возвращение озадачило многих).

Бейкер приветствовал всех взмахом руки, затем засопел, принюхиваясь:

— А мне дадут одну из вот этих штук?

— Ваш приказ будет исполнен, сэр, если только вы его не отмените...

— Почему у тебя никогда не бывает жареных цыплят?

— Боюсь поддаться стереотипу. Дело в том, что я...

— Чернокожий,— участливо подсказал Джонни Бейкер.

— А?— Рик испуганно уставился на свои руки.— Нет, это просто жир от бифштексов. Измазался.

— Так кто все-таки выбран для полета к комете?— требовательно спросил Эван.— Большого полета?

— Будь я проклят, если знаю,— ответил Бейкер.— В Вашингтоне все молчат.

— Черт возьми, намерены послать меня,— сказал Рик Делантн,— у меня эти сведения из надежного источника.

По спине Бейкера пробежал холодок. Банка пива осталась полуоткрытой. Трое мужчин, находившихся поблизости, оборвали разговор, их жены затаили дыхание.

— Я, когда был в Тексаркане, сходил к гадалке, и она...

— Господи! Быстро давай мне ее имя и адрес! — сказал Джонни. Остальные несколько принужденно заулыбались и вновь занялись разговором.— Ну и навел ты на нас страху,— шепнул Джонни и рассмеялся.

— Ага,— улыбаясь, сказал Рик, переворачивая бифштексы длинной вилкой.— Почему нас не могут проинформировать пораньше? Нас насчитывается всего около дюжины, мы готовимся неделя за неделей, и нам — ни слова. А ведь это будет последний полет — пока не закончат возиться с «Шаттлом». Я нахожусь в списке уже шесть лет и ни разу не был назначен в полет. Сомневаюсь, стоит ли игра свеч.

Он положил вилку.

— Не только сомневаюсь, но и помню судьбу Дика Слейтона.

Бейкер кивнул. Дик Слейтон входил в первоначально отобранную семерку астронавтов — и он ждал назначения в полет вплоть до совместной экспедиции «Союз»—«Аполлон». Тринадцать лет ждал назначения. Как астронавт, он был не хуже других, но лучшее применение ему находили на земле. Тренировки за тренировками, и снова наверху решают: незаменим на наземной работе.

— Удивляюсь, как только он это выдержал,— сказал Джонни Бейкер.

— Я тоже,— кивнул Рик.— Но я — единственный в мире астронавт с черной кожей. Продолжаю надеяться, что это мой козырь.

К грилю подошла Глория:

— Эй, Джонни! О чем это вы вдвоем беседуете?

— Как о чем?— от охладителя пива крикнула Джейн.— О чем всегда говорят астронавты, когда намечается космический полет.

— Может быть, там выжидают нужного момента,— сказал Джонни Бейкер.— Расовые беспорядки. И когда настанет время, в космос запустят чернокожего астронавта.

— Не смешно,— сказала Глория.

— Но это предположение ничем не хуже других,— сказал ей Рик.— Я знаю, как проходит отбор в НАСА. Но если Джонни прав, я должен был получить назначение во все полеты — без исключения. Во всяком случае, что ты привез нам из этой забавной пятиугольной лачуги?

— Приказ. Снова приступить к тренировкам. Я тоже кандидат в экспедицию к Молоту.

— Гм,— Рик потыкал вилкой кусок мяса: почти готов.— Это меняет дело. Очередь из двоих. Ты должен оказаться первым.

Бейкер пожал плечами.

— Не знаю, как пойдут дела на этот раз. Так и не смог понять, как это меня назначили на «Скайлэб»...

— Ты должен подойти,— сказал Рик.— Опыт ремонтных работ в космическом пространстве. А корабль приводят в порядок быстро, на все отборочные испытания времени нет. Вывод ясен.

Глория кивнула. Кивнули и другие, кто прислушивался к их разговору. Затем окружающие вернулись к своим беседам. Джонни Бейкер пил пиво, на душе у него сделалось легче. Если вывод ясен для тех, кто здесь присутствует, он, вероятно, не менее ясен и членам Астронавтического комитета Хаустона.

— Кое-какие известия из Вашингтона я все же привез. Сведения неофициальные, но вполне надежные. Русские посылают в полет женщину.

Странным образом распространяется тишина — по расширяющейся окружности.

— Леонилла Малик. Доктор медицинских наук. Так что мы доктора наук в космос посылать не будем.— Джонни Бейкер возвысил голос, чтобы слышали все.— Это точно: русские посылают именно ее, и нам не успеть за их «Союзом». Источник моих сведений конфиденциальный, но он чертовски надежен.

— Может быть,— сказал Дрю Веллен, и сейчас говорил лишь он один,— может быть, русские считают, что они должны что-то всем доказать.

— Может быть, наши тоже так считают,— сказал кто-то.

Рик почувствовал, как в крови его вспыхнул жаркий огонь. Никто ничего ему не обещал, но он уже — *знал.*

— Почему вы все так вдруг уставились на меня?— спросил он.

— У тебя горят бифштексы,— сказал Джонни.

Рик опустил взгляд, посмотрел на испускающее дым мясо.

— Гори, дорогуша. Гори.— сказал он.

* * *

В три часа ночи Лоретта Рэнделл услышала доносившийся из кухни странный шум.

Посреди кухонного пола была расстелена вчерашняя газета. Посреди газеты была поставлена жаровня — самая большая, та, прямоугольная. Жаровня была наполнена мукой. На газете и на полу тоже была мука — просыпанная. Гарви бросил что-то в жаровню. Лицо у него было усталое и опечаленное.

— Господи Боже, Гарви! Что ты делаешь?

— Привет. Служанка придет завтра, не так ли?

— Да, разумеется, завтра пятница, но что она подумает?

— Доктор Шарпс сказал, что все кратеры имеют круглую форму,— Гарви поднял руку над жаровней, в пальцах — орех. Пальцы разжались, и орех упал. Мука взметнулась клубом.— Какова бы ни были скорость, или масса, или угол падения метеора, все равно кратер будет круглым. Наверное, он прав.

Вся поверхность муки была усеяна горошинами и мелкими камушками. Пресс-папье оставило кратер размером с обеденную тарелку — сейчас почти полностью размытый следами более мелких кратеров. Гарви оглянулся и, нагнувшись, подобрал бутылочную пробку. Кинул — под острым углом — ее в муку. Кратер получился круглый.

Лорретта вздохнула, осознавая, что ее муж сошел с ума.

— Но, Гарви, зачем ты занялся этим? Ты знаешь, который час?

— Но если он прав, значит...— Гарви посмотрел на глобус, принесенный им с работы. На глобусе были обведены жирно заколдованные круги: Японское море, Бенгальский залив. Дугообразная цепочка островов, ограничивающих Индийский океан. Двойной круг, где образовался Мексиканский залив. Если хоть один из этих кругов — след столкновения с астероидами, значит, было так: океаны вскипели, все живое было полностью выжжено. Сколько раз зарождалась жизнь на Земле, и была стерта с ее лица, и зарождалась снова?

Если он кратко объяснит все это Лоретте, она до самого утра будет трястись от ужаса.

— Не обращай внимания,— сказал Гарви.— Это для фильма.

— Ложись спать. Утром, до того, как придет Мария, мы все здесь уберем.

— Нет, ничего не трогай. И не позволяй Марии ничего здесь трогать. Мне нужно будет это сфотографировать... под различными углами...

И он, как в тумане, потянулся к ней. Тесно прижавшись друг к другу, Гарви и Лоретта пошли к кровати.

АПРЕЛЬ: два

Никто не знает, сколько объектов различного размера — вплоть до тех, что имеют несколько миль в диаметре, ежегодно незамеченными проходят невдалеке от Земли.

Доктор Роберт С. Ричардсон. Высокогорная обсерватория Маунт Вильсон

Когда Гарви вышел из здания телекомпании, рядом с вездеходом он увидел Тима Хамнера. Гарви нахмурился.

— Привет, Тим. Что вы здесь делаете?

— Если б я вошел в здание, это был бы визит заказчика — важное дело, правильно? Мне не нужны важные дела, мне нужна ваша благосклонность.

— Благосклонность?

— Купите мне выпить, и я вам все расскажу.

Гарви мазнул взглядом по дорогостоящим костюму и галстуку Тима. Не совсем подходящее одеяние для того, кто хочет остаться незамеченным. В таком костюме ездить на дерби. Служитель парковочной стоянки узнал Тима Хамнера. Знаком он был и хозяйке кафе — она немедленно провела их внутрь.

— О'кей, так о чем вы хотели со мной поговорить?— спросил Гарви, когда они заняли место за столиком.

— Мне бы хотелось, чтобы вы, как и я, не имели никакого дела с ИРД,— сказал Хамнер.— Похоже, я перестаю быть владельцем моей кометы. Я ничего не могу поделать со специалистами, и то же самое происходит с телефильмами. А ведь это ваши фильмы...— Тим замолчал, мелкими глотками потягивая из стакана. Он никогда не выпрашивал у людей сочувствия — особенно у людей, на него работающих.— Гарви, я хотел бы принять участие еще в одном интервью. Бесплатно, разумеется.

А, дерьмо. Что произойдет, если я скажу ему, что это невозможно? Консультировался он со своими юридическими советниками? Я полностью уверен, что сейчас не время с ним ссориться.

— Знаете, сейчас для нас это представляет меньший интерес, чем раньше. Сейчас мы интервьюируем людей с улицы.

— Разве они все — не тупицы?

— Некоторые — да. Но иногда натыкаешься на жемчужное зерно. А это всегда нравится телезрителям.

(И кроме того, я сам знаю, как мне делать мою работу, черт побери!)

— Для чего вам это? Хоть какую-нибудь пользу вы от этого получаете?

Гарви пожал плечами:

— Мне бы не хотелось прерывать работу над этим фильмом... но не это главное. Я хочу выяснить, как относятся люди к возникшей проблеме. Мне хочется обнаружить неожиданное. Мне мало того, что уже сделано. Я хочу идти дальше. И...

— Продолжайте.— В кафе царил полумрак. Тим сузил глаза, заметив, какое странное выражение приобрело лицо Рэнделла.

— Ну... люди с улицы выражают странное желание, которое я не в силах понять. Они хотят, чтобы Джонни назначили в экспедицию к Молоту и...

— Черт подери!

— Вероятно, они захотят этого еще сильнее, если выяснится, что Земле предстоит столкновение с гигантской порцией мороженого. Им важно одно: пошлите Джонни! Тим, это почти то же самое, как если бы люди в большинстве желали конца света...

— Но ведь это ужасно.

— Может быть. Однако с этим приходится примириться.

Ужасно для тебя, подумал Гарви. Но не так ужасно для мужчины с улицы, вынужденного ходить на работу, которую он ненавидит. Или для женщины, которой приходится спать с распустившим слюни боссом — чтобы тот не выгнал ее с работы...

— Видите ли, заказчик — вы, и я не могу помешать вам. Но я настаиваю, чтобы соблюдались определенные правила. Если хотите — мы начинаем съемки рано утром...

— Хочу.— Тим допил свой стакан.— Мне это будет полезно. А вы, говорят, вы способны извлечь пользу даже из виселицы, на которой вас повесят,— если провисите достаточно долго.

* * *

Вездеход был доверху набит людьми и оборудованием. Камеры, ленты, портативный письменный столик — если понадобится что-то писать. Марк Ческу с трудом нашел место, где можно сесть. Трое уместились на заднем сиденье, Хамнер устроился на переднем. Марку вспомнились проводившиеся в пустыне мотогонки: машины за-

биты мотоциклами и всяким механическим оборудованием. Гонщиков же впихивали как попало — будто о них вспомнили в самый последний момент. Ожидая, пока подойдут остальные телевизионщики, Марк включил радио.

Чей-то голос — внушающий доверие, убедительный. Чувствовалось, что говорит профессиональный оратор.

— И Евангелие сие будет проповедоваться во всем мире, дабы засвидетельствовали его все народы. А затем настанет конец света. Поэтому, когда увидите вы, что воцарилась предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения, встаньте в месте святом. И пусть те, которые в Иудее, спасаются в горах.— Голос изменил тональность, теперь выступающий не цитировал, а проповедовал:— Народ мой, разве ты не видишь, что сейчас творится в церквах? Разве это не та предсказанная мерзость? «Прочитавший сие пусть поймет сие». Молот приближается! Он приближается, чтобы уничтожить злых и безнравственных.

Ибо настанет великое бедствие, какого не было от сотворения мира и до наших дней, какого никогда не было. И когда минуют те краткие дни, не останется нигде никакой плоти живой.

— Звучит внушительно,— сказал чей-то голос за спиной Марка. И Чарли Баскомб залез в вездеход.

— Вам проповедовал Евангелие преподобный Генри Армитаж,— сказал радиодиктор.— Исполняя заповедь, радиостанция «Голос Бога» вещает на весь мир на всех языках. Ваши пожертвования способствуют работе нашей радиостанции.

— В эти дни наверняка слушают эту станцию многие,— сказал Марк.— И должно быть, сейчас деньги к нему текут со всех сторон.

Машина въехала в Бурбанк и остановилась возле студии «Братья Уорнер». Приятная улица: много магазинов, и вообще тут все есть — от кабинок для просмотра короткометражек до изысканных ресторанов. Вдоль широкого бульвара текла людская река. Старлетки и киношники шли вперемешку с серьезного вида деятелями из страховых компаний. От автобусных и трамвайных остановок растекалась по улицам толпа женщин (эти — домохозяйки, средний класс). Следом брел знаменитый артист телевидения, из тех, кто живет по берегам озера Толука.

Пока его команда устанавливала камеры и звукоаппаратуру, Гарви вместе с Тимом Хамнером направился в ресторан — пить кофе. Следом за ними — когда все было готово — пошел Марк. Приблизившись к столику, где сидели Гарви и Тим, он услышал, что говорит Гарви, а говорил он так тихо, что Марк едва мог разобрать.

— ...и вся задача состоит в том, чтобы узнать, что думают люди. Свои собственные мысли я постараюсь скрыть: вопросы будут зада-

ваться нейтральные и нейтральным голосом. Ваши мысли вам тоже придется скрыть — молчанием. Ясно?

— Абсолютно ясно,— растягивая слова, ответил Тим.— Взгляд у него был острый.— Что я должен буду делать?

— Вы можете быть полезным. Вы можете помочь Марку в проведении опроса. А можете устраниться.

— У меня есть хорошая пишущая машинка,— сказал Хамнер.— Я мог бы...

— Мы не вправе использовать ничего, что у вас есть,— сказал Рэнделл.— Вы не член профсоюза.— Подняв взгляд, он увидел Марка. Марк кивнул ему, и Гарви покинул ресторан. Марк вышел вместе с Хамнером.

— Он поручил мне то, что обычно,— сказал Марк.— Это, если честно говорить, убивает меня.

— Я вам верю. И думаю, если б я помешал чем-либо интервьюированию, он бы тут же уволил меня. А ехать на такси отсюда дорого.

— Знаете,— хмыкнул Марк,— а мне когда-то казалось, что вы — заказчик.

— Ага. Этот ваш Гарви Рэнделл — крепкий орешек. Вы давно занимаетесь этим делом?

Марк покачал головой.

— Это у меня временное, просто хочу чуть поработать для Гарви. Может, когда-нибудь я сделаю это своим постоянным занятием, но вы сами знаете, что такое телевизионный бизнес. Такая работа подрежет крылышки моей свободе.

Над Бурбанком висел смог.

— Вижу, сегодня в горах правит бал Гертц,— сказал Хамнер.

Марк уставился на него в удивлении:

— Это как?

Хамнер показал на север, туда, где горизонт долины Сан-Фернандо тонул в коричневой дымке:

— Иногда отсюда видны горы. У меня там, в горах, обсерватория. Но, видимо, ущелье Гертца сегодня гонит туман обратно.

Они подошли к вездеходу. Камеры были уже установлены, готовые показать хоть крупный план, хоть широкую панораму — по выбору. Гарви начал работу: остановил мускулистого мужчину в каске и рабочих ботинках. Мужчина явно выделялся на фоне толпы торговцев и бизнесменов.

— Рич Коллантц. Занят на стройке, вот там — «Авери Билдинг».

Голос и манера поведения Гарви Рэнделла — такие, чтобы человек разговорился. Если понадобится, то, как он задает вопросы, будет заснято повторно.

— Вы слышали что-нибудь о комете Хамнера—Брауна?

Коллантц рассмеялся:

— У меня не так много свободного времени, как вы, наверное, думаете, чтобы размышлять о кометах.

Гарви улыбнулся.

— Но я смотрел «Ежевечернее обозрение». Там сказали, что она может столкнуться с Землей.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Гав... дерьмо.— Коллантц перевел взгляд на камеру.— Некоторые умники всегда что-то предсказывают. Озон исчезнет, мы все погибнем. А вспомните шестьдесят восьмой, когда все предсказатели и гадалки утверждали, что Калифорния соскользнет в океан, и психи бежали спасаться в горы.

— Да, но астрономы говорят, что, если голова кометы столкнется с Землей, это послужит причиной наступления...

— Ледникового периода,— прервал Коллантц.— Я это знаю. Прочел об этом в журнале «Астрономия».— Он усмехнулся и поскреб затылок под желтой металлической каской.— Это уже на самом деле будет что-то. Подумайте сами, какое тогда разовьется строительство. А всем этим, которые благополучные, понадобится уже не счет в банке, а мех полярных медведей. Кто-то ведь должен будет отстреливать этих медведей для них. Может, и я смогу заполучить эту работенку,— улыбка Коллантца стала шире.— Да, это могло бы быть славно. Я бы с радостью попробовал, как это — стать великим охотником.

Гарви покопал еще чуть глубже. Хотя не похоже, чтобы это интервью пригодилось для фильма. Но оно и не являлось самоцелью. Гарви был рыболовом, а камера — приманкой. Телекомпания не одобряла подобных методов изучения общественного мнения. Слишком дорого, слишком ненадежно и слишком в лоб — таково было мнение боссов компании. Информацию, отражающую общественное мнение, можно получить от подготовленных специалистов в этой области — тех, которые сами хотят поработать на НБС.

Еще несколько вопросов, касающихся науки и технологии. Коллантц явно наслаждался, позируя перед камерой. Слышал ли он, что планируется запуск «Аполлона» к комете? Что он об этом думает?

— Это мне нравится. Хорошее будет зрелище. Покажут по телевизору много интересного, а стоить мне это будет меньше, чем билет в «Розовую чашу»,— это я вам гарантирую. Кстати, надеюсь, что в полет назначат Джонни Бейкера.

— Вы знакомы с полковником Бейкером?

— Нет. Но хотел бы с ним познакомиться. Мне было бы приятно встретиться с ним. Я видел фотографии, где он ремонтировал «Скайлэб». Это была славная работа. А когда он вернулся на Землю,

то наверняка задал жару этим ублюдкам из НАСА. Так ведь? Эге, мне пора двигать. Пора приступать к работе.

Коллантц помахал рукой на прощание и отбыл. За ним в погоню — в ладони анкета — кинулся Марк.

* * *

— Сэр, вы можете уделить нам немного времени?

Это был юноша — шел, понуря голову, погруженный в какие-то мысли. Внешность у него была неплохая, но лицо какое-то одеревеневшее. Он испуганно вздрогнул, когда Рэнделл прервал течение его мыслей.

— Что?

— Мы опрашиваем людей, что они думают о комете Хамнера—Брауна. Могу я узнать, как вас зовут?

— Фред Лаурен.

— Что вы думаете насчет кометы?

— Ничего.— И Лаурен довольно неохотно добавил:— Я смотрел вашу передачу.— На его скулах заиграли желваки. Такое Гарви было знакомо. Некоторые люди всю свою жизнь постоянно злятся. И мышцы, с помощью которых челюсти сжимаются, а зубы скрежещут, у этих людей хорошо развиты.

Гарви стало любопытно, не наткнулся ли он на субъекта, страдающего выпадением памяти? Все же...

— Вы слышали, что существует вероятность того, что голова кометы столкнется с Землей?

— Столкнется с Землей?— Лицо у парня сделалось ошеломленным. Внезапно он повернулся и широкими шагами быстро пошел прочь — гораздо быстрее, чем шел раньше.

— Что случилось?— спросил Тим Хамнер.

— Не знаю,— сказал Гарви. Парень шел кого-то прикончить? Постоянно возникают все новые вспышки безумия. И убийства не прекращаются. Больниц не хватает. Был ли Лаурен одним из этих сумасшедших, или парень просто поругался со своим боссом? И никогда мы этого не узнаем. И если вас заедает любопытство, тем хуже для вас.

* * *

Фред не смотрел ту, предыдущую передачу Рэнделла. Он смотрел на Коллин, которая смотрела передачу о комете... Но кое-что из того, что он тогда услышал, начало всплывать в его памяти. Пути

Земли и кометы могут пересечься. И если столкновение произойдет, цивилизация погибнет. Сгорит.

Конец света. Я умру. Мы *все* умрем. Фред выкинул из головы намерение вернуться на работу. Дальше по улице — журнальный киоск. Фред торопливо зашагал туда.

* * *

Были и еще интервью. Домохозяйки, которые и не слышали о комете. Старлетка, узнавшая Тима Хамнера (видела его в «Ежевечернем обозрении») и пожелавшая, чтобы засняли, как она целует его. Домохозяйки, осведомленные о комете не меньше самого Гарви Рэнделла. Бойскаут, у которого на куртке был почетный значок за отличные познания в астрономии.

Примечательного для Гарви оказалось мало. Ответы были в общем одинаковыми. И это не было странным: Бурбанк был городом развитой космической индустрии, и жители его весьма одобряли предстоящий запуск «Аполлона». Однако такое почти полное единодушие — даже для этого города — было необычным. Как заподозрил Гарви, просто людям хотелось, чтобы был совершен новый полет космического корабля с экипажем на борту. И еще им хотелось снова увидеть своих героев. Астронавтов. А комета — хороший предлог. Бормотали, правда, что полет обойдется в копеечку, но большинство, подобно Ричу Коллантцу, считало, что обычные их развлечения (менее интересные, чем экспедиция в космос) в конечном счете обходятся им дороже.

Телевизионщики уже собирались закругляться, когда Гарви выловил в толпе замечательно красивую девушку. Он подумал при этом: энная толика красоты еще никому не вредила. Вид у девушки был озабоченный, она почти бежала. Лицо — отсутствующее и вместе с тем выражает немедленную готовность к действию. Чувствовалось, что вся она поглощена мыслями о каких-то важных делах.

Улыбнулась девушка как-то внезапно и очень мило.

— Я не очень часто смотрю телевизор,— сказала она.— И боюсь, что я никогда не слышала о вашей комете. У меня сейчас на работе такое творится...

— Это, видимо, будет очень большая комета,— сказал Гарви.— Этим летом вы увидите ее на небе. Кроме того, для ее изучения будет послана в космос специальная экспедиция. Одобряете ли вы этот намечаемый полет?

Девушка не торопилась с ответом. Потом спросила:

— Много ли нового мы узнаем, исследовав эту комету?— Гарви кивнул, и тогда она сказала:— В таком случае, я — за полет.

Если только он не будет стоить слишком дорого. И если правительство сможет полностью оплатить его — что представляется сомнительным.

Гарви сказал что-то насчет того, что исследование кометы каждому обойдется дешевле, чем билет на футбольный матч.

— Разумеется. Но у правительства *нет* денег. И ни одну из своих программ оно отменить не может. Так что придется выпустить больше денег. Дефицит возрастет. Инфляция усилится. Но, разумеется, инфляция усилится в любом случае, так что за свои деньги мы можем позволить себе и исследование комет.

Гарви выразил голосом нечто вроде одобрения. Девушка вдруг сделалась очень серьезной. Улыбка ее исчезла, взгляд сделался задумчивым, а потом рассерженным.

— Во всяком случае, какая разница, что именно я думаю? Никто в правительстве моего мнения не услышит. И никого оно не заботит. Конечно, я надеюсь, что запуск «Аполлона» состоится. По крайней мере, *хоть что-то произойдет.* Это будет не просто перекладывание бумаг из ящика в ящик.

Затем она улыбнулась снова, и на лице ее заиграл солнечный свет.

— Сама не понимаю, зачем я заговорила о трудностях, испытываемых политиками. Мне пора идти.— И ушла своей торопливой походкой — раньше, чем Гарви успел узнать ее имя.

А вот еще — старомодно одетый чернокожий мужчина. Не скрывая, терпеливо ждет своей очереди предстать перед камерой. «Мусульманин?»— подумал Гарви. Именно так одеваются мусульмане. Но оказалось, что негр — из числа сотрудников мэра и что он хочет объявить всем и каждому, что мэр *проявляет заботу* и что если избиратели одобрят новую программу мэра «Борьба со смогом», то жители долины Сан-Фернандо смогут увидеть звезды.

* * *

— Можете уделить мне еще пару секунд? И улыбнитесь еще раз, пожалуйста, вашей милой улыбкой,— сказал Тим Хамнер.— А вот Хамнер—Браун. Что это такое?— Затем Тим обхамил кого-то, кто влез с предположением, что эта комета разнесет вдребезги Кальвер-Сити.

Девушка рассмеялась:

— Ладно, я заполню вашу анкету.

— Прекрасно. Имя?

— Эйлин Сюзан Ханкок.

Хамнер тщательно записал услышанное.

— Адрес? Номер телефона?

Девушка нахмурилась. Взглянула на вездеход и съемочную аппаратуру. Перевела взгляд на дорогостоящий костюм Хамнера (такие надевают только на праздник) и его великолепные часы «Пульсар».

— Я не понимаю...

— Мы должны знать людей, которых снимаем. Знать еще до того, как они встанут перед камерой,— сказал Тим.— Вдруг взорвут. Я не то имел в виду. Я — на самом деле — не профессионал-телевизионщик. Это я просто решил поработать с ними. Бесплатно. А еще я заказчик. И тот самый человек, который обнаружил комету.

Эйлин изобразила на лице изумление (поддельное, конечно):

— Как... вот это помесь! — А затем они оба рассмеялись.— Как вам удалось достичь всего этого?

— Тут важен правильный выбор бабушки. От которой потом можно унаследовать кучу денег и компанию, которая называется «Мыльная компания Кальва». Далее следует потратить часть этих денег на обсерваторию. Обнаружить комету. Потом: принадлежащая тебе компания берет на себя роль заказчика документального фильма о комете, которой я так хвастаюсь. Таким образом, как видите, все обстоит превосходно.

— После того как вы объяснили, все, разумеется, оказалось совсем несложным.

— Послушайте, если вы не хотите назвать мне ваш адрес...

— О, я назову его вам.

Эйлин жила в горной части Западного Лос-Анджелеса. Помимо адреса, она продиктовала Тиму номер своего телефона. На прощание энергично потрясла его руку и сказала:

— Мне надо бежать, но я действительно рада познакомиться с вами. Из-за вас этот день будет у меня хороший.— И она ушла, оставив Хамнера одного,— на лице его цвела ошеломленная и радостная улыбка.

* * *

— Страшный суд,— сказал мужчина.— Армагеддон.— Голос у него был сильный, убедительный. Борода — очень большая, абсолютно черная борода, с двумя чисто-белого цвета пучками у подбородка. И мягкие добрые глаза.— Пророки всех народов предсказывали, что этот день наступит. День Страшного суда. Еще в древности предсказывали битву огня и льда. Молот есть лед, и принесет он огонь.

— И что же вы советуете?— спросил Гарви Рэнделл.

Мужчина заколебался. Возможно, он опасался, что Рэнделл подшучивает над ним.

— Присоединитесь к церкви. Присоединитесь к любой церкви, в которую вы можете уверовать. «В доме отца моего много покоев». Истинная вера неуничтожима.

— А что вы будете делать, если Хамнер—Браун случайно промажет?

— Этого не случится.

Гарви отправил его к Марку с его анкетами и дал Чарли знак собираться. Неплохой получился день. Хотя бы несколько минут этого дня не прошли даром: Гарви кое-что узнал о настроениях телезрителей.

Появился Марк с анкетой в руке.

— Все прошло хорошо, проблем нет. Надеюсь, вы заметили, что я держал рот на замке.

— Держали. Все прошло очень мило.

Вернулся Хамнер. Улыбка во весь рот, в чем-то ему крупно повезло. Он погрузил свою записывающую аппаратуру в кузов, потом залез сам.

— Я ничего не напутал?

— Страшный суд на подходе. Земля погибнет — в огне и льде. Это сообщил мне человек, у которого была прекраснейшая борода, какую я когда-либо видел. Где вы, черт побери, были?

— Заполнял анкету,— сказал Тим.

И почти всю дорогу назад он глупо улыбался.

* * *

От здания НБС Тим Хамнер направился в Буллокс. Что он будет делать, он знал заранее. Оттуда в цветочный магазин, а потом в аптеку. В аптеке он купил снотворное. В ближайшие часы эти таблетки ему понадобятся.

Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать. Он спал крепким сном, когда примерно в половине седьмого зазвонил телефон. Тим вскочил и зашарил в поисках трубки.

— Алло.

— Алло. Я хотела бы поговорить с мистером Хамнером.

— Это я. Эйлин? Извините, я спал. Я собирался позвонить вам.

— Что ж, я вас опередила. Тим, вы действительно знаете, как возбудить у женщины интерес. Цветы великолепные, но ваза... Я хотела сказать, что мы ведь только что познакомились!

Тим рассмеялся.

— Я понимаю это так, что вам нравится стюбеновский хрусталь. У меня неплохая коллекция этого хрусталя.

— Вот как?

— Мне нравятся вазы в виде зверей.— Тим принял сидячую позу.— У меня уже есть... погодите-ка, голубого кита, единорога и жирафа я получил в наследство от бабушки, эти вещицы выполнены в старом стиле. И Лягушачьего принца тоже. Вы видели когда-нибудь Лягушачьего принца?

— Я видела фотографии его высочества. Послушайте, Тим, разрешите пригласить вас на обед. Есть один необычный ресторан под названием «Дар Магриба».

Мужчины обычно делали паузу, когда Эйлин приглашала их пообедать вместе. Паузу Тима едва можно было заметить.

— Мистер Хамнер с благодарностью принимает ваше приглашение. «Дар Магриба» необычен? Прекрасно. Вы там уже бывали?

— Да, очень хорошее место.

— И вы придете не опаздывая? Не заставите меня грызть ногти?

Эйлин рассмеялась.

— Проверим, насколько вы терпеливы.

— Э-ха-ха. Почему бы вам не прийти сперва ко мне — на коктейль? Я представлю вас его высочеству и остальному хрустальному зверью тоже.— И Тим объяснил Эйлин, как добраться до его дома.

* * *

Фред Лаурен вернулся домой, притащив с собой кучу журналов. Положив их рядом, он сел в кресло (пружины сиденья совсем ослабели) и начал чтение с «Национальных исследований».

Статья подтвердила его худшие опасения. Комета наверняка столкнется с Землей, и никто не знает, в какое точно место планеты она ударит. Но столкновение произойдет летом: и поэтому (рисунок показывал это совершенно ясно) удар будет нанесен в Северном полушарии. Никто не знает, насколько массивной окажется голова кометы, но «Исследования» утверждают, что столкновение может означать конец света.

И к тому же попутно Фред слушал по радио выступление проповедника — этого дурака, речи которого транслируют сейчас все станции. Приближается конец света. Челюсти Фреда сжались, он поднял с пола выпуск «Астрономии». Согласно «Астрономии», вероятность того, что какая-либо часть головы кометы столкнется с Землей, равна одной стотысячной, но Фред на эти подсчеты не обратил внимания. Его отвлекли рисунки — очень красочные рисунки: астероид, разбуженный ракетными двигателями космического корабля,

извергает из себя расплавленную магму; «среднего» размера астероид, помещенный — для сравнения — над Лос-Анджелесом; голова кометы, врезающаяся в океан,— и морское дно обнажилось.

Стало слишком темно для чтения, но Фреду и в голову не пришло зажечь свет. Немногие люди смогли бесповоротно поверить, что их ждет близкая смерть, но Фред теперь верил. Он сидел в темноте, и вдруг ему подумалось, что Коллин, должно быть, уже вернулась домой, И тогда он пошел к телескопу.

Девушки он не увидел, но в ее окнах горел свет. Глаза Фреда внезапно вспыхнули. И вспыхнула оштукатуренная стена, посреди которой — окно. Она горела ослепительным огнем, который медленно угас, уступив место иному огню. Горели отдернутые занавески, простыни, подушка, стол и скатерть на столе. Все пылало. Окна разбиты вдребезги, и осколки горели. Открылась дверь ванной комнаты.

На ходу надевая халат (он не надевался), вышла девушка. Голая. Фреду показалось, что она вся светится. Она показалась ему святой. На нее нельзя было смотреть — настолько непереносимой была ее красота. Прошла вечность, прежде чем она запахнула халат... и пока длилась эта вечность, Фред увидел ее, окутанную пламенем Молота. Пламенем, которое породило падение Молота. Коллин горела, словно звезда, веки сомкнуты — тщетно! — это не поможет, лицо иссечено осколками стекла, халат обуглился, длинные светлые волосы дымятся, темнеют... горят... Она умерла, а он так и не успел с ней встретиться... Фред резко отвернулся от телескопа.

Мы и не можем встретиться, сказал ему внутренний голос. Голос разума. Я ведь все понимаю. Я не имею права снова попасть в тюрьму.

Тюрьма? И это когда приближается комета и приближается конец света? На судебное разбирательство уйдет немало времени, Фред никогда не попадет в тюрьму. Он успеет умереть раньше.

Фред Лаурен улыбнулся. Улыбнулся странной улыбкой. Мышцы на скулах его перекатились плотными желваками.

Он успеет умереть раньше!

МАЙ

К 1790 году философам и ученым были известны многочисленные свидетельства того, что с неба падали камни. Но большинство наиболее видных ученых было настроено скептически. Перелом наступил лишь в 1794 году, когда немецкий юрист Хладны опубликовал результаты исследования о подтвержденных падениях метеоритов. Падение одного из метеоритов сопровождалось появлением шаровой молнии. Хладны считал, что свидетельства о падении метеоритов с неба истинны. Он сделал правильное заключение, что метеориты — объекты внеземного происхождения, раскаляющиеся при прохождении через атмосферу Земли. Хладны даже предположил, что метеориты, возможно, являются обломками распавшейся планеты. Эта мысль легла в основу некоторых выдвинутых позднее теорий происхождения астероидов. Через семь лет был обнаружен первый из таких астероидов. Предположения Хладны встретили много возражений — не потому, что они были плохо продуманы (Хладны смог собрать неопровержимые доказательства). Причина заключалась том, что для его современников мысль о том, что внеземного происхождения камни могут падать с неба, была просто-напросто неприемлемой.

Вильям К. Хартман. Планеты и спутники: введение в планетологию

Заметно прихрамывающий молодой мужчина шел по коридору. Войдя в кабинет, он едва не споткнулся о толстый ковер, но Карри, секретарь, ведающий приемом посетителей сенатора Джеллисона, успела подхватить его под руку. Мужчина сердито отстранился.

— Мистер Коллин Саундерс,— объявила Карри.

— Чем я могу быть вам полезен?— спросил сенатор Джеллисон.

— Мне нужна новая нога.

Джеллисон попытался не выказывать удивления, но безуспешно. «А я еще полагал, что понимаю их»,— подумал он.

— Садитесь, пожалуйста.— И Джеллисон глянул на часы.— Уже седьмой час...

— Я понимаю, что занимаю ваше бесценное время,— голос Саундерса оказался какой-то воющий.

— Пожалуйста, забудьте о времени,— сказал Артур Джеллисон.— Просто, поскольку уже седьмой час, мы имеем право немножко выпить. Не откажетесь?

— Ну... спасибо, да, сэр.

— Прекрасно.— Джеллисон встал из-за стола (стол деревянный, в витиеватом стиле), подошел к старинного вида бару, вделанному в стену. Само здание было не старым, но меблировано оно было так, будто здесь жил еще Даниель Уэбстер (тот самый, который заслужил себе репутацию человека, не ждущего, когда наступит седьмой час). Сенатор Джеллисон открыл бар. В баре обнаружилось огромное количество бутылок со спиртным. Почти на всех бутылках была одна и та же наклейка.

— «Оулд Федкал»?— спросил посетитель.

— Еще бы... Пусть этикетки вас не обманывают. Вон в той черной бутылке «Джек Дэниельс». Все остальное — тоже лишь высшие сорта. Зачем платить по настоящей цене, когда я могу получать то же самое гораздо дешевле? Из домашних запасов. Что предпочитаете?

— Шотландское.

— Пожалуйста. А я приверженец «Бурбона».

Джеллисон наполнил два стакана.

— А теперь расскажите мне о вашем деле.

— Все дело в комитете по делам ветеранов,— начал рассказывать Саундерс. Это будет его четвертая искусственная нога. Первая, выданная комитетом по делам ветеранов, была великолепна, но ее украли. А три следующие никуда не годились, они причиняли боль, а теперь вот комитет по делам ветеранов вообще ничего не намерен делать.

— Выглядит так, что вам никак не разрешить эту проблему,— мягко сказал Джеллисон.

— Я пытался повидаться с достопочтенным Джимом Брейденом,— в голосе парня вновь послышалась горечь.— Но не смог даже записаться на прием.

— М-да,— сказал Джеллисон.— С вашего разрешения — одну секунду.— Вынул из ящика стола маленькую записную книжку. «Пусть это задаст жару этому сукиному сыну,— записал он.— Партии не нужны подобные фокусы. И ведь это повторяется не в первый раз». Затем он положил перед собой блокнот.

— Будет лучше всего, если вы перечислите мне имена врачей, с которыми вы имели дело,— сказал он.

— Вы действительно хотите мне помочь?

— Я разберусь с вашей проблемой.— Джеллисон записал все в подробностях.— Где вы были ранены?

— Под Кхе Сапхом.

— Медали? Как вам известно, это иногда помогает.

— Серебряная звезда.

— И «Пурпурное сердце», разумеется,— сказал Джеллисон[1]. — Не хотите ли еще выпить?

Посетитель улыбнулся и покачал головой. Повел взглядом вокруг, осматривая кабинет. Стены украшены фотографиями: сенатор Джеллисон в бомбардировщике — склонился над приборами; дети Джеллисона, сотрудники Джеллисона, друзья Джеллисона.

— Не буду больше отнимать у вас время. Вам, должно быть, некогда.— Посетитель осторожно встал.

Джеллисон проводил парня к выходу. Потом дверь снова открылась — это была Карри.

— Это был последний,— сказала она.

— Прекрасно. Я еще некоторое время здесь побуду. Сообщите это Альвину и можете идти домой... О, еще одно. Попытайтесь сперва соединить меня с доктором Шарпсом из ИРД, ладно? И позвоните Маурин — скажите ей, что я сегодня немного задержусь.

— Хорошо.— Карри улыбнулась про себя, глядя, как сенатор возвращается в глубь кабинета. Еще до того, как она успеет уйти (окончательно уйти) он ухитрится сделать еще девять дел — из тех, что оставляют на последнюю минуту. И что касается этого — она уже подготовила все, что надо. Карри заглянула в комнаты, где размещались сотрудники сенатора. Все уже ушли — за исключением Эла Харди. Он всегда уходит позже всех: ждет на всякий случай.

— Сенатор хочет вас видеть,— сказала Карри.

— Что произошло?— Эл вошел в кабинет сенатора. Джеллисон, развалясь, сидел в своем роскошном кресле. Куртка и узкий, похожий на полоску галстук брошены поперек стола. Рубашка наполовину расстегнута. Рядом с бутылкой стоял большой стакан, наполненный «Бурбоном».

— Слушаю вас, сенатор,— сказал Эл.

— У меня к вам пара дел.— Джеллисон передал Элу свои записи.— Разберитесь вот с этим. Если все это правда, мне бы хотелось, я хочу, чтобы виновные оказались на костре... огонь разведите средней величины. Пусть на деньги, которые вычтут из их чертова жалованья, будет куплена нога, которая окажется парню впору. Нельзя обманывать кавалера Серебряной звезды, и медицинское обслуживание должно быть проведено должным образом.

---

[1] Дается за ранение.

— Хорошо, сэр.

— Далее. Загляните-ка в район Брейдена. Мне представляется, что для партии было бы лучше, если бы там сидел другой парень. Какое-нибудь яркое юное дарование. Я имею в виду — какой-либо член городского совета, который...

— Бен Тисон,— осторожно подсказал Эл.

— Ну вот, мы уже знаем его имя. Тисон. Как вы думаете, он может взять верх над Брейденом?

— Может. Если вы ему поможете.

— Загляните туда. Подозреваю, что мистер Брейден так дьявольски занят, борясь за сохранение мира, что у него нет времени на общение с избирателями,— сказал без улыбки сенатор Джеллисон.

Эл кивнул. Брейден, подумал он, уже труп. Когда у босса бывает такое настроение...

Зажужжал интерком.

— Доктор Шарпс,— сказала Карри.

— Хорошо. Не уходите, Эл. Я хочу, чтобы вы все слышали.

— Я у телефона, сенатор,— сказал доктор Шарпс.

— Как идет подготовка к запуску?— спросил Джеллисон.

— Все прекрасно. Но было бы еще лучше, если б каждая важная шишка из Вашингтона не отрывала меня от дела телефонными звонками, чтобы узнать, как идет подготовка к запуску.

— Черт побери, Чарли, у меня начинает отрастать на вас длиннющий зуб. Уж если кто-нибудь должен быть в курсе дела, то это я.

— Вы правы. Извините,— сказал Шарпс.— Дела — на самом деле — идут лучше, чем мы ожидали. Во многом тут помогли нам русские. Они поставили больший, чем раньше, стартовый двигатель, и они берут много припасов, которыми — частично — они поделятся с нашей командой. Благодаря им мы сможем взять больше научного оборудования. Таким образом — в виде исключения — наблюдается разделение труда. И это имеет смысл.

— Хорошо. Вы даже не подозреваете, какие мне пришлось пустить в ход связи, чтобы вы могли осуществить этот запуск. А теперь объясните мне снова, какую пользу принесет все это.

— Сенатор, польза от этого — вся, какую мы можем извлечь... вернее, принести, делая то, что мы делаем. Это не приведет к открытию способов излечения рака, но мы — наверняка! — многое узнаем о планетах, астероидах и кометах. Кроме того, этот парень с телевидения, Гарви Рэнделл, хочет сделать документальный фильм с вашим участием. Похоже, ему кажется, что телекомпания должна воздать вам должное за то участие, которое вы приняли в подготовке этого запуска.

Джеллисон быстро глянул на Эла Харди. Харди улыбнулся и энергично закивал, сказав:

— Наша популярность среди лос-анджелесцев возрастет.

— Передайте ему, что мне эта идея нравится,— сказал Джеллисон.— Я в его распоряжении, когда ему будет угодно. Пусть он свяжется с моим помощником — Элом Харди. Передадите?

— Хорошо. Это все, Арт?— спросил Шарпс.

— Не-ет,— Джеллисон допил свой стакан виски.— Чарли, тут у нас есть люди, считающие, что комета столкнется с нашей планетой. Эти люди — не психи. Это вполне здравомыслящие люди. У некоторых из них ученых степеней не меньше, чем у вас.

— Я знаком с большинством из этих людей,— признался Шарпс.

— Итак?

— Ну что я вам могу сказать, Арт?— Шарпс помолчал мгновение.— Наиболее точно высчитанная нами орбита показывает, что комета столкнется с нами лоб в лоб.

— Господи,— вздохнул сенатор Джеллисон.

— Но эта предполагаемая нами орбита обладает ошибкой в несколько тысяч миль. А расхождение хотя бы в тысячу миль есть расхождение. На таком расстоянии комета до нас не дотянется.

— Но столкновение все же возможно?

— Ну... это не для общего сведения, Арт.

— Даже если б вы попросили, чтобы я довел это до общего сведения...

— Ну и прекрасно. Да. Столкновение возможно. Но все шансы против этого.

— Какие именно шансы?

— Вероятность столкновения: единица против нескольких тысяч.

— Насколько мне помнится, вы говорили о соотношении: единица против миллиарда...

— Вероятность увеличилась,— сказал Шарпс.

— Настолько увеличилась, что нам следует что-нибудь предпринять?

— А что вы можете сделать? Я уже беседовал с президентом,— сказал Шарпс.

— Я тоже.

— И он не желает никакой паники. Я с ним согласен. Вероятность того, что вообще что-либо случится, все еще одна тысячная,— настаивал на своем Шарпс.— Зато существует полная уверенность, что, если мы начнем какие-то приготовления, многие и многие люди — очень многие! — погибнут. Мы уже сталкивались с эпидемиями повального сумасшествия. Плюс — патологические насильники. Психи, объединяющиеся в банды. Люди, увидевшие в конце света прекрасный случай для того, чтобы...

— Давайте, рассказывайте дальше,— сухо сказал Джеллисон.— Говорю вам, я тоже виделся с президентом. Он разделяет ваше мнение. А может, вы разделяете его мнение. Чарли, я не говорю о том, что нужно оповестить широкую общественность, я говорю о *себе самом*. Если столкновение произойдет, в какое место комета ударит?

Снова молчание.

— Вы исследуете эту возможность,— стоял на своем Джеллисон.— Не так ли? А если не вы, то тот сумасшедший гений, которого вы держите возле себя... как его... а, Форрестер. Я прав?

— Да,— с явной неохотой сознался Шарпс.— Молот распадается. Если произойдет столкновение, то сперва произойдет целая серия ударов. А потом ударит основная часть головы... И не беспокойтесь насчет каких-то приготовлений. Никакие приготовления не помогут.

— Ого!

— Да,— сказал Шарпс,— дела обстоят плохо.

— Но если в Землю ударит лишь часть кометы...

— Удар придется в Атлантический океан, это наверняка,— сказал Шарпс.

— Что означает, что Вашингтон...— Джеллисон не совладал с собой, голос его сорвался.

— Вашингтон окажется под водой. Все восточное побережье — до самых гор — будет покрыто водой,— сказал Шарпс.— Цунами. Но вероятность столкновения очень мала, Арт. Очень мала. Давайте лучше верить, что все ограничится впечатляющим световым представлением — ничего больше не будет.

— Конечно, конечно. О'кей, Чарли. Не буду больше мешать вам заниматься работой. Кстати, где вы собираетесь быть в тот день?

— В ИРД.

— На какой высоте над уровнем моря расположен институт?

— Что-нибудь около тысячи футов, сенатор. На высоте примерно тысячи футов. До свидания.

Связь оборвалась раньше, чем Джеллисон успел положить трубку. Какое-то мгновение он и Харди неотрывно смотрели на умолкший аппарат.

— Эл, мне кажется, что хорошо бы нам отправиться на мое ранчо,— наконец сказал Джеллисон.— Там — подходящее место, чтобы ждать приближения кометы.

— Да, сэр...

— Но мы должны быть осторожны. Никакой паники. Если дела пойдут серьезно, вся страна будет охвачена пламенем. Полагаю, что на этой неделе Конгресс под благовидным предлогом подыщет для себя подходящее убежище. Мы не должны делать ничего подобного, но я хочу, чтобы члены моей семьи тоже отправились на ранчо. Я

позабочусь о Маурин. Вы проследите, чтобы на ранчо поехали Джек и Шарлотта.

Эл Харди содрогнулся. Сенатора Джеллисона не волновала судьба его зятя. Как не волновала и судьба самого Эла. Неприятное предстоит дело: убедить Джека Турнера отправиться вместе с женой и детьми на калифорнийское ранчо Джеллисона.

— Понадобится — тащите на веревке,— распорядился Джеллисон.— Вы, разумеется, поедете с нами. Нам понадобится различное... снаряжение. Снаряжение на случай конца света. Пара вездеходов с обеими ведущими осями...

— «Лендроверы»,— предложил Эл.

— Нет, черт побери, не «лендроверы»,— сказал Джеллисон. Налил себе в стакан пальца на три.— Нужны американские вездеходы, будь оно все проклято! Скорее всего, столкновения не произойдет. Не произойдет, нет. И когда эта комета пройдет мимо, конечно же, черт возьми, мы не должны оказаться владельцами автомобилей, произведенных за рубежом. Джипы, пожалуй, или что-либо производства «Дженерал моторс»...

— Я займусь этим,— сказал Эл.

— И прочее снаряжение. Палатки и так далее — что там нужно для устройства лагеря. Батареи. Лезвия для бритья. Карманные компьютеры. Винтовки. Спальные мешки. Купите все, что нужно, а если не...

— Это обойдется в немалую сумму, сенатор.

— Ну и что из этого? Я еще не разорился. Закупайте все оптом, но держите наши планы в секрете. Если кто-то начнет задавать вопросы, отвечайте... что мы собираемся в путешествие... в Африку. Хотим устроить там пикник. И вообще — должен же быть какой-то национальный исследовательский проект для Африки...

— Конечно, сэр...

— Прекрасно. Вот и все, на тот случай, если кто-нибудь начнет задавать вопросы. В наши планы можете посвятить Расмуссена. И больше из моих сотрудников — никого. У вас есть девушка, которую вы хотели бы взять с собой?

Он действительно ничего не знает, подумал Эл. Он действительно ничего не знает о том, что я люблю Маурин.

— Нет, сэр.

— О'кей. Так что я поручаю это дело вам. Вы сами понимаете, что все это чертовски нелепо, и когда комета разминется с Землей, мы будем чувствовать себя в чрезвычайно дурацком положении.

— Конечно, сэр.

Надеюсь, что так и будет, но Шарпс назвал комету Молотом!

* * *

— Это совершенно неопасно. В 1932 году астероид Аполлон прошел на расстоянии два миллиона миль — это очень близко, по космическим масштабам. Нет никакой опасности. 1936 году Адонис прошел на расстоянии миллион миль. И что из этого? Помните панику 1968 года? Люди, особенно жители Калифорнии, искали спасения в горах. А потом все и думать об этом забыли — за исключением тех, кто разорился, покупая спасательное снаряжение, которое так и не понадобилось.

Комета Хамнера–Брауна предоставляет нам великолепную возможность узнать много нового о внеземных телах, ибо она пройдет в сравнительной (я подчеркиваю — в сравнительной) близости от нашей планеты. И это все, что можно сказать о комете Хамнера–Брауна.

— Благодарю вас, доктор Трис. Вы прослушали выступление доктора Генри Триса из Топографо-геологического управления Соединенных Штатов. А теперь продолжаем нашу обычную программу.

* * *

Дорога шла к северу — сквозь апельсиновые и миндальные рощи, по восточному краю долины Сан-Иоаквин. Иногда дорога взбиралась на невысокие холмы, иногда проходила меж ними. И если посмотреть налево, то была видна бескрайняя равнина, усеянная фермерскими домишками, покрытая полями, пересеченная каналами. Равнина простиралась до самого горизонта. Единственные высокие здания в поле зрения — недостроенный комплекс ядерного центра «Сан-Иоаквин».

От Портервилля Гарви Рэнделл свернул направо и — мимо холмов — погнал к востоку. Дорога круто вильнула, и на мгновение Гарви увидел все великолепие простирающейся на восток Хай Сьерры и вдали — горные вершины, еще покрытые снегом. Наконец Гарви свернул к обочине и подъехал к воротам без надписи. Через эти ворота только что проехал автомобиль с эмблемой почтового ведомства США, и водитель вылез, чтобы закрыть их. Волосы у парня были длинные и еще — элегантная борода.

— Заблудились?— спросил он.

— Зря вы так думаете. Это ферма сенатора Джеллисона? — в свою очередь спросил Гарви.

Почтальон пожал плечами:

— Утверждают, что так. Я никогда не видел его. Вы закроете ворота?

— Конечно.

— Я провожу вас.

Почтальон забрался обратно в свой автомобиль. Гарви проехал в ворота. Вылез, закрыл их. И затем поехал вслед за почтовой машиной. Покрытая пылью дорога взбиралась на вершину холма. Показался белостенный дом. Дорога раздвоилась, правое ответвление вело вниз — к хозяйственным строениям и цепочке связанных между собой маленьких озер. Над озерами возвышались гранитные утесы. По берегам — рощи апельсиновых деревьев и пастбища. Пастбища были усеяны обломками утесов — выветрившимися глыбами, каждая больше, чем обычный в Калифорнии пригородный домик.

Из дома вышла дородная женщина. Приветствуя, махнула рукой почтальону.

— Горячий кофе, Гарри!

— Спасибо. Поздравляю вас с Днем почтового хлама.

— О, снова? Так быстро? Прекрасно, куда нести этот хлам, вы знаете.— Женщина подошла к вездеходу.— Чем я могу быть вам полезной?

— Мне нужно увидеться с сенатором Джеллисоном. Я Гарви Рэнделл, из НБС.

Миссис Кокс кивнула.

— Вас ждут в «большом доме».— Она указала вниз, туда, где вилось левое ответвление дороги.— Машину оставите там — и ничего не бойтесь.

— Что такое День хлама?— спросил Гарви.

На лице миссис Кокс появилось странное выражение. Потом оно сделалось равнодушным.

— Так, чепуха,— сказала она. И ушла на веранду. Почтальон еще раньше скрылся в доме.

Гарви пожал плечами и тронул вездеход с места. Дорогу ограждал с обеих сторон забор из колючей проволоки. Апельсиновые рощи — справа, пастбища — слева. Гарви проехал поворот и увидел дом. Дом был большой, с каменными стенами и покрытой шифером крышей. Обширное, массивное здание казалось не слишком подходящим для этой сельской местности. По бокам дома высились утесы. Сквозь каньон открывался вид на Хай Сьерру — на мили и мили.

Машину Гарви оставил у черного входа. Когда он шел вокруг дома, направляясь к огромной передней веранде, дверь на кухню отворилась.

— Эй! — крикнула Маурин Джеллисон.— Поберегите ваши ноги и входите здесь.

— Хорошо. Спасибо.

Маурин была по-прежнему премиленькая — такой она и запомнилась Гарви. На ней были рыжевато-коричневые брюки (пошив так себе) и высокие сапоги — не из тех, что для настоящего путешествия, а так, для прогулок. «Обувка на вафельной подошве»,— так бы охарактеризовал эти сапоги Марк Ческу. Рыжие волосы Ма-

урин выглядели так, будто она только что их расчесала. Они спадали ей на плечи волнами и на концах слегка завивались. В них играло солнце.

— Хорошо ли доехали?— спросила она.

— Да, вполне...

— Мне очень нравится дорога, ведущая сюда от Лос-Анджелеса,— сказала Маурин.— Полагаю, вы сейчас не откажетесь немного выпить. Что предпочитаете?

— Шотландское. Спасибо.

— Не за что.— Она провела его через прихожую в по-современному обставленную кухню. Шкафчик на кухне был полон выпивки. Маурин достала бутылку «Оулд Федкал», затем принесла лед.— Когда сюда приезжаешь, тут всегда слишком холодно,— сказала она.— Тут рабочая ферма, и у Коксов нет времени слишком часто приходить и наводить здесь порядок. Пожалуй, будет лучше, если мы пройдем в комнату.

Она вела его, показывая дорогу,— через холл в комнату, расположенную в передней части дома. Перед комнатой была выстроена обширная веранда. В таком помещении приятно жить, решил Гарви. Стены были обшиты деревом светлых тонов и украшены резьбой. Это чтобы соблюсти стиль ранчо — и, пожалуй, не слишком подходяще для такого громоздкого дома, как этот. Еще по стенам были развешены во множестве фотографии собак и лошадей. А также почетные ленты и медали — в основном за лошадей, но некоторые и за крупный рогатый скот.

— А где все остальные?— спросил Гарви.

— Сейчас я здесь в гордом одиночестве,— ответила Маурин.

Гарви отбросил появившуюся было мысль в подсознание и принудил себя рассмеяться.

— Сенатор охотится за голосами,— продолжала Маурин.— Но сегодня вечером его застопорили из Вашингтона. Так что утром он будет здесь. Папа сказал, чтобы я вам здесь все показала. Хотите еще порцию?

— Нет, спасибо. Одной вполне достаточно.— Гарви поставил стакан на стол — и поднял снова, когда понял, что стол-то — украшенный тончайшей полировкой туалетный столик. Гарви ладонью стер оставшийся на полировке влажный круг.

— Хорошо, что моя команда не прибыла сюда вместе со мной. Им сейчас нужно доделать кое-какую работу. Я надеялся завтра утром встретиться с сенатором Джеллисоном. Утром прибудет машина с аппаратурой, но вдруг сенатор в это время окажется занят? У меня репутация хорошего телевизионщика. Мои ребята будут здесь уже утром, и я думал, что использую вечер для того, чтобы встретиться с сенатором. Я хотел выяснить, о чем бы он желал поговорить, встав перед камерой...

Что-то я слишком разболтался, подумал Гарви. Что-то я отупел. Опьянел.

— Подготовились путешествовать?— спросила Маурин, взглянув на рабочие брюки и туристские ботинки Гарви.— Знаете, не переодевайтесь. Коль скоро вы готовы для путешествия, я покажу вам лучшие виды во всей долине.

— Договорились. Давайте пойдем.

Они вышли через кухню. Пересекли апельсиновую рощу. Слева бормотала речка.

— В ней хорошо купаться,— сказала Маурин.— Если мы вернемся не поздно, можно будет окунуться.

Они пролезли сквозь ограду. Маурин раздвинула колючую проволоку и легко проскользнула на ту сторону. Потом обернулась, наблюдая за действиями Гарви. И улыбнулась, увидев, что он лезет точно в том же месте, очевидно всецело полагаясь на ее опыт.

По эту сторону ограды земля густо заросла кустарником и сорняками. Было ясно, что здесь никогда не пахали и скот не пасли. Путь шел круто вверх. Повсюду виднелись узкие тропы, оставленные, очевидно, кроликами либо козами. Для человека эти тропинки явно не годились. Маурин и Гарви поднялись на несколько сотен футов и оказались у подножия огромного гранитного утеса. Стены утеса отвесно поднимались на высоту по крайней мере двухсот футов.

— Мы обогнем его слева,— сказала Маурин.— Но учтите: дорога здесь более трудная.

Еще бы не более трудная, подумал Гарви. Похоже, мне ее не осилить. Но будь я проклят, если окажется, что я слабее вашингтонской потаскушки. Она считает, что я опытный путешественник.

Ему уже давно не приходилось пускаться в пешие походы вместе с девушкой — с тех пор, как Магги Томпкинс подорвалась на минном поле во Вьетнаме. Магги была неутомимым репортером и вечно была занята поиском новостей. Ей было неинтересно посиживать в баре «Каравелла», получая известия из третьих или четвертых рук. Вместе с ней Гарви побывал на фронте. А однажды они пересекли линию фронта и оказались в тылу конгов. И выбирались оттуда... Если бы Магги не погибла... Гарви отогнал эту мысль. Все это произошло давно. Давно.

Они карабкались по расщелине.

— Вы часто бываете здесь?— стараясь, чтобы голос его не дрожал, спросил Гарви.

— Была здесь только один раз,— ответила Маурин.— Папа сказал, что в одиночку сюда ходить нельзя.

Наконец они забрались наверх. Но это — увидел Гарви — еще не была самая верхняя точка. Маурин и он стояли на краю гребня, простиравшегося далее на юг и глубоко вдававшегося в Хай Сьерру.

Грудь утеса пересекала узкая тропа. Маурин и Гарви шли вдоль тропы, пока не достигли вершины. Отсюда было видно ранчо.

— Вы были правы,— сказал Гарви.— Вид отсюда действительно великолепный.— Он стоял на глыбе высотой с многоэтажный дом, чувствуя, как его лицо обвевает легкий ветерок, дующий через долину. Повсюду, куда достигал его взор, виднелись громадные белые утесы. Должно быть, через эти места в давние времена проходил ледник, он и усеял всю окрестную местность этими глыбами.

Внизу лежала ферма сенатора. Маленькая долина — отсюда видно — была создана рекой, текущей в нескольких милях к западу. А за рекой — множество холмов, усеянных огромными, величиной с одноэтажный дом, белыми глыбами. Вдали за холмами (и намного ниже уровня, на котором располагалась ферма) широко простиралась долина Сан-Иоаквин. Отсюда она казалась окутанной туманом, но Гарви почудилось, что он различает смутные очертания Темблор Рэйндж — это уже западная оконечность лежащей посреди Калифорнии долины.

— Серебряная долина,— сказала Маурин.— Вся она принадлежит нам, а за ней — ранчо Джорджа Кристофера. Когда-то я чуть не вышла за него замуж...— она оборвала фразу и рассмеялась.

«Почему меня охватила ревность?» — Гарви и сам не понимал этого.

— Ну и что же здесь странного?— спросил он.

— Когда он предложил мне руку и сердце, нам было по четырнадцать лет,— объяснила Маурин.— Это было почти шестнадцать лет назад. Как раз тогда папу избрали в Сенат, и мы собирались переехать в Вашингтон. Джордж и я изобретали различные варианты, как бы мне не ехать туда, а остаться здесь.

— Но вы не остались.

— Нет. Иногда я жалею, что не сделала этого,— вздохнула Маурин.— Особенно когда я оказываюсь здесь,— и она махнула рукой в сторону долины.

Гарви обернулся. Холмы, множество холмов и гор, вздымающихся все выше и выше и сливающихся вдали со Сьерра-Невады. Громадные горы выглядели так, будто их никогда не касалась нога человека. Гарви знал, что это не так. Если на тропе Джона Мура ты увидишь человека, наклонившегося, чтобы завязать шнурки своих ботинок, то скорее всего это турист, облазивший все эти горы.

Громадную скалу, на которой стояли Маурин и Гарви, с краю пересекала расщелина. Она была шириной не более чем ярд, но так глубока, что Гарви не мог разглядеть ее дна. Вершина скалы круто скашивалась к расщелине, так что у Гарви не возникло даже мысли приблизиться к этой пропасти.

Маурин прогулочным шагом подошла к расщелине и, не раздумывая, перешагнула через нее. Она стояла на узкой, не более двух

футов шириной, полоске камня. И впереди нее была трехсотфутовая пропасть, а за спиной — неизведанная глубина расщелины. Вид у Маурин был радостный. Она обернулась и увидела жалкую фигуру Гарви Рэнделла. Он застыл, пытаясь шагнуть вперед и не в силах этого сделать. Во взгляде Маурин мелькнуло изумление, тут же сменившееся пониманием. Она шагнула обратно через расщелину.

— Извините. Вы боитесь высоты?

— Немного,— признался Гарви.

— А я никогда не испытывала этой боязни... О чем вы сейчас думаете?

— Как мне выбраться отсюда, если что-нибудь случится. Если бы я смог заставить себя перебраться через эту расщелину хоть ползком...

— Я осуждаю свое поведение,— сказала Маурин.— Я нехорошо поступила. Но как бы там ни было, давайте я покажу вам наше ранчо. Отсюда вы можете увидеть его почти полностью.

* * *

Позднее Гарви не мог вспомнить, о чем они беседовали. Так, болтовня по пустякам, но время пролетело быстро, и все было на славу. Более приятной беседы и не упомнишь.

— Пора возвращаться домой,— наконец сказала Маурин.

— Пора. Может быть, тут есть дорога легче, чем та, по которой мы взбирались сюда?

— Не знаю. Но можем поискать.— И она направилась налево, огибая утес.

Маурин и Гарви продирались сквозь кустарник, шли вдоль узких козьих троп. Повсюду виднелись кучи козьего и овечьего помета. И оленьего тоже, решил Гарви, хотя точно он знать не мог. Почва была слишком твердой, и следов не оставалось.

— Похоже, что до нас здесь человек никогда не появлялся,— сказал Гарви. Но сказал он это слишком тихо, и Маурин не расслышала. Они шли по дну узкого оврага. Даже не оврага — расселины в крутом склоне холма. Ранчо было не видно.

Позади раздался какой-то звук. Гарви испуганно обернулся. По склону спускалась лошадь.

Не просто лошадь. На ней сидела всадница — маленькая белокурая девочка, ребенок не старше двенадцати лет. Она ехала без седла и казалась частью огромной лошади, они — девочка и лошадь — сливались, будто это был вышедший из сказочного мира кентавр.

— Привет,— крикнула девочка.

— Привет,— сказал Маурин.— Гарви, это Алис Кокс. Коксы управляют нашим ранчо. Алис, что ты здесь делаешь?

— Смотрю, как вы идете.— Голос у девочки был высокий, тонкий, но богатый интонациями, не визгливый.

Маурин догнала Гарви и подмигнула. Он кивнул, предоставляя ей действовать по ее усмотрению.

— А мы думали, что мы здесь бесстрашные первооткрыватели,— сказала Маурин.

«Да уж. Я и сам доставил себя сюда с трудом, не говоря о том, чтобы тащить эту чертовски большую лошадь»,— подумал Гарви. Он посмотрел вперед. Склон очень крут, и совершенно невозможно, чтобы лошадь могла спуститься здесь. Он обернулся, намереваясь высказать эту мысль.

Алис уже слезла наземь и преспокойно вела лошадь вниз. Копыта соскальзывали, царапая землю, и Алис показывала лошади, куда ей следует сделать очередной шаг. Похоже, что между девочкой и лошадью царило полное взаимопонимание.

— Скоро приедет сенатор?— спросила Алис.

— Скоро. Завтра утром,— ответила Маурин.

— Мне бы очень хотелось поговорить с ним,— заявила Алис.— Все дети нашей школы хотят повидаться с ним. Его часто показывают по телевизору.

— Гарви... то есть мистер Рэнделл — автор телепрограмм,— сказала Маурин.

Алис с уважением уставилась на Гарви. Помолчав мгновение, она сказала:

— Вам нравится «Звездный путь»?

— Да, но я делаю совсем другие программы.— Гарви, упираясь каблуками, скользнул с крутизны. А ведь лошадь так, наверное, не сумела бы?

— Это моя любимая передача,— сказала Алис.— Но, Томми. Иди, все хорошо, иди сюда... Я написала сценарий для телевидения. О летающей тарелке и как мы от нее спасаемся и прячемся в пещере. У меня получилось очень хорошо.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал Гарви, бросив взгляд на Маурин. И увидел, что она опять улыбается.— Не сомневаюсь, что нет ничего, что она не могла бы сделать.— Эти слова Гарви сказал уже шепотом. Маурин кивнула. Они шли по высохшему руслу ручья. Потом русло исчезло, затерявшись в зарослях чаппареля. Далеко внизу снова была видна ферма. Склон был очень крут, так что если упадешь, то сразу покатишься вниз. Катиться будешь долго, а когда остановишься, выяснится, что у тебе что-либо сломано. Гарви оглянулся и какое-то мгновение разглядывал Алис, а затем — не без страха — встал рядом с девочкой и ее лошадью. Все его мысли сконцентрировались на предстоящем спуске.

— Ты часто бываешь здесь одна?— спросила Маурин.

— Еще бы,— сказала Алис.

— И никого не боишься?— спросил Гарви.

— О, я хорошо знаю эти места,— поведала Алис.— Пару раз я заблудилась, но Томми знает дорогу домой.

— Очень хорошая лошадка,— сказала Маурин.

— Конечно. Он мой.

Гарви глянул и убедился. Жеребец, а вовсе не кобыла. Он подождал, пока Маурин догонит его. Мужская гордость заставляла его идти впереди всех, хотя было ясно, что лучше бы пропустить вперед Алис.

— Должно быть, хорошо жить в таком месте, где единственная причина для беспокойства — это возможность заблудиться... да и на этот случай есть знающая дорогу домой лошадь,— сказал он Маурин.— Она даже не поняла, что я хотел сказать. На прошлой неделе на Голливудских холмах, не далее чем в полумиле от моего дома, была изнасилована девочка примерно ее возраста. Одиннадцатилетняя девочка.

— В прошлом году была изнасилована одна из папиных секретарш. Прямо в Капитолии,— сказала Маурин.— Наша цивилизация восхитительна, не правда ли?

— Хотелось бы мне, чтобы мой сын жил здесь,— вздохнул Гарви.— Но чем тогда стал бы заниматься я? Сельским хозяйством?— и он рассмеялся про себя. Затем путь сделался слишком крут, и стало не до разговоров.

Внизу крутого склона холма пролегала покрытая грязью дорога. До фермы было еще далеко, но теперь идти стало легче. Каким-то образом Алис вновь оказалась на лошади. Гарви все время не отрывал от нее взгляда, но, когда она ухитрилась это сделать, он не заметил. Только что девочка стояла рядом с конем, и ее голова была ниже его спины, а в следующее мгновение Алис уже сидела верхом. Девочка вскрикнула, и конь поскакал галопом. Впечатление, что Алис и ее конь составляют единое целое, усилилось еще больше: движения девочки полностью соответствовали ритму движений коня. И когда Алис умчалась вскачь, ее длинные белокурые волосы стелились по ветру.

— Когда подрастет, она сделается настоящей красавицей,— сказал Гарви.— Может быть, в здешнем воздухе что-то есть? Вся эта долина пропитана каким-то волшебством.

— Иногда я чувствую то же самое,— призналась Маурин.

Солнце уже садилось, когда они добрались до фермы. Вот он, каменный дом.

— Чуть поздновато, но не хотите ли искупаться?— спросила Маурин.

— Конечно. Почему бы и нет. Но мне не во что переодеться.

— Что-нибудь подыщется.— Маурин ушла в дом и вскоре вернулась, неся плавки.— Переодеться можете там.— И она указала на ванную.

Гарви надел плавки. Когда он вышел из ванной, Маурин уже тоже была готова. Ее закрытый купальный костюм был ослепительно белого цвета. Через руку у нее был перекинут халат. Маурин подмигнула Гарви и кинулась бегом, предоставив ему следовать сзади. Тропинка шла вдоль гранатовой рощи — все вниз и вниз и привела их наконец к песчаному пляжу на берегу тихо бормочущей речки. Маурин улыбнулась Гарви и с разбегу влетела в воду. Гарви — следом.

— Боже мой! — мгновением позже возопил он.— Да ведь это не вода, а лед!

Маурин плеснула водой ему на грудь и в лицо.

— Вперед, это не страшно!

Гарви неуверенно побрел вглубь. Дальше от берега поток бежал быстрее, дно — каменистое. Гарви с трудом сохранял равновесие, но брел вслед за Маурин — вверх по течению, туда, где вода мчалась узкой струей между двумя камнями. Поток делался все быстрее, давил, норовя свалить с ног Гарви и Маурин. Глубина — по грудь.

— Холодная какая,— сказал он.— А вот ты будто не чувствуешь.

Наконец они добрались до заводи. И увидели маленькую форель, стрелой пронесшуюся у самой поверхности. Гарви огляделся, надеясь увидеть более крупную рыбину, но большие экземпляры прятались от нескромных взглядов. Речка выглядела так, будто специально была создана для форели: глубокие заводи, перемежающиеся с маленькими бурными водопадами. Берега густо заросли деревьями. Лишь в двух местах деревья были вырублены, очевидно, это сделал кто-то, ловивший рыбу спиннингом,— чтобы ничто не помешало его забросам.

— Кажется, я начинаю синеть,— наконец крикнула Маурин.— Вы накупались?

— Сказать по правде, я посинел уже десять минут назад.

Они взобрались на громадный белый валун, почти полностью скрытый потоком. Заходящее солнце овеяло теплом озябшее тело Гарви. Вершина валуна еще хранила накопленный днем солнечный жар.

— Вот об этом я и мечтал,— заявил Гарви.

Лежащая на животе Маурин оперлась на локти, повернулась, чтобы увидеть его.

— О чем именно? О ледяной воде, о высоте, которой вы боитесь, или о том, чтобы натрудить ноги?

— Обо всем сразу... Хм, сегодня я никого не проинтервьюиро-

вал, а об этом я тоже мечтал. Я рад, что не смог побеседовать сегодня с вашим отцом. Завтра... черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

* * *

Она снова переоделась в свои рыжевато-коричневые брюки. Когда Гарви вошел, он увидел, что она опять достала бутылку.

— Останетесь поужинать?— спросила Маурин.

— Да... Конечно. Но может быть, лучше, если я вас приглашу поужинать со мной где-нибудь в другом месте?

Маурин улыбнулась:

— Вы не искушены в ночной — бардачной — жизни Спрингфилда и Портервилля. Останемся-ка лучше здесь. Я люблю готовить. Если хотите, можете помочь мне прибраться.

— Хорошо...

— А готовить мне много не придется,— сказала Маурин и достала бифштексы из холодильника.— Быстрозамороженная еда и микроволновая духовка. Современная цивилизация обслуживает и гурманов.

— В этой духовке больше всяких хитрых приборов, чем, например, в «Аполлоне».

— Неправда. Я побывала в «Аполлоне». Эге, да ведь вы тоже, не так ли?

— Это была модель, а не настоящий «Аполлон»,— сказал Гарви.— Господи, как бы мне хотелось оказаться на их месте. Провести из космоса исследование кометы. И никакой атмосферы, мешающей наблюдению.

Маурин не ответила. Рэнделл мелкими глотками потягивал виски. Есть ему хотелось страшно. Он обследовал холодильник и нашел замороженные китайские овощи — неплохая приправа к мясу.

Пообедав, Маурин и Гарви пили на веранде кофе. Сидели в широких креслах с широкими плоскими подлокотниками, на которые удобно ставить чашки. Стало прохладно, Маурин и Гарви надели куртки. Они беседовали — тихо, неторопливо. Об астронавтах, знакомых Маурин. О математиках из Левис Карроль. О вашингтонских политиках. Внезапно Маурин встала, ушла в глубь дома и погасила свет. Вернулась, находя дорогу ощупью.

Было непроглядно темно.

— Зачем вы выключили свет?— спросил Гарви.

— Вы поймете это через несколько минут,— ответил бесплотный голос. Гарви услышал, как Маурин снова села в кресло.

Ночь была безлунной, в небе — лишь свет звезд. Но постепенно Гарви понял, что имела в виду Маурин. Когда над горами взошли

Плеяды, он не узнал их. Созвездие сияло ослепительно ярко. Пылал Млечный Путь, и в то же время Гарви не мог разглядеть кофейную чашку в собственной руке!

— Есть люди... горожане... которые никогда не видели подобного,— сказала Маурин.

— Вы правы. Спасибо.

Она рассмеялась:

— Может быть, все это скоро скроется за облаками. Мое могущество небезгранично.

— Если б нам удалось...— Нет, я не прав, подумал Гарви.— Если бы мы могли,— вот какая мелькнула у меня мысль,— могли показать им все это, им — всем, кто голосует. Но картину звездного неба можно увидеть когда угодно — остановись у любого газетного киоска. Ну, увидишь ярко раскрашенные созвездия и черные дыры и множественные системы,— и что из этого? Нужно, чтобы люди оказались здесь, их нужно приводить сюда, по дюжине за один раз, и показывать им это. *Показывать.* Лишь тогда они смогут понять. Смотреть на небо надо здесь, никак иначе. Отсюда можно дотянуться до звезд.

Дотянулась Маурин. Дотянулась и взяла его за руку (Она видела в темноте гораздо лучше его.). Гарви даже чуть испугался.

— Забудьте о работе,— сказала она.— Иначе окажется, что главную поддержку НАСА начнут оказывать фермеры.

— Но если человек никогда не видел ничего подобного... понимаете — никогда... А вы, вероятно, правы.— Он четко сознавал, что они по-прежнему держатся за руки. Но на этом надо остановиться, дальше нельзя. Вот безвредная тема:— А как вы относитесь к галактическим империям?

— Не знаю. Расскажите мне о галактических империях.

Гарви пришлось придвинуться ближе, чтобы она могла проследить направление, в котором указывала его рука. Там, где сгущался, где ярче всего сиял Млечный Путь, пролегала ось галактики.

— Вон там и происходит главное. Там, где расположена древняя империя. Звезды там находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Там — Трантор и миры Хаба. Хотя рискованное это дело, гадать, что там. Можно ведь предположить, что звездное ядро уже полностью взорвалось. Просто волна радиации еще не докатилась до нас.

— А можно предположить, что Земля окажется под влиянием внеземной цивилизации?

— Конечно. Но чаще считают, что все кончится атомной войной.

— О... может быть, мне не следует спрашивать, но откуда вы все это знаете?

— Я прочел массу научной фантастики. Перестал я ее глотать без разбору только лет в двадцать — не хватало времени. Понима-

ете, империи со столицей на Земле обязательно распадаются, уменьшаются... но даже маленький осколок такой империи состоит из ста миллиардов солнц. А владения громадных империй — меньше всего лишь одного рукава галактики...— Он запнулся. Небо сияло ослепительно ярко! Гарви чуть не наяву видел военный корабль Мула, выплывший из созвездия Стрельца.— Маурин, мне кажется, что все это правда!

Она рассмеялась. Теперь он видел ее лицо — бледное, еле различимое.

Он пересел на широкий подлокотник и поцеловал ее. Маурин подвинулась, и он сел рядом с ней. Кресло — хотя и впритирку — вместило их обоих.

И не было безвредной темы для разговора.

Мысли его разбегались. А потом всплыла одна мысль, мешающая: завтра, черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

В доме было абсолютно темно. Маурин, держа Гарви за руку, вела его в спальню. Вела на ощупь и по памяти. Они раздели друг друга. Их одежды упали на пол... а может, вообще вылетели за пределы нашей Вселенной. Кожа Маурин была теплой, почти горячей. На мгновение Гарви захотелось увидеть ее лицо, но только лишь на мгновение.

* * *

Когда он проснулся, в спальне царил серый рассвет. Спина его замерзла. Они лежали, тесно обнявшись, на двуспальной кровати. Маурин спала спокойно, глубоким сном, слабо улыбалась.

Он продрог. Маурин, наверное, тоже. Нужно ли будить ее? Голова работала плохо, но Гарви нашел лучший выход. Осторожно разжал объятия, Маурин не проснулась. Он подошел ко второй кровати, содрал с нее покрывала и, вернувшись обратно, укутал Маурин. Затем,— отчетливо понимая, что сейчас залезет к ней под покрывала,— неподвижно застыл. Простоял так почти минуту.

Но она не его жена.

— Черт побери,— тихо сказал Гарви.

Стараясь не взять чужого, он сгреб в охапку свою одежду. Вышел в другую комнату. Его почему-то трясло. Первая дверь, которую он открыл, оказалась входом в еще одну спальню. Он кинул одежду на кресло и повалился в кровать.

* * *

Она еще не погибла, но изменилась. Комета сияла, агонизируя. Вещество вытекало из ран на ее теле и разливалось на миллионы миль в окружности. Образовывались новые химические соединения, и отраженный солнечный свет гнал их обратно к комете. Веро-

ятно, на ледяной поверхности других комет таких соединений не было — или были лишь немногие молекулы.

Ослепительный свет Солнца укрывал комету от телескопов Земли. И точную ее орбиту все не могли вычислить.

Сверкал отражающий солнечный свет хвост кометы, но все ярче светилась ее голова. Некоторые химические соединения, будучи даже хорошо перемешанными, не вступают в реакцию при температурах, близких к абсолютному нулю. Но стоит их подогреть, и реакция идет бурно, с кипением. Ядро кометы бурлило, менялось.

Каждый день голова ее уменьшалась. Из покрывающей поверхность перемешанной со льдом пыли выделялся, вскипая, аммиак. Водород давным-давно улетучился. Масса кометы делалась меньше, а плотность увеличивалась.

Скоро от кометы ничего не останется, кроме каменной пыли, намертво сцементированной водяным льдом. И голова ее превратится в каменный монолит величиной с гору.

С каждым часом все больше разогревались газовые включения, и газ пробивал дорогу наружу. И разрывал голову кометы. Огромные каменные глыбы, кувыркаясь, медленно отделялись друг от друга.

Орбита кометы Хамнера–Брауна постепенно менялась.

ШОУ: один

Сам Господь, повелевая, сойдет с небес, и будет зов архангелов, и протрубит труба Божия. И произойдет вначале смерть во Христе. А затем мы, те, кто останется в живых, будем унесены в облака и увидим лик Божий. И навсегда останемся с Ним.

Павел из Тарсуса.
Первое послание
фессалонийцам

Гигантский, состоящий из отдельных секций тотемный столб, а на самой вершине его — крохотная кабина. Рик Деланти лежал на спине, и улыбка то вспыхивала, то гасла на его лице. Но тренированный, тщательно отработанный его голос не выдавал улыбки — и намека не было. Голос Рика звучал точь-в-точь как голос Джонни. А сам Джонни Бейкер слегка хмурился с видом человека, занятого требующей внимания работой.

— Внутренние силовые линии включены.

— Внутренние силовые линии проверены. Все в порядке.

— Осталось пятнадцать минут, затем отсчет.

Когда бы Джонни ни глянул на Рика, тот все улыбался. Переставал и тут же начинал улыбаться снова. А затем уголки губ Джонни тоже дрогнули в улыбке. Но до этого Джонни был серьезен. Он мог себе это позволить. Он был даже высокомерным. Осталось пятнадцать минут, и пока что все механизмы работают безупречно. Между прочим, одно перечисление неисправностей, из-за которых отменили бы запуск «Аполлона», заняло бы у человека всю его жизнь. Одно только перечисление — всю жизнь без остатка!

Деланти продолжал улыбаться. Его выбрали! Все тренажи позади, и работа на имитаторах, и отлет во Флориду. Еще два дня назад он делал бочки и петли над Флоридой и Багамами, пикировал и входил в иммельманы. Этот последний, за два дня перед запуском, свободный полет — традиция. Слишком укоренившаяся традиция, чтобы ею можно было пренебречь. Полет должен снять напряжение с астронавтов, которым предстоит запуск в космос. Это напряжение полет перекладывает на плечи наземной команды, которая сходит с ума, гадая, не подведет ли тренировочный самолет,— и это после того, как все так тщательно спланировано...

— Осталась одна минута, затем отсчет.

Последние, суматошные, скомканные часы — и наконец Рик облачен в неуклюжий раздутый скафандр. Хоскинс подводит его к подъемнику и провожает вплоть до кабины «Аполлона». Потом Рик лег на спину, и колени его оказались выше головы. Он лежал и ждал, что какой-то механизм сейчас откажет. Но сигнала об аварии все не поступало, похоже, что запуск все же произойдет, это все правда, на самом деле...

— Пять. Четыре. Три. Два. Один. Зажигание. Движение началось.

Поехали!

— Старт осуществлен...

«Сатурн» поднимался, объятый громом и пламенем. Сто тысяч, а может быть больше, официально приглашенных гостей. Репортеры, писатели-фантасты, у кого-то выклянчившие пропуска представителей прессы, обслуга космодрома, весьма важные лица, друзья астронавтов...

— Он уже в воздухе,— сказала Маурин Джеллисон.

Ее отец глянул на нее с изумлением:

— О космических ракетах обычно говорят «она».

— Да, я хотела сказать именно это,— ответила Маурин. «Почему я думаю, что больше никогда не увижу его?»

Сзади забормотал вице-президент. Бормотал про себя, но достаточно громко, можно было расслышать «Лети, лети, птица...»— вот что шептал он. Потом, когда уже всем стало ясно, что ракета ото-

рвалась от земли, он поднял взгляд, понял, что его слышно, и пожал плечами.

— Лети, беби! — вдруг закричал он.

Его крик как бы пробудил зрителей. Все словно осознали, как велика мощь ревущего «Сатурна». Как много труда и знания вложено в ракету-носитель. Для более старших зрителей она была чем-то невозможным — будто ожило то, о чем они когда-то в детстве прочли в книжке. Для более молодых в корабле не было ничего странного, и они не могли понять, почему старики так взволновались. Все закономерно и неизбежно. Космические корабли — это реальность, и, естественно, они должны летать.

Находившиеся внутри «Аполлона» астронавты улыбались. Улыбка их — словно изогнулся в улыбке рот трупа. Возросшая в несколько раз сила тяжести вдавила лицевые мышцы в глубь щек. Наконец первая ступень отделилась и пошла вниз. А потом то же самое произошло со второй ступенью. И третья ступень дала последнее ускорение... и Рик Деланти, по-прежнему улыбаясь, взмыл в воздух.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Вы выглядите неплохо,— сказал голос из репродуктора.

— Вас понял, Хаустон,— Деланти обернулся к Бейкеру.— Приказывайте, генерал.

Бейкер застенчиво ухмыльнулся. Его буквально перед самым запуском повысили в звании. Это было сделано для того, чтобы он имел такой же чин, как и советский космонавт.

— Есть одно условие,— сказал президент, вручая Бейкеру его новые знаки отличия.

— Какое, сэр?— спросил Бейкер.

— Вы не должны дразнить своего русского напарника — я имею в виду его имя. Не поддавайтесь искушению.

— Хорошо, мистер президент.

Но похоже, это будет трудно... «Петр Яков» на русском не имеет двойного значения. Но товарищ генерал Яков очень хорошо владеет английским. В этом Бейкер смог убедиться во время их первой встречи в Хаустоне. Наземная встреча с женщиной-космонавтом также намечена... но лишь в России. Как было официально объявлено, она не смогла приехать в Соединенные Штаты из-за большой занятости.

— А теперь нам нужно найти этот чертов мусорный бак, подполковник Деланти,— сказал Бейкер.— Он ведь большой, правда?

— Вам виднее.— Деланти глянул в иллюминатор, глаза расширились от изумления. Все это он уже неоднократно видел на имитаторе. Во время обучения показывали соответствующие кинофильмы, а бывалые астронавты беспрерывно рассказывали о космосе. Чтобы воссоздать условия невесомости, Рика, одетого в скафандр,

погружали в воду. Но все это было не по-настоящему. А сейчас — по-настоящему.

Космос был абсолютно черен, и— хотя лежащую внизу Землю ярко освещало Солнце — ярко сияли звезды. Виден был Атлантический океан и острова, и приближающееся на глазах побережье Африки. Зрелище было точь-в-точь как на школьной карте. По карте были разбросаны комочки ваты — облака. Далее к северу видны были Испания и Средиземное море, а еще дальше пустыню Египта пересекал извилистый темно-зеленый разрез — Нил.

А затем корабль вошел в тень, и внизу засветились огни сказочных городов Индии.

Они уже были над окутанной ночью Суматрой, когда Деланти щелкнул пальцем по экрану радара.

— Вот он,— сказал Рик,— «Молотлэб».

— Верно,— согласился Бейкер. Глянул на прибор Допплера: корабль медленно плыл по направлению к капсуле. Корабль нагнал ее над Тихим океаном — как и предсказал компьютер Хаустона. Потом пришлось ждать. Наконец Бейкер сказал: — Тесновато здесь. Так что начнем отлавливать наш дом.— Он щелкнул тумблером передатчика:— «Самородок», говорит «Аполлон», «Молотлэб» в визуальной близости, начинаем конечный маневр сближения.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Что, как вы сказали, находится в визуальной близости?

— «Молот-лэб»,— сказал Бейкер. Он оглянулся на Деланти и ухмыльнулся. Официально космическая лаборатория называлась «Скайлэб»-2. Но кто когда называл ее этим именем?

Корабль и капсула лаборатории быстро сближались. Впрочем, по масштабам астронавтов, можно сказать, что и медленно: собственная скорость корабля составляла 25000 футов в секунду. Деланти управлял «Аполлоном». Реактивные двигатели осторожно подводили корабль к цели. К стальному цилиндру, похожему на гигантский мусорный бак, сорока футов в длину и десяти в диаметре. По бокам — иллюминаторы, один воздушный шлюз и на каждом конце по соединительному люку.

— Эта космическая лаборатория — не подарок,— пробормотал Бейкер.— Кувыркается. Думаю, одна ротация занимает четыре минуты восемь секунд.

Первое, что нужно, чтобы состыковаться с «Молотлэбом»,— корабль должен прийти в то же вращение, что и капсула. Позиционные реактивные двигатели начали извергать точно отмеренные порции пламени. Еще ближе к цели... выждать свой шанс... так, чтобы удлиненный соединительный выступ «Аполлона» мог войти в соединительное отверстие, зияющее на оконечности «Молотлэба». И корабль снова окутала тьма. Рик был изумлен: как много времени занял полет к цели, отстоящей на расстоянии менее мили. Разуме-

ется, за те же самые пятьдесят минут корабль также пролетел 14000 миль...

Когда опять стало светло, Рик был в полной готовности. Приблизился к капсуле... еще приблизился... он выругался, чуть подвинул корабль к лаборатории и почувствовал, что «Аполлон» и «Молотлэб» легонько соприкоснулись. И приборы показали: контакт в самом центре, и Рик еще дал вперед, жестче...

— Сломали девственность! — закричал он.

— Хаустон, говорит «Аполлон». Мы состыковались. Повторяю, мы состыковались,— сказал Бейкер.

— Уже знаем,— сухо сказало радио.— Полковник Деланти забыл отключить свой микрофон.

— Гм,— пробормотал Рик.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Ваши напарники приближаются к вам. «Союз» вас уже видит. Повторяю, «Союз» вступил с вами в визуальный контакт.

— Хаустон, вас понял.— Бейкер обернулся к Рику:— Теперь стабилизируй эту недевственницу, а я тем временем по-дружески побеседую с нашим азиатским братцем... и сестрицей. «Союз», «Союз», вызывает «Аполлон». Конец.

— «Аполлон», говорит «Союз»,— отозвался мужской голос. С грамматической точки зрения, английский Якова был безупречен, да и акцента почти не чувствовалось. Якова учили говорить по-английски не англичане, а американцы.— Следуем точно за вами. Вопрос: вы уже закончили состыковочный маневр? Конец.

— Мы состыковались с «Молотлэбом». Можете смело приближаться. Конец.

— «Аполлон», говорит «Союз». Вопрос: под «Молотлэбом» вы имеете в виду «Скайлэб»-2? Конец.

— Подтверждаю,— сказал Бейкер.

Деланти понимал, что он потратил слишком много горючего. Даже самый большой придира этого бы не заметил. Маневр, безусловно, укладывался в допуски программы, составленной Хаустоном. Но Рик Деланти был бережлив.

Наконец стабилизация была достигнута. Нос «Аполлона» был прочно погружен в соединительный люк «мусорного бака», то есть «Молотлэба». Соединенные воедино, корабль и лаборатория заняли, не шатаясь и не кувыркаясь, устойчивое положение в пространстве. За секунду «Аполлон» пролетал 25000 футов. Иначе говоря, каждые девяносто минут Бейкер и Деланти должны были совершать один оборот вокруг Земли.

— Готово,— сказал Рик.— Теперь понаблюдаем за их попыткой.

— Согласен,— сказал Бейкер и включил телесистему. В механизм состыковки была вмонтирована телекамера, соединенная кабелем с экраном. Видно было отлично: к «Молотлэбу» приближался

массивный «Союз». Он был ближе, чем ожидали Бейкер и Деланти. «Союз» рос, разворачиваясь носом по центру. Он слегка раскачивался, словно демонстрируя свое массивное тело. И он был значительно больше «Аполлона». Составляя свои космические программы, Советы всегда учитывали, что у них есть мощные военные реактивные двигатели. И с успехом их использовали. А НАСА предпочитала проектировать и строить свои двигатели самостоятельно — независимо от военных.

— Надеюсь, эта громадина не забыла, что люди любят обедать,— сказал Деланти.— В противном случае здесь будет голодно.

— Угу,— Бейкер продолжал наблюдение.

«Молотлэб» не мог выполнить свою задачу без «Союза». «Союз» должен был доставить большую часть пищевых припасов. «Молотлэб» был набит инструментами, приборами и кинооборудованием. Но воды и пищи в нем было запасено лишь на несколько дней. Для того чтобы ждать приближения кометы Хамнера–Брауна, «Молотлэбу» была необходима помощь «Союза».

— Может быть, голодно будет в любом случае,— сказал Джонни Бейкер. Он мрачно следил, как на экране маневрирует советский корабль.

Наблюдать ему было больно.

«Союз» дергался, словно захваченный приливом подыхающий кит. Он резко разворачивался носом к телекамере и так же резко отводил его в сторону. Попытался сунуться сбоку, остановился... почти остановился. Попытался еще раз — и отошел назад.

— И это их лучший пилот,— пробормотал Бейкер.

— Я сам тоже выглядел не слишком хорошо...

— Дерьмо коровье. Твоя цель кувыркалась. А сейчас мы устойчивы, как автомобиль.— Бейкер понаблюдал еще несколько секунд, потом покачал головой:— Разумеется, это не их вина. Дело в системах контроля. У нас на борту есть компьютеры. У них — нет. Но ведь позор какой...

Будто вырезанное из красного дерева лицо Рика Деланти сморщилось.

— Джонни, я не уверен, что у меня получилось бы намного лучше.

То, что они видели, вызывало ощущение муки. Руки их зудели — вмешаться. Такие чувства иногда испытывает едущий сзади водитель.

— Он-то пообедал,— сказал Бейкер.— Когда он, наконец, собирается сдаться?

Корабли вошли в полосу тьмы. Связь с «Союзом» была ограниченной: допускались лишь официальные переговоры. Когда корабли вновь вышли на свет, советский корабль попытался приблизиться снова.

— Похоже, что здесь будет голодно,— сказал Деланти.

— Заткнись.

— Слушаюсь, сэр.

— Оттрахать бы тебя как следует.

— Пока я в скафандре, это невозможно.

Они продолжали наблюдать. Наконец последовало сообщение Якова:

— Мы истратили необходимое для стыковки горючее. Прошу привести в действие план Б.

— «Союз», вас понял, приготовьтесь к выполнению плана Б,— с нескрываемым облегчением сказал Бейкер и подмигнул Деланти:— А теперь покажи коммунистам, на что способен настоящий американец.

Официально план Б рассматривался как мера на крайний случай, но все американцы, планировавшие полет, втихомолку утверждали, что без него не обойтись. И в Соединенных Штатах готовились к его выполнению так, будто план Б является неотъемлемой стадией предстоящего полета. По ту сторону Атлантики надеялись, что без него удастся обойтись,— но и там о нем ни в коем случае не забывали. Замысел плана Б был прост: «Союз» останавливается, а «Аполлон»—«Молотлэб» — как это ни нелепо — идет на сближение с ним.

Космический корабль и соединенный с ним огромный, неуклюжий, массивный «бак» сдвинулись с места. Пилотировал Деланти. Выглядело все это так, будто авианосец пытался подвернуть под снижающийся самолет. Но в распоряжении Рика была лучшая в мире компьютерная система — лучшая в мире для выполнения данной задачи, мудрая, заботливо обученная мастерами высшего класса, имеющими тысячи часов летного времени. В распоряжении Рика были приборы, разработанные во многих и многих институтах и лабораториях. В таких институтах и лабораториях, где создание точнейших приборов — привычное дело.

— Хаустон! Хаустон, приступаем к выполнению плана Б,— доложил Бейкер.

И вот сейчас весь мир — весь мир! — не сводит с меня глаз, подумал Деланти. Смотрит и слушает. И если я промахнусь...

Мысль эта была невыносимой.

— Расслабься,— сказал Бейкер.

Он не предложил сделать это сам, подумал Деланти. Хорошо. Начали. Делать все, будто это имитатор.

Все правильно. Сразу прямо вперед, теперь все проверить, и еще крошечный импульс, чтобы реактивные двигатели ввели оба корабля в соприкосновение. Опять — всем телом почувствовал контакт, и одновременно на приборной доске вспыхнула зеленая лампочка.

— Сделано,— сказал Рик.

— «Союз», мы присоединились, готовьте соединительный буфер,— сообщил Бейкер.

— «Аполлон», подтверждаю стыковку. К встрече готовы.

— Сказал невылупившийся цыпленок. А яйцо-то протухло,— прокомментировал Бейкер.

* * *

Плавая внутри «мусорного бака» (он же — «консервная банка»), они церемонно обменивались рукопожатиями — поочередно, по кругу. Историческое событие, как объявляли теле- и радиокомментаторы там, внизу. Но Бейкер не смог придумать никаких фраз, достойных войти в историю.

Предстояло сделать слишком многое. Экспедиция — не рассчитанное на внешний эффект рукопожатие в космосе, как было в предыдущем полете «Союз»—«Аполлон». Сейчас предстоит работа, намечено многое, и расписание жесткое. Все выполнить — даже если повезет — они скорее всего не смогут.

И еще... Бейкер неожиданно для себя рассмеялся. Можно и посмеяться — если не понадобится слишком долго объяснять причину смеха. А рассмеялся он потому, что вдруг понял, как хорошо они все смотрятся.

На нас лежит благословение Божие, подобных нам нет. Леонилла Александровна Малик загадочно — и как-то зловеще — прекрасна. Она была высокомерна и самоуверенна — она могла бы играть царицу! Но гладкая, сильная мускулатура скорее подходила исполнительнице роли примы-балерины. Восхитительно красивая и хладнокровная женщина.

Разбивательница сердец, подумал Джонни Бейкер. Но — так, чтобы не заметил посторонний взгляд — в чем-то глубоко ранимая. Словно Мойра Ширер в «Красных сапожках». Хотел бы я знать, со всеми ли она ведет себя так холодно-вежливо, как с генералом Яковым.

Генерал Петр Иванович Яков, народный герой. «Герой какого именно класса?»— подумал Бейкер. Совершеннейшая кандидатура для рекламного плаката — записывайтесь, мол, добровольцем. Красивый, с хорошо развитой мускулатурой, с холодными глазами. Он немножко походил на самого Джонни Бейкера, и это было не более удивительно, чем то, что Рик Деланти несколько похож на Мухаммеда Али.

Мы, четверо, неплохие образчики человеческой породы, мы в полном расцвете сил и здоровья... и чертовски фотогеничны. Жаль, что здесь нет этого парня из НБС, Рэнделла, он бы сделал групповой снимок. Но он его, возможно, еще сделает.

Они плавали, располагаясь под самыми невозможными углами по отношению друг к другу. Тела их двигались под действием случайных потоков воздуха. Они беспричинно улыбались. Даже Бейкера и Якова, испытавших все это прежде, охватило радостное возбуждение. А Рик и Леонилла вообще оказались на седьмом небе. Они старались подплыть поближе к иллюминаторам, чтобы увидеть Землю и звезды.

— Вы доставили нам обед?— наконец спросил Деланти.

Леонилла улыбнулась. Холодно улыбнулась.

— Разумеется. Надеюсь, он вам понравится. Но мне не хотелось бы испортить сюрприз, подготовленный товарищем Яковым.

— Сперва нужно подыскать место, где мы сможем его съесть,— оглядывая загроможденную капсулу, сказал Бейкер.

От приборов было не повернуться. Электронное оборудование было привинчено к переборкам. Приборы были закутаны в пласты губчатой пластмассы и закреплены желтыми нейлоновыми лентами. Они походили на бесформенные комья. Пластиковые коробки, штативы, кассеты с пленкой, микроскопы, разобранный на части телескоп, инструментальные сумки, паяльники... И еще висели многочисленные диаграммы, на которых показывалось, где что размещено. Бейкера и Деланти тренировали до тех пор, пока они не научились находить буквально любой предмет в полной темноте. Но тем не менее — кабина загромождена, и порядок здесь навести невозможно.

— Мы можем поесть в «Союзе»,— предложила Леонилла.— Здесь так тесно...— И она беспомощно обвела вокруг рукой.

— Это не то, чего мы ожидали,— сказал Яков.— Я переговорил с Байконуром, сейчас мы должны на несколько часов вернуться на свой корабль, надо развернуть солнечные крылья. Но я предлагаю сперва поесть.

— Чего именно вы не ожидали?— спросил Деланти.

— Этого,— Яков показал выразительно.

Джон Бейкер рассмеялся:

— У нас не было времени все по-настоящему распланировать. Просто погрузили что надо на корабль грудой... Будь у нас время, все, что вы здесь видите, было бы иное — специально спроектированное для изучения кометы. И имело бы вдвое меньше веса...

— И стоило бы в девять раз дороже,— добавил Деланти.

— И тогда мы бы оказались вам не нужны,— сказала Леонилла Малик.

Яков холодно посмотрел на нее. Начал было что-то говорить, но передумал: Леонилла сказала правду, и все знали, что это — правда.

— Господи, тогда бы все было разложено по полочкам,— заявил Деланти.— Давайте приступим к еде.

— И вам ничего не помешает есть?— спросила Леонилла.— На вас не действует состояние свободного падения?

— На него? На Старое Железное Ухо?— Джон Бейкер рассмеялся.— Черт возьми, да он преспокойно обедал, сидя внутри раскрученного тренажера. Что касается меня, то на мою персону свободное падение несколько действует. Но, поскольку это не первый мой полет, я знаю, что это скоро прекратится.

— Мы можем поесть. Сейчас мы войдем в полосу тьмы, а солнечные крылья лучше разворачивать на свету,— сказал Яков.— Я тоже предлагаю перейти в «Союз», там больше места. И у нас есть для вас сюрприз. Икра. Вообще ее полагается есть из тарелки, но, несомненно, мы сможем ее съесть и выдавливая из тюбика.

— Икра?— переспросил Бейкер.

— Это самая лучшая на свете еда,— сказала Леонилла.— Скоро будет прорыт новый канал, и уровень воды в Каспийском море и Волге повысится. Условия жизни для наших осетров улучшатся. Надеюсь, вы любите икру?

— Еще бы,— подтвердил Бейкер.

— Так давайте съедим ее,— и Яков впереди всех направился к «Союзу».

И никто не заметил, как приотстал Рик Деланти, будто ему вдруг расхотелось обедать.

* * *

Деланти и Бейкер были снаружи. Тонкие тросы соединяли их с «Молотлэбом». Вокруг — пустота космического пространства, ослепительный свет Солнца, а в тени — тьма, будто тьма глубочайшей из пещер.

Крылья «Скайлэба» были покрыты солнечными элементами. Предполагалось, что крылья развернутся автоматически, но они не развернулись.

Конструкция «Молотлэба» предусматривала различные способы управления. Крылья были плотно прижаты к его корпусу, но проектировщики предусмотрели, чтобы их можно было развернуть и просто руками. Этим и занимались Бейкер и Деланти.

Без энергии, вырабатываемой солнечными элементами, не обойтись. Без этой энергии лаборатория работать не сможет.

Более того, даже не удастся охладить капсулу до такой степени, чтобы в ней можно было жить. Космос не холоден. Он вообще не обладает определенной температурой: нет воздуха, поэтому о температуре не может быть и речи. Тела, попавшие в полосу солнечного света, накапливают тепло, и это тепло нужно каким-то образом выбрасывать наружу. Много тепла (даже больше, чем его создает солнечное излучение) исходит от человеческого тела: человек жи-

вет отнюдь не в условиях полной изоляции от окружающей среды, неважно, находится ли он в скафандре или в космической капсуле. На каждый кубический дюйм своего тела человек генерирует больше тепла, чем генерирует Солнце на каждый кубический дюйм своей поверхности. Разумеется, этих кубических дюймов у Солнца гораздо больше...

Так что без солнечных элементов не обойтись, и потому нужно поработать. Бейкер и Деланти могли перемещать тела, обладающие большой массой: в космосе тела не имеют веса. Но масса остается той же самой, и сила трения действует по-прежнему. Скафандры мешали, сопротивляясь каждому движению, но постепенно тело двигалось. Им удалось ничего не сломать, ничего не помять. Система была спроектирована как можно проще — и так, чтобы умный человек, оказавшийся в космосе, мог с ней управиться.

— Все,— сказал Джонни Бейкер.— И у нас есть еще несколько минут, прежде чем кончится кислород. Рик, потратим чуть времени на то, чтобы полюбоваться видом.

— Хорошо,— выдохнул в микрофон Рик.

Бейкеру не понравилось, что он услышал: Деланти дышал слишком тяжело и слишком прерывисто. Но он ничего не сказал.

— Я думал, что последний сектор нам так и не удастся развернуть,— отдуваясь, сказал Деланти.

— Ничего, развернули. А если б не развернули, пришлось бы заняться его починкой,— ответил Бейкер.— Проклятые выродки с их безупречными черными ящиками... Ладно, на этот раз меня снабдили инструментами для работы. Нет ничего, что нельзя было бы сделать, если есть нужные инструменты.

— Конечно, плевое было дело. Сейчас-то что...

— Верно. Причин для беспокойства теперь нет... Если не считать международной напряженности, возможного нападения кубинских налетчиков и того, что как раз нам навстречу несется огромное скопление перемешанного с грязью льда со скоростью пятьдесят миль в секунду.

— Это все утешает... Уфф! Эй, Джонни, я вижу Южную Африку. Только... никто отсюда не сможет определить, где там границы. Никаких границ между странами. Джонни, я сейчас сделаю крупное философское открытие.

— Ты отсюда не видишь и линий широты и долготы, но это не значит, что они не имеют никакого значения.

— Гм.

— Знаешь, по этому поводу может подняться большой шум. Если мы будем настаивать на том, что из космоса международные границы не видны, соображаешь, что может случиться?

Рик рассмеялся:

— Да. Все начнут окрашивать свои границы светящейся оранже-

вой краской. В милю шириной. А потом все эти детки с высшим образованием поднимут визг, что это представляет опасность для окружающей среды...

— И обвинят тебя в том, что именно с тебя все и началось. Нам пора возвращаться на корабль.

ИЗОД: интерлюдия

Но это означает прямое — лоб в лоб — столкновение с кометой? Насколько большой и массивной может оказаться голова кометы? Голова кометы состоит из двух частей. Это твердое ядро и светящаяся оболочка. Главную опасность представляет ядро. Разумеется, кометы весьма отличаются, но ядро средней кометы имеет 1,2 мили в диаметре. Но по-настоящему огромная комета может иметь ядро и в тысячи миль в диаметре. Прямое столкновение Земли с кометой — любой кометой — вызовет страшные разрушения.

Даниель Коэн. Как произойдет конец света

Горе тебе, народ мой! Ибо разве не видишь ты, как по всей земле распространилась мерзость запустения? Разве не видишь ты, как погрязли в грехе города твои, разве не чувствуешь, какой смрад окружает тебя?

Услышь же слова пророка Мелахии:

«И вот, смотри, наступит день кометы, день пламени. И все надменные — это истина — и все, кто поступает греховно, будут искоренены полностью. И повелел Бог Воинств, что в день кометы в пламени погибнут они, и не останется от них ни корня, ни ветви.

Но для тех, кто страшится имени моего, народится Сын справедливости, несущий на крыльях своих спасение».

Народ мой, близится удар Молота Божьего, который покарает надменных и греховных. Но смиренные будут возвеличены. Покайтесь, пока есть еще время. Ибо никто не спасется от всемогущего Молота, в сиянии которого уже сейчас меркнут звезды. Покайтесь, пока не поздно. Пока еще есть время.

— Благодарю вас, преподобный Армитаж. Вы прослушали проповедь преподобного Армитажа «близится Час».

* * *

Марк Ческу подогрел саке в химической колбе. Горлышко колбы он заткнул стеклянной пробкой. Потом часть водки он разлил по крошечным чашкам, долил еще саке в колбу и снова опустил ее в кипящую на плите воду.

— У меня на письменном столе стояли два цветочных горшка,— сказал он.— В одном росла марихуана, на этом горшке была надпись «каннабис сатива». В другом — «аралия элегантиссима». Если вы не знаете, что это такое, то это — нечто очень похожее на марихуану,— Марк передал одну чашку Джоанне, другую — Лилит.— Однажды меня навестил босс вместе с важными шишками из главной конторы. Они тогда ничего не сказали, но на следующий день сказал босс. «Уберите это»,— вот что сказал он,— Марк передал третью чашку Фрэнку Стонеру, четвертую чашку поставил на ручку своего кресла.— «Что убрать?»— спрашиваю я. А он говорит: «Знаете, я не совсем такой уж невежественный. Я знаю, что это такое». Король Миллер закатила истерику. Она позвала еще ребят, и мы заставили его повторить все это. Все знают, «что это такое».

Фрэнк Стонер с удобством развалился в своем кресле. Одной рукой он обнимал Джоанну Макферсон, другой обвивал талию Лилит Хатавей. Лилит была неплохого роста — пять футов девять дюймов. А узкие плечи Джоанны оказались как раз на той высоте, чтобы удобно лечь под толстую руку Фрэнка.

— И когда это было?

— Пару лет назад. А двумя месяцами позже меня уволили.

Фрэнк оскалил в ухмылке зубы:

— Из-за такой мелочи?

— А? Нет, к марихуане это не имело никакого отношения. Просто им пришлось уволить некоторое количество работников. А потом... А больше всего я проработал с Гарвом Рэнделлом.— Марк подался вперед, глаза его сверкнули.— Ох, и весело было — отлавливать «человека с улицы»! Нам попался полковник, который боялся открыть рот — вдруг чего-нибудь не то ляпнет! Был еще парень, борец-профессионал, так тот не мог дождаться падения Молота. Вот, мол, когда настанет время для настоящего мужчины, способного править миром,— и Марк улыбнулся Лилит. Лилит была светлая блондинка со смазливым, похожим на кошачью мордочку лицом. Она была дура дурой. Марк познакомился с нею в баре, где она танцевала. Бар назывался «Взаимообмен», и девушки танцевали там с обнаженной грудью.

Фрэнк Стонер выпил как раз столько, чтобы стараться быть вежливым. Но Марк ни на что не обращал внимания. Он осушил свою

чашку одним глотком (саке нужно пить быстро, в противном случае оно остынет) и заявил:

— В тот вечер мы даже проинтервьюировали мотоциклистов. Они называли себя «Безбожные гонщики». Впрочем, не думаю, чтобы они всерьез воспринимали это название.

Джоанна рассмеялась:

— Конец света. Никаких машин, дороги пустые. Никакой суеты. Твои приятели-мотоциклисты наверняка считают, что города от этого только выиграют.

— Может, ты и права, но ничего подобного они вслух не сказали.

— Пожалуй, это верная мысль,— сказал Фрэнк Стонер. Фрэнк познакомился с Марком во время гонок — по дорогам с гаревым покрытием, через всю страну, победителю — денежный приз.— На мотоцикле проедешь туда, куда автомобиль пройти не может. Мотоциклу нужно меньше бензина. И еще: мы держимся друг за друга, мы не затеваем между собой драк. Если, скажем, где-нибудь припрятать некоторое количество бензина... Ага! А каковы шансы?

Марк махнул рукой, едва не разбив свою чашку:

— Практически нулевые. Если только не верить тому, что печатают в газетах астрологи. Хотя Шарпс утверждает, что мы, может быть, пройдем через хвост этой кометы. Но, парень, это вовсе не означает столкновение!

— Шарпс — это один из астрономов, которых они интервьюировали,— объяснила Джоанна. И встала, чтобы вновь наполнить чашки.

— Да, и он был поумнее всех прочих. Сами увидите это по телевизору. Эй, вы разве не знаете, что в этом месяце вам на головы свалится мороженое? Во вторник?— Марк сделал полную драматизма паузу (во время которой Джоанна начала хихикать). Затем Марк Ческу продолжил повествование.

* * *

Часом позже подошло время Лилит идти на работу. Саке почти не осталось. Марку было хорошо. Он беседовал с Фрэнком, а легкая, как перышко, Джоанна сидела у него на коленях.

Марк жил с Джоанной уже почти два года. Иногда ему приходило в голову, что это странно, что он, похоже, становится убежденным сторонником моногамии. Конечно, вследствие этого его образ жизни изменился... но Марку такое изменение, как ни странно, нравилось. Само собой, он уже и думать не смел переспать еще с кем-нибудь — зато теперь и драться приходилось поменьше. И он по-прежнему имел право встречаться с интерес-

ными для него людьми. Изредка ему становилось страшно: когда-нибудь это все кончится...

— Тебе нужно чертовски много времени, чтобы опять войти в форму,— сказал Фрэнк.

— А?— Марк попытался вспомнить, о чем они беседовали. А, да, о круговой гонке, в которой они сражались друг с другом. С той поры прошел не один год. А теперь Марк может лишь смотреть, как мчат мотоциклы по трекам с гаревым покрытием, он — зритель. Мускулатура у него еще сохранилась, но он уже отрастил «пивной живот»— словно не живот, а большая мягкая подушка. Он поглядел вниз, на эту «подушку», и сказал:— Да... это я забеременел от Джоанны.

— Откровенно сказано,— отметила Джоанна.— Ты меняешься к худшему.

— Я становлюсь слишком старым, чтобы попусту тратить время. Надо мне подписать постоянный контракт с Рэнделлом.— Марк поднял Джоанну и поставил ее на ноги (да, мускулатура еще сохранилась). Вышел на кухню, чтобы взять оставшееся саке. И оттуда крикнул:— Что будем делать, если Молот все же ударит?

— Главное — не оставаться здесь,— ответил Стонер. И через несколько секунд добавил:— Вообще надо держаться подальше от побережья. Скорее всего комета влетит в океан. Дай мне пива.

— Ага.

— У тебя вроде есть карта, на которой обозначены геологические разломы Калифорнии?

Марк был полностью уверен, что такая карта у него есть. Принялся искать ее.

— Хорошо бы иметь мотоцикл, вроде того, что был у меня в Мексике,— сказал Фрэнк.— Большую четырехтактную «хонду». И достать запасные части к ней — не такая уж проблема.— Фрэнк замолчал, мысленно исследуя открывающиеся возможности. Он, Джоанна и Марк — они знакомы друг с другом уже довольно давно. Им не нужно говорить, только чтобы заполнить паузу. Хотя с Марком в этом отношении теперь становится чуточку сложнее.— Теперь подумайте: наступит время беспорядков и грабежей. Страшные ливни, цунами, землетрясения... все общественные службы будут уничтожены — включая полицию. Пожалуй, где-нибудь за городом я припрячу некоторое количество бензина и запасные части к мотоциклу — там, где никто не сможет найти и украсть их.

— Оружие?

— Я припас кое-что на память о Вьетнаме. Незарегистрированное.

— Я тоже.— Марк бросил поиски карты.— Понадобится насос для перекачки бензина. Скоро на улицах можно будет без труда найти брошенные машины...

— Я о таком насосе уже позаботился.

— Ага. А предположим, голова кометы не столкнется с Землей?

Фрэнк помедлил с ответом.

— Даже если ничего не случится,— вмешалась Джоанна,— комета обеспечит нам великолепное зрелище. Будем любоваться целый вечер. И Лилит пригласим.

Фрэнк Стонер поразмышлял на несколько секунд дольше, чем это принято. Он нелегко раздавал обещания. Комета из области предположений переходила в сферу реальности. Марк хороший парень — в соревнованиях, в драке, но он не всегда выполняет свои обещания, он имеет привычку бросать начатое, и потом еще это новоприобретение — пивной живот. По мнению Фрэнка, такой живот служит показателем расхлябанности. Но все же...

— Ладно. О'кей. Но вечер наблюдений устроим не здесь. Скажем, так: возьмем спальные мешки и за ночь перед встречей Земли с Молотом отправимся к Мулхолланду.

Марк приподнял, как в тосте, чашку с саке.

— Отлично. Цунами должно быть уж совершенно рассучьим, чтобы вода достигла такой высоты. А если понадобится, оттуда легко выйти к дороге.— Марку было бы как-то неуютно, если б он, не приводя своих доводов, покорно соглашался с предложениями Фрэнка.

Мысли Фрэнка были заняты Джоанной. Вряд ли Марк сумеет защитить ее. А Джоанна, учитывая ее самоуверенность и знание кунг-фу,— вероятно, она считает, что сумеет, если что, постоять за себя — и тоже вряд ли.

* * *

Эйлин понадобилось почти полминуты, чтобы осознать, что на краю ее письменного стола, изучающе рассматривая ее, сидит мистер Корриган. Прямая как стрела, Эйлин сидела за столом, пальцы ее безжизненно лежали на клавиатуре. Казалось, она внимательно изучает голую стену перед собой... И вдруг обнаружила на переднем плане Корригана.

— Слушаю,— сказала она.

— Привет. Это я,— сказал Корриган.— Что вы на этот счет скажете?

— Не знаю, босс.

— Примерно месяц назад я готов был поклясться, что вы влюблены. Когда вы приходили на работу, взгляд у вас был отсутствующий, иногда вы выглядели смертельно усталой и все время беспричинно улыбались. Но я считал, что ваше увлечение должно в конце концов пойти на убыль,— и я был не прав.

— Да, это любовь,— ответила Эйлин и улыбнулась.— Его зовут

Тим Хамнер. Он ужасно богат — до неприличия. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, он мне это сказал прошлой ночью.

— Гм,— неодобрительно сказал Корриган.— Основная проблема, естественно, следующая: не слишком ли пострадает дело в случае вашего увольнения?

— Это было первое, о чем я подумала,— задумчиво поглядев на Корригана, ответила Эйлин — и он так и не смог понять, что этот взгляд означает.

— Профессиональный риск,— живо отметил Корриган.— Вы этого человека любите?

— О... да... Очень люблю. Но... Я уже приняла решение — и оно мне не нравится.

И Эйлин с такой свирепостью набросилась на пишущую машинку, что Корриган счел за благо вернуться к своему письменному столу.

* * *

Она звонила трижды, прежде чем застала его дома. И сразу сказала:

— Тим? Извини, но ответ отрицательный.

Долгая пауза, а потом:

— Хорошо. Но ты мне можешь объяснить, почему?

— Попытаюсь. Дело в том... что это будет выглядеть глупо.

— Я этого не нахожу.

— Как раз перед тем, как мы познакомились, я стала помощником генерального управляющего корригановской компании сантехнического оборудования.

— Ты мне это говорила. Послушай, если ты боишься потерять свою независимость, я осыплю твою склоненную голову ну, скажем, ста тысячью долларов, и ты останешься полностью ни от кого не зависимой.

— Не знаю, как это сказать, но... дело не в этом. Дело во мне. Мне придется менять слишком многое. Я сама добилась всего, и я горжусь этим. И не хочу отказываться от достигнутого.

— Ты хочешь продолжать работу?— Тиму трудно было выдавить из себя хоть слово. Придется признать, что его идея оказалась глупой. Но...— О'кей.

Эйлин представила себе картинку: каждое утро ее в компанию Корригана доставляет служебный лимузин. С шофером. И рассмеялась: в конце концов, все и так валится к черту.

* * *

Коллин читала книгу в бумажной обложке. В волосах — бигуди. Она включила стереосистему, и по временам, в такт музыке, ее пальцы барабанили по стоящему у ее мягкого кресла столу.

Фред тоскливо пытался догадаться, какую музыку она слушает. Что она читает, он знал. Заглавия он прочесть не мог, но на обложке была изображена женщина в длинном, ниспадающем до земли одеянии, а за ее спиной замок (одно окно замка светилось). Готические романы все одинаковы — что внутри, что снаружи.

Бигуди не вызывали у Фреда возражений: Коллин в них выглядела еще привлекательнее.

Предвкушение с привкусом радости: скоро они встретятся. Скоро.

Иногда чувство вины делалось непереносимым. И тогда сумасшедшее желание охватывало Фреда Лаурена: уничтожить телескоп и покончить с собой. Покончить со всем раньше, чем он успеет причинить вред Коллин. Но эта мысль и действительно — сумасшествие. В любом случае через месяц с небольшим он, Фред, будет мертв. И то же самое произойдет с Коллин. Как бы худо он с ней ни поступил, все равно это окажется преходяще. И сделано это будет потому, что он ее любит.

Потому что любит. Фред тосковал по этой рассматриваемой им в телескоп девушке. Он подкручивал маленькие колесики, делая изображение отчетливее, резче. И пальцы его дрожали. Сейчас еще слишком рано. Слишком рано.

Шаг: два

Генерал, это не план ведения военных действий! То, что вы предлагаете, это не план, а какие-то страшные предсмертные судороги!

Министр обороны
Роберт С.
Макнамара, 1961 г.

Политика Соединенных Штатов остается неизменной. Если подтвердится, что враг начал ядерную атаку на нашу страну, стратегические силы армии нанесут ему непоправимый ущерб.

Представитель
Пентагона, 1975 г.

Сержант Мэйсон Джефферсон Лаутон был военнослужащим стратегического авиационного командования и гордился этим. Он гордился безупречно отглаженной формой, голубым, повязанным на

шее галстуком и белыми перчатками. Он гордился висящим у бедра 38-калиберным.

Омаха. Жаркий день клонится к вечеру. Мэйсон снова глянул на наручные часы, и как раз в этот миг на посадочную дорожку приземлился КС135. Самолет вырулил к разгрузочной площадке, где его и ждал Мэйсон. Первым показался полковник, постоянно дежурящий по авиабазе, Мэйсон узнал его. Внешность следующего полностью соответствовала фотографии, заранее переданной сержанту службой безопасности. Прилетевшие направились к джипу.

— Ваши удостоверения?— спросил Мэйсон.

Полковник молча предъявил пропуск. Сенатор Джеллисон нахмурился.

— Я прилетел на самолете генерала, и меня сопровождает полковник с вашей базы...

— Да, сэр,— сказал Мэйсон.— Но вы обязаны предъявить удостоверение.

Джеллисона все это позабавило, он кивнул. Вытащил из внутреннего кармана кожаную книжечку — и ухмыльнулся, увидев, что сержант принял позу еще большей бдительности. В удостоверении было сказано, что Джеллисон является офицером запаса военно-воздушных сил, и не просто офицером, а генерал-лейтенантом. Мое звание, подумал Джеллисон, потрясет этого сосунка.

Никаких признаков потрясения Мэйсон не выказал. Он просто терпеливо подождал, пока еще один подошедший офицер, принеся чемодан Джеллисона, погрузил его в джип. Джип покатил по взлетно-посадочной полосе, обогнув специально оборудованный самолет системы «Зеркало». На базе имелось три таких самолета, и один из них — поочередно — все время находился в воздухе. В самолете системы «Зеркало» размещались дежурный генерал командования стратегической авиации и его штаб.

В конце второй мировой войны штаб стратегического авиационного командования был перемещен в центр Соединенных Штатов, в Омаху. Сам штаб командования размещался под землей — четырехэтажный бункер, армированный бетоном и сталью. Предполагалось, что «Нора» способна выдержать что угодно — но строили бункер еще до эпохи межконтинентальных баллистических ракет и водородных бомб. Теперь для подобных заблуждений не осталось места. Если разразится Большая война, от «Норы» ничего не останется. Но и в этом случае стратегическое авиационное командование не утратит контроля над подчиненными ему силами: сбить «Зеркало» невозможно. Никому, за исключением управляющих им пилотов, неизвестно местонахождение дежурного самолета системы «Зеркало».

Мейсон проводил сенатора к большому кирпичному зданию и далее, вверх по лестнице — до самого кабинета генерала Бамбрид-

жа. Кабинет имел старомодный вид. В основном — деревянная мебель, обитая кожей. Старинным был и огромный письменный стол. Вдоль стен шли полки, на которых были выставлены модели военно-воздушных сил США: истребители времен второй мировой войны, большущий Б-36 — неправдоподобного вида пропеллеры и гондолы реактивных двигателей, Б-52, различного вида ракеты. Не считая телефонов, эти модели были единственными предметами в кабинете, несущими на себе черты современности.

Телефонов на письменном столе было три: черный, красный и золотистого цвета. На столике рядом с письменным столом стоял переносной ящик для красного и золотистого телефонов: эти телефоны всюду сопровождали генерала Бамбриджа, куда бы он ни направился, где бы ни находился. В машине, дома, в спальне, в уборной. Всегда — со времени его назначения командующим стратегической авиацией. Максимум четыре звонка золотистого телефона, и генерал снимет трубку: он никогда не отходил на большее расстояние от этого телефона. Золотистый телефон соединял его с президентом.

Провод красного телефона шел вниз, соединяя Бамбриджа с подземным помещением стратегического авиационного командования. С помощью этого телефона могла быть приведена в действие огневая мощь, равной которой не обладала ни одна армия за всю историю человечества.

Генерал Томас Бамбридж жестом пригласил сенатора Джеллисона сесть и присоединиться к беседе группы офицеров, стоявших возле окна. Окно было огромное, выходило оно на взлетно-посадочную полосу. Бамбридж никогда не начинал разговора, пока что-нибудь — по его мнению, в этом нуждающееся,— не было приведено в должный порядок. Особенно это проявлялось, когда он сидел за своим письменным столом. Рассказывали, что однажды некий «приводимый в порядок» майор, простояв пять минут перед столом Бамбриджа, упал в обморок.

— Какого черта вас принесло сюда?— спросил Бамбридж.— Что произошло, чего мы не смогли бы обсудить по телефону?

— Насколько защищены ваши телефоны от прослушивания?— в свою очередь спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

— Настолько, насколько это в наших силах.

— Возможно, с вашими телефонами все в порядке,— сказал Джеллисон.— У вас есть люди, которые могут их проверить. Я полностью уверен, что мои телефоны не защищены. Должен вам сказать, что официально я прилетел обсудить с вами некоторые статьи военного бюджета: мол, кое-чего я не понимаю и мне нужны разъяснения.

— Понятно. Пить будете?

— Виски, если оно у вас есть.

— Конечно, есть.— Из шкафчика, стоящего за письменным столом, Бамбридж достал бутылку и стаканы.— Сигару? Прошу, она наверняка вам понравится.

— Гавана?— спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

— Ребята покупают их в Канаде. Никогда не курите американские сигары. Возможно, кубинцы и ублюдки, но делать сигары они умеют.— Он поставил бутылку и стаканы на кофейный столик, налил.— О'кей, так о чем вы хотели поговорить?

— О Молоте,— сказал Артур Джеллисон.

Лицо генерала Бамбриджа побледнело.

— А именно?

— Эта комета пройдет очень близко от Земли.

Бамбридж кивнул:

— Как вы знаете, у нас есть очень неплохие математики. И компьютеры тоже.

— И что вы намерены предпринять?

— Ничего. Согласно приказу президента.— Генерал указал на золотистый телефон.— Ничего не случится, и мы не должны вызывать тревогу у русских.— Бамбридж сморщился.— Нельзя вызывать тревогу у этих ублюдков. Они убивают наших друзей в Африке, но мы не имеем права выводить их из душевного равновесия, поскольку это может нарушить нашу дружбу.

— Нелегко жить в этом мире,— сказал Джеллисон.

— Да, нелегко. Так чего вы хотите?

— Том, комета пройдет близко. По-настоящему близко. Мне кажется, президент не понимает, что это значит.

Бамбридж вынул сигару изо рта и обследовал ее изжеванный кончик.

— Президент не слишком интересуется нами,— сказал он.— И это хорошо, поскольку таким образом он предоставляет стратегическому авиационному командованию значительную свободу действий. Но, хорошо это или плохо, он — президент, и в силу этого является моим Верховным главнокомандующим. У меня препотешные представления, такие, например: я обязан повиноваться приказам.

— А ваша клятва Конституции?— спросил Джеллисон.— Или вы не выпускник Уэст-Пойнта[1]? Дом, честь, страна. К вопросу о приказах.

— Итак?

— Том, эта комета пройдет по-настоящему близко. По-настоя-

---

[1] Высшее военное училище США.

щему близко. Мне сказали, что против нее окажутся бессильными все ваши радары раннего предупреждения...

— Мне это тоже говорили,— сказал Бамбридж.— Арт, мне не хочется быть наглецом, но зачем вы берете на себя роль яйца, поучающего курицу?— Он отошел к письменному столу и вернулся с переплетенным в красную кожу докладом.— Мы обнаружим, что на нас напали,— а на самом деле никакого нападения не было. И видимо, провороним настоящее нападение... если оно состоится. Естественно, в тот самый день, когда русские решат, что могут выиграть у нас вчистую, они нанесут удар. Но разведка военно-воздушных сил заверила меня, что сейчас у них дела обстоят точно таким же образом.— Генерал перелистнул страницы доклада — веером, понизил голос:— Разумеется, если мы не можем засечь их нападение, они не смогут засечь наше...

— Что вы порете!..

— Ну, меня нельзя отдать под военный суд только за то, что я размышляю вслух.

— Том, это серьезно. Не думаю, чтобы русские начали что-нибудь... если только Молот не пройдет совсем близко. Однако...

Бамбридж склонил голову набок:

— Иисусе! Мои люди не утверждают, что Молот *столкнется* с нами!

— Я тоже этого не утверждаю,— сказал Джеллисон.— Однако вероятность столкновения сейчас — одна к скольким-то сотым. Сперва было: один шанс против нескольких миллиардов. Потом: один против нескольких тысяч. Сейчас: только сотые доли. Эта тенденция несколько пугает.

— Все так. Так что вы предлагаете мне предпринять? Президент приказал мне не поднимать тревогу...

— Он не мог дать вам такой приказ. Согласно уставу вы имеете право принимать любые меры, необходимые для защиты находящихся в вашем подчинении сил. Вплоть до открытия огня.

— Господи,— Бамбридж выглянул в окно. Очередной КС-235 системы «Зеркало» готовился к взлету. Значит, самолет, сейчас находящийся в воздухе, сдав дежурство, скоро пойдет на посадку. Все в порядке.— Вы требуете, чтобы я нарушил прямой приказ президента...

— Говорю вам: если вы это сделаете, у вас появятся друзья в Конгрессе. Самое худшее, что с вами может случиться,— это вас выгонят со службы. Всего лишь.— Джеллисон говорил очень тихо и очень настойчиво.— Том, вы думаете, мне нравится все это? Сомнительно, что эта проклятая комета столкнется с Землей, но если это произойдет, а мы окажемся не готовы... Бог знает, что тогда случится.

— Да, конечно.— Бамбридж постарался представить, как будут

развиваться события. Падение астероида придется на какой-то отдаленный район Советского Союза — разве в этом случае русские не решат, что имеет место подлое нападение со стороны Соединенных Штатов? Но почему — отдаленный район? А если столкновение придется на Москву?! — Но если мы объявим боевую тревогу, русские разузнают об этом и решат, что наши действия вызваны иными причинами, а причин этих предостаточно...

— Естественно. Ну, а если мы не объявим тревогу и они поймут, что им представился исключительно счастливый случай? Том, если Молот ударит, возможно, Вашингтон будет уничтожен. Вашингтон, Нью-Йорк, фактически все восточное побережье...

— Дерьмово. А для полноты картины — война,— сказал Бамбридж.— Если Молот действительно ударит, мир и без Большой войны перевернется вверх тормашками. Но если удар, минуя их, придется только на нас, им захочется довершить начатое. Я бы так и поступил, будь на их месте.

— Но вы не...

— Да не из этого кабинета,— пояснил Бамбридж. Не отсюда, даже если б я получил приказ — который, слава Богу, я никогда не получу.— Генерал перевел взгляд на стену, где были выставлены модели ракет.— Скажу, что бы я сделал, если бы вдруг случилось, что все дежурные посты заняты людьми, которым я доверяю. Отправил бы весь начальствующий состав на гауптвахту и сам принял дежурство на «Зеркале». Но как мне объяснить подчиненным, что пуск ракет нужно произвести из-за какого-то метеора?

— Думаю, вы найдете объяснение,— сказал Джеллисон.

* * *

Снаружи — тьма и сияние. А в капсуле «Аполлона» Рик Деланти не в силах встать с койки. Глаза его плотно закрыты, он неподвижно лежит, кулаки стиснуты.

— Прекрасно, черт побери. Я заболел, как только мы вышли в космос. Не сообщай Хаустону. Они ничего не смогут сделать.

— Ты, проклятый дурак, ты же умрешь с голоду,— сказал Бейкер.— Черт, здесь же нет ничего позорного. Каждый может заболеть космической болезнью.

— Но не на целую же неделю.

— Тебе все известно не хуже, чем мне. Мак-Аллиард проболел весь полет. Не в такой тяжелой форме, как ты,— но его лечили. Я сообщу доктору Малик.

— Нет!

— Да. На проявления мужества и гордости у нас нет времени.

— Дело не в этом, ты сам все понимаешь,— сказал Деланти пронзительным голосом.— Она сообщит о моей болезни. И тогда...

— И ничего,— сказал Бейкер.— Никто не станет срывать полет только потому, что у тебя непорядок с желудком.

— Ты уверен в этом?

— Угу. Они не могут признать, что полет окончился неудачей... пока я не потребую, чтобы они это признали. А я этого не потребую. Пока что...

— Пока все более или менее в порядке,— сказал Деланти.— Вот ведь в чем дело. Господи Боже, Джонни, если экспедиция из-за меня окажется сорванной... черт возьми, жаль, что они не выбрали кого-нибудь вместо меня. Тогда все это не было бы так важно. Но я — *я обязан* продержаться...

— Почему?

— Потому что я...

— Человек, у которого кожа не белого цвета?

— Черного цвета. И об этом забывать нельзя.— Рик попытался улыбнуться.— Ладно, зови госпожу докторшу. Пусть как-нибудь лечит. Может, вылечит, покормив меня грудью?

— Тебе будет лучше, если ты будешь лежать с закрытыми глазами.

— Что я и делаю, и это самое большее, что я могу сделать,— в голосе Деланти звучала горечь.— Я, Старое Железное Ухо — и подхватил космическую болезнь. Бред какой-то.— Он осознал, что Бейкера рядом уже нет, и лихорадочно начал застегивать ширинку.

Официально это одеяние называлось «повседневной служебной формой». Кто-нибудь мог сказать: «Это — теплое белье». Или: «Это — белье-комбинезон». Во всяком случае, это — одежда астронавтов. Очень хорошая с практической точки зрения одежда; но Рик Деланти не мог скрыть, как он нервничает: не часто он представал перед женщинами в нижнем белье. Тем более если это — белые женщины.

— Парень, друзья-приятели, проживающие в глубинке Техаса, сошли бы от этого с ума,— пробормотал он.

— Почему вы не сообщили раньше?— женщина сказала это отчетливо, с профессиональной интонацией, и от этого голоса из головы Рика Деланти выдуло остатки мыслей — если они там еще оставались. Войдя в кабину, Малик первым делом отсоединила трубку комбинезона Рика и сунула освободившийся конец в отверстие переносной термостанции. Второй конец трубки уходил внутрь «белья» Рика Деланти и далее, в глубь его тела. Любого астронавта пугает, если врач подобрался к его заднепроходному отверстию: измерение температуры не сулит ничего хорошего.

— Вы хоть что-нибудь едите?— спросила Леонилла. Посмотрела показания термометра, записала.

— Во мне ничто не задерживается.

— Ваш организм обезвожен. Так что сперва мы попытаемся

справиться с обезвоживанием. Разжуйте эту таблетку. Нет, не глотайте ее. Разжуйте.

Рик разжевал:

— Иисусе Христе, что это? Ничего более тошнотворного я...

— Глотайте, пожалуйста. Через две минуты попытаемся принять питье. Питательный раствор. Вам нужны вода и питание. Часто ли случалось, что вы не сообщали о своем заболевании?

— Нет. Мне казалось, что я смогу справиться с болезнью самостоятельно.

— В каждом космическом полете космической болезнью заболевает примерно одна треть из состава экипажа. Различие лишь в том — слабая это окажется форма болезни или сильная. Вероятность того, что заболеет кто-нибудь из участников этого полета, была очень высока. Теперь выпейте это. Медленными глотками.

Рик выпил. Питье было густое, на вкус отдавало апельсинами.

— Неплохо.

— Основные компоненты его американского производства,— сказала Леонилла.— Я добавила фруктовый сахар и витамины. Как вы теперь себя чувствуете? Нет, на меня смотреть не надо. Надо, чтобы то, что вы сейчас выпили, было усвоено вашим организмом. Закройте глаза.

— Теперь мне чуть лучше.

— Хорошо.

— Но на черта мне лежать с закрытыми глазами?! Я должен...

— Вы должны восполнить нехватку воды в своем организме. Вы должны выжить, чтобы полет не был сорван,— сказала Леонилла.

Деланти почувствовал, как что-то холодное коснулось его предплечья.

— Что это?

— Инъекция снотворного. Вы будете спать несколько часов. Пока вы спите, я сделаю вам внутривенное. Потом, когда вы проснетесь, попробуем использовать еще кое-какие лекарства. Спокойной ночи.

Леонилла вернулась в главный отсек. Теперь в середине отсека было свободно: оборудование было перемещено туда, где ему и следовало находиться. Масса загромождающей пространство, идущей на упаковку губчатой пластмассы была выброшена в космос.

— Итак?— требовательно спросил Джон Бейкер. Петр Яков — по-русски — повторил этот же вопрос.

— Плохо,— сказала Леонилла.— Полагаю, что в течение последних двадцати четырех часов его организм был вообще не в состоянии усваивать воду. Двадцати четырех — по меньшей мере. Возможно, дольше. Температура — тридцать восемь и восемь. Организм очень обезвожен.

— Что будем делать?— спросил Бейкер.

— Думаю, что лекарство, которое я дала, поможет ему удерживать в организме воду. Сейчас он выпил почти литр — и без всяких затруднений. Почему он не сообщил о том, что заболел, раньше?

— Черт возьми, он первый чернокожий, оказавшийся в космосе. И не хочет оказаться последним,— объяснил Бейкер.

— Он полагает, что только для него путь не был усыпан розами?— спросила Леонилла.— Он первый негр в космосе, но физиологические различия, обусловленные принадлежностью к разным расам, невелики по сравнению с различиями, вызванными половой принадлежностью. Я — вторая женщина, оказавшаяся в космосе, а первая забо...

— Пора вести наблюдения,— перебил Петр Яков.— Леонилла, вы поможете мне. Если только вам не нужно заняться вашим больным.

* * *

Оборудование было размещено на нужных местах, но все равно свободного места в «Молотлэбе» оставалось очень мало. Все же были найдены способы хоть как-то уединяться: Деланти оставался в «Аполлоне», Леонилла Малик уходила в «Союз». Бейкер и Яков посменно вели наблюдения и спали в «Молотлэбе»— когда им вообще удавалось поспать. Три члена экипажа выполняли работу за четверых, и на сон много времени не оставалось.

А комета Хамнера–Брауна все приближалась. Она приближалась хвостом вперед, мчалась прямо на «Молотлэб», и разреженный газ, извергаемый кометой, уже окутал и Землю, и Луну, и космическую лабораторию. Участники полета часами вели визуальные наблюдения и ежедневно выходили в открытый космос, чтобы взять пробы — пробы пустоты. В сосуды запечатывался вакуум космического пространства. Потом эти сосуды будут отправлены на Землю, где чуткие приборы смогут обнаружить молекулы вещества, составляющего хвост кометы,— пусть даже этих молекул окажется очень немного.

Сперва наблюдать было, в общем, не за чем. Было ясно видно лишь, что в одну сторону от кометы отходит хвост, покрывающий пространство в сотни миллионов миль. Но потом, когда комета подошла ближе, куда ни посмотришь — всюду хвост.

Если не проводились наблюдения за кометой, то велись наблюдения за Солнцем. Нужно было провести еще множество экспериментов — в области кристаллографии, тонкопленочной электроники и так далее. Свободного времени не оставалось.

Сутки пролетали быстро.

Члены экспедиции не часто могли оставаться наедине с собой,

хотя изредка это удавалось. Согласно проекту личных, так сказать, удобств в кабине лаборатории не было — лишь в кораблях. Для Бейкера и Деланти все обстояло достаточно просто: на орган мочеиспускания одевалась идущая к специальному резервуару трубка. Потом содержимое резервуара выливалось.

Бейкер как раз облегчался по указанной схеме, когда почувствовал на себе взгляд Деланти.

— Предполагалось, что ты спишь. А не наблюдаешь за тем, как я писаю.

— Меня не это интересует. Джонни... как это ухитряется делать Леонилла? Я имею в виду — здесь, в космосе.

— М-да. Я как-то еще не выяснил. Не знаю. Спрошу-ка у нее, а?

— Конечно, спроси. Мне-то это было бы не по силам.

— Мне — тоже.— Джонни открыл клапан. Урина реактивной струей вылетела из «Аполлона» в космическое пространство. Мгновенно замерзшие капли образовали облако, окутавшее корабль. Облако походило на какое-то новое созвездие, оно медленно рассеивалось.— Почему, черт возьми, ты снова пристаешь ко мне с этой проблемой?

— Хочу понять, только ли я в этом полете испытываю затруднения.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо.

* * *

Двумя днями позже, когда Деланти уже чувствовал себя намного лучше, Бейкер все еще не знал ответа.

Он вернулся на корабль, взяв очередную пробу космической пустоты. С ним был только Яков, и Бейкер сказал:

— Невыносимо.

— Прошу прощения?— спросил русский.

— Мне не дает покоя одна вещь. Леонилла, как и мы все, находится в состоянии свободного падения. Как же ей удается мочиться?

— Это вас волнует?

— Еще бы. Это даже не любопытство от безделья. Одна из причин, по которым мы не посылаем женщин в космос, заключается в том, что проектировщики не могут разрешить эту проблему — учитывая требования санитарии и так далее. Кое-кто предлагал использовать катетер, но ведь это вредно.— Яков промолчал.— Так *как* она это делает?— требовательно вопросил Джонни.

— Это государственная тайна. Прошу извинить меня,— сказал Петр. Может быть, он шутит? Не похоже.— Пора проводить очеред-

ную серию наблюдений Солнца. Если вас не затруднит, помогите мне в работе с телескопом.

— Разумеется.

Я спрошу у Леониллы, подумал Джонни. Спрошу в любом случае до того, как мы пойдем на посадку. Он искоса глянул на русского. Может быть, Яков и сам не знает ответа.

* * *

— Как дела?— спросил Бейкер.

— Прекрасно,— сказал Деланти.— Хаустон все знает?

— Не от меня,— сказал Бейкер.— Может быть, им сообщили из Байконура. Не думаю, что у Якова много секретов от своих. Но вот с какой стати они сообщили Хаустону?

— Не нравится мне эта их откровенность,— сказал Рик.

— Еще бы понравилась... Ну и что из этого? Ты доказал, что, несмотря ни на что, ты необходим. Вот ты здесь, и нам удалось развернуть крылья. Господи, парень, если ты смог, будучи больным, справиться с такой работой, тебя следует называть Железным. Завтра приступишь к работе.

— Хорошо. Тебе удалось найти ответ на эту беспокоящую тебя и меня проблему?

Бейкер пожал плечами:

— Нет. Я спросил Петра, а он мне ответил: «Государственная тайна». Государственная тайна, мать его!

— Ну, может быть, нам удастся выяснить. У нас вполне достаточно кинокамер, чтобы...

— Конечно. В донесении это будет выглядеть великолепно. Два офицера военно-воздушных сил США тайно проникают с кинокамерами в женскую уборную. Ну, мне пора вести наблюдения. Пойду разбужу товарища генерала. До встречи.

Джонни Бейкер выплыл из кабины «Аполлона» в «Молотлэб». В лаборатории было очень тихо. Леонилла спала в «Союзе». Деланти, пристегнувшись ремнем к койке, оставался в «Аполлоне». Яков, верно, дремал, отдыхая перед вахтой.

Бейкер подплыл к койке русского. В паутине нейлоновых тросов, посреди путаницы телескопов, киносъемочных камер, растущих кристаллов, детекторов рентгеновских лучей и так далее плавал Яков. Он улыбался, улыбка его была обращена переборке. Джонни подплыл ближе — и улыбка увяла.

Будто он занимался чем-то недозволенным, подумал Джонни Бейкер. И попался на этом.

Государственная тайна, мать его так...

ИЮНЬ: три

... тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы...

Матфей, 24

Секретарша была новая. Поэтому она не пустила Гарви на третий этаж здания городского совета Лос-Анджелеса, туда, где апартаменты начальства. Гарви не возражал. Другие тоже ждут, а что команда его в ближайшие несколько минут не появится — это уж точно. Гарви пришел слишком рано.

Гарви сел и занялся своей любимой игрой: принялся разглядывать окружающих. С большинством из них все было ясно. Торговцы, политиканы — все собрались здесь, чтобы повидаться с одним из заместителей мэра или кем-либо из его высокопоставленных помощников. Одна девушка отличалась от прочих. Ей было что-нибудь лет двадцать, и Гарви не мог бы сказать, больше двадцати или меньше. На ней были джинсы и цветастая блузка — не слишком дорогие, не слишком дешевые. Она, не скрываясь, рассматривала Гарви и не смутилась, не потупила глаз, когда он остановил на ней взгляд. Гарви пожал плечами и, перейдя через все помещение, сел рядом с ней.

— Что такого интересного нашли вы во мне?— спросил он.

— Я вас узнала. Вы работаете на телевидении, делаете документальные фильмы. Сейчас я припомню, как вас зовут.

— Прекрасно,— сказал Гарви.

Она отвела взгляд в сторону. Потом снова взглянула на него. Чуть улыбнулась.

— Ладно. Так как вас зовут?

— Сперва назовите свое имя.

— Мэйб Бишоп,— выговор у нее был явно местный.

Гарви порылся в памяти.

— Ага. Народное лобби.

— Верно,— выражение ее лица не изменилось, что было странно. Средний человек, человек из толпы, должен быть польщен, если окажется, что известный на всю страну документалист запомнил его имя. Гарви еще продолжал удивляться, когда она сказала:

— Вы еще не представились мне.

— Гарви Рэнделл.

— Теперь моя очередь сказать «ага». Вы делаете фильмы о кометах.

— Правильно. Как они вам нравятся?

— Они ужасны. Представляют собой опасность. Глупы.

— Вы говорите без обиняков. Разрешите узнать, почему у вас сложилось такое мнение?— спросил Гарви.

— Пожалуйста. Вы отнимаете у пятидесяти миллионов полоумных последние остатки разума...

— Я не...

— Они будут перепуганы до смерти, а бояться следует не этой проклятой кометы! Кометы! Знамения небес! Предвестники бедствий! Средневековая чушь — и это в то время, когда именно здесь, на Земле, существует достаточно причин для тревоги.— Она говорила в полный голос, с горечью.

— А чего же надо бояться?— с суфлерской интонацией спросил Гарви. На самом деле ему вовсе не нужен был ее ответ, и, задавая вопрос, он мысленно уже обругал сам себя. Сработала действующая автоматически репортерская привычка. И беда в том, что он заранее наверняка знал, что она ответит.

Она и ответила:

— Пугает следующее: космические корабли, эти консервные банки, разрушительно действующие на атмосферу, уничтожающие озон, что ведет к развитию раковых заболеваний. Новый ядерно-силовой центр в долине Сан-Иоаквин, из-за него возникнет радиоактивная пустыня — вокруг будет радиоактивная пустыня на ближайшие полмиллиона лет! Огромные «кадиллаки» и «линкольны» сжигают миллионы и миллионы тонн бензина. Вот что требует внимания, вот с чем необходимо что-то делать, вот чего следует бояться. А вместо этого люди зарываются в подземные убежища — они боятся кометы!

— Вы во многом правы,— сказал Рэнделл.— Но даже если я, скажем, и не думал обо всем этом, тем не менее...

— Ах, вы не думали? А кто будет думать?— резко спросила она. В голосе ее звучали ненависть и готовность продолжать атаку.

Я, я, подумал Гарви. Иногда ему хотелось взять свою репортерскую объективность, присущую асу от телевидения, и, скатав поплотнее, засунуть куда подальше — так, чтобы и не достать обратно.

— Вот что я скажу вам,— заявил Гарви.— Люди — и не дураки — сжигают бензин (а машины у них действительно большие и комфортабельные) потому, что пока еще не хватает электрической энергии, необходимой для автомашин, работающих не на бензине, а на электричестве. Но люди не могут получить достаточно электроэнергии, потому что уже в зубах навязла чушь о том, что старые источники энергии лучше, но старые источники энергии истощаются, а проклятое дурачье мешает постройке ядерных центров, с помощью которых нам удастся выбиться из тупика.— Гарви встал.—

И если я еще когда-либо услышу слова «консервные банки» или «озон», я разыщу вас, где бы вы ни спрятались, и просто-таки уничтожу вас.

— Что?!

Гарви, не отвечая, вернулся к секретарше.

— Пожалуйста, сообщите Джонни Киму, что Гарви Рэнделл уже здесь,— сказал он, и голос его звучал повелительно. Секретарша с тревогой глянула на него и потянулась к интеркому.

За спиной Гарви что-то несвязно шипела Мэйб Бишоп — шипение это доставляло Гарви большое удовольствие. Он подошел к двери, ведущей в начальственные апартаменты. Ждал. Через секунду раздался гудок.

— Входите, мистер Рэнделл,— сказала секретарша.— Извините, что я заставила вас ждать...

— Все нормально,— пробормотал Гарви.

За дверью был длинный зал, по обе стороны его кабинеты. Из одного вышел восточного облика человек неопределенного возраста — что-нибудь между тридцатью и сорока.

— Привет, Гарв. Долго ли эта дура заставила вас ждать?

— Недолго. Как поживаете, Джонни?

— Хорошо. Мэр на совещании — затянулось. Обсуждают проблемы развития города. Не возражаете, если подождете немного?

— Не возражаю... но скоро явится моя команда.

— Знаю, они скоро приедут,— сказал Джон Ким. Он был пресс-секретарем Бентли Аллена, кроме того, составителем его речей, а нередко и политическим советником. Гарви знал, что при желании Ким мог бы перебраться в Сакраменто или Вашингтон. Вероятно, если он останется с Бентли Алленом, то все равно окажется в одной из этих столиц.

— Я распорядился, чтобы, когда они появятся, их сразу же пропустили. И проводили к служебному эскалатору.

— Спасибо,— сказал Гарви.— Они это оценят.

— Ха. Совещание заканчивается. Пока ваши люди не прибыли, пойдемте, переговорите с шефом,— и Ким повел Гарви в глубь зала.

Два кабинета. Один большой, уставленный дорогой мебелью и застеленный толстыми коврами. Со стен свисали знамена, повсюду — памятные подарки, почетные значки, какие-то грамоты в рамках. Позади этого богато украшенного официального кабинета располагался второй, гораздо меньшего размера. Но письменный стол в этом маленьком кабинете был даже больше. На столе высокими кучами громоздились бумаги, доклады, книги, памятные и докладные записки, перфокарты IBM (компания «Интернэшнл бизнес машин»). На обложке некоторых докладных записок были вытиснены большие красные звезды. На нескольких — по две красные звезды,

а на одной — три. Когда вошли Ким и Гарви Рэнделл, мэр как раз принялся за работу над этой запиской.

Мэр читал эту докладную записку, а Гарви думал. Он думал о том, что смотрится мэр хорошо. Второй чернокожий мэр Лос-Анджелеса. Он из породы выигрывающих. Высокий, сильный, и одет, как одеваются богатые юристы, он и был юристом до того, как занялся политикой. Заметно было, что он человек смешанной крови, и еще было заметно, что он человек воспитанный,— заметно, потому что он не скрывал этого. Бентли Аллен никогда не разговаривал свысока. Он вполне мог бы обойтись без политической деятельности: фактически, политика, видимо, означала для него отпуск. Отдых от преподавательской работы в одном богатом частном университете.

— Документальный фильм, мистер Рэнделл?— спросил Бентли Аллен. Поставил свои инициалы на докладной записке и положил ее в ящик для исходящих.

— Нет, сэр,— ответил Джонни Ким.— На этот раз ежевечерние новости.

— Так чем я сегодня могу быть для вас полезным?— спросил мэр.

— Да, сейчас мы не будем снимать документальный фильм,— сказал Гарви Рэнделл.— Но интервью с вами будут транслировать все телесети. Как готовится руководство нашего города ко дню, когда Хамнер—Браун *не* столкнется с Землей?

— Все телесети?— спросил Джонни Ким.

— Да.

— Не было ли оказано здесь небольшое давление?— спросил Ким.— Скажем, из не совсем белого дома, расположенного на Пенсильвания-авеню?

— Возможно,— сознался Гарви.

— Наш главный начальник хочет, чтобы ему подыграли в лад,— сказал мэр.— В день, когда произойдет встреча с порцией мороженого, будьте спокойны и сохраняйте хладнокровие.

— А произойдет это во вторник на следующей неделе,— автоматически отозвался Гарви.— Да, сэр...

— А что, если я начну паниковать?— спросил сэр Аллен. Глаза его блестели: он развлекался.— Или заявлю: «Братья, вот ваш шанс! Уничтожайте белых! Хватайте, что можете, наступает и на вашей улице праздник!» А?

— Ах, черт возьми! — сказал Гарви.— Я считал, что каждому лестно, если его покажут в передаче, которая будет транслироваться на всю страну.

— А у вас самого никогда не бывало подобных побуждений?— спросил Бентли Аллен.— Видите ли, иногда возникают непреодолимые желания, которые, если поддаться им, могут в корне изменить всю вашу жизнь. Например, желание облить мартини платье жены

декана. Могу добавить, однажды я так и сделал. Уверяю вас, что сделал я это нечаянно, по чистой случайности, но сами видите, что в результате мне пришлось сменить работу.

Гарви поднял встревоженный взгляд, и мэр Аллен широко ухмыльнулся.

— Не беспокойтесь, мистер Рэнделл. Моя теперешняя работа мне нравится. Как и понравилась бы работа в каком-нибудь более солидном учреждении — из тех, что расположены далеко к востоку...— последние слова он произнес врастяжку. Не являлось тайной, что Бентли Аллен был бы не прочь стать первым чернокожим президентом Америки. Некоторые серьезные политики полагали, что лет через десять, десять с небольшим, так и будет.

— Я буду паинькой,— сказал мэр Аллен.— Я скажу народу, что, как мы ожидаем, в этот день все служащие будут на своих рабочих местах. Что я и сам буду на своем рабочем месте... ну, на самом деле я буду здесь, но я скажу, что буду там,— ткнув пальцем в сторону большого кабинета, добавил он.— Я надеюсь, что все мои сотрудники высокого ранга тоже будут паиньками. Правда, я, видимо, умолчу, что у меня есть цветной телевизор, который я и буду смотреть. Потому что — да провались я на этом месте, если собираюсь пропустить подобное зрелище.

— Работа будет идти как обычно, и время на цветовые зрелища тратиться не будет,— сказал Гарви.

Мэр кивнул.

— Разумеется.— Лицо его сделалось серьезным.— Между нами говоря, я несколько встревожен. Слишком много людей собирается покинуть город. Вам известно, что почти все трейлеры — из тех, что сдаются напрокат,— уже разобраны? В течение недели. Более того, мы получили массу заявлений об отпуске от служащих полиции и пожарной охраны. Разумеется, эти прошения остались без удовлетворения. На день падения порции мороженого все отпуска отменяются.

— Боитесь, что начнутся грабежи?— спросил Гарви.

— Если и боюсь, то не настолько, чтобы объявить об этом во всеуслышание. Но вам могу сказать: да,— ответил мэр Аллен.— Все дома, оставленные без присмотра своими хозяевами, подвергаются опасности ограбления. Но с этой проблемой мы управимся... Если ваши люди уже прибыли, давайте начнем. Через полчаса у меня совещание с начальником Управления гражданской гвардии.

Они встали и вышли в большой кабинет.

* * *

Машин на Биверли-Глен было не очень много. Даже совсем мало, если учесть, что сейчас вечер. Гарви ехал и широко улыбался.

Да уж, сюжет у меня, думал он. Даже если я ничего больше и не раскопаю, сюжет у меня есть. Оказывается, многие миллионы людей не просто считают, что мир идет к гибели, нет, они *надеются* на это. Такой вывод следует из их высказываний. Им ненавистно то, чем им приходится заниматься, они тоскуют по «простой» жизни. Разумеется, сейчас людям не очень хотелось бы стать фермерами и жить в деревнях, но если так придется жить *всем*...

Все это было бессмысленно, но людские желания часто оказываются бессмысленными — что ни в малой степени не беспокоило Гарви Рэнделла.

А в дополнение — еще один великолепный сюжет. Назавтра после того, как мир не погиб. Гарви подумал, что это хорошее название для книги. Разумеется, тут же объявится с тысячу писателей, которые устроят кучу-малу, стараясь пробить свои произведения в печать. Хлынут книги с названиями «Страх», «День, когда не погиб мир» (придуманное им, Гарви, название лучше), «Гора, ты не раздавишь меня?» А тем временем некоторые радиостанции все двадцать четыре часа в сутки транслируют религиозные песни церквей, чье учение основано на пророчестве бедствий, и проповедники, предвещающие конец света, делают свой бизнес по всей стране.

Еще существуют «Дети кометы», возникшая в Южной Калифорнии религиозная секта, члены которой, одевши белые рясы, молятся комете, упрашивая ее убраться подальше. Пара данных на публику представлений принесла секте известность: в одном случае застопорили уличное движение, в другом — вышли на поле во время транслировавшегося по телевидению бейсбольного матча (матч пришлось прервать). Добрая половина лидеров секты была арестована, потом их выпустили под залог. Но судья распорядился, чтобы вплоть до следующей среды, если подобные фокусы повторятся, больше под залог никого не освобождали...

Черт, я бы мог написать книгу, подумал Гарви. Мне следовало бы написать книгу. Мне никогда прежде этого не хотелось, но ведь я в достаточной степени владею грамотой, и я провел настоящее научное исследование. «Назавтра после того, как мир не погиб». Нет, это плохо, слишком длинно. Мою книгу я мог бы назвать «Страх Молота». Разумеется, моей книге будет обеспечена хорошая реклама, когда комета разминется с Землей, все небо будет в этой рекламе...

Я мог бы даже сделать на этом деньги. *Много* денег. Достаточно денег, чтобы тут же расплатиться по закладным и заплатить за обучение в Гарвардской школе для мальчиков, и еще можно было бы...

«Страх Молота». Неплохое название.

Остается лишь одна проблема. Все это может случиться на самом деле. Люди на самом деле испуганы. Очень похоже на страх перед войной.

Подтверждения этому видны были всюду. Кофе, чай, мука, сахар, все основные продукты питания были почти полностью раскуплены. Консервы вообще исчезли. Магазины одежды вывесили объявления, что плащи, дождевики и так далее распроданы. (И это в Южной-то Калифорнии, где дожди начнутся лишь в ноябре!) Точно так же уже ни в одном магазине нельзя найти одежды или обуви для турпоходов. А вот обычные костюмы, белые рубашки и галстуки никто не покупает.

Еще люди раскупали оружие. Ни в Биверли-Хиллз, ни в долине Сан-Фернандо уже нельзя было достать огнестрельного оружия. Точно так же, как и боеприпасов.

В туристических магазинах было распродано все: походные ботинки, съестные припасы, рыболовные принадлежности. (Крючки — полностью, искусственная наживка еще оставалась. Да и то лишь дорогая американская; дешевой, индийского производства, уже не было.) Не было ни палаток, ни спальных мешков. Даже спасательные жилеты и те исчезли! Когда сие дошло до Гарви, он невесело ухмыльнулся. Ему никогда не доводилось видеть цунами, зато случалось читать о них. После извержения Кракатау гигантская волна выбросила голландскую канонерскую лодку на многие мили в глубь материка. И корабль оказался на суше — на высоте в двести футов.

В течение последних нескольких недель получила распространение новая форма продажи товаров по почте: рассылка «пакетов выживания». Сейчас, когда до дня падения Молота осталось совсем немного, заказы на «пакеты выживания» перестали приниматься. И поступать заказчикам, разумеется, тоже. А может быть (просто предположим), их, эти заказы, и не намерены отправлять покупателям? Ну-ка, разберемся. «Пакеты выживания» продаются четырьмя компаниями. Заплатив от пятидесяти до шестнадцати тысяч долларов, заказчик может получить «пакеты» различного достоинства: от обычного запаса пищевых продуктов до целого набора спасательного оборудования. Пища — такая, что может долго храниться, не портясь, и обеспечивающая более или менее сбалансированную диету (Какая там религиозная секта требует от своих последователей, чтобы у них всегда был годовой запас продовольствия? Эта секта возникла в шестидесятых годах. Гарви сделал в памяти очередную зарубку. Надо будет провести интервью с членами секты — после того как минует день падения Молота.).

В дешевые «пакеты» входили только пищевые припасы. А далее — по нарастающей, вплоть до шестнадцатитысячных «пакетов», куда входят вездеход, различная одежда (даже теплое белье), мачете, спальный мешок, газовая плита с баллонами, надувная лодка,— в этот «пакет» входит почти все. Входит даже членство в «Клубе выживания»: покупателю, если он сможет своим ходом добраться

туда, гарантируется место где-то в скалах. «Пакеты», продаваемые различными компаниями, несколько отличались друг от друга, но ни одна из этих четырех компаний не включила в свой «пакет» огнестрельное оружие. (Поблагодарим за это Ли Харви Освальда. Почтовые заказы на огнестрельное оружие запрещены. И спасет ли этот запрет какое-то количество людей или, наоборот, погубит, зависит от того, столкнется ли Молот с Землей или нет.)

Все четыре компании продавали снаряжение, одинаковое в том отношении, что оно способно помочь выжить человеку, где бы он ни оказался — в горах, на побережье, на равнине. Гарви усмехнулся. «Кавеат емптор». Все это на самом деле лишь дорогостоящий хлам. Господи, какие же люди все-таки дураки...

Машин, действительно, сегодня на улицах очень мало, и Гарви ехал быстро. Он уже добрался до Мулхолланда. Внизу расстилалась долина Сан-Фернандо. Дул сильный ветер, и смога не было.

Долина тянулась на мили и мили. Ряд за рядом стояли пригородные дома, принадлежащие к богатым районам. Сравнительно новые, покрытые штукатуркой дома, и дома старые, деревянные. И пышные, в стиле «Монтре», дома — последние остатки того времени, когда вся долина была покрыта сплошными рощами апельсиновых деревьев. И возле каждого такого дома — бассейн. Четко очерченные границы долины были перерезаны автострадами. Автомобилей мало.

Уже четвертый день подряд из долины уходило больше автомашин, чем приходило. Легковушки, грузовики, взятые напрокат трейлеры, нагруженные так, чтобы хватило до конца жизни,— все эти машины двигались в одном направлении: от океана к высящимся вдали горам. Через перевалы к Сан-Иоаквину. По всему Лос-Анджелесу магазины прекращали торговлю — может быть, на неделю, может быть, на месяц, может быть, навсегда. А в тех, что продолжали торговать, дела шли более чем неважно: служащие без объяснения причин не выходили на работу. Страх Молота.

Уличное движение по Бенедикт-каньону почти полностью прекратилось. Гарви кудахтающе хихикнул. Те, кто едет — возвращаются с работы домой, но и в их сердцах поселился страх Молота. Страх Молота заставляет искать прибежища в горах, небывалый страх заполнил всю страну. Министерство финансов встревожено: побиты все рекорды покупок потребительских товаров в кредит. Спасательное снаряжение покупается, а расчет производится с помощью кредитных карточек. Занятость растет, экономика на подъеме, инфляция растет — и все из-за кометы.

Похоже, сюжет получается тот еще.

Хороший сюжет — если только эта чертова штука действительно не столкнется с Землей. И только сейчас до Гарви дошло: если

Молот ударит, этот сюжет и гроша не будет стоить. Потому что не будет уже телепрограмм. Не будет телевидения. Ничего не будет.

Гарви покачал головой. Глянул на сверток, лежащий рядом, на пассажирском сиденье, и улыбка его увяла. Этот сверток — знак его компромисса со страхом Молота: там лежал спортивный пистолет двадцать второго калибра. Пистолет с резной деревянной рукояткой, удобно ложащейся в ладонь, с захватом для запястья, чтобы пистолет при стрельбе оставался устойчивым. Стреляет этот пистолет исключительно точно. Но никто не сможет, увидев эту штуку, догадаться и завопить: «Смотрите, старина Гарв тоже подцепил страх Молота!»

Но может быть, мне не следует так остро переживать все это, подумал Гарви. И мысленно начал инвентаризацию.

У него есть дробовик. Туристское снаряжение тоже есть — но лишь для самого Гарви. Нелепо даже подумать, что Лоретта способна нести рюкзак. Однажды Гарви взял ее с собой в пеший поход — и этого хватило раз и навсегда. Сохранились ли еще туристские ботинки, которые она тогда надевала? Вероятно, нет. Лоретта не мыслит своего существования на расстоянии более пяти миль от ближайшего косметического кабинета.

А ведь я люблю ее, твердо сказал он себе. Когда мне угодно, я могу разыгрывать из себя сурового бродягу, но я достаточно вежлив, чтобы возвращаться обратно. И тут же непроизвольно вспомнил о Маурин Джеллисон, как она стояла там, наверху скалы, у расщелины, и ее длинные рыжие волосы летели по ветру. Гарви безжалостно запихнул воспоминание обратно в глубины памяти, где и оставил.

«Так что я могу сделать?— подумал Гарви.— Хоть в какой-то мере я подготовлен? Запасы продовольствия?.. Ладно, тут я могу пойти на компромисс. Консервы. Во всяком случае, этим я защищаю себя от инфляции. Если что, консервы помогут нам выжить... а когда эта треклятая комета пройдет мимо, мы сможем их съесть. Вода в бутылках... нет. Воды не нужно: есть ручей, и на них двоих хватит. На этой неделе я буду продолжать свои изыскания; возможно, мне дадут прибавку к зарплате».

Он выехал на ведущую к его дому дорогу и резко затормозил. Там стоял легковой автомобиль и около него Лоретта, заносящая в дом пакеты и свертки. Гарви вылез и начал автоматически помогать Лоретте. До него не сразу дошло, что то, что он носит — пакет за пакетом,— это замороженные продукты.

— Что это?— спросил он.

Слегка запыхавшаяся Лоретта положила очередной сверток на кухонный стол.

— Не сердись, Гарв. Я не смогла больше этого вынести. Все говорят... ну, говорят, что комета столкнется с Землей. Вот я и купила продуктов — просто на всякий случай.

— Замороженные продукты.

— Да. Консервов уже, считай, не было. Надеюсь, мы сможем запихать все это в холодильник,— она с сомнением обозрела кучу пакетов.— Не знаю. То, что было в холодильнике раньше, нам придется съесть. За пару дней.

О-ха-ха! Замороженные продукты, Господи Боже. Она считает, что в случае столкновения с Молотом с электролиниями ничего не случится? Но, разумеется, именно так она и считает. Гарви промолчал. Лоретта самостоятельно пришла к тому же выводу, что и он, но, купив не консервы, а замороженные продукты, вероятно, потратила меньше денег. Если Молот не ударит в Землю, значит, она сэкономила. А Молот не ударит. Но если он все-таки ударит... ладно, тогда деньги вообще потеряют цену.

— Ты правильно сделала,— сказал Гарви и поцеловал Лоретту. И пошел за оставшимися пакетами.

— Эй, Гарви!

— Привет, Горди,— отозвался Гарви и подошел к забору.

Горди Ванс держал в руке бутылку пива.

— Это для вас,— сказал он.— Я видел, как вы подъехали.

— Спасибо. Хотите о чем-нибудь побеседовать со мной?— в глубине души Гарви надеялся, что именно этого Горди и хочется. В течение нескольких последних недель Ванс был не похож на самого себя. Что-то здорово его тревожило. Гарви ощущал это, хотя и не знал, что конкретно встревожило Горди. И не показывал соседу, что он чувствует его тревогу.

— Где вы собираетесь провести следующий вторник?— спросил Горди.

Гарви пожал плечами:

— Наверное, где-нибудь в Лос-Анджелесе. Мы сейчас готовим передачу, которая будет транслироваться на всю страну.

— Значит, работа,— сказал Горди.— А вы не хотите попутешествовать? Сейчас в горах хорошо. Я-то на следующей неделе работать не собираюсь.

— Господи Боже,— сказал Гарви,— но я не...

— А почему нет? Вы действительно хотите застрять здесь, когда наступит конец света?

— Это не будет концом света,— машинально сказал Гарви. Заметил, как блеснули глаза Ванса.— А вот если Молот не ударит и я не засниму всего этого, вот тогда-то и будет конец. Мне. И этого нельзя допустить, Горди. Господи, как бы мне хотелось быть подальше отсюда, но — нет.

— Понимаю,— сказал Ванс.— Тогда одолжите мне вашего сына.

— Что?

— В том, что я предлагаю, есть смысл, а?— сказал Ванс.— Предположим, что эта штука нас все-таки стукнет. Если в это время

Энди окажется вместе со мной в горах, шансов спастись у него будет гораздо больше. Ну, а если не стукнет... что ж, ну зачем ему пропускать хороший турпоход? Чтобы, ничего не делая, болтаться здесь, в смоге Лос-Анджелеса? Итак?

— Да, в вашем предложении есть немалый смысл,— сказал Гарви.— Но... Куда вы намереваетесь отправиться? Я имею в виду вот что: если что-нибудь случится, где мне искать вас и Энди?

Лицо Ванса стало очень серьезным:

— Вы достаточно хорошо понимаете, чему равны ваши шансы спастись, если комета ударит, а вы в это время будете в Лос-Анджелесе...

— Да. Шансов ни малейших,— сказал Гарви.

— ...а кроме того, я собираюсь отправиться как раз туда, куда вам давно хотелось пойти в турпоход. Мы выйдем из Осин и направимся к старому доброму Серебряному Ранцу. Там горы достаточно низкие, чтобы можно было спуститься, если начнется непогода, и достаточно высокие, чтобы мы чувствовали себя в безопасности... что бы ни произошло. Ведь все может случиться, а?

— Конечно. Вы беседовали с Энди на эту тему?

— Да. Он сказал, что, если вы согласитесь, ему хотелось бы пойти с нами.

— А кто еще идет с вами?

— Только я и еще семь мальчиков,— сказал Горди.— Мария не сможет: должна продолжать свою благотворительную деятельность.

В одном лишь Гарви завидовал Горди Вансу: Мария Ванс любила ходить в турпоходы. Но с другой стороны, в городе, а не на природе, с ней было не так уж легко.

— Следовательно, по скаутским правилам, мы девочек с собой взять не можем,— продолжал говорить Горди.— А еще кто бы мог и хотел пойти с нами... скажу честно, они просто не годятся для этого предприятия. Черт возьми, Гарви, вы хорошо знаете район, куда мы хотим направиться. Мы бы там прекрасно устроились.

Гарви кивнул. Поход по тем местам не представляет опасности. Хороший район.

— Вы правы,— сказал он. Отпил еще пива.— У вас все в порядке, Горди?— вдруг спросил он.

Выражение лица Ванса, хоть он пытался это скрыть, чуть изменилось.

— Конечно. Почему это со мной что-то должно быть не в порядке?

— В последнее время вы не очень хорошо выглядели.

— Работа,— объяснил Ванс.— В последнее время было слишком много работы. Этот поход приведет все в норму.

— Хорошо,— сказал Гарви.

* * *

Душ — это здорово. Горячая вода лилась, стекая по шее, а он думал: «Слишком поздно». Благоразумный и хладнокровный человек держался бы до конца, зная, что вероятность все еще — одна сотая, может быть, одна тысячная. Зная, что вероятность слишком мала, паникер уже закупил припасы и снаряжение и удрал в горы. А есть и такие — благоразумные и предусмотрительные, вроде Горди Ванса. Люди, уже за месяцы до дня мороженого запланировавшие свой турпоход. Эти люди теперь имеют право утверждать, что не намерены из-за кометы портить себе отпуск,— и тем не менее ко дню мороженого они окажутся именно в горах.

Но были и есть колеблющиеся. Должно быть, их десятки миллионов, и Гарв Рэнделл — один из них. Взгляните-ка теперь на него: он слишком поздно осознал, что ему страшно, и ничего-то он не делает — просто ждет. Через пять дней ядро Хамнера–Брауна минует Землю и полетит дальше — в непостижимую для человека область ледяного космоса, за пределы Солнечной системы, туда, где уже нет планет...

Или не минует.

— Должно же быть что-то,— сквозь шум душа сказал самому себе Гарви,— что-то, что я смог бы сделать. Ну, а если... что тогда? Если этот проклятый ком перемешанного с грязью снега положит конец нашей блестящей цивилизации и хваленой промышленности... о'кей, тогда вернемся к самому началу. Ешь, спи, сражайся, пей, убегай. Необязательно именно в названном порядке. Правильно?

Правильно.

* * *

В пятницу Гарви Рэнделл устроил себе выходной. Позвонил, что заболел, и, к его величайшей радости, трубку снял Марк Ческу.

Марк был явно недостаточно вежлив, чтобы удержаться от вопросов:

— Страх Молота, Гарв?

— Нельзя ли полегче на поворотах?

— О'кей. У меня тут появились некоторые планы. Встречусь с парой друзей, и мы отправимся в одно прекрасное место, где безопасно. Давайте забудем то, что я сказал вам. Мне не хочется быть где-то здесь, когда настанет день порции мороженого... того самого, которое свалится на нас во вторник на следующей неделе. Хотите, мы потом завалимся к вам... смотря как сложатся дела?

Ответа Марк не дождался, ибо Гарви Рэнделл повесил трубку.

Рэнделл отправился в торговый центр. Отобрал придирчиво, что ему надо, купил — и расплачивался только с помощью кредитных карточек или чеков.

В супермаркете им было куплено шесть огромных кусков мяса общим весом двадцать восемь фунтов. Заодно он скупил чуть не половину имевшихся в продаже витаминов, пищевых приправ и соды для выпечки хлеба.

В продовольственном магазине (двумя домами дальше) он купил еще витамины и склянки с приправами. И купил изрядное количество соли и перца. И три мельницы для перемолки перца.

В магазине, расположенном в следующем доме, он купил неплохой набор ножей для нарезания мяса. Уже год, как ему хотелось купить новые кухонные ножи. Еще он купил точильный камень и ручное точило для ножей.

Здесь же продавались инструментальные наборы. Гарви уже не первый год хотел купить такой набор и решил, что сейчас для этого как раз подходящее время. А поскольку он уже все равно оказался в магазине скобяных и металлических изделий, Гарви еще набрал для себя всякой мелочи. В том числе пластмассовые запчасти для водопровода и простенькое приспособление для нарезки резьбы в железных трубах. Если... что-либо случится, все это может оказаться полезным. А если ничего не случится, эти вещи все равно могут пригодиться, их хорошо иметь дома, под рукой. Жаль, что в магазине не было походных плит для приготовления пищи, но продавец хорошо знал Гарви, и благодаря его любезности Гарви смог приобрести четыре ручных электрических фонаря с ручной динамкой и два колемановских фонаря (как раз только что поступили в продажу), а к ним — четыре галлона колемановского горючего. Под конец продавец понимающе взглянул на Гарви, Гарви понял, что означает этот взгляд.

В винном магазине Гарви потратил сто девяносто три доллара: покупал все, что попадалось ему на глаза. Галлонами набирал водку, бурбон и шотландское виски. И «Гранд Маринер», и «Драмбуйе», и прочие редкостные и дорогостоящие напитки. Загрузил всем этим багажник и снова вернулся в магазин, чтобы купить еще «Перриер уотер». Расплатился он с помощью кредитной карточки — и снова поймал на себе понимающий взгляд продавца.

— Я готов к приему этой чертовой гостьи,— сказал Гарви Киплингу. Пес замотал хвостом по сиденью. Ему нравилось всюду сопровождать Гарви, но происходило это не так часто, как ему бы хотелось. Пес смотрел, как его хозяин ходит от одного магазина к другому. В аптеку, чтобы купить там снотворные таблетки, и еще витаминов, и йод, и мазь от ожогов, последнюю оставшуюся в продаже коробку с бинтами. И снова в продуктовый магазин, чтобы купить запас еды для собаки. И снова в аптеку — за мылом, шам-

пунем, зубной пастой, новыми зубными щетками, кремом для кожи, примочками, лосьоном для загара...

— Где же нам следует остановиться?— спросил Гарви. Пес лизнул его в лицо.— Нужно же где-нибудь остановиться. Господи Боже, никогда я прежде не размышлял, какие благодеяния несет нам наша цивилизация, но, оказывается, есть множество вещей, без которых я просто не мыслю своего существования.

* * *

Гарви отвез покупки домой. Потом снова спустился с холма, чтобы забрать вездеход у механика, обычно обслуживающего эту машину. Не будь Гарви очень старым и высоко ценимым клиентом, никогда бы ему не добиться, чтобы его машину отрегулировали, сменили смазку, полностью подготовили ее к работе. Уже неделю гараж не принимал новые заказы на работу. Дюжины машин стояли в гараже и ждали, когда за них, наконец, примутся, и у каждой работа была неотложная, спешная.

Но как бы то ни было, Гарви получил свой вездеход и заполнил оба бака горючим. Кроме того, он полностью заполнил запасные канистры, но для этого ему пришлось объехать три бензоколонки. В Лос-Анджелесе, пусть и неофициально, было введено рационирование бензина.

После ленча для Гарви настала пора той же работы. Двадцать восемь фунтов мяса нужно было разрезать на тонкие ломтики. Именно тонкие! Новые ножи были хороши, но, когда настало время обеда, работа еще не была закончена, а руки Гарви уже свела судорога.

— На следующие три дня духовка — моя,— объявил Гарви.

— Комета столкнется с нами,— твердо сказала Лоретта.— Я это знаю.

— Нет. Шансы на столкновение — один против сотен, тысяч.

— А тогда зачем это?— спросила Лоретта, попав в самую точку.— Моя кухня просто завалена разрезанным на кусочки сырым мясом. Завалена.

— Просто на всякий случай,— сказал Гарви.— Про запас. А если нам оно не понадобится, его сможет взять в поход Энди.— И снова занялся своей работой.

Индейский способ приготовления вяленого мяса — не из самых легких и лучших. Индейцы вялили мясо над слабым огнем либо, если летом, на солнце и не особо заботились о качестве получившегося продукта. Гораздо лучше использовать современную кухонную плиту, доведя температуру в духовке до 100—120 градусов. Мясо, нарезанное тонкими полосками, надо оставить в духовке на двадцать четыре часа. Отнюдь не имеется в виду, что таким образом

мясо окажется готовым к употреблению, нет, имеется в виду, что оно будет как следует высушено. Хорошее вяленое мясо должно быть абсолютно обезвоженным и твердым, как кость. Если заострить кончик ломтя такого мяса, то им можно убить человека. А хранить его можно практически вечно.

Только вяленым мясом долго питаться невозможно. Если сдобрить эту диету витаминами, то на нем можно протянуть гораздо дольше. Но все равно — безрадостно, скучно. Итак? Но если Молот ударит, умирать главным образом будут отнюдь не от скуки...

Что касается углеводов, то у Гарви есть овсяная крупа. Похоже, больше никто в Биверли-Хиллз об углеводах не вспомнил. А крупа есть еще в нескольких магазинах. Кроме того, Гарви обнаружил, что у него есть мешок кукурузной муки. Жаль, нет пшеничной или ржаной муки...

Жир, срезанный с мяса, Гарви вбил в пеммикан. Добавил туда чуть сахара (сахара в доме много), соли, перца. Для вкуса подмешал уоркерстерширского соуса. Итак, можно считать, что частично мясо уже приготовлено. Добавил туда еще жира, вытопленного из помещенного в духовку мяса. Частью жира обмазал копченую грудинку. Жир, покрывающий грудинку, защищает ее от воздуха. Грудинка теперь может долго храниться, не протухая.

С едой — достаточно, решил Гарви. На очереди вода. Он вышел к плавательному бассейну. Прошлой ночью Гарви поставил его на осушку. Сейчас бассейн был почти сух, и Гарви начал заполнять его снова. Хлор на этот раз в воду он добавлять не стал. Когда бассейн заполнился, Гарви накрыл его крышкой, чтобы предохранить от попадания листьев и грязи.

Воды для питья тут хватит надолго, подумал он. Кроме того, есть емкости водоподогревателя. Кроме того... он порылся в гараже и нашел несколько старых пластмассовых бутылок. В нескольких бутылках раньше хранилась хлорная известь, и они еще сохраняли запах. Отлично. Не промывая, Гарви заполнил их водой. Остальные бутылки он тщательно вымыл. Теперь, если даже в бассейне не останется воды, какой-то запас ее есть.

Ешь, пей. Что там дальше? Спи. Ну, с этим затруднений не будет. Гарви Рэнделл никогда ничего не выбрасывал, и, помимо обычного туристского спального мешка, у него были: армейский, спальный мешок облегченного типа для полярных условий, спальный мешок с подкладкой и старый спальный мешок Энди. Имелся даже спальный мешок, который он купил для того единственного раза, когда Лоретта попыталась принять участие в турпоходе. Гарви собрал все мешки, вытащил их наружу и развесил на бельевой веревке. Солнечное тепло и свет. Простейший и наиболее эффективный из известных человеку способов использования солнечной энергии. Вывешенная на открытый воздух одежда сохнет лучше,

чем в электрических или газовых сушилках. Разумеется, лишь немногие из «защитников окружающей среды» сушат свою одежду или белье именно таким образом: они слишком заняты, прыгая вокруг этой самой среды. А ведь я пристрастен. Почему?

Потому что я заразился страхом Молота, и моя жена это знает. Лоретта думает, что я схожу с ума. Я пугаю ее. Она решила, что я твердо уверовал, что столкновение неизбежно.

И чем дальше продвигалась подготовка Гарви к удару Молота, тем этот удар становился для него реальнее. Я уже пугаю сам себя, подумал он. Надо не забыть об этом, когда я буду писать свою книгу. «Страх Молота»...

— Эй, цыпленок...

— Что, милый?

— Не гляди на меня так встревоженно. Я провожу исследование.

— Какое исследование?— и Лоретта принесла ему пива.

— Я изучаю проблему «страх Молота». Собираюсь написать на эту тему книгу — после того как комета пройдет мимо. Так что все это — работа. Возможно даже, у меня получится бестселлер.

— Вот как. Замечательно, если у тебя появится книга. Люди относятся к авторам книг уважительно.

Верно, подумал Гарви, этого уважения они заслуживают — иногда. О'кей. Теперь проблемы «есть», «спать» и «пить» разрешены. Остались «сражаться» и «убегать».

Сражаться. С этим хуже. В глубине души Гарви не доверял огнестрельному оружию. Значит, либо дробовик, либо спортивный пистолет. Никакое огнестрельное оружие не внушает Гарви Рэнделлу подлинного доверия. И неважно, насколько это оружие может оказаться полезным для других. Как и неважно, насколько искусным может оказаться он сам, Гарви, во владении этим оружием. А вообще во время войны Гарви Рэнделл был не солдатом, а военным корреспондентом.

Но есть такое оружие: подкуп. Я могу без затруднений закупить достаточное количество спиртных напитков и пряностей. Буду держаться именно этой политики: то, что для нас сейчас обыденно и привычно, через несколько лет станет предметом роскоши, напитки и пряности сделаются буквально бесценными. В течение столетий по всей Европе цена черного перца оставалась примерно на одном и том же уровне. Перец продавался за золото по весу — унция за унцию. А ведь никому не пришла в голову мысль обеспечить себя запасами перца.

Гарви почувствовал гордость, он гордился своей идеей.

Итак. Остается «убегать». Вездеход приведен в наилучшее состояние, какое только возможно. Какого только я смог добиться. Если что, наверх можно будет погрузить мотоциклы. И впереди еще есть воскресенье, чтобы сделать то, о чем я раньше не догадался.

Гарви вернулся в дом. Он был выжат досуха, вымотался, но чувствовал удовлетворение. Он еще не полностью подготовился, но по крайней мере имеет право считать, что определенная подготовка уже произведена. И подготовился он много лучше подавляющего большинства остальных. Лоретта еще не легла спать — ждала. Встречая его, она вышла из своей комнаты. Она не стала его ни о чем спрашивать. Она просто гладила его, понимая, что большая близость сейчас излишня. И Гарви, убаюканный ее ласками, уснул.

Проваливаясь в сон, он думал о том, как сильно любит ее.

ИЮЛЬ: четыре

Земля — слишком маленькая и хрупкая корзина,
чтобы человечество складывало в нее все яйца.
Роберт А. Хайнлайн

Внизу, на Земле, царила ночь. Но на борту время измерялось по часам, а не по смене света и тьмы. Через каждые девяносто минут «Молотлэб» выходил из полосы дня в полосу ночи или наоборот.

С краю планеты виднелась Европа, сплошь испещренная огнями городов. Черная поверхность Атлантического океана занимала половину неба, скрывая за собой ядро и оболочку кометы Хамнера–Брауна. А если посмотреть в противоположном направлении, были видны звезды, сверкающие сквозь тонкую дымку. Из-за планеты со всех сторон — куда ни посмотришь — был виден хвост кометы. Хвост обтекал черную Землю — светящиеся голубые, оранжевые и зеленые струи, льющиеся вверх, к наивысшей точке усеянного звездами темного купола неба. Вдали и сбоку, в переплетении неровно колышущихся волн, плыл полумесяц — словно бриллиант в обрамлении снопов ракетного пламени. Любоваться этим зрелищем можно было бы бесконечно.

Работу пришлось прервать: настало время обеда. Все внимание Рика Деланти было поглощено развертывающимся за окном ослепительным зрелищем, но он ел много. Все участники полета (как и полагается) потеряли свой вес, но все же Рик, как никто иной, за время своей вынужденной голодовки потерял девять фунтов, и сейчас он старался наверстать упущенное. (Это было бы великим достижением — изобрести прибор, измеряющий потерю веса человека, находящегося в состоянии невесомости.)

— Раз у человека есть здоровье,— сказал Рик,— у него есть абсолютно все. Ох и здорово, когда тебя не рвет.

Он уловил, какой удивленный взгляд бросили на него советские

космонавты: им никогда не приходилось видеть американских телевизионных рекламных фильмов. А Бейкер проигнорировал Рика.

Где-то в дальнем конце мира — огненный взрыв: взошло Солнце. Рик на несколько мгновений закрыл глаза, а когда открыл их, увидел протянувшуюся к кораблю голубовато-белую радугу. Вчерашний ураган еще бушевал над Индийским океаном — распялился, словно морское чудовище, как их изображали на старинных картах. Тифон... по имени Хильда. Вдали слева виднелся Эверест, виден был горный массив Гималаев.

— Вот это зрелище, мне никогда бы не надоело любоваться им.

— Да,— Леонилла тоже подошла к иллюминатору, встала рядом с Риком.— Отсюда все кажется таким маленьким, хрупким. Будто я могу высунуться и... провести пальцем, а на планете останется полоса шириной в сотни километров. Полоса, где все уничтожено. Неприятное ощущение.

— Не забудьте этого ощущения. Земля, действительно, маленькая и хрупкая,— сказал Джонни Бейкер.

— Вас тревожит комета?— Было трудно понять выражение, появившееся на лице Леониллы. Русское лицо, как и русский язык — не то же самое, что лица и язык американцев.

— Да забудьте вы о комете. Как вы знаете, мы уязвимы, очень уязвимы, нам угрожают гораздо большие опасности,— сказал Джонни.— Вспыхнувшая поблизости новая звезда может полностью стерилизовать Землю, уцелеют разве что бактерии. Или, скажем, может взорваться Солнце. Или может вдруг остыть. Или вся наша галактика может превратиться в галактику Сейферта, и все живое будет уничтожено. Убито.

Леонилла рассмеялась:

— Ну, об этом можно не беспокоиться еще тридцать три тысячи лет. Как вам известно, есть такое понятие, как скорость света.

Джонни пожал плечами:

— Хорошо, взрыв произошел тридцать две тысячи девятьсот лет назад. Или: мы и сами можем уничтожить все живое. Химическое загрязнение убьет океан, а тепловое загрязнение...

— Подожди,— сказал Рик.— Тепловое загрязнение, возможно, всего лишь уберегает нас от оледенения. Некоторые полагают, что очередной ледниковый период начался уже несколько столетий назад. Но имеющиеся запасы угля и нефти истощаются.

— Черта с два! Ты меня не переспоришь.

— Атомная война. Столкновение с гигантским метеоритом. Сверхзвуковые самолеты, уничтожающие защитный слой озона,— сказал Петр Яков.— Зачем только мы это делаем?

— Потому что там, внизу, мы не чувствуем себя в безопасности,— сказал Бейкер.

— Земля большая и не настолько уязвима, как кажется,— ска-

зала Леонилла.— Но присущая человеку изобретательность... вот это меня иногда пугает.

— Существует только один выход,— сказал Бейкер. Сказал это очень серьезно.— Нужно выйти за установленные границы. Колонизовать планеты. Не только ближайшие планеты, но и планеты в других звездных системах. Надо построить огромные космические корабли. Разложить наши яйца во множество корзин. Но это менее вероятно, чем то, что раньше произойдет какая-нибудь проклятая, идиотская случайность... что какой-нибудь фанатик... что произойдет что-то, что уничтожит нас. Полностью. Уничтожит всю человеческую расу. И этим «чем-то» мы начинаем потихонечку восхищаться!..

— Чем же тут восхищаться?— сказал Яков.— Мне кажется, что вы и я во многом стоим на различных точках зрения. Но если вы выдвинете свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов, моя поддержка вам обеспечена. Я произнесу множество речей, восхваляя вас... но вот голосовать мне не позволят.

— А жаль,— сказал Джонни Бейкер, и на мгновение ему вспомнилась судьба Джона Гленна, который занялся политической деятельностью и добился своего.— Пора снова заняться нашей каторжной работой. Кто сегодня выходит брать пробы?

* * *

До встречи с ядром Хамнера–Брауна осталось тридцать часов. В телескоп ядро казалось скоплением мелких крупинок, между крупинками — большие пространства пустоты. Ученые из ИРД не переставали восторгаться, но Бейкеру и остальным космонавтам все это уже осточертело. Поскольку все вокруг затопило вещество хвоста, допплерово смещение для твердых тел становилось определить все труднее. Подгоняемые давлением солнечного света, газ и пылевые частицы мчались прочь от ядра. Мчались с чудовищными скоростями. Комета приближалась к Земле со скоростью около пятидесяти миль в секунду. Обнаружить ее боковое смещение было еще труднее, чем поступательное.

— По-прежнему идет прямо на нас,— сообщил Бейкер.

— Наверняка есть какое-то смещение в сторону,— сказал микрофон голосом Дана Форрестера.

— Конечно, но определить его мы не можем,— сказал Рик Деланти.— Послушайте, док, мы делаем все, что в наших силах. И результаты передаем вам... должен же быть какой-то полезный выход.

Форрестер тут же принялся извиняться:

— Извините, я знаю, что вы делаете все, что в ваших силах. Просто очень трудно определить проекционную кривую, не имея достаточно точных данных.

А затем пришлось потратить пять минут, гладя Форрестера по шерстке и уверяя, что никто на него не сердится.

— Бывают минуты, когда я чувствую, что эти гении доведут меня до сумасшедшего дома,— сказал Джонни Бейкер.

— Простейший способ утихомирить их — это дать им то, что они требуют,— сказал Деланти.— Никто не слышал, чтобы он выражал недовольство результатами *моих* наблюдений.

— Знаешь, куда тебе следует их запихать?— спросил Бейкер.

Деланти перевел на него свой взгляд.

— Куда?— И поплыл к Бейкеру.— Вот что, я их представлю в цифровой форме и отпечатаю. А ты дай себе труд просто прочесть их.

Когда утренние наблюдения были закончены и появилась короткая возможность передохнуть, Петр Яков покашлял с извиняющейся интонацией.

— У меня есть вопрос,— сказал он.— Мне его давно уже хотелось задать. Пожалуйста, не поймите меня неправильно.

Джонни сообразил, что Петр не торопился задать свой вопрос до тех пор, пока Леонилла не уйдет в «Союз» и не прикроет плотно за собой крышку люка.

— Конечно. Смелее.

Петр переводил взгляд с одного американца на другого и обратно.

— В наших газетах утверждается, что в Америке черные служат белым, что белые командуют черными. Но мне кажется, что вы сработались друг с другом очень неплохо. В общем, прямо говоря, вы считаете себя равными?

Рик фыркнул:

— Нет, черт побери. У него более высокий чин.

— Но в остальных отношениях?— настаивал Петр.

Лицо Рика казалось вполне серьезным, но только не для американца.

— Генерал Бейкер, могу я быть вам ровней?

— А? Ну конечно, Рик, конечно, ты можешь быть мне ровней. Почему ты не желаешь говорить прямо?

— Ну, это такой деликатный предмет...

Выражение лица Петра Якова изменилось. Но прежде, чем он успел взорваться, Джонни спросил:

— Вы действительно хотите, чтобы я вам всерьез объяснил, как у нас обстоят дела с межрасовыми отношениями?

— Если это вас не затруднит.

— Как Леонилла ухитряется мочиться в состоянии невесомости?

— Гм... Я помогаю.

— Помогаете в чем?— Извиваясь всем телом, Леонилла лезла обратно через люк.

— У нас тут маленькая дискуссия,— сказал Джонни.— Не включающая обсуждение государственных секретов.

Леонилла щелкнула запором и испытующе посмотрела на троих мужчин. Джон Бейкер стучал по клавишам карманного компьютера с ручным программированием. Петр Яков широко улыбался, наблюдая за его действиями с нескрываемым восхищением... но все трое улыбались широкой, раздражающей постороннего улыбкой — улыбкой «а я что-то знаю».

— Вас снабдили хорошей техникой,— сказал русский космонавт.— Поэтому здесь, в космосе, мы кое в чем отстаем от вас.

У Деланти было, похоже, что-то не в порядке с дыханием.

— О, этот карманный компьютер не принадлежит НАСА,— быстро сказал Бейкер.— Он мой.

— Вот как? И дорого он стоит?

— Пару сотен долларов,— сказал Бейкер.— Гм, в рублях это получается много, а вот если подсчитать, сколько человеку нужно работать, чтобы купить его, выходит поменьше. Пожалуй, недельный заработок среднего служащего. Для того, кому действительно нужен такой компьютер, это недорого.

— Если б у меня были деньги, сколько бы мне пришлось ждать, чтобы купить его?— спросила Леонилла.

— Примерно пять минут,— сказал Бейкер.— В магазине там, внизу, на Земле. Если вы совершаете покупку, находясь здесь, это займет несколько больше.

Леонилла рассмеялась:

— Я имела в виду — внизу... Их можно... вот такие... просто купить в магазине?

— Если у вас есть деньги. Или вы пользуетесь кредитом. Впрочем, кредит может быть и не совсем надежным,— объяснил Бейкер.— Ну так что? Вам нужен такой компьютер? Черт возьми, мы изыщем возможность, чтобы он у вас был. Вам тоже нужен, Петр?

— Это действительно возможно?

— Конечно. Это нетрудно,— сказал Бейкер.— Я свяжусь с человеком из отдела по связям с общественностью из «Приборов Техаса». Вам будет вручена пара таких компьютеров. Для «Приборов Техаса» это послужит хорошей рекламой. После этого торговля у них пойдет лучше. Но может, вам бы больше хотелось иметь компьютеры «Хьюлет-Паккард»? У них несколько иная система обозначений, но зато они более скоростные...

— Вот что меня смущает,— сказал Петр,— две различные компании, производящие равно великолепную технику. Соперничающие между собой компании. По-моему, это расточительство.

— Может быть, и расточительство,— сказал Рик Деланти.— Но зато я могу пойти в любой магазин электронного оборудования и свободно купить компьютер, который мне нравится.

— Никакой политики,— предупредил Джонни Бейкер.

— Здесь нет никакой политики.

Воцарилась неловкая тишина. Петр Яков подплыл к камере, снимающей в ультрафиолетовом свете, ласково погладил ее.

— Какая точная. Какая сложная, и все на электронике. С вашей американской техникой действительно приятно работать.— Он обвел рукой «Молотлэб», заполненный контейнерами с растущими кристаллами, съемочными камерами, радарами и записывающими приборами.— Просто удивляет, как много нового мы узнали за время этого недолгого совместного полета. Узнали благодаря вашему великолепному оборудованию. Так много узнали, как, я думаю, не удалось ни одному из предыдущих «Союзов».

— Много?— Голос Леониллы Малик звучал саркастически.— Много. И даже больше, чем вы имели в виду.— Голос ее был пронизан такой горечью, что все трое мужчин застыли в изумлении.— Наши космонавты совершают полет ради полета. Они летят в качестве пассажиров, просто чтобы доказать, что мы способны посылать людей в космос и что некоторые из них могут даже вернуться на Землю живыми. Все, что мы дали для этого полета,— это лишь пища, вода и кислород для экипажа... и добавили еще один корабль к вашим двум.

— Он необходим был для этой экспедиции, ваш корабль,— сказал Рик Деланти.— У вас тоже очень хороший корабль.

— Да, но этим и ограничивается наш вклад в экспедицию. А поскольку мы развиваем программу космических исследований...

Яков прервал ее, быстро сказав что-то по-русски. Он говорил слишком быстро, чтобы Джонни и Рик могли разобрать сказанное, но общий смысл был очевиден.

Леонилла ответила одним словом — коротким, резким, и затем продолжала:

— Марксизм в качестве своей основы берет объективную реальность, не так ли? Мы развиваем свою программу космических исследований. Сергей Королев был одним из величайших гениев за всю историю человечества! Он мог превратить нашу программу исследований космоса в могущественнейшее средство познания мира, но этим психам из Кремля хотелось эффектного! Хрущев приказал начать представление — ему хотелось посрамить американцев. И вместо того чтобы продвигаться вперед, развивать свои возможности, мы начали демонстрировать миру цирковые трюки! Мы первыми вывели одновременно трех человек на орбиту... но для этого из корабля пришлось выкинуть все научно-исследовательское оборудование! И лишь после того, как оно было выкинуто, в корабль удалось впихнуть третьего члена экипажа. Человека очень маленького роста... И все это ради одного полета на орбите! Цирковое представле-

ние! Мы могли бы первыми совершить высадку на Луну, но пока что мы все еще лишь готовимся к такому полету!

— Товарищ Малик!

Леонилла пожала плечами.

— Вы услышали что-нибудь новое? Нет. Полагаю, что нет. Мы продолжали давать эффектные представления, пользовались каждым удобным случаем, лишь бы о нас кричали газеты — и вот сегодня лучший пилот Советского Союза не может состыковать свой корабль с другим кораблем! А вот вы... вы предлагаете, чтобы нам дали, чтобы нас, так сказать, наградили игрушками, которые не могут создать лучшие инженеры Советского Союза... и которые они даже не могут купить для себя!

— Эй, это не означает, что вы в чем-то хуже нас,— вмешался Джонни Бейкер.

Яков что-то коротко сказал по-русски и отвернулся, всем своим видом выказывая крайнее неудовольствие. Рик Деланти сочувственно покачал головой. Что это вдруг на Леониллу нашло?

Все вели себя очень тихо и были друг с другом подчеркнуто вежливы, пока Леонилла не вернулась обратно в «Союз». Бейкер и Деланти обменялись взглядами. Слов им не потребовалось. Джонни Бейкер отплыл в угол, где какой-то работой занимался Яков.

— Нам нужно поговорить напрямую,— сказал Джонни.

— Слушаю.

— Вы не собираетесь создавать для нее трудности, а? Я имею в виду, вряд ли нужно докладывать обо всем, что происходит здесь.

— Конечно, не нужно,— согласился Яков. Пожал плечами.— Мы все здесь мужчины. И знаем, что через каждые двадцать восемь дней женщины начинают вести себя очень нелогично. Это знает любой женатый мужчина.

— Да, должно быть, этим все и объясняется,— сказал Джонни Бейкер и снова обменялся взглядом с Деланти.

— А кроме того, ее воспитало государство,— сказал Яков.— Ее отец и мать умерли, когда она была еще маленькой. Поэтому неудивительно, конечно, что ей бы хотелось, чтобы наша страна добилась бóльших успехов, чем те, которые достигнуты в настоящее время.

— Разумеется.

Разумеется, подумал Рик Деланти. Дерьмо коровье. Если она тяжело переносит свое женское недомогание, то почему она не сообщила это руководителям полета, чтобы русские послали в космос кого-нибудь другого или другую? Почему она этого не сделала? Я бы доложил своему руководству о том, что подвержен космической болезни, если б знал об этом заранее. Наверняка я бы так и сделал...

В чем бы ни состояли затруднения Леониллы, будет разумно в следующие несколько дней относиться к ней особенно бережно. Дьявольщина, а комета Хамнера–Брауна уже так близко!

* * *

Барри Прайс положил телефонную трубку. Глаза его были восторженные. Вошла Долорес, неся кофе.

— Знаешь, что произойдет в следующий вторник?— радостно крикнул Барри.

— Земля столкнется с кометой.

— Что? Нет, нет, я серьезно. Мы введем в действие следующую очередь. Решение последнего судебного разбирательства признано необоснованным. Ядерный центр «Сан-Иоаквин» будет запущен на полную мощность.

Ему казалось, что Долорес должна обрадоваться, но она вовсе не обрадовалась.

— Наверное, будет торжественная церемония ввода в действие?— спросила она.

— Нет, все будет обставлено без шума... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что во вторник меня здесь не будет. Если только у тебя не возникнет крайняя необходимость в моем присутствии.

Барри нахмурился:

— Ты всегда мне крайне необходима...

— Пора бы уже привыкнуть,— сказала Долорес. Похлопала себя по животу. Живот еще не сделался выпуклым, но Барри был в курсе.— Во всяком случае, мне надо быть в Лос-Анджелесе, хочу показаться доктору Стоуну. И еще я хотела задержаться там, чтобы повидаться с матерью. Я думаю вернуться сюда ночью во вторник.

— Хорошо. Милая...

— Да?

— Ты ведь сохранишь ребенка, правда?

— Да. Я хочу его сохранить.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Нет, спасибо. Мы оба уже испробовали, что такое семейная жизнь, и нам не понравилось.

— Но испробовали не друг с другом,— сказал он. Он хотел, чтобы голос его звучал настойчиво, но в нем прозвучало облегчение. Но все же...— А каково будет ребенку? Ребенку, не имеющему отца?

Долорес рассмеялась:

— Он появится не в результате партеногенеза. И я почти уверена, что отец у него есть. И даже догадываюсь, кто этот отец.

— О, черт возьми, ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду.

— Конечно, понимаю,— она поставила чашку с кофе на письменный стол и перелистнула перекидной календарь Барри.— Тебе предстоит завтрак с заместителем губернатора. Не забудь.

— А-а, тот самый, слабоумный. Если что-нибудь и могло выволочь меня из этого эйфорического состояния, то это то, о чем ты напомнила. Но я буду паинькой. Ты и поверить не сможешь, каким я буду паинькой.

—Хорошо.— Она повернулась, собираясь уйти.

— Эй,— крикнул он, останавливая ее.— Послушай, давай потом все обсудим. Когда ты вернешься из Лос-Анджелеса. Я имею в виду, что этот ребенок и мой тоже...

— Конечно, твой.— И Долорес ушла.

* * *

— Эй, малый. Молот уничтожит весь этот город. Превратит в пустыню.

— Коровье — мать его так — дерьмо,— сказал Алим Нассор и улыбнулся.— Мы им тут устроим пустыню.— Он уже наслушался разговоров о том, что способна натворить комета. Вокруг проповедников, вещающих со своих кафедр, собирались толпы народа. Проповедники обеспечили себе свой кусок хлеба. Наступает конец света, примиритесь со сладчайшим Иисусом и гоните монету...

Появились новые возможности. Во всяком случае, вот к чему приведет появление кометы: белые удерут из своих домов. Уже удирают. Алим объехал весь Брентвуд и весь Бел-Эйр и везде видел одно и то же: множество домов, возле которых стоят невзятые жильцами бутылки молока, а на крыльце — оставленные почтальонами старые газеты. Алим тогда ехал на стареньком пикапе, на заднем сиденье и в багажном отделении были грудой навалены косилки для стрижки газонов и прочий инструментарий для садовой работы. Кто дважды обратит внимание на чернокожего садовника? Так что когда он останавливался, чтобы забрать газеты и привязанные к бутылкам картонные ярлыки, никто этого не заметил. Теперь Алим располагал адресами, и они обчистят все сверху донизу, и никто не опередит их...

Они проехали через Бел-Эйр и Брентвуд — неуклонно, не сворачивая в сторону. Алим запасся набором различных инструментов для кражи со взломом. Вместе с ним были люди, которые хоть и неохотно повиновались приказам, но свое дело знали хорошо. Молот Божий на протяжении человеческой жизни дважды не появляется.

В некоторые дома лучше не лезть. Свиньи[1] настороже. Но есть способы справиться с этой маленькой проблемой. Они, чтобы остановка не вызывала подозрений, даже выкосили несколько ярдов. И сделали хорошее дело, и смогли без помех провести наблюдение за целым кварталом. Они видели, как люди загружают трейлеры своим ба-

[1] Прозвище полицейских.

рахлом и уезжают. Бел-Эйр был уже наполовину покинут. Что ж, оставшееся можно будет без труда слямзить сегодня ночью. А потом... потом, может быть, удастся возобновить политическую деятельность. И многие братья получат свой кусок хлеба, получат не на раз или два — надолго.

Однако... а ведь многие белые уезжают, очень многие. Богатые белесые, то есть люди, понимающие толк в деле. В городском совете атмосфера тоже весьма напряженная. Может быть, столкновение действительно состоится?

Алим быстро просмотрел стопку прихваченных с крыльца одного из домов газет и журналов. Он хорошо умел читать. Пусть не сразу, но он понял, что грозит, а рисунки прояснили все окончательно. На низменностях оставаться нельзя. Будут волны вышиной в тысячу футов! Автор рисунков обладал немалым воображением. Он нарисовал залитое потоком здание городского совета Лос-Анджелеса. Над поверхностью воды поднималась башня. Торчали крыши административного корпуса и здания городского суда. Все находившиеся там свиньи мертвы — иного и быть не может. Но, конечно, Алиму не хотелось быть здесь, когда это случится.

А может, ничего и не произойдет, и белесые спокойно вернутся домой.

— То-то они удивятся,— пробормотал Алим.

— А? Кто?

— Белые. Разве они не удивятся, когда вернутся домой?

— Да уж. Почему ты выбрал именно эти дома? Если бы мы облазили самые богатые дома не только здесь, но и всюду, мы бы...

— Заткнись.

— Ладно.

— Я хочу, чтобы мы не удалялись друг от друга. Если окажется, что какой-нибудь из этих домов битком набит свиньями, мы сможем по рации позвать на помощь.

— О'кей. Ладно.

Молот Божий. Что, если это произойдет на самом деле? Куда тогда удирать? Не на юг, это уж точно. Политиканы могут трепаться о братстве коричневых и черных, но все это чепуха. Чиканос (латиноамериканцы) не любят черных, черные ненавидят чиканос. В иных местах, чтобы вступить в банду, чиканос нужно убить чернокожего. У чиканос нет жалости к черному, и чем дальше на юг, тем все хуже и хуже.

— Сегодня ночью нужно будет взять с собой оружие,— сказал Алим.— Нам нужно будет как следует вооружиться.

Гарольд вздохнул, и автомобиль чуть вильнул в сторону.

— Ты полагаешь, что у нас не все пройдет гладко?

— Я просто хочу быть готовым ко всему,—сказал Алим. А если эта траханная комета... Сегодня ночью и завтра лучше иметь под

рукой огнестрельное оружие и хороший запас боеприпасов. Еще нужно взять с собой пищу. Нельзя подводить братьев, так что придется все взять на себя.

По крайней мере, если столкновение состоится, они будут во всеоружии.

* * *

Патрульный полицейский Эрик Ларсен приехал когда-то в Лос-Анджелес из Топеки. Он был языковедом (английский язык), и ему мечталось писать сценарии для кино и телевидения. Но необходимость зарабатывать себе на жизнь вкупе со случайностью привела его на службу в полицию Бурбанка. Он сказал себе, что здесь он накопит ценнейший опыт. Вспомните, чего добился Йозеф Вамбаф, а, как известно, начинал он качестве полицейского! И ведь Эрик мог писать; по крайней мере, его ученая степень свидетельствовала, что он писать мог.

Когда миновали три года, Эрик так и не продал никому ни одного своего сценария. Но теперь он мог бы поведать множество историй о необычных, не подлежащих разглашению случаях. Теперь он намного лучше разбирался как в человеческой психологии, так и в индустрии развлечений. Он здорово повзрослел. Эрик жил с женщиной, уже дважды побывавшей замужем. Он преодолел свое неумение завязывать случайные знакомства с девушками. И в то же время по-прежнему был весьма склонен идеализировать их. Ему было неприятно видеть юных беглянок из дому, пристающих к прохожим. Он знал, что жизнь у этих девушек могла бы сложиться иначе.

Еще Эрик научился видеть мир с точки зрения полицейского: всех людей можно подразделить на три большие группы. Это полиция, подонки и обычные граждане. Но вот презирать этих самых граждан он еще не научился: по его мнению, они — это люди, которых он обязан защищать. Поскольку Эрик не очень продвинулся в своей полицейской карьере, он относился к выполняемой им работе серьезно (хотя жители Бурбанка об этом и не подозревали). Свою заработную плату он получает от граждан. Когда-нибудь он сам станет одним из них.

Он было принялся за изучение юридических наук, но, поскольку все же сохранил присущую литераторам объективность, вскоре вынужден был признать, что в повседневной работе они помогают мало. Были люди, которых после отбытия наказания за совершенное преступление, можно было считать исправившимися. Таких насчитывалось немного. Большинство преступников являлись именно преступниками, и лучшее, что можно было бы с ними сделать,— это

отвезти на остров Святого Николая и высадить там на берег. Пусть они, оставшись в одиночестве, истязают друг друга. Трудность состояла в том, что никогда нельзя заранее сказать, кто из преступников окончательно потерян для общества, а кто способен вернуться к нормальной жизни. На эту тему Эрик часто спорил со своими коллегами. Его товарищи по службе прозвали его «Профессором» и подсмеивались над его литературными амбициями. Смеялись над ним и из-за дневника, который вел Эрик. Тем не менее Эрик был в хороших отношениях почти со всеми, и его сержант рекомендовал назначить Эрика расследователем.

Комета привлекла пристальное внимание Эрика, и он прочел о ней все, что только мог достать. Сейчас, когда она заняла собой все небо, она уже вызывала у него чувство восхищения. Завтра она начнет удаляться от Земли. Вместе со своим напарником Эрик ехал по необычно оживленным улицам Бурбанка. Всюду кишели люди, тащили из домов вещи и грузили их в трейлеры. Улицы были запружены.

— Когда же эта штука, наконец, уберется куда подальше,— сказал напарник. Расследователь Гаррис был полицейским от макушки до самых пяток. Ослепительный свет, сияющий в небесах, являлся для него лишь добавочной проблемой. Если это действительно интересно, то Гаррис посмотрит на комету в кино — после того как она уйдет с земного неба. А сейчас комета сидела у него в печенках.

— Автомобиль номер сорок шесть. Координаты: Аламонт—восемь—девять—семь—шесть. Женщина. Соседка, живущая ниже, сообщила, что слышала крики в квартире, расположенной над ее квартирой. Руководствуйтесь планом три.

— Принято,— сказал в микрофон Эрик. Гаррис уже ввел машину в крутой вираж.

— Это не семейная ссора,— сказал Гаррис.— По всему адресу — квартиры для одиноких. Вероятно, какой-нибудь парень не может добиться взаимности.

Автомобиль резко остановился перед домом, где сдавались внаем квартиры. Дом был большой, разукрашенный, с плавательным бассейном и сауной. По обеим сторонам парадного подъезда росли каучуковые деревья. За стеклянной, ведущей в холл дверью стояла девушка в тонком халатике поверх ночной рубашки из голубого шелка. Вид у девушки был испуганный.

— Это в триста четырнадцатой,— сказала она.— Это ужасно! Она так кричала, звала на помощь!..

Детектив Гаррис остановился, чтобы взглянуть на почтовый ящик квартиры № 314: «Коллин Дарси». Вытаскивая на ходу фонарь, он кинулся вверх по лестнице.

Квартиры третьего этажа, имеющие четыре номера,— вход с внутреннего коридора. Эрик припомнил, как выглядит это здание с другой стороны. Там у каждой квартиры маленькие балкончики,

прикрытые занавесками, чтобы не было видно с улицы. Вероятно, на этих балкончиках девушкам хорошо принимать солнечные ванны. Холл был недавно окрашен, и общее впечатление было, что этот дом хорошо приспособлен для юных, не имеющих семьи девушек. Разумеется, лучшие квартиры расположены на другой стороне здания, окна тех квартир выходят на бассейн.

В холле было тихо. Из-за двери квартиры номер 314 не доносилось ни звука.

— Что теперь?— спросил Эрик.

Гаррис пожал плечами, затем сильно постучал в дверь. Ответа не последовало. Гаррис постучал снова.

— Полиция,— сказал он.— Вы здесь, мисс Дарси?

Опять никакого ответа. Девушка, позвонившая в полицию, уже поднималась по лестнице. Подошла, встала за спинами полицейских.

— Вы уверены, что она там?— спросил Эрик.

— Да! Она кричала!

— Где управляющий?

— Его нет. Я звонила ему, но мне никто не ответил.

Эрик и Гаррис обменялись взглядами.

— Она звала на помощь!— негодующе сказала девушка.

— Наверное, здесь нам будет туго,— пробормотал Гаррис. Он встал сбоку двери и жестом дал знак Эрику. Вытащил револьвер.

Отступив назад, Эрик с маху ударил ногой по запертой двери. Раз, еще раз. Дверь распахнулась, и Эрик влетел в квартиру. Движения быстрые, боком вперед, как учили.

Квартира была однокомнатная. На кровати что-то лежало. Позднее Эрик вспоминал, что в то мгновение он так и подумал: «что-то». Оно походило на девушку лет двадцати...

Кровать и пол возле кровати были залиты кровью. В комнате пахло дорогими духами и чем-то сладковато-кислым.

Девушка была голая. Эрик увидел тщательно уложенные на подушке ее длинные светлые волосы, выпачканные кровью. Одна грудь была отрезана, и кровь сочилась из раны. И кто-то кровью нарисовал стрелку, тянувшуюся к темным волосам лобка. Лобок и ноги были сплошь в крови.

У Эрика поплыло в глазах, перехватило дыхание. Он постарался овладеть собой. В комнату шагнул Гаррис.

Гаррис бросил взгляд на кровать и тут же отвел его. Его глаза пристально оглядели комнату и, не найдя никого, обратились к дверям на противоположной стороне комнаты. Он двинулся туда, и тут же за его спиной открылась другая дверь — дверь туалета. Оттуда выскочил мужчина, он явно хотел прорваться к выходу в коридор. Оказавшись в тылу Джо Гарриса, мужчина кинулся прямо на визжащую девушку. Девушка истошно кричала, зовя полицейских на помощь.

Эрик сделал глубокий вдох, совладал с собой и заступил дорогу мужчине. В руке у мужчины был нож. Измазанный кровью нож. Мужчина занес его, направляя острие на Эрика. Эрик выхватил пистолет и нацелил его в грудь противника. Палец его потянул спусковой крючок.

Мужчина поднял вверх руки. Нож выпал из его ладони. Мужчина упал на колени. Он молчал.

Дуло пистолета Эрика последовало за мужчиной. Лежащий на спусковом крючке палец снова напрягся, потянул. Еще чуть... Нет! Я — служащий полиции, а не судья и не присяжный.

Мужчина умоляюще тянул вверх руки — будто молился. Эрик подвинулся ближе и увидел его глаза — в них не было ужаса, не было даже ненависти. На лице убийцы застыло странное выражение: какая-то смесь покорности с удовлетворением. И выражение лица его не изменилось, когда он перевел взгляд за спину Эрика Ларсена на мертвую девушку.

* * *

Потом прибыли сыщики и следователь. Эрику Ларсену и Джо Гаррису было приказано отвезти их пленника в городскую тюрьму Бурбанка.

— Доставьте его туда живым.— Голос был воющий. Он принадлежал адвокату, живущему в этом же доме. Адвокат появился, когда полицейские еще допрашивали задержанного, и тут же закричал, что полиция не имеет права арестовывать этого мужчину. Потом он посоветовал ему не отвечать на вопросы. Мужчина рассмеялся.

Эрик и Гаррис отвели своего пленника к патрульному автомобилю и втолкнули его внутрь. Завтра его переправят в федеральную тюрьму Лос-Анджелеса.

Все это время мужчина упорно молчал. Но в его бумажнике было найдено удостоверение на имя Фреда Лаурена. По радио подтвердили: Фред Лаурен числился в полицейской картотеке. За ним уже насчитывалось три преступления на сексуальной почве, два с применением насилия. После многочисленных экспертиз парня каждый раз освобождали для проведения психиатрического лечения.

Когда они приехали, Эрик грубо выволок Лаурена из машины.

— Больно,— сказал Лаурен.

— Больно... Сукин ты сын,— Гаррис пододвинулся к Фреду. Его рука внезапно дернулась, воткнув локоть в солнечное сплетение арестованного. Гаррис нанес второй удар.

— Тебе уже — что бы с тобой ни случилось — ничто не повредит.— Кроме этого, Гаррис не смог сказать ни слова.

— Джо,— Эрик втиснулся между Гаррисом и пленником,— не надо с ним так.

— Я доложу о вас! — завизжал Лаурен. И тут же хихикнул.— Нет. Какой в этом смысл? Нет.

— Сейчас он испуган,— сказал Эрик.— Когда мы его арестовывали, он не боялся.— Эрик видел, что и сейчас пленник уже не испуган: как только Гаррис отошел на шаг, страх исчез, вновь уступив место смирению. Они повели убийцу.

— О'кей, объясни мне,— сказал Эрик.— Думаешь, что судья снова отправит тебя на экспертизу? Что через неделю очутишься на свободе? Будешь снова через неделю бродить по улицам?

Парень хихикнул:

— Через неделю не будет никаких улиц. Вообще ничего не будет!

— Страх Молота,— пробормотал Эрик. Ему подобные случаи были уже знакомы. Почему бы не совершить преступление, если приближается конец света? Такие истории описывались уже не один раз. Но ничего подобного в Бурбанке еще не случалось.

— Жду не дождусь, когда же эта проклятая комета уберется куда подальше,— сказал Гаррис. Но он ни словом не обмолвился об оставленном на кровати мертвом теле. Нужно либо научиться воспринимать такое спокойно, либо уйти из полиции — можете выбирать, как вам угодно.

— Похоже, нам предстоит нелегкая ночь,— сказал Эрик.

— Ага, и еще утреннее дежурство завтра,— Гаррис глянул на светящееся небо.— Просто дождаться не могу, когда эта штука уберется куда подальше...

* * *

Лагерь разбили у содовых источников. В этом месте хорошо останавливаться на отдых, странно, что здесь никого нет. Горди Ванс ожидал, что встретит у источников еще не меньше дюжины других скаутских групп. А вместо этого сейчас здесь только сам Горди и шесть пришедших с ним скаутов. Страх Молота, подумал Горди. Никто не хочет оказаться сейчас здесь, в отдалении от дорог, от цивилизации.

Мальчишки с облегчением сбросили наземь рюкзаки и помчались к источнику. Здесь было два источника — один с горной водой, холодной и чистой, в другом журчала вода ржавого цвета, отвратительная на вкус (хотя мальчики утверждали, что она им нравится). Природа насытила воду карбонатными соединениями, и ребята любили приготовлять на ее основе разные напитки. Горди не приставал к ним с напоминаниями, что слишком увлекаться питьем этой воды не стоит. Никто ее слишком много и не пил.

Ужин приготовили на походных примусах. Меню, с разрешения

Горди, составлял Энди Рэнделл. Именно Энди придется взять на себя руководство группой — и очень скоро...

— Но мой учитель сказал, что такое не исключено.— Это продолжает спор один из самых младших скаутов.

— Чудак,— не согласился Энди Рэнделл.— Мой папа сколько раз бывал в ИРД, и тамошний компьютер каждый раз утверждал, что это невозможно. Кроме того, мистер Хамнер сказал мне...

— Ты с ним знаком?— спросил юный скаут.

— Конечно.

— Так ведь это он открыл Молот.— И все непроизвольно глянули вверх, туда, где в вечернем небе расплывалось громадное светящееся пятно.— А ведь близко,— сказал юный скаут.

* * *

Долгие горные сумерки закончились, и в ночном небе зажглись звезды. Ярко пылал Молот — пока не ушел за горы Сьерры. Горди разогнал мальчиков по спальным мешкам. А хотелось им не спать, а остаться смотреть на небо: там ярко полыхало зарево, сквозь зеленые и красные изломанные полосы просвечивали звезды.

Горди залез в свой мешок. Как обычно, он уснул сразу же, приказав себе проснуться через пару часов — чтобы обойти лагерь и убедиться, что с мальчиками все в порядке. Засыпая, он подумал: «Я — совестливый ублюдок». Смешная мысль, но Горди не рассмеялся.

К середине ночи он проснулся — и больше в эту ночь уснуть ему уже не довелось.

Небо неистовствовало. Будто черную воду пронизали стремительные струи светящегося молока. Звезды мигали, глядя на Землю сквозь хвост кометы. Потом они померкли во вспышках сияния, протянувшегося от горизонта до горизонта. Где-то вдали мелькали еще более яркие вспышки, а через долгое время докатывался разряд грома. Горди в трансе заходил кругами.

Энди Рэнделл не спал. Он не стал опускать клапан, хотя в июне в Сьерре часто идут дожди. Подсунув под голову рюкзак, Энди лежал в незастегнутом мешке, его длинные руки были заложены под затылок.

— Вот это зрелище,— прошептал он.

— Ты прав,— сказал Горди, стараясь, чтобы в его голосе звучало одобрение. Нельзя терять над собой контроль, нельзя, чтобы голос дрогнул. Когда Энди позже будут расспрашивать, он расскажет, что не заметил у Горди Ванса никаких признаков подавленности.— Надо поспать,— сказал Горди.— Завтра переход нам предстоит небольшой, но дорога местами будет нелегкой.

— Я знаю.

— Ладно,— сказал Горди. Поднялся немного вверх по склону — чтобы оказаться в одиночестве — и повалился в пышную траву.

Завтра все это уже будет неважно, подумал он. Больше спать я не буду.

Все разрушил тот утес. Роковое падение... оно оказалось роковым. Как жаль, что тогда его лишь покалечило, а не убило. Дети плакали, пока спасательная команда искала его. Плакали, когда его везли в больницу.

Горди находился на больничной койке, когда банковская ревизия обнаружила недостачу. А он не знал, не останется ли на всю жизнь калекой,— и не мог даже бежать.

А теперь он бежать не станет. У него уже была такая возможность, но это плохо. Еще как плохо. Ну, куда ему бежать? Денег нет, и ничего хорошего беглецу из Америки, не имеющему денег, не светит. Кроме того, дети должны расти в своей стране. Горди глянул туда, где лежал его сын. Берт лежал, скорчившись, в своем спальном мешке. Ему уже двенадцать лет... Берту будет больно, но другого выхода нет.

Странно вышло с этим утесом. Горди все помнил совершенно точно. Тропа все та же — не такая уж узкая, но край ее осыпался, и если окажешься слишком близко от этого края... Он видел все это еще два года назад, когда шел по этой тропе. Но тогда он думал совсем о другом.

Я не хочу, чтобы Берт знал.

Красная бархатная занавесь раскинулась, колыхаясь, через все небо. Моя последняя ночь сопровождается великолепным зрелищем, подумал Горди. Ему хотелось глядеть на небо, но видел он лишь утес.

Одно мгновение. Одно рассчитанно неосторожное движение, и он окажется на дне пропасти со сломанной шеей. Может, и еще что-нибудь сломает. Тут недалеко есть тропа вниз, по ней идти легко. Легко даже детям. Под командой Энди они смогут благополучно спуститься. Потом Энди Рэнделла допросят, и все будет отлично. Горди тренировал Энди на протяжении двух лет. Не для этого... ну ладно, да, для этого. Тренировал на тот случай, если что-либо произойдет. Если на самом деле произойдет какое-либо несчастье. Странно, как все обернулось.

Над утесами взошел полумесяц. В его свете померкла часть звезд. Жуткий этот свет смешался с разлившимся по небу сиянием. Горди показалось, что он видит, как хвост кометы сотрясается неровными волнами... нет, это лишь, вероятно, игра воображения. Вот астронавты, там, наверху, наверное, видят эти волны. Интересно, какие испытываешь ощущения, оказавшись в космосе? Когда-то Горди летал — недолгое время, пока за неуспеваемость его не выкинули из школы. В этой школе готовили штурманов для военно-

воздушных сил. Горди подумал, что лучше было бы, если б его не отчислили из этой школы, если б он стал летчиком. Но мне пришлось стать банкиром...

Скверно, что я испорчу поход мальчикам. Но выбора нет. Просто нет выбора, и несчастный случай разом решит все проблемы. Страховка — полмиллиона, этого достаточно, чтобы покрыть все банковские недостачи, да и Марии с Бертом останется немало. Предположим, им останется триста тысяч, да если из расчета семь процентов в год... Это не сказочные сокровища, но это, безусловно, много лучше, чем иметь сидящего в тюрьме отца и вообще не иметь денег на жизнь...

Неистово сверкающее небо засветилось еще яростнее. На горизонте появилось яркое пятно. Видимо, это была голова кометы. На нее было трудно смотреть. Светящаяся голова на фоне светящегося хвоста. Холодный свет и зыбкие тени, слабо окрашенные вспышки — их было бы видно даже днем. Затем небо охватил огонь зари. Но свет ее был необычным. Колдовским. Горди поежился.

Он вернулся обратно и залез в свой спальный мешок. Можно чуть вздремнуть. Ненадолго.

Неподалеку стоял примус. Рядом — канистра с горючим и кастрюля с водой. Высунув из мешка одну руку, Горди накачал примус. Его страсть завтракать, лежа в мешке, служила предметом шуток для всех, кому приходилось бывать с ним в походах. Привычных уже шуток. На самом деле есть Горди не хотелось, но было бы опасно ломать сложившееся о нем представление. Он взял кастрюлю с водой, поставил кипятить. Приготовил себе горячий шоколад. Шоколад оказался неожиданно вкусным, и тогда настала очередь овсянки, а затем и большой чашки чая по-шерпски. Чашки крепкого чая с коричневым сахаром и изрядным комком масла...

Один за другим мальчики просыпались. Горди услышал, как Энди Рэнделл говорит Берту:

— Ты намерен проспать все это? Хочешь проспать всю эту ночь? Такую ночь?

Придется обойтись без лагерного костра. Нет дров. Здесь очень мало деревьев. С каждым годом становится все меньше и меньше мест, где можно разжечь настоящий костер. Очень немногие из детей теперь знают, как приготовить пищу на настоящем огне — на костре. Будет худо, если они вдруг окажутся предоставленными самим себе, без посторонней помощи... но этого никогда не случится. В наши дни, если человек потерялся, он всегда окажется посреди голого пространства пятидесяти футов в диаметре. А оказавшись там, надо только зажечь спичку. Очень скоро появится встревоженный ее светом патруль пожарной охраны — чтобы вручить злоумышленнику повестку в суд... Больше нигде нет густых зарослей, какие были во времена моего детства...

Мне надо немного поспать, подумал Горди. Мои мысли путаются. Хотя это неважно. Осталось недолго. Пожалуй, стоит выпить еще чашку шоколада.

Он поставил кипятиться воду.

— Вставайте!— крикнул он.— Пора собираться. Складывайте мешки и зашнуровывайте ботинки. Через пять минут выходим.

* * *

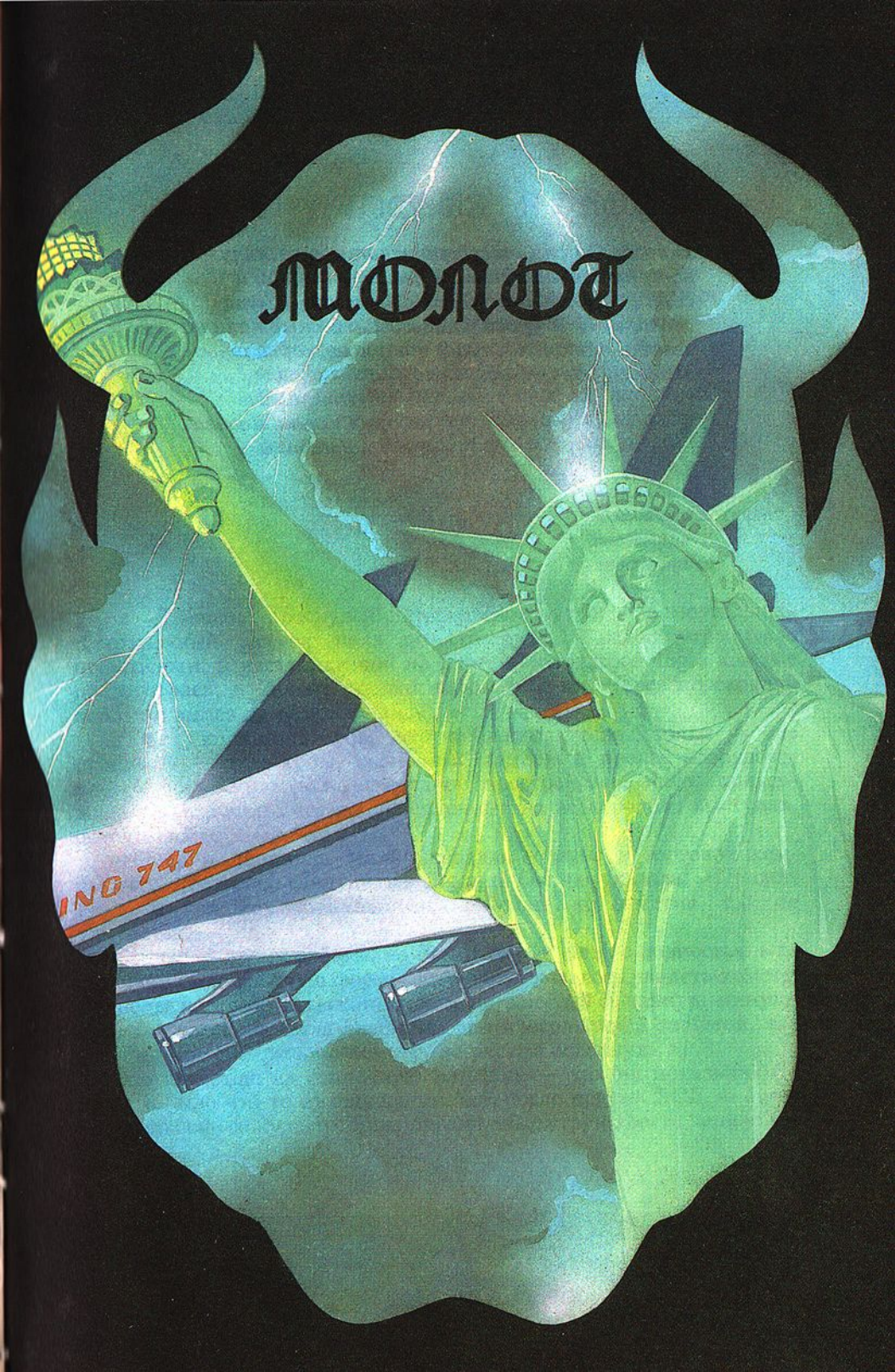
Ядро кометы было залито светом. Оболочка и хвост, растянувшиеся на громадном пространстве, захватывали в плен свет Солнца и отражали его — частично на Землю, частично в космос, частично на ядро.

Комета таяла. Взрывы, извержения разрывали ее голову на части, на огромные, словно горы, глыбы. Летучие химические соединения, вскипая, тысячами тонн уносились в космическое пространство. Глыбы, на которые раскалывалась голова, покрывались коркой грязного льда. Но большая часть этого льда была образована не водой: водяной лед уже почти полностью испарился.

Корка замедлила дальнейшее испарение. Прочим кометам удавалось выжить, пройдя по многу раз сквозь гигантский водоворот Солнечной системы. Такие кометы потеряли значительную часть своей массы, перешедшей в хвост. Но большая часть оболочки смерзалась заново, каменные глыбы-горы вновь накрепко соединялись. Кристаллы странных, неизвестных на Земле льдов наслаивались на растущее тело кометы. И опять — тьма и холод, на многие миллионы лет... Так будет и с кометой Хамнера–Брауна, если она вернется в кометное гало.

Но что-то преградило ей путь.

MONOT
ING 747

И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

Откровение
Святого Иоанна
Богослова

УТРО ПАДЕНИЯ МОЛОТА

Есть место, где в небе светят четыре
Солнца — красное, белое, голубое и желтое.
Два из них так близки друг к другу, что
соприкасаются, и звездное вещество
перетекает от одного Солнца к другому.
Я знаю: есть мир, где в небе миллион лун.
Я знаю: существует Солнце размером с
Землю — и состоит оно из алмаза.

Карл Саган.
Космическая связь:
внеземная
перспектива

Рик Деланти проснулся. Прекрасное утро. Прямоугольный солнечный зайчик полз по его руке. Каждое утро было прекрасным, и наступали они на борту «Молотлэба» через каждые полтора часа, и Рик не уставал радоваться им. Через переходной шлюз он вылез из «Аполлона».

У тех иллюминаторов, что поближе, тесно стояли — не пройдешь — телескопы, съемочные камеры и прочее оборудование. Чтобы выплыть на свободное пространство, надо, придерживаясь за ручные петли, укрепленные на всех подряд выступах, огибать их.

Бейкер и Леонилла Малик вводили данные в бортовой компьютер. Леонилла глянула на Рика и быстро сказала: «Привет, Рик», и тут же вновь занялась работой, не заметив, как он улыбается.

Сейчас — время работы, но Рик Деланти еще не полностью восстановил свою рабочую форму. Ему очень хотелось увидеть комету. Он подыскал себе телескоп, никем не занятый в данную минуту. Оптика телескопа была снабжена противосолнечной защитой, так что Рик мог смотреть на комету, не рискуя ослепнуть.

Это походило на солнечную вспышку — как их показывают в кино, и было что-то от ощущения, как после приема ЛСД,— будто проваливаешься куда-то. Ярко окрашенные струи хвоста лениво ко-

лыхались, плыли вдаль — что-то похожее, бывает, видишь во время лунного затмения. При этом зрелище просыпался сидящий в каждом человеке зверь.

— Понял, Хаустон. Постараемся обнаружить любое боковое смещение относительно «Молотлэба». Данные тут же будут переданы вам,— продолжал говорить Бейкер.— Пока наблюдается некоторая активность, хотя она должна была прекратиться, еще когда Молот огибал Солнце. Во время прошлого наблюдения мы обнаружили только один выброс. Небольшой, не то что тот, чудовищный, который мы наблюдали вчера.

— «Молотлэб», похоже, что в данных, характеризующих доплерово смещение, какая-то путаница. ИРД просит, чтобы вы провели наблюдение за самым большим обломком, какой только удастся обнаружить. Сможете?

— Попытаемся, Хаустон.

— Это сделаю я, Джонни,— сказал Рик. Он установил направление телескопа и начал всматриваться во тьму. Подключил электронно-вычислительное устройство.— Леонилла, можете мне помочь? Надо передавать данные в телеметрию...

— Хорошо,— сказала Малик.

— Замер. Замер. Двигаюсь дальше. Замер. Замер...

Бейкер продолжал докладывать:

— Хаустон! Ядро очень большое, оболочка громадная. Я вычислил на компьютере угловой диаметр. Получилось сто сорок тысяч километров. Значит, оболочка величиной с Юпитер. Она поглотит Землю, как комара,— и не заметит.

— Не говорите глупости,— каркнул знакомый голос.— Сила тяжести... и разорванная на куски...— Голос Чарли Шарпса пропал.

— Хаустон, мы не слышим вас,— сказал Бейкер.

— Это не Хаустон, это Шарпс из ИРД,— не отрывая глаз от телескопа, подсказал Рик.— Замер. Замер...

— Он связывается с нами через Хаустон. Проклятье. Вещество кометы устраивает в ионосфере ту еще свистопляску. Пока комета не пройдет мимо, у нас будут трудности со связью. Лучше будет, если мы станем записывать каждое проведенное нами наблюдение — на случай непрохождения радиоволн.

— Ладно,— согласился Деланти, продолжая смотреть в телескоп. Перед ним на огромном пространстве распростерлось ядро Хамнера—Брауна. Было трудно удержать перекрестие прицела точно в центре выбранного им обломка. Изображение было недостаточно контрастным, чтобы можно было задействовать систему автоматического слежения. Приходилось доверять лишь собственным глазам. Деланти ухмыльнулся. Непредвиденная трудность для человека, вышедшего в космическое пространство.

— Замер. Замер...

Густые россыпи светящейся, лениво перемещающейся пыли. Несколько крупных обломков — словно летящие горы. Множество обломков поменьше. Обломки и россыпи пыли беспорядочно двигались относительно друг друга. Световое давление и непрекратившаяся химическая активность продолжали перемещать их во всевозможных направлениях.

Таков был первичный хаос. У Рика задергались губы: хотелось ввести космоплан в этот хаос, приземлиться на одной из гор и выйти прогуляться. С трудом верилось, что эти горы мчатся со скоростью пятьдесят миль в секунду.

Но пройдут десятилетия, прежде чем НАСА научится строить корабли ручного управления, пригодные для такого маневра. Если только научатся строить их вообще. А когда это произойдет, Рик Деланти будет уже старым и дряхлым.

Но сейчас не последний мой полет. Скоро к взлету будет готов «Шаттл», если только чертовы заправилы из Конгресса не пустят деньги на закупку свинины для своих избирательных округов...

Петр Яков работал со спектроскопом. Закончив замеры, он сказал:

— На это утро для нас предусмотрено напряженное расписание. Насколько я понимаю, зря мы так старательно в этот раз проверяли приборы внешнего наблюдения. Может, рискнем? Осталось два часа.

— Сумасшедший русский. Нет, не стоит погибать раньше времени. Снежный ком на такой скорости, наверное, не пробьет борт «Молотлэба», но уж наверняка проделает в вашем скафандре дыру, в которую влезет кулак.— Бейкер нахмурился, разглядывая выходные данные компьютера.— Рик, здесь у меня результаты последнего наблюдения. Какой объект ты выбрал?

— Большая гора,— сказал Рик.— Почти в самом центре ядра — как раз как нас просили. И что?

— Ничего.— Бейкер выключил микрофон.— Хаустон! Хаустон! Вы получили данные наблюдения?

— ...дошли... результат отрицательный, «Молотлэб», передавайте снова...

— Что за чертовщина у вас творится, Джонни?— спросил Рик.

— Хаустон и ИРД считают, что комета пройдет на расстоянии девять тысяч километров от Земли,— сказал Джонни задумчиво.— У меня получается другое. Я ввел твои данные в бортовой компьютер, и у меня выходит лишь четверть этого расстояния. У них там более мощные вычислительные системы, но зато у нас более точные данные.

— Черт, но две тысячи километров — все равно две тысячи километров,— сказал Деланти. Голос его звучал неуверенно.

— Жаль, что у нас отказала главная антенна регистрации доплеровского эффекта,— сказал Бейкер.

— Я выйду и налажу ее,— предложил Яков.

— Нет,— ответ Бейкера прозвучал резко, по-командирски.— У нас еще нет потерь, так для чего начинать прямо сейчас?

— Может быть, стоит запросить мнение наземного контроля?— спросила Леонилла.

— Право решать предоставлено мне,— отрезал Джонни Бейкер,— а я сказал: нет.

Петр Яков промолчал. Рик Деланти вспомнил, что у советских космонавтов уже были потери в космосе. Три пилота погибли при возвращении на Землю, поэтому о них знает весь мир. И еще погибло неизвестно сколько — о них знают только по слухам и из рассказов, какие ведутся ночью под водку. Рику подумалось (и не в первый раз), а не слишком ли осторожничает НАСА? Чуть меньше заботы о безопасности космонавтов, и Соединенные Штаты чуть раньше добрались бы до Луны, удалось бы больше исследовать, больше узнать... и, да, плюс один или два некролога. Луна слишком дорого стоит, если измерять в деньгах. Но слишком дешево — если в жизнях. Одобрения это ни у кого не вызвало. А когда «Аполлон-11» добрался до Луны, особого интереса данное событие не вызвало. Все стало слишком привычным.

Может быть, нам все же следовало бы это сделать. Ибо фотография Джонни Бейкера, выползающего на сломанное крыло «Скайлэба», фотография человека с большой буквы, рискнувшего выйти в чужую и враждебную среду, чтобы принять там, вероятно, смерть в одиночестве (и более одинокой смерти не было и быть не может!)— эта фотография придала программе космических исследований почти столь же сильный поступательный импульс, как и великий шаг, свершенный Нейлом Армстронгом.

Зазвучала сирена. Смолкла. Зазвучала снова. На приборной доске предупреждающе вспыхнули красные огни.

Подумать Рик Деланти не успел. Одним прыжком оказался у ближайшего окрашенного в красный цвет ящика. Двойники этого имеющего квадратную форму ящика были помещены всюду по «Молотлэбу». Раскрыв ящик, Рик вынул несколько плоских металлических пластинок с присосками на одной стороне, затем вытащил большие по размеру пластины похожего на резину пластыря. И глянул на Бейкера, ожидая приказа.

— Борт не пробит,— сказал Джонни.— Песок. Это было скопление песка.— Он нахмурился, глядя на приборную доску.— Значительная часть солнечных ячеек уничтожена. Петр, закройте колпаками все приборы оптического наблюдения. Побережемся для более близкой дистанции.

— Ладно,— сказал Яков.— Поплыл к приборам.

Деланти стоял наготове, держа противометеоритный пластырь — на всякий случай.

— Все зависит от того, насколько большим окажется ядро,— крикнул с дальнего конца кабины Петр Яков.— Кроме того, нам следует точно оценить степень твердости кометного вещества. Я полагаю, что она очень близка к соответствующей твердости земного вещества... значит, для нас... это будет как удар камнем, которому придана высокая скорость. А может, и хуже.

— Н-да. Вот о чем я размышляю,— сказал Джонни Бейкер.— Мы пытались обнаружить боковое смещение. Мы обнаружили его, но достаточно ли оно велико? Может быть, нам стоит прервать полет...

На мгновение стало тихо.

— Не надо. Нет,— сказала Леонилла.

— Поддерживаю: не надо,— добавил Рик.— Ты не хочешь рисковать. Кто еще за твое предложение?

— Только не я,— сказал Яков.

— Единогласно. Но вряд ли это можно назвать свободным и правильным выбором,— сказал Бейкер.— В нашем распоряжении мало энергии. Скоро здесь будет жарко.

— Ты оставался в «Скайлэбе» пока не отремонтировал крылья,— сказал Деланти.— Если ты смог пойти на такое раньше, то сможешь и сейчас. Так же, как и мы все,— мы сможем.

— Ладно,— кивнул Бейкер.— Но держи наготове противометеоритный пластырь.

— Есть, сэр.

Через несколько минут Земля закрыла собой ядро кометы Хамнера—Брауна. Поднималась Луна, опутанная призрачной сетью колеблющихся волн. Леонилла приступила к раздаче завтрака.

* * *

Рассвет застал Гарви Рэнделла сидящим в шезлонге на лужайке. Перед ним стоял столик — для сигарет и кофе. Рядом стоял второй столик, для переносного телевизора. Рассвет смел с неба «зрелище-какое-можно-увидеть-лишь-один-раз-в-жизни». Гарви был чуточку подавлен, чуточку пьян. И в таком состоянии и обнаружила его Лоретта двумя часами позднее.

— Я в плохой форме,— поведал ей Гарви.— Не знаю, как я буду работать. Но зрелище того стоило.

— Я за тебя рада. Ты уверен, что сможешь вести машину?

— Разумеется, смогу.

Вечно повторяющийся у них спор.

— Где ты собираешься быть сегодня?

Гарви не обратил внимания на тревогу, звучащую в голосе Лоретты.

— Я потратил чертовски много времени, пытаясь ответить на этот вопрос. Если честно, мне нужно быть во многих местах одновременно. Но черт побери, в ИРД будет дежурная бригада научных телепередач. Так, в Хаустоне тоже будут ребята что надо. Наверное, я начну с городского совета. Бентли Аллен и его люди едва ли слишком заняты городскими делами, коль скоро половина населения города удрала в горы.

— Но ведь тогда ты окажешься в низкой части города.

Теперь он расслышал, как тревожно звучит ее голос.

— Ну и что?

— Но что если произойдет столкновение? Ты будешь далеко от дома. Как ты сможешь вернуться?

— Лоретта, не будет никакого столкновения. Послушай...

— Ты заполнил плавательный бассейн свежей водой, накрыл его и не разрешил мне вчера купаться!— Она все повышала и повышала голос.— Ты закупил на две сотни долларов сушеного мяса, ты услал нашего мальчика в горы, ты забил весь гараж бутылками с дорогими напитками, а...

— Лоретта...

— А... а мы не сможем выпить все это, и никто не станет есть это мясо, если только не будет умирать с голоду! Значит, ты считаешь, что нам предстоит умирать с голоду! Считаешь?!

— Нет. Милая, многие сотни шансов против одного, что...

— Гарви, пожалуйста. Останься сегодня дома. Я никогда не беспокоилась, что ты все время пропадаешь где-то, что тебя все время нет дома. Я не сетовала, когда ты по собственной воле отправился во Вьетнам вторично. Я не спорила, когда ты уехал в Перу. Я не жаловалась, когда ты остался на Аляске на три лишних недели. Я никогда не заводила разговоров на тему, что надо помочь в воспитании твоего сына... а ему больно, что рядом с ним только я, что Ральф Гаррис постоянно видит своего отца, а он своего отца — нет. Я знаю, что твоя работа значит для тебя больше, чем я, но, Гарви, неужели я для тебя вообще ничего не значу?

— Разумеется, еще как значишь,— Гарви притянул ее к себе, обнял.— Господи, ну почему ты так решила? Работа значит для меня никак не больше, чем ты. Работа означает для меня просто возможность зарабатывать деньги. Но я не могу сказать этого. Понимаешь, не могу сказать, что я в силах обойтись без денег.

— Значит, ты останешься?

— Не могу. На самом деле не могу, Лоретта, у меня должны получиться эти фильмы. По-настоящему получиться. Может быть, я получу предложение от Эй-би-си. Им очень скоро понадобится новый редактор научно-популярных фильмов, а это значит, что я начну зашибать настоящие деньги. Потом, у меня появляется настоящий шанс написать книгу...

— Ты не спал всю ночь, Гарви, ты не в форме, тебе не следует никуда ехать. Я боюсь!

— О-хо-хо!— Гарви прижал ее к себе и крепко поцеловал. Это моя вина, сказал он себе. Как она могла не испугаться, видя мои приготовления? Но я не могу упустить день Молота...— Послушай. В городской совет я пошлю кого-нибудь другого.

— Отлично!

— Но я должен встретиться в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса с Чарли и Мануэлем.

— Но почему ты не можешь остаться здесь?

— Я должен хоть что-то делать, Лоретта. Есть мужская гордость, в конце концов. Как смогу я объяснить людям, что отсиживался дома в подвале, после того как говорил всем и каждому, что нет никакой опасности. Послушай, я проведу несколько интервью. Повстречаюсь с губернатором: он сейчас в городе, в лос-анджелесском «Кантри-клубе», изучает, как обстоят дела с благотворительностью. Я закончу с делами как раз к тому времени, когда комета начнет удаляться. И я буду все время не дальше чем в десяти—пятнадцати минутах езды до дома. Если что-нибудь случится, я мигом окажусь здесь.

— Хорошо. Но ты еще не завтракал. День сегодня будет холодный. Я наполню твой термос. И отнесу в вездеход пива.

Он быстро поел. Лоретта сидела и неотрывно смотрела на Гарви. Она не съела ни кусочка. Когда он шутил, она смеялась... И еще она сказала ему, чтобы он был осторожен, когда будет съезжать с холма.

* * *

Связь по-прежнему оставалась плохой. Большинство сообщений приходилось записывать на магнитоленту. Их непосредственные наблюдения приобрели еще бóльшую важность, поскольку приборы оказались, в сущности, бесполезными: слишком много пылевых скоплений. Главный телескоп они всячески берегли: этот телескоп, когда наладится связь, может передавать изображения непосредственно в каналы цветного телевидения. Впрочем, видеоизображения они также записывали на ленту, чтобы позднее попытаться передать их на Землю.

— Мощность солнечного излучения упала приблизительно на двадцать пять процентов,— доложил Рик Деланти.

— Береги батареи,— приказал Бейкер.

— Ладно.

В космическом корабле становилось жарко, но приходилось беречь энергию: для записывающих приборов и прочего.

Леонилла Малик очень быстро тараторила что-то по-русски в микрофон. Яков возился с приемником, пытаясь получить ответ Байконура. У него ничего не выходило. Леонилла продолжала вести запись. Хватаясь за что попало, она перелетала мгновенно с места на место — то выглядывала в иллюминатор, то считывала показания приборов. Рик попытался понять, что она надиктовывает, но в ее речи было слишком много незнакомых слов. У нее приступ поэтического вдохновения, решил Рик. И она его изливает в стихах. А почему нет? Как еще можно описать свои чувства человеку, оказавшемуся внутри кометы?

Сейчас о направлении полета кометы Хамнера—Брауна они знали меньше, чем Хаустон. Согласно последнему принятому сообщению Хаустона, Земля и Молот разойдутся на расстоянии в тысячу километров. Рик, однако, в правильности этой оценки сомневался. Что, если этот расчет основывается на его визуальных наблюдениях? Если так, то это означает, что часть обломков-гор пройдет на значительном расстоянии от Земли. Но ведь скопление обломков твердой составляющей кометы огромно... Хотя — *не настолько* же огромно.

— Мы сейчас находимся глубоко внутри оболочки кометы,— сказала Леонилла.— Хотя это и не особенно заметно. Химическая активность давно прекратилась. Но мы видим: тень Земли, она похожа на длинный туннель, проходящий сквозь хвост кометы.

Рик разобрал последнюю фразу Леониллы. Хорошее сравнение, подумал он. Если удастся наладить хоть чуть связь с Землей, я передам им эти слова.

Работа продолжалась. Результаты пока приходилось записывать на магнитоленты. Рик как сумасшедший орудовал ручной кинокамерой, с молниеносной быстротой сменяя линзы и киноленты. Он питал надежду, что с автоматическими кинокамерами все в порядке, и занимался съемкой лишь нескольких определенных участков кометы. Снимал на самых различных скоростях, различными планами — вдруг пригодится.

Корабельные часы неумолимо оттикивали секунды.

Через длинный объектив, приставленный к иллюминатору, вид открывался потрясающий. Рик видел: с полдюжины глыб-гор, множество обломков меньшего размера и мириады крошечных блестящих точек. Окруженные светящейся дымкой, все эти осколки ядра плыли, перемешиваясь. Рик услышал за спиной голос Бейкера:

— Зрелище, будто успел увидеть нацеленный на тебя выстрел картечью.

— Хорошо сказано,— ответил Рик.

— М-да. Надеюсь, что хотя бы не слишком правильно сказано.

— Сигналы с радара больше не поступают,— сказал Петр Яков.

— Ладно. Оставьте его и ведите визуальное наблюдение,— ска-

зал Бейкер.— Хаустон, Хаустон, вы получаете что-нибудь от нас по каналу телевидения?

— ...да, «Молотлэб»... ИРД... Шарпс в восторге, дайте больше... повышенная мощность передачи...

— Я повышу мощность передачи, когда Молот окажется ближе,— сказал Бейкер. Он не знал, слышат ли его на Земле.— Нам приходится беречь батареи.— Он взглянул на часы. Через десять минут твердые составляющие ядра кометы максимально приблизятся к лаборатории. А через двадцать минут, вероятно, они уже начнут удаляться. Ну, через полчаса. Я увеличу мощность передатчика через пять минут. Повторяю: увеличу мощность — до полной — через пять минут.

Звон!

— Что там, мать его так?— крикнул Бейкер.

— Давление не изменилось,— сказал Яков.— Во всех трех кабинах давление прежнее.

— Ну и ладно,— невнятно пробормотал Рик. Космонавты перекрыли воздушный шлюз между «Аполлоном» и «Союзом» — оправданная мера предосторожности. Рик на всякий случай держал наготове противометеоритный пластырь. «Молотлэб»— мишень далеко не такая уж маленькая.

«А вот как инженеры определяют, какого размера должен быть противометеоритный пластырь?»— подумал Рик. Рассчитывают, какой максимальный размер дыры, которую еще имеет смысл заделывать? Ибо дыра, превышающая определенный размер, прикончит экипаж корабля в любом случае? А, дьявол со всем этим! Рик снова занялся фотографированием. Оптика показывала ему: словно галактика, состоящая из пенящегося льда, словно чудовищный, как в замедленной съемке, выстрел, взрыв — приближающийся на глазах, расширяющийся во все стороны. Выстрел был нацелен почти точно в «Молотлэб», он *обволакивал* лабораторию.

— Господи, Джонни, она приближается...

— Ладно. Петр, готовьтесь пустить в ход главный телескоп. Я сейчас выдам полную мощность. Начнем вести передачу... Хаустон, Хаустон, визуальные наблюдения показывают, что внешний край ядра заденет Землю. Определить размер обломков, которым предстоит столкнуться с Землей, не можем.

— Земля наверняка получит это сообщение,— сказала Леонилла Малик.— Петр, Москва тоже обязана получить эти сведения.— Она говорила настойчиво, в голосе ее звучал страх.— Вы обязаны это сделать.

— Что?— спросил Рик Деланти.

— Комета движется в восточном направлении,— сказала Леонилла.— В наибольшей степени ущерб будет нанесен Соединенным Штатам, но значительная часть обломков движется по направлению

к Советскому Союзу. Очень велика вероятность, что вызванные их падением взрывы будут неверно истолкованы. Намеренно неверно истолкованы. Какой-нибудь фанатик...

— Зачем вы это говорите?— резко спросил Яков.

— Вы сами знаете, что все это правда,— закричала Леонилла.— Фанатики! Вроде тех психов, убивших моего отца! А великий Сталин оказался вовсе не бессмертным! Не притворяйтесь, будто верите, что эта порода сумасшедших уже вымерла!

— Чепуха,— фыркнул Яков. Но все же подплыл к передатчику, и Рику Деланти показалось, что голос Якова звучит весьма настойчиво.

Падение молота: один

В 1968 году, когда астероид Икар подошел к Земле на близкое расстояние, в массах возник пусть и не слишком большой, но несомненный страх: некоторые люди боялись, что приближается конец света. Получили распространение слухи, что, начиная с 1968 года, мир будет потрясен многочисленными катаклизмами. Когда информация о том, что Икар приближается к Земле и что момент наибольшего сближения придется на 15 июня 1968 года, получила определенное распространение в массах, она каким-то странным образом была расценена некоторыми как подтверждение истинности верований, считающих, что неизбежен близкий конец света. В Калифорнии группы хиппи бежали в горы Колорадо. Хиппи утверждали, что в горах у них остается шанс выжить, ибо астероид столкнется с Землей, вследствие чего Калифорния будет поглощена океаном.

Даниэль Коэн.
Каким окажется
конец света

О народ мой! Услышь слова Матфея! Разве не предвещал он, что Солнце померкнет, и Луна перестанет светить, и звезды упадут с неба? Так разве не настал час сей!

Покайся, народ мой! Покайся и будь настороже, ибо комета

Божья, Молот, опускается на эту грешную Землю. Услышь слова пророка Михай: «И увидь: комета Божия падет на место сие, вылетев из чертогов Его, и будут попраны ею высоты земные. И горы расплавятся под кометы пятой, и долины превратятся в ущелья, и будет Земля перед кометой как воск перед огнем. И Земля затоплена будет водой.

Комета — это его приход! Поскольку Он придет, чтобы судить Землю. Он придет творить справедливый суд над миром и над народами по правде своей!»

— Вы прослушали проповедь преподобного Генри Армитажа в передаче «Близится час». Наша радиостанция, как и все другие радиостанции, транслирующие передачу «Близится час», могут осуществлять свою работу благодаря вашим пожертвованиям. Мы молим Господа благословить всех жертвователей, проявивших щедрость и великодушие.

Но более никаких пожертвований делать не нужно. Час близится. Час почти настал.

* * *

Ясный безоблачный летний день. С моря дует свежий ветер. Лос-Анджелес чист от смога, Лос-Анджелес прекрасен, в Лос-Анджелесе сейчас хорошо.

Слишком уж хорошо, подумал Тим Хамнер.

Перед ним встала — лицом к лицу — ужасающая проблема. Лучше всего ночное небо наблюдать, находясь в горах, и большую часть прошедшей недели Тим провел в своей горной обсерватории. Но лучше всего вид на комету Хамнера—Брауна в ее максимальном приближении к Земле открывается из космоса. Поскольку самолично Тим в космосе оказаться не может, он остановился на следующем, наиболее приемлемом выходе: увидеть все, что только можно, на экране цветного телевизора. Убедить Чарли Шарпса пригласить его, Тима, в ИРД было не так уж трудно.

Тим предполагал явиться в институт в половине десятого, но... до самого рассвета он любовался безоблачным небом, пересеченным ярко светящимися бархатными лентами. Потом он вылез из кресла, стараясь не думать о кровати, но ведь от нескольких минут отдыха вреда не будет...

И разумеется, он проспал. В голове гул, глаза слипаются — Тим изо всех сил гнал свой «гранд прикс» по шоссе Вентура к Пасадене. Несмотря на то что выехал он поздно, Тим все же надеялся успеть вовремя. Других машин на шоссе было мало.

— Дурачье,— пробормотал Тим. Страх Молота. Тысячи лос-анджелесцев удрали в горы. Гарви Рэнделл сказал Тиму, что всю не-

делю движение на дорогах будет невелико — и он был прав. Автомобилей очень мало — ибо, по блестящему выражению Марка Ческу, настал день порции мороженого (которое упадет во вторник на этой неделе).

Автомобиль впереди зажег задний красный фонарь. Вспыхнула целая цепочка красных огней. Движение замедлилось. Тим выругался. Поле зрения заслонял едущий впереди грузовик, так что Тим не мог разглядеть, что там стряслось. Автоматически он вывернул на встречную полосу, проскочив на волосок от зеленого «форда». Сидящая в «форде» приятного вида крохотная старушка яростно обругала Тима, когда он появился прямо перед ее носом.

— Дура,— пробормотал Тим. Что случилось там, впереди? Движение, похоже, застопорилось полностью. Он увидел парковочную стоянку. Большая стоянка. Где она кончалась, не было видно. Может, она тянется вплоть до Голден Стейт, подумал Тим. Черт побери! Он оглянулся через плечо. Патрульных не видно. Плюнув на все, Тим повел машину вперед, мимо остановившихся автомобилей, и наконец выехал на обочину.

Справа теперь оказалось кладбище Лесной Лужайки. Не первоначальное, воспетое в рассказах и песнях, но то его отпочкование, которое расположилось на Голливудских холмах. Машин здесь на улицах много — не проехать. Тим повернул налево, повел машину по шоссе. На лице его застыла мрачная маска, в которой беспокойство смешивалось со злобой. И без того плохо, что день порции мороженого Тим проводит не в своей обсерватории, но чтобы еще и такое! Сейчас Тим находился лишь в деловой части Бурбанка. Между тем комета вот-вот выйдет в точку наибольшего сближения с Землей.

— Не повезло!— взвыл Тим. Он орал, пешеходы оглядывались на него, потом отводили взгляд, но Тима их мнение не волновало.— Не повезло.

* * *

Дул ветер, наэлектризованный предчувствием опасности. Эйлин Ханкок казалось, что чьи-то призрачные пальцы ерошат ей волосы на затылке. Сейчас признаки того, что люди ожидают беды, были более заметны, чем раньше. Машин на улицах было мало, но казалось, что управляют ими совершенно неопытные водители. Они совершали неправильные обгоны, реагировали на изменение обстановки слишком медленно или, наоборот, слишком поспешно. Среди машин было много трейлеров, доверху забитых всяким домашним барахлом. Эйлин это зрелище напомнило войну: беженцы. Но ни-

когда беженцы из стран Азии или Африки не тащили с собой птичьи клетки, матрасы «лучший отдых» и стереоаппаратуру.

На Восточной Вентура один из трейлеров опрокинулся, заблокировав все три линии встречного движения. Части машин (очень немногим) удавалось проскользнуть сбоку, но остальным пришлось остановиться: дорогу перекрыло высыпавшееся из трейлера барахло. Небольшой пикап, столкнувшийся с трейлером, перегородил выезд на боковую улицу.

Благодарение Богу, что я-то еду в Голден Стейт, подумала Эйлин. Она почувствовала приступ мгновенной жалости ко всем тем, кто сегодняшним утром пытался попасть в Пасадену. И она зло выругалась по адресу трейлера и его хозяина. Попутным машинам трейлер мешал тоже, они еле ползли, и, чтобы проехать сто ярдов до ответвления на Бурбанк, пришлось затратить не менее пяти минут. Потом, бешено промчавшись по улицам, Эйлин въехала на парковочную стоянку, на участок, где на табличке была обозначена ее фамилия. (Корриган, обещавший ей персональный участок, сдержал свое слово.) Ее охватило чувство облегчения: всюду, куда ни посмотри, виднелись фигуры полицейских Бурбанка.

Контора Корригана располагалась вблизи супермаркета. Она казалась маленькой, но такой вывод был бы неверным: склады располагались в другом месте, в переулке по ту сторону здания. Приемная была декорирована голубым нейлоном, коричневым деревом и хромом. Хром вечно нужно было полировать. Его вечно и полировали. Эйлин верила, что оптовые покупатели от такого зрелища должны проникнуться убеждением, что они имеют дело с надежным партнером, способным выполнять взятые на себя обязательства. И в то же время обстановка не настолько богата, чтобы у покупателя появилось искушение настаивать на чрезмерном снижении цен. Входная дверь была уже отперта.

— Кто здесь?— крикнула Эйлин.

— Я,— переваливающейся походкой из своего кабинета вышел Корриган. За ним следовал запах кофе. Эйлин давным-давно установила в конторе автоматическую систему «Силекс» с таймером. И последнее, что по вечерам перед уходом с работы делала Эйлин, это устанавливала «Силекс» на определенное время — на начало рабочего дня. Простенький, казалось бы, фокус, но от этого утреннее настроение Корригана волшебным образом улучшалось. Улучшалось — но только не сегодняшним утром.

— Почему опоздали?— грозно спросил он.

— Из-за затора. На Восточной Вентура произошло крушение.

— Гм-м.

— Вы тоже ощутили, что с уличным движением сегодня не все в порядке?— сказала Эйлин.

Корриган нахмурился, затем глуповато заулыбался.

— Да-а. Наверное, так. Я боялся, что вы вообще не явитесь. В конторе никого нет, а на складах — только три человека. Радио утверждает, что в доброй половине предприятий на работу вышла лишь половина служащих.

— Да и те, кто вышел, включая нас, боятся.— Обогнув Корригана, Эйлин прошла в свой кабинет. Стеклянная поверхность ее письменного стола сияла, словно зеркало. Эйлин поставила на стол диктофон, вытащила ключи... но раздумала открывать стол. Вместо этого она вернулась в приемную.

— Сегодня мое рабочее место — здесь.

Корриган пожал плечами. Посмотрел в окно:

— Сегодня все равно никто не придет.

— К десяти должен явиться Сабрини,— сказала Эйлин.— Сорок ванных комнат и кухонь, если мы сможем оформить их декор так, как он хочет, и за ту цену, которую он хочет.

Корриган кивнул. Казалось, он не слышал того, что говорила Эйлин.

— Что это, черт побери?— Корриган ткнул пальцем в окно.

По улице шла цепочка людей, одетых в белые балахоны, поющих гимны. Люди шагали в ногу. Эйлин вгляделась и поняла, почему они так идут: одетые в балахоны были скованы общей цепью. Она пожала плечами. В нескольких кварталах отсюда киностудия Диснея, а еще чуть подальше — НБС. Кино- и телекомпании часто использовали Бурбанк как место для съемок.

— Вероятно, проводится проба для «Сделаем дело». Репетируют. Групповая съемка.

— Слишком рано,— сказал Корриган.

— Тогда это Дисней. Глупо таким способом зарабатывать себе на жизнь.

— Не видно машин с кинокамерами,— без особого интереса сказал Корриган. Понаблюдал еще несколько секунд.— А что говорит на этот счет ваш богатый приятель? Сегодня, можно сказать, его день.

На мгновение Эйлин почувствовала себя ужасно одинокой.

— Давно с ним не виделась.

И принялась доставать папки с цветными фотографиями. Разложила фотографии так, чтобы каждому стала ясна привлекательность дополнительно устанавливаемого оборудования: именно такая ванная комната снится по ночам вашим клиентам.

* * *

Движение на Аламеде было быстрое. Тим Хамнер попытался припомнить, каков рельеф местности к северу от Пасадены. Как раз впереди высокие холмы. Это холмы Вердуго, которые перерезают

долину Сан-Фернандо и у подножия которых расположены города, лежащие за Бурбанком. Тим знал, что где-то там проходит новое шоссе, но понятия не имел, как отыскать его.

— Будь оно все проклято!— заорал он. Месяцы подготовки, месяцы ожидания своей — именно своей!— кометы, и вот сейчас комета приближается со скоростью пятьдесят миль в секунду, а он еще проезжает где-то в районе студии Уолта Диснея. Какой-то частью своего разума Тим понимал, что все это просто забавно, но вообще в данной ситуации ему было не до юмора.

По Аламеде и Голден Стейт, подумал Тим. Если там нет заторов, я проеду там, а потом вернусь обратно на Вентура. А если там затор, я просто буду ехать где можно, и плевать мне на штрафы... а что это впереди?

Это не просто обычная пробка на перекрестке, где машины неподвижно застывают перед зелеными огнями светофоров. Нет, здесь нечто большее.

Водители пытались перехитрить друг друга, чтобы выбраться на свободное пространство. Автомобили выезжали на тротуары и ехали по ним. Большинство машин просто стояло, и водители, выйдя из них, шли пешком. Тесная сутолока автомашин и людей. Надо вырулить, пока не поздно, вправо. Тим, не задумываясь, повернул и поехал через автостоянку, надеясь, что вслед за движущимися еще автомобилями он прорвется на следующую улицу.

А вот теперь — все! Оказавшись на стоянке, Тим обнаружил, что выезд с нее полностью перекрыт громадным грузовиком. Тим злобно дал по тормозам и перекинул рычаг на «стоянку». Медленно повернул ключ зажигания. А затем остервенело выругался, используя выражения, которые не употреблял на протяжении многих лет. Выехать обратно было уже невозможно: дорогу преградило множество машин. Вся стоянка была забита.

«Что же мне делать?»— подумал Тим. Вылез из машины, решив пешком идти к Аламеде. Магазины, где продаются телевизоры, мелькнула мысль. А если телевизоры переключены на другую программу, если там нельзя будет увидеть комету, что ж, я просто куплю себе тут же один из них.

Аламеда была забита автомашинами. Машины не двигались, стояли — бампер к бамперу. Где-то впереди кричали; похоже, центр крика приходился как раз на перекресток. Ограбление? Убийство? Тиму не хотелось быть замешанным во всем этом. Но нет, там кричали не в страхе, кричали в ярости. И кроме того, перекресток так и кишит одетыми в голубую форму полицейскими. Там происходило что-то иное. Кто там — в белых балахонах?

Один из белобалахонщиков как раз шел по направлению к Тиму. Хамнер попытался отойти в сторону, но человек в белом заступил ему дорогу.

Одеждой этот балахон назвать было бы трудно. Вероятно, человек просто завернулся в простыню. Из-под простыни виднелось обыкновеннейшего вида белье. Перед Тимом стоял юнец с пушистой бородой. Юнец улыбался, но улыбался настойчиво.

— Сэр! Молитесь! Молитесь, чтобы спастись от Молота Люцифера! Осталось совсем мало времени!

— Сам знаю,— ответил Тим, пытаясь удрать, но парень пошел рядом.

— Молитесь! На нас пал гнев Божий. Час приближается, он уже настал, но Бог спасет город, если в нем сыщется хотя бы десять праведников. Покайтесь, и вы спасете себя и спасете наш город.

— Сколько вас здесь?— спросил Тим.

— Здесь сто детей,— сказал парень.

— Уже больше, чем десять. А теперь дайте мне пройти.

— Но вы не понимаете. Мы спасем город, мы, дети кометы. Мы месяцами молились. Мы обещали Богу, что раскаются тысячи.— Карие глаза юнца настойчиво всматривались в лицо Тима. Затем глаза вспыхнули: парень узнал.— Так вот вы кто! Вы Тимоти Хамнер! Я видел вас по телевизору. Молитесь, брат. Слейтесь с нами в молитве, и об этом узнает весь мир!

— Наверняка узнает. Там дальше по дороге — НБС.— Тим нахмурился. За спиной кометного дитяти выросли фигуры двух полицейских. И полицейские отнюдь не улыбались.

— Этот человек пристает к вам, сэр?— спросил тот полицейский, что повыше.

— Да,— сказал Тим.

Полисмен ухмыльнулся.

— Вот как!— и схватил одетого в балахон юнца за руку.— Вы должны соблюдать тишину. Если вы сдаетесь без сопротивления...

— Ох, как знакомо мне все это!— сказало дитя кометы.— Но посмотрите на него! Ведь это тот человек, который изобрел комету!

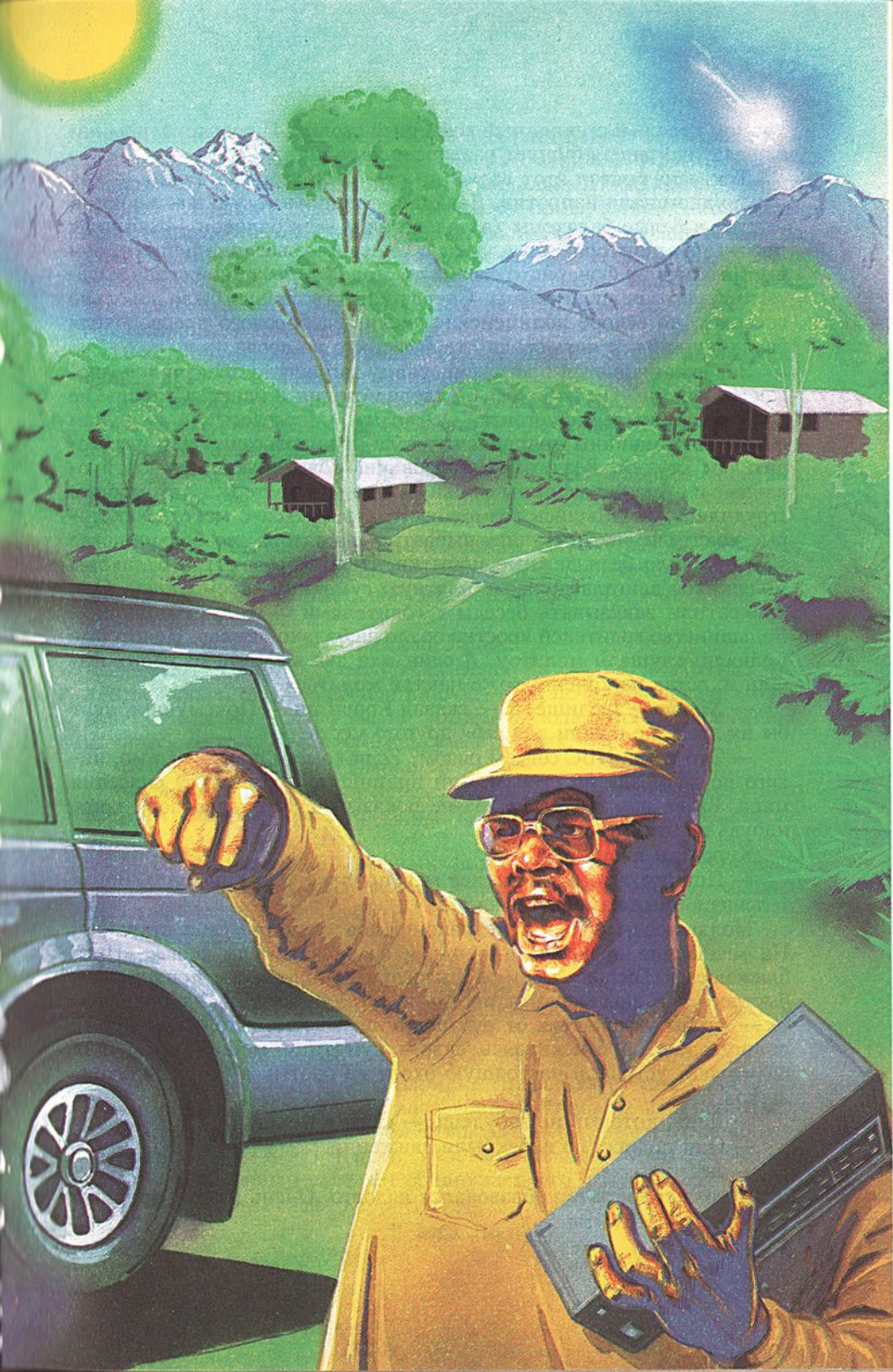
— Никто не может изобрести комету, идиот,— сказал Тим.— Офицер, вы не знаете, где здесь телевизионный магазин? Я хочу увидеть, как выглядит комета из космического пространства.

— Вот в этом направлении. Вы можете сообщить нам свою фамилию и адрес?

Тим вытащил визитную карточку и сунул ее полицейскому. И заспешил в указанном направлении — к следующему перекрестку.

* * *

Вид из окна открывался великолепный. Эйлин сидела рядом с Джо Корриганом и мелкими глотками потягивала кофе. Было несомненно, что архитекторы не предусмотрели подобных уличных заторов. Эйлин и Корриган подтащили к окну большие, отделанные

хромом кресла и стеклянный кофейный столик. И развлекались, наблюдая, как внизу бушует разъяренная толпа.

Тех, кто вызвал этот взрыв ярости, было хорошо видно — как раз по диагонали напротив. Двадцать-тридцать мужчин и женщин, одетых в белые балахоны (и далеко не у всех балахон — обычная простыня), перегородили Аламеду. Скованные воедино цепями, они выстроились от фонарного столба до столба телефонной связи. Одетые в балахоны пели гимны. Сперва качество пения было довольно сносным, но вскоре полицейские увели седобородого предводителя балахонщиков, и петь стали кто в лес, кто по дрова.

Задержанное этой преградой, улицу запрудило превеликое множество машин. Их набилось — словно сардин в банке. Старенькие продовольственные фургоны — «форды». «Мерседесы» — за рулем шофер, эти машины принадлежат теле- и кинозвездам или руководителям студий. Вездеходы, грузовики, новехонькие, импортированные из Японии машины «шеви» и «плимут дастер»... Автомобили сгрудились, лишившись возможности стронуться с места. Некоторые водители еще пытались вырваться из затора, но большинство уже оставило безнадежные попытки. Цепочка одетых в балахоны молящихся двигалась сквозь плотную сумятицу автомобилей. Они прекратили завязывать беседы с водителями — только молились. Большинство водителей яростно орало на балахонщиков. Некоторые молчали: слушали молитву. А один или два вылезли из своих машин и, встав на колени, тоже начали молиться.

— Хорошее зрелище, а?— сказал Корриган.— Почему они, черт бы их драл, не нашли для себя другого места?

— Это когда НБС совсем рядом? Если комета пройдет мимо, никого не размазав по стенам, они припишут себе заслугу спасения мира. Разве нам из года в год не показывают по телевизору кого-нибудь из этих пустоголовых?

Корриган кивнул:

— Похоже, что сегодняшнее мероприятие у них надолго. Вон и телевизионные камеры появились.

Молящиеся, увидев телевизионщиков, удвоили свои старания. На мгновение прекратили пение и сразу затянули снова: «Приближаюсь к Господу моему». Выговаривать слова им приходилось быстрее, чем положено, а иногда и останавливаться на полуфразе — чтобы уклониться от рук полиции. Одетые в голубую форму полицейские, протискиваясь сквозь сумятицу машин и орущих водителей, устроили настоящую охоту на одетых в белое балахонщиков.

— День, который не забудешь,— сказал Корриган.

— Они полностью перекрыли движение.

— Ага.

Несомненно, затор образовался надолго. Очень многие машины

уже были покинуты их водителями. Корриган видел все больше людей, пешком пробирающихся среди автомобилей. Промеж белого (балахоны) и голубого (униформы) появились новые цвета — спортивные рубашки и серые фланелевые костюмы. Улица заполнилась водителями. Многие дошли до такого состояния, что были готовы на убийство. Многие, заперев свои машины, просто брели прочь в поисках кофейной. Супермаркет поблизости сделал неплохой бизнес на продаже пива. Но и в этом случае тротуары были заполнены людьми. Люди молились.

В контору вошли двое полицейских. Эйлин и Корриган поздоровались с ними. Оба полицейских регулярно дежурили по соседству, и тот, который помоложе, Эрик Ларсен, часто сопровождал Эйлин, когда она ходила пить кофе в местный «Оранжевый Джулиус». Эрик напоминал Эйлин ее младшего брата.

— У вас есть ножовки? — у детектива Гарриса вид был деловой чрезвычайно. — Нам сегодня нелегко приходится. Работы много.

— Наверное, есть,— сказал Корриган. Снял телефонную трубку и нажал кнопку. Подождал. Ответа не было.— Эти чертовы служащие склада все на улице: любуются зрелищем. Ну, я им покажу,— и он пошел к двери.

— А ключей нет?— спросила Эйлин.

— Нет.— Ларсен улыбнулся, глядя на Эйлин.— Прежде чем явиться сюда, они выбросили ключи.— Он печально покачал головой.— Если мы вскоре же не уберем отсюда этих сумасшедших, начнется мятеж. Мы не сможем защитить их.

Второй полицейский фыркнул:

— Можете извиниться перед Джо за то, что я отнимаю у него время. Они — *глупцы.* Иногда мне кажется, что глупцы унаследуют Землю.

— Весьма возможно.— Эрик Ларсен стоял у окна, наблюдал за детьми, лениво насвистывая сквозь зубы: «Вперед, солдаты Христа».

Эйлин хихикнула:

— О чем вы задумались, Эрик?

— А?— Вид у Эрика был глуповатый.

— Профессор размышляет над своим киносценарием,— сказал Гаррис.

Эрик пожал плечами:

— Тогда уж над телесценарием. Представьте: там появляется Джеймс Гарнер. Он разыскивает убийцу. Один из выведенных из себя водителей совершает убийство. Затем он срывает с одного из молящихся простыню и цепь, надевает на себя, и мы уводим его раньше, чем Гарнер успевает обнаружить его...

— Иисусе,— сказал Гаррис.

— Мне кажется, это очень хороший сюжет,— сказала Эйлин.— А кого он убил?

— О, разумеется, вас.

— Ого!

— Прошлой ночью я видел столько убитых красивых девушек, что состарился на двадцать лет,— пробормотал Гаррис. Вид у Эрика мгновенно стал совершенно кроличьим.

Вернулся Джо Корриган, неся восемь пил с длинными ручками. Полисмены поблагодарили его. Гаррис торопливо нацарапал на расписке свое имя и номер удостоверения. Четыре пилы он отдал Эрику Ларсену. И оба поспешили к выходу, чтобы раздать ножовки остальным полицейским. Люди в голубой униформе двинулись вдоль шеренги молящихся, освобождая их от цепей и тут же заковывая снова — в наручники. Полицейские отталкивали детей к обочине. Некоторые балахонщики сопротивлялись, но большая часть безвольно подчинялась.

Корриган в недоумении поднял взгляд:

— Что это?..

— А?— Эйлин рассеянно оглядела кабинет.

— Не могу понять.— Корриган нахмурился, пытаясь припомнить, но то, что он только что ощутил, было слишком смутным. Словно на мгновение, открывая солнце, раздвинулись тучи. И тут же сомкнулись снова. Но в небе не было никаких туч. На улице стоял ясный безоблачный летний день.

* * *

Дом был красивый, и расположен он был красиво. Спальни — словно руки, протянувшиеся от туловища огромной, расположенной в центре гостиной. Алиму Нассору всегда хотелось иметь камин. Он представил, как устраивает в этом доме вечеринки, братья и сестры плещутся в плавательном бассейне, гул голосов. Густой запах марихуаны — такой густой, что воображаешь себя на седьмом небе, и много, очень много пиццы... Когда-нибудь у него будет такой дом. А сейчас он этот дом грабит.

Гарольд и Ганнибал заворачивали в простыню столовое серебро. Джей пытался обнаружить сейф — искал по своему, характерному для него методу. Встав в центре комнаты, он медленно осматривал все вокруг. Затем заглядывал за картины, срывал ковры. Переходил в другую комнату, вставал посредине, осматривался, открывал шкафы... и так до тех пор, пока не находил сейф. В данном случае он обнаружил сейф, вмонтированный в бетонную стену за ковром в туалете. Он вытащил из чемоданчика дрель.

— Подключай.

Алим воткнул вилку в розетку. Даже он — он!— повиновался приказам, когда это необходимо. И распорядился:

— Если мы ничего не найдем и на этот раз, никаких больше сейфов.

Джей кивнул. Они уже вскрыли четыре сейфа в четырех подряд домах и ничего не обнаружили. Похоже, что все в Бел-Эйре поместили свои драгоценности в банк. А может, прихватили их с собой.

Алим вернулся в гостиную. Глянул сквозь газовые занавески. Ясный, безоблачный летний день, очень тихо, никого не видно. Половина местных обитателей удрала в горы, а те, что остались, заняты своими домашними делами (какими бы ни были дела у владельцев домов, подобных этому). И вообще, все, кто остался дома, должно быть, смотрят сейчас телевизоры, чтобы понять, не совершили ли они ошибку. Они — как те, из этого дома, они тоже боятся кометы. А люди, подобные Алиму или матери Алима, которая всю жизнь работала, отскребая чужие полы, его матери, с ее изуродованными коленями... или даже люди, подобные лавочнику, которого он застрелил, этим людям приходится бояться слишком многого, бояться реального, чтобы их тревожили какие-то чертовы всполохи на небе.

Итак: улица пуста. Никаких затруднений, и предыдущие ограбления прошли что надо. Мать их так, эти драгоценности. Уже набрали серебра, картин, телевизоров — от крошечных до громадных, телевизоров было по два, по три, по четыре на каждый дом. За сиденьями автомобиля лежат домашний компьютер, большой телескоп (странная штука, ее нелегко будет сбыть) и с дюжину пишущих машинок. Обычно при ограблениях удавалось добыть и какое-то количество ружей, но на этот раз — нет. Ружья прихватили с собой их бежавшие владельцы.

— Ни хрена себе! Эй, братья...

Алим кинулся на голос. Столкнулся в дверях с Гарольдом — чуть не застряли.

Джей вскрыл сейф и уже вытаскивал оттуда двойные пластиковые пакеты. А в них то, что не сдашь в подвалы ни одного банка. Три пакета славного, милого сердцу снадобья. О, мистер Белый, а ваши соседи знают о том, что вы храните в своем сейфе? Небольшие, но увесистые мешочки: кокаин, темного цвета гашиш. И еще маленькая бутылка с чем-то, что может оказаться гашишевым маслом, но лишь псих, не взглянув на этикетку, испробует из этой бутылки. Джей, Гарольд и Ганнибал захмыкали. Загомонили. Джей кинулся искать бумагу, нашел. Начал сворачивать самокрутку.

— Мать вашу этак!— Алим ударил Джея по рукам. Снадобье высыпалось из выпавшей самокрутки.— С ума сошел? Это когда

работа еще не окончена и у нас впереди четыре дома?! Отдай мне это! Отдай все! Вам хочется повеселиться? Отлично, мы прекрасно повеселимся, когда кончим работу и вернемся домой!

Братьям все это не понравилось, но они подчинились — отдали пакеты Алиму, и он рассовал их по карманам своей мешковатой военной куртки. Потом он хлопнул парней пониже спины, и они ушли, таща на себе тяжелые, свернутые из простыней узлы.

Никакого веселья Алим устраивать не собирался. Да и не в этом дело. Но по крайней мере, они сохранят ясные головы до тех пор, пока работа не будет закончена.

Алим забрал еще радиоаппарат и тостер и направился вслед за братьями к выходу. Замигал, оказавшись в свете ясного солнечного дня. Джей на заднем сиденье укрывал брезентом награбленные шмотки. Гарольд заводил двигатель. Все хорошо. Стоя у открытой дверцы машины, Алим оглядел улицу.

И увидел, что высокое дерево, растущее посреди лужайки, отбрасывает две четко очерченные тени.

И вот то дерево, поменьше: тоже две тени. Он глянул себе под ноги и увидел, что и у него две тени. Алим поднял взгляд вверх и увидел его — второе Солнце. Это второе Солнце падало с неба, падало куда-то за горы. Он замигал, он крепко, изо всех сил зажмурился. Все застлала ярко-фиолетовая пелена.

Он влез в грузовичок.

— Поехали.— И пока машина разворачивалась, включил рацию: — На связь, Джаки. На связь, Джаки. Джаки, так твою мать, отвечай!

— Кто это? Алим Нассор?

— Да. Ты видел это?

— Что — «это»?

— Комету! Божий Молот! Я видел ее падение! Я видел, как она горела, падая с неба, горела, пока не упала! Джаки, слушай внимательно... внимательно, потому что через минуту рации окажутся бесполезными. Произошло столкновение. Все эти слухи, выходит, правда. Мы влипли.

— Алим, вы, должно быть, обнаружили что-нибудь стоящее. Настоящее снадобье, без подделок? Кокаин, наверное?

— Джаки, это — правда. Это — столкновение, весь мир полетит вверх тормашками. Теперь жди землетрясений и цунами. Вызови всех, кого только можешь, и скажи им, что мы встречаемся у... в общем, дом поблизости от Грейпвайна. Нам следует держаться вместе. Утонуть мы не утонем, мы высоко над уровнем моря, но мы должны быть вместе.

— Алим, ты свихнулся. Мне еще нужно обойти два дома, у нас неплохая добыча, а ты ведешь себя так, будто наступает конец света...

— Вызови кого-нибудь, Джаки! Ведь кто-то, кроме меня, видел ее! Пока еще работают рации, я попробую связаться с остальными.— Алим прервал связь.

Грузовичок ехал по подъездной аллее. Лицо Гарольда было цвета мокрого пепла.

— Я тоже видел ее,— сказал он.— Джордж... Алим, ты считаешь, что тут достаточно высоко, чтобы нас не затопило? Я боюсь утонуть.

— Мы сейчас в самом высоком месте. Чтобы добраться в Грейпвайн, нам придется ехать вниз. Поехали, Гарольд. Нам нужно пересечь низменность до того, как дожди станут чересчур сильными.

Гарольд резко рванул вдоль улицы. Алим потянулся за рацией. На самом ли деле здесь достаточно высоко, чтобы они не утонули? Хоть кто-нибудь где-нибудь может быть сейчас уверенным, что он не утонет?

ВТОРНИК КАТАСТРОФЫ: один

Пытаясь спастись, я бежал к скале.
Но скала отказала в приюте мне.
Она крикнула: «Здесь ты не спрячешься!
Нет, нигде не спрячешься ты...»

Вершина горной цепи Санта-Моника — весьма неудобное место, чтобы жить здесь. Торговые центры далеко. Дороги — опасные, кое-где их поверхность лежала чуть ли не в вертикальной плоскости. И тем не менее здесь было много домов. Много, потому что в этих местах селился избыток населения.

Избыток, создаваемый городами.

Вид, который открывался с вершины этой ночью, с понедельника на вторник, был совершенно неправдоподобным. Единственным в своем роде. По одну сторону лежал Лос-Анджелес, по другую — долина Сан-Фернандо. Ночью города кажутся коврами, их многоцветное сияние простирается в бесконечность. Шоссе — реки света, протекающие через моря тьмы. Кажется, что весь мир превратился в единый город, и как это здорово!

Все же на гребне оставались еще не занятые никем места. На закате солнца Марк, Фрэнк и Джоанна свернули с шоссе Мулхолланд и двинулись на мотоциклах вверх по склону. Лагерь разбили в окружении скал, так, чтобы их не могли заметить случайные мотобродяги. И от ближайших домов лагерь отделяло приличное расстояние.

Фрэнк Стонер обошел кругом вершину горы, поглядел на склоны — и с той и с другой стороны, кивнул, соглашаясь сам с собой. Не добраться. Слишком опасны покрытые грязью откосы. В общем-то ничуть не важно, почему никто не построил себе здесь дом, но Фрэнку Стонеру не нравилось, когда на возникший у него вопрос не находилось ответа. Он повернул обратно, туда, где Марк и Джоанна устанавливали походную кухонную плиту.

— Возможно, у нас нервные соседи,— сказал Фрэнк.— Давайте приготовим обед, пока еще светло. После наступления темноты никаких фонарей или огней.

— Я не понимаю...— начал Марк. Но Джоанна нетерпеливо его оборвала.

— Пойми, вблизи этих домов нет ни одного полицейского участка. Люди, переселившиеся сюда, становятся подозрительными. Не нужно, чтобы мы провели ночь перед днем падения порции мороженого у шерифа Малибу.— И отошла, чтобы прочесть инструкцию, как следует приготовить обед из взятых ими с собой обезвоженно-замороженных продуктов. Джоанна не умела хорошо готовить, но, если предоставить это дело Марку, он сготовит обед по своему усмотрению — и, может быть, это окажется очень вкусным, а может быть, и совсем наоборот. Коли следовать инструкции, наверняка получится нечто съедобное, а Джоанна была голодна.

Она сравнила взглядом обоих мужчин. Фрэнк Стонер башней возвышался над Марком. Высокий, сильный, физически привлекательный. Это чувство охватывало Джоанну и прежде. Должно быть, он чертовски хорош в постели.

Хотя это чувство охватывало Джоанну и прежде, она никогда не ловила себя на мысли, что может сойтись с другим мужчиной. И она удивилась, что у нее могла возникнуть эта мысль. Она живет с Марком, но кажется, что они живут вместе чуть не шутки ради. Джоанна не знала, любят ли они с Марком друг друга — просто потому, что не знала, что такое любовь. Но в постели им хорошо, и они не часто занимались взаимной трепкой нервов. Так откуда эта внезапная тяга к Фрэнку Стонеру?

Она вывалила бефстроганов в кастрюлю и, наклонив голову, чтобы другие не могли этого увидеть, улыбнулась. Они захотят узнать, чему она улыбается, а причину ей объяснять было бы неохота. Если б она сама понимала, почему ее потянуло к Фрэнку Стонеру...

Но это внезапное влечение обеспокоило ее. Родители Джоанны принадлежали к верхней прослойке среднего класса, и они дали ей очень хорошее образование. Пользы эта образованность приносила ей немного, но в Джоанне развилась любознательность. Особенно интересовали ее люди, в том числе и собственная персона.

— Здесь просто великолепно,— сказал Марк.

Фрэнк хмыкнул неодобрительно.

— Нет? А почему нет? Где было бы лучше?— спросил Марк. Данное место подобрал он и гордился этим.

— В Можави лучше,— рассеянно сказал Фрэнк. Он разложил свой спальный мешок и сел на него.— Но туда бы пришлось далеко добираться... неизвестно зачем. А все же... плита под нами плохая.

— Плита?— спросила Джоанна.

— Тектоническая плита,— объяснил Марк.— Ты ведь знаешь, что континенты плывут по поверхности расплавленного горного вещества, скрытого в недрах Земли.

Фрэнк с рассеянным видом слушал это объяснение. Нет смысла поправлять Марка. В Можави наверняка было бы лучше. Можави расположен на североамериканской плите. Лос-Анджелес и Байя-Калифорния — на другой. Плиты соединяются вблизи Сан-Андреаса. Если Молот ударит, все наверняка придет в движение. Закачаются обе плиты, но Северная Америка — в меньшей степени.

Однако все это — пустое умствование. Фрэнк связался с ИРД, и там заверили, что вероятность столкновения Молота с Землей чрезвычайно мала. Опасность невелика: ехать по шоссе и то более опасно. Вся эта затея с вылазкой в горы — просто тренировочный турпоход, но Стонер привык, чтобы все, что он делает, делалось основательно и правильно. Он настоял, чтобы Джоанна поехала в поход на собственном мотоцикле, хотя сама она предпочла бы ехать на заднем сиденье мотоцикла Марка. Взяли три мотоцикла, поскольку одного могли лишиться.

— Это все — тренировка,— сказал Фрэнк.— Но может быть, тренировка не без пользы.

— А?— отозвалась как раз включающая кухонную плиту Джоанна. Плита загудела. День клонился к вечеру.

— Нет ничего глупого в том, чтобы быть готовым к тому, что цивилизация рухнет,— сказал Фрэнк.— В следующий раз это будет не Молот, а что-либо другое. Но что-нибудь будет. В общем, читайте газеты.

Вот оно что, подумала Джоанна. Я почувствовала настрой его мыслей. Вот оно почему... Если действительно цивилизация рухнет, то прямой смысл оказаться с Фрэнком Стонером, а не с Марком Ческу.

Фрэнк убеждал отправиться в Можави. Марк отговорил его от этого. Марк не полностью проникся страхом Молота — и, похоже, это с его стороны глупо.

Поели они в более раннее время, чем обычно. Когда покончили с едой, света оставалось как раз достаточно, чтобы вымыть посуду. Когда почти стемнело, они улеглись в спальные мешки. Лежали и смотрели, как гаснет свет над Тихим океаном. Смотрели до той поры, пока не стало слишком прохладно и не пришлось забраться в мешки с головой. Джоанна взяла с собой персональный спальный

мешок и не стала спать вместе с Марком, хотя обычно на лагерных привалах они спали вместе.

Свет дня умирал на западе. Одна за другой появлялись звезды. И сперва были только звезды. А потом в восточной стороне неба вспыхнуло свечение. Ослепительное свечение. Огни разгорались над Лос-Анджелесом, они делались все ярче. И наконец ночь вспыхнула ярче, чем огни Лос-Анджелеса,— небо сверкало, словно вспыхнуло самое ослепительное северное сияние. Зарево делалось все ярче, и уже лишь немногие звезды проглядывали сквозь окутавший Землю хвост кометы.

Они не спали, переговаривались. Вокруг стрекотали сверчки. Днем — хотя Марк и Фрэнк не сговаривались — они выспались. Дневной сон — как признание того, что им уже за тридцать. Фрэнк рассказывал байки о том, каким образом может настать конец света. Марк прерывал его, чтобы высказать собственную точку зрения или что-нибудь добавить. Он пытался угадать, что намерен сказать Фрэнк, и высказать это первым.

Джоанна слушала все это с нарастающим нетерпением. Она лежала молча, размышляла, Марк всегда так. Но никогда прежде это ее не тревожило. Так почему сейчас его поведение — как ножом по горлу? Все то же. О-хо-хо, думала Джоанна, может, это — женский инстинкт? Стремление иметь возле себя более сильного мужчину? Как глупо. Такие мысли противоречат ее образу мышления. Она — Джоанна, полностью раскрепощенная, свободная и самостоятельная, сама определяющая то, как сложится ее жизнь...

Этот конфликт в мыслях натолкнул ее на другую тему. Ей еще нет тридцати, так зачем ей все это, зачем она это делает? Делала и делает? Так дальше продолжаться не может. Подзашибить где-нибудь несколько долларов, когда Марк оказывается без работы, с ревом носиться по всей стране на мотоциклах... Все это весьма забавно, но, черт побери, ей уже пора заняться чем-либо серьезным, иметь за спиной что-то постоянное...

— Спорим, я могу так заслонить плиту, что огня никто не увидит,— сказал Марк.— Джо, хочешь кофе? Джо?

* * *

Совсем рассвело. Фрэнк и Джоанна еще спали. Марк улыбался, словно выиграл в драке. Он наслаждался, наблюдая, как гаснет зарево рассвета. Нечасто случалось в последнее время, чтобы он видел рассвет. А сегодняшний рассвет еще и сиял каким-то колдовским светом. Лучи солнца чуть меркли, приобретали несколько иной оттенок, пройдя сквозь пыль и газы, принесенные к Земле из далей космического пространства.

Марку пришло в голову, что если он позавтракает прямо сейчас,

то успеет добраться до ближайшей телефонной будки и застать Гарви Рэнделла дома. Вероятно, Гарви еще будет дома. Рэнделл приглашал Марка во вторник порции мороженого присоединиться к команде телевизионщиков, но Марк не согласился. Он и сейчас не согласен. Марк разжег плиту, поставил на нее кастрюли. Скоро будет готов завтрак. Он поколебался, будить ли ему остальных. Затем залез обратно в спальный мешок.

Его разбудил запах жарящегося бекона.

— Не стал звонить Гарви, а?— сказала Джоанна.

Марк — напоказ — потянулся.

— Я решил, что лучше смотреть новости по телевизору, чем делать их. Знаешь, где сейчас лучшее на свете зрелище? На экране телевизора.

Фрэнк с интересом наблюдал за ним. Потом мотнул головой, показывая, на какую высоту поднялось солнце. А когда Марк ничего не понял, сказал:

— Посмотри на свои часы.

Уже почти десять! Лицо Марка приняло такое выражение, что Джоанна рассмеялась.

— Черт, мы все пропустили,— пожаловался Марк.

— Нет никакого смысла сейчас спешить куда бы то ни было,— заявил Фрэнк.— Но не беспокойся, передача будет повторяться весь день.

— Можно постучать в какой-нибудь из домов,— предложил Марк. Но Джоанна и Фрэнк высмеяли его, и Марку пришлось признать, что на это и у него самого смелости не хватит. Они быстро поели, а потом Марк откупорил бутылку с вином с холма Стровберри и пустил ее по кругу. На вкус вино было превосходное, оно отдавало фруктами, словно сок, какой пьешь по утрам, но явно было крепче.

— Нам лучше собраться и...— Фрэнк запнулся на полуфразе.

Над океаном вспыхнул яркий свет. Свет — очень далеко и очень высоко, и он очень быстро двигался вниз. Очень яркий свет.

Мужчины молчали. Они просто смотрели. Джоанна в изумлении подняла взгляд, когда Фрэнк замолчал. Она никогда прежде не видела, чтобы Фрэнк чего-либо испугался — чего бы то ни было! И она быстро обернулась, ожидая увидеть Чарльза Мэнсона, несущегося к ним с циркулярной пилой в руках. Потом она посмотрела туда, куда глядели Марк с Фрэнком.

Крошечный, голубовато-белый карлик Солнце стремительно катился вниз. Это было в южной части океана, где-то очень далеко. Солнце-карлик мчалось к плоскому голубому горизонту. Оставляло горящий след. Через секунду Солнце-карлик исчезло, что-то вроде

луча прожектора пронзило оставленный им свет. Луч поднимался все выше, рос, он уже был выше безоблачного неба.

И ничего — одно, два, три мгновения.

Где-то за пределами этого мира вспыхнула белая шаровая молния.

— ...Мороженого. Это на самом деле. Это все на самом деле.— Голос Марка был такой, словно он вот-вот расхохочется.— Нам нужно двигаться к...

— Дерьмо коровье!— Фрэнк рявкнул достаточно громко, чтобы внимание Джоанны и Марка переключилось на него.— Никуда мы не двинемся: скоро начнется землетрясение. Ложитесь. Подстелите под себя свои спальные мешки, нет, залезайте в них. Оставайтесь на открытом месте. Джоанна, ложись здесь. Я застегну твой мешок. Марк, ты там, подальше.

Потом Фрэнк кинулся к мотоциклам. Первый он осторожно положил набок, следующий откатил в сторону и тоже положил его. Действовал Фрэнк быстро и решительно. Вернулся к третьему мотоциклу и откатил его подальше.

В небе вспыхнули три белые точки. Затем погасли — одна, вторая...

Третья, самая яркая, мчалась вниз, к юго-востоку. Фрэнк глядел на свои часы, отсчитывая тиканье секунд. Джоанна в безопасности. Марк в безопасности. Фрэнк притащил свой спальник и лег рядом с ними. Вытащил темные очки. Надел их. То же сделали и остальные. В объемистом спальном мешке Фрэнк казался очень толстым. Из-за темных очков его лицо сделалось непроницаемым. Он лежал вытянувшись, на спине, подложив под голову мощные руки.

— Отличное зрелище.

— Да уж. Детям кометы оно наверняка бы понравилось,— отозвался Марк.— Хотел бы я знать, где сейчас Гарви? Хорошо, что я не согласился с предложением присоединиться к его команде. Здесь мы, наверное, в безопасности. Если горы не обрушатся.

— Заткнись,— сказала Джоанна.— Заткнись. Заткнись.— Но она сказала это так тихо, что не было слышно. Она шептала, и шепот ее тонул в стремительно надвигающемся грохоте.

А потом вздрогнули горы.

* * *

Коммуникационный центр ИРД был набит битком. Репортеры, имеющие специальные пропуска. Приятели директора. Были даже сотрудники института — Чарльз Шарпс, Дан Форрестер и прочие.

Экраны телевизоров ярко светились. Изображение было не того качества, как хотелось бы. Ионизированный хвост кометы взбудоражил верхние слои атмосферы, и картинка на экранах размыва-

лась и шла волнистыми линиями. Не имеет значения, подумал Шарпс. На борту «Аполлона» делаются записи, и позднее, получив эти записи, мы все восстановим. Кроме того, идет съемка с помощью телескопа. В следующий час мы узнаем о кометах больше, чем за предыдущие сто тысяч лет.

Эта мысль воодушевляла, и Шарпс проворачивал ее в голове все снова и снова. То же самое относится и к планетам, ко всей Солнечной системе. Прежде, когда люди выходили в космос (или посылали туда беспилотные корабли), они лишь пытались угадать, как устроена Вселенная. Теперь догадки сменятся знанием. И людям последующих поколений уже не сделать столько открытий, потому что люди этих поколений будут постигать устройство Вселенной, не изучая ее, а читая учебники. Они будут все знать с детства. Не то что я — я уже давно взрослый, и до сего дня мы ничего не знали. Господи, в какое великолепное время я живу. Как я счастлив, что живу в это время.

Числовое табло отсчитывало секунды. Стеклянный экран с нанесенной на нем картиной мира показывал местонахождение «Аполлона» в данное время.

«Аполлона»—«Союза», напомнил себе Шарпс и ухмыльнулся: друг без друга они беспомощны. Соперничество между США и Советами кое в чем может и не нести на себе отпечатка вражды. По крайней мере иногда. Если у других не получается, то в сотрудничество вступили военно-воздушные силы.

Жаль, что у нас проблемы со связью. Запасы энергии на борту «Молотлэба» истощаются. Этого мы не предвидели — а должны были бы. Но мы не думали, что комета пройдет так близко. Когда мы планировали работу «Молотлэба», мы не думали, что это будет настолько близко.

— Насколько она сейчас близко?— спросил Шарпс.

Форрестер оторвал взгляд от консоли компьютера.

— Трудно сказать.— Пальцы его мелькали по клавишам — словно Повер Биггс, играющий на органе Миланского собора.— Если последние исходные данные верны, то я знаю ответ. Самая точная оценка все еще составляет примерно тысячу километров. Если. Если эти данные были правильными. Но они неверны. И если то число, которое я отбросил, потому что оно не соответствовало остальным, действительно было неправильным. И еще множество «если».

— М-да.

— Фотографирование... фильтр номер тридцать один... вручную...

Шарпс и Форрестер с трудом поняли, что это голос Рика Деланти.

— Этого вы добились,— сказал Дан Форрестер.

— Я? Чего я добился?

— Чтобы в этот полет был впервые направлен чернокожий астронавт,— объяснил Форрестер. Но голос его звучал очень отсутствующе: он внимательно изучал цифры на экране компьютера. Потом он что-то сделал, и качество одного из телеизображений заметно улучшилось.

Чарльз Шарпс видел летящее на него облако. Края облака были очерчены неточно, размыты. Но одно было ясно: боковой снос вообще отсутствовал. Часы неумолимо отсчитывали секунды.

— Где же, дьявол его побери, Молот?— внезапно спросил Шарпс.

Форрестер, если он и услышал, не ответил.

— ...прохождение внешнего края ядра. Земля, я повторяю... внешний... невозможно... вероятно, столкнется...— голос пропал.

— «Молотлэб», говорит Хаустон. Мы не получили вашего сообщения. Дайте на передатчик полную мощность и повторите сообщение. Повторяю: мы не получили вашего сообщения.

Текли секунды. И внезапно изображения на телевизионных экранах дрогнули, сделались ярче, отчетливее. Картинка стала цветной — будто на борту «Аполлона» задействовали главный телескоп и всю имеющуюся энергию отдали передатчику.

— Господи, ядро все приближается.— Джонни Бейкер не говорил — кричал.— Похоже, что оно столкнется с Землей...

Рик Деланти, как учили, удерживал голову кометы в поле зрения главного телескопа. Комета все росла и росла, она уже выглядела как гигантский водоворот. Изображение быстро менялось. Водоворот состоял из тумана, больших обломков, мелких обломков. Каменные глыбы, бьющие реактивной струей потоки газов... Все менялось прямо на глазах. Затем изображение качнулось вниз, и на экранах показалась Земля...

В различных местах на поверхности планеты вспыхнуло пламя. Долгое мгновение, мгновение, которое, казалось, длилось вечно, все экраны показывали одно и то же: Земля, усеянная яркими вспышками, такими яркими, что детали и не различишь и видишь лишь ослепительно пылающие пятна.

Это зрелище навсегда осталось в памяти Чарли Шарпса. Вспышки на поверхности Атлантического океана. Вся Европа — сверху донизу — усеяна вспышками; одна из самых больших вспышек пришлась на Средиземное море. Яркое пламя вспыхнуло посреди Мексиканского залива. Все, что находилось дальше к западу, оставалось вне поля зрения «Аполлона», но пальцы Дана Форрестера продолжали мелькать по клавишам. Все сведения, из любого источника — все шло в компьютер.

Голоса передававших сообщения изменились: люди кричали. По нескольким каналам передача прервалась: все заглушили внезап-

ные электрические разряды. Связь с этими пунктами наблюдения потеряна.

— Над нами шаровая молния!— выкрикнул чей-то голос.

— Где это?— громко спросил Форрестер. Спросил достаточно громко, чтобы перекрыть заполнивший помещение гул голосов.

— Это корабли сопровождения «Аполлона». Те, что должны были выловить его при посадке в океан,— ответил кто-то.— Мы потеряли связь с ними. Последнее сообщение от них было: «Шаровая молния в юго-восточном направлении». А потом: «Над нами шаровая молния». И больше ничего.

— Благодарю вас,— сказал Форрестер.

— Хаустон! Хаустон, на Мексиканский залив пришелся сильный удар. Столкновение в трехстах милях к юго-востоку от вас. Просим вас выслать вертолет за нашими семьями.

— Господи, как может Бейкер говорить сейчас так хладнокровно?— выкрикнул кто-то.

«Что там за остолоп поднял голос?»— подумал Шарпс. Кто-то из тех, кто никогда не бывал здесь раньше. Кто-то из тех, кто никогда не слышал, как ведут себя астронавты в критической ситуации. Он глянул на Форрестера.

Дан Форрестер кивнул:

— Молот падает.

А затем изображение на всех телеэкранах пропало. Треск разрядов полностью заглушил голоса наблюдателей.

* * *

Две тысячи миль к северо-востоку от Пасадены. Бетонная нора, уходящая на пятьдесят футов вглубь. Майор Беннет Ростен лениво поглаживал свисающий с его бедра тридцативосьмикалиберный. Затем он сконцентрировался, напрягся, его руки легли на консоль запуска ракеты «Минитмен». Секунду они безостановочно елозили по консоли, затем коснулись ключа, висевшего на цепочке на шее. Скверно, подумал Ростен. Под влиянием Старика я сделался нервным.

Да, он нервничал — но это имело свое оправдание. Прошлой ночью Ростена вызвали к самому генералу Томасу Бамбриджу. Нечасто главнокомандующий стратегической авиацией беседует с командиром ракетной эскадрильи.

Приказ Бамбриджа был краток: «Завтра в пусковой шахте дежурить будете вы. Хочу, чтоб вы знали, что завтра на «Зеркале» буду я».

— Черт возьми,— сказал Ростен.— Сэр, означает ли это, что начинается... Она?

— Вероятно, нет,— ответил Бамбридж и объяснил ситуацию.

Это не объяснение, подумал Ростен. Он вновь почувствовал себя очень уверенным. Если русские действительно считают, что США слепы и беспомощны...

Он покосился налево. Его напарник, капитан Гарольд Люс, сидел у другой консоли — точно такой же, как консоль Ростена. Пункт управления находился глубоко под землей. Защищенный бетоном и сталью, он был построен так, чтобы выдержать близкий взрыв атомной бомбы. Чтобы запустить своих «птичек», дежурные обязаны действовать согласованно: оба должны повернуть свои ключи и нажать кнопки на своих консолях. Автоматика не позволяла в одиночку осуществить запуск ракеты.

Капитан Люс сидел, расслабившись, у своей консоли. Перед ним лежали книги: заочный курс обучения истории восточного искусства. Коллекционирование ученых степеней было обычным развлечением тех, кто вынужден дежурить в пусковых шахтах. Но как может Люс заниматься этим сегодня, когда, хоть и неофициально, объявлена боевая тревога?

— Эй, Гал...— позвал Ростен.

— Да, начальник.

— Предполагалось, что боевая тревога касается и тебя тоже.

— Я в состоянии боевой готовности. Ничего не случится. Сам увидишь.

— Господи, надеюсь, что не случится.— Ростен подумал об оставшихся в Миссуола своей жене и четырех детях. Раньше они отвергали идею о переезде в Монтану, но теперь она им даже нравится. Громадные просторы, чистое небо, никаких проблем больших городов.

— Хотел бы я, чтобы...

Слова Ростена прервал безликий голос из закрытого проволочной решеткой репродуктора под потолком:

— Внимание, внимание! Объявляется боевая тревога. Это — не учебная тревога. Код: 78-43-76854-87902-1735 Зулус. Боевая тревога. Боевая тревога. Полная готовность к залпу.

Бетонную шахту заполнил вой сирен. Майор Ростен краем сознания отметил: к двери по стальной лестнице скатился сверху сержант — захлопнул ее. Дверь — громадная, как в банковских подвалах, производства «Мослер сейф компани». Сержант запер дверь, отрезав бункер от внешнего мира, набрал новую комбинацию на цифровом диске входа. Теперь никто не сможет войти сюда — разве что взорвав дверь.

Потом (как и требуют приказы) сержант вскинул автомат и встал спиной к двери. Лицо его затвердело, он замер в напряженной позе. Глотал слюну, острый кадык его ходил вверх-вниз — от страха.

Ростен набрал, нажимая кнопки, названный код на своей консо-

ли, сорвал печати с книги приказов. Люс сделал в своем отсеке то же самое.

— Подтверждаю, что полученный код — подлинный,— сказал Люс.

— Подлинный.— И Ростен приказал: — Вставляй.

Одновременно они сняли ключи и вставили их в обрамленные красной рамкой отверстия на своих приборных досках. Если такой ключ вставить и повернуть до первого щелчка, его уже не вытащишь. Для этого понадобились бы другие ключи, которых у Люса и Ростена не было. Таковы порядки в стратегической авиации...

— По моему отсчету,— сказал Ростен.— Один, два.— Они повернули свои ключи. Раздались два щелчка. Затем Ростен и Люс принялись ждать — не поворачивая ключей дальше. Пока не поворачивая...

* * *

Самое утро в Калифорнии. И вечер на островах Греции. Двое мужчин долезли до вершины гранитной скалы. Как раз в этот момент солнце полностью скрылось за горизонтом. На востоке показались первые звезды. Далеко внизу крестьяне-греки ехали на перегруженных сверх всякой меры ослах. Пробирались в лабиринте низких каменных стен и виноградников.

В сумерках виднелся город, назывался он Акротира. Дикая мешанина: домишки грязно-белого цвета — такие, возможно, строили десять тысячелетий назад; на вершине холма — венецианская крепость; рядом с древней византийской церковью современной постройки школа. А внизу, под холмом — лагерь Виллиса и Макдональда, именно там они открыли Атлантиду. С вершины скалы лагерь был почти не виден. На западе внезапно погасла звезда — раз — и исчезла. За ней — другая.

— Началось,— сказал Макдональд.

Засопев, Александр опустился на камень. Настроение у него было чуточку скверное. Хотя ему было только двадцать четыре года и он полагал, что находится в хорошей форме, часовой подъем порядком вымотал его. Но Макдональд тащил его все дальше и дальше и даже помогал ему, пока они не долезли до самой вершины. Макдональд, чьи темно-рыжие волосы здорово поредели, открывая огромную, дочерна загорелую лысину, даже не запыхался. Макдональд был сильным человеком: работа археолога потяжелее работы землекопа.

Оба мужчины сидели по-турецки и глядели на запад, наблюдая падение метеоритов.

Две тысячи восемьсот футов над уровнем моря — самая высокая

точка острова, имя которого — Фера. Гранитная глыба, носившая различные названия при различных сменявших друг друга цивилизациях — на протяжении долгого, долгого времени. Нынешнее название — Гора пророка Ильи.

Сумерки сгущались над водами залива — там, внизу. Залив был круглый, его окружали утесы в тысячу футов высотой. Эта кальдера — след вулканического извержения, некогда уничтожившего две трети острова. Уничтожившего Минойскую империю — и породившего легенду об Атлантиде. Теперь в центре залива высился недавно возникший остров — безобразный и голый. Греки называли этот остров Страной нового огня. Островитяне знали, что когда-нибудь Страна нового огня станет центром нового извержения. Как когда-то, много лет назад, центром такого извержения была Фера.

На водах залива закачались огненные блики: небо пылало бело-голубым пламенем. На западе угасало золотое сияние, но небеса не делались черными, а засветились странным зеленым и оранжевым светом. Свет, колеблясь, тянулся вверх, туда, откуда падали метеоры. Фаэтон снова мчался на колеснице Солнца...

Метеоры падали через каждые несколько секунд. Ледяные осколки врезались в атмосферу и сгорали, окутавшись пламенем. Падали снеговые комья, пылая зеленовато-белым. Земля уже глубоко погрузилась в оболочку кометы Хамнера—Брауна.

— Странное у нас увлечение,— сказал Виллис.

— Наблюдать небеса? Мне всегда нравилось смотреть на небо,— сказал Макдональд.— Вам никогда не приходилось видеть, чтобы я напрочь зарывался в Нью-Йорке,— так ведь? Мне нравятся места, где мало людей, места, где воздух ясен и чист. Места, где человек в течение десяти тысяч лет наблюдал за звездами... Такие места, где можно обнаружить следы древних цивилизаций. Но я никогда не видел подобного неба.

— Хотел бы я знать, не выглядело ли оно так и тогда... Вы знаете, что я имею в виду.

Макдональд пожал плечами. Уже почти совсем стемнело.

— Платон ни о чем подобном не упоминал. Но в мифах упоминается о каменном боге, рожденном морем и бросившем вызов небу. Может быть, таким образом древним увиделось облако. Или взять некоторые отрывки из Библии. Кое-что можно расценивать как свидетельства очевидцев — только находились они вдали от центра событий. Да, не хотелось бы быть поблизости во время извержения Феры.

Виллис не ответил, он в удивлении смотрел на небо. Через все небо протянулась гигантская полоса зеленоватого света. Полоса расширялась, росла. Видение продолжалось несколько секунд, а потом полоса разом вспыхнула и погасла. Виллис внезапно понял, что он

смотрит в восточном направлении. Его губы беззвучно зашевелились. А затем:

— Мак! Обернитесь!

Макдональд обернулся.

Небо сворачивалось в клубок, поднималось вверх, словно занавес. Можно было заглянуть под нижний край этого занавеса. Край был безупречно ровный, прямой — в нескольких градусах над горизонтом. Вверху зеленым и оранжевым светом сияла оболочка кометы. А ниже — тьма, в которой горели звезды.

— Тень Земли,— сказал Макдональд.— Тень, отбрасываемая на оболочку. Хотел бы я, чтобы моя жена дожила до сегодняшнего дня, чтобы увидеть это. Всего лишь один лишний год...

За их спинами взорвалась ярчайшая вспышка. Виллис оглянулся. Вспышка медленно шла вниз — такая яркая, что на нее невозможно было смотреть, ослепительная — все тонуло в ее пламени... Виллис уставился на нее. Господи, что это такое? Оно опускается... гаснет.

— Надеюсь, вы поберегли свои глаза,— сказал Макдональд.

Виллис ничего не видел — лишь ощущал сильнейшую боль. Он замигал — это не помогало.

— Кажется, я ослеп,— сказал он. Он протянул ладонь, ощупывая камень, он надеялся, что ему станет легче, когда он почувствует руку другого человека.

— Не думаю, чтобы сейчас это имело значение,— негромко сказал Макдональд.

Быстро вспыхнула ярость — и тут же угасла. Виллис понял, что имел в виду его товарищ. Руки Макдональда взяли его за запястья и завели их вокруг камня:

— Держитесь как можно крепче. Я расскажу о том, что видел.

— Ладно.

Макдональд торопливо заговорил:

— Когда свет погас, я открыл глаза. На мгновение мне показалось, что я вижу что-то вроде фиолетового прожектора, его луч был направлен в небо. Затем луч погас. Но шел он из-за горизонта. У нас еще есть некоторое время.

— Не везет этому острову,— сказал Виллис. Он ничего не видел, даже тьмы.

— Вас никогда не удивляло, почему люди упорно строились здесь? Некоторые из домов насчитывают не одну сотню лет. Через каждые несколько столетий — извержение. Но люди постоянно сюда возвращались. А что касается того, что нам следует делать... да, нам... Алекс, я уже вижу цунами. Волна становится выше с каждой секундой. Не знаю, поднимется или нет она на ту высоту, где мы сейчас находимся. Хотя... приготовьтесь сперва выдержать воздушную волну. Соберитесь с силами.

— Сперва будет другая волна: землетрясение. Наверное, сейчас наступает конец Греции.

— Видимо, так. И появится новая легенда об Атлантиде... Если кто-нибудь выживет, чтобы поведать о катастрофе. Занавес по-прежнему поднимается. На западе — потоки света, исходящие от ядра. На востоке — черная тень Земли. Повсюду — метеоры...— Голос Макдональда оборвался.

— Что там?

— Я закрыл глаза. Но в северо-восточной части неба — оно! Ядро... Огромное!

— Грег, кто придумал это имя: «Гора пророка Ильи»? Похоже, он попал в самую точку.

Землетрясение вдоль и поперек разорвало Феру. Вскрыло скрытый морским дном канал, по которому три тысячи пятьсот лет назад вырывалась на поверхность магма. Виллис почувствовал, что камень вырывается из его рук. Фера взорвалась извержением. Страшная волна перегретого пара, выброшенного вместе с лавой, отбросила его в сторону и мгновенно прикончила. Несколькими секундами позже на рваную, пылающую оранжевым сиянием рану в теле гранита накатилась волна цунами.

И никого не осталось в живых, чтобы рассказать о втором извержении Феры.

* * *

Мэйбл Хоукер раздала карты и исподтишка улыбнулась. Двадцать очков, ей сегодня везет. А ее партнерам — нет. Все время Би Андерсон повышала ставки, когда самолет приземлится в аэропорту имени Кеннеди, партнеры проиграют Мэйбл с сотню долларов.

Готовясь к посадке в Нью-Йорке, «семьсот сорок седьмой» плыл высоко над Нью-Джерси, Мэйбл, Чет и Андерсоны, пассажиры первого класса, сидели вокруг стола. Стол находился далеко от иллюминаторов, что творится за бортом, не видно. Мэйбл почувствовала сожаление, что сейчас занята бриджем. Она никогда не видела Нью-Йорк с воздуха. С другой стороны, не хотелось, чтобы Андерсоны знали об этом пробеле в образовании.

За иллюминаторами полыхнуло.

— Твоя очередь торговаться, Мэй,— напомнил Чет. Люди, сидевшие у иллюминаторов, отшатнулись. Салон первого класса загудел, заполнился шумом голосов. Мэйбл услышала в этих голосах страх — в мозгу каждого авиапассажира таится глубоко запрятанный страх.

— Извините,— сказала Мэйбл.— Две бубны.

— Четыре черви,— сказала Би Андерсон, и Мэйбл уступила.

Раздался негромкий звуковой сигнал. Зажглась надпись «Застегните привязные ремни».

— Говорит командир самолета Феррар,— сказал сочащийся дружелюбием голос.— Мы не знаем, что это была за вспышка, но на всякий случай просим вас пристегнуть ремни. Еще одно: какая бы это ни была вспышка, она произошла далеко от нас.— Голос летчика успокаивал, вселял уверенность.

А не заторговалась ли Би? О господи, понимает ли она, что означает объявление «двух бубей»? После такого объявления повышать?..

Раздался странный звук: будто медленно разорвали пополам что-то огромное. «Семьсот сорок седьмой» внезапно взревел, резко ускорил полет.

Мэйбл читала, что опытные путешественники вообще не расстегивают свои привязные ремни, но, не затягивая, оставляют их так, чтобы они свободно провисали. С самого начала Мэйбл распорядилась своим ремнем именно таким образом. А теперь Мэйбл неторопливо расстегнула ремень, положила карты рубашкой вверх и, нетвердо ступая, удерживая равновесие, направилась к свободным креслам возле иллюминатора.

— Мать, ты куда это?— спросил Чет.

Мэйбл содрогнулась — настолько ненавистным ей было это обращение «мать». «Мать» — это ведь так по-деревенски. Облокотившись на сиденье, она выглянула в иллюминатор.

Громадный нос самолета опущен вниз, он опускается еще ниже. Впечатление такое, будто экипаж самолета пытается справиться с внезапным ветром. И скорость ветра приблизительно равна скорости самого самолета. Крылья потеряли свою подъемную силу. «Семьсот сорок седьмой» падал, словно опавший лист, дергался, кренился из стороны в сторону — словно экипаж старался удержать его в полете.

Мэйбл увидела лежащий впереди по курсу Нью-Йорк. Вон Эмпайр Стэйт Билдинг, вон Статуя Свободы, вон Всемирный торговый центр. Все выглядело именно так, как и представляла заранее Мэйбл, но почему-то под наклоном в сорок пять градусов. Где-то там, внизу, ее дочь, должно быть, уже едет в аэропорт имени Кеннеди — чтобы встретить своих родителей и познакомить их с парнем, за которого она собирается выйти замуж.

С крыльев самолета сорвало заклепки. «Семьсот сорок седьмой» задрожал, завибрировал. Словно испуганные бабочки, слетели со стола карты Мэйбл. Она ощутила, как самолет подбросило вверх. Ударом — вверх, выбивая его из снижения.

Высоко в небе мчались черные тучи. Они походили на громадную завесу. Они мчались быстрее, чем самолет. Мчались и рассыпали вспышки. Повсюду молнии. Гигантская огненная стрела уда-

рила в Статую Свободы и заплясала вокруг ее поднятого вверх факела. А следующая молния ударила в самолет.

* * *

За Океанским бульваром — крутой откос. По дну его, вдоль берега, шло шоссе тихоокеанского побережья. А далее — океан. Бородатый человек стоял на берегу и рассматривал горизонт. Глаза его искрились неподдельной радостью.

Лишь секунду-две длилась вспышка, но она была ослепительной. А когда она погасла, на сетчатке глаз бородатого еще горел образ пылающего голубым шара. Красная вспышка... Необычная молния прочертила в небе вертикальную линию... Бородатый обернулся со счастливой улыбкой.

— Молитесь!— крикнул он.— Судный день настал!

Несколько прохожих остановились, уставившись на него. А в основном прохожие не обращали на него внимания, хотя он и производил в высшей степени внушительное впечатление: глаза горят от радости, густая черная борода с двумя снежно-белыми прядями, спускающимися от подбородка. Но один прохожий обернулся и сказал:

— Если вы не отойдете от края, для вас действительно настанет сегодня Судный день. Будет землетрясение.

Бородатый отвернулся от прохожего.

Другой — чернокожий, в дорогом деловом костюме,— попытался более настойчиво воззвать к его разуму:

— Если во время падения кометы вы окажетесь на самом краю, то остаток Судного дня пройдет мимо вас. Не упрямьтесь!

Бородатый кивнул — как бы про себя. Повернулся и направился к тротуару, где толпились люди.

— Спасибо, брат.

Земля содрогнулась и застонала.

Бородатому удалось удержаться на ногах. Он увидел человека в коричневом костюме, стоявшего на коленях, и тоже опустился на колени. Земля затряслась, часть круто уходящего вниз берега отвалилась. И если бы бородатый не убрался оттуда, оползень унес бы его с собой.

— Ибо Он придет,— закричал бородатый.— Ибо Он придет, чтобы судить Землю...

Бизнесмен подхватил псалом:

— И будет судить справедливо мир и людей по правде своей...

Окружающие присоединились к пению. Обретая подвижность, земля гнулась под ногами, дергалась.

— Восславим отца и...

Внезапный сильный толчок сбил людей наземь. Упавшие поднимались, вновь становились на колени. Тряска вдруг прекратилась, и многие заспешили прочь: найти машину, убраться подальше в глубь страны...

— О Небеса, благословенные Господом,— выкрикивал бородатый. Оставшиеся подхватили. Бородатый знал весь псалом наизусть, а подпевать нетрудно.

Море взбурлило. Стремительные волны покрылись пузырями. И все скрыла слепящая завеса соленого на вкус дождя. Многие из тех, кто окружил бородатого, помчались прочь — в заполненную дождем тьму. Но бородатый продолжал молиться, и люди из дома на противоположной стороне улицы начали молиться вместе с ним.

— О моря и потоки, благословенные Господом! Восхвалите Его и возвеличьте на веки вечные!

Дождь усилился, но как раз перед бородатым и его паствой вследствие странной игры порывов ветра образовался просвет. Можно было видеть весь берег вплоть до опустевшего пляжа. Уровень воды заметно понизился, вода отхлынула, оставив на песке бьющихся под дождем рыб.

— О киты и все, кто плавает в водах, благословенны вы Господом...

Молитва кончилась. Люди стояли на коленях, вокруг — хлещущий дождь и вспышки молний. Бородатому показалось, что он видит сквозь дождь, как в дальней дали, за отхлынувшими водами, за горизонтом, океан вздымается чудовищным горбом, отвесной стеной, которая прокатится через весь мир.

— О Господи, спаси нас, ибо наступают воды, которые захлестнут даже душу мою!— закричал бородатый. Прочие не знали этого псалома, но слушали, затаив дыхание. Со стороны океана донесся зловещий гул.— Я увяз в глубокой трясине, бездонной трясине. Я погружаюсь в глубокие воды, и потоки захлестывают меня.

Нет, подумал бородатый. Оставшаяся часть этого псалома в данном случае не подходит. И начал снова:

— Господь — мой пастырь. У меня не будет недостатка ни в чем.

Стремительно надвигался водяной вал. Люди перестали петь псалом. Одна из женщин поднялась с колен.

— Молитесь,— сказал бородатый.

Грохот, издаваемый океаном, заглушил остальные слова. Завеса дождя окутала людей. Завеса дождя — теплого, скрывшего из вида океан и волну. Она мчалась к берегу — вздымающаяся все выше стена воды. Она была выше самого высокого небоскреба. Всесокрушающая колесница Джаглернаута — вода, вскипающая грязно-белой пеной. Зеленая стена воды. Бородатый увидел что-то крошечное, двигающееся поперек ее склона. А потом стена обрушилась на него и его паству.

* * *

Джил отдыхал, лежа на доске, вниз лицом. В голове медленно тянулись мысли. Вместе с остальными он ждал, когда накатит большая волна. Под животом шуршала вода. Горячие лучи солнца припекали спину. Сбоку подпрыгивали на волнах, выстроившись в линию, остальные доски для серфинга.

Дженина поймала его взгляд и улыбнулась ленивой улыбкой. В улыбке — обещание и воспоминание об уже бывшем. Ее мужа нет в городе, и он будет отсутствовать еще три дня. Ответная улыбка Джила не выражала ничего. Он ждал волну. Здесь, у пляжа Санта-Моники, хороших волн не бывает. Но Дженина живет неподалеку, а хорошие волны никуда не денутся: будут и другие дни.

По берегу вразброс стояли дома. Вид у них был нарядный и новый, а вот дома на пляже Малиби выглядят совсем иначе: они всегда кажутся более старыми, чем есть на самом деле. Нет, на этих домах тоже заметны признаки старения. Там, где земля граничит с морем, все разрушается быстро. Джил, как и все остальные, кто покачивается сейчас на волнах (а прекрасное сегодня утро), был молод. Джилу семнадцать лет, он дочерна загорелый. Его длинные волосы выгорели почти добела. Выпуклые мышцы, словно пластины, покрывающие шкуру броненосца. Джилу нравилось, что он выглядит старше, чем на самом деле. Отец выкинул его из дома, но Джилу не приходилось платить ни за жилье, ни за еду. Всегда найдутся женщины старше тебя.

Когда он вспоминал о муже Дженины, то думал о нем с дружелюбием. Происходящее казалось Джилу лишь забавным. Муж Дженины не вызывал у Джила враждебных чувств. Джил не стремился к чему-либо стабильному. И ею вправе был бы завладеть любой парень, которому хотелось постоянно качать из нее деньги...

У Джила скосило глаза: так ярко что-то сверкнуло. «Оно» пылало, Джил зажмурился. Зажмурился рефлекторно. Плюс опыт: достаточно часто колол глаза отраженный волнами свет. Сквозь сомкнутые веки Джил увидел, как угасло пылание, он открыл глаза. Оглядел море. Идет волна?

Он увидел, как из-за горизонта вздымается огненная туча. Джил смотрел на нее, щурился, он не мог поверить, что это все на самом деле...

— Идет большая волна,— встав на колени, крикнул Джил.

— Где она?— крикнул Кори.

— Скоро ее увидишь,— крикнул Джил. Сомнений у него не возникало. Он развернул доску и сильными гребками погнал ее в море. Он согнулся так, что щека его почти касалась доски. Глубоко загре-

бал своими длинными руками. Он был здорово испуган — но никто никогда не узнает об этом.

— Подожди меня,— крикнула Дженина.

Джил продолжал грести. Остальные поплыли следом, но выдержать такой темп мог лишь сильный. Рядом держался только Кори.

— Я видел огненный шар!— крикнул он, задыхаясь.— Это Молот Люцифера!.. Цунами!..

Джил ничего не ответил. Сказанное Кори пугало, лишало сил. Остальные загомонили. Джил увеличил скорость, оставив их позади. Когда происходит подобное, мужчина должен оставаться один. Он начал постигать, что сейчас может наступить смерть.

Начался дождь. Джил продолжал грести. Оглянулся и увидел, как оседают берег и стоящие на его склоне дома и на этом месте возникает новое протяженное взморье — поблескивает мокрым. Среди холмов над Малиби вспыхивали молнии.

Очертания гор менялись. Аккуратные дома Санта-Моники закувыркались, превратились в груды щебня.

Горизонт пошел вверх.

Смерть, неизбежная смерть. Но если смерть неизбежна, то что остается? Соблюдать стиль, только соблюдать стиль. Джил продолжал грести, оседлав уходящую из-под доски волну. Греб, пока волна не укатилась. Отнесло его далеко. Джил развернул доску, стал ждать.

Остальные последовали его примеру, развернулись. Растянулись на залитых дождем волнах на несколько сотен ярдов. Если они что-либо кричали, Джил их не слышал. Сзади накатывался ужасающий грохот. Джил выждал еще мгновение — и начал грести изо всех сил. Он делал глубокие, правильные гребки. Хорошие, как надо, гребки.

Он скользил вниз по склону громадной зеленой волны, волны-стены, вода неуступчиво вздымалась. Джил стоял на четвереньках, кровь прилила к его лицу. Глаза его вылезли из орбит, из носа потекла кровь. Напряжение было чудовищным, непереносимым. Потом сделалось легче. На набранной скорости Джил развернул доску. Балансируя на коленях, скользил наискось вниз по склону почти вертикальной стены...

Он встал. Ему нужно видеть — больше, как можно больше. Если он действительно выдержал, удержался, достиг самого гребня волны, значит, гребень уже прокатился дальше. Значит, он действительно выжил, он справился, смог! Теперь съезжать вниз, и делать это безупречно...

Прочие доски тоже повернули. Джил видел их — они впереди, беспорядочно разбросанные по склону зеленой стены. Кори поворот исполнил неправильно. Он пронесся внизу, мчался с дикой скоростью, смотреть на него было страшно.

Их несло к берегу. Их доски были много выше берега. Санато-

рий, пирс Санта-Моники и выстроенный на нем ресторан, яхты, стоявшие неподалеку на якоре,— все мгновенно скрылось под водой. А потом они увидели — сверху вниз — улицы и едущие по ним автомобили. Джил увидел на миг бородатого мужчину, стоявшего на коленях. А потом вода скрыла и бородатого, и тех, кто окружал его. Внизу волны-стены бился крутящийся хаос. Белая пена, несущиеся вихрем в водоворотах обломки, изуродованные трупы, пушинкой кувыркающиеся автомобили.

Под Джилом уже был Бульвар Санта-Моники. Волна перекатилась через мол. В грохочущей пене внизу замелькали обломки магазинов, тела продавцов, сломанные деревья, мотоциклы. Волна накатилась на дома — Джил крепился, готовясь к столкновению, пригибался пониже. Доска дергалась под ногами — он едва не потерял ее. Джил увидел, как вода захлестнула Томми Шумахера, Томми исчез, доска его высоко подпрыгнула и беспорядочно закрутилась. Теперь на воде остались лишь две доски.

Пенящийся гребень волны был уже далеко. Далеко и вверху. А крутящийся хаос ее основания оказался слишком близко. Ноги страшно затекли, болели, силы кончались. На поверхности осталась лишь одна доска — много ниже Джила. Кто это? Не имеет значения: того, кто был на доске, накрыл крутящийся хаос, человек исчез. Джил рискнул: быстро оглянулся. Никого. На громадной волне он остался один.

О Господи, если он выживет, какую на этом можно будет построить историю, какой сделать фильм! Фильм посильнее, чем «Бесконечное лето», посильнее, чем «Расширяющийся ад». Фильм о серфинге, и лишь трюковые съемки будут стоить десять миллионов! Если только выдержат ноги! Он уже побил все рекорды, его наверняка уже занесло не меньше, чем на милю в глубь суши, никто никогда не удерживался на волне целую милю! На мили, казалось, возвышался над головой покрытый пеной ревущий гребень. На Джила стремительно мчался тридцатиэтажный «Дом Баррингтона».

* * *

От кометы остались лишь жалкие крохи. Несколько крупных обломков, обломков поменьше, осколки смерзшейся в лед грязи. Гравитационное поле Земли разбросало их по небу. Возможно, эти обломки и вернутся когда-нибудь в кометное гало, но никогда уже им не суждено воссоединиться заново.

На поверхности Земли один за другим возникали огненные кратеры. Когда обломок ударял в воду, вспышка была столь же яркой, как и при соударении с сушей. Но рана, нанесенная океану, внешне выглядела менее значительной. Вокруг вырастали волны-стены, окаймляя рану, оглаживая, заливая ее.

Один удар пришелся в Тихий океан. Волна вокруг кратера взметнулась на две мили в высоту. Она кипела. Давление расширяющегося перегретого пара оттолкнуло волну.

Раскаленный пар поднялся колонной — прозрачной как стекло. В этой колонне содержались соль выпаренной воды океана, осадок со дна, частицы врезавшегося в океан обломка. Достигнув края атмосферы, колонна начала расплываться, превратилась во все расширяющийся водоворот.

Мегатонны пара остывали. Вокруг частиц стала конденсироваться вода. Они начали выпадать из тучи — мелкие капли перемешанной с грязью воды. Падая, сливались. Они были еще горячими.

Оказавшись в нижних, более сухих слоях атмосферы, они вновь испарялись.

Падение молота: два

О, грешник, куда ты собрался бежать?
О, грешник, куда ты собрался бежать?
О, грешник, куда ты собрался бежать?
Настал день.

Магазин, где продавались телевизоры, был закрыт. И будет закрыт еще в течение часа. Тим Хамнер кинулся на поиски — бар, парикмахерская, что угодно, лишь бы там был расположен телевизор. И ничего не нашел.

Мелькнула было мысль о такси, но это глупо. Такси в Лос-Анджелесе не раскатывают по улицам в поисках клиентов. Они приезжают по телефонному вызову, но ждать, может быть, придется долго. Нет. Ему не добраться до ИРД, а ядро кометы Хамнера—Брауна, должно быть, как раз сейчас находится на самом близком расстоянии от Земли и вот-вот начнет удаляться! Астронавты ведут наблюдения и посылают записи на Землю, а Тим Хамнер ничего не увидит!

Полиция оттеснила детей, но на состояние затора сие не повлияло. Слишком много брошенных своими водителями машин. «А что теперь?— подумал Тим.— Может быть, мне удастся...»

Словно яркая лампа вспыхнула где-то за спиной: раз — и погасла. Тим замигал. Что это было на самом деле, то, что он видел? Там, в южном направлении, ничего нет. Лишь зеленовато-коричневые холмы Гриффит-парка, и вон двое едут верхом по тропинке.

Тим нахмурился, потом, полный дум, пошел обратно к своей машине. В кабине установлен телефон, и такси — с неменьшим успехом, чем из будки,— можно будет вызвать оттуда.

Двое одетых в белые балахоны детей (один — с красной вышивкой на балахоне, а балахон-то — не просто так, а сшит у портного) шагнули ему навстречу. Тим увернулся. Дети остановили следующего пешехода:

— Молитесь, люди! Даже сейчас, когда настал час, еще не слишком поздно...

Когда Тим наконец добрался до своей машины, гудки и гневные вопли слились уже в яростное крещендо...

Земля вздрогнула. Внезапный резкий толчок, затем второй, более мягкий. Здания закачались. Стекла в домах поблизости треснули. Множественный звук упавшего наземь стекла. Тим услышал это, потому что автомобильные гудки внезапно смолкли. Все будто окаменели на месте. Из супермаркета выскочило несколько человек. Еще несколько остановились в дверях, готовые выскочить при следующем толчке.

Но ничего не произошло. Снова завыли сирены автомобилей. Люди завопили, завизжали. Тим открыл дверь своей машины и потянулся за трубкой радиотелефона...

Земля вздрогнула снова. Снова звуки падающего стекла. Кто-то истошно кричал. И — опять — тишина. Из рощицы, насаженной рядом со «Студией Диснея», вылетела стая ворон. Вороны каркали на стоявших внизу людей, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Медленно тянулись секунды, и снова уже завопили гудки автомашин — и тут Тима с размаху бросило на асфальт.

На этот раз толчки не прекратились. Земля вздрагивала, крутилась, тряслась, и каждый раз, когда Тим пытался встать, его сбивало с ног снова. И казалось, что это никогда не прекратится.

* * *

Кресло лежало, опрокинувшись, погребенное под грудой каталогов. В кресле — Эйлин. Голова ее страшно болела. Юбка задралась до самого пояса.

Эйлин очень медленно и очень осторожно вылезла из кресла. Медленно и осторожно, потому что все вокруг было усеяно осколками стекла. Потом она одернула юбку. Чулки были сплошь в дырах. По левой ляжке тянулся длинный узкий потек крови. Эйлин смотрела на потек, боясь дотронуться. Удостоверившись, что кровь больше не идет, дотронулась.

В приемной царил хаос. Рассыпанные каталоги, сломанный кофейный столик, опрокинувшиеся полки, осколки оконного стекла. Эйлин потрясла головой. Голова кружилась. В ней прыгали всякие идиотские мысли. Почему от одного оконного стекла так много осколков? Потом в голове прояснилось. Эйлин поняла, что тяжеленные полки и стоявшие на них книги, падая, каким-то чудом мино-

вали ее голову. Каждая полка и каждая книга — каким-то чудом. Голова продолжала кружиться, Эйлин тяжело оперлась о секретарский стол.

Она увидела Джо Корригана.

Громадное сплошное стекло окна упало внутрь помещения. А Корриган сидел возле окна. Все вокруг него было усеяно осколками. Пошатываясь, Эйлин подошла к нему, опустилась на колени. Осколки стекла впились в кожу. Кусок стекла размером с добрый кинжал пропорол щеку и глубоко воткнулся в горло Корригана. Под раной обильно натекла кровь, но кровотечение уже прекратилось. Глаза и рот Корригана были широко открыты.

Эйлин вытащила осколок-кинжал из горла Корригана, приложила ладонь к ране. Почувствовала удивление, что кровь больше не идет. Что надо делать, когда перерезано горло? Там, за стенами дома, полиция, с одним из полицейских Эйлин знакома. Она глубоко втянула в себя воздух, готовясь испустить пронзительный крик. Затем — услышала.

Кричали люди — много людей. Орали, визжали. Страшный, беспорядочный шум доносился с улицы. С криками смешивался грохот — будто обрушивались дома. Орали автомобильные гудки (два, не меньше)— вперемежку и не на одной ноте, а то ослабевая, то усиливаясь, в какой-то машинной агонии. Никто не услышит, как Эйлин взывает о помощи.

Она посмотрела на Корригана. Попробовала обнаружить пульс — пульса не было. Попробовала с другой стороны шеи. Нет пульса. Эйлин выдрала из ковра пучок пушинок, поднесла к ноздрям Корригана. Ни одна пушинка даже не шевельнулась. Но это чушь, подумала она. Человек не может умереть от раны в горле, не может! И все же Корриган был мертв. Сердечный приступ?

Она медленно поднялась. Соленые слезы катились по ее щекам. И на вкус отдавали пылью. Автоматически — перед тем, как выйти из дома,— она причесалась, огладила юбку. Ей захотелось расхохотаться. Она подавила это желание. Если она начнет, то уже не остановится.

С улицы кричали все сильнее. Страшно кричали — но все равно надо выходить из дома. Там, на улице,— полиция, и один из полицейских — Эрик Ларсен. Вот он. Она хотела крикнуть, позвать его, но тут увидела, что происходит. И застыла — прямо в перекосившейся двери.

* * *

Патрульный Эрик Ларсен родом был из Канзаса. Для него землетрясения были чем-то совершенно незнакомым и до невозможности страшным. Все, что Эрику сейчас хотелось, это побегать по кру-

гу, всплескивая руками и завывая. Но он не мог даже подняться на ноги. Он пытался — и каждый раз его бросало обратно на землю, и наконец он решил, что лучше оставаться в таком положении. Он спрятал лицо в ладони и закрыл глаза. Эрик теперь пытался думать о сценарии для телевидения, который он напишет, когда все это кончится, но мысли разбегались.

Дикий шум. Земля ревела, словно разъяренный бык. Поэтический образ, где я мог его слышать? Но к реву Земли примешивались и другие звуки — грохот сталкивающихся автомобилей и рушащихся зданий, звуки падения бетонных плит. И всюду — людской пронзительный крик: одни кричали в страхе, другие — в ярости, третьи кричали потому, что кричали.

Наконец Земля перестала дергаться. Эрик Ларсен открыл глаза.

Привычный ему мир исчез. Одни дома рухнули, другие покосились, машины — вдребезги, даже сама улица перекручена, смята. Бывшая парковочная стоянка искорежена: куски асфальта торчали под самыми невозможными углами. Супермаркет на противоположной стороне улицы рухнул, от стен его остались лишь груды, крыша слетела. Из развалин выползали люди. Эрик все выжидал, пусть поведение местных жителей подскажет ему, как действовать дальше. В Канзасе — торнадо, в Калифорнии — землетрясения. Местные жители должны знать, что надо делать.

Но они не знали. Они застыли, эти немногие, кто остался в городе, они моргали, глядя в ясное безоблачное небо. А некоторые лежали в лужах крови. А третьи кричали и бегали по кругу.

Эрик увидел, где его напарник. Из-под груды чугунных труб и прочего водопроводного оборудования, скатившегося с грузовика, торчали форменные голубые брюки и черные ботинки. Там, где должна была быть голова Гарриса, громоздился ящик с этикеткой «Бесшумный водоспуск». Ящик плотно прилегал к земле. Эрик задрожал и вскочил на ноги. Он не мог подойти ближе к ящику. Просто не мог. Он пошел к супермаркету. Его удивляло, почему еще не примчались кареты «скорой помощи». И он искал взглядом — где же старший по чину служащий полиции, который скажет ему, что надо делать.

Возле многоместного легкового автомобиля стояли трое крепких мужчин в фланелевых рубашках. Они осматривали автомобиль, проверяя, насколько сильно он поврежден. Машина была тяжело нагружена. Задний ее конец был раздавлен обрушившейся верандой, перила которой были украшены металлическими финтифлюшками. Мужчины громко ругались. Один наконец открыл заднюю дверцу, нырнул туда. Вылез, держа в руках несколько дробовиков, раздал их товарищам.

— Мы не смогли уехать отсюда из-за этих ублюдков,— мужчина

говорил очень тихо и как-то странно спокойно. Эрик едва смог расслышать эти слова.

Остальные мужчины кивнули и начали вставлять патроны в зарядники. Они не смотрели на Эрика Ларсена. Когда ружья были заряжены, все трое мужчин уперли приклады в плечо и прицелились в группу стоявших неподалеку детей кометы. Одетые в белые балахоны дети закричали, начали рвать свои цепи. Ружья разом выстрелили.

Эрик сунул руку к кобуре, быстро выхватил пистолет. Черт возьми! Он шагнул к мужчинам, ноги его тряслись. Мужчины уже перезаряжали ружья.

— Прекратите,— сказал Эрик.

Мужчины вздрогнули, услышав его голос. Обернулись — и увидели голубую полицейскую униформу. Мужчины нахмурились, глаза их расширились, на лицах появилось выражение неуверенности. Эрик оглянулся. Он уже раньше заметил надпись на бампере автомобиля. Надпись гласила: «Помогайте местной полиции».

Старший из мужчин злобно фыркнул:

— Все кончено. Неужто непонятно, что то, что вы сейчас видите,— это конец цивилизации?

Внезапно Эрик все понял. Не появятся никакие кареты «скорой помощи», не повезут они пострадавших в больницы. Ощутив ужас, Эрик смотрел вдоль Аламеды — в том направлении, где стоит собор Святого Иосифа. И видел: искореженные улицы и разрушенные дома. Больше ничего. Должен ли быть виден отсюда собор Святого Иосифа? Эрик никак не мог вспомнить.

Главный из мужчин орал:

— Эти ублюдки не дали нам уехать в горы! Зачем и кому они вообще нужны?— он бросил взгляд на свой разряженный дробовик. Дробовик с открытым затвором. В одной руке у него был этот дробовик, другой он сжимал два патрона. И эта другая рука неуверенно, как бы случайно, потянулась к зарядному, вкладывая патроны.

— Не знаю, зачем и кому они нужны,— сказал Эрик.— Намереваетесь выстрелить в полицейского?— Перевел взгляд на надпись на бампере. Мужчина вслед за ним тоже взглянул на надпись, затем отвел глаза.— Итак, будете стрелять?— настаивал Эрик.

— Нет.

— Хорошо. Отдайте мне ваш дробовик.

— Он мне нужен, чтобы...

— Мне он нужен тоже,— прервал Эрик.— Ружья есть у ваших друзей.

— Я арестован?

— Куда бы я отвел вас? Мне нужен ваш дробовик. Это все.

Мужчина кивнул.

— Ладно.

— Патроны тоже,— добавив чуть настойчивости в голосе, сказал Эрик.

— Ладно.

— А теперь уходите отсюда,— сказал Эрик. Он держал в руке дробовик, не заряжая его. Дети, которых не поразили выстрелы, смотрели на Эрика и мужчин в молчаливом ужасе.— И спасибо,— закончил Эрик. Он пошел прочь, нимало не интересуясь, куда направятся мужчины.

На моих глазах сейчас произошло преднамеренное убийство, и я ничего не предпринял, сказал себе Эрик. Он быстро шел, выбираясь из уличной пробки. Казалось, что его разум более никак не связан с телом. Тело само знало, куда ему следует идти.

Небо в юго-западном направлении выглядело для этих мест странно. Плыли тучи, они образовывались и исчезали, будто демонстрировали фильм, заснятый замедленной съемкой. Вот это все знакомо Эрику Ларсену так же, как знакомы дуновения ветра, это он чувствует всеми своими потрохами. Это знакомо любому, кто родом из Топеки. Грядет торнадо. Когда начинаются такие вот дуновения, когда небо выглядит именно таким образом, следует убраться в ближайший подвал. Прихватив с собой радиоприемник и флягу с водой.

До тюрьмы Бурбанка отсюда добрая миля, подумал Эрик. Придирчиво, не торопясь, осмотрел небо. Я могу это сделать, успею.

Быстрым шагом он пошел к тюрьме. Эрик Ларсен все еще оставался цивилизованным человеком.

* * *

Эйлин в ужасе наблюдала за происходящим. О чем там говорили, она не слышала, но было совершенно ясно, что произошло. Полиция... нет больше никакой полиции.

Двое детей — мертвы. Еще пятеро корчились в агонии, раны их смертельны. Остальные дергались, стараясь освободиться от своих цепей.

Один из детей действовал ножовкой. Та самая ножовка. Всего лишь несколько минут назад Джо Корриган вручил эту ножовку полицейским. Вернее, он передал ее бесконечно давно. То, что видела Эйлин, непостижимо. Люди лежали в лужах крови. Люди выползали из развалин. Один мужчина взобрался на потерпевший катастрофу грузовик. Он сидел на кабине, свесив ноги на ветровое стекло, и большими глотками пил виски прямо из бутылки. Он беспрерывно — снова и снова — поднимал голову, смотрел на небо и смеялся.

Все, кто одет в белые балахоны,— в опасности. Для закованных в цепи детей наступило время кошмара. Сотни доведенных до бело-

го каления водителей, многие тысячи пассажиров, множество людей, спасающихся бегством из города (не то, чтобы они на самом деле ожидали падения Молота, они удирали просто на всякий случай),— и всем им преградили дорогу дети кометы. Люди на улице в большинстве еще лежали навзничь или брели бесцельно куда-то. Но хватало и других; мужчины и женщины стягивались вокруг одетых в балахоны, скованных цепями детей. И у каждого мужчины, и у каждой женщины было в руках что-либо тяжелое — железные прутья, цепи, рукоятки домкратов, бейсбольные биты.

Эйлин стояла в дверях. Она кинула взгляд назад — на тело Коррigана. Две глубокие морщинки прорезались между ее бровей, когда она увидела уходящего прочь патрульного Ларсена. На улицах вспыхнули беспорядки, и единственный оказавшийся здесь полицейский уходит — уходит быстрым шагом, после того как на его глазах было совершено убийство. Полицейский, холодно наблюдающий, как совершается убийство... Мира, который был знаком Эйлин, более не существовало.

Мир. Что случилось, что случится теперь с этим миром? Осторожно ступая по осколкам стекла, Эйлин вернулась в контору. Благодарение Богу, что люди придумали обувь с подошвой, подумала она. Осколки хрустели под ногами. Эйлин шла быстро, не глядела на разбитые вещи, обрушившиеся полки и осевшие стены.

Отрезок трубы, пробившей потолок, почти полностью разбил ее письменный стол. Стеклянная верхняя крышка стола разлетелась вдребезги. Труба была тяжелее, чем все, что когда-либо до сих пор приходилось поднимать Эйлин. Эйлин хрипела, стараясь изо всех сил, и все же сдвинула трубу. Достала из нижнего ящика стола свою сумочку, пробираясь ползком, разыскала среди обломков переносной радиоприемник. Приемник выглядел неповрежденным.

Ничего не слышно — лишь треск разрядов. Эйлин показалось, что сквозь треск все же можно расслышать какие-то слова. Кто-то кричал: «Падение Молота!» и повторял эти слова все снова и снова. Или Эйлин этот крик только казался? Не имеет значения. Все равно в этой фразе не было никакой полезной информации.

Нет, определенная информация все же есть, сам факт падения Молота — уже информация. То, что сейчас происходит,— не бедствие местного значения. Соединения тектонических плит возле Сан-Андреаса более не существует, все пришло в движение. Ладно, но в Южной Калифорнии есть множество радиостанций, и далеко не все они расположены возле разлома. Хоть одна (а наверное, и больше) должна продолжать свои радиопередачи. Эйлин знала, что никакое землетрясение не может послужить причиной такого множества статических разрядов.

Статические разряды. Атмосферные помехи. Эйлин прошла в за-

дние комнаты конторы. Здесь она обнаружила еще чье-то тело — кого-то из служащих склада. Что это кто-то из складских служащих, было ясно по комбинезону. И незачем видеть лицо погибшего. Как и незачем видеть грудь или то, что находится под грудью... Дверь в переулок заклинило. Эйлин потянула, дверь чуть приоткрылась, и Эйлин потянула снова. Упираясь коленями в стену, она тянула изо всех сил. Изо всех сил. Дверь открылась достаточно, чтобы можно было протиснуться. Эйлин вылезла наружу и посмотрела на небо.

В небе скручивались, вращались черные тучи. Начал лить дождь. Соленый дождь. Вспыхивали молнии.

Переулок был завален щебнем. Ее автомобиль здесь проехать не сможет. Эйлин остановилась и достала из сумочки зеркальце и носовой платок. Стерла с лица грязные полосы, оставленные слезами, и кровь. Не имеет значения, черт подери, как она выглядит, но теперь она почувствовала себя лучше.

Дождь усилился. Тьма и молнии в небе — и соленый дождь. Что это означает? В океан угодил большой обломок кометы? Тим пытался рассказать ей, что может произойти в этом случае, но она не слушала. Все эти предположения были так далеки от реальной жизни. Эйлин думала о Тиме и торопливо пробиралась вдоль переулка. Она двигалась к Аламеде — потому что только там можно будет не пробираться, а идти. И когда Эйлин все же выбралась из переулка на улицу, она не поверила своим глазам. Посреди мятущейся, забывшей о всякой власти толпы она увидела Тима.

* * *

Землетрясение забросило Тима Хамнера под его автомашину. Там он и остался, ожидая нового толчка. Потом он почувствовал запах бензина. Тогда он быстро вылез из-под машины и, не вставая с четвереньек, пополз к перекошенному тротуару.

Он слышал крики, в которых смешивались ужас и предсмертная мука. И еще он слышал треск ломающегося бетона уличных тротуаров, скрежет протыкаемых бетонными обломками металлических кузовов автомобилей, бесконечный звон падающего на землю стекла. Тим все еще не мог поверить, что все это на самом деле. Его трясло.

На разрушенной мостовой, на тротуарах лежали, раскинув руки, люди в белых балахонах, в голубой униформе, в обычной уличной одежде. Одни лежали неподвижно, другие шевелились, двигались. Некоторые люди были несомненно мертвы — тела их неестественно перекручены, раздавлены. Автомобили — одни перевернулись, другие разбились вдребезги при столкновении, третьи раздавлены обрушившимися стенами. Не осталось ни одного неповрежден-

ного здания. Сильный запах бензина бил в ноздри Тима. Он полез было за сигаретами, но быстро отдернул руку. Затем, подумав, переложил зажигалку в задний карман. Если он захочет потом зажечь ее, ему придется вспомнить, поразмыслить. Вот именно — поразмыслить.

Выходящая на восток стена трехэтажного дома обрушилась. Разбитые кирпичи и стекло усыпали всю парковочную стоянку и часть улицы, докатившись почти до места, где только что лежал Тим. Обломок стены с торчащим из него куском оконной рамы пробил крышу машины Хамнера — как раз над сиденьями для пассажиров. Из бака тек бензин, уже натекла целая лужа, и она все расширялась.

Откуда-то донеслись крики. Тим постарался не слышать их. Он не мог ни о чем думать. И действовать он не мог тоже. Из-за угла улицы выхлестнула толпа.

Впереди бежали трое в белых балахонах. Они не кричали: задыхаясь, они пытались сберечь силы. Кричали те, что бежали следом. А эти трое не кричали.

Наконец один из тех, кто в балахонах, закричал. С криком: «Спасите! Ради Бога!» он кинулся к Тиму Хамнеру.

Бандиты продолжали погоню. Взгляды их обратились на Тима Хамнера — все сразу, одновременно, и он подумал: «Сейчас они решат, что я заодно с этими». И сразу же следующая, еще более пугающая мысль: «Меня могут узнать. Узнать как человека, который придумал Молот...»

Времени оставалось слишком мало, чтобы придумать что-либо путное. Тим сунулся в багажник и вытащил оттуда портативный магнитофон. Одетый в балахон юнец мчался прямо к нему. У юнца была жиденькая светлая бородка, продолговатое его лицо было искажено от ужаса. Тим ткнул навстречу ему микрофон и громко сказал:

— На одну минуту, сэр. Как вы...

Юнец, оскорбленный и обманутый в своих надеждах, на бегу стукнул кулаком по микрофону и промчался мимо. Два других беглеца и большая часть банды тоже продолжили свой бег — бежали вдоль улицы. А улица эта кончалась тупиком. Жаль, конечно. Какие-то крепкого сложения типы, проскочив мимо Тима, кинулись к разрушенному дому — искать возможно укрывающихся там балахонщиков. А один остановился, задыхаясь, и уставился на Тима.

Хамнер поднял свой микрофон снова:

— Сэр! Как вы считаете, какова причина всего, что здесь происходит?

— Черт побери, это ясно... Дружище, эти сучьи сыны... Эти дети преградили нам дорогу... когда мы... ехали к Большому Медведю. Они... собирались остановить комету молитвой. Но у них... не полу-

чилось... а они... мы оказались как в ловушке здесь... И мы уже перебили половину этих ублюдков...

Сработало! Почему-то никому даже и в голову не приходит, что можно убить репортера. Может быть, потому, что это тут же станет известно всем, весь мир увидит или услышит, как ты совершаешь убийство. Остальные бандиты остановились, столпились вокруг. Но не похоже, что они просто ждали, когда настанет их очередь убивать Тима Хамнера. Они ждали, когда настанет их очередь дать интервью.

— Откуда вы?— спросил один из них.

— Из «Кей-Н-Би-С»,— сказал Тим. Полез по карманам, нащупывая визитную карточку, которую ему дал Гарви Рэнделл. На карточке указано: «репортер». Вот она. Тим быстрым движением вытащил ее, не забыв большим пальцем прикрыть имя и фамилию.

— Есть ли у вас связь с ними?— спросил все тот же человек.— Пусть пришлют сюда...

Тим покачал головой:

— Это записывающее устройство, а не рация. Скоро прибудут остальные из моей команды. Я на это надеюсь.— Он повернулся к первому, у которого он начал «брать интервью», бандиту: — Как вы намереваетесь теперь выбираться отсюда?

— Не знаю. Пешком, наверное.— Похоже, опрашиваемый потерял всякий интерес к убегающим детям.

— Благодарю вас, сэр. Если не возражаете, подпишите, пожалуйста...— Тим вытащил пачку анкет НБС. «Опрашиваемый» отскочил, будто это были не анкеты, а скорпионы. Поразмышлял секунду.

— Оставьте это, дружище.— Он повернулся и пошел прочь. Остальные последовали его примеру. Толпа растаяла, оставив Тима в одиночестве возле останков его автомобиля.

Хамнер сунул визитную карточку в нагрудный карман рубашки — так, чтобы она высовывалась и было видно напечатанное крупными буквами слово «Пресса» (но так, чтобы имя было не видно). Перекинул ремень магнитофона через плечо. Еще он взял с собой микрофон и всю пачку анкет. Груз получился тяжелый и громоздкий, но — надо. Смеяться Тиму не хотелось.

Аламеда представляла собой царство ужаса. Женщина, одетая в дорогой брючный костюм, подпрыгивала — вверх, вниз!— на неподвижно распростертом теле человека, одетого в белый балахон. Тим отвел взгляд, упер его в землю. Когда он вновь огляделся, вокруг кишели люди. В руках у них — окровавленные железные прутья. Один из них резко повернулся к Тиму, нацелил ему в живот громадный пистолет. Тим сунул ему под нос микрофон:

— Извините, сэр. Каким образом вы оказались вовлечены в эту неприятную ситуацию?

Человек начал рассказывать, что с ним случилось. Он не говорил — кричал.

Кто-то тронул локоть Тима. Тим колебался, не смея отвести взгляд от человека с пистолетом, тот все говорил и говорил... Слезы ярости катились по его щекам, а пистолет все еще был направлен прямо в живот Тима. Он настойчиво заглядывал в глаза Тима. Неизвестно, что он там видел, но пока еще не стрелял...

Кто там, черт бы его побрал?

Этот «кто-то» потянул из руки Тима анкеты.

Эйлин?! Эйлин Ханкок?! Тим, не отводя, держал свой микрофон. Эйлин протиснулась ближе. Тим отдал ей анкеты.

— О'кей, шеф, вот и я,— сказала она.— Но нам трудно будет вернуться обратно...

Тим едва не упал в обморок. Эйлин не собиралась открыть толпе его подлинное лицо, благодарение Господу, у нее хватило ума не делать этого! Благодарение Господу! Тим кивнул, не отводя глаз от «интервьюируемого».

— Рад вас видеть,— сказал он углом рта. Сказал тихо, как будто не хотел мешать интервью. И он по-прежнему не улыбался.

— ...а если я увижу еще кого-либо из этих сучьих сынов, я убью его тоже!

— Спасибо, сэр,— мрачно сказал Тим.— Не рассчитываю, что вы согласитесь подписать...

— Подписать? Что подписать?

— Анкету.

Пистолет качнулся. Теперь дуло смотрело прямо в лицо Тима.

— Ты, ублюдок!..— закричал человек.

— Он предпочитает сохранить анонимность,— сказала Эйлин.— Сэр, вам известно, что законы, принятые в Калифорнии, защищают интервьюируемых? Известно?

— Какого...

— Никто не может принудить нас открыть, от кого конкретно мы получаем ту или иную информацию,— объяснила Эйлин.— Вам не следует беспокоиться. Таков закон.

— Ох...— Человек огляделся. Остальные бандиты уже делись куда-то. Полил дождь. Человек глянул на Тима, на Эйлин, на пистолет в своей ладони. Разрыдался. Потом развернулся и пошел прочь. Сделал несколько шагов и побежал...

Где-то закричала женщина — коротко и пронзительно. И повсюду — крики, стоны. И гром. Беспрерывный гром. Очень близкий гром. Все сильнее дул пронизывающе холодный ветер. Возле автомобиля (неповрежденного!) стояли двое мужчин — на плечах телекамеры. Невозможно сказать, сколько времени они уже находились здесь, но они походили на одинокий островок в бушующем море. Они были отдельно от всех. Точно так же, как Тим и Эйлин.

— Бандиты не любят рекламы,— сказал Тим.— Рад тебя видеть. Совсем забыл, что ты работаешь где-то здесь.

— Работала,— поправила Эйлин. Она показала на развалины здания, где помещалась контора Корригана.— Не думаю, что кому-нибудь теперь придет в голову покупать сантехническое оборудование...

— В Бурбанке никто покупать не станет,— сказал Тим.— Рад тебя видеть. На самом деле рад, и ты это знаешь... Знаешь? Что будем делать?

— Тебе виднее.

Невдалеке сверкнула молния. Грохнул гром. Холмы парка Гриффита были сплошь залиты вспышками голубого пламени.

— Надо уходить в горы,— сказал Тим.— И побыстрее.

Во взгляде Эйлин отразилось сомнение. Жестом она напомнила о молниях.

— Молния может ударить в нас,— согласился Тим.— Именно «может». Но больше шансов спастись у нас будет, если мы побыстрее оставим эту долину. Чувствуешь, какой дождь? Может быть, нужно ждать...

— Чего?

— Волну цунами,— сказал Тим.

— Господи. Она действительно может быть? Тогда идем. К горам Вердуго. Мы можем добраться до них пешком. Каким временем мы располагаем?

— Не знаю. Зависит от того, где произошло столкновение. Вернее, видимо, где произошли столкновения.— Тим сам был удивлен, насколько хладнокровно звучит его голос.

Они пустились в путь. На восток по Аламеде. Их дорога лежала туда, где началась уличная пробка, где грудой лежали тела детей кометы. Когда Эйлин и Тим подошли ближе, через перекресток с ревом пронесся автомобиль. Он мчался прямо на заправочную колонку. Свернув, выехал на тротуар. Проскочил, ободрав краску с правого бока, между стеной дома и столбом телефонной связи.

Они увидели другой автомобиль — без людей, не запертый. В замке зажигания торчал ключ. Эйлин показала Тиму на эту машину. Спросила:

— Ты хорошо умеешь водить?

— Более-менее.

— Тогда поведу ее я,— твердо сказала Эйлин.— Я очень хорошо вожу машину. Чертовски хорошо.— Она влезла на водительское сиденье и повернула ключ зажигания. Это был старенький «крайслер», когда-то он считался роскошным автомобилем. Теперь ковры были изношены, порваны, кресельные чехлы испещрены безобразными пятнами. Когда мотор заурчал безостановочно, Тим подумал,

что никогда в жизни ему не приходилось видеть более прекрасной машины.

Эйлин поехала вслед той, предыдущей машины. Колеса наехали на тело в белом балахоне, соскочили с него со стуком. Эйлин даже не замедлила ход. Пространство между стеной и столбом телефонной связи было узким, но она на скорости проскочила это место. Она была очень спокойна, хотя скорость была не менее двадцати миль в час. Когда машина проскакивала это узкое пространство, Тим затаил дыхание.

Впереди улица плавно поворачивала. Обе полосы были запружены машинами — опять пробка. Эйлин выехала на обочину, меняла направление,— ярд влево, ярд вправо,— чтобы избежать столкновения со столбами. Она мчалась по цветочным клумбам, по заботливо взлелеянным лужайкам, и наконец пробка осталась позади.

— Господи Боже, да ведь ты прекрасный водитель,— сказал Тим.

Эйлин не отвела взгляда от дороги. Она была слишком занята: приходилось объезжать всевозможные препятствия. Некоторыми из этих препятствий были люди.

— Будем предупреждать их?— спросила Эйлин.

— Принесет ли это пользу? Но будем,— сказал Тим. Он опустил боковое стекло. Дождь заметно усилился, соль разъедала глаза Тиму.— Уходите в горы!— закричал он.— Будет цунами! Наводнение! Уходите в горы!— кричал он, и лицо его обжигал пронизывающий ветер. Машина проносилась мимо, и люди смотрели вслед Тиму. Некоторые начинали пугливо озираться. А один раз Тим увидел, как какой-то мужчина, внезапно приняв решение, схватил за руку стоявшую рядом женщину и кинулся к своему автомобилю.

Машина завернула за угол, и навстречу Эйлин и Тиму полыхнуло алое пламя. Горел целый квартал, никто не тушил пожар. Дома горели, несмотря на дождь. Ветер взметал в воздух языки пламени.

Потом Эйлин пришлось уменьшить скорость: улица была усыпана грудой щебня, надо было объезжать. Навстречу машине кинулась женщина, в руках у нее было свернутое в узел шерстяное одеяло. Раньше, чем Эйлин успела увеличить скорость, женщина домчалась к машине. И сунула одеяло в окно.

— Его зовут Джон!— закричала она.— Позаботьтесь о нем!

— Но... не хотите же вы...

Тим не успел закончить. Женщина повернула прочь от машины.

— Ему уже больше двух лет,— кричала она.— Джон. Джон Мейсон. Не забудьте его имя!

Эйлин вновь увеличила скорость. Тим развернул узел. Там лежал ребенок. Не шевелился. Тим потрогал — бьется ли сердце, а когда отнял руку, увидел, что она измазана кровью. Кровь была

ярко-красная, очень красная кровь. И несмотря на густой соленый запах дождя, ее запах заполнял всю машину.

— Мертв,— сказал Тим.

— Выбрось его,— сказала Эйлин.

— Но...

— Мы же не собираемся съесть его. Не настолько мы голодны.

Эти слова так потрясли Тима, что он высунул ребенка в окно и разжал руки.

— Я... ощущение такое, будто я выкинул сейчас на мостовую всю мою прошлую жизнь,— сказал он.

— Думаешь, мне это все нравится?— резко сказала Эйлин. Тим испуганно посмотрел на нее. По щекам Эйлин струились слезы.— Эта женщина думает, что она спасла свое дитя. Несомненно, она так и думает. Но ничего большего мы для нее сделать не могли.

— Да,— тихо сказал Тим.

— Если... Когда... Когда мы доберемся до гор, когда мы узнаем, что происходит, тогда мы снова сможем рассуждать, как подобает цивилизованным людям. Когда станет ясно, что мы выжили, но не раньше.

— Если нам удастся выжить.

— Мы выживем,— мрачная, сосредоточенная Эйлин вела машину. Дождь усилился настолько, что она не видела дорогу. Включенные «дворники», счищающие с ветрового стекла грязь и соленую воду, не помогали.

Шоссе Голден Стейт было разрушено. И через тоннель проехать невозможно: путь преградили столкнувшиеся автомашины. Несколько легковушек и большая бензоцистерна лежали, опрокинувшись, посреди расширяющегося во все стороны озера огня.

— Господи,— сказал Тим.— Значит... но разве мы не остановимся?

— Чего ради?— Эйлин свернула влево и повела машину параллельно шоссе.— Тот, кто собирается выжить, должен как можно скорее убраться отсюда.

Машина ехала между домами. Дома здесь в большинстве остались неповрежденными. Эйлин и Тим почувствовали облегчение: хотя бы недолго не видеть разрушения, раненых, мертвых. Эйлин разыскала другой тоннель и направила машину к нему.

Дорога была перегорожена шлагбаумом. Но кто-то сломал его. Эйлин направила автомобиль в тоннель. Когда автомобиль выехал из тоннеля, из-за завесы дождя навстречу им вылетела чья-то машина. Промчалась мимо, завывая сиреной.

— Кому это понадобилось ехать не из долины, а наоборот, в долину?— Тим был изумлен.— Зачем?

— Из-за жен. Из-за любовниц. Из-за детей,— сказала Эйлин.

Дорога шла вверх. Когда путь преграждали перекореженные,

попавшие в аварию автомобили или рухнувшие дома, Эйлин сворачивала влево, неизменно выдерживая курс на северо-восток. Проехали мимо развалин больницы. В развалинах под дождем ковырялись полицейские в голубой форме и медсестры в промокших до нитки белых халатах. Один из полицейских прекратил работу и посмотрел в сторону машины. Тим высунулся из окна.

— Уходите в горы! Наводнение!— истошно закричал он.— Цунами! Уходите в горы!

Полицейский махнул рукой и вновь принялся копаться в развалинах.

Тим неотрывно смотрел на извилистые пятна, покрывающие ветровое стекло. Ему было скверно. Он мигал: его слепили слезы.

Эйлин глянула искоса на Тима. Оторвав на мгновение руку от рулевого колеса, коснулась его руки.

— Мы ничем не могли им помочь. У них есть автомашины, а народу там много...

— Наверное.— Он и сам не знал, верит ли этому.

Кошмарный путь продолжался. Дорога вела вверх — к горам Вердуго. Автомобиль проезжал мимо покрытых штукатуркой домов — обрушившихся, горящих, оставшихся неповрежденными. Проехали мимо рухнувшего здания школы. Если кто-нибудь попадался навстречу, Тим кричал свое предупреждение. Ему от этого делалось чуть легче. Но машина по-прежнему мчалась не останавливаясь.

Тим глянул на свои часы. Невероятно, но с тех пор, как он увидел ту яркую вспышку, прошло менее сорока минут. И он пробормотал:

— Сорок минут. До начала действий — сорок минут. Отсчет.

* * *

Из центра Мексиканского залива с бешеной скоростью, расширяясь, понеслась круговая волна.

Она мчалась со скоростью 760 миль в час. Когда волна достигла мелководья у побережья Техаса и Луизианы, нижние ее слои изменили направление и скорость своего бега. Громадные массы воды напирали сзади, волна росла все выше и выше, и — чудовищная стена в полкилометра высотой обрушилась на побережье и затопила его.

Под несущей уничтожение волной исчезли Галвестон и Техас-Сити. Затопляя все, масса воды мчалась на запад — к Хаустону. Она несла с собой обломки зданий. По дуге — от Браунсвилля, штат Техас, до Пасадены, штат Флорида,— волна сметала все. По низменностям, по руслам рек — вода выискивала всякую дорогу в

глубь материка. Она словно стремилась подальше убежать от огненного ада, пылающего на дне Мексиканского залива.

Гигантская волна промчалась вдоль западного побережья Флориды. Затем волна пошла поперек побережья. Она уносила с собой громадное количество песка. Там, где прошла волна, появились глубокие нерукотворные каналы — великое множество каналов, соединивших залив с Атлантическим океаном. В грядущих веках Гольфстрим окажется холоднее и менее мощным, чем раньше.

Непредсказуемо вели себя воды, затопившие Флориду. То отклонившийся в сторону поток вновь сливался с основной массой бешено мчащейся воды, и волна делалась еще выше. То волна шла столь извилистым путем, что часть Окефенокских болот осталась незатронутой наводнением. Гавана и Флоридские рифы исчезли под водой мгновенно. Майами выпала часовая отсрочка. Но примчалась волна, выброшенная Атлантическим океаном, она столкнулась с теряющей разбег волной из залива, осилила ее — и обрушилась, уничтожая все, на города восточного побережья Флориды.

Через только что образовавшиеся пересекающие Флориду каналы воды Атлантического океана влились в Мексиканский залив. Чаша залива не могла вместить такую массу воды, и вновь — к северу и на запад, через уже затопленные земли — устремились гигантские волны. Одна волна покатилась вдоль русла Миссисипи. Когда она миновала Мемфис, высота ее составляла сорок футов над уровнем моря.

* * *

Всю ночь Фред Лаурен провел у окна. Решетка не мешала видеть небо. Фреда сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, а потом сунули в одиночную камеру, где и оставили пока что. Днем, к полудню, его переведут в лос-анджелесскую тюрьму.

Фред рассмеялся. К полудню никакой лос-анджелесской тюрьмы уже не будет. Как и не будет самого Лос-Анджелеса. Никогда уже его, Фреда, не смогут оставить наедине с теми, другими мужчинами. Нахлынули тут же воспоминания о тех, других заключенных, но Фред выбросил эти воспоминания из головы. Ему хотелось думать о чем-нибудь хорошем.

Он вспомнил Коллин. Он пришел к ней не просто так — с подарками. Он ведь хотел только поговорить. Коллин испугалась, увидев его, но он оказался в квартире раньше, чем она успела захлопнуть дверь. А принесенные им подарки были очень даже неплохи, так что она разрешила ему постоять у двери — пока она на противоположном конце комнаты рассматривает драгоценности, перчатки и красные туфельки. А потом ей захотелось узнать, откуда он знает ее размеры, и он рассказал.

Он все говорил и говорил, и через какое-то время Коллин настроилась на добрый лад. Она пригласила его присесть. Потом она предложила ему выпить. Они все беседовали и беседовали, и она выпила уже две порции, а потом выпила еще. Ей было приятно, что он так много о ней знает. Разумеется, Фред не рассказал ей о телескопе, но он рассказал ей, что знает, где она работает, и где она делает покупки. И он говорил ей, как она прекрасна...

Об остальном Фреду вспоминать не хотелось. Не хотелось вспоминать, как она опьянела. И как она сказала, что, хотя они только что познакомились, ей кажется, что она знает его уже давным-давно. И конечно же, он хорошо, на самом деле хорошо знает ее, хотя она об этом не подозревала. А потом она спросила, не хочет ли он остаться.

Шлюха. Как и все они — шлюха. Нет, она на самом деле не такая, она действительно полюбила его, он знал, что она его полюбила, но зачем она рассмеялась, а потом закричала, зачем она сказала ему, чтобы он убирался?..

НЕТ!

Фред каждый раз запрещал себе вспоминать, что произошло дальше. Он поглядел в небо. Там — комета. Хвост кометы, сверкая, раскинулся через все небо. Зрелище очень походило на картинки, которые Фред видел в астрономических журналах. Небо поголубело: начинался рассвет. Но небольшой участок западной части неба продолжал сверкать: комета просматривалась сквозь облака. А внизу по улицам шли люди,— дураки, разве они не знают?

В камеру Фреда принесли завтрак. Тюремщики не пожелали разговаривать с ним. Даже надзиратели и те относятся к нему, как...

Они знают. Знают. Полицейские врачи, конечно, уже осмотрели ее и поняли, что она не... что он не смог, он пытался, но не мог, а она смеялась, и он знал, что нужно сделать, чтобы он смог, но он не хотел этого, а она все смеялась, и тогда он начал кусать ее, кусать до тех пор, пока она не закричала, и он смог — и мог, но только пока она продолжала кричать!

Фред оборвал воспоминания. Он обязан был оборвать их — до того, как вспомнит, как выглядело лежащее на кровати тело. Лягавые заставили Фреда увидеть его. Один лягавый вывернул ему руку и ломал пальцы, пока Фред не открыл глаза и не посмотрел, а ему не хотелось этого. Как же они не понимали, что он любил ее, что он не хотел?..

За домами по ту сторону улицы небо вспыхнуло странным сиянием. Вспыхнуло где-то слева, в юго-восточном направлении, далеко. Сияние угасло, прежде чем Фред успел что-либо толком разглядеть. Но Фред улыбнулся. Итак, это случилось. Теперь осталось недолго.

— Эй, Чарли!— воззвал издалека пропитой голос.— Чарли!

— Чего?— отозвался надзиратель.

— Что там творится, мать его так? Кино снимают, что ли?

— Сам не могу понять. Спроси у сексуального маньяка, у него окно выходит на западную сторону.

— Эй, секс-маньяк...

Стены и пол вдруг резко подпрыгнули. Фред оказался в воздухе, он летел... Он выкинул вперед руки, защищая голову от мчащейся навстречу стены. Стена с маху ударила по рукам, Фред взвыл. Левый локоть пронзила страшная боль.

Пол, похоже, сделался устойчивым. Тюрьма была построена надежно, от толчка ничего не разрушилось. Фред пошевелил левой рукой и застонал. Прочие заключенные кричали. Один кричал от боли: должно быть, его сбросило с верхней койки. Не обращая внимания на эти крики, Фред стонал. Глядел в окно и стонал. Ему было очень страшно. Неужели это все? Неужели?!

Обычный день, но... тучи. Господи, как быстро мчатся тучи! Они крутились, словно в водовороте, они образовывались и исчезали, мчались к северо-западу. Более спокойный нижний слой облачности — в нем тучи выглядели более стабильно — начал перемещаться к юго-западу. Все это было не то, чего ожидал Фред. Он ведь ожидал, что все мгновенно будет охвачено пламенем. Светопреставление должно происходить так, как положено.

Небо потемнело. Оно сплошь было затянуто черными тучами. Тучи бешено крутились, перемещались, освещались беспрерывными вспышками молний. Вой ветра и раскаты грома не могли заглушить воплей заключенных.

Вот он каков, конец света: слепящие вспышки и беспрерывные раскаты грома.

Фред пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу. Локоть страшно болел. Это молния... должно быть, молния ударила в тюрьму. В коридоре было темно и снаружи было темно, и все же что-то разглядеть было можно — в сюрреалистических вспышках молний, следующих одна за другой, словно по заведенному образцу.

Вдоль камер двигался Чарли. В руках у него была связка ключей. Он выпускал заключенных одного за другим. Чарли открывал камеры, заключенные выходили и шли по коридору. Мимо камеры Фреда Чарли прошел не останавливаясь. Двери всех камер были уже открыты. Кроме камеры Фреда.

Фред завизжал. Чарли даже не оглянулся. Он дошел до конца блока камер, вышел, спустился по лестнице.

Фред остался в полном одиночестве.

* * *

Эрик Ларсен не оглядывался по сторонам, ни вправо, ни влево. Шел большими шагами. Огибал мертвых и раненых. На призывы о

помощи он не обращал внимания. Он мог бы помочь людям, но им двигало лишь одно всепоглощающее побуждение. Холодный блеск глаз Эрика и небрежно выставленный вперед ствол дробовика отбивали охоту заступать ему дорогу.

Другие полицейские навстречу ему не попадались. А на прочих он едва ли обращал внимание. Некоторые люди помогали раненым, другие безутешно рассматривали руины, оставшиеся от их домов, мастерских, магазинов, третьи бежали куда-то — и сами не знали куда.

Сейчас эти люди ни в малейшей степени не интересовали Эрика. Они все были приговорены к смерти. Точно так же, как к смерти был приговорен и сам Эрик.

Он мог бы раздобыть себе автомобиль и удрать на нем в горы. Эрик видел проносившиеся мимо машины. Видел Эйлин Ханкок — в старом «крайслере». Если бы она остановилась, Эрик, возможно, уехал бы с ней. Но она не остановилась, и Эрик был этому только рад, поскольку, значит, то, что он решил, будет выполнено.

Но предположим, то, что он решил,— не нужно. Предположим, он не нужен. И то, что он задумал,— бессмысленная затея. Неизвестно: заранее ответ предугадать невозможно.

Но мне бы все же следовало найти себе машину, подумал он. Покончив с этим делом, я получил бы какой-то шанс спастись. Нет, уже слишком поздно. Уже видны полицейский участок и дом городского совета. Вон и тюрьма. Похоже, людей нигде нет. Эрик вошел в здание тюрьмы. Под обломками огромного шкафа, стоявшего раньше у стены, лежала женщина-полицейский. Мертвая. Больше никого не было — ни живых, ни мертвых. Эрик шел в глубь тюрьмы — мимо картотеки, вверх по лестнице. Вот и блок камер. Там было тихо.

Значит, все-таки это была бессмысленная затея. Приход Эрика сюда оказался ненужным. Эрик уже хотел спуститься обратно по лестнице, но остановился. Уже совсем тогда бессмысленно было добираться сюда, в такую даль, чтобы уйти, не удостоверившись полностью.

Говорили, что вслед за падением Молота нужно ждать цунами. В тюрьме Бурбанка должны были находиться люди, угодившие сюда по милости Эрика Ларсена. Пьянчуги, мелкие воришки, юные бродяги, утверждающие, что им уже исполнилось восемнадцать, но выглядевшие гораздо моложе. Их нельзя оставить просто так, чтобы, запертые в своих камерах, забытые, они захлебнулись, утонули... как крысы. Они этого не заслуживали. Эрик обязан выпустить их — это его долг.

Решетчатая дверь, перегораживающая выход с лестницы, была открыта. Эрик шагнул в блок, вытащил фонарь, чтобы разогнать тьму. Двери камер были открыты — все кроме одной.

Всех кроме одной. Эрик подошел к этой камере. В ней — спиной к коридору — стоял Фред Лаурен. Правой рукой он нянчил левую. Лаурен неотрывно смотрел в окно. Он не обернулся, когда на нем остановился луч фонаря Эрика. Эрик на мгновение замер, разглядывая Лаурена.

Ни один человек не заслуживает, чтобы его оставили утонуть, словно крысу, забытую в клетке. Ни один человек этого не заслуживает. Вот именно — «человек». Не заслуживают этого ни воры, ни пьяницы, ни бродяги...

— Повернись,— приказал Эрик. Лаурен даже не пошевелился.— Повернись, или я прострелю тебе колени. Тебе будет очень больно.

Фред заскулил и повернулся. Он увидел нацеленное на него дуло дробовика. Полицейский отвел луч фонаря в сторону, направил на себя, чтобы Фред мог его видеть.

— Ты знаешь, кто я?— спросил полицейский.

— Да. Вы не дали тому, другому полисмену бить меня прошлой ночью.— Фред подвинулся ближе. Глаза его уставились на ружье.— Это... для меня?

— Я принес его сюда из-за тебя,— сказал Эрик.— Я пришел, чтобы освободить остальных арестованных. Но тебя я освободить не могу. Поэтому дробовик я принес для тебя.

— Наступает конец света,— сказал Фред Лаурен.— Конец всему. Ничего не останется. Но...— он всхлипнул, рыдания клокотали у него в горле.— Но когда он наступит? Если бы... Пожалуйста, вы должны сказать мне. Она уже мертва? Уже мертва? Она бы не могла пережить конца света. Она должна была умереть... и я уже никогда не смогу поговорить с ней...

— Поговорить с ней!— Эрик в ярости нацелил ружье. Он видел спокойно ждущего Фреда Лаурена и видел кровать, на которой лежало тело девушки, видел ее квартиру, видел ее трогательно маленький гардеробный шкафчик. Запах горячей крови ударил в ноздри Эрика. Палец его напрягся на спусковом крючке. Напрягся — и расслабился. Он опустил ствол ружья.

— Пожалуйста,— сказал Фред Лаурен.— Пожалуйста...

Эрик быстро вскинул ружье... он никогда раньше и не подозревал, что у дробовика такая сильная отдача.

ВЕСТНИК КАТАСТРОФЫ: два

О, я бежал в горы —
Но рухнули горы.
И я бежал к морю —
Но море кипело.
И я бежал в небо —
Но небо горело!
НАСТАЛ ДЕНЬ.

В забитом народом помещении грохотали атмосферные помехи. Бесформенные цветные кляксы густо прыгали на огромном экране телевизора. И все же двадцать мужчин и женщин неотрывно смотрели на экран. Смотрели, как вспыхивают и гаснут огни над Атлантическим океаном, над Европой, над Северо-Западной Африкой и Мексиканским заливом. Лишь Дан Форрестер продолжал работать. Он сидел за пультом управления компьютером. Над пультом — экран. На экране — начерченная компьютером карта Земли. Форрестер старательно анализировал последние сведения, полученные ИРД, отмечая на диаграмме места столкновений, вводил данные в машину. Вычислял.

Чарльз Шарпс подумал, что его должны были бы заинтересовать результаты вычислений Форрестера. Но никакого интереса он не ощущал. Он поглядел на окружающих. Приоткрывшиеся рты, выпученные глаза. Каждый, упираясь ногами, вдавил себя как можно глубже в кресло. Люди непроизвольно старались отодвинуться подальше от пультов управления и ослепительно сверкающих экранов, будто те представляли опасность. Лишь Форрестер работал — движения его были скупы, точны, он печатал, считывал результаты и печатал снова...

— Падение Молота,— сказал сам себе Шарпс. И что теперь, черт возьми, мы можем сделать? Он не мог ни о чем думать, окружающая обстановка действовала на него угнетающе. Он оставил свое место и подошел к длинному, стоящему возле стены, столу. На столе были банки с кофе, молоком. Шарпс налил себе чашку. Задумчиво посмотрел на нее и поднял в шутливом приветствии.

— За судьбу,— сказал он негромко. Остальные начали подниматься со своих кресел.— За судьбу,— повторил Шарпс.

Судьба. Страшный суд. Человек гордился созданной им цивилизацией,— и какая сейчас от нее польза? Наступает ледниковый период. Огненный период. Период Топора. Период Волка... Шарпс

обернулся и увидел, что Форрестер, оставив свое кресло, идет к двери.

— Что?— спросил Шарпс.

— Землетрясение,— Форрестер быстрым шагом продолжал идти к выходу.— Землетрясение,— он сказал это громко: так, что все могли слышать. Люди кинулись к двери.

Доктор Чарльз Шарпс налил почти полную чашку. Поставил ее под кран и добавил холодной воды. Кофе мохаджава, его приготовили меньше часа назад и доставили сюда в термосе. Просто жаль разбавлять его водой. Но зато теперь он стал достаточно холодным, чтобы его можно было пить. Сколько пройдет времени, прежде чем корабли снова начнут пересекать океаны? Годы, десятилетия? Никогда? Возможно, никогда больше Шарпсу не доведется испробовать вкус кофе. Он в четыре глотка осушил чашку и бросил ее на пол. Чашка из небьющегося фарфора упала, подпрыгнула и покатилась к пульту управления компьютером. Шарпс пошел к двери.

Его коллеги вслед за Форрестером спешили к выходу. Как раз в этот миг за спиной Дана закрылись стеклянные двери, ведущие на улицу. Эта его переваливающаяся походка: Дан Форрестер никогда не был спортивным типом, но наверняка он мог бы двигаться быстрее. Значит, еще есть время? Шарпс побежал — чтобы догнать Форрестера.

— Парковочная стоянка,— сказал, отдуваясь, Дан.— Осторожнее...

Шарпс замедлил шаг. Он приходил в себя. Дан балансировал на одной ноге. Земля ощутимо вздрогнула. «Ну, если так, то это не так плохо,— подумал Шарпс.— Здания даже не пострадают...»

— Скорей!— сказал Форрестер и побежал к парковочной стоянке. К стоянке вела — снизу вверх — длинная бетонная лестница. Не добежав до верха, Дан остановился, тяжело дыша. Шарпс подставил плечо ему под руку и помог Форрестеру пройти остаток пути. Добравшись до верха, Дан повалился ничком. Шарпс с жалостью наблюдал за ним.

Форрестер пыхтел, пытаясь что-то сказать, но это ему не удавалось. Он слишком вымотался. Тогда он поднял руку и показал ладонью сверху вниз: садитесь.

Слишком поздно. Земля дрогнула под ногами. Шарпс упал. Затем понял, что его откатило к лестнице. Раздался звук бьющегося стекла, но когда Шарпс оглянулся на здание ИРД, он не увидел никаких явных повреждений. Далеко внизу из дома Центра фон Кармана начали выбегать репортеры, но после первого несильного толчка многие остановились. Некоторые повернули обратно.

— Скажите им... пуф-пуф... скажите им, пусть они выйдут из здания,— сказал Форрестер.— Худшее еще впереди...

— Будет большой толчок!— крикнул Чарльз Шарпс репортерам.— Все выходите наружу!— Он узнал сотрудника «Нью-Йорк таймс».— Пусть они выйдут наружу!— закричал ему Шарпс.

Обернувшись, он увидел, что Форрестер уже встал на ноги и торопливо движется в глубь стоянки, подальше от автомобилей. Никогда еще Шарпс не видел, чтобы Форрестер двигался так быстро.

— Скорее!— крикнул Шарпс своим товарищам.

Из здания ИРД выбегали люди — мужчины и женщины. Некоторые бежали к стоянке, по направлению к Шарпсу. Другие бесцельно закрутились между домами, не зная, куда идти. Шарпс яростно жестикулировал. Потом он посмотрел на Форрестера. Тот выбрался на открытое пространство и сел наземь...

Шарпс повернулся и побежал к Форрестеру. Добежал и кинулся ничком на асфальт. Какое-то мгновение ничего не происходило.

— Первый толчок... эта волна дошла по земле... как результат удара, пришедшегося в Долину Смерти,— пыхтел Форрестер.— Потом... волна от удара в Тихий океан. Не знаю, сколько еще ждать...

Земля застонала. Птицы взлетели в воздух. Повеяло ощущением неминуемой гибели. В дальнем конце стоянки показалась группа людей, они только что поднялись по лестнице и направлялись к Форрестеру и Шарпсу.

Земля застонала снова. Взревела.

— Сан-Андреас,— сказал Форрестер.— Там сейчас начинается движение. Этого и следовало ожидать. Энергия — сто мегатонн. Может быть, больше.

По лестнице поднялось с полдюжины человек. Двое направились к Шарпсу и Форрестеру. Остальные разыскивали свои машины.

— Пусть они уйдут оттуда,— пыхтел Форрестер.

— Выйдите на открытое пространство!— кричал Шарпс.— Подальше от лестницы! Уходите!

На верхней площадке лестницы появилась телекамера. Камеру волок мужчина, сопровождаемый женщиной. Сзади шло еще несколько человек. Телевизионщики двинулись через парковочную стоянку...

Земля закачалась. От первого толчка люди попадали наземь. А от следующих — через две-три секунды — зашатались здания. Земля снова взревела, снова к реву примешались другие звуки: крики, звон бьющегося стекла, треск разламывающегося бетона, а затем звуки потеряли всякую определенность, и началось царство беспорядочного кошмара. Шарпс, сидя, попытался выпрямиться и оглянуться на здание ИРД, но в мире уже не осталось ничего твердого. Асфальт качался и плыл волнами. Горячая мостовая со скрипом ползла куда-то в сторону — Шарпс нелепо закувыркался. Потом

мостовая застыла на миг. И снова задергалась. И весь мир был заполнен треском, ревом и криками.

Наконец все закончилось. Шарпс сел и попытался сфокусировать зрение. Мир изменился. Шарпс посмотрел вверх — на горы Анджелес — и увидел, что их вершины изменились. Не очень, но все же изменились. Рассмотреть что-то большее Шарпс не успел. Какой-то звук раздался за его спиной, он обернулся и увидел, что часть стоянки исчезла, а оставшийся участок изогнут под самыми невозможными углами. Многие автомашины исчезли: их поглотила пропасть, разверзшаяся между Шарпсом и лестницей... но ведь нет уже никакой лестницы. Она тоже рухнула в пропасть. Оставшиеся на стоянке машины с лета наезжали друг на друга — словно дерущиеся звери. И сплошной грохот, в котором сливались все звуки. Грохот, издаваемый автомобилями, зданиями, скалами.

На Шарпса тяжеловесно катился «фольксваген». Он походил на стальное перекати-поле, он приближался, он делался все огромнее... Шарпс закричал, он попытался убежать с пути машины. Но не смог устоять на ногах. Шарпс упал, пополз. И увидел, что «фольксваген» кувыркается, превращаясь в кучу раскрашенного металла: «фольксваген» налетел на «линкольн»... и снова он был размером всего лишь с «фольксваген».

Вон еще один маленький автомобиль опрокинулся, и кто-то, сбитый, лежал под ним. О Господи, да ведь это Чарлин, и нет никакой возможности добраться к ней. Внезапно Чарлин замерла, перестала шевелиться. Земля продолжала трястись и стонать, шла разломами и трещинами. Большая часть парковочной стоянки отвалилась в сторону. А потом медленно обрушилась вниз, унося Чарлин и убивший ее автомобиль. Шарпс уже не слышал рева. Он оглох. Он неподвижно лежал на трясущейся земле — ждал конца.

Башня, возвышавшаяся в центре ИРД, исчезла. Вместо нее осталась лишь куча, в которой перемешались стекло, бетон, куски перекрученного металла, обломки компьютеров. Центр фон Кармана тоже превратился в руины. Одна стена обрушилась, и Шарпс видел автоматический лунный отсек, металлического паука, который должен был отправиться на Луну для исследования ее поверхности. Космический аппарат выглядел совершенно беспомощным под обрушившейся крышей. И сразу обрушились и остальные стены, похоронив под собой и аппарат, и помещения научного пресс-центра.

— Когда ж это кончится?! Когда?!— закричал кто-то. Шарпс едва смог расслышать этот крик.

Наконец тряска начала стихать. Шарпс продолжал неподвижно лежать. Ему не хотелось испытывать судьбу. От парковочной стоянки осталось немного, и это немногое превратилось в крутой откос с горбом посредине. Теперь у Шарпса было время на то, чтобы поду-

мать, кто же там стоял на лестнице за спинами телеоператоров. Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Те люди исчезли вместе с телевизионщиками. Все, кто находился в радиусе пятидесяти футов от лестницы, исчезли. Их погрёб оползень, похоронили обломки автомобилей.

День начал темнеть. Просто на глазах темнеть. Шарпс посмотрел на небо.

Черная завеса, крутясь, затягивала небо. И в черных, беспорядочно мечущихся тучах вспыхивали молнии — множество молний, одновременно десятки и сотни.

* * *

Вспыхнувшая молния расколола видневшееся справа дерево. Без малейшего промежутка ударил оглушительный раскат грома, в воздухе запахло озоном. Холмы впереди были опоясаны множеством молний.

— Ты знаешь, куда мы едем?— спросил Тим Хамнер.

— Нет,— Эйлин, не снижая скорости, гнала машину вдоль пустых, залитых дождем улиц.— Где-то там должна быть дорога, ведущая в горы. Я там бывала пару раз.

Слева стояли дома, в основном они остались неповрежденными. Справа виднелись горы Вердуго. Маленькие улочки, квартала на два, кажется, уходили в глубь гор, и в начале каждой улочки был вывешен знак «тупик». Если бы не дождь и не молнии, все здесь выглядело бы так, как обычно. Дождь был вездесущ. На домах, в основном старых, оштукатуренных, выстроенных в испанском стиле, видимых повреждений не было.

— Ага!— закричала Эйлин. Она круто свернула направо. Асфальтовая дорога, извиваясь, шла у подножия высокого утеса. Этот утес был далеко выдвинутым отрогом видневшихся впереди гор — гор, омытых дождем и светом молний. Извилистая дорога вела все вперед и вперед, и вскоре уже ничего нельзя было разглядеть, кроме неясно вырисовывающихся впереди гор и — слева — площадки для игры в гольф. Не было видно ни людей, ни машин.

Поворот, снова поворот, и Эйлин нажала на тормоза. Автомобиль забуксовал, остановился. Дорогу преградил оползень. Обломки камней и грязь — футов десять в высоту, может быть, больше.

— Пойдем пешком,— сказал Тим. Он посмотрел на сверкающие впереди молнии, поежился.

— Дорога продолжается далеко отсюда,— сказала Эйлин.— Может быть, до самой вершины гор.— Она показала налево, на проволочный забор, ограждающий площадку для гольфа.— Нужно проделать дыру в этом заборе.

— Чем?— спросил Тим, но все же вылез из машины. Дождь поч-

ти мгновенно вымочил его до нитки. Тим беспомощно застыл. Эйлин вылезла с другой стороны и вытащила из багажника набор гаечных ключей.

Потом она достала домкрат, несколько осветительных ракет и старый дождевик. Дождевик был весь в масле, будто им вытирали двигатель. Эйлин отсоединила рукоятку домкрата.

— Попробуй этим. Тим, у нас не так много времени...

— Знаю.

Хамнер взял тонкий металлический стержень и подошел к забору. Он стоял беспомощно, постукивая по сетке рукояткой. Задача казалась невыполнимой. Он услышал, как хлопнула сетка багажника, затем хлопнула дверца. Затем — шум включенного двигателя.

Тим испуганно обернулся, но машина не двигалась. Он не мог разглядеть лица Эйлин: мешали дождь и залитое водой ветровое стекло. Неужели она решила бросить его здесь?

Для пробы он сунул рукоятку домкрата между проволокой и опорным столбом забора. Нажал, качнул. Ничего не произошло. Тим нажал изо всех сил, навалился на рычаг всем своим весом — и что-то там поддалось. Он поскользнулся, грохнулся прямо на забор, и почувствовал, как отогнувшаяся острая проволочка насквозь проткнула его мокрую одежду. Проволочка оцарапала кожу, и соль попала в ранку. Тим сгорбился от боли и безнадежности. Он опять ощущал себя беспомощным.

— Тим! Как дела?

Он хотел обернуться и крикнуть ей в ответ. Он хотел сказать ей, что все бесполезно, что он — ничтожество, что он порвал костюм, и что...

Вместо этого он, нагнувшись, снова пустил в ход рукоятку домкрата. Он раскачивал ее из стороны в сторону, действовал ею как рычагом — и наконец оторвал проволоку от столба. Затем снова, снова, и вдруг он обнаружил, что сетка в этом месте уже полностью оторвана. Он отошел к следующему столбу и взялся за работу опять.

Эйлин двинула с места машину. Нажала на гудок и крикнула: «В сторону!» Съехав с дороги, автомобиль подкатил к забору и таранил его. Проволочная сетка оторвалась от столба, упала на траву. Машина поехала по ней. Мотор работал на больших оборотах.

— Залезай в машину!— крикнула Эйлин.

Тим побежал к автомобилю. Машина не полностью остановилась, и похоже было, что Эйлин вообще не собирается останавливать ее. Тим добежал, распахнул дверь и плюхнулся на сиденье. Эйлин повела машину по открывшемуся проезду. Колеса оставляли глубокие борозды. Машина выехала на лужайку и, разрывая ее заботливо взлелеянную поверхность, поехала по ней.

Тим рассмеялся. Смех его был с оттенком истерики.

— Что?— спросила Эйлин, не отводя глаз от дороги.

— Мне вспомнилось, как одна дама прошлась по лужайке лос-анджелесского «Кантри-клуба». Туфли у нее были на каблуках-гвоздиках,— сказал Тим.— Распорядитель чуть не умер! Я думал, что понимаю, что такое падение Молота и что оно означает. Но выходит, не понимал. Только сейчас понял, когда ты поехала прямо по лужайке.

Эйлин ничего не ответила, и Тим уставился в ветровое стекло. Настроение у него было скверное. Сколько человеко-часов ушло на то, чтобы создать такую клумбу-лужайку, лужайку с подобной безупречной поверхностью? Даст ли когда-либо кто-нибудь себе труд создать такую лужайку? Тиму вновь ужасно захотелось рассмеяться. Если бы в машине были клюшки для гольфа, можно было бы выйти и, установив мяч, сделать удар...

Эйлин проехала через всю площадку и вывернула обратно на дорогу, ведущую в горы. Вокруг были густые заросли, по сторонам — высокие холмы. Машина проехала площадку для пикников. На площадке расположились бойскауты. Бойскауты установили на площадке палатку. Было такое впечатление, что они о чем-то спорили со своим руководителем. Тим открыл окно.

— Избегайте низменностей!— закричал он.

— Что происходит там, внизу?— спросил руководитель скаутов.

Эйлин замедлила ход, остановилась.

— Пожары. Наводнения. Уличные пробки,— сказал Тим.— Там ничего нет, из-за чего бы вам захотелось спуститься вниз. И долгое время не будет.— Он наклонился ближе к руководителю.— Оставайтесь здесь. Хотя бы на сегодняшнюю ночь.

— Наши семьи...— сказал руководитель.

— Откуда вы?

— Из Студио-Сити.

— Вы не сможете сейчас добраться туда,— сказал Тим.— В долине уличное движение нарушено полностью. Дороги забиты, шоссе разрушены, много пожаров. Лучшее, что вы можете сделать для ваших семей,— это оставаться пока здесь. Здесь вы в безопасности.

Мужчина кивнул. У него были большие темные глаза. И искреннее, с резкими чертами лицо. Подбородок его порос рыжей щетиной.

— Я уже говорил детям то же самое. Джули-Энн, ты слышала? Твоя мать знает, где мы находимся. Если дела там, внизу, действительно обстоят плохо, за нами пошлют полицейских. Нам лучше оставаться здесь.— Он понизил голос.— После этого землетрясения, мне кажется, придется развернуть широкое строительство. Разрушений много?

— Много,— сказал Тим. И отвернулся. У него не было сил глядеть в глаза руководителю скаутов.

— Тогда мы останемся здесь еще на день,— сказал руководи-

тель.— В дорогу двинемся, может быть, завтра. Несмотря на то, что дети совершенно не имеют защиты от этого дождя. Никто не ожидал, что в июне пойдет дождь. Может быть, нам все же следовало бы спуститься. Идти в Бурбанк и остановиться в чьем-либо доме. Или в церкви. Мы нашли бы приют...

— Не делайте этого,— настойчиво сказал Тим.— Пока что не делайте. Эта дорога ведет к вершине?

— Да.— Руководитель придвинул свое лицо к лицу Тима.— Почему вы стремитесь туда?— Он махнул рукой в сторону молний, вспыхивающих над горными пиками.— Почему?

— Надо,— сказал Тим.— А вы оставайтесь здесь. Хотя бы на сегодняшнюю ночь. В путь, Эйлин.

Ничего не сказав, Эйлин тронула машину с места. Развернулась, объезжая оставшегося стоять на дороге руководителя скаутов.

— Я ничего не могла сказать ему,— пробормотала Эйлин.— Они здесь в безопасности?

— Наверное, так. Здесь уже достаточно высоко.

— Вершина расположена на высоте примерно три тысячи футов,— сказала Эйлин.

— Мы ниже ее не более чем на тысячу футов,— сказал Тим.— Мы в безопасности. Может быть, лучше было бы подождать здесь, пока не прекратится это молниевое изобилие. Если только оно когда-нибудь прекратится. Потом мы сможем продолжать путь. Или повернуть обратно. Куда мы попадем, если продолжим путь?

— В Туджунгу,— сказала Эйлин.— Это на высоте добрых тысячи восемьсот футов над уровнем моря. Если здесь мы в безопасности, там будем в безопасности тоже.— Она продолжала вести машину все дальше в горы.

Тим нахмурился. Он никогда не обладал хорошим чувством направления, а в машине не было карты.

— Моя обсерватория расположена в каньоне Большой Туджунги... По крайней мере, эта дорога выведет нас туда. Кажется, я ездил этой дорогой. А в обсерватории есть запасы пищи и всякого снаряжения, в том числе и спасательного.

— Страх Молота?— поддразнила Эйлин.— У тебя?

— Нет. Просто на тот случай, если тебя отрежет от внешнего мира. Несколько раз там случались снежные обвалы. Однажды я там просидел больше недели. Вот я и запасся как следует. Куда мы едем? Почему ты не останавливаешься?

— Я... Не знаю.— Эйлин продолжала вести машину дальше. Но медленнее — машина почти ползла. Дождь утихал. Он все еще лил, сильный для Лос-Анджелеса дождь, никогда не слышали, чтобы летом шел такой дождь, и все же сейчас это был дождь как дождь, а не потоп, льющийся с неба. Как бы сменяя его, усилился ветер, он

выл, проносясь по ущелью, визжал так, что Эйлин и Тиму приходилось кричать. Но поскольку ветер дул беспрерывно, они скоро перестали обращать на него внимание.

Еще один поворот, и машина оказалась на высоко расположенном уступе, отсюда было видно в южном и западном направлениях. Хотя была опасность, что машина соскользнет с откоса, Эйлин остановилась. Выключила двигатель. Был ветер, в небе сверкали молнии. Из-за дождя долина Сан-Фернандо была почти не видна, но иногда ветер создавал узкие разрывы в завесе дождя, и можно было — хоть и плохо, расплывчато — что-то рассмотреть. Долина была усеяна горящими оранжевым светом огнями. Множество огней.

— Что это?— громко спросила Эйлин.

— Дома. Заправочные станции. Запасы нефтепродуктов. Автомашины, здания, перевернувшиеся автоцистерны — все, что может гореть.

— Дождь и огонь.— Хотя в машине было тепло, Эйлин поежилась. Ветер взвыл снова.

Тим потянулся к ней. На миг она отшатнулась, затем прильнула к нему, уронив голову ему на грудь. Так они и сидели, слушая вой ветра, глядя на просвечивающие сквозь завесу дождя языки оранжевого пламени.

— Мы доберемся туда,— сказал Тим.— В обсерваторию. Доберемся. Осталось недалеко, мы сможем дойти даже пешком. Двадцать-тридцать миль, не больше. Если идти пешком, это займет дня два. Мы будем в безопасности.

— Нет,— сказала Эйлин.— Никто уже никогда не будет в безопасности. Никогда.

— Мы обязательно будем в безопасности,— Тим помолчал мгновение.— Я... я действительно рад, что ты разыскала меня... Я не такой уж герой, но...

— Ты действовал совершенно правильно.

Они снова помолчали. Ветер продолжал свистеть, выть, но постепенно они начали различать другой звук — низкий, грохочущий, заполняющий все вокруг. Словно реактивный самолет, нет, десять самолетов, тысяча самолетов, ревущих на взлетной дорожке. Звук доносился с юга, и, когда Эйлин и Тим посмотрели в том направлении, они увидели, что часть огней погасла. Эти огни не мерцали, но постепенно угасли, они исчезли внезапно, исчезли в мгновение ока. Звук усиливался, стремительно накатывался все ближе.

— Цунами,— сказал Тим. Он сказал это тихо, словно не веря.— Действительно, цунами. Волна в сотни, может быть, тысячи футов высотой.

— В тысячи?— испуганно переспросила Эйлин.

— С нами все будет в порядке. Волна не сможет продвинуться очень далеко в глубь суши. Для этого ей бы понадобилась уж слиш-

ком большая энергия. Слишком большая. Сейчас волна катится по старому руслу реки Лос-Анджелес. Она не перехлестнет через Голливудские холмы. Все, кто здесь, вероятно, в безопасности. Но пусть Бог поможет людям, оставшимся в долине...

Они сидели, прижавшись друг к другу, а молнии вспыхивали в небе, вспыхивали вокруг них. Они слушали раскаты грома и перекрывающий эти раскаты рев цунами. И один за другим гасли огни, усеявшие долину Сан-Фернандо.

* * *

Между Байя-Калифорния и западным побережьем Мексики есть узкая полоса воды. Ее береговые линии напоминают вилку камертона.

Вода в море Кортеса теплая, словно в ванной, и спокойная, словно озерная вода. Море Кортеса будто специально создано, чтобы можно было плавать или ходить под парусом.

Обломки ядра кометы Хамнера—Брауна пронизали атмосферу Земли, они походили на крошечные голубовато-белые звезды. Одна из звезд падала прямо в устье моря Кортеса. И упала в воду — между зубцами камертона. Образовался сверкающий оранжево-белым огнем кратер, вода с силой устремилась от него во все стороны. По расширяющейся дуге цунами двигалось к югу. Стиснутая берегами вторая волна, словно пуля, выпущенная из ружья, неслась к северу. Часть вод устремилась к востоку — на Мексику. Часть вод — на запад, через Байя, по направлению к Тихому океану. Большая часть воды устремилась на север моря Кортеса. Волна походила на увенчанную белой пеной горную гряду.

На линии ее движения оказалась величественная долина, второй по величине агропромышленный регион Калифорнии.

* * *

Выжившие ползли по разрушенной парковочной стоянке ИРД — сползались навстречу друг другу. Двенадцать мужчин, пять женщин.

Ошеломленные до глубины души, они сползлись вместе. Большая часть людей осталась внизу, в развалинах зданий. Люди кричали. Подходили остальные выжившие. Шарпс застыл, ошеломленный. Он хотел спуститься вниз, помочь людям, но ноги не повиновались ему.

Небо было покрыто клубящимися тучами. Они мчались, образовывали мгновенно меняющиеся странные узоры, походили на стремительно несущиеся потоки черных чернил. Свет дня еще проби-

вался сквозь тучи, но он был более тусклым, чем сверкание беспрерывно вспыхивающих молний. Неисчислимого множества молний.

Не веря, Шарпс услышал детский крик. Затем кто-то выкрикнул его имя.

— Доктор Шарпс! Помогите!

Это был Эл Мастерсон, дворник. Вместе с ним было еще двое спасшихся. Они стояли возле многоместного легкового автомобиля, уткнувшегося в боковой борт большого зеленого «линкольна». Автомобиль накренился под углом в сорок пять градусов, два колеса стояли на мостовой, другие два повисли в воздухе. Кричащие дети — это в автомобиле!

— Сэр, пожалуйста, быстрее!— крикнул Мастерсон.

Его крик помог преодолеть оцепенение. Чарли Шарпс бросился на помощь. Он, Мастерсон и двое других мужчин навалились на автомобиль. Автомобиль был тяжело нагружен. Они старались изо всех сил, и наконец автомобиль принял нормальное положение. Мастерсон распахнул дверь. Оттуда выглянули лица — два совсем юных, залитых слезами, и одно постарше, это была Джун Мастерсон. Она не кричала.

— С ними все в порядке,— сказала Джун.— Говорю вам, с ними все в порядке...

Автомобиль был нагружен по самую крышу, даже больше. Пища, вода, банки с горючим — забито до самого багажника. Одежда, оружие, боеприпасы. Всякое спасательное снаряжение... плюс дети, завернутые в шерстяные одеяла. Мастерсон объяснял каждому, кто пожелал бы его слушать:

— Я слышал, как вы говорили, что Молот может ударить, я слышал...

Каким-то краем своего сознания Шарпс про себя рассмеялся. Мастерсон — дворник. Он слышал, о чем говорили инженеры, слышал как раз достаточно, чтобы сделать выводы, и, разумеется, он начисто не понял, что вероятность столкновения была очень мала. Итак, он подготовился. Он готовился выжить, и семья его ожидала столкновения, потому и оказалась на парковочной стоянке — просто на всякий случай. А мы все, оказывается, знали слишком много...

Семья.

— Что будем делать, доктор Шарпс?— спросил Мастерсон.

— Не знаю.— Шарпс обернулся к Форрестеру. Низенький и толстый астрофизик не помогал (да и пользы от него не было бы) вернуть автомобиль в правильное положение. Похоже, он был полностью погружен в размышления, и Шарпс отвернулся от него.— Наверное, мы должны помогать выжившим... сделать все, что в наших силах... только мне хотелось бы вернуться домой!

— Мне тоже,— раздался хор голосов.

— Но нам следует оставаться вместе,— сказал Шарпс.— Не так уж много людей, на которых можно положиться...

— Караван,— сказал Мастерсон.— Возьмем автомашины, и все вместе отправимся за нашими семьями. Где кто живет?

Оказалось, что все живут далеко друг от друга. Шарпс жил поблизости, в Ла-Канаде. Там жили еще двое. Дома остальных были разбросаны на большом расстоянии — от Бурбанка до Каноча-парк, который в долине Сан-Фернандо. Каждый человек ищет, где ему лучше.

— Никуда не поеду,— сказал Форрестер.— Надо ждать. Хоть пару часов...

Остальные кивнули. Они все понимали.

— Четыреста миль в час,— сказал Гал Крейн. Каких-то несколько минут назад он был геологом.

— Больше,— сказал Форрестер.— Цунами появится примерно через пятьдесят минут после падения Молота.— Он взглянул на часы.— Осталось меньше получаса.

— Мы не можем ждать... оставаться здесь просто так!— закричал Крейн. Он не кричал — визжал. Таковы были они все. Для них невыносим был звук собственных голосов.

Пошел дождь. Дождь? Не дождь, а грязь. Шарпсу сделалось страшно, когда он увидел запрыгавшие по асфальту шарики грязи. Шарики грязи, твердые и сухие снаружи, с размягченной сердцевиной! С громким стуком шарики падали на крыши машин. Грязевой град. Люди кинулись искать себе убежище — в машинах, под машинами, в том, что осталось от машин.

— Тина?— вскрикнул Шарпс.

— Да. Это заслуживает внимания,— сказал Форрестер.— Тина и соленая грязь. С морского дна. Грязь была выброшена в атмосферу и...

Необычный град утих, люди стали вылезать из своих убежищ. Шарпс почувствовал себя лучше.

— Все, кто живет слишком далеко, чтобы ехать туда, пусть спустятся вниз и помогут выжившим — тем, кто остался в развалинах. Остальные отправятся за своими семьями. Образуем караван. Мы вернемся сюда... если сможем. Дан, куда нам... когда мы справимся со всеми этими делами... куда нам лучше всего было бы отправиться?

Форрестер поглядел на него нерадостным взглядом.

— На север. Туда, где нет низменностей. Этот дождь... он может идти на протяжении целых месяцев. Все долины, образованные руслами рек, наверное, окажутся заполненными водой. В окрестностях Лос-Анджелеса безопасных мест не останется. И будут еще толчки... после основного землетрясения...

— Так куда?— переспросил Шарпс.

— Конечный пункт — Можави,— сказал не торопясь Форрестер.— Но не надо идти туда сразу. Там сейчас делать нечего. Это конечный пункт.

— Да, но сейчас куда?— настаивал Шарпс.

— К подножию Сьерры,— сказал Форрестер.— Туда, где начинается долина Сан-Иоаквин.

— К Портервиллю?— спросил Шарпс.

— Не знаю, где это...

Мастерсон залез в автомобиль и принялся рыться в «бардачке». Дождь усилился, поэтому он не стал выносить карту из машины. Все столпились снаружи, глядя на Джун Мастерсон и ее детей. Дети вели себя тихо. Они испуганно смотрели на взрослых.

— Это здесь,— сказал Мастерсон.

Форрестер изучил карту. Он никогда не бывал в тех местах прежде, но без труда представил теперь, куда им следует направиться.

— Да, я бы сказал, что вот подходящее место.

— Ранчо Джеллисона,— сказал Шарпс.— Вот оно! Он знаком со мной, и он нас примет. Туда мы и отправимся. Если мы потеряем друг друга, то встретимся там.— Он указал на карту.— Спрашивайте, где живет сенатор Джеллисон! Итак, те, кто не отправляется в путь немедленно, пусть спустятся вниз и помогут спасшимся. Эл, вы можете привести эти машины в рабочее состояние?

— Да, сэр.— На лице Мастерсона было написано явное облегчение. На лицах остальных тоже. На протяжении долгих лет они привыкли получать приказы от Шарпса. И им казалось правильным, что он опять начал распоряжаться. Конечно, они не повиновались приказам, словно солдаты, но им нужно было, чтобы кто-нибудь указал, что нужно делать, тем более что в любом случае это делать надо.

— Дан, вы примкнете к каравану, поедете с нами,— сказал Шарпс.— От вас там, внизу, пока будет немного...

— Нет,— сказал Форрестер.

— Что?— в полной уверенности, что он не расслышал, спросил Шарпс. Гром грохотал непрерывно, кроме того, выл усиливающийся ветер.

— Не могу,— сказал Форрестер.— Мне необходим инсулин.

Лишь тогда Шарпс вспомнил, что Дан Форрестер страдает диабетом.

— Мы съездим к вам домой и...

— Нет!— закричал Форрестер.— У меня много дел. Я говорю вам: нет!

— Вы должны...

— Со мной будет все в порядке,— сказал Форрестер и повернулся, чтобы уйти в дождь.

— Ну и черт с вами!— завизжал Шарпс в спину Форрестера.— Вы даже не сможете завести свой автомобиль, когда сядут батареи!

Форрестер не обернулся. Шарпс смотрел в спину своего друга, зная, что никогда больше не увидит его. У всех остальных был подавленный вид. Им хотелось, чтобы им что-то советовали, приказывали, указали какую-то цель. Они ожидали, что все это бремя взвалит на свои плечи Шарпс.

— Мы будем ждать вас на ранчо!— крикнул Шарпс.

Форрестер чуть обернулся и помахал рукой.

— Пора в путь,— сказал Шарпс.— Автомобиль Мастерсона поедет в середине.— Он понаблюдал, как выполняется его приказ — пусть и крохотный, но приказ.— Престон, вы поедете со мной в головной машине. Прихватите это ружье и проследите, чтобы оно было заряжено.

Все разместились по машинам. Автомобили поехали вдоль стоянки, поехали осторожно, объезжая наиболее крупные разломы и трещины.

Машина Форрестера осталась неповрежденной. Он оставил ее на самой верхней точке стоянки, на большом удалении от остальных машин, от деревьев, от обрыва. У самого склона холма. Когда караван поехал по улице, Шарпс увидел огни машины Форрестера: Дан ехал следом. У Шарпса мелькнула надежда, что Дан изменил свое решение и решил ехать вместе с ними, но, когда машины выехали на шоссе, он увидел, что Дан Форрестер свернул на Туджунгу.

* * *

Дорога сузилась, превратилась в тропу, изгибающуюся под самыми дикими углами. Справа — крутой откос футов в пятьдесят, а может быть, и больше. Эйлин попыталась справиться с управлением автомобиля. Не справившись, остановила его.

— Отсюда нам придется идти пешком.

Но не сделала ни движения, чтобы вылезти наружу. Дождь стал чуть потише, но сделался холоднее, а вокруг по-прежнему беспрерывно вспыхивали молнии. Сильно и резко пахло озоном.

— В таком случае пошли,— сказал Тим.

— Куда торопиться?

— Не знаю, но пошли.— Тим не мог объяснить, почему он чувствует, что не следует медлить. Он не был уверен, что и сам это понимает. Жизнь Хамнера была жизнью человека, порожденного

цивилизацией, и она была относительно несложной. Нет такого места, где бы ни выяснилось, что деньги или социальное положение не имеют значения. Они всюду имеют значение. Ты нанимаешь людей, чтобы они делали то, что надо тебе. Или покупаешь инструменты, чтобы с их помощью эти люди делали то, что надо тебе.

Тим сидел, и мозг его постигал, что с подобной практикой покончено. А душа его... Ну, не может же быть, чтобы это был конец света! Конец света — это значит, что ты будешь мертв! Прежний мир еще окружал Тима, и Тим жаждал помощи. Ему хотелось, чтобы вокруг него были вежливые полицейские, предупредительные продавцы, учтивые чиновники. Короче говоря, ему хотелось цивилизации.

* * *

Все увеличивающаяся стена воды мчалась на восток.

Это южная часть Атлантического океана. Левый край волны перехлестнул Мыс Доброй Надежды, опустошая земли, которыми поочередно владели готтентоты, голландцы, англичане и африканеры. Вода закрутилась, уничтожая все, у подножия Столовой горы. Вскипая пеной, понеслась вдоль широкой долины по направлению к Паарлю и Стелленбошу.

Своим правым краем волна ударила в Антарктиду. На протяжении десяти миль в длину и пять в ширину все ледники оказались разбитыми вдребезги. Волна пронеслась между Африкой и Антарктидой. Когда она вырвалась на широкие просторы Индийского океана, она уже потеряла половину своей мощи: теперь она достигала в высоту лишь четыреста футов. Со скоростью четыреста пятьдесят миль в час она мчалась по направлению к Индии, Австралии и островам Индонезии.

Она прокатилась по низменностям Южной Индии. Стиснутая узкими берегами Бенгальского залива, волна обрела — почти полностью — свою прежнюю мощь. И выросла до прежней высоты. Вода обрушилась на обширные болота Бангладеш. Сметая все, понеслась на север — через Калькутту и Дакку. Наконец волна задержала свой бег у подножия Гималаев. Здесь она встретилась с потоком, несущимся из долины Ганга. Когда воды отхлынули, весь священный Ганг был забит трупами.

* * *

Они тащились по грязи, упорно взбирались все выше. Дорога вела к вершине горы. Перевал лежал несколько ниже верхней точки

горы, не намного, но все же ниже. В небе по-прежнему сверкали молнии.

На их обувь налипли огромные комья грязи. И вскоре обувь стала весить в три-четыре раза больше, чем положено. Они падали в грязь и снова вставали, помогали друг другу, как только могли. Они шатались. Миновали вершину и начали спускаться по противоположному склону. Мир сузился, он превратился в последовательность шагов, шаг за шагом, и не было места, где бы можно было остановиться и передохнуть. Тим представил город, который лежит там, впереди. Не подвергшийся разрушениям город, там есть мотели и горячая вода и электрическое освещение. Там есть бар, где продают «Чивас» и «Мичелоб»...

Они вышли к мощеной дороге. Идти стало легче.

Тим нажал кнопку на своих часах с числовым табло:

— Примерно полдень...

— Так темно...— Эйлин поскользнулась на мокрых листьях и упала на мостовую. Она не делала попытки подняться.

— Эйлин...— Тим подошел, чтобы помочь ей.

Она села. Казалось, падение не принесло ей вреда, но она не вставала. Даже не пыталась. Она тихо заплакала.

— Ты должна встать.

— Зачем?

— Потому что я не смогу далеко пронести тебя на руках.

Она чуть не рассмеялась. Но тут же спрятала лицо в ладонях. Скорчилась под дождем.

— Пойдем,— сказал Тим.— Все не так уж плохо. Может быть, всюду, начиная с этого места, все в порядке. Мобилизованы Национальная гвардия, Красный Крест. Палатки спасателей.— Говоря это, он ощутил, как исчезают последние остатки надежды. Все эти названия — из области грез. Но он продолжал отчаянно: — Мы купим машину. Там, впереди, продаются автомобили. Мы купим автомобиль и поедем в мою обсерваторию. Мы будем ехать, а между нами будет стоять большое ведро с жареными цыплятами. Ты хочешь купить их?

Покачав головой, она рассмеялась странным смехом. Она не вставала. Он нагнулся и взял ее за плечи. Она не сопротивлялась, но и никак не помогала ему. Подхватив ее одной рукой под колени, Тим поднял Эйлин. И пошел, пошатываясь, по дороге.

— Это глупо,— сказала Эйлин.

— Чертовски глупо.

— Я могу идти сама.

— Хорошо.— Он отпустил ее ноги. Она встала. Прильнула к Тиму, положив голову ему на плечо.

— Я рада, что разыскала тебя.— Она сделала наконец первый шаг.— Идем.

* * *

— По порядку номеров рассчитайсь,— приказал Горди.

— Первый,— сказал Энди Рэнделл. Остальные подхватили по очереди: второй, третий, четвертый.

— Пятый,— сказал Берт Ванс. Он чуть запоздал со своим выкриком, и вид у него был испуганный, но его отец, казалось, ничего этого не заметил.

— Плюс я,— сказал Горди.— О'кей, Энди, ты в голове группы. Я буду замыкающим.

Они тронулись в путь. Утес был менее чем в миле отсюда. Это минут двадцать ходьбы, не больше. Группа прошла поворот, и открылся великолепный вид: за верхушками сосен тянулась к востоку прекрасная страна. Утренний воздух был кристально чист. А свет... странный свет.

Горди глянул на свои часы. Группа находилась в пути уже десять минут. Горди решил, что обязательную остановку для приведения в порядок обуви можно пропустить. Ибо какая разница? Никто не натер пока на ногах волдырей, и за оставшиеся полмили не натрет. Можно идти дальше. Но идти, стараясь вести себя естественно, было тяжелее, чем решить это сделать.

В восточном направлении мелькнула яркая вспышка. Ослепительная, хотя и небольшая вспышка. Слишком яркая для молнии, да и какая может быть молния, если небо чисто? После вспышки сетчатка глаз сохранила остаточное изображение — и никак от него не отделаться.

— Что это было, папа?— спросил Берт.

— Не знаю. Метеор? Остановка. Передние, остановитесь. Привести обувь в порядок.

Ребята скинули свою поклажу, каждый нашел себе валун, чтобы присесть. Остаточное изображение все хранилось на сетчатке глаз. Хотя постепенно начало ослабевать. Горди не мог рассмотреть, что там творится со шнурками его ботинок. Он заметил, что ветер стих. Деревья в лесу перестали шуметь.

Яркая вспышка. Внезапная тишина. Так, будто...

Сопровождаемый громовым раскатом сильнейший порыв ветра. Земля вздрогнула. Сухие деревья затрещали в последней попытке удержаться, цепляясь ветвями за ветви своих собратьев. Раскаты грохотали еще долгое время. Подул все усиливающийся ветер.

«Атомная бомба, сброшенная на плато Френчмана?»— подумал Горди. Не может быть. Они никогда не осмелятся развязать войну. Так что это было?

Мальчики возбужденно заговорили. Земля, загромыхав, тяжело осела. Многие деревья попадали.

Горди упал как раз на свой рюкзак. Мальчики послетали со своих валунов. Один из них, Герби Робинетт, похоже, ранен. Горди пополз к нему. Крови на парне не видно и переломов, похоже, нет. Просто его хорошо встряхнуло.

— Оставайтесь на своих местах!— крикнул Горди.— И берегитесь падающих камней и деревьев!

Ветер продолжал усиливаться, но направление его было непостоянным. Его порывы по дуге перемещались к югу. Он уже дул не с востока, не оттуда, где они видели яркую вспышку. Земля снова вздрогнула.

И вдали, далеко из-за горизонта, взметнулась в стратосферу ужасная туча. Туча грибообразной формы. Она вздымалась все выше и выше, она бешено крутилась. Туча возникла как раз в том месте, где сверкнула вспышка.

У одного из ребят был радиоприемник. Он поднес его к уху.

— Ничего не слышно, мистер Ванс, только атмосферные помехи. Мне кажется, что я расслышал еще что-то, но не смог разобрать, что именно.

— Неудивительно. В дневное время в горах почти никогда нельзя поймать радиопередачу,— сказал Горди.

Но как мне не нравится этот ветер. И что это все же было? Обломок кометы? Возможно. Горди горько про себя рассмеялся. Вся эта суета насчет конца света, а кончилось вот чем. То есть ничем. Яркая вспышка в районе Долины Смерти... а, может, это вообще и не было кометой. В том направлении — плато Френчмана. До него что-нибудь около ста пятидесяти миль...

Земля перестала трястись.

— Давайте двинемся в путь,— сказал Горди.— Вставайте.

Он надел свой рюкзак. «Что теперь?— спросил он себя.— Могу ли я?.. Но кто поручится, что без меня с ребятами ничего не случится? Что там произошло?»

Ничего. Ничего там не произошло, лишь упал этот чертов метеорит. Может быть, это был большой метеорит. Может быть, такой же большой, как тот, что упал в Аризоне, после которого остался кратер диаметром в полмили. Впечатляющая штука, ничего не скажешь. И ребята видели, как он падал. Разговоров об этом им теперь хватит на годы и годы. Но мою проблему падение метеорита никоим образом не решает. Примерно в следующую пятницу явится банковский ревизор и...

— Странные облака,— сказал Энди Рэнделл. В голосе его звучало беспокойство.

— Да, конечно,— рассеянно согласился Горди. Но тут же увидел, куда показывал Энди.

Это в юго-западном направлении. Вернее, почти точно на юге. Выглядело это так, будто в небе разлилось целое море черных чер-

нил. Огромные, вздымающиеся все выше и выше черные тучи, они уже покрывали все небо...

Проносясь между деревьями, выл ветер. Все больше возникало облаков и туч, они, казалось, возникали из ничего. Они неслись по направлению к группе со страшной скоростью, неслись быстрее, чем реактивный самолет...

Безумным взглядом Горди оглядел тропу. Спрятаться здесь негде.

— Пончо!— закричал он.

Ребята торопливо вытаскивали из рюкзаков все, что может защитить от дождя. Едва Горди успел развернуть свое пончо, хлынул дождь. Словно река теплой, нагретой для ванны воды. Горди почувствовал, что дождь соленый.

Соленый!

— Падение Молота!— прошептал он.

Это означает конец цивилизации. Банковская недостача — ее уже нет, она просто не существует. Она теперь не имеет никакого значения.

Мария? Над Лос-Анджелесом громоздились тучи, а до ближайшего автомобиля добираться долго, очень долго. Горди не в силах ничего сделать. Марии помочь невозможно. Может быть, о ней позаботится Гарви Рэнделл. Единственное, что должно заботить сейчас Горди,— это ребята.

— Возвращаемся к Содовым Источникам!— закричал он. Лучше места, где можно переждать, пока не выяснится, что будет дальше, не сыщешь. Там можно найти убежище, и место там открытое и ровное.

— Я хочу домой!— закричал Герби Робинетт.

— Веди группу, Энди,— приказал Горди. Он взмахом руки указал направление. Если надо, он погонит ребят пинками. К счастью, этого не понадобилось. Мальчики двинулись вслед за Энди. Берт шел последним. Горди показалось, что он видит слезы, вскипевшие в глазах сына. Слезы смешивались с грязными струями дождя. Дождь молотил по головам и спинам мальчишек.

Тропа мгновенно скрылась под потоками воды. Все дороги размыты, подумал Горди. Кроме того, эта теплая дрянь растопит снега. Керн выйдет из берегов, все дороги просто исчезнут под водой.

Горди Ванс внезапно запрокинул голову и закричал. В крике его клокотала радость. Он будет жить!

ВТОРНИК КАТАСТРОФЫ: три

Адам пахал, а Ева нить сучила
в те года, Господи, помилуй, так кто же
господином был тогда? Господи, помилуй.

Маршевая песня
Черного отряда во
времена
Крестьянской
революции.
Германия, 1525 г.

Гарви Рэнделла отделяло от дома минут пять... если бы не падение Молота. День превратился в ночь, в ночь, заполненную вспышками. Свет дня еще как-то просачивался сквозь черный покров туч, но молнии сверкали гораздо ярче. Холмы возникали в голубовато-белых вспышках и исчезали. Гарви видел: то белое небо, ограниченное черной зазубренной линией горизонта, то каньон по левую его сторону. То тьма, освещаемая лишь фарами автомашин. То близкая вспышка, и Рэнделл от боли закрывал глаза... «Дворники» работали на предельной скорости, но дождь заливал ветровое стекло еще быстрее. Все расплывалось. Рэнделл опустил боковые стекла. Лучше промокнуть, но хоть что-то видеть.

Вести машину в таких условиях — чистое сумасшествие, но улицы были забиты. Вероятно, все вокруг сошли с ума. Грохотал гром, дождь барабанил по металлу, но и грохот и барабанный стук покрывали блеяние множества автомобильных сирен. Машины без предупреждения выезжали в другие ряды. Выскакивали на полосу встречного движения. И протискивались обратно в свой ряд, расталкивая соседей, когда вспыхивали фары встречных автомобилей.

Вездеход Рэнделла был слишком велик, чтобы принимать участие в подобного рода играх. В одном месте почти все пространство дороги перегородил оползень. Водитель передней машины оказался трусом, он остановился, пропуская другие машины. Рэнделл повел свой вездеход прямо на оползень, машина повиновалась плохо, но все же повиновалась. И проехал перед носом машины труса и снова слился с потоком автомобилей (для этого пришлось несколько раз стукнуть радиатором в бок идущей впереди машины, пока ее водитель не сдал назад).

Гарви не замечал людей, мешавших ему проехать. Он видел только препятствия: оползни, трещины в дорожном покрытии, автомашины. Он думал: а что, если дом обрушился, а Лоретта оставалась внутри? А что, если Лоретта, охваченная слепой паникой, взяла машину и отправилась искать его, Гарви? В одиночку ей не выжить, а им — если она уехала — уже не встретиться. Черт возьми, с момента падения Молота прошел уже почти час!

Раньше или позже появятся грабители. Лоретта знает, где хранится ружье, но сможет ли она пустить его в ход? Рэнделл свернул на Фокс-лейн. Воды на улицах было уже по ступицы. Рэнделл подъехал к дому, включил фары дальнего света. Окна в окружающих домах были темными.

Дверь гаража была закрыта. Но передняя дверь дома была широко распахнута.

Не может быть, чтобы грабители заявились так рано, подумал Рэнделл. Он заставил себя поверить в это — не может быть. Но на всякий случай он прихватил с собой ручной фонарик и пистолет. Двигатель вездехода он не стал заглушать. И, выйдя, сразу же залег под машиной, чтобы оттуда разглядеть, что творится вокруг.

Дом выглядел покинутым. В открытую дверь лил дождь.

Гарви выкатился из-под машины, метнулся к двери и встал сбоку от нее. Он по-прежнему не включал свой фонарик. Как только покажется кто-нибудь, Гарви сразу же направит луч фонарика ему в лицо. Может быть, этим «кем-нибудь» будет Лоретта, вышедшая закрыть дверь. И может быть, она прихватит с собой ружье. На этот случай Гарви приготовился тут же, отпрыгнув, скатиться вниз по ступеням. Это нужно будет сделать, потому что Лоретта так напугана, что может выстрелить.

Он сунул голову и руку с фонариком в дверь. Молнии не освещали прихожей, лишь метались пугающие тени. Гром заглушал все остальные звуки.

Он включил фонарик.

И сразу увидел. Это было словно безжалостный удар — прямо в лицо. На полу, навзничь, лежала Лоретта. Ее лицо и грудь представляли собой мокрую бесформенную массу. Такие следы оставляет выстрел в упор из дробовика. Рядом с ней лежал обезглавленный Киплинг — ком измазанной кровью шерсти.

Не чувствуя под собой ног, Гарви вошел в дом. Ноги были ватные, он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он встал на колени, уронив пистолет,— ему и в голову не приходило, что кто-нибудь может оказаться поблизости. Дотронулся до горла Лоретты. Но, содрогнувшись, отдернул руку. Нащупал запястье Лоретты. Пульса не было. Благодарение Богу. Ибо что бы он стал делать?

Ее не изнасиловали. Как будто теперь это имеет значение. Но грабители и не сорвали драгоценностей, украшавших ее руки. И

еще, хотя ящики буфета были выдвинуты и все, что лежало там, было вывалено на пол, грабители не польстились на столовое серебро. Хорошего качества серебро.

Почему? Что им тогда было надо?

Мысли в голове Рэнделла ворочались медленно, беспорядочно. Дикие какие-то мысли. Некая часть его сознания отказывалась верить во все это. Не может быть, чтобы тут действительно лежало тело его жены, то появляющееся, то исчезающее в свете молний. Не может быть, чтобы за стенами дома бушевала дикая непогода. И что было землетрясение — тоже неправда. И неправда все это гигантское световое и пиротехническое представление, возвещающее о конце света. Потом Гарви встал и пошел в спальню — найти что-нибудь, чтобы накрыть Лоретту. Это необходимо сделать, потому что он все смотрел на нее — и он уже не мог этого вынести.

Дверцы платяных шкафов были распахнуты, вещи из них были вытащены, разбросаны по полу. Посреди этого развала Рэнделл увидел свои запонки, и золотое кольцо, и аметистовую брошь Лоретты, и серьги, которые он преподнес ей в день свадьбы. Но грабители тщательно обыскали все шкафы. Где же?.. Да, грабители забрали оба плаща Гарви. Он перелез через разбросанные по полу вещи.

Кровать была завалена различными вещами — какими-то бессмысленными вещами: колготками, бутылочками с косметикой, тюбиками с губной помадой. Гарви смахнул все это на пол, содрал с кровати простыни и поволок их в прихожую. Он шел, волоча за собой простыни. Какие-то мысли возникали в его мозгу, он вроде бы начинал что-то понимать... но мысли были пугающие, он старался избавиться от них. Он накрыл простыней Лоретту и снова сел рядом.

Ни на секунду ему не пришло в голову, что они могут быть еще в доме. Но он пытался представить, что же это были за люди, сделавшие такое. Он? Она? Группа, состоящая лишь из мужчин? Группа, состоящая лишь из женщин? Смешанная группа? Что им было надо? Они не взяли ни серебра, ни драгоценностей, но взяли... плащи.

Волоча ноги. Рэнделл направился в кухню.

Грабители разыскали и забрали с собой вяленое мясо, весь запас витаминов, все консервы. Он сразу увидел это. Увидел — и продолжал поиски. Грабители забрали из гаража все канистры с бензином. Забрали ружья. Значит это не была случайность, они заранее подготовились к ограблению! К моменту падения Молота они уже знали, что им надо делать. Случайно ли они избрали именно его дом? Его улицу? Возможно, они совершили налет на все дома этого квартала.

Он вернулся в прихожую, к Лоретте.

— Ты просила, чтобы я остался дома,— сказал он ей. Ему хоте-

лось сказать еще что-то, но слова застряли у него в горле. Он покачал головой и прошел в спальню.

Он устал до смерти. Он стоял рядом с кроватью, глядя на барахло, прежде лежавшее на кровати. Все это просто не имело смысла. Колготки, еще в пакетах. Шампунь, сушилка для волос, аппарат для ухода за кожей, лак для ногтей — с пару дюжин больших бутылок. Тюбики губной помады, карандаши для бровей, зубочистки, маникюрный набор, коробка с бигуди — новая... Множество всякого барахла. Если Гарви сможет понять, зачем это все кому-то понадобилось, возможно, он догадается, кто совершил налет на его дом. Он сможет начать преследование бандитов. У него еще есть пистолет.

Хотя оцепенение полностью овладело им, он все еще не был в силах поверить. Грабители уже смылись, а он здесь, с Лореттой. Он сел на кровать и уставился на щетку для волос Лоретты и ее солнцезащитные очки.

...О! Разумеется. Молот ударил, и Лоретта начала собирать вещи. То, что должно было помочь ей выжить. Вещи, без которых она не могла обойтись. И тогда уже явились убийцы. И оставили ненужную им часть добычи — тюбики губной помады, карандаши для бровей и колготки. То, без чего Лоретта не представляла свою жизнь. Но забрали ее чемодан.

Гарви повалился ничком и спрятал лицо в ладонях. Гром и шум дождя отозвались в его ушах, прогоняя мысли, от которых он так хотел избавиться.

* * *

Он осознал, что кто-то смотрит на него. Раскаты грома повторялись все снова и снова. Никаких иных звуков Гарви не слышал. Но кто-то смотрел на него, и Гарви вспомнил, что он не должен двигаться, а потом вспомнил, почему не должен этого делать. Его движение должно быть внезапным и... да ведь он оставил свой пистолет рядом с Лореттой. А, черт с ним. Он перекатился на спину.

— Гарви?

Он не ответил.

— Гарви, это я, Марк. Господи Боже, дружище, что случилось?

— Не знаю. Налетчики.

Он чуть не отключился снова, но Марк заговорил:

— С вами все в порядке, Гарви?

— Меня здесь не было. Я брал интервью у этого чертова профессора из Лос-Анджелесского университета, а потом я попал в уличную пробку и... Меня здесь не было, оставьте меня одного.

Марк переступил с ноги на ногу. Заглядывая в шкафы, обошел кругом спальню.

— Гарви, мы должны уходить отсюда. Вы и ваша проклятая порция мороженого... Основание Лос-Анджелеса может соскользнуть в океан, вам об этом известно?

— Она просила меня остаться. Она боялась,— сказал Гарви. Он попытался что-нибудь придумать, чтобы Марк убрался куда подальше.— Уходите, оставьте меня одного.

— Не могу, Гарви. Мы должны похоронить вашу жену. У вас есть лопата?

— Ох,— Гарви открыл глаза. Комнату озаряли неправдоподобно яркие вспышки молний. Странно, что сознание его больше не отмечало раскатов грома. Он встал.— Лопата должна быть в гараже. Наверное. Спасибо.

* * *

На заднем дворе они вырыли могилу. Гарви хотел все сделать сам, но вскоре выдохся, и победило мнение Марка. Лопата с хлюпаньем врезалась в землю. Глина покрывалась водою быстрее, чем успевал копать Марк. Хлоп. Хлоп. Хлоп. Грохотал гром.

— Сколько сейчас времени?— крикнул Марк. Крикнул, стоя по пояс в вырытой ими яме, его ботинки почти полностью были скрыты водой.

— Полдень.

Гарви, испуганный раздавшимся за его спиной голосом, обернулся. На откосе стояла Джоанна, дождь заливал ее лицо. В руках она держала ружье, вид у нее был весьма настороженный.

— Достаточно глубоко,— сказал Марк.— Оставайтесь, где стоите, Гарви. Джо, двигай сюда. А ружье отдай Гарви.

— Ладно.— Джоанна спустилась с откоса — крохотная женщина с большим ружьем. Не сказав ни слова, она отдала ружье Гарви.

Он стоял, заливаемый дождем, нес охрану. И не мог оторвать взгляда от пустой пока могилы. Если бы кто-нибудь появился за его спиной, Гарви бы этого не заметил. А может, заметил бы. Но пока — помимо ямы — Гарви видел лишь Марка и Джоанну.

Огромный Марк и крошечная Джоанна вынесли узел — завернутое в одеяло тело. Гарви дернулся было помочь им, но опоздал. Джоанна и Марк опустили тело в могилу. Вода сразу насквозь пропитала одеяло. Это одеяло с электроподогревом, понял Гарви, одеяло Лоретты. Она всегда мерзла по ночам.

Марк взялся за лопату. Джоанна забрала себе ружье. Размеренными движениями Марк сгребал землю в яму. Хлоп. Хлоп. Гарви хотелось что-то сказать, но не было слов. Наконец подумал: «Спасибо».

— Ладно. Хотите прочесть молитву?

— Надо бы.— Гарви направился было к дому, но понял, что у него нет сил войти внутрь.

— Вот. Он был в спальне,— сказала Джоанна. И вытащила из кармана маленькую книгу.

Это был молитвенник Энди — тот, что для конфирмации. Должно быть, Лоретта присоединила его к набору тех вещей, без которых она не мыслила своего существования. Видимо, так. Гарви открыл книгу. Вот и заупокойная молитва. Дождь сразу же насквозь промочил страницу, раньше чем Гарви успел начать чтение. Но он все же нашел нужную строку и начал,— наполовину читая, наполовину по памяти: «Даруй ей вечный покой, о Господи, и пусть свет вечный озаряет ее». Больше Гарви ничего не смог разглядеть. Шло время, и, наконец, Марк и Джоанна отвели его в дом.

Они сели возле кухонного стола.

— Времени у нас немного,— сказал Марк.— Но, думаю, мы видели тех, кто совершил налет на ваш дом.

— Они убили Фрэнка Стонера,— добавила Джоанна.

— Кто они?— потребовал Гарви.— Как они выглядели? Сможем ли мы догнать этих ублюдков?

— Я все расскажу вам позже,— сказал Марк.— Прежде всего мы должны собрать вещи и двинуться в путь.

— Вы скажете мне все сейчас же.

— Нет.

Ружье Джоанна оставила — прислонила к столу. Гарви не торопясь взял его и проверил, есть ли патроны в заряднике. Оттянул назад курок. Гарви неплохо когда-то обучили — стрелок из него получился хороший. Но пока Гарви ни на кого не направил ствол.

— Я хочу знать,— сказал он.

— Они были на мотоциклах,— быстро сказала Джоанна.— С полдюжины. Они сопровождали большой голубой фургон. Мы видели их, когда выехали с Фокс-лейн.

— Вот кто эти ублюдки,— сказал Гарви.— Я знаю, где они живут. На небольшой боковой улице, в полумиле отсюда. Та улица длиной в полквартала. Там еще есть надпись «Снежная гора».— Он встал.

— Сейчас их там нет,— сказал Марк.— Они ехали на север, по направлению к Мулхолланду.

— Мы ехали на мотоциклах,— сказала Джоанна,— Фрэнк, Марк и я.

— Они выехали с вашей улицы,— сказал Марк.— Я хотел узнать у них, что здесь происходит. Я затормозил и поднял руку — вы знаете, что таким образом мотоциклисты останавливают друг друга, если хотят поговорить. И один из этих сукиных сынов выстрелил в меня из ружья!

— Они промахнулись, стреляя в Марка, но попали во Фрэнка,— сказала Джоанна.— Он ехал крайним справа. Если выстрел и не убил его, то убило падение. Мотоциклисты не остановились. Мы не знали, что делать, и поэтому сразу поехали сюда.

— Господи,— сказал Гарви.— Я приехал на полчаса раньше вас. Значит, они были еще где-то здесь. Они были где-то здесь, пока я... пока я...

— Да,— сказала Джоанна.— Мы узнаем их, если встретим снова. Мотоциклы у них не новые, хотя и не очень старые. А стены фургона разрисованы. Мы их узнаем.

— Никогда не встречал этих бандитов прежде,— добавил Марк.— Сейчас мы их догнать не сможем — ни в коем случае. Гарви, нам нельзя оставаться здесь. Основание Лос-Анджелеса соскользнет в океан. Кроме того, все, кто окажется на низменностях, погибнут: нужно ждать цунами. Но в окрестных горах сейчас, должно быть, скопились миллионы людей. Можно с уверенностью сказать, что еды там на миллионы не хватит. Но есть другие места, куда нам лучше отправиться.

— Фрэнк хотел поехать в Можави,— сказала Джоанна.— Но Марк считал, что мы сперва должны заехать сюда, за вами...

Гарви ничего не ответил. Он положил ружье и уставился в стену. Марк и Джоанна правы. Сейчас он не сможет догнать этих моторизованных бандитов. Кроме того, он слишком устал.

— Хоть что-нибудь они оставили?— спросил Марк.

Гарви не ответил.

— Мы на всякий случай все же поищем,— сказал Марк.— Джо, ты возьми на себя дом. Я обшарю все вокруг — в гараже и так далее. Но мы не можем оставить вездеход без присмотра. Пойдем, Гарви.

Взяв Гарви за руку, он заставил его подняться. Марк оказался неожиданно сильным. Гарви не сопротивлялся. Марк отвел его к вездеходу и усадил на пассажирское сиденье. Положил на колени Гарви спортивный пистолет, затем закрыл двери машины. Гарви сидел в вездеходе и неотрывно смотрел, как хлещет дождь.

— Он выправится?— спросила Джоанна.

— Не знаю. Но он с нами,— сказал Марк.— Пойдем, посмотрим, вдруг что-нибудь обнаружим.

В гараже Марк нашел бутыль с хлорированной водой. Нашел и другие вещи, в том числе и спальные мешки, мокрые, но вполне пригодные для использования. Очевидно, у мотоциклистов были свои спальные мешки, и чужие их не заинтересовали. Глупо, подумал Марк. Армейский полярный мешок Энди лучше, чем любой мешок, какой мог быть у грабителей.

Потом Марк отнес свою добычу к вездеходу и открыл заднюю дверцу. Затем он приволок мотоциклы, на которых приехали он и Джоанна. Мотоциклы были маленькие, измазанные грязью. Он хо-

тел было попросить Гарви помочь, но вместо этого разыскал доску: доска может послужить в качестве трапа. С помощью Джоанны он кое-как закатил один мотоцикл в задний отсек вездехода, а сверху навалил свои трофеи.

— Гарви, где Энди?— под конец спросил Марк.

— В безопасности. Он в горах. Вместе с Горди Вансом... Мария!— закричал Гарви. Он выскочил из машины и кинулся к дому Горди. Затем остановился. Передняя дверь была открыта. Гарви застыл на месте, боясь зайти в дом. Что, если... что, если грабители вломились в дом Горди, пока он, Гарви, выл над телом Лоретты? Господи, какой же я проклятый, не годный ни на что выродок...

В дом Ванса вошел Марк. Через несколько минут он вышел.

— Здесь грабители тоже побывали. Но в доме никого не было. Не видно никаких следов крови. Никаких следов.— Он подошел к гаражу и попытался открыть дверь. Дверь легко открылась: замок был сломан. Марк распахнул дверь, гараж был пуст.

— Гарви, какая машина была у вашего приятеля?

— «Кадиллак».

— Значит, она уехала. Это ясно, поскольку здесь машины нет, и у мотоциклистов мы не видели никакого «кадиллака». Возвращайтесь и приглядите за вездеходом. Или здесь у вас есть кое-что, что нам пригодится. Так что, если хотите, помогайте носить.

— Одну минуту.— Гарви вернулся к вездеходу. И застыл, размышляя. Куда могла отправиться Мария Ванс?

Ответственность за нее на нем. Горди взял на себя заботу о сыне Гарви, Гарви должен позаботиться о жене Горди. Только Гарви никак не может догадаться, куда отправилась Мария...

Может, лос-анджелесский «Кантри-клуб». Затея губернатора. Дети калеки. Мария — член правления. К моменту падения Молота она должна была находиться там.

И если она еще не вернулась домой, значит, она и не собиралась возвращаться. И значит, никакой ответственности Гарви за нее не несет.

Из дома вышел Марк, и Гарви даже испугался. Марк нес... Охты-господи-мой! Он нес хрустального кита стоимостью пять тысяч долларов, того самого, которого подарили родные Лоретты в день ее свадьбы. Пару лет назад Лоретта отказала Марку от дома — за то, что он дотронулся до этого кита.

Марк осторожно уложил кита в багажное отделение. Кит был обернут в простыни, наволочки и одеяло.

— Зачем это?— спросил Гарви и показал на кита, на крем для кожи, на бумажные носовые платки и прочее, что Лоретта считала необходимым для выживания.

— Для обмена,— объяснил Марк.— Так же, как и ваши картины. И прочие предметы роскоши. Если мы наткнемся на что-нибудь

лучшее, это мы выбросим. Но нам нужно иметь хоть что-то. Господи, Гарви, я так рад, что вы снова начали шевелить мозгами. Ну, будем считать, что мы уже достаточно нагружены. Ладно, садитесь в машину... или хотите еще раз осмотреть дом?

— Я не смогу туда войти...

— Ладно. Вы правы.— Марк возвысил голос: — Джо, мы отправляемся!

— Хорошо.— Она вышла из дома — насквозь мокрая и с ружьем в руках.

— Сможете вести машину, Гарви?— спросил Марк.— Это слишком большая машина, Джоанне с ее ростом будет трудно управлять ею.

— Смогу.

— Прекрасно. Я поеду рядом на мотоцикле. Передайте мне пистолет, а ружье пусть остается у Джо. Еще одно, Гарви. Куда мы направляемся?

— Не знаю,— сказал Гарви.— На север. Я подумаю по пути, куда нам ехать.

— Ладно.

Треск мотоцикла был едва слышен: все заглушали раскаты грома. Они отправились в путь, на север, по направлению к Мулхолланду. Этим же самым путем проехали и мотоциклисты. И поэтому Гарви продолжал надеяться.

* * *

Шел дождь. Дан Форрестер мог разглядеть дорогу лишь в те короткие промежутки, когда вспыхивала молния. «Дворники» гнали воду по ветровому стеклу. Свет фар угасал в струях дождя, не успевая коснуться дороги. Беспрерывно вспыхивающие молнии давали больше света. Но и их свет в потоках воды превращался в пронизанную вспышками белесоватую тьму.

Извилистая горная дорога была сплошь залита потоками. Машина с трудом прокладывала себе путь.

А в долинах, наверное... ладно, скоро он это узнает. Нужно сперва кое-что сделать.

А еще раньше, что творится в долинах, узнает Чарли Шарпс.

Думая о Чарли, Дан испытывал тревогу. Шансы у Чарли не такие уж плохие, но не следовало ему включать в караван тот многоместный автомобиль. Тот легковой, что забит вещами. Совершенно ясно, что добро это ворованное. Но наверняка в числе прочих вещей у Мастерсона там есть и оружие.

Даже если они доберутся до ранчо, впустит ли их сенатор Джеллисон? Сельская местность, расположенная высоко над реками. Если жители ранчо начнут привечать всех приходящих, запасов пищи

им хватит ровно на один день, а весь домашний скот будет съеден на следующий. Может быть, Чарли Шарпса и впустят — одного. Но вероятно, никому не потребуются услуги Дана Форрестера, доктора философских наук. Экс-астрофизика. Кому он нужен?

Дан удивился, обнаружив, что он уже доехал до дома. Он стукнул в дверь гаража, и она открылась. Ха! Еще не отключили электричество — ну, долго это не продлится. Дверь он оставил открытой. Включил свет в гараже, затем повсюду расставил свечи. Зажег две из них.

Дом был маленький. В нем была лишь одна большая комната. Стены этой комнаты были заставлены книжными полками — от пола до потолка. Обеденный стол был завален различными предметами. Дан закупил немалое количество обезвоженно-замороженной пищи (пока она еще продавалась). Но он предусмотрел и большее: натащил в дом множество пластиковых пакетов, инсектицидов и нафталина. Стол был завален. Работать пришлось сидя на полу.

Работая, он насвистывал. Обрызгать книгу инсектицидом, вложить ее в пакет, добавить нафталина и запечатать пакет. Вложить запечатанный пакет в другой пакет и тоже заклеить. И так далее. Книги — каждая в четырех запечатанных пакетах — кучей громоздились на полу. Дан встал: надо надеть перчатки. Заодно он принес вентилятор и установил так, чтобы поток воздуха дул на него сзади. Перчатки — чтобы предохранить от инсектицидов руки, вентилятор — чтобы предохранить легкие.

Когда куча на полу слишком выросла, Дан подвинулся в сторону. Когда вторая куча стала такой же большой, он осторожно встал. Суставы его ныли. Ноги затекли. Он подвигал ногами, чтобы восстановить кровообращение. Выйдя на кухню, он налил кофе. По радио ничего не было слышно — одни помехи, поэтому Дан включил магнитофон. На кухонном столе оставалось свободное место — Дан вновь принялся за работу.

Две кучи объединились в одну.

Лампы погасли, голоса «Биттлз» сделались на мгновение более низкими, протяжными — и умолкли. Дан внезапно оказался в темноте. Его окружили звуки, на которые он раньше не обращал внимания: раскаты грома, визг ветра и шум дождя, с силой обрушивающегося на дом. В углу с потолка закапала вода.

Выпив чашку кофе на кухне, Дан, подсвечивая, продолжал просматривать библиотеку. Проходили часы. Забытый кофе продолжал кипеть и уже давно перекипел. Полки на четыре пятых еще были забиты книгами, но большая часть книг — тех, что намечены,— была уложена в пакеты.

Дан прошелся вдоль книжных полок. Усталость породила уныние. Он прожил в этом доме двенадцать лет, но лишь дважды за это

время случались долгие периоды, когда он не перечитывал «Алису в стране чудес», «Дети воды» и «Приключения Гулливера». А вот тем книгам предстоит гнить в покинутом доме: «Дюна», «Новая звезда», «Двойная звезда», «Коридоры времени», «Колыбель для кошки», «Сверхчеловек наполовину», «Убийство в прошлом», «День Гидеона», «Красная десница», «Троянский гроб», «Смертоносная тень золота», «Жена-колдунья», «Ребенок Розмари», «Серебряный замок», «Король Конан». Дан укладывал книги в пакеты не развлечения ради и даже не для того, чтобы сохранить свидетельства различных философских подходов к проблемам существования, но на тот случай, если люди начнут заново создавать цивилизацию. Даже Доул, «Планеты, пригодные для человека»...

Нет, черт побери! Дан швырнул «Планеты, пригодные для человека» на стол. Весьма вероятно, что той организации, которая когда-нибудь появится вместо НАСА, эта книга понадобится. И что это произойдет до того, как «Планеты, пригодные для человека» обратятся в пыль. Ну так что? Дан добавил еще несколько книг: «Потрясение будущего», «Культы безумия», дантовский «Ад», «Тау-ноль». Хватит. Через пятнадцать минут он закончил свою работу, пакетов больше не осталось.

Он выпил кофе. Кофе был еще теплый. Потом Дан заставил себя отдохнуть: предстоит тяжелая работа. Часы показывали, что уже десять вечера. Так ли это, сказать невозможно.

Дан выкатил из гаража тачку. Тачка новая, даже ярлык еще сохранился. Пришлось преодолеть искушение нагрузить ее до самого верха. Дан надел плащ, шляпу, натянул сапоги. Вывез книги, прокатив тачку через гараж.

Систему канализации в Туджунге построили относительно недавно. Весь участок был заставлен заброшенными очистными баками, один из них стоял как раз за домом Дана Форрестера, на пригорке. Но нельзя, чтобы везло во всем сразу.

Выл ветер. Дождь был насыщен песком и солью. Молнии освещали дорогу, но видно все равно было плохо. Оглядываясь в поисках бака, напрягая все силы, Дан вкатил тачку на пригорок. Наконец он обнаружил бак — полный воды, потому что вчера вечером Дан сдвинул крышку.

Он подержал книги в ладонях и осторожно опустил их — прямо в скопившиеся с незапамятных времен (не без участия водопроводчиков) сточные воды. Перед тем как вернуться в дом, он установил фонарь на сдвинутой крышке бака.

Вторую ходку он сделал, переодевшись в купальный костюм. Теплый, хлещущий, как бичом, дождь — все же меньшее зло, чем намокшая и прилипающая к телу одежда. Третью ходку он сделал, надев шляпу. Возвращаясь, он чувствовал, что сил у него практически не осталось. Больше он не мог. Надо передохнуть. Он стащил с

себя мокрый купальный костюм и растянулся на кушетке. Натянул на себя одеяло... и провалился в глубокий сон.

Он проснулся. За стенами творился ад кромешный: дождь, ветер, раскаты грома. Тело его страшно одеревенело. Он встал — каждое движение по дюйму — и кое-как доплелся до кухни. Бормотал себе под нос что-то подбадривающее. Сперва позавтракать, потом снова надо браться за работу. Часы стояли. Он не знал, день сейчас на дворе или ночь.

Тачку он загрузил наполовину: больше нельзя. И повез ее по скользкой грязи. Вверх на пригорок. Не забыть: на следующую ходку прихватить с собой фонарь. Взять книги в руки, опустить их в скопившиеся издавна сточные воды. Непохоже, чтобы кто-то — будь он идиот или гений — полез сюда за подобными сокровищами. Даже если бы знал, что они лежат именно здесь. Запах не слишком беспокоил Дана. Но эти ураганные ветры не могут продолжаться до бесконечности. Клад будет в полной безопасности. Надо вернуться за следующей партией...

Он поскользнулся и проехал по склону, по грязи, увлекаемый пустой тачкой. В падении его тело пересчитало столько камней с острыми краями, что повтора Дану никак не хотелось.

Итак, последняя ходка. Вот он сделал ее. Напрягая все силы, попытался поставить на место крышку бака. Передохнул, попытался снова. У него заняло чертовски много времени, чтобы сдвинуть ее, открывая люк. Значит, чтобы поставить ее на место, уйдет тоже чертовски много времени. Поставил. Теперь — с пустой тачкой — вниз по склону. Скоро следы, оставленные колесами, будут скрыты водой. Мелькнула было мысль, что надо бы спрятать это последнее свидетельство его затеи — тачку. Но даже сама эта мысль,— что надо снова работать,— до боли перекорежила его тело.

В ванной комнате он обтерся полотенцами. И — почему бы и нет?— теми же самыми полотенцами он обтер шляпу, ботинки, и так далее. Из бельевого шкафчика достал еще полотенца. Прежде чем отнести ботинки в машину, он запихал туда — сколько поместилось — полотенца для рук. Отнес в машину плащ, шляпу. Отнес туда еще запас сухих полотенец. Весь старый дом Дана уже протекал. Машина тоже старая, может быть, и она протекает.

Но в конце концов это не имеет значения. В крайнем случае, можно будет вылезти из машины и дальше идти пешком. Идти под дождем, с рюкзаком на плечах — первый раз в жизни. И задолго до того, как дождь начнет задумываться, не пора ли перестать лить, Дан либо будет в безопасности, либо мертвым...

Он сунул в машину новый рюкзак, который он собрал позавчера. В числе прочих вещей в рюкзаке шприц для подкожных впрыскиваний и запас инсулина. В машине были еще два медпакета: рюкзак

кто-нибудь может украсть. Или кто-нибудь украдет шприц... Но уж хотя бы один медицинский набор наверняка сохранится.

Машина представляла собой груду старого хлама. В ней не было ничего, что могло бы привлечь грабителей. А вот кое-что в ней — это то, что может спасти Дану жизнь. Если сложится соответствующая ситуация. И одно из этого «кое-чего»— вещь по-настоящему ценная. Обычному среднему грабителю эта вещь, видимо, покажется просто хламом, но она может обеспечить Дану спасение.

Даниель Форрестер, доктор философии, средних лет, человек никому не нужной профессии. Его докторская степень — нечто гораздо менее ценное, чем, например, чашка кофе. И это теперь навсегда. Друзья говорили ему, что он зачастую недооценивает себя. Тоже качество не из лучших: этим он ограничивал свою способность заключать выгодные для себя сделки. Дан знал, как изготовляется инсулин. Для производства инсулина необходима лаборатория. И овцы — надо убивать одну овцу в месяц.

Вчерашний день Дана Форрестера — это теперь дорогостоящая, недостижимая роскошь.

Та вещь, которая лежит в его рюкзаке, предмет большой ценности. Это была книга — в пакете, как и другие. «Работа машин», том второй. Первый том лежит в баке.

Гарви Рэнделл увидел едущий навстречу белый «кадиллак». Какое-то мгновение Гарви не реагировал. А затем нажал на тормоза так резко, что Джоанну швырнуло вперед — лишь ремни безопасности удержали.

— С ума сошли?— закричала Джоанна, но Гарви уже открыл дверь и выскочил на мостовую. Он яростно замахал руками. Господи! Она должна увидеть его.

— Мария!— закричал Гарви.

«Кадиллак» замедлил ход. Гарви подбежал к нему.

Невероятно, но Мария Ванс была абсолютно спокойна. На ней было неброское длинное белое платье из льна, расшитое золотой нитью (подлинный Гернрейх). Золотые серьги и маленький бриллиантовый кулон на этом фоне смотрелись великолепно. Ее темные волосы были влажными, прическа в некотором беспорядке. Довольно коротко подрезанные волосы, не слишком завитые. Даже сейчас Мария выглядела так, будто весь день пробыла в «Кантри-клубе» и сейчас ехала домой лишь для того, чтобы переодеться в вечернее платье.

Гарви в изумлении уставился на нее. Она ответила ему холодным взглядом. Гарви почувствовал, как в душе его вскипело раздражение. Ему захотелось наорать на нее. Сбить с нее это спокойствие. Разве она не понимает?..

— Как доехали?— спросил он.

Она начала отвечать, и ему стало стыдно. Мария Ванс говорила

спокойно, слишком спокойно. Голос ее — на полутонах, почти незаметно — звучал неестественно:

— Я поехала через перевал. Кстати, там было много машин, некоторые даже с водителями. Я ехала... Зачем вам нужно знать, как я доехала, Гарви?

Он рассмеялся,— как смешон он сам, как смешон весь этот мир! Смех Гарви испугал Марию. Он увидел, что в глазах ее страх.

Подъехал Марк на мотоцикле. Поглядел на «кадиллак», потом на Марию. Он был очень серьезен.

— Ваша соседка?— спросил он.

— Да. Мария, вы должны поехать с нами. В вашем доме вы остаться не можете...

— Я и не собираюсь оставаться дома,— сказала Мария.— Я собираюсь отправиться на поиски моего сына и Горди,— добавила она после небольшой паузы. Она опустила взгляд на свои золотого цвета туфельки.— Мне нужно взять кое-что из одежды, а потом... Гарви, а где...— Не успев закончить, она увидела боль в его глазах. Боль, сменившуюся оцепенением.— Лоретта?— неверяще спросила она.

Гарви ничего не ответил. Марк, стоя за его спиной, медленно покачал головой. Его глаза встретились с глазами Марии. Она кивнула.

Гарви Рэнделл отвернулся. Он стоял под дождем — молча, глядя в никуда.

— Оставьте свой «кадиллак» и пересаживайтесь в вездеход,— сказал Марк.

— Нет,— Мария попыталась улыбнуться.— Пожалуйста, не можете ли вы подождать, пока я возьму другую одежду? Гарви...

— Ему сейчас трудно что-либо решать,— сказал Марк.— Посмотрите, там должны быть платья. Еды немного, но достаточно.

— У меня дома очень хорошая уличная одежда,— твердо сказала Мария. Она знала, как разговаривать с теми, кто работает на других — неважно, на Горди или на Гарви.— А также и обувь. На меня очень трудно подобрать обувь. Согласитесь, что десять минут особой разницы не составят.

— Это займет больше, чем десять минут, а времени у нас нет,— сказал Марк.

— Наверняка займет больше, если мы так и будем стоять здесь, обсуждая этот вопрос.— Мария тронула машину с места. Медленно поехала.— Пожалуйста, подождите меня.— И уехала в южном направлении.

— Господи,— сказал Марк.— Гарви? Что...— И не закончил своего вопроса. Сейчас Гарви Рэнделл не в силах принимать решения.— Садитесь в эту чертову машину, Гарви!— приказал Марк.

Марк сказал это так безапелляционно, что Гарви двинулся к вездеходу. Он хотел сесть на водительское сиденье.

— Джоанна!— зарычал Марк.— Пересаживайся на мотоцикл! Машину поведу я.

— Куда?..

— Назад. К дому Гарви. Так, наверное. Черт, сам не знаю, что нам следует делать. Может быть, нам просто следовало бы ехать дальше.

— Мы не можем оставить ее,— твердо сказала Джоанна. Вылезла из машины и села на мотоцикл. Марк пожал плечами и влез в вездеход. Он ухитрился развернуться и поехал обратно, беспрерывно ругаясь.

Когда они въехали в тупик, Мария Ванс уже сидела на веранде своего дома. На ней были брюки из дорогой искусственной материи. Брюки были разрисованы неровными четырехугольниками, на вид они казались очень прочными. Еще на Марии была блуза из хлопчатобумажной материи, а поверх нее — шерстяная рубашка. И невысокие туристские сапоги на шнуровке, а под ними шерстяные носки. Рядом с ней лежал сделанный из одеяла узел.

Подъехав к газону, Джоанна остановила мотоцикл. Марк вылез из машины и встал рядом с ней. Он посмотрел на машину, потом на Джоанну.

— Черт возьми, никогда не видел, чтобы так быстро переодевались. Может быть, от нее будет польза.

— Смотря для чего польза,— холодно сказала Мария.— Кто вы оба, и что произошло с Гарви?— спрашивая, она продолжала зашнуровывать сапоги.

— Его жену убили. Та же банда, что вломилась в ваш дом,— сказал Марк.— Послушайте, куда вы собираетесь ехать в вашем «кадиллаке»? Энди Рэнделл, он с вашим мужем?

— Да, разумеется,— сказала Мария.— Энди и Берт там, с Горди.— Она завязала шнурок и встала.— Бедная Лоретта. Она... о, будь оно все проклято. Так вы скажете мне, как вас зовут?

— Марк. Это Джоанна. Я работал на Гарви...

— Понятно,— сказала Мария. Ей приходилось слышать о Марке.— Рада. Вы будете вместе с Гарви?

— Конечно...

— Тогда поехали. Пожалуйста, положите этот узел в машину. Я сейчас.

Несгибаема, мать ее так, как железный гвоздь, подумал Марк. Более хладнокровной женщины мне еще не встречалось.

Он взял узел: в одеяло завернуты одежда и еще что-то. Мария вышла, держа пластиковую туристскую сумку — из тех, что выдаются авиапассажирам. Места в заднем отсеке вездехода оставалось мало, но Мария заботливо уложила туда свою сумку, не забыв разгладить складки.

— Что там?— спросил Марк.

— Нужные мне вещи. Я готова.

— Сможете ли вы повести машину Гарви?

— По дорогам,— сказала Мария.— Никогда не пробовала водить машину по бездорожью. Впрочем, могу попытаться.

— Хорошо. Машину поведете вы. Она слишком велика для Джоанны.

— Я бы справилась.

— Конечно, Джо, но лучше не надо,— сказал Марк.— Пусть миссис...

— Мария.

— Пусть миссис Мария...

Мария раскатисто рассмеялась:

— Просто Мария. И машину поведу я. У вас есть географические карты? У меня хорошей карты нет. Я знаю, что ребята где-то в южной стороне Национального секвойя-парка, но не знаю, как туда ехать.

Одетая в брюки и шерстяную рубашку, в тонкую нейлоновую жакетку, принесенную ею из дома, она выглядела меньше ростом, чем сперва показалось Марку. И вид у нее вроде был не такой уверенный. Но у Марка не было времени на размышления, чем объяснить подобные перемены.

Справится, подумал Марк.

— Я поеду впереди на мотоцикле. Джоанна с ружьем — в машине. Гарви пусть расположится на заднем сиденье. Может быть, если он чуть поспит, его мозги снова придут в норму. Господи, никогда мне прежде не доводилось видеть, чтобы человек так расклеился. Словно он сам убил ее.— Марк видел, что глаза Марии чуть сузились. Да черт с ними со всеми, подумал он. И, отойдя к мотоциклу, ударом ноги включил двигатель.

Они поехали обратно, вновь держа курс на север. Дорога была пуста. «Куда же теперь ехать?— подумал Марк.— Можно было спросить у Гарви, но правильно ли ответит он? И как убедиться, что ответ правильный? Почему, черт побери, он так сломался из-за этого случая?— не понимал Марк.— Вовсе она не была ему женой в полном смысле этого слова. Никогда нигде не появлялась вместе с Гарви. Смазливенькая, но товарищем ему не была. Почему же он так сломался? Если б Марку пришлось хоронить Джоанну, ему бы это чрезвычайно не понравилось, но он бы так не расклеился. Он бы не потерял способности действовать, а поднял бы стакан за следующий раз, когда доведется выпить... а ведь Гарви был всегда сильным парнем».

Марк глянул на часы. Поздновато. Ехать надо быстро — через то, что осталось от Бурбанка и долины Сан-Фернандо. А как? Если шоссе не пришли в негодность, они забиты автомашинами. Плохо. Куда же ехать? Марку подумалось: вот бы мозги Гарви вновь начали работать. Но не работают ведь, а это значит, что путь выбирать придется Марку. Доехав до Мулхолланда, он повернул налево.

Сзади раздался автомобильный гудок. Мария остановила машину на перекрестке.

— Не туда!— крикнула она.

— А я не сомневаюсь, что туда. Поехали.

— Нет.

Черт с ней. Марк вернулся к вездеходу. На переднем сиденье Мария и Джоанна, в позах их чувствовалось напряжение. В руках у Джоанны наготове ружье, дуло направлено вверх. Рука Марии небрежно закинута на спинку сиденья — возле ружья. Мария гораздо крупнее Джоанны.

— Что там?— спросил Марк.

— Мальчики. Мы собирались разыскать наших мальчиков,— сказала Мария.— А это к востоку отсюда, а не к западу.

— Черт возьми, я это знаю,— закричал Марк.— Но эта дорога лучше. Она идет по возвышенностям. Не съезжая с холмов Санта-Сюзанна, мы пересечем долину у Топанги. А потом по каньонам — в горы. Таким образом, мы сможем держаться вдали от шоссе и всех дорог, где могут быть еще люди.

Мария нахмурилась, пытаясь представить карту окрестностей Лос-Анджелеса. Затем кивнула. Предложенный Марком путь приведет их к секвойя-парку. Она тронула машину с места.

Марк ехал впереди. Мотоцикл грохотал. Марк ехал и бормотал себе под нос. Фрэнк Стонер сказал, что лучше всего им было бы отправиться в Можави. А Стонер знал все. Его слов было достаточно для Марка. Куда надо ехать — это ясно. А добравшись туда, можно будет подумать, что делать дальше. Так и будет.

Но Гарви хочет разыскать своего сына. И эта дама Ванс хочет разыскать своего. Странно, что она почти не упомянула о своем муже. Возможно, они между собой не ладят. Марк вспомнил, какой перед ним предстала Мария, когда он впервые увидел ее. Класс. Высокий класс. Возможно, дела начинают разворачиваться интересным образом.

Они ехали под дождем, через окраину Лос-Анджелеса. Дождь не давал разглядеть, насколько велики разрушения. Машин на дорогах не было. Там, где дорога спускалась с гребня холмов, вездеход ехал напрямую, через громадные, неизвестно откуда возникшие кучи грязи, все дальше, миля за милей — Марк был доволен.

* * *

Рэнделл проваливался в дрему и просыпался, снова засыпал и снова просыпался. Сиденье под ним тряслось, дергалось, кренилось. В ушах — раскаты грома и шум дождя. Страшная сцена, всплывая в

памяти, не давала заснуть окончательно. При вспышках молний Гарви опять и опять видел это как наяву: комната, не тронутые грабителями серебро и хрусталь, на ковре — мертвые тела его жены и собаки... Иногда Гарви слышал чьи-то голоса, но ему казалось, что эти голоса возникают в его мозгу, что они лишь отзвук его мыслей:

— Да, они очень любили друг друга... Она не мыслила своей жизни без него...

Голоса ослабевали, пропадали и вновь возникали. Потом Гарви осознал, что машина остановилась. Звучали, перебивая друг друга, три голоса. Но может быть, эти голоса — лишь порождение его мозга.

— Жена мертва... не было... да, она сказала, что хочет просить его остаться дома... потерять свой дом, свою работу и вообще все, что у него было... не просто работу, теперь он человек, не имеющий профессии. В ближайшую тысячу лет документальные телевизионные фильмы сниматься не будут. Господи, Марк, и вы тоже за бортом.

— Знаю, но... неожиданно... только съежиться и умереть...

Только съежиться и умереть, подумал Рэнделл. Он теснее съежился на своем сиденье. Машина снова поехала. Трясло. Гарви всхлипывал.

ВТОРНИК: день

К несчастью, там, где дело касается таких важнейших вещей, как оборона своей страны, наши высшие мозговые центры подпадают под сильное давление со стороны низших мозговых образований. Интеллектуальный контроль может во многом помочь, но далеко не во всем. И как последнее средство в действие вступает эмоциональный акт. Это надежное, действующее в отрыве от других психических актов и вне контроля разума, средство. Руководствуясь эмоциями, человек может разрушить все хорошее, чего ему удалось достигнуть.

Десмонд Моррис.
Голая обезьяна

Земля вращалась. Прошло два часа. За это время «Молотлэб» совершил чуть больше одного оборота. Европа и Западная Африка плыли из вечерних сумерек в ночь.

Видимо, все они были слишком потрясены, чтобы сказать хоть слово. Рик знал, что с ним дела обстоят именно так. Если он заговорит, то что он скажет? Бывшая жена Джонни и его дети — они не в Техасе. И поэтому в Рике вспыхнула ненависть к Джонни; не выдать этого чувства, позор. Он смотрел, как беззвучно поворачивается Земля.

В «Молотлэбе» было жарко. Пот в состоянии невесомости вниз не стекает. Его капли остаются там, где выступили. Рик вспомнил об этом и вытер пот мокрой тряпкой, которую сжимал в левой ладони. Выступающие слезы увеличивались наподобие беспрерывно утолщающихся линз. Слепящие, все искажающие линзы. Нужно их стереть. Он стер их. Теперь он видел.

Темная Земля светилась ярко-оранжевыми кругами. Словно географическую карту проткнули с изнанки горящими сигаретами. Трудно сказать, в каких именно местах образовались эти ярко сверкающие круги. Огней городов Европы не видно. То ли они скрыты облаками, то ли просто исчезли. Моря неотличимы от суши. Рик уже видел громадные участки суши, теперь превратившиеся в море: многие области восточного побережья Америки, почти вся Флорида, значительная часть Техаса. Техаса! Способен ли армейский вертолет развить бóльшую скорость, чем гигантская волна? А кроме того — ветры! Нет, она мертва...

Когда был день, он видел, куда приходились удары. Он попытался припомнить.

...Огонь, вспыхнувший посреди Средиземного моря, уже угас. Меньшей силы удар пришелся на Балтийское море. Там пламя угасло почти мгновенно. Гораздо большее число столкновений пришлось на центральную часть Атлантического океана. Оставленные ими следы еще видны. А когда «Молотлэб» был точно над тем местом, было видно лишь распространяющееся во все стороны матово-белое пламя взрыва. А потом экипаж космической лаборатории мог заглянуть прямо в центр гигантского урагана: прозрачный огромный столб перегретого пара, а внизу — сияющее ослепительным беловато-оранжевым светом пламя. Космическая лаборатория прошла над тремя местами таких соударений, сейчас оставленные обломками кометы следы гораздо меньше. Воды океана возвращались обратно.

Судан — четыре маленькие яркие вспышки. Европа — три. И одна громадная вспышка вблизи Москвы. Беловато-оранжевый свет этой вспышки все еще не угас — излучается в космическое пространство.

Джонни Бейкер вздохнул и, оттолкнувшись, поплыл прочь от иллюминатора. Откашлявшись, он сказал:

— Отлично. У нас есть что обсудить.

Остальные посмотрели на него так, будто он прервал чью-то хвалебную речь.

— «Аполлоном» мы воспользоваться не можем,— упрямо продолжал Джонни.— То сильное соударение в Тихом океане фактически пришлось на наш флот сопровождения. «Аполлон» спроектирован так, что его посадка возможна только на воду, а моря... а все океаны... а, черт возьми...

— Вам остается лишь просить, чтобы вас доставили домой,— кивнул Петр Яков.— Да. У нас есть такая возможность. Мы к вашим услугам, воспользуйтесь нашим гостеприимством.

— У нас нет дома,— сказала Леонилла Малик.— Где же мы совершим посадку?

— Москва — это еще не весь Советский Союз,— тоном мягкой укоризны сказал Петр.

— Разве?

На душе у Рика легче не стало. Он не отрываясь смотрел в иллюминатор, и Джонни видел лишь его спину.

— Ледники,— сказал Джонни. Да, внимание остальных переключилось на него.— Тот удар, который пришелся на Россию, удар в...

— В Карское море. Мы его не видели. Это слишком далеко к северу. Мы лишь пришли к выводу, наблюдая за движением облаков, что такой удар был.

— Наблюдая за движением облаков, правильно. Этот удар наверняка пришелся в океан. Облачный покров сдвинулся надо всей Россией — и он перемещался до тех пор, пока жар в образовавшемся кратере не остыл. Это означает, что вся страна будет завалена десятками миллионов тонн снега. Белые облака и белый снег. В течение ближайшей пары столетий весь солнечный свет, падающий на Россию, будет отражаться обратно в космическое пространство. Я...— Джонни дернул щекой.— Бог свидетель, мне бы не хотелось портить вам день, но ледники будут двигаться по направлению к Китаю. Я серьезно полагаю, что для посадки нам бы следовало подыскать более теплое место.

Лицо Петра Якова было неподвижным.

— Может быть, Техас?— сказал он.

Спина Рика содрогнулась.

— Весьма благодарен,— проскрежетал Джонни.

— Моя семья находилась в Москве. Они все погибли: их убили взрыв и пламя. Вашу семью погубило наводнение. Послушайте, я знаю, что вы сейчас чувствуете. Но Советскому Союзу уже пришлось переживать различные бедствия, и он всегда преодолевал их. Ледники движутся медленно.

— А революция распространяется быстро,— сказала Леонилла.

— Что?

Леонилла что-то сказала быстро по-русски. Петр ответил ей — тоже по-русски, тоже быстро.

— Пусть они все обсудят,— понизив голос, сказал Джонни Рику.— Черт возьми, это ведь их корабль. Послушай, Рик, а ведь вертолет мог успеть вовремя. А, Рик? Ведь могли же послать вертолет?

Рик не слушал его. Наконец Джонни взглянул туда, куда смотрел Рик. Внизу проплывал темный массив азиатского материка...

Леонилла вдруг заговорила по-английски. В словах ее перемешались горечь и веселье, она сказала:

— Ледники перемещаются медленно, революции распространяются быстро. Большинство членов партии, все члены правительства — все они были великими представителями русского народа. Так же, как я, так же, как Петр. Что ж, слишком много великих представителей русского народа погибло при столкновении. Что теперь произойдет — теперь, когда украинцы, грузины и все другие народы поймут, что Москва больше не держит их в своем кулаке? Я пыталась убедить товарища генерала Якова... На что это вы там смотрите?

Рик Деланти обернулся к ней, и она отшатнулась. У разных рас, в разных культурах эмоции на лице отражаются по-разному. Но Леонилла увидела лицо Рика, перекошенное в бешеной, убийственной ненависти. Мгновением позже Рик оттолкнулся от стены. Но он всего лишь уступил ей место у иллюминатора.

Черный покров туч, порожденный падением Молота, был сплошь усеян множеством крошечных искр. И появлялись все новые. Количество искр увеличивалось. Светлячки, летящие в боевом порядке...

Леонилла выпустила поручень. Она плыла через «Молотлэб», парализованная ненавистью в глазах Рика, не имея сил отвести взгляд. Петр увидел этот взгляд и напрягся — одна рука плотно уперлась в стену, вторая сжалась в кулак. Он приготовился защитить женщину от непонятной пока для него угрозы.

Джонни Бейкер нырнул в белесую радугу, протянувшуюся над панелью радиопередатчика. Торопливым, но четко рассчитанным движением он установил частоту. Нажал кнопки и заговорил:

— «Зеркало», вызывает «Белая птица». Советский Союз дал залп своими межконтинентальными баллистическими ракетами. Повторяю: советские ракеты в воздухе. Ошибка исключена.

Черт побери, эти ублюдки запустили все, что у них было! Пятьсот «птичек», а может, и больше!

К панели подлетел Петр Яков. Резким ударом отключил питание передатчика. Индикаторные огни на панели погасли. Бейкер и Яков пристально — глаза в глаза — смотрели друг на друга.

— Деланти!

— Понял.— Рик, оттолкнувшись, кинулся на Якова. Его тело

стремительно мчалось через капсулу — и в это время Леонилла пронзительно что-то закричала по-русски. Затем Рик вцепился в Якова, но русский не сопротивлялся. На лице его застыла маска ненависти — точь-в-точь как у Рика Деланти.

— Передавайте свое предупреждение,— сказал он.— Вы им не сообщите ничего, чтоб они и так не знали.

— Что, черт побери, ты имеешь в виду?— закричал Рик Деланти.

— Смотрите,— сказал Яков.

Голос Леониллы был странно безжизнен:

— Еще одна вспышка над Москвой. Еще одна.

— Что?— Джонни Бейкер переводил взгляд с русского генерала на женщину. Потом он подплыл к иллюминатору. Он уже знал заранее. Он знал, как это будет выглядеть, потому что один раз он уже это видел. Сбоку оранжево-красного огненного пятна, пылающего там, где была Москва, появился крошечный гриб, ярко переливающийся красным и фиолетово-белым цветом.

— Позднее соударение,— язык у Джонни еле ворочался, потому что это была ложь, потому что уже прошло два часа, как то, что осталось от кометы Хамнера—Брауна, миновало Землю. И потому, что глаза Джонни уже выискивали новые грибообразные образования. Он обнаружил еще два маленьких облачка, похожих формой на гриб, и вспыхнувшее — как раз, когда он смотрел,— крошечное, но ослепительное, словно солнце, пламя.— Господи,— выдохнул он.— Весь мир сошел с ума.

— Это для полноты картины,— сказал Рик Деланти.— Им недостаточно столкновения с кометой. Сучьи сыны принялись нажимать на кнопки. Ах, дерьмо...

Все четверо смотрели теперь на то, что разворачивалось внизу. Ползущие ввысь светлячки советских ракет. Внезапно вспыхнувшие языки голубовато-белого пламени, сплошь покрывшие то, что раньше было европейской частью России. Значит, вся промышленность, которая могла уцелеть при столкновении с кометой...

Сумасшествие, подумал Джонни Бейкер. Зачем, зачем, ЗАЧЕМ?

— Не думаю, чтобы нас приветливо встретили там, внизу,— сказал Рик Деланти. Голос его звучал странно равнодушно, и Джонни подумал: а не свихнулся ли Рик тоже? И Джонни не мог даже взглянуть на Леониллу.

У Рика что-то булькнуло в горле. Это был просто звук, ничего не означающий и ни к кому не обращенный. Потом Рик повернулся и ударом ноги отправил себя через весь «Молотлэб», подальше от остальных. Яков уже находился в другом конце лаборатории, у воздушного люка, ведущего в «Союз», и у Джонни Бейкера мелькнула безумная мысль: а что, если русский хочет достать припрятанное оружие?

Вот это нам и нужно. Пистолетная пальба на орбите. А почему бы и нет? Там, откуда родом Яков, сумасшествие и месть — старая добрая традиция.

— Такие-то дела,— спокойно и тихо сказал Джонни.— Нам лучше бы вести себя дружно. Нам — последним астронавтам. Было бы лучше, если бы мы держались друг за друга. Но мне что-то не верится, Рик?

Рик спускался в воздушный люк «Аполлона». И при этом ругался — тихо, но в то же время достаточно громко, чтобы его можно было услышать.

Джонни, обернувшись, посмотрел на Якова. Русский не делал попыток открыть ведущий к «Союзу» воздушный люк. Он висел в воздухе, в позе, будто приготовился к чему-то, но не делая ни единого движения. Он неотрывно смотрел вниз — на Землю, на усеянную вспышками Землю.

Капсулу заполнил громовой вопль Рика:

— Дерьмо!— А затем: — Сэр! В «Аполлоне» вакуум. Как считаете, если я надену шлем и посмотрю, не повреждена ли тепловая защита?

— Не надо.

Дерьмо! Дыра в оболочке корабля в любом случае означает, что при возвращении Джонни и Рика ждет смерть. Итак, экипаж лаборатории опять-таки располагает лишь одним кораблем. Джонни обернулся к Петру Якову, все еще всматривающемуся в иллюминатор.

Ударить сзади Якова по шее, прямо сейчас, пока он этого не ожидает. Или посадка в России... В качестве военнопленных. Ну уж нет. Джонни Бейкеру вспомнились отрывки из «Архипелага ГУЛАГа». Рука его поднялась для удара. Рик справится с Леониллой, и тогда они...

Эти мысли мелькнули в голове Джонни, но он ничего не стал предпринимать. А Петр Яков обернулся и медленно, обращаясь сразу ко всем, сказал:

— Они движутся к востоку. К востоку.

Мгновение, которое тянулось бесконечно, Бейкер и Яков смотрели друг на друга, а потом оба кинулись к радиопередатчику.

* * *

— Понял, «Зеркало». «Белая птица» прекращает связь,— сказал Джонни Бейкер.

— Тебе удалось передать сообщение?— спросил Рик.

— Да. По крайней мере, получение передачи подтверждено.— Джонни Бейкер глянул на крутящийся хаос внизу.— Наверное, Бог

услышал наши молитвы. Иначе не понимаю, как нам удалось наладить связь.

— Просто это участок пространства, где ионизация в силу случайных причин оказалась слабее,— сказал Яков.

Джонни Бейкер пожал плечами. Ему не хотелось спорить на богословские темы. Капсула продолжала свой беззвучный полет. А астронавты наблюдали за полетом ракет. Ракеты вышли на расчетную траекторию, и искры погасли. Позже они вспыхнут снова — но гораздо, гораздо ярче...

Но еще до того, как пламя двигателей угасло, было легко заметить, что кривая полета не проходит над Северным полюсом. На фоне узкого полумесяца Земли направление движения искр было видно вполне отчетливо. Ракеты летели точно на восток, к Китаю.

Вся Россия была покрыта грибами ядерных взрывов. Китайцы напали первыми, и те области, что пощадил Молот, сейчас превратились в радиоактивный ад.

Семья Петра находилась там, внизу, подумал Джонни Бейкер. И семья Леониллы — если у нее была семья — тоже. Хотя не думаю, что она замужем. Господи, я ведь счастливец. Энн уехала из Хаустона уже несколько недель назад.

Джонни тихо рассмеялся про себя. У Энн Бейкер не было никаких причин оставаться в Техасе. Разведясь, она вместе с детьми уехала в Лас-Вегас. И это, вероятно, спасло ее жизнь. Что касается Маурин... Да, Маурин. Если уж существует женщина, у которой хватит мозгов и решительности спастись при падении Молота, то это Маурин. Она говорила, что вместе со своим отцом собирается поехать в Калифорнию.

— Нам многое предстоит сделать,— задумчиво сказал Петр Яков. Задумчиво и профессионально бесстрастно, но так тихо, что сказанное им едва можно было расслышать.— Мы здесь можем пробыть несколько недель, самое большее. Дольше нам не продержаться. Генерал, у нас нет бортового компьютера. Вам придется рассчитывать траекторию возвращения на вашем компьютере.

— Конечно,— сказал Джонни.

— Понадобитесь вы оба,— Яков мотнул головой в сторону другого конца капсулы, где съежился Рик Деланти.

— Когда он понадобится, он нам поможет,— сказал Бейкер.— Он очень тяжело переживает происшедшее. Даже если его жена и дети еще живы, даже если им удалось уехать оттуда, где они жили,— он об этом никогда не узнает.

— Не знать — лучше,— сказал Петр.— Гораздо лучше.

Джонни вспомнил о дважды уничтоженной Москве и кивнул.

— Вероятно, доктор Малик может дать ему успокаивающее,— сказал Яков.

— Повторяю, с полковником Деланти все будет в порядке,— ответил Бейкер.— Рик, нам нужно посовещаться.

— Ладно.

— Зачем?— спросил Яков.— Зачем они это сделали?

Внезапный этот вопрос не удивил Бейкера. Он ждал, когда Яков скажет что-нибудь в этом роде.

— Вы знаете — зачем,— сказала Леонилла Малик. Отплыла от иллюминатора.— Наше правительство уже заявляло претензии на китайские территории. Учитывая, что появилась угроза наступления ледников, у русских остается лишь одно место, куда можно уйти. Европа лежит в развалинах, а в южном направлении возможности продвижения крайне ограничены. Если мы пришли к этому заключению, то китайцы могли прийти к нему тоже.

— И они напали,— сказал Яков.— Но не успели это сделать достаточно рано. Мы смогли нанести ответный удар.

— Так где же нам совершить посадку?— спросила Леонилла.

— Вы очень спокойно задаете свой вопрос,— сказал Яков.— Вас не волнует, что ваша страна лежит в руинах?

— Я взволнована одновременно и больше и меньше, чем вы полагаете,— ответила Леонилла.— Россия — моя родина, но она не была моей страной. Мою страну убил Сталин. Во всяком случае, сейчас на территории России посадка невозможна. Если даже нам удалось бы отыскать место для посадки, мы оказались бы в самом пекле военных действий.

— Мы — офицеры Советской Армии, а война еще не закончена,— сказал Яков.

— Черта с два,— все обернулись к Рику Деланти.— Черта с два,— повторил Рик снова.— Вы чертовски хорошо знаете, что там, внизу, вам делать нечего. Так где вы хотите совершить посадку? В Китае, чтобы ждать там прихода Красной Армии? Или там, где все заражено радиацией, чтобы ждать прихода ледников? Ради бога, Петр, эта война — не ваша война. Даже если вы настолько свихнулись, что верите, что она еще не закончена. Для вас она закончилась.

— Так где же мы можем совершить посадку?— спросил Яков.

— В Южном полушарии,— сказала Леонилла.— Климатические характеристики обычно не пересекают экватор, а большая часть столкновений пришлась на Северное полушарие. Я убеждена, что мы увидим, что в Австралии и Южной Африке промышленные структуры остались невредимы. С нашей орбиты посадку в Австралии совершить будет трудно. При приземлении мы можем контролировать посадку корабля лишь в очень малой степени, и если окажемся в малонаселенном районе, то просто умрем с голоду. Южная Африка...

Джонни горько рассмеялся. А Рик сказал:

— Для вас это особой разницы не представляет, но лично я предпочел бы остаться на орбите.

Все рассмеялись. Бейкер почувствовал, что напряжение чуть спало.

— Рассмотрим далее,— сказал он.— Мы, вероятно, исхитрились бы совершить посадку в Южной Америке. Разрушения там, вероятно, невелики. Но нужно ли нам это? Мы — все четверо — чужие для них. Никто из нас не владеет языками, на которых там говорят. Я предлагаю: устраиваем посадку у нас. В нашей стране. Мы можем приземлиться очень близко от того места, где был произведен запуск. У вас, двух иностранцев, окажутся помощники из числа туземцев, то есть мы. Кроме того, вы владеете английским.

— Неважно у нас обстоят дела,— сказал Деланти.

— Да уж...

— Так куда?

— В Калифорнию. Посадка в сельской местности Калифорнии, на плоскогорье. Ледники появятся там еще очень не скоро.

Леонилла промолчала. А Петр сказал:

— Землетрясения.

— Вы правы, но они закончатся еще до того, как мы совершим посадку. В результате сдвигов коры все разломы там перестанут существовать. На протяжении ближайшего столетия в Калифорнии после этого не будет никаких землетрясений.

— Что бы мы не решили делать, делать это надо быстро,— сказал Петр. И указал на приборную панель.— У нас истощаются запасы воздуха и энергии. Если мы не станем действовать быстро, то окажемся вообще неспособными действовать. Вы говорите, Калифорния. А как там примут двух коммунистов?

Леонилла бросила на него странный взгляд, будто собиралась что-то сказать. Но промолчала.

— Лучше, чем в любом другом месте,— сказал Бейкер.— Мы же совершим посадку не на Юге или Среднем Западе...

— Джонни, там, внизу, хватает людей, считающих, что все происходящее — результат заговора русских,— сказал Рик Деланти.

— Верно. Но повторяю, таких больше на Юге или Среднем Западе, чем в Калифорнии. Кроме того: Восточной Америки больше не существует. Так что же остается? Кроме того, вдумайтесь: мы герои. Мы все — герои. Последние люди, побывавшие в космосе.— Он пытался убедить самого себя в правоте своих слов. И у него это получилось плохо.

Леонилла и Петр обменялись взглядами. Тихо переговорили о чем-то по-русски.

— Вы можете представить, что бы предпринял КГБ, если бы мы возвратились домой в американском корабле?— спро-

сила Леонилла.— И не окажутся ли американцы такими же идиотами?

В ответ Рик Деланти тихо и безрадостно рассмеялся:

— У нас дела обстоят несколько иначе. Я бы не стал беспокоиться насчет ФБР. В Бюро служат обычные, чтущие правопорядок граждане-патриоты...

Леонилла в сомнении нахмурила брови.

— Что ж,— сказал Рик.— Итак, что нас беспокоит? Мы совершаем посадку в советском космическом корабле, на борту которого изображены серп и молот. Плюс надпись крупными буквами «СССР»...

— Это лучше, чем символ Марса,— вставил Джонни Бейкер.

Никто не засмеялся.

— Черт возьми,— сказал Рик.— Получается, у нас вообще нет выбора. Получается, что нет такого места, где бы мы могли совершить посадку. Можно было бы предположить, что после всего этого люди перестанут враждовать. Но я лично в этом сомневаюсь.

— Некоторые перестанут,— сказал Бейкер.

— Еще бы. Послушай, Джонни. Половина людей мертвы. А выжившие начнут драться за то, чтобы завладеть остатком пищи. Небывалые погодные условия сгубят урожай. И ты — именно ты — хорошо понимаешь это. Многие из уцелевших во время падения не переживут следующую зиму.

Леонилла поежилась. Она знала людей, переживших — едва выживших — великий голод на Украине. Голод, последовавший за восхождением Сталина на царский трон.

— Но если на Земле сохранились какие-то остатки цивилизации, если там есть кто-нибудь, кому мы нужны, то это в Калифорнии,— сказал Рик Деланти.— С нами записи наблюдений за кометой Хамнера—Брауна. Последняя космическая экспедиция нашего времени. Следующая будет...

— Следующая будет очень не скоро,— сказал Петр.

— Именно. Мы обязаны сохранить эти записи. Потому что они кое-что значат.

По лицу Петра Якова было видно, что ему теперь легче: мучительный выбор был сделан.

— Прекрасно. В Калифорнии расположены атомные энергетические центры? Кажется, так. Вероятно, им удастся пережить катастрофу. Цивилизация начнет возрождаться вокруг электростанций. Туда нам и следует направиться.

* * *

Линии связи стратегического авиационного командования спроектированы так, чтобы уцелеть при любых обстоятельствах. Они обязаны действовать, даже если совершено атомное нападение. Никто не предвидел, что может случиться всепланетное бедствие, но линии связи обладают такой насыщенностью, включают в себя так много параллельных систем, что даже после столкновения с Молотом связь продолжала действовать.

Майор Беннер Ростен слушал бормотание громкоговорителя. Большинство сообщений предназначалось не для него, но он все равно слушал. Если связь прервется, майор Ростен получит право распоряжаться ракетами по своему усмотрению и, когда все сроки истекут, может запустить их. И лучше — насколько он знал — дать слишком мощный залп, чем слишком слабый.

— *Внимание! Внимание! Боевая готовность номер один. Внимание, все командиры стратегического авиационного командования! Говорит главнокомандующий САК.*

Голос генерала Бамбриджа едва пробивался сквозь сильные атмосферные помехи. Ростен лишь с трудом мог понять, что говорит генерал.

— *Президент мертв: крушение вертолета. Доказательств вражеского нападения на Соединенные Штаты пока нет. Связь с высшим руководством страны утеряна.*

— Господи Боже мой,— пробормотал капитан Люс.— Что же теперь нам делать?

— То, за что получаем зарплату,— ответил Ростен.

Атмосферные помехи заглушили доносящийся из громкоговорителей голос:

— *Чайка-2 молчит... Ураганы над... Повторяю... Торнадо...*

— Господи,— пробормотал Люс. Что сейчас происходит с его семьей, оставшейся на поверхности? База оборудована бомбоубежищами. У Милли хватит разума укрыться в убежище. Хватит ли? Она жена офицера военно-воздушных сил, но она так молода, слишком молода...

— *Обстановка крайне опасная. САК сообщение закончило.*

— Придется распечатать карты целей,— сказал Ростен.

Гарольд Люс кивнул:

— Наверное, так будет лучше всего, начальник.— Затем, как и полагается, Люс отметил время в журнале дежурства: «По приказу командира, согласно коду 1841 Зулус, карты целей и расшифровки распечатаны». Он повернул ключ, затем набрал на панели нужный шифр. Вытащил пачку перфокарт IBM и разложил их перед собой.

На перфокартах не было никаких обозначений, но существовала кодовая книга, с помощью которой и производилась расшифровка. В нормальных условиях ни Люс, ни Ростен не знали, на какие объекты нацелены их ракеты. Но сейчас, когда право решения, видимо, перейдет не к ним, лучше это знать.

Проходили минуты.

Громкоговоритель заговорил снова:

— «Аполлон» сообщает: советские ракеты запущены... Повторяю... массированный залп... пятьсот...

— Выродки!— закричал Ростен.— Вшивые красные! Сучьи дети!

— Спокойнее, начальник,— капитан Люс перелистал перфокарты и кодовую книгу. Взглянул на приборную доску. Ракеты еще не в их распоряжении. Даже при всем желании без приказа «Зеркала» их запускать нельзя.

— «Зеркало», говорит «Удар с полулета», «Зеркало», говорит «Удар с полулета». Мы получили послание от советского премьер-министра. Советы утверждают, что на нападение китайцев Советский Союз ответил залпом своих ракет. Советы просят Соединенные Штаты помочь им в отражении ничем не спровоцированной атаки китайцев.

— Всем воинским частям и подразделениям. Говорит стратегическое авиационное командование. «Аполлон» сообщает, что запуск советских ракет произведен в восточном направлении... Повторяю... не... Насколько мы знаем...

— Командиры эскадрилий, говорит «Зеркало». Советский Союз не произвел нападения на Соединенные Штаты. Повторяю: Советский Союз атаковал лишь Китай, а не Соединенные Штаты.

Громкоговоритель умолк. Намертво. Люс и Ростен переглянулись. Затем они одновременно перевели взгляд на карты целей.

Огни на приборной доске зажглись красным светом. Включился таймер, отсчитывая секунды.

Через четыре часа право запуска ракет перейдет к Ростену и Люсу. Им решать.

* * *

Словно пригоршня горящих угольков рассыпалась по территории Мексики и Соединенных Штатов.

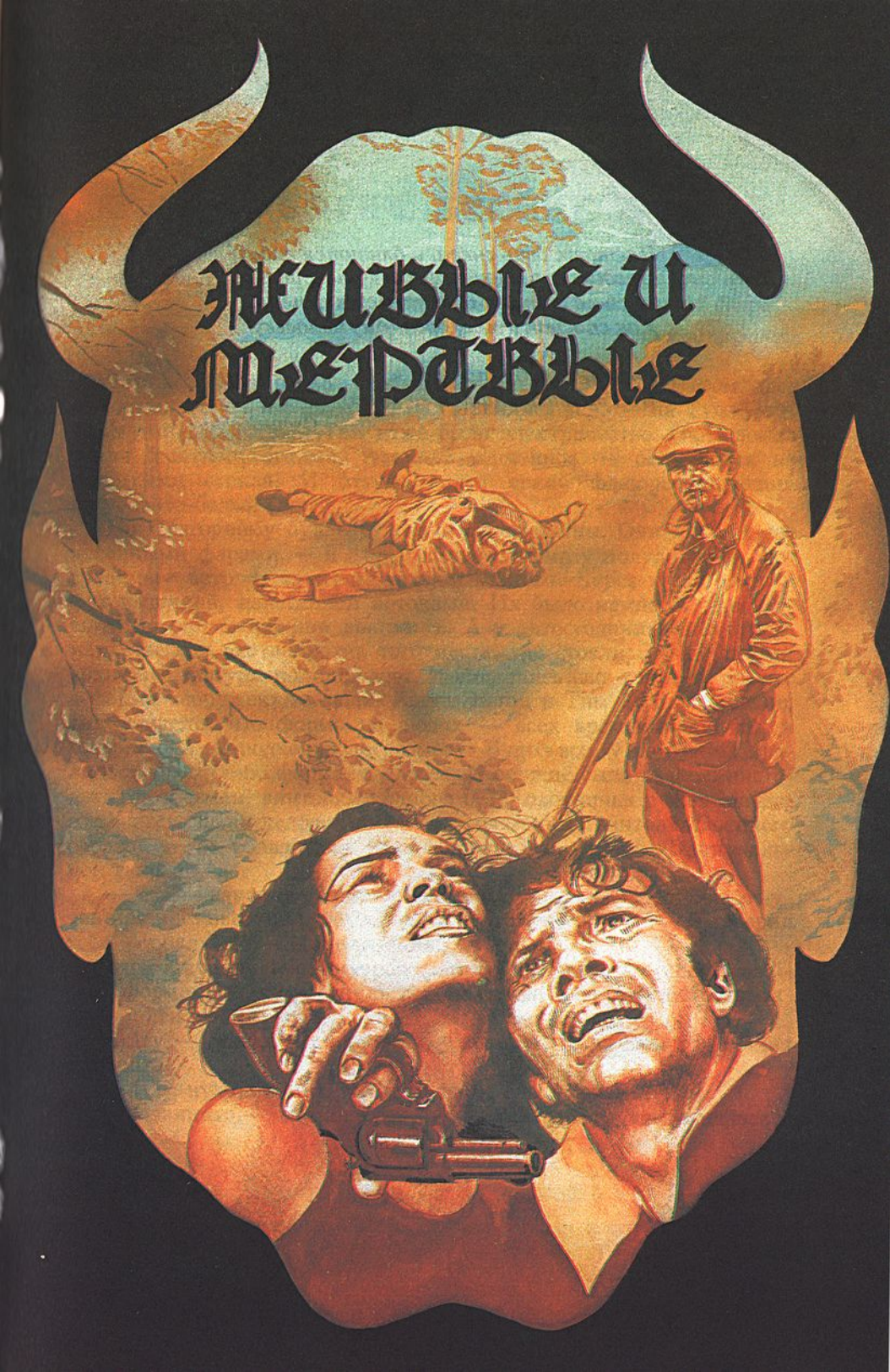
Молот нанес удар и по суше. Столбы перегретого пара взметнулись в атмосферу. Пар унес с собой миллионы тонн земли и выпаренной соли. Увлекаемый паром воздух уходил в верхние оболочки атмосферы. Возникли страшной силы ветры: воздух из наружных слоев заполнял образовавшуюся пустоту. Планета вращалась, и направление ветров начало искривляться — против часовой

стрелки. Завихрения превращались в спирали — это возникали ураганы.

Сформировавшийся над Мексикой ураган-матка двинулся через залив на восток. Он вбирал в себя энергию, выделявшуюся при кипении морской воды. Все новая вода поступала к месту соударения обломка кометы с водами залива, и тепла выделялось все больше. Ураган переместился к северу. Теперь он двигался от моря к материку. По мере своего движения он порождал многочисленные торнадо. Ураганные ветры погнали воду вверх — по долине Миссисипи.

Влажный перегретый воздух над океанами уходил вверх, и как следствие возникли сильнейшие холодные ветры, дующие от Арктики. В долине Огайо сформировался чудовищных размеров погодный фронт. Образовывались и уносились вдаль торнадо. Когда фронт передвинулся, на его месте сформировался другой, а затем еще и еще один. Они изрыгали сотни, тысячи торнадо — и торнадо отплясывали свой неистовый танец над развалинами городов. Погодные фронты двигались на восток. И точно так же фронты образовывались в Атлантике, над Европой, в Азии. Дождевые тучи окутали всю Землю.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Настает день гнева, и близится гибель,
Предсказал Давид, предвещала Сибила:
«Небеса и земля обратятся в пепел».
Как спастись мне, бренному человеку?

Рыдая, молю о пощаде я,
Но кто заступится за меня?

Судный день

БОГАЧ, БЕДНЯК

Ценность вещи определяется пользой, которую можно извлечь из этой вещи.

Правовой принцип

Тим вел Эйлин по скользкому гребню горы. Потом они остановились и с изумлением уставились вниз — на Туджунгу. Туджунга была жива! Там даже было электричество. Окна домов сияли желтыми огнями. В окнах магазинов — оставшиеся не разбитыми стекла. И оттуда лился яркий флюоресцирующий голубовато-белый свет.

По Подгорному бульвару ехали автомашины. Они ехали с зажженными фарами — и фары рассеивали мглу полудня. По продуваемым ветром, залитым дождем улицам. Через кучи грязи в фут вышиной, нанесенной потоками. Их было немного, этих машин, но они были, они двигались. А у автостоянки возле супермаркета, как раз напротив того места, где стояли Эйлин и Тим, виднелись фигуры полицейских. И виднелись еще какие-то одетые в форму вооруженные люди. Когда Эйлин и Тим подошли ближе, они увидели, что форма на людях — всех времен и стилей, и многим она не подходит по размеру. Будто все, у кого дома хранилась какая-либо форма, одели ее. И оружие было разное: пистолеты, дробовики, винтовки калибра 0,22, охотничьи ружья Маузера. У нескольких человек имелись современные винтовки военного образца — их обладатели были облачены в мундиры Национальной гвардии.

— Еда!— закричал Тим. Он схватил Эйлин за руку, и они, ощутив прилив новых сил, помчались к торговому центру.— Я говорил тебе!— орал Тим.— Цивилизация!

Вход в супермаркет преграждали два человека в старой армейской форме. Они не уступили дороги, когда Тим и Эйлин попытались войти внутрь.

— Ну?— сказал тот мужчина, у которого были знаки различия сержанта.

— Нам нужно купить что-нибудь из еды,— сказал Тим.

— Извините,— сказал сержант.— Все запасы еды конфискованы.

— Но мы голодны.— Голос Эйлин звучал так жалобно, что даже она сама это почувствовала.— Мы не ели весь день.

Ей ответил второй в форме. Он говорил не так, как говорят солдаты, а как страховой агент:

— В старом здании городского совета должны выдаваться продовольственные карточки. Вам нужно пойти туда и зарегистрироваться. Как я понимаю, там также хотят наладить раздачу бесплатного супа.

— Но кто там в магазине?— Эйлин обвиняюще указала пальцем туда, где в залитых электрическим светом проходах какие-то люди укладывали товары в магазинные корзины. Некоторые из этих людей были в форме, другие — нет.

— Наши служащие. Команда обеспечения продовольствием,— сказал сержант. Вплоть до сегодняшнего утра он был клерком в магазине скобяных товаров. Он глянул на измазанную грязью одежду Эйлин и Тима, и что-то для него прояснилось: — Вы пришли сюда через горы?

— Да,— ответил Тим.

— Иисусе,— сказал сержант.

— Многие там выжили?— спросил второй мужчина.

— Не знаю.— Тим снова схватил Эйлин за руку — так, будто она могла исчезнуть. Точно так же, как исчезнет, растворится пригрезившееся ему видение обычного цивилизованного мира.

— Мы смертельно устали,— сказал он.— Где можно... что нам теперь делать?

— Извините,— сказал сержант.— Если хотите мой совет, то вам лучше уйти отсюда. Мы не выгоняем пришельцев. Пока не выгоняем. Но если окажется, что их много бродит вокруг, нам придется это сделать. Нам придется так поступить — по крайней мере, пока кто-нибудь из нас не перейдет горы, чтобы выяснить, что творится в долине. Мне говорили...— он оборвал начатую фразу.

— Вы видели, что там делается?— спросил его напарник.

— Нет. Думаю, там все залито наводнением,— сказал Тим.— Но сами мы этого не видели. Только слышали шум приближающейся воды.

— Я буду слышать этот рев до конца моей жизни,— сказала Эйлин.— Это... Хотя наверняка многие выжили. В Бурбанке, например. И на Голливудских холмах.

— М-да,— проворчал напарник сержанта.

— Слишком многие приняли какие-то меры предосторожности. Слишком многие — для нас,— взгляд сержанта уперся в завесу дождя, будто он пытался рассмотреть холмы Вердуго, будто они были сразу за автостоянкой.— Чересчур многие. Вам лучше зарегистрироваться в городском совете — пока там еще принимают пришельцев. Наверное, если их придет слишком много, их пере-

станут принимать. Пришельцы нахлынут на нас по этой дороге,— он показал.

— Спасибо.— Тим повернулся и вместе с Эйлин пошел через автостоянку.

— Эй!— к ним бежал сержант. В руке у него небрежно болталась винтовка. Тим уставился на нее. Сержант полез в карман.— Наверное, это мне не так нужно, как вам. Похоже, что вам это пригодится куда как больше.— Он вытащил обернутый в целлофан пакетик, очень маленький — и повернул обратно раньше, чем Тим успел поблагодарить его. Будто не хотел выслушивать благодарности.

— Что там?— спросила Эйлин.

— Сыр и крекеры. Примерно по куску на каждого,— Тим развернул пакетик и с помощью маленькой пластмассовой палочки вытащил из пластмассовой же коробочки сыр. Намазал его на крекеры.— Вот твоя доля.

Съели они свои порции мгновенно — с чавканьем.

— Никогда не думала, что это так вкусно,— сказала Эйлин.— А ведь прошло, считай, только несколько часов. Тим, я не думаю, что нам следует оставаться здесь. Нам нужно добраться до твоей обсерватории, если только нам это удастся.— Она помнила, как вел себя патрульный Эрик Ларсен. А ведь она знала его. Этих же мужчин в слишком тесной для них форме она просто не знала.— Только мне кажется, что так далеко мне пешком не дойти.

— Почему пешком?— Тим указал на светящееся окнами здание.— Мы купим машину.

На автоплощадке стояли грузовички-пикапы. В здании, в выставочном зале, красовались три «блейзера», автомобили производства «Дженерал моторс компани». Многоместные легковые машины с приводом на обе пары колес.

Тим и Эйлин вошли внутрь, никого там не было видно. Тим подошел к одной из машин.

— Прекрасно. Как раз то, что нам нужно.

— Тим...

Почуяв тревогу в ее голосе, он обернулся. В дверях, ведущих дальше в магазин, стоял человек. В руках он держал огромных размеров дробовик. Сперва Тим Хамнер видел только ружье, оба его ствола — громаднейших!— были направлены прямо ему в голову. Затем он заметил, что за ружье держится жирный мужчина. Огромный, не такой уж жирный.. да, мужчина... Жирный. И мускулистый, с красным лицом. Одет в дорогое. Ковбойский галстук тесемкой с серебряным зажимом. И большущий дробовик.

— Понадобилась машина, а?— сказал мужчина.

— Я хочу купить ее,— ответил Тим.— Мы не воры. Я могу заплатить.— Голос его вибрировал от негодования.

Толстяк мгновение разглядывал его. Затем опустил дробовик. Голова его запрокинулась назад. Хохот — взрыв за взрывом — вырывался из его рта.

— Платить чем?— спрашивал он. Он едва мог говорить от смеха.— Чем?!

Тим проглотил появившийся на языке ответ. Он посмотрел на Эйлин, и ему стало страшно. Деньги больше ничего не значат, а главное, у него и нет никаких денег. У него есть чековая книжка и пластиковые кредитные карточки, а на что они теперь годятся?

— Не знаю,— наконец сказал Тим.— Нет, знаю. Наверное, так. У меня есть дом в горах. Этот дом достаточно велик, чтобы в нем поместилось много народа. Я возьму вас с собой, вас и вашу семью, и вы поселитесь там...

Толстяк прекратил смеяться.

— Хорошее предложение. Я в этом не нуждаюсь, но — хорошее. Я — Гарри Стиммс. Хозяин этого магазина.

— Меня зовут...

— Тимоти Хамнер,— подсказал Стиммс.— Я видел вас по телевизору.

— Так вас не заинтересовало мое предложение?

— Нет,— сказал Стиммс.— Если честно, я уже не знаю, принадлежат ли мне теперь эти машины. Полагаю, что очень скоро парни из Национальной гвардии конфискуют их. Да и вообще, у меня есть свой дом.— Он задумчиво посмотрел на Тима.— Знаете, мистер Хамнер, может быть, дела обстоят не так плохо, как говорят. Вам нужна машина?

— Да.

— Прекрасно. Я продам ее вам. Цена: двести пятьдесят тысяч долларов.

У Эйлин отвалилась челюсть. Глаза Тима на секунду сузились. Вон как их разговор повернулся...

— Договорились. А как мне платить?

— Вы напишете расписку,— сказал Стиммс.— Сомневаюсь, чтобы она что-либо стоила. Но в будущем, вдруг...— Ружье покачивалось в его руках.— Пойдемте в контору. У меня там есть бланки расписок. Никогда прежде не видел, чтобы в одной расписке сразу указывалась такая крупная сумма...

— Я умею писать мелко.

* * *

Они ехали по боковым улицам. Мостовую покрывал слой воды в дюйм глубиной. Выл ветер. По сторонам — старые дома, построенные задолго до лонг-бичевского землетрясения. Эти дома все еще стояли, они походили на островки света в океане моро-

сящего дождя. Часы Тима показывали четыре часа дня, но вокруг было темно. Если бы не тусклый свет фар, вообще ничего не было бы видно. Тротуаров здесь не было, по мостовой плыла перемешанная с водой грязь. Эйлин осторожно, не отрывая глаз от дороги, вела машину. По радио ничего не слышно — только атмосферные помехи.

— Отличная машина,— сказала Эйлин.— Великолепно слушается водителя.

— За четверть миллиона долларов она и должна быть такой,— сказал Тим.— Дьявольщина, просто мороз по коже...

Эйлин рассмеялась:

— Это лучшая сделка, заключенная тобой за всю твою жизнь.— И подумала: лучшей сделки у тебя уже никогда не будет.

— Так ведь не только машина.— Голос Тима дрогнул от негодования.— За горючее, масло, домкрат он запросил еще пятьдесят тысяч долларов!— Тим рассмеялся.— И за трос. Не забудь о тросе. Хорошо, что у него был запасной. Хотел бы я знать, что он теперь собирается делать с моей распиской.

Эйлин не ответила. Автомобиль перевалил за гребень холма и, вписываясь в поворот, покатил вниз. Домов здесь уже не было. Толстый слой грязи покрывал дорогу. Эйлин перевела управление на обе пары колес.

— Никогда не водила такую машину прежде.

— Я тоже. Хочешь, я поведу?

— Нет.

У подножия холма все было залито водой. Вода доходила до ступиц колес. Потом она поднялась до дверей, и Эйлин дала задний ход. Она осторожно съехала с дороги. Въехала на идущую вдоль дороги насыпь. Машина опасно кренилась влево — прямо в бурлящую черную воду. Но продолжала ехать — медленно, осторожно. Справа виднелись развалины недавно построенных домов. Частных и кооперативных. Развалины тянулись далеко, все в подробностях разглядеть было невозможно. В развалинах неровно мелькали, двигались огни фонарей. Тим пожалел, что не купил заодно у торговца автомобилями и переносной фонарь. В его распоряжении была подвижная фара, но ее место в таких условиях — на крыше автомобиля. А пока она там, использовать ее в качестве переносного фонаря невозможно.

Машина ехала вдоль долины, внизу все время поблескивала глубокая вода. Наконец Эйлин разыскала дорогу, проложенную выше уровня воды — и благодарственно переключила скорость.

Дорога, петляя, уходила в горы. Эйлин и Тим проезжали мимо стоявших неподвижно автомобилей. Кто-то выскочил на дорогу перед «блейзером» и замахал руками, требуя остановиться. Рубашки на человеке не было, зато в руке он держал пистолет. Эйлин погна-

ла машину прямо на него. Объехала человека сбоку и прибавила скорость.

Звук выстрелов, треск стекла. Тим, обернувшись, недоуменно уставился на аккуратную круглую дырку, появившуюся в заднем стекле. Затем перевел взгляд на выходное отверстие, под углом прошившее крышу. Несущий дождь ветер сразу проник через это отверстие, на сиденье между Эйлин и Тимом закапало. Эйлин гнала машину, не тормозя, с ревом проехала поворот. Ощущение полета: автомобиль опасно занесло. Эйлин ухитрилась удержать машину, на следующем повороте затормозила. Прибавила скорость снова.

Тим попытался рассмеяться:

— Мой новый автомобиль!

— Заткнись!— Эйлин ближе наклонилась к рулевому колесу.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

— Эйлин!

— Я не ранена. Я в ужасе. Я вне себя от ужаса.

— Я тоже,— заявил Тим. Но на самом деле его захлестнула волна облегчения. На одно крошечное мгновение, на один миг ему показалось, что Эйлин ранена. Это было самое ужасное мгновение в его жизни. Ему пришло в голову, что все это очень странно. Ведь он не виделся с Эйлин с тех пор, как она отвергла его предложение руки и сердца. Конечно, не виделся. Ведь у него была своя гордость...

— Тим, там впереди мосты, а мы все ближе к Разлому!— крикнула Эйлин.— Дорога, может быть, разрушена!

— Здесь мы ничего не можем поделать.

— Нет, обратно вернуться мы не можем.— Эйлин замедлила ход на очередном повороте, затем опять прибавила скорость. Изо всех сил старалась она удержать рулевое колесо. Если она не возьмет себя в руки, значит, авария. А что тогда делать — об этом Тим и думать не мог.

* * *

Дорогу все время преграждали оползни, грязевые наносы, и Эйлин наконец замедлила ход. Машина еле ползла. Один раз на пятьдесят футов ушло полчаса. В конце концов, удалось выбраться на свободный от оползней участок дороги. Тиму захотелось, чтобы Эйлин прибавила скорости. Но Эйлин ехала все так же медленно. Она вела машину на первой или второй скорости. Автомобиль делал не свыше двадцати километров в час — даже если при свете фар было видно, что дорога свободна на большом протяжении.

Они ехали, ехали — и конца этому не было. Поразмыслив, Тим взял и запихал свой носовой платок в дырку на крыше.

* * *

Согласно часам Тима было 8 часов вечера. В Лос-Анджелесе в июне это время сумерек. Но снаружи было темно, словно чернила разлили. Дождь лил, утихал и вновь начинал лить. Стеклоочистители работали очень хорошо, Стиммс показал Тиму и Эйлин, как регулировать их работу, и Эйлин постоянно следовала его советам.

Крутой поворот, и в свете фар стало видно, что впереди пустота. Эйлин резко затормозила, машина остановилась. Свет фар пробуравливал залитую дождем тьму, он почти сразу угасал, но все же фары давали достаточно света, чтобы разглядеть, что дорога заканчивается зазубренным обрывом.

Тим вылез в дождь и шагнул к обрыву. Он посмотрел, и у него сперло дыхание. Он вернулся обратно.

— Медленно назад,— приказал он.

Эйлин начала было спрашивать, что да почему, но неподдельный страх в его голосе заставил ее замолчать. Осторожно она дала задний ход. Машина поползла назад.

— Иди там, позади машины, и руководи, будь ты проклят!— крикнула Эйлин.

— Извини,— Тим пошел перед багажником, жестом показывая, куда ехать. Наконец, он резко махнул рукой сверху вниз.

Эйлин выключила зажигание и вылезла из машины, чтобы посмотреть, какова обстановка. Мост: на вид хрупкая бетонная арка, перекинутая через глубокое, узкое ущелье. В середине мост обрушился. Эйлин, за ней Тим, подошли к самому краю провала. Потом Эйлин остановилась. Потом они вернулись обратно.

Разглядеть что-либо толком было невозможно. Слева угадывались неясные очертания высокого утеса — гранит и кремень. Справа, за широким пригорком, крутой обрыв — в пустоту. Впереди — разрушенный мост.

Нигде не было видно ни огонька. И никаких звуков, кроме воя несущего дождь ветра. И далеко внизу шум бегущей воды.

— Приехали?— сказала Эйлин.

— Не знаю. Похоже на ловушку. Но в любом случае ночью мы ничего сделать не сможем. Наверное, придется ждать, пока не станет светло.

— Если только когда-нибудь снова станет светло,— сказала Эйлин. Она нахмурилась. Пошла пешком вдоль дороги. Тим не пошел следом. Он стоял, сил у него уже начисто не осталось. Ему хотелось одного: залезть обратно в машину. И в то же время ему этого не хотелось — пока Эйлин не вернется обратно. Тут, как-никак, пахнет трусостью — сидеть в машине, пока она под дождем с трудом пробирается по дороге, пытаясь отыскать... А что она пыта-

ется отыскать?— удивился Тим. Наконец, Эйлин вернулась и залезла в машину. Тим сделал поворот кругом и присоединился к ней.

Эйлин повела автомобиль задним ходом. Медленно, и на этот раз без помощи Тима. Она вела машину все дальше и дальше. Тиму хотелось спросить, что она задумала, но он слишком уж вымотался. Эйлин приняла какое-то решение, и это хорошо, потому что у самого Тима никакого решения не было. Наконец Эйлин добралась до широкой, покрытой гравием площадки по левую сторону от дороги и осторожно, задним ходом, въехала туда. Поставила машину так, чтобы ни одно ее колесо не касалось дорожного покрытия.

— Не нравится мне все это,— сказала Эйлин.— Могут быть грязевые оползни. Но лучше уж ждать здесь, чем на дороге. Предположим, появится еще кто-нибудь.

— Никто не появится.

— Наверное. Но, как бы то ни было, будем ждать здесь.

— Пива?— спросил Тим.

— Хорошо.

Из пакета, который торговец автомобилями на прощание сунул в их машину, Тим вытащил две банки. Всего банок было шесть. Открыв одну, он хотел выбросить крышку в окно.

— Не выбрасывай.

— А? Почему?

— Не выбрасывай ничего,— сказала Эйлин.— Мы располагаем слишком малым. Не знаю, что нам для чего может понадобиться, но ни одного лишнего предмета у нас нет и не будет. Сохрани крышку. Банки тоже. Не сминай их.

— Хорошо. Вот твое пиво.

Пиво было тепловатым — как и льющий снаружи дождь. А больше ничего у Тима и Эйлин не было. И еды не было. А дождевая вода отдавала солью. Тим не знал, можно ли ее без опаски пить. А очень скоро пить ее придется.

— По крайней мере, тепло,— сказал Тим.— Мы не замерзнем, даже на такой высоте.

Одежда его насквозь отсырела, и на самом деле было не так уж тепло. Тим пожалел, что не забрал старый плащ из той, первой машины. Какое-то мгновение Тим размышлял о владельце «крайслера». Убили ли его он и Эйлин, забрав его машину? А больше размышлять было не о чем. О чем тут размышлять?

— Прибережем пиво или выпьем все сразу и покончим с ним?— спросил Тим.

— Лучше приберечь хотя бы две банки,— ответила Эйлин. Голос ее был деревянно безжизненным. Тим подумал: а его голос звучит в ее ушах как, так же? Не говоря ни слова, он открыл еще пару банок, и вместе с Эйлин выпили еще по банке пива.

Две банки пива на пустой желудок, да еще после изматывающе-

го дня... Тим обнаружил, что эффект оказался сильнее, чем можно было ожидать. Он почти почувствовал себя снова человеком. Он знал, что долго это ощущение не продлится, но какое-то, пусть и короткое время,— тепло в желудке и просветление в голове. Тим посмотрел на Эйлин. И не смог разглядеть ее в темноте. Эйлин была лишь смутной фигурой, сидящей рядом. Несколько секунд Тим слушал шум дождя, а затем потянулся к Эйлин.

Она сидела неподвижно, в одеревенелой позе, не отталкивая его, но и не отзываясь ему. Тим подвинулся по сиденью ближе к ней. Его рука коснулась ее плеча, потом скользнула вниз, к груди. Блузка Эйлин насквозь отсырела, но плоть ее была теплой. Тим, засунувший руку под блузку, впитывал это тепло. Эйлин по-прежнему не двигалась. Тим подвинулся еще ближе, наклоняя голову к ее груди.

— Сейчас как раз подходящий момент?— чужим голосом сказала Эйлин. Она оставалась Эйлин — но далекая, очень далекая от него, Тима.

— Что сейчас?— сказал Тим. И почувствовал смутный стыд. Жар, порожденный пивом, угас.— Извини.

— Не извиняйся. Я пересплю с тобой, если ты того хочешь... Или, пожалуй, нет. Сейчас — не хочу...

— Да. Но наверняка настанут лучшие времена.

— Нет. Того, что тебе по-настоящему хочется, уже не будет,— сказала Эйлин.— Я вот думаю. Мы когда-нибудь на самом деле любили друг друга?

— Я просил тебя выйти за меня замуж...

— И я хотела этого. Только я решила ни за кого никогда не выходить замуж... Хорошо, считай, что теперь мы женаты.

Тим молча сидел в темноте. Он почувствовал — до безумия непреодолимое!— желание рассмеяться. Мать будет довольна, подумал он. Крошка Тимми теперь женат. А где теперь его мать и остальные члены семьи? И он подумал: мог ли я для них что-либо сделать? Мог ли я хоть попытаться? Я даже не попытался. Я ничего не делал, лишь удирал, сломя голову.

— Ты уверена, что хочешь выйти за меня?— спросил он.

— Тим, когда я вышла из конторы Корригана и увидела тебя, я так обрадовалась... Никогда в жизни не было так радостно кого-то увидеть. Это правда.

Зачем она врет? А какое ему дело, зачем она врет?

— Мы научимся любить друг друга,— сказала Эйлин.— Мы учимся этому весь день. Так что...— она погладила его руку, все еще вяло лежавшую на ее груди,— так что если ты этого хочешь, то — я хочу тоже.

Сев прямо, Тим отодвинулся от Эйлин.

— Тим, пожалуйста, не сердись.

— Нет, все прекрасно. Ты права, этого не надо. Вся машина мокрая. Одежда прилипает к нашему телу. И если ты не устала до полусмерти, я устал. Господи, мы же были уже так близко, что чуть не свалились с этого моста!

Она подвинулась к нему, сжала его руку.

— Плохо сейчас. И время и место сейчас — плохие. Эй, а как насчет отеля «Савой»?

— Что?

— Отель «Савой». В Лондоне. Все элегантно, изящно. Невероятный, поистине неслыханный сервис. Огромные ванны. Если здесь — самое неподходящее для любви место, то отель «Савой»— самое подходящее. Только сейчас он, наверное, под водой,— бормотал Тим.— Конечно, где-нибудь есть еще подходящее для любви место, но что если мы никогда не сможем добраться туда? Эйлин, я еле-еле справился с тем забором, а ведь его надо было обязательно повалить. Я не нужен тебе, тебе нужен Конан-варвар! Он с его мускулами и ты со своими мозгами...

— Ты прекратишь это?

— Не могу. Только из-за тебя мы не подняли лапки кверху. Тебе нужен, наверное, сильный мужчина, а мне кажется, что я таким не являюсь. И мозгов у меня тоже нет. Меня научили лишь как следует использовать чужие мозги.

— Весь склон холма ты пронес меня на руках,— для пущей убедительности преувеличивая, сказала Эйлин.— Ты знаешь, куда нам следует пытаться добраться. И все, что ты делал, ты делал правильно.

Тим не мог разглядеть ее лица в темноте. Но знал, что она не насмехается. Знал по тому, как она крепко сжимала его руку. Он снова подвинулся к ней, и она, отчаянно обнимая, прильнула к нему. Тим не ощущал сексуального возбуждения, им владела лишь врожденная потребность защищать. Какой-то частью своего мозга он понимал, что это глупо. Однако как бы ни взыграли в нем инстинкты, присущие самому Хомо Сапиенс его возраста, Тим Хамнер знал, что для того, чтобы дать им выход, у него не хватит ни опыта, ни силы. Ему было просто радостно держать Эйлин в своих объятиях. Пока она — голова на его коленях — не погрузилась в тихий сон. А потом Тим уснул тоже.

* * *

Море отхлынуло от Англии. Унося с собой обломки, вода, разрушившая Лондон, лениво возвращалась к Ла-Маншу. Перенасыщенная мертвыми человеческими телами, остовами сгоревших автомашин, деревянными стенами старых строений, камнями с морского дна, занесенными в глубь суши тремя чудовищными волнами-

цунами, вода текла обратно. Мимо бесформенных возвышений, еще вчера бывших домами. Через окна — те, что не развалились при ударе волны. Предметы обстановки, постельные принадлежности, одежда (хватило бы на целые магазины готового платья)— все это вперемешку уносилось водой.

Дома вдоль Темзы были уничтожены до основания. Даже фундаменты их были разрушены. Чудовищной силы удары раздробили бетон на куски, и теперь эти обломки вместе с миллионами тонн грязи, принесенными с отмелей волнами цунами, уволакивались водой на дно реки.

Отныне и навсегда: никто не сможет указать место, где когда-то стоял отель «Савой».

* * *

Они проснулись. Суставы ломило, по телу бегали мурашки, бил озноб.

— Сколько времени?— спросила Эйлин.

Тим нажал кнопку на часах:

— Час пятнадцать.— Неловко заерзал.— Книги, которые мы читали в школе, убеждали, что это очень романтично — спать обнявшись. Но на самом деле это чертовски неудобно.

Эйлин — почти невидимая в темноте — рассмеялась. Любимая, подумал Тим. Это снова была Эйлин. Это снова был ее смех, и хотя Тим не мог разглядеть ее ослепительной улыбки, он эту улыбку почувствовал.

— Можно что-нибудь сделать с этими сиденьями?— спросила Эйлин.

— Спрашиваешь.

Спинки сидений были раздельными. Тим нагнулся, нащупывая рычаги управления. Нашел рычаг, потянул. Спинка упала — вплотную к заднему сиденью. Она легла не совсем горизонтально, но теперь улечься можно было с гораздо большими удобствами, чем раньше. Тим объяснил Эйлин, что он сделал, и она тоже опустила спинку своего сиденья. Теперь они лежали, не притиснутые друг к другу. Она потянулась к нему.

— Я замерзла.

— Я тоже.

Они тесно прижались, ища тепла друг в друге. Было не очень удобно: мешали собственные руки. Эйлин закинула свою руку поверх тела Тима, и несколько секунд Тим и Эйлин лежали неподвижно. Потом она еще теснее прижалась к нему, придвинула свои ноги к его ногам. Тепло прошло по ее телу. Внезапно ее губы коснулись его губ, и Эйлин поцеловала Тима. Это продолжалось мгновение, а потом Эйлин чуть отодвинулась и тихо рассмеялась.

— Как настроение?

— Выправилось,— ответил Тим и больше не сказал ничего.

Не снимая большую часть того, что надето, Тим и Эйлин расстегивали, стягивали: блузку, рубашку, юбку, трусики. Они смеялись, руки их блуждали под одеждой, которую они, чтобы было теплее, напялили на себя. И они неожиданно для себя совершили акт со страстью, не оставляющей места для смеха. И все стало хорошо. Все было правильно. Правильна была даже страсть безумного совокупления, несмотря на то что переживал окружающий мир. Потом они отдыхали, обнявшись. Эйлин сказала:

— Обувь.

Не прерывая контакт, они перегнулись друг через друга, снимая обувь. Обувь не слезала, но все же они ее сняли. Подошвами ног они ласкали друг друга. И совершили акт снова. Тим чувствовал, как упруго сильны охватившие его руки и ноги Эйлин. Потом Эйлин потихоньку расслабилась, вздохнула и мгновенно уснула — словно свет выключили.

Тим одернул вниз задранный подол ее юбки. Эйлин чуть пошевелилась при этом, она крепко спала. Тим, не засыпая, лежал во тьме, мечтая, чтобы скорей начался рассвет, мечтая уснуть.

«Зачем мы это сделали?— подумал Тим.— Окутанный ночью мир идет к концу, а мы трепыхаемся, спариваемся, словно обезумевшие грызуны. Как грызуны — здесь, где кончается ведущая в никуда дорога каньона Большой Туджунги, и перед нами — разрушенный мост, а позади — десять миллионов мертвых... А мы — на сиденье машины, словно подростковая парочка...»

Эйлин чуть пошевелилась, и Тим непроизвольно, укрывающим жестом, положил руку на ее тело. Он понял, почему он это сделал. Рефлекс. Врожденная рефлективная потребность защищать.

И внезапно Тим, глядя во тьму, усмехнулся.

— А почему бы и нет?— громко сказал он. И сразу провалился в сон.

* * *

Когда они одновременно проснулись, уже чуть посерело. Они — снова одновременно — сели, мысли их путались, они не понимали, что разбудило их. А потом они сквозь шум дождя, барабанящего по металлу, услышали: по шоссе очень быстро ехала, приближаясь, какая-то машина. Легковой автомобиль или грузовик. Почти сразу Эйлин и Тим увидели свет фар.

Тело Тима пронизал импульс — нужно что-то делать. Предупредить. Нужно предупредить тех, кто находится в этой машине. Он яростно затряс головой, пытаясь окончательно проснуться. Вот это — оно должно подействовать. Перегнувшись через Эйлин, он

дотянулся до рулевого колеса. Сирена «блейзера» взвыла, словно в ужасе.

Сопровождаемая этим воплем ужаса, чужая машина промчалась мимо. Тим перестал жать на клаксон и услышал действительно ужасный звук: долгий визг пытающегося затормозить автомобиля. А затем — ничего, ни единого звука, и длилось это целую вечность. И затем — грохот удара металла о камень, и впереди вспыхнуло пламя. Тим и Эйлин выскочили из машины и помчались к мосту. Под искореженными остатками моста пылало. От большого костра ползла струя огня, остановилась, огонь задергался, как в конвульсиях, погас. Машина горела, свет костра освещал стены каньона и текущий по его дну поток.

Тим почувствовал, что рука Эйлин ищет его руку. Он взял ее за руку, крепко сжал.

— Бедные недоумки,— пробормотала Эйлин. Она дрожала. Было по-утреннему холодно. Дождь лил не так сильно, но ветер был пронизывающий. И через этот студеный ветер пробивалось тепло — тепло горящего автомобиля.

Эйлин высвободила свою руку, подошла к развалинам моста, взошла на них. Она оглядела стены ущелья, оглянулась туда, где стоял Тим. И показала:

— Мне кажется, мы сможем перебраться на ту сторону. Иди сюда, посмотри.— Голос Эйлин звучал холодно и бесстрастно.

Тим подошел к ней — шагал в высшей степени осторожно, боялся, что остатки моста рухнут. Поглядел, куда показывала Эйлин. Там виднелась дорога с гравиевым покрытием. Дорога была узкая — едва ли можно будет проехать машине. Изгибаясь, она тянулась по самому краю ущелья и — вверх-вниз, как на американских горах,— уходила в глубь каньона.

— Должно быть, старая дорога,— сказала Эйлин.— Я так и думала, что здесь должна быть такая дорога.

Непохоже было, чтобы по этой дороге можно было проехать. Даже идти пешком по ней и то вряд ли, но Эйлин вернулась к машине и включила двигатель.

— Может, подождем, пока станет более светло?— спросил Тим.

— Можно было бы, но мне ждать не хочется,— ответила Эйлин.

— Хорошо. Но, разреши, машину поведу я. А ты вылезешь и пойдешь пешком.

Уже было достаточно светло, чтобы разглядеть лицо Эйлин. Прижавшись на мгновение к Тиму, она легонько поцеловала его в щеку:

— Ты — мой любимый. Но я лучше тебя вожу машину. А пешком пойдешь ты. Ведь нужно же, чтобы кто-нибудь шел впереди и проверял, смогу ли я там проехать.

— Нет. Мы поедем вместе.— Тим понимал, что то, что он гово-

рит, неразумно. И он подумал с удивлением, а сказал бы он это, если б не знал, почему она хочет, чтобы он не ехал в машине, а шел пешком.

— У нас обоих будут лучшие шансы, если ты согласишься разведывать дорогу,— сказала Эйлин.— Иди.

Езда по этой дороге была диким предприятием. Это был кошмар. По временам крутизна спусков превышала всякие мыслимые пределы. По крайней мере, думал Тим, мы уже не видим тот горящий автомобиль. Но отсветы гаснущего пламени были еще видны.

Американские горы: Эйлин приходилось поворачивать, давать задний ход и разворачиваться — и все это буквально на пятачке. Все снова и снова, а колеса от края пропасти отделяли считанные дюймы. При каждом повороте Тима охватывала волна ужаса. Если Эйлин сделает хоть одну ошибку, например, слишком сильно надавит на акселератор, если не сработает что-либо в передаточном механизме, то она будет лежать там, внизу, сгорая заживо, а он, Тим, останется один. Когда они, наконец добрались до дна ущелья, Тим едва был способен передвигать ноги.

— Какова глубина этой речки?— спросила Эйлин.

— Я...— Тим подошел к машине и залез внутрь.— Я это выясню через минуту.— И отчаянным движением потянулся к Эйлин.

Она оттолкнула его.

— Любимый, смотри.— И показала налево.

Уже стало совсем светло, и Тим смог увидеть. За останками сгоревшей машины возвышалась массивная бетонная стена. Дамба. Тим поежился. Затем вылез из машины и зашел в поток, борясь с течением. Вода доходила лишь до колен, и он, шатаясь, перешел на ту сторону. А затем знаками показал Эйлин, что проехать тут можно.

BADEAU

Владение чем-либо есть не только право, но и обязанность. Владение обязывает. Используйте свою собственность так, будто владение ею доверено вам народом.

Освальд Шпенглер.
Размышления

К полудню Эйлин и Тим добрались до верхней точки обрыва по ту сторону ущелья. Когда они проделали треть пути вверх, к противоположному склону выехала чья-то другая машина. И начала спускаться. Это была обычная машина, без привода на обе

пары колес, и Тим не мог понять, как на ней удалось проехать так далеко в глубь каньона. В этой другой машине находилось двое мужчин, одна женщина и целая куча детей. Она все еще ползла вниз по склону, когда Тим и Эйлин добрались до верха по ту сторону. И поехала прочь, оставив тех, других, спускающимися по краю утеса. Они сами не знали, хочется ли им переговорить с этими другими. И не знали, чем бы они могли им помочь.

Тим чувствовал себя более беспомощным, чем когда-либо. Он был готов встретить конец цивилизации: быть почти одному и пытаться разыскать немногих выживших, как бы далеко они не находились. Но он не был готов видеть смерть, и он не знал, чем он может предотвратить смерть. И ни о чем-либо ином он не мог думать.

Следующий мост был — благодарение богу — цел. И следующий за ним — тоже. До обсерватории осталось только несколько миль.

Они проехали поворот и увидели стоящие на дороге четыре машины. Рядом с машинами множество людей. Это были первые люди, которых увидели Тим и Эйлин с тех пор, как они выехали из ущелья. Дорога в этом месте проходила через туннель. А туннель обрушился. Машины стояли, а тем временем мужчины лопатами копали землю. Они прорывали другую дорогу — поверх отрога, через который проходил туннель. Часть дороги была уже прокопана. Мужчины рыли по очереди, поскольку их было больше, чем лопат. Возле машин сгрудились шесть женщин в окружении множества детей. Эйлин нерешительно оглядела эту группу, потом подъехала к ним.

Дети уставились на Тима и Эйлин расширенными глазами. Одна из женщин подошла к машине. Она выглядела очень старой, хотя вряд ли ей было более сорока. Она обвела взглядом «блейзер». Заметила звездообразную дыру от пули в заднем стекле. И не произнесла ни слова.

— Привет,— сказал Тим.

— Привет.

— Вы давно здесь?

— Приехали сюда сразу, как рассвело,— сказала женщина.

— Вы приехали из города?— спросила Эйлин.

— Нет. У нас тут неподалеку был лагерь. Пытались вернуться обратно в Глендейл, но дороги — сами видите, не проехать. Как вы сюда проехали? Можем ли мы вернуться по той дороге, по которой вы сюда ехали?— обретя голос, женщина говорила быстро и безостановочно.

— Мы проехали по Большой Туджунге,— сказал Тим.

Женщина удивленно посмотрела на него и обернулась к отрогу.

— Эй, Фреди! Они приехали по Большой Туджунге.

— Она не разрушена,— крикнул в ответ один из мужчин. Передал лопату соседу и начал спускаться по склону, направляясь к «блейзеру». Тим увидел, что на поясе у него висит пистолет.

Машины у этих туристов были не слишком новые. Грузовичок-пикап, весь в мятинах, нагруженный лагерным оборудованием. Многоместный легковой автомобиль с провисшими рессорами. Древний «доджджарт».

— Мы пытались выбраться на Большую Туджунгу,— сказал мужчина, подойдя ближе. Он был одет в обычную одежду туристов: шерстяная рубашка и брюки из саржи. Сбоку, прицепленная к поясу, свисала кружка. На другом боку висел пистолет в кобуре. Но, похоже, мужчина начисто забыл о своем оружии.— Я — Фред Хаскинс. Значит, вы, видимо, пересекли ущелье по старой дороге?

— Да,— сказала Эйлин.

— Что там творится в Лос-Анджелесе?— спросил Хаскинс.

— Скверно,— ответил Тим.

— Да-а. Землетрясение там неплохо потрясло, а?— Хаскинс осторожно глянул на Тима. Посмотрел на оставленное пулей отверстие.— Откуда у вас это?

— Кто-то пытался остановить нас.

— Где?

— Как раз там, где дорога уходит в горы,— сказал Тим.

— Шерифский клоповник,— пробормотал Хаскинс.— Значит, все его заключенные разбежались?

— Что вы подразумевали, говоря «скверно»?— спросила женщина.— Нет, что вы подразумевали?

Внезапно Тим понял, что он этого более не в силах вынести.

— Все уничтожено. Долина Сан-Фернандо и вся местность к югу от Голливудских холмов затоплена цунами. А то, что не оказалось под водой, сгорело. С Туджунгой, кажется, ничего плохого не произошло, но все остальное, что находилось в окрестностях Лос-Анджелеса, уничтожено.

Фред Хаскинс непонимающе посмотрел на Тима.

— Уничтожено? И все люди, которые там жили,— мертвы? Все люди?

— Почти все,— ответил Тим.

— Видимо, многие люди спаслись, укрывшись в горах,— сказала Эйлин.— Но... если дороги разрушены, они не смогут добраться сюда.

— Гос-споди!— сказал Хаскинс.— Это комета столкнулась с нами, верно? Я знал, что она столкнется. Марта, я говорил тебе, что пока нам лучше побыть здесь. А сколько... Видимо, на выручку нам пошлют армию, но за это время мы успеем сами прорыть дорогу... Дорога по ту сторону, похоже, не повреждена. Насколько мы можем

разглядеть, по крайней мере. Марта, ты еще ничего не поймала по радио?

— Ничего. Атмосферные помехи. Иногда мне казалось, что я что-то слышу, но понять, что говорилось, не могла.

— Да-а.

— У вас есть какая-нибудь еда?— спросила Марта Хаскинс.

— Нет.

— Вы, похоже, умираете с голоду. Сейчас я вам дам что-нибудь. Мистер...

— Тим.

— Тим, а вы...

— Эйлин. Спасибо.

— Ничего. Тим, вы идите туда с Фредом и помогите копать, пока мы с Эйлин приготовим обед.

Взбираясь по крутому склону, Фред сказал:

— Хорошо, что вы встретились нам. Не знаю, смогли бы мы переволочь поверху все машины. Но с помощью вашей машины наверняка сможем. А потом мы примемся искать тех, кого послала нам на выручку армия.

* * *

Дорога шла то вверх, то вниз, виляла. Убегала вдаль из-под колес идущего впереди колонны грузовика.

Капрал Гиллингс, дремавший на своем сиденье, проснулся — уж слишком гадостно затрясло. Выругавшись, он выглянул сквозь прорезь в брезенте. Колонна, похоже, очутилась в ловушке. Земля колыхалась, словно это не суша, а море.

— Падение Молота,— сказал он.

Солдаты загомонили.

— Что это?— спросил Джонсон.

— Это конец нашего траханного мира, ты, тупой, мать твою так, ублюдок! Ты что, вообще ничего не читаешь?— Сам Гиллингс прочел все: «Нэшнл инквайерер», статьи в «Тайм», интервью с Шарпсом и так далее. Он продумывал, что и как тогда, уже тысячу раз. Грезил наяву, лежа на койке в казарме. Любовно добавлял детали к выработанному сценарию. Гиллингс знал, что произойдет, если Молот Люцифера ударит. Конец цивилизации. А заодно конец этой проклятой армии. Каждый человек будет сам за себя, а умный и сильный сможет стать — мать его так и этак — королем. Если он распорядится сданными ему судьбой картами как надо.

Сбитый с толку, растерявшийся Джонсон уставился на него — ждет, что еще услышит. Голова Гиллингса — пустая и легкая. Он не был готов к тому, что грезы могут претвориться в реальность.

— Все — вон из грузовиков!— крикнул капитан Хора.— Все — из грузовиков!

В голове Гиллингса прояснилось. Все стало на свои места, все верно, и вот первая проблема: офицеры, мать их так! Хора лучше остальных офицеров, солдаты любят его. Что-то тут нужно делать, причем делать быстро. В противном случае сучьи дети офицерье заставят их вкалывать как рабов, чтобы попытаться спасти этих задниц — гражданских. И будем вкалывать, пока огонь и цунами не покончат со всем этим.

— Мы в ловушке, капитан,— крикнул сержант Хукер.— Оползни и спереди, и сзади. Непохоже, чтобы нам удалось вытащить отсюда грузовики.

— Раздать всем снаряжение, сержант,— приказал капитан Хора.— Дальше двигаемся пешим порядком. В окрестных горах должно быть много народу. Посмотрим, чем мы сможем им помочь.

— Слушаюсь,— ответствовал Хукер без особого энтузиазма.— А что мы будем есть, капитан?

— Времени пока хватает. Будем думать об этом, когда проголодаемся,— сказал Хора.— Пойдете вперед, выясните, как там. Может быть, нам удастся перебраться через оползень.

— Слушаюсь.

— Все остальные — вылезти из грузовиков!— крикнул Хора.

Гиллингс усмехнулся. Чертовски повезло, что мы не успели вернуться в лагерь до падения Молота. И снова улыбнулся, нащупывая в своем кармане некие твердые предметы. Боеприпасов солдатам не раздали, но достать их при желании не так уж трудно. У него, Гиллингса, в кармане — с дюжину патронов. А в грузовиках — полным-полно взрывчатки.

Пойдут ли за ним солдаты? Может, и нет. Не сразу. Может быть, лучше даровать Хукеру жизнь. За Хукером солдаты пойдут, а Хукер — это хорошо — тугодум. Но не настолько туп, чтобы не понять, что нет никакого смысла арестовывать Гиллингса после того, как с капитаном будет покончено. Военно-полевых судов больше нет. Вообще нет судов. Да, на такое рассуждение у Хукера ума хватит.

И Гиллингс вогнал три патрона в свою винтовку.

* * *

На это ушла большая часть дня. Никогда в своей жизни Тиму еще не приходилось так работать. Он *расплачивался* за свой обед. Пришлось сровнять наиболее крутые участки. Потом с помощью «блейзера» пробили колею. А потом, опять же с помощью «блейзера», протащили по этой колее остальные машины. Дождь продолжал лить, хотя и потише.

Когда работу, наконец, закончили, каждый мускул в теле Тима ныл и болел. Построенная ими дорога поднималась не более чем на сто футов, но на своем протяжении пять раз опускалась вниз и потом снова шла вверх.

Выбрались на продолжение дороги по ту сторону разрушенного туннеля. Машины построились колонной. Через четыре мили подъехали к казарме рейнджеров. Здесь скопилась не одна сотня народу. Группа членов какой-то секты, с ними несколько студентов, помощников в делах мирского характера. Плюс пожилой проповедник. Компании туристов и рыболовов, которым удалось вырваться из охваченных пожарами лесов. Группка студенток-француженок, совершавших велосипедный пробег — лишь одна из них хоть как-то владела английским, а из собравшихся здесь никто не знал французского. В одной туристической группе был писатель, его жена и совершенно неправдоподобное количество детей.

Рейнджеры разбили для пришельцев временный лагерь. Когда подъехала колонна Тима, последовало приказание свернуть к обочине. Тим хотел было проехать дальше, но дорогу заблокировал зеленый грузовик лесной службы. Одетый в форму рейнджер о чем-то переговорил с Фредом Хаскинсом. После этого подошел к Тиму и Эйлин.

Рейнджеру было что-нибудь около двадцати пяти лет — долговязый, с хорошо развитой мускулатурой парень. Форма озаряла его ореолом власти, но вид у него был не слишком уверенный.

— Я слышал, что вы проехали по дороге Большой Туджунги,— сказал он. И уставился на Тима.— Вы — Хамнер.

— Я этого не утверждал,— ответил Тим.

— Понятно. Я не имел в виду, что вы его рекламировали,— сказал рейнджер.— Как вы проехали по дороге Большой Туджунги?

— А вы этого еще не знаете?— спросил Тим.

— Видите ли, мистер, нас здесь всего четверо. Всего лишь. Мы пытаемся позаботиться об этих детях. Мы разослали поисковые группы, чтобы доставить сюда оказавшихся в опасности туристов. Повсюду обвалы и оползни, большинство мостов разрушено. Мы не пытались пройти далее туннеля, когда увидели, что он обрушился.

— А по радио ничего не слышно?— спросила Эйлин.

— Радиостанция Большой Туджунги молчит,— признался рейнджер,— не знаю, почему. Кое-что мы получили по кабельной связи — от тех, кто вышел на Тропу каньона. Они сообщили, что большой мост разрушен, и что в каньоне остались люди, они там, как в ловушке.

— Мост разрушен,— подтвердила Эйлин.— Мы пересекли ущелье по старой дороге. Там были еще какие-то люди, они пытались сделать то же самое, что удалось нам.

— Почему вы не подождали их, чтобы помочь?— спросил рейнджер.

— Их было больше, чем нас,— сказал Тим.— И чем бы мы могли им помочь? По этой дороге нельзя провести машину на буксире. Слишком много поворотов. Это, в сущности, вообще не дорога.

— Да, я знаю. Мы используем ее лишь как пешеходную тропу,— отсутствующим голосом сказал рейнджер.— Послушайте, вы специалист по кометам. Что произошло все-таки? Что нам делать с этими людьми?

При этом вопросе Тим чуть не рассмеялся, но выражение лица рейнджера остановило его. Нервы парня были слишком натянуты, он был слишком близок к тому, чтобы удариться в панику. И слишком обрадован встречей с Тимом Хамнером. Ему нужен специалист, который объяснит, как нужно действовать. Специалист.

— Пытаться добраться до Лос-Анджелеса — бессмысленно,— сказал Тим.— Там ничего не осталось. Большая часть города уничтожена цунами.

— Господи, нам передали что-то в этом роде из Маунт-Бильсон, но я не поверил...

— А большая часть того, что пощадила цунами, сгорела. В Туджунге власть взяла на себя некая группа... что-то вроде Комитета самообороны. Не уверен, будут ли рады в Туджунге увидеть вас. Может, и нет. Дорога, ведущая к Туджунге, не в таком уж плохом состоянии, но не думаю, чтобы по ней можно было проехать на обычном автомобиле... Даже если удастся пересечь ущелье... Местами эта дорога...

— Пусть так, но где же армия?!— воскликнул рейнджер.— Где Национальная гвардия? Где все?! Вы говорите, что нам не добраться до Туджунги, но что прикажете делать с этими детьми? Назавтра у нас кончатся запасы пищи... У нас здесь две сотни детей, о которых необходимо позаботиться!

Черт возьми, подумал Тим. Я ведь специалист. Знания объясняют странную смесь подавленного и приподнятого настроения.

— Что ж. Мне не удалось побывать в ИРД, так что всего я не знаю, но... Думаю, комета разделилась не один раз. Значит...

— Разделилась?

— Разделилась на отдельные части. Понимаете, к моменту встречи с Землей она уже представляла собой нечто вроде скопления громадных глыб. Летящих гор. Следовательно, с Землей столкнулась раздробленная на части комета. Было не одно столкновение, а множество. Трудно сказать, сколько их всего было... Тем не менее, когда произошло падение Молота, в Калифорнии было утро, а комета приближалась со стороны солнца, так что в основном стол-

кновения пришлись на Атлантический океан. Скорее всего, так. Если волна цунами, обрушившаяся на восточное побережье, так же велика, как та, которая обрушилась на нас,— все к востоку от Катскилльз уничтожено. И большая часть долины Миссисипи тоже. Общенационального правительства больше нет. И может быть, нет больше армии.

— Иисус Христос! Вы хотите сказать, что погибла вся страна?!

— Может быть, и весь мир,— сказал Тим.

Это уж было слишком. Рейнджер сел на землю возле автомобиля. И уставился в пространство.

— Моя девушка живет в Лонг-Бич...

Тим ничего не сказал.

— И моя мать тоже. Сейчас она была в Бруклине. Навещала мою сестру. А вы говорите, что все уничтожено...

— Скорее всего,— сказал Тим.— Мне бы хотелось, чтобы я знал больше. Но скорее всего именно так.

— Так что же мне делать со всеми этими детьми? Со всеми этими туристами? Со всеми этими людьми?! Чем мне кормить их?

Ты их и не прокормишь, подумал Тим. Но вслух не сказал. А сказал:

— Продовольственные склады. Фермы крупного рогатого скота. Ищите источники пищи до тех пор, пока не сможете провести сев. Сейчас июнь. Какая-то часть урожая, видимо, не погибнет, ее можно будет собрать.

— Север,— будто сам себе сказал рейнджер.— Там на холмах вокруг Грепвайна — фермы. Север.— Он глянул на Тима.— Куда вы намереваетесь направиться?

— Не знаю. Видимо, на север.

— Сможете вы взять с собой кого-нибудь из этих детей?

— Наверное, смогли бы, но у нас нет еды.

— А у кого есть?— спросил рейнджер.— Может быть, вам следовало бы остаться с нами. Мы могли бы отправиться в путь вместе.

— Вероятно, у маленьких групп будут лучшие шансы выжить, чем у больших. Мы не хотим оставаться с вами,— сказал Тим. Ему не хотелось брать на себя заботу о детях, но отказаться, видимо, невозможно. Кроме того, это просто-напросто надо сделать. Когда-то Тим где-то прочитал: во всякой этической ситуации то, что вам менее всего хочется делать, есть, вероятно, самое правильное действие. Что-то в этом роде.

Рейнджер отошел и через несколько минут вернулся. Вместе с ним были четверо детей — лет шести и младше. Дети были хорошо одеты, чистенькие и очень испуганные. Эйлин усадила их на заднее сиденье «блейзера» и — чтобы быть поближе к ним — сама села туда.

Рейнджер передал Тиму листок, вырванный из блокнота. На листке были написаны имена и адреса.

— Здесь сказано, кто эти дети,— голос рейнджера дрогнул.— Если б вы могли отыскать их родителей...

— Хорошо,— сказал Тим. Включил двигатель «блейзера». Сейчас — в первый раз за все время — машину поведет он. Педаль сцепления ходила туго.

— Меня зовут Эйлин,— донесся голос с заднего сиденья.— А он — Тим.

— Куда мы едем?— спросила девочка. Она была очень маленькая и выглядела очень беспомощно, но не плакала. Плакали мальчики.— Вы нас отвезете к моей мамочке?

Тим взглянул в листок. Лаурия Малкольм послана в лагерь своей матерью. Лагерь организован церковью, прихожанкой которой являлась мать Лаурии. Об отце упоминаний не было. Адрес матери: Лонг-Бич. Господи, что ответить этой девочке?

— Мы поедем домой?— прежде чем Эйлин успела что-либо сказать, спросил один из мальчиков.

Как объяснить шестилетнему ребенку, что его дом уничтожен наводнением? Как объяснить маленькой девочке, что ее мамочка...

— И что случилось?— спросил мальчик.— Все так напуганы. Преподобный Тилли не хотел, чтобы мы это знали, но и он боялся.

— Это была комета,— очень серьезно сказала Лаурия.— Эйлин, она упала на Лонг-Бич? Можно я буду называть вас Эйлин? Преподобный Тилли говорит, что нельзя звать взрослых по имени. Нельзя, и все тут.

Тим свернул на дорогу, ведущую к обсерватории. Некогда — в тех местах, где эта старая, покрытая грязью дорога пришла в негодное состояние — он организовал ремонт ее. Настилал бревна, засыпал гравием и заливал бетоном. Сейчас дорогу покрывал толстый слой грязи, но «блейзер» шел без труда. Осталось недолго. Там есть запасы пищи, и можно будет остановить этот бег неизвестно куда. Во всяком случае, остановить его на какое-то время. Запасы пищи там не бесконечны, но впереди достаточно времени, чтобы обдумать эту проблему. Сперва нужно добраться туда, в обсерваторию. Сейчас обсерватория — это дом родной, тихая гавань. Единственное место, где хорошо. Там тепло, там можно будет переодеться в сухое, там есть душ. Там безопасно, там можно укрыться, когда весь мир катится к своему концу.

* * *

«Блейзер» уже не выглядел ни новым, ни сияющим. Бока его были покрыты царапинами, он весь был в грязи. Этот автомобиль смог проехать по покрытым грязью дорогам, его не остановили ни

россыпи скатившегося со склонов булыжника, ни глубокие лужи. Тиму еще никогда не приходилось водить подобной машины. Его охватило ощущение, что на «блейзере» он может доехать куда угодно.

«Блейзер» катил к дому. Очередной поворот. Остался еще один, последний, и они с Эйлин окажутся в безопасности...

Построенное из бетона здание выглядело неповрежденным. Так же, как и стоявший рядом с ним деревянный гараж. Крыша гаража, правда, осела, прогнулась под углом, но не слишком заметно. Створки купола телескопа были закрыты. Ставни на окнах дома — тоже.

— Мы дома!— заорал Тим. Ему хотелось орать. На заднем сиденье Эйлин вместе с детьми пела песню: — А из этой бородавки вырос волосок...

— Вот он! Безопасность! Хоть на какое-то время.

Песня оборвалась на полуслове.

— Похоже, твой дом в порядке,— сказала Эйлин. В ее голосе звучало удивление. Она никак не ожидала, что дом останется неповрежденным. После Туджунги она потеряла надежду на что-либо хорошее.

— Конечно, Марти знает, что делать,— начал Тим.— Он закрыл ставни и...— голос Тима увял.

Эйлин проследила за взглядом Тима. Из обсерватории вышли двое мужчин. Старшему — около пятидесяти. В руках у мужчин были винтовки. Они наблюдали, как Тим остановил «блейзер» у большого, отлитого из бетона крыльца. Винтовки покачивались в их руках — не то чтоб нацелены прямо на «блейзер», не то чтобы совсем отведены в сторону.

Тим уставился на чужаков, от ярости у него напряглись все мышцы. Лоб его горел.

— Я — Тим Хамнер. Я владелец этого дома. А теперь — кто вы?

Мужчины никак не прореагировали на его вопрос.

Из дома на крыльцо вышел молодой парень.

— Марти!— завизжал Тим.— Марти, скажи им, кто я такой!— «И когда я узнаю, что эти чужаки делают здесь,— добавил он про себя,— я поговорю с тобой, Марти».

Марти широко улыбнулся.

— Ларри, Фриц, это мистер Тимоти Гарднер Аллингтон Хамнер, плейбой и миллионер... ах, да, и астроном-любитель. Он владелец этого дома.

— Подумать только,— сказал Фриц, не отводя дуло винтовки.

Один из мальчиков заплакал. Эйлин притянула его к себе, креп-

ко обняла. Остальные дети наблюдали за происходящим большими глазами.

Тим распахнул дверь «блейзера». Винтовки вразнобой качнулись. Проигнорировав это, Тим вылез из машины. Постоял. Вокруг было тускло, сумрачно. Одежда от дождя мокрая, по спине от затылка текли струйки. Тим шагнул к крыльцу.

— Лучше не надо,— предупредил тот мужчина, которого звали Ларри.

— Пошел к черту,— поднимаясь по ступеням, сказал Тим.— Я не собираюсь ругаться с тобой, чтобы криком пугать детей.

Мужчины ничего не предпринимали, и на мгновение Тим ощутил приступ отваги. Может быть... может быть, все это шутка? Он посмотрел на Марти Роббинса.

— Что здесь происходит?

— Не знаю,— ответил Марти,— как везде.

— Я знаю о падении Молота. Что эти люди делают в моем доме?— Ошибка, понял Тим. Но уже поздно.

— Это не ваш дом!— сказал Марти Роббинс.

— Тебе это так не пройдет! Там, внизу,— рейнджеры. Как только они появятся здесь...

— Никто не появится,— сказал Роббинс.— Ни рейнджеры, ни армия, ни Национальная гвардия, ни полиция. У нас тут хорошая аппаратура, мистер Хамнер,— слово «мистер» он произнес презрительно.— Я слышал последние сообщения «Аполлона», слышал все сообщения. И слышал переговоры рейнджеров между собой. Вы больше не владелец этого дома, поскольку теперь никто ничем вообще не владеет. И нам вы не нужны.

— Но...— Тим посмотрел на тех двух мужчин. Они не походили на преступников. А ты знаешь, черт побери, как выглядят преступники?— подумал он. И все же эти двое не походили на преступников. Руки у них загрубелые, чисто вымытые. Не то что руки Марти Роббинса. Или руки Тима. У одного из мужчин сломан ноготь на руке, этот ноготь уже отрастает.

Одеты мужчины в серые брюки и рабочие рубашки. На штанах Фрица — ярлык «Великий Кузнец».

— Зачем вы это делаете?— спросил Тим. Роббинса он теперь игнорировал.

— А что еще мы могли бы делать?— сказал Ларри. Сказал с извиняющейся интонацией — но винтовку он держал твердо, дуло ее было направлено куда-то между Тимом и «блейзером».— Здесь есть еда, хотя не так уж и много. На какое-то время ее хватит. Здесь с нами наши семьи, мистер Хамнер. Что нам остается делать?

— Вы могли бы остаться здесь. Просто разрешите нам...

— Но неужели вы не понимаете, что мы не можем разрешить

вам остаться,— сказал Ларри.— Что бы вы здесь делали, мистер Хамнер? Какая от вас польза?

— Откуда, черт возьми, вы знаете, что я умею?

— Мы уже успели обсудить этот вопрос,— проворчал Фриц.— Мы не думали, что вы появитесь здесь. Но все же обсудили — что делать, если вы все же здесь появитесь. И мы приняли решение. Вы здесь не нужны.

Марти Роббинс отводил глаза. Тим уныло кивнул. Он все понял. Говорить больше не о чем. В аппаратуре — не только радиоаппаратуре, но и в астрономических и метеорологических приборах — Роббинс разбирается не хуже самого Тима. Даже лучше. Кроме того, Роббинс прожил здесь более года. И с окрестными горами он опять-таки знаком лучше Тима.

— Что там за цыпленок?— требовательно спросил Роббинс. Он вытащил из кармана большой фонарик и направил луч на «блейзер». Много ему рассмотреть не удалось. Луч осветил лишь падающие капли дождя и заляпанную грязью машину. И отливающие блеском волосы Эйлин.— Какая-нибудь ваша родственница? Богатая сучка?

Ах ты, маленький ублюдок. Тим попытался припомнить, что мог, о своем помощнике. Когда Марти жил с Тимом в Бел-Эйр, они, бывало, ссорились, но не всерьез, а в обсерватории Роббинс был — лучше не надо. И месяца еще не прошло, три недели всего прошло, как Тим написал Роббинсу рекомендательное письмо для Лоуэлловской обсерватории, той, что в Флагстаффе. Видимо, я просто не знал, что он такое, я, в сущности, не был знаком с ним...

— Она может остаться,— сказал Роббинс.— У нас мало женщин. Она может остаться. Вы — нет. Пойду, скажу ей, что...

— Вы спросите ее,— сказал Ларри.— *Спросите.* Она может остаться, но лишь если сама того захочет.

— А я?

— Мы проследим, чтобы вы уехали отсюда,— сказал Ларри.— И не вздумайте возвращаться.

— А рейнджеры и полиция где-то там все же есть,— сказал Марти Роббинс.— Может быть, наше решение не такое уж правильное. Может быть, нам не следует оставлять ему машину. Это хорошая машина. Лучше чем те, которые у нас есть...

— Не надо говорить так,— понизив голос, перебил Ларри и оглянулся на ведущую в обсерваторию дверь.

Тим нахмурился. Что-то здесь происходит, но он не мог понять — что.

Эйлин вылезла из «блейзера» и подошла к крыльцу. Заговорила — безжизненно и устало:

— Что случилось, Тим?

— Они говорят, что это больше не мой дом. Они прогоняют нас.

— Вы можете остаться,— вставил Марти.

— Вы не смеете поступать так!— закричала Эйлин.

— Заткнись!— рявкнул Ларри.

Из обсерватории вышла дородная женщина. С неодобрением посмотрела на Ларри.

— Что здесь делается?

— Уйди,— сказал Ларри.

— Ларри Келли, чем ты занимаешься?— спросила женщина.— Кто эти люди? Я его знаю! Его показывали в «Ежевечернем обозрении». Это Тимоти Хамнер. Это прежде был ваш дом, да?

— Это и есть мой дом.

— Нет,— сказал Фриц.— Мы договорились. Нет.

— Воры. Воры и убийцы,— сказала Эйлин.— Почему вы просто не пристрелите нас, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом?

Тиму захотелось заорать на нее, сказать ей, чтобы она заткнулась. Предположим, возьмут и последуют ее совету. Роббинс — этот может.

— Зря вы такое говорите,— сказала женщина.— Все очень просто. На всех здесь не хватит. И надолго не хватит. Человеком больше, человеком меньше — но нам не нужен раздающий приказы мистер Хамнер. А я не думаю, что он годится на что-либо иное. Нет, не думаю. Вы подыщите для себя другое место, мистер Хамнер. Есть ведь и другие места.— Она перевела взгляд на Ларри, чтобы тот подтвердил сказанное.— Очень скоро и нам самим придется уходить отсюда. Вы просто несколько опередите нас.

Она говорила очень спокойно и рассудительно. Вот это и оказалось настоящим кошмаром для Тима: как спокойно и рассудительно она говорила. И по тону ее было ясно: она уверена, что Тим согласится с ее доводами.

— Но девушка может остаться,— снова сказал Роббинс.

— Ты хочешь остаться?— спросил Тим.

Эйлин рассмеялась. Это был горький, полный презрения смех. Она посмотрела на Марти Роббинса и рассмеялась снова.

— Там, в машине, дети,— сказала женщина.

— Мэри Сью, это не наше дело,— сказал Фриц.

Она никак не прореагировала. Взглянула на Ларри:

— Кто эти дети?

— Они из туристского лагеря,— сказала Эйлин.— Они жили в Лос-Анджелесе. Рейнджерам нечем было кормить их. Мы взяли их с собой. Мы думали...

Женщина спустилась с крыльца и подошла к «блейзеру».

— Скажи ей, что этого делать не надо,— сказал Фриц.— Заставь ее...

— За пятнадцать лет жизни с нею мне еще ни разу не удалось заставить ее... ни в чем,— ответил Ларри.— И ты это знаешь.

— Да-а.

— Нам не нужны здесь дети,— закричал Марти Роббинс.

— Не думаю, что они объели бы нас так, как объела бы эта леди,— сказал Ларри. Обернулся к Тиму и Эйлин.— Послушайте, мистер Хамнер. Вы понимаете, как обстоят дела? Мы ничего не имеем против вас, но...

— Но вы отсюда уберетесь,— сказал Марти Роббинс. В голосе его звучало удовлетворение. Сказал он это так, чтобы женщина не могла его услышать. Она уже залезла в машину и сидела на заднем сиденье, разговаривая с детьми.— И хочу еще раз сказать: где-то там — рейнджеры. Хамнер может разыскать кого-нибудь из них. Вот что я вам скажу: он уберется отсюда, но в моем сопровождении и...

— Нет,— с явным отвращением отрубил Ларри.

— Может быть, вот что он задумал,— сказал Фриц.— Вот что он задумал... Он думает, что, может, мы потом не захотим, чтобы он был с нами. Он сомневается, хотим ли мы его. Может, он решил уйти и не вернуться. А нам без него может прийтись здесь туго.

— Мы заключили договор!— закричал Марти.— Когда вы явились сюда! Я разрешил вам поселиться здесь! Мы заключили договор...

— Конечно, заключили,— сказал Фриц.— Но тебе бы лучше заткнуться насчет убийства, а то мы можем и забыть об этом договоре. Я вижу, Мэри Сью ведет детей. Мистер Хамнер, вы не против, если мы возьмем на себя заботу о них?

Как спокойно он рассуждает, подумал Тим. Фриц и Ларри... Кто эти двое? Плотники? Садовники? Они остались в живых и убедили сами себя, что по-прежнему остаются цивилизованными людьми.

— Поскольку в машине почти не осталось горючего, вряд ли Эйлин и мне удастся выбраться живыми из этих гор. Эйлин, может, это была хорошая мысль. Оставшись здесь, ты, возможно, спасешь свою...

Эйлин посмотрела на Роббинса:

— Только не с этим.

Фриц взглянул на Ларри. Мгновение они глядели в глаза друг другу.

— Мне кажется, у нас есть немного бензина,— наконец сказал Фриц.— Во всяком случае, есть десятигаллонная канистра. Мы можем отдать этот бензин вам. Десять галлонов горючего и пару банок супа. Вы возвращайтесь в машину и ждите там, пока мы обсудим насчет бензина.

Тим залез обратно в машину. Втащил за собой Эйлин — прежде чем она успела нахамить снова. Дети сгрудились вокруг Мэри Сью. Они не отводили взгляды от «блейзера», и не скоро страх исчезнет из их глаз, с их лиц. Тим выдавил из себя успокаивающую улыбку, помахал рукой. Его пальцы свела судорога: нужно уезжать, быстрее уезжать, подальше от этих ружей. Но он принудил себя — ждал.

Ларри заполнил бак бензином.

Тим задом вырулил из подъездной аллеи. И поехал — в дождь.

ПОЧТАЛЬОН: один

Все, что может быть охарактеризовано как долг, есть предпосылки всякого подлинного закона и сущность всякого благородного обычая — превращающегося впоследствии, как мы можем увидеть, в то, что называется честью. Если мы начнем размышлять над подобными проблемами, нам никак не обойтись без понятия «честь».

Освальд Шпенглер.
Размышления

Гарри Ньюкомб не видел падения Молота, и вина за это лежит на Джейсоне Гилкудди. Гилкудди (как он говорил) заточил сам себя в глуши: обрек себя на диету и написание романа. За шесть месяцев он потерял двенадцать фунтов (хотя мог бы и больше). А что касается уединения, то ему куда как больше хотелось поболтать с проезжавшим мимо почтальоном, чем писать свой роман.

Лучшую кофейную чашку можно обнаружить в ранчо Серебряной долины. Зато Гилкудди, живущий на противоположном конце долины, умеет приготовить лучший в этих местах кофе.

— Но,— улыбаясь, сказал ему Гарри,— но я расползусь по швам, если позволю всем желающим угощать меня двумя чашками кофе.— Я человек популярный, вот кто я.

— Дитя, лучше не спорь, а пей. Срок моей аренды истекает в четверг, а «Баллада» закончена. К следующему Дню хлама меня здесь не будет.

— Закончена. Ура, прекрасно! Я в ней описан?

— Нет, Гарри, извини. Понимаешь, это чертово произведение получилось слишком большим. Ведь выходит вот как: то, что тебе самому нравится больше всего, обычно приходится выбрасывать. Но вот кофе «Голубая гора Ямайки». Когда я праздную приятное событие...

— Ладно, налейте.

— Добавить коньяку?

— Имейте какое-то уважение к моей форме, если вы... Ладно, черт возьми, не могу же я теперь его вылить. Не могу.

— За моего издателя,— Гилкудди бережно поднял свою чашку.— Он заявил, что если я не выполню условия контракта, он этот контракт разорвет. Причем вина будет лежать на мне.

— Тяжелая у вас работа.

— Да, но зато деньги платят хорошие.

Самым краем сознания Гарри отметил далекий раскат грома. Надвигается летняя гроза? Он мелкими глотками потягивал кофе. Кофе у Гилкудди, действительно, нечто особое.

Но когда Гарри вышел из дома, он не увидел в небе грозовых облаков. (Кстати, встал Гарри до того, как рассвело. Фермеры, живущие в долине, придерживаются странного распорядка дня, и почтальону приходится под них подлаживаться.) Гарри увидел жемчужное сияние окутавшего Землю хвоста кометы. Частично это сияние еще было заметно, но оно расплывалось в лучах солнца и, белея, растворялось в голубизне неба. Похоже на смог, только чистый смог. Стояла странная тишина, будто все вокруг ожидало чего-то.

Итак, Джейсон Гилкудди возвращается в Чикаго. До следующего раза, когда он вновь приговорит себя к одиночному заточению. Посадит себя на диету и начнет писать очередной роман. Гарри будет не хватать его. Джейсон — самый образованный человек в долине, за исключением, может быть, сенатора... А сенатор-то, оказывается, существует на самом деле. Гарри видел его вчера, хоть и издалека. Сенатор прибыл в автомобиле размером с автобус. Может быть, и сегодня Гарри повстречает сенатора.

Гарри на хорошей скорости мчался к усадьбе Адамсов. Грузовичок затрясло, и Гарри притормозил. Выбоина? Что-то случилось с колесом? Дорога тряслась и, похоже, пыталась изогнуться. Грузовичок, в свою очередь, пытался вытряхнуть мозги из Гарри. Гарри остановил машину, но по-прежнему трясло. Он выключил зажигание. Почему трясет?

— С таким лучше встретиться, имея бутылку бренди. Ха! Землетрясение?— Тряска кончилась.— А никаких выбоин или разломов здесь нет. Мне так кажется.

Гарри поехал дальше, уже более медленно. С такой скоростью до фермы Адамсов добираться долго. Он рассчитывал приехать туда пораньше. Тем более что раньше он ездил туда иным маршрутом. Он не осмелится зайти в дом... что ж, это сэкономит ему пару минут. Ни к чему опять вызывать недовольство миссис Адамс. Но с другой стороны, Гарри не видел Донну уже несколько недель.

Гарри снял свои противосолнечные очки. Он и не заметил, как вокруг потемнело. И продолжало темнеть. Словно заснятые замедленной съемкой, по небу неслись облака. Темное брюхо облаков освещали вспышки молний. Никогда прежде ничего подобного Гарри видеть не приходилось. Вероятно, начинается гроза, вот-вот хлынет дождь.

* * *

Ветер выл, словно целая куча демонов, вырвавшихся из ада. Небо сделалось безобразным и страшным. Ничего подобного этим крутящимся черным тучам, пронизанным молниями, Гарри видеть не приходилось. Погода — как раз подходящая, чтобы оставить почту для миссис Адамс в почтовом ящике, подумал он мстительно. Пусть прогуляется за ворота.

Но, возможно, как раз Донне придется идти под дождем за почтой. Гарри подъехал к дому и остановился под нависающей над землей верандой. Как раз в ту секунду, когда он вылез из машины, пошел дождь. Выступ веранды почти никак не защищал от дождя: ветер разносил его струи во всех возможных направлениях.

А может быть, как раз Донна откроет ему дверь... Но — увы! Дверь открыла миссис Адамс, и она не выказала ни малейшего знака радости при виде Гарри. Гарри повысил голос, чтобы его можно было расслышать, сквозь вой ветра:

— Ваша почта, миссис Адамс.— И голос его был столь же безразличен, как ее лицо.

— Спасибо,— сказала миссис Адамс и твердой рукой закрыла дверь.

Дождь лил, будто разверзлись хляби небесные. С грузовичка хлынули отвратительного вида коричневые струи. Гарри стало стыдно. Он и не подозревал, что его машина настолько грязна. Уже наполовину вымокший, он влез в кабину и поехал от дома Адамсов.

Неужели по всей долине такая погода? Гарри прожил в этих местах чуть более года, но ничего отдаленно похожего на то, что творилось вокруг, ему еще видеть не приходилось. Всемирный потоп! Ему очень хотелось порасспросить кого-нибудь, что все это значит?

Хоть кого-нибудь, но только не миссис Адамс.

* * *

Сейчас в долине должен быть сухой сезон. Ручей Придира тек, казалось, как обычно. Покрытая рябью вода ручья омывала глад-

кие белые булыжники, образующие его русло. Но когда Гарри Ньюкомб по деревянному мосту переехал ручей, он увидел, что ручей, переполненный водой, бурлит. Дождь лил по-прежнему яростно, не утихая.

Гарри свернул: нужно опустить два письма в почтовый ящик, принадлежащий Джентри. За всю свою службу здесь почтальоном Гарри лишь раз удалось увидеть Джентри (и фермер тогда нацелил на Гарри дробовик). Джентри вел отшельнический образ жизни, и ему не требовалась немедленная доставка корреспонденции. Гарри он не нравился.

Колеса вращались без толку, потом нашли сцепление с почвой и выволокли автомобиль обратно на дорогу. Раньше или позже, а Гарри надо бы где-то передохнуть. Он оставил надежду закончить развозку всей почты сегодня. Может быть, Миллеры предложат ему кров и еду.

Дорога круто шла вверх по склону. Видно было плохо: дождь, молнии и темнота в промежутках между вспышками молний. На малой скорости машина ползла вперед. Слева — обрыв, справа — поднимающийся вверх склон холма. И склон, и обрыв густо поросли деревьями. Гарри жался поближе к склону. Кабина была насквозь мокрой. Воздух — теплый, и 110 процентов влажности.

Гарри резко затормозил.

Склон впереди обрушился. Оползень перегородил дорогу, частично перемахнув дальше — в обрыв. Засыпанные землей, торчали деревья — одни сломанные, другие нет.

Недолго думая, Гарри решил вернуться. Но там, если повернешь назад,— лишь Джентри и миссис Адамс. Ну и черт с ним. Дождь уже смыл часть оползня. А остаток — ну, эта куча земли и грязи не так уж крута. Решившись, Гарри повел машину поверх оползня. Первая скорость и не останавливаться. Если он увязнет, домой придется возвращаться пешком. Причем под дождем.

Грузовичок накренился. Закусив губу, Гарри изо всех сил работал рулевым колесом и акселератором. Бесполезно. Перемешанная с грязью земля поползла к обрыву, нужно как-то вырываться! Гарри вдавил до отказа педаль акселератора. Колеса вращались, не давая никакого видимого эффекта, грузовичок накренился еще круче. Гарри выключил зажигание, упал на пол и закрыл лицо руками.

Грузовичок мягко качало, валило из стороны в сторону, словно подбрасывало на волнах стоящую на якоре лодчонку. Слишком сильный наклон — и грузовик опрокинулся набок. Почти сразу же он врезался во что-то большое и неподатливое, по кругу съехал с преграды, врезался еще во что-то и, наконец, остановился.

Гарри приподнял голову. Сразу за ветровым стеклом — ствол дерева. Небьющееся стекло пошло трещинами, прогнулось внутрь. Машину заклинило между этим деревом и соседним. Она лежала на

боку, и вытащить ее без посторонней помощи невозможно. Да. Чтобы вытащить грузовичок, нужен, по крайней мере, мощный автомобиль с буксировочным тросом. И люди с пилами.

Гарри не столько лежал, сколько висел в воздухе, удерживаемый ремнем безопасности. Теперь он осторожно расстегнул его, решив, что особого вреда от этого не будет.

А что теперь? Конечно, нельзя оставлять почту без присмотра, но не может же он просидеть здесь целый день!

— Каким образом мне закончить развозку почты сегодня?— задал он сам себе вопрос и хихикнул. Ибо совершенно ясно, что он и не собирался закончить развозку почты сегодня. Придется оставить всю эту груду почты до завтра. Волк будет в ярости... но тут уж Гарри ничем помочь не может.

Он взял заказное письмо, адресованное сенатору Джеллисону и сунул его в карман. В другой карман он сунул две маленькие посылки, о которых Гарри имел основание думать, что внутри их нечто ценное. Большие посылки, бандероли с книгами и прочая почта пусть позаботятся о себе сами.

Он вылез из машины.

Дождь, слепя, ударил его в лицо, вымочил мгновенно до нитки. Грязь скользила под подошвами, и через несколько секунд Гарри был вынужден изо всех сил вцепиться в оказавшееся рядом с ним деревце. Лишь благодаря этому он не сорвался в текущий далеко внизу, быстро набухающий ручей. Гарри постоял так, цепляясь за деревце,— то ли мгновение стоял, то ли очень долго.

Нет. Не надо пытаться добраться до телефона. Через такую дикую непогоду ему не добраться. Лучше выждать, пока это кончится. К счастью, он сейчас так ехал, что путь совпадал с утвержденным начальством обозначенным на карте маршрутом. Волк поймет, где искать его... Только он, Гарри, представить себе не может, какой автомобиль сможет добраться до него через то, что творится вокруг.

В небе вспыхивали молнии, обычные и двойные, блинк-блинк. Беспрерывно грохотал гром. Гарри ощутил боль в мокрых насквозь ногах. Да еще какую!

Хватит!

Кое-как он вернулся к своему грузовичку и залез внутрь. Конечно, автомобиль этот — не такая уж и защита, но, похоже, что здесь самое безопасное место, чтобы переждать пронизанную молниями бурю... и, кроме того, таким образом он не оставит почту без охраны. Ведь это, в сущности, должно заботить его в первую очередь. Лучше доставить почту попозже, чем рисковать тем, что ее могут украсть.

Да уж, определенно лучше, решил Гарри, и попытался устроиться покомфортабельнее. Проходили часы, и не было ни малейшего признака того, что буря стихает.

* * *

Спал Гарри плохо. В багажном отделении он устроил себе нечто вроде гнезда, для этого пожертвовал рекламные листы различных магазинов и экземпляр утренней газеты. Гарри часто просыпался и каждый раз слышал бесконечный стук барабанящего по металлу дождя. Через долгое время небо и земля перестали казаться сплошной тьмой, пронизанной вспышками молний. Теперь все стало тускло-серым. Молнии вспыхивали пореже. Гарри, извиваясь, дотянулся до вчерашней картонки молока. Он как предчувствовал и не выпил молоко раньше. Но картонка молока — этого мало, Гарри остался голоден. Кроме того, он не пил сегодня, как привык, кофе.

— В ближайшем же доме,— сказал себе Гарри и представил большую кружку с дымящимся кофе. Видимо, не просто кофе, а с коньяком (хотя никто, кроме Гилкудди, никогда даже не собирался поить его кофе с коньяком).

Дождь несколько утих. Чуть утих и вой ветра.

— А может, я просто начал глохнуть,— сказал вслух Гарри.— Начал глохнуть. Ладно, а может, и не начал.— Беспечный от природы, Гарри быстро находил светлую сторону, просвет в самой мрачной ситуации. «И то хорошо, что на сегодня День хлама отменяется»,— сказал он себе.

Он выпростал ноги из кожаной почтовой сумки (всю долгую ночь благодаря этой хитрости ноги оставались почти сухими). Надел ботинки. Посмотрел на груду почтовых отправлений. Чтобы что-либо разглядеть, света было мало.

— Лишь самое важное,— сказал себе Гарри.— Книги можно оставить.— Сомнения вызвали, пожалуй, лишь «Известия конгресса», адресованные сенатору Джеллисону, а также журналы. Гарри решил взять их с собой. Он набил свою сумку всяческой почтой, оставил лишь самые объемистые пакеты. Встав, с усилием открыл дверь машины — словно открыл люк, и протолкнул почтовую сумку. Дверь находилась сейчас не сбоку, а вверху. Затем Гарри выкарабкался вслед за сумкой сам. Дождь все еще лил, и Гарри прикрыл сверху сумку куском пластиковой пленки.

Грузовичок тяжело покачнулся.

Грязь взметнулась вдоль обращенного вверх борта грузовичка и остановилась вровень с колесами. Гарри перекинул сумку через плечо и пошел вверх по склону. Тут же почувствовал, как земля дрогнула под подошвами, и сменил шаг на бег.

За его спиной под тяжестью грузовичка и сползающей массы грязи согнулись деревья. Корни вывернулись из земли, и грузовик покатился, набирая скорость.

Гарри покачал головой. Вероятно, это его последняя развозка почты. Волку потеря машины придется не по нраву. Он начал взбираться по оползню. Идти было трудно. Он шел и оглядывался. Ему нужен какой-нибудь посох. Он увидел торчащее из грязи молодое деревце — гибкий ствол длиной футов в пять. Деревце было с корнями вырвано оползнем.

Когда Гарри выбрался на дорогу, идти стало легче. Теперь он спускался вниз по склону. Путь предстоял кружной и неблизкий: к дому Адамсов. Тяжелая грязь отваливалась с ботинок, ногам полегчало. Дождь лил по-прежнему. Гарри все глядел вверх на склон: он боялся новых оползней.

— У меня в прическе фунтов пять воды,— проворчал он.— Зато не холодно.— Сумка была тяжелой. Будь у нее добавочный ремень, тот, что крепится к поясу, нести ее было бы легче.

И вдруг Гарри запел:

От нечего делать пошел я гулять,
Пошел погулять на лужок,
Мечтая о долларе, так его мать,
Чтобы отдать должок.

В моих волосах застряла зола,
А глотка суха как наждак.
Я начал молиться, и в небо текла
Молитва, ну, мать ее так...

Он одолел, наконец, скользкий склон и увидел рухнувшую вышку электропередачи. Провода высокого напряжения лежали поперек дороги. Стальная башня была повреждена молнией. Возможно, молнии били в нее несколько раз, верхушка вышки была перекручена.

Сколько прошло уже времени с момента падения вышки? И почему работники «Эдисона» еще не устранили аварию? Гарри пожал плечами. Потом он заметил, что столбы телефонной связи тоже повалены. Значит, когда Гарри доберется до чьего-нибудь дома, никуда позвонить он не сможет.

Возле пруда расположен был луг,
Мать его так пополам,
И тут я увидел сокола вдруг,
Шедшего по волнам.

«Ужасное чудо!— я громко вскричал.—
Как ты в воде не намок?!»
Хоть сокол мне, мать его, не отвечал,
Я спел ему пару строк.

Из древнего псалма (его я учил,
В те дни, когда был щенком).
А сокол, ах, мать его, в небо взмыл
И обдал меня говном.

И я на колени тогда упал,
В небеса не смея смотреть,
И тихо, мать вашу так, прошептал:
«Свою я приветствую смерть.

Смерть — это то, что надобно мне,
Сто раз заслужил ее я».
А сокол, ну, мать его, вспыхнул в огне
И снова обгадил меня.

А вот и ворота фермы Миллеров. Никого не было видно. И не видно никаких свежих следов от шин на подъездной аллее. Гарри подумал, а не уехали ли куда-нибудь обитатели фермы прошлой ночью? Сегодня они наверняка никуда не уезжали. Утопая в глубокой грязи, Гарри пошел по длинной подъездной аллее к дому. По телефону от Миллеров не позвонишь, но, может быть, он угостит его чашкой кофе. Может быть, даже отвезут его в город.

Горящая птица в небе плыла
Как солнце. Как блик на волне.
Мать ее трижды. Вот это дела...
И хотелось зажмуриться мне.

Крепко зажмуриться, так вашу мать,
Только ведь я опоздал:
Много ли проку глаза закрывать,
Коль он всю башку обосрал?!

К священнику, мать его, кинулся я,
Пожаловаться на это.
Священник стрельнул, подлец, у меня
Последнюю сигарету.

О чуде священнику я рассказал,
(Священник лежал меж роз).

Дерьмо в своих волосах показал —
И ублюдок зажал свой нос.

Пришлось к епископу мне бежать
Поведать, что было со мной.
Сказал епископ, так его мать:
«Ступай-ка, дурак, домой,

А дома сразу в постель ложись,
Мать твою так и так,
Проспись, дурак, мать твою, протрезвись,
И голову вымой, дурак!»

Никто не отозвался, когда Гарри постучал в дверь дома. Дверь была чуть приоткрыта. Гарри громко позвал, и по-прежнему ему никто не ответил. Он уловил запах кофе.

В нерешительности постоял мгновение, затем вытащил из сумки пару писем и экземпляр «Эллери Куинз мистери мэгэзин» и, держа их словно верительные грамоты, открыв дверь, вошел в дом. Он пел — еще громче, чем раньше:

Проспавшись, помчался к приятелю я,
Ах, мать его три-четыре!
(Он был преклонных годов свинья
По имени Джок О'Лири.)

Плача, в свинарник к нему я влетел
И прильнул к его пятачку.
Джок, так его мать, на свой окорок сел
И поднял свою башку.

А супруге Джока — под пятьдесят,
Эй, мать вашу, слышите вы?
Она родила на днях поросят —
И все, как один, мертвы!

Я терся щекой о его пятачок,
Рыдая, мать в перемать.
И вот улыбнулся, очухался Джок
И что-то стал понимать.

Но его голова со стуком глухим
Напрочь слетела с плеч.
Супруга Джока ударом одним
Сумела ее отсечь.

Потом она отшвырнула тесак,
Не замечая меня.
«Господи!— крикнула (мать ее так!)—
Дождалась я этого дня!»

Гарри оставил почту на столе в гостиной, там, где всегда оставлял ее в День хлама. Потом направился в кухню, на запах кофе. Он продолжал громко петь: чтобы не приняли за грабителя. А то ведь могут и встретить выстрелом из ружья.

Я брел сквозь город «Страна раба»
Меж придурков и подлецов.
И все, с кем сводила меня судьба,
Мне харкали гной в лицо.

Милость господня и благодать
Иногда нас приводит в смятенье.
И мы застываем, так нашу мать,
Раскрывши рот в удивленьи.

Господних замыслов смертная плоть
Не в силах понять, конечно.
Но если кого возлюбил господь,
То это уже навечно.

На кухне был кофе! Горела газовая плита, и на ней стоял большой кофейник, а неподалеку — три чашки. Гарри налил себе полную чашку и запел с триумфом:

Я это знаю, мне дан был знак,
Ни от кого не скрою,
Что происходит, мать его так,
Когда я голову мою.

Я не шучу, говорю всерьез:
Там, где было говно,
Вода, стекая с моих волос,
Обращается вдруг в вино!

Бесплатно я это вино раздаю
(Пусть до отвалу пьют!)
Людям, за жизнь познавшим свою
Одно лишь, тяжелый труд.

Ведь если почаще вино хлестать,
Поверишь, что все же есть
В подлунном мире, так его мать,
Любовь, доброта и честь.

И пусть упиваются, мать их так,
Те, кто нуждой поражен,
Но не пинают встречных собак
И не мордуют жен.

Гарри обнаружил вазу с апельсинами. Целых десять секунд боролся с искушением, потом взял один. Идя через кухню к задней двери, Гарри очистил его. И вышел из дому к расположенной за домом апельсиновой роще. Миллеры — коренные уроженцы здешних мест. Они должны знать, что произошло. Они должны быть где-то поблизости.

Чудо есть дар, посылаемый нам,
Добрый подарок небес,
И кто-то шествует по волнам,
И мир этот полон чудес.

Душа у людей далеко не чиста —
В дерьме с головы до пят.
Люди распяли когда-то Христа,
Но я-то еще не распят!

Не надо смерти бояться и ждать,
Прозрев, я вам говорю.
И ежедневно, так вашу мать,
Я голову мою свою!

— Эй, Гарри!— крикнул кто-то. Крикнул откуда-то справа. Меж апельсиновых деревьев, проваливаясь в жидкую грязь, Гарри пошел на голос.

Джек Миллер, его сын Рой и невестка Цицелия, впав в полную панику, занялись сбором урожая помидоров. Они расстелили на земле огромный кусок брезента и складывали на него помидоры — подряд, не разбирая, как спелые, так и наполовину зеленые.

— Если их оставить так, на земле,— пропыхтел Рой,— они сгниют. Отнесите их в дом. Быстрее. Вы должны помочь нам.

Гарри посмотрел на свои заляпанные грязью ботинки, на почтовую сумку, на набухшую от воды форму.

— И не пытайтесь задержать меня,— сказал он.— Это бы противоречило установленным правительством правилам...

— Ладно.— И Рой спросил: — Скажите, Гарри, что происходит?

— А вы не знаете?— Гарри сделалось страшно.

— Откуда мы можем знать? Телефон не работает со вчерашнего дня. Электричества нет. Телевизор не работает. Этот проклятый телевизор не... Извини, Цисси. Радиотранзистор не ловит ничего, кроме атмосферных помех. А в городе так же?

— Не знаю, как в городе, я там не был,— признался Гарри.— Мой грузовичок сдох в паре миль отсюда к дому Джентри. Еще вчера. Я провел ночь в его кабине.

— Гм-м,— Рой перестал на мгновение лихорадочно собирать помидоры.— Цисси, ты лучше иди в дом и начинай их консервировать. Выбирай только спелые. Гарри, давайте заключим сделку. Завтрак, обед и, кроме того, мы отвезем вас в город. И еще: я никому не скажу, какую песню вы распевали в моем доме. За это вы остаток сегодняшнего дня будете помогать нам.

— Ну-ну...

— Я отвезу вас и замолвлю за вас словечко,— сказала Цисси.

Среди жителей долины Миллеры пользовались немалым влиянием. Если за Гарри замолвят словечко, возможно, Волк и не сожрет его за потерю автомобиля.

— Если я пойду в город пешком, то все равно доберусь туда позже, чем если вечером поеду в машине,— сказал Гарри.— Я согласен.— И принялся за работу.

Они почти не разговаривали, сберегая дыхание. Потом Цисси вынесла из дома бутерброды. Миллеры еле-еле заставили себя прервать работу. Торопливо поев, они принялись срывать помидоры снова.

Если они и разговаривали, то лишь о погоде. Джек Миллер, проживший в долине пятьдесят два года, никогда не видал ничего подобного.

— Комета,— сказала Цисси.— Это все из-за нее.

— Чепуха,— отозвался Рой.— Ты сама слышала, что говорили во время той телепередачи. Она прошла мимо Земли на расстоянии нескольких тысяч миль.

— Значит, прошла мимо? Это хорошо,— сказал Гарри.

— Мы не слышали, что она прошла мимо. Слышали, что она должна была пройти мимо,— сказал Джек Миллер, продолжая срывать помидоры.

Никогда еще Гарри за всю свою жизнь не приходилось работать столь тяжко. Внезапно он понял, что день уже клонится к вечеру.

— Эй, мне нужно в город,— потребовал он.

— Ладно. Эй, Цисси,— позвал Джек Миллер,— выводи пикап. Здесь, кстати, магазин кормов, нам понадобятся большие запасы для коров и свиней. Из-за чертова дождя большая часть кормовых запасов, что у нас есть, придет в негодность. Лучше сразу закупить корма, прежде чем кому-нибудь взбредет в голову та же мысль. Через неделю цены подскочат до неба.

— Если через неделю их вообще можно будет где-нибудь купить,— сказала Цисси.

— Что ты хочешь этим сказать?— спросил ее муж.

— Ничего.— Она пошла к гаражу. Тесно облегающие джинсы обрисовывали все ее выпуклости, со шляпы капала вода. Она вывела «додж»-пикап. Гарри торопливо забрался в машину. Почтовую сумку, чтобы защитить ее от дождя, он держал на коленях. На время работы он оставил ее в сарае.

Автомобиль без труда шел по грязи, покрывающей подъездную аллею. Когда подъехали к воротам, открывать их вышла Цисси. Гарри с его огромной сумкой просто не мог сдвинуться с места. Вернувшись, Цисси улыбнулась ему.

Они не проехали и полмили, как дорогу преградил огромный разлом. Участок дороги, упирающийся в разлом, был весь перекорежен, и был перекорежен весь склон холма, и тонны жидкой грязи, сорвавшиеся со склона, завалили дорогу по ту сторону разлома.

Гарри внимательным взглядом обозрел все это. Цицелия оглянулась, собираясь развернуть машину в обратном направлении. Гарри начал вылезать.

— Но не собираетесь же вы идти пешком!— сказала Цицелия.

— Почта должна быть доставлена,— пробормотал Гарри. И рассмеялся: — Если ее развозка не закончена вечером, то...

— Гарри, не делайте глупостей! Уже сегодня ремонтники будут посланы чинить дорогу. В крайнем случае, завтра, это наверняка. Подождите, пока они починят дорогу! Вы все равно не доберетесь до города до темноты. Может быть, вообще не доберетесь под таким дождем. Давайте вернемся к нам домой.

Гарри обдумал сказанное. В словах Цисси был смысл. Линии электропередачи разрушены, дороги тоже. Линии телефонной связи опять-таки разрушены. Кто-нибудь ведь должен появиться. Сумка казалась ужасно тяжелой.

— Хорошо.

Разумеется, Гарри снова заставили работать. Он и не ожидал ничего иного. До самого наступления темноты ни Миллеры, ни Гарри ничего не ели, но когда стемнело, еду Цисси подала в совершенно необозримом количестве — как раз соответственно аппетиту хорошо поработавших крестьян. Поев, Гарри не мог более бороться со сном и рухнул на кушетку. Он даже ничего не почувствовал, когда Джек и Рой сняли с него форму и накрыли одеялом.

* * *

Гарри, проснувшись, увидел, что дом пуст. Форма его, вывешенная для просушки, была еще мокрой. Дождь неослабно продолжал

низвергаться на ферму. Гарри оделся, разыскал себе кофе. Пока он пил, пришли Миллеры.

Цицелия приготовила завтрак: окорок, оладьи и опять кофе. Цицелия была высокой, крепкой, но вид сейчас у нее был утомленный. Рой поглядывал на нее с тревогой.

— Со мной все в порядке,— сказала Рою Цицелия.— Просто и мужскую работу делаю, и свою тоже.

— Нам тоже нелегко приходится,— сказал Джек.— Но никогда не видел такого дождя.— Он сказал это очень тихо, с удивлением, и, похоже, в его голосе звучал суеверный страх.— Эти ублюдки из Бюро прогнозов погоды никак не могут заранее предупредить нас. Им не составить прогноз и на минуту вперед. На что им только нужны эти хваленые погодные спутники?

— Может быть, эти спутники повреждены кометой,— предположил Гарри.

Джек Миллер взорвался:

— Комета! Чушь! Комета — это лишь небесное тело! Научитесь жить в двадцатом столетии, Гарри!

— Однажды я попытался. Но мне больше нравится жить здесь.

Гарри уловил, как незаметно улыбнулась Цисси. И ему ее улыбка понравилась.

— Пойду-ка я,— сказал он.

— В такую погоду?— недоверчиво сказал Рой Миллер.— Не может быть, вы шутите.

Гарри пожал плечами:

— Мне нужно закончить доставку почты.

У Миллеров был виноватый вид.

— Я думаю, мы можем отвезти вас дотуда, где дорога разрушена,— сказал Джек Миллер.— Может быть, ремонтники уже там.

— Спасибо.

* * *

Никаких ремонтников там не было. За ночь со склона на дорогу сползло еще немало грязи.

— Может, останетесь у нас?— сказал Джек.— Вы бы нам помогли.

— Спасибо. Я расскажу в городе, как у вас тут обстоят дела.

— Хорошо. Спасибо. До свидания.

— Ага.

Через разлом, перегородивший дорогу, пришлось пробираться по оползню. Тяжелая сумка оттягивала плечо. Она была кожаная, водонепроницаемая, с пластиковым верхом. Как раз по погоде, подумал Гарри. Вся эта бумага, что в сумке, может впитать двадцать-тридцать фунтов воды. И тогда сумка сделалась бы гораздо тяжелее.

— И читать эту почту тоже было бы гораздо тяжелее,— громко сказал Гарри.

Он тащился все дальше. Оскальзывался и спотыкался. Потом нашел себе молодое деревце вместо того, которое так и осталось у Миллеров. У деревца была масса корневых отростков, но все же — посох. Посох, удерживающий от падения.

— Это посох,— крикнул Гарри навстречу пронизанному дождем ветру. Рассмеялся и добавил: — Но вот фермер работал, старался, а я сломал.

* * *

Из-за дождя часы Гарри остановились. Когда он достиг ворот «Графства», по его предположениям было начало двенадцатого. А было почти два.

«Графство» было расположено на равнине, вдали от холмов. Разломов на дороге не было, но она была сплошь покрыта слоем воды и грязи. Гарри вообще не мог разглядеть дорогу. Он догадывался, где она проходит, лишь по очертаниям покрытого поблескивающей грязью ландшафта. Насквозь мокрый, уже почти не чувствуя боли от потертостей, шагая и шагая наперекор тесно облегающей форме, наперекор налипшей на ботинки грязи, Гарри размышлял, что все относительно не так уж плохо.

Он все еще надеялся, что закончит доставку почты, воспользовавшись чьим-либо автомобилем. Но не похоже, что такая возможность ему представится в «Графстве».

Он не увидел ни единой души, идя вдоль дырявой изгороди «Графства». На полях никого не было. Никто не пытался спасти урожай. Были ли вообще посевы у обитателей «Графства»? Это сейчас Гарри не мог понять, но ведь он не был фермером.

Ворота были — как в крепости. И висячий замок на них был новый, большой и блестящий. Гарри увидел, что почтовый ящик перекосился под углом в сорок пять градусов — будто его свернул проезжающий автомобиль. Ящик был полон воды.

Гарри почувствовал досаду. Он приволок для обитателей «Графства» восемь писем и толстенную бандероль. Он откинул голову и закричал:

— Эй, вы там! Пришла почта!

В доме было темно. И здесь тоже нет электричества? Или Хьюго Беку и его многочисленным странным гостям надоела сельская жизнь и они убрались отсюда?

В «Графстве» обосновалась коммуна. Это знали все в долине, а некоторые знали и еще кое-что. Обитатели «Графства» не контактировали с жителями долины. Гарри, находящемуся в особом поло-

жении, приходилось встречаться с Хьюго Беком и некоторыми из его сотоварищей.

Хьюго унаследовал ферму три года назад — после того, как его дядя и тетка погибли в дорожной катастрофе, проводя свой отпуск в Мексике. В те времена ферма называлась несколько иначе: «Ранчо Перевернутой вилки» (или что-то в этом роде). Вероятно, так ее называли по форме тавра, каким клеймили скот. Хьюго Бек явился на похороны: низенький, толстый парень восемнадцати лет, с черными прямыми волосами до плеч и бахромой бороды, окаймляющей выбритый подбородок. Он осмотрел ферму, задержался на ней некоторое время, чтобы распродать коров и большую часть лошадей, после чего исчез в неизвестном направлении. Месяцем позже он вернулся в сопровождении целой компании хиппи (число прибывших с ним хиппи варьировалось в зависимости от того, кто именно рассказывал эту историю). У новых обитателей фермы оказалось достаточно денег, чтобы не умереть с голоду. И даже жить с относительным комфортом. «Графство» наверняка не обеспечивало их доходом. Они ничего не продавали. Но — безусловно — им приходилось сеять, собирать урожай и так далее: слишком уж мало пищи привозили им на ферму из города.

Гарри прокричал свой призыв снова. Дверь открылась, и кто-то не спеша побрел к воротам.

Это был Тони. Гарри был знаком с ним. Дочерна загорелый, вечно скалящий в улыбке великолепные зубы, Тони был одет как обычно: джинсы, шерстяная нательная сорочка (рубашки он не признавал), шляпа, какую носят землекопы, и сандалии. Он уставился на Гарри сквозь решетку ворот.

— Эй, парень, что случилось?— Дождь не производил на него ни малейшего впечатления.

— Пикник придется отложить. Именно это я и пришел сообщить вам.

Тони посмотрел на Гарри озадаченно, потом рассмеялся:

— Пикник! Ничего шутка. Я передам ее им. Они все скопом прячутся в доме. Можно подумать, что боятся растаять.

— Я уже наполовину растаял. Вот ваша почта.— Гарри протянул конверты и бандероль.— Ваш почтовый ящик поврежден.

— Какое это имеет значение,— Тони усмехнулся, будто услышал удачную остроту.

Гарри не обратил на его усмешку никакого внимания.

— Может ли кто-нибудь из вас отвезти меня в город? Моя машина попала в аварию.

— Извините. Нам нужно беречь бензин на крайний случай.

Что кроется за этой фразой? Гарри постарался не выказывать раздражения.

— Что ж, такова жизнь. Не угостите ли меня бутербродом?

— Не-а. Наступают голодные времена. Мы должны думать о самих себе.

— Не понимаю.— Гарри начинал ненавидеть усмешечку Тони.

— Молот ударил,— сказал Тони.— Истаблишмент сдох. Нет больше набора в армию. Нет больше налогов. Нет больше войн. Не будут больше сажать в тюрьму за наркотики. Не станем больше думать, кого выбирать президентом,— мошенника или идиота.— Под мокрой бесформенной шляпой Тони вновь блеснула его улыбка.— Не будет больше Дня хлама. Я подумал, что двинулся, когда увидел у ворот почтальона!

Тони действительно двинулся, понял Гарри. И попытался переменить течение разговора:

— Можно позвать сюда Хьюго Бека?

— Может, и можно.

Гарри смотрел, как Тони возвращается в дом. Есть там кто-нибудь живой? Тони никогда не казался Гарри опасным, но... если он вновь выйдет и в руках у него будет что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее винтовку, Гарри задаст деру. Любого оленя обгонит.

Из дома вышло с полдюжины людей. Одна девушка была в дождевике. Остальные одеты так, что, похоже, собрались купаться. Может, это и разумно. По такой погоде нельзя надеяться, что останешься сухим. Гарри узнал их, тут были и Тони, и Хьюго Бек, и широкоплечая и широкобедрая девушка, которая утверждала, что ее зовут Галадриль, и молчаливый гигант, имени которого Гарри не знал. Они сгрудились возле ворот, все происходящее им казалось чрезвычайно забавным.

— Что происходит?— спросил Гарри.

За последние три года значительная часть жира Хьюго Бека превратилась в мышцы, но все равно он не походил на фермера. Может быть, потому, что на нем были лишь плавки и дорогие сандалии, что он шел к воротам точно той же походкой, что и писатель Джейсон Гилкудди, когда тот шел к бару, непрерывно жестикулируя одной рукой.

— Падение Молота,— сказал Хьюго.— Вы, наверное, последний почтальон, какого мы видим. Да, именно так. Не будут больше уговаривать покупать вещи, которые тебе не по карману. Не будут более приходить дружелюбные напоминания из налоговых ведомств. Можете выкинуть свою униформу, Гарри. Истаблишмент мертв.

— Комета столкнулась с нами?

— Столкнулась.

— Ага,— Гарри не знал, верить этому или нет. Болтали, что... Но комета есть пустота, ничто. Поганый вакуум, фильтрующий сквозь себя солнечный свет. Она светится и выглядит очень мило,

если смотришь на нее с вершины холма, а рядом с тобой хорошенькая девушка. Но — вот дождь. Почему дождь?

— Ага. Значит, я вхожу в истаблишмент?

— Но ведь на вас форма, не так ли?— сказал Бек, и все рассмеялись.

Гарри опустил взгляд.

— Все равно кто-нибудь сказал бы мне это. Ладно, вы не можете ни накормить меня, ни предоставить мне машину...

— Нет больше бензина. Может быть, навсегда; никогда больше не будет бензина. Дождь погубит большую часть урожая. Вы сами, может быть, увидите это, Гарри.

— Ладно. Вы можете на пятнадцать минут одолжить мне топор?

— Тони, дай ему топор.

Тони медленно пошел к дому.

— Зачем вам нужен топор?— спросил Хьюго.

— Обрубить корни с моего посоха.

— А потом что?

Нужды отвечать не было, поскольку Тони уже вернулся, неся топор. Гарри принялся за работу. Обитатели «Графства» глядели на него. Наконец, Хьюго спросил снова:

— Так что вы теперь будете делать?

— Разнесу почту,— ответил Гарри.

— Зачем?!— вскрикнула одна из девушек, хрупкая, хорошенькая блондинка.— Все кончено, парень. Нет больше писем, адресованных вашему конгрессмену. Нет больше «Плейбоя». Нет больше налоговых анкет или... или призывов голосовать. Вы свободны! Снимайте свою форму и танцуйте!

— Мне и без того холодно. И ноги болят.

— Хорошо сказано.— Молчаливый гигант протянул через решетку ворот толстенную, домашнего изготовления сигарету. Чтобы сигарета не намокла, он прикрыл ее от дождя шляпой. Гарри увидел, что остальные недовольны этим жестом, но, поскольку никто ничего не сказал, он взял подарок. Зажигая ее и затягиваясь, он тоже прикрывал сигарету от дождя шляпой — но уже своей.

Может, они выращивали здесь «травку»? Наркотик? Гарри не спросил этого, но...

— У вас скоро начнутся перебои с бумагой.

Обитатели «Графства» переглянулись. Это им не приходило в голову.

— Не выбрасывайте эти письма. Больше Дня хлама не будет,— Гарри просунул топор через прутья решетки.— Спасибо. И за сигарету спасибо.— Гарри поднял с земли обтесанный им ствол. Посох стал легче, более сбалансированным. Гарри просунул руку в ремень сумки.

— Как бы то ни было, но это — почта. «Ни дождь, ни снег, ни жар полудня, ни тьма ночная», и так далее.

— А как насчет того, что наступил конец света?— спросил Хьюго Бек.

— Я думаю, это еще не доказано. Мне нужно доставить адресатам почту.

ПОЧТАЛЬОН: два

К числу недостатков, общих для почтовых систем Италии и США, можно отнести следующие: неэффективность и медленная доставка; устарелые методы организации; низкая производительность и низкие оклады служащих; частые забастовки; очень высокий дефицит кадров.

Роберто Вакка.
Наступление
темной эры

Гарри Роман был средних лет вдовцом. У него было два взрослых сына — ровесники Гарри, только каждый из них был вдвое крупнее Гарри. Сам Карри был почти столь же высокого роста, как и его сыновья. Трое добродушных великанов — они всегда угощали Гарри кофе. Как-то раз они отвезли Гарри в город — сообщить о поломке почтового автомобиля.

Когда Гарри добрался до ворот фермы Романов, он был переполнен самого розового оптимизма.

Ворота были, разумеется, заперты на висячий замок, но Джек Роман провел от ворот в дом звонок. Гарри нажал кнопку и стал ждать.

Дождь лил — несильный и беспрерывный. А если б дождь пошел наоборот, с земли к небу, Гарри, наверное, этого бы и не заметил. Все вокруг было — дождь.

Где же Романы? Черт, ну разумеется, у них же нет электричества. Гарри для пробы нажал кнопку снова.

Краем глаза он увидел кого-то — низко пригнувшегося, выскочившего из-за дерева. Человек этот был виден лишь мгновение, затем его фигуру скрыли кусты. Но у человека в руках было что-то вроде лопаты,— или это была винтовка? И это не был Роман: человек был слишком мал ростом.

— Пришла почта!— с воодушевлением крикнул Гарри. Кто это был, черт побери?

Звук выстрела, и одновременно что-то несильно задело на лету край сумки. Гарри бросился наземь. Он пополз, ища укрытия, и сумка возвышалась над его спиной, и что-то вновь дернуло сумку — одновременно со звуком второго выстрела. Калибр 0,22, подумал Гарри. Небольшой калибр для винтовки. Во всяком случае, для жителей долины — небольшой. Гарри заполз за ствол дерева. В ушах его отдавалось его же дыхание — очень громкое и скрежещущее, словно напильник.

Извиваясь, он скинул с плеча сумку и поставил ее наземь. Присев на корточки, вынул четыре конверта, перевязанных резиновой лентой. Пригнулся. Далее все произошло почти одновременно: Гарри метнулся к почтовому ящику Романов, опустил туда пакет, помчался к своему укрытию — снова выстрел. Но Гарри, задыхаясь, уже лежал возле своей почтовой сумки. Он пытался осмыслить происходящее.

Гарри не был полицейским, у него не было оружия, у него вообще ничего не было, с чем бы он мог прийти на помощь Романам. Вообще ничего!

И дорога для него закрыта. Там нет укрытий.

Овраг по ту сторону? Он, должно быть, доверху заполнен водой. Но все же овраг — наилучший выход. Перебежать дорогу, а потом ползти на четвереньках...

Но тогда придется оставить здесь сумку.

А почему бы и нет? Кого я обманываю? Молот опустился, и почтальоны со всей почтой теперь никому не нужны. Никому. Почему у меня появились такие мысли?

Гарри никогда не задумывался, почему он стал таким, какой есть.

— Вот почему я такой,— сказал он громко.— Жил-был индюк, который получал хорошие оценки в школе, натирая мозоли на заднице, а потом его выгнали из колледжа, и выгоняли с каждой работы, на которую он устраивался...

Вот почему я стал почтальоном, и я — почтальон, черт возьми! Гарри поднял тяжелую сумку и снова пригнулся. Вокруг было тихо. Может быть, по нему стреляли, чтобы просто прогнать? Но зачем?

Он сделал глубокий вдох. Делай это сейчас, сказал он себе. До того, как ты слишком перепугаешься, чтобы вообще что-либо делать. Гарри стремглав пересек дорогу и кинулся вниз, к оврагу. Снова раздался выстрел, но Гарри показалось, что пуля прошла далеко в сторону. Он удирал вдоль оврага, наполовину полз, наполовину плыл. Сумку он взгромоздил себе на затылок — чтобы уберечь от воды.

Больше по нему не стреляли. Благодарение Господу! От ранчо «Многих имен» его, Гарри, отделяет только полмили. Может быть, там у них есть ружья, а может быть, у них работает телефон... Да

работает ли вообще телефонная связь? Обитатели «Графства», конечно, не официальный источник информации, но они были так уверены...

— Никогда не найдешь полицейского, когда он тебе нужен,— пробормотал Гарри.

Следует быть осторожным, когда доберешься до «Многих имен». Его владельцы сейчас, возможно, немножко нервничают. А если Гарри не прав, значит, они нервничают не немножко, а множко!

Когда Гарри добрался до ранчо «Мучос номбрес», были уже сумерки. Дождь усилился, он падал наискось, низко нависшее черное небо разрывали вспышки молний.

«Мучос номбрес» занимало тридцать акров холмистых пастбищ, усеянных столь обычными в этих местах большими белыми булыжниками. Этим ранчо владели совместно четыре семьи, и члены двух из них иногда приглашали Гарри испить кофе. В том положении, в каком оказался Гарри, для него было важно, какая семья в данный момент владеет ранчо. Но он не знал, чья очередь сейчас наступила. Каждая семья владела ранчо одну неделю из четырех, они использовали его как место отдыха. Иногда они вообще не появлялись здесь, иногда приезжали вместе с гостями. Владельцы никак не могли договориться, как назвать свое ранчо, и, наконец, остановились на «Мучос номбрес». Но испанское название было достаточно прозрачным и не вводило никого в заблуждение.

Гарри проявил необычную для себя застенчивость. Он прокричал свое: «Пришла почта!» и начал ждать, что ему кто-то ответит. Наконец, он открыл ворота и вошел на территорию ранчо.

С величайшей опаской он дошел до двери дома. Постучал.

Дверь открылась.

— Почта,— сказал Гарри.— Здравствуйте, мистер Фрихафер. Извините, что я так поздно, но так уж сложились обстоятельства.

В руке у Фрихафера был пистолет. За его спиной танцевали огоньки свечей. Комната, казалось, была набита народом, и вид у них всех, похоже, был очень настороженный.

— Да ведь это Гарри,— сказала Дорис Лилли.— Все в порядке, Билл. Это почтальон Гарри.

Фрихафер опустил пистолет.

— Прекрасно, очень рады видеть вас, Гарри. Входите. Так что у вас за обстоятельства?

Гарри вошел в дом, оставив дождь снаружи. Теперь он увидел еще одного мужчину. Мужчина отложил в сторону дробовик и начал прохаживаться взад-вперед возле дверного косяка.

— Почта,— сказал Гарри и вытащил два журнала — обычную почту для «Многих имен».— Возле дома Карри Романа кто-то стрелял в меня. Я не знаю, кто. Мне кажется, что Романы попали в беду. Ваш телефон работает?

— Нет,— сказал Фрихафер.— Мы не можем никуда позвонить.

— Понятно. А моя машина сломалась, и уж не знаю, на что похожи сейчас дороги. Вы не можете предоставить мне ненадолго кровать или хоть ковер, что у вас на полу? И что-нибудь поесть?

На ответ решились не сразу, это было заметно.

— Боюсь, что только ковер, Гарри,— сказал, наконец, Фрихафер.— И лишь суп с бутербродом. У нас тут некоторые затруднения.

— Да я готов съесть ваши старые башмаки,— сказал Гарри.

Ему дали консервированный томатный суп и подогретый в гриле бутерброд с сыром, и на вкус это было божественно. Жуя, глотая, Гарри слушал, что ему рассказывали. Фрихаферы хотели уехать отсюда во вторник, и уже было пустились в путь, но увидели, что небо сходит с ума, и вернулись. Одновременно приехали и Лилли: наступила их очередь. С Лилли были их двое детей и гости, Роденберри. Когда наступил конец света, Роденберри были еще в кроватях. Нет, никто из тех, кто сейчас на ранчо, не пытался добраться до города. До города, где есть магазины.

— Почему «конец света»?— спросил Гарри.

Ему объяснили. Ему показали журналы, которые он принес. Журналы были насквозь мокрыми, но прочесть их было еще можно. Гарри прочитал интервью, проведенные с Сагановым, Азимовым и Шарпсом. Он прочел их мнения о том, что произойдет, если Земля столкнется с кометой.

— Но все они считали, что она пройдет мимо,— сказал Гарри.

— Она не прошла мимо,— ответил Норман Лилли. Бывший футболист, он работал теперь в страховом агентстве. Широкоплечий человек-гора, он по-прежнему усиленно занимался спортом.— И что теперь делать? Мы привезли сюда на всякий случай кой-какие семена и сельскохозяйственное оборудование, но не взяли с собой никаких пособий и справочников. Может, вы разбираетесь в сельском хозяйстве, Гарри?

— Нет. И — у меня был тяжелый день...

— Верно. Нет смысла зря жечь свечи,— сказал Норман.

Все постели, одеяла, кровати были уже распределены. Гарри провел ночь на толстом ковре, укрывшись двумя громадных размеров пляжными халатами Нормана Лилли. И вместо подушки — валик от кресла. Он устроился вполне комфортабельно, но долго не мог заснуть, вздыхал и ворочался.

Молот Люцифера? Конец света? Гарри все продолжал ползти по грязи, а пули впивались в его почтовую сумку, разрывая письма. Всплывший в памяти кошмар не давал уснуть, и кошмар этот ему не привиделся, он был — правда.

* * *

Проснувшись, Гарри начал считать сутки. Первую ночь он провел в машине. Вторую — у Миллеров. Эта ночь была третьей. Прошло уже трое суток, как он должен был явиться на работу и отчитаться.

Это наверняка конец света. Волк разыскивает его, и взбешен он до крайности. Но не разыскал. Линии электропередачи разрушены. Телефоны не работают. Бригады ремонта дорог не появляются. Итак, падение Молота. Конец света. Это на самом деле произошло.

— Проснись и пой!— веселье в голосе Дорис Лилли было явно наигранным.— Проснись и пой! Идите завтракать, или мы выбросим вашу порцию за окно.

Завтрак обильным не был. Обитатели ранчо поделились с Гарри, и это было с их стороны чрезвычайно великодушным. Дети Лилли, восьми и десяти лет, глазели на взрослых. Один из них выразил недовольство тем, что телевизор не работает. Никто не обратил на его жалобу никакого внимания.

— Так что теперь?— спросил Фрихафер.

— Нам нужна пища,— сказала Дорис Лилли.— Необходимо найти какую-нибудь пищу.

— И где вы предлагаете ее искать?— спросил Билл Фрихафер. Но спросил без иронии.

Дорис пожала плечами.

— В городе? Может быть, дела обстоят не так плохо, как... Может быть, они обстоят не так плохо.

— Я хочу посмотреть телевизор,— сказал Фил Лилли.

— Он не работает,— рассеянно бросила Дорис.— Я считаю, что нужно ехать в город и выяснить, что там происходит. Заодно мы сможем отвезти Гарри.

— Я хочу посмотреть телевизор!— завизжал Фил.

— Заткнись,— сказал его отец.

— Хочу!— настаивал мальчишка.

Бац! Громадная ладонь Нормана Лилли врезалась в лицо сына.

— Норм!— закричала его жена. Ребенок заплакал, но больше от удивления, чем от боли.— Ты никогда до сих пор не бил детей...

— Фил,— холодно и не вызывающим сомнений тоном сказал Лилли.— Теперь все изменилось. Тебе лучше понять это. Когда мы говорим тебе, чтобы ты вел себя тихо, ты должен вести себя тихо. Тебе и твоей сестре теперь придется многому научиться, причем научиться быстро. И вот что: уйдите в другую комнату.

Дети мгновение колебались, не зная, стоит ли слушаться. Норман замахнулся. Дети глянули на него и, испугавшись, удрали.

— Сильнодействующее лекарство...— сказал Билл Фрихафер.

— Сильнодействующее,— рассеянно отозвался Норм.— Билл,

вам не кажется, что лучше было бы посмотреть, что происходит у наших соседей?

— Пусть полиция...— Билл Фрихафер оборвал начатое.— Ну, ведь может быть, еще существует полиция.

— Угу. И от кого же теперь должны полицейские получать приказы?— спросил Лилли. Перевел взгляд на Гарри.

Гарри пожал плечами. Возможно, от местного мэра? Шерифа в Сан-Иоаквине не было, и, возможно, дождь приведет к тому, что вся долина окажется под водой.

— Может быть, от сенатора?— сказал Гарри.

— Ну да, за тем холмом ведь живет Джеллисон,— подтвердил Фрихафер.— Возможно, мы бы могли... Господи, не знаю, Норм. Что мы могли бы сделать?

Лилли пожал плечами:

— Во всяком случае, могли бы посмотреть. Гарри, вы знаете тех, кто живет там?

— Да...

— У нас есть две машины. Гарри и я заглянем к соседям. А вы, Билл, отвезете всех остальных в город. Договорились?

На лице Гарри отразилось сомнение:

— Я уже оставил им их почту...

— Иисусе,— сказал Билл Фрихафер.

Норман Лилли поднял огромную руку.

— Он прав, и вы это знаете. Но рассмотрим это под чуть иным углом, Гарри. Вы почтальон.

— Да...

— Ваша деятельность может оказаться для всех поистине бесценной. Только почты больше не будет. Во всяком случае, больше не будет писем, газет и журналов. Но по-прежнему будет нужда в тех, кто передает информацию. Кто-то ведь должен поддерживать связь между людьми. Правильно?

— Похоже на то,— согласился Гарри.

— Хорошо. Вы будете нужны людям. Более, чем когда бы то ни было прежде. И вот первое сообщение, которое вы должны передать. Первое после кометы. Передайте Романам наше сообщение. Мы хотим им помочь и поможем, если это в наших силах. Они наши соседи. Но мы не знакомы с ними, точно так же, как они не знакомы с нами. Если у них неприятности, они должны с подозрением относиться ко всем незнакомым. Кто-то должен объяснить им, кто мы такие. Это сообщение стоит того, чтобы его передали, не так ли?

Гарри обдумал сказанное. В словах Нормана был явный смысл.

— Вы меня отвезете в город после того, как...

— Конечно. Пора отправляться в путь.— Норм Лилли вышел из комнаты и вскоре вернулся, принеся с собой ружье для охоты на

оленей и пистолет.— Умеете пользоваться чем-нибудь из этого, Гарри?

— Нет. И не желаю уметь. Я считаю, что оружие — это плохо.

Лилли кивнул и положил пистолет на стол.

Билл Фрихафер хотел было что-то сказать, но Лилли взглядом прервал его.

— О'кей, Гарри, в путь.

И Норм никак не отреагировал, когда Гарри отнес в машину свою почтовую сумку.

Они двинулись в путь. Проехали уже полдороги, когда Гарри хлопнул легонько по своей сумке и — чуть сам не рассмеявшись — сказал:

— Вы не стали смеяться надо мной.

— Как я могу смеяться над человеком, имеющим цель жизни?

Машина подъехала к воротам. Они вышли. Письма из почтового ящика исчезли. Но висячий замок был по-прежнему на своем месте.

— Что теперь?— спросил Гарри.

— Хороший вопр...

Выстрел пришелся Норму Лилли точно в грудь. Лилли успел только дернуть ногами — и умер. Гарри потрясенно замер на миг, затем помчался через дорогу — к канаве. Головой вперед он нырнул в канаву, прямо в грязную воду, забыв и о почтовой сумке, и о том, что он промокнет до нитки, забыв обо всем. А потом побежал обратно к «Многим именам».

Впереди раздались чьи-то голоса — сразу за тем вон поворотом... И кто-то бежал за Гарри сзади. На этот раз бандиты не собирались упустить его. В отчаянии Гарри полез через насыпь, в сторону от дороги, и начал карабкаться вверх по склону холма. Сумка цеплялась за что-то и мешала. Ботинки тонули в грязи, скользили. Царапая ногтями землю, Гарри все полз вверх.

Бах!— выстрел прозвучал очень громко. Гораздо громче, чем вчера, когда стреляли из винтовки 0,22 калибра. Может быть, на этот раз дробовик? Гарри продолжал лезть. Добрался до того места, где подъем образовывал горизонтальную складку, и кинулся бежать.

Он не знал, преследуют ли его еще. Не смел и задуматься над этим. И он не собирается более туда возвращаться. Он не мог забыть выражения удивления, появившегося на лице Нормана Лилли. Великан сломался пополам и умер раньше, чем его тело коснулось земли. Кто эти люди, стреляющие без предупреждения?

Склон холма вновь сделался круче. Но земля здесь была более твердая: не столько грязь, сколько камень. Сумка, похоже, потяжелела. Набралась в нее вода? Вероятно, так. Так зачем тащить ее?

Потому что это почта, глупый ты дурак, сказал сам себе Гарри.

* * *

«Куриным ранчо» владела пожилая чета. Когда-то в прошлом у них был свой бизнес в Лос-Анджелесе. Ферма была полностью автоматизирована. Куры находились в маленьких клетках, по размеру не намного превышающих размеры самих кур. Яйца выкатывались из клеток прямо на конвейерную ленту. Вторая лента доставляла курам корм. Вода в клетках постоянно пополнялась. Это была не ферма, а фабрика.

И, видимо, курам такая жизнь казалась раем. Все их проблемы были разрешены, не надо было ни за что бороться. Куры не слишком умны, а тут они получали столько пищи, сколько могли съесть, им не угрожали койоты, у них были чистые клетки (еще одна автоматизированная система)...

И все же это было дьявольски скучное существование.

«Куриное ранчо» было расположено за следующим холмом. Но раньше, чем Гарри дошел до фермы, он увидел кур. Они озадаченно шастали под дождем, среди мокрой травы, долбили клювами землю, ветки кустов и ботинки Гарри, они пронзительно и заунывно кудахтали, требуя от Гарри указаний, что делать. Гарри остановился. Что-то тут не так. Произошло что-то ужасное. Синаньяны никогда не выпускали из клеток своих кур.

Здесь тоже? Неужели эти выродки заявились и сюда тоже? Гарри не знал, что делать, и к его ногам жались куры.

Нужно узнать, что произошло. Это входит в его обязанности. Он теперь и репортер, и почтальон, и городской глашатай, и передатчик новостей. А если нет, то он, Гарри, вообще никто. Он стоял, окруженный курами, ему было страшно. И, наконец, он пошел к ферме.

Весь куриный корм был рассыпан по полу сарая. Осталось его немного. Все клетки были открыты. Нет, это не случайность. В сопровождении пронзительно кудахтающих кур Гарри прошел в глубину сарая. Ничего. Он вышел и направился к дому.

Дверь дома была раскрыта настежь. На крик Гарри никто не ответил. Поколебавшись, Гарри вошел в дом. В доме было почти темно: шторы и занавески опущены, а свет не горит. Гарри вошел в комнату.

Здесь и находились Синаньяны. Они сидели в креслах. Глаза их были открыты. И они не двигались.

В виске у Амоса Синаньяна зияла оставленная пулей рана. Глаза его выкатились, в руке он сжимал маленький пистолет.

На теле миссис Синаньян ран видно не было. Сердечный приступ? Какой бы смертью не умерла миссис Синаньян, смерть ее была мирной. Черты ее лица не были искажены, вся ее одежда была

заботливо приведена в порядок. Она смотрела в пустой экран телевизора. Похоже, что она была мертва уже дня два, может, больше — кровь, вытекшая из головы Амоса, еще не совсем высохла. Его смерть наступила, самое раннее, сегодня утром.

Никакой записки, объясняющей происшедшее, никакого намека. Не существовало человека, из-за которого Амосу стоило бы утруждать себя объяснениями, у Синаньянов никого не было. Амос выпустил кур и застрелился.

На то, чтобы осознать все это, у Гарри ушло много времени. Наконец он вынул пистолет из руки Амоса. Рука была не такой окоченелой, какой, казалось бы Гарри, она должна быть. Он опустил пистолет в свой карман и принялся за поиски. Наконец он нашел то, что искал: коробку с патронами. Эту коробку он тоже положил в карман.

— Дело почты — доводить начатое до конца, черт возьми,— сказал он. В холодильнике он обнаружил жареное мясо. Все равно его долго не сохранишь, испортится, поэтому Гарри, не откладывая, съел его. Газовая плита была в порядке. Гарри не знал, сколько пропана осталось в баллоне, впрочем, это не имело никакого значения. Синаньяны этой плитой пользоваться больше не будут.

Он вытащил почту из сумки и осторожно положил на плиту — подсушить. Циркуляры и оповещения различных магазинов — вот проблема: что с ними делать? От заключенной в них информации пользы теперь никакой, но, может быть, людям пригодится бумага, на которой они напечатаны? Гарри пошел на компромисс: выкинул самые тощие брошюры, и те, что напечатаны на тонкой непрочной бумаге, и те, которые совсем уже промокли; остальное оставил.

На кухне он обнаружил запас пластиковых мешков и заботливо рассовал свою почту по мешкам: на каждое почтовое отправление свой мешок. Последние пластиковые мешки на Земле, сказал ему чей-то тихий голос. «Да, это так»,— продолжая рассовывать конверты, ответил Гарри. Нужно сохранить эти мешки. Люди получат свою почту, но мешки принадлежат службе.

Покончив с почтой, он начал думать, что делать дальше. Этот дом может еще пригодиться. Отличный дом, построенный не из дерева, а из бетона и камня. Сарай тоже каменный. Земля здесь не слишком хороша (по крайней мере, так утверждал Амос), но кому-нибудь могут понадобиться сами строения. «Даже мне»,— подумал Гарри. Ему понадобится какое-либо пристанище в промежутках между обходами.

А отсюда вывод: нужно что-то сделать с трупами. Гарри не воодушевляла перспектива рыть две могилы. И уже наверняка, черт возьми, он не собирался вытаскивать тела за ворота на поживу койотам и стервятникам. А имеющегося запаса сухого дерева не хватило бы и на то, чтобы кремировать мышь.

Наконец, он вышел из дома. Нашел старый грузовичок-пикап. Ключи торчали в замке зажигания, двигатель завелся мгновенно. Звук мотора — ровный, хороший. В сарае стояла цистерна с бензином. Гарри тщательно заполнил бак грузовичка, налил две канистры. Затем завалил цистерну всяким хламом: спрятал.

Он вернулся в дом и разыскал старые простыни, чтобы завернуть в них тела. Затем подогнал грузовичок к входной двери. Куры сновали вокруг его ног, пока он, напрягая все силы, выносил тела и укладывал их на днище грузовика. Под конец Гарри нагнулся и быстро свернул шеи шести курам, прежде чем остальные поняли, что происходит. И закинул тушки в кузов, рядом с телами Синаньянов.

Он обошел вокруг дома, тщательно запирая окна и двери. Положил взятые у Амоса ключи в свой карман и поехал.

Ему еще надо закончить развозку почты. Но до этого он обязан сделать еще кое-что, в том числе и похоронить тела Синаньянов.

ВЕРДИКТ: один

Безусловно, в грядущей темной эре для свободного общества настанут нелегкие времена. Быстрый возврат к всеобщей нищете будет сопровождаться взрывом насилия. Человечество ждут такого рода жестокости, о которых в настоящее время уже забыли. Мощь закона окажется резко ограниченной, либо вообще исчезнет. Это произойдет либо вследствие уничтожения (или исчезновения) всего государственного механизма, либо вследствие тех трудностей, которые возникнут в сфере коммуникаций и транспорта. Окажется возможным лишь передать функции руководства и управления местным властям, которые смогут поддерживать порядок исключительно путем насилия...

Роберто Вакка.
Наступление
темной эры

Утро падения Молота сенатор Артур Джеллисон пребывал в дурном настроении. Единственно, с кем он смог связаться в ИРД, были сотрудники отдела по связям с общественностью. Но они не знали ничего, о чем бы уже не сообщалось по радио и телевидению.

Не существовало никакой возможности добраться до Чарли Шарпса. Следовало бы как-то добиваться этого, но вообще-то у сенатора Джеллисона не было привычки отрывать людей слишком занятых, чтобы беседовать с ним. Наконец он решил подключить свой телефон в сеть переговоров космоцентра. Чтобы услышать, о чем сообщают астрономы.

Пользы это особой не принесло, все заглушали атмосферные помехи. Прямая телевизионная передача видна была тоже очень плохо. Столкнется эта проклятая комета с Землей или нет?

Если столкнется, значит, Джеллисон многое обязан был заранее сделать, но он этого не сделал. Не сделал потому, что ему не хотелось выглядеть дураком в глазах своих избирателей. Он не мог позволить себе такого, даже в глазах избирателей этой долины, где он обычно собирал восемьдесят процентов голосов. С собой сенатор прихватил сюда членов своей семьи, двух помощников... и столько всяческого оборудования и снаряжения, сколько мог купить, не привлекая излишнего внимания. Это было все, что он мог сделать. Сейчас все, кто приехал с сенатором, находились в этом доме — в большинстве вместе с ним в этой комнате.

Подключенный к телефонной сети репродуктор заговорил. Голос Джонни Бейкера, и Маурин тут же насторожилась. Джеллисон уже давно знал о ее взаимоотношениях с Джонни, но он не думал, что Маурин хотя бы подозревает о том, что он в курсе. Теперь Бейкер развелся, кроме того, именно он был назначен в полет на «Молотлэб». Может быть, когда он вернется из полета... Вот это было бы хорошо. Маурин нужен кто-нибудь. Мужчина.

И Шарлотте нужен кто-нибудь, только она думает, что он у нее уже есть. Джеллисону не нравился Джек Турнер. Его зять был слишком смазлив, слишком любил поговорить о своих наградах, завоеванных в соревнованиях по теннису, и не слишком любил отдавать взятые в долг деньги. «Займы» эти (и немалых размеров) он выпрашивал каждый раз, когда его дела шли не так хорошо, как хотелось бы. А они почти никогда не шли хорошо. Но похоже, Шарлотта счастлива, живя с ним, и дети у них растут хорошие, а Маурин старится — так что, возможно, кроме детей Шарлотты других внуков у него не будет. Джеллисон все же продолжал надеяться, что появятся у него и внуки — дети Маурин.

— Ничего не разглядеть,— сказал Джек Турнер.— Ну и картинка.

— Дедуля сделает нам хорошие картинки,— сказала своему отцу девятилетняя Дженнифер Турнер. Она уже знала, что ее дедушка умеет делать всякие фотографии и всякие прочие штуки, показывая которые, можно произвести большое впечатление на своих одноклассников. Нужно отметить, что Дженнифер прочла все, что могла достать, о кометах.

— «Молотлэб», говорит Хаустон. Мы не получили вашего сообщения,— сказал репродуктор.

— Дедуля...

— Тихо, Дженни,— сказала Маурин. Волнение, прозвучавшее в ее голосе, заставило всех притихнуть. Картинка на экране телевизора прыгала, кривилась самым невозможным образом, расплывалась. Потом изображение вдруг сделалось четче, и сидящие в комнате увидели множество каменных глыб, окутанных туманом и паром, несущихся с экрана прямо на них.

— Господи, ядро все же приближается!

— Это Джонни...

— Похоже, что оно столкнется с Землей...

Изображение на экране исчезло. Репродуктор, включенный в телефонную линию, продолжал передавать:

— Над нами шаровая молния!

— Хаустон! Хаустон, на Мексиканский залив пришелся сильный удар...

— Господи Боже!

— Заткнитесь, Джек,— тихо сказал Джеллисон.

— ...Просим вас выслать вертолет за нашими семьями...

— ...Молот падает...

— Ты не должен говорить с Джеком в таком тоне...

Джеллисон не обратил внимания на слова Шарлотты.

— Эл!— крикнул он.

— Слушаю, сэр,— из соседней комнаты отозвался Харди. Быстро вошел в комнату, где находился сенатор.

— Зовите сюда всех работников фермы. Быстро. Пусть их привозят все, у кого есть машины. Доставить сюда винтовки. Действуйте.

— Хорошо,— и Харди исчез.

Все находившиеся в комнате были ошеломлены.

— Что случилось, дедушка?— тихо и протяжно спросила Дженнифер.

— Не знаю,— ответил Джеллисон.— Не знаю, насколько плохо то, что случилось. Чертов телефон молчит. Маурин, попробуй, не сможешь ли ты дозвониться хоть как-нибудь, хоть до кого-нибудь в ИРД. Вот по этому телефону. Действуй.

— Хорошо.

Потом Джеллисон перевел взгляд на Джека Турнера. Турнера в долине не знают. Никто не будет выполнять его распоряжений. Как же его использовать?

— Джек, выводите какой-нибудь из «скаутов». Я поеду в город. Мне нужно увидеться с шефом полиции. И с мэром.

Турнер хотел было что-то сказать, но, увидев лицо Джеллисона, не решился.

— Вообще не могу связаться с Лос-Анджелесом, папа,— сказала Маурин.— Телефон работает, но...

Слова ее были прерваны землетрясением. Оно было не слишком сильным, поскольку большой калифорнийский разлом находился далеко отсюда. И все же оно было достаточно сильным, чтобы дом затрясся. Лица детей выражали испуг, и Шарлотта, тут же занявшись ими, отвела их в спальню.

— Я могу попробовать позвонить по местным телефонам,— прекратила свои попытки Маурин.

— Хорошо. Позвони в местную полицию и скажи им, что я еду в город, чтобы поговорить с их шефом и мэром. Скажи им, что это важно, и что я уже выехал. Идемте, Джек. Маурин, когда Эл соберет рабочих, ты и Эл поговорите с ними. Скажите, что нам нужны как они сами, так и каждый их друг, что нам понадобятся все их машины, все оружие, какое у них есть. И многое другое. Что предстоит многое сделать. Половина их пусть отправится в город и там пусть разыщут меня. Остальные останутся здесь — на случай ураганов, оползней и так далее.— Джеллисон поразмышлял мгновение.— Их помощь понадобится и в том случае, если начнется снегопад. Если Чарли Шарпс знает, о чем он говорит, то в течение этой недели должен начаться снегопад.

— Снегопад? Чушь,— запротестовал Джек Турнер.

— Хорошо,— сказала Маурин.— Еще что-нибудь, папа?

* * *

Здание городского совета помимо прямых своих функций выполняло еще и добавочные: в нем размещались библиотека, тюрьма и полицейский участок. Шеф местной полиции (или просто «шеф») имел в своем распоряжении двух штатных полицейских и несколько неоплачиваемых помощников-добровольцев. Мэр являлся владельцем местного магазина кормов. Органы управления Серебряной долины не были ни слишком раздутыми, ни слишком загруженными.

Дождь начался раньше, чем Джеллисон добрался до здания городского совета. Широкие полосы молний вспыхивали над восточной частью Хай-Сьерры. Дождь — будто хлынула теплая вода из переполненной ванны. Улицы тут же покрылись водой. Потоки бежали поверх невысоких мостов, перекинутых через речки. Вид у мэра Джила Зейца был озабоченный. Он, похоже, очень обрадовался, увидев сенатора Джеллисона.

В большом зале библиотеки собралось еще с дюжину народа. Шеф полиции Рэнди Хартман, отставной полицейский одного из больших городов восточного побережья. Три городских советника. Двое владельцев местных магазинов. Джеллисон узнал мужчину с бычьим загривком, сидевшего почти с краю, и приветственно пома-

хал ему рукой. Сенатору не слишком часто приходилось встречаться со своим соседом Джорджем Кристофером.

Джеллисон представил своего зятя и пожал руки присутствующим. В зале воцарилась тишина.

— Что происходит, сенатор?— спросил мэр.— Эта... эта штука действительно столкнулась с нами? Так?

— Да,— ответил Джеллисон.

— Я просматривал журнальные статьи об этом,— задумчиво пробормотал мэр Зейц.— Ледники. Восточное побережье уничтожено.— Грохнул раскат грома, и Джил Зейц махнул рукой в сторону окна.— Я раньше не верил, что такое случится. А теперь должен поверить. Сколько будет продолжаться этот дождь?

— Не одну неделю,— сказал Джеллисон.

Его слова отрезвили присутствующих. Все они были фермерами — или просто жили в общине, где сельское хозяйство (и погода, естественно, ибо сельское хозяйство всецело зависит от погоды) составляло наиболее важную тему разговоров. Все они понимали, что натворит дождь, непрерывно льющий в течение нескольких недель.

— Животные погибнут от голода,— сказал Зейц. На его лице мелькнула было мимолетная улыбка: в голову пришла мысль о ценах, которую он может заломить за свой товар, но он тут же насупил брови: окончательно понял, что произошло.— Насколько велики окажутся разрушения? Уцелеют ли автомобили? Поезда? Смогут ли доставлять людям продовольствие? И корма?

Джеллисон помолчал мгновение.

— Ученые говорили мне, что этот дождь будет идти над территорией всей страны,— сказал он медленно.

— Господи Боже!— ахнул мэр.— Никому не удастся собрать в этом году урожай. Никому. У людей будет только то, что уже хранится в элеваторах и амбарах.

— И мне кажется, что никто не поторопится уделить нам слишком много из того, чем он владеет,— заметил Джордж Кристофер. Все кивнули в знак согласия.— Если дела обстоят настолько плохо... Они действительно обстоят настолько плохо?

— Не знаю,— сказал Джеллисон.— Весьма вероятно, что они обстоят гораздо хуже, чем мы полагаем.

Зейц обернулся, рассматривая большую контурную карту на стене зала. На карте были изображены Туларе и смежные округа.

— Иисусе, сенатор, что же нам делать? Такой дождь, как этот, приведет к тому, что вся Сан-Иоаквин будет заполнена водой. Переполнена. А ведь там живет много народу. Очень много.

— И все они в поисках более возвышенных мест хлынут сюда,— добавил Джордж Кристофер.— Где мы их разместим? Чем мы их накормим? Мы не можем делать ни того, ни другого.

Джеллисон присел на край библиотечного стола.

— Джил, Джордж, я всегда подозревал, что вы более умны, чем хотите показать. То, о чем вы сказали, и есть, несомненно, основная стоящая перед нами проблема. Полмиллиона, а может быть, и больше тех, кто находится в Сан-Иоаквине, кинутся искать возвышенности. Много народа сейчас в Сьерре, они ушли туда из страха перед кометой. Спускаясь с гор, они тоже направятся сюда. Сюда двинутся и жители Лос-Анджелеса. Что нам делать с ними со всеми?

— Давайте говорить откровенно,— сказал один из городских советников.— Это бедствие, но раз вы говорите, что...— он на мгновение замолчал, не в силах докончить начатую фразу.— Вы говорите, что армии, президента, Сакраменто[1]— всего этого больше нет? Мы навсегда оказались предоставленными сами себе? Навсегда?

— Может быть, так,— сказал Джеллисон,— а может быть, нет.

— Тут большая разница,— сказал Джордж Кристофер.— Мы можем взять под свою опеку всех этих людей на неделю. Может быть, на две. Но не дольше. Если дольше, то кое-кому придется погибнуть голодной смертью. Кому именно? Всем нам, поскольку мы попытаемся сохранить жизнь слишком многим людям? И всего лишь на две недели?

— Да, вот в чем проблема,— согласился мэр Зейц.

— Я не буду кормить никого из них,— гранитным голосом сказал Джордж Кристофер.— У меня есть о ком я должен заботиться.

— Вы не можете... не можете просто так отказаться от того, что вы обязаны делать,— сказал Джек Турнер.

— Не думайте, что у меня есть лишнее, чтобы кормить чужаков,— ответил Кристофер.— Тем более, что им все равно предстоит умереть.

— Некоторых из них кормить уже не придется,— сказал шеф Хартман. Указал на карту.— Портервилль и Визалия расположены в руслах бывших рек. Они будут затоплены наводнением. При таком дожде... сомневаюсь, что плотины продержатся слишком долго.

Все посмотрели на карту. Хартман был прав. Над Портервиллем нависло озеро Саксесс. Миллиарды галлонов воды были готовы обрушиться на город. Визалия, расположенная дальше к северу, находилась не в лучшем положении.

— Не просто дождь,— сказал мэр Зейц.— Теплый дождь, а на горах еще лежит снег. Видимо, весь этот снег сейчас тает. Он наверняка растает к сегодняшнему полудню...

— Мы обязаны предупредить живущих там людей!— сказал Джек Турнер.

— Обязаны?— спросил один из городских советников.

— Конечно, обязаны,— сказал шеф Хартман.— Но чем мы бу-

---

[1] столица Калифорнии.

дем кормить их всех, когда они хлынут сюда? Запасами из магазина Гранта Мэйсона?

По залу пронеслось бормотание голосов.

— Сколько времени продержатся эти плотины?— спросил Джеллисон.— Они смогут продержаться весь сегодняшний день?

Этого никто наверняка не знал. Телефон не работал, так что с соответствующими специалистами связаться было невозможно.

— Что вы задумали, сенатор?— спросил шеф Хартман.

— Есть ли у нас время, чтобы доехать дотуда? Успеем ли мы обшарить расположенные там супермаркеты, склады кормов, магазины скобяных товаров и так далее до того, как плотины рухнут?

Наступило долгое молчание. Затем один из городских советников встал.

— Я уверен, что сегодняшний день плотина продержится. И если вода не станет прибывать слишком быстро, мой автомобиль пройдет где угодно. У меня большой десятиколесный автомобиль. Поеду я.

— Не в одиночку,— сказал Джеллисон.— И не безоружным.

— Я пошлю с ним моих полицейских,— сказал Хартман.

— И что будем делать с нашей добычей?— спросил Джордж Кристофер.

— Разделим между собой,— ответил Джеллисон.

— Разделим. Но если вы делитесь со мной, это означает, что вы ожидаете, что я поделюсь с вами,— заявил Кристофер.— Не уверен, что мне это нравится.

— Черт побери, Джордж, мы теперь должны держаться вместе,— сказал мэр Зейц.

— Мы? Кто это «мы»?— спросил Кристофер.

— Все мы. Ваши соседи. Ваши друзья,— сказал один из городских советников.

— С этим я согласен,— ответил Кристофер.— Мои соседи. Мои друзья. Но я не стану раздавать то, чем владею, толпам пришельцев с равнины. Тем более что им все равно предстоит погибнуть.— Похоже, великану было трудно найти нужные слова, чтобы объяснить свое решение.— Послушайте, в моем сердце не меньше милосердия, приличествующего христианину, чем у любого из вас. Но я не стану обрекать своих близких на голодную смерть, чтобы помочь тем.— И Кристофер направился к выходу.

— Куда вы собрались, Джордж?— спросил шеф Хартман.

— Сенатор подал хорошую идею. Я прихвачу с собой брата, и мы на моей машине съездим вниз. Там много всякого имущества, которое впоследствии нам пригодится. Нет смысла оставлять его просто так — до тех пор, пока рухнет плотина, и Кристофер, прежде чем кто-либо успел ему слово сказать, вышел.

— Вам с ним придется туго,— сказал мэр Зейц.

— Мне?— сказал Джеллисон.

— Конечно, а кому же еще? Я лишь владелец магазина кормов, сенатор. Я могу именовать себя мэром, но для того, что происходит, я не гожусь. Мне кажется, что настала ваша очередь. Правильно?

Все собравшиеся в зале единодушным хором выразили одобрение.

* * *

Джордж Кристофер и его брат Рэй катили по шоссе к Портервиллю. Озеро Саксесс лежало справа, песчаные наносы громоздились слева. Не утихая лил дождь. Вода озера уже поднялась почти до уровня моста. Сползшие со склонов кучи грязи сплошь покрывали дорогу. Огромный сельскохозяйственный грузовик мчался, не замедляя хода, через кучи скопления грязи.

— Движение тут не слишком оживленное,— сказал Рэй.

— Пока нет.— Джордж вел машину — мрачный, наклонив бычью шею к рулевому колесу, рот его превратился в прямую линию.— Но долго это не протянется. Все эти люди, удирая к возвышенностям, они хлынут именно по этой дороге...

— В большинстве они остановятся в Портервилле,— сказал Рэй.— Как-никак на пару сотен футов выше Сан-Иоаквина.

— Был выше,— отозвался Джордж.— С этими землетрясениями ничего сказать наверняка уже нельзя. Сдвиги поверхности, одни участки движутся вверх, другие вниз. Во всяком случае, когда рухнет плотина, Портервиллю конец. Надолго там люди не останутся.

Рэй ничего не сказал. Он никогда не спорил с Джорджем. Джордж единственный из всех членов семьи учился в колледже. Джордж не закончил колледж, но все же за время своего пребывания там кое-чему научился.

— Рэй, чем все эти люди будут питаться?— внезапно спросил Джордж.

— Не знаю...

— Ты готов увидеть, как твои дети умирают от голода?— жестко спросил Джордж.

— До этого не дойдет.

— Не дойдет? Здесь все будет забито людьми. Соленый дождь зальет Сан-Иоаквин. Сан-Иоаквин лежит низко, вся долина будет заполнена водой. Портервилль смоет, когда плотина рухнет. Люди кинутся к возвышенностям, то есть в наши места. Они будут всюду, разобьют свои лагеря на дорогах, набьются в здания школ, сараи и амбары. Они будут всюду. И все голодные. Для первых прибывших пищи более чем хватит. На какое-то недолгое время наскребем еды для всех — но именно на недолгое время. Рэй, ты способен видеть голодного ребенка и не накормить его?

Рэй ничего не ответил.

— Обдумай это. Пока хватит пищи, мы будем кормить их. Сможешь ли ты гнать людей от своего дома, пока у тебя еще сохранился скот? И готов ли ты пустить своих псов на жаркое, чтобы накормить орду портервилльских хиппи?

— В Портервилле нет никаких хиппи.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Рэй обдумал сказанное Джорджем. Через Портервилль пройдут громадные толпы. К северу и к югу от Портервилля расположены города с десятимиллионным населением каждый. И если выживет хотя бы один из десяти тысяч... один из десяти тысяч сумеет добраться до Портервилля, а потом повернет к востоку...

Рот Рэя тоже сжался суровой прямой линией, как у его брата. Словно толстые веревки, вздулись на шее жилы. Они оба были великанами; вся их семья отличалась высоким ростом. Когда Джордж и Рэй были моложе, они иногда специально заходили в бары, где собиралось хулиганье, чтобы подраться. Как-то раз их отлупили, они ушли и вернулись, приведя с собой двоих младших братьев. После этого случая им очень редко удавалось найти желающих с ними подраться.

И образ мыслей у них был одинаковый, только до Рэя все доходило более медленно. Теперь он видел: тысячи чужаков, словно саранча, заполнили все окрестности. Чужаки самого разнообразного возраста, роста и облика — профессора университетов, социологи, актеры телевидения, спортивные арбитры, писатели, психиатры, архитекторы, модельеры... Громадные орды людей, навсегда потерявших свою работу. Людей, не имеющих ни пристанища, ни профессии, ни нужных здесь знаний и навыков, ни нужных здесь орудий труда. Они — как саранча, а с саранчой следует бороться. Но вот как поступить с детьми? Пришельцев можно прогнать, но — дети?

— Так что будем делать?— наконец спросил Рэй.

— Если они не доберутся до наших мест, отпадают все проблемы,— ответил Джордж. Оглядел нависающие над дорогой холмы.— Если примерно сто тонн грязи и камней перегородят дорогу вон в том месте, впереди, никто не сможет добраться до нашей долины. Во всяком случае, добраться до нас будет очень и очень нелегко.

— Может быть, нам следует помолиться, чтобы дождь усилился?— поглядев на льющие с неба струи, сказал Рэй.

Джордж крепко сжал рулевое колесо. Он верил в силу молитвы, и ему не нравился саркастический тон брата. Пусть даже Рэй ничего плохого не подразумевал. Рэй тоже иногда посещает церковь. Примерно с той же периодичностью, как Джордж. Но нельзя молиться о подобных вещах.

Все эти толпища. Им всем предстоит умереть, и, умирая, они

прихватят в смерть и родных Джорджа. Перед его глазами предстала его маленькая сестра — исхудалая, с торчащим животом, в последней стадии истощения. Такая, какими были те вьетнамские дети. Целая деревня, где остались одни дети, оказалась в зоне военных действий. Никого не осталось, чтобы заботиться о них, и им некуда было идти. Так они и умирали, пока патруль рейнджеров, рыскающий в поисках коммунистов, не наткнулся на них. Внезапно Джордж понял, что не может больше выдержать эту всплывшую в его памяти сцену. Он не может больше думать об этом.

— Как ты считаешь, сколько еще продержится эта плотина?— спросил Рэй.— И... зачем мы останавливаемся?

— Я прихватил с собой на всякий случай пару динамитных палочек,— сказал Джордж.— Вот подходящее место,— он показал на склон, круто нависший над дорогой.— Две динамитные палочки, и по этой дороге некоторое время уже никто не сможет проехать.

Рэй поразмыслил. Существовала еще одна идущая из Сан-Иоаквина дорога, но на тех картах, которые раздаются проезжим на бензоколонках, она не обозначена. Очень и очень многие просто не знают о ней. Увидев, что по основному шоссе нельзя проехать, чужаки, может быть, направятся в какое-либо иное место.

Грузовик остановился, и Джордж открыл дверь.

— Пошли?

— Пошли, наверное,— ответил Рэй. Он практически всегда соглашался с Джорджем. Так повелось с тех пор, как умер их отец. Точно так же вели себя обычно другие два брата, двоюродные братья, сестры и племянники. Джордж очень успешно управлял фермой. Из сельскохозяйственного колледжа он вынес много новых идей. И завел новое оборудование. Джордж обычно знает, что делает.

Только не нравится мне это, подумал Рэй. Вообще все это не нравится. Конечно, я не считаю, что Джордж делает что-то не так... Да и что еще мы можем сделать? Ждать до тех пор, пока они не придут к нам, и, взглянув им в глаза, прогнать прочь?

Они карабкались по крутому песчаному склону. Дождь лил на них, он проникал под плащи, под поля шляп, и по шеям стекали струйки. Теплый дождь. Он усиливался, и Рэй подумал об уже накошенном сене. Это сено уже погибло. Чем, черт побери, они будут кормить скот, когда придет зима?

— Примерно здесь, я думаю,— сказал Джордж. Цепляясь ногтями, он подобрался к средних размеров обломку скалы.— Обрушить его вниз, и он увлечет за собой достаточно земли, чтобы перегородить дорогу.

— А как насчет шефа Хартмана? И Динк Латам уже уехал в Портервилль...

— Так они просто обнаружат, возвращаясь, что дорога разруше-

на,— ответил Джордж.— Они знают о второй дороге.— Он полез в карман и вытащил объемистый пластиковый пакет. Там лежало пять детонаторов — каждый в своем футляре. Джордж вынул один детонатор, действуя зубами, приладил бикфордов шнур и перочинным ножом проковырял в динамитной палочке отверстие. В отверстие он затолкнул детонатор.— Не гарантия,— сказал он.— Нужно обе палочки заложить вместе. Думаю, это сработает.— Джордж прорыл под обломками скалы ямку, сунул туда динамитные палочки. Затем завалил ямку мокрой грязью, утрамбовал. Теперь наружу высовывался лишь кончик бикфордова шнура.

Рэй повернулся спиной к ветру, низко пригнувшись, сунул в рот сигарету. Начал чиркать зажигалкой — пока не загорелся огонь. От огня зажигалки он прикурил сигарету. Затем, защищая горящую сигарету от ветра и дождя полями своей шляпы, он осторожно поднес ее огонек к концу бикфордова шнура. Шнур зашипел, зажегся. Лил дождь, но бикфордов шнур продолжал тихо шипеть.

— Пошли.— Рэй торопливо начал спускаться со склона, Джордж — следом. Не одна минута пройдет до того, как догорит шнур, но Рэй и Джордж побежали — побежали так, будто их преследовали фурии.

Они уже проехали поворот, когда услышали грохот взрыва. Взрыв был не очень громкий: шум дождя заглушал все прочие звуки. Джордж осторожно развернул грузовик, поехал обратно. И они увидели, к чему привел взрыв.

На четыре фута в вышину дорога была завалена слоем грязи и камня. Значительная часть вызванного братьями обвала перемахнула через дорогу и обрушилась в протекавшую внизу реку.

— Здесь можно перебраться только в том случае, если твой автомобиль имеет привод на обе пары колес,— сказал Джордж.— Иначе — никак.

— Какого черта ты решил тут просиживать задницу?! Поехали!— взбешенный рев Рэя прозвучал слишком громко в кабине грузовика, но Джордж ничего не сказал. И Рэй заранее знал, что Джордж ничего не скажет.

Они доехали до Портервилля. Улицы были покрыты слоем воды, но она достигала лишь ступиц колес — не выше. Плотина пока держалась.

* * *

Комната здания городского совета, где назначили совещание, была заполнена запахом керосиновых ламп и мокрых человеческих тел. И еще чувствовался слабый запах книг и библиотечного клея. Книжный фонд библиотеки был не особенно велик, и книги поместились вдоль стен, оставляя центр комнаты свободным.

Сенатор Джеллисон глянул на свои электрические часы и поморщился. В следующем году эти часы еще будут работать, но потом... Почему, черт побери, он не обзавелся часами старого образца, теми, которые надо заводить? Часы показывали: 10 часов 38 минут 35 секунд. Но они не проработают и секунды после того, как иссякнет заряд батарейки.

Комната была почти полностью забита людьми. Библиотечные столы сдвинули, чтобы освободить место для стульев. Несколько женщин, мужчин гораздо больше. Большей частью на собравшихся была рабочая одежда и дождевики. В большинстве люди явились без оружия. От них пахло потом, они промокли до нитки и очень устали. Три бутылки виски с равномерными промежутками переходили из рук в руки. И еще было много банок пива. Разговаривали мало. Все ждали начала совещания.

Присутствующие разбились на три отдельные группы. В первой группе главенствовал сенатор Джеллисон. Он сидел рядом с мэром Зейцем, шефом Хартманом и полицейскими. Маурин Джеллисон тоже входила в эту группу. А впереди, как раз перед ними, сидели близкие друзья Джеллисонов. Группе сенатора обеспечена солидная поддержка.

Позади расположились те, кто образовал самую большую группировку,— нейтралы. Они ждали, когда сенатор и мэр скажут им, что надо делать. Правда, сами они этого — что ждут указаний — не знали, а сенатор никогда не забудется настолько, чтобы прямо сказать им об этом. Они — фермеры и торговцы, с ними никто никогда не советовался, а сейчас им нужна помощь. Джеллисон знал их всех. Не слишком хорошо знал, но вполне достаточно, чтобы быть уверенным, что может рассчитывать на них — до определенного предела. Некоторые из членов этой группировки пришли вместе с женами.

Сзади, в углу, расположились Джордж Кристофер и его клан. Слово «клан» как раз самое подходящее, подумал Джеллисон. Их — дюжина. Только мужчины, все вооруженные. Их можно было выделить из числа прочих с первого взгляда, сразу было понятно, что это родственники (хотя Джеллисон и знал, что это не совсем правильно: двое из них — зятья. Но и эти двое очень походили на Кристоферов: тяжеловесные, краснолицые, здоровенные настолько, что вполне могли бы в свободное время развлекаться поднятием — нет, не тяжестей, а небольших автомобилей). Нельзя сказать, что Кристоферы расположились совсем уж на отшибе от остальных, но они сидели тесной кучкой и разговаривали почти исключительно лишь друг с другом, обмениваясь только несколькими словами со своими соседями.

Вместе с двумя рабочими фермы Джеллисона вошел Стив Кокс. Перекрывая шум дождя, раскаты грома и негромкие разговоры, он

крикнул: «Плотина пока еще держится!» И добавил: «Не знаю, что помогает ей держаться. Вода поднялась выше уровня водостоков. И размывает насыпи по обоим берегам».

— Плотина долго не продержится,— сказал один из фермеров.— Жители Портервилля уже предупреждены?

— Да,— ответил шеф Хартман.— Констебль Мосей передал предупреждение портервилльской полиции. Полиция уже удаляет людей из районов, подвергающихся опасности наводнения.

— Что это за «районы, подвергающиеся опасности наводнения»?— спросил Стив Кокс.— Вся та чертова долина будет доверху заполнена водой. А шоссе разрушено, портервилльцы не смогут добраться сюда...

— Некоторые смогут,— сказал сэр Зейц.— Сотни три, может быть, несколько больше, может быть, несколько меньше. По проселочной дороге. Их следует ожидать начиная с завтрашнего дня.

— Слишком много, черт возьми,— сказал Рэй Кристофер.

Люди негромко заговорили вразнобой — одни соглашаясь, другие протестуя. Мэр Зейц постучал по столу, призывая к порядку.

— Давайте проясним ситуацию. Сенатор, что вам удалось выяснить?

— Кое-что выяснилось,— Джеллисон встал со стула и, обойдя вокруг стола, встал перед ним. Затем уселся в небрежной позе на край стола — он знал, что подобная неофициальность должна возыметь свой эффект.— У меня очень хороший коротковолновый радиоприемник. Мне известны частоты, на которых радиолюбители поддерживают связь между собой. Но я ничего не поймал, кроме атмосферных помех. Отсутствует не только любительская связь, но и коммерческая, государственная, даже военная. Это свидетельствует, что атмосфера не пропускает радиоволны. Электрические бури. Ну, о причине этого догадаться нетрудно,— добавил он с усмешкой. Показал выразительным жестом в сторону окон, за которыми сверкали молнии. Сейчас молнии вспыхивали пореже, и не столь часто грохотал гром, как на протяжении всего дня. И все же молний было столько, что люди перестали их замечать.

— И соленый дождь,— сказал Джеллисон.— И землетрясения. Последнее сообщение, которое я услышал из ИРД, было: «Молот падает». Мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто был в горах, когда это произошло, но я могу утверждать: Молот ударил, и ударил сильно. Мы можем быть в этом совершенно уверены.

Никто ничего не сказал. Все они это уже знали. Они надеялись, что выяснится: произошло что-то иное, но они все же — знали. Все они были либо фермерами, либо бизнесменами. Все они были тесно связаны с землей, и погода являлась для них важнейшим фактором. Все они жили в предгорьях Хай-Сьерры. Им и прежде приходилось сталкиваться с бедствиями, и тогда они, заперев двери своих домов,

плакали и кляли все на свете. Сейчас их беспокоило одно: они не знали, что делать дальше.

— Сегодня грузовик совершил в Портервилль пять ездок. Он доставил нам пищу, скобяные изделия, бакалею,— сказал Джеллисон.— Кроме того, у нас есть собственный запас — в местных магазинах и на местных складах. И есть то, что хранится в ваших амбарах. Я сомневаюсь, что осталось много такого, чего мы не могли бы сделать или вырастить сами.

Снова послышался шум голосов.

— И долго продлится такое положение, сенатор?— спросил один из фермеров.

— Может, и очень долго,— ответил Джеллисон.— Думаю, что оно продлится уж никак не один год. Мы предоставлены сами себе.

Он сделал паузу, чтобы присутствующие осознали сказанное им. Эти люди в большинстве гордились тем, что всего добились с помощью собственных рук и разума. Разумеется, это было не совсем так, то, чем они владели, было создано трудом целых поколений. И присутствующие были достаточно умны, чтобы понимать это. Но все же им понадобится определенное время, чтобы понять, как сильно они зависят и зависели от цивилизации.

Удобрения. Пища. Витамины. Бензин и пропан. Электричество. Вода... ну, на какое-то время особых проблем с водой не будет. Медикаменты, бритвенные лезвия, прогнозы погоды, семена, корм для домашних животных, одежда, боеприпасы... этот перечень можно продлевать до бесконечности. Даже — иголки, булавки, нитки.

— В этом году хорошего урожая мы собрать не сможем,— сказал Стретч Таллифсен.— С моими посевами уже сейчас скверно.

Джеллисон кивнул. Таллифсену пришлось помогать своим соседям в сборке помидоров, и его жена была вынуждена работать одна — и она делала все, что только было в ее силах. Таллифсены занимались выращиванием ячменя, и для них это лето — не конец сбора урожая.

— Я хочу спросить: будем ли мы держаться вместе?— сказал Джеллисон.

— Что вы подразумеваете под «держаться вместе»?— спросил Рэй Кристофер.

— Владеть совместно тем, чем мы располагаем,— ответил Джеллисон.

— Значит, вы подразумеваете коммунизм,— сказал Рэй Кристофер. В голосе его прозвучала нескрываемая враждебность.

— Нет, я подразумеваю кооперацию, сотрудничество. Милосердие, если вам будет угодно. И более того: я подразумеваю разумное управление тем немногим, что у нас есть. Так мы сможем избежать расточительства.

— Похоже на коммунизм...

— Заткнись, Рэй.— Джордж Кристофер встал.— Сенатор, я понимаю, что сказанное вами разумно. Нет смысла тратить остатки имеющегося у нас бензина, пытаясь вырастить то, что все равно не вырастет. Как и нет смысла скармливать остатки соевых бобов скоту, который все равно не переживет эту зиму. Но я спрашиваю: а кто будет решать? Вы?

— Кто-то должен решать,— сказал Таллифсен.

— Не в одиночку,— ответил Джеллисон.— Мы изберем совет. Хочу указать, что я, вероятно, подготовлен для этой функции лучше остальных присутствующих, и я высказываюсь за совместное владение тем, что у нас есть...

— Конечно,— сказал Кристофер.— Но вот с кем «совместно владеть», сенатор? Это важный вопрос. Насколько далеко мы зайдем? Будем ли пытаться прокормить Лос-Анджелес?

— Чушь,— сказал Джек Турнер.

— Почему? Все они заявятся сюда, все, кто только сможет добраться!— закричал Кристофер.— Лос-Анджелес, Сан-Иоаквин и то, что осталось от Сан-Франциско... не все, кто там живет, может быть, но очень многие! Три сотни прошлой ночью, и это лишь для начала. Сколько это еще продлится, сколько еще мы будем впускать к себе чужаков?

— И черномазые тоже!— выкрикнул кто-то, сидевший на полу. Выкрикнувший тут же виновато обернулся в сторону двух чернокожих, поместившихся в заднем конце комнаты.— Ладно, извините. Нет. Я не извиняюсь. Люциус, вы владеете землей. Вы обрабатываете ее. Но городские черномазые, оружие насчет равенства... они вам не нужны тоже!

Негр ничего не ответил. Но казалось, что его и его сына сразу отделила от остальных невидимая стена.

— С Люциусом Картером все в порядке,— сказал Джордж Кристофер.— Но Фрэнк прав, говоря о прочих. Горожане. Туристы. Хиппи. Они сюда заявятся очень скоро. Мы должны остановить их.

В этом пункте я проиграл, подумал Джеллисон. Они слишком испуганы. Кристофер задел их за живое. Джеллисон содрогнулся. В следующие месяцы предстоит умереть многим, очень многим людям. Как выбирать тех, кому будет позволено жить, в отличие от тех, кому придется умереть? И кто возьмет на себя роль выбирающего? Убийцы? Господь свидетель, что мне бы им быть не хотелось.

— Джордж, что вы предлагаете?— спросил Джеллисон.

— Установить на проселочной дороге заставу. Нам не нужны чужаки, и застава понадобится, чтобы остановить их. Установим заставу и будем прогонять пришельцев.

— Не всех,— сказал мэр Зейц.— Женщины и дети...

— Всех!— закричал Кристофер.— Женщины? У нас есть свои женщины. И дети. Вполне достаточно своих детей, чтобы беспоко-

иться именно о них. Если мы начнем принимать к себе чужих детей и женщин, то чем мы кончим? Тем, что наши собственные женщины и дети умрут от голода, когда настанет зима?

— А кто добровольно пойдет в эту заставу?— спросил шеф Хартман.— Кто достаточно жесток, чтобы, увидев машину, набитую людьми, сказать человеку, что мы отказываем в приюте даже его детям? Вы не сможете этого сделать, Джордж. Никто из нас не сможет.

— Я? Я смогу, черт возьми...

— И потом среди пришельцев могут оказаться ценные для нас специалисты,— сказал сенатор Джеллисон.— Инженеры. Нам понадобятся несколько хороших инженеров. Врачи, ветеринары. Пивовары. Хороший кузнец — если только в современном модернизированном мире сохранились еще кузнецы...

— Это мы и сами сумеем,— сказал Рэй Кристофер.— Сумеем, если надо подковать лошадей.

— Прекрасно,— сказал Джеллисон.— Но среди пришельцев могут быть такие специалисты, работу которых мы выполнять не сможем. И пока даже не подозреваем, что без этих специалистов нам придется туго.

— Ладно, ладно,— проворчал Джордж Кристофер.— Но не можем же мы принимать к себе всех...

— И все же мы должны поступить именно так.— Голос был очень низкий, не настолько громкий, чтобы перекрыть гомон присутствующих и раскаты грома, но все услышали сказанное. Профессионально натренированный голос.— «Я пришел, прося о приюте, но вы не приняли меня. Я был голоден, но вы не накормили меня». Это вы хотите услышать на Страшном суде?

В комнате на мгновение стало тихо. Все обернулись, все глядели на преподобного Томаса Варлея. В подавляющем большинстве все они посещали церковь, где он вел службы. Они приглашали его в свои дома, когда умирал кто-либо из близких — чтобы он побыл с ним. С ним их дети отправлялись на пикники, в турпоходы. Том Варлей был одним из них, он родился в этой долине и прожил здесь всю свою жизнь, за исключением тех лет, когда проходил обучение в сан-францискском колледже. Он стоял — высокий, чуть похудевший по сравнению с прошлым годом, когда он отмечал свое шестидесятилетие, но все же достаточно сильный, чтобы помочь соседу вытащить из канавы угодившую туда корову.

Джордж Кристофер уставился на него открыто вызывающим взглядом:

— Брат Варлей, мы просто не можем позволить себе этого! Некоторые из нас — из нас!— скорее всего в эту зиму умрут с голода. На всех здесь пищи просто не хватит.

— Тогда почему вы не прогоняете лишних?— спросил Варлей.

— Может быть, дело дойдет и до этого,— пробормотал Джордж. И возвысил голос: — Я уже видел подобное. Говорю вам: я видел. Людей, оставшихся без пищи. Людей, у которых не осталось даже сил, чтобы проглотить пищу, когда им ее дали. Брат Варлей, вы хотите, чтобы мы просто ждали, сложив руки, пока перед нами не встанет та же альтернатива, что и у тех, кто входил в отряд Доннера? Если мы прогоним кого-то сейчас, эти люди, возможно, найдут место, где их смогут прокормить. А если мы примем их, зимой мы умрем все. Все очень просто.

— Правильно говоришь, Джордж,— крикнул кто-то с дальнего конца комнаты.

Джордж провел взглядом по множеству обращенных к нему лиц. На этих лицах не было неприязни. В большинстве эти лица выражали лишь стыд — страх и стыд. Джордж подумал, что и окружающим его лицо видится точно таким же. И упрямо продолжил: — Нам нужно что-то делать, и делать не откладывая, иначе, будь я проклят, если соглашусь на сотрудничество с вами! Я заберу все, что принадлежит мне, и все, что я привез сегодня из Портервилля — тоже. И вернусь к себе, и обещаю, черт возьми, застрелить каждого, кто ступит ногой на принадлежащую мне землю.

Все, перебивая друг друга, загомонили. Преподобный Варлей хотел было что-то сказать, но его заглушили криками: «Правильно, черт возьми!», «Мы с вами, Джордж!»

Крики прорезал голос Джеллисона:

— Я не говорил, что выступаю против заставы. Но нужно будет обсудить практические трудности, которые могут при этом возникнуть.

Артур Джеллисон не смел взглянуть в лицо священнику.

— Хорошо. На том и порешим,— сказал Джордж Кристофер.— Рэй, останешься здесь и потом расскажешь мне, к какому выводу пришли на этом совещании. Карл, Джейк и остальные — идете со мной. Здесь к утру будет еще тысяча народу, если мы не остановим их.

И кроме того, подумал Джеллисон, это легче сделать ночью, когда ты не сможешь разглядеть их лиц. Может быть, к утру ты дойдешь и до того, что сможешь глядеть в их лица.

А если ты прав, решив прогонять людей, обрекая их на смерть, то какое тебе дело до того, что они думают?

Самое худшее заключается в том, что Джордж Кристофер прав. Но от этого не легче.

— Я пошлю кое-кого из своих людей с вами, Джордж. А к утру мы вам пришлем смену.

— Хорошо,— и Кристофер направился к двери. Не дойдя, остановился на мгновение и улыбнулся Маурин.— Спокойной ночи, Мелисанда.

* * *

Дом Джеллисона. Комнату освещает керосиновая лампа. Артур Джеллисон, скинув туфли, растянулся в мягком кресле, рубашка его наполовину расстегнута.

— Эл, давайте эти списки отложим на завтра.

— Хорошо, сэр. Чем я могу быть для вас еще полезным?— и Эл Харди глянул на свои часы. Два часа ночи.

Харди подчеркнуто посмотрел на свои часы снова.

— Уже поздно, сенатор. А утром вы намеревались рано встать...

— Я успею немного поспать. Спокойной ночи.— Сенатор сказал это так, что Элу ничего не оставалось, как уйти. Джеллисон посмотрел ему вслед. Он не упустил взгляда, который напоследок кинул на него Эл. Взгляд подтверждал предположение, ранее сделанное Артуром Джеллисоном. Чертов врач из бечесдовского госпиталя Военно-морского флота рассказал Харди о том, что электрокардиограммы у сенатора весьма тревожные, вот Харди и начал хлопотать над Артуром Джеллисоном, как курица над цыпленком. Рассказал ли Эл об электрокардиограммах Маурин? А, неважно.

— Хочешь выпить, папа?— спросила Маурин.

— Хочу. Воды. «Бурбон» нам следует теперь беречь,— ответил Джеллисон.— Сядь, пожалуйста.— Сказана фраза была вежливым тоном, и все же чувствовалось, что это не только просьба, но и приказ. Не совсем и приказ, однако. Фраза, произнесенная измученным тревогой человеком.

— Да?— спросила Маурин. Пододвинула свой стул к креслу сенатора.

— Что имел в виду Джордж Кристофер? Что означает «Мелисанда» или что он там сказал?

— Это давняя история...

— Я хочу узнать ее. Мне нужно знать все, что касается Кристоферов,— сказал Джеллисон.

— Почему?

— Потому что в этой долине они вторая, помимо нас, сила, и мы должны сотрудничать, а не бороться друг против друга. Мне нужно знать, у кого какие сильные и слабые стороны,— объяснил Джеллисон.— А теперь рассказывай.

— Что ж, ты знаешь, что Джордж и я провели свое детство практически вместе,— начала Маурин.— Мы одного возраста...

— Конечно, знаю.

— И до того, как ты переехал в Вашингтон, когда тебя избрали сенатором, Джордж и я любили друг друга. Что ж, нам было только

по четырнадцать лет, но то, что мы ощущали, казалось нам любовью. (И Маурин подумала, хотя не сказала этого вслух: с тех пор я никогда ни к кому не испытывала по-настоящему подобного чувства.) Он хотел, чтобы я осталась бы здесь с ним. Я тоже этого хотела и осталась бы, если б была хоть какая-то возможность это сделать. Я не хотела уезжать в Вашингтон.

В желтом свете керосиновой лампы Джеллисон выглядел более старым, чем обычно.

— Я этого не знал. Я тогда был слишком поглощен делами...

— Все в порядке, папа,— сказала Маурин.

— Все или не все в порядке, но что произошло, то произошло,— сказал Джеллисон.— Так что там насчет Мелисанды?

— Помнишь пьесу «Создатель дождя»? Самоуверенный парень и девушка-крестьянка. Она влюбилась в него. Он говорит ей, чтобы она, если хочет быть с ним, перестала называть себя «Лиззи», что она должна стать «Мелисандой», и тогда у них начнется чудесная жизнь... Ну, Джордж и я в то лето смотрели эту пьесу, мы и стали представлять себя ее героями, вот и все. Вместо того, чтобы уехать в Вашингтон, где для меня должна была начаться «чудесная жизнь», мне бы следовало остаться здесь, с ним. Я уже и забыла обо всем этом.

— Забыла, а? Но сейчас ты об этом вспомнила.

— Папа...

— Что он имел в виду, называя тебя этим именем?— спросил Джеллисон.

— Ну, я...— Маурин запнулась, не продолжив начатую фразу.

— М-да. Я все это понимаю,— сказал Джеллисон.— Он высказал тебе кое-что, не так ли? Как часто вы встречались, после того как мы переехали в Вашингтон?

— Не слишком часто.

— Ты спала с ним?

— Это не твое дело,— вспыхнула Маурин.

— Мое, черт возьми. Все, что происходит сейчас в долине,— мое дело. Особенно, если это касается Кристоферов. Спала?

— Нет.

— А он пытался?

— Серьезных попыток не было,— ответила Маурин.— Мне кажется, он для этого слишком религиозен. И к тому же, после того как я переехала в Вашингтон, у нас было для этого не так уж много удобных случаев.

— Он так и не женился,— сказал Джеллисон.

— Папа, это глупо! Он не мог все шестнадцать лет только и делать, что чахнуть по мне!

— Нет, я этого и не предполагаю. Но то, что он сказал сегодня, имело вполне определенный смысл. Ладно, пойдем спать.

— Папа...

— Что?

— Мы можем поговорить? Я боюсь,— она подвинула свой стул еще ближе к его креслу. Джеллисону подумалось, что Маурин выглядит много моложе своих лет. И вспомнил дочь, когда она была еще маленькой девочкой, тогда еще была жива ее мать.— Дела обстоят плохо, да?— спросила Маурин.

— Плохо,— ответил Джеллисон. Потянулся за бутылкой и налил себе немного виски.— А в какой-то степени и неплохо. Так, мы знаем, как делать виски. Если будет зерно, то спиртные напитки у нас будут. Если будет зерно.

— Что произойдет дальше?— спросила Маурин.

— Этого я не знаю. Но могу сделать некоторые предположения,— Джеллисон перевел взгляд на камин. Огонь там не горел, и весь камин был покрыт каплями влаги: дождь проникал через дымоход.— Падение Молота. Как раз сейчас по всему земному шару катятся волны цунами. Все города, расположенные на побережьях, уничтожены. Вашингтон уничтожен. Хотелось бы надеяться, что Капитолий уцелел: мне нравилось это старинное нагромождение гранита.— Он помолчал мгновение, вместе с Маурин слушая беспрестанный шум дождя и раскаты грома.

— Не помню, кто это сказал,— заговорил Джеллисон снова,— но сказано это, в общем, правильно. Если не хватает пищи, то нет страны, которой не грозила бы революция. Слышишь, какой дождь? Он идет по всей стране. Низменности, долины, образованные реками, русла маленьких речушек, уклоны дорог — все это скоро окажется под водой. Точно так же, как скоро под водой окажется вся долина Сан-Иоаквин. Шоссе, железные дороги, средства передвижения по воде — все уничтожено. Более нет транспорта, а возможности связи и коммуникации резко ограничены. Это означает, что Соединенные Штаты прекращают свое существование. То же произойдет и с подавляющим большинством других стран.

— Но...— Маурин затрясло, хотя в комнате не было холодно.— Должны же быть места, не затронутые катастрофой. Города, расположенные вдали от побережий. Горные районы, где нет разломов, грозящих землетрясениями. В тех местах должен сохраниться порядок...

— Должен сохраниться? И как ты думаешь, много таких мест, где запасов пищи хватит, чтобы протянуть хотя бы несколько недель?

— Я никогда не задумывалась о подобных вещах...

— Верно — не задумывалась. А ведь речь идет не о неделях — о месяцах,— сказал Джеллисон.— Котенок, что будут люди есть? Соединенные Штаты располагали запасами продовольствия при-

мерно на тридцать дней. Сюда входило все: склады, супермаркеты, зерновые элеваторы, корабли, стоящие в портах. Значительная часть этих запасов погибла. Еще большая часть их полностью испорчена. И этой осенью особого урожая уж никак собрать не удастся. Ты полагаешь, что человек, у которого едва хватает еды на самого себя, выйдет на улицы и начнет предлагать ее всем голодным?

— Ох...

— И есть еще одно обстоятельство, хуже, чем то, о котором я только что сказал.— В голосе сенатора прорезалась жестокость — будто он хотел окончательно довести до ужаса свою дочь.— Все заполонено беглецами. Люди двинутся в поисках пищи в те места, где она есть. И их нельзя порицать за это. Может быть, как раз сейчас к нам движется толпа в миллион человек! Возможно, кое-где полиция и органы местного самоуправления попытаются поддерживать порядок. Но что они смогут сделать, когда нагрянет эта саранча? Только на самом деле это не саранча, это люди.

— Но... что же нам делать?!— выкрикнула Маурин.

— Мы выжили. Нам удалось выжить. И мы построим новую цивилизацию. Люди построят ее,— сенатор возвысил голос.— Мы можем это сделать. Как скоро это произойдет, зависит от того, насколько далеко мы отброшены назад. Вернемся ли мы к дикости? Луки, стрелы и каменные дубинки? Будь я проклят, если мы не найдем лучшего выхода!

— Да, разумеется...

— Совсем не «разумеется», котенок,— голос Джеллисона звучал как голос глубокого старика, и все же в этом голосе были и решимость, и сила.— Все зависит от того, что нам удастся сохранить. Сохранить — именно здесь. Мы не знаем, что сохранилось в других местах, но здесь, у нас, если мы не растранжирим имеющееся, перспективы неплохие. У нас есть определенный шанс, благодарение богу, и мы этим шансом, если ничто не помешает, воспользуемся.

— Ты добьешься этого,— сказал Маурин.— Справишься. Ведь это твоя профессия.

— Подумай, есть еще кто-нибудь, кто может добиться достижения этой цели?

— Я бы не справилась, папа.

— Так вспомни об этом, когда мне придется делать что-то, что многим придется не по нраву.— Челюсти сенатора сжались.— А нам придется это делать, котенок. Обещаю тебе, жители этой долины пройдут сквозь выпавшее на их долю испытание, выживут. И не превратятся в дикарей.— Сенатор рассмеялся.— Я слишком разговорился. Пора идти спать. Завтра предстоит много работы.

— Хорошо.

— И не жди меня. Я тоже ложусь. Иди.

Маурин поцеловала отца и ушла. Артур Джеллисон выпил виски и поставил стакан. Долго смотрел на бутылку. А потом неотрывно глядел на камин, где не было огня.

Он будто воочию видел, как цивилизация возрождается из обломков, преодолевая последствия катастрофы, вызванной Молотом Люцифера. Спасательные работы. Есть что спасать — и немало — в старых городах, расположенных по побережью. Вода все уничтожить не могла. Можно будет пробурить новые нефтяные скважины. Можно будет восстановить железные дороги. Дожди не будут лить до бесконечности.

Мы сможем воссоздать цивилизацию, и на этот раз мы изберем правильный путь развития. Хватит цепляться за этот проклятый маленький шарик, мы распространим человеческую цивилизацию на всю Солнечную систему, мы донесем ее даже до звезд. И ничто тогда не сможет нанести нам неожиданно такой страшный удар.

Наверняка мы сможем это. Но как же нам протянуть достаточно долго, как дожить до тех времен, когда можно будет заняться восстановлением? Первоочередное должно выполняться в первую очередь, а основная проблема сейчас — это организовать жителей долины. Помощи ждать неоткого. Мы должны сделать это сами. Лишь если мы сами это сделаем, возникнут закон и порядок. И лишь если мы будем держаться вместе, наступят безопасные времена для Маурин, Шарлотты и Дженнифер. Я в ответе за жителей Соединенных Штатов, а особенно за калифорнийцев. А более — ни за кого. Далее — моя семья. Каким образом я могу быть опорой моим близким?

Данный вопрос сводился к следующему: как мне сохранить за собой мое ранчо? Возможно, мне это не удастся. Без посторонней помощи не удастся. Чьей помощи? Например, со стороны Джорджа Кристофера. У Джорджа много друзей. Если мы с ним поладим, все будет великолепно.

Артур Джеллисон устало встал и задул керосиновую лампу. Во внезапно наступившей тьме показалось, что и барабанный шум дождя, и раскаты грома зазвучали громче, чем прежде. При вспышках молний сенатор смог найти дорогу в спальню.

Из-под двери комнаты Эла Харди пробивался свет. Свет погас, когда Харди услышал, что сенатор лег в кровать.

УБЕЖИЩЕ

Землю Господь для людей создал,
Для всех людей — всю планету.
И нам любить ее приказал.
Он заповедал это.

Завет человеком забыт давно,
Всю землю любить он не смог.
И каждый любит только одно:
Собственный свой клочок.

Редьярд Киплинг

Какие-то резкие, странные звуки разбудили Гарви Рэнделла. Кто-то кричал, звал его.

— Гарви! На помощь!

Лоретта? Гарви резко сел, грохнулся головой обо что-то. Вспомнил: он находится в вездеходе, он здесь спал, а этот голос — не голос Лоретты. На мгновение он перестал понимать, что ночной кошмар, а что реальность.

— Гарви!

Этот крик, этот голос — на самом деле. И — о Господи!— ведь Лоретта мертва.

Шел дождь, но почему-то как раз там, где стоял вездеход, образовался просвет. Гарви открыл дверь и, моргая, всмотрелся в сумрак. Часы показывали шесть ноль-ноль. Утра или вечера?

Вездеход стоял под шатким навесом. Да и не навес-то, в общем, а просто крыша и поддерживающие ее столбы. У противоположного края машины стояла Мария Ванс, и Джоанна, направившая на Марию ружье. Марк кричал, Мария визжала — звала Гарви на помощь.

Все это было бессмысленно. Сумрак, льющий струями дождь и завывающий ветер, вспышки молний и раскаты грома, визжащая женщина, кричащий Марк и Джоанна с ружьем,— сон это или реальность? Гарви заставил себя подойти к Марку и женщинам.

— Что происходит, Марк?

Марк обернулся и увидел Гарви. Лицо его осветила улыбка. Но улыбка сразу пропала — словно Гарви ему лишь привиделся, словно все происходящее было лишь видением...

— Гарви! Скажите ему!— закричала Мария.

Гарви попытался стряхнуть опутавшую его мозг незримую паутину. Паутина не стряхивалась.

— Марк?— сказал он.

Мария дергалась, словно марионетка. Гарви уставился на нее в изумлении, когда она дернулась снова. Казалось, она сражалась с невидимым врагом. Затем — внезапно — напряжение оставило Марию, голос ее зазвучал спокойно (или почти спокойно):

— Гарви Рэнделл, пора проснуться,— сказала она.— Или вас не волнует судьба вашего сына? Вы уже похоронили Лоретту, теперь вам следует подумать об Энди.

Гарви услышал свои слова:

— Что все это значит?

Мария и Марк заговорили одновременно. Нужно понять, что случилось, сознание этого заглушило все другие чувства, поэтому Гарви рявкнул:

— По очереди! Марк, пожалуйста, дайте ей сказать, что она хочет!

— Этот... человек хочет, чтобы мы не искали наших мальчиков,— сказала Мария.

— Ничего подобного я не хочу. Я пытаюсь объяснить вам.

Мария оборвала Марка:

— Мальчики находятся в секвойя-парке. Я уже говорила вам это: в секвойя-парке. Но он настаивает, чтобы мы ехали на запад, а это совсем в другую сторону.

— Заткнитесь вы все!— закричала Джоанна. В ее крике прозвучала нотка истерики, и поэтому Марк замолчал, не успев сказать то, что хотел. Он никогда даже не слышал, чтобы Джоанну что-либо могло вывести из равновесия. Ничего подобного ранее с ней не случалось.

И к тому же у нее было ружье.

— Куда мы направляемся, Марк?— спросил Гарви.

— К секвойя-парку,— ответил Марк.— Парк занимает большую площадь, а она не знает, где...

— Я знаю,— сказал Гарви.— Где мы сейчас находимся?

— Это долина Сайми,— ответил Марк.— Вы хотите меня дослушать?

— Да. Говорите.

— Гарви, он...

— Заткнитесь, Мария!— Гарви постарался, чтобы его голос прозвучал как можно более жестко. Мария замолчала.

— Гарви, сейчас все снялись со своего места,— сказал Марк.— Дороги вот-вот будут забиты. Поэтому я хочу свернуть на известную мне проселочную дорогу. Ею пользовались мотоциклисты. Мы поедем через заповедник кондоров. Конечно, на этом участке дорога несколько отклоняется к западу, зато нам не нужно будет пробираться по этим проклятым шоссе! Вы только подумайте, как много людей именно сейчас пытается выбраться из Лос-Анджелеса! А об

этой дороге знают немногие. И, кроме того, она проходит по возвышенностям. Главное, что машин на этой дороге будет немного, так что нам лучше ехать по ней.— Марк обернулся к Марии: — Именно это я пытался объяснить вам. Нам придется перевалить через горы. Весь путь мы проделаем поверху. Потом мы доедем до Сан-Иоаквина и, оказавшись на равнине, сможем свернуть к секвойя-парку.

— Давайте посмотрим карту,— предложил Гарви.

— Она не показана на карте,— возразил Марк.— Если б она была там указана, все бы...

— Да, я верю, что эта ваша дорога действительно существует,— сказал Гарви.— Я хочу посмотреть, какой нам путь предстоит после того, как мы проедем по ней. У меня там в вездеходе есть карты.— Он хотел было повернуться, чтобы уйти, но Джоанна уже шла к мотоциклу. Она открыла притороченную к седлу сумку.

— Фрэнк Стонер сделал для нас три копии. По одной на каждый мотоцикл,— сказала она. Вытащила из сумки большую карту — аэрофотосъемку. Очертания земной поверхности были показаны в красках.— И еще у меня есть карты Автоклуба.

Было слишком темно, чтобы рассмотреть карту в подробностях. Марк отошел к вездеходу и вернулся с карманным фонарем. Мария стояла, напрягшись, поодаль, она молчала, но в глазах ее по-прежнему тлело подозрение.

— Видите?— сказал Марк.— Как раз здесь. Шоссе идет вдоль озер. Вдоль дамб. И тут — где начинается Сан-Андреас. Вы действительно полагаете, что по шоссе еще можно проехать?

Гарви покачал головой. Сомневаться тут нечего. Если шоссе не разрушено, по нему попытается проехать миллион народу. А если оно разрушено...

— Мы можем проехать через Фрейзер-парк.

— Правильно! Затем вниз, в долину и оттуда прямо на север,— сказал Марк.— Я думал было отправиться в Можави, потому что Фрэнк говорил, что это самое подходящее место... но это было бы не лучшее решение. По этой дороге к секвойя-парку не доехать.— И Марк показал: — Все ведущие к востоку дороги лежат возле озера Изабеллы. Вдоль реки Керн. Гарви, учитывая, какой идет дождь, много ли сохранилось мостов, по которым можно перебраться на тот берег Керна?

— Ни одного. Мария, он прав. Если мы поедем прямой дорогой, то никогда туда не доберемся.

Взгляд Марии выразил удовлетворение. Джоанна прислонила свое ружье к мотоциклу и, сев боком, обессиленно скорчилась на сиденье.

— Если б вы объяснили это раньше...— начала Мария.

— Господи, я ведь пытался!— закричал Марк.

— Не только мне, но и ему...

Она имеет в виду меня, подумал Гарви. И она права. Я не имел права свернуться клубком и спать, я обязан разыскать моего мальчика в этих горах, а для этого я должен добраться туда, и — благодарение Богу, что существует Мария.

— Как у нас с горючим?— спросил Гарви.

— Очень неплохо. Мы уже проехали около пятидесяти миль...

— Но не больше пятидесяти,— пробормотал Гарви. Разумеется, все было именно так, это подтверждала карта. А казалось, что проехали много больше. Да, они продвигались не слишком быстро.— Марк, вы уверены в этой вашей проселочной дороге?

— Все возможно,— ответил Марк. И, не говоря более ни слова, указал на плотины, нависшие над шоссе номер 5.— А здесь риск меньше?

— Нет. Что ж, если мы едем, то с этим лучше не медлить,— сказал Гарви.— Машину поведу я.

— А я поеду впереди разведывать дорогу. Джоанна оставит ружье в вашей машине.— О Марии Марк не упомянул. Ему не хотелось говорить ни с ней, ни о ней.

Хорошо, что нужно что-то делать. Что угодно. Гарви чувствовал пульсирующую боль в голове, начиналась мигрень. Плечи и шея напряглись так, что Гарви ощущал на них затвердевшие бугры мышц. Но все же это лучше, чем свернувшись в клубок, валяться на сиденье.

— Поехали,— сказал Гарви.

* * *

Дорога шла по горам и вдоль гор, огибала вершины, уклоняясь к северо-западу. Нигде не спускалась с возвышенностей. То и дело встречались скатившиеся сверху обломки скал и грязевые оползни. Но на этой вышине слой грязи и камня, перегородивший дорогу, не был — и не мог быть — глубоким. Проехать было очень трудно, но все же возможно.

Очертания гор изменились. Дорога могла оборваться где угодно. Как полагал Марк Ческу, ни на что нельзя рассчитывать с абсолютной уверенностью; но на этот раз им везло: машина преодолевала все препятствия. Наконец выехали на дорогу с искусственным покрытием, и Гарви смог увеличить скорость.

Ему было по душе вести машину. Он вел ее — и дорога полностью поглощала все внимание, не оставляя в мозгу места для других мыслей. Вовремя увидеть преградивший путь обломок. Вписаться в поворот. Безостановочно ехать, глотая мили, все дальше и дальше, не оглядываясь назад и не думая о том, что осталось позади.

А теперь все вниз и вниз, к Сан-Иоаквину. Всюду высоким слоем стояла вода. Это пугало. Гарви застопорил и глянул на карту. Дорога

шла прямо к дну высохшего озера. Сейчас это озеро, видимо, уже нельзя посчитать высохшим. Итак: пересечь реку Керн там, где проходит шоссе, затем свернуть в сторону и двигаться к северо-востоку...

Хватит ли горючего? Проехали уже много, и ехать еще далеко. Гарви вспомнилось запасенное им первоклассное горючее, и вспомнились воры-убийцы в голубом фургоне. Где бы они не прятались, когда-нибудь он выследит их. Но этой дорогой они не ехали. Он бы заметил следы. Они выбрали для себя какую-то другую дорогу.

Рассвет застал пассажиров вездехода где-то к северо-востоку от Бейкерсфилда. Они уже далеко заехали. Тридцать миль в час, и снова они сейчас ехали по возвышенностям, огибая Сан-Иоаквин по восточному его краю. Ничто не останавливало бега машины.

* * *

Река Тьюл была слишком глубока. А дорога покрыта слишком толстым слоем воды. Никто бы не осмелился воспользоваться этой проложенной вдоль реки дорогой. Когда до Гарви дошло все это, было уже слишком поздно. Он уже мог рассмотреть возвышавшуюся впереди плотину.

С края плотины и поверх ее гребня потоками неслась вода. Невозможно было определить, где находятся водостоки: беснующаяся река вздымала свои струи снизу доверху плотины. Гарви дал звуковой сигнал и рукой просигнализировал едущему впереди Марку. Сжав кулак, он энергично махнул им вверх-вниз. Принятый в армии знак: времени не остается, торопись. И указал на плотину.

Марк понял, что ему хотел сообщить Гарви, ускорил ход мотоцикла. Гарви ударом вдавил вниз педаль акселератора. Автомобиль, взревев, помчался за мотоциклом. Они были уже почти возле плотины, когда...

Река грязи погребла под собой дорогу. С дюжину людей возились в грязи: их машины завязли.

Гарви переключил рычаг: перевел привод на обе пары колес. И помчался дальше, не останавливаясь. Какой-то мужчина кинулся навстречу с раскинутыми руками. Хотел преградить им дорогу. Он оказался достаточно близко, чтобы Гарви мог увидеть его лицо: расширенные глаза, оскаленные зубы, лицо, на котором смешались решимость и ужас... А *мужчина увидел лицо Гарви*. Едва избежав удара фары вездехода, мужчина отпрыгнул.

Грязь плыла, и вместе с ней сносило вездеход. Гарви с трудом вывернул, добавил мощность двигателю и, напрягая все силы, продолжал безумную гонку. Балансировал, ловя равнодействующую между сносом грязевых слоев и сцеплением частиц этой же грязи с дорогой. Вездеход подпрыгивал на булыжниках, усеивающих доро-

гу, и от этого к горлу подкатывало. Затем Гарви ощутил, что колеса вездехода вновь катятся по твердому покрытию. И услышал, как Мария вздохнула с облегчением.

Впереди показался мост. Он был перекинут через ответвление озера... и он уже весь был залит водой. Невозможно угадать, какова глубина воды, покрывающей мост. Гарви замедлил ход.

Внезапно к шуму дождя, реву реки и раскатам грома примешались какие-то другие звуки. Крики. Джоанна обернулась.

— Господи!— закричала она.

Гарви остановил вездеход. Плотина рушилась на глазах. Одно ее крыло мгновенно рассыпалось, и через пролом из озера хлынул гигантский поток воды. Рев потока заглушил крики.

— К-как раз успели,— сказала Джоанна.

— А все те люди...— пробормотал Гарви. Все те путники, у которых машины были похуже, чем его вездеход. Все те фермеры, которые думали, что им удастся переждать бедствие. Люди, уже вскочившие на ноги, люди, уже вскарабкавшиеся на крыши своих машин, взобравшиеся как можно выше, на любой бугор, возвышающийся над этими только что возникшими мелководными озерами,— у них у всех глаза сейчас обращены вверх, на катящийся на них водяной вал.

Когда рухнет вторая плотина, будет еще хуже. Вся долина будет затоплена. Не существует плотины, способной противостоять этому нескончаемому дождю.

Гарви глубоко втянул в себя воздух:

— Ладно, с этим закончено. Мы справились. Трясущаяся Осина только в тридцати милях отсюда.— Он вызвал в памяти дорогу, ведущую к северу от Спрингвилля. Эта дорога пересекала не одну реку, и карта показывала, что по берегам некоторых из этих рек построены небольшие силовые станции, а течение перегорожено плотинами, нависшими над дорогой.

Значит, они потерпят неудачу? Значит, им не удастся? Это будет глупо, более того, это будет сумасшествием — оказаться на этой дороге как раз в тот момент, когда на нее обрушится удар воды.

— Поехали,— сказала Мария.

Гарви двинул машину вперед. Мост уже не был покрыт водой: эта вода сейчас катилась на долину Сан-Иоаквин. Гарви повел машину через мост и с удивлением увидел мчащийся навстречу большой грузовик. Грузовик остановился у дальнего конца моста. Из него выскочили двое высокого роста мужчин. Они уставились на вездеход. Гарви проехал мимо. Один мужчина прокричал что-то, затем пожал плечами.

Того моста, который должен был находиться дальше, уже не существовало, его снесло. Единственный выход: сделать крюк, свернув к ранчо сенатора Джеллисона.

И где лучше, чем именно там, можно узнать, что происходит в горах? И, кстати, куда они направятся после того, как разыщут мальчиков? Планы Марии не простираются далее того момента, когда они найдут Берта и Энди. Планы Гарви пока точно такие же, но...

Но ведь это великолепно. Эта группа скаутов и так неизбежно выйдет к ранчо Джеллисонов.

И еще — там должна находиться сейчас Маурин.

Презрение к самому себе охватило Гарви — за то, что он вспомнил о Маурин. Лицо Лоретты всплыло перед его глазами. И видение тела, завернутого в одеяло. Гарви замедлил ход машины, остановился.

— Почему мы...— но раньше, чем Мария успела закончить свой вопрос, сзади раздался взрыв. Затем еще один.

— Что за черт!— Гарви снова двинул машину с места. Раскаяние уступило место страху. Взрывы? Они заехали в зону военных действий или чего-то вроде этого? Гарви вел машину все дальше, а тем временем Джоанна и Мария вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что творится позади.

Марк успел промчаться на своем мотоцикле за изгиб дороги, и когда к повороту подъехал вездеход, уже возвращался обратно. Проносясь мимо, он помахал сидевшим в машине рукой.

— Это идиотское любопытство, будь оно проклято, когда-нибудь погубит его,— сказала Джоанна.

Гарви пожал плечами. Можно и не суетиться, не разузнавать, но лучше узнавать. А осталось немного, еще проехать вперед пару миль — и это закончится. Гарви и тех, кто с ним, там ждут безопасность и отдых.

Он поехал медленнее и подвел машину к дороге, ведущей к дому сенатора, как раз в тот момент, когда сзади показался догоняющий машину Марк. Гарви нажал на тормоза.

— Тот мост...— сказал Марк.

— Что?

— Тот мост, который мы проехали,— повторил Марк.— Так вот, те два никудышника просто взорвали его. Динамитом, наверное. Они подорвали его с обоих концов. Гарви, опоздай мы на полчаса, и мы бы там вляпались в лужу.

— Опоздай мы на две минуты,— сказала Джоанна,— и нам бы осталось только смотреть, как на нас несутся миллионы тонн воды. Мы... Гарви, нам не может постоянно так невероятно везти.

— Да, нам везло,— сказал Гарви,— в любой борьбе везение не менее важно, чем точный расчет. Но теперь на какое-то время мы перестали нуждаться в постоянном покровительстве удачи. Я поехал туда,— он махнул в сторону дороги, ведущей к дому сенатора.

— Зачем?— готовая к схватке, вскинулась Мария.

— Узнать, что творится на дорогах,— Гарви подъехал к воротам. И тут только его осенило, раньше это как-то не приходило в голову — ни на миг,— что в доме политика могут и не обрадоваться появлению создателя телевизионных документальных фильмов.

Он вышел из машины, чтобы открыть ворота.

За оградой стояла чья-то машина. Оттуда вылез молодой мужчина и усталой походкой направился к вездеходу.

— По какому делу вы приехали сюда?— спросил он. Глянул на Джоанну и ее ружье, показал, что в руках у него ничего нет.— Я не вооружен. Но мой товарищ, которого вы не можете увидеть, следит за вами. У него винтовка с телескопическим прицелом.

— Мы не причиним беспокойства,— сказал Гарви. Мужчина увидел эмблему НБС на борту вездехода — и она не произвела на него ни малейшего впечатления.— Можете ли вы передать сообщение хозяевам дома?

— Это зависит от того, какое сообщение. А вообще могу.

Гарви поразмыслил.

— Передайте Маурин Джеллисон, что Гарви Рэнделл с тремя своими спутниками находится здесь.

Мужчина задумался.

— Что ж, имя вы назвали правильно. Она ждет вас?

Гарви рассмеялся. Вопрос показался ему до безумия глупым. Привалившись к решетке ограды, он захлебывался от смеха. Вцепившись в руку мужчины, он смог совладать с собой. Восстановил контроль над своим голосом и сказал: «Из Лос-Анджелеса?»— и зашелся в смехе снова.

Мужчина чуть отодвинулся от Гарви. Его вытянутое красное лицо ничего не выражало. Подобных проблем он и знать не желал. Но... сенатор сказал на совещании, что ему бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто своими глазами видел, что произошло в Лос-Анджелесе. И потом этому горожанину известны фамилия сенатора и имя его дочери.

С той же внезапностью, как до Гарви дошла нелепость вопроса, этот вопрос перестал казаться ему нелепым. Гарви оборвал свой смех.

— Маурин, видимо, думает, что я мертв. Ей будет приятно узнать, что она ошибалась.— «А будет ли ей приятно? Вот ведь дерьмо!»— Я уверен, что она захочет поговорить со мной. Передайте ей, что я хочу... впрочем, это пустяки.— Он чуть не брякнул, что хочет поговорить с ней о галактических империях. Хорошо, что он удержался.

Мужчина задумчиво поглядел на Гарви. Наконец он кивнул.

— Ладно, это я, видимо, могу сделать. Но вы подождите здесь. Вы поняли меня, именно здесь! И не выкидывайте шуток с этим своим ружьем.

— Мы не хотим ни в кого стрелять. Я просто хочу поговорить с Маурин.

— Хорошо. Именно здесь. Я скоро вернусь.— Мужчина подошел к своей машине, запер ее и пошел пешком по подъездной аллее.

Пешком. Здесь уже экономят бензин. Да, сенатор Джеллисон навел порядок в своих владениях. Гарви вернулся к вездеходу. Мария хотела было что-то сказать, но он перебил ее без труда — уже натренировался:

— Посмотрим карту.

Она подумала, затем расстелила карту. Говоря, Гарви водил по карте указательным пальцем:

— Скауты находятся в этом районе. Единственный путь оттуда ведет прямо сюда. Им нет нужды тревожиться насчет этих плотин, поскольку они могут двигаться не только по дорогам. Мы же были прикованы к дороге, в противном случае нам пришлось бы идти пешком. Но у нас не было снаряжения для пешего похода.

Мария обдумала сказанное. Поглядела на свою обувь, провела пальцами по жакету. Она-то была готова идти пешком, и Гарви тоже, но в словах его был смысл. Наверняка, если придется идти пешком, несколько часов разницы никакого значения не имеют.

— Чего мы здесь ждем?— спросила Джоанна.

Марк всунул голову в окно.

— Конечно, это поместье сенатора Джеллисона. Мне кажется, я узнаю его. Гарви, вы поступили умно, адресовав сообщение дочери сенатора, а не ему самому.

— Ждать,— сказала Мария.— И сколько ждать?

— Господи, откуда, черт побери, я знаю?!— взорвался Гарви.— Столько, сколько им потребуется на решение, пускать ли нас. На этом ранчо введены уже организация, порядок и дисциплина, разве вы не заметили? И у них хватает пищи, вид у этого стража был не голодный. Вероятно, нам удастся покормить ребят, когда они придут сюда. О нас самих я уж умалчиваю.

Мария покорно кивнула.

— Трудность состоит вот в чем,— продолжал Гарви,— как нам убедить их принять нас? Взорвав тот мост, они тонко намекнули, что не желают видеть у себя беглецов из долины. Мы должны оказаться для них полезными. Это означает, что мы способны сделать все, какое бы дело им от нас не потребовалось. И это, черт возьми, никаких споров вызывать не должно. Мария, постарайтесь тут не мешать нам, иначе вы все испортите. Мы теперь нищие. Просители.

Он подождал, пока она осознает его слова, затем обернулся к Джоанне:

— Теперь, что касается вашего ружья. Не знаю, заметили ли вы

легкое движение рукой, которое сделал тот парень, который остановил нас? Но он своей рукой сделал странный жест. Левой рукой. Мне кажется, что если бы вы наставили на него свое ружье, эта идея была бы не из самых удачливых.

— Я это понимаю,— сказала Джоанна.

— Что ж,— Гарви обернулся к Марку.— Переговоры, если нет возражений, буду вести я.

Вид у Марка был пришибленный. Кто выволок Гарви из его спальни и потащил его в такую даль? Марк стоял под дождем, вода потоками стекала с его куртки, лилась в ботинки. Марк ждал. Молчал.

— Приближается целая компания,— сказал наконец Марк и показал на подъездную аллею.

Три человека верхом на лошадях — в желтых плащах и хорошо защищающих от дождя шляпах. Один из них держался на лошади не вполне уверенно. Невесело ухмыляясь, он то и дело цеплялся за ее гриву. Когда он подъехал ближе, Гарви узнал Эла Харди, помощника Джеллисона по административным делам, «политического убийцу», как некогда его прозвали в Вашингтоне.

«Убийца»,— подумал Гарви. Это выражение можно теперь воспринимать более буквально, чем прежде.

Харди слез с лошади и передал поводья одному из всадников. Подошел к вездеходу и заглянул внутрь машины.

— Здравствуйте, мистер Рэнделл,— сказал он.

— Здравствуйте.— Гарви, весь напрягшись, ждал продолжения.

— Кто эти люди?— Эл пристально всмотрелся в Марию, но ничего не сказал.

Гарви подумал, что Харди видел Лоретту только один раз, несколько месяцев назад. Когда это было? Давно, во всяком случае. А Марию Ванс он не видел никогда, но уже знает, что она — не Лоретта. Работа политического деятеля, советника сенатора, подразумевает, что у него хорошая память на имена и лица...

— Соседка,— сказал Гарви.— И двое моих работников.

— Понятно. Вы приехали из Лос-Анджелеса. Вы знаете, как обстоят дела в Лос-Анджелесе?

— Они знают,— показав на Марка и Джоанну, ответил Гарви.— Они видели приближающуюся к городу волну цунами.

— Мы можем принять двоих из вас,— сказал Харди.— Не больше.

— То есть никого,— сказал Гарви. Он сказал это быстро, раньше, чем успел бы сказать что-нибудь иное.— Спасибо, придется нам продолжать свой путь...

— Подождите.— Харди окинул его задумчивым взглядом.— Ладно, отдайте мне ваше ружье. Передайте мне его медленно и не наставляя его на меня.— Он принял ружье и передал тому охран-

нику, который первым встретил Гарви. Тот уже тоже слез с лошади.— У вас есть еще какое-нибудь огнестрельное оружие?

— Этот пистолет,— Гарви продемонстрировал свой спортивный пистолет.

— Хорошо. Отдайте его мне тоже. Если вы здесь не останетесь, ваше оружие будет вам возвращено.— Харди взял пистолет и засунул его себе за пояс.— Теперь освободите для меня место на заднем сиденье.

Он сел на заднее сиденье, сел так, чтобы то, что он говорит, могли слышать все — и его товарищ, и приехавшие на вездеходе.

— Вы на мотоцикле поедете следом за нами,— сказал он Марку.— Держитесь ближе к машине. Я их впускаю, Джил. С ними все в порядке.

— Вам решать,— сказал тот, который первым встретил Гарви.

— Поехали,— сказал Харди Рэнделлу.— Ведите машину осторожно и медленно.

Ворота открылись, и Гарви проехал сквозь них. Следом ехал Марк, а позади всех третий всадник, ведя на поводу двух других лошадей.

— Почему вы не оставили лошадей тому, кто охраняет ворота?— спросил Гарви.

— У нас больше автомобилей, чем лошадей,— объяснил Харди.— Если какой-нибудь чертов дурак попытается выкинуть какой-либо фокус, лучше лишиться автомобиля, чем лошади.

Гарви кивнул. Та машина — на случай, если нужно срочно передать что-то тем, кто живет в доме на вершине холма. Очевидно, его послание показалось стражу не настолько срочным, чтобы из-за него тратить бензин.

Вездеход двигался вперед, через толстый слой грязи, покрывший дорогу. Гарви пытался угадать, далеко ли еще ехать. Проехали мимо дома управляющего. Дальше, за апельсиновыми рощами,— большое здание, стоящее на вершине холма. Вид у апельсиновых деревьев был жалкий, у многих из них с кроны облетели листья, но фруктов на земле что-то не видно. Гарви воспринял этот факт с одобрением.

* * *

В гостиной Маурин не было. Зато здесь был сенатор Джеллисон. На большом обеденном столе была расстелена карта. Возле этого стола стояли карточные столики, заваленные какими-то списками и прочими бумагами. Еще на столе стояла бутылка «бурбона». Она была почти полной.

Входя в дом — большой, каменный,— прибывшие сняли обувь

и оставили ее на веранде. Сенатор встал. Он не протянул руку вошедшим.

— Я предложу вам выпить, если вы заранее согласитесь с тем, что постоянно рассчитывать на это угощение вы не вправе,— сказал Джеллисон.— Когда-то, в давние времена, если человеку предлагали еду и питье, это означало, что его приняли в качестве гостя. Теперь такое угощение ровным счетом ничего не означает.

— Понимаю,— сказал Гарви.— Можете угостить меня порцией выпивки.

— Прекрасно. Эл, проводите женщин на кухню, к плите. Они оценят возможность высушить свою одежду. Извините мне мои манеры, уважаемые дамы, но сейчас я несколько занят.— Он подождал, пока женщины выйдут, затем жестом пригласил Гарви сесть. Марк с неуверенным видом застыл в дверях.— Вы тоже,— сказал Джеллисон.— Выпьете?

— Ответ вы и сами знаете,— сказал Марк. Когда бутылка оказалась в его руках, он налил себе в стакан чудовищно большую порцию. Гарви сморщился и глянул в сторону сенатора. Лицо Джеллисона не изменило своего выражения ни на йоту.

— С Маурин все в порядке?— спросил Гарви.

— Она здесь,— ответил Джеллисон.— Где ваша жена?

Гарви почувствовал, как кровь прилила к его лицу.

— Она мертва. Убита. Она находилась в доме, когда какие-то мерзавцы решили ограбить его. Если у вас есть сведения о голубом фургоне, сопровождаемым мотоциклистами...

— Ничего подобного в моем списке желанных гостей нет. Но — примите мои сожаления о миссис Рэнделл. Так что за люди приехали с вами?

— Высокая женщина — Мария Ванс, моя соседка. Горди Ванс вместе с группой скаутов отправился к Трясущейся Осине. Он взял на себя заботу о моем сыне. Я обязан заботиться о его жене.

— Ох-хо-хо. Элегантная дама. Она может совершать пешие переходы или эти сапоги у нее для вида?

— Она может совершать переходы. Еще она умеет готовить. Я не могу оставить ее.

— Повара у меня есть. А остальные?

— Они вытащили из дерьма мою задницу. Я уже был готов лечь и помереть — после того, как я обнаружил Лоретту.— Виски согрело Гарви, и он чувствовал, что напряженность устроенного сенатором допроса все усиливается. Человек, бывший в прошлом и судьей, и адвокатом, не собирался тратить слишком много времени на принятие решения.— Марк и Джоанна нашли меня и опекали до тех пор, пока я снова не ощутил себя живым. Они помогли и Марии. Я — с ними.

— Конечно. Хорошо, что вы умеете делать?

Гарви пожал плечами.

— Умею водить вездеход. Еще... черт, а ведь есть какой-то опыт, многое пришлось пережить... умею совершать пешие переходы, был военным корреспондентом, был пилотом вертолета...

— Вы были в Лос-Анджелесе. Что там творится?

— Лучше спросить Марка и Джоанну. У нас есть информация, если только она окажется для вас полезной.

— Цена информации — еда и питье. Вы сказали мне, что если я приму вас, то ваши попутчики тоже должны остаться здесь?

— Да. Боюсь, что это так. Мы внесем свой вклад в вашу деятельность — если вы сможете кормить нас.

Джеллисон задумчиво поглядел на Гарви:

— За вас, можете считать, подан один голос. Голос Маурин. Но есть и мой голос: против.

— Я заранее догадывался об этом. Я сделал вывод, что вы не очень настроены привечать беглецов. Мост и все...

— Мост?

— Тот большой, который был переброшен через ответвление озера. Как раз после того, как плотина рухнула...

— Плотина рухнула?— Джеллисон нахмурил брови.— Эл!— крикнул он.

— Да, сэр?— Харди появился мгновенно. Его рука была засунута в карман плаща. Карман оттопыривался. Увидев, что все трое спокойно сидят в своих креслах, попивая виски, Харди расслабился.

— Он говорит, что плотина рухнула,— сказал Джеллисон.— Вам уже сообщили об этом?

— Пока нет.

— М-да,— Джеллисон со значением кивнул. Харди, видимо, понял, что означает этот кивок.— Теперь расскажите мне о мосте,— сказал Джеллисон.

— Двое мужчин взорвали его. Сразу после того, как рухнула плотина. Динамитом, с обеих сторон.

— Похоже, я оказываюсь по уши в дерьме. Опишите мне этих мужчин.— Джеллисон выслушал, затем кивнул.— Все правильно. Кристоферы. У нас, вероятно, будут с ними затруднения.— Сенатор обернулся к Марку.— Армия?— спросил он.

— Военно-морской флот,— ответил Марк.

— Кадровый служащий? Стрелять умеете?

— Да, сэр,— и Марк начал рассказывать одну из историй о своих вьетнамских приключениях. Возможно, эта история была правдой, а может, и нет, но Джеллисон не стал ее слушать.

— Умеет?— спросил он Рэнделла.

— Да. Я видел, как он стреляет,— сказал Гарви. Охватившее его напряжение стало спадать, он чувствовал, как разглаживаются

вздувшиеся на его шее бугры. Похоже, дела пошли на лад, похоже, сенатор пожелает принять его...

— Если вы хотите остаться здесь, вам придется безоговорочно признать меня своей высшей властью,— сказал Джеллисон.— Подчиняться лишь мне — и никому иному. Быть верным лишь мне.

— Понятно,— сказал Гарви.

Джеллисон кивнул:

— Что ж, попробуем.

* * *

Воды Средиземного моря возвращались обратно — прочь от уничтоженных потопом городов, от Тель-Авива и Хайфы. И одновременно на высокогорья Судана и Эфиопии обрушились грозовые бури. Гигантские волны понеслись вниз по течению Нила — и ударили в Асуанскую плотину, уже ослабленную землетрясениями, последовавшими за падением Молота. Плотина обрушилась, добавив 130 миллионов кубических акрофутов воды к водам, переполнившим реку. Уничтожая все на своем пути, вода промчалась по дельте Нила — через древние города, через Каир. Основание Великой пирамиды не выдержало удара — пирамида рухнула в ревущий поток.

Десять тысяч лет цивилизации оказались уничтоженными водой. Вода унесла с собой даже обломки этой цивилизации. На всем протяжении — от Первого водопада вплоть до Средиземного моря — в дельте Нила не осталось ничего живого...

ЧИЧИЧИ

Услышь нас, когда мы взываем с тоской
К Тебе, погибая в пучине морской.
Молитва моряков

Эйлин спала, уткнувшись головой в развернутую горизонтально спинку сиденья. Спала, не снимая ремня безопасности, лишь расслабив его. Ворочалась в такт движения машины. Тим неожиданно для себя услышал, как Эйлин начала похрапывать. Когда начался длинный спуск, Тим, перегнувшись, потуже затянул ремень Эйлин. Затем выключил двигатель.

Он вспомнил, что именно так поступал шофер тогда, в Греции. Все дороги в Греции идут сверху вниз. Водитель так сделал даже тогда, когда они шли из Дельф через Парнас к Фермопилам,— а дорога там очень узкая и очень извилистая. Это было просто ужас-

но, но водитель настоял на своем. В Греции, должно быть, самый дорогой бензин в мире.

Что там творится сейчас в Фермопилах? Смыло ли наводнением Могилу трехсот спартанцев? Волны вряд ли захлестнули Дельфы — если они не были высотой с Акрополь. Греции приходилось и прежде переживать стихийные бедствия.

Дорога в этом месте извивалась, виляла. Тим, осторожно пользуясь тормозами, легко взял поворот. Лежащий впереди участок дороги на долгом протяжении шел прямо. А еще дальше по склону вновь начинались извивы. Мокрая, полуразрушенная дорога. И оттого, что в машине рядом с ним находилась Эйлин, Тим особо остро почувствовал, какой он неважный водитель.

Очертания горных вершин изменились.

Дорога в этом месте обрывалась. Тим ударил по тормозам, остановил машину. Вылез наружу, под несильный дождь. Капли дождя на вкус были пресными. Соленый дождь, во всяком случае, кончился.

Дорога и весь откос, круто уходящий вниз, и вся гора были разорваны в этом месте разломом. Глубина провала достигала футов двадцати, а то и больше. Внизу кучами громоздилась грязь, так что местами уровень ее отстоял от уровня дороги футов на четыре, на пять.

По телевизору показывали фильмы, где машины перелетали через расщелины и пошире. В одном фильме демонстрировали автомобиль, перепрыгивающий через рвы, летящий над насыпями, и диктор сказал, что эту машину даже почти не модифицировали...

Способен ли «блейзер» на такое?

Есть ли какие-либо шансы? Провал выглядел так, будто он тянулся на целые мили. Тим вернулся в машину и задом отвел ее на пятьдесят ярдов. Обдумал, насколько все это возможно с физической точки зрения. Если машина приземлится на самом краю провала, то грохнется она вниз носом, следовательно, и Эйлин, и он сам погибнут. Полет должен быть горизонтальным, а это означает скорость и еще раз скорость. Недостаточная скорость — это смерть.

Он поставил машину на тормоза и снова сходил к расщелине. Будить Эйлин? Эйлин его идея испугает до смерти. Где-то сзади, тусклый в струях дождя, вспыхнул свет фар чьей-то чужой машины. И, увидев этот свет, Тим решился. Он не знает, кто находится в этой чужой машине, да он и знать не хочет. Тим вернулся к «блейзеру». Мысленно составил уравнение: предположим, «блейзер» имеет в длину пятнадцать футов; падает он с ускорением в 1 g. Тим влез в машину и двинул ее с места. Если передний конец машины опустится не более чем на два фута, пока задние колеса еще не оторвались от дороги, потом они тоже окажутся в воздухе, вся машина уже окажется в воздухе... значит,

это одна треть секунды. Итак, получается пятнадцать футов за треть секунды, или, что то же самое, сорок пять футов за секунду. А сорок четыре фута в секунду — это тридцать миль в час. Следовательно, скорость должна равняться примерно тридцати милям в час... А теперь — поехали...

Машина пролетела примерно шесть футов. Во время разгона инстинкт повелевал Тиму нажать на тормоза, но Тим удержался.

С сильным ударом машина приземлилась в грязь и по склону грязи съехала на дорогу. То, на что он решился, сейчас казалось Тиму неправдоподобным. Машина, будто ничего и не было, спокойно катила вниз по дороге.

От удара Эйлин подбросило. Она испуганно дернулась, приподнялась и выглянула в окно. За окном плыл — назад по ходу машины — склон холма. Эйлин замигала и, удовлетворенно вздохнув, заснула снова.

Спит, когда я совершил настоящий подвиг, подумал Тим. Лучший в своей жизни водительский подвиг. Он усмехнулся, щурясь в летящие навстречу дождь и грязь. Затем выключил мотор, и машина покатилась дальше под уклон по инерции.

* * *

Часом позже Эйлин все еще спала. Тим позавидовал ей. Ему приходилось слышать о людях, проводящих во сне большую часть своей жизни. Таким образом организм защищался от нервного потрясения. Беспробудно спали и люди, чья жизнь наяву приносила им одни разочарования. Тим мог понять их: сон в такой ситуации, действительно, соблазн. Но, разумеется, к Эйлин это не относится. Ей необходимо, вот именно необходимо поспать. Когда нужно, Эйлин — сама бдительность.

В этом месте дорожное покрытие было расколото на отдельные плиты. Тим включил мотор, добавил скорости. Машина помчалась, будто перелетая с одного бетонного островка на другой. Он вспомнил телевизионную передачу об автогонках Байя. Один из гонщиков в числе прочего сказал, что плохая дорога требует быстрой езды: машина не натыкается на выбоины, а перелетает через них. Когда Тим смотрел эту передачу, высказанное гонщиком соображение не показалось ему особенно удачным, но теперь, похоже, ничего другого и не оставалось. Плиты сдвигались под весом автомобиля, подпрыгивали, стуча в днище. Суставы сжимающих рулевое колесо пальцев Тима побелели. Зато Эйлин улыбалась во сне, будто раскачивание машины убаюкивало ее.

Тим ощутил себя вдруг очень одиноким.

Да, она не оставила его. Рискнув своей жизнью, осталась с ним. Но сейчас она спала, а он вел машину, и дождь беспрерывно бара-

банил по металлу — в дюйме над головой, а дорога начала выкидывать странные штучки. Как раз вон там ее покрытие изогнулось изящной аркой, словно созданный футуристом мост, и под этим мостом потоком бежала вода. Полоса бетона еще не обрушилась под собственной тяжестью, но веса машины ей уже наверняка не выдержать. Тим объехал — прямо по воде — эту «арку». Колеса машины продолжали крутиться, и мотор не заглох, и когда это стало возможно, Тим снова вырулил на дорогу.

Он потерял все. Он покинут всеми, кроме Эйлин. Он понимал, что деньги и кредитные карточки теперь потеряли всякую ценность. Это уж точно — потеряли. След пули, оставшийся в стекле,— это уже нечто иное. Посчитать, что езда прямо по газонам клуба есть вандализм! Обсерватория... но на данную тему Тиму не хотелось думать. Его выкинули из собственного владения, и при воспоминании об этом у Тима загорелись уши. Трус. Он чувствовал себя трусом.

Дорога, извиваясь, сбегала вниз по склону. Она делалась все шире, превращалась в гладкую прямую линию, тянущуюся вдаль. Вдаль... куда? В бесконечность? Ничего не остается делать, кроме как гнать машину все дальше. Дождь, словно обретя новые силы, яростно хлестал по машине. Тим включил двигатель и, почувствовав приступ отваги, увеличил скорость до двадцати миль в час.

— Где мы едем? Как дела?— спросила Эйлин.

— Съезжаем с гор. Дорога прямая, насколько можно видеть, нигде не повреждена. Поспи еще.

— Хорошо.

Когда Тим оглянулся на нее, она уже снова спала.

Он увидел лежащее впереди шоссе. Согласно дорожному знаку: Северное шоссе 99. Он перевалил через склон. Теперь можно двигаться со скоростью сорок миль в час. «Блейзер» мчался мимо стоящих неподвижно, заливаемых дождем машин, мимо машин, ранее ехавших по шоссе в обоих направлениях. И людей было много тоже. Тим каждый раз пригибался пониже, на ружье. И один раз то, чего он опасался, претворилось в реальность. Двое мужчин встали по обе стороны шоссе и навели на «блейзер» свои ружья. Они показывали жестами «Стой!» Тим пригнулся еще ниже, смаху вдавил педаль акселератора и направил автомобиль на одного из мужчин. Мужчина мгновенно отпрыгнул в грязь, во тьму. Каждым своим нервом Тим ждал, когда рявкнут ружья, но выстрелов не последовало. Подождав, Тим выпрямился.

Итак, что это все значило? Они, те самые, боялись понапрасну тратить боеприпасы? Или их ружья промокли настолько, что не могли выстрелить? Тим тихо сказал сам себе: «Если ты незнаком, и можешь не останавливаться...» Эти слова как-то сказал Гарви Рэнделл.

У них еще было горючее, они все еще продолжали ехать. Покрытое водой шоссе казалось чисто вымытым. Вода, должно быть, остановила все машины, меньшие по размеру, чем автомобиль Тима. Тим ухмыльнулся, глядя во тьму. Двести пятьдесят тысяч за машину? Что ж, пришлось заплатить, но товар того стоил. Высшего качества товар.

Дождь выдал очередной яростный залп, сразу обрушив на землю целое море воды, и затем внезапно прекратился.

На какое-то мгновение перед Тимом открылось все находящееся впереди пространство. И как раз в тот миг, когда дождь ударил снова, Тим нажал на тормоза.

Приехали. Все.

Эйлин села. Поставила вертикально спинку сиденья, автоматическими движениями огладила юбку.

— Мы уперлись в океан,— сказал Тим.

Она протерла глаза:

— Где мы?

Тим включил освещение. Расстелил на коленях карту.

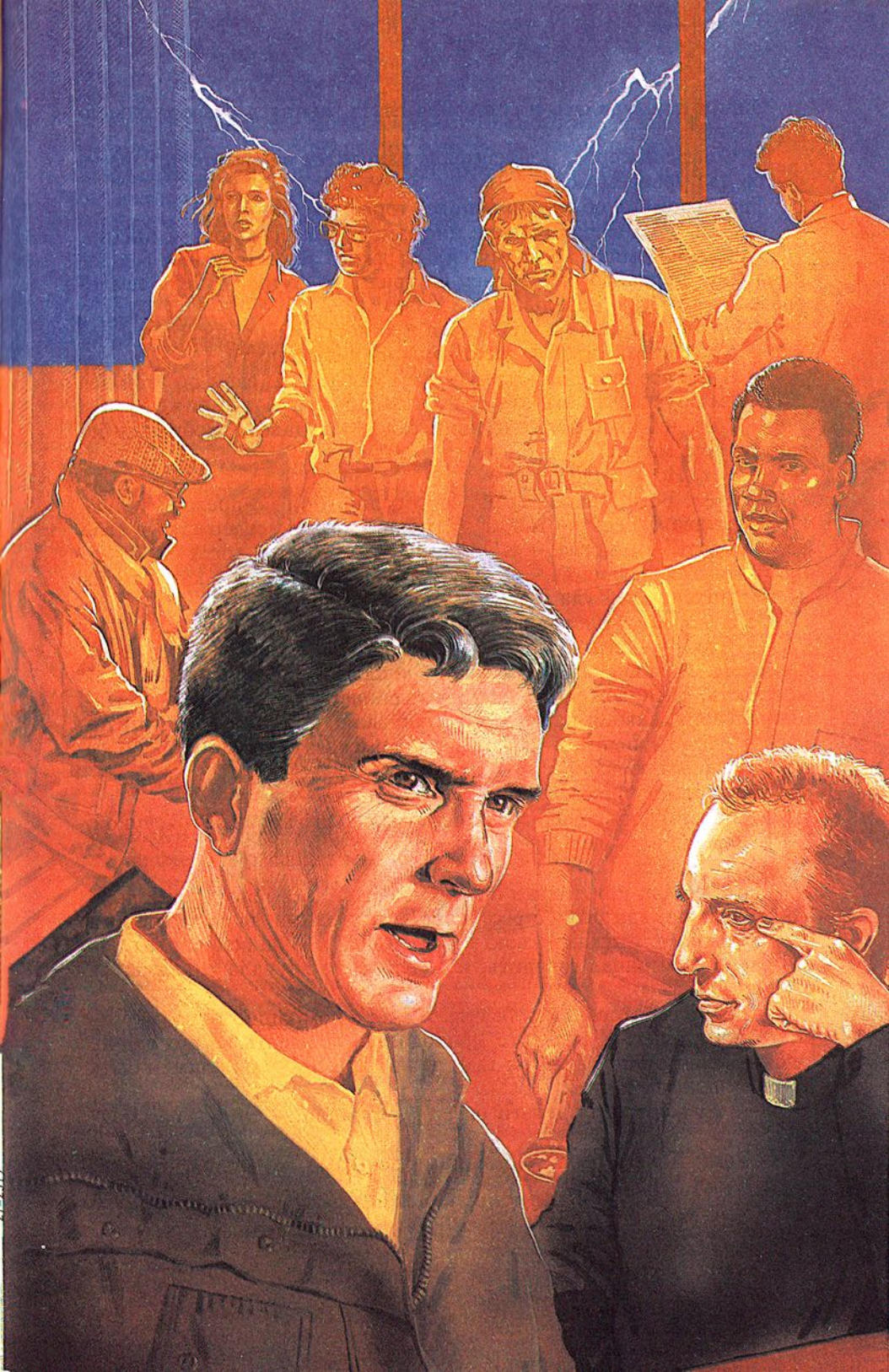
— Я все время держал направление на северо-восток и так, чтобы дорога шла вниз,— начал объяснять он.— До тех пор, пока мы не съехали с гор. А этих гор было много. Потом какое-то время я вообще не мог определить направление, поэтому я просто выбирал тот путь, который по-прежнему вел вниз. Наконец, я выехал на шоссе 99,— Тим не скрывал, как он горд. С его поганейшим чувством направления они могли заехать куда угодно.— С девяносто девятым все в порядке. Оно не разрушено. Только ты вот не видела пары ребятишек с ружьями. А еще не видела множества машин, которые не могут сдвинуться с места — ну, это для их владельцев неприятность, но не беда. Разумеется, дорога сплошь залита водой, но...

Эйлин внимательно изучала карту. Потом сощурилась, пытаясь проникнуть взглядом сквозь завесу дождя, пытаясь понять, что делается там, куда был направлен свет фар. Пытаясь извлечь из памяти хоть обрывки сведений об этой местности, воссоздать в мозгу ее образ. Но и она сама и Тим могли видеть лишь серый сумрак — кроме серебристо-серых струй дождя. Нигде ни огонька. Ничего не видно.

— Попробуй сдать назад,— низко пригнувшись к карте, попросила Эйлин. Тим чуть подал машину задним ходом. Попятился прочь из глубокого места и остановился только тогда, когда уровень воды сравнялся со ступицами колес.

— Дела у нас неважные,— сказала Эйлин.— Мы уже проехали Бейкерсфилд?

— Да.— Об этом свидетельствовали дорожные знаки, и здания, кажущиеся во тьме видениями, и гряда гор виднелась как раз под тем самым углом.— Не очень давно.

Эйлин нахмурилась и сощурила глаза, пытаясь разобрать мелкий шрифт.

— Согласно карте, Бейкерсфилд находится на высоте четыреста футов над уровнем моря.

Тим вспомнил об обрушившихся горных вершинах.

— Я бы не доверял больше цифрам, характеризующим высоту. Насколько я помню, во время сильмарского землетрясения вся долина Сан-Фернандо опустилась на тридцать футов. А ведь землетрясение это было несильным.

— Ладно. Начиная с этой точки местность все понижается и понижается. Считай, что мы находимся на низменности.

— И мы все ниже опускаемся, чем дальше мы едем по этой дороге, тем опускаемся все ниже, по низменности — все ниже...

— Тим, никакая волна цунами сюда, так далеко, добраться не может. Или может?

— Нет. Но льет дождь.

— Льет. Боги, такой страшный ливень, и он по-прежнему льет не переставая! Ведь не могла же голова кометы содержать в себе столько воды! Не могла!— и Эйлин перебила Тима, когда он, было, пустился в объяснения.— Оставим это. Давай думать, как нам из этого выпутаться. Куда мы хотим попасть?

Обратно, куда-нибудь на возвышенность.

— Итак,— сказал Тим,— вот и еще одна стоящая перед нами проблема. Я знаю, куда мы хотим попасть. Нам нужна сельская местность, расположенная на возвышенности. Скажем, район Национального секвойя-парка. Чего я не знаю, так это хочет ли кто-нибудь нас там видеть.— Он не посмел высказать свою мысль более определенным образом.

Эйлин на эту реплику ничего не ответила — ждала.

Тим постарался справиться с охватившей его нервной трясучкой.

— У меня есть одна идея...

Эйлин ждала.

Черт побери, как только он расскажет ей, все обратится в дым! Точно так же, как было с ресторанами и отелями, поджидающими их в Туджунге. Выскажи свою мечту, и она уже не исполнится. Но все равно Тим начал говорить, и в голосе его звучала тихая нотка отчаяния:

— Ранчо сенатора Джеллисона. Я внес в компанию по его избранию много денег. И мне уже приходилось побывать на его ранчо. Оно — *великолепно.* Если он там, он нас примет. А он должен быть там. Он человек умный.

— А ты жертвовал деньги на его компанию?— Эйлин рассмеялась.

— Тогда деньги были настоящими деньгами. И, милая, это все, что я сумел придумать.

— Прекрасно. Все равно я не могу припомнить одиноко живущего фермера, чем-то обязанного мне. Ведь фермеры сейчас хозяева положения, не так ли? Именно об этом мечтал Томас Джефферсон. Где находится это ранчо?

Тим постучал пальцем по карте — между Спрингвиллем и озером Саксесс, как раз под горами, где расположен Национальный секвойя-парк.

— Здесь. Значительную часть пути нам придется проделать под водой. А потом мы вынырнем и снова получим право дышать.

— Может быть, существует путь и получше. Погляди влево. Видишь железнодорожную насыпь?

Тим выключил потолочную лампу, затем выключил фары. Еще чуть немного, пока его глаза адаптируются, и...

— Не вижу.

— Ладно. Она должна быть там.— Эйлин взглянула на карту.— Южная Тихоокеанская железная дорога. Она делает изгиб, а дальше — прямо, как раз туда, куда нам надо.

Тим начал разворачивать машину.

— И что ты задумала? Дождаться поезда?

— Не совсем так.

Свет фар проникал недалеко: не мог пробиться сквозь завесу дождя. Ничего не было видно — лишь, куда не посмотри, море воды, заливаемое дождем.

— Что ж, будем надеяться, что там есть насыпь,— сказала Эйлин.— Поехали.— Она перебралась через Тима к рулевому колесу. Тим не мог понять, что у нее на уме, но послушно расстегнул ремень безопасности. Эйлин завела мотор, повернула машину на юг, обратно по дороге, по которой они приехали сюда.

— Там позади — люди,— сказал Тим.— И у двоих из них ружья. Кроме того, мне не кажется, что у нас есть сифон, так что нам не следует расходовать слишком много горючего.

— Хорошие новости со всех сторон.

— Я просто сказал тебе это,— промямлил Тим.

Он отметил, что вода стоит не выше ступиц колес. Дальше к западу земля повышалась, выставляя черные горбы над поверхностью мелководного моря. Вон рощица миндальных деревьев, а вон дом фермера. Эйлин резко повернула направо, туда, где не было никакой дороги. Автомобиль съехал с шоссе 99 и с натугой двинулся вперед — сквозь воду и грязь.

Тим боялся слово сказать, чуть ли не боялся дышать. Эйлин пробивалась все дальше, пересекла один, а потом и второй черный горб, выдавленные землей из воды, но эти кусочки относительно твердой поверхности были маленькими. Они были словно островки посреди океана, и машина шла сквозь океан, шла, заливаемая бесконечным ливнем. Вцепившись обеими руками в трясущийся борт,

Тим ждал, когда машина ухнет в какую-нибудь двухфутовую яму и погибнет.

— Там,— бормотала Эйлин.— Там.

Кажется, линия горизонта впереди сделалась чуточку выше? Мгновением позже Тим был уже твердо уверен: земля впереди вздыбилась длинным горбом. Пятью минутами позже машина подъехала к основанию железнодорожной насыпи.

Въехать на насыпь автомобиль не мог.

Эйлин вручила Тиму буксировочный трос и послала на насыпь, под дождь. Он перекинул трос через рельсы, пропустив конец снизу, и потянул на себя, добавляя вес тела. Тем временем Эйлин пыталась заставить машину взобраться по покрытому грязью откосу. Скользя, автомобиль упорно скатывался назад. Тим захлестнул петлей троса второй рельс. Выбирал каждую появившуюся слабину — дюйм за дюймом. Автомобиль полз вверх и снова скатывался назад, а Тим все выбирал слабину и тянул, тянул. Одно неверное движение, и трос переломает ему пальцы. Нужно перестать об этом думать. Так легче, когда тебя окружают беда и сумрак, когда осталось лишь — дождь и изнеможение и невыполнимая, невозможная задача. Все прежние победы и триумфы Тима были забыты, они не принесли никакой пользы...

До него не сразу дошло, что автомобиль уже взобрался на насыпь, стоял почти горизонтально, и что Эйлин подает гудком сигнал. Тим отвязал трос, свернул его кольцами и с трудом залез вместе с ним в машину.

— Мы молодцы,— сказала Эйлин.

Тим кивнул, ждал продолжения.

Если энергия и решительность Тима выдохлись без следа, то у Эйлин еще оставалось и то и другое.

— Полицейским известен этот трюк. Мне о нем рассказал Эрик Ларсен. Сама я никогда его не проделывала...

Машина въехала колесом на рельс, накренилась. Попятилась назад, развернулась, вначлонку удерживаясь на насыпи. Покачиваясь, снова двинулась вперед, и внезапно обе пары ее колес оказались стоящими на рельсах.

— Разумеется, для этого подходит не всякий автомобиль,— сказала Эйлин. Голос ее звучал менее напряженно и более уверенно, чем раньше.— Что ж, в путь...

Балансируя на рельсах, машина пошла вперед. По обеим сторонам отливало серебром недавно возникшее море. Машина двигалась медленно, качалась и вновь восстанавливала равновесие. Балансировала, словно танцор на проволоке. Рулевое колесо все время в движении, по миллиметрам. Эйлин — как натянутая струна.

— Если б ты заранее сказала мне, я бы не поверил, что такое возможно,— сказал Тим.

— Не думаю, что ты предпочитаешь, чтобы мы сдались без борьбы.

Тим не ответил. Он четко видел, что уровень воды постепенно приближается к верхней поверхности рельсов. Но продолжал он не верить или поверил, и во что он верил или не верил — об этом он решил промолчать.

* * *

Все дальше и дальше — прямо по морю. Уже не один час Эйлин ехала по воде. Чуть нахмурившаяся, с расширенными глазами, напряженно выпрямившаяся — она закрыла себя для всего постороннего. Тим не смел ей и слова сказать.

Вокруг никого не было — ни тех, кто взывал о помощи, ни тех, кто мог нацелить ружье. В свете фар и время от времени вспыхивающих молний были видны лишь вода и рельсы. Местами рельсы скрывались под водой, и тогда Эйлин замедляла и без того медленный ход и вела машину буквально наощупь. Один раз молния высветила крышу какого-то большого дома. На крыше виднелись шесть человеческих фигур — все в блестящих дождевиках. Двенадцать поблескивающих глаз глядели на автомобиль-призрак, идущий по воде. А потом повстречался еще один дом, но он плыл, лежа на боку, и вблизи него никого не было. А еще потом — на мили и мили тянулись прямоугольной формы посадки, затопленные фруктовые сады, и из воды торчали только верхушки деревьев.

— Я боюсь остановиться,— сказала Эйлин.

— Я уже понял это. Я боялся отвлекать тебя.

— Нет, говори со мной. Не давай мне уснуть. Сделай так, чтобы я поняла, что все это на самом деле. Это какой-то кошмар.

— О Господи — да. Я хорошо знаю, как выглядит поверхность Марса, но такого — такого больше нет нигде во вселенной. Ты видела тех людей, смотрящих на нас?

— Где?

Разумеется, она ни на миг не могла оторвать взгляда от рельсов. Тим рассказал ей о людях, стоявших на крыше.

— Если они выживут,— сказал он,— от них пойдет легенда — легенда о нас. Если кто-нибудь им поверит.

— Мне это нравится.

— Не знаю. Легенда о Летучем Голландце?— получилось бестактно.— Хотя — мы же не будем оставаться в этих местах вечно. Эти рельсы доведут нас до Портервилля, а там уже никто не попытается помешать нам.

— Ты думаешь, что сенатор Джеллисон примет тебя?

— Конечно.— Даже если надежда обманет, они с Эйлин окажутся в безопасном районе. Это какое-то волшебство, фокус — ехать в

Портервилль по рельсам железной дороги. Он должен помочь ей и ни в коем случае не мешать.

Следующий вопрос Эйлин оказался для Тима неожиданным.

— А меня он примет?

— Ты сошла с ума? Ты представляешь гораздо большую ценность, чем я. Помнишь обсерваторию?

— Конечно. В конце концов, я очень хороший бухгалтер.

— Если люди, живущие в окрестностях Портервилля, организовались — наподобие того, как было в Туджунге, им понадобится бухгалтер. Чтобы учитывать распределяемое имущество. Возможно, они даже ввели систему меновой торговли. А тут могут возникнуть трудности, деньги-то вышли из моды.

— А теперь я могу сказать, что ты сумасшедший,— заявила Эйлин.— Все, кто платит налоги, умеют вести счета. Все, кроме тебя, Тим. В эту страну съехалось множество бухгалтеров и юристов, и им захотелось, чтобы все походили на них, и в этом они чертовски преуспели.

— Не совсем так.

— Мне кажется, что именно так. Бухгалтеров сейчас хоть пруд пруди.

— Я там без тебя не останусь,— сказал Тим.

— Конечно. Я это знаю. Вопрос в том, впустят нас или нет. Есть хочешь?

— Естественно, хочу, детка,— Тим потянулся к заднему сиденью.— Фриц дал нам томатный суп и цыпленка с рисом. И то и другое — консервы. У нас есть на чем подогреть их. Ты можешь вести машину одной рукой?

— Наверное, нет. Сейчас — нет.

— О, пустяки. Все равно у нас нет консервного ножа.

* * *

Благодарение Богу, что существуют и невеликие чудеса. Их легче понять.

Одним из таких малых чудес была дорога — она выдавалась из моря, пересекая рельсовый путь. Рельсы прорезали дорожное покрытие. Эйлин вдавила тормозную педаль — так резко, что Тим чуть не вылетел в ветровое стекло.

Тим и Эйлин разложили спинки сидений и, обнявшись, уснули.

Эйлин спала беспокойным сном. Она вскрикивала, дергалась, лягалась. Тим обнаружил, что когда он гладит ее ладонью по спине, она расслабляется и засыпает более крепко. И тогда он может уснуть тоже — до следующего вскрика.

Он проснулся. Беспрерывная ночь, пронизанная воем ветра. И панически вонзившиеся в его руку ногти Эйлин. И страшно раска-

чивающийся автомобиль. Глаза Эйлин широко раскрыты, губы напряжены.

— Ураган,— сказал Тим.— Сильный удар, пришедшийся в океан, породил ураганы. Радуйся, что мы уже успели найти безопасное место.— Эйлин ничего не ответила.— Мы здесь в безопасности,— повторил Тим.— Пока он бушует, мы можем поспать.

Эйлин рассмеялась:

— Ты даешь! А что бы произошло, если бы он застиг нас, когда мы ехали по рельсам?

— Тогда бы тебе осталось лишь надеяться, что ты действительно такая хорошая, какой себе кажешься.

— О Господи,— сказала Эйлин и — невероятно — тут же опять уснула.

Вой и раскачивание. Тим лежал рядом. Переворачивали ли ураганы автомашины? Еще как переворачивали. И, думая об этом, Тим почувствовал, что он голоден. Может быть, удастся с помощью бампера открыть банку с супом? После того, как кончится ураган.

Он задремал... и проснулся. Вокруг было абсолютно тихо. Даже дождь не шел. Тим разыскал банку с супом и вылез из машины. Он умудрился погнуть бампер (немножечко), зато надорвал крышку банки. Он глотал суп — именно к такому супу он всегда относился с величайшим почтением.

Он поднял глаза к небу и увидел россыпь звезд — чистых и ясных.

— Прекрасно!— сказал он. И торопливо полез обратно в машину.

Эйлин уже не спала — сидела. Тим отдал ей банку с супом.

— Я думаю, мы сейчас в глазу урагана. Если хочешь увидеть звезды, быстро глянь и возвращайся обратно.

— Нет, спасибо.

Суп был холодный и тянучий. После него и Эйлин, и Тиму захотелось пить. Решив собрать дождевую воду, Эйлин выставила банку на крышу машины. А потом они с Тимом легли снова, дожидаясь утра.

Ливень начался снова — неистовый, сильный. Тим потянулся в окно за банкой и обнаружил, что она исчезла. Он разыскал на полу пустую банку из-под пива, содрал с нее крышку. Дважды наполнил ее дождевой водой, льющей с крыши машины.

Несколькими часами позже ливень утих, превратился в покрапывание. Был самый разгар дня, с неба сочился тускло-серый свет, и можно было видеть, что вокруг — море, по волнам которого плыли различные предметы и трупы. Плыли трупы собак, кроликов и коров. И бесчисленное количество человеческих тел. Плыло дерево во всех его видах и формах: стволы, мебель, стены домов. Тим вылез и выловил из воды несколько обломков. Сложил их на бак машины.

— Если мы найдем себе какое-нибудь убежище,— сказал он,— у нас есть еще одна банка супа.

— Хорошо,— ответила Эйлин. Она сидела, четко выпрямившись, управляла рулевым колесом. Двигатель урчал. Тим не торопил Эйлин. Он знал, что любое дело делается лучше, если оно делается без принуждения. И он знал, чего ей стоило то, что она сейчас делала.

Эйлин передвинула рычаг.

— Держись,— сказал Тим, показывая, и положил руку ей на плечо. Эйлин кивнула и перевела рычаг обратно на нейтраль.

Серебристо-серым валом к ним катилась волна. Волна не была высока. Когда она докатилась до машины, в высоту она достигала не более двух футов. Но на протяжении всей ночи уровень моря повышался, и сейчас вода стояла у ободов колес. Волна мягко ударила в машину, подняла ее, понесла. И почти сразу опустила ее — мотор не успел заглохнуть.

Голос Эйлин прозвучал обессиленно:

— Что это? Снова землетрясение?

— Я бы предположил, что где-то обрушилась дамба.

— Понимаю. Так и было.— Эйлин попыталась рассмеяться.— Дамба рухнула! Всю жизнь теперь — удирать!

— Чероки бегут от Форта Мюдж!

— Что?

— Так. Оставим это,— сказал Тим.— Вся эта вода там... то есть здесь, означает, что рухнула отнюдь не первая дамба. Обрушились, вероятно, все плотины и дамбы. Может быть, кое-где инженеры и механики успели вовремя открыть водостоки. Может быть. Но большинство плотин разрушено.— Это, подумал он, означает, что электроэнергии, видимо, нигде больше нет. Сдохли даже центры энергоснабжения на местах. И он подумал: а может, уцелели силовые станции и генераторы? Плотины можно будет выстроить заново.

Эйлин передвинула рычаг. «Блейзер» медленно двинулся вперед.

* * *

Рельсы Южной Тихоокеанской железной дороги довели их почти до Портервилля. Насыпь и лежащие на ней рельсы постепенно шли вверх. И, наконец, то, что лежало вокруг машины, уже не было морем. Это была земля, и выглядела она так, будто только что поднялась из морских пучин: воды Атлантики возвращались в свои берега. Но Эйлин продолжала вести машину по рельсам, хотя ее плечи и вздрагивали, сведенные напряжением.

— На железнодорожной насыпи нам не повстречаются ни люди, ни остановившиеся автомобили,— сказала она.— Так мы избежим встречи с ними, правда?

Но полностью уклониться от встреч с чужими не удалось. Временами по сторонам попадались группки беглецов. В самом жалком состоянии, они, обычно члены одной семьи, брели неизвестно куда.

— Я ненавижу себя за то, что мы без остановки преспокойно катим мимо них,— сказала Эйлин.— Но... кого из них нам следовало бы взять к себе? Первых же встреченных нами? Или выбрать кого-то? Неважно, как бы мы ни решили поступить, но машина была бы битком набита, а впереди — тоже люди...

— Все правильно,— сказал Тим.— А больше нам все равно ехать некуда.— Но задумался, ощущая ее мысли. Вправе ли они рассчитывать, что кто-нибудь поможет им? Они-то сами никому не помогали...

К юго-востоку от Портервилля они съехали с насыпи. Тут их дорога и железнодорожный путь расходились. Машину повел Тим, а Эйлин легла на раскинутом пассажирском сиденье. Она крайне устала, но заснуть не могла.

Было видно, что недавно все вокруг было затоплено. Поглядев на разрушенные здания, поваленные заборы и вырванные с корнем деревья, Тим уверился, что наводнение пришло сюда с того же направления, откуда ехали и они. Все было покрыто грязью, и Тим не раз получил повод гордиться точностью своего выбора. Вряд ли какая другая машина в мире прошла там, где проходил «блейзер».

— Озеро Саксесс,— сказала Эйлин.— Там лежит большое озеро, а плотина, должно быть, рухнула. Дорога проходит как раз вблизи этого озера...

— Да?

— Хотелось бы мне знать, нет ли там какой-либо иной дороги,— сказала Эйлин.

Они продолжали ехать все дальше и, наконец, добрались до перекрестка. Дорога отсюда шла вверх — в горы.

Все вокруг было покрыто грязью, всюду виднелись машины — во всевозможных положениях. В машинах были люди — мертвые люди. Эйлин и Тим были рады, что идет дождь. Дождь мешал увидеть все, мешал разглядеть покрытые грязью тела и машины. Дорога делалась все хуже. Местами она оказывалась размытой, местами полностью была завалена кучами грязи. Машину снова повела Эйлин, она чутьем угадывала, где должна лежать дорога. Она вела автомобиль и надеялась, что под слоями грязи колеса не потеряют связи с дорожным покрытием. «Блейзер» продолжал идти вперед, хотя и более медленно...

Эйлин и Тим увидели свет костра. Там сгрудилось с полдюжины машин — некоторые не хуже «блейзера» И люди — мужчины, женщины и дети. Вид у них был безрадостный. Каким-то образом собравшимся здесь удалось разжечь костер. Укрытая листом пластика,

виднелась куча поленьев. Люди оставались под дождем. Дрова были придвинуты поближе к огню, чтобы они могли просохнуть.

Тим поднес к костру вытащенные из «блейзера» просушенные деревянные обломки. Никто не сказал ему ни слова. Дети смотрели на него, и в глазах их тлела безнадежность. Наконец один из мужчин сказал:

— Вы там не проедете.

Тим, не отвечая, глянул на громоздящиеся впереди наслоения грязи. В грязи виднелись следы колес... Если там могла пройти другая машина...

— Проблема в другом,— сказал мужчина.— Мы смогли там проехать. Но мост впереди — разрушен.

— Но можно и пешком...

— А еще там вооруженные винтовками люди. Они не вступают в переговоры. Сперва они выстрелили — так, чтобы пуля прошла между мной и моей женой. Я понял, что следующий выстрел уже не будет предупреждением. Но тех, кто стрелял, я даже не видел.

Вот и настал он — конец пути. Тим сел возле огня и начал смеяться — сначала тихо, а затем громче, в нарастающей истерике. Два дня. Два? Да. Сегодня Пятница, Затопленная Грязью Пятница, следующая за Вторником Катастрофы, и дорог, ведущих в горы, более не существует, и добраться до поместья сенатора теперь невозможно. Опять люди с ружьями. Мир принадлежит людям с ружьями. Может, это стрелял сенатор. Перед глазами всплыло неправдоподобное: сенатор Джеллисон во всей красе — полосатые брюки, легкий пиджак и винтовка, именно так и должен одеваться преуспевающий лидер...

— Так и бывает,— сказал Тим.— Расскажите о своей мечте — и этим вы убьете ее. Так всегда и бывает!— Он расхохотался снова.

— Возьмите, пожалуйста,— сказал другой мужчина, огромный, с мощными волосатыми руками. С помощью носового платка вытащил из огня оловянную банку. Вылил содержимое банки в пластмассовую чашку, глянул на Тима, словно раскаиваясь в том, что делает, и из кармана куртки вынул плоскую пинтовую бутылку. Плеснул в чашку ром и передал ее Тиму.— Выпейте, только не потеряйте чашку. И прекратите это. Вы пугаете детей.

Ну и что? Это для Тима уже привычное дело — ощущать стыд. «Не устраивай сцен». Сколько раз ему это повторяла мать. И отец тоже, и все остальные тоже...

Кофе с добавкой рома на вкус был совсем не плох и согрел Тима. Хотя большого облегчения от него не было. Эйлин принесла оставшуюся банку супа и предложила ее присутствующим. Все сидели в молчании, деля то, чем они располагали: суп, растворимый кофе и тушка утонувшего кролика, поджаренная на пруте вместо вертела.

Разговаривали очень мало. Наконец, присутствующие начали подниматься.

— Мы двинем на север,— собирая свое семейство, сказал один мужчина.— Кто-нибудь хочет со мной?

— Конечно.— Остальные решили присоединиться к этому мужчине. Тим почувствовал облегчение. Они уедут, оставив его с Эйлин. Надо ли ему ехать с ними? Зачем? Им все равно неизвестно, куда они хотят добраться, им некуда ехать.

Все присутствующие встали и направились к своим машинам. Все, кроме великана, угостившего Тима кофе. Он остался сидеть: он, его жена и двое детей.

— Вы тоже, Брэд?— спросил новый предводитель.

— Машина сломалась,— великан махнул рукой в сторону «линкольна», стоящего возле грязевого оползня.— Наверное, сломана ось.

— А горючее в ней осталось?— спросил предводитель.

— Мало.

— Мы все же попытаемся. Если вы не возражаете.

Великан пожал плечами. Из «линкольна» уезжающим удалось добыть не больше пинты бензина. Машины их были битком набиты, места ни для кого иного в них не оставалось абсолютно. Предводитель все медлил. Поглядел на остающихся, как глядят на приговоренных к смерти.

— А вот этот ваш кусок пластика? И растворимый кофе?— сказал он. Сказал он это очень задумчиво и, не получив ответа, пошел прочь. Кавалькада машин двинулась вниз по склону, скрылась за завесой дождя.

Вокруг костра остались сидеть шесть человек. Тим, Эйлин и...

— Меня зовут Брэд Вагонер,— сказал великан.— Это Роза, Эрик и Консепсьон. Имя для мальчика выбрал я, в моей семье было такое имя, для девочки выбрала жена. Роза. Думали, что и дальше так будем делать, если у нас появятся еще дети.— Похоже великан был рад, что есть с кем поговорить.

— Я — Эйлин, а это Тим. Мы...— Эйлин запнулась.— Разумеется, это было б неправдой — сказать, что мы рады с вами встретиться. Но, наверное, мне это следует сказать в любом случае. И мы очень вам признательны за кофе.

Дети вели себя очень тихо. Роза Вагонер, обняв, привлекла их к себе и что-то тихо говорила им по-испански. Дети были совсем маленькие, лет пяти-шести, не больше, они прильнули к матери. На них были желтые нейлоновые плащики и теннисные туфли.

— Вы сели на мель,— сказал Тим.

Вагонер кивнул. И ничего не ответил.

Он справится с двумя такими, как я, подумал Тим. И у него — жена и двое ребятишек. Нам лучше убраться отсюда, пока он не

переломил мне шею и не забрал «блейзер». Тима охватил страх. И было стыдно, потому что Вагонеры не сказали и не сделали ничего, чтобы появились подобные подозрения. Просто уже одно то, что они находились рядом...

— Все равно ехать некуда,— сказал Брэд Вагонер.— Мы из Бейкерсфилда, а от него мало что осталось. Наверное, сразу же следовало уйти в горы, но мы думали, что надо бы разыскать в городе что-нибудь съестное. И прочие припасы. И опоздали: плотина успела обрушиться.— Он глянул на возвышающийся над ним крутой склон холма.— Если дождь прекратится, может быть, мы попытаемся разыскать для себя какое-нибудь место. Пойдем пешком и будем искать. А у вас есть какие-нибудь планы?— Великан не смог скрыть прорвавшейся в его голосе мольбы.

— Не то чтобы планы...— Тим уставился в угасающее пламя.— Мне подумалось, что я кое-кого знаю там, наверху. Я имею в виду политика, на которого дал много денег. Сенатора Джеллисона.— Там. Теперь с этим наверняка покончено. И что теперь делать?

— Джеллисон,— задумчиво пробормотал Вагонер.— Я голосовал за него. Может, можно на это рассчитывать? Вы еще будете пытаться добраться туда?

— Да только об этом я и способен думать,— голос Тима прозвучал безнадежно.

— Что вы собираетесь делать?— спросила Эйлин. Взгляд ее (случайно ли?) остановился на детях.

Вагонер пожал плечами:

— Найти какое-нибудь место и начать все с начала, так, наверное,— он рассмеялся.— Я строил высотные дома. Заработал на этом много денег, но... такой хорошей машины, как у вас, так и не приобрел...

— Вы бы удивились, узнав, сколько она мне стоила,— сказал Тим.

Огонь костра угас. Пора. Эйлин пошла к «блейзеру», Тим следом. Брэд Вагонер остался сидеть — вместе с женой и детьми.

— Я не могу этого вынести,— сказал Тим.

— Я тоже,— Эйлин взяла его за руку, сжала.— Мистер Вагонер! Брэд...

— Что?

— Идите к нам. Садитесь.— Эйлин подождала, пока Вагонеры разместятся в «блейзере». Взрослые на заднем сиденье, дети на полу, сзади. Потом развернулась и поехала вниз по склону.— Жаль, что у нас нет хорошей карты.

— Карты у меня есть,— сказал Вагонер. Вытащил из внутреннего кармана мокрый лист бумаги.— Осторожней, она когда мокрая, легко рвется.— Это была изданная автоклубом карта округа

Туларе. Намного более полная, чем карта Шеврона, которой располагали Тим и Эйлин.

Эйлин замедлила ход «блейзера», остановилась. Внимательно рассмотрела карту.

— Вот этот мост — тот самый, который разрушен?

— Да.

— Погляди, Тим. Если мы вернемся назад и поедем к югу, там дорога, ведущая в горы...

— Что означает, что мы слишком уж долго ехали по Южной Тихоокеанской. Слишком уж, черт побери, долго.

— По Южной Тихоокеанской?— спросила Роза Вагонер.

Тим не стал объяснять. Они ехали к югу, пока не обнаружили возле дороги укрытое от дождя место, выемку в холме. И остановились, чтобы поспать. Сиденья Тим и Эйлин сначала уступили Вагонерам. И, укутавшись пластиковым листом, скорчились под ним, ждали, когда настанет их очередь.

* * *

— Возвышенность,— сказал Тим.— Она тянется к северу. И к востоку. А этой дороги на карте нет.— Он показал. Дорога была с гравиевым покрытием, но, похоже, она находилась в хорошем состоянии. И похоже, по ней можно было проехать. Она шла как раз в том направлении, что нужно.

У Эйлин кончались остатки надежды, а у «блейзера» кончались остатки горючего, и все же Эйлин свернула на эту дорогу. Дорога шла вверх — сквозь горы. Это просто везение, что удалось наткнуться на нее, и еще большее везение, что ее не уничтожил ливень, грязевые оползни и ураганы. Но никакое везение не может помочь, если дорога перекрыта заставой.

Четверо высокого роста мужчин, огромных, словно звезды футбола, или мафиози, как их показывают на экране телевизора. Рост и ружья придавали им вид отнюдь не дружелюбный. И они отнюдь не расплывались в улыбках. Желая узнать, что все это означает, Тим выбрался из машины. В одиночку. Один из мужчин пошел вниз по склону навстречу ему. Остальные остались стоять в стороне. И один из них (или это кажется?) показался Тиму знакомым. Кто-то, кого он видел на ранчо сенатора? Впрочем — какая от этого польза? И помимо этого «знакомого» были и другие, вооруженные, вставшие по ту сторону перегородившей дорогу баррикады.

Тим торопливо заговорил (при этом его очень беспокоило, что выглядит он как настоящий бродяга):

— Мы едем к сенатору Джеллисону. Хотим навестить его.— Произнес он это властным голосом, что стоило ему немало усилий и большого самоконтроля.

Тон его не произвел ни малейшего впечатления.

— Имя?

— Тим Хамнер.

Мужчина кивнул.

— Продиктуйте, как пишется по буквам.

Тим продиктовал. Его почему-то обрадовало, что его имя незнакомо дозорному. Мужчина крикнул стоявшим позади.

— Чак, посмотри, значится ли в списке сенатора Хамнер. Х-а-м-н-е-р.

Один из стражей заметно отреагировал на эту фамилию — даже сделал шаг к баррикаде. Тим был уверен, что где-то видел его прежде.

— У нас есть список людей, которых велено пропускать,— сказал первый стражник.— И, дружище, это короткий список. Есть у нас и еще один список — перечень профессий. Вы врач?

— Нет...

— Кузнец? Слесарь? Механик? Станочник?

«А отставной плейбой вам не нужен? Или астроном?— Тим вспомнил о Брэде Вагонере.— Или подрядчик по строительству зданий?» Он хотел высказать все это, но его прервали.

Из-за грузовика, стоявшего возле баррикады, донесся голос:

— Хамнера нет.

— Извините,— сказал страж.— Мы не хотим, чтобы вы перекрывали нам обзор дороги. Так что будем очень обязаны, если вы уедете со своей машиной — так, чтобы мы ее больше не видели. И не возвращайтесь обратно.

Расскажите о своей мечте, и она никогда не исполнится. Тим повернулся было, чтобы пойти прочь. Но...

Но нельзя уйти, уйти на смерть, даже не попытавшись хоть что-нибудь сделать. Тим увидел Эйлин и Розу Вагонер, глядящих на него из машины. Их лица сказали ему все. Они — знали.

Пытаться разыскать другую дорогу? Глупо. Бензин почти на исходе, ну а, предположим, если удастся ее найти? Эти люди знают, что где в этой местности расположено. Если есть неповрежденная дорога, ведущая в горы и — они ее перекроют.

Идти пешком? На краю ранчо сенатора Джеллисона возвышается большая белая скала размером с небоскреб. Может быть, удастся добраться туда... и получить там пулю...

И все же, подумал Тим, если я гожусь на что-нибудь, так это для разговоров. Бессмысленно и бесполезно пробираться ползком через заросли... Он повернул к баррикаде. Страж глянул на него раздосадованно — но не наставил пока винтовку прямо на Тима.

— Ваша машина на ходу,— сказал страж,— а вы не ранены. Я обязан заставить вас уехать.

— Ческу!— закричал Тим.— Марк Ческу!

— Здесь Ческу,— отозвался один из мужчин.— Здравствуйте, мистер Хамнер.

— И вы позволите мне так уехать? Даже не поговорив со мной?

Марк пожал плечами:

— Я здесь пока не совсем наравне с остальными.

— Да уж, мать-в-перемать, не совсем наравне,— подтвердил один из великанов.

— Но... Марк, мы можем поговорить?— спросил Тим.— У меня есть одна идея...— Думать приходилось быстро. О чем-то таком говорил Вагонер. Он строил дома. Но...

— Поговорить мы можем,— ответил Марк.— Но пользы от этого не будет.— Он передал винтовку одному из своих товарищей и, обойдя кругом баррикады, подошел к Тиму.— Так о чем поговорить?

Тим провел Марка к «блейзеру».

— Брэд, вы говорили, что строили здания. Вы подрядчик или архитектор?

— И то и другое.

— Так я и думал,— сказал Тим. Он говорил быстро, торопливо.— Итак, вы знакомы с бетоном. Умеете проводить конструкторские работы. Вы сможете построить плотину!

Вагонер нахмурился:

— Я полагаю...

— Послушайте!— с триумфом воскликнул Тим.— Плотины, дамбы!— Он показал на карту Автоклуба.— Посмотрите, здесь силовые станции, дамбы, все они расположены вдоль этой дороги, вплоть до Сьерры. Эти плотины и дамбы разрушены, но некоторые из маленьких силовых станций уцелели, а я достаточно разбираюсь в электричестве, чтобы заставить их работать, если кто-нибудь сможет построить плотину. Итак, здесь перед вами укомплектованная команда энергетиков. Команда, желающая заключить контракт. Команда энергетиков — это ценное приобретение,— Тим врал без оглядки, но ему не казалось, что стражи достаточно разбираются в электричестве, чтобы подловить его, устроив проверку.

И ведь он, Тим, знает теорию. Хотя и довольно смутно понимает практические аспекты, не очень хорошо разбирается в том, как работают генераторы трехфазного переменного тока.

Вид у Марка был задумчивый.

— Черт побери!— закричал Тим.— Я дал на Джеллисона пятьдесят тысяч долларов, когда это еще были настоящие деньги! Вы, по крайней мере, можете ему сказать, что я — здесь!

— Да. Дайте мне подумать,— сказал Марк. Во всей этой истории был определенный смысл. К тому же Тим Хамнер был другом Гарви Рэнделла. Если б Хамнер уехал, не узнав его, Марк мог бы спокойно забыть обо всем этом, но теперь это невозможно. Гарви, может

быть, обо всем узнает и Гарви, может быть, это все не понравится. А еще — пятьдесят тысяч. Марку не довелось слишком много общаться с сенатором, но Джеллисон — человек старых взглядов, и, возможно, он посчитает, что взнос в пятьдесят тысяч — дело важное. И, кроме того,— эта речь о силовых станциях и плотинах... Марку, пожалуй, следует пропустить приезжих, только он не может. Этого ему не позволят Кристоферы. Но пока они еще слушаются Джеллисона.

Марк глянул на второго мужчину, сидевшего в автомобиле. Высоченного роста мужчина.

— Армия?— спросил Марк.

— Морская пехота,— ответил Вагонер.

— Стрелять умеете?

— Все морские пехотинцы — отличные стрелки. Да.

— Отлично. Я попытаюсь уладить дело.— Марк вернулся к баррикаде.— Этот парень, похоже, старинный приятель сенатора,— сказал он.— Пойду сообщу о нем.

Высокий страж, казалось, колебался. Тим затаил дыхание.

— Пусть подождет,— наконец сказал высокий. Возвысил свой голос: — Отъезжайте к обочине. И не выходите из машины.

— Хорошо.— Тим залез в «блейзер». Машина отъехала в сторону — почти к самой канаве.— Если сюда приедет кто-либо, находящийся в драчливом настроении... в общем, не стоит рисковать тем, чтобы нарваться на случайную пулю,— сказал Тим. Понаблюдал, как Марк ударом ноги завел мотоцикл и умчался прочь.

— Возможна драка?— спросила Роза Вагонер.

— Не знаю,— ответил Тим. Съежился на своем сиденье.— Посмотрим.

Эйлин рассмеялась. Она представила Тима, пытающегося вернуть к жизни огромный генератор.

— Скрести пальцы,— посоветовала она.

* * *

— Вы его знаете, а я нет,— сказал сенатор Джеллисон.— Какая может быть от него польза?

Вид у Гарви Рэнделла задумчивый.

— Честно говоря, я не знаю. Он добрался сюда. Это можно поставить ему в заслугу. Он сумел выжить.

— Или ему просто повезло,— сказал Джеллисон.— Хамнер... почти Хамнер — Браун. Что ж, счастья этому миру он не принес. Да, я знаю, открытие не есть изобретение. Марк, вы говорите, что второй парень — бывший морской пехотинец?

— Так он сказал. И внешне похож на морского пехотинца. Это все, сенатор, что я знаю.

— На шесть человек больше. Две женщины и двое детей.— Взгляд сенатора сделался задумчивым.— Гарви, вы можете поручиться, что силовые станции заработают снова?

— Идея выглядит заманчиво...

— Конечно. Но способен ли Хамнер осуществить ее?

Гарви пожал плечами:

— Я — честно — этого не знаю, сенатор. Он имеет высшее образование. Должен он знать что-то кроме астрономии.

— И я ему обязан,— сказал Джеллисон.— Вопрос заключается в том, очень ли я ему обязан? Впустим их — и этой зимой у нас может настать голод,— взгляд Джеллисона снова стал задумчивым.— Человек, открывший комету. Это говорит мне, по крайней мере, одно. Он, вероятно, обладает большим терпением. А нам необходим дозорный на вершине скалы. Действительно необходим — крайне необходим — кто-то умеющий вести наблюдение. Пусть Алис лучше чуть порыщет вокруг, чем торчать на одном месте. Плюс морской пехотинец, который то ли умеет, то ли не умеет строить плотины. Он офицер или солдат срочной службы, Марк?

— Не знаю, сенатор. Мне кажется, что офицер. Но я просто не знаю.

— М-да. Ладно, мне всегда нравились морские пехотинцы. Марк, езжайте и скажите мистеру Хамнеру, что сегодня у него — счастливый день.

* * *

На лице Марка было написано все. Марк еще только подошел к машине, а Тим уже знал ответ.

Они спасены. После всего случившегося — они спасены. Иногда мечты сбываются — даже если о них расскажешь.

ТВЕРДЫНЯ: два

Ценность информации пропорциональна ее неожиданности.

Фундаментальная теорема теории информации

Элу Харди не нравилось заниматься охраной. В этой службе не было ничего хорошего. Но кто-то должен нести охрану, а рабочие-ранчеро нужны всюду, и в других местах даже более, чем

здесь. Кроме того, выполняя эту обязанность, Харди мог принимать определенные решения — для сенатора или вместо сенатора.

Он поглядел вдаль, пытаясь увидеть как можно дальше. Не слишком долго, подумал он. Не слишком долго осталось до того времени, когда нам перестанет быть нужна охрана у ворот поместья сенатора. Сейчас застава останавливает большинство пришельцев, но полностью перекрыть поток застава не может. Некоторые добираются пешком из затопленной долины Сан-Иоаквин. Другие спускаются с Хай-Сьерры. Многие проникли в долину до того, как Кристоферы запечатали вход в нее. Большинство пришельцев достойны лишь того, чтобы их отсылали обратно, но они прослышали, что сенатор может разрешить им остаться. Это означает, что очень многие желают поговорить с сенатором.

А Старик не любит прогонять людей прочь, вот почему Эл не слишком многим позволяет увидеть его. Это составляло часть его работы, всегда составляло: сенатор людям говорил: «да», а Эл Харди говорил: «нет».

Если их не останавливать, они хлынут потоком, будут приходить сюда каждый час, а сенатору нужно работать, у него накопилось много важных дел, которые он обязан сделать. И если Эл не сможет нести охрану, его сменят Маурин и Шарлотта, ну и черт со всем этим. Лишь одно хорошее принесло с собой падение Молота: борьба за уравнение в правах женщин и мужчин не протянула и нескольких миллисекунд после падения...

Элу нужно было поработать с бумагами. Он составлял списки вещей и предметов, необходимых обитателям ранчо, перечень работ, которые нужно будет сделать, в деталях разрабатывал планы, составленные сенатором. Сидя в автомобиле, он неустанно работал и работал, прерывая работу лишь в том случае, если замечал чьелибо приближение.

Разговаривать не нужно. Просто-напросто не нужно. Все беглецы выглядят одинаково: промокшие до нитки и чуть не умирающие с голоду. И с каждым днем вид у них все хуже. Сегодня суббота, и выглядели беглецы просто ужасно. Будучи помощником сенатора Джеллисона, Эл Харди считал, что неплохо умеет разбираться в людях. Но теперь и разбираться было нечего. Он безнадежно погряз в рутине.

Эти ходячие пугала, явившиеся пешком, в сопровождении двух детей и несущие на руках третьего. Но оба они — и мужчина, и женщина — утверждали, что они врачи, и им знаком был употребляемый медиками жаргон... Врачи-специалисты, работавшие в узких областях медицины, но даже женщина-психиатр — и та, естественно, получила общемедицинскую подготовку. Врач, в какой бы области он ни специализировался, всегда получает общемедицинскую подготовку.

А тот угрюмый гигант, занимавший высокий пост в Си-би-эс. Его следовало прогнать, а он ругался без передышки, пока напарник Харди не истратил патрон, прострелив боковое стекло его машины.

А мужчина в лохмотьях, которые некогда были хорошим костюмом. Он был вежлив и разговаривал на правильном английском. Он оказался городским советником откуда-то из долины внизу, он вылез из своей машины, подошел близко к Элу и продемонстрировал ему пистолет, спрятанный в кармане плаща.

— Поднимите руки вверх.

— Вы хорошо обдумали то, что делаете?— спросил Эл.

— Да. Вы меня впустите.

— Хорошо.— Эл поднял руки. И выстрел оставил в голове городского советника дырку — аккуратную и чистую. Потому что, поднимая руки, Эл, конечно, дал условный сигнал правой рукой. Жаль, что городской советник никогда не читал Киплинга:

Здесь чужаку не дано прожить,
Но ты еще жив пока,
Ибо я приказал тебе жизнь сохранить,—
Промолвил он свысока,—

Чужак с винтовкой наперевес,
Тебя давно стерегут.
Ничто — ни скала, ни река, ни лес
Приюта тебе не дадут.

Стоит мне только руку поднять —
Если увижу причину —
И будут шакалы всю ночь пировать,
Лакомясь мертвечиной.

Или стоит кивнуть мне, что тоже знак,
Стоит мне лишь захотеть —
Стервятник-коршун нажрется так,
Что не сможет с земли взлететь...

На подъездную аллею выехал грузовик. Маленький грузовичок. А в нем — тощий, весь волосатый парень с опущенными книзу усами. Вероятно, местный, подумал Эл. Все местные разъезжают на маленьких грузовичках. Правда, это можно расценить и как то, что грузовик украден, но зачем тогда вор со своей добычей явился к

дому сенатора? Эл вылез из машины и сквозь воду и грязь зашлепал к воротам.

Всем прибывшим Эл Харди говорил одно и то же:

— Покажите ваши руки. Я не вооружен. Но за вами следит мой товарищ, у которого винтовка с телескопическим прицелом. Вы же обнаружить его не сможете.

— А управлять грузовиком он умеет?

Эл Харди уставился на бородатого парня:

— Что?

— Первоочередное должно делаться в первую очередь,— бородатый полез в сумку, стоявшую на сиденье рядом с ним: — Почта. Только у меня заказное письмо. Сенатор должен за него расписаться. А там мертвый медведь...

— Что?— Весь выработанный Элом привычный порядок был нарушен.— Что?

— Мертвый медведь. Я убил его сегодня рано утром. У меня не было выбора. Я спал в грузовике, и вдруг громадная черная лапа в шерсти выбила стекло и полезла внутрь. Он был огромный. Я отодвинулся назад, как только мог, но он продолжал лезть ко мне. Так что я вытащил эту «беретту», которую нашел на «Курином ранчо», и выстрелил медведю в глаз. Он упал, будто большая куча мяса. Так что...

— Кто вы?— спросил Эл.

— Я почтальон, черт побери! Вы можете попытаться сосредоточиться хоть на чем-то? Там пятьсот—тысяча фунтов медвежьего мяса, не упоминая уже о шкуре, и это мясо ждет не дождется четверых здоровенных мужчин с грузовиком, и оно уже сейчас, прямо сейчас, начинает портиться! Сам я не могу отнести его, но если вы пришлете сюда команду, вы этим мясом, возможно, спасете людей от голодной смерти. А сейчас мне нужно встретиться с сенатором, чтобы он расписался за это заказное письмо, только будет лучше, если вы пошлете кого-нибудь за медведем прямо сейчас, не откладывая.

Это было слишком много для Эла Харди. Еще как много. Единственное, что он осознал, это была «беретта».

— Вы должны отдать мне свое оружие на сохранение. И отвезти меня на верх холма.— Только это и смог сказать Эл.

— Отдать на сохранение мое оружие? Какого черта я должен отдавать вам на сохранение свое оружие?— спросил Гарри.— А, дьявол, ладно, если вы от этого почувствуете себя счастливым. Держите.

Он протянул пистолет. В высшей степени осторожно Эл взял «беретту». И открыл ворота.

* * *

— Господи Боже, Сенатор, это же Гарри!— закричала миссис Кокс.

— Гарри? Кто такой Гарри?— сенатор Джеллисон встал из-за стола, заваленного картами, списками и диаграммами, и подошел к окну. Конечно, это Эл, едет с кем-то в грузовике. С кем-то очень усатым и бородатым, одетым в серое.

— Пришла почта!— поднимаясь на крыльцо, крикнул Гарри.

Миссис Кокс помчалась к двери:

— Гарри, мы никак не ожидали увидеть вас снова!

— Привет,— сказал Гарри.— Заказное письмо для сенатора Джеллисона.

Заказное письмо. Политические секреты мира, который погиб и уже похоронен. Артур Джеллисон подошел к двери. Почтальон... да, эти лохмотья — то, что осталось от формы почтового ведомства. Вид у него был довольно усталый.

— Входите,— сказал Джеллисон. Что только за занятие, черт побери, придумал себе этот парень...

— Сенатор, сегодня утром Гарри застрелил медведя. Я пойду пошлю рабочих, чтобы они отнесли тушу до того, как ее расклюют канюки,— сказал Эл Харди.

— Нет, вы не уйдете, забрав себе мой пистолет,— негодующе сказал Гарри.

— Ах да,— Харди вытащил пистолет из кармана. Глянул на него неуверенно.— Сенатор, это его,— доложил он. И улетучился, оставив Джеллисона, держащего в руке пистолет и в еще большей растерянности.

— Я думаю, вы первый — кому удалось вывести Харди из равновесия,— сказал Джеллисон.— Проходите. Вы объезжаете все фермы?

— Ага,— ответил Гарри.

— И кто, как вы полагаете, будет платить вам теперь, когда?..

— Люди, которым я доставляю сообщения,— ответил Гарри.— Мои клиенты.

Намек такого рода не заметить было невозможно.

— Миссис Кокс, посмотрите, что вы можете найти...

— Сейчас иду,— крикнула миссис Кокс из кухни. Вошла в комнату, неся чашку кофе. Очень красивая чашка, подумал Джеллисон. Одна из лучших моих чашек. А в ней — часть последнего в этом мире кофе. Миссис Кокс весьма приязненно относится к Гарри.

И это отношение сказало сенатору по крайней мере одно. Он протянул пистолет:

— Извините. Харди получил такое указание...

— Ладно.— Почтальон сунул оружие в карман. Маленькими глотками он потягивал кофе и вздыхал.

— Присаживайтесь,— сказал Джеллисон.— Вы развозите почту по всей долине?

— В основном, да.

— Так расскажите мне, как где обстоят дела.

— А я думал, вы так меня об этом и не спросите.

* * *

Гарри побывал почти всюду. Скупо, не приукрашивая, он рассказал свою историю. Он заранее решил рассказывать именно в таком стиле. Одни факты. Почтовый автомобиль перевернулся. Линии электропередачи и телефонной связи разрушены. И дороги разрушены тоже — во многих местах. У Миллеров все в порядке. «Графство» уцелело. «Мучос номбрес» покинуто — он убедился в этом, когда позднее заехал туда на своем грузовике — его обитатели удрали.

Гарри рассказал об убийстве, происшедшем на ферме Романа. Джеллисон нахмурился, и Гарри, пройдя к столу, на котором была расстелена карта округа, показал, где находится эта ферма.

— Никакого следа владельцев фермы, но кто-то стрелял в вас и убил того человека, который был с вами?— спросил Джеллисон.

— Все правильно.

Джеллисон кивнул. С этим что-то нужно будет делать. Но сперва нужно все рассказать Кристоферам. Они должны взять на себя свою долю риска в предстоящей полицейской акции.

— А люди из «Мучос номбрес» хотели разыскать вас,— сказал Гарри.— Это было вчера утром.

— Никто из них здесь не появлялся,— ответил Джеллисон.— Может быть, они в городе. Там хорошая земля? Что-нибудь посажено?

— Не очень. Растут там в основном сорняки,— сказал Гарри.— Но у меня есть куры. У вас есть какой-нибудь куриный корм?

— Куры?— Этот парень поистине кладезь информации!

Гарри рассказал сенатору о Синаньянах и о «Курином ранчо».

— Большинство кур не разбежалось, осталось на ферме. Я думаю, что им предстоит умереть с голоду или стать добычей койотов, так что вы можете забрать их,— объяснил Гарри.— Но нескольких мне хотелось бы оставить себе. И там был один петух, я надеюсь, что он еще жив. А если нет, я надеюсь, что разыщу другого...

— Вы собираетесь заняться сельским хозяйством?— спросил Джеллисон.

Гарри содрогнулся:

— Господи Боже, нет! Но я подумал, что было бы очень хорошо иметь нескольких кур, чтобы они бегали вокруг тебя.

— Так вы намерены вернуться туда...

— Когда я закончу свой маршрут,— сказал Гарри.— Возвращаясь, я на обратной дороге буду останавливаться на разных ранчо.

— А что потом?— спросил Джеллисон, хотя уже знал ответ.

— Начну объезд снова, разумеется.

Это впечатляло.

— Миссис Кокс, кто у нас самый, так сказать, скороход?

— Марк,— ответила миссис Кокс. В голосе ее звучало неодобрение. Она никак не могла преодолеть предубеждения против Марка.

— Пошлите его в город, пусть он там разыщет этих туристов из «Мучос номбрес». Вероятно, им надо повидаться со мной.

— Хорошо,— сказала миссис Кокс и вышла, что-то бормоча себе под нос. Славно было б, если бы телефоны заработали снова. Прошлой ночью ее дочь все толковала о телеграфе. В ее книгах были чертежи, как установить телеграфную связь. А проводов, разумеется, вокруг сколько угодно — остались от прежних линий телефонной связи.

Отослав Марка, она приготовила ленч. Сейчас у обитателей «Твердыни» было много пищи: и то, что не стали консервировать, и то, что насобирали по садам,— падалицы. Впрочем, долго такое изобилие не продлится...

* * *

Гарри побывал даже за пределами долины. Он показал дорогу на карте.

— Мой маршрут включает и посещение Дика Вильсона,— сказал Гарри.— Он организовал примерно то же, что и вы. Это отсюда примерно тридцать миль к юго-западу.

— А как вы намереваетесь вернуться обратно?— спросил Джеллисон.

— По проселочной дороге...

— Она заблокирована.

— О, конечно. Там мистер Кристофер.

— Так как, черт возьми, вам удалось проехать мимо него?— спросил Джеллисон. Сейчас его уже ничто не могло удивить.

— Я помахал ему рукой, а он помахал мне,— объяснил Гарри.— А разве он не должен был пропустить меня?

— Разумеется, должен. Вы ему рассказали о том, что рассказали мне?

— Еще нет,— сказал Гарри.— Там были еще какие-то люди, пытающиеся переговорить с ним. А он был с винтовкой, и с ним были еще какие-то четыре здоровенных парня. Мне показалось, что это неподходящий момент для дружеской болтовни.

Это означало нечто большее. Наводнение. Рассказ Гарри подтвердил то, что Джеллисон уже знал. Сан-Иоаквин превратилась в большое, с торчащими из него островками, море. Местами глубина этого моря достигает ста и более футов, и волны разбиваются о склоны холмов. Миндальные рощи в клочья разнесены ураганами. Повсюду мертвые и умирающие. Наверняка, если что-либо не предпринять, разразится эпидемия брюшного тифа. Но что можно предпринять?

Вошел Марк Ческу.

— Да, сэр, вчера в городке появились люди из «Мучос номбрес». Они пытались купить еду. Достать им удалось мало. Думаю, они вернулись обратно на свое ранчо.

— Где и умрут с голоду,— сказал Гарри.

— Пригласите их в город на совещание,— сказал Джеллисон.— Они владеют землей...

— Но они совершенно не разбираются в сельском хозяйстве,— сказал Гарри.— Мне казалось, что я уже упоминал об этом. Работать-то они хотят, но как это делать, не знают.

Артур Джеллисон сделал в памяти еще одну зарубку. То, что рассказывает Гарри, во многом заполняет пробелы в имеющейся информации.

— Итак, вы говорите, что Дик Вильсон налаживает порядок и организацию,— сказал сенатор. Это тоже новость; причем из района, лежащего за пределами долины. Джеллисон решил послать Эла Харди повидаться с Вильсоном. С соседями лучше поддерживать добрые отношения. Харди и... да, Марк доберется туда на мотоцикле.

А помимо этого существует еще четыре миллиона дел, которыми необходимо заняться. И весь поглощенный ими, Артур Джеллисон был измотан так, как никогда не выматывался в Вашингтоне. Не надо принимать все так близко к сердцу, подумал он.

* * *

Многие кубические мили воды превратились в пар, и дождевые тучи окутали всю Землю. В районе цепи Гималаев образовывались погодные фронты, несущие холод.

Страшные грозы пронеслись над северо-восточной частью Индии, над севером Бирмы и китайскими провинциями Юнань и Сычуань. Великие реки восточной Азии — Брахмапутра, Ирривада, Меконг, Янцзы и Желтая река — все они берут свое начало от подножия Гималаев. Плодородные долины Азии оказались залитыми потопом, а по возвышенностям ударили ливни. Плотины, не выдержав, рухнули, и воды обрушились вниз, и понеслись дальше, затопляя все и столкнулись с взбаламученными штормами солеными водами, занесенными в глубь материка цунами и ураганами.

Дождевые ливни обрушились на всю Землю, а тем временем из кипящей воды морей, из тех мест, куда ударили обломки Молота, вздымались все новые массы пара. Выпаренная вода уносила с собой соль, грязь, ил, крупицы камня, частицы веществ, составляющих земную кору. Вулканы выбрасывали многие миллиарды тонн дыма и пылевых частиц — и они поднимались в стратосферу.

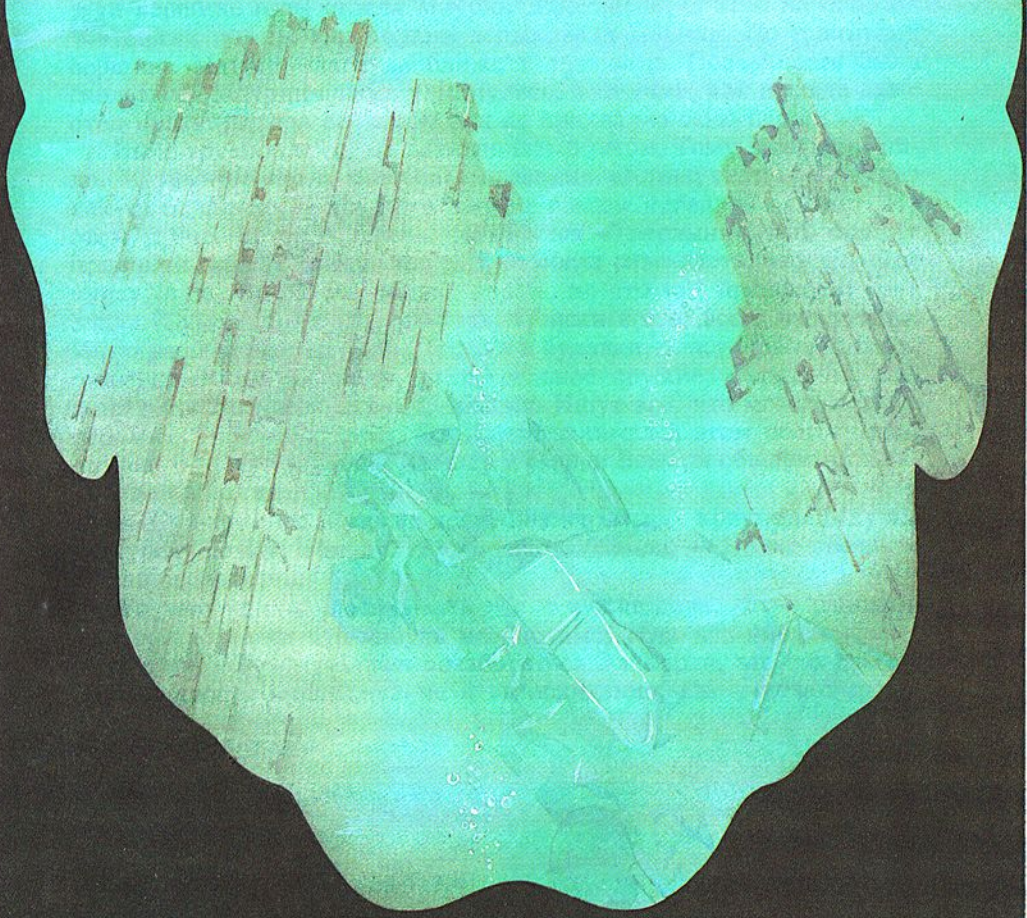
Комета Хамнера—Брауна возвращалась обратно, в глубокий космос. Земля теперь походила издали на ярко-светящуюся жемчужину, сверкающую мерцающим светом жемчужину. Альбедо Земли изменилось. Солнечное тепло и свет в большей степени, чем раньше, отбрасывались от Земли — прочь, в космос. Хамнер—Браун уже прошла мимо, но последствия столкновения с нею остались. Некоторые из этих последствий можно было считать временными. К их числу относились, например, цунами, несущиеся по океанам. Многие из этих цунами уже трижды обошли вокруг всей планеты.

Или ураганы и тайфуны, безжалостными бичами хлещущие моря и сушу. Или льющие надо всей Землей грозовые ливни.

Некоторые последствия носили более постоянный характер. Так, в Арктике вода выпала в виде снега, и этот снег не растает теперь на протяжении многих столетий...

После пришествия

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить.
И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

Откровение
Святого Иоанна
Богослова

ПЕРВАЯ ЧЕДЕЯ: принцесса

Верить всему или сомневаться во всем — и то и другое может быть удобным в равной степени. И то и другое вызывается необходимостью понять определенное явление.

Х. Пуанкаре

На вершине горы стояла Маурин Джеллисон. С неба на нее лил теплый дождь. Над горами вспыхивали молнии. По гранитной вершине Маурин шагнула ближе к пропасти. Поверхность была скользкой. Маурин слегка улыбнулась, вспомнив, как прежде даже отец предупреждал ее, чтобы она не приходила сюда одна...

Было трудно перестать размышлять об этом. Тому, что произошло, Маурин не могла подобрать названия. «Конец света» — звучит как-то банально, и пока это еще не совсем правда. Пока нет. На этом ранчо, которое теперь называется «Твердыня», мир еще не пришел к своему концу. Маурин не могла разглядеть, что делается внизу, в долине, этому мешал дождь, но что там происходит, она знала. Суматошная деятельность. Поиски *всего*, всего что угодно. Ищут все: бензин, патроны, иголки и булавки, пластиковые пакеты, пищевые жиры, аспирин, огнестрельное оружие, бутылочки для детского кормления, посуду, цемент. Ищут все, что может помочь пережить грядущую зиму. Эл Харди занимался этим постоянно, с помощью Маурин, Эйлин Хамнер и Марии Ванс он обшаривал каждый дом в долине.

— Сующие нос в чужие дела! Вот кто мы,— крикнула Маурин навстречу дождю и ветру. И уже тихо добавила: — Но все это абсолютно бесполезно.

То, что приходилось совать нос в чужие дела, ее не слишком беспокоило. Если что-нибудь необходимо, если что-нибудь может спасти их, об этом должен позаботиться Эл Харди, это его работа. Это не просто выслеживание и вынюхивание, как считают люди,

пытающиеся припрятать то, чем они владеют. Они дураки, но их глупость не тревожила Маурин. Ибо существовали и другие, которые были рады ей. Они верили. Они были полностью уверены, что сенатор Джеллисон спасет им жизнь, и они были просто счастливы видеть его дочь. Их не тревожило, что она, придя в их дом, всюду сует свой нос и, вероятно, заберет какую-то часть их имущества. Они только радовались, предлагая то, чем владели, предлагали добровольно — в обмен на покровительство и защиту. В обмен на то, чего на самом деле не существовало.

Некоторые фермеры и жители ранчо были людьми гордыми, обладающими стремлением к независимости. Они понимали необходимость организации, но не желали по-холопски относиться к ней. Но другие, а именно: жалкие беглецы, каким-то образом просочившиеся мимо застав; горожане, владеющие домами в долине, удравшие сюда в страхе перед падением Молота и не знавшие, что делать дальше; даже сельские жители, привыкшие издавна полагаться на грузовики, доставляющие продовольствие, на вагоны-рефрижераторы и погоду Калифорнии,— все эти люди воспринимали Джеллисона как «правительство». Правительство, которое возьмет на себя заботу о них — как это всегда бывало.

Маурин трудно было нести бремя ответственности. Она лгала людям. Она говорила им, что они будут жить, но лучше их знала, чего следует ожидать. В этом году нигде не будет урожая. Надолго ли хватит того, что добыто из затопленных наводнением магазинов и складов? Достаточно ли надолго, чтобы люди могли выжить? Сколько еще беглецов скитается по Сан-Иоаквину? И права ли Маурин, пытаясь спасти их жизни, когда мир умирает?

Поблизости вспыхнула молния. Маурин не пошевелилась. Она стояла на голой гранитной скале, рядом с пропастью. «Я хотела, чтобы у меня появилась цель. Теперь у меня появилась цель, и не одна. Их даже слишком много». Жизнь Маурин не замыкалась на вашингтонских вечеринках, приемах и сплетнях. Нельзя сказать, что выжить, когда настал конец света,— это тривиально. Но ведь так оно и есть. Если жизнь является не более чем существованием, то какая разница? В Вашингтоне жилось более комфортабельно. Там было легче скрыть, когда тебе плохо. *Это и есть единственное различие.*

Она услышала за спиной шаги. Кто-то шел вдоль гребня горы. Оружия у Маурин не было, она почувствовала страх. И, осознав этот страх, она чуть не рассмеялась. Она стоит на краю пропасти, на вершине голой, гранитной скалы, вокруг вспыхивают молнии,— и она испугана. В первый раз за все время, проведенное в этой долине, она ощутила страх, услышав приближение незнакомца. И, поняв это, Маурин ужаснулась еще больше. Молот разрушил и уничтожил все. Даже ее любимое место, и это теперь не убежище.

Маурин глянула вдоль гребня и чуть переместила вес своего тела. Так, если что,— удобнее.

Мужчина подошел ближе. На нем были пончо и широкополая шляпа, и под пончо у него была винтовка.

— Маурин?! — воскликнул он.

Маурин почувствовала облегчение, словно ласковой волной омыло. Отзвук истеричного смеха послышался в ее голосе, когда она сказала:

— Гарви? Что вы здесь делаете?

Гарви Рэнделл подошел ближе к краю утеса. Остановился. Держался он как-то неуверенно. Маурин вспомнила, что он боится высоты, и, поняв его, шагнула навстречу Гарви, отойдя от пропасти.

— Я обязан быть здесь,— сказал Гарви.— А вот какого дьявола вы тут делаете?

— Не знаю.— Она собралась с силами (даже не знала, что они у нее еще остались).— Мокну, наверное,— сказав это, она поняла, что сказала правду. Несмотря на водонепроницаемую куртку, она вымокла с головы до ног, ее низкие сапожки было полны воды. Дождь бы холодным, он проникал под куртку, и поэтому спине было холодно и мокро.— Почему вы обязаны быть здесь?

— Несу охрану. У меня там укрытие. Пойдемте, спрячемся там от дождя.

— Хорошо.— Вдоль гребня Маурин пошла вслед за Гарви. Он шагал, не оглядываясь, и она покорно шла за ним.

Через пятьдесят ярдов Маурин увидела обломки скалы, вершинами наклоненные друг к другу. Под ними — под этим частичным убежищем — неуклюжее сооружение, на постройку которого пошли дерево и старые полиэтиленовые мешки. Внутри не было никакого источника освещения, лишь полусумрак дня. Обстановку составляли лежащие на полу надувной матрас и спальный мешок. И деревянный ящик, чтобы можно было сидеть. В землю был вогнан столб, а в него вбиты колышки. На колышках висели охотничий рожок, пластиковый мешок, набитый книгами в бумажных обложках, бинокль и мешок с едой.

— Добро пожаловать,— сказал Гарви.— Входите, снимайте куртку и чуть обсушитесь.— Он говорил спокойно, обычным тоном, будто не было ничего удивительного в том, что он нашел ее стоящей в одиночестве, на голой скале, в окружении беспрестанно вспыхивающих молний.

Убежище имело немалые размеры, места вполне хватало, чтобы можно было стоять. Гарви скинул шляпу и пончо, помог Маурин снять куртку. Развесил их, мокрые, на колышках, возле открытого входа в укрытие.

— Что вы охраняете? — спросила Маурин.

— Путь, по которому можно проникнуть в долину.— Гарви пожал плечами.— Вряд ли в такой ливень кто-нибудь решится отправиться в дорогу. А если решится, вряд ли я его или их замечу. Но это укрытие пришлось построить.

— Вы здесь живете?

— Нет. Мы несем охрану по очереди. Я, Тим Хамнер, Брэд Вагонер и Марк. Иногда Джоанна. Живем мы все там, внизу. Вы этого не знали?

— Нет.

— Я не видел вас с тех пор, как мы пришли сюда,— сказал Гарви.— Я пытался увидеть вас пару раз, но у меня создалось впечатление, что для меня вас никогда не бывает дома. И вообще, в большом доме моим приходам не рады. Но как бы то ни было, благодарю вас за голос, поданный за меня.

— Голос?

— Сенатор сказал, что вы попросили, чтобы меня впустили.

— Вам всегда рады. Решать тогда было нечего. Ведь я не сплю с каждым встречным мужчиной. Даже если ты тут же почувствовал себя виноватым и ушел в другую комнату, все равно то, что между нами произошло, было прекрасно, и я не сожалею об этом. Это была честная мысль. Если ты был мне настолько небезразличен, что я переспала с тобой, уж наверняка я постараюсь спасти твою жизнь.

— Присаживайтесь.— Гарви показал на деревянный ящик.— Когда-нибудь здесь появится и более приличная мебель. Пока тут не особенно уютно, но приходится обходиться тем, что есть.

— Не понимаю, какую пользу вы приносите, находясь здесь,— сказала Маурин.

— Я тоже. Но попытайтесь объяснить это Харди. Карты доказывают, что здесь хорошее место, чтобы установить наблюдательный пункт. Когда видимость окажется большей, чем хотя бы на пятьдесят ярдов, это мнение будет правильным, но сейчас это напрасная трата времени и сил. Человеческих сил и энергии.

— У нас большой запас человеческих сил и энергии,— сказала Маурин. Она осторожно села на ящик, прислонилась спиной к обломку скалы. Тонкое полотнище пластика — между спиной и поверхностью камня — было мокрым от сконденсировавшейся на пластике влаги.

— Вам следует как-то утеплить здесь, построить что-то более солидное,— сказала Маурин. Провела пальцем по мокрому пластику.

— Все будет сделано в подходящее время.— Гарви было весьма

не по себе. Он постоял в центре убежища, потом перешагнул через надувной матрас и сел на свой спальный мешок.

— Вы считаете, что Эл дурак,— сказала Маурин.

— Нет. Нет, этого я не говорил,— серьезно ответил Гарви.— Наверное, находясь здесь, я могу принести определенную пользу. Даже если группа налетчиков пройдет мимо меня, в их тылу окажется вооруженный человек, то есть я. Кроме того, я смогу предупредить людей там, внизу, что тоже не пустяк. Нет, я не считаю, что Харди дурак. И как вы сказали, у нас большой запас человеческих сил и энергии.

— Слишком большой,— сказала Маурин.— Слишком много людей. А пищи слишком мало.— Ей показалось, что сухой в обращении, забывший улыбку мужчина, сидящий на спальном мешке, ей незнаком. Он не тот, кто рассказывал о галактических империях. Он не спрашивал, зачем она пришла сюда. Это не тот мужчина, с которым она спала. Она не знала, кто это, сидящий перед ней. Он несколько походил на Джорджа. Вид у него был уверенный. Свою винтовку он прислонил к столбу — так, чтобы она была под рукой. По бокам карманов его куртки были нашиты петельки — для патронов.

Во всем этом мире сейчас два человека, с которыми я спала,— и оба они чужие, и Джордж, если честно, не в счет. То, что было сделано в пятнадцать лет,— не в счет. Торопливое, яростное совокупление на склоне холма, не очень далеко отсюда, и оба мы были так напуганы происшедшим, что вслух ни он, ни я никогда не вспоминали об этом. И потом мы бывали вместе, но вели себя так, будто того, первого раза, никогда не было. Это не в счет.

Джордж и этот мужчина, этот незнакомый чужак. Оба чужие. Остальные умерли. Джонни Бейкер наверняка мертв. Мой бывший муж тоже. И... Перечень был не слишком велик. Люди, которых она любила,— в течение года, в течение недели... Даже в течение одной-единственной ночи. Их было немного, и все они во время падения Молота должны были находиться в Вашингтоне. Все они умерли.

Некоторые люди тверды в испытаниях. Сильны в критической ситуации. Таков Гарви Рэнделл. Я думала, что и я такая. Теперь я знаю себя лучше.

— Гарви, я боюсь.

Она ожидала, что он скажет что-нибудь успокаивающее, что-нибудь утешительное — так поступил бы Джордж. Пусть эти слова были бы ложью, но...

Но Маурин никак не ожидала взрыва истерического хохота. Гарви Рэнделл захлебывался, всхлипывал, смеялся как сумасшедший.

— Вы боитесь! — он задохнулся.— Господи Боже в небесах! Вы

же не видели ничего, отчего бы вам следовало быть испуганной! — Он уже кричал, кричал на нее: — Вы знаете, что творится за пределами этого вашего замкнутого мирка?! Вы не можете этого знать! Вы не были там, вы все время оставались в этой долине!— Было видно, что Гарви старается овладеть собой. Маурин изумленно наблюдала, как он постепенно пришел в себя, снова стал сух и спокоен. Смех умолк. И чужак уже снова сидел, будто и не сдвигался с места.— Извините,— сказал он. Традиционное, расхожее слово, но сказано оно было отнюдь не небрежно. Сказано было так, будто Гарви искренне просил прощения.

Маурин уставилась на него в ужасе:

— Вы тоже? Все это только наигранное? Все это мужское хладнокровие, это...

— А чего вы ждали? — спросил Гарви.— Что еще остается мне? И я на самом деле прошу у вас прощения. Эта моя слабость, которую я себе позволил, еще не означает...

— Все хорошо.

— Нет, не все хорошо,— сказал Гарви.— Единственный, черт возьми, шанс, который у нас есть, который есть у нас всех, состоит в том, что мы будем продолжать действовать рационально. И когда один из нас ломается, это означает, что остальным придется тяжелее. Вот за что я прошу извинить меня. Такое находит на меня очень редко. Но находит, увы! Я научился переживать эти приступы. Но мне не следовало позволять вам увидеть это. Вам от этого легче не станет...

— Но это необходимо,— сказала Маурин.— Иногда вам необходимо... необходимо высказать кому-нибудь то, что у вас на душе.— Она молча посидела мгновение, слушая шум дождя и ветра и раскаты грома, перекатывающиеся в горах.— Давайте мы... Это будет как обмен, что ли,— сказала Маурин.— Вы откровенно высказались мне, я буду откровенна с вами.

— Умно ли это? — спросил Гарви.— Видите ли, в последнее время мне постоянно вспоминается, как мы встретились здесь, на этом гребне.

— Я тоже не могу забыть этого,— голос Маурин был тих и тонок. Ей показалось, что он сейчас сделает движение, чтобы встать, и она быстро продолжила: — Не знаю, что теперь делать. Пока не знаю.

Гарви сидел неподвижно, так что Маурин уже не была уверена, что он хотел встать.

— Скажите мне,— попросил он.

— Нет! — Она не могла как следует разглядеть его лицо. Мешала покрывшая щеки щетина, да и в укрытии было не слишком светло. Иногда вспыхнувшая поблизости молния заливала все ярким светом — зеленым и жутким (в зеленый

цвет было окрашено пластиковое полотнище). Но вспышка лишь ослепляла, и длилась она только мгновение. И Маурин не могла разглядеть выражения лица Гарви.— Не могу,— сказала она.— Это приводит меня в ужас, но если высказать словами, прозвучит тривиально.

— А если попробовать?

— Они надеются,— сказала Маурин.— Они приходят к нам в дом, или я прихожу в их дома, и они верят, что мы можем спасти их. Это я-то могу их спасти! Некоторые сошли с ума. Там в городе есть мальчик, младший сын сэра Зейца. Ему пятнадцать лет. Он голый бродил под дождем, пока мать не увела его. Есть еще пять женщин, чьи мужья никогда не вернутся с охоты. И старики, и дети, и горожане — и все они ожидают, что мы сотворим чудо... Гарви, я не умею творить чудеса. Но я должна продолжать делать вид, будто могу сотворить для них чудо.

Она чуть не рассказала ему и остальное: о сестре Шарлотте, сидящей в одиночестве в своей комнате и глядящей в стену пустыми глазами. Но она оживает и кричит, когда не видит своих детей. О Джине — негритянке из почтовой конторы: она сломала ногу и лежала в канаве, пока кто-то не нашел ее, а потом она умерла от газовой гангрены, и никто не мог помочь ей. О троих детях, заболевших брюшным тифом, которых не смогли спасти. О других, сошедших с ума. Казалось, рассказ о них не мог быть тривиальным. Это все действительно было. Но рассказ прозвучал бы тривиально. Какой ужас.

— Я не могу больше подавать людям лживые надежды,— сказала она наконец.

— Но должны,— сказал Гарви.— В этом, теперешнем, мире дать людям надежду — ничего более важного не существует.

— Почему?

Гарви недоуменно развел руками:

— Потому что это так. Потому что нас осталось так мало.

— Если жизнь не считалась главным прежде, почему она должна считаться таковым теперь?

— Потому что это так.

— Нет. Какая разница между бессмысленным существованием в Вашингтоне и бессмысленным существованием здесь? И то и другое не имеет ни малейшего значения.

— Имеет значение для окружающих. Для тех, кто ждет от вас чуда.

— Я не умею творить чудеса. Почему, если другие люди зависят от тебя, полагаются на тебя, то это важно? Почему моя жизнь вдруг приобретает ценность?

— Иногда только это и является важным,— очень серьезно ответил Гарви.— И тогда вы обнаружите, что существует нечто

большее. Гораздо большее. Но сперва делайте свое дело, за которое вы еще по-настоящему не брались. Это забота о тех, кто окружает вас. И тогда через какое-то время вы поймете, как это важно — жизнь.— Он невесело рассмеялся.— Я-то это знаю, Маурин.

— Так расскажите мне.

— Вы действительно хотите это услышать?

— Не знаю. Да. Да, хочу.

— Хорошо. Он рассказал ей все. Она слушала: о его приготовлениях на случай падения Молота; о его ссоре с Лореттой; об угрызениях совести и чувстве вины за то мимолетное, что произошло у него с Маурин,— не потому, что он переспал с ней, а потому что впоследствии думал о ней и сравнивал со своей женой; и как из-за этого его отношение к Лоретте изменилось.

Он продолжал рассказывать, она слушала, хотя на самом деле и не все понимала.

— И вот наконец мы здесь,— сказал Гарви.— В безопасности. Маурин, вы не знаете этого ощущения: знать, действительно знать, что проживешь еще хотя бы час. Что целый час, наверное, ты не увидишь любимого человека, растерзанного и изломанного, словно это был не человек, а никому не нужная тряпичная кукла. Я не хочу, на самом деле не хочу, чтобы вы узнали подобное. Но вы должны хорошо понять: дело, которым занят ваш отец, то, что он делает в этой долине,— самое важное дело на свете. Оно бесценно. Чтобы не дать этому делу угаснуть, следует заплатить любую цену. И бесценно знать... знать, что у кого-то где-то появилась надежда. Что кто-то, может быть, почувствует, он — спасен.

— Нет! Это ведь настоящий ужас! Эта надежда насквозь лжива! Конец света, Гарви! Весь этот проклятый мир развалился, а мы обещаем что-то, что никогда не исполнится, что просто невозможно.

— Конечно,— сказал Гарви.— Иногда я думаю точно так же. Вы знаете, что Эйлин бывает там, в «большом доме». Мы в курсе, чего следует ожидать.

— Но тогда какой смысл стремиться пережить эту зиму?

Гарви встал и подошел к ней. Маурин сидела притихшая, он стоял рядом с ней, не касаясь ее, и она, не глядя, знала, где он находится.

— Во-первых,— сказал Гарви.— Это не безнадежно. Вы сами должны это знать. Харди и ваш отец выработали очень хороший план. Чтобы он удался, нужно немалое везение, но шанс у нас есть. Предположим, этот план удастся.

— Может быть. Если нам повезет. Но что если вся наша удача кончилась?

— Во-вторых,— твердо продолжил Гарви.— Предположим, что

все это чушь. Все мы этой зимой умрем голодной смертью. Предположим, что будет так. Маурин, все равно игра стоит свеч, да еще как! Если мы сможем хотя бы на час, хоть на вшивый час избавить кого-нибудь от тех душевных мук... наподобие тех, что испытывал я, корчась на заднем сиденье моего автомобиля... Маурин, если знаешь, что избавил хоть одного человека от такого ада, то можно спокойно умереть. Это правда. И вы можете сделать это. Если для этого нужно лгать — лгите. Но делайте.

Он имеет в виду именно то, что говорит. Может быть, он тоже лжет, играет, говоря ей, что надо действовать. Но он и в самом деле подразумевает именно это,— в противном случае почему же он так волнуется? Может быть, он прав. О Господи! Сделай так, чтобы он действительно оказался прав. Только тебя ведь нет, тебя нет?

Насколько ты сам веришь во все это, Гарви Рэнделл? Насколько прочно твое решение? Твоя решимость, насколько сильна она? Пожалуйста, не растеряй ее, потому что я начинаю ощущать то, о чем ты сказал мне. Твое решение может стать и моим решением.

Маурин подняла взгляд на Гарви и очень тихо сказала:

— Вы хотите, чтобы я опять стала вашей? Вы хотите любить меня?

— Да.— Гарви по-прежнему стоял неподвижно.

— Почему?

— Потому что я месяцами думал о вас. Потому что я не чувствую за собой вины. Потому что хочу любить кого-нибудь и хочу, чтобы меня любили. Это... веские причины.— Маурин, встав, потянулась к нему. Ощутила его руки на своих плечах. Он обнял ее, несильно прижимая к себе, любуясь ею. Спине — там, где она раньше промокла,— было холодно. Маурин едва не отпрянула. То, что может сейчас произойти, не будет случайным, не будет подобным тому, как бывало в последнее время. То, что может сейчас произойти, будет обязывать. Будет обязывать.

Но ладони, касающиеся ее спины, были теплыми, и пахло от него потом и усталостью. Это честный запах, в отличие от тех запахов, которые таятся в пульверизаторах. Когда он нагнулся, чтобы поцеловать ее, ее тело словно пронзил удар тока, и она вцепилась в него, прильнула к нему, пряча себя в нем, надеясь забыть себя в нем.

Постелив сверху спальный мешок, они легли на надувной матрас. Он нежно овладел ею, и она знала, что будет хорошо и что долго еще будет хорошо.

Потом она лежала рядом с ним и наблюдала, как молнии рисуют странные узоры на зеленой пленке пластика. И думала о том, что она обязана делать.

Делай свое дело. Все живое делает свое дело. На самом деле Гарви этого не говорил, это Альбер Камю, «Чума», но именно это имел в виду Гарви. Мое дело... оно включает в себя массу всякой всячины, но уверена, что оно включает и Гарви Рэнделла. Вот ведь в чем парадокс. Он сказал мне, для чего я должна жить, и я очень хорошо понимаю, что одной, без него, мне не справиться. Но что сделает Джордж, если он, предположим, узнает, где я сейчас?

Он выгонит Гарви. Вообще выгонит — из долины.

— Что случилось? — спросил Гарви. Голос его будто донесся откуда-то издалека.

Обернувшись к нему, Маурин попыталась улыбнуться.

— Ничего не случилось. Все случилось. Просто я размышляла.

— Ты дрожишь. Тебе холодно?

— Нет. Гарви... как обстоят дела с твоим мальчиком? И с сыном Марии?

— Они где-то там, наверху. И я должен уйти искать их. Я пытался убедить Харди, чтобы он позволил мне уйти, но он слишком занят, чтобы беседовать со мной. Если нужно будет, я уйду и без разрешения, но я попрошу его еще раз. Попытаюсь это сделать завтра. Нет. Не завтра. На завтра намечены другие дела.

— Ферма Романов.

— Да.

— Ты примешь участие в этом?

— Похоже, что выбор пал на меня и Марка. С нами пойдут мистер Кристофер и его брат. И Эл Харди. И наверное, еще несколько человек.

— Будет перестрелка? Ты понимаешь, что тебя могут убить?

— Наверное. Они стреляли в Гарри. Они убили того, другого человека, который пошел с ним,— с соседнего ранчо.

— Ты не боишься? — спросила Маурин.

— Боюсь до ужаса. Но это должно быть сделано. А когда это будет сделано, я попрошу Харди разрешить мне вместе с Марком отправиться в горы.

Маурин не стала спрашивать Гарви, обязательно ли ему уходить. Она хорошо все понимала.

— Ты вернешься?

— Да. Ты хочешь, чтобы я вернулся?

— Да. Но... но я пока не могу сказать, что люблю тебя.

— И это правильно,— сказал Гарви, потом хмыкнул: — В конце концов, мы ведь едва знакомы друг с другом. Когда-нибудь ты полюбишь меня?

— Не знаю. Я не смею себе этого позволить. Не думаю, чтобы я

когда-нибудь полюбила кого-либо. Будущее любви не предусматривает. Впрочем, будущего вообще не будет.

— Полюбишь,— сказал Гарви.

— Давай не будем говорить на эту тему.

* * *

Над Сахарой лил дождь. Озеро Чад, выйдя из берегов, затопило город Нгуимнгми. Нигер и Вольта оказались залитыми водой. Те, кого пощадило цунами, утонули. Их было несколько миллионов. В Восточной Нигерии племя ибо подняло восстание против центральной власти.

Далее к востоку. Палестинцы и израильтяне внезапно осознали, что не существует более великих держав, способных вмешаться в драку. На этот раз война будет вестись до победного конца. Остатки войск Израиля, Иордании, Сирии и Саудовской Аравии выступили в поход. Реактивных самолетов не было; для танков не хватало горючего. Пополнять запасы оружия было неоткуда. Сражались на ножах.

И война не закончится, пока одна сторона не вырежет другую.

ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ: ГОРЦЫ

Время, как вечно текущий поток,
Уносит детей своих,
И они исчезают в назначенный срок,
И никто не вспомнит о них.

Исаак Уотс, 1719 г.;
Англиканский
церковный гимн
№ 289

С неба потоками лила вода. Гарви Рэнделл едва ли замечал ее, точно так же, как едва ли замечал места, где дорога полностью исчезала. Уже выработалась привычка, и Гарви инстинктивно избегал наиболее глубоких выбоин. Он осторожно шагал через реки

грязи, сплошь покрывавшие дорогу. Это было хорошо — идти, мерять большими шагами круто поднимающуюся вверх, продуваемую ветрами дорогу. Дорогу, ведущую к Хай Сьерре. Не было ни автомобилей, ни людей, только дорога. Пища у Гарви была, а еще были нож и спортивный пистолет. Еды было не слишком много, и боеприпасов не слишком много, но Гарви был счастлив, что у него вообще что-то есть.

— Эй, Гарв, как насчет передышки? — крикнул сзади Марк.

Гарви продолжал идти. Марк пожал плечами, пробормотал себе что-то под нос и перекинул ружье с правого плеча на левое. Ружье он нес дулом вниз, спрятав под пончо. Оружие оставалось сухим, зато Марку казалось, что у него самого на теле не осталось ни единого сухого места. Он так вспотел, что, наверно, вполне мог бы обойтись без пончо: все равно весь мокрый. Словно под одеждой устроили баню с парилкой.

Гарви пересек глубокую лужу. Он видел, что, как бы плоха ни была дорога, вездеход бы здесь наверняка прошел, и выругался по адресу сенатора и его жестокосердного помощника. Но выругался он про себя. Если б он высказал это вслух, Марк бы обязательно с ним согласился, а у Марка и так хватало неприятностей с Элом Харди. В один из ближайших дней Марк либо сам ушел бы из «Твердыни» сенатора, либо его бы выбросили. Это тоже повлияло на решение Гарви: пора в путь.

Напрягая все свои силы, Гарви продолжал идти все вверх и вверх. Шаг. Остановка на крошечную долю секунды. Дать отдых на мгновение подколенным сухожилиям. Перенести вес на переднюю ногу, качнувшись в очередной шаг. Снова мгновение отдыха... Машинально Гарви полез в висящую на ремне сумку и достал оттуда кусок сушеного мяса. Медвежатина. Никогда прежде Гарви не доводилось есть медвежатину. А теперь ему было странно, что он когда-то ел совсем иную пищу. К вечеру они отшагают от «Твердыни» добрых девять миль, и любая дичь, которую им удастся подстрелить, будет по праву принадлежать им. И у них будет право съесть ее. Один из законов, введенных сенатором: никакой охоты в радиусе пяти миль от ранчо.

Умный закон. Дичь может понадобиться позднее, и нет никакого смысла загодя распугивать ее, преждевременной охотой гнать прочь от ранчо. Все законы сенатора — умные законы. Но это законы, которые принимаются без обсуждения. Это приказы, исходящие из «большого дома», и о них заранее не сообщается никому, за исключением Кристоферов, а Кристоферы их не оспаривают. Во всяком случае, пока еще не оспаривают.

Именно Джордж Кристофер дал Гарви разрешение уйти. Харди рисковать не хотелось. Не то чтобы его заботила судьба Гарви, но

оружие и пища, которые должен был забрать с собой Рэнделл, представляли немалую ценность. Но Маурин переговорила с Харди, а потом из дома вышел Джордж Кристофер и передал Гарви еду и оружие. И рассказал о дороге.

Гарви был совершенно уверен, что это не совпадение. У Кристофера не было никаких причин помогать Гарви Рэнделлу, и тем не менее он появился на сцене в тот самый день, когда Маурин повела переговоры со своим отцом и Элом Харди о деле Гарви. В тот самый день, когда она открыто выказала свою приязнь к Гарви Рэнделлу. Пошла на поступок слишком многозначительный, чтобы его не заметить.

Было нетрудно понять, как Джордж Кристофер относится к Маурин. А вот как она относится к нему? И, уж затронув эту тему, как Маурин Джеллисон относится к Гарви Рэнделлу?

Гарви присвистнул про себя: кажется, я влюбился. Только... Не знаю, на что это похоже. Будучи верным... ладно, почти верным мужем на протяжении восемнадцати лет, я не слишком подготовлен для любовных интриг.

А может, и подготовлен. Он всегда считал, что любые мужчина и женщина способны на это, если только предоставится возможность. Теперь он был в недоумении. Что это такое — любовь? Он был готов жизнь положить за Лоретту, но не пожелал остаться дома только потому, что она боялась. Сейчас он, возможно, встретился с любовью, и все же не уверен, что понимает, что это такое.

Наконец настал полдень, время устроить привал. Гарви на ходу высматривал хворост. Он чувствовал себя очень одиноким и беззащитным. Раньше, даже отойдя далеко от дороги, можно было встретить немалое количество людей. Но это было до падения Молота. Может, дня два назад вон с тех гор спустились бандиты, подстерегавшие случайного прохожего, а сейчас где-нибудь ждут: засаду они могут устроить где угодно. Хотя пока что никто навстречу не попался, и от этой мысли Гарви сделалось радостно.

Дорога шла через сосновый лес, по крутым склонам. Повсюду стояла вода. Такой дождь... нелегко будет найти подходящее место для привала. Лучше всего было бы укрытие, образованное обломками скалы, вроде того, где было устроено место отдыха для часового. Хотя нужно быть очень осторожным. Все живое сейчас разыскивает какое-нибудь сухое место. Медведи, змеи и так далее.

В первом же удобном месте оказался скунс. Гарви с большим сожалением прошел мимо. Здесь хорошо было бы устроить привал: два обломка, соприкасающиеся вершинами, а под ними действительно сухо. Но бусины глаз и запах, который ни с чем не спутаешь,— с этим врагом не справишься. Кроме того, скунс может быть бешеным. В теперешних условиях укус скунса может ока-

заться особенно опасным. Некуда бежать, чтобы тебе сделали прививку от бешенства. И долго еще некуда будет бежать за такой прививкой...

В следующем найденном укрытии оказалась лиса, а может, одичавшая собака. Гарви и Марк выгнали ее прочь. Под этими обломками, в этом укрытии было мокро, и места было мало, но все же Марк и Гарви, сняв свои пончо, устроили из них нечто вроде навеса, так что хотя бы на голову не лило.

Теперь — костер. Пока светло, Гарви принялся собирать дрова. Сухостоя было достаточно, но он весь был насквозь мокрый. Все же если расщепить его, то дерево в середине сухое. Дров набралось не больше, чем на час. Хотя, может, хватит и на дольше, если быть экономным. Когда стало совсем темно, Гарви разжег костер, для этого пришлось потратить часть драгоценного горючего.

— Вот если бы у нас была железнодорожная ракета,— бережно наливая горючее к основанию маленькой груды сухих щепок, сказал Гарви.— С помощью ракеты костер можно разжечь даже в буран.

— Харди, мать его, не дал бы ее вам,— ответил Марк.

— Вам лучше быть с ним поосторожней.— Гарви зажег спичку. Горючее вспыхнуло, и на мгновение свет пламени ослепил Гарви и Марка. Зажглись щепки, и ощущать даже ту крошечную долю тепла, которую давал их огонь, было очень приятно.— Он нас не любит.

— Сомневаюсь, чтобы он вообще кого-нибудь любил,— сказал Марк. Начал раскладывать вокруг костра полешки побольше, чтобы они просохли.— Всегда улыбается, но в душе его нет улыбки.

Гарви кивнул. Улыбка Харди осталась все той же, какой она была и до падения Молота. Он по-прежнему оставался помощником политического деятеля, то есть человеком, который дружелюбно держится со всеми и каждым. Но теперь его улыбка не означала дружелюбия и приветливости, теперь в ней таилась угроза.

— Господи,— сказал Марк.

— А?

— Просто мне вспомнились эти бедные выродки,— сказал Марк.— Гарв, я, кажется, от этого свихнусь.

— Не думайте об этом.

— Когда повешусь, перестану. Не могу забыть этого.

— М-да.— На ферме Романов их было четверо — четверо перепуганных детей-подростков. Два мальчика и две девочки, никому из них не было еще и двадцати. Когда Харди и Кристофер взяли их наконец в плен, оказалось, что двое из них в схватке получили ранения. А затем между Харди и Кристофером разгорелась яростная ссора — с криками, чуть не до драки. Джордж Кристофер хотел

пристрелить всех четверых прямо на месте. Эл Харди доказывал, что их следует отправить в город. Гарви и Марк приняли сторону Харди, и Кристофер, наконец, уступил.

Но когда их доставили в город, сенатор и мэр в тот же день устроили суд. И к вечеру все четверо были повешены перед зданием городского совета. Способ смерти, на котором настаивал Джордж Кристофер, был милосерднее.

— Они убили Романов и того парня из «Мучос Номбрес»,— сказал Гарви.— Как еще нам оставалось поступить с ними?

— Черт, они получили то, что заслужили,— сказал Марк.— Но слишком уж это, мать его так... страшно. И больно. А эти девочки — они кричали и плакали...— Марк подбросил еще поленьев в огонь. Задумался.

Бóльшая часть горожан была потрясена казнью, подумал Гарви. Но вслух никто ничего не сказал. В городе у Романов было много друзей. Кроме того, протестовать было опасно. Эл Харди улыбался, был, как всегда, спокоен и вел себя, будто ничего особенного не происходит,— и за всем этим явно чувствовалась угроза. Страшная угроза.

Путь. Для тех, кто не умеет объединяться, для тех, чья жизнь связана с бедами, всегда существует лишь один путь. *Путь.*

* * *

Они находились почти на вершине горы. Добрались до самой верхней точки дороги. И как раз настало время устроить привал. Уже третий день, как они в дороге. Ливень не прекращался, и чем выше в горы, тем он делался холоднее. Сегодня ночью без костра не обойтись. Значит, его нужно разжечь.

Гарви бережно выложил на землю щепки. Но не успел еще достать из кармана флягу с горючим, как почувствовал этот запах.

— Дым,— сказал Марк.— Дым костра.

— Да. Его разожгли так, чтобы не было видно со стороны,— отозвался Гарви.

— Это где-то поблизости. При таком дожде мы бы никогда не почувствовали запаха дыма, если б костер был далеко.

Вероятно, костер так хорошо укрыт, что увидеть его не удастся. Гарви, не производя ни малейшего шороха, сел. Жестом показал Марку, что нужно соблюдать абсолютную тишину. С вершины дул сильный ветер, должно быть, он и донес запах дыма. Ливень похо-

дил на водяную завесу, он гасил любой проблеск света. Видно было не дальше, чем на несколько ярдов.

— Надо пойти посмотреть,— сказал Марк.

— Да. Пончо оставим здесь. Промокнуть больше, чем мы промокли, уже невозможно.

Они осторожно двинулись вверх по склону, вглядываясь в сумрак.

— Там,— прошептал Марк.— Я кое-что услышал: голос.

Гарви показалось, что он тоже услышал это, но именно показалось: звук был слишком слабый. Он и Марк двинулись в направлении, откуда донесся голос. Не имело смысла стараться соблюдать тишину. Ветер и дождь заглушали почти все звуки. Заглушали в том числе и звук шагов, тем более что под ногами были мокрые листья, устилающие подножие леса.

— Подержи.

Марк и Гарви замерли. Голос был девичий. Голос очень юной девушки, подумал Гарви. Девушка была где-то очень близко, вероятно, она скрывалась в зарослях впереди.

— Энди,— крикнула она.— Идут двое.

— Встречу.

Мгновение Гарви не мог пошевелиться. Ведь это...

— Энди! — закричал он.— Энди, это ты?

— Да, сэр.

По тропе спускался его сын.

Гарви кинулся к нему:

— Энди, благодарение Богу, с тобой все в порядке...

— Да, сэр. Со мной все в порядке. А мама...

Гарви ощутил, как *это* снова мертвой хваткой сграбастало его. Оно в памяти, от воспоминаний уже не избавишься, это стало частью его самого: то жалкое и страшное, что завернуто в одеяло.

— Налетчики,— сказал Гарви.— Твою мать убили бандиты.

— Ох! — Энди отпрянул от отца.

Из чащи вышла девушка, в руках у нее ружье. Энди подошел к ней, и они встали рядом. Вместе.

За эти две недели мальчик повзрослел, подумал Гарви. Он видел, как стоит его сын рядом с девушкой. Стоит как защитник, и это выглядит у него очень естественно, и вспомнились слова брачного обряда: «Одна плоть». Так они и стояли — две половины единого целого. Но ведь они так молоды, слишком молоды. Редкие клочки волос покрывали подбородок Энди. Это еще не настоящая борода, просто щетина, и Лоретта всегда заставляла Энди сбривать ее, потому что вид у него, небритого, был ужасный, хотя эту щетину и разглядеть было трудно...

— Мистер Ванс здесь? — спросил Гарви.

— Конечно. Идите вон туда,— ответил Энди.

Он повернулся, и девушка снова скрылась в чаще. Она не сказала ни слова. Кто она, подумал Гарви. Она... женщина его сына. А он даже не знает, как ее зовут, и мальчик не назвал отцу ее имени. Все это было ужасно, все было не так, как должно было быть, но Гарви не знал, что ему теперь следует делать.

* * *

Горди Ванс был рад увидеть его. А Гарви был просто счастлив, что видит Горди. Горди выстроил укрытие немалых размеров: бревна и защищающая от дождя соломенная крыша. И у него был запас сухих дров, а под потолком были развешаны сухая рыба и птичьи тушки. На огне булькал котелок — тушилось мясо.

— Гарв! Я знал, что вы придете сюда. Я ждал,— сказал Горди.

Гарви поглядел на него с недоумением:

— Как вы могли рассчитывать, что я разыщу вас?

— Черт побери, но ведь это место привала, не так ли? Здесь мы всегда останавливались.

Света для полной уверенности было маловато, но это место ничем не отличалось от любого другого поблизости от дороги, и Гарви четко понимал, что ничего узнать здесь он не может.

— Я собирался пройти дальше... мимо...

— Вам бы пришлось повернуть обратно, когда вы добрались бы до сторожки,— сказал Горди.— До того, что осталось от сторожки.

Их в убежище было с дюжину — в основном по парам, спящих вместе в спальных мешках.

Мальчики и девочки. Друг с другом, по парам. Бойскауты и...

— Герлскауты? — спросил Гарви.

Горди кивнул.

— Я расскажу вам об этом позже. На прошлой неделе у нас были... кое-какие... неприятности. Сейчас все хорошо. Вы... вы ведь видели Дженни, не так ли?

— Это девушка, которая была с Энди? — Гарви оглянулся. Энди здесь не было. Он провел Гарви и Марка в убежище и исчез, не сказав ни слова.

— Она, конечно. Дженни Сомерс. Она и Энди...— Горди пожал плечами.

— Понимаю,— сказал Гарви. Но на самом деле он ничего не понимал. Энди ведь еще мальчик, ребенок...

Римский мальчик в четырнадцать лет получал меч и щит и вступал в легион. Закон мог признать его главой семьи и хозяином дома. Но ведь то был Рим, а это...

А это мир, порожденный падением Молота. И у Энди есть своя семья, и он взрослый.

И остальные дети — уже не дети. Они очень внимательно оглядывали Гарви; дети так на взрослых не смотрят. А эти — в их взглядах читалось подозрение, наверное. Но не было ни злости, ни уважения, ни... Они — дети, которые очень сильно повзрослели.

И в спальном мешке Горди тоже спала девушка. Вряд ли ей было больше шестнадцати.

Было тепло и сухо. Одежда Гарви была развешана возле огня, а сам он сидел в спальном мешке Горди, его всего окутывал мешок, совершенно сухой мешок; это было восхитительно, великолепно. Его ноги были сухими — впервые за столько дней.

Чай был не настоящий, его приготовили из древесной коры, но на вкус он был прекрасен. Как прекрасно было и заранее приготовленное Горди тушеное мясо. Расположившись близко у костра, Марк спал, по лицу его блуждала улыбка. Остальные тоже спали или занимались любовью, как будто они были одни.

Энди и Дженни, крепко обнявшись, спали в своем спальном мешке. Сын Горди, Берт, спал с другой девушкой. Стаси, девушка, с которой спал Горди, прикорнула, положив голову на колени Горди,— дремала.

Стародавние времена, когда люди жили в чащобах...

— Да, сначала пришлось туго,— говорил Горди.— Когда мы поняли, что Молот ударил, я повел ребят обратно к содовым источникам. Там можно было укрыться от ливней и ураганов. На четвертый день мы двинулись от источников к дому. Шли четыре дня. Когда мы добрались сюда, здесь были какие-то мотоциклисты. Они обнаружили здесь туристический лагерь девочек. И захватили его.

— Захватили его. Вы имеете в виду...

— Господи, Гарви. Вы понимаете, что я имею в виду. Одну из девочек они изнасиловали. До смерти. Женщину, которая повела девочек в этот турпоход, они убили: она пыталась защитить своих подопечных.

— Господи,— сказал Гарви.— Горди, у вас же не было никакого оружия.

— Был пистолет двадцать второго калибра,— ответил Горди.— Прихватил его на всякий случай. Но в том, что потом произошло, он главной роли не играл.

Это был новый Горди. Гарви не мог до конца понять, почему новый, ибо он отпускал те же самые шутки, что раньше, и

вообще, он был почти что тот же самый Горди, что раньше, но он не был тем же Горди. Он был каким-то другим Горди. Начать с того, что его уже невозможно было представить в роли банкира. Казалось, он всегда жил в этом убежище, обросший двухнедельной бородой, до предела собранный и хладнокровный. Здесь удобно, сухо, и на него возложена громадная ответственность... Здесь удобно...

— Они были дураками,— сказал Горди.— Не захотели мокнуть под дождем. Устроили здесь свой лагерь, поставили палатки. Купленные в магазинах палатки. То, чем они владели, теперь принадлежит нам, и мы использовали кое-что из этого, когда возводили наше убежище.— Он обвел рукой построенную из камня и дерева хижину — крыша, навес, стены, углубление для костра.— Они все забрались внутрь, даже те, кто, как предполагалось, должен стоять на страже. Мы били их в голову.

— Вот так, просто: били в голову?

— Вот так,— сказал Горди.— А затем перерезали им глотки. Энди убил двоих.

Горди помолчал, чтобы дать Гарви осознать сказанное. Гарви замер. Потом замедленно глянул поверх костра — туда, где его сын спал со своей... со своей женщиной. Женщиной, которую он завоевал в бою, которую спас...

— А потом эти девочки просто взяли и прыгнули к вам в постель? — спросил Гарви.

— Спросите у них сами. И узнаете, как это было,— сказал Горди.— Мы никого не насиловали, если вы это имеете в виду.

— Не насиловали только с формальной точки зрения,— сказал Гарви. И сразу же пожалел, что сказал это, но слова уже вылетели изо рта.

Гарди не рассердился. Он рассмеялся:

— Изнасилование, как его определяет закон. Кто теперь следит за соблюдением этого закона? Кого это может заботить, Гарви?

— Не знаю. Может быть, сенатора. Со мною была Мария. Она осталась на ранчо сенатора...

— Мария? Я думал, она мертва,— сказал Горди.— Разумеется, она действительно хотела разыскать Берта. Моя судьба ее не беспокоит.

Гарви промолчал. Это, видимо, было правдой.

— Но и о Берте она на самом деле не беспокоилась,— сказал Горди.

— Дерьмо коровье. Она как тигрица. Мы сделали все, чтобы она осталась на ранчо, когда вместе с Марком отправились на поиски.

— Да? Может быть. Узнав, что он жив и невредим, она перестанет беспокоиться.— Горди уставился в огонь.— Так что теперь будет?

— Мы возьмем вас с собой и пойдем обратно...

— Чтобы сенатор глянул на меня странным взглядом и, возможно, проследил, чтобы закон об изнасиловании соблюдался? И чтобы он — видимо, так — разлучил Энди с его девушкой?

— Этого не может быть.

— Да? Идите спать, Гарв. А я пойду сменю часового. Моя очередь нести охрану.

— Я тоже...

— Нет.

— Но...

— Не заставляйте меня высказывать все откровенно, Гарви. Спите.

Гарви кивнул и, не вылезая из спального мешка, улегся. Не заставляйте его высказывать все откровенно. Не заставляйте его говорить мне, что я не один из них, что они не доверят мне охранять их...

* * *

На завтрак была жареная рыба и какие-то не знакомые Гарви овощи. Завтрак оказался вкусным. Гарви как раз заканчивал, когда вошел Горди и сел рядом с ним.

— Никто не пойдет? — спросил Гарви.

— Совершенно верно. Мы останемся вместе.

— Горди, *вы* с ума сошли. Скоро здесь сильно похолодает. Через пару недель пойдет снег...

— Справимся,— ответил Горди.

— Энди! — крикнул Гарви.

— Да, сэр?

— Ты пойдешь со мной.

— Нет, сэр.— Энди не спорил. Он не отстаивал свою позицию. Он просто констатировал, что произойдет. Потом он встал и вышел — в дождь. Сразу за ним вышла Дженни. С того времени, как она встретила Гарви Рэнделла, она так и не сказала ему ни слова.

— Вы можете остаться с нами,— сказал Горди.

— Мне бы хотелось этого. Но еще больше хотелось бы, чтобы об этом мне сказал Энди.

— А чего вы ожидали? — спросил Горди.— Видите ли, вы сделали свой выбор. Вы остались в городе. У вас была работа, и вы из-за нее остались, а Энди услали в горы...

— Где он оказался в безопасности!

— И в одиночестве.

— Он не оказался в одиночестве,— настаивал Гарви.— Он...

— Не надо спорить *со мной,*— сказал Горди.— Докажите это, Энди. Послушайте, сегодня утром мы проголосовали. Никто не возражал. Вы можете остаться с нами.

— Это глупо. Что у вас здесь есть?

— А что есть там, внизу?

— Безопасность.

Горди пожал плечами:

— А что в ней хорошего? Послушайте-ка,— Горди отнюдь не оправдывался, потому что ему не в чем было оправдываться. Он просто старался, чтобы Гарви понял его, хотя знал, что Гарви этого никогда не поймет. Впрочем, сие Горди по-настоящему и не заботило. Вот только одно: все же старый приятель, которому он многим обязан,— послушайте, Гарв, если он уйдет с вами, он снова сделается ребенком. А здесь он второй по значению в группе.

— Из кого состоящей группе?

— В группе, состоящей из тех, кем мы являемся. Он здесь мужчина, Гарв. А там, внизу, он перестанет быть мужчиной. Я видел, как вы смотрели на него и Дженни. Для вас они еще дети. Спустившись вниз, вы снова превратите их в детей. Вашими стараниями они снова почувствуют себя детьми. Детьми, от которых нет никакой пользы. Ну а здесь, здесь Энди знает, что он приносит окружающим пользу. Мы все зависим от него и полагаемся на него. И, делая здесь что-то необходимое для остальных, он не просто винтик в машине выживания.

— Машина выживания.— Верно сказано, подумал Гарви. Вот что у нас там, в «Твердыне» сенатора: машина выживания. Очень неплохо налаженная машина.— По крайней мере, эта машина дает хорошие шансы на выживание.

— Конечно,— сказал Горди.— Обдумайте это, Гарви. Конец света. Падение Молота. Разве положение дел после этого не должно измениться?

— Оно уже изменилось. Господи, каких перемен вы еще хотите? Недавно мы захватили четырех детей и повесили их перед зданием городского совета... У нас вся промежность в мыле — так мы стараемся подготовиться к грядущей зиме. Мы хотим пережить эту зиму. Здесь многое зависит от того, что заранее предусмотреть невозможно, но с этим мы примирились, мы справимся...

— И что мы будем делать внизу? — спросил Горди.

Гарви подумал. Он не мог точно ответить. Не знал, пропустит ли Харди в «Твердыню» такую многочисленную группу. Отряд бойскаутов — да. Но отряд бойцов? Может быть, им лучше оставаться здесь, они уже принадлежат этим местам? Новая порода горцев.

— Черт побери, но это мой сын, и он пойдет со мной.

— Нет, не пойдет, Гарв. Он больше не ваш. Он — свой собственный, и у вас нет способа принудить его уйти с вами. Мы не намерены возвращаться, Гарв. Никто из нас не вернется. Но вы можете с нами остаться.

— Остаться. И кем стать?

— Тем, кем вы захотите.

Предложение не искушало. Что он будет делать здесь? И кем он станет здесь? Гарви встал и поднял с пола свой рюкзак.

— Нет. Марк?

— Что, босс?

— Вы уходите или остаетесь?

С тех пор, как они пришли сюда, Марк вел себя неестественно тихо.

— Пойду назад, Гарв. Там Джоанна. Не думаю, чтобы ей очень понравилось здесь. Да и мне тоже вряд ли. Это может надоесть: всю жизнь провести в туристическом лагере. Как вы?

— Пошли,— сказал Гарви. Печально огляделся. Здесь ничто и никто не принадлежит Гарви Рэнделлу. Он здесь чужой.

* * *

Цунами продолжало начатое им. По берегам всего Атлантического океана не осталось и следа от жизнедеятельности человека. Очертания береговых линий сильно изменились. Мексиканский залив сделался втрое больше, чем прежде. Флорида превратилась в цепь островов. Чизпик Бей стал заливом. Западное побережье Африки покрылось зазубринами глубоко вдававшихся в сушу бухт и заливов.

Кратеры — в тех местах, где ударил Молот,— более не светились. По крайней мере их нельзя было различить невооруженным глазом. Но они продолжали свое воздействие на погоду. Вулканы извергали лаву и дым. Ураганы хлестали бичами.

Повсюду шел ливень. Молот еще не закончил свою разрушительную деятельность.

ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛЯ: бродяги

Одно обстоятельство может послужить утешением для значительной части выживших: проблемы, с которыми они столкнутся, по крайней мере будут полностью отличаться от тех, которые казались им подлинной мукой в минувшее время. Проблемы высокоцивилизованного общества сменятся проблемами, присущими примитивным цивилизациям. Вероятно, большинство выживших окажется обществом, состоящим из людей, заранее в определенной мере подготовленных к быстрому переходу от сложного и достаточно утонченного образа жизни к примитивному типу существования.

Роберто Вакка.
Наступление
темной эры

Лес был прекрасен — дремучий и темный, вот только сверху все время капало. Дан Форрестер вздыхал, вспоминая об утерянном мире, где было тепло и сухо, и продолжал идти все дальше. По всем пяти слоям надетой на нем одежды в такт движениям сочилась вода. Под деревьями суши не было. И ненамного темнее, зато можно укрыться от падающего редкими хлопьями снега. Дан не считал, что он проживет достаточно долго, чтобы снова увидеть солнце.

На ходу он жевал кусок еще не до конца сгнившей рыбы. В одной из его книг рассказывалось, как ловить рыбу, скрывающуюся в омутах. К удивлению Дана, описанный способ оказался верным. Кроме того, он неустанно расставлял ловушки на кроликов. Дан ни разу не поел досыта с того момента, как ушел из Туджунги. Но и от голода он не умирал, и это, понимал Дан, отличало его от многих и многих из тех, кому удалось пережить катастрофу.

Со дня падения Молота прошло четыре недели. Четыре недели неуклонного продвижения к северу. Своей машины Дан лишился через считанные часы, как выехал из дома. Двое мужчин (с ними были их жены и дети) просто отобрали автомобиль у Дана. Рюкзак и значительную часть его припасов они ему оставили, поскольку в

первые дни после падения Молота люди не знали, насколько плохо теперь все будет. А может быть, они просто были порядочными людьми, которым машина нужна была больше, чем ему, Дану. Во всяком случае, именно так они ему и сказали.

Теперь, похудевший и — так ему казалось — поздоровевший, более здоровый, чем когда бы то ни было прежде, Дан Форрестер, астроном, которому более не суждено увидеть звезды, человек, не имеющий ни работы, ни надежды получить работу, шел все дальше и дальше, просто потому, что ничего другого ему не оставалось. Поздоровевший... если не считать незаживающих волдырей на ногах и регулярно повторяющихся приступов диабета, из-за чего Дан мог проходить лишь несколько миль в день.

Ветры не дули столь свирепо, как прежде, если не считать тех, которые поднимались во время ураганов. Но и ураганы теперь повторялись значительно реже. Дождь лил без конца, но иногда он лишь моросил. А изредка — благодарение Богу! — и вообще ненадолго прекращался. Но дождь становился все холоднее, и временами вместо капель падали снежинки. Снег в июле на высоте четыре тысячи футов над уровнем моря. Значит, похолодание началось гораздо раньше, чем ожидал Дан. Покров туч, окутавших Землю, отражает слишком большое количество солнечного света, и планета остывает. Дан понимал, что на севере начинают образовываться ледники. Сейчас они — всего лишь тонкий слой снега, усиливающий склон гор и расположенные в этих горах долины. Но, сколько бы ни прожил Дан, ему не доведется увидеть таяние этого снега.

Через некоторое время Дан решил отдохнуть. Полусидя, он прислонился к дереву, уперев рюкзак в его шершавую кору. Этим он, снимая вес со своих ног, давал им передышку, и так было легче, чем сперва снимать рюкзак, а потом надевать его снова. Четыре недели — и уже начал идти снег. Зима будет очень и очень суровой...

— Не двигайтесь.

— Хорошо,— сказал Дан.

Откуда раздался этот голос? Двигались сейчас у Дана только глаза. Он всегда считал себя не представляющим угрозы для кого бы то ни было — и по внешности, и на самом деле, но теперь он похудел и оброс редкой бородой, и в этом мире страха никто больше не выглядит не представляющим угрозы. Из-за дерева вышел человек, одетый в солдатскую форму. Винтовку он держал легко, словно перышко, а отверстие ствола, направленное на Дана, казалось громадным. Громадным, как Смерть.

Мужчина рыскнул глазами влево-вправо.

— Вы один? Вы вооружены? У вас есть еда?

— Да. Нет. Не очень много.

— Не острите тут мне. Выкладывайте, что там у вас в рюкзаке.— Нацелился в Дана весьма нервный парень. Он все время подозрительно оглядывался и озирался. Кожа у него была очень бледной. Как ни удивительно, но он почти не оброс бородой — только щетина. Не прошло и недели, как он брился. Зачем он брился, подумал Дан.

Дан расстегнул поясной ремень и стащил с плеч рюкзак. Поставил его на землю. Солдат наблюдал, как он расстегивает молнии на карманах.

— Инсулин,— сказал Дан, откладывая в сторону коробку.— Я диабетик. У меня две упаковки.— Он вытащил вторую коробку, положил рядом с первой. Рядом с коробками положил завернутую в бумагу книгу.

— Разверните это,— сказал мужчина, имея в виду книгу. Дан развернул.

— Где же ваша еда?

Дан раскрыл пластиковую сумку. Запах шел ужасающий. Дан отдал рыбу мужчине.

— Ничего не удается долго хранить,— объяснил Дан.— Вы уж извините. Но, я думаю, она еще съедобна... если только вы не хотите подождать. Но ждать придется долго.

Мужчина волком накинулся на вонючую сырую рыбу, горстями запихивал ее в рот. Впечатление было такое, что он не ел целую неделю.

— Что еще у вас есть? — потребовал он.

— Шоколад,— полным сожаления голосом ответил Дан. Это был последний в мире шоколад, и Дан приберегал его для какого-нибудь радостного события. Он смотрел, как одетый в форму мужчина ест шоколад — не торжественно, не смакуя, просто ест.

— Откройте это.— Мужчина показал на кастрюлю. Дан снял крышку. Внутри кастрюли находилась другая, поменьше, а внутри этой второй кастрюли — маленькая плита для турпоходов.

— Для плиты нет горючего,— сказал Дан.— Не знаю, почему я ее еще не выбросил, но вот не выбросил. А от кастрюль, если в них нечего варить, большой пользы нет.— Дан старался не смотреть на отрезки тонкой медной проволоки, вывалившиеся из рюкзака. Проволока для устройства ловушек. Без этой проволоки Дан Форрестер, вероятно, умрет с голоду.

— Я заберу одну из ваших кастрюль,— заявил мужчина.

— Конечно. Большую или поменьше?

— Большую.

— Пожалуйста.

— Спасибо,— мужчина, похоже, несколько расслабился, хотя по-прежнему рыскал глазами и вздрагивал при любом, даже самом

слабом звуке.— Где вы были, когда началось... Все это? — солдат неопределенно махнул рукой.

— В Институте реактивного движения. Это в Пасадене. Я видел все. На нас шла прямая телепередача со спутника «Молотлэб».

— Видели все. И как это было?

— Множество столкновений. Большинство пришлось на территорию к востоку отсюда, на Европу, на Атлантический океан. Но некоторые произошли в близлежащих местностях, в основном к югу отсюда. Поэтому, пока я не лишился своей машины, я ехал на север. Вы не знаете, ядерный центр «Сан-Иоаквин» еще работает?

— Нет. Там, где была долина Сан-Иоаквин, теперь океан.

— А как обстоят дела в Сакраменто?

— Не знаю.— Солдат, казалось, еще не знал, что делать, но его винтовка по-прежнему была точно нацелена в голову Дана. Легкое нажатие пальца — и Дан Форрестер перестанет существовать. Дан удивился, поняв, как сильно его волнует, убьет его сейчас солдат или нет, удивился, поняв, как сильно ему хочется жить, хотя точно знал, что никаких реальных шансов выжить у него нет; даже если он дотянет до самой зимы, то зимой и умрет. Он подсчитал, что большая часть тех, кто доживет до зимы, весны уже не увидит.

— Мы были на учениях,— сказал мужчина.— Военных учениях. Когда грузовики накрылись, наши пристрелили офицера и занялись устройством собственных делишек. Как сказал Гиллин, устроить свои дела — это хорошая идея. Я пошел с ними. Потому что ведь все равно все умрут, так ведь? — Солдат торопился, захлебывался словами. Ему нужно было найти себе оправдание — до того, как он убьет Дана Форрестера.— Но потом нам пришлось идти, идти и идти, и мы не могли найти себе никакой еды и...— Поток слов внезапно оборвался. Темная тень ненависти скользнула по лицу солдата. Потом он заговорил снова: — Хотелось бы мне, чтобы у вас было больше еды. Я забираю вашу куртку.

— Зачем она вам?

— Снимайте. Нам не выдают дождевиков.

— Вы слишком большой. Она вам не подойдет,— сказал Дан.

— Как-нибудь натяну.— Бандит весь дрожал. Разумеется, он был таким же промокшим, как Дан. Хотя особого жира, который мог бы предохранить от холода, у него не было.

— Эта куртка может защитить только от ветра. Она не влагонепроницаемая.

— Может защитить от ветра? Прекрасно. Я все равно отниму ее, сами знаете.

Конечно, отнимет, проделав в ней дыру. А может, и нет. Выстрел в голову не оставляет дыр в куртках. Дан снял куртку. Чуть не перебросил ее бандиту, когда кое о чем вспомнил.

— Смотрите,— сказал он. Засунул капюшон в узкий карман на вороте куртки и застегнул его на молнию. Затем вывернул внутренний большой карман и засунул в него всю куртку. Получился маленький пакетик. Дан вжикнул молнией, застегивая, и перебросил пакетик бандиту.

— Ух ты,— сказал тот.

— Знаете, что вы сейчас украли? — Горечь потери оказалась глубже той горечи, к которой Дан уже привык.— Такого материала больше никогда делать не будут. И уже не будут делать машин, с помощью которых изготовлена эта куртка. Такие куртки изготовляла одна компания в Нью-Джерси. Она изготовляла куртки пяти размеров. И продавала их за такую цену, что можно было забросить ее в багажник своего автомобиля и забыть. Вам даже не пришлось бы искать ее. Компания сама разыщет куртку, а потом разыщет вас и начнет слать толстые письма с извещениями. Сколько придется ждать, пока снова начнут изготовлять такие вот куртки?

Мужчина кивнул. Начал было пятиться к деревьям, но вдруг остановился.

— Не идите на запад,— сказал он.— Мы убили мужчину и женщину и съели их. Мы. Не хочу, чтобы еще кто-нибудь видел, что у меня на душе. Следующего, кого я встречу, пристрелю. Так что не лейте слез о своей куртке. А радуйтесь, что вокруг не так мокро.— Бандит дико расхохотался и скрылся.

Дан покачал головой. Каннибализм — так скоро? На Дане еще оставались майка-сетка, тенниска, фланелевая рубашка с длинными рукавами и свитер. Ему просто повезло, и он хорошо это понимал. Он начал запихивать свое имущество обратно в рюкзак. Проволока для ловушек осталась у него. Вещь гораздо более ценная, чем куртка. Несколько футов тонкой прочной проволоки, всего лишь моток прочной проволоки — это сама жизнь, пусть даже и ненадолго. Дан взвалил на плечи свой рюкзак.

Не идите на запад. Ядерный центр «Сан-Иоаквин» был расположен к западу отсюда, но долина заполнена водой. Центр не мог уцелеть, и, кроме того, он еще не был достроен. Остается Сакраменто. Дан вспомнил карту Калифорнии. Он находился в горах, образующих постоянный край залитой потопом центральной долины. Ему нужно спуститься ближе к низменности: там будет не так трудно.

Но низменность расположена на западе. Между ним, Даном, и обширным озером, образовавшимся в долине Сан-Иоаквин,— людо-

еды. Лучше, не спускаясь с гор, идти к северу. Дан не думал, что ему удастся выжить, но ему очень не хотелось стать пищей каннибалов.

* * *

Сержант Хукер шагал, глядя в небо.

Ветер вел себя, будто он стая разыгравшихся котят. Он бил с размаху, залезая под шлем, дергал за рукава и штанины, утихал на мгновение, затем засыпал пылью глаза, дуя чуть ли не одновременно со всех сторон. Черные тучи с вздутым, словно беременным, брюхом тяжеловесно двигались по небу. Вид у них был угрожающий. Уже несколько часов, как перестал идти дождь. Погода обещала выкинуть нечто особое, даже по стандартам Эпохи-после-падения-Молота.

Врач шагал в угрюмом молчании. Заставлял себя не упасть. Сил на то, чтобы сбежать, у него не осталось. По крайней мере хоть на этот счет Хукер мог не беспокоиться. Зато его тревожило доносящееся сзади бормотание. Слов разобрать было нельзя, но в голосах явно чувствовались недовольство и гнев.

Он думал: конечно, мы не станем есть друг друга. Должны же быть определенные пределы. Мы ведь даже не едим своих умерших. Пока не едим. Придется ли мне и это делать? Они недовольны, разозлены. Может быть, мне следует пристрелить Гиллингса?

Вероятно, ему нужно было сразу застрелить Гиллингса, когда он вернулся и увидел, что капитан Хора мертв, а командование захватил Гиллингс. Но тогда у него не было никаких боеприпасов, а Гиллингс сказал, что теперь им следует устраивать свои собственные дела, стараться только для самих себя, что теперь, когда Молот прикончил цивилизацию, они все станут, мать их так, королями.

Вот смехота-то, но сержант Хукер не рассмеялся. Во внезапном приступе ярости он обернулся к врачу:

— Когда мы сделаем привал снова, на этот раз съедят тебя.— В животе у сержанта бурчало.

— Знаю. Я уже говорил вам, почему вы болеете,— сказал врач. Он был маленький, на вид безобидный, и весьма походил на бурундука. Сходство усиливала щеточка усов, торчащая под вытянутым вперед носом. Он старался держаться поближе к Хукеру, что было разумно.— Вы едите недожаренную говядину,— сказал врач,— потому что от крупного рогатого скота человек может подцепить не

так уж много болезней. Свинину хорошо прожаривают, потому что многие болезни свиней — болезни человека. Паразиты и так далее,— он замолчал на мгновение, ожидая, что Хукер даст ему оплеуху, чтобы он заткнулся, но Хукер не отреагировал.— Однако от человека вы можете заразиться чем угодно, за исключением, может быть, серповидной анемии. С тех пор, как вы стали людоедами, вы уже потеряли пятнадцать человек...

— Восьмерых застрелил. Ты сам это видел.

— Они были слишком больны, чтобы сбежать.

— Черт возьми, они были новобранцами. Не знали, что им следует делать.

Врач замолчал на время. Они продолжали свой трудный путь. Тащились, не произнося ни слова. Задыхались, карабкаясь по крутому отсыревшему склону. Восемь человек застрелено, четверо из них — новобранцы. Но умерло и еще семеро солдат, причем не от пули.

— Мы все должны заболеть,— сказал врач.— Мы уже сейчас все больны.— Он сходил с ума от жгущей его мозг мысли. Господи, зачем только я...

— Просто ты был так же голоден, как и все мы. А что было бы, если б ты так ослабел, что не смог идти? — Хукер и сам удивился, с какой стати это должно волновать его. Что бы там ни переживал в душе врач, что'бы ни испытывал, для него, Хукера, это ничто. Он мстительно напоминал себе: когда они найдут подходящее для поселения место, доктора, видимо, изувечат. Как древние люди калечили своих кузнецов, чтобы те не сбежали. Но пока этой необходимости еще нет.

Где-нибудь должно отыскаться место, иногда небольшое, чтобы его легко было оборонять, но чтобы там мог разместиться и прокормиться весь отряд Хукера. Какая-нибудь сельская община, где будет достаточно народу, чтобы обрабатывать землю, и достаточно земли, чтобы прокормить всех. Отряд сможет там поселиться. Хорошие вояки чего-нибудь да стоят. Чертов Гиллингс! Он утверждал, что стоит лишь им явиться куда-то, как успех уже обеспечен. Пока что так не получилось.

Они слишком голодны. Слишком много, черт побери, пришлось пройти миль, спускаясь с гор. Все магазины и склады ограбили еще до них. А люди либо бежали, либо так забаррикадировались, что, может, даже с помощью базуки или орудия не прошибешь...

Хукеру хотелось думать о чем-нибудь другом. Если б они затеяли драку раньше, все было бы распрекрасно. Но нет, он позволил себя уговорить. И его уговорили, что лучше идти дальше, искать более подходящее место, что со временем они отыщут такое место...

— Если вам приходилось есть человеческое мясо...— Врач не мог удержать свои соображения при себе. Ему нужно было их высказать. Лицо его кривилось, он старался сдержать тошноту. Хукер надеялся, что все это просто выдумка докторишки.

— Если вам приходится есть человеческое мясо, вы должны выбирать здоровых. Тех, кто быстрее всех бегает. Самых быстрых, самых сильных, тех, у кого самая лучшая реакция. Те, кого вы сейчас едите,— больны. Съев их мясо, вы заболеваете тоже. Лучше бы вы ели больную скотину, чем больных людей...

— Заткнись, лекарь-между-ног. Ты знаешь, почему они умерли. Они умерли потому, что ты вообще не настоящий доктор, а лекарь-между-ног.

— Конечно. Как только вы изловите настоящего врача, я попаду в котел.

— Держись поближе ко мне, если хочешь дожить до того времени, когда мы его изловим. До падения Молота Ковлес был гинекологом. Во время падения он находился в сдаваемом внаем охотничьем домике.

Выехав оттуда, он сквозь непрекращавшийся ливень направился вниз, к долине. Остановиться ему пришлось, когда машина уперлась в берег: в долине Сан-Иоаквин широко разлилось возникшее море. Там его и обнаружила банда Хукера — он сидел на радиаторе своего автомобиля под хлещущим дождем, нижняя челюсть у него отвалилась, он не знал, что делать. Если бы у Ковлеса не хватило здравого смысла назвать свою профессию, он бы тут же угодил в котел.

Ему не хотелось ни с того ни с сего становиться военным. Он протестовал. И протестовал до тех пор, пока Хукер не объяснил ему, какая на самом деле сложилась ситуация.

Теперь он сделался достаточно послушным. Больше не балаболил насчет своих гражданских прав. Хукер не сомневался, что он делает все, что только в его силах, чтобы спасти жизнь заболевших. И он сумел идти так же быстро, как медленно бредущие солдаты. А следом за ним несли котел. Его тащили трое солдат, остающихся пока здоровыми. Одним из этих незаболевших был Гиллингс. Это давало Хукеру максимальную гарантию безопасности, какая только возможна: Гиллингс сперва должен выпустить из рук котел, прежде чем выстрелить Хукеру в спину.

Сам Хукер не хотел стрелять ни в кого. Они уже потеряли слишком много людей. Одни заболели, другие дезертировали, третьи нарвались на пулю в оставшейся позади долине. Кто бы мог подумать, что фермеры способны дать такой отпор? Драться против отряда военных, располагающих современным оружием?

Да только отряд-то не особенно хорош, и то, чем их снарядили, тоже. И не особенно велик боезапас. И вообще они действуют не

всегда слишком умно. Нет времени на обучение новобранцев. Среди солдат отсутствует настоящая дисциплина. Все раздражены, все боятся. Что, если на их розыски послан настоящий армейский патрульный отряд? Или хотя бы отряд полиции?

Хотя пока никто не вставал на их пути, пока еще нет. И солдаты не могут передвигаться быстрее, чем разносятся слухи. Что необходимо, так это побольше новобранцев. Но нельзя их набирать слишком много, пока нет достаточных запасов еды. Экономика, выходит, может оказаться ужасным врагом. Убить человека, предназначенного в пищу, и нужно еще добыть горючее и воду, чтобы приготовить его мясо,— все это требует больших усилий. Если же число членов отряда слишком уж уменьшится, мясо может испортиться до того, как его успеют съесть. Напрасная трата усилий, напрасная трата времени.

Хукера удивляло, что им мало что удавалось,— будто ополчилась судьба. Со дня падения Молота все шло и все делалось не так, как надо. А с этого дня уже миновала не одна неделя. Хукер не помнил точно, сколько уже прошло дней, но двое солдат независимо друг от друга вели подсчет, зачеркивая цифры на карманных календариках. Если сержанту Хукеру понадобится узнать точную дату, он это легко выяснит.

Помимо обычных, сержанту Хукеру приходилось брать на себя и другие обязанности. Это было необходимо. Будучи просто сержантом, он занимался лишь незначительными делами. Теперь он фактически исполнял обязанности офицера, а он не офицер, и того, что должен уметь офицер, не умеет. Он не слишком задумывался, насколько он пригоден для исполнения роли командира. Никого другого, способного взять на себя командование, попросту не было.

Левой. Правой. Прочь из этой долины. Отряд возвращался на юг — туда, где, возможно, удастся найти подходящее место, где можно будет поселиться. Место, где можно будет пополнить отряд новобранцами и где будет какая-то другая еда, помимо...

Он смотрел на тучи и думал: действительно ли они кружатся водоворотом (по направлению против часовой стрелки) или это ему только кажется. Единственное укрытие в поле зрения — вон тот дом впереди, стоящий на склоне холма. Нужно бы сейчас послать туда разведчиков. Возможно, без укрытия не обойтись. Хукер надеялся, что дом покинут его обитателями. А может быть, в этом доме отыщутся какие-нибудь консеры. Вдруг там отыщется пища.

— Баскомб! Флаш! Пошарьте вон в том доме. Посмотрите, нет ли там кого. Если есть, не стреляйте, а вступите в переговоры.

— Хорошо, сержант.— Двое солдат, двое из тех, кто остался пока здоровым, покинули строй и побежали вниз по склону холма, к дому.

— Переговоры, которые заканчиваются смертью? — спросил врач.

— Мне нужны новобранцы, лекарь-между-ног. И у нас еще осталось мясо, назавтра хватит...— рассеянно сказал Хукер. Он наблюдал за продвижением Баскомба и Флаша к дому. И еще его беспокоили возможные фокусы погоды. Только что миновал полдень, но тучи крутились, как вертится вода в ванной, если вынуть пробку...

Что-то яркое показалось среди туч. Солнечный луч, проникший сквозь грозовой покров? Исключено. Это была всего лишь красноватая точка, очень быстро перемещающаяся. Она двигалась почти параллельно тучам, то ныряла в их черное подбрюшье, то вновь выныривала.

— Не-е-ет! — закричал Хукер.

Заподозрив, что сержант сошел с ума, доктор Ковлес отскочил.

— Нет,— тихо повторил Хукер.— Нет, нет, нет. Мы этого не переживем. Хватит, ведь хватит же, как ты этого не понимаешь? Пусть это остановится,— частил, будто объясняя, Хукер, не отрывая глаз от устремившейся вниз ярко сверкающей точки. Он этого не переживет, никто уже не выживет, если Молот ударит снова.

И как ни странно, его молитва была услышана: над метеоритом раскрылся купол парашюта. Хукер уставился на него, ничего не понимая.

— Это космический корабль,— сказал Ковлес.— Будь я проклят, Хукер, это космический корабль. Должно быть, он с «Молотлэба». Хукер, с вами все нормально?

— Заткнись.— Хукер смотрел на снижающийся парашют.

— Эй, сержант, интересно, а каков на вкус астронавт? — замычал сзади Гиллингс.— Может, его мясо похоже на индюшатину?

— Этого нам уже не узнать,— ответил Хукер. Хорошо, что голосом он умеет владеть, голос его не выдаст. А лицо видно только Ковлесу, Ковлес никому не скажет.— Они опускаются в долину. Как раз туда, где фермеры вчера задали нам жару.

* * *

Падение в восточном направлении — падение вслепую. Располагающиеся под падающим, как метеорит, «Союзом» облака

сверкали ослепительно ярким светом. Облачный покров во многих местах был испещрен спиралеобразными узорами — узорами ураганов. К северу виднелся громадный облачный столб — ураган-матка. Очевидно, его породил и продолжал поддерживать слой горячей воды в том месте, где удар Молота пришелся в Тихий океан. От матки оторвались и уносились вдаль меньшие по размеру крутящиеся спирали ураганов. «Союз» трясло, иллюминатор, естественно, тоже прыгал, и взгляд Джонни Бейкера непроизвольно перескакивал с места на место. «Союз» опускался, нырял в слои облаков, и выходил из них, и снова погружался в тучи. Все вокруг из светло-серого постепенно становилось темно-серым.

— Там внизу может оказаться что угодно,— сообщил остальным Джонни.

Падение теперь происходило более круто. Корабль выскочил из покрова туч, но внизу было темно. Что там — суша, море, болото? Впрочем, это уже не имеет значения. Космонавты вверили свою судьбу случаю. «Союз» не располагал энергией, горючее кончилось. Маневрировать корабль не мог. Космонавты оставались на орбите так долго, как могли,— до тех пор, пока не подошли к концу запасы пищи, пока не остались считанные фунты кислорода. До тех пор, пока жар в «Молотлэбе» сделался непереносимым: запасов электроэнергии, необходимой для охлаждения, не было, так как солнечные батареи оказались разрушены. На орбите уже нельзя было оставаться, и выход был один: возвращение на исковерканную взрывами Землю.

Это казалось необходимым: последний полет корабля, посланного человечеством в космос, должен продолжаться так долго, как только возможно. Может быть, это принесет какую-нибудь пользу. Удалось точно зафиксировать места падений обломков Молота, сообщить по радио результаты своих наблюдений некоторое время назад. Космонавты видели, как запускались и устремлялись в цель ракеты, видели ядерные взрывы... сейчас всего этого уже не было. Русско-китайская война продолжалась. Она продолжалась и, может быть, будет длиться еще очень долго, но атомное оружие в боях уже не применялось. Космонавты наблюдали все это и по радио передавали на Землю, что они видели. И кое-кому на Земле удавалось услышать их. Были получены подтверждения из Претории, из Новой Зеландии. Состоялся почти пятиминутный разговор с командованием Соглашения об обороне Северной Америки и Колорадо-Спрингс. Особо важных наблюдений за четыре недели, прошедшие со дня падения Молота, с орбиты провести не удалось. Ничего другого просто не оставалось делать. Последняя экспедиция, посланная в космическое пространство.

— Парашюты раскрылись,— сказал сзади Петр.— Совершенно безобидная фраза, но что-то в тоне Петра было такое, от чего Джонни напрягся. Что-то *такое* было в его тоне.

— Нелегкий спуск,— тоже сзади, но с другой стороны, сказал Рик.— Может быть, потому, что корабль перегружен.

— Нет, у него всегда так,— сказала Леонилла.— В вашем «Аполлоне» было бы лучше?

— Мне никогда не приходилось совершать спуск в «Аполлоне»,— сознался Рик.— Но должно быть, для нервов было бы легче. Мы надеваем скафандры.

— Здесь для этого нет места,— сказал Петр.— Я уже говорил вам, что после тех затруднений... после того, как погибли три космонавта, конструкция была изменена. Сейчас утечек у нас нет?

— Да.

Видимость становилась лучше, Земля быстро приближалась.

— Мне кажется, мы слишком уклонились на юг,— сказал Петр.— Ветров такой силы мы не предусмотрели.

— Слишком долгий спуск,— сказал Джонни Бейкер. Перевел взгляд вниз, на казавшуюся твердой поверхность воды.— Все здесь умеют плавать?

— Лучше спросить, все ли мы умеем ходить,— рассмеялась Леонилла.— Не похоже, чтобы там было глубоко. На самом деле...— Она поглядела на то, что разворачивалось внизу, остальные ждали. Леонилла сидела рядом с Джонни. Позади, держась за поручни, разместились Петр и Рик.— На самом деле мы опускаемся в глубь материка. В восточной его части. Я вижу трех... нет, четырех человек, выбежавших из дома.

— Двести метров,— сказал Джонни Бейкер.— Держитесь. Приземляемся. Сто метров... пятьдесят... двадцать пять...

Бах! Поскольку «Союз» был перегружен, приземлился он тяжело. Похоже, приземлился он на сушу. Джонни выдохнул воздух и позволил себе расслабиться. *Они закончились, исчезли:* вибрация, визг разрезаемого кораблем воздуха, страх, что произойдет мгновенная разгерметизация, страх, что им предстоит утонуть. Приземлились.

Все были мокрыми от пота. Спуск дался нелегко.

— У них все в порядке? — спросил Джонни.

— Так точно.

— Да, спасибо.

— Вывернулись.— Это Рик.

Джонни не видел причин торопиться. Но Рику и Петру, цеплявшимся за поручни там, сзади, видимо, пришлось нелегко. Рик предлагал переделать в корабле кое-что на свой манер, но

вряд ли от этого в «Союзе» сделалось бы комфортабельнее. Джонни на ощупь пытался открыть незнакомые замки люка. Замки не поддавались, пока он не проклял их. И наконец запор сдался, отскочил.

— Оп-па!

— Что это? — спросил Рик. Леонилла вытянула шею, выглядывая из-за его спины.

— Смутное время,— ответил Джонни. Он стоял в отверстии люка и ослепительно улыбался, чтобы улыбку могла разглядеть толпа, ощетинившаяся ружьями и винтовками. Возле корабля стояло множество мужчин, ни одной женщины среди них не было. Джонни не стал подсчитывать, но разглядел с полдюжины дробовиков, много винтовок и револьверов и даже — о Господи! — два армейских автомата.

Он поднял руки вверх. Было нелегко выбираться из капсулы с высоко поднятыми руками. Что это они так ужасно нервно настроены? Джонни вылез и повернулся, чтобы можно было разглядеть эмблему с флагом США, нашитую на его плече.

— Не стреляйте. Я герой.

Никакого радостного отклика его появление не вызвало. Во время всеобщих бедствий вот такие, едва не потонувшие крысы, облаченные в фермерскую одежду, гораздо хуже и опаснее, чем обычно. Их лица были зловещи, и столь же зловещи были стволы их ружей. Общее впечатление усиливали повязки на некоторых — повязки, сквозь которые проступала кровь. Джонни ощутил внезапное желание заговорить с ними на пиджин-инглиш: моя есть великая астронавт, моя пришла из страна, которая есть твой страна. Джонни подавил это желание.

Один из этого страшного полукруга, охватывавшего корабль, заговорил. Он был крупного сложения, седовласый, хотя и не такой здоровенный, как остальные (одежда на них буквально трещала по швам). Руки седовласого были могучи, словно руки профессионального борца. Облегченного типа автомат казался хрупким в таких ручищах.

— Скажи-ка, герой, почему ты явился к нам на коммунистическом самолете?

— Это не самолет, а космический корабль. Мы прилетели с «Молотлэба». Вы слышали о «Молотлэбе»? — (Твой голова слышать о такой есть большой ракета, который уметь прыгать вверх-вверх на небо, который длинный время не прыгать вниз-вниз обратно есть?) — Проект «Молотлэба» предусматривал совместный полет «Союза» и «Аполлона». Целью нашего полета являлось изучение кометы.

— Это мы знаем.

— Прекрасно. «Аполлон» получил дыру в обшивке. Видимо, наш

корабль столкнулся со снежным комом, двигавшимся с чрезвычайно большой скоростью. Нам пришлось просить, чтобы советские космонавты доставили нас домой. Это их корабль. Я...

— Джонни Бейкер! Я его знаю, это Джонни Бейкер! — Это крикнул мужчина: тощий, болезненного вида чернокожий, его пальцы крепко сжимали громадных размеров ружье.

— Привет!

— Рад встретиться с вами,— сказал Джонни, и это была чистейшей воды правда.— Можно я опущу руки?

— Давайте,— разрешил седовласый предводитель. Он явно был главным — частично потому, что так было и раньше заведено, частично потому, что в теперешних условиях его бычья сила стала немаловажным фактором. И видимо, автомат в его руках лишь подтверждал его право на лидерство. Автомат был неподвижен, седовласый не старался все время держать Джонни под прицелом.— Кто еще там у вас в корабле?

— Остальные астронавты. Советские и еще один американец. Там, в корабле, тесно. Им бы хотелось выйти наружу, если... ну если ваши люди не станут горячиться.

— Никто здесь не горячится,— сказал предводитель.— Выпускайте своих друзей. Я хочу задать им несколько вопросов. Например, почему коммунистам захотелось приземлиться именно здесь?

— А где еще они могли приземлиться? У нас на четверых был только один корабль. Леонилла!

В люке показалась Леонилла — улыбающаяся, с невысоко поднятыми руками.

— Леонилла Малик. Первая женщина, побывавшая в космосе.— Это была не совсем правда, но прозвучало хорошо.

Пристально глядевшие глаза фермеров смягчились. Седовласый опустил ствол автомата.

— Я Дик Вильсон,— представился он.— Выходите, мисс. Или лучше сказать, товарищ?

— Это как вам больше нравится,— ответила Леонилла. Она вылезла из люка и встала, щурясь на отражающую свет поверхность воды — в паре сотен ярдов к западу от места приземления.— Мое первое посещение Америки, а также первый выезд за пределы Советского Союза. Раньше мне этого не разрешали.

— Выходят остальные,— объявил Джонни.— Петр...

Генерал-майор Яков не улыбался. Руки его были высоко подняты, а спина выпрямлена. На плече — эмблема с серпом и молотом и буквами «СССР». Взгляды фермеров вновь сделались подозрительными.

— Генерал Петр Яков,— представил его Джонни, произнося это

имя очень по-русски, в надежде, что тогда ни у кого не возникнет искушения острить.— Там есть еще один. Рик...

Пара фермеров обменялась со своими друзьями понимающими взглядами.

Появился Рик, также улыбающийся, делавший все, чтобы был виден украшающий его плечо флаг США.

— Полковник военно-воздушных сил США Рик Деланти,— сказал Джонни.

Фигуры фермеров сделались чуть менее напряженными. Чуть-чуть...

— Первый чернокожий, побывавший в космическом пространстве,— сказал Рик.— И на ближайшую тысячу лет — последний.— Он сделал паузу.— Мы все последние.

— На какое-то время последние,— сказал Дик Вильсон.— Может быть, ждать придется не так уж долго.— Он закинул автомат на плечо, ствол оружия теперь смотрел в небо. И остальные теперь как-то иначе держали свои винтовки, ружья и пистолеты. Сейчас это была просто толпа фермеров, имевших зачем-то при себе оружие.

На лице одного из мужчин вспыхнула озорная улыбка:

— Значит, они довезли вас?

— Ну, как на попутном автобусе,— ответил Рик.

Послышались смешки.

— Дерек, бери своих ребят и возвращайся на заставу,— распорядился Вильсон. Обернулся к Бейкеру.— Мы сейчас немного нервные. Вокруг шастают какие-то поднявшие мятеж солдаты. Там, дальше по дороге, убили одного армянина и съели его. Съели. Один из его детей добрался до нас, так что мы были заранее предупреждены. Устроили засаду на этих сучьях... в общем, устроили на них засаду. Но их еще много осталось. Есть еще и другие — горожане, и те, что сошли с ума...

— Все так плохо? — спросила Леонилла.— Прошло так немного времени, а уже все так плохо?

— Может быть, нам не следовало приземляться,— сказал Рик.

— В корабле хранятся чрезвычайно важные записи наблюдений,— жестом хозяина погладив борт «Союза», сказал Петр Яков.— Их необходимо сохранить, сберечь. Где-нибудь могут заняться их изучением? Есть тут поблизости какие-нибудь ученые? Какой-нибудь университет?

Фермеры рассмеялись.

— Университет? Генерал Бейкер, посмотрите, что творится вокруг. Посмотрите как следует,— сказал Дик Вильсон.

Джон Бейкер посмотрел. Сказать, что все вокруг в самом жалком состоянии,— этого мало. К востоку — ободранные, залитые до-

ждем холмы, некоторые еще зеленые, а в большинстве голые. Все, что расположено ниже среднего уровня, доверху заполнено водой. Шоссе, ведущее к северо-востоку, походило не столько на дорогу, сколько на цепь бетонных островков.

На западе простиралось огромное море, по которому ходили волны в фут высотой. Невысокие, коричневого цвета холмы стали островами. Из воды правильными рядами торчали верхушки деревьев: море не полностью затопило сад. Плыло по волнам несколько лодок. Вода была грязная, темная, от нее веяло опасностью. И пахло от нее трупами. Коровы, быки и... На волнах мягко подпрыгивала исковерканная тряпичная кукла. Кукла плыла ярдах в тридцати от берега. Неподалеку, видимо, что-то (возможно, течение?) подталкивало ее к берегу. Пучки светлых волос, платье в клетку — в «кукле» трудно было узнать человеческое тело. Дик Вильсон проследил за взглядом Джонни и отвернулся. Повернулся лицом к дому, стоящему на холме, над морем.

— Мы ничего не можем сделать,— горько сказал он.— Мы можем лишь тратить часть своего времени на то, чтобы хоронить их. Вот и все. Но и это мы не всегда можем делать.

Лишь теперь до Джонни Бейкера дошел весь ужас происшедшего. Ужас, порожденный падением Молота.

— Все не так просто,— сказал он.

Вильсон нахмурился, не понимая.

— Тут не просто «бах!», и все этим закончилось. Цивилизация лежит в руинах, и мы обязаны восстановить ее. Последствия столкновения с кометой хуже самого столкновения...

— Совершенно верно, черт побери,— сказал Вильсон.— Вам очень повезло, Бейкер. Самое худшее вас не затронуло.

— Центрального правительства более не существует? — спросил Петр Яков.

— Оно как раз перед вами,— ответил Вильсон.— Билл Пиплеби — заместитель шерифа, более пока ничего нет. Известия из Сакраменто перестали поступать со дня падения Молота.

— Но наверняка кто-то пытается восстановить порядок,— сказала Леонилла.

— Да. Это люди сенатора,— сказал Вильсон.

— Сенатора? — Джон Бейкер постарался, чтобы на его лице не отразились никакие эмоции. Отвернулся от страшного, покрывшего прежнюю сушу моря, уставился на холмы на востоке.

— Сенатора Артура Джеллисона,— пояснил Дик Вильсон.

— Вы сказали это так, будто он вам не очень-то нравится,— сказал Рик Деланти.

— Не совсем так. Не надо порицать его, но любить его я не обязан.

— Что он делает? — спросил Бейкер.

— Восстанавливает организованность и порядок,— ответил Вильсон.— Он хозяин расположенной там долины.— Вильсон показал на северо-восток, в направлении предгорий Хай Сьерры.— Его долина окружена горами. Люди сенатора выставили патрули, стражу, перекрывающую границы долины, и не позволяют никому проникнуть в нее без его разрешения. Если тебе нужна помощь, он окажет ее, но за чертовски высокую цену. Нужно накормить посланных им на помощь бойцов. И передать ему немалое количество пищи, горючего, военного снаряжения, удобрений, то есть того, что теперь просто так добыть невозможно.

— Если у вас есть горючее, ваши дела не так уж плохи,— сказал Рик Деланти.

Вильсон сделал широкий жест рукой:

— Как нам удержаться здесь? Никаких естественных преград на границах. Никаких скал, в которых можно было бы соорудить укрепленные пункты. Нет времени возводить укрепления. Никакой возможности остановить поток беглецов, не дать им ограбить нас, не дать им забрать то, что еще не обнаружено нами. Нужно накрепко перекрыть границы? Но у меня не хватит на это людей. Слишком много другой работы.

— Да. А записи нужно сохранить.— Петр вскарабкался по борту «Союза» и закрыл люк.

— Нет электричества,— сказал Джонни.— Как обстоят дела с атомными силовыми центрами?

Вильсон пожал плечами:

— Сакто[1], должно быть, расположено примерно на высоте двадцати пяти футов над уровнем моря. Но в результате землетрясения многое изменилось. Возможно, этот центр сейчас находится под водой. А может быть, нет. Я просто не знаю. И все же там, видимо, дела обстоят лучше, чем здесь... Болото на двести пятьдесят миль, и повсюду появились озера. Большая часть долины покрыта глубоким слоем воды. Перекрыть заставами такой район? А надо бы.

Они шли вверх по склону холма к дому. Когда они подошли ближе, Бейкер увидел насыпи и ямы, вырытые вокруг здания. Копошились женщины и дети, добавляя к имеющимся укреплениям новые.

Взгляд Вильсона сделался задумчивым: надо соорудить что-нибудь получше, чем эти ямы, но я не знаю, что тут можно придумать.

Джонни Бейкер ничего не ответил. Его ошеломило увиденное. Ошеломило то, что он узнал. Здесь вообще не осталось цивилиза-

[1] Принятое сокращение от Сакраменто.

ции, здесь были только отчаявшиеся фермеры, пытающиеся удержать за собой буквально несколько акров земли.

— Мы можем работать,— сказал Рик Деланти.

— Вам придется работать,— сказал Вильсон.— Послушайте, через несколько недель придет весть от сенатора: я сообщу ему, что вы здесь. Может быть, он захочет увидеться с вами. Может быть, он так захочет увидеть вас, что решит, что я должен отослать вас к нему. И тогда он окажется у нас в долгу, что, возможно, мне позднее удастся использовать.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕДЕНЯ: пророк

Из всех государств в наихудшем положении окажутся те, чьи законы более не будут обладать достаточным авторитетом для людей, и по доброй воле люди не пожелают повиноваться этим законам, но где власти обладают достаточной мощью, чтобы силой принудить жителей к повиновению.

Бертран де Жувеналь. Верховная власть

Это был сумасшедший мир. Это ощущение ярко отпечаталось в памяти Алима Нассора. Однажды белые деятели вздумали уделить часть своих благ жителям гетто, надеясь этим подкупить, надеясь этим остановить мятежи, и Алим взял, что мог. Не просто деньги, есть такая штука — власть, а Алима уже знали в городском совете, и он готовился к большим делам.

Затем черный дядя Том стал мэром, и поток денег прекратился, власть, которой добился Алим, улетучилась. Алим ничего тут не мог поделать. Без денег, без всяких там штучек — символов богатства и власти — ты ничто. Ничтожнее проституток, торговцев наркотиками и прочей шушеры, зарабатывающей себе на жизнь за счет жителей гетто. Алим потерял свою власть, но должен был вернуть ее обратно. Затем он попался на ограблении магазина, и единственная возможность выпутаться — заплатить судье и полицейскому (и тот и другой — белые). Алима выпустили на поруки, а чтобы заплатить, ему пришлось ограбить другой магазин. Сумасшедший мир!

Затем сотни белых, из тех, кто побогаче, удрали в горы.

С небес на землю падал удар рока! Алим и его братья могли сделаться богатыми, навечно богатыми. Они и стали богатыми, у них было полно барахла, стоящего хорошей монеты, а потом...

Сумасшествие, сумасшествие. Алим Нассор вспоминал, но это походило на навеянные наркотиком грезы — мир, существовавший до Молота. Алим сделал все от него зависящее, чтобы защитить братьев — тех, которые повиновались ему. Четыре из шести групп, ранее выделенных для ограблений, двинулись вместе с Алимом сквозь ливень и землетрясения, сквозь толпы беглецов. Вместе с ним! Но пришлось остановиться в одной хижине вблизи Грейпвайна. Двигатель одного из грузовиков сдох. С него ободрали все, что можно, вылили из него горючее и оставили его в канаве. Выкинули заодно и весь этот электрический хлам: телевизоры, аппаратуру высокой точности воспроизведения, радиоприемники, маленький компьютер. Однако оставили бинокли и телескоп.

Сперва все было прекрасно. Неподалеку от хижины обнаружили ферму, где были и коровы и другая пища. Этого хватило бы двадцати четырем братьям надолго. Не пришлось даже драться за это добро. Фермер был мертв: на него обрушилась крыша, он так и лежал с переломанными ногами, и умер то ли от голода, то ли от потери крови. Но явилась толпа белых, вооруженных ружьями, и отобрала ферму. Восемнадцати братьям на трех машинах пришлось уехать прочь — в дождь.

Затем дела действительно пошли ни к черту. Нечего есть, некуда направиться. Черные никому не нужны. И что им теперь делать, интересно: умирать с голоду?

Алим Нассор сидел под льющим на него дождем, скрестив ноги, полудремля, вспоминая. Это был сумасшедший мир, с законами, придуманными ополоумевшими идиотами. Мир совершенно неправдоподобной роскоши: мир горячего кофе, мяса, сухих полотенец. На Алиме была шуба, сидевшая на нем просто великолепно: женская норковая шуба, мокрая как губка. Никто из братьев не осмелился проехаться на этот счет. Алим Нассор вновь обладал властью.

В поле зрения показались чужие ноги: украденные у кого-то ботинки, расползшиеся по швам, почти отвалившиеся от беспрерывной ходьбы подошвы. Алим поднял взгляд.

Сван был человеком ниже среднего роста, и все его поведение показывало, что он чрезвычайно высокого мнения о своей персоне. Когда Алим пришел к нему с предложением совершить ограбление, он был изящен и строен, словно профессиональный танцор. Хладнокровный и опасный. А сейчас вид у него был растерянный, неуверенный. И будто он чуть не умирал с голоду.

— Джекки снова полез к Касси. Касси была против. Наверное, она все рассказала Чику.

— Дерьмо,— Алим встал.

— Нужно убить Чика,— сказал Сван.

— А теперь слушай меня.— Алиму было страшновато, что голос его звучит недостаточно внушительно. Алим устал, очень устал. Он подвинулся ближе к Свану и тихо заговорил, так, чтобы было видно, насколько он рассвирепел: — Без Чика нам не обойтись. Я скорее убью Джекки, чем Чика. И убью тебя.

Сван отшатнулся:

— Хорошо, Алим.

Алим смаковал его страх. Свану не хотелось испробовать ножа. Он отшатнулся. Алим еще обладал властью.

— Из всех братьев, что с нами, Чик самый большой, самый сильный. Но главная причина не в этом,— объяснил Алим.— Чик фермер. Фермер, понимаешь ты это? А тебе бы понравилось заниматься *этим вот* до конца своей жизни? Парень, мы в пути уже десять дней, как тебе это нравится? Где-то для нас должно отыскаться место, но какая разница, отыщется оно или не отыщется, если мы незнакомы с фермерскими работами...

— Пусть кто-то другой занимается этими работами, мать их так,— заявил Сван.

— Пусть. А откуда ты узнаешь, что он их выполняет правильно? — спросил Алим.— Мы...— Он чуть не выказал охватившего его отчаяния.— Где Чик?

— У костра. Джекки там нет.

— А Касси?

— Она с Чиком.

— Ладно.— Алим зашагал к костру.

Было приятно сознавать, что он может повернуться спиной к Свану, и ничего не случится. Он *необходим* Свану. Он необходим им всем. Никто другой не смог бы провести их так далеко, и они прекрасно это знают.

Первую неделю после падения Молота беспрерывно шел ливень. Затем он поутих, стал моросить. И этот моросящий дождь все продолжался и продолжался, и уже не было сил выносить его, а он все шел. Теперь, через четыре недели после удара Молота, он продолжал моросить, хотя и с небольшими перерывами, и по крайней мере раз в день превращался в сильный ливень.

Сегодня ливень шел уже трижды, сейчас лишь моросило. Этот дождь было трудно вынести, он резал как рашпилем по нервам. Обуви с ног не снимали, ноги гнили. Все вокруг было безнадежно мокрым, за сухое пристанище могли убить человека. К полуночи накрапывание почти прекратилось. Сейчас все сгрудились вокруг

костра, скорчились под пластиковым полотнищем. Завтра Алим, наверное, пожалеет, что позволил потратить часть горючего на костер, но,— дерьмо! — вероятно, придется убраться с шоссе раньше, чем в грузовике, украденном в Ойл-Сити, кончится бензин. Большинство дорог пролегало по низменности, они оказались под водой, и приходилось возвращаться на мили, чтобы разыскать объезд, и в результате продвинулись только на несколько ярдов. Сумасшествие.

Там, где дороги сохранились, их, хоть они и пролегали в основном по низменности, зачастую перекрывали заставы: фермеры с ружьями.

И потом — им *необходим* огонь. Горящий бензин высушивает дрова в достаточной степени, чтобы они могли гореть, но дым от него ужасающий. Двадцать братьев и пять сестер теснились полукругом, в наветренной, по их надеждам, стороне от костра, под вздувающимися волнами полотенцем пластика, а дым изгибался, вился вокруг, и иногда ветер нес дым прямо на сидящих. Алим услышал смех, это ему понравилось.

Когда в такой банде, как эта, оказываются женщины, это плохо. Но еще хуже, когда женщин нет. Хотелось бы Алиму узнать, не совершил ли он ошибку, но сейчас все равно слишком поздно. Дерьмо. Ошибки Алима Нассора могут повлечь за собой гибель всей банды — вот *это-то*, если вам угодно, и есть власть.

Когда они пришли в эту долину, их было восемнадцать. Восемнадцать братьев без женщин. Те, кого они встречали, были в основном белые. По большей части умирающие от голода, по большей части неспособные вступить в бой. Банда Алима грабила, в схватках добывая себе пищу и сухие пристанища. И если надо было — убивала. Если встречали негров, их вовлекали в ряды банды. Здесь, на севере, было чертовски мало негров, в большинстве эти негры были фермерами, и далеко не всем хотелось вступать в банду. Это обстоятельство было на руку Алиму: меньше лишних ртов и плохо для самих чернокожих. Там, где проходила банда Алима, чернокожие особой любовью уже больше не пользовались. А банда продвигалась все дальше. Никак не удавалось найти место, где можно было бы остановиться, место, которое было бы легко оборонять. Не хватало братьев, а буквально по пятам шли фермеры, вооруженные ружьями, полицейские — вернее то, что сохранилось от полиции, беглецы, которым, если они хотели жить, ничего не оставалось, как убивать людей Алима Нассора...

Теперь банда насчитывала двадцать мужчин и пять женщин. Четверо мужчин уже были убиты в драках из-за женщин. У трех женщин были мужья. Одна женщина, овдовев, покончила жизнь самоубийством в тот же день, когда погиб ее муж. Алим был

благодарен ей за это. Самоубийство на какое-то время охладило страсти.

Но ненадолго. Муж Мэйб был во сне заколот ножом, и теперь Мэйб спит со всеми подряд. Но ведет она себя как-то странно. Где бы она ни появилась, возникают драки. Может быть, она таким образом мстит. Но что может Алим тут поделать? Убить ее? Но надо, чтобы это выглядело как несчастный случай. Нельзя просто так убить единственную шлюху, имеющуюся в распоряжении братьев. Может быть, подождать подходящего момента? Скажем, если случится очередная схватка не на шутку, и братья поймут, что спровоцировала ее Мэйб?

Чик и Касси — это проблема иного рода. Они были фермерами. Сейчас их ферма находится на дне океана, возникшего на месте долины Сан-Иоаквин. И сами они были словно фермеры-белые. Они не понимали выражений, привычных для городских, для своих. Касси была гибкая и тонкая, с большим чувством собственного достоинства. Сильная и красивая. Чик — гигант, способный приподнять автомобиль за задний бампер. Или схватить кого-нибудь из братьев, вроде Свана, за лодыжку и, раскрутив в воздухе, швырнуть его на дюжину футов, что он однажды и сделал.

У Чика и Касси во время наводнения погибли двое детей.

Если бы дети спаслись... Алим покачал головой. В чем-чем, а уж в детях банда сейчас никак не нуждается! Но с другой стороны... если б Касси явилась в банду как мать двоих детей, возможно, братья больше думали бы о том, как защитить ее, и меньше, как ей засунуть.

Когда Алим подошел к сидящим, они подняли на него глаза, и Алим увидел улыбки. Да, костер — это была хорошая идея. Чик и Касси сидели, держась за руки, глядя задумчиво в огонь. Алим присел на корточки перед ними, спросил:

— Мы можем кое о чем поговорить?

Чик покачал своей огромной головой. Касси просто не отреагировала.

— Вы уверены, что без этого разговора можно обойтись?

— Держи своих воров подальше от моей жены,— сказал Чик.

— Я пытаюсь сделать это. Это не чья-то вина, просто так сложились обстоятельства. Кого конкретно ты имеешь в виду?

— Джекки. Тебе известно, что этот сукин сын грозил ей ножом?

— Он просто показал его мне,— сказала Касси.— Но я испугалась.

— Ты не испугаешься и ружей,— сказал Алим. У Касси был

огромный револьвер и с полдюжины обойм к нему с различного рода зарядами: от зарядов для охоты на птиц до таких, что могли свалить медведя. Алиму и не снилось, что существуют револьверы с таким широким диапазоном действия.— При чем здесь нож?

Касси просто покачала головой, а Чик вспыхнул.

Алим встал.

— Я попытаюсь это прекратить. Где он?

— Спрятался.

Алим кивнул. Отошел от них.

Что теперь делать: просто побыть неподалеку или попытаться разыскать Джекки? Лучше остаться здесь. Алим шел между сестер и братьев — так, чтобы свет костра освещал его, чтобы его узнали. Завтра они вспомнят об этом.

Но время шло, братья и сестры по двое, по трое уходили от костра, забирались в грузовик. Дождь осиливал огонь костра, а Джекки все еще не появлялся. Алим уже догадался, где он скрывается.

В той стороне находился берег, вдоль которого они шли в течение недели. Алиму хотелось выяснить, сможет ли банда, в случае необходимости, уйти в горы. Но чего ради? Мир, созданный белыми, мертв, и нужно начинать все сначала. Что теперь нужно? Клочок земли, где можно устроить ферму, и несколько человек вроде Чика и Касси, чтобы научить остальных братьев и сестер премудростям фермерской работы. Традиционные сельскохозяйственные районы затоплены водой. Если вода начнет сходить... Но дождь все продолжается и продолжается, льет без конца, огонь костра уже почти погас, а новорожденный океан пока не собирается исчезать: он был там, слишком темный, чтобы его увидеть, но он по-прежнему был там, и по нему плыл различный хлам, различный мусор, и тонули в нем тела людей и скот.

А позади высился одинокий холм — единственное место, откуда Джекки мог бы следить за костром. Алим начал взбираться на холм. Он двигался, словно слепец, нащупывая ветки и отводя их в сторону. Шел, осторожно переставляя, почти волоча ноги: опасался в темноте переломать их. Наконец он позвал:

— Джекки...

— Здесь, Алим,— голос прозвучал совсем близко.

Алим снова двинулся вверх. На самой вершине холма стоял Джекки, человек среднего роста, в пальто на три размера больше, чем нужно. Он стоял, повернувшись спиной к Алиму.

— Почему ты не можешь оставить Касси в покое? — спросил Алим.

— Я пытался.

— Ты пытаешься заставить меня убивать?

— Я пытался, Алим. Я даже ходил к этой Мэйб. Она, эта жен-

щина, не что иное, как проститутка; но я пошел к ней, я думал, мне тогда будет легче. Но она отказала мне. Натравила на меня Свана. Сказала, что сейчас его очередь. За одну ночь она успевает переспать с тремя, ее устраивает любой член, кто бы ее ни попросил, но мне она отказала. Мне!

— Она хочет, мать ее так, задурить тебе голову.— Алим начал понимать, как следует действовать.— Ей нужны драки. Она не знает, кто ткнул ножом Джеймса, так что она собирается вынудить нас поубивать друг друга. Она трахается с Эллиотом и говорит Робу, что Эллиот ее изнасиловал. Для тебя она ног не раздвигает, чтобы ты вступил в схватку с Чиком. Если я прав, значит, уже шесть мужчин жаждут моей крови. Джекки, что мне делать? Пусть он вместо того, чтобы беситься, пошевелит мозгами.

— Нам вот что нужно,— сказал Джекки.— Нужно что-то, что отвлекло бы все помыслы братьев от женщин.— Он сказал это так, будто эта мысль была и смешной и грустной одновременно.

— Для этого придется потрудиться.

— Алим, куда мы направляемся? Что произойдет с нами?

— Трудно сказать,— Алим мог в этом признаться Джекки, но не мог бы признаться никому другому, не мог бы сказать, что не знает, что им следует делать, куда им идти. А Джекки умный. Прежде был политиком вроде самого Алима. Они работали рука об руку: Джекки будоражил гетто — до тех пор, пока Алим не получал от городского совета то, что он хотел получить. Затем Джекки успокаивал обитателей гетто, так что затишье выглядело как заслуга Алима. Пусть Джекки поразмышляет, но нельзя впрямую говорить ему, никому нельзя говорить, что он, Алим Нассор, испытывает страх, что он промок, что он ничтожен, что все, мать его так, летит вверх тормашками, что справиться Алим уже не может...

— «Сила черных» — это исчерпало себя,— сказал Джекки.— Слишком мало черных, слишком мало силы.

— Да, я тоже понял это,— ответил Алим.

— Нас недостаточно,— продолжал Джекки.— Недостаточно, чтобы мы могли где-нибудь закрепиться. Чик говорит, что, для того чтобы прожить, нужно по два акра земли на каждого. Мы бы могли выжить, имей мы сотню акров, но у нас их нет и не будет. Слишком немногие из нас знакомы с фермерским трудом. Нужны люди, которые взяли бы на себя выполнение сельскохозяйственных работ. И каждому из них тоже потребуется по два акра. Значит, мы должны завладеть огромным участком земли, а большой участок земли мы удержать не сможем...

— Мы не сможем удержать и маленький участок,— поправил его Алим.

— Верно. Так что нам нужно с кем-то объединиться, с какой-нибудь группой белых, и вместе мы сможем добиваться единой цели. Это вопрос политики, а не расы, не крови.— Глаза Джекки были неподвижны, голос его звучал тихо, но Алим почувствовал, что Джекки размышлял над этой проблемой уже долгое время.

— Проклятая система рухнула,— сказал Джекки.— Это то, чего мы всегда хотели. Система рухнула, и ее крушение избавило нас от легавых, городского совета и богатых ублюдков... но это не принесло нам абсолютно никакой пользы, потому что нас оказалось слишком мало.

— Дерьмо. Я сделал все, что было в моих силах,— сказал Алим.— Ты считаешь, что я чего-то там не сделал?

— Нет, ты сделал все, что мог,— ответил Джекки.— Не твоя вина, что этого оказалось недостаточно. Алим, встань здесь и погляди вниз.

Сквозь моросящий дождь был виден отсвет костра. Это наверняка был костер, кто-то, расположившись лагерем, развел костер. Огонь горел на берегу, в северном направлении.

— Я вижу лучше, чем ты,— сказал Джекки.— Ты, может быть, не видишь, что там не один костер, а два. Два. Сколько же там должно быть людей, чтобы имело смысл разводить два костра?

— Много. Думаешь, они видели наш костер?

— Не-а. Никто из них сюда не явился, чтобы выяснить, кто мы и что мы. И им глубоко плевать, заметил их кто-нибудь или нет. Подумай над этим.

Сила. Группа, которой нет нужды скрываться. Сильная группа.

— Полицейский отряд, посланный в погоню за нами? Нет, к северу отсюда мы не появлялись. Никто, у кого есть причины преследовать нас, не мог бы там оказаться.

— Может быть, это отвлечет Чика от его помыслов: от помыслов убить меня,— сказал Джекки.

— Почему это ты решил обманывать меня? Меня? Ты видел эти костры и не сообщил мне...

— Я должен был вести наблюдение. А никого другого здесь не было. Я вел наблюдение.

Он боялся Чика.

— Ладно. Останешься здесь. Наблюдай. Я пришлю сюда Джея с биноклем.

* * *

В сером свете утра Джекки спустился по южному склону холма. Алим уже поднял своих людей, все пожитки были уложе-

ны. Вокруг, ожидая, стояли братья. В руках они неуклюже держали ружья.

Первым делом Джекки подошел к Чику и Касси. Алим не слышал, о чем они говорили, но в руках Чика было ружье, и он не пустил его в ход. Затем Джекки отошел от них и зашагал к Алиму: докладывать.

— Они поднялись. И они организованы. Их пятьдесят-шестьдесят, может быть, больше. Может быть, гораздо больше, но они не все собрались в одном месте одновременно. С ними есть женщины и еще один белый, такой, кроличьего вида, одет в лохмотья, оставшиеся от делового костюма, а на шее галстук. Остальные в армейской форме.

Джекки подождал, пока Алим переварит услышанное.

— Армия? Ах, дерьмо,— сказал Алим Нассор.

— Странные у них происходят дела, мать их так,— сказал Джекки.— Они одеты в солдатскую форму, и винтовки у них маленькие, современные, что надо, но ведут они себя не как солдаты. И с ними другие — в штатском.

Алим нахмурился. Джекки продолжал:

— У них есть кое-что и получше винтовок, Алим. У них есть автоматы и еще такие штуки, похожие на трубы...

— Базуки,— подсказал Алим.

— Ага. И еще такая штука, большая, как пушка, только ее несут два человека. Наверное, они с помощью этих своих штук могут разнести на части целый дом. Я видел однажды такое по телевизору. И мне кажется, они направляются на север.

Алим переварил информацию. Все это означало, что группа пришла с востока, поскольку раньше она им не встречалась. Конечно, солдаты не могли явиться с запада, ибо там находилось озеро, возникшее на месте Сан-Иоаквина.

— Может быть, нам следует пойти навстречу им,— сказал Сван. Он прислушивался к разговору.— Они, похоже, ребята что надо.

— И раскрыть все карты раньше, чем мы доберемся до них,— сказал Алим. Он не хотел пока говорить слишком много. Он не знал, что делать. Будет правильнее, прежде чем он вообще что-нибудь скажет, выслушать мнение остальных.

— Я сейчас лучше поднимусь туда и понаблюдаю.

Руководить вместо себя он оставил Свана, дав ему инструкции, куда бежать, если солдаты двинутся в их направлении. И, ведомый Джекки, начал взбираться на холм. Дерьмо. Он-то полагал, что уже встречался с трудностями и бедами! Именно об этом он всю жизнь и мечтал: выступить против армии, имея в

своем распоряжении несколько маленьких пистолетиков и дюжину ружей!

— Теперь мы знаем,— сказал он. Джекки уставился на него.— Теперь мы знаем, почему все попрятались.

Нигде нет пищи. Два дня назад удалось на плоту добраться до полузатопленного супермаркета, и оказалось, что он уже обобран. Единственное, что удалось разыскать, так это непривычные штучки вроде консервированной лососины и анчоусов — да и того было немного. Должно быть, супермаркет обчистил этот армейский отряд.

Когда Алим добрался до вершины холма, стало светлее. Джекки подал знак, Алим лег на живот и через кусты пополз вперед. Полз, пока не наткнулся на Джея. Пока Алим полз, его шуба сплошь покрылась грязью. Тем лучше: у солдат тоже наверняка должны быть бинокли, и они, безусловно, выставляют ведущую наблюдение охрану — иначе они б не протянули так долго.

Чужаки разбили свой лагерь более чем в миле от холма, на берегу. Лагерь был окружен траншеями и невысокими насыпями, чтобы удобнее было его защищать. Они явно организованны. В лагере было много народу, люди сидели вокруг костров, не прячась, не беспокоясь, что их могут увидеть. И у них была пища. Алим насчитал семь женщин.

— Большую часть работы делают женщины,— сказал Джей.— Они и тот кролик в голубом костюме. Большинство тут белые, но я насчитал десять наших. И один из них — сержант.

— Сержант,— Алим переварил новую информацию.— И они его слушаются?

— Да, просто на задних лапках пляшут, стоит ему махнуть рукой.

— Офицеры?

— Я ни одного не видел. Мне кажется, что командует сержант.

— Они добились этого,— сказал Джекки.— Дерьмо, ведь они действительно добились этого.

Алим ничего не спросил: Джекки сам все объяснит. Мгновением позже Джекки принялся объяснять:

— То, о чем мы говорили прошлой ночью,— голос его дрожал от возбуждения.— Не сила черных, а просто сила. И ведь их много, очень много, Алим.

— Не так уж много.

— Может быть, им нужны новобранцы?— сказал Джекки.

— С ума сошел? — Джей фыркнул.— Вступить в ряды, мать ее так, армии?

— Заткнись.— Алим продолжал в бинокль рассматривать лагерь.

Вроде, дисциплина у них что надо. Мусор выносился за пределы лагеря и сваливался в ямы. Часовые и аванпосты. На огонь были поставлены лохани с водой, все мыли свою посуду в горячей воде. Этот лагерь походил на обычный армейский лагерь, но что-то тут было не так. Чем-то этот лагерь отличался, что-то не так, как должно бы быть.

— Алим, они обладают тем, чего мы хотим,— сказал Джекки.— Силой. У них достаточно оружия, чтобы делать все, что им только заблагорассудится. Мы могли бы присоединиться к ним. Мы тогда могли бы захватить любое место, какое только захотим. Мы могли бы сделать и большее. Имея так много людей, мы могли бы овладеть всей этой чертовой долиной. Забрать себе весь урожай. Набрать рекрутов. Мы могли бы завладеть всем этим, мать его так, штатом.

— О чем ты там сопишь? — спросил Джей.

— Заткнись,— снова сказал Алим. Сказал так, чтобы оба его товарища поняли, какую угрозу таит это слово. Мгновенно наступила тишина — и эта покорность была Алиму приятна. Сила. Власть. Проблема состоит вот в чем: каким образом Алим Нассор заполучит силу и власть, если его банда присоединится к солдатам?

— У них вообще нет средств передвижения?

— Мотоцикл. Большая «хонда». Двое отправились на этом мотоцикле на север. На разведку. Один наш, второй белый.

— В форме?

— Белый был в полной форме,— ответил Джей. По его тону можно было понять, что он не знает, что последует дальше, и не понимает, чем вызван вопрос Алима.

— Нет средств передвижения. А у нас есть грузовик, и мы знаем, где можно раздобыть автомобили,— пробормотал Алим.

Фермерский дом, на который они раньше наткнулись по дороге. Три грузовика, которые охраняют десять—пятнадцать мужчин, вооруженных винтовками. У Алима не было никаких шансов наложить лапу на эти грузовики, но с таким отрядом... В поле зрения показался сержант, и Алим шикнул на Джекки и Джея. Наш, вне всяких сомнений, здоровенный, не совсем черный. Светло-коричневый, с бородой. Борода? Это в армии-то — борода? Хотя нашивки сержантские, большой пистолет на поясе. Он что-то приказывал солдатам. И когда приказывал, они вставали и выполняли распоряжения. Принесли дров для костра, вымыли кухонную посуду. Сержант не кричал, ему не было нужды размахивать руками и визжать. Сила и власть. Этот человек обладал силой и властью, и он знал, как их использовать. Алим пристальнее всмотрелся в него. Затем оторвал глаза от бинокля и оскалил в усмешке зубы.

— Это же Крючок[1].

— Что? — спросил Джей.

Джекки ухмыльнулся.

— Это Крючок,— Алим вздохнул с облегчением.— Я его знаю. Мы с ним поладим.

* * *

Для этого потребуются приготовления. Алим должен вести разговор с Крючком, как равный с равным, как командир, распоряжающийся своими подчиненными. Разговаривать они с Крючком будут, как двое мужчин, обладающих силой и властью. Нельзя позволить Крючку понять, как плохо обстоят дела у Алима. Алим оставил Джекки на холме, а сам пошел назад, к своему лагерю. Придется покричать, поорать. Настало время заставить этих ублюдков потрудиться.

К полудню в лагере Алима был наведен порядок. Теперь лагерь выглядел неплохо, и создавалось впечатление, что в нем больше народу, чем было на самом деле. Алим взял с собой Джекки и своего брата Гарольда и направился к солдатскому лагерю.

— Дерьмо какое, я боюсь,— сказал Гарольд, когда они приблизились к берегу.

— Боишься Крючка?

— Он однажды вытряс из меня всю душу,— объяснил Гарольд,— в девятом классе.

— Ага, и ты это заслужил,— сказал Алим.— Ладно, они нас увидели. Гарольд, ты пойдешь туда. Винтовку оставь здесь. Пойдешь с поднятыми руками. И скажешь сержанту Хукеру, что я хочу поговорить с ним. И веди себя так, чтобы он остался тобой доволен, понял? Прояви к нему полное уважение.

— Можешь поставить на спор свою задницу, что уважение я к нему проявлю,— сказал Гарольд. Выпрямился и пошел, подняв руки так, чтобы было видно, что они у него пустые. И беззаботно (он пытался, чтобы выходило именно так) насвистывал.

Алим уловил какое-то движение справа. Хукер заслал своих людей ему во фланг. Алим обернулся и закричал той воображаемой охране, что сопровождала его:

— Держитесь смирно, вы, ублюдки! Это мирные переговоры, усекли? С первого же, кто выстрелит, я спущу шкуру! Сами знаете, что я не шучу! — Слишком много слов, подумал Алим. Будто я боюсь, что они не выполнят моего приказа. Но эти армейские осто-

[1] Хук — крючок. (англ.)

лопы услышали меня, они остановились. А Гарольд уже в лагере, и никто пока не выстрелил.

И он выполнил это, воскликнул про себя Алим. Он уже говорит с Хукером, благодарение Богу, он уже говорит. Крючок уже идет мне навстречу. Все отлично, мать его так, все отлично.

В первый раз со дня падения Молота Алима Нассора охватило чувство гордости и надежды.

* * *

Два тяжелых сельскохозяйственных грузовика тащились по грязи, с трудом прокладывая путь к вновь возникшему острову в море Сан-Иоаквин. Они остановились у супермаркета, по-прежнему наполовину затопленного. Стекла грузовиков были залеплены грязью — той грязью, что выбросили с натугой вертевшиеся колеса. Из машин выпрыгнули вооруженные люди и встали поблизости на страже.

— Приступаем,— сказал Кэл Уайт. В руках у него был автомат Дика Вильсона. Он зашагал вперед, к залитому водой зданию. Брел по пояс в грязной воде. Остальные последовали за ним.

Рик Деланти закашлялся, пробовал дышать ртом. Невыносимо воняло мертвечиной. Он поискал, с кем бы поговорить, с Петром или Джонни Бейкером, но они находились в противоположном конце колонны. Хотя они уже второй раз подряд обследовали этот магазин, никто из астронавтов не мог притерпеться к царящим здесь запахам.

— Если б это зависело от меня, я бы подождал до следующей недели,— сказал Кевин Мюррей. Это был маленький пузатый человечек с длинными руками. Прежде он служил клерком в магазине кормов, и ему повезло: он женился на сестре фермера.

— Ждать еще неделю — до тех пор, пока эти солдатские выродки, возможно, окажутся здесь? — отозвался Кэл Уайт из супермаркета.— Подождите секунду.— Уайт вместе с еще одним напарником двинулся дальше в глубь магазина. С собой Уайт взял единственный оставшийся действующий фонарь (уже наполовину разряженный) и автомат Дика.

Оружие казалось сейчас Рику чем-то очень чужим, посторонним, непристойным. Вокруг и так властвовала смерть. Но высказывать вслух он этого не собирался.

Прошлой ночью Дик принял одного беглеца, человека с юга, который сообщил сведения, стоящие того, чтобы его накормили:

южную долину терроризировала банда негров, а сейчас эти негры объединились с солдатами-людоедами. Может быть, недолго осталось ждать повторного нападения на владения Дика Вильсона.

Бедные выродки, подумал Рик. Он чувствовал к ним жалость, он в какой-то степени понимал их: негры, оказавшиеся в этом потрясенном до основания, рушащемся мире. Они — никто, им некуда идти, они никому не нужны. Разумеется, им пришлось присоединиться к каннибалам. И разумеется, местные жители вновь стали как-то странно поглядывать на Рика Деланти...

— Все чисто. Принимаемся за работу,— крикнул из магазина Уайт.

Они пошли за Кэлом — двенадцать мужчин, из них три астронавта и девять местных жителей, уцелевших во время катастрофы. Водитель развернул один из грузовиков, так, чтобы свет фар проникал внутрь полуразрушенного магазина.

Рику не хочется туда идти. В грязной воде покачивались трупы. Его охватил сильный приступ удушья, и он прижал к лицу тряпку: эту тряпку Уайт опрыскал бензином, потратив капель двенадцать, не меньше. Сладковатый, вызывающий тошноту запах бензина лучше, чем...

Кевин Моррей подошел к полке с консервными банками. Взял банку кукурузы. Банка проржавела насквозь.

— Не годится,— сказал он.— Проклятие.

— Если б у нас был фонарь,— отозвался другой фермер.

С фонарем было бы легче, подумал Рик, но некоторые дела лучше делать в темноте. Рик смахнул прогнившие остатки банок с полки. Рик позвал остальных, все начали собирать банки с пикулями.

— Что это, Рик? — спросил Кевин Мюррей, принеся банку с каким-то иным содержимым.

— Грибы.

Моррей пожал плечами.

— Лучше, чем ничего. Спасибо. Хотелось бы мне, чтобы у меня снова появились очки. Вас никогда не удивляло, почему я не беру с собой ружья? Не могу различить цели.

Рик попытался вспомнить, что он знает об очках, но он понятия не имел, как шлифуют линзы. Он двигался мимо полок, перенося продовольствие, найденное другими, пытаясь разыскать еще что-нибудь. Отталкивал от себя попадающиеся на пути трупы — и это, наконец, стало даже привычным. Но нужно же поговорить с кем-нибудь, поговорить о чем-то ином...

— Консервные банки не протянули долго, а? — сказал Рик. Глянул на проржавевшие банки с тушенкой.

— Банки с сардинами сохранились прекрасно. Бог знает почему.

Мне кажется, кто-то уже побывал здесь, так как тут меньше запасов, чем в предыдущем магазине. Но во всяком случае, большая часть того, что мы обнаружили вчера, теперь находится в нашем распоряжении.— Мюррей глянул задумчиво на покачивающиеся вокруг трупы.— Может быть, они *ели* все это. Оказались здесь, как в ловушке...

Рик ничего не ответил. Пальцы ноги коснулись чего-то стеклянного. Все они работали в сандалиях, оставляющих пальцы открытыми, эти сандалии они взяли в обувном магазине, расположенном дальше на дороге. Работать в сандалиях страшновато, можно изрезать ноги битым стеклом, — так зачем пренебрегать хорошей обувью? Пальцы ноги Рика касались холодной, гладкой изогнутой поверхности — стеклянная бутылка.

Рик сделал вдох и нырнул. Над поверхностью пола он нащупал бутылки. Много бутылок, лежащих рядами, бутылок различной формы. Пятьдесят шансов из ста, это бутылки с минеральной водой, вряд ли стоит загромождать ими грузовик. Но все же Рик, перед тем как вынырнуть, схватил одну бутылку.

— Яблочный сок, благодарение Богу! Эй, парни, нам здесь придется потрудиться!

Они брели к нему вдоль проходов — Петр, Джонни и фермеры, все уставшие, как собаки, грязные, мокрые. Их движения напоминали движения зомби. У немногих нашлись силы на улыбку. У Рика и Кевина Мюррея не было ружей. Поэтому нырять за бутылками пришлось именно им. Они ныряли и передавали бутылки своим товарищам.

Уайт, главный в группе, медленно потащился к выходу, держа две бутылки. Повернул обратно.

— Хорошо, Рик. Вы сделали хорошее дело,— сказал он и улыбнулся. И снова медленно повернулся, потащился к двери. Рик пошел вслед за ним.

Раздался чей-то крик.

Чтобы не мешали, Рик поставил свои бутылки на пустую полку. Набрал скорость. Кричит, должно быть, оставленный часовым Сол. Но ведь у него, Рика, нет ружья!

Сол закричал снова:

— Никакой опасности нет! Повторяю: нет никакой опасности. Но, парни, вы только посмотрите на это!

Вернуться за бутылками? Черт с ними. Рик пошел за чем-то, чего он не мог разглядеть, но это плывущее тело весило на ощупь примерно столько, сколько труп невысокого мужчины или высокой женщины. Вслед за этим «чем-то» Рик вышел на свет.

Парковочная стоянка была почти наполовину заполнена машинами. Сорок-пятьдесят автомобилей, оставленных владельца-

ми, когда хлынул ливень. Горячий ливень обрушился, должно быть, так внезапно, что затопил, заглушил двигатели раньше, чем покупатели, собравшиеся в торговом центре, решили, куда им ехать. Так машины и остались стоять тут. Как и остались тут многие из покупателей. Всюду вода — и внутри и снаружи автомобилей.

Сол по-прежнему стоял на своем посту — на крыше супермаркета. Если б он спустился поближе к тому, что так взволновало его, проку было бы мало: он страдал дальнозоркостью, а очки его, как и очки Мюррея, разбились. Он показывал вниз на что-то, плывущее возле автобуса, и кричал:

— Кто-нибудь скажет мне, что это такое? Это не корова!

Люди выстроились полукругом вокруг плывущего тела. Стояли, напрягая ноги, чтобы не снесло несильное, идущее в западном направлении течение. То самое течение, которое поднесло к автобусу странный труп.

Ростом «оно» было поменьше человека. Тело было обезображено следами гниения. Большие, мощные, изогнутые ноги уже почти отвалились от тела. Что это такое? Оно имело руки. *Руки.* На один сумасшедший миг Рик вообразил, что падение Молота было лишь первым шагом вторжения межзвездных пришельцев или, может быть, входило в программу туристского путешествия жителей других миров. Эти крошечные руки, этот длинный, разинутый в оскале смерти рот, это туловище, похожее на бутылку из-под «кьянти»...

— Да будь я проклят,— сказал он.— Это же кенгуру.

— Ну, таких кенгуру мне еще видеть не приходилось,— с легким оттенком презрения отозвался Уайт.

— Это кенгуру.

— Но...

Рик обозлился:

— Что, ваши газеты публиковали фотоснимки зверей, которые уже две недели как сдохли? В тех газетах, что я читал, ничего подобного не было. Это *мертвый* кенгуру, поэтому он выглядит так странно.

Джейкоб Винг подобрался поближе к дохлому животному.

— Нет сумки,— сказал он.— А у кенгуру должна быть сумка.

Легкое движение. Полукруг мужчин частично распался.

— Может быть, это самец?— сказал Дик Вильсон.— Хотя я не могу разглядеть члена. У кенгуру есть... э... внешние гениталии? А, глупость все это. Откуда он появился? Ведь не было же никакого зоопарка ближе, чем... Откуда?

Джонни Бейкер кивнул:

— Зоопарк Гриффит-парка. Землетрясение разрушило, долж-

но быть, часть клеток. Нет смысла обсуждать, каким образом бедной зверюге удалось добраться так далеко на север, прежде чем она подохла от голода или утонула. Смотрите внимательней, джентльмены, вам больше никогда не суждено увидеть другого кенгуру...

Рик перестал слушать. Он вышел из полукруга и уставился на столпившихся. Ему хотелось кричать.

Они приехали в эти места вчера утром. Протрудились весь вчерашний и сегодняшний день. Вскоре должен начаться вечер. Никто из них даже не заговорил о том, что происходило здесь. Хотя что здесь происходило, достаточно очевидно. Большое число покупателей оказалось здесь как в ловушке, когда первый удар ливня затопил их машины. Укрывшись в супермаркете, они ждали, когда ливень прекратится. Они ждали спасателей. Они ждали, а уровень воды все повышался и повышался. В конце концов автоматика дверей перестала работать: автоматика невозможна без электричества. Многие, должно быть, выбрались через задний ход и, оказавшись вне стен супермаркета, утонули.

Полки в супермаркете были лишь наполовину пусты, по воде плыли кукурузные кочерыжки, опорожненные бутылки, апельсиновые корки, полуобгрызенные кирпичики хлеба. Люди умерли не от голода... но они умерли. Их трупы плавали по всему супермаркету, плавали в воде, покрывающей автомобильную стоянку. Множество трупов. В большинстве женские, но были и мужские и детские, они слегка покачивались среди затопленных водой автомобилей.

— Вы...— прошептал Рик. Наклонив голову, прочистил глотку и пронзительно закричал:— Вы что, все с ума посходили? — Его товарищи испуганно и резко повернулись к нему.— Если вам хочется смотреть на трупы, оглянитесь вокруг! Вот,— его рука коснулась женского тела, в покрытом пятнами гниения платье,— и вот,— он показал на детский трупик, плывущий так близко, что Рик мог бы коснуться и его,— и вот.— Он ткнул рукой в сторону мертвого лица, видневшегося за ветровым стеклом «фольксвагена».— Вы можете посмотреть хоть куда-нибудь и не увидеть чей-либо труп? Почему же столпились, словно шакалы, возле тела дохлого кенгуру?

— Ты, заткнись! Заткнись! — Кевин Мюррей занес кулак, костяшки его пальцев побелели. Но он не шагнул к Рику, он отвел взгляд. И остальные тоже отвели свои взгляды. Все отвели, кроме Джейкоба Винга. Его голос дрожал:

— Нам приходится заниматься этим. Мы просто обязаны заниматься этим. Должны, будь оно все проклято!

Течение чуть изменило свое направление, тело кенгуру,

если это был кенгуру, скользнуло вдоль бока автобуса и поплыло дальше.

* * *

Джип был когда-то ярко-оранжевым, с белой отделкой, — шикарный многоместный автомобиль. Далеко не у всех таких автомобилей имеется привод на обе пары колес и шины, подходящие для любой дороги. У этого имелось и то и другое. Теперь автомобиль был испещрен коричневыми и зелеными, неправильной формы, пятнами — для камуфляжа. На переднем сиденье, держа между коленями винтовки стволами вверх, сидели двое в солдатской форме.

Алим Нассор и сержант Хукер сидели сзади. Пока машина шла через покрытые грязью поля и исковерканные рощи миндальных деревьев, между ними состоялся небольшой разговор. Машина подъехала к лагерю, часовые отдали честь. Автомобиль остановился, водитель и охранники выскочили, чтобы открыть задние дверцы. Алим кивнул водителю в знак благодарности. Хукер же, казалось, не замечал тех, кто торопился ему услужить. Нассор и Хукер зашагали к палатке, поставленной на краю лагеря. Это была новехонькая палатка,— ее взяли в магазине спорттоваров: зеленый нейлон натягивается на алюминиевые подпорки,— и никаких тебе протечек. Внутри палатки было тепло и сухо: там была установлена хибачи, в которой горел древесный уголь. На огне булькал чайник. Белая девушка ждала, когда Алим и Хукер сядут в кресло, чтобы можно было налить им горячий чай. Когда чай был налит, Хукер кивнул в знак того, что девушка может уйти. Она ушла, и часовые встали у палатки на страже — ушки на макушке.

Хукер широко ухмыльнулся:

— Хорошая пошла жизнь, Земляной Орех.

Услышав это прозвище, Нассор перестал улыбаться:

— Ради Бога, парень, не называй меня так!

Хукер ухмыльнулся снова:

— Ладно. Никто нас здесь не слышит.

— Да, но ты можешь забыться.— Алим поежился.

Его не называли Земляным Орехом с восьмого класса. Они тогда изучали жизнь Джорджа Вашингтона Карвера, и это прозвище — иначе и быть не могло — прилипло к Джорджу Вашингтону Карверу Дэвису. Он изгнал его из памяти своих товарищей с помощью кулаков и бритвенных лезвий, вкладываемых в куски мыла...

— Не многое удалось обнаружить.— Наслаждаясь теплом, Хукер мелкими глотками потягивал чай.

— Да уж.— Разведчики, вернувшись, не сообщили сержанту и Алиму ничего нового, неожиданного. За исключением того, что, когда перестал лить дождь и немного просветлело, они увидели снег на вершинах гор Хай Сьерры. Снег в августе! Это известие испугало Нассора. Но Хукер сказал, что и до падения Молота на горах Сьерры иногда появлялся снег.

Но, несмотря на горячий чай и тепло палатки, несмотря на то, что было сухо (какая роскошь!), чувствовали себя Хукер и Алим отнюдь не уютно. Слишком о многом следовало потолковать, но никто не хотел начинать разговор первым. Оба они знали, какой выбор очень скоро им предстоит сделать. Их лагерь был расположен слишком близко от руин, некогда бывших городом Бейкерсфилдом. Среди пепла и развалин города бродили, скрывались люди. Много людей. Они могут объединиться. Их более чем достаточно, чтобы пойти к лагерю и покончить с Нассором и Хукером. Они, дерьмо этакое, пока еще не объединились. Они, те, кому удалось выжить, сбивались в маленькие группы, враждебно и подозрительно относящиеся друг к другу. Группы дрались между собой за жалкие остатки пищи, которые еще можно было найти в супермаркетах и на складах. За те остатки, которыми пренебрегли или которые не обнаружили Хукер и Нассор.

Получалось так: объединившись, Алим и Хукер располагали достаточным количеством людей и вооружения, чтобы устроить сражение не на шутку. Одно сражение. Если они его выиграют, у них останется достаточно сил и еще для одного сражения. Если проиграют — с ними покончено. Все, что вокруг, уже обобрано ими до нитки. Нужно куда-то двигаться. Но куда?

— Чертов дождь,— пробормотал Хукер.

Алим, потягивая чай, кивнул. Если б только дождь прекратился! Если бы то, что осталось от Бейкерсфилда, вдруг стало сухим, не было бы никаких проблем. Подождать подходящего дня, когда подует сильный ветер, — в этих местах постоянно дуют сильные ветры, — и поджечь весь этот чертов город. А больше бы и поджигать не понадобилось. Огненная буря. Она прокатилась бы через город и ничего бы не оставила. Бейкерсфилд перестал бы представлять собой угрозу.

А дожди ослабевали. Вчера целый час светило солнце. Сегодня солнце почти пробилось сквозь тучи, а ведь еще и полудня нет. И дождь еле-еле накрапывает.

— У нас есть еще дней шесть,— сказал Хукер.— Потом мы начнем голодать. Конечно, если мы очень проголодаемся, то пищу-то мы себе найдем, но...

Он не закончил свою мысль. Да этого и не требовалось. Алим содрогнулся. Сержант Хукер понаблюдал за его реакцией, и губы его искривились в злобном презрении.

— Вы тоже примете в этом участие,— сказал он.

— Я знаю.— Алим мысленно содрогнулся снова. В его памяти всплыли фермер, застреленный Хукером, и запахи тушившегося мяса, и разделка человечины на порции. Каждый, кто находился в лагере, получил свою порцию, и Хукер бдительно проследил, чтобы ели все. Страшный ритуал, повязавший всех общим преступлением, круговой порукой. Когда один из братьев отказался есть, Алиму пришлось его пристрелить. Его и Мэйб. Наконец-то он сделал это. Это ритуальное пиршество дало Алиму долгожданную возможность прикончить Мэйб. Избавиться от приносящей одни неприятности потаскухи. Она тоже отказалась есть.

— Странно, что вы не начали делать этого раньше,— сказал Хукер.

Нассор ничего не ответил, выражение его лица не изменилось. Правда состояла в том, что ни ему, ни его товарищам даже в голову не приходило, что можно есть людей. Никому из них и в голову не приходило. Этим Алим мог тайно гордиться. *Его* люди не были каннибалами. Только, разумеется, они ими все же были, поскольку лишь при соблюдении этого условия Хукер был согласен на их присоединение к его отряду...

— Вам повезло, что у вас была вяленая говядина,— Хукер все еще не мог оставить эту тему. Не мог оставить ее сейчас и никогда ему уже не удастся забыть о ней.— Вам не пришлось по-настоящему голодать. Повезло.

— Повезло? *Повезло?!* — Алим так взорвался, что даже напугал Хукера.— Там была тонна всякой еды, в этом фургоне, а нам досталось, может быть, фунта два — все из-за этого, мать его так, ублюдка! — Он выглянул в открытый входной проем палатки, нашел взглядом стройного негра, стоящего на посту возле костра.— Вот он. Этот, мать его так, ублюдок Ганнибал.

Хукер нахмурился:

— Так почему ты допустил, что все зависело от него? Вы потеряли эту пищу?

Алим обезумел от ярости и сознания утраты: настолько живо все всплыло в памяти.

— Пища. Напитки. Послушай, мы ощущали запахи всего этого и чуть не сошли с ума. Ты видел, какие ожоги у Джея? Мы думали, он умрет. Мы все получили ожоги, пытаясь...

— О чем ты, мать твою так, толкуешь?

— Да, ты ведь не знаешь.— Алим протянул руку за спину, к шкафчику, достал бутылку. Чистое виски, его обнаружили в аптеке. Благодарение Богу, в Калифорнии аптеки были понатыканы на

каждом углу.— Мы действовали вместе,— начал объяснять Алим.— Я, мои люди и еще кое-кто. Тогда еще, тогда, когда мы не думали, что...— он не закончил начатую фразу,— до того, как все белые...

Сержант Хукер хладнокровно перегнулся через стол и смазал Алима по лицу. Рука Алима скользнула было к кобуре, остановилась.

— Спасибо,— сказал он.

Хукер кивнул:

— Рассказывай дальше.

— Примерно половина белых, богачи, которые жили в Бел-Эйре, удрали. Оставили свои дома. Оставили без присмотра. Мы расселись по машинам и прочесали их дома...— Алим сделал паузу, на губах его при этом воспоминании заиграла довольная улыбка.— Вот так мы и разбогатели. Те часы, которые я отдал тебе. И это кольцо.— Он подставил под свет играющий в перстне драгоценный камень.— Телевизоры, радиоаппаратуру высокой точности воспроизведения, персидские ковры, настоящие персидские, из тех, за которые ломят по двадцать тысяч. У нас было полно этого, мать его так, дерьма. Мы были богаты.

Хукер кивнул. Да, у него получалось хуже. И от этой мысли ему стало опять неуютно. К тому же Хукер был военнослужащим. Его вполне могли послать в Бел-Эйр, чтобы он пулями утихомирил этих, мать их так, грабителей. Сумасшедший мир.

— А еще мы нашли наркоту,— сказал Алим.— Кокаин, гашиш, марихуану — все самого лучшего качества. Я забрал это себе, прежде чем мои остолопы успели начать наслаждаться прямо там.

Хукер отпил виски:

— Захапал все для себя?

— Не будь таким, мать твою, чересчур умным. Нет, не захапал. Даже не пытался. Крючок, я просто хотел закончить дело. А если бы я оставил наркоту, они бы прямо там и накачались. Черт побери, это же происходило еще *тогда*, вокруг шастали патрули легавых...

— Ага.

— Тут все и случилось. Проклятый Молот. Мы начали сматываться. Проселочные дороги, просто дороги, все что угодно — мы сматывались. Мы направлялись к Грейпвайну. Двигатель нашей машины начал чихать. Мы ехали по проселку, мы старались избегать шоссе, ты понимаешь? Вот так мы выехали к горной вершине и увидели этот фургон, идущий вслед за нами. Ярко-голубой фургон в сопровождении четырех мотоциклистов, у каждого ружье или вин-

товка. Словно почтовая карета, охраняемая эскортом солдат, — как показывали в кино...

— Угу,— отозвался Хукер. Налил себе еще виски. Минут через пять придется перейти к разговору о деле, но пока было так приятно, что ты сухой и пьешь виски. И не думаешь о том, куда же теперь следует направиться отряду.

— Мы все обделали по-настоящему,— продолжил Алим.— Отъехали от фургона достаточно далеко. Спилили дерево именно там, где следовало: где дорога сужалась, а этого места фургон никак не мог миновать. Парень, тебе бы следовало видеть все это! Мотоциклы остановились, а мои ребятишки находились от них на расстоянии не больше чем пять футов. Выйди из-за ствола дерева и стреляй без помехи! Пришлось потратить много пуль, но, — дерьмо! — теми пистолетами, что у нас были... Во всяком случае, все прошло отлично. Посшибали мотоциклистов, а сами мотоциклы остались целы-целехоньки. Фургон затормозил, а водитель держал руки на рулевом колесе, так, чтоб мы могли их видеть. Все произошло легко и премило, а в фургон ни одна пуля даже не попала, нигде на его распрекрасной голубой краске даже царапины не было.

И это я-то захапал тот кокаин, что мы нашли в Бел-Эйре? Нет, я не захапал. Этот, мать его так, Ганнибал нанюхался. Это было хорошее снадобье, понимаешь, по-настоящему хорошее, не то что то дерьмо, которым нам приходилось пользоваться, но он вынюхал две, а то и три дозы сразу. Те остолопы, что сидели в фургоне, открыли дверь, начали вылезать, все хорошо, легко, мило, но Ганнибал решил, что он — последний из мау-мау. Он завыл, поскакал к фургону, а в руке у него — «молотовский коктейль»! Дерьмо, а? Он швырнул эту бензиновую бомбу прямо в фургон, прямо вовнутрь!

— Ах, дерьмо,— Хукер покачал головой, обдумывая услышанное.— И какое барахло, мать его так, было там в фургоне? Стоящее?

— Стоящее? *Стоящее?!* Крючок, да ты не поверишь, что находилось в этом траханом фургоне! Он, вспыхнул, словно... словно...

— Бензин.

— Да, очень похоже на то. Парни, сидевшие в этом фургоне, когда он вспыхнул, начали с визгом выскакивать, и у двоих из этих ублюдков были ружья. Нужно отдать им должное, одежда на них горела, а они все палили по нам. Ну, мы начали стрелять в ответ, но к тому времени, когда все закончилось, весь фургон был уже в огне — и близко не подойдешь.

В его кузове начали взрываться бутылки. Ох, Крючок, ох, парень, запахи шли такие, что ты бы свихнулся: просто твоя

тыква не выдержала бы! Мы дохнем с голоду, жрать нечего, а тут поплыли запахи мяса и другие: шотландское, коньяк, фрукты, деликатесы, каких мы никогда и не пробовали, шоколад, изюм, яблоки... Дерьмо какое, Крючок, этот фургон был просто набит жратвой и напитками! Мясо — не тех, кто находился в кузове, а говядина...

Алим внезапно запнулся. Глянул искоса на Хукера. Хукер промолчал.

— Да. Во всяком случае, там что-то взорвалось, вот взрывом и выбросило наружу пакет с вяленой говядиной. Она была завернута в фольгу, уложена в пластиковый пакет. Оно, это мясо, не горело, на него не попало ни капли бензина — пара фунтов вяленой говядины. Джей залетел в кузов и выскочил оттуда с двумя бутылками. Только пришлось одну из них отдать ему: он ее выдул, чтобы заглушить боль. А когда он *действительно* начал ощущать боль, вторую мы уже выпили. Дерьмо.

Но двое из этих остолопов-мотоциклистов были еще живы, они и сказали нам, что было в фургоне. Там было все. Оружие, пища, спиртные напитки — всех, какие только бывают, сортов, в том числе и европейского производства. Ты можешь только вообразить, как сейчас ценились бы европейские напитки? С тем же успехом Европа сейчас могла бы находиться на Луне, мать ее так,— для нас никакой разницы... Если только нам снова когда-нибудь приведется увидеть Луну! В кузове была тонна вяленой говядины. Еще там было жирное мясо, на вкус оно еще хуже вяленой говядины, но кто станет обращать на это внимание, умирая с голоду?! И супы, и картошка, и обезвоженно-замороженная пища для горных походов... дерьмо какое, эти деятели ждали падения Молота, а когда он ударил, ограбили все дома, где, по их наблюдениям, люди подготовились к возможной катастрофе.

— Они оказались поумнее, чем вы,— отметил Хукер.

Алим пожал плечами:

— Может быть. Я не думал, что столкнемся с этой, мать ее так, кометой. А ты?

— Тоже нет.— Если б только я догадался, что такое возможно на самом деле, подумал Хукер. Если б я догадался, ни за что бы я не вылез тогда из грузовика, и теперь у нас было бы намного больше боепри... Дерьмо, зачем я только вылез и оставил капитана одного? Дерьмо!

— ...и емкости с бензином,— продолжал Алим.— Повезло, правда? Нам достались только запахи, мы могли лишь нюхать — еда горела, бензин взрывался, одежда горела; эти деятели, так их мать, должно быть, всерьез полагали, что начнется оледенение. И если они были правы,— закричал Нассор,— Ганнибал, мать его, пойдет

у меня по ледникам с голой задницей, потому что его одежду я напялю поверх своей!

— А что случилось с мотоциклами? — спросил Хукер. Судьба тех, кто ехал на этих мотоциклах, его не волновала.

— Сгорели. В кузове, мать его так, продолжались взрывы, там было много бензина. Пламя распространялось все шире. Дерьмо, а? Хукер, огонь, мать его, был такой сильный, что загорелись деревья! Это в самый-то разгар ливня, вода лилась как из ведра... ведра, наполненного теплым дерьмом, а деревья все равно горели! Хотя их ружья нам удалось спасти. Плохо, что не спасли остальное.

— Да уж.

Сейчас, на какое-то время, можно сказать, дела обстоят у них хорошо. То же относится и к остальным, даже к рабам. Сухо, тепло, особой нехватки в пище пока нет, не хотелось думать о том, что придется уходить отсюда. Не хотелось думать: куда идти? Хукер и Алим уже не раз и прежде откладывали разговор на эту тему. Отложили они его и сейчас. Но на слишком долгое время отложить его невозможно.

* * *

— Алим! Сержант!

Это был Джекки. Еще чьи-то крики. Алим и Хукер выскочили из палатки.

— Что случилось?

— Капрал охраны, пост номер четыре! — крикнул кто-то.

— Действуйте! — Хукер, показывая на укрепления, окружившие по периметру лагерь, махнул солдатам рукой. Потом зашагал к подавшему тревогу часовому.

— Не бойтесь, братья мои! — крикнул кто-то, почти невидимый из-за дождя.— Я несу вам мир и благословение.

— Дерьма кусок,— сказал Хукер. Всмотрелся в редкую завесу дождя.

Привидение материализовалось. Это был мужчина с длинными седыми волосами и длинной седой бородой. На нем был плащ, походивший то ли на мантию, то ли на одеяние, какие носят бесплотные духи. За его спиной смутно виднелись фигуры других людей.

— Оставайтесь на месте, или мы стреляем! — крикнул Хукер.

— Мир вам, братья,— ответствовал пришелец. Обернулся к тем, кто стоял за ним.— Не бойтесь. Оставайтесь здесь, пока я буду говорить с этими божьими ангелами.

— Сумасшедший,— сказал Хукер.— Целая толпа сумасшедших.— Ему уже приходилось прежде видеть немало таких. Он наставил автомат. Нет смысла позволить этому старому болвану подойти слишком близко.

Но старик, не колеблясь, зашагал прямо к Хукеру. Ничего не боясь, глядя на автомат Хукера и не боясь его. В его глазах — это точно! — не было и признака угрозы.

— Вам не нужно опасаться меня,— сказал старик.

— Что вы хотите? — спросил Хукер.

— Поговорить с вами. Передать вам послание Господа. Бога сонмов.

— А, трахал я это дерьмо,— сказал Хукер. Палец его, лежащий на спусковом крючке, напрягся, но старик был уже слишком близко. Двое солдат оказались фактически на линии огня, Хукеру рисковать не хотелось. Кроме того, старик выглядел вполне безвредным. Может быть, за всем этим кроется какой-то смысл? И чем повредит, если он, Хукер, даст старику подойти поближе?

— Все остальные должны оставаться на местах,— крикнул Хукер.— Гиллингс, возьми взвод и присмотри там за ними.

— Хорошо,— крикнул Гиллингс.

Седобородый зашагал к костру — так, будто этот костер был его собственностью. Он заглянул в котел для мяса, обвел взглядом сидящих вокруг огня.

— Радуйтесь,— объявил он.— Ваши грехи прощены.

— Вот что: чего вы хотите? — потребовал Хукер.— И хватит нести мне чушь насчет ангелов и Бога. *Ангелы*,— Хукер фыркнул.

— Но вы можете стать ангелами,— ответил старик.— Вы были спасены, когда настал час всеобщего уничтожения. Молот Божий обрушился на этот грешный мир, но вас он пощадил. Хотите узнать, почему?

— Кто вы? — спросил Алим Нассор.

— Я преподобный Генри Армитаж,— сказал старик.— Пророк. Я знаю, я знаю. Сейчас я не слишком похож на Божьего пророка. Но я — именно пророк.

Алиму подумалось, что Армитаж, с его бородой и седыми волосами, со сверкающими глазами, в длинном развевающемся плаще, как раз очень похож на пророка.

— Я знаю, кто вы, братья мои,— говорил Армитаж.— Знаю, что вам пришлось делать, и знаю, что на сердцах ваших было нелегко. Вы совершали все грехи, какие только может совершить человек. Вы ели запретное. Но Бог сонмов простит вас, поскольку Он пощадил вас ради того, чтобы вы выполнили Его волю. Вы должны стать Его ангелами, и для вас не будет ничего запретного!

— Ты сумасшедший,— сказал Хукер.

— Я? — Армитаж захихикал.— Я? Тогда вы можете послушать меня просто для развлечения. Уж конечно, сумасшедший не сможет причинить вам никакого вреда, а возможно, я скажу что-нибудь, что вас позабавит.

Сбоку к Алиму подобрался Джекки.

— Он в норме, этот мужик,— сказал Джекки.— Заметил, как его слушают сестры? Да и мы тоже.

Алим пожал плечами. В голосе старика было что-то, заставляющее слушать его. И то, как он перешел от молитвенного тона к обычному разговору,— все было сделано образцово. Как раз в тот момент, когда пришли к выводу, что он свихнулся, он заговорил совсем иначе.

— Какую задачу хочет возложить на нас Бог? — спросил Джекки.

— Молот Божий обрушился, чтобы уничтожить мир зла,— ответил Армитаж.— Это был злой мир. Бог отдал нам землю и плоды ее, а мы заполнили ее гниением. Мы подразделили человечество на нации. А внутри наций мы подразделили людей на бедных и богатых, на белых и черных. И создавали гетто для своих братьев. «И если имеет человек мирское имущество свое, и видит брата своего, который желает имущества этого, и не поделится с братом своим, нет в человеке этом жизни». Господь дал людям, жившим в этом мире, имущество, но те, кто владел этим имуществом, не знали Его. Они громоздили кирпич на кирпич, они строили себе разукрашенные дома и дворцы, они заполонили всю Землю блевотиной и вонью своих заводов — до тех пор, пока сама Земля не стала зловонием в ноздрях Господа!

— Аминь! — выкрикнул кто-то.

— И тогда появился Молот Его, чтобы покарать грешных,— сказал Армитаж.— Он ударил, и грешники умерли.

— Мы не умерли,— возразил Алим Нассор.

— Хотя и были грешниками,— ответил Армитаж.— Но мы все были грешниками, все мы! Господь Бог Иегова держит нас в ладони Своей. Он судил нас и увидел, что мы нужны Ему. И вот мы живы. Почему? Почему Он пощадил нас?

Алим молчал. Он хотел рассмеяться — и не смог. Сумасшедший старый ублюдок! И ведь слушают, идиоты, они действительно свихнулись. Но все же...

— Он пощадил нас, чтобы мы выполнили волю Его,— сказал Армитаж.— Чтобы мы завершили дело Его. Я не понимал! В гордыне своей я уверовал, что знал. В гордыне своей я уверовал, что вижу День Страшного суда — день, начавшийся в утро Молота. Так это и было, но произошло все не так, как предполагал я. Священное писание говорит, что человеку не дано знать день и час Страшного

суда! И тем не менее мы знали, что Он судит нас. Я долго размышлял над этим — после того, как Молот ударил. Я ведь думал, что увижу ангелов Его, нисходящих на Землю, что увижу Его самого, Царя небесного, сияющего во славе Его. Тщета! Пустая гордыня! Но теперь я знаю правду. Он пощадил меня, чтобы была выполнена воля Его, чтобы было завершено, окончательно завершено дело Его, и лишь когда дело это будет доведено до конца, появится Он во славе Его.

Присоединяйтесь ко мне! Станьте ангелами Бога и делайте дело Его! Ибо гордыня человеческая не имеет конца своего. Даже сейчас, братья мои, даже сейчас существуют те, кто хочет возродить зло, уничтоженное Господом. Существуют те, кто хочет вновь построить эти воняющие заводы, да, это так, существуют те, кто хочет восстановить Вавилон. Но этого не произойдет, ибо есть у Бога ангелы Его — и вы можете быть среди них. Присоединяйтесь ко мне!

* * *

Алим подлил виски в чашку Хукера.

— Ты веришь хоть во что-нибудь из этого бреда? — спросил он. Снаружи, за стенками палатки, продолжал проповедовать Генри Армитаж.

— Что уж точно — голос у него есть,— ответил Хукер.— Два часа, и все никак не устанет.

— Ты веришь? — снова спросил Алим.

Хукер пожал плечами:

— Видишь ли, если б я был религиозным человеком... а я не религиозен... я бы сказал, что он говорит дело. Он хорошо знает свою Библию.

— М-да.— Алим мелкими глотками потягивал виски. Ангелы Бога! Он не какой-то, так его мать, ангел, он это прекрасно знает. Но старый сукин сын расшевелил воспоминания. О гордо высящихся церквах, о молитвенных собраниях, о словах, которые Алим слышал, когда еще был ребенком. И у него возникло какое-то чувство беспокойства. Почему, черт возьми, все это вспоминается так въяве? Алим наклонился к пологу, прикрывающему вход в палатку. Позвал:

— Джекки!

— Здесь! — вошел Джекки, сел.

С Джекки все в порядке. У него уже давно кончились свары с Чиком. Он нашел себе белую девушку, и она, похоже, пришлась ему очень по нраву. Джекки был сейчас что надо. Умен, быстр и точен.

— Что скажешь насчет этого проповедника? — спросил Алим.

Джекки развел руками:

— В том, что он делает, больше здравого смысла, чем вам кажется.

— А именно? — спросил Хукер.

— Ну, во многом он прав,— ответил Джекки.— Города. Богачи. То, как они обращались с нами. Он не сказал ничего такого, о чем раньше уже не говорили бы «Пантеры». И, черт побери, Молот покончил со всем этим дерьмом. Можно считать, что произошла революция, все изменилось. Все оказалось в наших руках — и что же мы делаем? Мы посиживаем, ничего не предпринимаем, движемся в никуда.

— Дерьмо это, Джекки,— сказал Алим.— Ты позволишь этому бело...— он оборвал себя на полуслове раньше, чем сержант Хукер успел отреагировать,— ...этому белому проповеднику руководить тобой?

— Он белый,— сказал Джекки.— Но я бы не стал заострять на этом внимание. Помнишь Джерри Оуэна?

Алим нахмурился:

— Да.

— Он там. С теми, кого привел проповедник.

Сержант Хукер хмыкнул:

— Ты имеешь в виду того крикуна из СЛА[1]?

— Не из СЛА,— поправил Джекки.— Он принадлежал к другой организации.

— Освободительная армия Нового Братства,— сказал Алим Нассор.

— Да, все правильно,— согласился Хукер.— Он именовал себя генералом.— Хукер презрительно фыркнул. Ему не нравились те, кто присваивал сам себе, не имея на то права, военные звания. Сам он был, слава богу, сержантом Хукером — настоящим сержантом настоящей армии.

— Где, черт побери, он скрывался? — спросил Алим.— ФБР, каждый легавый во всей стране искали его.

Джекки пожал плечами:

— Прятался неподалеку отсюда, в долине поблизости от Портервилля. В общине хиппи.

— А теперь он с проповедником? — спросил Хукер.— И верит во все это?

Джекки снова пожал плечами.

— Говорит, что верит. К тому же он всегда выступал за охрану

---

[1] Социалистическая освободительная армия.

окружающей среды. Может быть, он просто полагает, что примкнул к выгодному делу, поскольку преподобный Генри Армитаж имеет много последователей, которым говорит, что делать и во что верить. Много последователей. И он белый, но говорит, что раса не имеет значения. И те, кто поверил в то, что он проповедует, уверовали в это тоже. Вы тоже так считали, сержант Хукер. Вы считали, что лишь это по-настоящему правильно. Не знаю, является ли Генри Армитаж пророком Бога, или он просто свихнулся, но говорю вам: не слишком многие пожелают добровольно признать наше главенство.

— А Армитаж...

— Утверждает, что вы главный ангел Бога,— сказал Джекки.— Он говорит, что все ваши грехи прощены и забыты. Ваши грехи и грехи всех нас. Мы прощены и должны выполнять возложенную на нас Богом задачу. Во главе с вами, как главным ангелом.

Сержант Хукер уставился на Алима и Джекки. Он хотел понять, попали ли они под влияние чар этого напыщенно вещающего проповедника. И хотел понять, действительно ли на уме проповедника то, что он утверждает. Хукер никогда не был суеверным, но он знал, что капитан Хора принимал служителей церкви всерьез. Так же относились к священнослужителям и многие другие офицеры — как раз те, которые вызывали у Хукера чувство уважения. И... черт побери, подумал Хукер, я не знаю, куда нам идти, не знаю, что нам делать. И хотелось бы мне понять, была ли какая-то причина — если вообще могла быть причина — того, что мы остались в живых.

Он вспомнил об убитых и съеденных людях и подумал, что если такое происходило, то должно же было все это иметь какую-то цель. Должна была быть какая-то причина. Армитаж утверждал, что такая причина была, что все шло так, как должно было идти. Все, что они делали, чтобы остаться в живых,— все правильно, все это было необходимо...

Такое выглядело привлекательным. Считать, что у всего этого была некая определенная цель.

— И он говорит, что я его главный ангел?

— Да, сержант,— ответил Джекки.— Разве вы не слушали его?

— Особенно я не прислушивался,— Хукер встал.— Но теперь я, черт побери, уж наверняка послушаю, что он там говорит.

Шестая неделя: правосудие

Никакое предположение, скорее всего, не могло бы шокировать наших современников больше, чем следующее: невозможность установить простейший социальный порядок.

Бертран де Жувеналь. Верховная власть

Элвин Харди проверил в последний раз. Все готово. Библиотека, большая, заставленная книжными полками комната, где сенатор вершил суд, приведена в порядок, все расставлено по своим местам. Эл пошел доложить сенатору.

Джеллисон находился в гостиной. Вид у него был неважный. И не придумать, во что тут Эл мог бы вмешаться, но выглядел босс усталым. Будто он работал больше, чем хватало сил,— разумеется, именно так и было. Все работали слишком много. Но в Вашингтоне сенатор подолгу работал, не давая себе передышки, целыми часами подряд,— и никогда он не выглядел так плохо.

— Все готово,— сказал Харди.

— Хорошо. Начинаем,— приказал Джеллисон.

Эл вышел из дома. Дождя не было. Все залито ярким солнечным светом. Иногда теперь случалось по два солнечных часа в день. Воздух — чистый, прозрачный, и Харди мог разглядеть снег на вершинах Хай Сьерры. Снег в августе. Вчера, похоже, граница снегов пролегала на высоте шесть тысяч футов над уровнем моря. Сегодня, после ночного шторма, эта граница опустилась ниже. Снег неуклонно, неумолимо полз к «Твердыне».

Но мы подготовились к этому, подумал Харди. С крыльца Большого дома он видел дюжину теплиц: деревянные каркасы, обтянутые пластиковой пленкой. Пленку удалось разыскать на складе скобяных товаров. Каждая теплица опутана целой паутиной нейлоновых веревок: чтобы тонкий пластик не рвало ветром. Они продержатся не более одного сезона, подумал Эл. Но это как раз тот сезон, который сейчас более всего тревожит нас.

Окружающее походило на улей — такую бурную развили деятельность. Мужчины толкали перед собой тачки с навозом. Этот

навоз закладывался в ямы, вырытые в каждой теплице. Перегнивая, он будет выделять тепло, поддерживая зимой в теплицах нужную температуру,— по крайней мере, на это надеялись. Кроме того, в теплицах будут спать люди, добавляя тепло своих тел к теплу, выделяемому перегнивающим навозом и сеном. Будет сделано все, чтобы вокруг всходов сохранялась достаточно теплая атмосфера. Сегодня, в солнечный августовский день, все эти заботы могли показаться нелепыми, но в воздухе уже чувствовался холодок, принесенный легкими ветрами с горных вершин.

Однако большая часть прилагаемых сейчас усилий окажется растраченной понапрасну. Здесь, в этой долине, еще не знают, что такое ураганы и торнадо, не умеют противостоять им. И как бы ни старались найти для теплиц такое место, где бы они были укрыты от сильных ветров, получая в то же время достаточное количество солнечного тепла и света, многие из них будут снесены ветром.

— Мы делаем все, что в наших силах,— пробормотал Харди. Всегда нужно сделать слишком много, и всегда выясняется, что что-то не предусмотрено, о чем-то не подумали,— до тех пор, пока не оказывается, что время уже упущено. Но, может быть, и сделано и предусмотрено уже в сравнительно должной мере. Ждать осталось недолго, но люди надеются выжить.

— Выжить — это хорошее известие,— сказал сам себе Харди.— Теперь перейдем к плохим.

У крыльца толпились люди в лохмотьях. Фермеры с прошениями. Беглецы, ухитрившиеся проникнуть в «Твердыню» и ходатайствующие о предоставлении им постоянного права жить здесь. Им удалось переговорить с Элом (или с Маурин либо с Шарлоттой), и они получили разрешение встретиться с сенатором. Поодаль от просителей стояла другая группа людей. Вооруженные рабочие ранчо, охраняющие арестованных. Сегодня арестованных было только двое.

Эл Харди махнул рукой, показывая, что можно заходить. Люди расселись по стульям — на достаточно большом расстоянии от письменного стола сенатора. Свое оружие все оставили за пределами этой комнаты — все, кроме Эла Харди и ранчеро, которым Эл мог полностью доверять. Надо бы, полагал Эл, обыскивать всех, кто пришел на прием к сенатору,— когда-нибудь он так и начнет делать. Сейчас бы досмотры породили слишком много затруднений. А посему в соседней комнате находились двое мужчин с винтовками, люди, которым Эл верил безоговорочно. Они вели пристальное наблюдение сквозь отверстия, укрытые среди книжных полок,— винтовки наготове. Это расточительно, подумал Эл, напрасная трата человеческих сил и возможностей. Ну и что из того? Кого заботит, что подумают о нем остальные? Все, как он полагает (правильно

полагает), должны понимать, какое это важное дело — охранять сенатора.

Когда все расселись, Эл прошел в гостиную.

— Все в порядке,— сказал он. И быстрыми шагами пошел к кухне.

Сегодня — сам Джордж Кристофер. На суде всегда присутствовал кто-нибудь из клана Кристоферов. Все прочие Кристоферы сразу заходили в библиотеку и занимали место, отведенное для представителей их семьи, и вставали, когда входил сенатор. Все — только не Джордж. Он входил вместе с сенатором. Он вел себя не как полностью равный ему, но и не как те, кто вставал, когда сенатор входил в комнату...

Эл Харди не сказал Джорджу ни слова. В этом не было необходимости. Установился уже определенный ритуал. Вслед за Элом Джордж зашагал к библиотеке, его бычья шея полыхала красным огнем... ну, не совсем чтобы полыхала, допустил Эл, но — она *должна* полыхать. Джордж подошел к сенатору, и они вместе вслед за Элом вошли в комнату. Все встали. Элу не нужно было вслух раздавать указания — и это было ему приятно. Ему нравилось, когда все идет именно так, как оно должно идти,— без помех, гладко и ровно, чтобы казалось, что он, Эл, вообще не принимает во всем этом никакого участия.

Эл прошел к своему письменному столу. На столе были разложены бумаги. Напротив стола Эла стоял пустой стул. Этот стул предназначался для мэра, но он на суды уже не приходит. Эти фарсы ему надоели, подумал Эл. В то же время Харди не мог порицать мэра. Сперва судебные разбирательства происходили в зале городского совета — и у людей создавалось впечатление, что мэр и начальник полиции являются немаловажными персонами, но теперь сенатор решил не тратить понапрасну время на поездки в город...

— Можете начинать,— разрешил Джеллисон.

Первое дело было легким. Дело о вознаграждении. Двое детишек Сэретча Таллифсена придумали новую ловушку на крыс, в которую попались уже дюжины три этих маленьких грабителей плюс с дюжину сусликов. Еженедельно лучшим охотникам на крыс выдавалась награда: леденцы. Последние леденцы в мире.

Харди проглядел свои бумаги, сморщился. Следующее дело будет потруднее.

— Питер Бонар. Утаивание,— объявил он.

Бонар встал. Ему было около тридцати, может, чуть больше. Взгляд у Бонара был какой-то тусклый. От голода, вероятно.

— Утаивание? — спросил сенатор Джеллисон.— Утаивание чего?

— Он утаил многое, сенатор. Четыреста фунтов куриного корма. Двадцать бушелей посевного зерна. Электробатареи. Две обоймы винтовочных патронов. Вероятно, и еще что-то, но я не смог выяснить.

Джеллисон мрачно посмотрел на Бонара.

— Это правда? — спросил он.

Бонар ничего не ответил.

— Доказано, что он утаил? — спросил Джеллисон у Харди.

— Да, сэр.

— Как должен поступить суд? — Джеллисон смотрел прямо на Бонара.— Ну?

— Черт побери, он без всякого приглашения явился в мой дом и обыскал его! Он не имел никакого права!

Джеллисон рассмеялся.

— Понять не могу, как, черт побери, они разузнали!

Это знал лишь Эл Харди. Он повсюду имел своих агентов. Харди тратил много времени на беседы с людьми, так что узнать нужное ему было нетрудно. Поймай кого-нибудь на проступке и не отпускай его просто так, а пошли разузнавать и выведывать — и очень скоро в твоем распоряжении окажется нужная информация.

— Больше вас ничего не волнует? — спросил Джеллисон.— Лишь то, как нам удалось выяснить?

— Это мой корм,— ответил Бонар.— Все это — мое. Мы разыскали это — я и моя жена. Разыскали и привезли, на моем собственном грузовике, и какое право вы имеете вмешиваться, черт побери? Мое имущество, находящееся на принадлежащей мне земле.

— У вас есть куры?

— Да.

— Сколько? — Бонар не ответил, и Джеллисон перевел взгляд на остальных присутствующих в комнате.— Итак?

— Несколько, должно быть, сенатор,— сказала одна из ждущих своей очереди — женщина сорока лет, выглядевшая на все шестьдесят.— Четыре или пять куриц и петух.

— У вас не было необходимости иметь четыреста фунтов корма,— вывод Джеллисона был вполне логичен.

— Это мой корм,— стоял на своем Бонар.

— И посевное зерно. Здесь люди будут умирать с голоду, поскольку, если мы хотим собрать урожай в следующем году, мы дол-

жны сохранить для посева достаточное количество зерна. А вы утаили двадцать бушелей. Это убийство, Бонар. Убийство. Вам известны законы. Нашел что-либо — сообщи. Черт возьми, мы же не забираем все подчистую. Мы не ставим препоны инициативе и предприимчивости. Но вы обязаны были сообщить о находке, чтобы мы могли планировать.

— И вы бы забрали половину. А то и больше.

— Естественно. Черт побери, нет смысла вести разговор дальше,— сказал Джеллисон.— Кто-нибудь хочет высказаться? — Ответом было молчание.— Эл?

Харди пожал плечами:

— У него жена и двое детей — в возрасте одиннадцати и тринадцати лет.

— Это осложняет дело,— сказал Джеллисон.— Кто-нибудь хочет высказаться в *их* защиту?.. Нет? — голос сенатора чуть дрогнул.

— Эй, вы не можете... Какого черта, Бетти тут ни при чем!

— Она знала об утаенном,— ответил Джеллисон.

— Хорошо, но дети...

— Да. Дети.

— Он уже второй раз совершает преступление, сенатор,— сказал Харди.— В прошлый раз был бензин.

— Мой бензин, находившийся на принадлежащей мне земле...

— Вы слишком много говорите,— оборвал Джеллисон.— Слишком уж, черт возьми, много. Утаивание. В прошлый раз вы отделались испугом. Черт побери, видимо, существует единственный путь убеждения! Джордж, вы хотите что-нибудь сказать?

— Нет,— ответил Кристофер.

— Изгнание,— сказал Джеллисон.— Сегодня днем. Решать, что вы можете взять с собой, я предоставляю Харди. Питер Бонар, вы приговариваетесь к изгнанию.

— Иисусе, у вас нет права вышвыривать меня с моей собственной земли! — закричал Бонар.— Вы обрекаете меня на одиночество, так это мы оставим вас в одиночестве! Нам ничего от вас не нужно...

— Какого черта вы там болтаете! — крикнул Джордж Кристофер.— Вы уже пользовались нашей помощью! Корм, теплицы, мы даже дали вам бензин, в то время как вы нас обкрадывали. Мы дали вам бензин, которым вы заправили грузовик, чтобы привезти то, что вы утаили!

— Я думаю, брат Варлей позаботится о детях,— сказала одна

из женщин.— И о миссис Бонар тоже, если ей разрешат остаться.

— Она пойдет со мной! — закричал Бонар.— И дети тоже! Вы не имеете никакого права отбирать у меня моих детей!

Джеллисон вздохнул. Бонар пытается вызвать сочувствие, надеясь, что не станут отправлять в изгнание его жену и детей. Конечно, он рискует, но поскольку нельзя отобрать у Бонара детей... Или можно? — подумал Джеллисон. И тем самым создать в «Твердыне» очаг заразы, гноящуюся язву? Дети будут здесь всех ненавидеть. И, кроме того, семью нельзя разрушать.

— Как вам угодно,— сказал Джеллисон.— Эл, пусть они отправляются с ним.

— Господи помилуй! — завыл Бонар.— Пожалуйста! Ради Бога...

— Проследите за этим, Эл,— голос Джеллисона был очень усталый.— Пожалуйста. Потом мы обсудим, кого можно будет поселить на этой ферме.

— Хорошо, сэр.— И Харди подумал: боссу ненавистно все это. Но что еще он в силах сделать? Мы не можем сажать людей в тюрьму. Мы не сможем их даже кормить тем, что у нас есть.

— Ты прогнивший ублюдок! — кричал Питер Бонар.— Жирный ты сукин сын, я увижу тебя в аду!

— Выведите его,— приказал Эл Харди. Двое вооруженных рабочих ранчо вытолкали Бонара вон. Фермер, пока его выводили, продолжал проклинать и ругаться. Когда он и рабочие оказались в прихожей, Харди показалось, что он слышит звуки ударов. Так это было или нет, он не знал, но ругань внезапно прекратилась.

— Я прослежу за исполнением приговора, сэр,— сказал Харди.

— Спасибо. Что у нас дальше?

— Миссис Дарден. Явился ее сын. Из Лос-Анджелеса. Хочет остаться здесь.

Сенатор Джеллисон заметил, как при этих словах рот Джорджа Кристофера тесно сжался прямой линией. Сам сенатор сидел в кресле с высокой спинкой — выпрямленный, с бдительным взором. На самом деле он чувствовал себя усталым, потерпевшим поражение — но он не имел права показывать это. Надо дотянуть до следующей осени, думал он. Следующей осенью я смогу отдохнуть. Следующей осенью должен быть хороший урожай. Обязан быть. Еще один год — это все, о чем я прошу. Пожалуйста, Господи.

По крайней мере, рассматриваемое сейчас дело является простым. К старухе, за которой некому присматривать, прибыл ее родственник. Ее сын является одним из нас. Тут Джорджу возразить нечего. Все по правилам.

Хотелось бы мне знать, сможем ли мы прокормить его всю зиму?

Сенатор глянул на старую леди и понял: что бы ни произошло с ее сыном, сама она до весны не дотянет. И Артур Джеллисон ощутил ненависть к ней: до того, как умрет, старуха съест немало пищи.

ДЕВЯТАЯ НЕДЕЛЯ: организатор

Нужно отметить, однако, следующее: многие из тех, кто сейчас выражает недовольство угнетением и несправедливостью, уродливостью образа жизни, присущими технически развитому и перенаселенному обществу, впоследствии решат, что дела в ту пору обстояли лучше, чем тогда им казалось. Они обнаружат, что без функций, без систем, присущих развитому обществу, например без телефона, электрического освещения, автомобилей, писем, телеграмм, можно очень неплохо прожить неделю или несколько больше, но всю жизнь так прожить трудно.

Роберто Вакка.
Наступление
темной эры

Никогда еще за всю его жизнь Гарви Рэнделл не сталкивался с такой тяжелой работой. Поле было усеяно валунами, их нужно было убрать. Некоторые мог поднять и отнести в сторону один человек. Для других требовались усилия двух человек. Для третьих — дюжины. Некоторые валуны приходилось раскалывать на части кузнечным молотом. Затем обломки уносились. Из них строили низкие каменные стены.

Расположенные крест-накрест низкие каменные стены, которые можно увидеть в Новой Англии или Южной Европе, всегда казались Гарви Рэнделлу чем-то очаровательным и прекрасным. Вплоть до настоящего времени он и не подозревал, скольких

человеческих страданий требует возведение каждой такой стены. Эти стены стояли не для красоты и не для того, чтобы обозначить какие-то границы. Даже не для того, чтобы защитить посевы от крупного рогатого скота и свиней. Стены возводились потому, что полностью убрать камни с полей потребовало бы слишком больших затрат труда, но в то же время поля от камней необходимо было очистить.

Большая часть пастбищ будет распахана под посевы. Под всякие посевы, подо все, что можно выращивать. Ячмень, лук, дикие зерновые культуры, из тех, что растут по канавам вдоль дорог,— все, что только удастся посеять. Посевного зерна очень мало. Хуже того, нужно было принять определенное решение: сохранить зерно для последующих посевов или пустить его сейчас в пищу?

— Как в тюрьме, черт побери,— проворчал Марк.

Гарви взмахнул молотом. Звякнул под ударом стальной клин, валун раскололся на куски — именно так, как надо. Чувство удовлетворения — такое, что Гарви почти забыл о бурчащем пустом желудке. Тяжелая работа, а еды мало, сколько еще удастся так протянуть? Сотрудники сенатора разработали режим питания — сколько калорий необходимо для человека, в течение многих часов занимающегося тяжелым трудом. Все книги подтверждали, что режим питания составлен правильно,— но желудок Гарви с этим выводом не был согласен.

— Делаем маленькие камни из больших,— сказал Марк.— Прекрасная работа, черт побери, для помощника режиссера.— Он взялся за один конец обломка — одного из обломков, на которые раскололся валун. Гарви поднял второй конец. Совместная работа у них шла хорошо, не нужно было объяснять друг другу, что надо делать. Гарви и Марк отнесли обломок к стене. Гарви и Марк опытными глазами глянули вдоль стены. Обломок точно улегся на выбранное им место. Затем они пошли за следующим обломком.

Они постояли несколько секунд, отдыхая. Гарви смотрел на поле — с дюжину людей занимались тем, что раскалывали обломки и относили к низкой стене. Такое могло происходить, скажем, многие столетия назад.

— Джон Адамс,— сказал Гарви.

— А? — и Марк издал поощряющий звук. Когда что-то рассказывают, легче работается.

— Второй президент Соединенных Штатов.— Гарви с силой опустил молот на крошечную трещину в валуне.— Он поступил в Гарвардский. Чтобы было чем заплатить за учебу, его отец продал поле, которое они называли «каменистым». Адамс решил, что лучше быть юристом, чем очищать поле от камней.

— Умный он был человек,— отметил Марк. Он придерживал

клин, поглядывая, как Гарви поднимает молот.— От Гарварда сейчас мало что осталось.

— Да. Гарвард погиб. И Брайнтри, и Массачусетский тоже погибли. И погибли Соединенные Штаты Америки. А вместе с ними и большая часть Англии. Будут ли дети теперь изучать историю? Все же они должны изучать ее, подумал Гарви. Когда-нибудь мы выкарабкаемся из всего этого, и настанут времена, когда снова будет важно знать, был ли у нас король или президент. И мы должны будем в этот, в следующий раз все делать более правильно. Чтобы мы могли, если возникнет необходимость, убраться с этой проклятой планеты раньше, чем ударит какой-либо следующий Молот. Когда-нибудь мы будем в состоянии позволить себе изучение истории. Но до тех пор, вспоминая об Англии, мы будем думать о ней так же, как прежде думали об Атлантиде...

— Э,— сказал Марк,— поглядите-ка на это.

Гарви обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Алис Кокс на своем большом жеребце перемахивает через одну из стен. Движения Алис полностью совпадали с движениями коня, словно она составляла с ним единое целое,— и снова впечатление того, что видишь перед собой кентавра, было очень сильным. И Гарви вспомнилось, как он впервые появился на этом ранчо, это было давным-давно, целую вечность назад. Тогда он еще мог стоять на вершине похожей на громадную улитку скалы и целую ночь рассказывать о межзвездных империях.

Это все было давным-давно, в совсем ином мире. Но и этот мир не был таким уж плохим. Здесь приходилось очищать поля и нести охрану границ. Но не было ни изнасилований, ни убийств, и если пищи было не так много, как хотелось бы Гарви, то все же она была, ее хватало. Раскалывать валуны и строить из их обломков стены — это тяжелая работа. Но это честная работа. Здесь не было бесконечных совещаний, посвященных обсуждению не имеющих никакого значения вопросов. Не было специально подстроенных кем-то стрессов, крушения планов. Не было уличных пробок и газет, заполненных криминальными историями. Новый простой мир имел свои хорошие стороны.

Алис Кокс шагом подъехала ближе.

— Сенатор приглашает вас в «большой дом», мистер Рэнделл. Он хочет увидеться с вами.

— Хорошо.— Гарви не без радости отнес свой кузнечный молот к стене и оставил его там. Пусть им помашет кто другой. Гарви чуть скосил глаз на солнце, чтобы определить, сколько еще будет светло.— Вы можете возвращаться,— крикнул он Марку.— Можете отдохнуть остаток дня в хижине.

— Ладно.— Марк приветственно махнул рукой и пошел вверх по холму — к маленькому домику, где жили Гарви, Хамнеры, Марк с

Джоанной и все четверо Вагонеров. Было тесно, к домику пришлось пристраивать добавочные комнаты, но это было убежище, и здесь было достаточно пищи. Это было спасение.

Гарви пошел в другую сторону, вниз по склону, к каменному дому сенатора. К этому дому также были пристроены добавочные помещения. В одном из них Джеллисон устроил арсенал «Твердыни»: запасные винтовки, патроны, два полевых орудия (но без снарядов). Все это когда-то принадлежало тренировочному центру Национальной гвардии — до того, как он был затоплен наводнением. Здесь же хранилось управляемое вручную оборудование для повторной зарядки оружейных и винтовочных патронов, это оборудование удалось раздобыть в портервилльской оружейной мастерской. Оно долго пробыло под водой, покрылось ржавчиной, но все еще было в рабочем состоянии. Порох и руководства хранились в наглухо запечатанных оловянных банках. Когда их обнаружили, они еще не были окончательно разъедены ржавчиной, хотя были очень близки к этому.

В другой пристройке расположился зять сенатора — с телеграфным аппаратом и радио. Телеграфная связь пока что была налажена только с заставой, перекрывающей проселочную дорогу, по радиоприемнику нельзя было поймать практически никаких сообщений. Но жители «Твердыни» надеялись, что впоследствии удастся протянуть не одну телеграфную линию. Помимо всего прочего, у Джея Турнера, таким образом, появилось занятие. Еще ему можно поручить дежурить у телефона, подумал Гарви. Единственная попытка Турнера принять участие в руководстве работой обитателей ранчо явилась подлинным бедствием. Люди, в конце концов, отправились к сенатору и потребовали, чтобы Турнера заменили кем-либо другим...

Когда Гарви проходил мимо, Турнер окликнул его:

— Привет, Рэнделл!

— Здравствуйте, Джек. Что нового?

— У нас теперь новый президент. Гектор Шори из Колорадо-Спрингс. Он объявил военное положение.

Похоже, Джеку это казалось забавным. Гарви это тоже показалось смешным.

— Все всегда объявляют военное положение.

— Литтлмен не объявил.

— Да, мне понравился Верховный Император Чарльз Эвери Литтлмен. Даже если большинство своих фокусов он заимствовал из «Летучего цирка Монти-питона». Остальные были настроены слишком серьезно.

— Группировка Шори настроена вполне серьезно. Мне удалось сквозь атмосферные помехи уловить совсем немало.

— Так держать, Джек,— сказал Гарви и пошел дальше. Теперь

у нас четыре президента, подумал он. Литтлмен — это просто затеявший дурную игру радиооператор, он наполовину помешанный. Но Колорадо-Спрингс... это поблизости от Денвера, в миле над уровнем моря. Это может оказаться серьезным.

Большая гостиная была заполнена народом. Это не было обычным совещанием. У очага в громадном кожаном кресле сидел сенатор. Кресло показалось Гарви похожим на трон; вероятно, оно и должно было изображать трон. По одну сторону от сенатора сидела Маурин, по другую — Эл Харди. Наследница и руководитель штаба.

Мэр Зейц и начальник полиции тоже находились здесь. А также Стив Кокс, управляющий ранчо Джеллисона, он теперь отвечал за развитие сельского хозяйства долины. И еще с полдюжины прочих людей — представителей жителей долины. А еще — разумеется — Джордж Кристофер, он в одиночестве сидел в углу. Формально он располагал лишь одним голосом, хотя этот голос имел не меньше значения, чем голоса всех остальных, вместе взятых,— если не считать Маурин.

Она улыбнулась Гарви быстрой, ни к кому персонально не обращенной улыбкой и кивнула в пространство. Гарви быстро отвел взгляд.

Черт побери! Она двулична — так же, как и он сам. Когда выпадала очередь Гарви ночью нести охрану на вершине горы, Маурин уже несколько раз поднималась к нему в лачугу. Она встречалась с ним и в иных местах, в иное время,— но всегда делала так, чтобы об этом никто не узнал. Каждый раз происходило одно и то же. Они беседовали о будущем — но никогда об *их* будущем: этого не хотела Маурин. Они любили друг друга — бережно и с нежностью, будто знали, что следующего раза никогда, возможно, не будет. И, любя друг друга, они не обменивались никакими обещаниями. Никакими клятвами. Ее, похоже, очень сильно тянуло к нему, так же как и его — он это четко осознавал — к ней. Но никаких проявлений этого на людях. Как если б у Маурин был невидимый, держащий оружие наготове муж-ревнивец. На людях она едва была знакома с ним, с Гарви.

Но на людях она вела себя почти так же и по отношению к Джорджу Кристоферу. Чуть более дружелюбно, но почти так же холодно. Джордж не был тем самым невидимым мужем... или был? По-другому ли она ведет себя, когда они остаются наедине? И Гарви никак не мог разобраться.

Все эти мысли метались в его голове, пока привычный издавна рефлекс не вытеснил их в подсознание. У него, Гарви, нет времени для таких мыслей. Гарви Рэнделлу нужно кое-что, а здесь находятся люди, имеющие власть ему отказать. Знакомая ситуация.

— Входите, Гарви,— улыбка сенатора лучилась почти той же теплотой, что в минувшие времена. Улыбка, которая помогала ему одерживать победы на выборах.— Теперь мы можем начать. Благодарю всех за то, что вы пришли. Думаю, было бы неглупо заслушать полный отчет о том, как обстоят у нас дела.

— Появилась какая-то причина сделать это именно сейчас? — спросил Джордж Кристофер.

Улыбка Джеллисона осталась столь же уверенной:

— Да, Джордж. Несколько причин. Мы получили по телеграфу сообщение, что Дик Вильсон направляется сюда. Хочет с нами повстречаться. И не один, а в сопровождении.

— С новостями из внешнего мира? — спросил мэр Зейц.

— С некоторыми,— ответил Джеллисон.— Эл, пожалуйста, не будете ли вы так любезны начать?

Харди вытащил из своего портфеля бумаги, начал зачитывать. Сколько акров уже очищено от камней, сколько можно будет засеять озимой пшеницей. Опись поголовья скота. Оружие. Оборудование. Когда Харди закончил, у большинства тех, кто находился в комнате, вид был усталый.

— Заключение таково,— сказал Харди,— что зиму мы протянем. Если повезет.

Это у присутствующих вызвало интерес.

— Времени осталось немного,— предупредил Харди.— До того как настанет весна, у нас здесь будет чертовски голодно. Но шанс у нас есть. Мы располагаем даже запасом медикаментов и медицинского оборудования. Создана и работает клиника доктора Вальдемара,— Харди сделал секундную паузу.— Теперь о плохих новостях. Люди Гарви Рэнделла провели обследование плотины и силовых станций, связанных с ней. Вывод: снова пустить их в ход не удастся. Слишком многое унесено водой. Из перечня оборудования, которое запрашивают инженеры, мы не имеем и четверти. Для того чтобы возродить здесь хоть часть цивилизации, понадобится немало времени.

— Черт, мы и так цивилизованные,— сказал начальник полиции Хартман.— Почти нет преступлений, у нас будет достаточно еды, у нас есть врач, больница, в большинстве домов есть водопровод и канализация. Чего нам еще надо?

— Было бы неплохо иметь электричество,— сказал Гарви Рэнделл.

— Конечно, но мы можем прожить и без этого,— ответил Хартман.— Черт возьми, мы можем так прожить до весны.

И Гарви вдруг стало весело. Ужасное время — время его прибытия в «Твердыню»: конец света превратился в бесконечную агонию... и, черт побери! Послушать нас сейчас, беседующих, будто

этого недостаточно — остаться в живых! Меня могли не впустить, прогнать обратно...

— Думаю, мы могли бы выразить свою благодарность более позитивным способом,— сказал преподобный Варлей.— Мы могли бы спеть осанну.— Выражение лица священника, резко контрастируя с его словами, было мрачным.— Разумеется, цена слишком высока. Возможно, в конце концов вы правы.

Сенатор Джеллисон кашлянул, чтобы привлечь внимание. В комнате стало тихо.

— Есть еще новость,— сказал Джеллисон.— У нас новый претендент на должность президента. Гектор Шори.

— Кто такой, черт побери, этот Гектор Шори? — спросил Джордж Кристофер.

— Председатель палаты представителей. Недавно избран на партийном совещании. Правда, я что-то не припомню, чтобы в палате представителей проводилось голосование по всем правилам. Однако его заявление — лучшее из всех, что мы слышали. И, по крайней мере, правительство Колорадо-Спрингс говорит так, будто оно овладело положением в стране.

— Я и сам мог бы так,— сказал Кристофер.

Сенатор рассмеялся.

— Нет, Джордж, не смогли бы. Я бы — смог.

— Кого это все волнует? — Джордж Кристофер был настроен воинственно.— Помочь они нам не могут, и посадить нас в тюрьму они тоже не могут. Им придется беспрерывно бороться с другими правительствами Соединенных Штатов, но, даже если они победят, до нас им все равно не добраться. Почему мы должны прислушиваться, черт побери, к тому, что они говорят?

— Я бы указал, что Колорадо-Спрингс, видимо, располагает самыми крупными военными силами в этой части света,— сказал Эл Харди.— Самыми крупными из тех, что уцелели. Кадеты Академии. НОРАД[1] — войска, расположенные в районе Чейенской горы. База военно-воздушных сил Энт. И по крайней мере полк горных стрелков.

— Все равно они не смогут добраться до нас,— настаивал Кристофер.— Поймите, я не против того, чтобы Соединенные Штаты возродились снова. Но я хочу знать: какова цена? Потребуют ли они, чтобы мы платили налоги?

— Хороший вопрос,— кивнул Джеллисон. Оглядел присутствующих.— Что бы ни произошло, все равно об этом можно не думать до весны. К весне — либо мы выстоим, либо будем мертвы. Эл утверждает, что второе маловероятно.

---

[1] Северо-Американская воздушная оборона.

Кивки и приглушенные возгласы одобрения.

— Теперь вот что,— сказал Джеллисон.— Я пригласил Гарви присутствовать на этом совещании потому, что у него есть одно предложение. Гарви предлагает послать во внешний мир еще одну экспедицию — чтобы раздобыть побольше оборудования, которое может оказаться для нас необходимым следующей весной.— Он вытащил лист бумаги, в котором Гарви узнал список, подготовленный им, Брэдом Вагонером и Тимом Хамнером.— Большая часть того, что указано в этом перечне, раньше весны нам не понадобится.

— Но оно быстро приходит в негодность, сенатор,— сказал Гарви.— Электрические приборы, транзисторы, запчасти, электромоторы... Много чего, что еще можно использовать, хотя эти приборы, моторы и так далее сейчас находятся или находились под водой. К весне все это придет в полную негодность.

— Во время прошлой вылазки во внешний мир мы потеряли четырех человек,— сказал Джордж Кристофер.— Вот что плохо.

— Потеряли, потому что послали мало людей,— ответил Гарви.— Нужно, чтобы мы представляли собой силу. На большой отряд не нападут.— Гарви был горд тем, как он держит себя под контролем. Вряд ли кто-нибудь догадается по его голосу, как страшит его, что придется выйти за пределы этой долины. Он глянул на Маурин. Она знала. Она не смотрела на него, но она — знала.

— И на это понадобится много бензина,— сказал Эл Харди.— Кроме того, пострадает запланированный распорядок работ. И в любом случае вы все равно можете оказаться втянутыми в драку.

— Ну, если мы возьмем достаточно людей, все может оказаться не так плохо,— сказал Джордж Кристофер.— Но больше я на вылазку с какой-то парой грузовиков не согласен. Гарви прав. Если вылазка — так в ней должно участвовать много людей. Десять грузовиков, пятьдесят — сто человек.

— Мне кажется, нужно все это хорошенько обдумать,— сказал преподобный Варлей. Голос его был задумчив и грустен.

— Да, сэр,— Кристофер говорил решительно.— Преподобный отец, я хочу мира не меньше, чем вы, но я не знаю, как добиться того, чтобы все происходило мирно. Не забывайте о соседях Дика. О тех, которые были съедены.

Преподобного Варлея передернуло.

— Я не это имел в виду,— сказал он.

Наступила пауза, которой и воспользовался Гарви.

— Тим поработал с телефонной книгой и картами,— сказал он.— Мы определили местонахождение магазина снаряжения для подводного плавания. Глубина, на которой сейчас он находится, не

может превышать десяти футов. Можно нырнуть туда и достать дыхательные аппараты для плавания под водой...

— А воздух для дыхания? — спросил Стив Кокс.

— Мы можем сделать компрессор,— ответил Гарви.— Спроектировать его будет нетрудно.

— Спроектировать-то, может быть, и нетрудно, но будет трудно сделать его: поскольку у нас нет электроэнергии,— сказал Джо Гендерсон. Он был владельцем бензоколонки там, в городе, а теперь помогал Рэю Кристоферу в создании кузницы и механической мастерской.

— Разрешите мне перечислить, что нам еще необходимо,— сказал Гарви.— Станки. Токарные станки, сверлильные. И инструменты всякого рода... и мы знаем, где найти большинство из них. Мы их обнаружили... на карте. И в один прекрасный день они нам еще как понадобятся.

Гендерсон задумчиво улыбнулся.

— Мне бы очень понадобились хорошие инструменты,— сказал он.

— Обмотки генераторов,— продолжал Гарви.— Подшипники. Запчасти для наших транспортных средств. Электропровода.

— Сто,— сказал Гендерсон.— Сдаюсь. Надо делать вылазку.

— Эл, можем мы выделить пятьдесят человек на неделю? — спросил Джеллисон.

Вид у Харди был несчастный.

— Эйлин! — позвал он. Из соседней комнаты вышла Эйлин.— Пожалуйста, принесите мне список распределения рабочей силы.

— Хорошо,— уходя, она одарила Гарви одной из своих солнечных улыбок. Эйлин Ханкок Хамнер была не права: нужда в хороших администраторах не исчезла и после падения Молота. Эл Харди часто говорил сенатору, что Эйлин — наиболее полезный человек во всей «Твердыне». Было не так трудно разыскать хороших рабочих, фермеров, метких стрелков, даже механиков и инженеров. Но человек, хорошо умеющий координировать работу, ценился буквально на вес золота.

Или на вес черного перца. Харди нахмурился. Ему не нравилась затеваемая вылазка: ненужный риск. Если Рэнделл преследует свои собственные цели... Возможно, Рэнделл все еще надеется разыскать голубой фургон и тех, кто убил его жену. Или уже нет? По крайней мере, он перестал вести разговоры на эту тему...

— Пока она ходит за тем, что вы попросили,— сказал Хартман,— разрешите мне внести в обсуждение свою лепту. Мы можем выделить пятьдесят человек на неделю — но при условии, что за время их отсутствия мы не подвергнемся чьему-либо нападению. Пятьдесят мужчин, их винтовки — это значительная часть сил, на-

ходящихся в нашем распоряжении, сенатор. Мне бы хотелось быть уверенным, что никто не собирается напасть на нас. И увериться в этом до того, как я вернусь в город с сообщением, что наши силы намного уменьшились.

— Я могу передать это сообщение,— сказал мэр Зейц.— И, может быть, следует сперва, до нашей вылазки, выслать дозорных. Пусть они пройдутся по Дороге беды, посмотрят, нет ли там кого желающего нагрянуть к нам.

— Что-нибудь через день к нам должен прийти Гарри,— сказал сенатор Джеллисон.— И Дика можно ждать с часу на час. До того как мы примем окончательное решение, мы уже будем знать, как обстоят дела во внешнем мире. Джордж, вы хотите что-нибудь сказать?

Кристофер покачал головой:

— Я на все согласен. Если там дела обстоят не слишком плохо, если там никто не поджидает, чтобы напасть на нас, пока мы пошлем на поиски большой отряд, тогда мы, конечно, можем совершить вылазку.— Он замолчал, глядя в стену, и все поняли, о чем он сейчас думает. Джорджу Кристоферу и знать не хотелось, как обстоят дела во внешнем мире. Да и никому из присутствующих этого не хотелось. Выяснить, что, пока ты находишься здесь, в этой долине, в безопасности, там, в нескольких милях отсюда, царят хаос и смерть и люди умирают от голода. Выяснить это — и станет еще тяжелее.

Вернулась, принеся бумаги, Эйлин. Харди просмотрел их.

— Все зависит от того, как вы определите предмет своих поисков,— казал он.— Нам необходимо иметь больше очищенных от камней полей. У нас еще недостаточно очищенной земли, чтобы можно было посеять весь имеющийся у нас запас озимого зерна. С другой стороны, если вы разыщете побольше материала для строительства теплиц, нам не понадобится так много земли для посевов под озимые. Еще нам очень нужны — если только вы сможете разыскать — удобрения и корм для скота. Далее — бензин...

С одной стороны, затраты бензина и человеко-часов, с другой — возвращение экспедиции с... с чем-то, о чем можно только предполагать. У каждого присутствующего были свои предположения, их начали высказывать вслух, и, наконец, сенатор Джеллисон сказал:

— Гарви, вы предлагаете нам пойти на риск. Признаю, что этот риск может вполне и вполне окупиться и — если что — потери будут не слишком велики, но тем не менее это риск. А в данный момент, чтобы выжить, у нас нет необходимости, именно *необходимости*, рисковать.

— Да, все примерно так,— согласился Гарви.— Мне кажется, что рискнуть стоит, но гарантировать я ничего не могу.— Он за-

молчал на мгновение, обвел взглядом комнату. Все эти люди, находящиеся здесь,— он любит их. Даже Джорджа Кристофера. Джордж — честный человек, и если случится какая-нибудь беда, хорошо, если он окажется на твоей стороне.— Видите ли, если б дело касалось только меня, я бы из этой долины и ноги не высунул. Вы и вообразить не можете, какое это счастье — быть здесь. Чувствовать себя в безопасности — после увиденного в Лос-Анджелесе. Будь моя воля, я никогда бы не вышел за границы этой долины. Но мы обязаны смотреть вперед. Харди говорит, что мы переживем грядущую зиму, а раз он это говорит, значит, так и будет. Но за зимой настанет весна, а потом снова зима. И потянутся годы — год за годом,— и, может быть, стоит нам приложить усилия сейчас, не откладывая, чтобы в те будущие годы нам жилось легче.

— Конечно, не стоит так далеко заглядывать, если никаких этих будущих лет у нас не будет,— сказал мэр Зейц и рассмеялся.— Знаете, я беседовал с этой лечащей головы докторшей. Доктор Рут говорит, что это синдром «выжившего». Все, кто пережил падение Молота, страдают им в той или иной степени. Некоторые полностью сошли с ума, и, чтобы остаться в живых, они готовы на все, что угодно. Но большая часть людей подобна нам: просто боятся покинуть найденное ими убежище. Я и сам такой. Мне очень не хочется рисковать. Однако в том, что сказал Гарви, есть смысл. Многое, что сейчас находится за пределами нашей долины, могло бы оказаться для нас очень полезным. Может быть, мы даже разыщем то, о чем рассказал нам когда-то Гарви...

— Голубой фургон! — крикнули одновременно по крайней мере четверо. Харди вздрогнул. Рэнделл может прекратить разговоры о голубом фургоне, но остальные — не прекратят. Черный перец, специи, вяленое мясо, пеммикан, консервированные супы и консервированные окорока, кофе, спиртные напитки, ликеры, куропатки, груши... Все, что только может привидеться в мечтах. Многие тонны деликатесов. Станки, ха-ха! Если б Харди мог прочесть то, что вертелось в головах пятидесяти людей, решившихся на эту дурацкую вылазку, он бы понял, что ему следует искать: голубой фургон. Пятьдесят пар глаз видели одно и то же: образ голубого фургона.

Наконец сенатор Джеллисон прекратил совещание:

— Ясно, что мы не можем принять никакого решения до тех пор, пока сюда не придет Дик и не расскажет, как обстоят дела за пределами нашей долины. Давайте подождем его прихода.

— Я посмотрю, нет ли у миссис Кокс чая,— сказал Эл Харди.— Гарви, вы не уделите минуту, чтобы помочь мне?

— Конечно.— Гарви пошел к кухне. За дверью его остановил вышедший раньше Эл Харди.

— Честно говоря,— сказал Харди,— миссис Кокс и сама знает, что делать. Я хотел поговорить с вами. Давайте пройдем в библиотеку.— Он повернулся и пошел впереди.

«Что теперь?» — недоумевал Гарви. Ясно, что Харди без особого одобрения относится к намечающейся вылазке, но не кроется ли за всем этим еще что-то? Когда Эл Харди ввел его в зал, а затем плотно прикрыл дверь, Гарви ощутил знакомый страх.

Эл Харди любит обделывать свои дела четко и изящно. Он любит изящество и четкость.

Когда-то, давным-давно, Гарви довелось брать интервью у одного адмирала. Гарви поразил его письменный стол. Все на этом столе было расположено абсолютно симметрично. Точно в центре — пресс-папье, две совершенно одинаковые коробки по бокам — для входящих и исходящих, чернильница посредине — с каждой стороны по ручке... Все симметрично, если не считать карандаша, которым адмирал размахивал, жестикулируя. Гарви обозрел все это. А затем нацелил камеру точно на середину, а карандаш положил прямо перед адмиралом, на одной линии с узлом его галстука.

И адмиралу это понравилось!

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Харди. Выдвинул ящик стола сенатора, достал оттуда бутылку «бурбона».— Выпьете?

— Спасибо.— Теперь Гарви обеспокоился не на шутку. Эл Харди обладал почти такой же властью, как и сенатор. Он претворял в дело распоряжения сенатора. И Эл Харди любит изящество и четкость. Он сплел сложнейшую сеть исполнителей, которым плевать на Рэнделла и исследования психологических мотиваций человека-с-улицы. Которые считают, что их работа будет много легче, если принять, что все люди созданы не просто равными, но идентичными. Так считает и сам Эл.

Может, проблема заключается в Марке? И, если так, может ли Гарви спасти его снова? Марк уже почти вышвырнул сам себя из «Твердыни»: Харди не оценил его заявления, что «Твердыня» есть «Трудовой лагерь и продовольственное правительство сенатора Джеллисона». Не пришлось по вкусу это определение и Джорджу Кристоферу. Хотя комариные укусы их не беспокоят.

Может быть, дело не в Марке. Если Эл Харди решил, что Гарви Рэнделл мешает выполнению его точных и изящных замыслов... «Твердыня» не сможет выжить без маниакальной страсти Харди все приводить в порядок. А вот дверь отсюда всегда открыта, и никто не должен забывать об этом. Гарви нервно заерзал на жестком сиденье.

Эл Харди сидел напротив — подчеркнуто не сел в огромное кресло, стоящее за столом. Пока Эл Харди держит все нити в своих руках, никто, кроме сенатора, не сядет в это кресло. Харди показал рукой на письменный стол, на котором в беспорядке громоздились бумаги. Карты, на которых карандашом была обозначена береговая линия моря Сан-Иоаквин. Распоряжения об использовании рабочей силы. Списки возможных местонахождений пищи, оборудования и так далее. Список нужного, чего еще раздобыть не удалось. Распорядок посадок. Подробности и уточнения ранее сделанных разработок. Все эти бумаги — чтобы сберечь жизнь людей во внезапно ставшем враждебным мире. Людей, которых слишком много.

— Как вы полагаете, все это имеет какую-нибудь ценность? — спросил он.

— Громадную ценность,— ответил Гарви.— Организация. Все это — чтобы сберечь наши жизни.

— Рад, что таково ваше мнение.— Харди поднял свой стакан.— За что будем пить?

Гарви показал на пустое, стоящее за письменным столом кресло:

— За герцога Серебряной долины.

Эл Харди кивнул:

— Я рад буду выпить за это. Скооп.

— Прозит.

— Вы правы, он герцог,— сказал Харди,— обладающий всей полнотой юридической власти.

Ком страха, ворочающийся в желудке Гарви, заметно вырос в размерах.

— Скажите-ка, Гарви, что станет с нами, если он завтра умрет? — спросил Харди.

— Господи! Я не хочу даже думать об этом.— Гарви Рэнделл был испуган до ужаса этим вопросом.— Но возможность этого невелика...

— Всякая может быть возможность,— сказал Харди.— Разумеется, наш разговор должен остаться в секрете. С вашей стороны будет нелюбезно, если вы расскажете о нем кому-нибудь, в том числе и сенатору.

— Так почему вы говорите мне это? И что с ним может случиться?

— Сердце,— сказал Эл.— В Бечесде ему сказали, что он должен беречь сердце. После этой сессии он собирался уйти в отставку. Сразу после сессии — если б ему удалось прожить так долго.

— Настолько плохо?

— Достаточно плохо. Он может протянуть еще два года. А может

и умереть через час. Наиболее вероятно — год, а не час. Но все может случиться.

— Господи... но зачем вы рассказали это мне?

Харди не ответил. Вернее, не дал прямого ответа.

— Вы сами сказали, что организация — залог выживания. Без сенатора никакой организации, никакого порядка здесь не будет. Можете вы назвать кого-нибудь, кому окажется по силам взять власть в свои руки, если сенатор завтра умрет?

— Нет. Сейчас я ответить на этот вопрос не могу...

— А как насчет Колорадо? — спросил Харди.

Гарви Рэнделл рассмеялся:

— Вы сами слышали, как о них говорилось сегодня. Колорадо не может помочь нам выжить. Но я знаю, кто — если что-нибудь случится — возьмет власть.

— Кто?

— Вы.

Харди покачал головой.

— Не получится. По двум причинам. Во-первых, я не местный. Здешние жители не знают меня. Они повинуются моим приказам только потому, что это *его* приказы. Ладно, со временем я мог бы этот вопрос уладить. Но есть более важная причина. Я просто не гожусь.

— Мне кажется, что вы все делаете наилучшим образом.

— Нет. Я намеревался занять его место в сенате. Он уже договорился, что после его ухода в отставку его место займу я. Думаю, что я был бы хорошим сенатором. Но не думаю, что был бы хорошим президентом. Гарви, две недели назад мне пришлось отправиться на ферму Бонара — выселять его жену и двоих детей. Они кричали, они плакали, они говорили мне, что фактически я обрекаю их на смерть,— и они были правы. И все же я выгнал их. Правильно ли было так поступать? Этого я не знаю. И в то же время знаю: правильно. Потому что сделать это приказал он, а то, что он приказывает,— правильно.

— Странно, что...

— Таков уж недостаток моего характера,— сказал Харди.— Я мог бы покопаться в своем детстве, проведенном в католическом приюте для сирот. Но вряд ли вам захочется выслушивать историю моей жизни. Поверьте мне на слово: я делаю свое дело лучше, когда мне есть на кого опереться, когда есть кто-то, являющийся высшей властью. Кто-то иной, а не я. Старик это знает. Абсолютно невозможно, чтобы он рассматривал меня как своего преемника.

— Так что вы будете делать, когда...

— Кого бы сенатор Джеллисон ни назначил своим преемником, я — начальник штаба. Если он никого не назначит, я — начальник

штаба у того, кто, по моему разумению, сможет продолжать его дело. Эта долина создана им, она — дело его рук. Вы это и сами знаете. Он спас всех нас. Без него здесь было бы то же самое, что творится во внешнем мире.

Гарви кивнул:

— Мне кажется, вы правы.— И мне хорошо здесь, подумал он. Я в безопасности, я хочу продолжать оставаться в безопасности.— Какое отношение все это имеет ко мне?

— Вы мешаете,— сказал Харди.— И сами знаете, чем именно мешаете.

Зубы Гарви Рэнделла лязгнули.

— Если завтра он умрет...— сказал Харди,— если он умрет, единственный человек, способный взять власть и продолжить его дело,— это Джордж Кристофер. Нет, подождите задавать вопросы. Мне не по душе было бы стать его начальником штаба. Но я стану им, потому что никто иной, кроме него, не сможет удержать в своих руках эту долину. И мне ясно, что все понимают, что сенатор желал бы иметь своим наследником именно Кристофера. Не более чем через неделю после похорон будет сыграна свадьба.

— Она не выйдет замуж за Джорджа Кристофера!

— Выйдет. Если это означает выбор между успехом и неудачей всего того, что пытался создать сенатор,— выйдет.

— Вы говорите так, будто за кого бы Маурин ни вышла замуж, тот во главе «Твердыни»...

— Нет,— сказал Харди. Печально покачал головой.— Это относится далеко не ко всем. К вам, например, не относится. Вы не местный. Никто не захочет повиноваться вашим приказам. О, некоторые станут повиноваться — если б вы оказались наследником сенатора. Но таких насчитывалось бы немного. Вы здесь слишком мало прожили.— Эл помолчал секунду.— Кроме того, и мне бы это было не нужно.

Гарви развернулся, уставился на своего более молодого собеседника.

— Вы ее любовник! — прошипел он.

Харди пожал плечами.

— Она достаточно занимает мои мысли, чтобы я не желал ее смерти. А женившись на ней, я именно убил бы ее. Все, что может вызвать в этой долине дезорганизацию, что расколет ее население на отдельные группы и фракции,— убьет всех, кто здесь находится. Мы не сможем выдержать натиска первого же отряда врагов, пожелавшего вторгнуться к нам... А во внешнем мире, Гарви, враги у нас есть. И худшие, чем вы думаете.

— Вам известно что-то, о чем не говорилось на совещании?

— Вы все узнаете от Дика, когда он придет сюда,— сказал Эл, взял бутылку и разлил в стаканы еще «бурбона».— Оставьте ее в покое, Гарви. Я знаю, что ей одиноко, и знаю, какие чувства вы испытываете к ней, но оставьте ее в покое. Все, что вы сможете сделать,— это убить ее и уничтожить то, что создал ее отец.

— Черт вас побери, я...

— Кричать или злиться на меня бесполезно,— голос Харди был холоден и не допускал возражений.— Вы сами понимаете, что я прав. Она должна выйти замуж за того, кто станет новым герцогом. В противном случае попытается предъявить свои права Джек Турнер, и мне придется его убить. В противном случае появятся фракции, каждая из которых попытается захватить власть. Потому что членам каждой из фракций будет казаться, что у них не меньше прав, чем у кого-либо другого или других. Единственная возможность мирного перехода власти — это апеллировать к памяти сенатора, призывать хранить верность его делу. Такое по силам только Маурин и никому больше. Но она не сможет полностью контролировать положение. Смогут это лишь они вместе — Маурин и Джордж.

И тут холодный голос Харди дрогнул — чуть дрогнул. Рука его задрожала:

— Вы думаете, от того, что вы делаете, ей хоть чуточку легче? Ей известно, как она обязана поступить. Почему, как вы считаете, она тайно встречается с вами, но не собирается выходить за вас замуж? — Харди встал.— Мы здесь пробыли уже долго. Присоединимся к остальным.

Гарви осушил свой стакан. Но не поднялся с места.

— Я пытался поговорить с вами по-дружески,— сказал Харди.— Сенатор о вас высокого мнения. Ему нравится ваша работа, ему нравятся ваши идеи. Мне кажется, если б он мог сделать свободный выбор, он бы... Впрочем, неважно. У него нет свободного выбора, а я вам сказал то, что хотел сказать.— И прежде чем Рэнделл успел вымолвить хоть слово, Харди вышел.

Гарви уставился на пустой стакан. Наконец он встал и швырнул стакан на ковер, на пол.

— Дерьмо! — сказал он.— Будь оно все проклято и на том, и на этом свете!

* * *

Когда объявили перерыв в совещании, Маурин вышла из дома. На улице — легкий туман, такой легкий, что едва можно заметить. Туман никому не мешает, он никого не беспокоит. Видимость была хорошая, на несколько миль, и Маурин могла разглядеть

снег, покрывающий вершины Хай Сьерры. И не только вершины, но и склоны. Снег покрывал и лежащую к югу Коровью гору, а ведь ее высота не достигает и пяти тысяч футов. Скоро снег появится в долине.

Маурин чуть поеживалась под холодным ветром, но ей и в голову не пришло вернуться в дом и надеть что-нибудь потеплее. Если она вернется в дом, значит, снова: видеть Гарви Рэнделла и отводить взгляд. Ей не хочется ни видеть никого, ни говорить ни с кем. Но она приветливо улыбнулась, когда мимо на своем огромном жеребце проехала Алис Кокс. Потом она не столько услышала, сколько почувствовала, как кто-то подошел к ней и встал сзади. Маурин медленно обернулась, со страхом — кого она увидит?

— Холодно,— сказал преподобный Варлей.— Вам бы следовало надеть куртку.

— Мне не холодно,— она повернулась, чтобы отойти от него, и снова взгляд ее упал на Сьерру. Там, в тех горах, сын Гарви. Те, кто побывал там, рассказывали, что скауты устроились неплохо. Она снова обернулась к Варлею.— Мне говорили, что вам можно доверять,— сказала она.

— Надеюсь, что это так.— Маурин ничего не сказала, и Варлей добавил: — Мое главное дело здесь — выслушивать людей, рассказывающих о своих неприятностях и затруднениях.

— А я думала, ваше главное дело — молиться,— с циничной иронией сказала Маурин. Она и сама не знала, почему ей захотелось уязвить священника.

— Я молюсь, но молитву нельзя назвать делом.

— Нельзя.— Он прав. Том Варлей пользовался немалым влиянием. Он мог бы претендовать на долю гораздо большую, чем та, которую он брал со своих овечек. Многие жители долины отдавали ему часть своих пищевых пайков — и он эти приношения раздавал. Варлей никогда не говорил, кому он отдает эту пищу. Джордж подозревал, что он подкармливает чужаков, но и Джордж ничего не говорил Тому Варлею. Джордж боялся его. В социально примитивно устроенных обществах священники и колдуны вызывают страх...

— Хотелось бы мне, чтобы тот день был действительно днем Страшного суда,— не подумав, ляпнула Маурин.

— Почему?

— Потому что тогда это что-нибудь бы означало. А сейчас во всем этом нет никакого смысла. И не говорите мне о воле Божьей и Его неисповедимых замыслах.

— Раз вы говорите, что не хотите этого слушать,— не буду. Но вы убеждены в том, что мне сказали?

— Да. Я пыталась — не получается... Я не могу верить в Бога, который сделал такое! Во всем этом попросту нет ни цели, ни смысла,— Маурин показала на снег, устилающий горы.— Здесь настанет зима. Скоро. И мы переживем ее. Некоторые из нас переживут. А потом будет следующая зима. А потом еще следующая. Чего тут беспокоиться? — Но Маурин не могла задержать взгляд на Варлее. Его собачьи глаза были наполнены сочувствием и пониманием. Она знала, что ей именно это и необходимо — сочувствие и понимание. Но сейчас сочувствие и понимание — это невыносимо. Маурин повернулась и быстрым шагом пошла прочь.

Варлей пошел за ней следом.

— Маурин!

Она продолжала идти по направлению к подъездной аллее. Он догнал ее, пошел рядом.

— Прошу вас.

— Что? — она обернулась, чтобы увидеть его лицо.— Что вы можете сказать? И что я могу сказать? Все это правда.

— Большая часть нас хочет выжить,— сказал он.

— Да. Хотелось бы мне знать, зачем?

— Вы это знаете. Вы тоже хотите жить.

— Но не так.

— Дела обстоят не так плохо...

— Вы не понимаете. Я думала, что я что-то нашла. Жизнь, наполненная работой. Я могла в это поверить. Действительно могла. Но у меня нет никакой работы. Я абсолютно, абсолютно бесполезна.

— Это неправда.

— Это правда. Это всегда было правдой. Даже раньше... раньше. Я просто существовала. Иногда я могла почувствовать себя счастливой, представляя, что чья-то чужая жизнь — моя жизнь. Я могла дурачить сама себя, но ничего хорошего мне это не приносило. Все это было невзаправду. Я просто плыла по течению, я не видела в своем существовании большого смысла, но оно было не таким уж плохим. Тогда еще — нет. Но появился Молот и забрал у меня даже это. Он забрал, он унес с собой все.

— Но вы здесь нужны людям,— сказал Варлей.— От вас зависят много людей. Вы нужны им...

Маурин рассмеялась:

— Зачем? Эл Харди и Эйлин делают дело. Папа принимает решения. А Маурин? — она рассмеялась снова.— Маурин делает людей несчастными, у Маурин бывают приступы черной меланхолии, которую она распространяет словно заразу. Маурин ужом вьется, чтобы повидаться со своим любовником. А потом приводит этого бедного сукина сына в отчаяние, не желая разговаривать с ним на

людях. А не желает она с ним разговаривать, потому что боится, что этим приведет его к гибели. Но у Маурин нет даже мужества перестать с ним трахаться. Может, это и похуже, чем быть просто бесполезной?

Реакции на используемые ею выражения не последовало. И ей стало стыдно самой себя за то, что пыталась... Что пыталась? А, неважно.

— Так разве не правда, что вы для кого-то делаете добро? — спросил Варлей.— Этот любовник. Он — тот, с кем вы хотели бы жить вместе.

Маурин горько улыбнулась.

— Разве вы не понимаете? Я не знаю! И боюсь узнать. Я хочу любить, хочу быть любимой, но вряд ли мне это удастся. Я боюсь, что даже то, что у меня сейчас есть, исчезнет. И я не могу ни в чем разобраться, потому что моя работа — быть принцессой-наследницей. Может быть, мне следовало бы выйти замуж за Джорджа, тем и довольствоваться.

На этот раз реакция последовала.

Варлей был явно удивлен.

— Ваш любовник — Джордж Кристофер?

— Господи Боже, нет! Джордж — первый, кто убил бы его.

— Сомневаюсь в этом. Джордж очень хороший, добрый человек.

— Хотела бы я... Хотелось бы мне быть в этом уверенной. Тогда я могла бы разобраться. Я могла бы понять, могу ли я еще вообще кого-нибудь любить. И мне хотелось бы знать, не забрал ли Молот и это тоже. Извините. Мне не следовало заводить разговор с вами. Вы ничего не сможете сделать.

— Я могу слушать. И я могу сказать вам, что понимаю: есть цель в жизни. Эта огромная Вселенная была создана не бесцельно. А она была именно создана. Она появилась не случайно.

— А Молот — случайно?

— Я не могу в это поверить.

— Тогда зачем?

Варлей покачал головой:

— Я не знаю. Может быть, для того, чтобы до глубины души потрясти одну обитательницу Вашингтона, чтобы она по-новому взглянула на свою жизнь. Может быть, только для этого. Из-за вас.

— Это какое-то сумасшествие. Я не могу в это поверить.

— Я верю, что в появлении Молота была цель, но эта цель различна для каждого из нас.

— Пойдемте-ка лучше в дом. Я замерзла.

Маурин повернулась и вслед за Варлеем пошла к дому. Сегодня ночью я увижу Гарви, думала она. Я скажу ему. Я скажу ему все. Я должна это сделать. Мне больше не выдержать.

КОНЕЦ ПУТИ

В годы грядущей темной эры люди будут страдать от лишений, и большую часть своего времени им придется тяжко трудиться, чтобы удовлетворить самые примитивные нужды. Некоторые (очень немногие) окажутся в привилегированном положении. Их деятельность не будет заключаться в... возделывании почвы или строительстве укрытий своими собственными руками. Она будет состоять из заговоров и интриг, более грязных и более жестоких, чем все, что нам известно сегодня,— для того, чтобы сохранить за собой свои личные привилегии...

Роберто Вакка.
Наступление
темной эры

Динь-динь! Завод кухонных часов кончился, и Тим Хамнер отложил книгу. Взял бинокль. В этой лачуге, предназначенной для отдыха часовых, имелось два бинокля: очень мощный обычный бинокль — тот самый, который Тим сейчас взял, и бинокль ночного видения, громадный, не дающий слишком большого увеличения, но воспринимающий самый слабый свет. Бинокли с дающими великолепный обзор астрономическими линзами, вот только небо было вечно закрыто тучами, и Тиму редко доводилось видеть звезды.

В лачуге, по сравнению с тем, что было, произошли огромные изменения. К лучшему. Она была теперь обшита деревом, щели и дыры исчезли. Ее даже можно было отапливать. В лачуге разместились кровать, стул, стол, книжные полки — и подставка для винтовки у двери. Перед тем как выйти, Тим навесил на плечо винчестер 30/06. И на миг его охватил приступ изумления: Тим Хамнер,

плейбой и астроном-любитель, вооруженный до зубов, будто в бой собрался, несущий охрану,— это же нелепо!

Он вскарабкался на большой валун. Рядом росло дерево. С расстояния сквозь листву Тима заметить невозможно. Забравшись на самую вершину валуна, он прильнул к дереву и начал тщательно оглядывать расстилающиеся внизу окрестности.

Дорога беды на картах не указывалась. Просто такое название дал Гарви Рэнделл тому месту, где расступались окружающие «Твердыню» горы. Дорога беды была наиболее вероятным направлением, откуда следовало ждать вторжения. Поэтому Тим оглядел ее в первую очередь. Не более пятнадцати минут минуло с тех пор, как он наблюдал за ней в прошлый раз. Завод часов устанавливался на пятнадцатиминутные интервалы — из теоретической предпосылки, что никто, будь он пешком или верхом на лошади, не сможет выйти на Дорогу беды и полностью пересечь ее менее чем за пятнадцать минут.

Никого не было. За последние дни никто не пытался сюда пробраться. В первые недели многие старались пройти тут, их следовало вовремя заметить, и, заметив, Тим трубил тревогу (у него был горн). Фермеры на лошадях скакали навстречу пришельцам и гнали их вон. Теперь дорога всегда пуста. Но наблюдать за ней следовало.

Тим заметил двух оленей, койота, пять кроликов, множество птиц. Если разрешат охоту — мясо. Больше никого на дороге нет. Тим повел биноклем по окружности — по горизонту, вдоль голых склонов холмов. Это почти то же самое, что выискивать кометы: запомни, на что похожи объекты, и ищи все, отличающееся от того, что заложено в памяти. Тиму уже был знаком каждый камень на склонах холмов. Один из них формой напоминал миниатюрную Статую Свободы, другой походил на «кадиллак». На склонах не было видно ничего, чего не должно бы быть.

Он обернулся и глянул вниз, в находящуюся сзади долину. И в который раз улыбнулся, вспомнив, как ему повезло: лучше быть здесь, на вершине горы, быть часовым, чем там, внизу, раскалывать валуны.

— Наверное, стражники в Сан-Квентине[1] думали точно так же,— громко сказал Тим. В последнее время он привык разговаривать сам с собой.

«Твердыня» смотрелась хорошо. Уверенная в себе, надежная, с теплицами, пастбищами и стадами. В будущем еды будет достаточно.

— Я сукин сын, которому повезло,— сказал Тим.

Ему подумалось — и уже не в первый раз,— что ему повезло

[1] Тюрьма.

гораздо больше, чем он заслуживал. У него есть Эйлин, у него есть друзья. У него есть где спать и еды хватает. У него есть дело, работа, хотя первоначальный план — восстановить плотину вблизи «Твердыни» — не удался. Но не по его вине. Он и Брэд Вагонер нашли другие пути генерировать электроэнергию... Нужно лишь допустить, что удастся совершить успешную вылазку во внешний мир и разыскать там проволоку, подшипники, а также инструменты и оборудование, необходимые для претворения в жизнь их замысла.

И книги. У Тима набрался целый список книг, которые ему очень бы хотелось иметь. Когда-то давно, во времена, которые ему помнились очень смутно, он уже владел почти всеми книгами из этого списка. Это были времена, когда, если Тиму хотелось что-нибудь иметь, то все, что от него требовалось,— это сообщить о своем желании, а остальное сделают деньги. Когда Тим размышлял о книгах и о том, как легко было их достать, иногда его мысли текли дальше, и он начинал вспоминать о подогретых полотенцах, о сауне, о плавательном бассейне, о джине «Танкверэй» и ирландском кофе. О чистой одежде, которую можно получить, стоит лишь захотеть... Но вспоминать те времена было тяжело. Это были времена, когда не было Эйлин, а Эйлин — бесценна. Если конец мира произошел для того, чтобы соединить их, тогда, может быть, в нем был какой-то смысл.

Только Тиму становилось тяжко, когда он думал о том, как живут во внешнем мире, когда он вспоминал о мертвом ребенке и когда вспоминал о полицейских и санитарках, роющихся в развалинах бурбанкской больницы. Эти воспоминания о том, как он ехал мимо нуждающихся в помощи, оказавшихся в отчаянном положении людей, часто преследовали его. И не помогала мысль, что сам-то он каким-то чудом спасся... даже не просто спасся. Выжил, чтобы найти для себя безопасное место и иметь больше счастья, чем он заслуживал...

Глаза его уловили какое-то движение. По дороге ехал грузовик. В машине было полно людей, и Тим едва не помчался к хижине, чтобы объявить тревогу. Молний в небе не было, лишь над Хай Сьеррой беспрестанно вспыхивало. Маленький коротковолновый передатчик будет работать, только не нужно его использовать без необходимости. Чертовски трудно таскать батареи туда-обратно, вверх и вниз по склону горы. И чтобы перезарядить их, приходится тратить драгоценный бензин. Тим подавил первоначальный импульс. Пусть грузовик едет себе, есть еще время как следует рассмотреть его в бинокль.

Несомненно, это грузовик Дика Вильсона. Во всяком случае, выглядит он точно так же. Один-единственный грузовик может таить в себе значительную огневую мощь. И одна-единственная

ошибка может стоить многих жизней — и тогда ошибшийся бедняга часовой будет изгнан. С предварительно оторванным членом.

Очень похоже на грузовик Дика Вильсона, но народу больше, чем обычно. Кузов забит стоящими людьми. Замысли враги нападение, они бы не стали сбиваться тесной кучей. Так, среди людей в кузове — женщина...

Те четверо — почему взгляд все время задерживается на них? Женщина, негр и двое белых. Похоже, эти четверо держатся особняком, как будто... как будто должна сохраняться дистанция между ними — особенными, и остальными — простыми смертными. Тим заелозил локтями по камню, внимательно изучая в бинокль ускользающе знакомые лица...

Грузовик уже был слишком близко. Тим помчался к лачуге. Схватился за микрофон. И лишь тогда вспомнил.

— Да?

— Здесь Дик Вильсон, в трех минутах езды,— сказал Тим.— И он везет с собой астронавтов, астронавтов с «Молотлэба»! Всех четверых! Черт, вы не поверите своим глазам, увидев их. Они выглядят словно боги. Они выглядят так, будто конец света их вообще не затронул.

* * *

Лица. Множество лиц, все белые, все уставились на их грузовик. На них. Все заговорили одновременно, и Рик Деланти расслышал только обрывки. «Русские», «Астронавты, это действительно они». Когда он слез с грузовика, толпа вокруг чуть подалась назад, чтобы не смять людей, вернувшихся из космоса. Они глядели неотрывно, улыбались. Мужчины и женщины — и вид у них был отнюдь не такой, будто они умирают с голоду. В их глазах не было того ищущего выражения, к которому Рик привык во владениях Дика Вильсона. Похоже, эти люди лишь частично прошли через ад.

В основном они были среднего возраста. Их одежда носила следы тяжелой работы, и было видно, что одежду эту не слишком часто стирают. Мужчины в основном были высокого роста, женщины тоже — или так казалось потому, что все они были в рабочей одежде? На ферме Дика Вильсона женщины одевались, как мужчины. И работали, как мужчины. Здесь было не так. В этой долине женщины не одевались в мужскую одежду. Здесь кое-что, хотя и далеко не все, походило на мир, существовавший до падения Молота. Это бы-

ло не слишком очевидно, и, не проведи Рик не одну неделю у Дика Вильсона, он бы решил, что после Молота все очень изменилось. Теперь, однако, он видел и сходные черты. Эта долина отличалась от укрепленных владений Вильсона, как...

У Рика не было времени на дальнейшие размышления. Начались взаимные представления, и гостей повели к большому каменному дому. Громадная веранда. Даже если б Рик не знал сенатора Джеллисона, он бы все равно понял, кто здесь командует: сенатор был не такого высокого роста, как окружающие — высоченные здоровяки, но вокруг него образовалось пустое пространство, все ждали, когда он первым начнет говорить. И от его приветливой улыбки всем сразу стало легче — даже Петру и Леонилле, испытавшим страх перед этим совещанием.

Приходили все новые люди — одни спускались по склонам: шли с полей, другие шли по подъездной аллее. Новость, должно быть, распространилась быстро. Рик поискал взглядом Джонни Бейкера и увидел его. Но Бейкер не заметил Рика Деланти, он вообще никого сейчас не замечал. Он стоял перед девушкой — высокой, стройной, рыжеволосой, одетой во фланелевую рубашку и рабочие брюки. Он держал ее за руки. Джонни и девушка неотрывно смотрели в глаза друг другу.

— Я был уверен, что ты мертва,— сказал Бейкер.— Я просто... я даже ни разу не спросил у Дика. Я боялся спрашивать. Как я рад, что ты жива.

— Я тоже очень рада, что ты жив,— сказала девушка.

Странно, подумал Рик. Глядя на их печальные лица, можно подумать, что они уже присутствовали друг у друга на похоронах. Рику стало ясно, как стало ясно и всем остальным: это встретились любящие.

И некоторым из присутствующих здесь мужчин это открытие очень не понравилось! Будут затруднения... У Рика опять не было времени на обдумывание. Вокруг теснились люди, говорили одновременно. Один из высоченного роста мужчин отвернулся, чтобы не видеть Джонни и его девушку, и заговорил с Риком. Он спросил:

— Мы воюем с русскими?

— Нет,— ответил Рик.— То, что осталось от России, и то, что осталось от Соединенных Штатов,— союзники. Объединились против Китая. Но вы можете забыть обо всем этом. Война давно закончилась. Молот, советские ракеты и, как я думаю, некоторое количество наших ракет — от Китая ничего не осталось, что могло бы продолжать битву.

— Союзники,— великан был озадачен.— Ладно. Верю.

Рик усмехнулся.

— Дела обстоят так, что если мы когда-нибудь доберемся до Рос-

сии, то не обнаружим там ничего, кроме ледников. Но если мы отправимся в Китай, то найдем там русских, и они вспомнят, что мы были союзниками. Понимаете?

Великан нахмурился и шагнул в сторону — будто Рик чем-то отталкивал его.

* * *

Рик Деланти с головой окунулся в старую привычную рутину. Ему пришлось разговаривать с собравшимися, используя простые, но в то же время яркие и образные слова, давать объяснения так, чтобы в них не прозвучала снисходительность. Ему задали много вопросов. Люди хотели знать, на что это похоже — быть в космосе. Как долго приходится привыкать к состоянию невесомости? Рик был удивлен, поняв, как много людей смотрело телевизионные передачи с «Молотлэба». Как много людей помнило импровизированный танец, исполненный Риком при нулевой гравитации. Как астронавты передвигались? Ели? Пили? Заделывали оставленные метеоритами пробоины? Может ли не ослабленный атмосферой солнечный свет выжечь глаза? Носили ли астронавты все время темные очки?

Рик узнал их имена. Девочку звали Алис Кокс. Женщина, которая внесла поднос с кофе (с настоящим кофе!),— это ее мать. Здоровенные мужчины, стоящие в вызывающей позе,— Кристоферы, и тот, и другой. Кристофером был и тот, который спрашивал, не воюет ли Америка с русскими, но он вместе с Диком Вильсоном и Джонни Бейкером уже ушел в комнаты, предоставив принимать гостей миссис Кокс. Одного из мужчин представили как мэра, другого все называли шефом, но тут была какая-то тонкость, которую Рик не мог постичь: Кристоферы, не имеющие никакого титула, похоже, занимали более важное положение. Все мужчины были высокого роста, все они были вооружены. А не появилось ли у него самого в глазах то выражение полуголодности, как у всех, кто входил в банду Дика Вильсона?

— Сенатор говорит, что сегодня мы можем позволить себе искусственное освещение,— объявила миссис Кокс после одного из уходов в глубь дома.— Вы сможете побеседовать с астронавтами после того, как станет слишком темно для работы. И, может быть, мы устроим вечер отдыха.

Приглушенные голоса, выражающие согласие, прощания — и толпа рассосалась. Миссис Кокс провела астронавтов в гостиную, принесла еще кофе. Она проявила себя как превосходная хозяйка

дома, и Рик вдруг понял, что он потихоньку расслабляется — в первый раз со времени их приземления. У Дика Вильсона тоже, бывало, угощали кофе, но лишь понемногу, и его торопливо выпивали мужчины, перед тем как выйти на караульную службу. Никто там никогда не посиживал расслабленно в гостиных, и уж, конечно, кофе подавался не в чашечках китайского фарфора.

— Извините, что сейчас здесь нет никого, кто мог бы составить вам компанию,— сказала миссис Кокс.— Все заняты работой. Вечером они вернутся и тогда своими разговорами совершенно заморочат вам голову.

— Это неважно,— сказал Петр.— Мы считаем, что вы очень хорошо нас принимаете.— Он и Леонилла сидели вместе, поодаль от Рика.— Я надеюсь, мы не слишком отвлекаем вас от ваших дел.

— Что ж, мне пора готовить обед,— сказала миссис Кокс.— Если вам что-либо надо, позовите меня.— И подчеркнуто оставив кофейник, она пошла к выходу. Уже в самых дверях сказала:

— Лучше выпейте кофе до того, как он остынет. Не могу поручиться, что в ближайшее время у нас снова будет кофе.

— Спасибо,— сказала Леонилла.— Вы все так добры к нам...

— Не более, чем вы того заслужили, я в этом уверена,— ответила миссис Кокс и ушла.

— Итак, мы обнаружили правительство,— сказал Петр.— А где генерал Бейкер?

Рик пожал плечами:

— Где-то там в доме, вместе с Диком, сенатором и несколькими другими. Совещание.

— На которое нас не пригласили,— сказал Петр.— Мне понятно, почему не позвали нас с Леониллой, но почему не пригласили вас?

— Я уже думал об этом,— ответил Рик.— Но они ушли очень быстро. Вы знаете, зачем Дик приехал сюда, что он хочет сказать им. А кому-то ведь нужно было остаться здесь и беседовать с собравшимися. Я воспринимаю это как знак особого доверия.

— Надеюсь, вы правы,— сказал Петр.

Леонилла кивнула в знак согласия:

— В первый раз с тех пор, как мы приземлились, я почувствовала себя в безопасности. Мне кажется, мы им понравились. Их, похоже, никак не волнует, что Рик чернокожий?

— Я могу ответить одним словом,— сказал Рик.— Нет. Но тут есть кое-что странное. Вы не заметили? После того как выяснилось

насчет войны, все тут же заинтересовались космосом. Никто, вообще никто не спросил, что произошло с Землей.

— Да. Но скоро нам придется рассказать им это,— сказал Петр.

— Мне бы хотелось, чтобы нам не нужно было этого делать,— заметила Леонилла.— Но да — придется.

Все замолчали. Рик встал и разлил по чашкам остаток кофе. Из кухни доносились звуки активной деятельности. Из окна можно было видеть людей — одни перетаскивали валуны, другие пахали поля. Тяжелая работа, и было совершенно ясно, что ее хватило бы на всех — даже на Леониллу. Рик надеялся, что все обстоит именно так. Он вдруг осознал, что беззвучно молится про себя, чтобы нашлась работа, все равно какая работа, все равно, что делать, лишь бы снова почувствовать себя приносящим пользу и забыть о Хаустоне, Эль Лаго и цунами...

Но сейчас он радушно принимаемый герой, и Леонилла и Петр — тоже герои, и они в безопасности: вокруг вооруженные люди, не имеющие никакого желания убивать их.

Он услышал приглушенный отзвук голосов, доносящихся откуда-то из глубины дома. Это, по всей вероятности, голоса сенатора, Джонни Бейкера, Дика Вильсона и наиболее доверенных людей сенатора. Они вырабатывают план... чего? Наших жизней, подумал Рик. Дочь сенатора — она тоже там? Рику вспомнилось, как она и Джонни глядели друг на друга, голоса их были неслышны, лица почти соприкасались, они полностью забыли об окружающих. Как все это может повлиять на решение сенатора?

И Рику вдруг пришло в голову, что сенатору все это может понравиться. Джонни Бейкер — генерал военно-воздушных сил. Если в Колорадо-Спрингс действительно обладают той силой, о которой они заявляют, это может оказаться важным.

— Сколько здесь у них людей? — спросил Петр.

Вопрос спугнул грезы Рика.

— Я полагаю, несколько сот человек,— продолжал Петр.— И оружия у них, похоже, много. Как вы считаете, этого достаточно?

Рик пожал плечами. Мыслями он был в далеком будущем, где-то за недели, за месяцы от сегодняшнего дня, он ухитрился почти забыть, зачем они сегодня приехали в «Твердыню» сенатора.

— Должно быть,— ответил Рик. И теперь он почувствовал это тоже — то напряжение, которое буквально исходило от Петра и Леониллы. Ему раньше просто и в голову не приходило, что сенатор может не обладать достаточной силой. Он был так убежден, что где-то ведь должны быть цивилизованные

мужчины и женщины, подлинная безопасность, цивилизация и порядок.

А может быть, этого и нет. Нигде нет. Рик чуть поежился, но улыбка по-прежнему — это потребовало некоторого усилия — оставалась на его лице. Они трое сидели в обшитой панелями комнате. Ждали. Надеялись.

* * *

— Они называют себя армией Нового Братства,— сказал Дик. Он обвел их взглядом — Гарви Рэнделла, генерала Джонни Бейкера, Джорджа Кристофера, одиноко сидящего в углу комнаты, и сенатора Джеллисона в его похожем на судейское кресле,— и глаза его были глазами преследуемого зверя. Он отпил из своего стакана, подождал минуту, пока виски окажет свое магическое действие, и сказал недрогнувшим голосом: — Они заявили, что являются законным правительством Калифорнии.

— И кто же их наделил властью? — спросил Эл Харди.

— Что ж, их заявление подписано заместителем губернатора. «Исполняющим обязанности губернатора», как он сейчас себя называет.

Харди нахмурился:

— Достопочтенный Джеймс Вэйд Монтроз?

— То самое имя,— ответил Дик.— Можно мне еще виски?

Харди глянул на сенатора, сенатор кивнул, и Харди подлил в стакан Дика.

— Монтроз,— задумчиво сказал Эл.— Значит, сумасброд спасся.— Он глянул на остальных и быстро добавил: — Шутка внутреннего употребления. Политики обычно называют друг друга прозвищами. «Растеряха», «Усмехайся и терпи». Монтроза прозвали сумасбродом.

— Сумасброд он или нет, но он дал мне семь дней на то, чтобы признать его правительство,— сказал Дик.— В противном случае армия Нового Братства займет мои владения силой,— фермер расстегнул свою армейскую куртку (осталась от службы) и из внутреннего кармана достал лист бумаги. Это была одна из копий, сделанных с помощью множительного аппарата, но сам текст был написан от руки, изящным каллиграфическим почерком. Дик отдал лист Элу Харди, тот осмотрел его и затем передал сенатору Джеллисону.

— Это подпись Монтроза,— сказал Харди.— Я в этом уверен.

Джеллисон кивнул.

— Мы можем расценивать подпись как подлинную.— Глянул на присутствующих, приглашая их к обсуждению.— Заместитель гу-

бернатора объявляет осадное положение и утверждает, что является высшей властью в Калифорнии.

Джордж Кристофер зарычал — резкий скрежещущий звук:

— Над нами он властвует тоже?

— Надо всеми,— ответил Джеллисон.— Кроме того, он ссылается на Колорадо-Спрингс. Генерал Бейкер, вам что-нибудь об этом известно?

Джонни Бейкер кивнул. Он сидел рядом с Гарви Рэнделлом, но, казалось, чем-то резко отличался от остальных собравшихся в этой комнате. Вернулись старые боги, подумал Гарви. На какое-то время, во всяком случае. Как долго они останутся богами? Гарви видел встречу Бейкера и Маурин, и то, что он видел, вызвало в нем отнюдь не добрые чувства.

— Мы поймали радиосообщение из Колорадо-Спрингс,— сказал Бейкер.— Я уверен, что оно было подлинным. Оно передавалось от имени председателя палаты представителей...

— Впавшего в старческий идиотизм,— сказал Эл Харди.

— ...вступившего в должность исполняющего обязанности президента,— сказал астронавт.— Руководителем штата его сотрудников назван генерал-лейтенант ВВС Фокс. Я думаю, что это Байрон Фокс, и если это так, то я его знаю. Один из профессоров Академии. Неплохой человек.

Джордж Кристофер все это время молча бесился. Теперь он заговорил — полным гнева голосом, тихо:

— Монтроз. Сукин сын. Он болтался здесь пару лет назад, пытаясь организовать профсоюз сборщиков урожая. Явился прямо ко мне на ферму! Я не мог даже вышвырнуть со своей земли этого нарушившего чужое право владения ублюдка! Его сопровождали пятьдесят полицейских.

— Я бы сказал, что Джимми Монтроз имеет большие права называть себя законной властью,— проговорил сенатор Джеллисон.— Он сейчас чиновник, обладающий наиболее высоким статусом в Калифорнии. Если предположить, что губернатор мертв, а так, вероятно, оно и есть.

— Значит, Сакраменто уничтожен? — спросил Джонни Бейкер.

Эл Харди кивнул:

— Насколько мы знаем, весь тот район теперь находится под водой. Пару недель назад Гарви совершил поездку к северо-западу и встретил кого-то, кто разговаривал с людьми, которые пытались добраться до Сакраменто. Но все они обнаружили только море Сан-Иоаквин.

— Черт побери,— сказал Бейкер,— значит, ядерный силовой центр погиб.

— Прошу прощения — да,— сказал Харди.

— Дик, надеюсь, вы не собираетесь уступить этому проклятому Монтрозу? — спросил Джордж Кристофер.

— Я приехал сюда, чтобы просить о помощи,— ответил Вильсон.— Нас могут полностью уничтожить. У него большая армия.

— Что значит «большая»? — спросил Эл Харди.

— Большая.

— Кое-что меня удивляет,— сказал сенатор Джеллисон.— Дик, вы уверены, что та банда людоедов, с которой вы сражались, составляет часть армии Монтроза? Что он объединился с ними?

— Разве я не сказал, что так оно и есть?

— Только не сердитесь,— знаменитое обаяние сенатора внезапно проявилось снова в полной мере.— Я просто удивился, вот и все. Монтроз был сумасбродом, но сумасшедшим он не был. И дураком не был, кстати. Он защищал угнетенных...

Со стороны Кристофера донеслось рычание.

— ...во всяком случае, он это заявлял,— как ни в чем не бывало продолжал Джеллисон.— Но я бы никогда не подумал, что он может вступить в дружеские отношения с *людоедами.*

— Может быть, они его захватили в плен,— предположил Эл Харди.

Джеллисон кивнул.

— Мне тоже это показалось вероятным. В таком случае он вообще не представляет собой легальной власти.

— Легальной, нелегальной, мне-то что делать? — спросил Дик Вильсон.— Я не могу вступать в бой с ним. Ваши люди помогут мне? Я не хочу сдаваться ему на милость...

— Хвалю,— сказал Кристофер.

— Это не обычные людоеды,— сказал Дик.— Они могут отказаться от этой привычки, если... если получат другую пищу. Но эти их посланцы!

— Большую ли группу они к вам направили? — спросил Харди.

— Неподалеку от нас расположились лагерем примерно человек двести,— ответил Дик.— К нам заявилось около дюжины. Все вооруженные. Генерал Бейкер видел их. Один из них — капитан полиции...

— Ну не дерьмо ли?! — воскликнул Кристофер.— Полиция, объединившаяся с людоедами!

— Ну, на нем была форма,— сказал Дик.— И с ним был один тип, который раньше был чиновником в Лос-Анджелесе. Чернокожий. И другие. В большинстве они выглядели нормально, но двое... черт, это было что-то жуткое! — Он глянул на Бейкера, и Джонни кивнул в знак согласия.

— Действительно жуткое,— пробормотал Дик.— Вели себя, будто наглотались наркотиков. У них глаза были точно такие же, знаете, расширенные, и никогда не посмотрят прямо на тебя. И они говорили об ангелах Бога. «Ангелы послали нас, чтобы передать вам это послание».

— Как остальные реагировали на это? — спросил Гарви Рэнделл.

— Будто ничего особенного не происходит. Будто это нормально — говорить о пославших их ангелах. А когда я спросил, какого черта это все значит, они просто повернулись и пошли прочь. «Вы получили послание». Это все, что они сказали.

— И вы говорите, что двести человек стали лагерем поблизости от вас? — спросил Эл Харди.— Насколько близко? Где?

— Невдалеке. К югу от нас по дороге,— сказал Дик.— А что?

— По этой дороге должен был проехать Гарри,— ответил Харди.— Он не то чтобы запаздывает, у него нет никакого точного расписания, но мы ожидаем его.

— На моей ферме он не появлялся,— сказал Дик.

— Вы не думаете, что посланный к вам отряд мог что-то сделать с Гарри? — спросил Джеллисон.

Дик пожал плечами:

— Сенатор, я не знаю, чего можно ждать от этих людей. Они объявили, что у них гораздо большая вооруженная сила, чем мы видели, и в это я верю. Мы нигде не заметили никого. Ни одного беглеца. Такое впечатление, что никого не осталось, кроме вас и Нового Братства.

— Ангелы,— сказал Эл Харди.— Это звучит как-то бессмысленно.

Не изящно, подумал Гарви Рэнделл. Очень неизящно, и это расстраивает Эла.

— Я встречался несколько раз с Монтрозом,— сказал Гарви.— Он не показался мне сумасшедшим. Хотя и имел пунктик: охрана окружающей среды. Ракеты, эти консервные банки, уничтожают озон, ну и так далее. Может быть, Молот привел к тому, что он окончательно свихнулся.

— Может быть, он сумасшедший, а может быть, пленник — это все равно,— сказал Дик Вильсон.— Но дальше по дороге стоят лагерем двести человек. Готов держать пари, что у них еще не меньше пяти сотен. И я не знаю, черт побери, что мне делать.

— Нет. Мне не кажется, что вы действительно не знаете,— сказал сенатор. Сделал паузу, обдумывая, и никто не посмел, пока он молчал, вмешаться со своими замечаниями. Наконец сенатор заговорил: — Хорошо. Еще шесть дней. Дик, я хочу сделать вам пред-

ложение. Вы можете доставить сюда, к нам, женщин, детей и больных. За это вы передадите нам определенную часть спасенного вами имущества. Инструменты, электроника и так далее в этом роде. Снаряжение для подводного плавания, и в первую очередь дыхательные аппараты...

— Значит, вы предоставляете нам в одиночку драться против армии Нового Братства, сенатор?

Джеллисон вздохнул:

— Разумеется, нет. И я не думаю, что губернатор Монтроз (или тот, кто получил контроль над ним) особо заинтересован в разделе вашего имущества с нами. Похоже на то, что он намерен завладеть всем штатом.

— В том числе и нашей долиной,— сказал Джордж Кристофер.

— Да, мне кажется, что это так,— сказал Джеллисон.— Хорошо. На сегодняшний день нам известны два правительства. Колорадо-Спрингс и армия Нового Братства. Плюс, возможно, Ангелы.

— Так что мне, черт возьми, делать? — спросил Дик.

— Сохранять терпение. Мы пока слишком мало знаем,— сказал Джеллисон.— Давайте соберем побольше информации. Генерал Бейкер, что вы можете рассказать нам, как обстоят дела в том, что осталось от Соединенных Штатов? И раз мы затронули этот вопрос — в том, что осталось от всего мира?

Джонни Бейкер кивнул и откинулся на спинку стула, собираясь с мыслями.

— Приемлемой связи нам наладить так и не удалось,— сказал он.— Связь с Хаустоном мы потеряли сразу после падения Молота. В Хаустоне, кстати, погибла семья полковника Деланти. Поэтому, когда говорите с ним о Техасе, будьте поосторожнее.

Бейкеру было радостно увидеть, что присутствующие еще не слишком огрубели душой, проявления их симпатии к Рику были очевидны. Он уже многое повидал в этом мире, у подавляющего большинства больше не было слез, чтобы лить их из-за каких-то нескольких человек. Слишком много было смертей вокруг.

— Семьи моих русских друзей тоже погибли,— сказал Джонни.— Война началась менее чем через час после столкновения с Молотом. Китай нанес удар по России. Россия нанесла удар по Китаю. Несколько наших баз также запустили ракеты на Китай.

— Господи,— сказал Харди.— Гарви, у вас есть какие-нибудь приборы для измерения уровня радиации?

— Нет.

Вид у всех был встревоженный. Гарви кивнул, соглашаясь.

— Хорошо, мы определим количество радиоактивных осадков. Ну и что мы дальше будем делать?

— Хоть что-нибудь мы в силах сделать? — спросил Харди.

— Я думаю, радиация сейчас находится на безопасном уровне,— сказал Джонни Бейкер.— Радиоактивные осадки прибиты к земле дождем. А ведь дожди шли сильнейшие. Вся планета походила на огромный ком хлопка. После падения Молота нам, в сущности, ни разу не удалось разглядеть поверхность.

— Вы говорили о связи,— подсказал Джеллисон.

— Да. Извините. Итак, у нас состоялся разговор с Колорадо-Спрингс, но очень короткий, по существу, мы лишь успели обменяться позывными. Один раз нам удалось наладить связь с базой командования стратегической авиации. Той, что в Монтане. Они связи не имели ни с кем. По Соединенным Штатам — это все,— Джонни помолчал, давая время присутствующим осознать услышанное.

— Теперь что касается того, что осталось от всей планеты. Южная Африка и Австралия пострадали, вероятно, лишь в малой степени. О Латинской Америке мы ничего не знаем. Никто из нас не владеет в достаточной степени испанским, а когда нам удавалось наладить связь с кем-нибудь из жителей Латинской Америки, контакт продолжался недолго. Мы поймали несколько коммерческих радиопередач. И, насколько мы могли разобрать, через неделю после падения Молота в Венесуэле произошла революция. Да и весь континент столкнулся с острыми политическими проблемами.

Джеллисон кивнул:

— Это неудивительно. И, разумеется, их имеющие наибольшее значение города были расположены на побережье. Вам, видимо, неизвестно, какой высоты достигали цунами в Южном полушарии?

— Нет, сэр, но полагаю, они были высокими,— ответил Джонни Бейкер.— То цунами, которое обрушилось на Северную Африку, достигало более пятисот метров в высоту. Нам удалось это увидеть — как раз перед тем, как тучи окутали всю Землю. Стена воды высотой в пятьсот метров прокатилась по Марокко...— Он содрогнулся.— Европа погибла. Полностью. Ах, да, еще ожили все вулканы в Южной и Центральной Америке. Дым пробивался сквозь тучи. Извержения начались по всему Огненному кольцу. Сейчас вулканы должны находиться к востоку отсюда, где-нибудь в Неваде. И к северу, я думаю: горы Маунт Лассен, Маунт Худ и, может быть, Рейнайр. Множество вулканов должно образоваться в Северной Калифорнии, Орегоне и Вашингтоне.

Он продолжал говорить, и по мере его рассказа присутствующие все яснее понимали, в каком одиночестве они оказались. Императорская долина в Калифорнии уничтожена, когда обломок Молота ударил в море Кортеса. Образовались — не могли не образоваться! — гигантские волны, уничтожившие все вплоть до Национального монумента Джошуа, то есть вплоть до гор, расположенных к западу от Лос-Анджелеса. Вычеркните из памяти Палм-Спрингс, Палм-Дезет, Индию, Твентинайн-Палмз. Забудьте о долине реки Колорадо.

— А какой-то обломок наверняка ударил в озеро Гурон,— продолжал Бейкер.— Как раз перед тем, как видимость полностью исчезла, мы наблюдали типичный для таких случаев рисунок: туча спиралевидной формы с чистым участком в центре.

— Что-нибудь осталось от страны за пределами Колорадо? — спросил Эл Харди.

— Опять-таки не знаю,— ответил Бейкер.— Учитывая, какие шли ливни, думаю, что погиб весь Средний Запад: урожая — нет, транспорта — нет, люди, массами умирающие голодной смертью...

— И убивающие друг друга, чтобы завладеть тем, что еще сохранилось,— добавил Эл Харди. Поочередно обвел взглядом собравшихся, и все кивнули, соглашаясь: да, «Твердыне» повезло. Более чем повезло — потому что у них был сенатор и здесь царил порядок. Крошечный островок безопасности в мире, стоящем на краю гибели.

«Почему так повезло именно нам?» — подумал Гарви Рэнделл. Сообщение Джонни Бейкера не удивило его. Вернее, не очень удивило. Он размышлял на эту тему уже немало. Дело в том, что фактически не было никаких радиосообщений. Конечно, из-за беспрерывных атмосферных помех трудно ожидать, что услышишь чью-либо передачу, но должно же быть хоть что-то, хоть один раз за все время. А практически ничего не было, что означало, что никто не ведет передачу, ни у кого нет для этого сколько-нибудь постоянных возможностей.

Но одно дело предполагать, а другое — *знать*, что здесь всего лишь один из очень и очень немногих клочков, где остается возможность выжить.

Что происходит в мире? Революции в Латинской Америке. Может быть, это и является ответом, так происходит повсюду. Что не доделали Молот и русско-китайская война, старательно завершают те, кто выжил.

Эл Харди нарушил молчание:

— Не похоже, чтобы из-за гор выехала кавалерия Соединенных Штатов, направленная спасать нас.

Дик Вильсон горько рассмеялся:

— Армия превратилась в орду людоедов. Вот что мы, во всяком случае, сами видели.

— Нам придется сражаться,— сказал Джордж Кристофер.— Этот проклятый Монтроз...

— Джордж, у вас не может быть уверенности, что во главе их стоит именно он,— сказал Эл Харди.

— Какая разница? Если командует не он, это еще хуже, значит, верховодят эти траханые каннибалы. Раньше или позже, а нам придется сражаться. Так лучше драться, пока люди Дика еще на нашей стороне.

— Я и явился сюда за этим,— сказал Дик Вильсон.— Если только...

— Если только — что? — спросил Кристофер. Голос его был полон внезапно прорезавшегося подозрения.

Вильсон развел руками. И Гарви не мог не заметить: хотя Вильсон был высокого роста мужчиной, на деле он был маленьким — в два раза меньше, чем полагалось бы по его одежде и росту. Слишком уж он был испуган.

— Если только вы не оставите нас одних,— сказал Вильсон.— Если вы не пустите нас к себе. Мы тогда сможем отбить нападение этой банды. У вас здесь холмы и горы, их удобно оборонять. На моей земле никаких гор и холмов нет. Все, что у меня есть,— это то, что я смог создать, построить, но нет ни гор, ни естественных укреплений на границах, нет ничего. Но здесь мы сможем отбиваться от этих ублюдков, пока они не передохнут с голоду. Может быть, нам, кстати, удастся этому способствовать. Пошлем диверсионную группу, чтобы она сожгла их припасы.

— Мерзость,— сказал Гарви Рэнделл.— Разве и без того, чтобы сжигать посевы и запасы пищи, недостаточно людей умирает с голоду? Господи, по всему миру одно и то же: то, что не довершил Молот, мы заканчиваем своими собственными руками! Здесь это тоже должно произойти, да?

— Дик, мы не сможем прокормить всю зиму всех ваших людей,— сказал Эл Харди.— Простите меня, но я это точно *знаю*. Наши запасы слишком скудны. Мы не можем пойти на это.

— У нас пока еще слишком мало информации,— заговорил сенатор Джеллисон.— Может быть, с этим Новым Братством можно прийти к соглашению.

— Ерунда,— сказал Джордж Кристофер.

— Нет, не ерунда,— ответил ему Гарви Рэнделл.— Я знал Монтроза, и, черт побери, он не сумасшедший, он не людоед, и он не злодей — даже если он приходил к вам на ферму, пытаясь помочь рабочим организовать профсоюз...

— Сделаем так,— сказал Джеллисон. И сказал он это очень

твердо.— Джордж, я предлагаю подождать возвращения Гарри. Нам необходимо узнать побольше о том, какая складывается обстановка. Я пришел к выводу, что, помимо того, что нам рассказал Дик, он ничего не знает. Гарви, вы еще располагаете свободным временем, или у вас есть иные неотложные дела? — тон Джеллисона не оставлял сомнений, что присутствие Гарви Рэнделла в библиотеке более не является обязательным.

— Если вы отпускаете меня, то есть кое-что, что надо бы доделать...— Гарви встал и пошел к выходу. И едва не рассмеялся, услышав, как вслед за ним пошел Джордж Кристофер.

— Я посмотрю карты, когда они будут готовы,— сказал Кристофер.— Меня тоже ждут кое-какие дела. Рад был встретиться с вами, генерал Бейкер,— и вслед за Гарви вышел из библиотеки.— Подождите минуту.

Гарви шел медленным шагом, гадая, что сейчас должно произойти. Сенатору явно не понравилась вспышка, которую позволил себе Гарви. Он здорово разозлился, думал Гарви. Он пытался развести нас в разные стороны, но это не удалось...

— Так что мы теперь будем делать? — сказал Кристофер.

Гарви пожал плечами:

— Мы просто знаем пока что слишком мало. Кроме того, у нас еще есть несколько дней. Может быть, если б мы решились на совместную с людьми Дика вылазку, удалось бы добыть достаточно удобрений и материалов для теплиц, чтобы все люди Дика могли, переселившись к нам, пережить эту зиму...

— Я хотел поговорить не об этом,— сказал Кристофер.— Нам нужно вступить в бой с этими проклятыми людоедами, и следует это сделать не откладывая — до того, как они станут еще сильнее. Взять на вооружение каждое ружье, взять каждого мужчину, достаточно взрослого, чтобы поднять это ружье. Выйти и задать им жару. Я не намерен провести всю зиму в оглядку. Когда кто-то внушает тебе страх, есть только один путь: сбить его с ног и топтать, пока не убедишься, что он уже не сможет причинить тебе вреда. Не сможет никогда.

Или удирать сломя голову. Или завести долгие переговоры, подумал Гарви, но вслух ничего не сказал...

— Мне не по душе то, что происходит между вами и Маурин,— сказал Джордж.

— А мне Маурин тоже нравится,— заявил Гарви. Он стоял у закрытой двери на кухню и глядел прямо в лицо Кристоферу, оставшемуся в узком коридоре.— Если вы собьете меня с ног и будете топтать, это вызовет немалые затруднения. Действуйте.

— Пока не буду. Когда вы вконец разозлите меня, вас

попросту выгонят отсюда. А сейчас перед нами одна и та же проблема.

— Да-а. Мне тоже так кажется,— ответил Гарви.— Вы намерены выгнать *его?*

— Не говорите глупостей. Он герой. Выйдем отсюда.— Кристофер первый вышел через кухню из дома. На улице никого не было. Лишь Гарви и Кристофер шли в полутьме сумерек.

— Послушайте, Рэнделл,— сказал Кристофер.— Вы не очень мне нравитесь.

— Не очень. Мне кажется, это взаимно.

Кристофер пожал плечами:

— Я ничего против вас не имею. Я не думаю, что вы выстрелите мне в спину или нанесете удар сзади, стоит лишь мне перестать следить за вами...

— Благодарю.

— А пока вы этого не сделаете, одержать надо мной верх вам не удастся. Вопрос в следующем: предположим, она решит выйти замуж за генерала Бейкера. Что вы будете делать?

— Горько плакать.

— Послушайте, я пытаюсь быть с вами вежливым! — рявкнул Кристофер.

— Черт возьми, что, по вашему мнению, я должен сказать? — спросил Гарви.— Если она выйдет замуж за Бейкера, значит, она выйдет замуж за Бейкера, вот и все.

— И вы оставите ее в покое? Не будете виться ужом вокруг да около, добиваясь встречи с ней?

— Почему, черт побери, я должен это делать? — спросил Гарви.

— Послушайте, вам кажется, что я что-то вроде дурака-деревенщины? — сказал Кристофер.— Может быть, с вашей точки зрения, я и есть дурак-деревенщина. Я жил здесь, когда еще ничто не вынуждало меня жить именно здесь. Ходил в церковь. Занимался своими делами. У меня не было ни бардаков, ни подружек в каждом городе, с которыми я ходил бы по дорогим театрам...

Гарви рассмеялся:

— У меня всего этого тоже не было. Вы прочли слишком много «Плейбоев».

— Вот как? Послушайте, Рэнделл, допускаю, что я деревенщина, но иногда мне в голову приходила мысль, что если человек женат, он должен почаще оставаться дома. Я так никогда и не был женат. Был обручен однажды, но ничего не вышло. А затем я узнал, что Маурин получила развод. Я не то чтобы наверняка ждал ее здесь — я еще не знал, что ей покажется лучше: снова ли ей поселиться в этой долине, или мне переехать в Вашингтон. Но, узнав о

ее разводе, я более не искал никого. Затем произошло это. И ей, независимо от ее желания, пришлось жить здесь. Может быть, получилось бы так, что она жила бы вместе со мной. Когда-то мы должны были пожениться, только не вышло — мы были еще слишком молоды...

— Зачем вы мне рассказываете обо всем этом?

— Потому что мне нужно что-нибудь говорить. Черт возьми, Рэнделл, если б мне когда-нибудь случилось жениться, я бы и вел себя как женатый человек. Вот именно. И своей жене я бы тоже полностью доверял. Может быть, и Бейкер вел бы себя так же. А вот к вам, черт побери, это наверняка не относится.

— А теперь, какого черта?..

— Я знаю, как должны идти и как будут идти дела в этой долине, Рэнделл. Я знал это и прежде, до того, как эта проклятая комета столкнулась с нами, и сейчас я тоже все заранее знаю. Так что вы немедленно оставите Маурин в покое. Вы не тот человек, который ей нужен.

— А почему нет? Кто уполномочил вас встать на страже общественной морали?

— Я сам себя уполномочил. А вы недостаточно хороши для нее. Вы спите со всеми подряд. Прекрасно, переспали и с ней. Мне это не понравилось, но я не стал предъявлять свои права на нее. Тогда еще — не стал. Но вы же женатый человек, Рэнделл. Зачем, черт возьми, вам нужна Маурин? Прибавить еще единичку к вашему списку? Послушайте, это начинает меня здорово злить, я не желаю этого. Вы оставите ее в покое. Я вам говорю: вы оставите ее в покое.— Кристофер повернулся и, раньше, чем Гарви успел хоть слово сказать, пошел прочь.

Гарви, потрясенный, остался на месте. Он едва удержался от того, чтобы броситься вдогонку за великаном-фермером. Я, должно быть, сошел с ума, думал он. Ведь я должен бы ненавидеть этого ублюдка...

Но ненависти не было. А было дикое желание помчаться следом, догнать и объяснить, что ничего подобного вовсе не было, и что Гарви Рэнделл мыслит о том, что такое женитьба, точно так же, как Джордж Кристофер, и что все идет как надо, и что он и Маурин...

«Для чего?» — подумал Гарви. Может быть, Кристофер прав. Но Лоретта так ни о чем и не узнала, и ей не пришлось горевать, и Маурин это горя не принесло, и все это — нагромождение объяснений, от которых сильно разит извинениями, потому что человек всегда чертовски хорошо знает, что он делает.

И вместо того чтобы бежать вдогонку за Джорджем, Гарви отправился в гостиную побеседовать с остальными астронавтами.

РАССКАЗ ИЗГНАННИКА.

Когда солнце потухнет,
И звезды попадают с неба,
И когда дикие звери соберутся
В единую стаю...
И когда раскроются листы Книги,
И когда рядом запылает пламя Ада,
И рядом же окажутся врата Рая,
Каждый человек узнает,
Что им было совершено.
И в Ночи, когда во тьме
Померкнет комета,
И в Рассвете утреннем,
Когда она вспыхнет ярко...
КУДА ТЫ ТОГДА ПОЙДЕШЬ?

Коран

Горячая вода, в которой вы вымоете ваши ноги,— сказал Гарри.— Приготовленная на плите пища. Одежду перемените. И, друг, вы *нужны* им, и они это *знают*.

— Я выдержу, справлюсь,— отдуваясь, ответил Дан Форрестер.— Я чувствую себя легко... как перышко, без... этого рюкзака. А у них есть овцы? — В последние несколько дней он боялся и взглянуть на свои ноги, но вскоре он перестанет так зависеть от них. Они славно ему послужили. А что касается инсулина, что ж, ему приходилось увеличивать дозы. Должно быть, лекарство потихоньку портилось.— И работающий холодильник у них есть?

— Холодильника нет. Овцы есть. Очень скоро сами увидите. Осталось недолго, вон впереди и застава.

Их спутник, идущий широким шагом впереди по этой безлюдной дороге, внезапно остановился и оглянулся. (На спине он без натуги нес рюкзак Дана Форрестера.)

— Вы со мной,— сказал Гарри.— Все будет в порядке.

Хьюго Бек кивнул, но подождал, пока Гарри и Дан догонят его. Было ясно видно, что он боится.

За пятьдесят ярдов от сооруженной из дерева баррикады был установлен плакат. Он гласил:

ОПАСНО!
ВЫ ВСТУПАЕТЕ НА ОХРАНЯЕМУЮ ТЕРРИТОРИЮ.
НИ ШАГА ДАЛЬШЕ!
ЕСЛИ ВЫ ПРИШЛИ СЮДА ПО ДЕЛУ,
МЕДЛЕННО ПОДОЙДИТЕ К БАРРИКАДЕ,
ОСТАНОВИТЕСЬ
И ЖДИТЕ.
ОГОНЬ ОТКРЫВАЕТСЯ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.
ВСЕ ВРЕМЯ ДЕРЖИТЕ ВАШИ РУКИ
НА ВИДУ.

Под этим плакатом был помещен второй, на испанском, а под вторым плакатом — большое изображение черепа. Рядом с черепом — общепринятый используемый на дорогах символ «Вход и въезд запрещен».

— Странно тут приветствуют гостей,— сказал Дан Форрестер.

* * *

Работы сменялись по кругу. Сегодня у Марка Ческу была радость: настал его черед нести караульную службу. Пусть сегодня кто-нибудь другой делает маленькие камни из больших. Хотя нести охрану — это не всегда хорошо. Прежде приезжали целыми семьями на мотоциклах те, кому удалось пробиться через Сан-Иоаквин. И рассказывали о людоедах и других вещах, еще похуже. Гнать их прочь доставляло не слишком много радости. Марк показывал им ведущую на север дорогу. Дальше по дороге находился лагерь рыболовов; его словно заранее создали, чтобы можно было как-то выжить.

Четыре человека. «Твердыня» могла бы прокормить на четырех человек больше. Но которых четырех? Если этих, то почему не тех? Решение было принято правильное: никого не впускать, если нет особых причин. Но от этого было не легче — смотреть в глаза человеку и гнать его прочь.

Марк сидел за укрытием — стволы деревьев и кусты, отсюда он видел все, но самого Марка разглядеть было невозможно. Его напарник наблюдал за *ним самим.* Однажды Барт Кристофер проявил непозволительную медлительность, и это стоило жизни часовому у ворот...

По дороге к заставе шли три человека. Марк разглядел лохмотья серой формы почтовой службы США и вышел из своего укрытия. Он радостно приветствовал Гарри, но улыбка его увяла, когда он уви-

дел, что все трое направились к баррикаде. Марк глянул на Хьюго Бека и сказал:

— Поздравляю с Днем хлама, Гарри.

— Его привел сюда я,— с вызовом объявил Гарри.— Вы знаете правила, он находится под моей защитой. А это доктор Дан Форрестер...

— Привет, док,— сказал Марк.— Вы и ваша проклятая порция мороженого...

Форрестер ухитрился выдавить из себя нечто вроде улыбки.

— У него есть книга,— сказал Гарри.— У него есть много книг, но эту он принес с собой. Покажите ему, Дан.

Моросил мелкий дождик. Дан не стал распечатывать пакет. Через четыре слоя пластиковой пленки Марк прочитал заглавие: «Работа машин», том 2.

— Первый том хранится в безопасном месте,— сказал Дан.— Вместе с четырьмя тысячами других книг, в которых рассказывается, какими путями можно восстановить цивилизацию.

Марк пожал плечами. Он был абсолютно уверен, что в любом случае в «Твердыне» будут рады Дану Форрестеру. Но будут еще более рады, узнав, что Форрестер располагает ценными для них книгами.

— Какие это книги?

— «Британника» издания 1911 года,— ответил Форрестер.— Далее: книга, выпущенная в 1894 году, в ней приводятся формулы таких вещей, как мыло, а целая глава посвящена тому, как варить пиво из ячменя — начиная с момента, когда у тебя есть только зерно. «Учебник пчеловодства». Ветеринарные справочники, руководства по проведению лабораторных работ — начиная с основ неорганической химии и кончая полным курсом органического синтеза. У меня есть руководства как для оборудования производства 1930 года, так и самого современного. «Справочник радиолюбителя». «Сельскохозяйственный альманах». Руководство «Все о резине». «Постройте сами себе дом» Петерса. Две книги о том, как изготовлять портландский цемент. «Полное руководство оружейного мастера» и комплект армейских наставлений, как следует содержать в боевых условиях пехотное оружие. Руководство по эксплуатации большей части различных марок легковых автомобилей и грузовиков. «Ремонтные работы по дому» Вхилера. Три книги о гидропоническом выращивании растений. Полный комплект...

— Ого! — воскликнул Марк.— Входите, о принц. С возвращением, Гарри. В «большом доме» о вас уже начали беспокоиться. Руки на это бревно, Хьюго. Расставьте пошире ноги. Огнестрельное оружие есть?

— Вы сами видите, что в руках у меня нет пистолета,— ответил Хьюго.— Но пистолет есть — у меня за поясом. Еще у меня есть кухонный нож. Он мне нужен для еды.

— Ваше оружие мы сложим в мешок,— сказал Марк.— Есть вам здесь, вероятно, не придется. Наверное, я не скажу вам «До свидания», Хьюго. А просто прослежу, чтобы вы опять убрались отсюда.

— Не суйте нос не в свое дело.

Марк пожал плечами.

— Что случилось с вашим грузовиком, Гарри?

— Его отобрали.

— Кто-то отобрал ваш грузовик? Вы сказали им, кто вы такой? — Марк не мог поверить.— Черт возьми, ведь это означает войну. Все сомневались, послать ли во внешний мир большой вооруженный отряд. Теперь просто придется это сделать.

— Может быть.— Высказанное предположение, похоже, понравилось Гарри меньше, чем ожидал Марк.

Дан Форрестер прокашлялся.

— Марк, благополучно ли добрался сюда Чарли Шарпс? С ним должно быть еще с пару дюжин людей.

— Он собирался прийти сюда?

— Да. Он хотел добраться до фермы сенатора Джеллисона.

— Он здесь не появлялся.— Марк был смущен. Смутился и Гарри.

К этому уже надо привыкнуть, печально подумал Дан: кто-то бесследно исчезает по дороге. И остается лишь единственный вопрос: будет ли горевать спасшийся о пропавшем?

Гарри прервал неловкое молчание:

— Я доставил послание для сенатора. И доктору Форрестеру очень трудно идти. Может быть, вы довезете нас?

Марк поглядел на него задумчиво:

— Наверное, надо бы протелеграфировать о вашей просьбе. Подождите здесь. Понаблюдайте за дорогой вместо меня, Гарри, я скоро вернусь.

Марк широко развел обе руки и помахал ими, донеся до талии. Сделал он это как бы случайно, так, чтобы Хьюго Бек не догадался, что это сигнал. Затем Марк скрылся в кустах.

Дан Форрестер с интересом наблюдал за этими манипуляциями. Он-то читал Киплинга. И ему стало любопытно, читал ли Киплинга Хьюго Бек.

* * *

Солнце закатывалось за горы. По краю облачного слоя вспыхивали золотые и пронзительно красные огни. После падения Молота

восходы и закаты представляли впечатляющее зрелище. Дан Форрестер знал, что такие световые эффекты надолго. Когда в 1814 году произошло извержение Тамбоуры, из-за выброшенных в небо продуктов извержения закаты сверкали алмазным блеском на протяжении двух лет. А ведь это был всего лишь вулкан — один-единственный.

Дан Форрестер сидел рядом с молчаливым водителем в кабине грузовика. Гарри и Хьюго Бек разместились сзади, в брезентовом кузове. Никаких других машин на дороге не было, и Дан Форрестер по достоинству оценил, какое внимание ему оказывают. Или это внимание оказывается Гарри? Вероятно, бензин имело смысл расходовать ради них двоих. Явись они сюда поодиночке, им пришлось бы идти пешком. Машина ехала сквозь мерцающий светом, моросящий дождь, от обогревателя к ногам Дана шло приятное тепло.

Трупов ни на дороге, ни возле дороги не было. Это первое, что заметил Дан: нигде не видно следов смерти. Дома выглядели как обычные дома, с людьми, живущими в каждом из них. Вокруг некоторых домов были уложены — на случай обороны — мешки с песком, но в большинстве никаких признаков подготовки к обороне вообще не было. Странно, почти невероятно, что существует еще место, где люди чувствуют себя в безопасности настолько, что в окнах их домов — обычные стекла, не прикрытые ставнями.

Дан увидел две отары овец, увидел стада коров и табуны лошадей. Всюду видны были признаки организованной деятельности. Недавно расчищенные поля. На некоторых полях шла пахота (с помощью лошадей, отметил Дан, тракторов нигде не видно). На других полях еще продолжалась очистка, мужчины перетаскивали валуны и выкладывали из них низкие каменные стены. С поясов мужчин большей частью свисали пистолеты. Но не все, кого видел Дан, были вооружены. *Не все.* Машина выехала на широкую и длинную подъездную аллею, ведущую к большому каменному дому. И Дан понимал: в течение ближайших нескольких минут, может быть, даже в течение целого дня ему ничто не будет угрожать, он будет в безопасности. Он может спокойно рассчитывать, что останется в живых как минимум до утра.

Это было странное ощущение.

* * *

На веранде стояли ожидающие их люди. Безмолвно, только с помощью жестов они пригласили Дана Форрестера пройти к ним в

дом. Джордж Кристофер оглянулся и ткнул пальцем в направлении Гарри:

— Вас ждут в доме,— сказал он.

— Одну минуту.— Гарри помог Хьюго Беку выбраться из машины. Затем вытащил из кузова рюкзак Форрестера. А когда он обернулся, ружье Джорджа уже было нацелено прямо в живот Хьюго.

— Это я привел его,— сказал Гарри.— Вам должны были сообщить об этом по телеграфу.

— Нам сообщили о докторе Форрестере. Об этой мрази не сообщали. Бек, ты был изгнан. Я собственноручно выпроводил тебя отсюда. Разве я забыл сказать: «Сюда не возвращайся»? Наверняка не забыл.

— Он со мной,— повторил Гарри.

— Гарри, вы что, совсем лишились рассудка? Этот подонок, этот мелкий воришка не стоит того, чтобы...

— Джордж, сенатор, безусловно, будет рассказывать вам все новости, которые, по его мнению, вам интересно узнать. Это если я начну обходить ферму Кристоферов стороной.

— Не надо давить на меня,— сказал Джордж. Но дуло его ружья чуть ушло в сторону. Теперь оно не было нацелено ни на кого.— Зачем вы привели его?

— Вы сможете снова, если вам того хочется, прогнать его,— ответил Гарри.— Но мне кажется, что сперва его следовало бы выслушать.

Кристофер несколько секунд обдумывал сказанное. Затем пожал плечами:

— Вас ждут в доме. Проходите.

* * *

Хьюго Бек стоял перед теми, кто будет решать его судьбу.

— Я пришел, чтобы сообщить вам сведения,— сказал он. Сказал это слишком тихо.

Их, его судей, было не так и много. Точнее, совсем мало. Дик Вильсон, Эл Харди, Джордж Кристофер. И остальные. Гарри поразило (как это поражало и прочих): астронавты похожи на богов. Гарри узнал Бейкера: он видел его фотографию на обложке «Тайм». И нетрудно было понять, кем являются остальные. Красивая, все время молчащая женщина — это советский космонавт. Гарри сразу воспламенился желанием поговорить с

ней. Но пока что придется ему говорить с другими людьми и о других вещах.

— Вы понимаете, что вы делаете, Гарри? — спросил Эл Харди. Его тон не оставлял сомнений, что это действительно вопрос,— как будто он был не совсем уверен, что Гарри продолжает находиться в здравом уме.— Это ваша обязанность — сообщать сведения. А вовсе не Бека.

— Я это знаю,— ответил Гарри.— Но я подумал, что вам следует услышать это из первых рук. В это несколько трудно поверить.

— В это я могу поверить,— сказал Джордж Кристофер.

— Можно я сяду? — спросил Гарри. Харди показал ему рукой на стул, и Гарри подвинулся вместе со стулом на задний план, подальше. Ему очень хотелось, чтобы Хьюго выказал чуть побольше мужества. То, как он себя вел, рикошетом било и по Гарри. Принимали сейчас не так, как обычно: ни кофе, налитого в чашки китайского фарфора, ни порции виски.

Правильный учет сил являлся для «Твердыни» вопросом жизни и смерти. Действуй, причем действуй наилучшим образом, или постой в стороне. Гарри пытался как раз остаться в стороне, ему доставляло наслаждение сознание своей необходимости, причем без того, чтобы самому быть вовлеченным в хитросплетения местной политики. Но на этот раз он не в стороне. Серьезно ли обиделся на него Кристофер? И действительно ли наплевать ему, обиделся Джордж или не обиделся? Довольно странно, как после падения Молота понизился уровень мужества Гарри.

— Мы изгнали его,— сказал Джордж Кристофер.— По моему приказу — его и того самого Джерри Оуэна. Черт возьми, их выкинуло даже Братство, и тогда эти подонки попытались прожить, обкрадывая нас, они крали у нас последнее. И еще Оуэн пытался обучать *коммунизму моих рабочих*! Бек вернется сюда только через мой труп. Лишь через мой труп... Бег!

Кто-то тихо рассмеялся — то ли Леонилла Малик, то ли Петр Яков. Больше никто не обратил на оговорку внимания. Ничего смешного в том, что сейчас происходило, не было. И тут-то Гарри подумалось, не перегнул ли он палку.

— Пока вы занимаетесь Хьюго Беком, доктор Форрестер умирает от усталости,— сказал Гарри.— Можете вы что-нибудь для него сделать или это будет зависеть от того, как вы порешите с Хьюго Беком?

Эл Харди даже не отвел взгляда от центра комнаты, где Кристофер испепелял Бека.

— Эйлин!— позвал он.— Отведите доктора Форрестера на кухню и позаботьтесь о нем.

— Хорошо.— Вошла Эйлин. Должно быть, она все это время

находилась в прихожей. И увела Дана Форрестера. Астрофизик двигался, идя за ней, словно деревянный. Очевидно было, что он чуть не теряет сознание от изнеможения.

Хьюго Бек облизнул свои толстые губы.

— То, что я расскажу, стоит пищи,— сказал он, потея.— Ч-черт, стоит хотя бы черствого содового крекера. Я ведь не просто так хотел узнать, здесь ли вы еще.

Его заявление вызвало недоумевающие взгляды.

— Мы здесь,— сказал Эл Харди.— У вас есть для нас информация или нет? Я еще не будил сенатора, а он хотел поговорить с Гарри.

Хьюго сглотнул слюну.

— Я был с бандитами. С армией Нового Братства.

— Сукин сын,— сказал Дик Вильсон.

— Как долго? — спросил тотчас насторожившийся Эл Харди.— Вам удалось что-нибудь узнать?

— Или,— добавил Кристофер,— ты сбежал, воспользовавшись первым удобным случаем?

— Я узнал достаточно, чтобы, черт побери, мечтать, чтобы это навсегда исчезло из моей памяти,— ответил Хьюго. И Гарри кивнул: это была чистейшая правда.

— Может быть, будет лучше, если вы нам все расскажете по порядку,— сказал Харди. Обернулся в сторону кухни: — Алис, принеси нам стакан воды.

Он завладел их вниманием, подумал Гарри. Теперь, черт побери, говори так, как полагается говорить мужчине!

— Их больше тысячи,— сказал Хьюго. И заметил, как вздрогнул при этих словах Дик Вильсон.— Женщин, наверное, процентов десять, а может, и больше. Это большого значения не имеет. Подавляющее большинство женщин вооружено. Не могу сказать, кто действительно стоит во главе их. Похоже, что какой-то комитет. Потом, они очень хорошо организованы, вымуштрованы... но, о Господи, они полностью сумасшедшие! Этот сумасшедший проповедник, который является одним из их лидеров...

— Проповедник? — прервал его Дик Вильсон.— Значит, они покончили с людоедством?

Хьюго глотнул и покачал головой:

— Нет. Ангелы Бога не покончили с людоедством.

— Я лучше позову сенатора.— И Эл Харди вышел из комнаты. Вошла, неся стакан воды, Алис Кокс и огляделась вокруг непонимающе.

— Просто поставь стакан на стол,— сказал Джордж Кристофер.— Хьюго, пока можешь подождать рассказывать свою историю.

— Тогда я скажу вам, почему я покинул Графство,— сказал Хьюго.— Мою собственную землю! Мою собственную, черт побери! Мне все время приходилось вдвое больше работать, чем кому-либо из них. После падения Молота они заявили, что их права на землю не меньше, чем у кого угодно другого. Так, а? Мы все равны, именно это я и сам утверждал. Ладно, каждый из них, черт бы их побрал, должен доказать как-то, что мы с ним равны,— у всех были шансы. Справедливо?

Все промолчали.

— Все, что я хотел,— это работать и чтобы было место для спанья,— продолжил Хьюго. Огляделся вокруг. То, что он увидел, добра не сулило. Кристофер не скрывал своего презрения к человеку, не знающему, как справиться со своими собственными руками. Дик Вильсон боялся слушать — и боялся не слушать. Эйлин стояла у двери, возле стула, где сидела женщина-космонавт. Обе они внимательно слушали, никак не выдавая своих эмоций. У Гарри был кислый вид. Он явно сомневался, стоило ли вообще приводить сюда Хьюго. Мэр Зейц...

Мэр внезапно встал и толкнул незанятый стул по направлению к Хьюго. Хьюго тяжело упал на сиденье.

— Спасибо,— прошептал он.

Мэр молча протянул Хьюго стакан с водой и снова сел.

Леонилла вполголоса заговорила с Петром. В комнате было тихо, и все слышали ее певучую речь. Все смотрели на нее, и Леонилла перевела:

— Совещание президиума,— сказала она.— По крайней мере, так, по моим представлениям, должно проходить такое совещание. Прошу прощения.

Джордж Кристофер нахмурился. Сел на стул. Подождали еще недолго, и наконец вошел Эл, сопровождающий сенатора. Харди остановился в дверях и сказал поджидающей в прихожей Алис:

— Алис, ты не сможешь съездить за Рэнделлом? И пожалуй, за мистером Хамнером. Возьми с собой лошадей для них.

На сенаторе Джеллисоне были ковровые шлепанцы и халат поверх брюк и белой рубашки. Его седые волосы остались почти непричесанными. Он вошел в комнату, кивнул, здороваясь, всем, затем посмотрел на Гарри.

— Рад, что вернулись к нам,— сказал он.— Добро пожаловать. Мы о вас уже начали беспокоиться. Эл, почему никто не предложил Гарри чашку чая?

— Я сейчас распоряжусь,— ответил Харди.

— Благодарю,— сенатор прошел к своему креслу с высокой спинкой, сел.— Извините, что заставил вас ждать. Мне советуют днем чуть подремать. Мистер Бек, вам кто-нибудь что-либо обещал?

— Только Гарри.— То, что ему предложили стул, вернуло Хьюго некоторую долю самообладания.— Мне здесь позволят жить. Это все.

— Прекрасно. Рассказывайте вашу историю.

Хьюго кивнул:

— Помните, вы выгнали меня и Джерри Оуэна? Джерри тогда просто обезумел. Готов был убивать. Он говорил о... ну, о мести. О том, что взойдут семена бунта, которые он насадил в души ваших людей, мистер Кристофер.

Джордж широко улыбнулся:

— Они избили его почти до смерти.

— Точно. Джерри не мог идти слишком быстро. А мне не хотелось идти одному. Очень уж страшно все было. Однажды кто-то выстрелил в нас, без всякого предупреждения, просто «бах!», ну, мы удрали сломя голову. Мы направились к югу, потому что туда вела дорога, а у Джерри не было сил лазить по горам, если б мы двинулись в Сьерру. И у меня тоже на это сил не хватило бы. Мы шли весь день и большую часть ночи, и я не знаю, как далеко мы зашли, потому что у нас была лишь старая карта, изданная нефтяным профсоюзом, а все вокруг изменилось. Джерри разыскал какое-то растение с зернами, такие растения росли вдоль дорог по обочинам. Они, эти растения, выглядели как сорняки, но он сказал, что их зерна можно есть, а на следующий день нам удалось разжечь огонь, и мы их сварили. Они показались вкусными.

— Ладно, мы не нуждаемся в том, чтобы выслушивать рассказ о каждой еде, которую вам удалось украсть или у кого-либо выклянчить,— проворчал Кристофер.

— Извините. Но следующая часть рассказа важна. Джерри говорил мне странные вещи. Вы знали, что его разыскивало ФБР, и не только ФБР? Он был генералом...— Хьюго сделал паузу,— освободительной армии Нового Братства,— и Хьюго опять замолчал, чтобы дать слушателям осознать сказанное.

— Новое Братство,— протянул Харди.— Мне кажется, сходится.

— Я тоже так думаю,— сказал Хьюго.— Во всяком случае, Графство служило для него убежищем. Он держал рот на замке, и мы до самого падения Молота ничего не знали. Мы с ним, вероятно, находились на земле мистера Вильсона, и я начал подумывать, а не бросить ли мне Джерри. То, что мы шли медленно, меня не беспокоило, но как бы мне удалось войти в число людей мистера Вильсо-

на, если Джерри хотел начать народную революцию? Если б я увидел, скажем, светящееся окно, я бы тут же бросил его и Джерри бы никогда не узнал, куда я делся.

Но мы ничего не видели. Один раз видели грузовик, но он не остановился. Еще видели забаррикадированные дома фермеров. Если мы пытались подойти ближе, фермеры спускали на нас собак. Мы продолжали идти к югу, нам все больше хотелось есть, а примерно на третий-четвертый день мы повстречали толпу, все как один — кожа да кости. Каждый из них выглядел так, будто он потерял последнюю надежду. Но были среди них и другие — по меньшей мере человек пятьдесят,— у которых вид был не такой, будто они умирают с голоду.

Я хотел было убежать от них, но Джерри пошел прямо к ним. Он сказал мне, чтобы я шел вместе с ним, но они никак не походили на людей, к которым мне бы хотелось присоединиться. Я подумал, что, может быть, это людоеды, о которых рассказывал нам Гарри, но они не казались опасными, они просто выглядели как люди, у которых все кончено.

— На них была солдатская форма? У них было оружие? — спросил Дик Вильсон.— Ружья?

— Я не подходил настолько близко, чтоб увидеть, какое у них было оружие, но солдатской формы на них не было.

— Тогда это была не армия Нового Братства.

— Вы просто слушайте,— вмешался Гарри.— Он еще не закончил.

Вошла, неся поднос, Эйлин.

— Пожалуйста, ваш чай, Гарри.— Она налила чай в чашку, поставила ее на стол, стоящий рядом с почтальоном.— Ваш чай, сенатор.

Бек глянул на чашку Гарри, затем сделал маленький глоток из своей чашки с водой.

— Итак, Джерри присоединился к этим людям, а я — нет. Я думал, что больше его не увижу. Теперь я мог вернуться снова на землю мистера Вильсона. Но вместо этого я наткнулся на одну старую леди и ее дочь. Они жили в маленьком домике посреди миндальной рощи, у них не было никакого оружия. Никто до тех пор не доставлял им беспокойства, потому что они жили вдалеке от дороги, а из дому они не выходили с самого падения Молота. Девушке было семнадцать, она была нездорова. У нее была сильная лихорадка — вероятно, от воды. Я стал им готовить еду,— с вызовом сказал Хьюго Бек.— Свою собственную еду я отрабатывал.

— Чем же вы питались? — спросил мэр Зейц.

— В основном миндалем. Еще у старой леди был некоторый запас консервов. И примерно два бушеля картофеля.

— Что потом произошло с ними? — спросил Джордж Кристофер.

— Я как раз перехожу к этому,— Хьюго Бек содрогнулся.— Я оставался там три недели. Черил была очень больна, но я все время кипятил для нее и ее матери воду, и она стала выздоравливать. Ей уже стало намного лучше, когда...— Бек замолчал. Было видно, как он пытается овладеть собой. В глазах его стояли слезы.— Я действительно любил ее,— и Бек замолчал снова. Все ждали.— Но мы никуда не могли уйти из-за миссис Хоурн, матери Черил. Миссис Хоурн все уговаривала нас уйти, прежде чем кто-нибудь разыщет нас, но мы не могли этого сделать.— Бек пожал плечами.— И нас разыскали. Сперва мимо проехал джип. Он не остановился, но вид у людей, ехавших в нем, был угрожающий. Мы решили, что надо бежать, но не успели пройти и мили, когда к дому подъехал грузовик и те, кто приехал в нем, кинулись нас искать. Я думаю, они нашли нас по следам, потому что очень скоро нас остановили. Их было примерно человек десять. Они все были вооружены, и они захватили нас. Они нам не сказали ни слова. Они просто кинули Черил и меня в грузовик и повезли. Я думаю, что остальные захватили дом, где оставалась миссис Хоурн. Что произошло дальше, я знаю точно. Они не разрушали такие дома. И я уверен, что они убили ее, но как именно убили, я не знаю.

Нас провезли в грузовике несколько миль. Когда мы приехали, было уже темно. Они разожгли костры. Костра три-четыре по крайней мере. Я все спрашивал, что они собираются сделать с нами, а они все отвечали мне, чтобы я заткнулся. Наконец один из них мне все объяснил кулаками, и больше я никого не спрашивал. Когда мы приехали в лагерь, нас присоединили к другим захваченным ими людям, таких было примерно дюжины две. И нас окружили часовые с ружьями.

Некоторые из людей, к которым нас поместили, было ранены. Покрыты кровью. Пулевые ранения, раны от ножа, переломанные кости...— Хьюго опять содрогнулся.— Мы радовались, что не стали им сопротивляться. Пока мы так ждали, двое раненых умерли. Нас огородили колючей проволокой, и караулили нас трое с автоматами. И все время поблизости был еще кто-нибудь — с ружьями.

— В форме? — спросил Дик Вильсон.

— Некоторые — в форме. Например, один из тех, что были с автоматами. Чернокожий с нашивками капрала.— Хьюго, похоже, продолжал свою историю с неохотой. Слова текли медленно, для каждого требовалось какое-то усилие.

Эл Харди вопросительно взглянул на сенатора. Сенатор кивнул, и Эл обернулся к стоящей в дверях Эйлин. Кивнул в направлении

своего кабинета. Эйлин ушла быстрым шагом: ей не хотелось, чтобы рассказ прошел мимо нее.

— Черил и я поговорили с другими пленниками,— сказал Хьюго Бек.— Произошло сражение, и они его проиграли. Они были фермерами, организовались — наверное, так, как это сделано у мистера Вильсона: объединение соседей, пытающихся совместно выжить без посторонней помощи.

— Где это было? — спросил Дик Вильсон.

— Не знаю. Но это уже не имеет значения. Их там больше нет,— ответил Хьюго.

Вошла Эйлин, в руке — наполовину наполненный стакан. Передала его Хьюго Беку:

— Пожалуйста.

Хьюг отпил, огляделся испуганно, выпил снова, сразу осушив половину содержимого стакана.

— Спасибо. «О Господи, спасибо тебе».— Виски в какой-то степени помогло, голос его звучал тверже, но взгляд, бегавший по лицам присутствующих, по-прежнему оставался затравленным.— Потом пришел проповедник,— сказал Хьюго.— Он вошел к нам, за ограду из колючей проволоки. Понимаете, я был так напуган, что не запомнил всего, что он говорил. Его звали Генри Армитаж, а мы были захвачены Ангелами Бога. Он много говорил, иногда по-простому, а иногда таким особым церковным тоном, часто повторяя: «братья мои» и «люди Божии, слушайте и уверуйте». Все мы спаслись не случайно, сказал он. Мы пережили конец света, и теперь у нас в этой жизни есть цель. Мы обязаны закончить дело Бога. Обрушился Молот Господень, и люди Бога должны довести до конца святое дело. Но всерьез я начал слушать его, когда он сказал, что у нас есть выбор: либо присоединиться к ним, либо умереть. Если мы решили присоединиться, то тогда мы будем обязаны убить тех, кто откажется присоединиться, а потом...

— Подождите-ка минуту,— в голосе Джорджа Кристофера смешивались неподдельный интерес и недоверие.— Генри Армитаж — это был проповедник, выступавший по радио. Я не один раз слушал его. Это был хороший и умный человек. А теперь ты утверждаешь, что он сумасшедший?

Хьюго было трудно глядеть прямо в глаза Кристоферу, но голос его был тверд:

— Мистер Кристофер, то, что изменило его, произошло так задолго до нашей встречи, что уже не понять, когда именно это было. Послушайте, вы сами знаете, сколько человек повредилось в уме, когда произошло падение Молота. У Армитажа было больше причин свихнуться, чем у подавляющего большинства остальных.

— Он был умным. Все, что он говорил, было умным. Ладно, продолжим. Так на чем он свихнулся, на каком пункте, и зачем ему понадобилось беседовать с вами?

— Да ведь как раз об этом он нам прямо сказал! Он рассказал нам, как он понял, что Молот Божий приведет к концу света. Он предупреждал, как только мог, с помощью радио, телевидения, газет...

— Тут все правильно,— сказал Джордж.

— И когда настал день, он вместе с пятьюдесятью своими наиболее верными товарищами — не просто членами его церковного объединения, но именно с *товарищами* — и со своей семьей отправился в горы. Чтобы с вершины горы наблюдать за концом света. Они видели три удара — три столкновения обломков Молота с Землей. Потом они пережили этот жуткий дождь, который начался как поток воды, перемешанный с комками горячей грязи, а закончился наводнением, походящим на Ноев потоп, и Армитаж все ждал появления ангелов.

Когда он сказал это, никто из нас не рассмеялся. Кстати, его рассказ слушали не только пленники, но и многие из... Ангелов Бога, как они сами себя называли. Они стояли вокруг и тоже слушали. И они все время кричали «Аминь!» и наставляли на нас свои ружья. Мы не смели смеяться.

Армитаж ждал, когда ангелы предстанут перед его паствой. Но ангелы так и не появились. И тогда он со своими товарищами в поисках безопасного места начал спускаться с горы, они спускались все ниже и ниже.

Они шли берегом моря Сан-Иоаквин и повсюду видели трупы. Некоторые из товарищей Армитажа утратили всякую надежду и умерли. Он пришел в отчаяние. Они видели ужас во всех его проявлениях, они шли по местам, где побывали людоеды. Некоторые его товарищи заболели, двое были застрелены, когда они пытались подойти ближе к полузатопленной школе...

— Хватит об этом,— сказал сенатор.

— Хорошо, сэр. Слушаюсь. В следующей части его речи разобраться было труднее. Все время Армитаж пытался понять, почему, черт возьми, нет никаких ангелов... так он говорил. Где-то во время своих скитаний он это понял. Кроме того, в определенной мере на разгадку его натолкнул Джерри Оуэн.

— Оуэн?

— Да. Это и была группа, к которой он присоединился. Если верить Джерри, то именно он вдохнул новую жизнь в Армитажа. Не знаю, какая доля тут правды. Есть ли тут вообще правда. Знаю только, что вскоре после того, как Джерри присоединился к нему, Армитаж вместе со своими людьми вошел в состав банды людоедов,

и теперь банда называется армией Нового Братства, а руководят ею Ангелы Бога.

— А Джерри Оуэн их главнокомандующий? — сказал Джордж Кристофер. Похоже, все, что он до сих пор слышал, представлялось ему до невозможности странным.

— Нет, сэр. Я не знаю, какой пост он занимает. Он что-то вроде лидера, но мне не показалось, что он самый главный. Поверьте, я это говорю с радостью. Мне даже просто нужно было об этом сказать.— Хьюго приподнял свой стакан с виски и уставился на него.— Вот что нам рассказал Армитаж, нам и каннибалам.

Допивая виски, Хьюго дал себе время подумать. Правильно делает, подумал Гарри. Он не намерен огорчать меня.

— Дело, начатое падением Молота, еще не закончено,— сказал Хьюго.— У Бога вовсе не было намерений положить конец роду человеческому. Бог намеревался уничтожить лишь цивилизацию, чтобы человек мог снова жить согласно Его предначертаниям. В поте лица своего должен добывать он свой хлеб. Не будет более загрязнения суши, морей и воздуха. Загрязнения отбросами индустриальной цивилизации, уводящей человека все дальше и дальше от предначертанного Богом пути. Мы, безусловно, были пощажены, чтобы закончить дело, начало которому положил Молот Бога.

И те, кто был пощажен, чтобы закончить это дело, являются Ангелами Бога. Они не могут ошибаться. Убийства и каннибализм — то, что они обязаны делать, это не кладет пятно на чистоту их души. Армитаж убеждал нас присоединиться к Ангелам.

Их собралось уже с две сотни, они размахивали автоматами, дробовиками, топорами и ножами. Была одна девушка, которая размахивала вилами. Клянусь в этом, вилами — с двумя зубьями, с деревянной рукояткой... Все это служило очень убедительным доводом. Но наиболее убеждал сам Армитаж. Мистер Кристофер, вы же слышали его, он умеет очень хорошо убеждать.

Кристофер промолчал.

— А все остальные кричали: «Аллилуйя!» и «Аминь!» — и по воле Божьей среди них был Джерри, он размахивал топором и кричал вместе с остальными! Джерри было по душе происходящее, все, что сейчас происходило, было ему по душе, я видел это по его глазам. Он смотрел на меня так, будто никогда не встречался со мной прежде, будто это не я позволил ему жить в моем доме в течение нескольких месяцев.

Сидящий в своем похожем на трон кресле сенатор все время слушал, полуприкрыв глаза. Теперь он устремил взгляд на Бека и сказал:

— Подождите минуту, Хьюго. Вы не находите, что все это очень походит на цели, которые ставило перед собой Графство? Жизнь среди природы, пища лишь естественного происхождения, взращенная самостоятельно, никакой политики, никакого загрязнения окружающей среды. Разве это не то самое, чего вы добивались? Похоже, что Армитаж хотел того же, что и вы.

Предположение сенатора привело Хьюго Бека в ужас.

— О нет, сэр! Нет. Я еще до падения Молота начал понимать, что вовсе не все в наших целях правильно, а уж *после*... Сенатор, мы просто не понимали, что нас окружает, нам необходимы вещи, произведенные современной цивилизацией. Ого, да у нас были две микроволновые кухонные плиты! А эти проклятые ветряки так и не давали достаточно электричества, чтобы можно было зарядить батареи. Микроволновые плиты почти не могли работать, а когда ударил Молот, ураган просто-напросто сдул наши ветряки! Мы пытались выращивать посевы, не применяя искусственного орошения, с помощью одних лишь органических удобрений, без инсектицидов — и большая часть урожая досталась вовсе не людям, а жукам и прочим насекомым! После этого я предложил ввести в обиход опрыскивание, но этого делать не стали, а вместо этого, черт побери, кому-то каждый день приходилось ползать по земле и собирать насекомых с листьев салата! И потом, у нас был грузовик, мотороллер и силовой двигатель. У нас была звуковоспроизводящая аппаратура высокой точности и набор записей Галадриля. Еще у нас была аппаратура для киносъемок, в том числе стробоскопический источник света, и были электрогитары. У нас была электрическая посудомойка и сушилка для одежды, но мы, чтобы сберечь горючее, обычно вовсе ничего не стирали, а если и стирали, то высушивали просто на воздухе. О, конечно, иногда мы занимались стиркой и стирали вручную, но обычно нам не хотелось этим утруждать себя, и для каждой стирки требовался какой-то особый повод.

А аспирин, а иголки, булавки, а швейная машина, а большая, спасибо за нее Господу, большая чугунная кухонная плита, та, которую сделали в Майне...

— Значит, я могу расценивать сказанное вами как то, что вы не были согласны с Армитажем? — спросил сенатор Джеллисон.

— Нет, я не был согласен. Но я держал свой рот на замке и наблюдал за Джерри. Он казался важной персоной, и я понимал, что если он смог войти в их ряды и ему настолько доверяют, что дали топор, то то же самое по силам и мне. Черил и я переговорили об этом, переговорили шепотом, потому что нам было запрещено прерывать Армитажа, и мы согласились на том, что нам следует присоединиться к ним. Я хочу сказать: а

разве у нас был выбор? Вот мы и присоединились. Сказать по правде, все мы присоединились. В тот раз. Двое потом передумали — под конец.

Казалось, язык отказывается повиноваться Хьюго. Он обвел комнату молящим, ищущим взглядом и ни на одном лице не увидел сочувствия. И он сказал торопливо:

— Сперва мы должны были убить тех, кто откажется присоединиться. Наверное, нам дали бы для этого ножи, но точно не знаю, потому что все сказали, что хотят присоединиться к ним. Потом мы должны были приготовить мясо. Это мы сделали, потому что уже четыре пленника умерли от пулевых ранений. Похожий на кролика, маленького роста тип сказал нам, что двоих умерших пускать на мясо не следует, потому что они чем-то там, видимо, были больны. Мясо приготовляется только из здоровых! Я позднее говорил с ним и...— Хьюго замигал.— Впрочем, это пустяки. У них было два больших котла для мяса. Мы должны были нарезать мясо. Черил становилось все хуже. Мне пришлось помогать ей. Нам дали ножи, и мы разрезали трупы на куски, а этот похожий на кролика доктор проверил каждый кусок, прежде чем тот был заложен в котел. Я видел, как одна женщина взяла мясницкий нож и все стояла, глядя... на это... на нижнюю половину умершего мужчины, а потом ее вырвало, и она кинулась на охранника, и ее застрелили, а потом этот похожий на кролика доктор осмотрел ее, и тогда мы ее тоже разрезали на куски...

И все время, пока мясо... приготовлялось, Армитаж продолжал проповедовать. Он мог проповедовать без остановки часами. Все Ангелы говорили, что это знак, чудесное знамение, что человек его возраста не мог бы без чуда проповедовать, не уставая. Он все кричал, что для Ангелов Бога нет ничего запретного, что наши грехи прощены, а затем все было готово, и мы ели, а один парень... когда резали мясо, у него все шло хорошо, но есть он не смог, и тогда нам приказали, и мы повалили его и перерезали ему глотку.

Хьюго уже не мог дышать. В комнате было тихо.

— И вы ели,— сказал сенатор Джеллисон.

— Я ел.

— Надеюсь, после этого ты не станешь рассчитывать всерьез, что сможешь остаться здесь? — чуть ли не любезным тоном сказал Джордж Кристофер.

Гарри посмотрел на женщин. Эйлин выглядела спокойной, но Гарри заметил, что ее глаза ни разу не встретились с глазами Хьюго. А советская женщина-космонавт смотрела на Хьюго с нескрываемым ужасом. Гарри вспомнил, как его сестра хотела наполнить ванну и увидела ползущего по стене ванной громадного паука. Сестра смотрела почти так же. Глаза женщины были широко раскры-

ты. Казалось, она силой принуждала себя остаться на месте, не убежать подальше отсюда. Она не могла отвести в сторону своего взгляда.

«Нужно отметить вот что. Типичный капиталист под давлением угрожающих ему обстоятельств проявляет определенные наклонности, которые можно предсказать заранее, склонности к убийству и каннибализму...»

Гарри взывал к Богу, чтобы никто не обратил внимания на то, что с ним творилось. Никто, кроме него, не напрягал все силы, чтобы не расхохотаться. И если б Гарри сидел у стола, на виду у всех, ему просто-напросто пришлось бы под этот стол залезть.

— Нет. Не очень рассчитываю,— ответил Хьюго.— Остаться... ни здесь, ни где-то еще. В этом их сила. Раз ты ел человеческое мясо, куда же ты сможешь пойти? Ты стал одним из них, ты вместе с этим сумасшедшим проповедником, который говорит тебе, что все идет так, как надо. Ты — Ангел Бога. Ты не можешь ошибаться, не можешь поступать плохо — если только не вздумаешь убежать от них, и тогда ты изменник и вероотступник.— Голос Хьюго упал, он забормотал монотонно: — В этом их сила, иного результата быть не может. Черил не осталась бы со мной. Она собиралась выдать меня. Собиралась, она действительно собиралась это сделать. Поэтому я убил ее. Это была единственная возможность убежать от них, и я убил ее... я не хотел этого делать... но что я еще мог предпринять?

— Сколько времени вы пробыли с ними? — спросил Эл Харди.

— Около трех недель. Было еще одно сражение, и мы захватили еще пленных. А потом произошло то же самое, что и раньше, только теперь я был по другую сторону проволоки, у меня был пистолет, и я кричал: «Аллилуйя!» Мы снова двинулись на север, к землям мистера Вильсона, и, когда я увидел Гарри, я не осмелился заговорить с ним. Но когда ему позволили уйти...

— Вам позволили уйти? — сказал сенатор Джеллисон.

— Да, сэр. Но они забрали мой грузовик,— ответил Гарри.— У меня есть послание для вас, послание от Ангелов Бога. Вот почему они позволили мне уйти. Когда меня схватили, я сказал им, что я ваш почтальон, что я нахожусь под вашей защитой, и показал им написанное вами письмо. Они засмеялись, но потом Джерри Оуэн сказал...

— Снова Оуэн,— сказал Кристофер.— Нам наверняка следовало бы убить его.

— Нет, сэр. Не думаю, что вам следовало бы это делать,— сказал Гарри.— Если б не он, меня бы здесь не было.

— Итак, Оуэн — один из их вождей,— заметил Эл Харди.

Гарри пожал плечами:

— Его слушались. Но он не отдавал никаких приказов. По крайней мере, я не видел, чтобы он отдавал какие-либо приказы. Но он сказал, что я как раз подхожу для того, чтобы передать вам послание, вот я и доставил его сюда. Я прошел по дороге уже мили две, когда меня догнал Хьюго. А после того, как он сказал, что ему хотелось бы вернуться сюда, я подумал, что будет лучше, если до того, как вы прочтете их письмо, вы выслушаете то, что он рассказал вам.

— Да. Вы правильно поступили, Гарри,— сказал Джеллисон.— Итак, Джордж? Бека изгнали по вашему приказу.

Похоже, Кристофер был ошеломлен всем услышанным.

— Отсрочка на двадцать четыре часа. Может, разрешить ему остаться здесь на ночь, а потом дать ему на дорогу три порции пищи?

— Мне кажется, до того, как мы примем какое-либо решение, нам следует прочитать их письмо,— сказал Эл Харди.— И мы еще не выяснили все, что нам необходимо. Хьюго, каковы их силы? Вы назвали цифру: тысяча человек. Насколько точна эта оценка?

— Это число назвал Джерри Оуэн, беседуя с сержантом Хукером. Думаю, что примерно так оно и есть. Но их будет больше. Они захватили Бейкерсфилд. Жители города не организовались, и они заняли его. И теперь прочесывают город в поисках оружия. И новобранцев.

— Так их уже больше, чем тысяча?

— Да, думаю, что так, но, может быть, не все вооружены. И может быть, еще не все новобранцы... прошли через то самое. Но пройдут обязательно.

— Значит, после... э... церемонии посвящения их силы, возможно, удвоятся,— сказал Харди.— Плохо. Вы упомянули о сержанте Хукере. Кто это?

— Из всех, кто там есть, он, похоже, наиболее близок к тому, чтобы играть роль вождя. Высокого роста чернокожий солдат. Во всяком случае, носит солдатскую форму. Там у них есть генералы и так далее, но сержант Хукер главнее их всех. Мне нечасто приходилось видеть его. У него своя собственная палатка, и, куда бы он ни направился, он не идет пешком, а едет на машине — с шофером и множеством телохранителей. И Армитаж всегда разговаривает с ним очень вежливо, так, как ни с кем больше не разговаривает.

— Чернокожий,— сказал Джордж Кристофер. Оглянулся на Рика Деланти, который не произнес ни единого слова, пока Бек рас-

сказывал свою историю. Оглянулся — и сразу торопливо отвел взгляд.

— У них есть и другие черные лидеры,— сказал Бек.— Они проводят много времени с Хукером. И нельзя сказать ничего плохого о чернокожих, или чиканос, или еще о ком. В первые пару дней, если скажешь такое, тебя просто побьют. Все равно чернокожий скажет: «Белесый», или белый скажет: «Ниггер». Но если ты не поймешь быстро, что к чему, они посчитают, что ты, значит, не искренне принял их веру...

— На меня коситься нечего,— сказал Рик Деланти.— Я обладал всеми правами, которые считал необходимыми. Вопрос о борьбе за равенство передо мной не стоял.

В комнату вошли Гарви Рэнделл и Тим Хамнер. В руках у них были взятые в библиотеке складные стулья. Эйлин подошла к Тиму и зашептала ему торопливо на ухо. И все постарались не заметить выражение ужаса, появившееся на лице Хамнера. Алис Кокс принесла зажженные керосиновые лампы. Приветливый желтый свет ламп казался сейчас неподходящим.

— Я разожгу огонь, сенатор? — спросила Алис.

— Да, пожалуйста. Хьюго, вы видели, какое у них вооружение?

— Да, сэр. У них много оружия. Ружья, автоматы, пушка, несколько мортир...

— Мне нужны подробности,— сказал Эл Харди.— Мы делаем и сделаем все, что возможно, но положение становится тревожным. Получение всей полезной для нас информации, которой он располагает, возможно, займет не один день. Мистер Кристофер, не можете ли вы пересмотреть свое решение?

Вид у Кристофера был такой, точно ему было дурно.

— Я не хочу, чтобы он был здесь. Он не может остаться здесь.

Харди пожал плечами:

— А губернатор? Хьюго, что вам известно о заместителе губернатора Монтрозе?

— Ничего, кроме того, что он с ними,— ответил Хьюго.— Он всегда среди тех, кто командует, и, куда бы он ни направился, его сопровождает много телохранителей. Совсем как сержанта Хукера. Губернатор никогда не разговаривал с нами, но иногда мы получали послания, подписанные его именем.

— Но кто на самом деле стоит во главе всех? — спросил Харди.

— Не знаю! Я думаю, что комитет. Мне никогда не приходилось беседовать с самыми высшими боссами... Моим боссом была негритянка по имени Касси, высокая, злая, придирчивая. Она *верила!* Подлинные боссы — это Армитаж, сержант Хукер.

Может быть, губернатор. Чернокожий горожанин по имени Алим Нассор.

— Алим Нассор? Я его знал,— сказал Рэнделл.— Однажды мы брали у него интервью. Прирожденный лидер. Обладал большим влиянием в районе Уоттса.

Эйлин отошла от Тима, встала на колени возле Рэнделла. Гарри наблюдал с интересом, как она что-то шептала Рэнделлу на ухо. Можно ли потрясти до глубины души репортера телевидения? Да, можно. Безусловно. И если Гарри хоть сколько-нибудь разбирается в людях — испугать до умопомрачения. Но ведь не только Рэнделл испуган до ужаса. Вид у Дика Вильсона делается все более и более жалкий. Неудивительно, ибо территория, контролируемая Диком, с каждым новым приходом Гарри неуклонно уменьшается в размерах. А теперь Новое Братство стоит уже на пороге исконных земель Дика.

Взгляд Джорджа выражал крайнее отвращение. Наконец он сказал:

— Каждый раз, как я гляжу на него, меня тянет блевать. Сенатор, сколько у вас еще осталось виски? Если вы сейчас мне нальете порцию, позже я взамен вам отдам пинту из моих запасов спиртного.

— Не надо никакого «взамен»,— сказал Джеллисон.— Эйлин, если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, бутылку. Думаю, нам всем было бы полезно чуть выпить. И я хотел бы получить несколько больше информации. Гарри, вы упоминали о письме.

— Да, сэр.

— Вероятно, пока мы пьем, я мог бы прочесть его.

Гарри встал, подошел к креслу сенатора. Из внутреннего кармана вытащил конверт, передал его Джеллисону. Сенатор осторожно распечатал конверт и вынул оттуда несколько листов бумаги. Листки были исписаны от руки — широким пером, превосходным почерком. Гарри очень хотелось прочесть, что там написано, но пришлось вернуться на свое место.

Эйлин внесла полную бутылку «Оулд Федкал», налила всем присутствующим. Никто не отказался. Эйлин налила виски в стакан Хьюго Бека, и Хьюго тут же, жадно глотая, выпил.

И он будет пить теперь весь остаток своей жизни, если только ему удастся находить спиртное, подумал Гарри.

— У них просто голодно или они мрут от голода? — спросил Кристофер.

— Даже не голодно,— ответил Хьюго.— Их врач... такой, похожий на кролика... говорил, что они разыскали и большой запас витаминных таблеток... я и сам съел много таких таблеток...— Он увидел лица окружающих и закричал: — Нет! Я ел человеческое

мясо лишь два раза! Только когда принимал участие в ритуалах! Большей частью еда, которой нас кормили,— это была обычная пища, взятая в супермаркетах. Иногда еще мы ели мясо животных. Им не необходим каннибализм. Мясо людей едят только тогда, когда набирают новобранцев. Это — ритуал.

— Чертовски действенный ритуал,— сказал Гарви Рэнделл. Все обернулись к нему.— Поглядите на Хьюго. На его душу легло клеймо. Клеймо, которое ясно видно всем и каждому. Вы ощущаете именно это, не так ли, Хьюго?

Хьюго кивнул.

— Предположим, я скажу вам, что клеймо это разглядеть невозможно.— Взгляд Хьюго выразил недоумение.— Все правильно,— продолжил Гарви.— Вы-то сами *знаете*, что оно есть.

— Некоторым из них нравится вкус человечины,— Хьюго шептал, но все услышали его.

Голосом, полным ужаса, заговорил Дик Вильсон:

— И я — на очереди! Через четыре дня они заявятся ко мне!

— Вероятно, мы можем задержать их наступление,— Джеллисон поднял взгляд от письма.— Это интересный документ. В нем провозглашается, что власть взял в свои руки исполняющий обязанности губернатора Монтроз. Потом тут адресованное лично мне послание, в нем меня приглашают обсудить условия, на которых руководимая мной община войдет в состав его организации. Выражено это предложение в вежливых тонах, но тем не менее так, что ясно: никаких возражений не допускается. И хотя прямых угроз нам в письме не содержится, в нем описывается, какие несчастья произошли с различными группами, отказавшимися признать его власть. В письме утверждается, что эти группы должны расцениваться как банды мятежников.— Джеллисон пожал плечами.— И никакого упоминания о каннибалах или Ангелах Бога.

— Вы же не хотите сказать... Значит, вы не поверили мне, сенатор? — в совершенном отчаянии спросил Хьюго Бек.

— Я вам верю,— ответил Джеллисон.— Мы все вам верим,— он обвел взглядом комнату, все кивком подтвердили согласие.— Между прочим, нам дается две недели, и о текущей по территории Дика Белой реке упоминается как о реке, текущей по нашей земле. Может быть, так в письме сказано просто для того, чтобы мы не вздумали встать на защиту Дика. Но может быть, это означает, что нападение откладывается...

— Я думаю, что они пока не намереваются вступить в драку с вами,— сказал Хьюго Бек.— Сейчас они хотят добраться до... другого места. Мне кажется, сперва они двинутся туда.

— Куда?

Хьюго — это все заметили — хотел было начать торговлю. Но решил этого не делать.

— К ядерному центру «Сан-Иоаквин». Они узнали, что центр продолжает действовать. И, узнав, буквально обезумели.

В первый раз за все время заговорил Джонни Бейкер:

— Я не знал, что в долине Сан-Иоаквин был ядерный центр.

— Он еще не был введен в строй,— сказал Гарви Рэнделл.— Он был создан совсем недавно. Думаю, что перед падением Молота там как раз шли испытания. Особо его не рекламировали: из-за поборников охраны окружающей среды.

Советские космонавты возбужденно заговорили по-русски. В их разговор тут же вмешались Бейкер и Деланти — только говорили они гораздо более медленно. Потом Бейкер сказал:

— Мы намеревались разыскать действующий силовой центр. Мы думали, что Сакраменто, возможно, уцелеет. Где этот сан-иоаквинский центр? Мы обязаны спасти его.

— Спасти его? — лицо Джорджа Кристофера было серым.— Да можем ли мы спасти сами себя?! Черт побери, мне что-то в это не верится! Каким образом эта армия людоедов так быстро увеличивается?

— Магомет,— сказал Гарви Рэнделл.

— Что?

— Когда Магомет начинал, у него было пять последователей. Через четыре месяца он захватил власть над всей Аравией. Через два года его владения составляли уже пол мира. Новое Братство возрастает в численности примерно по тем же причинам.

Мэр Зейц покачал головой:

— Сенатор... Не знаю, можем ли мы их остановить? Может быть, пока у нас еще есть возможность, лучше уйти в Хай Сьерру?

Ответом было долгое молчание.

ВОЛШЕБНИК

Всякий значительный успех технологии неотличим от волшебства.

Артур С. Кларк

Дан Форрестер дремал, сидя перед кухонной плитой. В плите горели дрова. Ноги Дана были чисто вымыты и забинтованы. Он принял дозу инсулина — надеясь, что лекарство еще сохранило свою силу, боясь, что оно уже испортилось. Дану было очень трудно оставаться бодрствующим.

Над ним хлопотали Маурин Джеллисон и миссис Кокс. Они принесли Дану чистую одежду (сухую одежду!), налили ему горячего чаю. Было очень приятно вот так сидеть и чувствовать, что ты в безопасности. Дан слышал голоса, доносящиеся из комнаты. Он пытался понять, о чем разговаривают, но все время засыпал — и заставлял себя просыпаться.

Всю свою жизнь Дан Форрестер работал, познавая законы, управляющие Вселенной. Он никогда не пытался одушевлять ее. Но после падения Молота в душе Дана Форрестера поселился маленький колючий комок гнева. Гнева на мироздание.

Перед этим тоже был гнев, уже забытый,— гнев, который Дан ощутил, когда в первый раз узнал, что это значит — быть диабетиком. Законы, управляющие Вселенной, не благоволят к тем, кто страдает диабетом. Дан с этим давным-давно примирился. И намеревался он все равно выжить.

Проходил день за днем — и Дан все еще жил. Уставший до смерти, избегающий встречи с людоедами, с каждым днем все более голодный, полностью сознающий, что инсулин портится, полностью сознающий, во что превращаются его ноги,— он продолжал двигаться все дальше. Горячий ком гнева не рассасывался... но сейчас что-то в душе Дана начало таять. Тепло физического комфорта и тепло дружбы привели к тому, что он вспомнил, что он до крайности усталый и больной человек, что собственные ноги ему кажутся

деревяшками. Но он изо всех сил старался не думать об этом: размышления мешали слушать то, о чем говорилось в соседней комнате.

Людоеды. Армия Нового Братства. Посланный сенатору ультиматум. Тысяча человек... они заняли Бейкерсфилд, теперь их число может удвоиться... Дан Форрестер глубоко вздохнул. Поднял глаза на Маурин:

— Похоже, что приближается война. Не было ли здесь поблизости магазина или склада красок?

Маурин нахмурилась, глядя на него. Люди сходили с ума и после меньшего, чем пришлось испытать Дану Форрестеру.

— Магазина или склада красок?

— Да.

— Кажется, был. Да, на окраине Портервилля был «Стандарт Брандз». Сейчас, я думаю, он находится под водой.

Дан попытался собрать воедино разбегающиеся мысли.

— Вероятно, хозяева хранили свои товары в пластиковых мешках. И как обстоят дела с удобрениями? Например, с аммиачными удобрениями? Их можно использовать для...

— Я знаю, для чего используются удобрения,— сказала Маурин.— Да, у нас есть некоторое количество их. Но слишком мало, чтобы надеяться на хороший урожай.

Форрестер снова вздохнул.

— Может быть, удобрения придется использовать для того, чтобы получить хороший урожай. Или, может быть, мы сможем их использовать по прямому назначению позднее. В этих местах было много плавательных бассейнов? А был магазин, продающий оборудование для этих бассейнов?

— Да, такой магазин был. Сейчас он под водой...

— На какой глубине?

Маурин внимательно вгляделась в Дана. Вид у него был ужасный, но в глазах безумия не было — абсолютно никакого безумия. Он знал, что говорит, о чем спрашивает.

— Не знаю. Магазин был обозначен на карте Эла Харди. Это важно?

— Думаю, да...— Дан внезапно замолчал. Он слушал. В соседней комнате говорили об атомной электростанции. Форрестер встал, чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за стул.— Пожалуйста, не поможете ли вы мне туда дойти? — Он сказал это извиняющимся тоном, но в его голосе что-то звучало, что исключало возможность отказа.— О... еще одно. Бензоколонка. Мне понадобится растворитель машинного масла.

Маурин, озадаченная, помогла Форрестеру дойти до прихожей, ведущей в комнату, где происходило совещание.

— Не знаю. У нас была бензоколонка, но очень маленькая. Ра-

зумеется, в Портервилле были другие бензоколонки, побольше, но они располагались вблизи плотины и сейчас находятся на большой глубине. Но зачем? Зачем вам все это?

Форрестер кое-как добрался до комнаты. Вошел в нее, опираясь на руку Маурин. Джонни Бейкер замолчал на полуслове и уставился на него. Уставились на Дана и все остальные.

— Извините за вторжение,— сказал Форрестер. И беспомощно оглянулся в поисках стула.

Мэр Зейц, сидевший ближе всех, вскочил. Форрестер сел на его место, а мэр пошел в библиотеку за складным стулом для себя. Дан часто замигал, оглядывая присутствующих.

— Извините,— сказал он снова.— Кто-то спрашивал, где находится ядерный силовой центр «Сан-Иоаквин»?

— Да,— ответил Эл Харди.— Я знаю, что он находится где-то там, в Сан-Иоаквине, но, черт побери, сейчас он под водой. Его построили как раз посреди долины. Не может быть, чтобы он сохранился и продолжал работать...

— Он был построен на холме Баттонвиллоу,— сказал Форрестер.— Я видел карту, холм возвышается над окружающей местностью примерно на пятьдесят футов. Но я думал, что он все равно затоплен, и, кроме того, я не мог туда добраться из-за людоедов.

Взгляд Харди сделался задумчивым, Эйлин Хамнер торопливо вышла и вернулась с картой. Она расстелила ее на столе перед сенатором. Джеллисон и Харди принялись изучать карту.

Маурин Джеллисон прошла через комнату и села на пол рядом с Джонни Бейкером. Их руки непроизвольно искали друг друга — и нашли, сомкнулись.

— Район вокруг электростанции покрыт примерно пятидесятифутовым слоем воды,— сообщил Эл Харди.— Хьюго, вы *точно уверены*, что она продолжает действовать?

— Ангелы считают, что да. Как я уже говорил, это привело их в бешенство.

— Почему? — спросил Кристофер.

— Священная война,— ответил Хьюго Бек.— Существование Ангелов Бога имеет лишь одну цель: уничтожение запретных дел рук человеческих. Уничтожение того, что осталось от промышленности. Я видел, как они разрушали то, что осталось от угольной электростанции. Они не использовали специальных орудий или динамита. Просто накинулись на нее — с топорами, палками или с голыми руками. Вы понимаете, электростанция уже была полуразрушена. Она подверглась наводнению. Но когда Ангелы закончили свою работу, уже нельзя было угадать, что здесь находилось раньше. И все время Армитаж кричал: «Делайте дело Бога!»

Он на эту тему проповедует каждую ночь. Уничтожение дел рук человеческих. Три дня назад... мне кажется, это было три дня на-

зад...— Хьюго подсчитал на пальцах.— Да. Три дня назад они узнали, что ядерный силовой центр еще работает. Я думал, Армитажа хватит удар! С этого дня он повторял одно: «Уничтожьте цитадель сатаны!» Понимаете, *атомная* энергия! Понимаете, это как бы воплощение всего того, что ненавидят Ангелы. Даже Джерри Оуэн пришел в бешенство. Он иногда говорил, что кое-что может быть сохранено. Гидроэлектростанции, например,— если добиться того, чтобы после восстановления они уже не причиняли вреда окружающей среде. Но атомные электростанции были ему ненавистны еще *до* падения Молота.

— Они намерены уничтожить всю технологию? — спросил Эл Харди.

Хьюго Бек покачал головой:

— Сержант Хукер и его окружение не уничтожают того, что может оказаться для них полезным. Они сберегают все, что может иметь военное значение. Но все они согласны, что в долине не должно быть никакой атомной электростанции. Джерри Оуэн говорил, что он знает способы, как полностью уничтожить ее.

— Мы не вправе позволить им это сделать,— сказал Дан Форрестер. Он весь подался вперед, голос его звучал решительно. Он забыл о том, кем он стал, забыл о своем долгом и мучительном пути сюда, на север, может быть, он даже забыл о падении Молота.— Мы обязаны спасти ядерный силовой центр. Если у нас будет электроэнергия, мы сможем воссоздать цивилизацию.

— Он прав,— сказал Рик Деланти.— Это очень важно...

— Не менее важно, чтобы мы остались в живых,— сказал сенатор Джеллисон.— Мы знаем, что Новое Братство насчитывает свыше тысячи бойцов, а может быть, и намного больше. Сами мы можем выставить человек пятьсот — и многие из них будут плохо вооружены. И лишь некоторые из нас получили военную подготовку. Нам повезет, если мы просто сохраним за собой эту долину.

— Папа,— сказала Маурин.— Мне кажется, что у доктора Форрестера есть некоторые идеи на этот счет. Он спрашивал меня о... Дан, зачем вам понадобилось знать о растворителе масла? Почему вы спрашивали о магазине, продававшем оборудование для плавательных бассейнов? Что вы задумали?

Дан Форрестер вздохнул снова.

— Может быть, мне не следует предлагать это. У меня есть одна идея. Но вам она, может быть, не понравится.

— Ради Господа Бога! — выдохнул Эл Харди.— Если вам известно что-то, что может помочь нам спастись,— скажите! Что вы имеете в виду?

— Ну, вы, вероятно, уже размышляли над этим,— сказал Форрестер.

— Черт побери...— начал Кристофер.

Сенатор Джеллисон поднял руку.

— Доктор Форрестер, поверьте, ваши замыслы никак не могут вызвать у нас отвращение. Или раздражение. Прошу вас: в чем состоит ваша идея?

— Горчичный газ. Термитные бомбы. Напалм. Еще я полагаю, что мы сможем наладить производство нервно-паралитического газа, но в этом я не твердо уверен.

Наступила долгая тишина. А затем сенатор Джеллисон сказал — очень-очень тихо, но все услышали его:

— Сидеть мне в дерьме по уши.

ИСПЕПЕЛЕНИЕ

Погибнуть миру суждено
На будущей неделе,
Но мы скорбим лишь об одном:
О том, чем мы владели...

Старинная
европейская
баллада, 1000 год
нашей эры

Пока Эйлин укладывала вещи в самодельный рюкзак, Тим Хамнер обедал. Со склонов Сьерры дул сильный, пронзительно холодный ветер. Ветер нес с собой мелкий, перемешанный с дождем снег, но в хижину проникнуть он не мог: все щели были заделаны. Крошечная керосиновая лампа Эйлин испускала уютный свет, горела плита; в хижине было тепло и сухо. Тим расслабился на мгновение. Он смотрел в открытую дверцу плиты, на крохотные свивающиеся и вновь выпрямляющиеся язычки голубого пламени.

— Беда — это скорее тигр, затаившийся в своем убежище,— сказал Тим.

Эйлин подняла на него взгляд:

— Что?

— Это из предисловия к научно-фантастической повести Гордона Диксона. Не знаю, на самом ли деле это цитата или Диксон ее сам придумал. Звучит она так: «Беда — это скорее тигр, затаившийся в своем убежище, а не мудрец в окружении своих книг.

Ибо для тебя королевства с их армиями есть нечто могущественное и прочное, а для распределяющего беды и несчастья рока они лишь хрупкие игрушки, которые будут опрокинуты легким движением пальца».

— Он на самом деле может это сделать? — спросила Эйлин.

— Форрестер? Он же волшебник. Если Форрестер сказал, что он может сделать напалм, бомбы и горчичный газ, значит, он на самом деле может все это сделать.— Тим вздохнул.— Не хотелось бы мне, чтобы у нас появились все эти штуки. Меня воспитали в убеждении, что отравляющие газы — вещь скверная. Разумеется, я не считаю, что между газом и пулей большая разница. Смерть есть смерть.— Он взял винтовку, достал из стоящей на столе сумки промасленную тряпку и начал протирать ствол.

— Тебе обязательно надо идти? — спросила Эйлин.

— Мы договорились не обсуждать эту тему,— ответил Тим.

— Меня не волнует, о чем мы там договорились. Я не хочу, чтобы ты уходил. Я...

— Эта идея мне и самому не слишком нравится,— сказал Тим.— Но что мы можем сделать? Форрестер настаивает. Если мы пошлем на атомную электростанцию подкрепление, он останется здесь и создаст ужасающие виды оружия для защиты «Твердыни».— Тим помотал головой в восхищении.— Он — единственный человек в мире, которому удался шантаж против сенатора и Джорджа Кристофера одновременно! Его вечно извиняющийся вид, моргающие глаза и так далее — никогда не подумаешь, что у него такие крепкие нервы. Но он явно не собирается, черт возьми, сказать еще хоть одно слово на тему оружия, пока дело ограничивается обещаниями.

— Но почему ты? — спросила Эйлин. Уложила в рюкзак недавно связанную пару носков из собачьей шерсти.

— А на что я еще гожусь? — вопросом ответил Хамнер.— Ты это знаешь лучше, чем я. Ты помогаешь Харди составлять списки рабочей силы. Как инженер я хуже Брэда. На лошади я умею ездить недостаточно хорошо, так что для почтенного отряда Пола Кристофера я не гожусь... А для отряда смертников — как раз гожусь.

— Ради Бога, не говори так.— Эйлин прекратила паковать рюкзак и подошла к Тиму.

Он погладил ее по животу.

— Не беспокойся. Хоть вплавь, да вернусь.— Тим рассмеялся.— Или вновь исполню наш знаменитый номер «Летучий Голландец» и снова понесусь над водами. Я еще намерен увидеть нашего сына. Или, может быть, дочь. Или двойня? Ты сейчас похожа на перевернутый вверх ногами вопросительный знак.

«Черт возьми, что я болтаю, страх так и прет из меня наружу»,— подумал Тим.

— Тим...

— Мне от этого только тяжелее, Эйлин.

— Хорошо... Я уже все уложила.

Тим нажал кнопку наручных часов.

— До выхода остался еще час,— сказал он. Встал и обнял, прижал к себе Эйлин.— Милая...

— Тим...

— Да-а-а?

Неизвестно, что хотела сказать Эйлин, но сказала она другое:

— Ты забронировал для нас номер в «Савое»?

— Свободных номеров там уже не осталось, все продано. Я найду для нас местечко поближе.

— Отлично.

* * *

Их собралась дюжина, во главе с Джонни Бейкером. Три фермера из владений Дика Вильсона. Джек Росс, зять Кристофера. Тим не был удивлен, увидев среди добровольцев Марка Ческу и Хьюго Бека. Остальные собравшиеся были ему также знакомы: жившие в этой долине фермеры. Но одного мужчину, средних лет, в слишком большой для его роста одежде, Тим не знал. Тим подошел к нему и представился.

— Джейсон Гилкудди,— представился в свою очередь незнакомец.— Я видел вас по телевизору. Рад познакомиться с вами.

— Гилкудди. Я слышал эту фамилию. Но где?

Джейсон усмехнулся:

— Может быть, читали мои книги? Но более вероятно, что вы слышали ее здесь. Я, как и Гарри, женат на Донне, точнее — Донне Адамс. Ее мать из-за этого в недавнем прошлом устраивала настоящие бури.

— О! — Тим проследил за взглядом Гилкудди — тот показал глазами на Гарри и стройную девушку-блондинку, стоявшую рядом с Эйлин. Девушке едва ли было больше девятнадцати лет. Тим забросил свой рюкзак в машину. Винтовку оставил, как раньше,— на ремне через плечо.

— Скоро? — спросил он.

— Чего-то ждут,— ответил Джейсон.— Не знаю, чего именно. Нет смысла стоять здесь так. До скорого.— И Джейсон отошел туда, где стояли Гарри и девушка. Девушка обняла его, и Гарри стоял рядом, наблюдая.

«Интересно, что думает об этом Харди?» — подумал Тим. Он любит, чтобы все делалось изящно и аккуратно. И кем теперь приходятся друг другу Джейсон и Гарри? Шуринами, зятьями, двоюродными мужьями? То, как они устроились, имеет определенный

смысл: ведь Гарри, совершая свои обходы, пропадает на целые недели. А кому-то, пока Гарри отсутствует, нужно работать на куриной ферме. Тим разыскал Эйлин, она стояла рядом с Маурин Джеллисон.

— Моя комета здорово повлияла на обычаи и нравы,— сказал он и кивком головы указал на Гарри, Джейсона и Донну.

Эйлин взяла его руки и крепко сжала.

— Привет, Маурин,— сказал Тим.— Где генерал Бейкер?

— Вот-вот придет.

У них у всех было одинаковое выражение лица — у Эйлин, у Маурин, у Донны. Тиму захотелось рассмеяться, но он подавил этот импульс. У них был вид точно как в старых картинах Джона Уэйна, когда отряд кавалеристов готовит вылазку за ворота крепости. То ли они видели эти картины, то ли Джон Форд в этих фильмах действительно прикоснулся к правде?

Подъехал небольшой грузовичок, из него выскочило двое фермерских рабочих. Из кабины вылез шеф Хартман. Он огляделся, потом подошел к Тиму и Маурин.

— Где генерал? — спросил он.

— В доме.

— Ладно. Все равно особую секретность соблюдать нечего. Мистер Хамнер, пойдите посмотрите, мы привезли вам радиооборудование.— Шеф показал на ящики, которые рабочие перетаскивали к багажу экспедиции.— Комплект автомобильных аккумуляторных батарей. В том ящике — направленная антенна. Установите ее в самом высоком месте, какое только сможете отыскать, и сориентируйте ее на нас. Если ее установить в районе атомной электростанции, это составит двадцать градусов магнитного склонения. Может быть... повторяю: может быть, нам удастся услышать вас. Мы будем слушать вас каждый час без пяти минут до пяти минут следующего часа. По тринадцатому каналу. И учтите, что Новое Братство может перехватить передачу. Все запомнили?

— Да.— И Тим повторил инструкцию.

Из дома вышел Джонни Бейкер. В руках у него была винтовка, на поясе — пистолет. К Джонни шагнула Маурин, обняла его.

Наверняка сегодня у многих были мрачные лица. Тим решил, что изображать беззаботность есть напрасная трата сил. А у Марка Ческу вид был неприлично радостный. Тим услышал, как Марк невинным тоном спрашивал у Гарри:

— Как мы назовем эту войну? Войной из-за грузовика Гарри? — Марк не знал, из-за чего придется воевать. Впрочем, это его и не заботило.

У Хьюго Бека вид был более мрачный, чем у всех остальных. Что ж, у него есть на то причина: если Ангелы поймают изменни-

ка... Хотя, может быть, есть и другая причина: никто и близко не подходил к Хьюго. Бедный ублюдок.

— Чего мы ждем, черт возьми? — вопросил Джек Росс. Телосложением он был похож на Кристофера. Массивный, холерического темперамента человек. На его левой руке отсутствовали три пальца, локоть пересекал шрам: след недоразумения, происшедшего у Росса с уборочным комбайном. Его тонкие светлые усы были почти невидимы — не усы, а некое их подобие.

— Ждем разведчиков,— ответил Бейкер.— Осталось недолго.

— Ладно.

У Рика Деланти настроение, похоже, было преотвратное. Игнорируя всех стоявших рядом, он подошел к Бейкеру:

— Джонни, я хочу идти с тобой.

— Нет.

— Черт возьми...

— Я уже объяснял тебе,— сказал Бейкер. Отвел Деланти в сторону. Тим едва мог расслышать их голоса. Но изо всех сил старался уловить, о чем они говорили. Неважно, что это — подслушивание, соглядатайство.

— Мы не можем рисковать всеми оставшимися астронавтами,— говорил Бейкер.— Не можем оставить здесь кого-нибудь из русских в одиночку. Кроме того, от русских там вообще не будет пользы. Это дипломатическая миссия. А русских, может быть, там встретят неприветливо.

— Прекрасно. Оставь их здесь, а меня возьми с собой.

— А кто будет присматривать за ними, Рик? Они — наши друзья, мы дали им определенные обещания. «Мы приглашаем вас к нам,— сказали мы.— Граждане этой страны помогут вам». Но ты видел, как к ним относятся некоторые фермеры. Русские сейчас особой популярностью не пользуются.

— Чернокожие тоже.

— Но ты популярностью пользуешься. Ты — герой космоса, вот ты кто здесь. Рик, мы обещали им, и мы совершили посадку в *их* корабле.

— Прекрасно. Останешься ты. Отправлюсь я. Черт возьми, Джонни, эта атомная электростанция — дело важное.

— Я это знаю. А теперь вспомни, куда мы направляемся, и скажи, какая мысль возникнет у того, кто увидит чернокожего — увидит его не вблизи, а на расстоянии. Ты не сможешь выполнить роль посла. Заткнитесь и повинуйтесь, полковник Деланти.

Рик помолчал мгновение. А потом сказал:

— Есть, сэр. Я заявляю протест, но не знаю, где сейчас находится генерал-инспектор.

Бейкер похлопал Деланти по плечу, затем подошел к Тиму. Если он и понял, что Тим их подслушивал, виду он не подал.

— Вас ждут в доме,— сказал он.

Хамнер замигал.

— Ладно.

По-прежнему держа Эйлин за руку, он пошел к дому. Лишь с недавних пор можно было заметить, что живот Эйлин увеличился в размерах, тем не менее ей уже трудно стало ходить, она спотыкалась, ей приходилось цепляться за руку Тима.

В гостиной находились Джеллисон, Харди и Дан Форрестер. Форрестер передал Тиму вложенные в пластиковый пакет листы бумаги.

— Здесь изложены некоторые мои идеи. У генерала Бейкера тоже есть копии, но...

— Хорошо,— сказал Тим.

— Если у вас появится возможность, разузнайте, как обстоят дела на западном берегу,— сказал Эл Харди.— Нам бы хотелось знать, что там происходит. И вот перечень того, что очень могло б нам пригодиться.

Тим поглядел на оказавшиеся в его руках бумаги. Сквозь пластик он мог видеть лишь верхний лист. Перечень: оксид железа. (Разыскать склад, где хранились краски, там найти красную краску. Пусть ссохшиеся комья, лишь бы они имели красный цвет. Кроме того, попытаться разыскать свалку автомобилей, там можно наскрести с кузовов ржавчины. Кроме того, попытаться набрать ржавчину где угодно.) Порошкообразный алюминий (искать его в магазинах или на складах красок, его используют для окраски). Гипс...

Список был большой, в большинстве перечисленное в нем казалось ни на что не пригодным. Но Тим знал: на других листах бумаги описывается, как превратить это «ни на что не пригодное» в несущее смерть оружие. Он взглянул на Форрестера:

— Плохо то, что, встречаясь с вами, я начинаю чувствовать себя дураком.

Форрестер смутился.

— Я помню все, что когда-либо прочитал. А читал я много.

— Вам приходилось когда-нибудь нырять с аквалангом? — спросил Эл Харди.

Странный вопрос.

— Приходилось.

— Ладно,— сказал Харди.— Оказывается, эта идея осенила не только вас и Рэнделла. Тем, кто поселился в рыболовном лагере, у Портервилля, удалось раздобыть снаряжение для подводного плавания. Они согласились продать его нам. Вместе с лодками.— Харди сумрачно глянул на Форрестера.— Эта экспедиция обойдется нам в немалую цену. Вы даже не поверите, в какую большую цену. Нам

пришлось и придется еще платить за лодки, а им нужен бензин, которого у нас и так мало. Плюс все эти мешки с добром, которые вы забираете с собой. Первосортные удобрения...

— Я сожалею,— вставил Форрестер.

— Ладно,— сказал Харди.— Хамнер, в долине были расположены города. Сейчас они находятся под водой. Мы надеемся, что вам либо Бейкеру удастся выловить оттуда нужное нам имущество, оборудование и так далее. Оба вы имеете опыт подводного плавания. Но единственный костюм для подводного плавания, который нам удалось купить, оказался маленького размера. Не уверен, сможет ли натянуть его на себя Бейкер. А это означает, что нырять придется вам. В бумагах, которые вам передал Форрестер, есть еще один список. Список того, в чем мы нуждаемся. Но составленный самим Форрестером список в первую очередь.

— Кроме того, нам необходима информация,— сказал сенатор Джеллисон. Голос его звучал устало, и Тиму подумалось, что лицо у сенатора совершенно серое, но, может быть, это лишь кажется из-за желтого света керосиновой лампы.— У нас был непродолжительный радиоконтакт с теми, кто живет на том берегу моря Сан-Иоаквин,— продолжал Джеллисон.— Там находились места нефтеразработок, обширные нефтяные поля, и многое, похоже, уцелело. При радиоразговоре жители того берега вроде бы были настроены вполне дружелюбно, но заранее ничего сказать нельзя. Во всяком случае, разузнайте все, что сможете. Может быть, кое-что известно работникам атомной электростанции. Нам могут понадобиться союзники. Бейкер обладает полномочиями заключать соглашения. Вам такие полномочия не даются, но местные условия вам известны лучше, чем Джонни. Ему понадобятся ваши советы.

Тим поразмышлял.

— Все считают, что те, кто остался в ядерно-силовом центре, настроены к нам дружественно,— сказал он.— А если нет? Я вот сам думал, что в моей обсерватории... во всяком случае, что, если — нет?

— На этот случай Бейкер получил инструкции,— ответил Джеллисон.— Предупредите их насчет людоедов и оставьте в покое. Пусть попробуют управиться сами.

— И посмотрите, что из имущества, находящегося в той долине, может быть спасено вами от разрушения и перейти в нашу собственность,— добавил Харди.— Мы не можем понапрасну тратить человеческие ресурсы и горючее.

В дверь просунул голову какой-то фермер:

— Вернулись разведчики. Все в порядке. Лодки наши.

Харди кивнул.

— Прекрасно. Хамнер, примите на дорогу наши наилучшие по-

желания. А я пойду подсчитаю точно, во сколько обойдется нам все это,— сказал он с неудовольствием и вышел.

Затерявшиеся в черной бороде губы Дана Форрестера сжались в твердую узкую линию. Форрестер далеко не часто показывал, что он рассержен. И стало видно, как он зол, только сейчас, когда он, прежде чем заговорить, помолчал, подбирая слова. Он сказал:

— Отдать на их милость атомную электростанцию было бы не самым лучшим решением.

— Мы спасем ее. Ведь на страже — вы.— И Тим вышел. Ночь была холодна. Еще четыре часа до рассвета.

* * *

Когда грузовик отъехал, Маурин движением ресниц смахнула слезы. Она смотрела, как хвостовые огни уменьшались и наконец исчезли. Машина уехала по шоссе, ведущему к югу. Маурин стояла на холодном ветру, пока огни грузовика не скрылись из виду.

Все это безусловно имеет смысл. Если необходимо послать экспедицию, то логично, что возглавить ее назначили Джонни Бейкера. Он всем известен. Люди должны узнать его в лицо, или, по крайней мере, они наверняка слышали о нем. Никто иной в «Твердыне» не подходил в такой мере для задуманного. Джордж и остальные Кристоферы верхами двинутся в восточную часть долины. Они займут позицию на холмах, организуют фермеров, они всех призовут под ружье, чтобы отразить нападение каннибалов. Но никто по ту сторону моря не станет повиноваться Кристоферам. А в то же время все знают Джонни Бейкера. Джонни-героя.

Ей не хотелось уходить в дом. Там Эл Харди и Гарви Рэнделл работают вместе с доктором Форрестером — планируют распорядок работы на завтра, определяют местоположение оборудования и химикалий, в которых нуждается Форрестер. Возможно, и отец Маурин тоже там. А ей не хочется теперь, после всего, видеть Гарви. И отца видеть тоже не хочется.

— Я, черт меня побери, приз в состязании, черт бы его побрал,— громко сказала Маурин.— Сказка, черт бы ее побрал, оказалась чертовски правдивой. Почему никто никогда не рассказывал, а что чувствует при этом принцесса?

Маурин было трудно возненавидеть своего отца за то, что он поставил ее в положение сказочной принцессы, хотя она и пыталась вызвать в себе ненависть к нему. Но все, что он делал,

оказывалось как нельзя более необходимым, все его действия имели смысл.

«Твердыне» нужно иметь союзников. Люди, которые могут присоединиться к обитателям «Твердыни» в их борьбе с людоедами, населяют гористый район, где можно передвигаться лишь верхом на лошадях или пешком. Эти люди в основном местные. Это очень разумно — послать верхами в горы двадцать местных уроженцев под предводительством местного же уроженца, фермера, прекрасного наездника. То есть Джорджа Кристофера.

И ядерно-силовой центр должен быть спасен — благодаря вежливому шантажу Форрестера. Но, отрезанные от окружающего мира морем, как защитники электростанции смогут отличить друзей от врагов? Лучше всего послать к ним человека, имеющего высокий воинский чин, человека, которого каждый взрослый американец узнает и в безлунную ночь. То есть генерала Джонни Бейкера.

Следовательно, Гарви Рэнделл остается свободным и должен помогать доктору Форрестеру, которого он знал по предыдущим временам, в создании оружия для защиты «Твердыни».

Итак, рыцари разъехались в трех различных направлениях, и тот, кто вернется обратно, выиграв приз — свою собственную жизнь,— получит награду: принцессу и полкоролевства. Может быть, все трое вернутся. Это не исключено. Но когда принцесса имела право выбирать по своей воле?

— Привет.

Маурин не обернулась...

— Он всем известен, всем.

— Да,— ответил Гарви. Ему тоже хотелось бы знать (но он не сказал на этот счет ни слова), какие чувства Ангелы, так сильно ненавидящие атомную электростанцию, испытывают по отношению к космическим полетам? Каждый, вроде Джерри Оуэна, узнает Бейкера с той же быстротой, как и оператор ядерного силового центра.— Именно поэтому его и послали,— сказал Гарви.

Маурин ничего не ответила, даже не обернулась, и Гарви ушел обратно в дом.

* * *

Их было четыре — четыре лодки для двадцати человек. Две лодки были оборудованы каютами — маленькие фиберглассовые лодки, предназначенные для плавания по озерам. Борта у них были над-

ставлены. Еще была двадцатифутовая рыбачья плоскодонка без каюты, также с надставленным бортом. И еще — «Синди Лу». Она была как снаряд. Длиной двадцать футов и такая узкая, что в крошечном кокпите хватало места лишь для двоих. Все остальное пространство «Синди Лу» было занято громадным, некогда сверкавшим хромом мотором.

Прежде борта «Синди Лу» были покрыты яркой, отливающей металлическим блеском оранжевой краской. Теперь большая часть краски осыпалась. И когда Джонни Бейкер провел вдоль «Синди Лу» лучом фонаря, хром не засверкал. Эту лодку строили для морских гонок, но теперь, осевшая под наваленным в нее грузом, с плотом на буксире (на плоту разместили запасы горючего), вряд ли она сможет двигаться слишком быстро.

— Она была для нас подлинной находкой,— сказал Хорри Джексон.— Ее можно использовать для...

— Но она же в ужасном состоянии! Хоть кто-нибудь за нею присматривал?

Руководитель жителей рыболовного лагеря хмыкнул, рассмеялся:

— Разве она плоха? Сенатор хотел получить лодку, которую можно было бы использовать для буксировки груза. А поскольку с вами в экспедицию отправляюсь и я, мне бы хотелось иметь судно, способное при необходимости развить большую скорость. На тот случай, если придется драпать.

— Мы ни от кого не собираемся драпать,— сказал Бейкер.

Джексон широко улыбнулся. Во рту его не хватало одного зуба.

— Генерал, я иду с вами потому, что меня наняли. Некоторые из моих людей идут с вами потому, что посланец сенатора обещал, что их жен приютят в вашей долине, что их будут кормить всю зиму. Но я не понимаю, что понадобилось здесь бывшему астронавту.

— Неужели вас это не заботит? — спросил Бейкер.— Неужели не имеет смысла ее спасти? Может быть, это последняя атомная электростанция на Земле!

Джексон покачал головой.

— Генерал, после того, что я пережил, я разучился заглядывать вперед более чем на день. И все, что сейчас доступно моему пониманию: вы намерены какое-то время кормить меня. Помню...— Лоб Джексона покрылся морщинами.— А ведь кажется, что это было давным-давно. Газеты верещали, что правительство намерено построить ядерный центр прямо у нас под боком, и если случится катастрофа... Дальше не помню. Но перспектива спасения ядерного центра не может вызывать у меня восхищение.

— Как и перспектива спасения чего угодно другого,— сказал Джейсон Гилкудди.

— Пора занять места в лодках,— холодно ответил Хорри Джексон.

Тим Хамнер сделал выбор: в одной из лодок был тент-навес, защищающий от дождя. Он сел рядом с Хьюго Беком. Хватит, Хьюго уже наверняка пресытился тем, что его избегают. Марк и Гилкудди сели в эту же лодку. Хорри Джексон занял место рулевого, оглянулся, разыскав взглядом Джонни Бейкера, взявшего на себя управление «Синди Лу».

— Я не считаю, что она окажется слишком быстроходной для астронавта,— крикнул Джексон,— но если б вы заняли место под тентом, вы бы не так промокли.

Бейкер рассмеялся.

— Что значит небольшой дождь для влюбленного? — Он врубил двигатель «Синди Лу». Мотор заработал со скрежещущим, бьющим по нервам и отупляющим мозг ревом.

Маленький флот, отправляясь в глубь моря, осторожно отплыл от берега. Вода таила опасность: верхушки деревьев, столбы телефонной связи, оставшиеся на плаву обломки зданий. Хорри Джексон прошел в каюту-рубку. Очень медленно повел вперед лодку. Верхушка силосной башни показывала, где находится скрытый водой амбар. Хорри обогнул башню по широкой дуге. Он, казалось, точно знал, где пролегает безопасный фарватер, свободный от островков и прочих препятствий.

Ночь была не совсем непроглядно черной. Тусклое свечение, видимое сквозь завесу мелкого дождя, показывало место, где находилась скрытая плотным облачным покровом луна.

Марк вытащил кукурузные лепешки и раздал их товарищам. Участников экспедиции снабдили мешками с кукурузной мукой, а также достаточным количеством выпеченных из этой муки лепешек, чтобы они могли питаться, пока пересекают море. Одну из лепешек Хьюго Бек передал Хорри Джексону.

— Ого! — вскрикнул Хорри. Он откусил от лепешки, потом целиком запихал ее в рот. Давясь, он пытался одновременно говорить.

— Как раз у меня под ногами сушеная рыба,— наконец сказал он.— Раздайте ее. Вся эта рыба — наша. А если вы можете со мной поделиться тем, что у вас есть,— как это хорошо!

Марка эта реакция ошеломила.

— Что такого особого вы нашли в кукурузных лепешках?

Хорри проглотил забившую его рот лепешку.

— В них нет и кусочка рыбы, вот что! Понимаете, что касается меня, так я знаю одно: весь мир умирает от голода — кроме нас. Мы с голоду не умираем. Первую пару месяцев нам приходилось очень

туго, но потом внезапно стало полно рыбы. Правда, только двух сортов: рыбы-коты и золотые рыбки. Осталась единственная проблема: как их готовить. Мы...

— Подождите,— перебил Марк.— Вы действительно сказали «золотые рыбки», да?

— Они выглядят как золотые рыбки, только большие. Как раз такую рыбку вы сейчас и едите. Гарри Фишер сказал, что золотые рыбки могут вырастать до какого угодно размера. А рыбы-коты в здешних реках всегда водились. Хотите, чтобы я замолчал? Передайте мне тот мешок с лепешками.

Ему передали мешок.

Тим жевал с энтузиазмом. Уже очень давно ему не приходилось есть рыбы, а рыба была на вкус хороша — пусть даже сушеная. Он не мог понять, откуда столь внезапно появилось так много рыбы. Но потом понял, что у этой рыбы — опять же внезапно — появилось очень много пищи. Все эти плавающие в воде трупы. Но эта мысль обеспокоила Тима лишь на мгновение.

— Но почему золотые рыбки? — удивился Марк Ческу.

Гилкудди рассмеялся.

— Это легко понять. Море появилось недавно, а где-то здесь прежде стоял дом, а в доме была комната, а в комнате — аквариум с золотыми рыбками. Вода поднималась, проникнув сквозь разбитое окно, залила комнату, и вдруг те, что служили бессловесной домашней забавой, оказались вышвырнутыми в огромный мир. «Наконец-то я свободна!»— крикнула она.— Гилкудди откусил кусок рыбы и добавил: — Разумеется, за свободу тоже нужно платить.

Хорри, не отвлекаясь ни на что иное, поедал кукурузные лепешки.

Марк порылся в карманах и вытащил крошечный окурок сигары, кинул его в рот и начал жевать.

— За пачку «Лаки Страйк» я бы мог совершить убийство,— заявил он.

— Возможно, вам представится такой случай,— сказал Джейсон Гилкудди.

Марк ухмыльнулся, глядя во тьму.

— Сам на это надеюсь. Потому и вызвался добровольно.

— Правда? — спросил Тим.

— Неправда. Но единственная альтернатива была — раскалывать валуны на части.

Джейсону Гилкудди пришла в голову внезапная мысль, он рассмеялся.

— Ну-ка, поглядим,— сказал он.— За «Лаки Страйк» вы могли бы убить. Значит, за «Тарейтон» — покалечить?

— Верно! — Марк заржал одобрительно.

— А за «Карлтон» лишь обругать,— добавил Хьюго Бек. Все рассмеялись. Но смех тут же затих: люди еще чувствовали себя не в своей тарелке, общаясь с Хьюго Беком.

— Теперь вам известно, почему я здесь,— сказал Марк.— Но почему вы здесь, Тим?

Тим покачал головой:

— Мне эта идея сразу показалась удачной. Нет, я не то говорю. У меня было такое ощущение, будто я в долгу... Люди, мимо которых я проезжал не останавливаясь, полицейские, раскапывающие развалины больницы,— а тем временем к ним неслась волна цунами... К тому же Эйлин беременна.

Он не стал пояснять свою мысль, и Хорри Джексон спросил, не оборачиваясь:

— Ну и что?

— А то, что у меня будут дети. Неужели не понимаете?

— А я здесь,— сказал Хьюго Бек, хотя никто его не спрашивал,— потому, что в «Твердыне» все сторонятся меня.

— Я рад, что вы с нами,— сказал Тим.— Если кто-нибудь захочет капитулировать, вы ему расскажете, что последует за этой капитуляцией.

Бек поразмышлял над сказанным Тимом.

— Люди *не должны* знать, что произошло со мной. Ведь не должны?!

Сидящие в лодке обменялись взглядами.

— Никто не узнает, пока в этом не возникнет необходимости,— торопливо сказал Тим и обернулся к Джейсону.— Вот насчет вас мне непонятно. Вы друг Гарри. Вероятно, вас не должны были назначить добровольцем.

Джейсон рассмеялся.

— Нет, я на самом деле доброволец, без подделки, так что все в порядке. Должен был вызваться добровольцем. Вам не приходилось читать мои книги? — И продолжил, прежде чем кто-либо успел ответить: — Они были заполнены описанием чудес цивилизации, чудес, созданных для нас наукой. Так как же я мог не вызваться добровольно участвовать в этой сумасшедшей затее? — Гилкудди вгляделся в мрак ночи, перевел взгляд на черную воду.— Но пожалуй, мне бы хотелось сейчас оказаться где-нибудь в другом месте.

— Мне тоже,— сказал Тим.— В Лондоне, в отеле «Савой». Вместе с Эйлин. Очень бы мне этого хотелось.

— А Хьюго хочет обратно в Графство,— сказал Марк.

— Нет,— твердым голосом ответил Хьюго Бек.— Нет, я хочу иного — цивилизации.— Никто не прервал его, и Хьюго продолжил с нарастающей горячностью: — Я хочу, чтобы был гоночный автомобиль, я хочу попрактиковаться в беседе с полицейским, вручаю-

щим мне квитанцию за нарушение правил уличного движения. Я хочу посмотреть транслируемые по некоммерческому каналу «Унесенные ветром», и чтоб не было никаких рекламных вставок. Я хочу пообедать в ресторане Мона Гренайра вместе с женщиной, которая не может правильно написать слово «экология», но зато читала «Камасутру».

— И поняла ее сплошь неправильно,— добавил Марк.

— Вы знали Мона Гренайра? — спросил Гилкудди.

— Конечно. Я жил в Тэрзейне. А вы там бывали?

— Грибной салат,— сказал Гилкудди.

— Боуилбайс. С охлажденным мозельским,— сказал Тим. Разговор о кушаньях, которые некогда доводилось есть, но которые есть в будущем уже никогда не придется.

— Я ведь упустил мимо рук большинство своих возможностей,— сказал Хьюго Бек.— Организовал эту проклятую коммуну. Парни, скажу вам честно, ничего у нас не получилось.

— Никогда в это не поверю,— сказал Джейсон. Хьюго замолчал, уловив иронию в голосе писателя, и Гилкудди добавил быстро: — Во всяком случае, то, что мы везем с собой,— именно чудо.— Он стукнул ногой по мешку, лежащему на дне лодки.— Интересно, сработает эта штука?

— Форрестер утверждает, что да,— ответил Марк.— Особенно если вы ее лягнете как следует. Но у нас «этой штуки» немного. Харди скуп, у него много не выторгуешь.

Хорри Джексон, занимавший место у рулевого колеса, обернулся:

— Господи, я бы сказал, что он действительно умеет торговаться. Именно поэтому я здесь.

* * *

Мелкий дождь сделался серым, потом светло-серым. В девяносто трех миллионах миль в восточном направлении — Солнце. Оно безучастно наблюдало за величайшим бедствием, постигшим Землю на протяжении писаной истории человечества. Лодки плыли по бесконечному, усеянному обломками морю. Трупы людей и животных уже исчезли. Хорри Джексон увеличил скорость, хотя и не слишком. Повсюду виднелись бревна, обломки домов, надутые воздухом шины — жалкие остатки цивилизации. Верхушки деревьев выглядели как пышные кусты, высаженные прямоугольниками. Но помимо рощ, были и одиночные деревья, причем верхушки некоторых из них были скрыты водой. Любое такое дерево могло пропороть днище лодки.

— Эй, Марк! — крикнул через всю лодку Хьюго Бек.— Зачем ты погубил Сильву Тин?

— Убери свою руку с моей коленки, и я тебе все скажу.

Джексон вел лодку по компасу. Разгорался тусклый рассвет. Ни одной чужой лодки на море не было — лишь эта маленькая флотилия. «Синди Лу» с натугой шла в арьергарде — узкая, с огромным мотором, она ревела от напряжения, волоча свой груз. Хорри закричал, перекрывая рев двигателя:

— Я потом доставлю такой запас рыбы, что хватит на прокорм всех, кто окажется на этой АЭС. А взамен я хочу получить столько лепешек, чтобы можно было наполнить тот мешок, в котором сейчас была рыба. Он не такой уж большой...

Тим Хамнер вгляделся в завесу дождя. Что там впереди? Сперва можно было разглядеть лишь немногое: остров с возвышающимися на нем какими-то прямоугольными строениями. Непонятные строения... Но когда лодка подошла ближе к острову, Тим увидел, что некоторые из этих строений имеют не прямоугольную, а цилиндрическую форму. Очень большие, громадные цилиндры. Потом Тим разглядел людей. Они наверняка уже услышали рев «Синди Лу».

* * *

Алим Нассор разыскал Хукера и Джерри Оуэна на командном пункте. На столе были разостланы карты. Хукер передвигал по карте маленькие картонные прямоугольнички. Сквозь матерчатую стенку палатки доносился голос — бил, словно непрерывными раскатами грома, в уши Алима.

— Ибо их гордость есть гордость волшебников древности, которые намеревались заставить всю Природу повиноваться своим приказам. А наша гордость есть гордость тех, кто верует в Бога. Мы нуждаемся не в волшебном оружии, а лишь в благоволении к нам Бога...

Хукер раздраженно уставился на стенку палатки.

— Сумасшедший ублюдок!

Алим пожал плечами.

Без Армитажа им не обойтись. И несмотря на то что, когда его рядом не было, отзывались они о нем с издевкой, в конце концов большинство из них поверили — хоть частично — в истинность его проповедей.

— Хорошо, я не против того, чтобы уничтожить этот проклятый атомный центр,— сказал Хукер.— Я понимаю, это необходимо. Но...

— Конечно, необходимо! Промышленность, в сущности, не сможет существовать без чего-нибудь вроде такого центра! — Джерри Оуэн даже не сознавал, что он прервал Хукера.— Предположим, у нас есть такой центр — нам тут же захочется использовать его для

получения электроэнергии. Сперва потому, что это обеспечит нам определенные удобства... но потом окажется, что центр *необходим*, именно необходим нам! Но когда мы это поймем, будет уже слишком поздно! А далее выяснится, что, для того чтобы АЭС и дальше могла продолжать работать, нам не обойтись и без всей индустрии в целом! Индустриальное общество снова возродится, и это означает конец свободы и братства. Потому что нам понадобятся рабы, чтобы...

— Я *уже сказал*, что верю вам. Ради Бога, прекрати свои, мать-в-тарарах, объяснения!

— Тогда в чем проблема? — спросил Оуэн.

— Ну, АЭС никуда от нас не убежит, не так ли? Она будет покорно ждать, пока мы не будем готовы. Вопрос вот в чем: когда? — ответил Хукер.— Понимаешь, когда мы начинали, мы мечтали об одном: о пристанище. Вроде того, какое заполучил этот проклятый сенатор. Мы мечтали о каком-нибудь убежище, где можно было бы поселиться, где можно было бы обороняться от врагов. О месте, которое всецело принадлежало бы *нам*. Итак: эта цель оказалась недостижимой.

— Вы сделали ее недостижимой, когда в первый раз съели человека.

— Думаешь, я сам этого не понимаю, мать твою так?! — Хукера настолько захлестнула ярость, что он едва мог говорить.— Нас теперь несет независимо от нашей воли — хотим мы того или не хотим. Мы не можем сказать: «Хватит»... Мы должны расширять свою территорию все дальше. Захватить весь этот чертов штат. А может, и не только его. Но что можно сказать с уверенностью: нет, черт побери, сейчас остановиться мы не можем.— Он указал на карту:— Долина сенатора расположена как раз здесь. Нельзя продвигаться на север, пока мы не захватим его землю. Черт возьми, мы даже не можем завладеть Белой рекой и вот этими холмами, пока люди сенатора — когда им только заблагорассудится — могут совершить набег на наши владения. Вьетнам дал нам хороший урок: оставь врагу убежище, куда он имеет возможность отступить и перегруппировать свои силы,— и ты никогда уже не сможешь разбить его. А знаешь, что сейчас сделал сенатор? — Палец Хукера прочертил линию вдоль холмов, лежащих к востоку от моря Сан-Иоаквин.— Он послал сюда пятьдесят всадников. Набирать солдат. Как раз нам по фланг. Я пока не знаю, сколько людей можно сейчас насчитать на этих холмах, но, если они объединятся, нам могут задать жару. Итак. Мы не дадим им возможности объединиться. Мы ударим по сенатору, и сделаем это прямо сейчас, до того, как он успеет организовать их.

— Понимаю,— сказал Джерри Оуэн. Погладил ладонью свою

светлую бороду.— Но Пророк требует, чтобы мы напали на ядерный центр...

— Требует,— ответил Хукер.— Хочет, чтобы мы двинули всю армию на юг. Ты понимаешь, что это для нас означает? Но как мне объяснить этому сумасшедшему ублюдку, что до нападения на атомную электростанцию нам нужно сперва покончить с сенатором? Как ему объяснить, чтобы он перестал мешать мне?

Оуэн задумчиво поглядел на карту.

— Может быть, тебе этого и не надо делать. Знаешь, я не думаю, чтобы на АЭС сейчас находилось более пятидесяти-шестидесяти человек. Причем это ведь не вояки. Может, у них много всяких там детей и женщин, но людей, способных сражаться, у них мало. Кроме того, этот ядерный центр оказался на острове, следовательно, у них не может быть много пищи. И не может быть много боеприпасов. Там нет настоящих оборонительных сооружений...

— Ты считаешь, что их легко будет раздолбать? — сказал Алим Нассор.

— И если легко, то насколько легко? — спросил Хукер.— Сколько для этого понадобится наших?

Джерри пожал плечами.

— Дай мне две сотни человек. И часть артиллерии. Мортиры. Если дать из мортир залп по турбинам, электроэнергии больше не будет. А без электроэнергии управлять ядерным реактором невозможно. И для насосов необходимо электричество. Залп по турбинам, и вся АЭС, считай, перестанет существовать...

— А она не взорвется? — спросил Алим. Эта мысль — одновременно — и привела его в восхищение, и ужаснула.— Такое большое грибообразное облако. А как насчет радиоактивных осадков? Нам придется тогда побыстрее убраться из этих мест, раньше, чем они успеют выпасть на нас...

Джерри Оуэн поглядел на него с насмешкой:

— Ни за что. Никакой выжигающей глаза вспышки. Никакого большого грибообразного облака. Извини.

— А я не извиняю,— заявил Хукер.— Раз мы захватим этот ядерный центр, сможем ли мы сделать для себя несколько атомных бомб?

— Нет.

— Не знаешь, как их делать? — Хукер не скрыл своего разочарования. Оуэн всегда разговаривает так, будто знает все на свете.

Оуэн обиделся.

— Никто их не сможет сделать. Понимаешь, из ядерного горючего нельзя сделать атомную бомбу. Не годится оно для этого. Это горючее создавали для другой цели. Оно, по замыслу, вообще не

должно взрываться. Черт возьми, мы, возможно, и не сможем уничтожить до основания эту АЭС. Те, кто работает на ней, наверняка приняли добавочные меры предосторожности.

— Прежде все их меры предосторожности вызывали у тебя лишь насмешку,— сказал Алим.

— Нет, разумеется, никаких настоящих мер предосторожности на атомной электростанции быть не может. Никакие меры не гарантируют безопасности. Но безопасность — понятие относительное.— Джерри Оуэн показал рукой в северном направлении, туда, где находились разрушенная плотина и затопленный Бейкерсфилд: из покрытой грязью воды вздымались острова-кубы.— Там была гидроэлектростанция. Можно ли было считать ее безопасной? Люди, которые и близко не подошли бы к ядерно-силовому центру, жили там, у самой плотины.

— Так почему АЭС вызывает у тебя такую ненависть? — спросил Хукер.— Может быть... может быть, нам все же не следует трогать ее.

Алим бросил на Хукера взгляд. «Ты все начинаешь сначала»,— читалось в этом взгляде.

— Она — это слишком, неужели ты этого не понимаешь? — сказал Оуэн.— Когда есть атомная энергия, появляются люди, думающие, что все проблемы можно решить с помощью технологии. Все дальше и дальше. Ситуация будет неуклонно ухудшаться. У тебя есть энергия, ты ее используешь, но вскоре тебе понадобится еще больше энергии, уже нельзя обойтись без нее. И ты должен теперь добывать — вырывать! — из земли уголь, по десять миллиардов тонн в год! Загрязнение окружающей среды. Громадные, прогнившие до самой сердцевины города. В городах — гетто. Неужели ты не понимаешь? Атомная энергия дает возможность — причем без труда — жить в отрыве от природы. Некоторое время. Но в конце концов обнаруживаешь, что баланс природы нарушен, что вернуться в нее уже невозможно. Молот дал нам шанс вернуться к естественной жизни, восстановить свое родство с Землей...

— Ладно, ладно, черт побери,— сказал Хукер.— Бери двести людей, две мортиры и дуй шерстить эту электростанцию. Обязательно сообщи Пророку, куда и зачем ты отправляешься. Может, тогда он заткнет глотку и даст мне возможность заняться делами.— Хукер посмотрел на карту.— Действуй, Оуэн. А мы двинемся на настоящего врага.

Хукер подумал, что Оуэн кликнет добровольцев,— и улыбнулся. Психи уйдут с Джерри и на некоторое время оставят его, Хукера, в покое.

* * *

Комната, куда Адольф Вейли привел Тима Хамнера, показалась Тиму прекрасной. Хотя в ней и было весьма тесно: сквозь стену, изгибаясь, проходило множество кабелей, кабели разветвлялись, их разветвления разветвлялись снова, и на потолке уходили в металлическую плату с отверстиями. Но в этой комнате горели лампы — лампы электрического света! Вдоль двух стен тянулись аккуратно покрытые зеленой эмалью пульты управления: циферблаты, шкалы, переключатели, сигнальные лампочки. Ни пылинки — чистота, как в операционной.

— Что это? — спросил Тим.— Главный пульт управления?

Вейли рассмеялся. У него постоянно было веселое настроение, ни о каком «синдроме беды» он и не ведал. И ко всей этой технике он относился с подчеркнутой небрежностью. Гладкое, как у ребенка, лицо — поэтому Вейли казался моложе, чем был на самом деле. Обитатели «Твердыни» в большинстве отпускали бороды.

— Нет, просто аппаратная,— сказал Вейли.— Но это единственное помещение, которое мы можем предоставить вам для ночлега. Э... если вы начнете нажимать здесь разные кнопки, это не будет умным поступком.— Он чуть улыбнулся, стараясь не особо выказывать этой улыбки.

Тим засмеялся.

— Не стану я нажимать никаких кнопок.— Он с восторгом оглядывал огнетушители, гнезда подмигивающих лампочек, толстенные кабели — все точно там, где оно должно находиться, все поблескивает мягко отраженным светом.

— Свой спальный мешок оставьте вон там,— сказал Адольф.— Здесь будут спать еще и другие люди. Вряд ли вам придется тут находиться подолгу. Здесь часто бывают дежурные операторы. А иногда им приходится делать свою работу быстро — очень быстро.— Улыбка Адольфа увяла.— Часть этих кабелей — высоковольтные. Очень высокое напряжение.

— Скажите мне, Адольф, в чем здесь заключается ваша работа?

Вейли выглядел слишком юным для инженера, но и на строительного рабочего отнюдь не походил: не то телосложение.

— Я — на обучении. Учусь работать с силовыми системами,— ответил Вейли.— Это означает, что такие, как я, должны делать все. Разместились? Тогда пошли. Мне сказали, чтобы я вам все показал и помог установить радиооборудование.

— Хорошо... Что под этим подразумевается: «делать все»?

— Когда наступает моя смена, я сижу на пульте управления, пью кофе и играю в карты. Так я сижу, пью и играю до тех пор,

пока дежурный оператор не решит, что появилась какая-то работа. Тогда я иду и делаю ее. Этой работой может быть все что угодно. Считывать показания приборов. Тушить пожар. Менять положение переключателей. Заменять электронные лампы. Устранять обрыв в кабеле. Все что угодно.

— Значит, вы для инженеров что-то вроде робота-автомата.

— Инженеров?

— Для дежурных операторов.

— Они не инженеры. Они просто научились этой работе, делая то, что делаю теперь я. Когда-нибудь и я стану оператором — если останется что-нибудь, чем нужно будет управлять. Черт, Хоби Латмэн уже начал, надевая снегоступы, уходить в Сьерру: измеряет толщину снежного покрова, чтобы узнать, на сколько здесь может к весне подняться уровень воды. Латмэн — это главный оператор.

Они вышли из здания. Покрытый грязью двор. Неясно вырисовывались возведенные вокруг высокие земляные дамбы. На дамбах работали люди, укрепляя их. Другие усиливали бетоном кессоны. Благодаря дамбам и кессонам Сан-Иоаквинская АЭС и продолжала существовать. Еще кто-то выделывал нечто непостижимое с грузоподъемниками. Лихорадочная деятельность людей казалась хаотической, но в то же время было видно, что каждый знает, что он делает.

У Тима возникло странное ощущение уязвимости: стоять вот здесь и знать, что вода снаружи, за дамбами, возвышается на тридцать футов над твоей головой. Окруженный со всех сторон нарытыми бульдозерами дамбами, ядерный центр «Сан-Иоаквин» представлял собой не просто остров — это был остров, находящийся ниже уровня моря. Просачивающуюся сквозь земляные плотины воду откачивали с помощью насосов. Одна лишь большая пробоина в дамбах, один лишь день без электроэнергии, необходимой для работы насосов,— и АЭС перестанет существовать.

Когда-то в таком же положении находилась Голландия. То, чего всю жизнь опасались голландцы, случилось. Немыслимо, чтобы Голландия уцелела после волн цунами, последовавших за падением Молота.

— Мне кажется, что наилучшее место для установки вашей радиоаппаратуры — одна из башен охлаждения,— сказал Адольф.— Но они сейчас фактически отрезаны от самой электростанции.— Он вскарабкался по лестнице, ведущей на вершину дамбы, и указал в ту сторону, где, отделенные от дамбы пространством воды в сто футов, неясно вырисовывались башни охлаждения. Четыре такие башни тоже были окружены маленькими дамбами. Воду эти дамбы держали плохо, основания башен были уже почти полностью залиты. Каждая башня была увенчана огромным белым плюмажем: пар.

Пар уходил в небо, истончаясь, разреживаясь по мере подъема, и наконец исчезал полностью.

— Электростанцию они разыщут без особого труда,— сказал Тим.

— Это точно.

— Хм, а я думал, что атомные электростанции не загрязняют окружающую среду.

Адольф Вейли рассмеялся.

— Тут нет загрязнения. Это ведь пар, всего лишь пар. Находящаяся в газообразном состоянии вода. А вовсе не дым. Да и откуда ему взяться? Ведь мы ничего не сжигаем.— Он показал на узкие, сколоченные из досок мостки, соединяющие дамбу с ближайшей башней.— Пока у нас нет лодки, это единственный путь. Но я по-прежнему считаю, что башня — наилучшее место для установки радиоаппаратуры.

— Я тоже так думаю, но по этим досочкам нам антенну не пронести.

— Еще как пронесем. Вы готовы? Пошли, займемся делом.

* * *

С превеликой опаской Тим взбирался по наклонной, зигзагами ведущей вверх лестнице на вершину громадной башни. И в который раз поражался, насколько четко все организовано на Сан-Иоаквинской АЭС. Вейли ушел — и вернулся с людьми, которым предстояло нести радиоаппаратуру, антенну и батареи. И все было перенесено по узким дощатым мосткам, причем за один раз, а потом люди вернулись к работе, которой они занимались прежде. Никаких вопросов, никаких споров, никаких возражений. Возможно, падение Молота изменило не только брачные обычаи. Тим вспомнил, как газеты сообщали о многочисленных забастовках, здорово мешавших введению Сан-Иоаквинской АЭС. О выдвигаемых профсоюзом, который представлял забастовщиков, требованиях: оплата сверхурочной работы, улучшение жилищных условий и так далее. Забастовки мешали строительству почти в той же мере, что и деятельность сторонников охраны окружающей среды — а уж те делали все, чтобы прикончить АЭС.

Тим добрался до верхушки пятидесятифутовой башни. Сейчас он находился на высоте примерно тридцати футов над уровнем моря. Основание башни было окружено дамбой. Дамба пропускала воду, и помпы работали беспрерывно. Рождаясь у основания башни, дул сильный ветер.

Башня была огромной, в диаметре превышала двести футов. Тим стоял на обширной металлической площадке, испещренной бесчисленными отверстиями. Насосы гнали воду вверх, к площад-

ке, где она стояла слоем высотой несколько дюймов. С площадки вода струйками уходила в глубь башни и исчезала. Над головой Тима торчало множество цилиндрических колонн меньшего размера. Колонны возвышались над площадкой на двадцать футов. Из каждой вырывались струи пара. Гудели насосы, площадка вибрировала.

— Тут вполне подходящее место для установки радиоаппаратуры,— сказал Тим, но с сомнением окинул взглядом море Сан-Иоаквин.— Но пожалуй, здесь она окажется слишком уж на виду. И без всякой защиты.

— Мы можем поднять сюда мешки с песком,— сказал Вейли.— То есть — защита будет. И еще мы можем протянуть отсюда к самой АЭС телефонную линию. Вопрос в другом: вас устраивает, чтобы радиоаппаратура была размещена именно здесь?

— Давайте попытаемся.

Через час узколучевая антенна была доставлена на площадку и установлена. Прикрепили ее к одной из малых колонн. Тим подсоединил батареи к радиопередатчику. Затем антенну начали осторожно поворачивать, пока не установили на двадцать градусов магнитного склонения. Тим взглянул на наручные часы.

— До того времени, как нас начнут слушать, осталось еще четверть часа. Давайте сделаем перерыв. Расскажите мне, как здесь обстоят дела. Мы были очень удивлены, узнав, что вы здесь, а АЭС продолжает работать.

— *Меня* это иногда удивляет тоже,— ответил Вейли, присаживаясь на перила.

— Вы были здесь, когда...

— Да. Конечно, никто из нас не верил, что комета столкнется с Землей. Мистер Прайс был убежден, что этот день будет обычным рабочим днем. И сделал все от него зависящее, чтобы это был обычный рабочий день. Прогулы приводили его в бешенство. Но многие из рабочих не явились. Это привело к тому, что, когда столкновение все же произошло, дела у нас пошли скверно: не хватало людей. Не хватало тех, кто должен был быть на своем рабочем месте.

— Я все же не понимаю, как вам удалось справиться,— сказал Тим.

— Прайс — гений,— ответил Вейли.— Насколько нам известно, он начал борьбу за выживание еще до того, как произошло землетрясение. Еще до того, как начались дожди, он погнал бульдозеры насыпать дамбы. Меня и еще некоторых он послал в долину, к железной дороге,— заполнять бензобаки. Мы брали все, что только могли достать,— дизельное горючее, бензин. На запасном пути стоял товарный вагон, доверху набитый мукой и бобами. И мистер Прайс заставил нас доставить все это сюда. Все, что он делал, он

делал правильно. Еда у нас не слишком разнообразная, но зато мы не умираем с голоду. Почему вы засмеялись?

— Есть такие рыболовы. У них то же самое ощущение.

— А у кого его нет? Вот вы *всерьез* можете поверить, что никогда уже не попробуете бананов? Кстати, у нас осталось немного апельсинового сока. Мы его пьем: предохраняемся от цинги.

— Все апельсиновые посадки Калифорнии погибли. Но сок в магазинах иногда разыскать еще можно.— Тим поглядел на земляную стену, не пускающую к нему море Сан-Иоаквин; дамба, похоже, постепенно делалась все выше.— Адольф, как вы успели ее построить за то короткое время, пока долину заливало наводнение?

— Мы ее строили не во время наводнения. Дурацкая история. Первоначально ядерный центр намечалось построить вблизи Васко. А мистер Прайс хотел, чтобы его построили здесь, в горах. Потому что здесь лучше условия для работы башен охлаждения, не пришлось бы рыть слишком глубокие колодцы. Шишкам в министерстве эта идея не понравилась: АЭС оказывалась слишком уж на виду.

— О, это же прелестно! Совсем как в сборнике «Удивительные истории» за 1930 год. Предугадано будущее!

— То же говорил и мистер Прайс. Как бы то ни было, центр построили здесь, в горах.

Разумеется, это были не совсем горы. Всего лишь невысокие, покатые холмы. Ядерный центр возвышался над уровнем долины не более чем на двадцать футов.

— А когда работа уже близилась к концу, в министерстве перепугались, и были построены эти стены,— продолжал Вейли.— Построили их в общем-то без причины. Просто чтобы скрыть центр от сторонников охраны окружающей среды. Чтобы он был не виден едущим по шоссе № 5.— Губы Вейли плотно сжались.— И тогда некоторые из этих ублюдков, которые пытались помешать строительству станции, подняли дикий вой: на возведение стен, мол, пришлось тратить добавочные деньги! Но стены-то как раз и пригодились. Мы нагребли землю там, где прежде проходили автомобильные дороги и железнодорожные пути. А вода после падения Молота прибывала быстро, очень быстро.

— А вот я — спорим — на машине проехал по этому морю,— заявил Тим.

— Это как?

Тим объяснил:

— Уже приходилось слышать рассказы о Летучем Голландце?

Вейли покачал головой:

— С теми, кто снаружи, мы особо не контактируем. Мэр Аллен считает, что это ни к чему.

— Аллен? Мне приходилось с ним видеться. Как он здесь оказался?

— Явился сюда как раз перед тем, как море сделалось слишком глубоким. Когда сквозь Лос-Анджелес прошло цунами, он находился в здании городского совета. Парень, у него было что порассказать! Во всяком случае, на следующий день он явился сюда — в сопровождении дюжины полицейских и кое-кого из городского совета. Как вы знаете, до падения Молота владельцем этого атомного центра считался Лос-Анджелес.

— Итак, босс здесь — мэр Аллен?

— Ну нет! Всем командует мистер Прайс. Мэр — гость. Примерно как вы. Что он знает об атомных электростанциях?

Тим не стал указывать, что, по словам самого Вейли, именно мэр воспрепятствовал налаживанию контактов с внешним миром.

— Итак, вам удалось пережить конец света,— сказал Тим.— Причем удалось добиться того, чтобы АЭС осталась в действии. И что вы теперь намерены делать?

— Этим занимается мистер Прайс. И не думайте, что это было легко — сохранить электростанцию на ходу. Все, понимаете, *все* должно было продолжать работать, причем работу *всего* оборудования приходилось поддерживать *одновременно*. Сейчас мы можем выдавать тысячу мегаватт.

— Похоже, это немало...

— Хватит на десять миллионов электрических ламп,— Вейли усмехнулся.

— Да, немало. И как долго вы можете поддерживать выход такого уровня?

— Если выдавать полную мощность, хватит примерно на год. Но мы и сейчас не работаем на полную мощность, и в будущем работать не будем. На то, чтобы управлять энергоцентром, требуется примерно десять мегаватт. Насосы охлаждения, приборы управления и контроля, освещение и так далее. Это составляет один процент полной мощности, так что работу АЭС можно будет поддерживать на протяжении столетия. Но и через сто лет — у нас есть вторая очередь со своим запасом ядерного горючего.

Тим оглянулся на АЭС. Два громадных бетонных купола, внутри которых — ядерные реакторы. Возле каждого из куполов теснились здания прямоугольной формы. В этих зданиях размещены турбины и аппаратура управления и контроля.

— Вторая очередь еще не введена в работу,— сказал Вейли.— Ее запуск — первое, что мы сделаем, когда спадет вода. И тогда мы сможем дать в электролинии двадцать мегаватт — любому потреби-

телю, нуждающемуся в электроэнергии. И сможем давать эту мощность на протяжении пятидесяти лет.

— Пятьдесят лет,— повторил Тим. Поразмыслил. Через пятьдесят лет Соединенные Штаты перейдут от эпохи лошадей и повозок к эпохе автомобильной цивилизации. Снова будут введены в действие шахты, будут построены города, возродится индустрия. Вновь будут изобретены электроника и компьютеры. Полеты на Луну будут совершаться не в комиксах, а на самом деле. И один лишь этот энергоцентр сможет выдавать больше электроэнергии, чем производилось в двадцатых годах во всех Соединенных Штатах...

— Это здорово! Господи, мы не зря, очень не зря явились сюда! Форрестер был прав, утверждая, что если с этим энергоцентром что-нибудь произойдет... если мы не вмешаемся, то это будет отнюдь не наилучшее решение.

— А? — Вейли вскинул на Тима непонимающий взгляд.

Тим ухмыльнулся:

— Да нет, ничего. Пора попытаться наладить радиосвязь.

* * *

Когда пришли в конференц-зал, это было словно возвращение в прошлое. Словно вернулись и неожиданно попали на совещание совета директоров. Здесь было все: и длинный стол, и стоящие возле него комфортабельные кресла, и блокноты для записей, и черные доски на стенах, и мелки, и тряпки, и даже деревянные указки. Тим был потрясен. И ему стало любопытно, что бы отдал Эл Харди за такой полностью оборудованный конференц-зал, за эти доски, на которых к тому же можно развешивать карты и схемы, за блокноты и папки...

Совещание было в разгаре. Джонни Бейкер взмахом руки пригласил Тима занять место слева от себя. Тим торопливо сообщил шепотом: по радио были слышны в основном атмосферные разряды, но связь наладить удалось. Состоялся разговор с «Твердыней». Новостей нет. Бейкер шепотом поблагодарил и снова начал слушать выступающих.

Вновь прибывшие походили на пугала. Одетые в самую разнообразную одежду, в большинстве вооруженные, бледные, как привидения. Одежда на них была потрепанная, обувь — рваная. Несколько месяцев назад появление их здесь в таком виде показалось бы диким. А теперь чем-то странным казался сам конференц-зал. А у людей, живущих здесь, вид был нормальный, только они были слишком уж чистыми.

Тим поежился. Провел ладонью по своим гладко выбритым щекам. Чистым щекам! Здесь была горячая вода для мытья, была элек-

троэнергия для электрических бритв. С момента прибытия посланцев «Твердыни» стиральные машины работали беспрерывно. Рубашка, шорты, носки Тима были сухими, чистыми. Тим снова поежился — так, чтобы одежда касалась тела, и попытался слушать. Он услышал фразу, повторяющуюся снова и снова:

— Не знаю, но армия каннибалов готовится к выступлению. Против нас.

Барри Прайс был не такого крупного телосложения, как противостоящий ему руководитель строительных рабочих. Тем не менее не оставалось сомнений, кто из них главный. Прайс был в одежде военного образца цвета хаки, поверх — туристская куртка. Карманы его рубашки, набитые множеством авторучек, оттопыривались. С пояса свисал карманный калькулятор. Рядом с ним находился помощник, держащий наготове папку с бумагами. Короткая стрижка и аккуратные, словно карандашом нарисованные усы придавали Прайсу вид почти щеголеватый. Он сказал:

— Так что изменилось? Мы никогда не пользовались особой популярностью.

— Не пользовались, но, черт побери, *армия людоедов?!* — В зале было не слишком жарко, но из-под шляпы руководителя строителей струйками стекал пот.— Барри, нам нужно удирать отсюда.

— Некуда удирать.

— Чушь. На западный берег моря. Куда угодно. Но здесь мы оставаться не можем! Мы не можем сражаться с целой армией.

— Но должны,— ответил Прайс.— Как мы можем оставить все это на гибель? Робин, вы работали столь же упорно, как каждый из нас. Теперь у нас есть союзники...

— Да уж, союзники. Дюжина человек.— Робин Лаумер перегнулся через стол к Барри Прайсу. Словно в зале они остались лишь вдвоем. Безусловно, никто бы не стал прерывать их.— Послушайте. Либо работать должно все оборудование, либо ничто уже не работает. Правильно?

— Правильно.

— Так они нанесут удар по турбинам, или по силовой, или по аппаратной, или по залу контроля и управления — и все! АЭС оказывается под водой, и никакое ее оборудование никогда уже больше не заработает!

— Я все это знаю,— сказал Прайс.— Следовательно, мы не можем им позволить нанести и один удар.

— Дерьмо коровье... Барри, я отсюда уношу ноги. Прихватив всех тех из моих людей, кто захочет уйти со мной. Одолжим ваши лодки, потом вернем их обратно...

— Мои лодки вы не одолжите,— сказал Джонни Бейкер. Он си-

дел слева от Барри Прайса, как раз напротив мэра Аллена.— Я привел сюда лодки не для того, чтобы помогать в эвакуации энергоцентра.

Лаумер, похоже, хотел вступить в спор. Потом пожал плечами:

— Тогда я возьму лодки, которые были здесь до вас. Одна из них в любом случае принадлежит мне, это я ее сохранил. И мы уходим.

Он горделивой походкой пошел к выходу. Когда он проходил мимо Тима Хамнера, Тим сказал ему:

— Вам уже никогда не придется снова быть чистым.

Лаумер запнулся на миг, потом пошел дальше.

— Может быть, остановим его? — спросил Бейкер.

— Как? — спросил Прайс.

Бейкер не ответил. Никто не был пока готов использовать единственный способ, каким можно было остановить Лаумера.

— Сколько людей уйдет с ним?

— Не знаю. Возможно, двадцать-тридцать строительных рабочих. Может быть, поменьше. Чтобы спасти этот энергоцентр, мы работали, как рабы. Не думаю, чтобы ушел кто-нибудь из операторов.

— Таким образом, центр сможет продолжать действовать.

— Я в этом совершенно уверен,— сказал Прайс.

Джонни обернулся к мэру:

— А как насчет ваших людей? Особенно я имею в виду полицейских.

— Сомневаюсь, чтобы хоть кто-нибудь из них пожелал уйти,— ответил Бентли Аллен.— Слишком уж с большими трудностями нам удалось добраться сюда.

— Это хорошо,— сказал Бейкер. Задержал свой взгляд на лице мэра.— Итак, они не сбегут. И разумеется, вы тоже останетесь, Барри...

Его слова произвели на Барри ошеломляющее действие. Он не принял безразличного вида, не стал напускать на себя гордость. Он выглядел как человек, испытывающий сильнейшую муку.

— Я обязан остаться,— сказал он.— Отступать некуда, невозможно. Нет, вы не понимаете. Когда этот проклятый Молот ударил, у меня был выбор: либо отправиться за указаниями в Лос-Анджелес, либо остаться здесь и попытаться спасти энергоцентр. Я остался.— Челюсти у Барри лязгнули.— Так что мы теперь будем делать?

— Я не могу отдавать вам приказы,— сказал Джонни.

Прайс пожал плечами.

— Что касается меня — можете.— Он посмотрел на мэра,

тот кивнул.— По моему разумению, руководителем этого штата является сенатор Джеллисон. Возможно, он — президент. Он имеет на это больше прав, чем все остальные. Делает больше полезного.

— Вы тоже так считаете? — спросил Джонни.— Сколько уже президентов вам известно?

— Пять. Колорадо-Спрингс. Муз Джо, Монтана. Каспер, Вайоминг... Как бы то ни было, мне больше по душе сенатор. Отдавайте нам любые приказы — какие только пожелаете.

— Вы не поняли меня,— осторожно подбирая слова, сказал Джонни Бейкер.— В отданных мне распоряжениях не предусматривается, чтобы я отдавал вам приказы. Я имею право только советовать.

Вид у Прайса был сконфуженный, обеспокоенный. Его помощник и мэр Аллен шепотом посовещались. Потом Аллен спросил:

— Вы не хотите брать на себя обязательства?

— Совершенно верно,— ответил Бейкер.— Видите ли, лично я — на вашей стороне. Мы должны всемерно содействовать продолжению работы АЭС. Но во главе «Твердыни» нахожусь не я.

— Вы, как человек, обладающий наиболее высоким званием, можете...— начал мэр Аллен.

— Попытаться что-либо приказать сенатору? Я? Вот уж чушь!

— Я просто подумал, генерал...— сказал мэр Аллен.— Ладно, обязательства феодального типа должны быть двусторонними. По крайней мере должны быть таковыми, если королем является сенатор Джеллисон. Итак, он хочет, чтобы по отношению к нам его обязательства были минимальными. Так какие же, генерал Бейкер, у вас есть к нам *предложения*?

— Есть кое-что. Способы создания не совсем обычного оружия...

Прайс кивнул:

— Мы уже работаем в этом направлении. Тут нам действительно следовало подсказать. Знаете, мы тут разрабатывали проблемы обороны (в недостаточной степени разрабатывали, как мне кажется). Но никто из нас и близко не додумался до отравляющего газа. О зажигательных снарядах мы думали, но недостаточно. И о пушке тоже. Сейчас у нас над всем этим вовсю работают. Что еще?

— Делайте запасы. В воде недостатка нет, есть энергия, необходимая, чтобы вскипятить ее. Мы привезли вам сушеной рыбы, но старайтесь наловить рыбы побольше сами. Готовьтесь к осаде. Согласно нашим сведениям, Новое Братство всерьез намерено завладеть всей Калифорнией. И всерьез намерено уничтожить ваш энергоцентр.

— Если в этом деле участвует Алим Нассор, то намерения у них, безусловно, серьезные,— сказал мэр Аллен.— Блестящий ум. И решительностью обладает просто дьявольской. Но я не понимаю, что им сейчас движет. Он никогда не участвовал ни в одном движении, которое ставило себе целью борьбу с индустриализацией. Как раз наоборот. Скорее уж по цитате: «Мы только что начали игру, а вы говорите, что пора заканчивать».

— Вы забыли об Армитаже,— сказал Бейкер.— По-видимому, Нассор и сержант Хукер не могли бы сами по себе удержать эту армию от развала. Сохранить ее как единое целое. А Армитаж это может. И как раз Армитаж желает, чтобы энергоцентр был уничтожен.

Мэр поразмыслил.

— Район Лос-Анджелеса тем и знаменит, что здесь возникали самые странные религии.

Тим в глубине души все еще надеялся, что сотрудников энергоцентра не придется посвящать в историю Хьюго. Из-за Хьюго он и сказал:

— Когда-то ислам был тоже всего лишь странной религией. Можете посмеяться над этим совпадением, мэр. Сейчас они, как некогда мусульмане, захватывают все новые области. Они вбирают в себя всех: люди либо вступают в их ряды, либо оказываются съеденными. То есть ассимиляция происходит или путем присоединения, или путем истребления.

— Энергоцентр в работе. У них никогда не будет другого такого энергоцентра,— сказал Барри Прайс.— Они, должно быть, сошли с ума.— Имел ли Прайс в виду Новое Братство или «Твердыню»? Никто не задал этого вопроса.

Бейкер внезапно встал:

— Ладно. Мы здесь. С нами наши ружья и заметки доктора Форрестера. Тим, вам предстоит попытаться использовать костюм для подводного плавания. Может быть, нам удастся добыть из-под воды что-нибудь, что поможет нам в бою. И хотел бы я знать, сколько у нас еще осталось времени.

* * *

Полисмен взбирался по наклонной лестнице — медленно, осторожно, на плечах его лежал мешок с песком. У полисмена были соломенного цвета волосы и квадратная челюсть. Его униформа была изношена чуть не до дыр. Следом, тоже с набитым мешком на плече, лез Марк. Мешки шли на укрепление баррикады, сооруженной на верхней площадке башни охлаждения. Радиоаппаратура Тима была теперь защищена довольно прочной стеной.

Полисмен обернулся, оказавшись лицом к лицу с Марком.

Телосложением он очень напоминал Марка, и он был весьма рассержен.

— Мы не дезертировали из нашего города,— сказал он.

— Я этого и не имел вовсе в виду.— Марк с трудом преодолел искушение ответить резкостью.— Я только сказал, что большинство из нас...

— Мы были на дежурстве,— сказал полисмен.— Я знаю по крайней мере двоих наших, которые смотрели тогда телевизор. И мэр смотрел. А я не смотрел. Впервые я узнал о том, что происходит, когда услышал, как какая-то девушка кричала, что комета столкнулась с Землей. Я остался на своем посту. Потом появился мэр, он собирал нас. По переходам — то вверх, то вниз — он провел нас к гаражу. Там он разместил людей по многоместным легковым автомобилям, уже нагруженным всяким барахлом. Пассажирами в основном были женщины, но были и мужчины. Полицейские на мотоциклах образовали эскорт, и мы двинулись в сторону Гриффин-парка...

— И вы не...

— Я совершенно не понимал, что случилось,— сказал патрульный Уингейт.— Мы выехали в горы, и мэр сказал нам, что комета вызвала некоторые разрушения и что мы должны направиться туда, чтобы поддерживать там порядок. Ох, парень.

— Вы видели цунами?

— Ох, парень... Ческу, там ничего не осталось, чтобы можно было поддерживать порядок. Сплошной туман, дождь. Некоторые здания почему-то не опрокинулись. Джонни Киму и мэру приходилось кричать друг другу. Я стоял совсем рядом, но не мог расслышать ни слова. Грохотал гром, сверкали молнии, ревело цунами. Потом Джонни и мэр снова собрали нас, и мы направились к северу.

Полисмен замолчал. Марк Ческу тоже молчал. Они глядели, как прыгают на волнах четыре лодки — это удирали Робин Лаумер и некоторые из его строителей. Перед отбытием Лаумер пытался заявить свои права на некоторую часть имеющихся на АЭС припасов. Крик стоял страшный, но люди с ружьями (в том числе Марк и полицейские мэра) настояли на своей точке зрения.

— Сан-Иоаквин мы пересекли часа за четыре,— продолжил полисмен,— и разрешите заверить вас, путь был очень нелегким. Мы ехали, включив сирены, поездка заняла много времени. Одну из автомашин пришлось бросить. Мы добрались сюда, когда вода поднялась уже выше ступиц колес. И строительство дамбы было почти закончено. Мы разгрузили машины и на себе под дождем перетащили вещи через дамбу. Когда мы закончили с этим, Прайс послал нас работать на дамбу. Мы вкалывали, как ишаки. На следующее утро вокруг уже было море, и прошло еще шесть часов, прежде чем я смог принять душ.

— Душ.

Полисмен глянул на Марка:

— Что?

— Вы произнесли это так небрежно. Душ. Горячий душ. Знаете ли вы, что?.. Ладно, оставим это. Я сказал лишь: большинству из нас пришлось пуститься в бегство.

Нос полисмена почти коснулся лица Марка. Это был узкий, с выступающей переносицей, классический римский нос.

— Мы не пускались в бегство. Мы собрались там, чтобы можно было без труда, когда все кончится, вернуться в город и восстановить в нем порядок. Но, черт побери, от города ничего не осталось! Вообще ничего не осталось, кроме этой атомной электростанции. Мэр сказал, что, с формальной точки зрения, она является частью Лос-Анджелеса. И вот мы здесь. Никто не причинит АЭС никакого ущерба.

— Ну и славно.

Четыре лодки из-за большого расстояния казались уже совсем маленькими. Несколько строителей, пожелавших остаться, взобрались на дамбу — смотрели, как удаляются лодки. Смотрели, видимо, с грустью.

— Думаю, теперь они станут рыболовами,— сказал Марк.

— Попытайтесь только представить, как мало мне нужно,— сказал полисмен.— Ладно, принимаемся за работу.

* * *

Хорри Джексон выключил мотор, и лодка двигалась по инерции, пока не остановилась.

— Насколько я понимаю, как раз сейчас под нами Васко,— сказал Хорри.— А если я не прав, то ничего не могу поделать.

Тим глянул на холодную воду и поежился. Костюм для подводного плавания в общем-то подходил Тиму, но кое-где был широк. А там, в воде, должно быть чертовски холодно. Тим проверил систему для дыхания. Система работала. Баллоны были полностью заряжены. Этот факт также производил впечатление. Если у механиков Сан-Иоаквинской АЭС чего-либо, например клапана, не оказывалось, они просто-напросто шли в мастерскую и *делали* то, чего недоставало. Здесь был остаток другого мира, мира, где ты не обязан обходиться тем, что случайно оказалось у тебя под рукой, где право решать принадлежит тебе.

— Я вот все думаю,— сказал Тим,— если на свободе оказалась домашняя забава — золотые рыбки, то как обстоят дела с пираньями?

— Для них вода слишком холодна,— сказал Джейсон Гилкудди и рассмеялся.

— Понятно. Ладно, пора идти.— Тим вскарабкался на планшир, посидел, балансируя, мгновение и спиной вперед бросился в воду.

Холод был ошеломляющий, и все же вода была не настолько ледяной, как ожидал Тим. Он помахал рукой оставшимся в лодке, затем нырнул для пробы. Вода была черная, как чернила. Тим едва мог разглядеть, что показывают укрепленные на запястье компас и указатель глубины. Указатель глубины был еще одним из чудес, созданных людьми из обслуживающего персонала Сан-Иоаквинской АЭС. Его смастерили и откалибровали за несколько часов. Тим включил фонарь (герметический). Луч пробивался не более чем на десять футов. Видимость скверная, словно вокруг разлилось молоко.

Вот в Изумрудном заливе вода была чистая как стекло. Тим тогда плыл, заросли водорослей походили на джунгли. Стремительно проносились рыбы... Это было давным-давно.

Ударом ноги Тим отправил свое тело в белесую тьму, пытаясь достичь дна. Дно оказалось в шестидесяти футах. Было абсолютно тихо, если не считать булькающего шипения регулятора и звуков дыхания Тима. Впереди что-то обрисовывалось — чудовищное, горбатое. «Фольксваген», понял Тим, когда подплыл поближе. Заглядывать внутрь машины он не стал.

Он плыл над дорогой. Проплыл мимо «империала». Рыбные стайки вплывали в машину и выплывали обратно через разбитые стекла. Зданий вокруг не было, только автомобили... Наконец показалась бензоколонка, но она, до того как ее затопила вода, успела сгореть. Тим поплыл дальше. Скоро придется выныривать.

Ну вот, наконец-то: во мраке вырисовались тени прямоугольной формы. Видимость слишком плохая, чтобы можно было заняться выбором. Тим попробовал двери, они были заперты. От кого заперты, от моря?.. Тим поплыл дальше, пока не нашел разбитое окно. В доме было пугающе темно, но Тим заставил себя вплыть внутрь.

Он оказался в большой комнате. По крайней мере, комната *представлялась* большой. Сбоку виднелось плотное облако белого тумана. Тут прежде стояла полка с книгами в бумажных обложках. Бумага расползлась, превратилась в скопление взвешенных в воде частиц. Тим поплыл прочь, и туман потянулся вслед за ним. Тим обнаружил прилавки, полки, различные разбросанные по полу товары. Он плыл над полом, находя повсюду сокровища: лампы, кинокамеры, радиоприемники, магнитофоны, трубки дневного света, телевизоры, капли для носа, пульверизаторы с краской, пластмассовые модели, батареи, тро-

пические шлемы, мыло, чистящие средства, соленые консервированные земляные орехи...

Такое обилие *вещей*, и в большинстве своем все это безнадежно испорчено. Запас воздуха внезапно кончился. В панике Тим завертел головой в поисках товарища. Потом сообразил, что, вопреки всем правилам, сейчас он нырял в одиночку. Осознавать это было как-то странно. Одного комплекта снаряжения для подводного плавания мало, если хочешь идти под воду с напарником. Тим постарался успокоиться и потянулся рукой за спину, к баллонам. На ощупь достал клапан регулятора, переключился на резерв. Теперь в его распоряжении было еще несколько секунд, и Тим их использовал на то, чтобы собрать кое-что из валявшегося на полу и сунуть добычу в мешок, прицепленный к поясу.

Он выплыл из магазина, вынырнул на поверхность. Обнаружил, что оказался на большом расстоянии от лодки. Он замахал рукой, привлекая внимание оставшихся в лодке, подождал, пока они подгребут к нему. Его втащили в лодку. Выдохся он полностью.

— Нашли какую-нибудь пищу? — Хорри Джексона интересовало лишь одно.— Пока есть возможность пополнять воздух в баллонах, нужно будет поискать еду. Когда вернемся к Портервиллю, я покажу места, где должна быть еда. Вы за ней нырнете, и мы поделимся.

Тим покачал головой. На душе скребли кошки.

— Это был универмаг,— сказал он.

— Снова разыскать его сможете?

— Наверное, смогу. Он сейчас как раз под нами.

Видимо, сможет, и там есть немало того, из-за чего стоит потрудиться, вытаскивая находки из воды. Но Тим так вымотался, что не мог восхищаться найденным. И ощущал он лишь одно: ужасающее сознание утраты. Он обернулся к Джейсону Гилкудди. Лишь Джейсон сможет понять его, если вообще кто-либо сможет.

— Каждый, понимаете, каждый мог прийти туда и купить, что ему надо,— сказал Тим.— Бритвенные лезвия, носовые платки, калькуляторы. Книги. Каждый был в состоянии купить все это. И если мы на протяжении долгого времени будем упорно трудиться, может быть, некоторым из нас удастся дожить до того времени, когда эти товары будут продаваться снова.

— Так что вы доставили на поверхность? — требовательно спросил Адольф Вейли.

— Универмаг,— сказал Хорри Джексон.— Вам удалось раздобыть что-либо из списка Форрестера? Растворитель? Аммиак? Что-нибудь в этом роде?

— Нет.— Тим протянул свой мешок.

Мешок раскрыли. В нем обнаружили бутылку с жидким мылом

и детскую игрушку. Все уставились на Тима странными взглядами — все, кроме Джейсона Гилкудди, положившего руку на плечо Тима.

— Вы не в том состоянии, чтобы сегодня нырять,— сказал он.

— Дайте мне полчаса, и я схожу вниз снова,— сказал Тим.

Хорри Джексон снова полез в мешок Тима. Рыболовные крючки и леска. Пустая коробка из-под трубочного табака. Земляные орехи. Хорри открыл банку, пустил ее по кругу. Тим взял горсть. Орехи были на вкус... словами не передать, до того вкусно. И почему-то напоминало о вечеринке с коктейлями.

— Иногда после погружения под воду в голове возникают странные мысли,— сказал Тим и тут же понял, что эта фраза ничего не объясняет. Весь утерянный им, Тимом, мир находился сейчас там, под водой. Мир, превращенный в развалины.

— Угощайтесь,— сказал Гилкудди.— Тут еще на глоток осталось.

Он протянул Тиму бутылку виски. Тим даже не помнил, что подобрал эту бутылку. Один глоток, и нёбо обожгло взрывным ностальгическим пламенем,— и бутылка полетела далеко за борт, в воду. И там, в восточной части моря, почти на линии горизонта, Тим вдруг заметил зловещие пятнышки: лодки Нового Братства.

— Включайте мотор, Хорри. Быстрее включайте мотор. Они перехватят нас,— сказал Тим.

Двигатель заработал, и Тим, балансируя, весь подался вперед, пытаясь разглядеть больше подробностей. Но все, что он мог увидеть,— это множество маленьких лодок. А одна лодка была большего размера... Это же баржа, и на ней что-то установлено.

— Мне кажется, они волокут с собой орудийную платформу.

Те, кем жертвуют

Не их вина, что никто не объяснил им, что подлинное назначение армии — сражаться. И что удел солдата (избегнуть которого могут лишь немногие) — страдать, а если понадобится, то и умирать.

Т. Р. Ференбах.
Такова война

Вид у Дана Форрестера был изнеможденный. Он сидел в инвалидном кресле на колесиках, которое мэр Зейц добыл в местном санатории. Было видно, что Дан борется с собой, стараясь не заснуть. От холода он был защищен неплохо: шерстяное одеяло, куртка с капюшоном, фланелевая рубашка и два свитера (один из которых был на три размера больше, чем нужно. Именно этот свитер был почему-то надет задом наперед). Пуля двадцать второго калибра не смогла бы пробить такой слой одежды.

Амбар не отапливался. Снаружи завывал ветер, дующий со скоростью двадцати пяти миль в час. А если порывами — то со скоростью вдвое большей. Ветер нес с собой снег. Раскачивающаяся керосиновая лампа отбрасывала яркий круг света, оставляя противоположный конец построенного из бетона амбара в тени.

Трое мужчин и две женщины вручную крутили бетономешалку. Остальные лопатами заполняли ее. Двое сыпали порошок красного цвета, один — алюминиевого. Бетономешалка вращалась. Воду не добавляли. Когда порошки оказывались как следует перемешанными, содержимое бетономешалки выгребали и рассыпали по банкам, добавляя гипс.

Вошла Маурин Джеллисон, стряхнула снег с волос. Стоя на пороге, она вглядывалась несколько секунд, потом подошла к Форрестеру. Он не замечал ее, и Маурин пришлось потрясти его за плечо:

— Дан... Доктор Форрестер...

Он поднял на нее тусклый, застывший взгляд:

— Что?

— Вам нужно что-нибудь? Кофе? Чай?

Он долго обдумывал ее слова. Потом сказал:

— Нет. Я не пью ни чая, ни кофе. Что-нибудь содержащее сахар... Кока-колу. Или просто подслащенную воду. Горячую подслащенную воду.

— Вы уверены, что этого достаточно?

— Да, спасибо.

Что мне нужно, подумал он, так это годный к употреблению, не испортившийся инсулин. Никто здесь не знает, как изготовляется инсулин. Если у меня когда-нибудь окажется свободное время, я сделаю его сам, но сперва...

— Но сперва нужно делать то, что поможет снова восторжествовать цивилизации.

— Что?

— Я ведь знал, что приближается война,— сказал Дан.— И я наблюдал, что делают имущие. Поведение бедняков интересовало меня тогда в гораздо меньшей степени.

— Я принесу чай,— сказала Маурин. Подошла к поворачивающему бетономешалку мужчине: — Гарви, папа ждет вас в доме.

— Хорошо,— ответил Гарви Рэнделл.— Брэд, вы останетесь с доктором Форрестером. Постарайтесь, чтобы...

— Знаю,— отозвался Брэд Вагонер.— Мне кажется, что ему бы следовало немного поспать.

— Не могу,— Форрестер был далеко от них, они никак не думали, что он их услышит... И во всяком случае, выглядел он так, будто вот-вот умрет. А мертвые не слышат.— Мне нужно сейчас быть в соседнем амбаре.— И Дан начал привставать.

— Черт возьми, оставайтесь в кресле,— закричал Вагонер.— Я перевезу вас.

Вслед за Маурин Гарви вышел из амбара. Дул ветер, и поэтому он поплотнее застегнул одежду. Недолгое время они шли в молчании. Наконец Гарви догнал Маурин.

— Не знаю, о чем говорить,— сказал он.

Маурин покачала головой.

— Ты действительно любишь его?

Маурин обернулась, выражение ее лица было странным.

— Не знаю. Думаю, папа хотел бы этого. Тебя от этого не мутит? Траханье в политических целях! Ибо что папе нравится, так это воинское звание Джонни. Мне кажется, что он склонен признать законность Колорадо-Спрингс.

— Странно сказано. Ладно, это удобный выход.

— Удобный... удобный ли? Гарви, Джонни спал со мной задолго до того, как мы с тобой встретились. И спала я с ним вовсе не потому, что мне это было приказано.

— Да? — Гарви внезапно улыбнулся. Маурин увидела эту улыбку, удивилась. Но Гарви не стал ничего объяснять, не упомянул о тираде Джорджа Кристофера. Даже мысли не возникло это сделать.— Какие-нибудь шансы у меня есть?

— Не спрашивай меня сейчас. Подожди, пока вернется Джонни. Подожди, пока все это закончится.

Закончится? Когда это будет? Гарви выкинул из головы эту мысль. Слишком уж легко впасть в отчаяние. Сперва падение Молота и смерть Лоретты. Кошмарная езда, когда Гарви Рэнделл мертвым грузом валялся на пассажирском сиденье, свернувшись клубком. Надо готовиться к зиме, страшной зиме. Когда-то ледники в этих местах уже были. Каждый чертов камень в этой чертовой стене служит напоминанием об этом. Гарви чуть не завыл: разве всего этого еще не достаточно? Разве не достаточно, чтобы появились еще и людоеды, отравляющие газы, термит?

— Ты не сказала «нет»,— сказал Гарви.— Буду надеяться.

Маурин ничего не ответила, и это добавило Гарви бодрости.

— Я знаю, что ты сейчас должна чувствовать,— сказал он.

— Знаешь...— голос Маурин был горек.— Я — награда победителю соревнования. Мне всегда казалось, что это смешно: бедная маленькая богатая девочка. И внезапно оказалось, что здесь ничего нет смешного.

Они подошли к дому, вошли в него. На полу гостиной сенатор Джеллисон и Эл Харди расстилали карты. Рядом стояла Эйлин, держа в руках бумаги — что-то из бесконечного бумажного набора Харди.

— У вас озябший вид,— сказал Джеллисон.— Там в термосе есть что-то горячее. Мне не хочется просить, чтобы принесли чай.

— Спасибо.— Гарви налил себе чашку. Пахнул напиток пивом и по вкусу очень напоминал пиво, но был горячим. Напиток согрел Рэнделла.

— Есть прогресс? — спросил Харди.

— Некоторый. Термитные бомбы уже изготовляются, но производство взрывателей пока дело будущего. Далее: в амбаре Гала готовится дьявольское варево, из которого, как утверждает Форрестер, должен получиться горчичный газ. Но сколько времени продлится реакция, Форрестер пока точно сказать не может. Чтобы исключить несчастные случаи, он свое варево готовит медленно.

— Нам его оружие может понадобиться раньше, чем мы думали,— сказал Джеллисон.

Гарви быстро глянул на сенатора:

— Сэр?

— Час назад мы получили радиосообщение от Дика,— сказал Джеллисон.— Разобрать практически ничего не удалось. Алис взяла

еще один радиоаппарат, чтобы доставить его на вершину Черепаховой горы.

— Алис? На Черепаховую гору? — недоверчиво переспросил Гарви.

— Она расположена на прямой, соединяющей нашу территорию с территорией Дика,— сказал Эл Харди.— А радиосвязь в последнее время улучшается. На этот раз ее, видимо, удастся наладить.

— Но Алис? Двенадцатилетняя девочка?

Харди холодно глянул на Гарви:

— Вам известен кто-нибудь еще, у кого было бы больше шансов верхом на лошади добраться до вершины горы ночью и по снегу?

Гарви начал было говорить, что да, такие люди ему известны, разумеется, но затем передумал. Если нужно, чтобы на гору в темноте забрался человек на лошади, то для этого как раз подходят Алис и ее жеребец. И все равно — нельзя посылать в снег, во тьму маленькую девочку. Разве не для того и существует цивилизация, чтобы обеспечить защиту таким, как Алис Кокс?

— А пока что,— продолжал Харди,— мы объявили тревогу. На всякий случай. Сейчас как раз загружают боеприпасами ваш вездеход.

— Но... как вы думаете, что хотел сообщить Дик? — спросил Гарви.

— Трудно сказать,— усталым голосом ответил Джеллисон. Он выглядел таким же измотанным, как Форрестер. Звучал его голос мрачно: — Как вы знаете, сегодня днем Новое Братство попыталось захватить ядерный центр.

— Я этого не знал.— Гарви почувствовал облегчение.

Ядерный центр был расположен более чем в пятидесяти милях от «Твердыни». Новое Братство направило свой удар на АЭС, не на «Твердыню». Сражаться с ними пришлось Бейкеру. Облегчение, а затем чувство вины, и это чувство Гарви вышвырнул из своего мозга, ибо меньше всего сейчас ему нужно было ощущать себя виноватым.

— И что произошло?

— Они приплыли к АЭС в лодках,— сказал Эл Харди.— Потребовали капитуляции, а когда мэр Аллен послал их к черту...

— Что? Подождите! Мэр Аллен?

Харди не стал скрывать раздражения, вызванного тем, что его прервали:

— Мэр Бентли Аллен стоит во главе Сан-Иоаквинского ядерного центра. Нет, подробностей я не знаю. Дело в том, Рэнделл, что Новое Братство отрядило для нападения на ядерный центр около двухсот человек. Не так уж много для атаки. Успеха они не добились и своего нападения не возобновляли.

Гарви оглянулся на Маурин. Она укладывала в портфель мед, сахарный песок и термос. Она уже знала о сражении на АЭС, и вид у нее был такой, будто кого-либо из ее близких там убили.

— Потери? — спросил Гарви.

— Небольшие. Один убит — из числа полицейских мэра. Трое ранены, не знаю, насколько тяжело. Из тех, кого мы послали на выручку АЭС, не пострадал никто.

— Гм. Хорошая новость. Я знал Бентли Аллена,— сказал Гарви.— Знаю, что во время падения Молота он был в городском совете Лос-Анджелеса. Он как раз человек того сорта, чтобы невредимым выпутаться из этого. Странно, однако, что мы заранее всегда предполагаем, что те, кого нет в «Твердыне», наверняка мертвы.

Эл, Маурин и сенатор глядели на Гарви очень внимательно, очень серьезно.

— Но куда более странен следующий факт,— сказал Гарви.— Двести членов Нового Братства нападают на ядерный центр. Это означает... так, что же это означает? — Гарви додумал мысль до конца, вывод, к которому он пришел, ему не понравился.— Они решили, что захватить ядерный центр будет нетрудно. И свои главные силы направили в какое-то другое место. Сюда? Конечно, сюда. Ударить прежде, чем мы успеем подготовиться.

Харди кивнул. Его губы сжались — это была не усмешка, так на его лице отразилось испытываемое им отвращение к себе.

— Черт возьми, мы сделали все, что только было в наших силах.

— Руководил я,— сказал Джеллисон.

— Да, сэр. Но я обязан был подумать об этом. Мы были так заняты, пытаясь подготовиться к зиме. У нас просто не было времени думать об обороне.

— Черт побери, мы были *обязаны* подготовиться к обороне,— сказал Гарви.— Нельзя было ждать, что вся эта чертова армия двинется в долину Сан-Иоаквин.

— Почему же я этого не сделал? — сказал Харди.— Ведь обязан был сделать. А получается так, что ничего не сделал, и теперь всем нам придется расплачиваться за мои ошибки.

— Послушайте,— сказал Гарви.— Если б вы не заставили нас всех работать над производством и добычей пищи, здесь бы попросту было нечего защищать. Вы не должны...

Радиоприемник, стоявший рядом с Эйлин, ожил. Из него донесся голос Алис Кокс — чистый, юный и испуганный.

— Сенатор, это я, Алис.

— Продолжай, Алис,— сказала в микрофон Эйлин.

— Мистер Вильсон сообщает, что сейчас они подвергаются сильному нападению,— сказала Алис Кокс.— Нападающих много. Сотни. Мистер Вильсон говорит, что их больше пятисот. Мистер Виль-

сон говорит, что он не может отбить нападение. Он сообщает, что начал отступление, и просит инструкций.

— Дерьмо! — сказал Гарви Рэнделл.

— Скажите ей, что мы передадим инструкции для него через пять минут,— сказал сенатор Джеллисон.

Эйлин кивнула:

— Алис, они могут подождать пять минут?

— Наверное, могут. Я передам мистеру Вильсону.

— Вы не выглядите удивленными,— сказал Гарви.— Вы предвидели все это заранее?

Эл Харди отвернулся. Сенатор Джеллисон ответил, осторожно подбирая слова:

— Удивлены? Нет. Я надеялся, что Новое Братство подождет, пока истечет срок их ультиматума, но меня не удивляет, что они не стали ждать.

— Так что же мы теперь будем делать? — спросил Гарви.

Эл Харди склонился над картой.

— Мы работаем над этим с момента получения их ультиматума. Я послал всех, кого только можно было оторвать от работы на Форрестера, рыть окопы и траншеи вот в этих горах.— Он показал на линии, прочерченные на карте карандашом.— Шеф Хартман и его люди работают здесь уже второй день подряд. Джордж Кристофер должен вернуться не раньше чем через три дня. Мы надеемся, что он приведет с собой подкрепление, но твердо рассчитывать на это не можем. Люди Хартмана очень устали, они не успеют закончить свои земляные работы вовремя. И я прихожу к выводу, что работа по созданию супероружия Форрестера еще далека от завершения.

— Вы правы. Он считает, что закончит работу над своим оружием на следующей неделе,— сказал Гарви.

— Которой у нас не будет,— пробормотал Джеллисон.

Эл Харди кивнул.

— Гарви, вы проработали весь день. Но вам не пришлось, как людям Хартмана, рыть землю. Кому-то нужно попытаться выиграть для нас время.

Гарви уже ожидал этого.

— Вы имеете в виду меня.

Он увидел, что Маурин в углу застыла — в руке портфель, куда она укладывала сассафрас и мед. Она стояла возле двери, смотрела на тех, кто остался в комнате.

— Поскольку меня кормили, в качестве оплаты я обязан выиграть время,— сказал Гарви.

— Примерно так,— сказал Джеллисон. Глянул на Маурин.— То, что происходит здесь, для тебя важно?

Она кивнула.

— Ты сможешь побеседовать с ним до того, как он уйдет. У него еще есть около часа,— сказал Джеллисон.

— Спасибо.— Маурин открыла дверь.— Будь осторожен, Гарви. Пожалуйста.— И вышла.

— Я подготовил для вас помощников,— бодро сказал Эл Харди.

Теперь, когда решение было принято, он снова был сама деловитость. Гарви подумалось, что встревоженный Харди ему нравится как-то больше.

— Хотя и не лучших из тех, кто находился в нашем распоряжении. В общем, боюсь, что это будут дети.

— То есть те, кем можно пожертвовать,— сказал Гарви Рэнделл, стараясь, чтобы голос его звучал ровно.

— Если это окажется необходимым,— ответил Эл Харди.

Самое худшее, подумал Гарви, заключается в том, что такой подход разумен. Нет смысла для выигрыша времени посылать на смерть своих лучших людей. Пусть хорошие солдаты окапываются, а послать нужно тех, кем можно пожертвовать. Харди жертвует мной! «Твердыня» жертвует мной...

— Мы не ожидаем от вас чудес,— сказал сенатор Джеллисон.— Но то, что поручаем вам,— дело важное.

— Понимаю,— ответил Гарри.

— Мы полагаем, что вам лучше отправиться на вездеходе,— сказал Харди.— Радиоаппаратура в него уже погружена. Берите вездеход, берите с собой снаряжение, сколько поместится,— и отправляйтесь выигрывать для нас время. Если удастся, выиграйте для нас несколько дней. Но хоть несколько часов обеспечьте нам в любом случае. Как сказал сенатор, мы не ожидаем от вас чудес. Люди Дика начнут отступление. Они будут сжигать мосты, будут взрывать все, что удастся. Идите на встречу с ними. Возьмите с собой бензопилы, лебедку, динамит. Сделайте дорогу непроходимой.

— Пусть они смогут передвигаться только пешком,— добавил Джеллисон.— Превратите Новое Братство в пешее войско. Разрушайте дороги. Только этим вы выиграете для нас день, а возможно, и больше.

— Сколько времени я должен продержаться? — спросил Гарви. Дыхание у него перехватывало, но он старался, чтобы этого никто не заметил. На то, чтобы справиться с нервами, нужно время, думал он. А на то, чтобы перепугаться до ужаса, никакого времени не требуется.

Джеллисон рассмеялся.

— Я не могу приказать вам держаться до момента, пока вас убьют. Может, я бы и приказал, если б считал, что вы сможете... Впрочем, это неважно. Просто передайте Дику, что его люди могут ухо-

дить с вами, и возвращайтесь сюда. Держитесь сколько сможете... Может быть, вам в голову пришла какая-нибудь идея получше?

Гарви покачал головой. Он уже пытался придумать что-нибудь получше — не получалось.

— Вы это сделаете? — резко спросил Харди, словно пытаясь уличить Гарви во лжи.

Этот тон дьявольски раздражал, и потому Гарви ответил тоже резко:

— Да.

— Молодец,— сказал Харди.— Эйлин, сообщение для Дика: «Операция "Выжженная земля" начинается».

* * *

В группу Рэнделла входили: дюжина мальчиков (самому старшему семнадцать), две девушки подросткового возраста, сам Гарви Рэнделл и Мария Ванс.

— Что вы здесь делаете, черт побери? — вопросил Гарви.

Мария пожала плечами:

— Сейчас в моем поварском искусстве «Твердыня» не так уж нуждается.— Одета она была по-походному: сапоги, шапка с наушниками, одежда в несколько слоев (самый верхний слой — куртка, состоящая, как казалось, сплошь из карманов). В руках Марии — винтовка с телескопическим прицелом.— Мне уже приходилось охотиться на лис. Я умею водить машину. И вы это знаете.

Гарви глянул на остальных назначенных в его отряд — и постарался не выказать страха. Он знал лишь некоторых. Томми Таллифсену, семнадцатилетнему парнишке, предстояло быть его заместителем. Гарви не мог представить, какое положение в группе займет Мария.

— Томми, ты поведешь машину.

— Хорошо, мистер Рэнделл. Со мной будет Барбара Энн, если не возражаете.

— Не возражаю,— ответил Гарви.— Ладно, все в машину.— Он вернулся на веранду.— Господи, Эл, это же дети!

Во взгляде Эла смешалось разочарование с неудовольствием. В этом взгляде читалось: «Ты мешаешь выполнению намеченных мною планов». Или, может: «Не гони волну».

— Они — это все, чем мы располагаем. Поймите, это не просто дети, а дети фермеров. Они умеют стрелять, и большинству из них уже приходилось иметь дело с динамитом. Они хорошо знают эти горы. Не преуменьшайте их возможности.

Гарви покачал головой.

— И наконец,— продолжал Харди,— если они погибнут, то будут мертвы точно так же, как в том случае, если победит Новое

Братство. То же касается и Марии, и вас, и меня. Черт побери, нельзя сдаваться до того, как началось сражение!

— Нельзя. Но если в твоем распоряжении всего четыре ружья?

— Ружья — это то, чем мы можем пожертвовать. Отправляйтесь делать порученное вам дело. Не теряйте понапрасну времени.

Гарви кивнул, пошел к двери. Может быть, дети фермеров отличаются от всех прочих детей. Нужно в это верить... потому что он уже слишком много видел ребят, городских ребят, постарше, чем эти, во Вьетнаме. Ребят, только что выпущенных из тренировочных лагерей. Они не умели сражаться. Они только боялись. До ужаса. Беспрерывно боялись. Гарви снял о них несколько фильмов. Но армия от этих фильмов не сделалась лучше.

И он сказал себе: мы не сдались, мы не сдаемся еще до начала сражения. Может быть, все получится самым великолепным образом. Может быть.

* * *

В городе сделали остановку. Загрузили грузовик припасами. Часть припасов пришлось переместить в багажник на крыше вездехода: динамит, пилы, бензин, кирки и лопаты, пятьдесят галлонов отработанного машинного масла. Когда все было погружено, Гарви приказал Марии вести машину. Сам он сел на заднее сиденье. На переднем разместился один из местных ребят с картой. Машина покатила по шоссе, ведущему из долины.

Гарви попытался разговорить ребят: ему хотелось узнать их получше, но ребята в разговор вступали не слишком охотно. Они отвечали на вопросы, причем отвечали вежливо, но каждый из них сидел, погруженный в собственные думы. Через некоторое время Гарви откинулся на спинку сиденья, попытался расслабиться, отдохнуть. Но от этой позы в мозгу всплыло воспоминание о времени, когда вездеходом тоже управляла Мария, воспоминания о времени ужаса — и Гарви рывком выпрямился.

Автомобили выехали из долины. Гарви почувствовал себя голым, беззащитным. Чтобы добраться в эту долину, ему, Марку, Джоанне и Марии пришлось перенести слишком много. Ему захотелось узнать, о чем думают ребята. И о чем думает девочка по имени Марилоу, Гарви никак не мог вспомнить ее фамилию. Ее отец был городским фармацевтом, но к аптекам она никакого интереса не проявляла. Похоже, гораздо больше, чем любая аптека, ее интересовал мальчик, рядом с которым она сидела. Гарви вспомнил, что этого мальчика звали Биллом. Билл и Марилоу ухитрились получить государственную стипендию. Остальные ребята считали их не

совсем нормальными: желания Марилоу и Билла простирались слишком далеко, вплоть до колледжа.

Мария выехала к гребню горы. Гарви никогда не бывал здесь прежде. На самой вершине виднелись движущиеся огоньки: люди Хартмана продолжали рыть траншеи, возводить укрепления. Работы продолжались, несмотря на то что уже была ночь, несмотря на пронзительно холодный ветер. Застава по ту сторону гребня охранялась только одним человеком. Стражник съежился в крохотном укрытии. Машина миновала заставу. Теперь можно считать, что они окончательно выехали из долины.

Он видел это, он ощущал это: автомашина въезжала во вселенский хаос, порожденный падением Молота. Сделалось очень страшно. Гарви заставил себя сидеть тихо. Заставил себя не закричать Марии, чтобы она тормозила, чтобы она разворачивалась, чтобы она возвращалась обратно — туда, где безопасно. Хотелось бы знать, ощущают ли остальные то же самое. Лучше не спрашивать. Пусть каждый из нас считает, что никто, кроме него самого, не боится. Что никому, кроме него самого, не хочется обратиться в бегство. В неестественном молчании пассажиры вездехода продолжали ехать все дальше.

Местами дорога была размыта, но машина объезжала разрушенные участки. Гарви отмечал в памяти места, где дорогу можно будет легко заблокировать. Указывал на эти места остальным сидящим в машине. Шел перемешанный с дождем снег, за окнами машины — густая тьма. Видно было плохо. Карта показывала, что вездеход уже въехал в соседнюю долину. К югу лежали горы, гораздо более низкие, чем те, что окружали «Твердыню». Здесь и произойдет сражение. Снизу тянулся один из рукавов реки Тьюл — главной линии обороны «Твердыни». Далее лежали земли, которые Харди даже не пытался удержать. Через несколько дней, а может быть, и всего через несколько часов эта долина, по которой они сейчас едут, превратится в поле сражения, в поле смерти.

Гарви попытался представить. Шум, непрерывный шум. Тарахтенье автоматов, треск винтовочных выстрелов, грохот мортир, взрывы динамита. Крики раненых и умирающих. Здесь не будет спасительных вертолетов и полевых госпиталей. Во Вьетнаме раненые часто попадали в госпиталь быстрее, чем оставшиеся дома гражданские после уличной катастрофы попадали в больницу. Здесь таких благоприятных условий у них не будет.

У них? Не у них, подумал Гарви. *У меня*. Кто это сказал: «Разумно действующая армия должна обращаться в бегство»? Кто-то. Но куда бежать?

В Сьерру. Бежать к Горди и Энди. Разыскать сына. Долг муж-

чины — быть со своими детьми... Прекрати! Веди себя как подобает мужчине, приказал себе Гарви.

Вести себя как подобает мужчине — это спокойно сидеть в машине, везущей тебя туда, где тебя убьют?

Да. Иногда. На этот раз — да. Думай о чем-нибудь другом. О Маурин.

Размышления на эту тему радости тоже не принесли. Самому непонятно, почему он так поглощен Маурин. Ведь он едва ее знает. Они провели здесь вместе день, с того дня прошла целая вечность, они тогда любили друг друга. С тех пор им еще выпадало любить друг друга — три раза, украдкой. Не так много, чтобы не представлять без нее свою дальнейшую жизнь. Может, он так тянется к ней потому, что она гарант безопасности, силы, власти? Вряд ли это так, Гарви был уверен, что тут какие-то другие причины. Но если рассуждать объективно, что это за причины? Верность? Верность женщине, любовником которой он оказался? Что-то вроде той верности, которая связывала его с Лореттой? Такой ответ Гарви никак не устраивал.

Во мраке виднелись огни — несколько огней. Светились окна домов, расположенных на будущем поле битвы. Эти дома еще не были покинуты их обитателями. И те, кто оставался в этих домах, не занимали мыслей Гарви. По-видимому, им уже все известно. Вездеход ехал все дальше, пассажиры молчали. Машина выехала к южному рукаву реки Тьюл. Пересекла его. Теперь дороги назад не было. Группа Гарви оказалась вне пределов линии обороны «Твердыни». И помощи ждать неоткуда. Гарви ощутил, какое напряжение охватило его товарищей. И от этого, как ни странно, на душе его посветлело. Каждый из сидящих в машине боится, но никто не высказал этого.

Вездеход повернул к югу, перевалил через гребень к следующей долине. Земля по обе стороны дороги была ровная, гладкая. Гарви приказал остановиться и установить мины. Мины были самодельные: банки, в них динамит со взрывателями, а поверх — гвозди и битое стекло. Сверху в каждую банку был воткнут ружейный патрон, а точно над патроном — присыпанная землей доска с торчащим из нее гвоздем.

Мария глядела, недоумевая.

— Как вы заставите их именно в этом месте сойти с дороги? — спросила она.

— Вот для этого-то мы и взяли с собой масло,— Гарви вместе с ребятами откатил бочку с машинным маслом на обочину дороги.— Когда будем проезжать мимо, выстрелами пробьем в бочке дыры. А если дорога залита маслом, пройти по ней невозможно.

Поехали дальше. Гребень. Долина. Гребень. Долина. Дорога извивалась, пересекая впадины гребней. Местность была неровная,

частично залита водой. Они уже отъехали на десять миль от «Твердыни», когда повстречали первый грузовик с людьми Дика Вильсона. Грузовик был забит женщинами, детьми и ранеными мужчинами. И всяким домашним барахлом. Наверху и по бокам грузовика были привязаны корзины, наполненные всем чем угодно: кастрюлями, сковородками, ни на что не нужными предметами мебели, драгоценной пищей, драгоценнейшими удобрениями, бесценными боеприпасами. Кузов грузовика был покрыт брезентом, под которым — вперемешку — находились люди и вещи. Простыни и шерстяные одеяла. Птичья клетка без птицы. Жалкое имущество — но теперь это было все, чем владели эти люди.

Через несколько миль повстречалось еще несколько грузовиков, потом две легковые автомашины. Водитель последней легковушки понятия не имел, следует ли ожидать еще машин. Вездеход пересек широкую реку. Гарви велел остановиться и установить динамитные заряды. Местонахождение взрывателей отмечалось обломками камней, так что любой из группы мог без труда разыскать мины и взорвать мост.

Небо на востоке приобрело слабый серовато-красный оттенок. Вездеход как раз достиг вершины последнего гребня, за которым начинались низкие, покатые холмы — земля Дика Вильсона. Вездеход продвигался вперед с осторожностью: все понимали, что Новое Братство может кинуться в погоню за людьми Дика Вильсона, может выслать солдат для охраны дороги... Но никто не вставал на пути вездехода. Машину остановили, прислушались. Издалека донеслись отзвуки редкой пальбы.

— Ладно,— сказал Гарви.— Принимаемся за работу.

Гарви и его товарищи валили деревья. Дорогу перегородили завалом. Точнее, лабиринтом из стволов деревьев: машина могла бы пройти, но только медленно, осторожно, останавливаясь, пятясь и разворачиваясь. Приготовили динамитные бомбы и установили их в подходящих местах, чтобы швырять сверху на дорогу. Потом Гарви послал половину своего отряда на фланги, остальных отправил с вершины холма пониже. Ребята подпиливали деревья, чтобы впоследствии, когда нужно, их можно было легко свалить. Ушедшие на фланги и сам Гарви слышали визг пил, а иногда и резкое «бах!» — такой звук производит взрыв половинки динамитной палочки.

Серое небо над Хай Сьеррой превратилось в красное. Вернулись те, кто валил деревья.

— Еще спилить пару деревьев да взорвать заряды — и дорога станет непроходимой на целые часы,— доложил Билл.— Так что заблокировать ее труда уже не представляет.

— Мне кажется, лучше бы это сделать прямо сейчас,— сказал кто-то.

Билл оглянулся, потом снова повернулся к Рэнделлу.

— Может быть, подождем машину мистера Вильсона?

— Да, подождем,— сказала Мария.— Будет ужасно, если мы перегородим дорогу перед своими.

— Разумеется,— согласился Гарви.— Если Братство появится раньше Дика, перед завалом им придется остановиться. Давайте устроим перерыв.

— Стрельба стала ближе,— сказал один из мальчиков.

Гарви кивнул:

— Мне тоже так кажется. Но наверняка сказать трудно.

— По мусульманскому определению, уже рассвело на самом деле,— сказала Мария.— Рассвет — это когда можешь отличить белую нитку от черной. Так говорится в Коране.— Мария прислушалась.— Я слышу, что к нам кто-то едет. Грузовик.

Гарви свистнул. Крикнул находившимся поблизости ребятам, чтобы они рассредоточились. На дороге никого не осталось. Они ждали, а шум мотора грузовика делался все ближе и ближе. Машина вывернула из-за поворота. Завизжали тормоза, и она остановилась почти вплотную у первого поваленного дерева. Это был большой грузовик. В сером полусумраке утра он казался лишь каким-то смутно очерченным предметом.

— Кто вы? — крикнул Гарви.

— А вы кто?

— Вылезайте из машины. Мы хотим вас увидеть.

Кто-то выпрыгнул из грузовика. Встал на дороге.

— Мы — люди Дика Вильсона,— прокричал он.— Кто вы?

— Мы из «Твердыни».— И Гарви направился к грузовику.

Один из мальчиков обогнал его. Немного обогнал — и, вскочив на подножку, заглянул в кабину. И тут же соскочил обратно.

— Это не...

Закончить он не успел. Протрещали пистолетные выстрелы, и мальчик упал. Что-то тяжелое ударило Гарви в левое плечо и опрокинуло его на спину. Стреляли все чаще, из грузовика выпрыгивали люди.

Мария Ванс выстрелила. И сразу же начали стрелять с обочин дороги и с нависших над нею скал. Гарви изо всех сил пытался разыскать свою винтовку. Падая, он уронил ее, и теперь царапал землю ногтями и никак не мог ее нащупать.

— Ложись! — завопил кто-то.

И что-то шипящее, плюющееся искрами, шлепнулось прямо перед грузовиком и закатилось под него. Ничего не произошло и не происходило целую вечность, гремели выстрелы, и наконец динамит взорвался. Грузовик чуть приподняло, поплыл запах бензина, а затем грузовик взорвался, скрывшись во взметнувшемся столбом пламени. Вокруг разливался бензин, и огонь плясал в воздухе со-

всем рядом с лицом Гарви. Он видел мечущихся в пламени людей — мужчин и женщин. Хлопали все новые выстрелы.

— Прекратите! Прекратите стрелять! Вы напрасно тратите патроны.— К горящему грузовику бежала Мария Ванс.— Прекратите! — Выстрелы смолкли, не было слышно ничего — лишь треск пылающего грузовика.

Гарви наконец нашел свою винтовку. В левом плече — пульсирующая боль. Гарви боялся посмотреть, но все же пересилил себя и глянул, ожидая увидеть кровавую рану. Но не увидел ничего. Вообще ничего. Он ощупал плечо. Было больно. Гарви расстегнул пиджак и обнаружил большой синяк. Рикошет, подумал он. В меня ударила срикошетившая пуля, но не смогла пробить толстую материю пальто и пиджака. Гарви встал и пошел вниз к дороге.

Та девочка, Марилоу, пыталась подойти ближе к костру, двое ребят не пускали ее. Она ничего не говорила, просто старалась пересилить их, и все смотрела на горящий грузовик и разбросанные возле него трупы.

— Он был мертв еще до того, как упал на землю,— закричал один из мальчиков.— Мертв, черт побери, ты ничего не сможешь сделать.— Ребята, казалось, уже мало что понимали — так они смотрели на пламя и мертвые тела.

— Кто? — спросил Гарви. Показал на труп мальчика, лежащий неподалеку от грузовика. Мальчик лежал ничком. Спина его горела.

— Билл Думмери,— ответил Томми Таллифсен.— Надо ли нам... Что теперь будем делать, мистер Рэнделл?

— Вы знаете, где Билл установил свои заряды?

— Да.

— Покажите мне. Пора их зарывать.

Они двинулись вниз по склону. Быстро светлело. Сто ярдов, двести. Добрались до нависшей над дорогой скалы. Томми показал. Гарви нагнулся, собираясь поджечь бикфордов шнур, но Томми схватил его за плечо.

— Приближается еще одна машина,— сказал он.

— Да и черт с ней.— Гарви снова нагнулся к бикфордову шнуру. Но выпрямился.— Мы успеем произвести взрыв до того, как они подъедут сюда. Вернись наверх и предупреди ребят. Все равно мимо горящего грузовика они проехать не смогут. Не приближайтесь к машине до тех пор, пока *точно* не выясните, кто в ней находится.

— Хорошо.

Гарви ждал, проклиная себя, Дика Вильсона, Новое Братство, Билла Думмери вместе с его госстипендией и девочкой по имени Марилоу. Моя вина.

Машина подъехала ближе, взбираясь по склону. Грузовик, наби-

тый людьми. Никакого барахла не видно. На багажнике, на крыше кабины стояли дети — двое, закутавшиеся, чтобы защититься от ветра, в старомодные плащи. Грузовик подъехал ближе, и Гарви узнал мужчину, стоявшего в кузове возле кабины. Это был один из фермеров, приходивших с Вильсоном в «Твердыню». Кажется, звали его Винг.

В грузовике были женщины и дети. И мужчины в пропитанных кровью повязках. Некоторые неподвижно лежали в кузове. Перегруженная машина ползла вверх по склону. Гарви подождал, пока она пройдет мимо, потом поджег бикфордов шнур и побежал вслед за грузовиком. Бежал изо всей мочи. За спиной взорвался динамит, но скала не обрушилась на дорогу. Перед завалом грузовик остановился. Сомнений, чей это грузовик, ни у кого не возникло. Ребята вылезли из укрытия. Винг соскочил на землю. Вид у него был измотанный, но ни ран, ни повязок на нем видно не было.

— На черта вам нужно было блокировать дорогу до того, как мы проехали! — закричал он.

— Заткнись, мать твою! — в ярости завизжал Гарви. Он изо всех сил старался овладеть собой. Грузовик был набит ранеными женщинами и детьми, и все они были полумертвы от изнеможения. Гарви затряс головой. Его захлестывали обида, негодование и жалость.

— Гоните сюда вездеход,— крикнул он Марии Ванс.— Чтобы расчистить для них дорогу, нам понадобится лебедка.

* * *

Пришлось распилить два бревна и вытащить их, чтобы грузовик мог миновать завал. На это ушло полчаса. Пока вытаскивали бревна, Гарви послал Томми Таллифсена попробовать снова обрушить скалу. Запасы динамита кончались, а нужно было еще заблокировать дорогу во многих местах. Взрывчатку следовало экономить. На этот раз скала обрушилась. Дорога оказалась перекрытой наглухо, объехать препятствие было бы трудно. Ребята, орудуя пилами, дополнительно заваливали дорогу деревьями.

— Очистили,— крикнул один из мальчиков, прокладывавших путь машине.— Можете катиться.

Винг подошел к грузовику. В кабине теснились четверо. На месте водителя сидел паренек-подросток лет примерно четырнадцати. Его роста едва хватало, чтобы дотянуться до рычагов и педалей.

— Позаботься о матери,— сказал фермер.

— Хорошо,— ответил подросток.

— Поезжай,— сказал фермер.— И...— Он покачал головой.— Поезжай.

— До свидания, папа.

Грузовик пополз прочь.

Фермер вернулся к Гарви Рэнделлу.

— Меня зовут Джейкоб Винг,— представился он.— Примемся за работу. Оттуда никто из наших больше не приедет.

* * *

Звуки боя сделались гораздо ближе. Гарви глядел на холмы, тянущиеся к морю Сан-Иоаквин. Столбы дыма отмечали горящие дома фермеров. Непрерывный треск выстрелов — словно трещала жареная кукуруза. Странно было осознавать, что не дальше чем в миле отсюда сражаются и умирают мужчины и женщины,— и ничего не видеть. А потом один из мальчиков крикнул:

— Вон кто-то бежит!

Они мчались через вершину холма, находящегося в полумиле от Гарви. Неуклюже бежали, не соблюдая никакого порядка. Лишь у немногих в руках было оружие. Бегут, объятые ужасом, подумал Гарви. Это нельзя назвать отступлением. Это бегство! Беглецы хлынули с холма в долину, бежали туда, где затаился отряд Рэнделла.

На соседний гребень выехал грузовик-пикап. Остановился, из него начали выскакивать люди. Гарви охватил ужас, когда он увидел, что по обочинам дороги тоже появились человеческие фигуры — пешие. Они подобрались так незаметно, с такой осторожностью, что прежде он не замечал их. Они что-то показывали знаками тем, кто остался в грузовике, и кто-то в кузове встал и пригнулся, опершись локтями о крышу кабины. Поднес к глазам бинокль. Линзы бинокля прошлись по людям, мчащимся вверх по склону туда, где находился Гарви. Задержались на мгновение на бегущих, затем поползли вдоль дороги. Наблюдатель тщательно оглядел каждое из сооруженных группой Гарви препятствий. Враг перестал быть чем-то отвлеченным. И Гарви Рэнделл уже не был для врагов чем-то отвлеченным. Так и должно быть.

Меньше чем через пять минут долина и дальний гребень холма заполнились вооруженными людьми. Они продвигались вперед с осторожностью. Охватывали с флангов группу Гарви. Каждое крыло охвата — в полмили. И все приближались и приближались к Гарви.

Беглецы неуклюже, пошатываясь, лезли вверх по склону. Бежали по направлению к Гарви и его ребятам — и пробегали мимо. Дышали так, будто их всех поразила внезапная пневмония. В руках у них не было оружия, и глаза ослепли от ужаса.

— Стойте! — закричал Гарви.— Остановитесь и сражайтесь! Помогайте нам!

Беглецы продолжали удирать, будто ничего и не слышали. Один из ребят Гарви встал, поглядел на неумолимо приближающуюся цепь врага и побежал, смешавшись с толпой беглецов. Гарви заорал ему, требуя остановиться. Но мальчик продолжал бежать.

— Хорошо, что остальные остались,— сказал Джейкоб Винг.— Я... черт подери, мне бы тоже хотелось удрать.

— Мне тоже.

План рушился на глазах. Новое Братство и не думало, перевалив через гребень, заняться очисткой дороги. Вместо этого солдаты врага развернулись длиннейшей цепью, и у Гарви никак не хватило бы людей, чтобы перекрыть им путь. Он надеялся задержать подольше их наступление, но шансов на это не было никаких. Если сейчас отряд быстро не отступит, Гарви и его ребята попадут в окружение. Взяв свисток, Гарви громко засвистел. Свист был такой громкий, что цепь наступавших даже смешалась на мгновение.

Гарви махнул рукой, показывая своим ребятам на грузовик и вездеход. Джейкоб Винг занял место Билла. Гарви повел было грузовик назад, но его тут же охватили сомнения.

— Надо бы попытаться. Если мы попробуем встретить их огнем...

— То ничего хорошего из этого не выйдет,— перебила его Мария Ванс.— Слишком много прикрытий, и они понимают, что особо высовываться под пули им не следует. Мы окажемся в ловушке, не причинив им абсолютно никакого вреда.

— Откуда вы так хорошо разбираетесь в военном деле? — спросил Гарви.

— Я видела много фильмов о войне. Пора убираться отсюда!

— Хорошо.— Гарви развернул вездеход и покатил вниз с холма.

Выход один: отряду отступить в соседнюю долину. Грузовик затормозил, давая возможность беглецам забраться в кузов.

— Бедные ублюдки,— сказала Мария.

— Мы дрались с ними весь день,— сказал Винг,— но остановить их не смогли. Все происходило как на этом холме. Они развертываются цепью, заходят с флангов, оказываются у тебя в тылу — и ты погиб. Так что тебе приходится удирать. Беспрерывно. И через некоторое время это превращается в привычку.

— Конечно.

Привычка это или не привычка, подумал Гарви, но бежали вы, как кролики, а не как мужчины.

Дорога вела к реке, вздувшейся от дождей, порожденных падением Молота. Низменности были заполнены глубоким слоем грязи. Гарви переехал мост и остановился. Вылез, чтобы поджечь шнуры заранее установленных динамитных зарядов.

— Вот они! — закричал один из мальчиков.

Гарви оглянулся на гребень холма. Сотня, а то и более вооруженных врагов перемахнули через вершину холма и теперь мчались вниз по склону. Раскатилось стаккато выстрелов, рядом с Гарви под пулями зашуршала трава.

— Быстрее! — закричал Джейкоб Винг. — Они стреляют в нас!

От гребня их отделяла почти миля, но звуки были знакомы по Вьетнаму: тяжелый пулемет. Вскоре Гарви и его вездеход окажутся в пределах досягаемости огня, и тогда — конец. Он чиркнул зажигалкой и возблагодарил Бога, когда огонек зажегся с первой же попытки. А ведь зажигалка была заправлена не специальным горючим, а обычным бензином. Бикфордов шнур загорелся, затрещал, и Гарви побежал к вездеходу. Мария скользнула на сиденье водителя и уже трогала машину с места. Гарви догнал машину, сразу несколько рук вцепилось в него и втащило внутрь. Снова раскатилась чечетка выстрелов: тра-та-та! — и что-то просвистело возле самого уха.

— Дерьмо! — воскликнул Гарви.

— Стреляют они здорово,— сказал Винг.

Динамит взорвался, мост превратился в руины. Но как увидел Гарви, разрушен он был не полностью. Часть моста сохранилась. Сохранившийся участок был достаточно широк, чтобы пройти по нему. На ремонт должно уйти не так уж много времени. Но при всем этом Гарви не собирался возвращаться к мосту. Машина проехала к вершине следующего холма, миновала ее, съехала вниз. Сидящие в машине оглядывались, подыскивая деревья, которые можно будет спилить, скалы, под которые можно будет подложить динамитные заряды. Подыскивали все что угодно.

Солдаты Нового Братства занимали долину — в большинстве пешие, некоторые на мотоциклах. Волна наступающих докатилась до разрушенного моста. Несколько человек кинулись пересекать реку вплавь или вброд. Остальные рассыпались вдоль берега, ища другую возможность переправиться. Уже через пять минут реку пересекло около сотни солдат. Волна наступающих вновь неуклонно покатилась туда, где находилась группа Гарви.

— Господи, это похоже, будто на тебя идет цунами! — выдохнул Гарви.

Джейкоб Винг ничего не ответил. Он продолжал подкапываться под скалу, чтобы заложить туда динамитный заряд. Выше по холму, как раз над ними, на дорогу с треском обрушился ствол дерева. Ребята, спилившие его, перешли к следующему дереву.

Послышался шум моторов. Два мотоцикла осторожно двинулись по уцелевшему участку моста. За ними — еще мотоциклы. Два передних переправились и, грохоча двигателями, понеслись к линии обороны Гарви.

Мария Ванс скинула с плеча винтовку, обернула ее ремень вокруг своей левой руки.

— Продолжайте копать! — крикнула она.

Присев, Мария положила винтовку на большой валун, прильнула к телескопическому прицелу. Выждала, пока мотоциклы не оказались в четверти мили от нее, и лишь тогда выстрелила. Эффекта от выстрела никакого. Мария передернула затвор и прицелилась снова. Выстрелила. После третьего выстрела передний мотоцикл завилял из стороны в сторону и воткнулся в придорожную канаву. Один из тех, кто ехал на нем, вскочил на ноги. Мария прицелилась снова. Но второй мотоцикл съехал с дороги, и мотоциклисты рассыпались в стороны, ища укрытия. Видимо, они решили выждать, когда приблизится беспрерывно стреляющая цепь атаки. Наступающие неуклонно приближались, и Мария изменила прицел, пытаясь замедлить их продвижение.

Снова наступление цепи в центре замедлилось. Атакующие расходились в стороны. Они развернулись веером, охватывая с флангов любую точку, где Гарви мог бы организовать оборону.

— Заканчивайте! — закричал Гарви.— Пора убираться отсюда!

Спорить никто не стал. Винг заложил динамитные палочки в вырытое под скалой углубление, а сверху насыпал земли.

— Смотрите! — в ужасе закричала напарница Томми Таллифсена, Барбара Энн. Она показывала на холм на противоположном берегу, туда, где дорога утром была завалена. На эти завалы ушел не один час.

На вершине холма показался грузовик. Он перевалил через холмы и покатил вниз. А за ним следом еще один. А следом — еще. Грузовики докатились до разрушенного моста. Из кузовов, скидывая балки и стальные листы, выпрыгивали люди. А через холмы переваливали все новые грузовики.

Гарви глянул на свои часы. Его отряду удалось замедлить движение грузовиков всего лишь на тридцать восемь минут. Ровно на тридцать восемь минут.

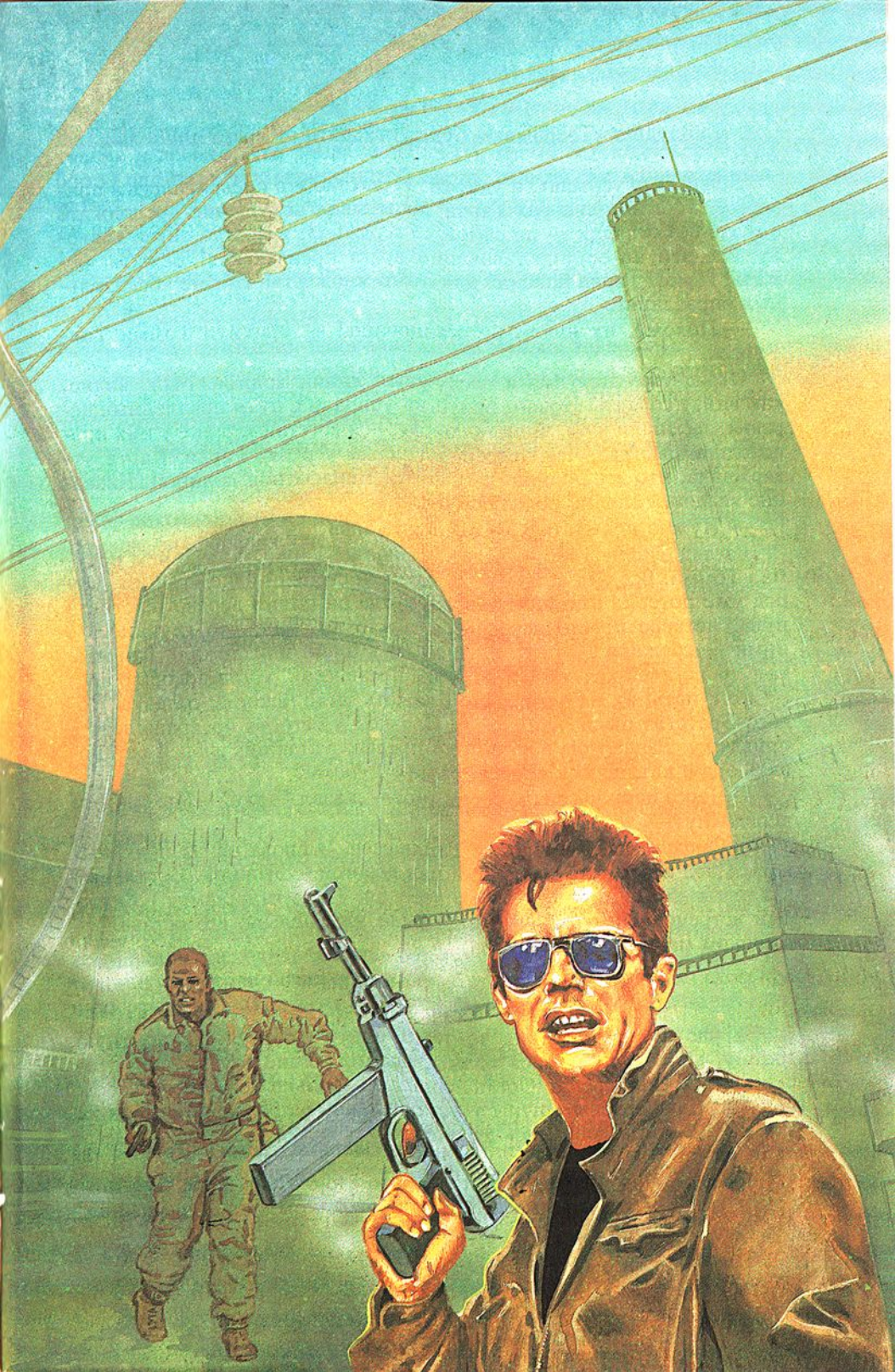
Долина смерти

Господи, ты не слышишь меня,
А полковник кричит: «Вставай!»
Но давит на нас ураган огня,
И я встаю, свою жизнь кляня,
И дальше иду... в рай...

«Раздавленное
буги», запрещенная
солдатская песня

Получалось без конца одно и то же. Вне зависимости от того, какие препятствия устраивала группа Гарви, армия Нового Братства справлялась с ними быстро. На устранение препятствий уходило никак не больше времени, чем у группы Гарви на их устройство. Если б возле этих завалов можно было вести оборонительные бои, возможно, продвижение врага удалось бы замедлить. Но такое было абсолютно исключено. Новое Братство на грузовиках перебрасывало своих солдат как можно далее в глубь занимаемой территории. Затем цепи стрелков заходили с флангов, угрожая окружить отряд Гарви. И Гарви снова и снова приходилось отступать.

Кроме того, враг начал использовать и новый тактический прием: на одном из грузовиков были установлены тяжелые пулеметы. Грузовик выезжал вперед, пулеметчики, сами оставаясь вне досягаемости винтовочного огня, обстреливали ребят Гарви. Из-за этого работа по разрушению дороги продвигалась плохо. Гарви даже не мог толком отстреливаться. Враг превратился в сонмище безликих духов, которым нельзя было причинить вреда. И Гарви не мог остановить врага. Пехота Братства продолжала наступать, обходя защитников «Твердыни». Все время пыталась выйти во фланги и тыл. Это была война, ведущаяся на расстоянии, потери были невелики. Но Новое Братство неуклонно и безостановочно шло впе-

ред. К полудню «Твердыню» будет отделять от врага лишь дюжина миль.

Делай, что успеешь, и удирай. И бегство это превратилось в привычку. Уже не один раз Гарви испытывал искушение продолжать бежать без оглядки — до самой «Твердыни», и пошли они к дьяволу, все эти не останавливающие врага препятствия! Бежать, бежать! И мозг Гарви находил для этого множество вполне убедительных оправданий.

— Похоже, их ничем не остановишь! — крикнул Томми Таллифсен.

Отряд уже отступил к следующей линии холмов. Было видно, как внизу солдаты Нового Братства убирали с пути поваленные деревья, засыпали ямы, чинили дорогу,— и восстановление у них происходило быстрее, чем дело разрушения у ребят Гарви. Карта утверждала, что эта долина называется Ненасытной долиной. Название казалось вполне подходящим.

— Нужно попытаться,— ответил Гарви.

Взгляд Таллифсена выразил сомнение. Гарви знал, о чем подумал Томми. Все они дошли до последней степени изнеможения. Отряд уже потерял пятерых: одного, когда он пилил дерево, настигла пуля, четверо просто исчезли, и никто не знал, что случилось с ними — сбежали ли они, сдались ли в плен, или лежали раненые там, на оставшихся позади холмах. В машинах, когда подошло время отступать, их не оказалось, а искать было некогда: солдаты Нового Братства были уже совсем близко. А бегство превращалось в привычку. Разве могут восемь до предела уставших людей остановить орду, катящуюся вперед, словно цунами?

— Через пару часов станет темно,— сказал Гарви.— Мы сможем передохнуть.

— Сможем ли? — спросил Таллифсен. И снова начал подкапываться под огромный, нависший над дорогой булыжник. Остальные захлестывали булыжник тросом лебедки. Тратить динамит на каждый встреченный обломок скалы было уже нельзя: его оставалось слишком мало.

* * *

За час до наступления темноты отряд покинул Ненасытную долину. Перевалили через холмы, окаймляющие эту долину. Пересекли Оленью реку. Останавливались только для того, чтобы поджечь бикфордовы шнуры у установленных прежде динамитных зарядов. А когда добрались до очередного холма, навстречу высыпали люди.

Через секунду Гарви понял, что это свои. Стив Кокс, а с ним почти сотня вооруженных фермеров, посланных из «Твердыни»,

чтобы удержать цепь холмов. До сих пор защитники «Твердыни» только и делали, что удирали. Настало время остановиться и дать бой. Кокс разослал своих людей вдоль холма, они начали окапываться. Гарви и его отряд — то, что от этого отряда осталось,— могли передохнуть. Их даже угостили ужином (холодным) и дали термос с горячим чаем.

— Мы просто валимся с ног,— сказал Гарви Стиву Коксу.— Особо помочь вам не сможем.

Кокс пожал плечами:

— Ну и прекрасно. Спокойно спите. Мы их задержим.

Ты дурак, чуть не сказал Гарви. Их тысяча, а вас сотня, они наступают неотвратимо, словно смерть, словно тропические хищные муравьи-кочевники. Никто не сможет остановить их.

— У вас с собой есть... Как обстоят дела у Форрестера? У вас с собой есть что-либо из его сверхоружия?

— Термитные гранаты.— Кокс указал Гарви на ящик с предметами, походившими на комья сухой глины. Из каждого кома торчал отрезок бикфордова шнура. Комья имели около шести дюймов в диаметре, к каждому была привязана веревка.— Нужно только поджечь бикфордов шнур и, держа за веревку, раскрутить гранату,— пояснил Кокс.— А раскрутив, бросить.

— И каков эффект?

— Эффект что надо.— Кокс был полон энтузиазма.— Взрываются словно бомбы. Некоторые, правда, просто раскалываются, но даже они выбрасывают струю огня футов в десять—двенадцать. Они наведут страху на этих ублюдков-людоедов.

— А как обстоят дела с другими видами оружия? С горчичным газом?

— Работа продолжается. Харди говорит, что Форрестеру еще требуется время. Потому нас сюда и послали.

Передовые солдаты Нового Братства достигли разрушенного моста. Оленья река глубока и быстра, а мост уничтожен полностью. Отдельные солдаты попытались перейти реку вброд, но быстро отказались от своего намерения. Воинство Братства остановилось, затем начало расходиться вдоль берега. Часть солдат пошла вверх по течению и вскоре исчезла из виду. Другие двинулись вниз по течению реки, на запад — по направлению к морю, находящемуся в нескольких милях отсюда.

— Они возьмут нас в окружение,— занервничал Гарви.

— Не-а,— Кокс ухмыльнулся. Показал вверх по течению, туда, где высилась Сьерра.— У нас там союзники. Примерно пятьсот индейцев — часть подкрепления Кристофера. Из племени, живущего по берегам Тьюла. Мощные парни. Идите поспите немного, Рэнделл. Они здесь не пройдут — ни сегодня ночью, ни завтра. У нас тут хорошая позиция. Мы их остановим.

* * *

— Мне кажется, Кокс сошел с ума,— сказал Гарви Марии.— Я... мы видели, как сражается Новое Братство. Он их не остановит.

— Они получали наши радиосообщения,— сказала Мария. Она лежала, вытянувшись, на заднем сиденье вездехода.— Хорошо так — отдыхать. Я могла бы проспать целую неделю.

— Я тоже,— сказал Гарри.

Но спать он не мог. Вездеход стоял на берегу Оленьей реки, на холме. Своих ребят Гарви отослал, они ночевали в доме фермера, там они смогут по-настоящему отдохнуть. Гарви понимал, что и ему самому следовало бы отправиться с ними, но грызла тревога. Он научился уважительно относиться к тому, кто стоял во главе Нового Братства, кто бы он ни был. Командующий врага берег своих людей, он не гнал их безрассудно в открытый бой. И тем не менее армия Братства меньше чем за день продвинулась миль на восемнадцать, даже больше.

А вот бензин и боеприпасы он тратил, не жалея. Это была война, где ничего не оставлялось на будущее. Новое Братство ставило на карту сразу все, что им удалось наскрести в своих владениях. Теперь, чтобы пополнить запасы, им необходимо взять «Твердыню».

С наступлением сумерек начал дуть пронзительно холодный ветер, но снег не пошел. Сквозь облака проглядывали редкие звезды. Мерцающие светящиеся точки, расположенные слишком далеко друг от друга, чтобы образовать созвездия. Гарви вспомнил: купание в жаркий день в холодной воде плавательного бассейна, а потом — сауна. Он вспомнил: поездка в вездеходе на юг сквозь залитое солнцем ослепительное безлюдье Байя-Калифорнии, для того чтобы выкупаться в океане, где вода теплая, будто в ванне. Серфинг. И если тебе нужны огромные, доставляющие наибольшее наслаждение волны, отправляйся на Хермоза-пляж. А потом растянуться на полотенце, расстеленном на таком горячем песке, что по нему больно ходить.

Снизу, из долины, занятой Братством, доносился шум: передвигалось что-то тяжелое, ревели грузовики, перекликались люди. Не было никакой возможности узнать, что затевает враг. Опасаясь лазутчиков и диверсантов, Кокс выслал патрули. Но вражеский командующий не засылал никаких диверсантов. Вместо этого его солдаты через неравные промежутки времени открывали ружейный огонь, бросали через реку гранаты и камни. Как сообщали патрули, солдаты Братства бесцельно палили в ночь, понапрасну растрачивая боеприпасы. Спать они не желали. А может, спать им не разрешали.

Гарви знал, чего добивается командующий Братства, но проку от этого знания не было никакого. Он спал урывками, все время просыпаясь. На заднем сиденье завозилась Мария.

— Вы не спите?— прошептала она.

— Не сплю.

— Кто это был? В грузовике, с биноклем. Как вы думаете?

— Вероятно, сержант Хукер. Ну и что?

— Когда что-то получает имя, оно становится менее пугающим. Как вы думаете, мы можем победить? Харди достаточно умен, чтобы выиграть?

— Безусловно,— ответил Гарви.

— Они продолжают наступать. Словно машина, огромная, все перемалывающая машина.

Гарви сел. Где-то вдали взорвалась граната. И тут же Кокс прокричал, чтобы не тратили понапрасну боеприпасы.

— Такое сравнение способно привести в ужас,— сказал Гарви.— К счастью, оно неверно. Это не... мясорубка. Это движущийся механизм. А человек с художественной жилкой созовет толпу, чтобы люди встали вокруг и, выпивая понемножку, смотрели, как механизм этот сам себя разбирает на части.

Мария заставила себя рассмеяться:

— Хорошее сравнение, Гарв. Хороший образ.

— Черт возьми, до того, как я занялся раскалыванием валунов, я всю жизнь занимался созданием образов. Это теперь моя работа: разбивать валуны. И разрушать дороги. Я думал, что вести войну — это почти как разыгрывать шахматную партию. Но я был не прав. Скорее это похоже на лепку, лепку скульптуры. Командующий создает, лепя один ком к другому, громадную скульптуру. При этом он знает, что отдельные комья плохо подходят друг другу, но это уже вне его контроля. По крайней мере половина этих комков находится под контролем искусствоведа, который ненавидит его, скульптора. И оба они добиваются того, чтобы, когда все будет закончено, максимум комьев оказались принадлежащими ему — то есть либо скульптору, либо искусствоведу. Но комьев всегда слишком мало, так что борьба должна возобновляться — все снова и снова.

— И один из этих комков — мы,— сказала Мария.— Хочется верить, что Харди знает, что делает.

* * *

Утром в лагере защитников «Твердыни» царила радостная суматоха. Ночью пришло сообщение от Стефена Толлмэна, вице-президента совета Тьюла. В сообщении говорилось, что бойцы Тьюла заняли линию обороны на восточной окраине зоны боевых действий.

И что численность войска, находящегося в его распоряжении, все увеличивается. Поползли слухи: возвращается Джордж Кристофер, с ним сто, нет, двести, нет, тысяча вооруженных фермеров, набранных Джорджем в горах. На сомневающихся орали.

Но что точно было известно, так это то, что на востоке заняли оборону пятьдесят индейцев, и фермеры сообщали друг другу, какие сильные и смелые вояки эти индейцы, как здорово, что они союзники. Рассказывали и следующее: ночью Новое Братство пыталось форсировать Оленью реку в пяти милях вверх по течению, но индейцы Толлмэна отбили нападение, убив при этом множество врагов. А еще рассказывали, что Новое Братство бежит. Но, беседуя с людьми, Гарви не нашел никого, кто бы сам был свидетелем битвы. Удалось обнаружить лишь некоторых, утверждавших, что они говорили с теми, кто участвовал в сражении. И у каждого, оказывается, был знакомый, который беседовал с самим Толлмэном. Или со Стретчем Таллифсеном, посланным с частью сил удерживать западный фланг линии обороны.

Так всегда и бывает. Новые союзники — всегда сущие дьяволы. Они без труда превращают врагов в фарш. О новых союзниках всегда думают слишком хорошо. Но вдруг это правда... иногда это оказывается правдой... может быть, на этот раз удалось одержать победу. Может быть, наступление Нового Братства остановлено. И для этого даже не понадобилось, чтобы «Твердыня» бросила в бой все, чем она располагала.

* * *

На востоке облака разошлись. Солнце сияло ошеломляюще ярко. День в самом разгаре, и пока еще ничего не произошло. Фермеры и стрелки Братства обменивались редкими выстрелами, причем без особого эффекта. А затем...

На противоположном берегу показались грузовики. Выглядели они странно: на радиаторе каждого из них высились какие-то огромные деревянные сооружения. Грузовики покатили вниз по склону, не слишком быстро, поскольку эти деревянные штуки явно мешали ехать и устойчивость машин понизилась,— и все же грузовики приближались к вздувшимся водам реки.

Одновременно из-за скал, из ям показались сотни вражеских солдат. Они принялись стрелять во все движущееся. Грузовики с их странными башнями приближались к берегу. Некоторые грузовики двинулись вдоль лугов. Почва лугов была слишком топкой для движения тяжелых автомашин, но, может быть, за ночь Братство из досок и снятой с изгородей проволоки соорудило что-то вроде мостков.

Грузовики подъехали к берегу, и башни упали, образовав мосты, перекинутые через поток. Солдаты Братства кинулись к мостам, начали переправляться на другой берег. Другие вражеские солдаты начали поливать огнем любого защитника «Твердыни», осмелившегося высунуться из своего укрытия. Раздалось оглушительное «бах!», памятное Гарри по Вьетнаму: мортиры. Снаряды ложились среди скал, где укрылись фермеры Кокса. И с каждым выстрелом прицел становился все более точным. Кто-то, оставаясь на том берегу, корректировал стрельбу, причем делал это превосходно. Куда бы ни кинулись люди Кокса, пытаясь помешать переправе, очень скоро их настигал огонь мортир.

Все больше солдат Братства переправлялось через реку. Они развертывались в цепь, которая двинулась вперед. Цепь достигала почти мили в длину, передовые посты Кокса были либо отброшены назад, либо попросту уничтожены. Не более чем через полчаса береговой линии обороны уже не существовало. Кокс удерживал только холмы. Но и там защитников «Твердыни» настигал неослабевающий огонь мортир и пулеметов, причем сами атакующие оставались вне зоны винтовочных выстрелов. Огонь не давал подняться с земли, а тем временем солдаты Братства, укрываясь за скалами и валунами, приближались к холмам. Увертываясь от пуль, прыжками и перебежками, враг все приближался и приближался...

— Муравьи! — завизжал Гарви.— Хищные муравьи!

Теперь он знал наверняка. Нельзя остановить людоедов. Защитники «Твердыни» были дураками, надеясь отбить нападение. По мере приближения врага силы Кокса будут все таять. Обороняющиеся уже целыми группами, дрогнув, пускались в бегство. Некоторые бросали наземь свое оружие. Другие направляли на бегущих ружья, заставляя их остановиться и вновь начать отстреливаться от врага. Но система обороны рухнула, все большее число защищающихся понимало это и начинало помышлять лишь о своем спасении. Остановить бегство было уже невозможно. И вдобавок любая позиция оказывалась уязвимой, находясь под угрозой удара наступающих. Люди более не сражались плечом к плечу, не представляли собой единого целого. Они не верили, что их товарищи не кинутся в бегство, оставив их беззащитными перед яростно орущими людоедами. Перед теми, кто вот-вот прорвется и возьмет их в окружение.

Двенадцать мужчин кинулись к вездеходу, набились внутрь, уцепились снаружи со всех сторон. Гарви тронул машину с места. Оленья река, у которой Кокс надеялся продержаться весь день, а может быть, даже разбить армию Нового Братства и навсегда остановить ее натиск, была потеряна менее чем за полтора часа.

* * *

Остаток дня представлял собой сплошной кошмар. Гарви не нашел своего грузовика. В его распоряжении оказалось лишь то, что осталось в вездеходе, плюс несколько фермеров Кокса, выразивших желание помочь. Наконец прибыло подкрепление, посланное «Твердыней»: двадцать мужчин и женщин, доставивших динамит, горючее и бензопилы. Но никак не удавалось оторваться от наступающих сил Братства на достаточно большое расстояние, чтобы успеть что-либо по-настоящему сделать.

Тактика Братства изменилась. Теперь, вместо того чтобы развертываться веером, заходя обороняющимся во фланги, враг безостановочно наступал, идя на максимальное сближение. Враг хотел, чтобы защитники «Твердыни» не переставали отступать. И ради достижения этой цели командующий армией Нового Братства перестал считаться с потерями.

Не будь рядом Марии, Гарви удирал бы сломя голову. Но она ему этого не позволила. Она настаивала, что они должны исполнять данное им задание. По крайней мере, они вполне могут, останавливаясь ненадолго, поджигать бикфордовы шнуры зарядов, заложенных двумя днями раньше — когда они двигались еще не назад, а вперед. Один раз остановка продлилась слишком долго. Раздался треск. Заднее стекло разлетелось вдребезги, осыпая находящихся в машине осколками. Ветровое стекло разлетелось тоже. Пуля калибра 0,5 прошла насквозь, каким-то чудом миновав находившихся в вездеходе людей, пройдя от них в считанных дюймах. Когда вездеход остановился в следующий раз, фермеры, еще остававшиеся с Марией и Гарви, сочли за благо исчезнуть.

— Почему, черт побери, вы...— закричал Гарви Марии и не закончил начатой фразы. Он хотел сказать «такая бесстрашная», но, если он так скажет, это будет означать, что сам-то он не бесстрашен,— настроены так решительно? — наконец закончил Гарви.

Она в это время как раз копала. У них осталась еще одна, последняя динамитная палочка, и Мария не желала, чтобы этот заряд пропал даром. Она указала на Сьерру:

— Мой мальчик там. Если не мы, то кто же их остановит?.. Так, достаточно. Давайте сюда динамит.

Гарви уже приладил бикфордов шнур к заряду, распушил его конец. Он передал динамитную палочку Марии, и она заложила ее в вырытую яму, а потом засыпала землей и щебнем.

— Хватит! — закричал Гарви.— Пора убираться отсюда!

Они находились на противоположной от наступающего врага стороне холма, так что не могли видеть его. Но Гарви не сомневался, что Новое Братство близко.

— Пока рано,— сказала Мария.— Сперва я должна кое-что сделать.— И она зашагала к вершине холма.

— Вернитесь! Клянусь, я брошу вас! Эй!

Мария даже не оглянулась. Гарви выругался, затем пошел за ней следом. Обмотав ремень вокруг левой руки, Мария вскинула винтовку. Прислонилась к скале.

— Там, внизу, раньше было оставлено масло,— сказала она.— Мы проехали мимо этого места.

— Пришлось проехать! Они наседали нам на хвост!

Но все равно, что ни делай, что ни говори, все тщетно. На дороге показались мотоциклы. Через минуту-две они будут возле холма.

Мария тщательно прицелилась. Выстрелила.

— Хорошо,— пробормотала она. Выстрелила снова.— Я справлюсь быстрее, если вы тоже начнете стрелять,— сказала она.

Гарви подумал, что стрелять в бочку с маслом, находящуюся на расстоянии трехсот ярдов от холма, он не будет. Положив винтовку на обломок скалы, он прицелился в первого из приближающихся мотоциклистов. Выстрелил, снова выстрелил — и снова промазал. Но мотоциклисты замедлили ход, остановились и кинулись искать укрытия в канаве, решив подождать, пока подойдет пехота. Мария продолжала стрелять, медленно, тщательно прицеливаясь.

— Должно быть, готово,— наконец сказала она.— Отходим... Впрочем, зачем торопиться? Они остановились.— Она тоже решила подождать.

Гарви сжал кулаки, задышал тяжко. Но Мария права. Им не грозит немедленная опасность. Дорога была сплошь залита машинным маслом, мотоциклистов не видно.

На пятно масла, покрывшее дорогу, выскочил третий мотоцикл. Заскользив, он влетел в канаву, мотоциклист закричал. Мария чуть улыбнулась.

— Хорошо вы все это придумали. С кольями.

Гарви глянул на нее в ужасе: Мария Ванс, благотворительница, деятельность которой высоко ставил сам губернатор, жена банкира, женщина, занимающая высокое положение в обществе, член клуба для избранных. А теперь она улыбается при мысли, что человек напоролся на кол. На кол, вымазанный человеческим калом, чтобы рана загноилась...

Показался грузовик. Подъехал к масляному пятну, остановился. Затем медленно двинулся вперед. Мария всадила ему пулю в ветровое стекло. Грузовик чуть соскользнул к обочине. Мотор его выл, колеса вращались, но он не мог сдвинуться с места.

Из-за грузовика показалась вторая машина, попыталась объехать его. Громко взорвалась заложенная на ее пути динамитная мина. Машину охватило пламя. Гарви почувствовал непреодолимое искушение выстрелить на радостях. Кое-что получалось. Это не лю-

ди пытались на карачках отползти от горящей машины. Это хищные муравьи. Муравьи, как и их машина, горели. Кое-что получалось...

Мария и Гарви услышали, как впереди несильно бабахнуло. Затем негромкий свист. Взрыв в двадцати ярдах слева от них. Снова бабахнуло.

— В машину! Пора, черт побери! — закричал Гарви.

— Да, мне кажется, пора,— согласилась Мария.

Второй снаряд мортиры разорвался где-то сзади. Гарви и Мария прыгнули в вездеход и погнали его прочь. Они смеялись и кричали, словно дети.

— Сукин я сын, получилось! — закричал Гарви. Оглянулся на Марию. Ее глаза, как и его, сверкали. Хорошая из нас получилась команда, подумал Гарви.

— «Понеслась!» — крикнул он.

Мария глянула на него непонимающе.

— «Монти-Питон и Святой Грааль»,— пояснил Гарви.— Не приходилось видеть?

— Нет.

Они мчались, возбужденно смеясь. В глубине души Гарви знал, что не такую уж великую они одержали победу, но по сравнению с тем, что творилось до сих пор весь день, это была победа. Безусловно, теперь останавливаться не имело смысла. Остановятся они, лишь когда доедут до следующей линии обороны — до рукава реки Тьюл. Эту линию атакующим преодолеть будет трудно: мосты через реку взорвут. Наверняка Новому Братству там придется остановиться. Конечно, придется, потому что за рекой лежит линия холмов, прикрывающих ближние подступы к самой «Твердыне». Тьюл — главная линия обороны.

Проскочив поворот, они въехали в долину реки Тьюл... Мостов не было. Мосты уже были взорваны.

Гарви подъехал к искореженным остаткам моста, уставился на вздувшиеся воды реки. Река — сто футов ширины, глубокая, с быстрым течением.

— Эй! — закричал он.

На том берегу из бревенчатого блиндажа выглянул один из полицейских Хартмана.

— Говорили, что вы погибли! — крикнул он.

— Что нам теперь делать? — закричал Гарви.

— Что бы нам ни пришлось делать, это надо делать быстро,— сказала Мария.— Мы ненадолго их обогнали...

— Езжайте вверх по реке,— прокричал полицейский.— Мы послали туда отряд. Предупредите тех, кто в отряде, что это именно вы. Не забудьте!

— Хорошо.— Гарви развернул вездеход и поехал по проселочной дороге по направлению к индейской резервации Тьюла.—

Включайте радиопередатчик,— сказал он Марии.— Передайте им, что слухи о нашей смерти сильно преувеличены.

* * *

В полутора милях вверх по течению дорога пересекала реку. Несколько мужчин с лопатами возились у основания моста. Гарви подъехал к ним с опаской, но они, приветствуя, замахали ему. Вездеход переехал через мост и остановился. Люди походили на фермеров, но их кожа была смуглее. Нельзя было не заметить, что эти люди на протяжении нескольких месяцев не видели прямого солнечного света. Гарви стало любопытно, а повлиял ли вообще на их организмы недостаток витамина Д. Когда вокруг холодно, а небо вечно закрыто тучами, бледные лица — это само собой разумеющееся.

Один из этих людей перестал копать, подошел к вездеходу.

— Рэнделл?

— Да. Послушайте, буквально вслед за нами должно появиться Новое Братство...

— Мы знаем, где они находятся,— сказал мужчина.— Алис наблюдает за ними и сообщает нам по радио. Вам придется подняться на Черепаховую гору. Поможете ей вести наблюдение. Найдите себе место, откуда бы просматривалась вся долина. Что заметите, сообщайте по радио Алис.

— Хорошо, спасибо. Мы рады, что вы на нашей стороне.

Индеец ухмыльнулся:

— Я так понимаю, что это *вы на нашей стороне.* Удачи!

* * *

Охватившее Марию и Гарви приподнятое настроение теперь испарилось. Дорога становилась все хуже, ехать — все труднее. Грязь, упавшие сверху валуны, чрезмерно глубокие колеи. Гарви перевел привод вездехода на обе пары колес. По мере подъема становилась видна вся долина. Были видны и южный рукав Тьюла (а также перекресток и мост, по которому совсем недавно проехали Гарви и Мария) и северный, ведущий к тому, что раньше было озером Саксесс.

Рукава Тьюла были разделены горным хребтом, преграждающим подступ к «Твердыне». С высоты Гарви и Мария видели линию обороны, организованную отрядами шефа полиции Хартмана. Траншеи, окопы, бревенчатые блиндажи. Долина, идущая вдоль

южного рукава Тьюла, была защищена заметно хуже. Непохоже, чтобы ее удалось удержать. Линия обороны была хорошо организована лишь на возвышенностях. Классический пример обороны, не имеющей глубины, подумал Гарви. Врагу нужно лишь прорваться в одном месте, и ничто не остановит армию Братства. И «Твердыня» падет.

Несмотря на сумерки, врага разглядеть было можно. Солдаты Братства были переброшены к реке на грузовиках. И теперь, в непосредственной близости от «Твердыни», горели огромные лагерные костры армии Нового Братства. Костры казались мирными, не таящими угрозы, но Гарви знал, что всю ночь враг будет занят восстановлением мостов. Наконец на горы и холмы опустилась тьма. Стало совсем тихо.

— Что ж, сейчас мы ничего разглядеть не сможем,— сказал Гарви.— Теперь нам действительно делать нечего.

Совсем рядом беспокойно завозилась Мария. В темноте ничего не было видно, лишь ощущалось ее присутствие. Но Гарви совершенно четко осознал, что его отделяют от нее лишь дюймы. Что до самого рассвета они отрезаны от всего мира. Память начала выкидывать поганые фокусы. Стали всплывать воспоминания: за несколько недель до падения Молота Мария Ванс встречает Гарви и Лоретту у дверей своего дома. Она вся в изумрудах, и ярко-зеленое нарядное платье, казалось, едва достает до пупа. Прическа, уложенная завитками, вообще представляла собой нечто фантастическое. Любезно улыбаясь, Мария крепко обняла Гарви и пригласила его и Лоретту в дом. Этот образ, хранящийся в памяти, наложился на тот, что сейчас неясно вырисовывался в темноте, совсем рядом. Молчание становилось каким-то ужасно неловким.

— Я кое о чем подумала,— сказала Мария.

Гарви обрел голос:

— Если не о сексе, то лучше скажите прямо сейчас, не откладывая.

Мария промолчала. Гарви подвинулся к ней и притянул ее к себе. Захрустело и затрещало то, чем были набиты многочисленные карманы куртки Марии. Она рассмеялась и сняла с себя куртку. Карманы куртки Гарви тоже оттопыривались, и он тоже снял с себя куртку.

А затем ужас прошедшего дня, и несущий опасность завтрашний день, и мучительная агония всего окружающего мира, и гибель, грозящая «Твердыне»,— все оказалось забытым, растворилось в более важном: в неистовом стремлении друг к другу. На полу у ног выросла беспорядочно сброшенная куча одежды. Гарви взял одежду в охапку и запихал за рулевое колесо. Пассажирское сиденье плохо подходило для занятия любовью, но Гарви и Мария — осторожно и изобретательно — совершали акт. Наконец они нашли

наиболее подходящую позу: он полулежал, опершись о сиденье, а она, склонив свое лицо к его лицу, стояла перед ним на коленях. И дыхание Гарви касалось щеки Марии, а дыхание Марии — его щек.

— Я рад, что ты «кое о чем подумала»,— сказал он, когда все кончилось. (Ибо он не мог сказать, что любит ее.)

— Тебе когда-нибудь раньше приходилось заниматься этим в машине?

Он порылся в памяти.

— Конечно. Я тогда был более проворным.

— А мне никогда.

— Ну, обычно для этого используют заднее сиденье, но...

— Заднее сиденье усыпано битым стеклом,— закончила за него Мария.

И она и он непроизвольно напряглись, вспомнив: пуля калибра 0,5, усыпавшие все вокруг осколки стекла, Мария, вычесывающая крохотные осколки из волос Гарви — сам он вел машину и не мог оторвать рук от рулевого колеса. Но существовал способ забыть обо всем этом.

А потом снова, еще раз, тот же самый способ забыть, с тем же неистовым пылом. Это не любовь, подумал Гарви. Просто они ищут друг в друге защиты от ужаса, заполонившего весь мир за стенами машины. Они совершали акт, а сами напряженно прислушивались, ожидая возобновления стрельбы. Но, прислушиваясь, продолжали. Даже когда то, чем они занимались, плохо — все равно хорошо.

* * *

Еще не рассвело, когда Гарви проснулся. Он был укутан в шерстяное одеяло, взятое с заднего сиденья, но не мог вспомнить, когда же успел укрыться им. Гарви лежал, бодрствуя, неподвижно, мысли его путались.

— Привет,— тихо сказала Мария.

— И тебе привет. Я думал, ты спишь.

— Уже давно не сплю. А ты поспи еще.

Гарви попытался уснуть. Но болели перетруженные ночью мышцы. И мучила совесть: она, эта совесть, видимо, не знала, что он — вдовец, причем новая его любовь пренебрегла им ради астронавта. Ну и черт с ним со всем! Но заснуть Гарви не мог.

— А, ладно,— сказал он, садясь.— Кажется, эту ночь нам удалось пережить.

— Мне пришлось для этого потрудиться меньше, чем тебе.

Смех его прозвучал несколько фальшиво. Но... она ведь знает его давным-давно. Мария обернулась к нему:

— Не надо беспокоиться насчет Горди. С этим покончено. У него есть другая женщина, и теперь не нужен судья, чтобы объявить, что супруги отныне находятся в разводе. Да и раньше этого, по правде сказать, не требовалось.

Но Гарви и не думал о Горди.

— Что ты теперь будешь делать? — спросил он.— Когда все это закончится? Если закончится.

Мария рассмеялась:

— Я не останусь в кухарках. Но спасибо, что благодаря тебе я попала в эту долину. Это намного лучше того, чего я могла бы добиться собственными силами.— Она помолчала мгновение, и они услышали крик совы и визг схваченного ею кролика.— Теперь мир принадлежит мужчинам,— сказала Мария.— Так что просто-напросто я выйду замуж за мужчину, занимающего в этом мире видное место. Я и прежде была сучкой, понимающей свое предназначение, и не вижу никаких причин менять в этом плане что-либо. Более того, как никогда раньше существует причина быть именно такой сучкой. Мускулы в цене. Выйду замуж за вождя.

— И кто это будет?

Мария хихикнула:

— Со вчерашнего дня вождь — это ты. Ты — человек, занимающий в этом мире видное место.— Она скользнула к Гарви и одной рукой обняла его. Громко рассмеялась:— Почему ты так напрягся? Я тебя настолько пугаю?

— Конечно.

Она действительно пугала его.

Она рассмеялась снова.

— Бедный Гарви. Я точно знаю, о чем ты думаешь. Об обязанности. Ты соблазнил девушку и теперь обязан жениться на ней. И ты очень хорошо понимаешь, что не сможешь отказать, если я буду настаивать на этом. Так? — Ее руки гладили его по всему телу.

Его жизнь с Лореттой не подготовила Гарви к такого рода схваткам. Он крепко поцеловал ее (ей не запугать Гарви Рэнделла!) и длил поцелуй, потому что ему было хорошо, пока Мария не вырвалась.

— Но на самом деле это мне не подходит,— сказала Мария.— Не беспокойся, Гарв, я за тобой не охочусь. Ничего не получилось бы. Ты слишком хорошо меня знаешь. Не имеет значения, что произошло между нами. Даже если б мы действительно полюбили друг друга, этот факт всегда бы вызывал у тебя недоумение. Ты бы все размышлял, не сводится ли у нас все к половому акту. Ты бы все ждал, когда мне надоест то, что связывает нас. И мы бы ссорились, и каждый старался бы взять верх над другим...

— Мне кажется то же самое.

— Так что не морочь себе голову,— сказала Мария.— Мне не нужно женить тебя на себе. Ты меня больше устраиваешь в качестве друга.

— Ты права. Я с тобой согласен. И кто же является твоей настоящей целью?

— О, я собираюсь выйти замуж за Джорджа Кристофера.

Это признание поразило Гарви.

— Что?! А он это знает?

— Разумеется, нет. Он все еще думает, что у него есть шансы заполучить Маурин. Каждый раз, когда у него выпадает случай поговорить со мной, он говорит только о ней. А я слушаю.

— Еще бы — ты слушаешь! Но почему ты думаешь, что он не женится на Маурин?

— Не говори глупостей. Когда она может выбирать между тобой и Джонни Бейкером? Она никогда не выйдет замуж за Джорджа. Не будь они знакомы с давних пор, не будь он ее первым мужчиной, она бы даже не замечала его.

— А меня?

— У тебя есть шансы. Но у Бейкера шансов больше.

— М-да. Мне кажется, будет глупо спрашивать, любишь ли ты Джорджа,— сказал Гарви.

Мария пожала плечами. Было темно, и Гарви этого не увидел, но почувствовал.

— Он будет уверен, что я его люблю,— сказала она.— А больше это никого не касается. То, что было сегодня ночью, это не репетиция, Гарви. Это было... нечто иное. Нужный мужчина в нужное время. Я всегда... Скажи, все это время, что мы жили по соседству, тебе никогда не хотелось заглянуть ко мне с определенной целью? Когда Лоретты не было дома, а Горди находился в банке?

— Хотелось. Но я этому искушению не поддавался.

— Ладно. Ничего бы у тебя не вышло, но я никак не могла понять, почему ты ни разу не попытался. Ладно. Теперь давай немножко поспим.— Мария отвернулась от Гарви и закуталась в одеяло.

Бедный Джордж, подумал Гарви. Нет. Не так. Счастливый Джордж. Если б я не знал ее так хорошо... Эк меня соблазняет. Джордж, черт побери, ты этого не знаешь, но тебя, пожалуй, можно назвать счастливчиком. Счастливчик, если ты до этого доживешь.

Если доживет Мария!

* * *

Рассвет. Красное пятно над Сьеррой. Порывами дует ветер. Над морем Сан-Иоаквин поднимается туман.

Когда солнце взошло уже высоко, стало видно: за ночь через реку переправилось около ста солдат Нового Братства. Они сконцентрировались возле озера Саксесс и теперь продвигались в обратном направлении, к разрушенному мосту, сметая по пути защитников «Твердыни». Начали стрелять мортиры Братства, принуждая обороняющихся отступить в глубь долины и за холмы.

Отступали организованно, но безостановочно.

— К полудню Братство очистит от нас всю долину,— сказал Гарви Марии.— Я думал... Я *надеялся*, они продержатся дольше. Но, по крайней мере, они не бегут, словно кролики.

Мария кивнула, продолжая передавать по радио сообщение о передвижениях врага. Впрочем, кроме как передавать, ей больше ничего и не оставалось. Радио донесло голос Алис. Голос звучал испуганно. Тем не менее она просила продолжать сообщения.

Бесполезно, подумал Гарви. Ничего не выйдет. Он принялся рассматривать карту, выискивая не выводящий в расположение врага путь к Сьерре. Или путь, не выводящий туда, где враг скоро будет.

— Они восстанавливают мост,— сообщила Мария.— Доставили к нему огромные стволы и сотни людей для их переноски и укладки.

— Сколько осталось времени до того, как грузовики смогут пересечь реку? — спросила Алис.

— Не более часа. Будьте наготове, ждите.

— Мне нужно передать эти сведения мистеру Харди,— сказала Алис.

Радио замолчало.

— Ничего не выйдет,— сказал Гарви. Попытался улыбнуться.— Похоже, что в конечном итоге нам с тобой друг от друга никуда не деться. Может быть, нам удастся уйти в горы. Разыщем наших мальчиков. Надеюсь, мне не придется драться с Горди...

— Заткнись. Веди наблюдение,— оборвала Мария. Вид у нее был ужасно напуганный. И винить ее Гарви за это не мог.

* * *

Мост был восстановлен примерно через час. Затем по нему хлынул поток грузовиков — впереди пикапы с пулеметами. Переехав мост, грузовики покатили по дорогам во всех направлениях. Часть грузовиков волокла мортиры, для них уже рылись огневые позиции. Армия Братства начала заполнять долину, устремилась к холмам, подавляя любые попытки сопротивления. Времени у врага хватало, а когда настанет ночь, наступать будет еще легче. Солда-

ты Братства смогут просочиться сквозь линию холмов и двинуться к «Твердыне».

День становился жарче, но только не для Гарви с Марией. Ветер, дующий с моря Сан-Иоаквин, нес с собой холод Сьерры. Наступил полдень, и солдаты Братства уже пересекли всю долину, начали карабкаться на холмы — туда, где находилась последняя линия обороны.

— Будьте наготове, ждите,— сказала Алис. Голос ее звучал возбужденно. Страха в нем не чувствовалось.

— Чего ждать? — спросил Гарви.

— Ведите наблюдение и сообщайте об увиденном,— сказала Алис.— Для того вы там и находитесь. Я не могу увидеть...

На дальнем холме что-то происходило. К вершине притащили какой-то большой предмет, похожий на автомобиль. «Автомобиль» перетащили через вершину, и он покатился, кувыркаясь, вниз, пока не остановился в ста ярдах от восстановленного моста. «Автомобиль» стоял, в течение полуминуты ничего не происходило... И «автомобиль» взорвался. Огромное облако вырвалось из него и понеслось, подхваченное ветром, к мосту. Перенеслось через мост, накрыв автомашины, сгрудившиеся перед въездом.

И по всей линии холмов через вершины неуклюже переваливались такие же «автомобили» и медленно катились вниз по склонам. И еще волокли тяжелые рамы, снабженные длинными рычагами, мечущими крошечные черные снаряды. Снаряды-точки летели по напоминающей дугу траектории.

— Катапульты! — завопил Гарви.

Это действительно были катапульты. Гарви не знал, как их приводят в действие. С помощью нейлоновых веревок, видимо. Карфагенские женщины жертвовали на канаты свои волосы...

Дальность стрельбы катапульт была невелика, но большой дальнобойности и не требовалось. Катапульты метали снаряды, которые при столкновении с землей взрывались, выбрасывая клубы желтого дыма. Ветер разносил его по всей долине, и дым окутывал наступающего врага...

Солдаты Нового Братства завизжали в панике. Они бросали оружие, бежали, выли от боли, рвали на себе одежду, кидались в реку — и их уносил поток. Они пытались перебраться через мост обратно. А с холмов все гремели винтовочные выстрелы по бегущим. Катапульты беспрерывно выбрасывали снаряды, и снаряды взрывались, увеличивая смертоносное желтое облако.

Гарви орал в микрофон, и голос не повиновался ему:

— Они бегут! Они гибнут! Господи, там их полегло, должно быть, полтысячи!

— Что делают те, кто остался на том берегу? — голос Алис Кокс, но, конечно, она лишь передавала вопросы Эла Харди.

— Они садятся в грузовики.

— А как обстоят дела с их орудиями? Орудия они с собой увозят?

Гарви глянул в бинокль.

— Да. Часть мортир они не успели переправить на наш берег... Я вижу, едет одна из их машин.— Гарви передернуло. Пикап, забитый орущими в ужасе людьми, на скорости влетел на мост. Помчался, не замедляя хода, по мосту, сбрасывая бегущих в воду. И не остановился, чтобы подобрать тех, кто был им сбит.

— В этой машине раньше было установлено два пулемета,— сообщил Гарви.— Похоже, их выкинули.

Облако газа покрыло не всю долину. Части солдат Нового Братства удалось бежать. Многие, чтобы легче было бежать, бросали свое оружие. Но были и другие. Они не паниковали, уходили осмотрительно, увозя с собой орудия. Две мортиры были увезены до того, как катапульты приблизились на достаточное расстояние, чтобы перекрыть отступление. Гарви мрачным голосом сообщал об участках, не затронутых газовой контратакой. И наблюдал, как через считанные минуты на этих участках начинали взрываться снаряды катапульт.

— Что-то происходит вверх по реке,— крикнул Гарви.— Я не могу разглядеть...

— Пусть это не вызывает у вас беспокойства. Дорога, ведущая к резервации, свободна от газа? — спросила Алис.

— Подожди секунду... Да, свободна.

— Продолжайте вести наблюдения.

Буквально через несколько секунд на этой дороге показались грузовики. В кузовах — индейцы Толлмэна и фермеры. Гарви показалось, что в одном из грузовиков он разглядел Джорджа Кристофера. Грузовики ревели, преследуя убегавшего врага. Но на перекрестке за вершиной холма им пришлось остановиться. Настала очередь для защитников «Твердыни» развертываться цепью, нащупывать слабые места в обороне противника, сметать его со своего пути...

Долина внизу превратилась в чужой и враждебный мир. Воздух приобрел желтоватый оттенок, он сделался смертельным для любого человека, не имеющего противогаза. Местная, еще не погибшая живность, глядела в ужасе на людей, медленно передвигающихся на четвереньках или ползущих на животе. Некоторые из людей еще не выпускали из рук своих смертоносных металлических жал. Движения людей становились все более вялыми. Большинство, казалось, впало в спячку. Лишь некоторые продолжали двигаться. Они ползли, словно змеи, и за ними оставались красные полосы. Они корчились, будто извивались по-змеиному, и медлен-

но позли к реке. Рыбы в реке необычайно быстро и резко метались, а затем внезапно замирали, и их, растопыривших плавники, уносило течением.

Когда наступила тьма, над мертвой, опустошенной долиной воцарилась тишина.

ПОСЛЕДСТВИЯ

С Дальнего Востока я вынес одно, одно-единственное. И я сообщаю вам то, чему научил меня Дальний Восток. Эта мысль записана красными чернилами на всех полях сражений от Австралии до Токио: «Победу ничем не заменишь».

Генерал армии
Дуглас Макартур

Было очень темно, ничего не видно. Со Сьерры дул холодный ветер. Гарви обернулся к Марии.

— Победа!

— Да! Нам удалось! Боже мой, Гарви, мы спасены!

Было темно, он не мог видеть ее лица, но Гарви знал, что она улыбается.

Он врубил двигатель вездехода. Алис передала ему, что он может покинуть долину, но от шоссе лучше держаться подальше. Придется двигаться до «Твердыни» по покрытой грязью проселочной дороге. Гарви выжал сцепление и осторожно повел машину вперед. В свете фар дорога казалась гладкой, следов колес других машин видно не было. Слева — круто уходящий вниз склон горы, и Гарви знал, что вездеход глубоко погрузился в слой грязи. И не заметишь, как скатишься в пропасть... Это пугáло — погибнуть после того, как битва закончена. Но все же это лишь плохая дорога, он немало перевидал их на своем веку. Она не затаивший злобу враг.

Радостное возбуждение охватило Гарви. Он старался подавить искушение погнать вездеход на полной скорости. Никогда еще с такой полнотой не ощущалось это — он остался в живых. Машина обогнула гору, переехала холм, за которым начиналась прямая дорога, ведущая к поместью сенатора Джеллисона. И Гарви дал себе полную волю: невзирая на колеи и рытвины, погнал машину на опасной скорости. Вездеход подпрыгивал, будто разделяя радость, охватившую его и Марию.

Гарви мчался, будто убегал от кого-то. Он четко сознавал это и знал, что если он позволит себе думать об этом и думать о том, что ему пришлось видеть, то никогда уже не сможет радоваться, что если он не справится с собой, то в будущем его ждет одно — бесконечная тоска. Там, в долине, где произошла битва, остались люди: сотни людей всех возрастов, мужчины, женщины, девушки, юноши. Они ползли, легкие их были сожжены газом, они ползли, оставляя за собой полосы крови, и эти полосы были хорошо видны в бинокль, ползли, пока милосердная тьма не опустилась над долиной. Они, пережившие конец света, умирали. Умерли.

— Гарви, они уже не были людьми. Перестань о них думать.

— Ты тоже?

— Да, немножко. Но мы-то живы! Мы победили!

Вездеход, оказавшийся на вершине бугра, прыгнул, на короткое мгновение все четыре колеса зависли в воздухе. Мчаться на такой скорости — глупость, но уж тут Гарви ничего не мог поделать.

— Мы выиграли нашу последнюю битву,— закричал он.— Больше не будет войн!— Его снова охватил приступ эйфории: этот мир вполне подходящее место, чтобы в нем жить. Смерть попрана смертью, Гарви Рэнделл жив, а враг разбит.

— «Приветствуй с победой вернувшихся героев». Мелодия, насколько я могу припомнить, именно такая. Глупое слово. Герой. Черт побери, ты герой... героиня... в гораздо большей степени, чем я. Если б не ты, я бы удирал сломя голову. Но из-за тебя не удрал. Тут все дело в... сексе? Мужчина не может удирать, когда на него смотрит женщина. Чего это я разболтался? Почему ты молчишь?

— Молчу потому, что ты не даешь мне слова сказать! — закричала, смеясь, Мария.— Ты не удрал, и я не удрала, и теперь все будет хорошо...— Она засмеялась снова, но на этот раз ее смех звучал чуточку странно.— А теперь, мой друг, пора получить традиционную, полагающуюся героям награду. Сразу же, как приедем, отправляйся к Маурин. Ты заслужил ее.

— Стыдно сказать, но я думал об этом. Однако, разумеется, Джордж вернется и...

— Джорджа предоставь мне,— с важностью сказала Мария.— В конце концов, мне тоже полагается награда. Так что Джорджа предоставь мне.

— Мне кажется, я ему несколько завидую.

— Тогда плохо.

* * *

Охватившее их настроение исчезло, когда они подъехали к каменному дому сенатора. Они вошли в дом. Дом был заполнен людь-

ми. Эл Харди скалился в улыбке, как дурачок, и что-то пил, хотя, похоже, и не спиртное. Его хлопали по плечу. Дан Форрестер — уставший до предела, ушедший в себя и несчастный. К нему не приставали. Его превозносили, его благодарили. И не мешали пребывать в том настроении, в каком ему угодно. Хочет — пусть веселится, хочет — пусть тоскует. Волшебники вольны вести себя так, как им нравится.

Многие отсутствовали. Может быть, они погибли. Может быть, до сих пор заняты погоней. А может быть, они сами спасаются бегством, все еще не поняв, что никто их не преследует. Победители слишком вымотались, чтобы задумываться, где отсутствующие. Гарви разыскал Маурин, подошел к ней. Они не ощутили страсти друг к другу — лишь бесконечную нежность. Они взялись за руки, словно дети.

Это не было празднеством. Уже через считанные минуты все разговоры прекратились. Люди падали в кресла и засыпали. Некоторые находили в себе силы уйти домой. Гарви уже ничего не ощущал. Ему нужно было лишь одно — отдохнуть, поспать, забыть обо всем случившемся сегодня. Ему приходилось видеть подобное прежде, во Вьетнаме: что-то похожее происходило с солдатами, вернувшимися из патрулирования. Но на своей собственной шкуре он такое ощущал впервые. Все силы иссякли, полная эмоциональная опустошенность, ты не чувствуешь себя несчастным и еще способен на какие-то действия, на короткие моменты — чтобы добраться до кровати. Гарви устал, как никогда в жизни.

* * *

Он проснулся и вспомнил: победа. Подробности забылись. То, что снилось, было как наяву и перемешалось с тем, что действительно произошло за последние несколько дней. И воспоминания обесцвечивались, ослабевали, как обесцвечивается и ослабевает то, что увидел во сне. Осталось лишь одно слово: победа! Он лежал в гостиной на полу, на ковре, и накрытый шерстяным одеялом. Он понятия не имел, как оказался здесь. Вероятно, он беседовал с Маурин и просто упал на пол. Все возможно.

Дом был заполнен звуками, двигались люди, плыли запахи приготовляемой пищи. Гарви смаковал это: звуки, запахи, ощущение того, что он жив. Серые облака за окном казались ему чем-то бесконечно сложным, он рассматривал их в деталях, облака светились, сверкали, как лучи солнечного света. Памятные подарки и призы, развешанные по стенам, представляли собой настоящее чудо, их хотелось разглядывать, изучать. Каждое мгновение жизни бесценно. И бесценно то, что несет с собой понимание того, что ты — жив.

Постепенно это ощущение ослабело. Он почувствовал, что отчаянно голоден. Он встал и увидел, что гостиная похожа на поле битвы. Люди лежали там, где их свалила усталость. Некоторые продержались, чтобы расстелить одеяла,— и отключились. Гарви набросил свое одеяло на Стива Кокса, который свернулся калачиком от холода, и вышел из комнаты — туда, откуда плыли запахи завтрака.

* * *

Комната была залита ярким солнечным светом. Маурин Джеллисон смотрела, не веря. Ей было страшно встать с кровати. Может быть, этот яркий солнечный свет — лишь сон, а ей хотелось, чтобы этот сон продолжался. Наконец Маурин убедила себя, что не спит. Это ей не снится. Солнце светило в окно — желтое, теплое и яркое. Судя по высоте — уже больше часа. Маурин откинула одеяло и ощутила на себе солнечное тепло.

Наконец она окончательно проснулась. Ужас, кровь и усталость, подобная смерти. Воспоминания о происшедшем вчера мчались, словно со слишком большой скоростью прокручивали кинопленку. Страшное утро: защитники «Твердыни» должны были держаться и постепенно отступать, но медленно: пусть Братство займет долину, но ни в коем случае не холмы. Постепенное отступление, так, чтобы врагу не стал ясен план сражения. И собственным солдатам нельзя было объяснить план сражения, поскольку они могли попасть в плен. И наконец, угроза паники, когда защитники «Твердыни» могли обратиться в бегство.

— Если побежит кто-то, за ним побегут и остальные,— сказал Эл Харди.— Из донесений Рэнделла картина вырисовывается вполне ясная. Их командир воюет как по учебнику. Мы тоже будем воевать как по учебнику, но лишь до определенного момента.

Задача заключалась в том, чтобы удержать за собой возвышенности. Армия Братства должна была, заняв долину, оставаться в низменностях. Нужно было впустить врага в долину и дождаться, пока большая часть войска Братства переправится через реку. Как добиться того, чтобы фермеры продолжали сражаться, чтобы они не начали отступать без приказа? Харди выбрал простейшее решение.

— Если вы будете там,— сказал он,— и если вы не побежите, большинство из них тоже не побежит. Они все же мужчины.

Это решение возмутило Маурин. Но уже не было времени читать нотации Элу Харди. И в конце концов, он был прав. Все, что Маурин должна была делать,— это держаться, не падать духом.

Быть смелой. Для того, кто не знал, как ей хочется жить, это бы показалось простым делом. А ей действительно не очень хотелось жить — пока она не оказалась под огнем. И тогда все стало гораздо менее ясным. Что-то невидимое разорвало бок Роя Миллера. Он попытался прикрыть рану рукой. И его рука вошла в громадную дыру, откуда торчали изломанные ребра. Все, что Маурин съела за завтраком, подкатило к горлу... а в последний миг Рой успел обернуться и увидел ее лицо.

Снаряд мортиры разорвался возле Дика Вильсона и двух его людей. Эти двое покатились от взрыва, они катились и катились и наконец замерли, распростершись в позах, которые показались бы ужасно нелепыми, если не знать, что эти люди мертвы. Дик был брошен вперед и вверх, его руки яростно молотили воздух, они трепыхались, словно Дик превратился в птенца, учащегося летать. Потом он падал — прямо в желтый, ядовитый туман.

Джоанна Макферсон обернулась, что-то крича Маурин. Пуля прошелестела в ее волосах — прошила воздух там, где лишь мгновением раньше была ее голова. И то, что хотела сообщить Джоанна, превратилось в сплошной яростный мат.

Джек Турнер раскручивал свою бомбу, готовясь бросить ее. И осколок снаряда ударил в эту бомбу, разнес ее вдребезги. Его товарищи бросились прочь от него тоже, а Джек Турнер шатался, метался, окутанный желтым облаком. И пропал в этом облаке.

Паджи Галадриль из Графства, вращая пращу, шагнула вперед и метнула бутыль, заполненную нервно-паралитическим газом, далеко вниз, в гущу врагов. И, едва успев бросить свою гранату, она застыла, словно статуя Крылатой Победы,— без головы. Перед глазами Маурин запрыгали черные пятна. Она прислонилась к скале, ухитрилась удержаться на ногах.

От нее требовалось лишь одно: стоять на вершине холма и ждать, когда не грозила непосредственная опасность. Отскакивать и уклоняться, если возникала необходимость. (Сознательно ли она это делала, или рефлекторно, Маурин и сама не знала.) Но это одно. А совсем другое видеть, как падает невзрачная бедняжка Галадриль, а вместо шеи у нее лишь обрубок, забрызганный кровью. И самой, не выясняя, смотрит ли на нее кто-нибудь, подобрать пращу убитой и, заложив в нее бутылку с нервно-паралитическим газом, раскручивать и раскручивать над головой этот смертоносный снаряд. И, вспомнив в последний миг, что, когда выпустишь из руки конец пращи, бутылка полетит не в том направлении, куда направлена праща, а по касательной, послать свой снаряд точно в лезущую вверх по склону орду людоедов. Внезапно Маурин Джеллисон поняла, что на свете существует множество вещей, ради которых стоит жить. Серое небо, холодный ветер, редкие хлопья снега, предстоящая холодная зима... все это показалось в ту секунду не столь уж

важным. Главным было осознание простого факта: если ты способна ощутить ужас, значит, ты хочешь жить. Странно, что она никогда не понимала этого раньше.

Маурин быстро оделась, вышла из дома. Ярко светившее солнце уже исчезло. Маурин никак не могла рассмотреть его, но облачный слой казался гораздо менее плотным, чем обычно, а небо — светлее. Может быть, солнце ей только приснилось? Воздух был теплым, дождя не было. Вода в ручье, текущем возле дома, высоко поднялась, весело булькала. Должно быть, вода в ручье сейчас холодная, как раз для форели. Птицы ныряли в поток, громко кричали. Направляясь к шоссе, Маурин пошла по подъездной аллее. На шоссе было пусто. А прежде оно было запружено, когда раненых доставляли в дом, служивший для жителей долины больницей. (Теперь это госпиталь, а когда-то в нем помещался окружной санаторий для выздоравливающих.) Скоро на шоссе снова станет людно, когда в госпиталь начнут доставлять легкораненых. Их повезут в автомобилях, запряженных лошадьми. Но пока на шоссе пусто. Маурин шла все дальше. Она жадно смотрела, слушала. Звон топора эхом отдавался в окрестных холмах. Вспышка красного: это красные крылья черного дрозда, севшего на куст. Крики детей, гнавших свиное стадо сквозь чащу.

Дети быстро приспособились к новой жизни. Один взрослый, куча детей, две собаки и стадо свиней. Это и школа, и работа. Далеко не обычная школа с далеко не обычными уроками. Конечно, предусматриваются чтение и арифметика, но есть и другие науки, в том числе: как гнать свиней туда, где есть их пища — собачьи экскременты. (Собаки в свою очередь поедают человеческие испражнения.) Кроме того, детей приучают всегда носить с собой ведра для сбора свиного навоза (его приносят и сваливают в кучи по ночам). Еще наука: как ловить крыс и белок. В новой экологии крысы занимали важное место. От них следовало оберегать амбары (тут в основном полагались на кошек), но сами по себе крысы были полезны: еду себе находили сами, а в пищу годились. Кроме того, из их шкурок можно изготовлять одежду и обувь, а из тонких костей можно делать иголки. Детям, выловившим наибольшее количество крыс, выдавались награды.

Недалеко от города были установлены сооружения для переработки экскрементов. Испражнения животных и людей, перемешанные с древесной щепой и опилками, засыпались в бойлеры. Стерилизация осуществлялась с помощью тепла, выделявшегося при брожении. Горячие газы по трубам отводились к зданиям городского совета и больницы, обогревали их и затем конденсировались. Таким образом, эти трубы составляли часть системы отопления. Выделяющиеся в ходе брожения метанол и древесный спирт собирались в емкости, они еще понадобятся в будущем. Строительство системы

переработки экскрементов еще не было закончено. Необходимо иметь больше бойлеров, больше труб и конденсаторов. Тут еще придется работать и работать, но Харди вправе гордиться тем, что уже сделано. К весне в бойлерах накопится большое количество отстоя — это большое количество удобрений с высоким содержанием азота. Удобрения эти будут стерильными и уже готовыми для использования. И будет достаточное количество метанола, на котором смогут работать трактора. Без тракторов будет трудно обойтись, когда начнется пахота.

Хорошо мы это сделали, подумала Маурин. Хотя сделать предстоит гораздо больше, многое нужно сделать. Построить ветряные мельницы. Заняться севом, устроить кузницу. Харди разыскал старую книгу, в которой описывается производство бронзы и методы отливки изделий из нее в песчаных формах. Но до сих пор на все это просто не было времени. Теперь время есть, теперь исчезла нависавшая над «Твердыней» угроза. Когда Гарви Рэнделл после битвы вошел в дом, он пел: «Мы больше не будем учиться воевать!»

Легкой жизни не будет. Маурин подняла взгляд, глянула на облака. Облака превращались в черные тучи. Было бы здорово, если бы сквозь них пробились солнечные лучи — не потому, что Маурин очень хотелось увидеть солнце (хотя, конечно, ей этого хотелось), но потому, что это бы так соответствовало тому, что произошло. Солнце — символ их окончательной победы. Но вместо солнца были лишь быстро темнеющие тучи. Маурин, однако, не поддастся им, не позволит, чтобы они подействовали на нее угнетающе. Слишком уж легко может вновь захлестнуть ее черная волна отчаяния.

Гарви Рэнделл был прав. Практически чем угодно можно поступиться, чтобы помочь спасению людей, ощутивших себя беспомощными, ощутивших себя на краю гибели. Но прежде нужно победить это ощущение в своей собственной душе. В этом новом ужасном мире нужно выглядеть несгибаемой. И нужно уметь предвидеть, что может произойти. И что бы ни произошло, справиться со всем. Лишь тогда ты можешь приниматься за дело.

Мысль о Гарви натолкнула на воспоминание о Джонни Бейкере. Маурин не знала, как обстоят дела у тех, кто участвовал в экспедиции к АЭС. Но ей бы очень хотелось это знать. Теперь у них все должно быть хорошо. Новое Братство разгромлено, и с ядерным центром все будет в порядке. Это защитники АЭС отбили первую атаку врага. Но...

Последнее сообщение было получено три дня назад.

Может быть, была и вторая атака. Радио, конечно, молчит. Маурин поежилась. Может быть, этот проклятый транзистор сдох. А может быть, мертвы люди — все до единого. Сейчас невозможно

сказать, какое из двух предположений является правильным. И что бы ни происходило, Джонни должен неизбежно оказаться в самой гуще событий... Он слишком, слишком известен...

Так пусть это будет поломка транзистора, сказала себе Маурин. И займись делом. Она направилась к госпиталю.

* * *

Алим Нассор разевал рот, пытаясь дышать — и не мог. Он полусидел, опираясь спиной, в кузове грузовика. Если бы он лежал, то уже умер бы. Во всяком случае, легкие как будто водой заполнены. Долго он не протянет. Они потерпели поражение. Братство разбито, и Алим Нассор — мертвец.

Сван мертв. Джекки мертв. Большая часть банды Алима погибла там, в долине реки Тьюл. Братьев и сестер убили удушающие облака желтого газа. Газа, обжигающего, словно огонь... Алим ощутил руки Эрики, накрывающие его лицо какой-то тканью. Но не смог сфокусировать свои глаза настолько, чтобы увидеть Эрику. Она хорошая женщина. Белая женщина, но она осталась с Алимом, вытаскивала его, когда все остальные бежали. Алиму захотелось сказать ей об этом. Если бы только он мог говорить...

Он почувствовал, что грузовик замедлил ход. Услышал, как дозорный окликнул подъехавших. Значит, доехали до нового лагеря, и кто-то наладил организацию, расставил часовых. Хукер? Алим подумал, что Крючок, скорее всего, остался в живых. Он не переправлялся через реку, он корректировал огонь мортир. Крючок должен был спастись, если только его не настигла погоня. Алим поразмышлял, хочется ли ему, чтобы Хукер выжил. Ничто в мире более не имело никакого значения. Молот убил Алима Нассора.

Грузовик остановился вблизи лагерного костра, и Алим почувствовал, как его вытаскивают из грузовика. Его положили возле костра, тепло огня было приятным. Эрика осталась с ним. Кто-то принес для Алима тарелку горячего супа. Алиму было слишком трудно сказать, что это напрасная трата хорошего супа. Что когда он уснет в очередной раз, то уже больше никогда не проснется. Собственная слизь душила его. Он сильно закашлял, пытаясь прочистить легкие, чтобы говорить. Но это было так больно, что Алим прекратил кашлять.

Постепенно его мозг уловил чей-то голос.

— И вы, открыто не повинующиеся Господу Богу сонмов! Слушайте, Ангелы Бога,— наша вера воплощена в армии. Стратегия! То, что делают Ангелы, определяется положениями стратегии! Положитесь на Господа Бога Иегову! Делайте Его дело! О народ мой,

выполни Его волю! Уничтожь, как хочет этого Бог, цитадель Сатаны! И тогда Ты одержишь победу!

Голос пророка хлестал, словно бичом, в уши Алима:

— Не плачьте по павшим, ибо они пали, служа Богу! Великая награда будет дана им. О вы, Ангелы и Архангелы, услышьте меня! Сейчас не время для печали! Сейчас время наступать во имя Бога!

— Нет,— задыхаясь, прошептал Алим, но его никто не услышал.

— Это в наших силах,— сказал неподалеку чей-то голос. Спустя мгновение Алим понял, чей это голос. Джерри Оуэн.— У тех, кто засел на ядерном центре, нет отравляющего газа. А даже если он вдруг у них появится — это не имеет значения. Мы установим на барже все наши мортиры и безоткатные орудия и нанесем удар по турбинам. Этот удар будет означать гибель ядерного центра.

— Бейте во имя Божие! — прокричал Армитаж.

— Аллилуйя! — выкрикнул кто-то.

— Аминь! — послышался чей-то голос.

Одиночные вначале, по мере того как Армитаж продолжал, эти возгласы стали более многочисленными, в них зазвучал энтузиазм.

— Дерь-мо,— это наверняка сержант Хукер. Алим не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на него.— Алим, ты меня слышишь?

Алим едва кивнул.

— Он показывает, что слышит,— сказала Эрика.— Оставьте его в покое. Ему нужно отдохнуть. Я настаиваю, он должен немного поспать.

Поспать! Сон наверняка убьет его. Каждый вдох давался в результате усилий, за вдох нужно было бороться. Если Алим перестанет стараться дышать, через миг он будет мертвым.

— Что, черт возьми, мне теперь делать? — спросил Хукер.— Ты — единственный оставшийся в живых брат, с которым я могу посоветоваться.

Губы Алима пошевелились, беззвучно произнося слова. Эрика переводила.

— Он спрашивает, сколько братьев осталось.

— Десять,— сказал Хукер.

Десять чернокожих. Может быть, последние десять чернокожих в мире? Разумеется, нет. Еще осталась Африка. Разве не так? А вот среди врагов чернокожих видно не было. Может быть, негров во всей Калифорнии больше нет. Алим зашептал снова:

— Он говорит, что десять — это мало,— сказала Эрика.

— Да.— Хукер наклонился пониже, чтобы можно было говорить прямо в ухо Алима. Никто другой не должен его слышать.— Мне предстоит остаться с проповедником,— сказал он.— Алим, он сумасшедший? Или он прав? Сам я никак не могу додуматься.

Алим покачал головой. Ему не хотелось говорить на эту тему. Армитаж начал вещать снова — о рае, который ждет павших. Слова перепутывались, расплывались в тумане. Медленно ползли сквозь мозг Алима. Может быть, это правда. Может быть, этот псих-проповедник прав.

— Ему известна истина,— задыхаясь, шепнул Алим.

От тепла костра сделалось почти хорошо. Тьма сгущалась в голове Алима, несмотря на проблеск солнечного света, который, как показалось Алиму, он увидел. Слова проповедника плыли сквозь тьму, тонули.

— Нанесите удар, Ангелы! Не медлите! Настал день, настал час! Такова воля Божья!

Последнее, что услышал Алим, был выкрик сержанта Хукера:

— Аминь!

* * *

Когда Маурин добралась до госпиталя, ее перехватила Леонилла Малик и твердой рукой провела в одну из комнат.

— Я должна помочь,— сказала Маурин.— Но еще я хотела бы поговорить с ранеными. Один из сыновей Таллифсена был в моей группе, и он...

— Он мертв,— без всяких эмоций перебила Малик.— Мне нужна ваша помощь. Вам приходилось когда-либо работать с микроскопом?

— Со времен колледжа, где нам преподавали биологию,— нет.

— Вы не могли забыть, как следует обращаться с микроскопом,— сказала Леонилла.— Сперва мне нужно взять пробу крови. Сядьте сюда, пожалуйста.— Она вытащила из скороварки иглу от шприца.— Это мой автоклав,— объяснила она.— Пусть и не очень хорошо, но свое назначение выполняет.

Маурин захотелось спросить, на что употребили остальные скороварки, бывшие в доме. Игла вошла в ее руку, Маурин вздрогнула. Кровь была темной. Леонилла осторожно направила струйку в пробирку (пробирку отыскали в детском наборе для опытов по химии).

Потом Леонилла вложила пробирку в носок. Привязала к носку отрезок веревки и начала вращать его над головой.

— Центрифуга,— объяснила она.— Я показываю вам, как все это делается, и потом эту работу вы сможете выполнять сами. Нам в лаборатории очень нужны помощники,— говоря это, она продолжала вращать пробирку.— Итак,— сказала она.— Мы отделили клетки крови от плазмы. Теперь плазму мы переливаем в другой сосуд, а кровяные клетки помещаем в соляной раствор.— Действовала Леонилла очень быстро.— Вот на этой полке у нас образцы кровяных клеток и плазмы тех, кому требуется переливание крови. Проверим, как реагирует ваша кровь на их кровь.

— Разве вам не нужно заранее знать, к какой группе относится моя кровь?— спросила Маурин.

— Нужно. Но чуть попозже. Я должна в любом случае проверить реакцию. Я не знаю, к каким группам относится кровь раненых. И у меня нет возможности узнать это. Так что выбранный путь наиболее надежен, хотя и более неудобен.

В этой комнате раньше помещался кабинет. Стены были не так давно выкрашены. И теперь выскоблены до блеска. Стол, за которым работала Леонилла, был пластмассовым и очень чистым...

— Итак,— сказала Леонилла,— ваши кровяные клетки я вношу в сыворотку крови раненого, а его кровяные клетки — в вашу сыворотку. Вот таким образом, а теперь посмотрим в микроскоп.

Микроскоп также был из детского набора. Кто-то поджег местную школу раньше, чем Харди догадался послать туда людей за научно-исследовательским оборудованием.

— Работать с этим микроскопом очень трудно,— сказала Леонилла,— но работать с ним все же можно. Будьте очень осторожны, наводя фокус,— она поглядела в микроскоп.— Ага. Эритроциты слипаются в так называемые монетные столбики. В доноры для этого раненого вы не годитесь. Поглядите, вы сами все поймете.

Маурин поглядела в микроскоп. Сперва она ничего не увидела. Но потом настроила фокус, пальцы еще не забыли, как это делается... Леонилла была права, подумала Маурин. Если когда-то было умение, то этого по-настоящему уже не забудешь. Когда изображение полностью сфокусировалось, Маурин увидела красные кровяные тельца.

— Вы имели в виду эти маленькие скопления, словно состоящие из покерных фишек? — спросила она.

— Покерных фишек?

— Из таких телец, похожих на блюдца...

— Да. Это и есть монетные столбики эритроцитов. Выявляется слипание. Что ж, какая у вас группа крови?

— А,— ответила Маурин.

— Хорошо. Я это отмечу. Мы должны составить картотеку на всех. В вашей карточке я отмечу, что ваша кровь не годится для Джейкоба Винга, и то же самое отмечу в его карточке.— Леонилла проделала те же манипуляции снова, потом еще раз.— Ага. Вы можете быть донором для Билла Дардена. Я отмечу это в вашей и его карточках. Далее. Процедура теперь вам известна. Здесь пробы крови с ярлычками. Каждую пробу нужно проверить на совместимость с другими — кровь доноров и кровь тех, кому понадобится переливание. Когда это будет сделано, мы проверим кровь доноров на взаимную совместимость. Хотя это сейчас менее важно. Но если кому-нибудь из вас в будущем понадобится переливание крови, мы уже будем располагать необходимой информацией.

— Разве вы не будете сейчас брать у меня кровь для Дардена? — Маурин попыталась вспомнить, кто это — Дарден. Вспомнила: он появился в «Твердыне» чуть ли не позже всех и был принят, поскольку здесь жила его мать. В сражении он участвовал в составе отряда шефа Хартмана.

— Я уже перелила ему пинту,— ответила Леонилла.— Кровь Рика Деланти. Мы не можем делать запасы крови. Единственный путь — тот, который используется сейчас... кровь хранится в самом доноре. Если Дардену опять понадобится переливание, я вас извещу. Теперь мне пора в палату к раненым. Если вы действительно хотите нам помочь, продолжайте за меня исследование крови на взаимную совместимость.

Первая самостоятельная проба у Маурин не удалась. Но потом она обнаружила, что если действовать осторожно и тщательно, все это не так уж трудно. Просто скучно и утомительно. Запахи, доносившиеся от расположенных поблизости сооружений системы переработки испражнений, работу отнюдь не облегчали. Но тут уж особого выбора не было. Больница нуждается в тепле, образующемся в бойлерах, где происходит брожение. Кроме того, проходя по канализационным трубам, проложенным через здания городского совета и госпиталя, фекалии уже сбраживаются, выделяя тепло. Но за это приходится расплачиваться: запахи...

Вошла Леонилла и отодвинула в сторону одну из проб крови и соответствующую карточку. Она ничего не объясняла, да в этом и не было необходимости. Маурин взяла карточку и прочитала написанное на ней имя. Один из людей Арамсона, шестнадцатилетняя девочка. Была ранена, бросая в наступающих динамитную гранату.

— Будь у нас пенициллин, я, наверное, спасла бы ее,— сказала Леонилла.— Но пенициллина нет и никогда уже не будет.

— Мы не сможем самостоятельно производить его? — спросила Маурин.

Леонилла покачала головой.

— Может быть, сможем производить сульфамидные препараты. Но все остальные антибиотики — нет. Для этого потребовалось бы оборудование, которого в ближайшие годы у нас не будет. Необходимо точно выдерживать температурные режимы. Необходимы высокоскоростные центрифуги. Нет, нам придется научиться жить без пенициллина,— Леонилла сморщилась.— Это означает, что вовремя не залеченный порез может послужить причиной смерти. Люди должны понять это. Мы не вправе игнорировать правила гигиены и оказания первой помощи. Любой порез должен быть промыт. И скоро у нас кончатся запасы противостолбнячной вакцины. Хотя, может быть, нам удастся наладить ее изготовление. Может быть.

* * *

Арбалет был большой и установлен на поворотном устройстве. Гарви Рэнделл с некоторым усилием развернул его, установил на тетиве длинную тонкую стрелу. Глянул на Брэда Вагонера:

— У меня такое ощущение, что следовало бы надеть черную маску.

Вагонера передернуло.

— Кончай,— сказал он.

Гарви тщательно выбрал цель. Арбалет помещался на большой треноге. Видимость была хорошая. Арбалет был установлен на холме, возвышающемся над Долиной Битвы. Так ее и будут теперь называть, подумал Гарви. Он наставил арбалет на видневшегося внизу человека. Человек лежал, едва шевелился. Гарви снова проверил прицел, потом шагнул в сторону.

— Годится,— сказал он и несильно дернул за идущий к спуску шнур.

Стальная тетива издала жужжащий звук, замок спускового механизма щелкнул. Стрела вылетела — тонкий стальной прут больше ярда в длину с металлическим оперением. Стрела пролетела по пологой траектории и вонзилась в лежащего внизу человека. Его руки конвульсивно дернулись — и замерли. Гарви и Вагонер так и не увидели его лица. Этот по крайней мере не кричал.

— Еще один. Примерно в сорока ярдах влево,— сказал Вагонер.— Его я беру на себя.

— Спасибо.— Гарви отошел в сторону.

В то, что они вынуждены были делать, оказываешься чересчур вовлеченным лично. Винтовка была бы лучше. Или пулемет. Стре-

ляя из пулемета, не чувствуешь такой личной причастности. Если стреляешь в человека из пулемета, можешь убедить себя, что убиваешь не ты, а оружие. Но когда арбалет — ты все делаешь сам. Лично.

А ничего иного не оставалось делать. Долина превратилась во врата смерти. Ночью, когда холодно, горчичный газ конденсировался, и кое-где сейчас можно было разглядеть струйки желтого цвета. Никто не мог безнаказанно войти в эту долину. Можно было бы просто оставить в ней раненых врагов — на медленную смерть. Или сразу убить их. (Благодарение Господу, раненых защитников «Твердыни» до начала газовой атаки удалось отвести в тыл. Но Гарви знал, что Эл Харди приказал бы начать атаку и в том случае, если бы этого сделать не сумели.) Тратить винтовочные или пулеметные патроны лишь на то, чтобы прикончить умирающих врагов,— нельзя. А арбалетные стрелы можно впоследствии подобрать. После первого же хорошего дождя газ рассеется. То же произойдет и если на несколько дней установится теплая погода.

Трупы превратились в удобрение. В хорошее удобрение. Следующей весной Долина Битвы сделается отличным местом для посева. А сейчас это место, где завершается бойня. Мы победили. Победа. Гарви постарался вызвать в памяти то чувство радости, которое он ощутил прошлой ночью. И испытанное им наутро осознание того, что ты — жив. Он знал, что способен на это. То, чем они сейчас занимаются, ужасно, но необходимо. Нельзя оставлять раненых Братства погибать в муках. В любом случае эти раненые довольно скоро умрут. Гуманнее убить их, чтобы смерть была более легкой.

Эта война последняя. Больше войн не будет. Можно сказать, что Братство оказало «Твердыне» определенную услугу: окружающая «Твердыню» местность почти полностью обезлюдела. Не нужно теперь высылать многочисленные отряды на поиски имущества, оборудования и т. д. Гарви заставил себя думать только на эту тему: что, может быть, удастся разыскать, какими чудесными, наверное, окажутся находки... Найти их, потом переправить в «Твердыню».

Услышав звон тетивы, Гарви повернул обратно. Теперь его очередь. А Брэд на какое-то — пусть и недолгое — время побудет наедине с самим собой.

* * *

Исследование крови было закончено, и Маурин отправилась к раненым. Смотреть на них было тяжело, но не настолько тяжело,

как она предполагала ранее. Она знала, почему это так, но принудила себя об этом не думать.

Не настолько тяжело, как предполагала прежде, потому что те, у кого были наиболее страшные раны, уже умерли. Маурин подумала: а если бы их лечили? Леонилла, доктор Вальдемар и его жена-психиатр, Рут, знали, насколько ограниченны их возможности. Врачи понимали, что те, кто наглотался горчичного газа или получил ранение в брюшную полость, обречены. Потому что нет необходимых лекарств и оборудования, чтобы спасти их. И в любом случае большинство тех, кто отравлен газом, даже если бы их удалось выходить, должны неминуемо ослепнуть. Может быть, врачи решили, что смерть для этих людей — лучший выход? Спрашивать Маурин не стала. И покинула госпиталь.

* * *

В здании городского совета готовились к празднеству. Готовились праздновать победу. Мы заслужили этот праздник, подумала Маурин. Еще как заслужили. Мы можем горевать о погибших, но сами мы должны продолжать жить. И те, кто пал, кто в госпитале, сражались, слепли и умирали ради этого дня. Ради праздника, означающего, что война закончена, что худшее из того, что принес с собой Молот, позади и что настало время приступить к восстановлению.

Джоанна и Роза Вагонер радостно закричали. Стоявшая перед ними лампа горела.

— Получилось! — сказала Джоанна.— Привет, Маурин. Смотрите, лампа светит, а заправлена она метанолом.

Лампа давала свет, не слишком яркий, но все же это был свет. В дальнем конце большой, заставленной книгами комнаты дети расставляли пуншевые чаши. Муллберское вино, по-настоящему превосходное вино (ну, если говорить совсем честно, не очень скверное вино). Ящик добытой неизвестно кем кока-колы. И еда — в основном тушеное мясо. Не нужно допытываться, что это за мясо. Крысы и белки — вовсе не какие-то совсем особые разновидности животного мира, а кошачье мясо на вкус не так уж отличается от крольчатины. Овощи в мясо добавлялись лишь в небольших количествах. Картошка превратилась в очень дорогой и редкий деликатес. А вот овес был. В «Твердыню» пришли двое из скаутов Горди Ванса, с собой они принесли овес, тщательно отсортированный. Зерна похуже — для еды, а отборные — для будущих посевов. Сьерра из края в край заросла диким овсом.

Национальная кухня шотландцев — сплошной овес. Сегодня вечером выяснится, каково на вкус шотландское блюдо — рубец с потрохами и приправой...

Маурин прошла через главный холл. Женщины и дети украшали его, развешивали яркие ткани вместо настенных ковров. Украшали чем только возможно, лишь бы создать максимально праздничную атмосферу. На противоположном конце холла — дверь в кабинет мэра.

В кабинете находились отец Маурин, Эл Харди, мэр Зейц, Джордж Кристофер и Эйлин Хамнер. Когда Маурин вошла, разговор внезапно прекратился. Маурин поздоровалась с Джорджем, он ей ответил, но вид у него сделался несколько встрепанный, будто при ее появлении он ощутил за собой какую-то вину. Или Маурин это только показалось? Но тишина, воцарившаяся в комнате, уж точно ей не померещилась.

— Продолжайте, не надо из-за меня прерываться,— сказала Маурин.

— Мы просто разговаривали о... кое о чем,— сказал Эл Харди.— Я не уверен, будет ли вам это интересно...

Маурин рассмеялась:

— На этот счет не беспокойтесь. Продолжайте.— И подумала: если, черт побери, вы считаете меня принцессой, то я, опять же черт побери, выясню, что здесь происходит.

— Хорошо... Ну, предмет нашего обсуждения несколько неприятен,— сказал Эл Харди.

— Вот как? — Маурин села рядом с отцом. Выглядел сенатор неважно. Вернее, выглядел он просто плохо, и Маурин знала, что эту зиму он не переживет. Врачи говорили Маурин, что сенатор должен избегать волнений — а сейчас это было невозможно. Она накрыла своей ладонью его ладонь, улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

— Скажи Элу, что я буду молодцом и неудобств ему не доставлю.

Улыбка Джеллисона сделалась шире.

— Ты уверена в этом, котенок?

— Да. Я за себя отвечаю.

— Эл,— сказал Джеллисон.

— Хорошо, сэр. Разговор идет о пленных. Что нам с ними делать?

— В госпитале раненых пленных немного,— сказала Маурин — Мне казалось, что их должно быть больше...

Харди кивнул:

— Остальные в... за ними обеспечен уход. Тревожит вот что: нам сдались сорок один мужчина и шесть женщин. Я вижу следующие возможности.— Он поднял руку, начал за-

гибать пальцы.— Первая. Мы можем принять их в свою среду как равных...

— Никогда,— прорычал Джордж Кристофер.

— Вторая. Мы можем принять их в качестве рабов. Третья. Мы можем отпустить их. Четвертая. Мы можем убить их.

— Отпустить их — тоже исключено,— сказал Джордж.— Если их отпустить, они опять присоединятся к Братству. Куда еще им деваться? А Братство все еще многочисленнее, чем мы. Не забывайте об этом. Отступив миль на десять—пятнадцать, они вновь полезли в драку — и дрались неплохо. У них по-прежнему есть вожди. Есть грузовики и мортиры... Конечно, мы захватили значительную часть имевшегося у них вооружения, но и осталось у них совсем не так уж мало.— Джордж по-волчьи оскалился.— Хотя, готов спорить, к нам они более носа не осмелятся сунуть — никогда.— Взгляд его сделался задумчивым.— Рабы. Я могу придумать много дел, которые нам удадутся, если использовать труд рабов.

— Да.— Харди кивнул, соглашаясь.— Я тоже могу представить много таких дел. Работы со скотом. Приведение в действие насосов компрессора вручную — у нас заработают холодильники. Приведение в действие вручную токарных станков. Шлифовка линз. На рабах даже можно пахать. Существует много видов работ, выполнять которые никому не хочется...

— Но рабство? — запротестовала Маурин.— Это ужасно.

— Ужасно? Возможно, вам больше понравилось бы, если назвать это «осуждение на каторжные работы»? — спросил Харди.— Намного ли хуже станет их жизнь по сравнению с той, которую они вели, будучи членами Братства, или если б они были приговорены к тюремному заключению?

— Нет,— сказала Маурин.— Я беспокоюсь вовсе не о *них*. Я думаю о *нас*. Значит, мы хотим стать рабовладельцами?

— Тогда убьем их и покончим с этим делом,— рявкнул Джордж Кристофер.— Потому что выпускать их на волю мы, черт побери, не можем! Ни выпустить их, ни принять к себе!

— Почему мы не можем просто отпустить их? — спросила Маурин.

— Я уже говорил вам,— ответил Джордж.— Они вновь присоединятся к каннибалам.

— Представляет ли теперь Братство опасность? — спросила Маурин.

— Для нас нет,— сказал Кристофер.— *Сюда* они больше не полезут.

— А к весне, я полагаю, от Братства останется не так много,— добавил Эл Харди.— Они не слишком-то подготовились к зиме. Во всяком случае, тем, кто попал к нам в плен, о такой подготовке ничего не известно.

Маурин постаралась справиться с ужаснувшим ее видением.

— Это страшно, очень страшно,— сказала она.

— В каких пределах допустимы наши действия? — сказал сенатор Джеллисон. Голос его был очень тих, но в нем звучала сконцентрированная сила.— Цивилизации обладают теми нормами морали и этики, которые они в состоянии себе позволить. В настоящее время мы владеем слишком малым, поэтому и пределы допустимости наших действий ограниченны. Мы не можем обеспечить требуемый уровень ухода за нашими собственными ранеными. В гораздо меньшей степени мы можем заботиться о раненых, попавших к нам в плен. Все, что мы в состоянии позволить себе,— это, учитывая их состояние, выпустить их на волю. Но что мы вправе позволить себе по отношению к остальным пленным? Маурин права, мы не должны допустить нашего превращения в варваров, но наши стремления, возможно, не соответствуют нашим возможностям.

Маурин погладила руку отца.

— Это как раз то, над чем я размышляла всю прошлую неделю. Но... если наши возможности очень ограниченны, значит, мы должны делать то, что можем делать! Но что мы не вправе делать — *это творить в свою пользу зло*! Мы обязаны *ненавидеть* зло, даже если у нас нет иного выхода.

— Но это никак не проясняет, что нам делать с пленными,— сказал Джордж Кристофер.— Я голосую за то, чтобы перебить их. Я это сделаю самолично.

Он не откажется от своего намерения, поняла Маурин. И он не поймет — никогда не поймет. В обычной жизни Джордж хороший человек. Он делился с другими всем, что у него было. Он проводил в труде больше времени, чем кто-либо другой, и выбирал для себя наиболее тяжелую работу. И работал он вовсе не на самого себя.

— Нет,— сказала Маурин.— Прекрасно. Мы не можем отпустить их на волю. И не можем принять к себе в качестве полноправных сограждан. Если все, что мы можем позволить себе,— это обращение их в рабство, то сохраним им жизнь в качестве рабов. И пусть их труд будет настолько тяжел, насколько мы вправе это позволить себе. Но только мы не должны называть их рабами, поскольку тогда окажется слишком легким переход к тому, что наш образ мыслей станет образом мыслей рабовладельцев. Мы вправе принудить их работать, но называть мы их будем военнопленными. И относиться к ним будем как к военнопленным.

Харди поглядел на нее сконфуженно. Он и не подозревал, что Маурин может проявлять такую напористость. Потом Харди перевел взгляд на сенатора, но увидел лишь уставшего до смерти человека.

— Хорошо,— сказал Эл.— Эйлин, нам придется организовать лагерь для военнопленных.

Окончательное решение

Крестьянин есть существо вечное и независимое от всех культур, к которым он принадлежит. Вера настоящего крестьянина древнее христианства. Его боги древнее любых богов более развитых религий.

Освальд Шпенглер.
Закат Европы

В день падения кометы фургон уже не был новым. А за последние несколько месяцев он состарился на много лет. Он быком упрямо пер по бездорожью, по побережью недавно возникшего моря. Он весь провонял рыбой. Техническое обслуживание — теперь вещь невозможная, из-за беспрерывных дождей он насквозь проржавел, будто ржавел на протяжении многих лет. Сохранилась лишь одна фара, и фургон казался наполовину ослепшим. И еще казалось, что фургон знал — его время кончилось. Он ревел и продвигался вперед, как бы прихрамывая. И каждый раз, когда он подпрыгивал, трясясь, будто в смертельной муке, в бедро Тима Хамнера вонзалась иглой пронзительная боль.

Хуже всего было то, что машиной следовало управлять. Правая нога не доставала до педали сцепления. Тиму приходилось действовать левой, и каждый раз казалось, будто в кость втыкается ледяной зазубренный штырь. Но все же Тим продолжал вести машину — по изуродованной рытвинами дороге, на скорости. Чем больше скорость, тем меньше тряска.

На посту у баррикады находился Кэл Кристофер. Вооружен он был автоматом армейского образца. В другой руке он держал бутылку «Оулд Федкал». Он весь лучился от радости, он чуть не лопался от важности, ему хотелось разговаривать.

— Хамнер! Рад вас видеть.— Он просунул бутылку в окно машины.— Выпейте-ка... Эй! Что случилось с вашим лицом?

— Песок,— ответил Тим.— Послушайте, у меня в кузове трое раненых. Может кто-нибудь вести машину дальше вместо меня?

— Да ну, нас здесь только двое. Остальные празднуют. Ваши

парни тоже одержали победу, а? Мы уже знаем, что у вас там была драка, и вы расколошматили их...

— Раненые,— сказал Тим.— В госпитале кто-нибудь есть?

— Остается надеяться, что да. У нас тут тоже есть раненые. Но мы победили! Они не ожидали этого, Тим, это было прекрасно! Варево Форрестера их попросту изничтожило. Они будут удирать без остановки, пока...

— Они уже остановились. И, Кэл, у меня нет времени на разговоры.

— Да. Ладно. Все празднуют, это в городском совете, госпиталь совсем рядом, так что вам помогут. Может, там вы и не найдете никого трезвого, но...

— Баррикада, Кэл. Я не смогу помочь вам разобрать ее. Я и сам ранен.

— О... Плохо.

Кэл отодвинул бревно в сторону, и Тим проехал. Было темно, ни в одном из домов не горел свет. Тим на дороге не видел ни единой души. Ехать здесь было легче: все рытвины засыпаны.

Тим проехал поворот и увидел город. Неярко светилось во тьме здание городского совета. В каждом окне — свет зажженной свечи или керосиновой лампы. Этот свет не слишком впечатлял после ослепительного сияния атомной электростанции, но все же он служил несомненным признаком, что здесь празднество. Народу собралось так много, что в здании все не поместились. И потому, несмотря на мелкий сыплющийся с неба снег, люди толпились на улице. Поскольку было холодно и дул ветер, люди жались друг к другу, образуя тесные группки, но все равно Тим услышал, как громко они смеются. Он остановил машину поблизости, возле здания бывшего городского санатория.

Он начал вылезать из кабины, навстречу ему хлынули люди. Кто-то бежал, неуклюже раскачиваясь. Эйлин — это ее солнечная улыбка. Улыбка широкая и знакомая.

— Осторожнее! — закричал Тим, но было поздно. Она стремглав кинулась к нему, крепко обняла, смеясь. А он старался сохранить равновесие, чтобы оба они не упали. Боль скрежещуще заплясала в кости.— Осторожнее. Господи Иисусе. У меня в бедре кусок металла.

Она отскочила от него, будто ужаленная.

— Что случилось? — И увидела его лицо. Улыбка ее пропала.— *Что случилось*?

— Снаряд мортиры. Он разорвался как раз перед нами. Мы с радиоаппаратурой находились на верхушке башни охлаждения. Осколки разнесли радио на куски, а полицейского... э... да, его фамилия была Уингейт,— тоже в клочки, а я, Эйлин, стоял как раз между ними. Как раз между ними. Но все, что досталось на мою долю,—

это горсть песка, брошенного взрывом из мешка мне в лицо, и осколок в бедре. У тебя все в порядке?

— О, конечно. И с тобой все в порядке, так ведь? Ты можешь ходить, ты жив. Слава Богу.— И раньше, чем Тим успел прервать ее, Эйлин продолжала:— Тим, мы победили! Мы, должно быть, перебили половину людоедов, а те, кто уцелел, все еще удирают. Джордж Кристофер гнался за ними пятьдесят миль!

— Они никогда не полезут к нам снова,— хвастливо крикнул кто-то, и Тим понял, что вокруг него столпились.

Мужчина, крикнувший это, выглядел странно. По виду, похоже, индеец. Он сунул Тиму бутылку.

— Последнее ирландское виски в мире.

— Хорошо бы приберечь его под кофе по-ирландски,— засмеялся кто-то.— Но кофе больше не будет.

Бутылка была почти пуста. Тим не стал пить.

— В кузове раненые! — закричал он.— Нужны те, кто понесет носилки! — И повторил снова:— Кто понесет носилки. И сами носилки тоже нужны, кстати.

Кое-кто их празднующих направился к больнице. Стемнело.

Эйлин нахмурилась — не столько горестно, сколько изумленно. Она все смотрела на Тима, чтобы до конца поверить, что он здесь и что он жив.

— Мы знаем, что АЭС была атакована,— сказала она.— Но вы отбили нападение. Никто из ваших не убит, не ранен...

— Это была первая атака,— сказал Тим.— Потом они напали снова. Сегодня днем.

— Сегодня днем? — недоверчиво переспросил индеец.— Но они же бегут. Мы их преследовали.

— Они уже не бегут,— сказал Тим.— Остановились.

Эйлин приблизила губы к его уху:

— Маурин захочет узнать, как дела у Джонни Бейкера.

— Он мертв.

Эйлин потрясенно смотрела на Тима.

Подошли люди с носилками. Раненые находились в кузове, они были завернуты в одеяла, словно в коконы. Одним из них был Джек Росс. Мужчины, принесшие носилки, остановились, в изумлении глядя на двух других: оба были чернокожими.

— Полицейские мэра Аллена,— объяснил Тим.

Он захотел было помочь нести носилки. Но все, что ему кое-как удалось, это «нести» самого себя. Да и то пришлось сперва взять палку, которую вместо костыля дал ему один из рыболовов Хорри Джексона. Ковыляя, Тим вошел в больницу.

Леонилла Малик распорядилась доставить раненых в гостиную. Здесь было тепло, комната обогревалась, и стоял огромный письменный стол, используемый в качестве хирургического. Носилки поста-

вили на пол, и Леонилла быстро и внимательно осмотрела раненых. Сперва — Джек Росс. Леонилла приставила стетоскоп к его груди, нахмурилась, несколько передвинула стетоскоп. Подняла руку Джека и сильно надавила на ноготь большого пальца. Ноготь побелел — и остался белым. Леонилла молча натянула одеяло на лицо Джека и подошла к следующим носилкам.

Полисмен был в сознании.

— Вы слышите меня? — спросила Малик.

— Да. Вы русская женщина-космонавт?

— Да. Сколько у вас ранений?

— Шесть. Шрапнель. Кишки как в огне горят.

Пока Леонилла прослушивала его пульс, Тим, ковыляя, вышел из комнаты, вслед за ним, крепко вцепившись ему в руку, Эйлин.

— Ты ранен! Твое место здесь,— говорила Эйлин.

— Кровотечения нет. Мне нужно туда. Кто-то ведь должен сказать Джорджу о его зяте. И еще мне кое-что нужно сделать. Нам необходимо подкрепление. Как можно быстрее.

Поглядев в лицо Эйлин, Тим все понял. Никому здесь не захочется услышать такого рода известия. Люди сражались, победили, и никому не захочется узнать, что нужно снова сражаться.

— Врача на электростанции не было,— сказал Тим.— И никто не пожелал выковыривать из меня этот осколок.

— Немедленно возвращайся в операционную,— приказала Эйлин.

— Вернусь. Но сперва — полицейские, они ранены тяжелее, чем я. На АЭС была санитарка, она залила мою рану сульфамидными препаратами и наложила стерильную марлевую повязку. Со мной пока что все в порядке. Мне нужно переговорить с Харди.

Было трудно заставить свои мысли не разбегаться. Бедро горело, словно в огне, от боли в голове все путалось.

Путь до здания городского совета был короток. Тим не мешал Эйлин поддерживать его, пока они шли. Черт, их снова окружили.

— Хамнер, что случилось? — спросил Стив Кокс, управляющий поместьем Джеллисона.

— Не приставайте к нему, сейчас он нам все расскажет,— промычал еще кто-то.

И кто-то третий спросил:

— Хамнер, вы собираетесь выпить это?

Тим обнаружил, что в его руке все еще зажата полупустая бутылка. Он сунул ее спросившему.

— Эй! — крикнул Стив Кокс.— Отдайте бутылку ему обратно. Ну же, дружище, выпейте с нами. Мы победили!

— Не могу. Мне нужно поговорить с сенатором. С Харди. Нам нужна помощь.— Он ощутил, как при этих словах Эйлин вся замерла, напрягшись. Замерли, напряглись и все остальные. Людям нена-

вистны плохие новости.— Следующей атаки нам не выдержать,— сказал Тим.— Наши потери слишком велики.

— Нет. Война кончилась,— прошептала Эйлин.

— Это ты считаешь, что она кончилась,— сказал Тим.

— Все так считают.— На лице Эйлин появилось выражение невыносимого страдания. Это должно было смягчить сердце Тима Хамнера, но не смягчило.— Никому не хочется идти в бой снова,— сказала Эйлин.

— И не пойдем! — тонким пронзительным голосом выкрикнула Джоанна Макферсон.— Мы уже перебили этих сучьих детей, Тим! — она пододвинулась к нему, подставляя свое плечо, чтобы он мог опереться.— Их осталось слишком мало, чтобы опять воевать. Они разгромлены, и те, кто спасся, будут утверждать, что никогда и не слышали о Братстве. И это тоже у них не получится. Мы их всегда узнаем.— Джоанна стала кровожадной. Потом она спросила: — С Марком все в порядке?

— У Марка все хорошо.— Лишь теперь Тим начал осознавать, какую гору пытается он свернуть. Невыполнимая задача. Но ведь нужно же это сделать, должны же его понять. И Тим добавил: — Он здоровее, счастливее и чище телом, чем любой из вас. На АЭС имеются действующие душевые с горячей водой и стиральные машины.

Может быть, хоть это подействует.

* * *

В комнате, примыкающей к конференц-залу городского совета, Рик Деланти защищал свою честь, отбиваясь от Джинджер Доу. Джинджер вознамерилась увести Рика к себе. Ее несомненно забавляло происходящее, что было уж совсем неприлично.

— И, знаете, вам совсем не обязательно жениться на мне.

Рик ничего не ответил, и она рассмеялась. Джинджер была женщина лет тридцати с лишним, крепкого телосложения. Ее темные волосы были приглажены так, что даже чуть светились. Вероятно, она причесалась в первый раз со дня падения Молота.

— Хотя, если вам все равно, можете ко мне совсем переехать. А не захотите, так утром уйдете. Никого это не взволнует. Сами понимаете, здесь не Миссисипи. На тысячу миль в округе вы не отыщете чернокожей женщины, разве что у людоедов.

— Ну, допустим, что от этого факта я могу почувствовать себя неуютно,— отбивался Рик.— Но все обстоит не так просто. У меня горе.

Он бы меньше нервничал, если бы ему и Джинджер не приходилось говорить так громко. Но нужно было перекричать пение, доносившееся из зала. Мелодии у песни, похоже, вовсе не было, этот недостаток восполняли громкостью исполнения.

Он никогда не сбривал усов
Со своего лица
И в пьяной драке всегда был готов
Насмерть стоять до конца.

Улыбка Джинджер несколько увяла.

— Все мы горюем по кому-нибудь, Рик. Но мы не должны поддаваться. Джил, мой муж, поехал в Портервилль, у него был намечен завтрак с его адвокатом. И больше я его не видела. Он уехал, а потом — бах! Я думаю, они оба остались под рухнувшей плотиной.

Мой любимый идет, снег дробя плечом,
Под очень опасным углом,
Но все преграды ему нипочем,
Он нервы связал узлом.

— Сейчас не время предаваться горю,— сказала Джинджер.— Сейчас время праздновать.— Она недовольно скривила губы.— Мужчин у нас тут много. Гораздо больше, чем женщин. И никто никогда не говорил мне, что я урод.

— Вы не урод,— согласился Рик. Хочет ли она присоединить к своей коллекции скальп астронавта или ей нужен скальп чернокожего? Или это охота за мужем? Рик вдруг выяснил, что начинает гордиться. Но воспоминания о доме в Эль Лаго были слишком яркими и свежими. Он открыл дверь к соседям.

Крепчает ветер, на землю валя,
Мороз нагоняет страха.
При ста градусах ниже нуля
Мой друг застегнул рубаху.

В здании городского совета размещались также городская библиотека, полицейский участок и тюрьма. Огромный — вдоль стен книжные полки — конференц-зал был украшен драпировками и картинами. Они в какой-то степени поглощали звук, но все равно празднование получалось чертовски шумным. В дальнем конце зала Рик наткнулся на Брэда Вагонера. Вагонер рассматривал что-то, находящееся в стеклянной витрине.

— Откуда это здесь взялось? — спросил Рик.— Кто-то коллекционирует стьюбеновский хрусталь?

Вагонер пожал плечами.

— Не знаю. Прямо настоящий кит, не правда ли?

Лоб Вагонера был замотан бинтом. Выглядела повязка очень

внушительно — прямо сцена из «Красной повязки храбреца». О том, как она появилась, Брэд, впрочем, никому не рассказывал. Швыряя термитную гранату, он переусердствовал, поскользнулся и, упав, покатился вниз по склону. Он уже думал, что попадет в газовое облако, но повезло — не отравился. Сейчас, кстати, он был вполне отравлен «бурбоном» с водой.

— По крайней мере, больше такие вещицы производиться не будут,— сказал Брэд Рику. Он повторял эту фразу уже не в первый раз.

Ощущение счастья заразительно. Рику тоже захотелось почувствовать себя счастливым. Если б только не мешала тревога: что происходит на этом проклятой ядерном центре? Как там Джонни? И еще — забыть об Эль Лаго. И Рик решил пойти в госпиталь, чтобы помочь там. Находясь в госпитале, он никому не будет своим видом портить праздник. Он направился к двери, и в это время в зал вошел, поддерживаемый с двух сторон Эйлин и Джоанной, Тим Хамнер. А вместе с ним — целая толпа, что-то галдящая одновременно.

Рик попытался пробиться к Хамнеру. Шум в зале усилился. Хамнер двинулся к дальнему концу конференц-зала, туда, где дверь в кабинет мэра. Рик пошел следом. Раздалось множество выкриков, требующих тишины,— от этого шум только усилился. Эйлин увидела Рика, выскользнула из-под руки Тима и подошла к нему.

— Я должна вам кое-что сообщить,— сказала она.

Рик мгновенно все понял. Его обдало обморочным холодом.

— Из-за чего погиб Джонни? — спросил он.

— Тим сказал, чтобы спасти их задницы. Это все, что я знаю.

Он почувствовал, что колени его трясутся. Но стоял он по-прежнему прямо, в четкой позе.

— Я должен был заставить его взять меня с собой,— сказал Рик в пустоту.— Теперь в мире осталось лишь три астронавта. Маурин знает?

— Еще нет. Где она?

— В последний раз я ее видел в кабинете мэра. Она там была со своим отцом.

Сенатор, похоже, тоже не намеревался уделять много своего времени радостям праздника.

— Я пойду с вами.— Рик двинулся сквозь толпу, пробивая дорогу для себя и Тима.

Итак, Джонни мертв. Теперь все, кого Рик любил,— мертвы. Молот уничтожил их всех. Рик ощутил сумасшедшее желание расхохотаться: рекорд Америки остался непревзойденным, ни один американский астронавт не погиб в космосе.

— От чего спасал он их задницы? — спросил Рик.

Но Эйлин была уже слишком далеко от него, а в зале было слишком шумно.

* * *

Кто-то сунул Тиму бутылку. Шотландское. На этот раз Тим выпил. Так он и вошел в кабинет мэра — с бутылкой в руке. Все руководство находилось здесь, в кабинете. Сенатор, сидевший за письменным столом мэра. Эл Харди, притулившийся возле него. Маурин, шеф Хартман, мэр. Вид у них был довольный, радостный, торжествующий. Тима охватила смешанная с обидой злость. Он понимал, что не прав, что они не участвуют в празднике, но горе его было слишком велико. Он проковылял в кабинет. Сидящие здесь наконец увидели, как он идет, увидели выражение его лица — и улыбки их увяли. Тима это порадовало. Он заметил, как вслед за ним, теснясь, вошли в кабинет Эйлин и Рик Деланти, затем дверь закрылась.

— На вас снова напали? — спросил Эл Харди.

— Да.— Тим глянул на Маурин. Она уже все поняла. Все поняла по его лицу. Нет смысла стараться быть поделикатнее.— Генерал Бейкер мертв. Мы отбили их атаку, но на этот раз еле-еле. А остальное я хочу сообщить всем.

Все свое внимание Тим сосредоточил на сенаторе. Видеть лицо Маурин ему не хотелось.

Харди обернулся к сенатору.

— Я все сделаю.

Джеллисон кивнул.

Харди повел Тима к выходу.

— Успокойтесь,— сказал он.

Стив Кокс подошел к сцене и застучал по ней, требуя тишины. Харди повел Тима к трибуне. Множество рук помогло Хамнеру забраться на сцену. Кто-то пододвинул кресло сенатора к дверному проему, чтобы он мог все слышать. За креслом, наклонившись вперед, встали мэр и шеф Хартман. Маурин Тим не видел.

Опершись о трибуну, Тим посмотрел на сотни обращенных к нему глаз. Отпил еще шотландского. Виски согрело его. В зале сделалось почти тихо. Люди, если не считать тех, кто только что вошел и толпился в дверях, прекратили переговариваться. А если и говорили, то лишь шепотом. Тиму никогда еще не приходилось выступать вот так, перед живой аудиторией. Слушатели были слишком близко, они были слишком реальны. Тим увидел Джорджа Кристофера. Джордж двигался сквозь толпу, словно ледокол. Он шество-

вал, вид у него был торжествующий, словно у Беовульфа, выставляющего напоказ руку чудовища Гренделя. Черт подери, у них у *всех* был точно такой же вид. Торжествующий. Они ждали, что он скажет.

— Сперва хорошие новости,— сказал Тим.— Ядерный центр все еще действует. На нас напали. Сегодня днем. Мы отбили атаку, но с трудом. Некоторые из нас погибли. Многие ранены. И многие из раненых умрут. Вы уже знаете, что бóльшая часть сил Братства была направлена не к ядерному центру.

Взрыв торжествующего смеха и аплодисментов. Тиму следовало бы заранее ожидать этого. Ведь перед ним были те, кто почти полностью разгромил главные силы Братства. И все же этот взрыв был для него неожиданностью. Его затрясло. Эти дикари — они пьют, танцуют и хвастают, а тем временем товарищи Тима Хамнера, мужчины и женщины, ждут смерти. Откуда они только взялись, эти дикари? Когда снова стало тихо, Тим яростно заговорил:

— Генерал Бейкер мертв. А Новое Братство еще не умерло.— Тим увидел, какую реакцию вызвали эти слова: гнев, неверие.

— *Сюда* они снова не полезут,— выкрикнул кто-то. Послышались возгласы одобрения.

— Дайте ему сказать! Что случилось? — требовательно крикнул Джордж Кристофер. В зале снова установилась тишина.

— В первый раз Братство атаковало нас, посадив своих солдат в лодки,— сказал Тим.— Это нападение мы отбили без особого труда. Затем мы услышали по радио, что у вас здесь началось сражение с ними. Когда вы сообщили, что победили, мы вообразили, что это означает конец войне,— Тим вцепился в трибуну, вспомнив, какое радостное ликование поднялось на ядерном центре «Сан-Иоаквин» после сообщения о победе «Твердыни».

— Но они вернулись. Сегодня. Они соорудили другой плот. Навалили по его периметру мешки с песком. Установили на нем мортиры. Они оставались вне пределов дальнобойности любого имевшегося у нас оружия. И били по нам. Один из снарядов попал в паропровод, по которому шел перегретый пар. Ремонт паропровода занял у людей Прайса очень много времени. Другой снаряд прикончил Джека Росса.

Тим увидел, что с лица Джорджа Кристофера сползла его торжествующая улыбка.

— Джек был еще жив, когда из лодки мы перенесли его в фургон. Но когда мы добрались сюда, он был уже мертв,— продолжил Тим.— Один снаряд разорвался прямо передо мной. Он попал в мешки с песком, которые мы использовали в качестве ограждения на вершине башни. Там, на вершине башни охлаждения, была установлена наша радиоаппаратура. Снаряд прикончил тех, кто

стоял рядом со мной, и разнес радиоаппарат на части. Один шрапнельный осколок угодил мне в бедренную кость. Он и сейчас у меня в кости.

Они и дальше так продолжали действовать. Оставались на дистанции, недосягаемой для нашего ответного огня. Сотрудники Прайса соорудили что-то вроде пушки. Ее сделали из обрезка трубы, заряжалась она с дула и приводилась в действие сжатым воздухом. Потом сделали еще несколько таких пушек. Эти пушки били очень неточно. Мы никак не могли попасть в плот. А на нас все сыпались, черт бы их взял, снаряды мортир. Бейкер отобрал часть из нас, посадил в лодки. Из этого тоже ничего не вышло. У солдат Братства были пулеметы, и лодки не смогли приблизиться к плоту... и ведь плот был защищен мешками с песком. Наконец Бейкер отвел лодки обратно и высадил всех на берег.

Краем глаза Тим увидел Маурин, появившуюся в дверях кабинета мэра. Она стояла за спиной своего отца, положив руку ему на плечо. Рядом с ней стояла Эйлин.

— У нас была гоночная лодка, мы ее использовали в качестве буксира. «Синди Лу». Джонни сказал Барри Прайсу: «Я был летчиком-истребителем. Нас всегда учили, что есть только один способ не промахнуться». Потом на полной скорости он вывел «Синди Лу» к плоту и таранил его. Весь плот оказался покрыт слоем горящего бензина. Джонни ведь сперва заставил всю палубу банками с бензином и термитом. После этого Братство повело наступление на лодках, но тут они оказались в пределах нашего огня. И мы нанесли им большие потери. Наконец они отошли.

— Удрали,— поправил Джордж Кристофер.— Они всегда удирают.

— Они не удрали,— сказал Тим.— Они отступили. У них на одной из лодок был какой-то седовласый псих. Он стоял не скрываясь. Мы стреляли в него, но так и не попали. Он кричал, призывая их убить всех нас. Пока я мог его слышать, он выкрикивал только это. Они повторят нападение.

Тим сделал паузу, чтобы увидеть, какое впечатление произвели его слова. Не то. Он испортил собравшимся праздничное настроение, но на их лицах он увидел лишь негодование или печаль. И больше ничего.

— Они убили четырнадцать из нас, считая Джека. Ранено, наверное, в три раза больше, и многие из раненых умрут. На АЭС была санитарка и некоторый запас медикаментов, но врача там не было. Нам нужен врач. Нам необходим второй комплект радиоаппаратуры.

На лицах слушающих: гнев, печаль, негодование. Тим понял, что ему следует сказать теперь.

Он упрямо продолжил:

— Но более всего нам необходимо подкрепление. Следующей такой атаки нам не выдержать. Мне не кажется, что от газовых гранат будет большая польза. Нам нужны винтовки. Очень могут помочь пулеметы, которые вы захватили у Нового Братства. Но более всего нам нужны люди. Потому что почти все работники ядерного центра будут заняты: они будут поддерживать его работу... если АЭС вновь подвергнется мортирному обстрелу. Люди Прайса...— Тим заколебался в поисках подходящего слова. Черт, то, что он хотел сказать, слишком бездушно. Так какое же нужно тут слово? — Они — великолепны. Я сам видел парня, который вошел в облако перегретого пара. Он пошел туда, чтобы перекрыть клапан. Когда я уезжал, он был еще жив, но везти его сюда не имело смысла.

Другой работник АЭС сращивал находившиеся под напряжением кабели. Под напряжением в тысячи вольт. Вокруг него разрывались снаряды, а он продолжал работать — и по кабелям вновь пошел ток. Бейкер погиб, но те, кто остался на АЭС, еще живы. Им нужна помощь. Нам нужна помощь. Я вернусь туда,— последнее Тим сказал, не смея взглянуть в лицо Эйлин.

Он почувствовал, что кто-то появился за его спиной. Это на сцену поднялся Эл Харди. Эл встал слева от трибуны и поднял руку, требуя внимания. Он заговорил, его голос был голосом опытного оратора, этот голос заполнил весь зал.

— Спасибо, Тим,— сказал Харди.— Вы говорили очень убедительно. Конечно, вам хочется вернуться обратно. Но вопрос состоит вот в чем: что мы выиграем, спасая от уничтожения ядерный центр? Сколько там, на этой атомной электростанции, людей? Суть вот в чем: мы располагаем лодками, у нас теперь достаточные запасы пищи, мы можем принять к себе всех, кто находится сейчас на АЭС. Эвакуация их особых трудностей не составит, и я уверен, что для такого дела у нас не будет недостатка в добровольцах.

* * *

Пришедший сюда из госпиталя Гарви Рэнделл поспел как раз к тому моменту, когда Тим начал свое сообщение. Он вошел в зал кружным путем, через кабинет мэра, и вдруг обнаружил, что стоит рядом с Маурин. Когда Тим сказал, что произошло с Бейкером, рука Гарви легла на руку Маурин. Легла — но легонько, почти неощутимо. Маурин не зарыдала, не упала в обморок. Может быть, она закричала, но про себя, беззвучно. Так, чтобы этого никто не заметил. И Гарви никак не хотелось быть настолько тупым, чтобы лезть к ней в душу.

Он подумал про себя: сукин ты сын! Маурин держалась лучше, чем Деланти. Чернокожий астронавт, казалось, был готов убить ко-

го угодно. Ладно, это понятно. Двух других из тех, кто вместе с Бейкером совершил полет на «Молотлэбе», в зале не было. Леонилла оперировала раненного в живот полисмена, а Товарищ помогал ей. (Теперь все обитатели «Твердыни» называли Петра Товарищем. Генерал Петр Яков был последним оставшимся в досягаемом мире коммунистом, и он гордился этим. Кроме того, прозвище позволяло избегнуть недоразумений, связанных с его именем: Петр Яков, Питер Джейкоб.)

Лицо сенатора сделалось пепельно-серым, лежащие на коленях руки сжались в кулаки. Один из задуманных вами планов не удался, сенатор, думал Гарви. Конечно, это для него удар: один из принцев погиб, а второй околдован ведьмой.

Джордж Кристофер отнюдь не пребывал в гордом одиночестве. Рядом с ним стояла Мария. Она была единственной женщиной в зале, одетой в юбку, чулки и туфли на каблуках. Еще на ней были рубашка мужского покроя, свитер и неброские украшения. Она и Джордж стояли не порознь, а именно вместе. Если кто-нибудь оказывался слишком близко к Марии или оглядывал ее слишком масляными глазами, лицо Джорджа мрачнело.

Три принца. Один убит в схватке с великанами-людоедами. Второго опутали чары ведьмы. Третий... третий принц стоит рядом с принцессой. Необходимость в умеющих сражаться мужчинах еще не отпала, но она уже не является острой. Теперь в «Твердыне» нужны люди, умеющие создавать, строить, и вот *это* Гарви Рэнделл умеет делать. Я теперь принц, завоевавший корону, думал он. Сукин сын.

Но Тим Хамнер призывает к новой битве!

Буквально теперь, только что прекративший убивать, старающийся забыть об арбалете, Гарви просил мысленно и беспомощно: заткнись! Заткнись! Когда Эл Харди предложил эвакуировать работников ядерного центра в «Твердыню», Гарви чуть не зааплодировал. Кстати, некоторые из присутствующих зааплодировали. Но у Рика Деланти по-прежнему был вид человека, готового убить кого угодно, а Тим Хамнер...

— Мы не оставим ядерный центр,— сказал Тим Хамнер.— Ваши лодки понадобятся на то, чтобы доставить к нам людей, оружие и боеприпасы! А не для того, чтобы мы могли бежать на них. Мы не уйдем с ядерного центра.

— Будьте благоразумны,— сказал Эл Харди. Голос его звучал рассудительно, он достигал самых дальних концов зала. В нем, в этом голосе, чувствовались теплота, дружелюбие, понимание. Умение владеть своим голосом — это первое, что необходимо политику, а Эл Харди прошел хорошую школу. Тим по сравнению с ним был ноль.— Мы сможем прокормить всех. Нам понадобятся и инженеры, и техники. В войне с Новым Братством мы понесли людские потери,

зато не потеряли ни крупицы из запасов пищи. Мы даже захватили часть имевшихся у врага пищевых припасов. Мы не просто располагаем достаточным запасом пищи — мы имеем достаточно еды, чтобы без ограничений прокормиться всю зиму! Мы сможем прокормить всех, в том числе и оставшихся в живых людей Дика Вильсона (это женщины, дети и небольшое количество мужчин). Новому Братству нанесено поражение, тяжелое поражение.— Эл сделал паузу, пережидая вновь вспыхнувшие аплодисменты. И точно в тот момент, когда они смолкли, продолжил: — Сейчас Братство слишком ослабело, чтобы попытаться напасть на нас снова. К весне немногие выжившие людоеды умрут от голода...

— Или сожрут друг друга,— выкрикнул кто-то.

— Верно,— согласился Харди.— Когда настанет весна, мы можем присоединить к своим владениям захваченную ими территорию. Тим, теперь у нас нет необходимости гнать прочь своих друзей. Более того, нам нужны люди, чтобы обрабатывать имеющуюся сейчас у нас землю. Равно как и ту землю, которая к весне перейдет под наш контроль. Я не имел в виду, что ваши товарищи должны искать спасения в бегстве. Я имел в виду, что мы радушно примем их как наших гостей. Как наших друзей. Как наших новых сограждан. Все согласны?

Раздались крики: «Да, черт возьми!», «Мы будем рады им!»

Тим Хамнер протянул к толпе руки. Умоляюще протянул, ладонями вперед. Он шатался — ведь он был ранен в бедро. На глазах его вскипали слезы.

— Разве вы не понимаете?! Ядерный центр! Мы не можем оставить его! Но если мы не получим помощи, Новое Братство его уничтожит!

— Нет, черт возьми,— пробормотал Гарви. И почувствовал, как напряглась стоящая рядом Маурин.— Больше войн не будет,— сказал Гарви.— Хватит с нас. Харди прав.— Он глянул на Маурин, ожидая увидеть в ее глазах одобрение, но Маурин ответила ничего не выражающим взглядом

Джордж Кристофер расхохотался. Голос его, как и голос Эла Харди, разнесся по всему залу.

— Они, черт побери, слишком ослаблены, чтобы напасть на кого бы то ни было,— крикнул он.— Сперва мы потрепали их. А потом вы. Они будут без остановки удирать до самого Лос-Анджелеса. С какой стати нам беспокоиться из-за них? Мы гнались за этими ублюдками добрых пятьдесят миль!

В зале засмеялись. Маурин отодвинулась от Гарви, подошла к своему отцу. Встала позади него. Она заговорила, голос ее не разносился по залу, как голос Эла Харди. Но в этом голосе звучали такие нотки, что в конференц-зале воцарилась тишина. Все молча слушали, что говорит Маурин.

— У них еще есть оружие,— сказала она.— И, Тим, вы сказали, что их предводители еще живы...

— По крайней мере, один из них,— ответил Тим.— Сумасшедший проповедник.

— Значит, они снова попытаются уничтожить ядерный центр,— сказала Маурин.— Пока он жив, он будет пытаться добиться этого.— Она обернулась к Харди: — Эл, вы и сами это знаете. Вы слышали, что рассказывал Хьюго Бек. Вы это знаете.

— Да,— сказал Харди.— Мы не сможем защитить ядерный центр. Но я снова приглашаю всех, кто захочет, переселиться сюда. Жить вместе с нами.

— Это совершенно верно, что Братство больше не представляет угрозы для нас,— заявил Джордж Кристофер.— Они сюда не вернутся.

— Но...— неизвестно, что хотел сказать Харди, потому что его прервал взмах руки сенатора Джеллисона.— Слушаю, сэр. Вы хотите выступить со сцены, сенатор?

— Нет,— Джеллисон встал.— Давайте заканчивать побыстрее этот разговор,— сказал он. Его голос звучал глухо. Так говорят либо пьяные, либо смертельно уставшие люди, но все знали, что сенатор не был пьян.— Мы все согласны в одном, не так ли? Братство не имеет достаточно сил, чтобы представлять угрозу для нас, для нашей долины. Но их руководители еще живы, и они обладают достаточной мощью, чтобы уничтожить ядерный центр. Они это могут сделать не потому, что так сильны, но потому, что атомная электростанция слишком уязвима.

Хамнер аж подпрыгнул при этих словах. Он чуть не перебил сенатора, но не посмел. Когда он заговорил, то заговорил осторожно, взвешивая каждое слово. Но он слишком устал, осознание необходимости спасти АЭС было слишком сильным.

— Да! Мы уязвимы. Как этот кит,— он ткнул рукой в сторону витрины.— Как последний оставшийся в мире образец стьюбеновского хрусталя. Если ядерный центр остановится на один день...

— АЭС, как хрусталь, прекрасна и уязвима,— оборвал его фразу Эл Харди.— Сенатор, вы хотите сказать еще что-нибудь?

Джеллисон кивнул своей массивной головой.

— Только одно. Обдумайте все как следует. Тщательно. Это, может быть, будет наиболее важным решением, которое мы когда-либо принимали... с того дня,— он тяжело сел.— Продолжайте, пожалуйста.

Харди обеспокоенно поглядел на сенатора, потом жестом подозвал одну из стоящих поблизости женщин. Что-то сказал ей — слишком тихо, чтобы Гарви мог расслышать. Женщина ушла. Затем Эл снова встал у трибуны.

— Прекрасная и уязвимая,— сказал он.— Но вряд ли она может быть особо полезной для крестьянской общины...

— Особо полезной?! — взорвался Тим.— Энергия! Чистая одежда! Освещение!

— Это все роскошь,— оборвал Харди.— Какую ценность имеет то, о чем вы упомянули, для нашего выживания? Мы представляем собой сельскую общину. Все висит буквально на волоске. Какие-то считанные недели назад мы не знали, удастся ли нам пережить зиму. Теперь знаем: да, удастся. Какие-то считанные дни назад мы не знали, сможем ли дать отпор людоедам. Мы смогли дать им отпор. Положение у нас сейчас вполне благополучное, нам предстоит масса работы, и мы не можем приносить людские жизни в жертву ненужной нам войне.— Эл глянул в сторону Джорджа Кристофера.— Вы согласны, Джордж? Когда мы сражались, никто из нас не обратился в бегство. Но зачем добиваться новой войны?

— Я считаю, ни к чему,— ответил Кристофер.— Нашу войну мы уже выиграли.

Послышались невнятные возгласы одобрения. Гарви шагнул вперед, намереваясь тоже поддержать мнение Эла и Джорджа. Хватит войн, не будет больше этого... когда целишься из арбалета...

Он ощутил, как схватила его за руку стоявшая рядом Маурин. Она с мольбой смотрела на Гарви.

— Не дай им сделать эту глупость,— сказала она.— Заставь их понять! — рука ее упала с руки Гарви, Маурин нагнулась к сенатору.— Папа! Скажи им. Мы обязаны... сражаться. Потому что обязаны спасти атомную электростанцию.

— Зачем? — спросил Джеллисон.— Разве не достаточно было с нас этой войны? Впрочем, все это неважно. Я не могу приказать им. Они не согласятся, не пойдут воевать.

— Пойдут. Если ты скажешь им, то пойдут.

Джеллисон ничего не ответил. Маурин вновь обернулась к Гарви.

Взгляд Рэнделла не выражал желания понять ее.

— Послушай,— сказал Гарви.— Послушай Эла.

— Просто послать подкрепление недостаточно, Тим,— говорил Эл Харди.— Шеф Хартман, сенатор, мэр и я сегодня уже обсуждали эту проблему. Мы не забыли о вас! Цена чрезмерно высока! Вы сами сказали, что ядерный центр слишком уязвим. Недостаточно поставить там гарнизон, недостаточно пополнить количество находящихся на АЭС бойцов. Нужно как-то не допустить, чтобы хоть один — всего один! — снаряд, пущенный из мортиры Братства, попал в, так сказать, болевую точку АЭС. Скажите, если б тот работник электростанции не перекрыл паровой клапан, разве это не означало бы уничтожение АЭС?

— Да, означало бы,— прорычал Тим.— Это означало бы, что нам конец. И тогда двадцатилетний парнишка ради спасения электростанции сознательно пошел на смерть. И генерал Бейкер тоже сделал свой выбор.

— Тим, Тим,— умоляюще сказал Харди.— Вы ничего не поняли. Если просто послать подкрепление, никакой пользы не будет. Послушайте, мы пошлем добровольцев. Разрешим отправиться на АЭС каждому, выразившему такое желание. И дадим им достаточное количество пищи и боеприпасов...

Лицо Тима просветлело, но лишь на мгновение.

— Но никакой пользы от этого не будет. Вы и сами все понимаете. Чтоб спасти ядерный центр, нам нужно послать туда все свои силы. Всех — до единого человека. Ибо в таком случае надо не защищать электростанцию, а самим атаковать Новое Братство. Преследовать их, драться с ними, стереть их с лица земли. Захватить все имеющееся у них оружие. А затем расставить заставы по берегам озера, пустить патрули. Не позволять врагу приблизиться к АЭС на расстояние, по крайней мере, мили. Для этого потребуются все имеющиеся в нашем распоряжении силы, Тим. Цена ужасающе высока.

— Но...

— Обдумайте это,— перебил Харди.— Патрули. Шпионы. Оккупационная армия. И все для того, чтобы остановить одного — всего лишь одного! — фанатика, могущего нанести один — всего лишь один! — удар в какую-либо болевую точку АЭС. Не дать ему нанести удар, который остановит электростанцию хотя бы на один — всего лишь один! — день. Задача состоит именно в этом. Так?

— В настоящее время — так,— согласился Тим.— Но если обеспечить мир и спокойствие хотя бы на несколько недель, Прайс успеет ввести в действие вторую очередь. И тогда, пока идет ремонт на первой очереди, вторая будет продолжать работать.

Большинство собравшихся в зале были трезвы и могли рассуждать здраво. Последние запасы спиртных напитков (равно как и запасы кофе) кончились. Бормотание голосов — люди переговаривались друг с другом, спорили. Но похоже, большинство не согласно с Тимом. Так и должно было случиться, подумал Гарви. Больше никаких войн не будет.

Но... Он посмотрел на Маурин. Теперь она рыдала, не скрывая. Из-за Бейкера? Бейкер сделал свой выбор. А будь воля Маурин, она не дала бы ему бесполезно погибнуть,— так? Ее глаза встретились с его глазами.

— Скажи им,— прошептала она.— Заставь их понять.

— Я и сам-то ничего не понимаю,— сказал Гарви.

— Это — о том, какие границы являются для нас допустимыми,— сказала Маурин.— Цивилизация имеет те этические нормы, которые она может себе позволить. Мы себе многого позволить не можем. Мы не можем позволить себе проявлять к врагам милосердие... ты знаешь, что я имею в виду.

Гарви передернуло. Он это хорошо знал.

Вошла Леонилла Малик. Она прошла кружным путем, через кабинет мэра. Наклонилась к сенатору:

— Мне сообщили, что вы нуждаетесь во мне.

— Кто вам это сказал? — спросил Джеллисон.

— Мистер Харди.

— Со мной все в порядке. Возвращайтесь в госпиталь.

— Сейчас на дежурстве доктор Вальдемар. У меня есть несколько свободных минут.— Не обращая внимания на протест сенатора, Леонилла заботливо осмотрела его. Вид у нее был очень профессиональный и внушающий доверие.

— Мы должны подсчитать, чего нам это будет стоить,— продолжал говорить Харди.— Вы требуете, чтобы мы рискнули всем. Сейчас у нас есть гарантия того, что мы выживем. Мы живы. Последняя наша битва позади, мы сражались и победили. Тим, электрическое освещение не стоит того, чтобы отбрасывать все достигнутое.

От усталости и боли Тима Хамнера зашатало.

— Мы не оставим АЭС,— сказал он.— Мы будем драться. Мы все будем драться.— Но в голосе Тима не чувствовалось силы. В нем звучала лишь безнадежность.

— Сделай что-нибудь,— сказала Маурин.— Скажи им.— Она снова вцепилась в руку Гарви.

— Лучше скажи ты сама.

— Я не могу. Но ты теперь герой. Это твоя группа сдерживала солдат Братства...

— Твое положение здесь в любом случае достаточно высоко,— ответил Гарви.

— Давай скажем им и ты и я,— попросила Маурин.— Поддерживай меня. Скажем им вместе.

Но для чего это все, подумал Гарви. Зачем ей это, черт побери? Завелась ли она так именно из-за ядерного центра? Или потому, что ее гложет память о Джонни Бейкере? Или потому, что то, что рядом с Джорджем Кристофером оказалась Мария, вызывает у нее ревность? Но каковы бы ни были движущие ею мотивы, она сейчас, в сущности, предлагает ему, Гарви, руководство «Твердыней». И во взгляде Маурин ясно читалось, что другого подобного случая не будет.

— Нам придется выбить их с занятой территории,— говорил Харди.— Дик этого сделать не смог...

— А мы сможем! — закричал Тим.— Вы уже били их! Сможем! Сможем и захватить, и удержать за собой их землю!

Харди очень серьезно кивнул:

— Да, полагаю, что сможем. Сможем удержать за собой их территорию. Но сперва надо занять ее... и при этом нечего надеяться на волшебное оружие. Когда сам атакуешь, от газовых бомб и гранат особого проку не будет. Мы потеряем много людей. Много людей. Во сколько жизней вы оцениваете ваше электрическое освещение?

— Оно стоит многих жизней.— Голос Леониллы Малик разнесся по всему залу.— Если бы у меня в операционной прошлой ночью было такое освещение, если бы в операционной было по-настоящему светло, я бы спасла по меньшей мере на десять человек больше.

Маурин подошла к сцене. Гарви поколебался, потом двинулся вслед за нею. Что она скажет? Нужно снова вставлять обоймы в винтовки. «Вив ля републик!», «За короля и страну!», «Долг, честь, родина!», «Помни Аламао!», «Либертэ! Эгалитэ! Фратернитэ!» Но никто никогда не шел в бой, крича: «Высокий жизненный уровень!» или: «Горячий душ и электробритвы!»

И как насчет меня, думал он. Когда я дойду туда, это будет означать, что я за новую битву. И когда Новое Братство нападет на АЭС снова (у них будет другой плот, и на этом плоту будут опять установлены мортиры), мне придется быть первым среди тех, кто пойдет в бой, и первым среди тех, кому предстоит быть разнесенным снарядом на куски. И что я буду кричать, умирая? Он вспомнил битву: грохот, чувство полнейшего одиночества, страх. Стыд, охватывающий тебя в момент бегства. Ужас, если ты принудил себя не бежать. В какие-то моменты — да, приходилось спасаться бегством, но не бежать приходилось гораздо чаще. Точнее, почти постоянно. Рационально мыслящая и действующая армия *должна* все время спасаться бегством... Шагая вслед за Маурин, Гарви взял ее за руку. Она обернулась, ее взгляд был... полон абсолютного доверия и любви. Она заговорила тихо, чтобы никто другой не мог услышать ее:

— Все мы должны делать свое дело,— сказала она.— И это правильно. Ты понимаешь, что это правильно?

Они лишь чуть запоздали, но запоздали. Высказав свое мнение, Эл Харди уже отошел от трибуны. Толпа начала рассасываться, люди переговаривались. Гарви слышал обрывки разговоров:

«Черт возьми, не знаю. Но абсолютно уверен, что драться мне больше не хочется». «Проклятие, из-за этой АЭС пожертвовал со-

бой Бейкер. Разве это ничего не означает?». «Я устал, Сью. Пошли домой».

Рик Деланти, прежде чем Харди успел спуститься со сцены, протолкался вперед.

— Сенатор сказал, что решение, которое нам предстоит принять,— решение большой важности,— сказал Рик.— Давайте обсудим все, не откладывая, сейчас.— Гарви с облегчением увидел, что Рик уже не выглядел как человек, готовый совершить убийство, но настроен он был, похоже, очень решительно.— Эл, вы сказали, что эту зиму мы наверняка переживем. Нельзя ли на эту тему поговорить чуть поподробнее?

Харди пожал плечами.

— Как вам угодно. Мне казалось, что все уже сказано.

Улыбка Деланти была явно искусственной.

— А, дьявольщина! Эл, мы как раз все собрались здесь, а спиртного больше нет, и завтра опять двигать валуны с места на место. Давайте прямо сейчас поговорим поподробнее. Обсудим. Мы переживем зиму?

— Да.

— Но кофе у нас не будет. Кофе у нас больше нет.

Харди нахмурился.

— Так.

— Как мы будем чинить свою одежду? Нужно ждать наступления ледников. Одежда просто сгниет — прямо на нас. Сможем ли мы добыть что-нибудь из затопленных сейчас водой магазинов?

— Пластиковые предметы одежды, возможно. Но с этим можно подождать, теперь не нужно опасаться, что Новое Братство успеет опередить нас.

Странно, но никто на этот раз не зааплодировал.

— Одежду по большей части придется изготовлять самим. Или, так сказать, отстреливать,— Харди улыбнулся.

— Транспорт? Легковые автомашины и грузовики — все это обречено на вымирание. Как род животных, где все производители оказались стерильными. Так, видимо? Меня интересует: не заездим ли мы своих лошадей?

Эл Харди почесал рукою в затылке.

— Нет, мне кажется, что хотя бы какое-то время нет... Нет. Лошади размножаются довольно медленно. Но грузовики мы сможем использовать еще не один год.

— Чего еще у нас нет? Пенициллина?

— Да...

— Аспирина тоже нет? И спиртных напитков. И никаких обезболивающих медикаментов.

— Спиртное мы сможем изготовлять сами!

— Итак, мы выживем. Проживем эту зиму, а потом следующую, а потом ту, что за ней.— Рик сделал паузу, но прежде чем Харди успел хоть слово сказать, он загремел: — Будем жить крестьянской жизнью! У нас здесь на сегодня намечено еще одно мероприятие. Детям, поймавшим за текущую неделю наибольшее количество крыс, будут выдаваться награды. Легко видеть, что так нам и предстоит провести остаток нашей жизни. Наши дети вырастут как вполне квалифицированные крысоловы и свинопасы. Почетная работа. Необходимая работа. Никто не вправе пренебрегать ею. Но... разве не хочется нам надеяться на что-либо получше?! А еще мы введем рабство,— продолжал Деланти.— Не потому, что нам хочется иметь рабов. А потому, что они необходимы нам. *Это нам-то, владевшим молниями!*

Эти слова наотмашь ударили Гарви Рэнделла. Они причинили ему почти физическую боль. Он видел, что остальные ощутили точно то же. Во всяком случае, большинство. Они застыли, они уже не могли уйти из зала.

— Безусловно, здесь, в этой долине, мы прожить кое-как сможем. Если прозябание можно назвать жизнью! — закричал Деланти.— Мы можем не вылезать отсюда, мы будем в безопасности, и будут подрастать наши дети, гоняя свиней на выпас и собирая дерьмо. Здесь есть многое, чем мы по праву можем гордиться, потому что дела у нас обстоят намного лучше, чем могли бы быть... Но разве этого достаточно? Достаточно ли для нас, подчеркиваю, для нас! — прозябать в безопасности, оставив всех остальных на погибель? Все вы говорили, что вам очень жалко людей, которых вы не пускали к себе. Что вам очень жалко тех, кого вы отсылали обратно во внешний мир. Что ж, теперь у нас появилась иная возможность. Мы можем превратить весь внешний мир, всю эту проклятую долину Сан-Иоаквин в столь же безопасное место, как наша «Твердыня».

Или мы можем выбрать другой путь. Мы можем, не высовывая носа, оставаться здесь. Будем в безопасности, как... как суслики. Но если мы откажемся от борьбы в этот раз, то то же самое произойдет и в следующий раз. И еще раз, и еще. И через пятьдесят лет ваши потомки, услышав гром, будут прятаться под кроватью! Туда всегда лезли, прячась от гнева богов. Крестьяне в древние времена... во все времена верили, что гром — это оружие богов.

А комета! Мы-то знаем, что такое комета. Случись все это через десять с небольшим лет, мы смогли бы столкнуть эту чертову комету с дороги Земли! Я был в космосе. Мне там уже больше не бывать, но ваши дети смогут снова выйти в космос! Смогут, черт побери! Если у нас будет атомная электростанция, то через двадцать лет мы снова выйдем в космос. Мы обладаем необходимыми знаниями, все, что нужно будет,— это энергия, а

источник энергии находится там, не далее чем в пятидесяти милях отсюда. Будет там находиться, если у вас хватит мужества, чтобы спасти его от уничтожения. Подумайте над этим. У вас есть выбор. Продолжать прежнюю жизнь и окончательно стать крестьянами. Крестьянами, как в добрые старые времена. Обладающими личной безопасностью крестьянами. Или снова завоевывать Вселенную. Снова овладеть молниями.

Рик сделал паузу, но не настолько длинную паузу, чтобы кто-нибудь успел высказать свои возражения.

— Я отправляюсь защищать АЭС,— сказал он.— Леонилла?

— Конечно.— Леонилла Малик подошла к сцене.

— Я тоже! — с дальнего конца зала крикнул генерал Яков.— Чтобы мы овладели молниями!

— Пора.— Гарви шлепнул Маурин по заду и быстрым шагом пошел к сцене. Очень быстрым шагом: момент упускать нельзя. Решение было единственным и простым. Гарви четко знал, какие слова он выкрикнет через миг.

— Отряд Рэнделла?!

— Конечно,— закричал в ответ кто-то.

И уже рядом с Гарви встала Маурин, и проталкивался вперед какой-то фермер, и возле Гарви уже были Тим Хамнер и мэр Зейц. Мария Ванс и Джордж Кристофер яростно спорили. Это хорошо! Мария входила в отряд Рэнделла, а не в группу Кристофера. Значит, Кристофер тоже присоединится.

Эл Харди застыл в смущении. Ему хотелось что-то сказать, но приказ, светившийся в глазах Маурин, заставлял молчать.

Он еще может остановить этот порыв, подумал Гарви Рэнделл. И это потребует от него не таких уж больших усилий. Раз все согласны, дать задний ход будет, конечно, нелегко, однако такое еще возможно. Но когда порыв наберет инерцию, его уже ничем не остановишь. Эл Харди обладает достаточной властью, чтобы все переменить, пока не поздно...

Харди перевел взгляд от Маурин на сенатора. Старик привстал со своего кресла, он задыхался, разевая рот, и рухнул обратно в кресло. Леонилла кинулась к Джеллисону, но он жестом остановил ее, кивком подозвал к себе Харди.

— Эл,— просипел он.

Леонилла принесла с собой свою медицинскую сумку скорой помощи. Эта сумка и сейчас находилась в кабинете мэра. Леонилла открыла сумку, выхватила шприц. Преодолев слабое сопротивление сенатора, она расстегнула ему куртку и рубашку, быстро протерла тампоном грудь. И воткнула иглу прямо в грудь, рядом с сердцем.

Эл Харди прорывался сквозь толпу как сумасшедший. Пробился, упал на колени возле задыхающегося сенатора. Джеллисон бился, корчился в кресле. Пытался руками дотянуться до своей груди, но руки держали шеф Хартман и еще кто-то. Глаза сенатора остановились на Эле Харди.

— Эл...

— Слушаю, сэр,— Харди отозвался задушенно, почти неслышно. Наклонился ближе к сенатору.

— Эл, не мешайте моим потомкам вновь овладеть молниями,— ясным голосом сказал сенатор. Этот голос разнесся по всему залу. На короткое мгновение глаза Джеллисона ярко вспыхнули. Но тело сенатора обмякло, и окружающие услышали лишь тихий, тут же оборвавшийся шепот:— Пусть они снова овладеют молниями.

ЭПИЛОГ

Земля —
слишком маленькая
и хрупкая корзина,
чтобы человечество
складывало
в нее все яйца.

Роберт А. Хайнлайн

На вершине невысокого холма стоял Тим Хамнер. Он перенес тяжесть своего тела с ноги на ногу, и в нагрудном кармане его хрустнула бумага.

Пологий склон внизу кипел активностью. Земля готовилась к севу, бороны тащили лошади и быки, а соседние участки уже вспахивались с помощью тракторов, работающих на метаноле. На взборонённой земле сверкали мириады белых снежинок. Обогащенная горчичным газом и трупами солдат армии Нового Братства, эта земля даст обильный урожай.

По дороге с негромким жужжанием ехали три электромобиля. Такой же электромобиль стоял возле Тима Хамнера — садись и поехали. Пора уже возвращаться, ехать туда, где ждет работа, но Тим постоял еще несколько лишних мгновений. Он наслаждался ярким солнечным светом и ярко-голубым весенним небом. Прекрасный сегодня выдался день.

Перед ним расстилалось море Сан-Иоаквин. Значительная его часть превратилась теперь в обширное болото. В море, если посмотреть прямо вперед, виднелся невысокий остров. На этом острове располагался лагерь для пленных солдат Братства, для тех из них, кто не захотел посвятить свою жизнь сельскому хозяйству. Лагерь организовал Яков. Все его называют Товарищем... и Товарищ никак не отказался от идеи коммунизма. Но марксистская теория утверждает, что история в своем развитии должна проходить определенные стадии. От рабовладельческого общества к феодализму, от феодализма к капитализму. А долина к настоящему моменту едва ли миновала рабовладельческую

стадию своей истории. На протяжении долгого времени для строительства коммунизма на этой земле никаких предпосылок не будет. Так что Товарищу покамест приходится заниматься перевоспитанием пленных.

Тим пожал плечами. Товарищ и Хукер поддерживают в лагере порядок. Пленные тоже занимаются сельским хозяйством. А если кто-нибудь из них сбежит, никого это не обеспокоит.

Если посмотреть налево, то далеко к югу увидишь белые плюмажи пара, поднимающиеся над ядерным центром. Если перевести взгляд поближе, увидишь бригады рабочих, тянущих провода электропередачи. Тим попытался представить, на что будет похожа новая жизнь,— но представить это было трудно. Зима была тяжелой. Дьявольски тяжелой. Ребенок, родившийся у Эйлин, чуть не умер, он и сейчас находится в больнице. Детская смертность превышала пятьдесят процентов, но теперь она постепенно уменьшается. А записи Форрестера свидетельствуют, что, когда будут найдены книги, оставленные им в Туджунге, обитатели долины будут знать, как изготовляется пенициллин.

Записи Форрестера. Это и составляет работу Тима — записать, перевести на бумагу кассеты и кассеты магнитозаписей, надиктованные перед смертью Даном Форрестером. Может быть, удалось бы успеть изготовить инсулин, если бы все силы не ушли на защиту АЭС. И разумеется, Дан Форрестер хорошо понимал, что лично для него означает решение защищать ядерный центр. Зима стоила жизни волшебнику «Твердыни». Помимо Форрестера, умерли и многие другие. А вот узнать, что твой друг остался в живых,— это всегда приятно. Тим похлопал себя по карману.

Прошлое иногда накидывается на тебя без предупреждений. Вот это да! Тим Хамнер похлопал по карману, где лежала телеграмма. Половина кометы! Китт-Пик подтвердил его открытие. Тим яростно затряс головой и рассмеялся про себя. Сейчас это была не телеграмма, а лишь истрепавшийся, сморщенный (ему часто приходилось бывать под дождем) обрывок бумаги. Этот клочок вчера доставил Тиму почтальон Гарри: долговая расписка на 250 000 долларов.

Гарри Стиммс жив! Что теперь предложить ему в обмен на эту расписку? Работу на атомной электростанции? Стиммс явно обладает техническими наклонностями (и способностями тоже), а работники АЭС в долгу перед Тимом. А если устроить Стиммса на АЭС не удастся... может быть, тогда имеет смысл подарить ему стельную корову? Такая корова стоит уж в любом случае больше, чем 250 000 долларов. Тим щурился и уставился в небо, он был очень собой доволен.

Небо пересекала тонкая белая линия. Кончик ее продвигался вперед прямо на глазах. Еще какое-то мгновение Тим все не мог понять, что это такое. Закричать, поднять тревогу? Но как же эта штука называлась прежде?!

— Ин... инверсионный след! Реактивный самолет!

В «Твердыне» были получены некоторые сообщения из Колорадо-Спрингс. Так, было известно, что часть воздушного флота уцелела. Когда Гарви и Маурин вернутся из своей поездки в Туджунгу, к очистному баку, следующее, что им предстоит, это заключить соглашение с Колорадо-Спрингс. Но хотя радио и донесло весть о самолетах, совсем другое дело увидеть взаправдашний самолет своими собственными глазами. Увидеть эту тонкую белую линию, пересекающую небо. Тим давно забыл, какое это прекрасное зрелище.

Тим приветственно махнул рукой самолету.

— Вы можете летать,— сказал он. И с каждым словом голос его усиливался: — Вы можете летать. Зато мы владеем молниями.

* * *

Астероид был порожден крутившимся в пустоте космоса чудовищным водоворотом. Неправильной формы железно-никелевая глыба с каменными вкраплениями. Длина наибольшей оси астероида составляла три мили. Невидимый человеческому глазу громадный астероид оказался выбитым со своей орбиты мощным полем тяготения Юпитера и выброшен в межзвездное пространство.

Это случилось на втором витке длинной, почти эллиптической орбиты вращения астероида. Его железная поверхность покрылась странными, неизвестными на Земле льдами. Астероид прошел верхнюю точку кривой и начал свое возвращение обратно к Солнцу.

На пути его оказалась гигантская черная планета. Кольцо планеты, состоящее из снеговых кометных комьев, сияло в свете звезд. Кольцо было широким, оно сверкало, оно было прекрасным. Инфракрасный свет пронизывал волнующуюся, словно раздергиваемую штормами, поверхность кольца, его струи и сгущения. Здесь, в межзвездном пространстве, единственным небесным телом, обладающим значительной массой, была лишь черная планета. Астероид изменил направление полета на сближение с нею.

Льды, покрывавшие железную поверхность астероида, начали таять. Их разогревало тепло инфракрасного света. Укра-

шенная кольцом планета приближалась, росла. Делалась все огромнее.

Со скоростью двадцать миль в секунду астероид пропорол плоскость кольца. Теперь он удалялся от планеты. От столкновений его поверхность покрылась вмятинами. Даже не вмятинами, а светящимися кратерами. Собственное, пусть и небольшое, гравитационное поле астероида притянуло к нему осколки ледяного вещества кольца. Эти осколки астероид уносил с собой. Они были словно свита, они летели как впереди астероида, так и вслед ему. Они, эти осколки, выстроились в определенном порядке — нечто вроде изогнутых рукавов спиральной галактики.

Астероид в сопровождении осколков кометного вещества вырвался из поля тяготения черного гиганта. И началось его долгое падение в глубь водоворота Солнечной системы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ 5

НАКОВАЛЬНЯ

ЯНВАРЬ: предзнаменование 9
ЯНВАРЬ: интерлюдия 24
ФЕВРАЛЬ: один 31
ФЕВРАЛЬ: два 42
МАРТ: один 53
МАРТ: интерлюдия 64
МАРТ: два 82
АПРЕЛЬ: один 88
АПРЕЛЬ: интерлюдия 101
АПРЕЛЬ: два 113
МАЙ 125
ИЮНЬ: один 144
ИЮНЬ: интерлюдия 155
ИЮНЬ: два 161
ИЮНЬ: три 172
ИЮНЬ: четыре 188

МОЛОТ

УТРО ПАДЕНИЯ МОЛОТА 209
ПАДЕНИЕ МОЛОТА: один 218
ВТОРНИК КАТАСТРОФЫ: один 232
ПАДЕНИЕ МОЛОТА: два 252
ВТОРНИК КАТАСТРОФЫ: два 272
ВТОРНИК КАТАСТРОФЫ: три 291
ВТОРНИК: день 308

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

БОГАЧ, БЕДНЯК 323
ВЛАДЕЛЕЦ 336
ПОЧТАЛЬОН: один 350
ПОЧТАЛЬОН: два 368
ТВЕРДЫНЯ: один 377
УБЕЖИЩЕ 399
НИЩИЙ 412
ТВЕРДЫНЯ: два 434

ПОСЛЕ ПРИШЕСТВИЯ

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ: принцесса 445
ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ: горцы 455
ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛЯ: бродяги 467
ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛЯ: пророк 484
ШЕСТАЯ НЕДЕЛЯ: правосудие 513

ДЕВЯТАЯ НЕДЕЛЯ: организатор 519
КОНЕЦ ПУТИ 538
РАССКАЗ ИЗГНАННИКА. 557
ВОЛШЕБНИК 580
ЭКСПЕДИЦИЯ 584
ТЕ, КЕМ ЖЕРТВУЮТ 618
ДОЛИНА СМЕРТИ 639
ПОСЛЕДСТВИЯ 657
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ 675

ЭПИЛОГ 697

Оглавление 701

Подписано к печати 26.02.93.
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 44.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2379.
ТОО «Лантерна».
103055, Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, дом 21/23.
По заказу ИФФ ДИАС
Москва, Мичуринский пр-кт, д. 18, кор. 2.
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Можайском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации
Российской Федерации.
143200, Московская обл.,
г. Можайск,
ул. Мира, 93.

